

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

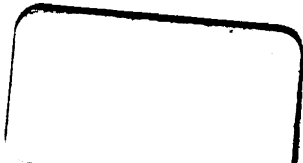
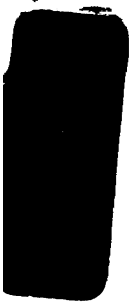
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919787 1

Двѣнадцатая книжка «Русскаго Вѣстника» за 1861 годъ,
а равно первая книжка «Русскаго Вѣстника» за 1862
годъ выйдутъ обѣ въ продолженіи января мѣсяца.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

511103

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

1861

НОЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- ✓ I.—ПОСЛАНІЕ ПОСОЛЬСТВО АНГЛІЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ ЕЛИСАВЕТЫ КЪ ЦАРЮ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ. Сэръ-Еремѣй Баусъ. Ю. В. ТОЛСТАГО.
- ✓ II.—ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ТРОПИНИНЪ. Н. А. РАМАЗАНОВА
- III.—ЗАПИСКИ ГАРИБАЛЬДІЙЦА. (Окончан.) М.
- IV.—СУДЬБА ИЛИ ХАРАКТЕРЪ? (Повѣсть.) ОЛЫГИ Н.
- V.—ЗАПИСКИ ГИЗО. Испанскія дѣла: министерство Моле и коалиція. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, par M. Guizot. Tome IV. 1861. К. К. АРСЕНЬЕВА.
- VII.—ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВѢКА. Единство рода человѣческаго. IV.—Объ измѣняемости органическихъ существъ. V.— Происхожденіе разновидностей и образованіе породъ въ существахъ органическихъ. Статьи Катрафажа.
- VII.—ЧЕШСКАЯ ДЕРЕВНЯ. Село Гудлицы. А. С. ТРОЯНСКАГО.
- VIII.—ИСТИНА. Восточное сказаніе. Б. Н. АЛМАЗОВА.
- IX.—НА ХОЛМЪ (Изъ записокъ Черкеса.) КАЛАМБЯ.
- X.—ПЛАЧЪ ПРОВИНЦІЯЛА. ИВ. ВЕСЕНЬЕВА.
- XI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ. (См. на оборотѣ.)

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

33

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

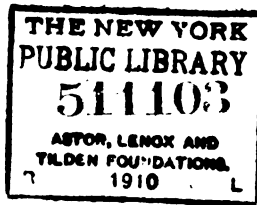
ТОМЪ ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

—
1861.

3/11

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 8-го декабря 1861 года.

Цензоръ *А. Петровъ.*

ПОСЛѢДНЕЕ ПОСОЛЬСТВО

АНГЛІЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ ЕЛИСАВЕТЫ

КЪ ЦАРЮ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

СЭРЪ-ЕРЕМЪЙ БАУСЪ

I.

«Наипресвѣтлѣйшій княже, братъ нашъ и пріятель любительнѣйшій!

«Изъ рѣчей именитаго посла вашего пресвѣтлѣйшества мы уразумѣли, сколько угодимъ мы вамъ, отправивъ къ вашему пресвѣтлѣйшеству посла нашего, снабженнаго отъ насъ наказами. Столь лестное требованіе такъ душевно насъ обрадовало, что мы не могли успокоиться доколѣ его не исполнили. Пока мы оное обдумывали, намъ благовременно пришелъ на память и явился на глаза *Еремъй Баусъ*, рыцарь изъ дворянъ дома нашего, весьма нами любимый. Посылая его къ вашему пресвѣтлѣйшеству, мы поручили его благоразумію и вѣрности все, что, по мнѣнію нашему, можетъ послужить къ обоюдному возвеличенію достоинства пресвѣтлѣйшествъ нашихъ. Нисколько не сомнѣваемся, что въ отправленіи этой обязанности онъ употребитъ всякое стараніе и рвеніе; но просимъ, однакоже, чтобы, при исполненіи имъ данныхъ ему отъ насъ наставленій, ваше пресвѣтлѣйшество соизволило дать

ему такую же вѣру, какую бы почли нужнымъ дать намъ, если бы мы лично присутствовали.»

Таковъ отзывъ королевы англійской Елисаветы о сэрѣ-Еремѣ Баусѣ въ писанной ею 8-го іюня 1583 г. изъ Гринича латинской грамотѣ на имя царя Ивана Васильевича ¹.

Не менѣ лестна похвала, воздаваемая Баусу въ наставленіяхъ, данныхъ ему за ея подписью, въ маѣ того же года. Въ нихъ сказано: «Мы признали за благо избрать васъ какъ во уваженіе мнѣнія, которое имѣемъ о способности вашей исполнить порученіе наше къ нашему удовольствію, такъ и изъ желанія угодить царю, который черезъ посла своего просилъ насъ прислать къ нему дворянина съ такими качествами, какими, по нашему мнѣнію, вы обладаете.»

На основаніи этихъ данныхъ слѣдовало бы предположить, что Баусъ былъ искуснымъ дипломатомъ и человѣкомъ извѣстнымъ королевѣ съ лучшей стороны. Но такое предположеніе опровергается поведеніемъ его въ Россіи, которое обличаетъ въ немъ надменность человѣка не привыкшаго къ важности посланническаго званія и малодушную обидчивость ничтожнаго царедворца, возведеннаго на степень значенія, котораго онъ не въ правѣ былъ ожидать.

Заключеніе это подтверждается записками Баусова современника, Горсея. Хотя этого послѣдняго, который, по клеветѣ Бауса, едва не лишился милости Елисаветы, нельзя не подозрѣвать въ лицепріятіи при оцѣнкѣ качествъ своего врага, нѣтъ однакоже повода сомнѣваться въ справедливости приводимаго имъ извѣстія, что Баусъ тогда только былъ назначенъ посланникомъ къ царю, когда сэрѣ-Уилліамъ Россель (третій сынъ графа Бедфордскаго) отказался отъ этого званія, и что назначеніемъ своимъ Баусъ обязанъ былъ обществу купцовъ, торгующихъ съ Московіей; изъ нѣкоторыхъ же хранящихся въ Лондонскомъ королевскомъ архивѣ бумагъ видно, что ходатаемъ за сэрѣ-Еремѣя въ этомъ обществѣ былъ братъ его Ральфъ Баусъ, также придворный Елисаветы и *главный надзиратель и распорядитель ея охотничьихъ потѣхъ*.

Между тѣмъ исполненіе порученій, возложенныхъ на сэрѣ-Еремѣя Бауса, требовало довольно большаго дипломатическаго

¹ Въ сборникѣ Гаклюйта грамота эта ошибочно показана написанною 19-го іюня; на подлинникѣ ея, хранящемся въ московскомъ главномъ архивѣ, подписано 8-е число.

искусства. Присланные передъ тѣмъ посланникъ царскій Писемскій и гонецъ Эгидій Крау (Giles Crow) привезли королеву отъ царя три равно для нея непріятныя предложенія: 1) заключить между Англіей и Россіей оборонительный и наступательный союзъ, который вовлекъ бы Англію въ войну съ Польшей и Швеціей и усилилъ бы непріязнь ея съ Даніей, 2) устроить бракъ царя съ Маріей Гастингсъ, дочерью графа Гѣнтингдонскаго, который не желалъ этого брака; и наконецъ 3) общать царю убѣжище въ Англіи въ случаѣ если, по какой-либо невзгодѣ, онъ принужденъ будетъ оставить свое государство,—требованіе особенно щекотливое, съ одной стороны по трудности отказать въ гостепріимствѣ, съ другой—по весьма понятному убѣжденію, что нельзя было отъ самовластительнаго царя Ивана Васильевича ожидать того подчиненія законамъ гражданскимъ, которое составляетъ первое, непремѣнное и для государя и для послѣдняго подданнаго, условіе жизни въ Англіи.

Разсмотрѣніе взаимныхъ отношеній царя и королевы дасть еще болѣе понятія объ осторожности, которую необходимо было употребить для отклоненія или, по крайней мѣрѣ, для обусловленія этихъ предложеній. Для Елисаветы царь московскій былъ не болѣе какъ властелинъ страны полудикой, но обильной дарами природы, на дѣвственную почву которой случай привелъ ея подданныхъ; она не думала ни о какихъ другихъ съ нимъ сношеніяхъ кромѣ торговли, обогащавшей ея подданныхъ сырыми произведеніями, и открывавшей имъ выгодный сбытъ для англійскихъ издѣлій. Если царь московскій въ глазахъ Елисаветы и стоялъ, можетъ-быть, немного выше султана, шаха и владѣтелей варварійскихъ¹, то потому развѣ, что подданнымъ ея пролегалъ черезъ Россію путь въ Персію и другія

¹ Въ современныхъ каталогахъ Англичанъ, собиравшихъ при Елисаветѣ и Яковѣ I разныя географическія свѣдѣнія и офиціальныя документы, бумаги о Россіи находятся обыкновенно въ одномъ разрядѣ съ актами, относящимися къ Турціи, Персіи и Варварійскимъ владѣніямъ. Есть повелѣніе Карла I (13 марта 1630 г.) о назначеніи особаго чиновника для *переписки, раскрашиванія и разукрашенія* (to be written, lymned and garnished) *золотомъ и красками* грамотъ, посылаемыхъ къ великому синіору (султану), къ царю (шаху) персидскому, къ императору (царю) русскому, къ великому моголу и къ другимъ отдаленнымъ государямъ. (W. N. Sainsbury. *Original papers relating to Rubens*. London. 1859. p. 272 n.)

прикаспійскія страны путь безопасный отъ враговъ Англіи, Французовъ, Испанцевъ, Португальцевъ, и что черезъ Россію же надѣялись они отыскать путь въ землю *Катайскую*.

Не такъ понималъ свои отношенія къ Елисаветѣ царь Иванъ Васильевичъ. Онъ хотѣлъ «содержать съ нею братскую любовь не для гостинной торговли, а для своего государственнаго обычая.» По совѣтамъ кембриджскаго врача Бомеля, имѣвъ одно время намѣреніе жениться на Елисаветѣ, онъ какъ будто бы на всю жизнь сохранилъ какое-то нѣжное, почти мечтательное къ ней чувство, необъяснимое никакими другими явленіями его характера. Онъ видѣлъ въ ней вѣрнаго, надежнаго друга. И когда Крымцы жгли Москву, Поляки осаждали Псковъ, Шведы подходили къ Новгороду и даже Датчане захватывали часть Ливоніи, когда во всѣхъ своихъ приближенныхъ царь видѣлъ умыслениковъ на свою жизнь,—онъ снаряжалъ корабли, отправлялъ свои сокровища въ Вологду, и собирался оттуда плыть въ Англію, гдѣ былъ увѣренъ найти у «любительной сестри своей Елизаветы королевны» убѣжище и защиту отъ недруговъ своихъ.

Тѣмъ сильнѣе былъ гнѣвъ Іоанна, когда посланники Елисаветы «уродственнымъ обычаемъ» уклонились отъ прямыхъ отвѣтовъ по поводу его «государевыхъ великихъ дѣлъ», то-есть оборонительнаго и наступательнаго союза и приѣма, на случай его бѣгства въ Англію, и когда они вели переговоры о дѣлахъ *мужичьихъ*, то-есть торговыхъ. Примѣръ такого гнѣва и его послѣдствій, Елисавета уже видѣла однажды, именно въ 1570 году, когда, раздраженный тѣмъ, что королева не отослала къ нему отправленнаго въ Англію гонцомъ въ 1567 (именно по поводу этихъ *великихъ дѣлъ*) «Онтонъ Енкина», то-есть Антона Дженкинсона, царь объявилъ, что всѣ данныя Англичанамъ «грамоты не въ грамоты», захватилъ всѣ ихъ товары и написалъ къ Елисаветѣ исполненную укоровъ грамоту ¹. «Мы чаяли того, сказано въ ней, что ты на своемъ государствѣ государыня, и сама владѣешь, и соблюдаешь свою государскую честь и выгоды своего государства. А у тебя помимо тебя люди владѣютъ, да и не то что люди, а торговые мужики; и они не радѣютъ о нашихъ государскихъ головахъ, о нашей чести, о нашихъ государствахъ, а

¹ Отъ 24 октября 1570.

лишь ищутъ своихъ торговыхъ прибытковъ. А ты какъ есть пошлая ¹ дѣвица, такъ въ своемъ дѣвическомъ чину и пребываешь.»

Примѣръ этотъ ясно указалъ Елисаветѣ чего можно было ожидать отъ царя при такомъ отсутствіи въ немъ всякаго понятія о правѣ народномъ. Но торговля съ Россіей представляла Англіи слишкомъ много выгодъ, и слишкомъ значительные капиталы были на нее употреблены обществомъ англійскихъ купцовъ получившихъ отъ королевы Маріи (6 февр. 1555) монополію этой торговли. Поэтому Елисавета, обыкновенно гордая и непреклонная въ сношеніяхъ своихъ съ иностранными государями, покорилаь своенравію царя, старалась успокоить его ласками и увѣреніями въ дружбѣ, и, избѣгая прямого отказа на его предложенія, повидимому надѣялась, что время устранитъ ихъ. Дѣйствительно, послѣ первой посылки царя относительно *великихъ* его *дѣлъ* (въ ноябрѣ 1567 г.), прошли цѣлыя пятнадцать лѣтъ во взаимныхъ пересылкахъ и въ уклончивыхъ отвѣтахъ со стороны англійскихъ посланниковъ, когда въ сентябрѣ 1582 года прибылъ въ Англію намѣстникъ шацкій, дворянинъ Федоръ Андреевичъ Писемскій, съ вложеннымъ въ первый разъ на письмѣ договоромъ, заключенія котораго между Россіей и Англіей требовалъ царь. Невозможно было долѣе медлить, и совѣтники королевины приступили къ переговорамъ.

Присланнымъ отъ царя договоромъ главнѣйше требовалось: признанія союзниковъ и враговъ одного изъ договаривающихся государей—союзниками и врагами обоихъ; взаимной помощи противъ послѣднихъ войскомъ, казною и боевыми припасами; дозволенія Англичанамъ и Русскимъ пріѣзжать въ оба государства, торговать и селиться въ нихъ и выѣзжать изъ нихъ по своему усмотрѣнію; пропуску черезъ Англію посланниковъ царскихъ къ государямъ сосѣдственнымъ съ Англіей и посланниковъ отъ этихъ послѣднихъ къ царю.

¹ По академическому словарю *пошлый* значитъ въ старинныхъ актахъ *стародавній*, *исконный*; но здѣсь слово это значитъ *истый*, *настоющій*. Точно также Іоаннъ жалуется Елисаветѣ, что отправленнымъ отъ него для покупки драгоценностей въ Англію (въ 1567 году) купцамъ Степану Твердикову и Федоту Погорѣлову не было дано въ Англіи повольнаго (безпошлиннаго) торгова и что они были приняты не такъ какъ *пошлые* купцы.

Ни на одну изъ этихъ статей не было дано безусловнаго согласія: пропускъ черезъ Англію иноземныхъ посланниковъ къ царю дозволялся только отъ государей единовѣрныхъ съ королевою; русскимъ купцамъ предоставлялась въ Англіи торговля на одинакихъ правахъ съ купцами прочихъ дружественныхъ державъ; торговать въ Россіи дозволялось только тѣмъ изъ Англичанъ, которые имѣли на то привилегію, то-есть были членами общества купцовъ, торгующихъ съ Московіей; помощь царю въ его войнахъ обѣщана была «сообразная съ обстоятельствами времени и мѣста».

Но оскорбительнѣе всего Писемскому, который требовалъ переписки договора *слово въ слово*, казалось условіе: тогда только признавать враговъ царя врагами Англіи, когда всѣ мѣры къ прекращенію вражды мирнымъ посредничествомъ будутъ истощены королевой и когда несправедливость будетъ признана ею на сторонѣ царскаго противника. Писемскій не могъ вообразить себѣ, чтобы королевѣ присвоено было право входить въ разборъ распрей его государя. Равнымъ образомъ не хотѣлъ онъ допустить внесенія въ договоръ статьи о предоставленіи однимъ Англичанамъ торговли по всему сѣверному поморью отъ Вардегууса до Оби, объясняя (совершенно справедливо), что монополія эта была имъ предоставлена въ бытность Нарвы подъ русскою державой, а что со взятіемъ этого города недругами царскими бѣломорскіе берега представляютъ Россіи единственный рынокъ для торговли съ Европой.

Еще до отпуски Писемскаго прибылъ отъ царя толмачъ Эгидій Крау съ тайною грамотой, въ которой возобновлялась и другая просьба царя: о приѣмѣ его въ Англію въ случаѣ бѣгства его изъ Россіи. На это требованіе Елисавета отвѣчала (8 іюня 1583 г.) грамотой весьма дружескою, въ которой писала царю, что если онъ пріѣдетъ въ Англію, то не встрѣтитъ тамъ иного приѣма у любящей и дружественной сестры своей, какъ такой, какой встрѣтилъ бы во владѣніяхъ своей Россійской державы. Но въ то же время, при всѣхъ изъявленіяхъ *ненасытнаго* желанія видѣть его (*aviditatem videndi Serenitatem Vestram*), королева высказываетъ надежду, что ему не придется подвергаться «опасностямъ Нептуна» (*non adeunda Neptuni pericula optemus*), и что успешное окончаніе его предпріятій избавитъ его отъ трудностей путешествія въ Англію.

Таково было положеніе дѣлъ въ началѣ іюня 1583 года, когда Писемскій готовился къ обратному отплытію въ Россію и когда Баусъ былъ назначенъ сопровождать его въ званіи посланника къ царю. Изъ данныхъ Баусу наставленій видно, какъ королева опасалась, чтобы разныя поставленныя ею условія къ заключенію договора не возбудили гнѣва царскаго. Она именно предписываетъ ему, при врученіи грамоты, соблюсти всѣ обычныя при этомъ привѣтствія, объяснить царю, что она радуется объ его добромъ здравіи, о мирномъ и счастливомъ правленіи; благодарить его за посольство Писемскаго, совѣтника важнаго и разумнаго, присылку котораго она вмѣняетъ въ особенный для себя почетъ, равно какъ и самый предметъ его присылки.

Вслѣдъ за тѣмъ Баусу поручается устранить всякое недоразумѣніе по поводу исправленій, предложенныхъ въ договорѣ и письменно сообщенныхъ Писемскому, и подробно объяснить образъ мыслей королевы по этому предмету. Объясненія эти заключались въ слѣдующемъ:

Измѣненіе порядка въ изложеніи статей договора противъ проекта царскаго имѣетъ единственною цѣлю болѣе ясное изложеніе договора. Предложеніе не начинать враждебныхъ дѣйствій противъ государей подавшихъ поводы къ неудовольствіямъ, не употребивъ всѣхъ средствъ миролюбнаго посредничества къ устраненію этихъ неудовольствій, — основано на духѣ христіанства, на правѣ народномъ, на здоровомъ смыслѣ. Просьба о подтвержденіи привилегій, данныхъ уже англійскимъ купцамъ, совершенно согласна съ видами царя, который, желая сдѣлать тѣснѣе союзъ обоихъ государствъ, не можетъ отнимать у Англичанъ тѣхъ преимуществъ, которыми они уже пользуются. Точно также и просьба о продолженіи обществу англійскихъ купцовъ монополіи въ торговлѣ по всему сѣверному поморью Россіи имѣетъ въ виду лишь справедливое вознагражденіе ихъ за открытіе ими этой торговли цѣною многихъ издержекъ.

Относительно сватовства царя за Марію Гастингсъ, Баусъ долженъ былъ употребить всѣ старанія, чтобы отвратить царя отъ этого брака: представить, что здоровье невѣсты, и безъ того слабое, совершенно разстроено недавнею болѣзнью; что притомъ королева не въ правѣ принудить ее къ этому браку противъ воли ея родныхъ, а что они едва ли согласятся на такую дальнюю съ нею разлуку.

О принятіи царя въ Англію, королева отзывается весьма кратко: Баусу поручено было сказать царю, что, еслибы силой обстоятельствъ онъ былъ принужденъ искать для себя убѣжища въ Англіи, онъ встрѣтитъ въ ней такой ласковый пріемъ, какого можетъ ожидать союзникъ королевы при *незначительности ея средствъ* (our small means).

Въ заключеніе своихъ наставленій, Елисавета предписываетъ Баусу возвратиться въ Англію не позже слѣдующаго года, и если этого времени будетъ достаточно, то предложить царю посредничество ея для примиренія его со Швеціей, и даже войти въ переговоры съ Іоанномъ III о присылкѣ шведскаго посла въ Москву.

Таковы были наставленія, данныя Баусу за подписью королевы въ маѣ мѣсяцѣ 1583 года; но вскорѣ потомъ получены были въ Англіи извѣстія объ успѣхахъ шведскаго оружія противъ Россіи, и въ іюнѣ Баусъ получилъ дополнительный наказъ, который указывалъ ему какъ ему поступать, еслибы король шведскій, возгордившись этими успѣхами, не захотѣлъ прислать своего посла въ Москву. Баусъ въ такомъ случаѣ долженъ былъ, получивъ согласіе царя на посредничество королевы, письменно предложить его королю и требовать немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій до полученія отвѣта Елисаветы. Исходною же точкой для начатія переговоровъ между воюющими державами постановить условіе, чтобы переговоры были ведены на рубежахъ обоихъ государствъ; еслибы царь рѣшительно отвергъ такое условіе, то короля слѣдовало убѣдить къ уступкѣ, напомнивъ ему о силѣ и многочисленности московскаго войска; представивъ ему, что настойчивостью на пустыхъ обрядахъ дипломатической вѣжливости онъ можетъ лишь продлить пролитіе христіанской крови; и наконецъ объявивъ ему, что, «по здоровомъ разсужденіи, для государства полезнѣе купить, хотя бы и дорогою цѣной, самый невыгодный миръ чѣмъ вести самую выгодную и успѣшную войну.»

Къ этому дополнительному наказу добавлена была, передъ отъездомъ Бауса, еще заключительная статья о томъ, какъ ему вести себя въ случаѣ встрѣчи съ Датчанами близъ норвежскихъ береговъ. По тогдашнимъ понятіямъ о правѣ международномъ, король датскій, какъ владѣтель Норвегіи и Исландіи, считалъ себя властителемъ всего морскаго пространства между берегами этихъ двухъ странъ, и требовалъ пошлины съ

англійскихъ кораблей, проходившихъ въ Россію по этому пространству, которому Давія давала названіе *пролива*; незадолго передъ тѣмъ Елисавета, всегда оспаривавшая права Давіи на эту пошлину, отправила по этому предмету своего посланника ко двору Фридриха II; исходъ этого посольства еще не былъ извѣстенъ въ Англіи, поэтому Баусу предписывалось, на случай встрѣчи съ отрядомъ датскихъ кораблей, салютовать адмиральскій корабль опущеніемъ флага, который, впрочемъ, немедленно поднять; если Датчане будутъ требовать пошлины, то отозваться отправленіемъ англійскаго посланника въ Копенгагенъ, для переговоровъ объ этой пошлинѣ; если будутъ настаивать на уплатѣ ея и захотятъ прибѣгнуть къ насилію, то, при надеждѣ на успѣхъ и невозможности пройти безъ боя,—отражать силу силою; при невозможности же оказать сопротивленіе, научить находящихся съ Баусомъ купцовъ, чтобъ они, какъ бы по собственному побужденію, дали Датчанамъ письменное обязательство уплатить такую пошлину, какая причтется съ нихъ по соглашенію, которое будетъ учинено между англійскимъ посланникомъ и датскимъ правительствомъ.

Баусу не пришлось примѣнить къ дѣлу ни одной изъ послѣднихъ двухъ статей его наставленій: въ самое то время, какъ королева заботилась объ избраніи своемъ въ посредницы между двумя Іоаннами—московскимъ и шведскимъ, уже было заключено (26 мая) перемиріе при рѣкѣ Плюсь, по которому первый отдавалъ второму Яму, Копорье и Ивань-городъ, и такимъ образомъ лишалъ Россію единственной ея торговой пристани на Балтійскомъ морѣ. На пути своемъ въ Россію Баусъ не встрѣтилъ Датчанъ; по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ его посольства не упоминается о подобной встрѣчѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя было опустить этихъ двухъ пунктовъ Баусова наказа: они слишкомъ любопытны для характеристики Елисаветы: ея заботливость объ умиреніи враждующихъ государей и о пощадѣ крови христіанской; ея совѣтъ пренебречь пустыми обрядами этикета, не гнаться за славой оружія, но заботиться о благоденствіи государства, — слишкомъ многозначительны, чтобъ о нихъ умолчать. Любопытна также и уловка, которую она указываетъ Баусу, чтобъ избѣгнуть признанія права, ею отвергаемаго, и чтобы, даже при необходимости покориться этому праву, избѣгнуть признанія его отъ имени ея правительства.

II

18-го іюня 1583 года Баусъ имѣлъ отпускную аудіенцію у королевы въ Гриничѣ, и вслѣдъ за тѣмъ, съ назначенными для сопровожденія его—ученымъ проповѣдникомъ Гѣмореємъ или Ричардомъ Кодемъ (Humphrey Cole) и сорока челоуѣками свиты отправился въ Гаричъ (Harwich), гдѣ 22 числа, вмѣстѣ съ Писемскимъ, сѣлъ на приготовленные для отправленія ихъ корабли. Выдержавъ весьма бурное плаваніе, они ровно черезъ мѣсяць, 23 іюля, прибыли въ пристань Св. Николая, гдѣ разстались. Писемскій, отдохнувъ двѣ noci въ монастырѣ, на третій день (25-го) отправился въ Москву, а Баусъ остановился въ англійской конторѣ¹, гдѣ провелъ дней пять, пока снаряжали суда для перевозки его и его свиты въ Холмогоры. Собранныя имъ въ это время свѣдѣнія не предвѣщали хорошаго успѣха его посольству. Несмотря на всѣ усилія Англичанъ исключительно завладѣть бѣломорскою торгоулей, несмотря на много разъ повторенныя обѣщанія не допускать другихъ иностранцевъ въ приморскія двинскія пристанища, нидерландскіе и французскіе корабли ежегодно приходили къ устьямъ Двины и вели съ Русскими торговлю, не встрѣчая никакихъ препятствій со стороны тамошнихъ властей. Нидерландцы были особенно опасными соперниками для Англичанъ, ибо имѣли трехъ сильныхъ покровителей при дворѣ московскомъ: боярина Никиту Романовича Юрьева, думнаго дьяка посольскаго приказа Андрея Яковлевича Щелкалова и оруженнаго Богдана Яковлевича Бѣльскаго. Баусъ говоритъ, что всѣ эти три лица были на жалованьи у Нидерландцевъ, кото-

¹ Для помѣщенія англійской конторы русскимъ правительствомъ отведенъ былъ англійскимъ купцамъ островъ при устьѣ Двины, на которомъ построены были дома прикащиковъ англійскаго общества и анбары для склада ихъ товаровъ; островъ этотъ Англичане называли *Розовымъ* (Rose Island) по причинѣ растущаго на немъ въ изобиліи дикаго шиповника. Академикъ Гамель предполагаетъ, что это нынѣшній *Якорный* островъ, названіе котораго дѣйствительно даетъ вѣроятіе его догадкѣ.

рые, подъ предлогомъ займа у нихъ денегъ на торговые обороты, платили на ихъ капиталы по 25 процентовъ въ годъ и такимъ образомъ давали одному изъ нихъ пять тысячъ рублей ежегоднаго дохода. Такая замысловатость въ лихоимствѣ вполне достойна Щелкалова, извѣстнаго взяточника и главнаго русскаго дипломата того времени; не удивительно, что этимъ доходомъ пользовался и Бѣльскій—любимецъ, клеветъ и наперсникъ Иоанновъ; но не странно ли рядомъ съ именами этихъ людей встрѣтить имя одного изъ первыхъ сановниковъ, шурина царскаго, брата царицы Анастасіи?

Слѣдовательно Баусу предстояла борьба съ тѣмъ, кто долженъ былъ вести съ нимъ переговоры, съ безотлучнымъ наущникомъ царя и наконецъ съ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ думы боярской. Но Баусъ, судя по его послѣдующимъ дѣйствіямъ, былъ человекъ крайне самонадѣянный; притомъ онъ могъ не безъ основанія разчитывать на то, что ему нечего бояться отказовъ отъ государя, рѣшившагося просить, на всякій случай, убѣжища у его королевы. И Баусъ вознамѣрился не дѣлать никому никакихъ уступокъ, требовать вознагражденія за всякіе убытки, понесенные англійскими купцами, даже за тѣ, которые ими самими, по безнадежности, были скинуты со счетовъ; но главное, онъ рѣшился настоять на томъ, чтобы кромѣ членовъ лондонско-московскаго общества никому не было позволено торговать по всему русскому поморью отъ Вардегууса до Оби.

Въ представленныхъ имъ по возвращеніи въ Англію жалобахъ на разныя претерпѣнныя имъ въ Россіи оскорбленія, Баусъ начинаетъ этотъ скорбный листъ жалобой на то, что, въ теченіи пяти недѣль по пріѣздѣ его, его продержали въ Холмогорахъ, не позволяя ему ѣхать въ Москву, не обращая на него никакого вниманія и не отпуская никакого содержанія ни ему, ни его свитѣ, хотя онъ былъ посланъ королевой по просьбѣ самого царя, тогда какъ посланникъ царскій (Писемскій), присланный всею не по ея желанію, получалъ во все время пребыванія своего въ Англіи содержаніе отъ нея и вездѣ встрѣчалъ почетный пріемъ.

Но слѣдуетъ припомнить всѣ тогдашніе многосложные обряды и пересылки по поводу пріѣзда пословъ. По пріѣздѣ Бауса въ Холмогоры тамошній воевода долженъ былъ отправить въ Москву нарочнаго гонца съ донесеніемъ, «что пришелъ де на Колмогоры изъ аглинскіе земли отъ Елизаветъ

королевы посолъ Ерешѣй Бовесъ, а съ нимъ людей его сорокъ человекъ;» по полученіи этого донесенія ожидалось рѣшенія царя, кому «государь, царь и великій князь всеа Русіи приговорить съ бояры, а велить послати въ стрѣчу аглинскому послу;» потомъ назначенному въ пристава изготовлялась *память* о томъ, какую ему «пришеде къ аглинскому послу говорити рѣчь и что молвити;» сколько дорогой въ Москву брать подводъ подъ посла и подъ его людей; сколько давать корма и питья послу и его людямъ и гдѣ брать эти припасы и по сколько платить за нихъ; съ приставомъ же посылались *грамоты* къ воеводамъ о пропускѣ посла и о заготовленіи для него припасовъ. Слѣдовало кромѣ того озаботиться снаряженіемъ судовъ на рѣкахъ и подводъ на сухомъ пути, и воевода холмогорскій не могъ отпустить посланника ранѣе какъ по полученіи этихъ *памятей*. Если же принять въ соображеніе, что отъ Холмогоръ до Вологды разстоянія—рѣчнымъ путемъ 940 верстъ, а сухимъ, на Вагу, 722 версты, и что отъ Вологды до Москвы 440 верстъ, то можно безошибочно считать, что одни проѣзды гонца въ Москву и пристава въ Холмогоры заняли не менѣе трехъ недѣль¹; къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ Холмогорахъ собственно Баусъ провелъ только четыре недѣли, ибо прибылъ туда только недѣлю спустя по пріѣздѣ къ устью Двины, гдѣ оставался первые пять дней своего пребыванія въ Россіи. Слѣдовательно на все многосложное производство отобранія отъ Писемскаго свѣдѣній объ его посольствѣ, снаряженія пристава для приѣма Бауса и изготовленія разныхъ по этому предмету рѣчей, *памятей* и *грамотъ*, употреблено въ Москвѣ не болѣе недѣли. Очевидно, что жадоба Бауса въ этомъ случаѣ совершенно не основательна.

Наконецъ, во второй половинѣ сентября, прибылъ царскій приставъ, и Баусъ отправился съ нимъ изъ Холмогоръ вверхъ

¹ Сохранился наказъ гонцу Розгильдѣю Любученинову (или Любчанину) отъ 17-го іюля 1589 г. о томъ, чтобъ онъ госпѣлъ изъ Москвы въ Вологду *въ два дня да въ девъ ночи*, а изъ Вологды въ Холмогоры *день въ пять, въ шесть*. Но это былъ случай особенной важности: въ Вологдѣ ему нужно было вручить отпускное письмо Елисаветину послу Флетчеру, а изъ Холмогоръ отпустить за море цесарева посла Николая Варкача съ товарищи *тотчасъ, чтобъ ихъ аглинской посолъ и аглинскіе гости на Колмогорахъ не застали*.

по Двинѣ, по Сухонѣ и по Вологдѣ. Рѣдкій изъ тогдашнихъ англійскихъ посланниковъ и путешественниковъ по Россіи не упоминаетъ о той тоскѣ, которую приходилось вытерпѣть на этомъ пути. Для нетерпѣливаго сэръ-Еремѣя, онъ долженъ былъ показаться несносенъ, тѣмъ болѣе что на первыхъ же порахъ онъ поссорился съ своимъ приставомъ, который, если ему вѣрить, былъ кавалеръ Щелкалова, обходился съ нимъ весьма грубо, звалъ его *нехристею*, отпускалъ ему худые припасы, держалъ его лодку позади всѣхъ прочихъ и даже однажды пытался потопить ее со всѣми Англичанами, приказавъ кормчему въ сильный вѣтеръ направить ее прямо на подводный камень.

Впрочемъ въ Вологдѣ, Баусъ распростился съ этимъ приставомъ, котораго смѣнилъ при немъ Михайло Протопоповъ, человѣкъ гораздо лучшаго обращенія. Въ Вологдѣ же Баусу привели отъ царя въ подарокъ двухъ красивыхъ верховыхъ лошадей съ полною русскою сбруей. Въ Ярославлѣ доставилъ ему также отъ царя нарочно присланный князь (Duke) еще десять упряжныхъ лошадей и повозку для удобнѣйшаго проѣзда въ Москву. Наконецъ (20 октября), за двѣ версты отъ столицы, Бауса встрѣтили высланные для его приѣма князь Иванъ Васильевичъ Сицкій съ тремя другими сановниками въ сопровожденіи двухъ сотъ всадниковъ. Обмѣнявшись съ Баусомъ весьма сухими поклонами, Сицкій объявилъ ему, чтобъ онъ сошелъ съ лошади для выслушанія отъ него и отъ его товарищей рѣчей, которыя они имѣютъ говорить отъ царя; такъ какъ русскіе чиновники хотѣли произносить эти рѣчи сидя верхомъ, то у нихъ съ Баусомъ завязался споръ сперва о томъ, чтобъ и они сошли съ лошадей, а послѣ о томъ: кому первому—имъ или ему стать на земь. Не прежде какъ по рѣшеніи этой важной статьи, новые приставы, по очереди своего старшинства, произнесли свои привѣтствія и, также соблюдая порядокъ чиновначалія, обняли посланника и повезли его въ Москву въ нарочно-выстроенный для его приѣма домъ, возлѣ котораго помѣстились сами для снабженія его нужными припасами.

Какъ ни страненъ можетъ казаться въ настоящее время споръ Бауса съ Сицкимъ, но за три столѣтія предъ симъ на Руси придавалась особенная важность обрядамъ приѣма посланниковъ; ихъ *превосходительства*, господа посланники англійскіе (ибо они и тогда уже пользовались этимъ титуломъ)

также считали эти обряды предметомъ вовсе не второстепеннымъ. Такъ лордъ Карлейль, посланникъ Карла II къ Алексѣю Михайловичу, въ четверти версты отъ Москвы долго спорилъ съ думнымъ дворяниномъ Прончищевымъ о томъ: кому первому вылезать изъ повозки и, какъ сказано въ его запискахъ, только наскучивъ сидѣть въ саняхъ (а можетъ-быть и нѣсколько промерзнувъ—это было въ февралѣ), согласился, что они оба выйдутъ въ одно время. Но Москвитчъ перехитрилъ Англичанина; потому что въ то время какъ Карлейль вылезалъ изъ саней, Прончищевъ приказалъ вынуть себя изъ своей повозки, и не прежде опустить на земь какъ когда Карлейль уже стоялъ на ногахъ. За то другому англійскому посланнику, сэръ-Томъ Смитъ (Smithe) замысловатой уловкою удалось безъ всякаго спора заставить присланнаго ему на встрѣчу князя Масальскаго сойти съ лошади первымъ. Когда Масальскій объявилъ, что онъ имѣетъ къ нему рѣчи отъ царя, то Смитъ, ловкій дипломатъ и хитрый царедворецъ, отвѣчалъ, что «непристойно подданнымъ такихъ могущественныхъ и знаменитыхъ государей, каковы царь Борисъ и король Яковъ (I) сидѣть верхомъ передавая привѣтствія ихъ», и до того озадачилъ Масальскаго, что сей послѣдній немедленно соскочилъ съ лошади.

Въ описаніи своего посольства Баусъ самъ сознается, что, несмотря на недоброжелательство и происки непріязненныхъ ему совѣтниковъ царскихъ, ему оказывалось отъ царя всякое вниманіе; но изъ жалобъ его видно, что онъ уже въ самый вечеръ своего пріѣзда успѣлъ побраниться съ принесшимъ къ нему съ царскаго стола ужинъ *ничтожнымъ дворяниномъ* (a meane gentelman), который, самъ стоя передъ нимъ въ шапкѣ, требовалъ, чтобъ онъ обнажилъ голову для выслушанія извѣщенія о царскомъ жалованьи. И въ этомъ случаѣ Баусъ вовсе не былъ правъ: даже въ присутствіи самаго царя, приспѣшники разносили кушанья не снимая своихъ шапокъ; при произнесеніи же царскаго титула, которымъ непременно начиналась всякая рѣчь чиновниковъ царскихъ къ европейскимъ посланникамъ, отъ сихъ послѣднихъ необходимо требовалось, чтобъ они обнажали свою голову, точно также какъ и царь снималъ съ себя вѣнецъ, произнося имя ихъ государей. Присылка царемъ ужина въ самый день пріѣзда Бауса была особеннымъ знакомъ милости Іоанновой; а чиновникъ, котораго Баусъ называетъ *ничтожнымъ дворяни-*

мать, былъ однимъ изъ довѣренныхъ лицъ Іоанна и главнымъ послѣ Щолкалова дѣльцомъ посольскаго приказа; это былъ Савелій (или Савва) Фроловъ. Доказательствомъ благорасположенія Іоанна къ Баусу служить присылка на другой день думнаго дворянина Игнатія Татищева, который отъ имени царя спросилъ его о здоровьѣ и объявилъ, что царь нетерпѣливо ожидаетъ его видѣть и что, если Баусъ достаточно отдохнетъ отъ дороги, то будетъ принять во дворецъ черезъ два дня. Баусъ отвѣчалъ, что надѣется исполнить волю его величества.

24-го октября съ ранняго утра народъ толпился на улицахъ, ведущихъ отъ посольскаго дома къ царскому дворцу; отъ самаго крыльца Баусова стояли рядами до шести тысячъ стрѣльцовъ въ разноцвѣтныхъ платьяхъ съ блестящими пищалями на плечъ; между ними развѣзжали верхомъ ихъ начальные люди. Въ девять часовъ къ баусову дому подъѣхалъ его приставъ, князь Сицкій, съ двумястами дворянъ, всѣ верхомъ, одѣтые въ богатые платья. Но Баусъ едва успѣлъ выйдти, какъ уже нашелъ поводъ къ раздору: ему показалось, что приготовленный ему подъ сѣдло меринъ не такъ красивъ, какъ жеребецъ подъ княземъ; онъ отказался ѣхать верхомъ; отправилъ впередъ около сорока своихъ слугъ, которые, одѣтые въ однообразное красивое платье, несли подарки, назначенные для царя и состоявшіе большею частію изъ блюдъ; а самъ отправился вслѣдъ за ними пѣшкомъ. Чтобъ оцѣнить всю непристойность поступка Бауса, должно припомнить, что онъ не только нарушилъ заранѣе приготовленный обрядъ торжественнаго своего проѣзда во дворецъ, но сдѣлалъ поступокъ по тогдашнимъ понятіямъ Русскихъ совершенно недостойный важности его сана; ибо, по современнымъ свидѣтельствамъ, тогдашніе русскіе вельможи считали унижительнымъ показываться на улицахъ пѣшкомъ и даже къ ближайшимъ своимъ сосѣдямъ, хотя бы изъ воротъ въ ворота, отправлялись не иначе какъ верхомъ или въ повозкѣ. Впрочемъ Баусъ, кажется, самъ въ послѣдствіи совѣстился своей выходки: ибо въ жалобахъ своихъ, въ которыхъ помѣстилъ самыя мелочныя сплетни, не упоминаетъ ни слова по поводу превосходства жеребца передъ мериномъ. Обстоятельство это разказываетъ Горсей въ своихъ запискахъ, говоря въ насмѣшку, что Баусъ *попалъ на своемъ коверѣ или на подстилкѣ* (mounted one his own foate clothe). Горсей прибавляетъ, что на до-

рогѣ онъ былъ встрѣченъ чиновникомъ, присланнымъ объявить ему, что царь его ждетъ и чтобъ онъ поспѣшалъ; на что сварливый князь Еремѣй ¹ отвѣчалъ, что ему нельзя идти скорѣе; и дѣйствительно едва ли онъ имѣлъ поводъ медлить, потому что, если вѣрить Горсею, народъ, между которыми уже разошелся слухъ объ англійскомъ сватовствѣ, преслѣдовалъ Бауса насмѣшками и кричалъ ему: «Карликъ! Карликъ!» (Carluke, Carluke.)

Во дворцѣ Баусъ былъ принятъ со всею пышностію, обыкновенно соблюдавшеюся для приѣма пословъ. При входѣ во дворецъ, онъ былъ встрѣченъ четырьмя дворянами въ золотыхъ парчевыхъ одеждахъ, подбитыхъ дорогими мѣхами, и въ табуяхъ, украшенныхъ жемчугами и драгоценными камнями. Во дворцѣ смѣнили ихъ четыре знатнѣйшіе сановника, которые провели его по длинному переходу между двумя рядами сидѣвшихъ и стоявшихъ вдоль стѣнъ дворянъ въ золотыхъ и атласныхъ платьяхъ. Въ концѣ этого перехода Баусъ былъ сданъ дворецкому (herald), который ввелъ его въ палату, гдѣ, сидя на престолѣ и имѣя передъ собою три вѣнца царствъ: Московскаго, Казанскаго и Астраханскаго, ожидалъ его царь Иванъ Васильевичъ. По обѣимъ сторонамъ престола стояли по двое молодыхъ людей лѣтъ двадцати отъ рода (рынды); на нихъ были дорогія бѣлыя одежды, а на плечѣ каждый изъ нихъ держалъ тонкую чрезвычайно острую сѣкиру, которой топориче было немного побольше полуаршина ²; кругомъ всей палаты на низкихъ лавкахъ и скамейкахъ сидѣло до ста дворянъ въ богатыхъ золотыхъ платьяхъ.

Читая подобныя описанія приѣма посланниковъ, въ которыхъ каждый разъ непременно упоминается о богатствѣ одѣяній изъ золотой и изъ серебряной парчи, нельзя не воздать должной справедливости умѣнію нашихъ предковъ поражать иностранцевъ богатствомъ и великолѣпіемъ царской казны. Но между тѣмъ если, давъ немного воли воображенію, проникнуть въ закулисныя тайны этого великолѣпнаго сценическаго представленія, какъ не вообразить себѣ

¹ Званіе *сэръ* въ посольскихъ дѣлахъ переводится титуломъ: *князь*.

² «Сѣкира эта, говоритъ Баусъ, очень похожа на топоръ ирландскихъ *галлогласовъ*.» *Галлогласами* или *Галлоглачами* (galloglas, galloglach) назывались у Ирландцевъ тяжело вооруженные солдаты (heavy armed soldiers), а у Шотландцевъ—оруженосцы.

кладовыхъ казеннаго двора, въ которыхъ за нѣсколько часовъ до поднятія занавѣса, изъ окованныхъ желѣзомъ сундуковъ вытаскивали и раздавали лицамъ, имѣвшимъ пріѣздъ ко двору, кому парчевое, кому шелковое платье, смотря по важности роли, которая назначалась этому лицу въ живой декорации вдоль стѣнъ кремлевскаго дворца; какъ не представить себѣ этихъ же лицъ, когда они, сдавъ свое заемное облаченіе и надѣвъ свою ежедневную одежду, спѣшили въ разные концы Москвы, чтобы за ужиномъ, часто можетъ-быть и убогимъ, разказывать своей семьѣ о томъ въ какое богатое платье они были наряжены, и что это платье то самое, которое въ послѣдній разъ было на такомъ-то ихъ выбывшемъ товарищѣ, замученномъ на пыткѣ, или сбѣжавшемъ въ Литву, или сосланномъ въ дальній острогъ. И самъ царь не гнушался участіемъ въ этой сценической обстановкѣ: если утромъ посланникъ видѣлъ его въ золотомъ платьѣ, за обѣдомъ царь являлся въ серебряномъ и обѣдъ не кончался, чтобы каждый изъ трехъ царскихъ вѣнцовъ не покрасовался поочередно на царской головѣ.

Какъ только Баусъ былъ явленъ царю, царь допустилъ его къ своей рукѣ; потомъ, спросивъ о здоровьи королевы, велѣлъ отвести его къ приготовленной для него шагахъ въ десяти отъ престола скамьѣ. Баусъ, со свойственною ему обидчивостію, принявъ за оскорбленіе, что ему пришлось произносить на такомъ разстояніи свою рѣчь, которую, по его словамъ, онъ принужденъ былъ провозглашать какъ какое-нибудь воззваніе къ народу. Когда же, окончивъ ее, онъ понесъ королевины грамоты къ царю, и Щелкаловъ, утраченный такимъ нарушеніемъ посольскихъ обрядовъ, подбѣжалъ и хотѣлъ выхватить у него эти грамоты, Баусъ объявилъ ему, что онѣ писаны не къ нему, Щелкалову, а къ царю, которому и вручилъ ихъ самъ. «Неужели, разсуждаетъ онъ въ своихъ жалобахъ, царь могъ считать унижительнымъ принять эти грамоты изъ рукъ въ руки отъ меня, посланника королевы; точно также какъ онъ не удостоилъ даже прикоснуться къ подаркамъ ея величества, а приказалъ тому же Щелкалову взять ихъ съ того мѣста, гдѣ я стоялъ.»

Вообще, изъ всѣхъ какъ русскихъ, такъ и англійскихъ свидѣтельствъ о посольствѣ Бауса обнаруживается, что отличительными его свойствами были: тщеславіе, большею частію малочное, вздорливость и совершенное незнаніе обычаевъ рус-

скаго народа и обрядовъ московскаго двора. Поэтому онъ часто оскорблялся въ тѣхъ случаяхъ, когда ему не замышлялось никакой обиды; а неумѣстною придирчивостію еще болѣе раздражалъ лица и безъ того уже къ нему враждебныя.

Въ тотъ же день Баусъ нашелъ случай показать царю примѣры своего неуваженія къ придворнымъ обычаямъ и своего чванства. Сказавъ въ отвѣтной палатѣ данный ему отъ королевы приказъ *рльчю* и подавъ *рльчмъ своимъ письмо*, онъ былъ отведенъ въ золотую набережную палату, откуда его пригласили къ царскому столу. Проходя къ назначенному ему мѣсту, за ближайшимъ къ царскому, *кривымъ* столомъ, Баусъ хотѣлъ идти верхнимъ концомъ стола, причѣмъ необходимо повернулся бы спиною къ царю: Самъ Іоаннъ не вытерпѣлъ, выговорилъ ему за такую невѣжливость, и Баусъ долженъ былъ покориться и обойти нижнимъ концомъ стола; за то, когда возлѣ него хотѣли посадить его слугъ, онъ никакъ этого не допустилъ: объявилъ, что скорѣе уйдетъ самъ отъ обѣда, и вынудилъ царя отмѣнить это распоряженіе: за его столъ посадили какихъ-то, какъ онъ выражается, *ничтожныхъ* дворянъ. Повидимому однакоже царь не рассердился на этотъ поступокъ, который, можетъ-быть, былъ слишкомъ сходенъ съ мѣстническими спорами, такъ часто нарушавшими торжественность царскихъ пировъ. Посреди обѣда Іоаннъ всталъ на своемъ мѣстѣ, стоя выпилъ за здоровье «своей любительной сестры королевы» и прислалъ Баусу большой задравный кубокъ подслащеннаго рейнскаго вина.

Впрочемъ всѣ происшествія этого дня не предвѣщали хорошаго успѣха посольству Бауса, тѣмъ болѣе что въ отвѣтной палатѣ онъ былъ принятъ именно тѣми тремя лицами, которыя, по его словамъ, хотѣли, въ пользу Фламандцевъ, подорвать торговлю Англичанъ. Для переговоровъ съ Баусомъ назначены были царемъ бояринъ Юрьевъ, Богданъ Бѣльскій и Андрей Щелкаловъ. Если вспомнить, что приставъ Бауса, князь Сицкій, былъ зятемъ Юрьева (мужемъ его дочери Евиміи Никитишны Романовой), то очевидно, что Баусъ былъ какъ бы предоставленъ въ руки партіи враждебной Англичанамъ. Но Іоаннъ готовъ былъ на все, лишь бы соединиться съ Елисаветою союзомъ дружбы и союзомъ родства: и этому, кажется, слѣдуетъ приписать то, что Баусъ, вопреки невыгодности своего положенія, вопреки своимъ чрезмѣрнымъ требованіямъ, своей неуступчивости и своему неискусству въ исполненіи

возложенныхъ на него, крайне щекотливыхъ, порученій, постоянно пользовался милостями царскими, и что необузданный царь Иванъ Васильевичъ для него укрощалъ свой нравъ; а если иногда и выходилъ изъ терпѣнія, то спѣшилъ новыми ласками заглаживать порывы своего гнѣва.

Переговоры начались возраженіями Бауса на предложенный Іоанномъ договоръ и оправданіемъ измѣненій, сдѣланныхъ въ немъ министрами Елисаветы. Главнѣйшія требованія Іоанна состояли въ томъ, чтобъ Елисавета стояла съ нимъ за одно на его недруговъ королей—польскаго, шведскаго и датскаго, особенно на двухъ первыхъ, потому что съ датскимъ царь еще готовъ былъ помириться,—тотъ ему былъ *не самый недругъ*; чтобъ она запретила англійскимъ воинскимъ людямъ наниматься на службу этихъ королей; и чтобъ иностранные послы имѣли свободный путь черезъ Англію въ Бѣлое море и обратно. Баусъ отвѣчалъ, что королева не можетъ начинать войны съ недругами царскими, не попытавшись помирить ихъ съ царемъ; что не въ ея волѣ отнимать у Англичанъ права служить кому они хотятъ; а что пропускать черезъ Англію пословъ въ Россію согласна она только отъ государей съ нею единовѣрныхъ и союзныхъ, но отнюдь не отъ папы и другихъ государей западной церкви. Напрасно ему возражали, что обсылки королевы дадутъ только Полякамъ и Шведамъ время изготовиться къ войнѣ, а что разность вѣръ не мѣшаетъ же царю желать союза съ королевой преимущественно передъ всеми прочими государями. Баусъ упрямо стоялъ на своемъ. Наконецъ царь предложилъ ему вставить въ договорную статью о наступательномъ союзѣ, условіе, что Елисавета въ такомъ только случаѣ начнетъ войну съ Польшею, если Баторій не возвратитъ Россіи Полоцка и Ливоніи. «Если я на это соглашусь, то королева назоветъ меня дуракомъ,» сказалъ Баусъ и началъ разспрашивать: Ливонія точно ли вотчина царская? «Не судить прошу тебя и твою королевну меня съ польскимъ королемъ, отвѣчалъ царь. Хочу, чтобъ она помогала мнѣ противъ тѣхъ, кто мою вотчину—ливонскую землю—извоевали.» На одно только и согласился Баусъ—отвезти въ Англію, для отправленія во Францію, царскаго гонца къ Генриху IV.

Такимъ образомъ самъ ни въ чемъ не отступая отъ измѣненій, сдѣланныхъ Елисаветою въ статьяхъ договора, Баусъ требовалъ настоятельно, чтобы въ договорѣ было помѣщено, что однимъ Англичанамъ предоставляется посѣщать морскія приста-

нища по всему сѣверному поморью Россіи, ссылаясь на то, что дорогу къ Бѣлому морю нашли англійскіе гости, а потому имъ однимъ и слѣдуетъ ходить этимъ путемъ; что право это уже было за ними признано прежними жалованными грамотами; и что они приносятъ царю болѣе выгодъ чѣмъ всѣ прочіе иностранные гости. За чтò же, отвѣчали Баусу, Елисавета хочетъ лишать Россію выгодъ торговли съ французскими и фламандскими купцами? Чѣмъ они мѣшаютъ англійской торговлѣ?—Французамъ отведена Кола, антверпенскому купцу Ивану де Валу ¹ царь позволилъ ходить въ Пудожемское устье Двины, а въ Корельское устье ² по прежнему, кромѣ Англичанъ, никого не пускаютъ.

Прежнія льготы отняты у Англичанъ за то, что они вредили Россіи, пересылаясь съ ея врагами, Шведами и Датчанами, нанимались даже въ войска дѣйствовавшія противъ Русскихъ, торговлю вели безчестно, продавали гнилыя сукна, а въ Англію писали, что московскіе купцы въ товарахъ ничего не смыслятъ. Доказывали еще Баусу, что съ тѣхъ поръ какъ Нарва перешла въ руки царскихъ враговъ, Россіи только и осталось для заграничной торговли сѣверное поморье, и что нельзя же, въ угодность Англіи, прекратить торговлю со всѣми прочими государствами; что это было бы слишкомъ убыточно для Россіи, тяжеле всякой дани. Баусъ все твердилъ свое тре-

¹ John de Wale. «Испанскіе земли изъ Антропа города гость Иванъ Девахъ Бѣлгородъ.» Въ наставленіяхъ, данныхъ Баусу отъ лондонскаго Общества, ему поручено было представить, какъ несправедливо было позволять Валу приходить въ Россію путемъ, открытіе котораго ему не стоило ничего, а Обществу досталось цѣною большихъ издержекъ, и сколь обидно для Общества изыятіе Валя отъ всякихъ пошлинъ и сборовъ (taxacions). Баусъ долженъ былъ дать понять, что если Валь не будетъ удаленъ отъ совмѣстничества съ Англичанами, то Англичане могутъ вовсе прекратить свои торговыя сношенія съ Россіей.

² *Пудожемскимъ* называется самое западное изъ трехъ устьевъ сѣверной Двины; передъ впаденіемъ въ море, отъ него отдѣляется еще западнѣйшій протокъ, который называется въ писцовыхъ книгахъ «нижнею половиною Пудожемскаго устья»; ему дается также имя *Корельскаго* устья по имени *Корельскаго берега*, части материка, имъ омываемой; наконецъ она называется и *Никольскимъ* устьемъ по имени монастыря Св. Николая. Къ этому устью пристали первые англійскіе корабли, приплывшіе къ бѣломорскимъ берегамъ, и въ немъ же, на *Якорномъ островѣ* (Rose Island), былъ построенъ первый въ Россіи англійскій торговый домъ.

бованіе, не слушая никакихъ возраженій. Напрасно царь предлагалъ предоставить Англичанамъ, кромѣ Корельскаго устья еще пристани Варзугскую, Мезенскую, Печенскую и Шуйскую: ² Баусъ не соглашался ни на какія уступки. Напрасно царь рѣшался даже пускать Англичанъ во все пристани Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана, исключая побережья областей Печорской и Обской, гдѣ водятся соболи и кречеты, товары слишкомъ дорогіе, чтобы позволить Англичанамъ ими торговать. Баусъ упорно настаивалъ на томъ, чтобы Англичанамъ были открыты все безъ изъятія приморскія пристани и чтобы царь удалилъ оттуда всѣхъ ихъ совѣтниковъ. «Ручаешься ли ты по крайней мѣрѣ, спрашивали у него, что королева пойдетъ войною на Польшу и Швецію, если царь согласится на твое непомѣрное требованіе?» Баусъ отозвался, что у него объ этомъ наказа нѣтъ, и тѣмъ заключились пренія о договорѣ дружбы и любви.

Не имѣвъ никакого успѣха въ дѣлахъ государственныхъ, царь хотѣлъ знать отвѣтъ Елисаветы относительно сватовства. 13 декабря Баусъ былъ приглашенъ во дворецъ и, какъ пріемъ назначенъ былъ ему не торжественный, то ему велѣно было не имѣть на собѣ ни корда (кортика), ни меча, ни долово ножа (кинжала). Онъ засталъ въ царской палатѣ только десять чиновниковъ: трехъ бояръ—Никиту Романовича Юрьева, князя Федора Михайловича Трубецкаго и Дмитрія Ивановича Годунова; трехъ думныхъ дворянъ: Деменшу Ивановича Черемисина, Байма Васильевича Воейкова и Игнатія Петровича Татищева; трехъ дьяковъ: думнаго Андрея Щелкалова, Савву Фролова и Ивана Стрѣшнева; и безотлучнаго любимца царскаго—оружничаго Богдана Яковлевича Бѣльскаго.

Какъ только вошли Баусъ и его толмачъ, царь подозвалъ Юрьева, Бѣльскаго и Щелкалова, и самъ изложилъ весь ходъ своего сватовства: какъ его англійскій медикъ *Романъ Елизарьевъ* (Робертъ Якоби) разказалъ ему о прелестной племянницѣ королевы Елисаветы, *княжнѣ Хантинской* (Марія

² *Печена* рѣка (по Книгѣ Большаго Чертежа *Печень*) впадаетъ въ Сѣверный Океанъ къ западу отъ Кольской губы. *Варзуга* (а не *Варзуга*); впадаетъ въ Бѣлое море. Устье ея на сѣверномъ его побережьи нѣя, по Книгѣ Бол. Черт., на «заворотѣ Соловецкаго моря». *Шуйка* (а не *Шумка*) впадаетъ въ югозападную часть Онежской губы, составляющую самую южную оконечность Бѣлаго моря. *Мезень* вливается въ сѣверовосточный уголъ Бѣлаго моря.

Гастингсъ, дочери графа Гѣнтингдонскаго); какъ онъ пожелалъ на ней жениться, и съ этою цѣлю посылалъ въ Англію дворянина Писемскаго дѣлать ей смотръ; и какъ нынѣ, получивъ съ Писемскимъ ея *парсону* (портретъ), хотеть взять ее за себя. Потомъ, обратясь къ Баусу, царь спросилъ его: желаетъ ли королева этого брака, и согласна ли невѣста перейти въ православіе? Баусъ отвѣчалъ, что княжна Марія больна такъ, что едва ли можетъ вступить въ бракъ; что королева не можетъ безъ согласія ея родныхъ отправить ее въ Россію, куда они едва ли рѣшатся ее отпустить; что притомъ сама невѣста едва ли захочетъ переимѣнить вѣру. Оскорбленный столь явнымъ отказомъ, царь захотѣлъ немедленно выслать Бауса изъ дворца. Смущенный его гнѣвомъ, Баусъ сталъ говорить, что Марія Гастингсъ находится въ самомъ дальнемъ свойствѣ съ Елисаветой¹, у которой насчитается до десяти гораздо ближайшихъ незамужнихъ родственницъ. «Назови же ихъ,» требовалъ царь; но Баусъ отговаривался, что безъ соизволенія королевы называть ихъ не можетъ, а что если царь пошлетъ новыхъ пословъ въ Англію, для выбора невѣсты изъ предлагаемыхъ имъ десяти дѣвицъ, то онъ *явитъ* царю свою службу и озаботится снятіемъ съ нихъ схожихъ портретовъ.

Царь, разгнѣванный на Бауса, отослалъ его домой; а Баусъ, очевидно прибѣгнувшій ко лжи изъ боязни или изъ желанія выиграть время, при слѣдующемъ же свиданіи съ лицами назначенными для переговоровъ хотѣлъ отречься отъ своихъ словъ, а будучи уличенъ ими, сказалъ, что, говоря о невѣстахъ, преступилъ свой наказъ, что называть ихъ не смѣетъ, и опять повторялъ увѣренія, что готовъ служить царю, но что «службѣ его еще не пришло время.»

Нельзя не сознать въ Баусѣ отсутствія всякой дипломатической способности, но нужно также принять въ соображеніе странный образъ веденія переговоровъ тогдашними русскими дипломатами, которые всегда начинали съ самыхъ непомѣрныхъ требованій, и лишь послѣ утомительныхъ и неидущихъ къ дѣлу преній, съ самою медлительною постепенностію приступали къ своимъ окончательнымъ условіямъ, тре-

¹ Прабабка Маріи Гастингсъ (бабка ея матери) была двоюродною сестрою бабки (матери отца) Елисаветы. Слѣдовательно Марія была племянницею Елисаветы въ *плотомъ* колѣнѣ.

буя за каждую свою уступку, взаимныхъ уступокъ со стороны своихъ соперниковъ ¹. Баусъ не предостерегся противъ такой системы *запрашиванья* и, съ перваго раза произнося свое послѣднее слово, на всѣ уступки могъ отвѣчать только повтореніемъ того, что уже сказалъ, и поэтому необходимо упорство его все рѣзче и рѣзче выступало по мѣрѣ податливости русскихъ чиновниковъ. Но послѣ личнаго разговора съ царемъ, неспособность Бауса совершенно обнаружилась, и казалось онъ потерялъ голову: черезъ медика Якобія просилъ царя принять его наединѣ и когда царь спрашивалъ его: зачѣмъ онъ просилъ этого свиданія? и что имѣеть сказать?—отвѣчалъ, что свиданія не просилъ, а просто говорилъ Якобію, что въ прежнихъ своихъ посольствахъ, у французскаго короля и у другихъ государей, всегда переговаривался съ ними лично и наединѣ; что теперь также пришелъ не самъ говорить, а слушать рѣчи царскія, чтобы передать ихъ королевѣ. Такой отвѣтъ разгнѣвалъ царя: онъ назвалъ Бауса *неучемъ*, укорялъ въ незнаніи государскихъ обычаевъ, говорилъ, что съ посломъ ведутъ переговоры бояре, а что съ нимъ, царемъ, могла бы лично договариваться развѣ Елисавета, еслибы пріѣхала въ Москву, «да и она, прибавилъ царь, мнѣ неровня: есть государи и получше ея.»—«Нѣтъ того государя въ свѣтѣ, который былъ бы выше моей государыни,» возразилъ Баусъ. «А король французскій? а король испанскій?» спросилъ Іоаннъ.—«Они никакъ не выше королевы,» отвѣчалъ Баусъ.—«Что же скажешь объ императорѣ германскомъ?» продолжалъ царь.—«А то скажу, что отецъ моей государыни держалъ императора на жалованьи въ своихъ войнахъ съ Франціей.»

Рѣшительность этихъ отвѣтовъ заставила царя забыть всѣ приличія: «Не будь ты посломъ, закричалъ онъ, я велѣлъ бы выкинуть тебя за дверь!»—«Я въ твоихъ рукахъ, отвѣчалъ Баусъ, дѣлай что хочешь! но знай, что государыня моя отомститъ за всякое сдѣланное мнѣ оскорбленіе.» И по приказанію царя, вышелъ изъ палаты, «не изъявляя уваженія болѣе чѣмъ подобное обращеніе заслуживало.»

¹ Особенно рѣзкіе примѣры этой системы переговоровъ представляютъ дипломатическія сношенія Русскихъ съ Поляками, которые также придерживались ея: переговоры почти неизмѣнно начинались тѣмъ, что Русскіе требовали Кіева, Бѣлоруссіи и Волыни, Поляки—Смоленска, Новгорода и Пскова; а кончались почти всегда взаимнымъ, хотя временнымъ признаніемъ существующихъ границъ.

Чтобы вполнѣ оцѣнить благородную отважность, оказанную Баусомъ при этомъ случаѣ (и столь отличную отъ всѣхъ прочихъ его дѣйствій), нужно вспомнить, что онъ имѣлъ дѣло съ разгнѣваннымъ царемъ и что этотъ царь былъ Иванъ Васильевичъ!.. И между тѣмъ этотъ царь, убійствомъ наказавшій противорѣчіе даже въ сынѣ своемъ, какъ только Баусъ вышелъ изъ пріемной палаты, обратясь къ стоявшимъ около него совѣтникамъ, хвалилъ посла, не дозволившаго худо отзываться о своей государынѣ, и сказалъ, что желалъ бы самъ имѣть такого слугу. Этого мало: съ тѣхъ поръ онъ сталъ оказывать Баусу особенное уваженіе, и не прошло часа со времени возвращенія Бауса домой, какъ къ нему явился главный царскій дьякъ Савва Фроловъ (Sawio Frolo) объявить, что, по любви своей къ королевѣ, царь вскорѣ призоветъ его вновь и рѣшить съ нимъ всѣ дѣла. Въ разговорѣ съ Баусомъ Фроловъ сообщилъ, что для королевы изготавливается подарокъ въ три тысячи, а для него, Бауса, въ тысячу фунтовъ стерлинговъ, и что, при отъѣздѣ его въ Англію, царь хочетъ отправить съ нимъ посломъ вельможу, знаменитѣе всѣхъ прежнихъ пословъ. Когда же Баусъ жаловался, что Щелкаловъ его притѣсняетъ въ отпускѣ съѣстныхъ припасовъ: вмѣсто назначенныхъ по росписи изъ дворца куръ и барановъ отпускаетъ ветчину и т. под., то Фроловъ обѣщалъ, что царь пришлетъ на другой день боярина для изслѣдованія его жалобъ.

На другой день дѣйствительно пришелъ къ посланнику Бѣльскій и, выслушавъ всѣ жалобы Бауса, доложилъ о нихъ царю, который приказалъ устранить Щелкалова отъ сношеній съ посломъ, прежнихъ кормовщиковъ бросить въ тюрьму, а отпускомъ припасовъ на будущее время завѣдывать Фролову. Количество этихъ припасовъ было такъ изобильно, что даже Баусъ нѣсколько разъ просилъ его убавить, но царь не хотѣлъ объ этомъ и слышать ¹.

¹ Четверикъ крупчатой муки на три дня; четверикъ пшеничной на полтора; быкъ на семь дней; 2 гуся живыхъ, 20 куръ, 7 барановъ, туша свинины, 70 яицъ на день; 10 фунтовъ масла, 70 калачей, 12 хлѣбовъ, ведро (weather) уксуса, 2 ведра кислой капусты, шѣрка лука; 10 фунтовъ соли; свѣчъ восковыхъ на златылъ, салныхъ на два алтына; медовъ: малиноваго и вишневаго по четверти ведра, ведро обарного, три ведра паточнаго, 10 ведеръ бѣлаго, 15 обыкновеннаго;

Обращеніе царя до того измѣнилось, что, по словамъ Бауса, сановники, бывшіе прежде его величайшими врагами, не только принуждены были скрывать свою вражду, но даже заискивать его дружбы, дабы угодить царю и избѣгнуть судьбы Щелкалова, котораго царь «жестоко исколотилъ, объявивъ, что истребить весь его родъ»¹.

Благосклонность царя къ Баусу простиралась до того, что по увѣренію Бауса, будто бояре искажаютъ смыслъ его рѣчей, Іоаннъ нѣсколько разъ принималъ его, и запросто разговаривалъ съ нимъ. Такъ однажды онъ рассуждалъ съ нимъ о томъ, что англійскіе купцы ничего не привозятъ, что бы *кз ево царской казны приходилось*; что сукна и камки стали привозить рядовыя, такіа, что хуже литовскихъ; что галуновъ (*кружмевъ*) ни одного порядочнаго (*мөөодного*) не привозятъ; а товарами своими дорожатся. И царь велѣлъ показать Баусу англійскія сукна и галуны прежнихъ привозовъ и послѣдняго; но Баусъ отозвался незнаніемъ толка въ этихъ товарахъ. «А вотъ посмотри, что вывезъ мнѣ Иванъ Бѣлгородъ (де-Валь), сказалъ царь, снимая перстень съ своего пальца. За этотъ перстень я заплатилъ ему 60 рублей. А за этотъ изумрудъ, прибавилъ онъ указывая на запону своего колпака, онъ взялъ 1000 рублей.»—Баусъ, посмотрѣвъ на перстень, поцѣловалъ его и, возвращая царю, отвѣчалъ: «Этотъ перстень и трѣхъ сотъ рублей стоитъ, а за изумрудъ, государь, заплатишь и сорокъ тысячъ рублей.»

Между подобными разговорами царь лично подтвердилъ Баусу свое намѣреніе отправить въ Англію новыхъ пословъ для пріисканія, на мѣсто Маріи Гастингсъ, другой невѣсты изъ родственницъ Елисаветы, говоря, что если они не привезутъ ему такой невѣсты, какой ему нужно, то онъ самъ, забравъ свою казну, отправится въ Англію и тамъ женится. Желаніе узнать англійскіе обычаи до того овладѣло умомъ Іоанна, что, по его приказанію, капланъ Бауса («ученый проповѣдникъ»), Коль, и

4 ведра сладкаго пива, 15 обыкновеннаго; полѣунта перца; 3 золотника шафрана, золотникъ мушкатныхъ орѣховъ, 2 золотника гвоздики, 3 золотника корицы. Сверхъ того «уража: четверикъ овса, возъ сѣна и возъ соломы.

¹ Горсей также говоритъ, что «двое *Шалкановъ* (Андрей и Василій Яковлевичи Щелкаловы), важные чиновники, и многіе другіе *наторпѣлись* ошлы и *любоее* отъ царя изъ-за жалобъ и неумѣстной придирчивости Бауса.»

докторъ Якоби составили изложеніе догматовъ англиканской церкви. Великъ читать его передъ своими боярами и другими сановниками, царь отозвался о немъ съ большою похвалою.

Пользуясь благорасположеніемъ царя, Баусъ испросилъ его соизволенія на разные ходатайства Лондонскаго Общества: Иоаннъ не отказывалъ ни въ чемъ: согласился отпустить въ Англію лѣкаря Ричарда Эльмса, аптекаря Ричарда Френшэма (Fransham) ¹ съ женою, дѣтьми и всѣмъ нажитымъ въ Россіи имуществомъ; и Иоанну Ричардсу, вдову нѣнца доктора Бомеля, задержаннаго на Москвѣ въ 1579 году за измѣнническія пересылки съ Польшею. ² Кромѣ того царь обѣщалъ вознаграждать англійскихъ купцовъ за товары, пограбленные у нихъ на Волгѣ, возвратитъ имъ 500 рублей, взятые у нихъ лѣтъ за десять передъ тѣмъ въ оброкъ за ихъ домъ въ Вологдѣ; 1500 рублей, вытребованные съ нихъ въ 1580 и 1581 годахъ въ противность жалованной ихъ грамоты, и еще какой-то числившійся на царской казнѣ спорный долгъ въ 3000 рублей, который, по безнадежности, уже четыре года какъ былъ исключенъ изъ счетовъ Общества и о взысканіи котораго, не было даже упомянуто въ королевинномъ наказѣ, дабы, по словамъ Бауса, не обидѣть царя и не помѣшать успѣшному рѣшенію другихъ дѣлъ. Иностранцамъ запрещалось приходитъ для торга по всему сѣверному поморью Россіи, ко-

¹ Этотъ аптекарь, прозывавшійся въ Россіи *Яковомъ*, возвратился въ Россію въ 1602 году.

² *Елисей Бомель* (Elija Bomel, Eliseus Bomelius, medicus physicus), сынъ Везельскаго (въ Вестсали) проповѣдника, получилъ степень доктора медицины въ Кембриджѣ; прослылъ въ Англии знатномъ магіи и астрологіи, но въ 1570 году, за политическія предсказанія, посаженъ въ тюрьму, откуда выпущенъ по просьбѣ русскаго посланника Андрея Григорьевича Совина, для отъѣзда въ Россію, давъ при этомъ общианіе канцлеру Сесію доставлять всякія любопытныя свѣдѣнія и *каждою присылать подарки изъ произведеній этой таинственной земли*. Въ Россіи этого «Нѣмчина лютого волхва, нарицаемаго Елисея» считали однакоже подосланнымъ къ царю Нѣмцами; «я бысть царю любимъ, въ приближеніи; и положи на царя страхованіе... на рускиихъ людей царю возложи свѣрѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь преложи.» Ему приписывалъ гласъ народный многія изъ жестокостей Іоанна, намѣреніе царя бѣжать въ Англію, жениться на Англичанкѣ, даже уклониться отъ православія: «того ради, кончаетъ гѣтописецъ, и не даша ему тако сотворити, но самого смерти предаша да не до конца будетъ руское царство разорено и вѣра христіанская.» (*Queen Elisabeth and her times*. London. 1838. — Полн. Собр. Лѣт. 4 Псковская лѣт. л. 7078.)

торое отъ Вардегууса до Оби предоставлялось однимъ Англичанамъ; наконецъ, «единственно изъ великаго желанія добра Обществу, говоритъ Баусъ, безо всякаго наставленія съ его стороны или со стороны его тамошнихъ прикащиковъ», Баусъ исходатайствовалъ у царя изыятія Общества отъ всякихъ пошлинъ, которыя, за удаленіемъ всѣхъ иностранцевъ, составили бы до 2000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ.

Прежняя жалованная грамота уже была переписана, скрѣплена, утверждена печатію; уже назначено было, въ слѣдующій приемъ, вручить ее Баусу, когда, 18 марта 1584 года, «Божьимъ судомъ великаго государя, царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, не стало, а на государствѣ на московскомъ и на всѣхъ государствахъ, по благословенію отца своего, учинился государемъ сынъ его, великій государь, царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи.»

«Баусъ, если не агаль, то прилыгалъ, кажется,» отзывается Карамзинъ (IX, прим. 748) при исчисленіи уступокъ, сдѣланныхъ по словамъ Бауса, царемъ Англичанамъ. Но отзывъ знаменитаго историографа опровергается сказаніемъ Горсея, бывшаго въ то время въ Москвѣ, а свидѣтельство это тѣмъ болѣе достоверно, что, пользуясь милостію царя, Горсей бывалъ при дворѣ и могъ слѣдить за ходомъ Баусовыхъ переговоровъ; что ему покровительствовалъ одинъ изъ главныхъ противниковъ Бауса, бояринъ Юрьевъ; и наконецъ, что въ послѣдствіи, до написанія своего «Сказанія», онъ самъ сдѣлался личнымъ врагомъ Бауса. Горсей говоритъ, что царь и Баусъ «имѣли нѣсколко свиданій и переговоровъ тайныхъ, нѣсколько торжественныхъ. Царь угождалъ (Баусу); ежедневно отпускалъ ему большой кормъ, исполнялъ всѣ его просьбы; но Баусъ ничѣмъ не былъ доволенъ и причинялъ много неудовольствій. (Въ это время) сдѣлано было соглашеніе счетовъ между царскими чиновниками и (англійскими) купцами; всѣ жалобы послѣднихъ были выслушаны и удовлетворены; льготы ихъ и прочія *требованія* утверждены и царь рѣшился отправить отъ себя вельможу посломъ къ королевѣ. Знай сэръ-Еремѣй Баусъ мѣру и воспользуйся онъ благопріятнымъ временемъ, царь согласился бы на всякое предложеніе, такъ пламенно желалъ онъ достигнуть своей цѣли: онъ согласился бы даже, въ случаѣ брака съ родственницей королевы, утвердить наслѣдіе престола за ея потомствомъ.»

Весь ходъ переговоровъ съ Баусомъ обличаетъ въ царѣ

Иванъ Васильевичъ отсутствіе всякой мысли о выгодахъ своихъ подданныхъ, одну заботливость объ удовлетвореніи своихъ прихотей. Онъ готовъ былъ предоставить Англичанамъ всю мурманскую ¹ торговлю; онъ соглашался отдать имъ четыре ключа къ Ёломорской торговлѣ; но не хотѣлъ дозволить имъ ѣздить въ область Печорскую и къ устью Оби, потому что оттуда шли кречеты для его царской охоты и получались лучшіе соболы, которыхъ торгъ составлялъ монополію царской казны. На требованіе запереть сѣверныя пристани Россіи всѣмъ иностранцамъ кромѣ Англичанъ, бояре отвѣчали Баусу разсужденіями о пользѣ народной, о необходимости Россіи въ торговлѣ съ другими государствами. Но не о народѣ и не о государствахъ заботился царь Иванъ Васильевичъ; его останавливала другая мысль, — что Англичане продаютъ свои товары дорого, да и товары ихъ для его царской казны не пригодны, тогда какъ другіе купцы привозятъ ему перстни и драгоценные камни и продаютъ ихъ ему дешево. Можно было бы придать государственное значеніе его требованію наступательнаго союза съ Англіей противъ Польши и Швеціи: но это было не болѣе какъ жажда личнаго мщенія за постыдную уступку Баторію—Ливоніи, Іоанну III—Ямы, Ивангорода и Копорья. Притомъ, убѣдясь, что Елисавета не согласится, вопреки праву народному, безъ предварительныхъ обсылокъ, врасплохъ, напасть на Поляковъ и на Шведовъ, онъ пересталъ настаивать на этомъ условіи и обратился къ удовлетворенію одной своей прихоти жениться на родственницѣ королевы: для этого онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, даже тремя вѣнцами, которые такъ пышно выставлялъ на показъ посламъ, и, оставивъ царство, захватить свою казну и плыть въ Англію.

Нѣтъ повода думать, чтобъ Іоаннъ не хотѣлъ исполнить этого намѣренія: оно возникло еще задолго до его смерти, какъ видно изъ привезенной Совинымъ грамоты отъ 18 мая 1570 года за подписью Елисаветы и десяти первыхъ сановниковъ Англіи, членовъ ея тайнаго совѣта. Въ грамотѣ этой, по просьбѣ царя, королева обѣщаетъ ему, его супругъ, дѣтямъ и слугамъ принять ихъ въ Англію, еслибы, по случаю тайнаго заговора или внѣшнихъ враговъ, онъ принужденъ былъ

¹ То-есть Норвежскую—вдоль по Мурманскому поморью Сѣвернаго океана.

выѣхать изъ Россіи. Что Іоаннъ признавалъ въ государствѣ существованіе владѣній, лично ему не какъ царю, но какъ вотчиннику, принадлежавшихъ; что на царскую казну смотрѣлъ онъ также какъ на неотъемлемое свое достояніе, что онъ считалъ себя въ правѣ не только самъ оставить престолъ, но и передать правленіе лицу, имъ самимъ выбранному,—все это достаточно доказывается выдѣломъ *опричины* изъ *земщины*, перевозкой сокровищъ кремлевскихъ въ Александровскую слободу, и временною передачей титула царскаго Татарину Симеону Бекбулатовичу. Почему же сомнѣваться въ томъ, что онъ дѣйствительно хотѣлъ поселиться въ Англіи и вести тамъ жизнь богатаго вельможи, точно также какъ ѣзжалъ въ Александровскую слободу вести жизнь строгаго монаха?

Во всякомъ случаѣ народъ нисколько не сомнѣвался въ искренности этого намѣренія, и провѣдавъ о немъ въ самый годъ посольства Совина (1570), приписывалъ его чарамъ «лютатаго волхва Нѣмчина, нарицаемаго Елисея» (Бомеля), который, по словамъ лѣтописца, «едва не отвратилъ царя отъ православія, внушилъ ему убить множество бояръ и князей, и наконецъ навелъ его самого на мысль бѣжать въ Англію и тамъ жениться, а остальныхъ своихъ бояръ изгубить.»

«Вотъ каково правилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ!» заключаетъ лѣтописецъ ¹.

III.

«Великій князь малъ ростомъ, довольно худощавъ, лицо его простодушно; голосъ тихъ, даже подобострастенъ; умъ онъ имѣеть или скудный, или, какъ я узналъ по разказамъ другихъ и по собственному наблюденію, онъ его вовсе не имѣеть; ибо сядя (на престолѣ) онъ не переставалъ смѣяться, любуясь на свой скипетръ и на державу,» такъ описываетъ царя Федора

¹ И конечно былъ отвелъ царя отъ вѣры... и много множества роду боярскаго и княжеска взусти убити цареви; послѣди же и самого приведи *на колець* (какъ у Погодина, а не *на конецъ*, какъ въ Полн. Собр. Лѣт.) бѣжати въ Англичскую землю и тамо жениться, а свои было бояре оставшіе побити... Сицева бысть держава грозного царя Ивана Васильевича. (1 Псковск. лѣт. 7078).

Ивановича польскій посоль Сапѣга въ письмѣ своемъ къ кардиналу Болоньетти ¹.

Еще положительнѣе отзывъ Шведа Петрея ²: по его словамъ «новый великій князь былъ отъ природы почти лишень разсудка и безуменъ... забавлялся одними духовными предметами, не рѣдко самъ бѣгалъ по церквамъ трезвонить въ колокола и слушать обѣдню. Отецъ его часто его за это укорялъ говоря, что онъ похожъ скорѣе на пономарскаго чѣмъ на великокняжескаго сына.»

При подобныхъ свидѣтельствахъ, понятно, почему Іоаннъ не остановился, по убіеніи старшаго сына, торжественно заявить неспособность Федора управлять Россіей ³; почему, на смертномъ одрѣ, онъ вѣрилъ государство пятичленной верховной думѣ; и почему, въ послѣдствіи, такъ легко было захватить въ свои руки всю власть царскому шурина, Борису Федоровичу Годунову, который «бысть одаренъ отъ Бога возрастомъ, и человѣчествомъ, и умомъ паче всѣхъ человѣкъ.» Но въ первые дни по смерти Іоанна вся власть, казалось, сосредоточилась въ рукахъ боярина Никиты Романовича Юрьева, который, уступая первенство въ думѣ боярской только восьмидесятилѣтнему старцу, князю Ивану Федоровичу Мстиславскому, какъ дядя царя, являлся самымъ вліятельнымъ членомъ правленія. Къ нему же присталъ опытный дѣлецъ, думный дьякъ Андрей Щелкаловъ, и они, говорить Баусъ, стали вести себя какъ цари.

Такимъ образомъ, со смертью царя Ивана Васильевича, Баусъ остался въ рукахъ своихъ двухъ главныхъ враговъ: Щелкалова, который не могъ забыть вынесенныхъ изъ-за него побоевъ, и Юрьева, котораго Баусъ также обвинялъ въ искаженіи своихъ рѣчей. Щелкаловъ началъ съ того, что послалъ объявить Баусу, что *англійскій царь* умеръ,—выраженіе многозначительное, которое обнаруживаетъ сужденіе современниковъ объ уступкахъ Іоанна Англичанамъ и доказываетъ также какъ громко высказывалось это сужденіе. Къ посольскому дому приставлены были караульные, которые не только не выпускали ни Бауса и никого изъ его прислуги и не впускали никого къ нимъ въ домъ, но даже когда кому-

¹ *Historica Russiae monumenta.* II, 4,

² *Rerum Rossicarum scriptores exteri.* I, 149.

³ Карамзинъ IX, 335. (изд. 1821).

нибудь изъ Англичанъ случилось выглянуть въ одно изъ оконъ, выходящихъ на улицу, били ихъ и бросали въ нихъ комьями грязи и «тѣмъ что лежить на улицахъ». Толмачу Бауса Щелкаловъ и Юрьевъ объявили, что «полно Баусу наживаться шкурами отпускаемыхъ ему отъ царя барановъ, топить сало на своей кухнѣ и копить свои кормовыя деньги». Прежнее щедрое положеніе, назначенное изъ дворца на его столъ, было замѣнено худымъ и скуднымъ кормомъ. Баусъ сдѣлался боленъ: ему отказали въ позволеніи видѣться съ докторомъ.

Положеніе Бауса было тѣмъ тягостнѣе, что и между бывшими въ Москвѣ Англичанами у него были враги. Справедливо ли или нѣтъ, Щелкаловъ и Юрьевъ насмѣхались надъ его скупостію, но, еще въ первое время пребыванія его въ Москвѣ, одинъ изъ прикащиковъ англійской конторы, по имени Егоръ Руперъ, у него за столомъ, сталъ бранить его по-вара и, разсердясь, грозилъ его убить. Баусъ выгналъ Рупера изъ своего дома, и Руперъ обратился съ просьбою о защитѣ къ Горсею, заступившему въ то время мѣсто главнаго прикащика Общества. Горсей, лично известный царю Ивану Васильевичу и многимъ изъ бояръ, выхлопоталъ Руперу аудіенцію у царя, которому Руперъ объяснилъ, будто бы Баусъ не имѣетъ никакого значенія при дворѣ Елисаветы и точно также на службѣ Общества какъ и они, Руперъ и Горсей. Кромѣ того, тотъ же Руперъ и какой-то его товарищъ Уаддамъ, также вѣроятно въ чемъ-нибудь обиженный Баусомъ, стали распускать слухи, будто бы Баусъ не посланникъ королевы, а просто наемщикъ Общества; будто бы королева рада была случаю отправить его въ Россію, чтобы дать ему средство нажитья, а также потому, что ея любимецъ графъ Лестеръ (Leicester) не можетъ равнодушно его видѣть; будто бы Баусъ такъ бѣденъ, что ему нечѣмъ жить въ Англіи, гдѣ онъ держалъ только одного слугу, а часто обходился и совсѣмъ безъ прислуги и т. п. Прописывая всѣ эти сплетни въ доносѣ, поданномъ имъ на Егора Рупера по возвращеніи своемъ въ Англію, Баусъ приписываетъ имъ неуспѣхъ своего посольства, говоря, что еслибы не было распушено такихъ слуховъ, «онъ имѣлъ бы самый лучшій отпускъ, былъ бы верстъ за пятьсотъ отъ Москвы прежде чѣмъ умеръ царь и привезъ бы въ Англію вновь подтвержденную имъ первую жалованную грамоту съ прибавленіемъ такихъ льготъ, какихъ купцы никакъ не могли ожидать.»

Единственное лицо, которое не измѣнило своего благорасположенія къ Баусу, былъ «благородный и честный дворянинъ *милко* Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ,» который продолжалъ оказывать всякое уваженіе посланнику, «и охотно сдѣлалъ бы ему и болѣе одолженій, но еще не имѣлъ власти.» То же подтверждаетъ и Горсей, который въ запискахъ своихъ разказываетъ, какъ Годуновъ черезъ него увѣрялъ Бауса, что употребить всякое стараніе все уладить къ лучшему.

Содержаніе Бауса подѣ стражею продолжалось около девяти недѣль; ежедневно ожидая рѣшенія своей участи, онъ готовился ко всему худшему, ибо между боярами шла толка о томъ, что онъ поведеніемъ своимъ заслужилъ смерть, а ненависть свою къ нему народъ уже доказалъ своими восклицаніями при первомъ его шествіи во дворецъ. Можно судить о страхѣ Бауса, когда однажды раздались по московскимъ улицамъ буйные крики двадцатитысячной толпы. Не зная, что цѣлю этого мятежа былъ Бѣльскій, онъ легко могъ думать, что наступилъ его послѣдній часъ и даже въ послѣдствіи, ожидая, по собственному сознанію, *подобной мьры* противъ себя, онъ счелъ нужнымъ принять всѣ предосторожности для своей защиты.

Наконецъ въ одинъ вечеръ прислали сказать Баусу, чтобы на завтра онъ изготовился получить отпускъ. Въ слѣдующее утро онъ явился въ Кремль, гдѣ уже не было ему прежней встрѣчи со стороны знаменитѣйшихъ и важнѣйшихъ сановниковъ. Его приняли Василій Яковлевичъ Щелкаловъ (братъ Андрея) и еще какой-то дворянинъ, котораго онъ прежде никогда не видывалъ. Они объявили ему, что новый царь не желаетъ возобновлять переговоровъ начатыхъ его отцомъ, и не намѣренъ слушать его рѣчей.

Горсей передаетъ укоризны, которыя, при этомъ случаѣ, бояре говорили Баусу, «что ему бы слѣдовало обрубить руки и ноги, выкинуть его тѣло въ рѣку» и т. п. Баусъ умалчиваетъ объ этихъ обидныхъ рѣчахъ, но въ подробности передаетъ споръ о томъ, когда, объявивъ ему повелѣніе идти предъ царя, отъ него требовали, чтобъ и онъ и его слуги сняли съ себя мечи и кинжалы. Кромѣ униженія своего рыцарскаго званія, Баусу представлялась въ исполненіи этого требованія и опасность остаться беззащитнымъ въ рукахъ своихъ враговъ; онъ объяснялъ кромѣ того неприличіе, по тогдашнимъ англійскимъ понятіямъ, явиться предъ царемъ въ

короткомъ платьѣ; хотѣлъ отказаться отъ представленія царю и возвратиться домой; просилъ, по крайней мѣрѣ, послать за болѣе длинною одеждою ¹. Василій Щелкаловъ прекратилъ разсужденія Бауса и, подойдя къ нему «съ свирѣпыми и дерзкими видомъ,» приказалъ скорѣе снимать оружіе и идти къ царю; между тѣмъ слуга, который уже принесъ требуемую имъ одежду, былъ вытолкнутъ прочь, и Бауса повели «скорѣе какъ плѣнника чѣмъ какъ посланника.» Онъ надѣялся, по крайней мѣрѣ, жаловаться царю на всѣ эти обиды: и эту надежду у него отняли, не допустивъ толмача сопровождать его.

Царь въ короткой рѣчи изъявилъ желаніе быть съ королевою въ такомъ же союзѣ дружбы, въ какомъ былъ съ нею его отецъ; потомъ приказалъ передать Баусу грамоту на имя Елисаветы. Баусъ хотѣлъ отъ нея отказаться: его принудили ее принять, и онъ рѣшился при первомъ случаѣ ее возвратити.

На другой день докторъ Якоби (способствовавшій переговорамъ Бауса при покойномъ царѣ) говорилъ Андрею Щелкалову, какъ Баусъ оскорбленъ всѣми нанесенными ему обидами. «Пусть онъ благодаритъ Бога, отвѣчалъ Щелкаловъ. Богъ былъ благъ для него. Не пойдя онъ къ царю, его бы на куски разорвали и выбросили бы за стѣны.» Эти слова даютъ мѣру и опасности, которой подвергался Баусъ, и ожесточенію бояръ противъ него.

Баусъ хлопоталъ о скорѣйшемъ выѣздѣ изъ Москвы; но прошла еще цѣлая недѣля прежде чѣмъ ему прислали лошадей, если вѣрить ему, «безъ уздъ и безъ сѣделъ», такъ что онъ долженъ былъ купить для нихъ всю сбрую. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ былъ утѣшенъ новымъ знакомъ вниманія Годунова, который прислалъ ему въ подарокъ два куска красивой золотой парчи и сорокъ соболей, и велѣлъ сказать ему, что желаетъ дружбы и братства между царемъ и королевою и братства и любви между собою и посланникомъ. За то Юрьевъ и Щелкаловъ нанесли ему новую обиду, въ самое утро его отъѣзда, возвративъ ему поднесенные имъ покойному царю

¹ Со времени Маріи и Филиппа II-го, англійскіе придворные сверхъ обыкновеннаго платья, плотно облегающаго станъ (*justaucorps*), набрасывали испанскую короткую епанчу, которая, въ торжественные случаи, замѣнялась широкою, спускавшеюся ниже колѣнъ, верхнею одеждою съ короткими, выше локтя, рукавами.

подарки; они же прислали ему въ подарокъ отъ царя три сорока соболей; «но соболи эти, говоритъ Баусъ, были безспорно самые дрянные, какіе только отыскались въ Москвѣ: никто не оцѣнилъ ихъ дороже сорока фунтовъ стерлинговъ.»

«Увѣдомленный при отъѣздѣ изъ Москвы, что ему будетъ ежедневно угрожать нечаянное нападеніе, посланникъ рѣшился принять всѣ мѣры для защиты своей и своихъ слугъ, готовясь, въ случаѣ нападенія, умереть съ тѣми изъ нихъ, которые останутся вѣрны своему долгу. Опасность посланника была такъ общеизвѣстна, что, хотя онъ именемъ государыни приказывалъ всѣмъ англійскимъ купцамъ сопровождать его, они совершенно его покинули.» Такъ повѣствуетъ самъ Баусъ.

Иначе разказываетъ Горсей: по обыкновенію, приписывая себѣ всѣ хлопоты о безопасности Бауса, онъ говоритъ, какъ онъ нанялъ для Бауса тридцать подводъ; какъ, съ разрѣшенія Годунова, со всѣми своими друзьями и слугами, проводилъ Бауса за десять верстъ отъ Москвы и тамъ въ шатрѣ угостилъ его прощальною закуской; и какъ Баусъ изъ Переяславля письменно благодарилъ его за все, что онъ сдѣлалъ, и просилъ продолженія его заботъ.

При двухъ столь противорѣчащихъ показаніяхъ, трудно рѣшить, кому дать вѣру: озлобленному ли Баусу, или хвастливому Горсею. Единственное возможное предположеніе есть то, что, желая отмстить за свои обиды, Баусъ требовалъ отъ англійскихъ купцовъ, чтобъ они закрыли свою контору въ Москвѣ и вмѣстѣ съ нимъ ѣхали бы въ Англію, и что купцы не согласились исполнить это требованіе. Возможность такого предположенія допускается послѣдующими дѣйствіями Бауса, старавшагося всѣми способами прекратить дружескія сношенія Елисаветы съ русскимъ правительствомъ.

О перенесенныхъ имъ обидахъ на пути въ Холмогоры, Баусъ самъ считаетъ излишнимъ упоминать, а Горсей говоритъ, что ничтожный сынъ боярскій (*meane sina boarscie*), данный ему въ приставы, обходился съ нимъ весьма невѣжливо и очень оскорблялъ его надменностью и высокимъ о себѣ мнѣніемъ. Какъ бы то ни было, этотъ приставъ, по имени Никифоръ Суцовъ, 12 августа «отпустилъ за море англійскаго посла» на прибывшихъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ къ двинскому устью англійскихъ корабляхъ; съ Баусомъ же отпущены были: «докторъ Романъ (Робертъ Якови) и аптекаръ Яковъ. (Ричардъ Френшемъ) съ

женою и съ дѣтми и съ тещей, и Елисеевская (Бомелева) жена Анна (Ричардсъ) и съ дѣтми и съ ихъ людьми.»

Баусъ говоритъ, что «онъ рѣшился, по возможности, хотя отчасти, отплатить за оскорбленія, сдѣланныя ея величеству и ему, и потому, распростившись съ своимъ невѣжливымъ приставомъ, онъ, отправляясь на корабль, вооружилъ своихъ слугъ, и, распорядившись на случай нападенія, выбралъ изъ нихъ трехъ или четырехъ самыхъ храбрыхъ и расторопныхъ, которымъ приказалъ вручить приставу или оставить въ его домъ *пустыяшную* грамоту (weak letter) царя и дрянной его подарокъ.» За Баусомъ отправлена была погоня, чтобы требовать отъ него обратнаго принятія грамоты и подарка, но уже было поздно, и онъ благополучно достигъ своего корабля.

Баусъ при этомъ умалчиваетъ объ одномъ обстоятельстве, которое однакоже весьма любопытно. Вмѣстѣ съ грамотой и соболями онъ послалъ приставу письмо, въ которомъ выразилъ все безсиліе своей злобы на двухъ своихъ враговъ. Замѣчательно, что объ этомъ бранномъ письмѣ, которое вполнѣ заслуживаетъ названіе пасквиля, только мелькомъ упомянуто въ бывшей потомъ между Феодоромъ и Елисаветой перепискѣ относительно отсылки Баусомъ грамоты царской и царскаго подарка. Вѣроятно, самое содержаніе этого пасквиля осталось бы вовсе неизвѣстнымъ, еслибы въ лондонскомъ государственномъ архивѣ (State paper office) не сохранилось съ него копій, наскоро списанной какимъ-то Англичаниномъ, отправившимъ его въ лондонское правленіе Общества. Письмо это такъ хорошо выражаетъ и малодушіе, и злость Бауса, что заслуживаетъ быть приведеннымъ вполнѣ.

«Объявляю, что при моемъ отъѣздѣ изъ Москвы, *Микита Романовичъ* и *Андрей Шалканъ* считали себя царями, и что, поэтому, такъ ихъ и называли многіе, и притомъ изъ умнѣйшихъ и знатнѣйшихъ сановниковъ; а что ни Феодоръ, сынъ покойнаго царя, ни тѣ изъ его сановниковъ, которые, по своей преданности къ государю и по своей любви къ отечеству, были бы достойны управлять, не имѣли никакой власти и не смѣли ея искать. Вошь почему мнѣ былъ такой отпускъ, благодаря этимъ самозванцамъ-царямъ; по ихъ приказаніямъ мнѣ были сдѣланы всѣ обиды и оскорбленія, мнѣ причиненныя, а ихъ весьма много.

«По ихъ распоряженію, въ обиду мнѣ, возвратили дары, поднесенные мною прежде покойному царю, за исключеніемъ

лука-самострѣла. Эти дары были мнѣ отосланы съ какимъ-то бѣднымъ *подъячимъ* (*podiache*) и какими-то, мнѣ кажется, скomoroxами (*scomogoges*), потому что ни у одного изъ нихъ не было на спинѣ платья, которое и рубля бы стоило. А вмѣсто самострѣла, о которомъ подъячій сказалъ, что царь его взялъ, мнѣ прислали три сорока шкуръ; называли ихъ соболями, но Богъ вѣсть что это за дрань.

«Я гнушаюсь возвратомъ моихъ подарковъ. Въ десять разъ болѣе гнушаюсь присылкою такого подарка посланнику английской королевы, хоть бы мнѣ. И потому я возвращаю его тѣмъ двумъ сквернымъ царямъ, которые мнѣ его прислали.

«Что же касается грамоты, которую мнѣ вручили, то, какъ тогда же я отказывался ее принять, такъ отказываюсь и теперь, потому что я вполне увѣренъ, что содержаніе ея не было сообщено ни Θεодору, сыну покойнаго царя, и никому другому изъ истинныхъ и умныхъ сановниковъ государства. Грамоту эту отсылаю назадъ тѣмъ двумъ невѣрнымъ подданнымъ своего государя и врагамъ государства. Слышу, что Θεодоръ, сынъ покойнаго царя, вѣнчался на царство: радуюсь этому, желаю ему благополучія и не сомнѣваюсь, что онъ скоро найдетъ справедливымъ велѣть имъ срубить головы съ плечъ.

«Еремѣй Баусъ.»

О томъ впечатлѣніи, которое этотъ пасквиль произвелъ на прикащиковъ Общества въ Россіи, можно судить по запискѣ, при которой отправлена съ него копія членамъ правленія Общества въ Лондонъ.

«Доношу вашимъ достопочтенностямъ (*your worships*), что господинъ посланникъ, будучи на кораблѣ, послалъ къ дворянину, проводившему его, незапечатанное письмо самаго нахальнаго (*despiteful*) содержанія. Я второпяхъ его списалъ, постарайтесь разобрать. Лучше бы онъ никогда сюда не прѣзжалъ. Изъ Москвы будетъ вамъ присланъ болѣе исправный списокъ; теперь никому изъ насъ некогда. Господь да ниспошлетъ намъ всѣмъ свою благодать.

«Сего 12 августа, въ 8 часовъ ночи.

«Ко услугамъ вашихъ достопочтенностей

«J. G.»

Писавшій, очевидно, спѣшилъ отправить свое донесеніе съ кораблемъ, который отвозилъ Бауса въ Англію.

IV.

12 сентября Баусъ вышелъ на англійскій берегъ въ Гревендѣ; отсюда отправился ко двору, который въ то время находился въ Отландсѣ (Oatlands), былъ принятъ Елисаветою, допущенъ къ ея рукѣ, отдалъ ей отчетъ въ своемъ посольствѣ и подарилъ ей лося и пару лапландскихъ оленей ¹.

Королева, по своему обыкновенію, благосклонно приняла подарокъ и тѣшилась зрѣлищемъ ѣзды на оленяхъ въ самоѣдской упряжкѣ. Разказъ Бауса, о томъ какъ съ нимъ обходились въ Россіи, не могъ не возбудить ея негодованія, ибо о поведеніи Бауса и объ его поступкахъ она должна была судить только по его словамъ, а онъ считалъ свои заслуги столь важными, что требовалъ отъ Общества себѣ въ награду: дозволенія отправить на свой счетъ въ Россію корабль съ грузомъ англійскихъ товаровъ, и вывезти отсюда грузъ русскихъ товаровъ; хотѣлъ, чтобъ Общество уплатило ему всѣ путевые, кормовые и другіе расходы за время его отсутствія изъ Англій, и кромѣ того, 100 фунтовъ стерлинговъ, на полученіе которыхъ, по возвращеніи его изъ Россіи, Общество, снисходя къ просьбѣ его брата, открыло ему кредитъ во всѣхъ портахъ Англій, куда онъ могъ пристать.

Но Общество, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, никогда не отличалось податливостію на денежныя требованія и почти съ каждымъ изъ англійскихъ пословъ, возвращавшихся изъ Россіи, имѣло споры при окончательныхъ разчетахъ издержекъ посольства. Тѣмъ болѣе, въ настоящемъ случаѣ имѣло оно всѣ поводы отказать Баусу въ его ходатайствѣ, ибо Баусъ не только не привезъ съ собою подтвержденія прежнихъ повольностей, но даже никакой грамоты царской на имя королевы; права же свои на благодарность Общества основывалъ единственно на собственныхъ своихъ разказахъ о томъ, что *могъ бы* выхлопотать, *еслибы* царь Иванъ Васильевичъ не умеръ.

¹ Баусъ купилъ въ Холмогорахъ 17 оленей, изъ которыхъ только девять доѣхали живыми въ Англію.

Общество, напротивъ, представило противъ Бауса жалобу, что онъ, не имѣя на то никакого права, не только самъ привезъ двѣ большія бочки мѣховъ, но еще дозволилъ выставить свое имя на кладѣ, принадлежащей своему слугѣ Финчу и содержащей большое количество пушныхъ товаровъ ¹. Общество тѣмъ болѣе оскорблялось такимъ поступкомъ, что отецъ Финча былъ давно извѣстенъ какъ человекъ занимающійся въ тайнѣ торгомъ съ Россіей, составлявшимъ монополію Общества и слѣдовательно запрещеннымъ для всѣхъ другихъ.

На основаніи привилегіи своей, требуя уплаты пошлины за эти товары и отдачи ихъ Обществу, оно требовало еще, чтобы Баусъ возвратилъ данную ему на время его посольства, серебряную посуду; также возвратилъ серебряные тазъ и умывальникъ, не оказавшіеся въ числѣ доставленныхъ обратно отъ царя подарковъ, и чтобъ онъ объяснилъ, на какой предметъ заняты имъ въ Россіи у прикащика Уильяма Тернбуля (Turnebull, Улянъ Тромбуль) 500 рублей? Только въ случаѣ удовлетворительнаго рѣшенія этихъ трехъ статей, общество соглашалось выдать Баусу требуемые имъ 100 фунт. стерлинговъ; на прочія же его требованія оно даже не удостоило его отвѣта.

Исходъ этого спора не извѣстенъ. Последняя бумага, встречающаяся по этому дѣлу въ лондонскомъ архивѣ, есть «Напоминаніе правителю Общества, старшинѣ Мартину ² отъ « » декабря 1584 года. Въ напоминаніи этомъ сказано, чтобы Мартинъ предложилъ Баусу кончить это дѣло не позже Рождества и сказалъ «сэръ-Еремею, что онъ ѣхалъ (въ Россію) по своей доброй волѣ, и что слѣдовательно отъ него зависитъ все кончить дружелюбно и безъ дальнѣйшихъ хлопотъ.»

¹ Товары, на которыхъ написано было имя «господина посланника», и о которыхъ Баусъ, когда съ него потребовали пошлины, объявилъ, что они принадлежатъ Финчу, состояли изъ двухъ большихъ бочекъ и двухъ мѣшковъ бѣлыхихъ мѣховъ, и двухъ коробовъ бобровыхъ шкуръ. Въ мѣшкахъ было вѣса около 200 фунтовъ англійскихъ (то-есть 220 русскихъ); въ коробахъ съ бобрами было въ одномъ, большемъ, болѣе 500 ф. англійскихъ (то-есть 550 русскихъ), а въ другомъ, меньшемъ—360 шкуръ.

² «A remembrance for Mr. Alderman Martynе gouvernore.» Подобныя напоминанія или памятные записки давались правителямъ Общества для объясненій и докладовъ канцлеру и тайному секретарю. Въ Лондонскомъ королевскомъ архивѣ хранится множество подобныхъ запи-

Негодование Елисаветы на поведеніе русскаго правительства въ отношеніи къ ея посланнику вполне выразилось по прѣздѣ въ Лондонъ царскаго гонца, Регинальда Бекмана ¹ (21 марта 1585); три раза былъ онъ призыванъ во дворець, и только въ четвертый, послѣ полуторамѣсячнаго ожиданія (6 мая) былъ допущенъ къ королевѣ, которая съ укоромъ говорила ему о недружелюбій новаго царя къ Англичанамъ. Бекманъ не имѣлъ отъ нея отпускнуой аудіенціи, и Елисавета 24 іюня поручила своему государственному секретарю Уэльсингему отдать ему отвѣтную ея грамоту царю.

Въ грамотѣ этой, написанной съ замѣтною холодностію, Елисавета съ удивленіемъ и даже почти съ недоумѣніемъ отъчала между прочимъ и на жалобы царя о поведеніи Бауса. Она подтверждала, что Баусъ лично ей извѣстенъ своимъ благодарностію, осторожностію и достохвальнымъ поведеніемъ, что за эти именно качества и избранъ онъ былъ ею для отправленія въ Россію изъ числа многихъ ея придворныхъ. Если же онъ и могъ позабыть свои обязанности, то приписать это можно развѣ тому, что его вывели изъ терпѣнія клеветы и противодѣйствіе нѣкоторыхъ совѣтниковъ царскихъ, или незнанію имъ русскихъ обычаевъ, или ошибкамъ толмача или какимъ-нибудь подобнымъ причинамъ. «Но, повторяла Елисавета, онъ всегда былъ намъ извѣстенъ въ Англіи какъ человекъ осторожный, искусный въ дѣлахъ.» (Nos enim eum hominem hic prudentem et in rebus gerendis sagacem cognovimus.)

Такой отвѣтъ, очевидно, не могъ удовлетворить русское правительство, въ главѣ котораго уже успѣлъ стать Борисъ Годуновъ; обвинить Бауса было тѣмъ необходимѣе, что это об-

сокъ, на которыхъ часто попадаются отмѣтки дрожащею рукою старика Сесіля отца (лорда Бѣрлея), или бойкою скорописью Уэльсингема, или несвязнымъ, почти дѣтскимъ почеркомъ Сесіля сына (сэръ-Роберта).

¹ *Романъ* Бекманъ (Raynald Beckman), какъ видно изъ памятной записки Общества отъ 21 марта 1585 г. и изъ грамоты Елисаветы къ Теодору отъ 24 марта 1586 г., былъ ливонскій уроженецъ и началъ тѣмъ, что года четыре служилъ Обществу въ Россіи; потомъ, хорошо знаа английскій языкъ, перешелъ на царскую службу и въ 1570 году прѣзжалъ въ Лондонъ въ званіи толмача при русскомъ посланникѣ Сомиѣ. Общество подозрѣвало его въ склонности къ соперникамъ англійской торговли, Фламандцамъ.

виненіе представлялось единственнымъ средствомъ для оправданія нанесенныхъ Баусу оскорбленій и слѣдовательно для возобновленія искренно-дружескихъ сношеній съ Елисаветой; а дружба съ ней была съ самаго начала владычества Годунова постояннымъ предметомъ его исканій. Для этой цѣли Годуновъ избралъ Горсея и во всѣхъ отношеніяхъ не могъ сдѣлать лучшаго выбора, ибо Горсей былъ свидѣтелемъ Баусова пребыванія въ Москвѣ, нѣкоторое время даже завѣдывалъ тамошнею англійскою конторой; притомъ онъ былъ довокъ, рѣчиствъ и совершенно преданъ Годунову. Не прошло мѣсяца со времени возвращенія Бекмана въ Москву, какъ Горсей уже везъ новую царскую грамоту въ Лондонъ ¹.

Въ этой грамотѣ подробно перечислялись всѣ проступки Бауса: какъ онъ передъ покойнымъ царемъ «говорилъ многія непригожія слова, чего никоторому послу передъ государемъ говорить непригоже; а на бояръ накладывалъ ложь, будто они не съ тѣми словы къ государю приходили, что съ нимъ говорить; а дѣлу никоторому толку не далъ, только искалъ своей безпутныя чести до корысти, чтобъ ему кормы давали многіе;» какъ потомъ, возвращаясь изъ Москвы въ Холмогоры, «въ дорогѣ многіе непригожіе дѣла дѣлалъ и пристава безчестилъ, кормъ государево жалованье ставилъ ни во што;» какъ наконецъ «пришедъ на Колмогоры къ морскому пристанищу и сѣдчи на корабль, государеву грамоту, которая съ нимъ послана къ Елизаветѣ королевнѣ, и жалованье государское, чѣмъ его государь пожаловалъ на отпускъ, покинулъ у пристанища на Колмогорахъ; а съ тою грамотой покинулъ письмо свое, и въ томъ письмѣ своемъ писалъ многіе непригожіе дѣла.» «А того нигдѣ не ведетца, сказано далѣе въ грамотѣ, что такъ послу дѣлати: къ государемъ приходити невѣжливо, и жалованье государское ставить ни во что, и грамоту великаго государя взявъ къ своей государынѣ да не доведши покинути.»

Баусъ понялъ, что прибытіе Горсея не предвѣщаетъ ему ничего хорошаго и поспѣшилъ, по пріѣздѣ его въ Ричмондъ, посѣтить его вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Ральфомъ Баусомъ,

¹ Бекманъ возвратился 18 сентября, грамота Феодора посланная съ Горсеемъ подписана тѣмъ же мѣсяцемъ (сентября 1585 г.).

занимавшимъ, какъ уже сказано выше, довольно почетное званіе начальника королевинныхъ охотъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, они прямо приступили къ предмету своего посѣщенія: стали расспрашивать Горсея о томъ, что пишетъ съ нимъ царь и до того успѣли его запугать, что на другой день Горсей, на расспросы Елисаветы, старался какъ можно менѣе говорить о Баусѣ, а при переводѣ царской грамоты смягчилъ всѣ употребленныя противъ него выраженія; на восстановленіе ихъ во всей полнотѣ и на исправленіе своего перевода рѣшился онъ только въ послѣдствіи по убѣжденіямъ Уэльсингэма, который угрожалъ ему гнѣвомъ Елисаветы за неточность и ручался въ томъ, что она защититъ его отъ чьей бы то ни было мести. Призванный вновь къ королевѣ, онъ говорилъ съ ней уже безъ утайки и между прочимъ объяснилъ, что главный поводъ къ ея неудовольствію — обезоруженіе Бауса при представленіи его Теодору — было соблюденіе русскаго обычая, по которому нельзя было явиться въ оружіи предъ «священной особой миролюбиваго государя, когда его душа была одѣяна скорбью»; что притомъ послѣ Бауса, тому же требованію подчинился и польскій посолъ Сапѣга.

Естественнымъ слѣдствіемъ объясненій Горсея было неудовольствіе королевы на Бауса, и Баусъ рѣшился отмстить Горсею: орудіемъ своей мести онъ избралъ своего нахлѣбника (byhanger) Финча, вѣроятно того самаго, который подъ его именемъ хотѣлъ провезти мѣха въ Англію. Финчъ, по его наущенію, поддѣлалъ какія-то письма подъ руку Горсея, а самъ Баусъ написалъ на Горсея доносъ любимцу Елисаветы, графу Лестеру (Dudley earl of Leicester). Горсею удалось однакоже доказать подлогъ Финча и клевету Бауса: первый былъ посаженъ въ тюрьму, а послѣднему запрещено показываться на глаза королевѣ.

Отчетъ о посольствѣ Бауса и о возникшей о немъ перепискѣ былъ бы не полонъ, если не упомянуть о грамотѣ Елисаветы отъ 23 марта 1586 года, посланной къ Теодору съ Горсеемъ и которой значительная часть посвящена объясненіемъ по этому дѣлу. Елисавета сознается, что Баусъ подъ конецъ оказалъ болѣе нетерпѣнія чѣмъ слѣдовало; но душа его была уязвлена отнятіемъ у него оружія, что въ понятіи Англичанина есть величайшее оскорбленіе для посла, особенно же для рыцаря. Даже королевѣ былъ этимъ данъ справедли-

вый поводъ подозрѣвать въ царѣ другія чувства, чѣмъ какихъ она заслуживаетъ отъ друга: но объясненія Горсея успокоили ее, и она считаетъ себя совершенно удовлетворенною. Отрицаніе царской грамоты и подарка дотога разгнѣвало ее противъ Бауса, что она хотѣла строгаго его наказать: но Баусъ клятвенно увѣрилъ ее, что, по отбѣнѣ обѣщанныхъ ему привилегій и послѣ обидъ ему нанесенныхъ, онъ опасался принятіемъ грамоты или подарка, навлечь на себя строжайшую и чрезмѣрную кару отъ королевы. Королева рѣшается однако же отложить всѣ подозрѣнія, «да наконецъ воспріиметъ вновь теченіе та же тѣснѣйшая дружба, которую она съ покойнымъ царемъ установила на благо своихъ государствъ и поданныхъ» ¹.

Съ того времени дѣйствительно возобновилась между Англіей и Россіей *тѣснѣйшая дружба ко благу обоихъ государствъ и народовъ*, то-есть взаимная пересылка подарковъ между государями, неимовѣрныя требованія со стороны королевы и постепенное удовлетвореніе ихъ со стороны царя. Неудачное посольство Бауса было предано обоюдному забвенію.

¹ Quod factum (*ensis oblatio*) justam nobis proebuit causam suspicandi Ser-tem.V-tram non eo quo merebamur animo in... ffectum... um... Quoae (*Gladii ademptio*) nostris moribus in publico ...istro proesertim Equite maxime omnium insignis contumelia haberi solet. Quoae res ita ejus (*Hieronimi Bowes Equitis*) animum vulneravit ut magis deinceps impatienter quam certe decuit se semper gesserit: praecipue vero in literis vestris abijciendis et recusandis donis. In quibus ita animum nostrum ille offendit, ut eum hac de causa grauitur punire statuissimus, nisi juramento nobis sancte affirmasset... sse veritum, postquam denegata erant mercatoribus nostris priuilegia illaeque iniuriae, quas diximus, sibi allatae, si literas aut dona accepisset, ne grauissime post redditum in se extraordinaria poena animadueteremus. Veruvtamen nunc cum per Hieronimum Horsey.... perspicue intelligimus ademptionem armorum rem esse in ijs Prouincijs et Regnis usitatam, itemque Polonorum Regis Legato ibidem antea factitatum, nostro quidem animo abunde satisfactum hac in... comp... imus... At vero... omnes has suspiciones quae amicitiam laedant utrinque abijciendas esse censemus, ut idem arctioris amicitiae cursus, quem cum Patre vestro Ser—mo instituimus cum magno et Regnorum et Subditorum bono, dein... possit.» Точки означаютъ слова и буквы, стершіяся въ подлинной грамотѣ, а также пропуски, сдѣланные для сокращенія выписки.

Внимательный разборъ бумагъ относящихся къ этому посольству ¹ чрезвычайно поучителенъ: кромѣ образа царя Ивана Васильевича, который выходитъ въ нихъ во всей наготѣ своего нравственнаго растлѣнія, онъ рѣзкими чертами обрисовываютъ личность Бауса, обращага второстепенныхъ передворцевъ Елисаветы, и показываютъ нравственный уровень тогдашнихъ русскихъ передворцевъ. Баусъ ищетъ своей *безупутной чести*, заботится о своей корысти, выпрашиваетъ себя *кормовъ многихъ*, но между тѣмъ твердо стоитъ за честь своей королевы и однимъ упорствомъ едва не достигаетъ исполненія своихъ требованій: слушаетъ ругательства своихъ враговъ и въ то же время заботится о щеголеватости своей одежды; въ бранномъ, почти подметномъ письмѣ вымѣщаетъ безсильную злобу, но не забываетъ вывезти изъ ненавистной ему земли подарокъ для своей государыни и грузъ запрещенныхъ товаровъ для себя; и наконецъ, чтобъ отмстить за обнаруженіе всѣхъ его дѣйствій, прибѣгаетъ къ доносу, клеветѣ и пощолгу.

Едва ли похвальнѣе поведеніе русскихъ сановниковъ: подкупленные Фламандцами, они превратно докладываютъ царю переговоры свои съ посланникомъ, а Щелкаловъ вмѣсто куръ и барановъ отпускаетъ ветчину; наказаніе его побоями заставляетъ всѣхъ прочихъ, въ угожденіе царю, заискивать дружбы Бауса; но не успѣлъ еще остыть трупъ этого *англійскаго* царя, какъ Бауса сажаютъ подъ караулъ, слугъ его закидываютъ грязью и *тѣмъ что лежатъ на улицахъ*, и наконецъ, вдоволь надъ нимъ наругавшись, постыдно высылаютъ изъ Москвы.

Нельзя оставить безъ вниманія словъ Горсея, который, разказывая шестіе Бауса къ царю, упоминаетъ о бранныхъ насмѣшкахъ народа и говоритъ, что народъ «отчасти угадывалъ ненавистный предметъ его посольства»; значить, въ народѣ ходили толки и догадки о самыхъ тайныхъ замыслахъ царя, и народъ, несмотря на всю грозу этого царя, осмѣливался иногда высказывать свое о нихъ сужденіе.

¹ Кромѣ напечатанной въ сборникѣ Гаклюйта краткой записки самого Бауса и англійскихъ дѣлъ Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, сюда относятся четыре грамоты Елисаветы и двѣ Феодора; два наказа, хранящіеся въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ и напечатанные у Тургенева въ *Historica Russiae Monumenta*; и двѣнадцать разныхъ бумагъ и актовъ, хранящихся въ Лондонскомъ королевскомъ архивѣ.

Имя сэръ-Еремѣя Бауса еще разъ попадаетъ въ русскихъ бумагахъ лондонскаго королевскаго архива. Изъ памятной записки (безъ числа и года) на имя государственнаго секретаря сэръ-Роберта Сесиля (сына знаменитаго лорда Бёрлея) видно, что въ бытность въ Лондонѣ посланника царя Бориса, дворянина Григорія Ивановича Микулина (октября 1600 до іюня 1601 года), Баусъ, на одномъ изъ придворныхъ выходовъ въ Уэйтгольскомъ дворцѣ (Whitehall) указалъ ему на леди Кильдеръ (lady Kildare), сказавъ, что это та самая Марія Гастингсъ, которую сватали за царя Ивана Васильевича. Вниманіе, съ которымъ Микулинъ разсматривалъ послѣ этого леди Кильдеръ и ея молодую дочь, послужило Обществу англійскихъ купцовъ, торгующихъ съ Московіей, поводомъ представить сэръ-Роберту свои предположенія о томъ: какъ выгодно было бы и Обществу, и всёму государству, еслибы королева предложила царю Борису въ невѣсты для его сына (царевича Θεодора) хоть самую дальнюю свою родственницу (one that may derive anie smale kindred or alyance from her Ma—ie). «Царя не удовлетворишь одними словами: ему нужно дѣло или хотя подобіе дѣла» (he will loke for some matter or some apparaunce of matter), сказано въ запискѣ. «Подобное предложеніе не будетъ предосудительно для предлагаемой особы и можно выбрать такую, которая не будетъ принята по причинѣ разности лѣтъ, а тѣмъ не менѣе предложеніе доставитъ удовольствіе царю.» Лѣта царевича и царевны выведены на справку: «царскій сынъ очень молодъ: ему лѣтъ 13; дочери лѣтъ 17.»

Затѣйливой выдумкѣ этой не было однакоже суждено осуществиться. Елисаветинъ посланникъ сэръ-Ричардъ Ли (Lee) еще до пріѣзда Микулина въ Англію (въ іюнѣ 1600 г.) предлагалъ въ невѣсты царевичу одну изъ дочерей графа Дерби (Ferdinand Stanley, earl of Darbie), а посланный вслѣдъ за Микулинымъ (17 сентября 1601 г.) другой посланникъ королевы Иванъ Мерикъ (Merick Иванъ Ульяновъ) отправленъ былъ изъяснить царю сожалѣніе, что невѣста оказалась пятью годами старше жениха. Сожалѣлъ объ этомъ и Борисъ; но заботливость королевы очевидно ему польстила, и онъ писалъ, что хотя «это великое и доброе дѣло межъ насъ великихъ государей не стало, потому что дѣтямъ нашимъ не противъ лѣтъ», но «примуемъ отъ тебя въ великую и братцкую любовь и дружбу, и похваляемъ вашу къ

себѣ сердечную любовь, что вы о нашемъ царскомъ здоровѣ радѣете и о нашихъ царскихъ детехъ. И противъ того, къ тебѣ, сестрѣ нашей любительной, Елисаветѣ королевне хотимъ свою царскую любовь и дружбу держати свѣше прежнего, мимо всѣхъ великихъ государей, и всемъ добромъ водати хотимъ гдѣ возможно»¹.

Такимъ образомъ, по странной игрѣ случая, имя сэръ-Ерѣмѣя Бауса связано съ двумя единственными и равно неудачными сватаніями Англичанокъ нашими государями, — сватаніями, на которыхъ Англичане основывали ожиданія чрезвычайныхъ выгодъ для своей торговли, несмотря на то, что они уже и безъ того, какъ справедливо замѣчаетъ князь Щербатовъ въ своей исторіи царствованія Феодора Ивановича, «отбивали всякое совмѣстничество въ торгу другихъ народовъ (съ Россіей), не вспомошествовали россійской торговлѣ, но въ самомъ началѣ ее истребляли, стараясь учиниться непосредственно властителями оной.»

Юрій Толстой.

¹ Подлинникъ этой грамоты, отъ іюня 1602 года, хранится въ Оксфордѣ, въ Ашмолевомъ (Ashmolean) музее.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ТРОПИНИНЪ

Посвящается Арсенію Васильевичу Тропинину.

Василій Андреевичъ Тропининъ родился 19-го марта 1776 года, крѣпостнымъ человѣкомъ графа Антона Сергѣевича Миниха, въ имѣніи его селѣ Карповѣ, Новгородской губерніи. Родители его принадлежали тому же помѣщику. Отецъ былъ управляющимъ, и за вѣрную службу былъ отпущенъ на волю; но дѣти остались въ крѣпостномъ состояніи и до юношескаго возраста жили въ родительскомъ домѣ; потомъ ихъ записали въ Новгородѣ, въ школу, для обученія грамотѣ. Въ это-то время у Тропинина проявилась страсть къ рисованію. Не имѣя никакихъ руководствъ, онъ доставалъ у школьныхъ товарищей кое-какія лубочныя картинки и съ нихъ копировалъ самоучкой; но, вмѣстѣ со страстію къ искусству, не замедлили явиться и препятствія: по выходѣ изъ школы, Тропининъ былъ взятъ въ господскій домъ, на побѣгушки; но и тутъ находилъ онъ время рисовать, съ разрѣшенія верховыхъ дѣвушекъ, которыя, за его кротость и услужливость, нѣсколько поощряли его художнической страсти. Когда господа выѣзжали изъ дому, онъ срисовывалъ все, что находилось въ ихъ комнатахъ маломальски художественнаго. Дѣти графа Миниха видѣли всѣ эти труды, любовались ими, — и только; на талантъ же мальчика, состоявшаго на побѣгушкахъ, особеннаго вниманія не обращалъ никто. Къ тому же онъ былъ

въ законѣ у прилуги, за то что отецъ его, въ бытность управ-
ляющимъ, былъ добросовѣстенъ и строгъ.

Въ послѣдствіи времени, Тропининъ достался графу Ираклію
Ивановичу Моркову, съ приданое за дочерью Миниха, Натальей
Антоновной. Графъ Морковъ не былъ ни знатокомъ, ни люби-
телемъ живописи, и потому смотрѣлъ равнодушно на проявляв-
шееся въ мальчикѣ дарованіе. Отецъ просилъ графа отдать его въ
ученье къ живописцу; но получилъ въ отвѣтъ: *толку не будетъ!*—
и Тропининъ былъ отданъ въ домъ графа Завадовскаго, въ Петер-
бургѣ, въ ученье къ кондитеру. Въ томъ же домѣ, на счастье
даровитаго мальчика, проживалъ живописецъ, съ сыномъ ко-
торога, также занимавшимся живописью, Тропининъ свелъ
знакомство. Какъ только ему удалось удосужиться, онъ тот-
часъ же украдкой убѣгалъ посмотрѣть какъ работаетъ, кра-
сками отецъ мальчика, съ которымъ онъ познакомился; но
судьба и здѣсь помѣшала будущему художнику, какъ бы для
того чтобъ еще сильнѣе раздуть въ немъ искру таланта. Жена
хозяина замѣтила его отлучки: каждый разъ какъ онъ убѣгалъ
къ живописцу, она посылала привести его оттуда за уши, а
потомъ доставалось ему еще болѣе, и потасовка заключалась
обыкновенно наставленіемъ: что-де, молъ, конфеты и варенье
вкуснѣе и прибыльнѣе красокъ и карандашей.

Кажется, чего было желать лучшаго бѣдному дворовому
мальчику, окруженному всевозможными сладостями? Но жизнь
эта была очень горька Тропинину.

Однако никакія наказанія выскатальной и придирчивой
кондитерши не могли подавить въ талантливомъ мальчикѣ
страсть къ рисованію; напротивъ, страсть воарастала, и онъ
при всякомъ удобномъ случаѣ обращался къ карандашу,
перу и углю. Однажды, уходя на праздникахъ къ родственни-
камъ, онъ выпросилъ у живописца маленькій ландшафтъ и
сдѣлалъ съ него копію, точь-въ-точь схожую съ оригиналомъ.
Когда онъ принесть показать ее живописцу, тотъ не хотѣлъ
вѣрить, чтобы кондитерскій мальчикъ, никогда не занимавшійся
красками, могъ такъ вѣрно передать оригиналъ. Живописецъ
похвалилъ его и побранилъ своего сына, занимавшагося уже
нѣсколько лѣтъ красками и очень неудачно скопировавшаго
тотъ же самый пейзажъ.

Наконецъ, въ 1799 году, по убѣдительной просьбѣ близ-
каго родственника графа, Ивана Алексѣевича Моркова, кото-
рый обязался, въ случаѣ неуспѣха Тропинина, въ изученіи

живописи, заплатить за него собственныя деньги, онъ былъ отданъ къ совѣтнику академіи художествъ, Степану Семеновичу Щукину ¹.

Съ этого времени началась для Тропинина настоящая школа: онъ вступилъ въ оригинальный классъ, гдѣ находился недолго; изъ гипсового, за рисунокъ Лаокоона, онъ былъ переведенъ въ натурный классъ, въ которомъ, съ перваго раза, получилъ ближайшій номеръ и назадъ уже не подавался, а постоянно шелъ впередъ и былъ удостоенъ двухъ медалей.

Будучи постороннимъ ученикомъ академіи, мягкостію своего характера и постоянною любовью къ искусству онъ скоро приобрѣлъ себѣ дружественное расположеніе и уваженіе бывшихъ въ то время уже на виду лучшихъ учениковъ академіи, Кипренскаго, Варнека, Скотникова и другихъ, которые помогали ему своими совѣтами. Онъ пользовался также расположеніемъ славнаго Григорія Ивановича Угрюмова, въ мастерской котораго видѣлъ, въ то время, спѣшное окончаніе огромныхъ картинъ: «избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова» и «покореніе Казани царемъ Іоанномъ Васильевичемъ», спасшихъ существованіе самой академіи въ минуту негодованія императора Павла Петровича на бездѣятельность ея членовъ ². Угрюмовъ, по словамъ Тропинина, такъ торопился окончаніемъ этихъ картинъ, что обобралъ все краски у профессоровъ академіи.

Александръ Григорьевичъ Варнекъ, отправляясь за границу, совѣтовалъ Василю Андреевичу особенно наблюдать природу и подражать ей, и сказалъ на прощанье съ нимъ: «хотя я и ѣду за границу, но совершеннѣе *мажуръ* ничего найти не надѣюсь», Тропининъ запомнилъ эти слова и въ послѣдствіи передавалъ ихъ другимъ. Занимаясь въ мастерской Щукина живописью масляными красками, онъ не слѣдовалъ тогдашней методѣ большинства живописцевъ составлять колера шпателью ³, на палитрѣ, прежде нежели натурщикъ станетъ на свое мѣсто; а бралъ краски кистью, смѣшивалъ ихъ мгновенно,

¹ По академическому уставу императрицы Екатерины II, портретный живописецъ не имѣлъ права на званіе профессора академіи.

² Въ ту пору носился слухъ, что зданіе академіи художествъ будетъ обращено въ казармы.

³ Небольшая, тонкая роговая лопаточка, которою чистятъ палитру; ею же смѣшивали и краски.

глядя на натуру, и за это-то, кажется, получилъ онъ выговоръ отъ профессора Лампи, и лишился доступа въ мастерскую этого профессора.

Въ 1804 г. Тропининъ написалъ воспитанника академіи Винокурова, въ видѣ мальчика съ птичкой, и поставилъ его на выставку. Ректоръ Акимовъ очень одобрилъ эту вещь; императрица Елисавета Алексѣевна тоже любовалась этимъ трудомъ, а президентъ академіи художествъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, сказалъ тогда: «Жаль, что Тропининъ принадлежитъ упрямому человѣку, а то можно было бы за него похлопотать!»

Послѣ такого успѣха Тропинина, учитель его Щукинъ немедленно увѣдомилъ графа Моркова, что если онъ не желаетъ лишиться своего вѣрнѣшаго человѣка, то взялъ бы его къ себѣ поскорѣй. И вотъ, въ 1804 же году, въ сентябрь мѣсяцъ, велѣно было отправить Василя Андреевича немедленно въ малороссійскую деревню Киковку, Каменецъ-Подольской губерніи, Могилевскаго на Днѣстрѣ уѣзда.

У Щукина Тропининъ учился съ небольшимъ четыре года; онъ успѣлъ необыкновенно, получилъ двѣ медали отъ академіи,— и вотъ Щукинъ, представитель академіи художествъ, самъ преграждаетъ дорогу значительному дарованію къ дальнѣйшему усовершенствованію.

Грустно передавать такіе факты, но въ историческомъ разказѣ правда священнѣе всего. Чтò привело Щукина къ такому поступку? Минута ли какого-нибудь раздраженія противъ молодаго человѣка, опасеніе ли, что онъ, болѣе и болѣе совершенствуясь, можетъ перебить работы у своего учителя¹, или рабочѣе желаніе сдѣлать угодное его барину, графу?

Намъ извѣстно лишь то, что не задолго передъ этимъ Щукину были заказаны четыре копии съ портрета императора Александра I (чьей кисти былъ оригиналъ неизвѣстно), которыя онъ роздалъ своимъ ученикамъ, предоставивъ и себѣ сдѣлать одну; но удачнѣе и схожѣе всѣхъ вышла копія у Тропинина.

¹ Алексѣй Егоровичъ Егоровъ, такъ заботливо занимавшійся съ своими и другими учениками, какъ-то сказалъ имъ шута: «да, учи, учи васъ, а вы научитесь, да потомъ хлѣбъ и отобьете.» У этого почтеннаго профессора ни одно слово не говорилось на вѣтеръ, и шутка его, безъ сомнѣнія, заключала въ себѣ намекъ, но на кого именно—ученики спросить о томъ не посмѣли.

По прїѣздѣ въ Малороссію, Василій Андреевичъ нашелъ множество предметовъ для своей кисти, но не все, что дѣлалось по приказанію господина, соответствовало желанію и направленію художника. Онъ, соученикъ Кипренскаго и Варнека, вынуждаемъ былъ нерѣдко красить колодцы, стѣны, каретныя колеса и пр. Другой, при такихъ условіяхъ, при такой обстановкѣ, бросилъ бы можетъ-быть всѣ занятія и, пожалуй, спился бы, какъ говорится, съ кругу или рѣшился бы на самоубійство, чему бывали несчастныя примѣры ¹; но не таковъ былъ Тропининъ. Будучи необыкновенно кроткаго нрава, онъ вмѣстѣ обладалъ сильнымъ ха-

¹ По разказу калужской помѣщицы, очень образованной женщины, К. И. Карцевой, художникъ, находившійся въ подобномъ положеніи, повѣсился въ барскомъ саду. Другой, по разказу академика живописи, Андрея Акимовича Сухихъ, бывший ему товарищемъ по академическимъ занятіямъ, утопился въ господскомъ прудѣ, Этотъ несчастный съ истиннымъ призваніемъ къ искусству, за непокорность своему господину, вынужденъ былъ красить помы, крыши и наконецъ пасти свиней. Хорошъ переходъ изъ академическихъ залъ, наполненныхъ высокими художественными образцами! Третій, Поляковъ, по разказу академика живописи, Егора Яковлевича Васильева, крѣпостной человѣкъ. г. Бл., былъ ученикомъ отца выше названнаго академика, Якова Андреевича Васильева, который, понадѣясь на давнее слово помѣщика относительно будущей участи мальчика, съ особенною заботливостію занимался художественнымъ образованіемъ его, такъ что Поляковъ, оказавъ замѣчательныя успѣхи, получилъ академическія медали, ознакомился съ образованнымъ обществомъ, писалъ портреты въ лучшихъ петербургскихъ домахъ и получалъ за нихъ, въ то время, по 400 р. ассигнаціями. Но вдругъ баринъ потребовалъ къ себѣ Полякова навсегда. Добрѣйшій, довѣрчивый, но обманутый помѣщикомъ, Яковъ Андреевичъ Васильевъ пришелъ въ негодованіе; онъ перебѣгалъ отъ профессоровъ къ ректорамъ академіи и обратно, хлопоталъ объ освобожденіи своего даровитаго ученика, бранилъ и проклиналъ безсовѣстность и жестокость, г-на Бл., наконецъ подалъ, по этому случаю, прошеніе въ академическій совѣтъ; но въ собраніи совѣта могли лишь постановить правиломъ для всѣхъ членовъ академіи не принимать впредь въ ученики людей крѣпостнаго состоянія безъ обязательствъ отъ помѣщиковъ давать вольную въ случаѣ полученія академическихъ наградъ; а развитый, образовавшійся художникъ Поляковъ, по настойчивому приказанію своего господина, сопровождалъ его на запяткахъ кареты по Петербургу и ему случалось выкидывать подножки экипажа передъ тѣми домами, въ которыхъ произведенія его, красуясь въ богатыхъ раззолоченныхъ рамахъ, на стѣнахъ, составляли утѣшеніе и радость семействъ, и гдѣ самъ онъ прежде пользовался почетомъ какъ даровитый художникъ. Поляковъ вскорѣ спился съ кругу и пропалъ безъ вѣсти.

ракторомъ, постоянно находившимъ опору въ непоколебимой вѣрѣ въ Провидѣніе. Все обидное переносилъ онъ съ высокимъ терпѣніемъ, и посреди всѣхъ художественныхъ занятій совершенно забывалъ все окружающее его неприятное, и трудился до упаду; случалось гдѣ онъ работалъ, тамъ и засыпалъ.

Какъ ни былъ занятъ Тропининъ исполненіемъ порученій своего господина, однако рѣдко красивому крестьянину или хорошенькой крестьянкѣ, да и иному съдому старику деревни Киковки, удавалось увернуться отъ его кисти; головъ было написано имъ множество. По возвращеніи Тропинина изъ Малороссіи въ Москву, эти произведенія были раскуплены любителями. Нѣкоторыя изъ этихъ головъ были написаны не собственною его манерой, а манерами разныхъ знаменитыхъ художниковъ, которыхъ онъ близко изучалъ, посѣщая Эрмитажъ. Такъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, онъ съѣзжалъ подмалевокъ съ портрета Яна Собѣскаго, кисть Рембрандта, и не успѣвъ кончить, взялъ его съ собой въ деревню; тамъ же, встрѣтивъ голову весьма схожую съ Собѣскимъ, окончилъ съ нея свой подмалевокъ, а по пріѣздѣ въ Москву, продалъ его Дмитріеву, у котораго извѣстный того времени знатокъ Тиоресъ¹, реставраторъ при галлерей любителя Фед. Семен. Мосолова, принявъ картину за настоящаго Рембрандта и предлагалъ за нее Дмитріеву значительныя деньги.

— Вѣдь ты писалъ голову Собѣскаго? спросилъ графъ Морковъ, по этому случаю, Тропинина.

— Точно такъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ художникъ.

— А посмотри какія огромныя деньги предлагаетъ за нее Тиоресъ Петру Николаевичу Дмитріеву!

Профильный портретъ пана Волянскаго, также написанный Тропининымъ въ Малороссіи, въ послѣдствіи достался любии-

¹ Тиоресъ, дѣйствительный знатокъ картинъ, игралъ тогда въ Москвѣ очень важную роль между любителями и знатоками; когда же аферисты-поддѣльщики, какіе встрѣчаются и теперь, хотѣли усыпить этого аргуса, то подчивали его немилосердо виномъ, на которое былъ падежъ Италіанецъ. Другой Италіанецъ, аферистъ Чесольйо, имѣвшій въ виду провести одного богатаго вельможу, такъ напоилъ Тиореса, что тотъ не могъ придти въ себя дней пять къ ряду, и въ этотъ-то срокъ Чесольйо обманулъ русскаго барина на сорокъ тысячъ ассигнаціями. *Aviz aux amateurs!*

телю, князю Мих. Андр. Оболенскому, который приписалъ его кисти Дидриха; но Тропининъ, увидавъ его, спустя долгое время, назвалъ имя настоящаго художника.

Малороссія была для Тропинина, что для другихъ художниковъ Италия. Тамъ именно, глазъ на глазъ съ натурой, онъ усовершенствовался и приобрѣлъ собственную манеру, что призналъ въ послѣдствіи и учитель его Щукинъ, въ 1824 году.

Живя въ Малороссіи, Тропининъ написалъ очень много образовъ для крестьянъ. Когда съ написанными имъ хоругвями крестьяне, въ Троицынъ день, обходили поля, графъ Морковъ велѣлъ имъ впредь ходить съ старыми хоругвями, а новыми не выносить изъ церкви, дабы не попортить ихъ. Вѣроятно, тайный голосъ начиналъ шептать графу, что онъ въ лицѣ Тропинина обладалъ сокровищемъ.

Польскіе паны нерѣдко приглашали Тропинина въ свои имѣнія: такъ онъ писалъ портреты дѣтей помѣщика графа Комара, и многіе другіе; но какъ-то, по пріѣздѣ къ незнакомому еще ему пану, услышавъ польскій разговоръ, въ которомъ отзывались о немъ съ пренебреженіемъ, какъ о русскомъ, мало-способномъ художникѣ, Тропининъ не только хорошо понимавшій, но и свободно говорившій по-польски, навсегда отказался писать портреты съ польскихъ помѣщиковъ и ихъ родственниковъ, и сдержалъ слово, какъ потомъ ни упрашивали его паны, предлагая лучшія свои простыни для грунтовки подъ портреты, ибо у художника и полотна не было, а за портреты получалъ онъ тогда 25 руб. ассигнаціями.

Въ 1807 году, Тропининъ написалъ иконостасъ для деревни, въ которой жилъ, и по освященіи церкви былъ первый въ этой церкви обвѣнчанъ съ дѣвицею Анною Ивановной Катиной; въ это же время онъ написалъ много портретовъ графской фамилии. Въ турецкую кампанію 1807 г. онъ написалъ портреты атамана козачьихъ войскъ, Платова, Иловайскаго, Грековыхъ и другихъ вождей. Въ 1809 г. писалъ онъ Платова на конѣ, для прусскаго короля, все еще оставаясь крѣпостнымъ.

Платовъ убѣдительно приглашалъ Тропинина къ себѣ на Донъ, и говорилъ ему: «Я вамъ брику денегъ насыплю!»—«Не мѣдю ли?» горько замѣтилъ художникъ. «У насъ серебро и золото есть для васъ!» отвѣчалъ атаманъ. «Да съ этимъ золотомъ меня ограбятъ, а пожалуй и убьютъ!» сказалъ Тропининъ. «Конвой дамъ!» отвѣтилъ Платовъ.

Въ этомъ же году Тропининъ много копировалъ въ разныхъ галлерейхъ и сдѣлалъ нѣсколько портретовъ для своего господина; но эти труды пропали въ 1812 г., въ бытность не-пріятеля въ Москвѣ; въ послѣдствіи часть ихъ нашлась въ числѣ вещей, отбитыхъ казаками у Французовъ.

Въ эту тяжелую для Россіи годину, графъ Морковъ, со всею своимъ семействомъ, проживалъ въ усадьбѣ Шавліевѣхъ, въ четырехъ верстахъ отъ Киковки, посреди живописнаго мѣстоположенія, окруженнаго горами, изобиловавшего роскошною растительностію и вообще представлявшаго пріятнѣйшій пріютъ въ лѣтніе жары. Въ 1812 г., 6-го августа, тишина Шавліевки была нарушена заливавшимся подъ дугой колокольчикомъ; послали на дорогу, спрашиваютъ: «что такое, кто тайкой?» То былъ фельдъегерь изъ Петербурга; онъ привезъ отъ императора Александра I графу Моркову назначеніе быть начальникомъ Московскаго ополченія. Въ тотъ же день графъ выѣхалъ изъ своего имѣнія, а имущество свое и драгоцѣнности поручилъ отвести въ Москву обозомъ, — поручилъ... кому бы вы думали?.. Тропинину. Да, истинный художникъ и вмѣстѣ крѣпостной человѣкъ былъ и честнѣйшимъ человѣкомъ. Лучшаго человѣка не могъ имѣть графъ Морковъ, назначая Тропинина то туда, то сюда, на послуги. Тропининъ сопровождаетъ, бывало, графа въ дорогѣ, вдругъ ось экипажа ломается, — за починку, конечно, выдаются графскія деньги; но если ось ломалась опять, Василій Андреевичъ платилъ уже собственными деньгами, чтобы не навлечь на себя неудовольствія своего господина. И прежде упомянутаго случая Тропининъ не разъ былъ назначаеми при обозахъ своего господина главнымъ жожакомъ, и скудный карманъ его не мало отъ этого страдалъ. Расходятся, случалось, чумаки и кричатъ: «не хотимъ ѣсть изъ артели, подавай деньги!» — и Василій Андреевичъ опять платился изъ своего кармана деньгами, добытыми его художническими трудами.

Отправившись 6-го августа въ дорогу, обозъ, подъ главнымъ надзоромъ Тропинина, благополучно прибылъ въ Тулу; но покормивъ лошадей въ этомъ городѣ, художникъ въ продолженіи пути узналъ отъ встрѣтившагося фельдъегеря, у котораго сломалась телега, что Москва уже занята неприятеlemъ. Пришлось поворотить обозъ опять въ Тулу, чтобы оттуда спросить графа Моркова, куда прикажетъ онъ отправиться съ его имуще-

ствомъ. Но едва только обозъ показался въ Туль, какъ густыя толпы народа обступили его и спрашивали о причинѣ его возвращенія; однако Василій Андреевичъ не сказалъ причины. Народъ заволновался, и губернаторъ прислалъ чиновника къ Тропинину съ приказаніемъ явиться къ нему немедленно. Тутъ крѣпостной художникъ объявилъ губернатору слышанное имъ отъ фельдъегеря. Вѣсть о занятіи Москвы неприятелемъ, сообщенная губернатору, нескрылась отъ взволнованныхъ обитателей, да и зарево московскаго пожара, увидѣнное народомъ въ сумерки, навело на все населеніе города паническій страхъ, такъ что въ ту же ночь изъ Тулы выѣхало нѣсколько тысячъ семействъ въ разныя стороны.

Графъ Морковъ, получивъ письмо отъ Тропинина, прислалъ своего адъютанта взять нѣкоторыя необходимыя для него вещи, а обозу велѣлъ отправиться въ Симбирскую губернію, въ деревню Репеевку, куда, какъ онъ полагалъ, должно было пріѣхать и его семейство, о которомъ точныхъ свѣдѣній онъ не имѣлъ. Съ немалой опасностію пробирался Тропининъ въ низовую губернію. Въ деревняхъ и даже въ городкахъ, всполошенныхъ страшными и преувеличенными вѣстями о Французахъ, его съ чумаками готовы были считать за измѣнниковъ и даже за самихъ неприятелей. Въ одномъ городкѣ, гдѣ Василія Андреевича дѣйствительно сочли за измѣнника, къ обозу былъ приставленъ даже караулъ; но, къ счастью его, въ числѣ караульныхъ оказался старый инвалидъ, который служилъ подъ командою графа Моркова, при взятіи Очакова; онъ-то помогъ Тропинину вывести начальство изъ сомнѣнія. Далѣе, какъ-то ночью, казачій пикетъ остановилъ обозъ, не разобравъ съ просонокъ малороссійскаго говора; но Тропининъ, возвысивъ голосъ и назвавъ имя графа Моркова, не только избавился отъ неприятностей, а еще казачій офицеръ приказалъ нѣсколькимъ казакамъ конвоировать обозъ у проѣзжей дороги. Гдѣ-то потомъ, также ночью, сельскій священникъ сильно напуганный слухами о нашествіи неприятеля принялъ обозъ за двигавшуюся противъ селенія французскую артиллерію; семейство священника отъ страха разбѣжалось; но потомъ, услышавъ объясненія Тропинина, священникъ не зналъ чѣмъ и угостить его на радостяхъ. Наконецъ обозъ допелся до Репеевки. Но чтѣ же? И тутъ, бабы и дѣвки вооружились противъ него, грозя ему вилами, дубатами и крича за то, что у нихъ

забрали мужей, отцовъ и братьевъ, и оставили ихъ однихъ на грабежъ неприятелю; но постоянно умиротворяющій характеръ Василя Андреевича помогъ ему и въ этомъ случаѣ, а вѣдь съ разгнѣванными бабами имѣть дѣло едва ли не труднѣе чѣмъ съ зуавами.

По пріѣздѣ въ Репеевку, Тропининъ графскаго семейства не нашелъ; уже долго спустя онъ узналъ, что семья графа находилась въ другой деревнѣ, во Владимирской губерніи.

Когда неприятель вышелъ изъ Москвы, Тропинину приказано было ѣхать туда; но каково же было ему, въ ненастное осеннее время, ѣхать шагомъ въ лѣтней одеждѣ, потому что теплой не было, да и достать было не гдѣ и не на что.

По пріѣздѣ въ Москву, Василій Андреевичъ нашелъ домъ графа сгорѣвшимъ. Собственныя вещи художника, бывшія въ этомъ домѣ, погибли вмѣстѣ съ нимъ. Разворенная, безлюдная столица ничего не представляла художнику. Впрочемъ, для своихъ занятій у него не было и досуга при разныхъ возложенныхъ на него хозяйственныхъ обязанностяхъ. Сверхъ того, всѣ люди бывшіе въ домѣ и прибывшіе въ него, отъ испорченнаго въ городѣ воздуха и отъ понесенныхъ въ дорогѣ лишеній, заболѣли горячкою, и Тропининъ, при помощи двоихъ слугъ, уцѣлѣвшихъ отъ болѣзни, долженъ былъ исправлять должность фельдшера и сидѣлки, разнося больнымъ, по назначенію доктора, лѣкарства. Къ счастью, это длилось не долго. Вскорѣ онъ забылъ и о потерѣ своего небольшого имущества, потому что въ Москву начали съѣзжаться ея жители. Василій Андреевичъ отправился прежде всѣхъ къ Петру Николаевичу Дмитріеву съ своими трудами изъ Малороссіи, и тотъ щедро наградилъ его за эти произведенія, и такимъ образомъ до времени обезпечилъ его положеніе.

Когда, въ 1813 году, всѣ хлопоты по устройству дома кончились и въ немъ поселился графъ со всѣмъ своимъ семействомъ, Тропининъ началъ писать для своего господина семейную картину. Бывшій у графа Моркова адъютантомъ по ополченію, Николай Семеновичъ Мосоловъ, большой любитель живописи, находилъ особенное удовольствіе сидѣть подлѣ художника во время его занятій. Однажды Мосоловъ замѣтилъ, что фигура графа неловко на портретѣ посажена; живописецъ, признавъ справедливость замѣчанія, по уходѣ любителя, тотчасъ повернулъ фигуру въ другую сторону, — и когда, по

обыкновенію, на слѣдующее утро пришелъ въ мастерскую Мосоловъ, онъ былъ крайне удивленъ, что Тропининъ, не пожалѣвъ труда, написалъ новую фигуру, и изумляясь вмѣстѣ съ тѣмъ быстротѣ этой перемѣны, замѣтилъ, что и самъ графъ, собственною своею персоною, не повернулся бы такъ скоро.

Нѣкоторые изъ генераловъ 1812 года, съ которыхъ писалъ портреты извѣстный англійскій художникъ Доу, въ Петербургѣ, находились въ Москвѣ, и не желая покидать ее, обращались къ Тропинину, который и писалъ съ нихъ портреты, послужившіе въ Петербургѣ оригиналами иностранному художнику. Въ числѣ этихъ генераловъ были Илья Ивановичъ Алексѣевъ, князь Урусовъ и другіе.

Въ 1815 году Василій Андреевичъ написалъ другую большую семейную картину, также для своего господина. Въ то время, когда эта картина писалась, графа посѣтилъ какой-то ученый Французъ, которому предложено было отъ хозяина взглянуть на трудъ художника. Войдя въ мастерскую Тропинина, бывшую во второмъ этажѣ барскаго дома, Французъ пораженный работою живописца много хвалилъ его и одобрятельно пожималъ ему руку. Когда, въ тотъ же день, графъ съ семействомъ садился за обѣденный столъ, къ которому приглашенъ былъ и Французъ, въ многочисленной прислугѣ явился изъ передней наряженный парадно Тропининъ. Живой Французъ, увидавъ вошедшаго художника, схватилъ порожній стулъ и принялся усаживать на него Тропинина за графскій столъ. Графъ и его семейство этимъ поступкомъ иностранца были совершенно сконфужены, какъ и самъ художникъ-слуга.

Вечеромъ того же дня, графъ Морковъ обратился къ своему живописцу съ слѣдующими словами: «Послушай, Василій Андреевичъ, твое мѣсто, когда мы кушаемъ, можетъ занять кто-нибудь другой!»—И только.

Въ 1817 г. Тропининъ копировалъ *Святіе со креста*, Каведонія, въ Голицынской больницѣ¹; *Товія*, въ галлерей Тучкова, и дѣлалъ другія копія; сверхъ того, онъ написалъ съ натуры голову двороваго человѣка, съ пистолетомъ въ рукѣ. Эту

¹ Галлерей князя Александра Михайловича Голицына состояла слишкомъ изъ 500 картинъ, и по духовному завѣщанію покойнаго до, лжна была сдѣлаться общественною; но въ посѣщеніе Галицынской больницы императ-

картину, предъ отъѣздомъ въ Киковку, Василій Андреевичъ продалъ художнику Эневу ¹, а у него выдалъ ее Павелъ Петровичъ Свининъ, который, приобрьта ея, написалъ, въ 1819 или 20 г., въ своихъ *Отечественныхъ Запискахъ*, статью о талантѣ Тропинина, и сравнивалъ его съ однимъ извѣстнымъ давнимъ художникомъ.

Графъ Морковъ, прослышавъ о статьѣ Свинина, встревожился и спросилъ Тропинина: «Что ты тамъ посладе въ академію, что о тебѣ печатають?» Но послѣ объясненій Василя Андреевича, графъ успокоился и сталъ еще ласковѣе съ художникомъ.

Въ 1818 г Тропининимъ былъ написанъ, въ Москвѣ же, портретъ Николая Михайловича Карамзина, для Семена Іоанниевича Селивановскаго, съ которымъ знаменитый писатель былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ ².

Тропининъ, несмотря на все сочувствіе, удивленіе и уваженіе просвѣщенныхъ людей, все-таки оставался крѣпостнымъ. Многіе хлопотали за него передъ графомъ Морковымъ: особенно ближній родственникъ графа, И. А. Морковъ, тотъ самый, которому художникъ былъ обязанъ поступленіемъ въ мастѣрскую Щукина изъ кондитерской; потомъ особенное участіе въ судьбѣ художника принимали графиня Гудовичъ, Алексѣй Алексѣ-

рицей Маріей Феодоровной при возникшей, вслѣдствіе желанія государыни, надобности устроить помѣщеніе еще на нѣскольکو чело-вѣкъ, князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ предложилъ императрицѣ продать картинную галерею покойнаго своего дяди,—и на вырученныя деньги было поставлено въ больницѣ нѣскольکو новыхъ кроватей; картинная же галерея была продана безъ предварительной публикаціи, и лучшія ея произведенія, говорятъ московскіе старожилы, были куплены иностранцами и увезены за границу. «Снятіе же со Креста», Каведонія, было приобрьтено Николаемъ Семеновичемъ Мосоловымъ, за 11,000 р. ассигнаціями. Картина эта находится нынѣ въ деревнѣ Жерновкахъ, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи.

¹ Эневъ—реставраторъ картинъ, ученикъ Тиореса, отпущенный на волю княземъ Касаткинымъ.

² На дачѣ Селивановскихъ, подѣ Симоновымъ монастыремъ и вблизи Лизина пруда, былъ написанъ Карамзинимъ *Лизинъ Прудъ* и писались *Письма Русскаго Путешественника*. До сихъ поръ цѣла и бесѣдка въ саду, въ которой занимался Карамзинъ въ жаркіе лѣтніе дни; въ семействѣ Селивановскихъ она сохранила названіе Лизиной бесѣдки. Портретъ Н. М. Карамзина находится въ этомъ же семействѣ.

вичъ Тучковъ, Анолонъ Александровичъ Майковъ, Петра Николаевичъ Дмитріевъ, Свиныинъ и другіе. Двое послѣдніе, видя что графъ постоянно находитъ какую-нибудь причину отлагательства дать Тропинину отпускную, и какъ-то разгорячившись, высказались очень рѣзко: «Да вы, пожалуй, скажите одинъ изъ нихъ, дадите ему въ зубы пирога тогда, когда у него зубовъ уже во рту не будетъ!» Дмитріевъ говорилъ Тропинину, что онъ до тѣхъ поръ не отстанетъ отъ графа, пока тотъ не дастъ ему вольной. Вскорѣ послѣ этого, Дмитріевъ выигралъ въ карты очень значительную сумму у графа Моркова; но, не получивъ ее тотчасъ, писалъ графу, чтобъ онъ или уплатилъ деньги, или отпустилъ Тропинина на волю; но и это средство не удалось Дмитріеву. Однако его сѣятельство, атакованный со всѣхъ сторонъ, начиналъ уже уступать просившимъ за художника, и какъ-то сказалъ Тропинину: «Когда Свиныинъ будетъ у тебя въ мастерской, подари ему что-нибудь изъ твоихъ работъ; онъ особенно за тебя хлопочетъ!» Василій Андреевичъ подарилъ Свиныину, по этому случаю, эту же старика.

Около этого же времени одна изъ дочерей графа, выходящая замужъ, просила своего отца отдать ей Тропинина *ex armarum*; другая дочь, въ свою очередь, старалась приобрести художника на свою долю. По графъ Морковъ отвѣчалъ имъ обѣимъ, что Тропининъ никому не достанется.

Въ 1818 году, Тропининъ поѣхалъ съ графомъ и его семействомъ опять въ Киковку.

Одаренный душевными силами, онъ обладалъ и необыкновенною силой физическою. На дорогѣ въ деревню, желая помочь крестьянину въ бѣдѣ, вмѣстѣ съ прочими, Тропининъ приводилъ телегу съ кладью пудъ въ двадцать, и отъ натуги у него образовалась на ногѣ опухоль. Это не помѣшало ему однако, въ той же деревнѣ, написать еще иконостасъ и два колѣнные портрета: съ графини и дочери гуввермантъи.

Въ 1820 году, болѣзнь Тропинина усилжалась; по совѣту графа, онъ ѣздилъ въ Могилевъ на Днѣстрѣ, гдѣ провель около доктора Поля¹ три недѣли, но бесполезно; за то художникъ написалъ съ

¹ Однофамилецъ Андрея Ивановича Поля.

доктора портреть. Вернувшись домой, Василій Андреевичъ, по желанію графа, сдѣлалъ двѣнадцать видовъ его имѣнія, для альбома, корпусными красками. Графъ Морковъ остался очень доволенъ этими видами, но въ дорогѣ, въ 1821 году, они помяли и оказались никуда негодными. Графъ, очень жалѣя о нихъ, говорилъ своимъ дочерямъ: «Лучше бы вы все свое тряпье перегнули, я бы тотчасъ и купилъ,» а обращаясь къ своему художнику, сказалъ: «Посмотри-ка, Василій Андреевичъ, какъ твои труды-то ученицы твои сберегли!» Почти не имѣвшій отдыха отъ трудовъ своихъ, Тропининъ былъ въ то же время и учителемъ рисованья пятерыхъ дочерей и сыновей своего господина и дочери гувернантки. Оригиналы долженъ былъ Василій Андреевичъ добывать откуда хочеть или рисовать ихъ самъ. Всего жалованья, съ женой и сыномъ, онъ получалъ 36 р. и харчевыхъ 7 р. ассигнаціями въ годъ.

Видя какъ жалѣеть графъ объ испорченныхъ рисункахъ, Тропининъ вызвался сдѣлать двѣнадцать видовъ имѣнія вновь, но только масляными красками. Предложеніемъ этимъ, безъ осмѣнія, графъ остался очень доволенъ и даже спросилъ художника: «А каково это будетъ для твоего зрѣнія?» Но и эти двѣнадцать видовъ были исполнены.

Въ 1821 году сильно увеличившаяся опухоль на ногѣ Тропинина уже лишала его возможности ходить, и графъ, по приѣздѣ въ Москву, совѣтовалъ ему обратиться къ извѣстнымъ докторамъ Гильдебранду и Высоцкому, которые, по осмотрѣ огромной опухоли на ногѣ, не могли постичь болѣзни. На счастье художника, въ то время пріѣхалъ въ Москву изъ Париза, съ генераломъ Киндяковымъ, молодой докторъ Беланже, который, по просьбѣ графа Моркова, осмотрѣлъ ногу Тропинина и рѣшительно сказалъ, что болѣзнь можно вылѣчить. Графъ былъ очень радъ этому, и приказалъ пригласить на консилиумъ тѣхъ докторовъ, которые видѣли болѣзнь прежде. Когда Гильдебрандъ сталъ увѣрять, что опухоль его должна разрѣшиться сама собою, «какъ разрѣшается въ свое время брюхатая баба,» Беланже утвердительно сказалъ, что этого быть не можетъ, что опухоль будетъ постоянно увеличиваться, и послѣдствіемъ будетъ неизбежная смерть, а потому нужно, не теряя времени, приступить къ операціи. Но Тропининъ на операцію не соглашался, напуганный увѣреніемъ Поля въ Могилевѣ, что въ этомъ мѣстѣ дѣлать операцію не только опасно, а даже невозможно; однако

домашнему доктору Петру Антоновичу Скюдери удалось уговорить Василя Андреевича, и 12 марта 1822 года операция была сдѣлана счастливо. Беланже былъ особенно расположенъ къ больному и навѣщалъ его послѣ операций раза по два, по три въ день, даже тогда, когда самъ чувствовалъ себя не хорошо. Вскорѣ молодой врачъ былъ потребованъ обратно въ Парижъ, а Тропининъ былъ порученъ наблюденію Скюдери. Когда Беланже передъ отъѣздомъ пришелъ проститься съ выздоравливавшимъ, Василій Андреевичъ, исполненный благодарности, невольно заплакалъ, говоря: «Вы меня избавили отъ смерти, вы мнѣ дали новую жизнь!»

Спустя нѣсколько лѣтъ, Беланже вновь былъ въ Москвѣ, и Василій Андреевичъ всю душой порывался написать его портретъ, но это не удалось ему: Беланже вскорѣ уѣхалъ.

Въ 1822 же году, Тропининъ, еще не встававшій съ постели, не могъ быть у заутрени въ праздникъ Воскресенія Христова. Графъ Морковъ пришелъ къ нему самъ похристоваться.

Въ это время ходатаи за свободу Василя Андреевича снова возвысили голосъ. Желанное освобожденіе Тропинина сдѣлалось уже предметомъ горячихъ разговоровъ и въ англійскомъ клубѣ.

Привлекательная личность Тропинина какъ художника, такъ и человека (безъ сомнѣнія, не въ смыслѣ крѣпостнаго), совершенно объясняетъ, почему графу Моркову было какъ трудно разстаться съ нимъ.

Въ слѣдующемъ 1823 году, заутрени въ праздникъ Воскресенія Христова правилась на дому у графа, и когда послѣ заутрени стали христоваться, графъ Морковъ, вмѣсто краснаго лица, вручилъ Тропинину отпускную, однако одному, безъ сына.

Надо полагать, что въ этомъ неполномъ освобожденіи графъ какъ бы хотѣлъ найти средство не совершенно разстаться съ Тропининымъ.

Въ этомъ же году 20 сентября, Василій Андреевичъ былъ избранъ академіей художествъ назначеннымъ академикомъ за «кружевницу»¹, портретъ художника Скотникова² и нищаго старика³.

¹ У Ѳ. И. Прянишникова, въ Петербургѣ.

² У кн. Мих. Андр. Оболенскаго, въ Москвѣ.

³ У г. Старова въ Москвѣ.

Въ 1823 же году Свиньинъ напечаталъ, въ *Отечественныхъ Запискахъ*, извлеченіе изъ отчета академіи художествъ: «Труды его (Тропинина) получили всеобщую, лестную похвалу, въ особенности портретъ дѣвушки, который найденъ исполненнымъ не только пріятности кисти, освѣщенія правильнаго, счастливаго, колорита естественнаго, яснаго, но обнаруживающимъ чистую, невинную душу красавицы и тотъ взглядъ любопытства, который брошенъ ею невольно на *кого-то*, вошедшаго въ ту минуту. Обнаженные за локоть руки ея оставались вмѣстѣ со взоромъ, работа прекратилась, вылетѣлъ вздохъ изъ дѣвственной груди, покрытой висейнымъ платочкомъ; и все это изображено съ такою правдою и простотою, что художникъ даетъ право надѣяться, что, по приобщеніи его къ академіи, онъ скоро сдѣлается ея достойнымъ, отличнымъ членомъ, и картину сію весьма легко можно принять за произведеніе самого Греза. Портретъ нищаго написанъ болѣе шибкою, смѣлою, эффектною кистью, въ родѣ Лафранка, а (портретъ) г. Скотникова—съ отчетливостью и выполненіемъ тончайшихъ плановъ на лицѣ.»

Тропининъ былъ бы избранъ прямо въ академики, но нѣкогда близкій ему Варнекъ, возвратившійся уже тогда изъ-за границы, повелъ противъ него интригу, и назвалъ представленный Тропининымъ въ совѣтъ академіи портретъ Скотникова своею работою ¹. Орестъ Адамовичъ Кипренскій очень хорошо

¹ Благоговѣя передъ талантомъ Варнека, уважая его умъ и образованіе, мы, къ прискорбію, должны признать въ немъ и склонность къ интригамъ. Такъ, въ 1833 году, когда В. К. Шебуевъ выставилъ въ академическихъ залахъ эскизъ плафона для академической церкви: «Саваоѣ, несомый въ воздушныхъ пространствахъ атрибутами евангелистовъ», Варнекъ, бывши заслуженнымъ профессоромъ и вмѣстѣ бібліотекаремъ Академіи художествъ, тотчасъ выставилъ эстампъ съ картины того же содержанія, Рафаэля Санціо, и, похаживая мимо него, коварно улыбался намъ, что на нашу горячую молодость подѣйствовало очень непріятно. Если Шебуевъ взялъ мысль и у самого Рафаэля не новую и выразилъ ее по своему, въ этомъ мы ничего дурнаго не видѣли; насъ скорѣе удивляло, что почтенному художнику, какъ Шебуевъ, не былъ извѣстенъ указъ Петра Великаго, запрещавшій живописцамъ замѣнять изображеніе евангелистовъ ихъ атрибутами. Несмотря на неотступныя просьбы съ нашей стороны, ближайшіе родственники А. Г. Варнека равнодушно даютъ замереть памяти о немъ, а при ихъ участіи могла бы составиться замѣчательная біографія этого славнаго художника.

зналъ, что Варнекъ дѣйствительно писалъ съ того же лица портретъ, но только въ 1804 году, а Тропининъ написалъ его въ 1817; и потому онъ сильно негодовалъ на эту недостойную выходку Варнека. Больно было сердцу Василя Андреевича узнать о такомъ поступкѣ со стороны близкаго ему нѣкогда Александра Григорьевича, по которомъ онъ пролилъ слезы, когда дошелъ до него слухъ, по счастію оказавшійся ложнымъ, о самоубійствѣ Варнека въ Италиі.

Вслѣдствіе самой козни Варнека, Тропининъ былъ вызванъ въ Петербургъ для написанія портрета почетнаго вольнаго общника, преподавателя медальернаго искусства въ академіи, Карла Александровича Лебрехта, за который былъ признанъ, безъ баллотировки, академикомъ въ 1824 году, и мнѣніе большинства художниковъ поставило тогда новаго академика выше Варнека ¹.

Незадолго передъ этимъ временемъ, графъ Морковъ находился также въ Петербургѣ и предлагалъ Тропинину похлопотать за него черезъ придворныхъ; но Василій Андреевичъ, поблагодаривъ графа, отвѣчалъ, что онъ вполне увѣренъ въ своемъ успѣхѣ въ академіи и навѣрное получить желаемое званіе, безъ протекціи. Тутъ же, въ разговорѣ, графъ осыпалъ бранью вновь избраннаго имъ, на мѣсто Тропинина, вожатая своихъ обозовъ, говоря, что этотъ дуракъ недавно сгубилъ нѣсколько лошадей въ дорогѣ.

Лебрехтъ, когда рѣчь зашла объ изображеніи его личности, какъ истый Нѣмецъ, употребилъ въ дѣло все свои знанія и соображенія, чтобы портретъ былъ написанъ художникомъ на совершенно-несокрушимомъ матеріалѣ: онъ предлагалъ дубовыя доски, скрещенныя фанеры, наконецъ чуть не мѣдь и бронзу... и кончилось тѣмъ, что портретъ былъ написанъ, по настоянію Тропинина, на простомъ грунтованномъ холстѣ. Эскизъ этого портрета былъ также конченъ и подаренъ самому Лебрехту. Василій Андреевичъ пожелалъ также имѣть и у себя на память его портретъ, который и былъ сдѣланъ, съ согласія послѣдняго, въ часъ времени, на небольшомъ обрывкѣ холста. Этотъ портретъ Лебрехта, въ собольей шубкѣ, въ зеленой шапочкѣ,

¹ Щукинъ, бывшій учитель Тропинина, обидясь, что назначенному академику академія предоставила написать портретъ Лебрехта, а не его, говоритъ: «Сколько у меня учениковъ, а моего портрета еще нѣтъ!» Чести быть написану, вмѣсто Лебрехта, Тропининимъ сильно помогался также Свинынгъ.

былъ купленъ въ послѣдствіи Протасовымъ, а послѣ его смерти приобрѣтенъ г. Алексѣевымъ, въ Москвѣ.

Бывъ учителемъ императрицы Маріи Феодоровны, Лебрехтъ хотѣлъ доставить Тропинину доступъ ко двору, но скромный художникъ уклонился отъ этого предложенія. Лебрехтъ съ трудомъ уговорилъ Василю Андреевича написать портретъ съ одного петербургскаго аристократа, г. Мечникова. Явился въ условленный день, въ 11 часовъ утра, Тропининъ въ барскій домъ Мечникова, дабы переговорить о портретѣ съ него, въ ростъ; но получилъ въ отвѣтъ отъ прислуги, что баринъ еще спитъ. «Ну, такъ я подожду!» сказалъ Василій Андреевичъ.—«Долго ждать придется, замѣтилъ лакей, встанутъ они въ первомъ часу.» Тропининъ вернулся въ свою квартиру и сказалъ женѣ: «Ну, другъ мой, укладывай вещи, а я пойду найму извозчика.»—«Какъ же вы хотѣли писать портретъ съ г. Мечникова?» возразилъ Василю Андреевичу сынъ его. «Нѣтъ, отвѣчалъ художникъ, въ Петербургѣ спятъ очень долго, а въ Москвѣ до перваго часа можно наработаться вдоволь.»

Тропинину предстояло въ Петербургѣ заказовъ на 14.000 р. асс., по рекомендаціямъ значительныхъ людей; но сѣверная Пальмира, воспѣтая не однимъ петербургскимъ поэтомъ, очень не понравилась Василю Андреевичу, который говорилъ: «Все я былъ подъ началомъ, да опять придется подчиняться то Оленину ¹, то тому, то другому... Нѣтъ, въ Москву!» Къ тому же и Варнекъ, при каждой встрѣчѣ съ нимъ, нетерпѣливо спрашивалъ его: «Скоро ли ты, братецъ, уѣдешь?» Щукинъ же настаивалъ, чтобъ онъ взялъ поскорѣй свои давно-заслуженныя медали изъ конторы академіи, прибавляя, что онъ денегъ стоитъ; но художникъ махнулъ на нихъ рукой, говоря: «Пусть другимъ достаются!»

Вечеромъ того же дня, когда Василій Андреевичъ велѣлъ женѣ своей изготвиться къ отъѣзду, онъ съ ней и сыномъ своимъ, не простившись ни съ кѣмъ въ Петербургѣ, былъ уже на дорогѣ въ Бѣлокаменную, куда пріѣхалъ имѣя въ карманѣ нѣсколько мѣдныхъ грошей.

Съ Герасимова, хозяина дома, у Симеоновскаго моста, гдѣ нанималъ художникъ квартиру, въ бытность свою въ Петер-

¹ Алексѣй Николаевичъ, бывший тогда президентомъ академіи художествъ.

бургъ, былъ написанъ имъ портретъ, пріобрѣтенный Александромъ Петровичемъ Сапожниковымъ.

По возвращеніи Тропинина въ Москву, графъ Морковъ предлагалъ выхлопотать ему должностное мѣсто, говоря: «Я скажу Юсупову ¹, онъ дастъ тебѣ мѣсто учителя въ Кремлевской школѣ.» Василий Андреевичъ вновь благодарилъ графа и отвѣчалъ ему: «Я хочу теперь спокойной жизни, ваше сіятельство, и никакой официальной обязанности на себя не приму.»

Несмотря на короткое пребываніе Тропинина въ Петербургѣ, имя его съ особеннымъ уваженіемъ произносилось тамъ всѣми русскими. И странно... въ 1826 году петербургскому почетному гражданину, Николаю Ивановичу Кусову, въ пріѣздъ его въ Москву, пришлось знакомить съ Тропининымъ именитаго московскаго купца, постоянно проживавшаго въ Бѣлокаменной.

Не можемъ пропустить слѣдующаго любопытнаго факта.

Глуховатая княгиня Г., увидавъ въ одномъ домѣ портретъ работы Тропинина, пришла отъ него въ восхищеніе и просила назвать фамилію художника, желая съ нимъ познакомиться. Василия Андреевича уговорили поѣхать къ почтенной старухѣ. Ея сіятельство вновь спросила: «Какъ ваша фамилія?»—«Тропининъ,» отвѣчалъ живописецъ. «Такъ ты, батюшка, Тропининъ, а не Тропини!» замѣтила княгиня. «Прощай, когда мнѣ будетъ нужно, я пришлю за тобой!»

Когда купецъ Владимірской губерніи, старообрядецъ Коноваловъ, увидѣлъ портреты Тропинина съ Димитрія Діомидовича Киселева и жены его, урожденной Корзинкиной, то пришелъ въ такой восторгъ, что хотя правилами секты, къ которой онъ принадлежалъ, и возбранялось писать съ себя портреты, старообрядецъ все-таки поѣхалъ къ Тропинину и просилъ написать его портретъ, что художникъ исполнилъ въ совершенствѣ. Когда портретъ былъ привезенъ въ домъ Коновалова, во Владимірѣ, и былъ вынутъ изъ ящика, малолѣтній внукъ купца вскричалъ радостно: «Ахъ дѣдушка, дѣдушка!»—Коноваловъ такъ былъ обрадованъ этимъ сходствомъ, что немедленно съ женою своею, необыкновенно красивою и пріятною старухой, поѣхалъ въ Москву, куда прибылъ въ день Благовѣщенія, и тотчасъ же отправился съ своею супругой къ Тропинину, съ покорнѣйшею просьбою написать ея портретъ: «какъ есть, съ

¹ Князю Юсупову, бывшему главнымъ начальникомъ дворцовой конторы и влѣсть Кремлевской архитектурной школы.

платкомъ на головѣ.»—«Да вѣдь сегодня Благовѣщеніе; такой праздникъ, что птица гнѣзда не вьетъ!» замѣтилъ художникъ. «Да ужъ мы за васъ Богу помолимся!» отвѣчали мужъ и жена. «Вѣдь намъ и пробить-то здѣсь можно всего три дня.»—«Ну, такъ садитесь!» отвѣчалъ Василій Андреевичъ, и портретъ написалъ такъ, что Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ, извѣстный въ то время знатокъ живописи говорилъ Тропинину, что грѣхъ отсылать въ глушь такое произведеніе и слѣдовало бы замѣнить его копіей, но на это честный художникъ не согласился, говоря: «Какъ же отпущу я имъ копію, когда искусство мое такъ благотворно и отрадно на нихъ подѣйствовало! Чтò обещано, то должно быть и исполнено!»

Сверхъ упомянутыхъ работъ Тропининъ написалъ такое множество портретовъ и грудныхъ изображеній, что полный ихъ перечень невозможенъ; всѣхъ произведеній этого художника приблизительно насчитано мною до трехъ тысячъ. При этомъ числѣ, безъ сомнѣнія, не всѣ они одинаково высокаго достоинства.

Предлагаю списокъ портретовъ наиболѣе замѣчательныхъ.

Портреты: отца художника, Ф. И. Талызина (въ ростъ); доктора Высоцкаго; почетнаго гражданина Торубаева; доктора Гильдебранта; Сюдери; Зельтмана; губернатора Оболенскаго; Билибинныхъ; князя Горчакова; московскаго коменданта Н. Н. Веревкина; Протасова; Смирнова; малолѣтнаго сына художника, славнаго нашего гравера Н. И. Уткина, находящійся въ академіи художествъ вмѣстѣ съ собственнымъ портретомъ художника, написаннымъ въ 1824 г.; А. Н. Львова; Булахова; матери и супруги художника; жены чиновника Зассъ; сестры актера Мочалова; актрисы Карпаковой (въ 1818 г.); Голохвостовой; генеральши Романовичевой; Барышникова; княгини Барятинской съ дочерью, въ группѣ; императрицы Маріи Феодоровны, для московскаго опекунскаго совѣта; графа Зубова; князя Шаховскаго; шуйскихъ купцовъ Киселева и Маракуева; гусара Лазарева; полковника Далаева; дочери Сапожникова; Беклешова; Хотяинцевой; Шульгина; Сапожниковыхъ; Зайцева; князя Урусова; адмирала Крузе; князя С. М. Голицына; князя Ю. И. Трубецкаго; два портрета Тутолмина; генерала Страхова; Кирѣевскаго; Левашевой; С. С. Кушниковъ; ваятеля И. П. Витали; графа Толстаго; графа Н. П. Панина; архитектора Желарди и дочери его; Локуэста; князя Н. С. Меншикова; Мартынова; Е. Г. Пушкина; графа

С. Г. Строганова; графа С. П. Румянцева; Н. А. Дивова; не-
гоціанта Штейнбаха; Шаблыкина; Березниковой; Крашенин-
никова; три портрета Воейкова; князя С. И. Гагарина; Лады-
женской; Неймана; А. Д. и В. Д. Олсуфьевыхъ; Н. А. Май-
кова (въ 1821 г., въ испанскомъ костюмѣ); Татищева, для
академіи наукъ, въ 1824 г.; Волконскаго, по рекомендаціи
президента академіи художествъ, А. Н. Оленина; атамана Ураль-
скихъ казаковъ Бородина; А. А. Кочергина и его матери;
Оболенской; И. П. Петровскаго; Ртищева; Ивана и Владиміра
Артемьевичей Раевскихъ; Ю. Ѳ. Самарина; Н. П. Шишкова;
Н. В. Сушкова и его супруги; М. Н. Егорова; Старова; супруги
его и дочери; ясновидящей Игнатьевой; съ распятіемъ въ ру-
кахъ; Ковецкаго; Г. Е. Порѣцкаго и отца его; Протасова съ
женою (въ ростъ и въ группѣ); В. С. Гизетти; въ 1840 г.;
Н. С. Селивановскаго, въ 1843 г.; Е. А. Селивановской, въ
1852 г.; Е. Н. Калайдовичъ, урожденной Селивановской и Н.
К. Калайдовичъ, въ 1853 г.; Н. И. Пузырева, въ 1854 г.; ге-
нерала Поливанова; графини Евдокии Петровны Растопчиной;
А. В. Кирѣевой; С. И. Миллера; Леонида и Матвѣя Матвѣ-
вичей Муромцевыхъ; А. В. Новосильцева; С. Н. Мосолова;
князя В. М. Голицына; князя В. А. Черкаскаго; Д. А. Панова;
А. Л. Торлецкаго, и проч.

Между картинами *жанръ*: каменщикъ; дѣвушка съ горшкомъ
цвѣтовъ; мальчикъ оплакивающий улетѣвшую птичку; дѣвочка
съ куклой, у А. Н. Андреева; мальчикъ сажаетъ птичку въ
клубку; нищій, въ Московскомъ Училищѣ живописи и ваенія; ста-
рушка съ курицей; дѣвочка съ попугаемъ; старикъ считающій день-
ги; Малороссіянка собирающая черешню; золотошвейка въ *pendent*
кружевницѣ; Малороссіянка за пряжей шерсти; старикъ съ ко-
стылемъ; бандитъ; мальчикъ играющій на гудкѣ, — и множество
женскихъ и мужскихъ этюдныхъ головъ. Еще замѣчательна
картина «Блудный сынъ», копія съ Карла Лотти, написанная
съ гравюры, при посредствѣ натуры.

Мы должны упомянуть еще о портретѣ Ѳ. С. Мосолова,
для коннозаводскаго общества; художникъ самъ же снялъ и
копію съ этого портрета. Мосоловъ, платя за портретъ ху-
дожнику новымъ золотомъ, сказалъ: «За ваши труды, Василій
Андреевичъ, только и можно платить золотомъ!» Портретъ
Полуектова (въ 1826 г.) остался у художника, ибо не былъ
взятъ за дороговизною (250 р. асс.), а между тѣмъ, спустя по-
рядочное время, портретистъ Плюшаръ, увидѣвъ впервые ра-

боты Тропинина въ Москвѣ, сознавъ все его превосходство надъ собою и услыжавъ какія онъ беретъ за портреты цѣны, позволилъ себѣ упрекнуть его, говоря: «Вы себя не цѣните настоящимъ образомъ и тѣмъ ставите насъ въ затруднительное положеніе!» Когда Тропининъ писалъ съ служившаго въ наполеоновской арміи Лаже, украшеннаго орденомъ почетнаго легіона, Французъ просилъ художника не пропустить на лицѣ шрама: «Пожалуста напишите шрамъ, говоритъ онъ черезъ переводчика, это сюжетъ, которымъ поподчивалъ меня русскій гренадеръ!» Любуясь работами Тропинина, Лаже говорилъ ему: «Пріѣзжайте-ка къ намъ, въ Парижъ; вы тамъ будете оцѣнены вполнѣ и пріобрѣтете большія деньги! ¹ Портретъ другаго Француза Леже былъ написанъ по просьбѣ его дочери, которая, уѣхавъ изъ Москвы за границу, писала къ отцу такъ: «если живъ въ Москвѣ художникъ Тропининъ, пришлите вашъ портретъ его работы; это будетъ для меня лучшей подарокъ и гостинецъ!»

Написавъ портреты близкаго себѣ пріятеля доктора Ш. и жены его, Тропининъ самъ принесъ къ нему на квартиру послѣдній изъ этихъ портретовъ. Художникъ уничтожилъ косяну, бывшую въ натурѣ у супруги доктора, что однако не было въ ущербъ сходству, а г-жа Ш., бывши и безъ того очень красива собою, стала на портретъ совершенною красавицей, такъ что мужъ пришедшій въ восторгъ отъ портрета, шутя воскликнулъ, когда Тропининъ искалъ лучшаго мѣста *повѣсить портретъ*: «нѣтъ, портретъ какъ сокровище спрятать, а *оригиналъ повѣсить!*» Два собственные портрета художника пріобрѣтены гг. Ладыженскимъ и Алексѣевымъ, что служить доказательствомъ какъ любили и уважали Василю Андреевича люди понимавшіе и цѣнившіе искусство; третій собственный портретъ находится у сына Тропинина, Арсенія Васильевича.

Въ концѣ 1826 или въ началѣ 1827 года Тропининъ написалъ портретъ Александра Сергѣевича Пушкина, по его собственному желанію, для подарка г. Соболевскому. Н. В. Бергъ сообщалъ мнѣ, по памяти, слова самого Василю Андреевича объ

¹ Незадолго передъ этимъ временемъ, императоръ Наполеонъ I предлагалъ нашему славному граверу Н. И. Уткину стать граверомъ его величества, но Уткинъ, поблагодаривъ его за эту высокую честь, остался въ Парижѣ по прежнему пенсіонеромъ своего государя.

этомъ произведеніи: г. Соболевскій хотѣлъ имѣть портретъ Пушкина домашняго, обыкновеннаго, какимъ онъ былъ всегда, непричесаннаго и не прилаженнаго, однимъ словомъ не такого какимъ онъ былъ написанъ Кипренскимъ ¹ въ ту пору, когда поэтъ, собираясь жениться, одѣвался франтомъ. Закащикъ желалъ, чтобы Пушкинъ былъ написанъ въ его красивомъ халатѣ, съ длиннымъ ногтемъ на большомъ пальцѣ и съ кольцомъ на другомъ.

Пушкинъ ходилъ къ Тропинину на улицу Лѣвнявку, въ домъ Писаревой.

По окончаніи портрета, обладатель его, снисходя къ бѣдности одного доморощеннаго живописца и вмѣстѣ слуги пріятеля своего С. П. Шевырева, нѣсколько разъ дозволялъ ему списывать Тропининскій портретъ Пушкина. При отъездѣ за границу на нѣсколько лѣтъ, г. Соболевскій, въ октябрѣ 1828 года, желая доставить пріятелямъ своимъ случай и въ отсутствіи его пользоваться принадлежащими ему книгами, велѣлъ перенести всю свою библіотеку къ И. В. Кирѣевскому, въ собственный его домъ; но былъ ли доставленъ туда упомянутый портретъ или оставался до минованія надобности у доморощеннаго живописца,—г. Соболевскій не припомнитъ. Когда же онъ, въ 1833 г., по возвращеніи, изъ-за границы, нашелъ книги и портретъ Пушкина у г. Шевырева, куда они были перевезены, потому что Кирѣевскій отдалъ домъ свой въ наймы, то г. Шевыревъ тутъ же показалъ г. Соболевскому, что портретъ былъ ему доставленъ не подлинный, и что только рама была настоящая.

Подлинникъ пропадалъ долго, какъ вдругъ послѣ смерти живописца Сибилева и продажи послѣ него имущества, знаменитый портретъ очутился въ магазинѣ Г. Г. Волкова, на Волконкѣ.

До Тропинина доходили слухи, что отыскался наконецъ его оригинальный портретъ съ Пушкина, но художникъ слухамъ этимъ не вѣрилъ и поэтому не заходилъ къ Волкову, хотя жилъ отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ. Вскорѣ князь М. А. Оболенскій, прибрѣтая этотъ портретъ за 150 р. асс., впалъ въ сомнѣніе на счетъ его подлинности, а потому

¹ Портретъ этотъ находится въ Порѣчьѣ, имѣніи графа Уварова, въ 120 верстахъ отъ Москвы, въ Можайскомъ уѣздѣ.

Волковъ предложилъ показать портретъ самому Тропинину, что и было сдѣлано.

Теперь я опять привожу слова самого Василія Андреевича, припоминаемаго Н. В. Бергомъ: «И тутъ-то я въ первый разъ увидѣлъ собственной моей кисти портретъ Пушкина послѣ его пропажи,» говорилъ художникъ, «и увидѣлъ его не безъ сильнаго волненія въ разныхъ отношеніяхъ: онъ напомнилъ мнѣ часы, которые я провелъ глазъ на глазъ съ великимъ нашимъ поэтомъ, напомнилъ мнѣ мое молодое время, а между тѣмъ я чуть не плакалъ, видя какъ портретъ испорченъ, какъ онъ растрескался и какъ пострадалъ, вѣроятно валяясь гдѣ-нибудь въ сыромъ чуланѣ или сараѣ. Князь Оболенскій просилъ меня подновить его, но я не согласился на это говоря, что не смѣю трогать черты, наложенныя съ натуры и притомъ молодою рукой, а если де вамъ угодно, я его вычищу, и вычистилъ.»

Въ 1828 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, графъ Морковъ въ послѣдній разъ навѣстилъ мастерскую Тропинина, возвращаясь отъ обѣдни изъ Алексѣевского монастыря, гдѣ нынѣ храмъ Спаса, и узнавъ о болѣзни сына художника, обѣщавъ отпустить на волю и сына. Въ слѣдующемъ мартѣ мѣсяцѣ 26 дня графъ Морковъ скончался¹, и наследники его выдали вольную Арсенію Васильевичу.

Василій Андреевичъ нѣсколько разъ отказывался отъ предложенія руководить учениковъ Московскаго Училища Живописи и Ваанія, но когда рѣшился на это, то, зная скудость средствъ училища, предложилъ слѣдующія условія: «жалованья я не хочу, а буду платить вамъ за казенную квартиру тѣ же двѣсти рублей серебромъ, которые плачу теперь въ домѣ Писаревой. Тогда буду заниматься съ учениками и изъ классовъ меня не выживете!» На это отвѣчали: могутъ дать квартиру, но только не за 200, а за 400 руб. сер. Василій Андреевичъ въ этомъ случаѣ замѣтилъ преподавателямъ того времени: «Вѣдь я говорилъ вамъ, что нельзя имѣть дѣло съ вашимъ начальствомъ!» Въ возмутительно-грубомъ отвѣтѣ отъ училища, какъ мы дознали теперь, было виновато не начальство, тѣмъ болѣе что Михаилъ Федоровичъ

¹ По словамъ Тропинина, графъ Морковъ, не долго хворавши, за нѣсколько минутъ до смерти всталъ съ постели, помолился предъ образами, и возвратившись на постель, тихо заснулъ непробуднымъ сномъ.

Орловъ, первый директоръ Московскаго Художественнаго Общества, самъ неоднократно упрасивалъ Тропинина поступить въ училище руководителемъ по части живописи; виною же такого отвѣта, къ прискорбію, была собственно интрига одного изъ преподавателей, именно Алексѣя Степановича Добровольскаго, испугавшагося не задолго передъ тѣмъ серьезнаго взгляда Василія Андреевича на искусство и словъ его, обращенныхъ какъ-то къ преподавателямъ: «ученики-то вотъ въ классахъ одни, а вы получая здѣсь жалованье, разѣзжаете по городу на посторонніе уроки!»

Тропининъ жилъ близъ Каменнаго моста, на Лѣннвкѣ, съ 1824 по 1856 г., то-есть тридцать два года. Владѣльцы этого дома, сперва портной Зимулинъ, потомъ генералъ Сназинъ и наконецъ г-жа Писарева не могли нахвалиться такимъ постояннымъ и исправнымъ въ платежахъ жильцомъ.

Пріѣздъ въ Москву Карла Павловича Брюлова въ 1836 году, на пути его изъ-за границы въ Петербургъ, былъ торжественнымъ душевнымъ праздникомъ для Тропинина. Радужный Василій Андреевичъ устроилъ у себя обѣдъ въ честь знаменитаго художника, самъ хлопоталъ при накрытіи стола, украшалъ его цвѣтами, и когда ближкіе ему¹ замѣтили, чтобъ онъ предоставилъ эти хлопоты прислугѣ, взятой на этотъ день у г-жи Писаревой, онъ отвѣчалъ: «Это подобаетъ достойному! талантъ—не золото, прибавилъ онъ,—въ мѣшокъ не насыплешь... это отъ Бога!»

Карлъ Брюловъ, пораженный въ старцѣ необыкновенною ясностію ума, свѣжею памятью всего былого, теплотою чувствъ, живительнымъ взглядомъ на искусство и увлекательнымъ о немъ разговоромъ, полюбилъ Тропинина всею душой, и рѣдкій день не посѣщалъ его. Не одинъ разъ случалось, что приглашенный на роскошный обѣдъ аристократа, Брюловъ измѣнялъ данному слову и приходилъ раздѣлить за столомъ Василія Андреевича простыя щи и кашу. Понятно, здѣсь за простыми блюдами, шла простая и вѣсть высокая бесѣда объ искусствѣ между двумя истинными художниками; здѣсь, помимо щей и каши, Брюловъ находилъ

¹ Любители и знатоки художествъ Александръ Александровичъ Кочергинъ, Александръ Дементьевичъ Соколовскій, Николай Константиновичъ Ураковъ, любитель-художникъ Егоръ Ивановичъ Маковскій и скульпторъ Иванъ Петровичъ Витали.

пищу духовную, а не комплименты, уже гораздо прежде надѣвшіе ему въ торжественномъ пути его по Европѣ.

Карлъ Павловичъ говорилъ близкимъ друзьямъ Тропинина: «Много я поѣздилъ по свѣту, видалъ много разныхъ людей, но такого челоѣвка не встрѣчалъ. Это прекраснѣйшій челоѣвкъ! Я бы у него жить сталъ, къ нему бы на хлѣбы пошелъ!»

Привязавшись всею душой къ Тропинину, Брюловъ умолялъ его ѣхать вмѣстѣ въ Петербургъ, предлагая работать въ одной съ нимъ мастерской; но Василю Андреевичу, какъ затѣчено выше, не нравился Петербургъ.

Когда Брюлову предлагали въ Москвѣ написать портреты нѣкоторыхъ членовъ Общества сельскаго хозяйства, онъ отказался, говоря: «У васъ, въ Москвѣ, есть свой превосходный художникъ!» И Тропининъ, о которомъ князь Д. В. Голицынъ говорилъ, что онъ въ жизни своей *лбомъ стѣну прошибъ*, написалъ желаемые портреты съ Н. М. Гусятникова, Муравьева, князя Голицына, князя Гагарина и другихъ членовъ общества сельскаго хозяйства. Съ Гусятникова онъ написалъ еще грудной портретъ, съ *Аугсбургскою Газетой* въ рукѣ, въ знакъ того, что Гусятниковъ первый, по его словамъ, выписалъ эту газету въ Москвѣ; находится этотъ портретъ у С. И. Любимова, въ Москвѣ.

Брюловъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, былъ встрѣченъ первоначально необыкновеннымъ торжествомъ отъ академіи художествъ¹; клики похвалъ и восторженныхъ привѣтствій раздавались то въ одномъ, то въ другомъ домѣ, въ разныхъ концахъ Петербурга, и неслись на встрѣчу возвратившемуся въ отечество художнику, но несмотря на весь шумъ и вихрь праздниковъ, которыми чествовали его, предъ нимъ нерѣдко рисовался почтенный образъ Тропинина въ его скромной квартирѣ, служившей ему и мастерскою, и Брюловъ, не писавшій писемъ даже роднымъ изъ Италіи, почувствовалъ нравственную потребность перемолвиться съ нимъ, и послалъ письмо къ Василю Андреевичу, въ Москву. Вотъ оно:

«Поздравляю васъ, милые друзья; съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ—сирѣчь: Витали заслужилъ всеобщее одобрение отъ всего совѣта академіи, по конкурсу для барельефовъ

¹ Александру Андреевичу Иванову такой встрѣчи академія не сдѣлала. Причина этого равнодушія мнѣ не безызвѣстна, и я объясню ее въ послѣдствіи.

Исаіевской церкви. Единодушно все собраніе совѣта академіи признало его способнымъ провзвести достойное украшеніе собора Св. Исаіа... Я задыхаюсь отъ восторга, что наконецъ не одна протекція, но и истинный талантъ можетъ быть уважаемъ въ Россіи. Радуйтесь, настаетъ время, что и матушка Москва можетъ погордиться своими дѣтушками! Спасибо отъ Питера Москвѣ! Я не могу больше говорить порядочно отъ удовольствія...

«Василій Андреевичъ, молчаливый другъ, простите меня, если я прежде сего не писалъ вамъ, откладывая со дня на день. Простите, умоляю васъ простить! Цѣлую вашу душу, которая по чистотѣ своей способнѣе всѣхъ понять вполне восторгъ и радость, наполняющіе мое сердце. Кто, кромѣ васъ, пойметъ меня? Я никого не умѣлъ такъ скоро оцѣнить кромѣ васъ; ваши душевныя способности и рѣдкія достоинства; истинныя блага на землѣ—честь и любовь,—и какъ онѣ рѣдки! Вамъ передаю мою радость; сообщите ее Московскимъ, особенно милымъ нашимъ пріятелямъ Дурновымъ ¹, Маковскому, Фисому Добровольскому, Соколовскому, Ястребилову, а женамъ, и се-

страмъ ихъ ². Скоро буду или надѣюсь быть къ вамъ, вмѣстѣ съ Виталиемъ... непременно, если не остановятъ меня обстоятельства.

«Прощайте, посылаю вамъ запечатанный поцѣлуй.

«Будьте счастливы! сего вамъ желаетъ преданный вашъ другъ К. Брюловъ.»

10 января

1840 г.

Ждалъ, и долго и нетерпѣливо ждалъ Брюловъ отвѣта на это письмо отъ Тропинина, но отвѣта не было: Василій Андреевичъ, не любившій никогда и никому писать письма говорилъ, что ему легче написать три портрета нежели одно письмо. Впрочемъ Тропининъ могъ каждый день видѣть Брюлова и любоваться имъ какъ живымъ—въ портретѣ, написанномъ самимъ Васи́ліемъ Андреевичемъ ³.

¹ Иванъ Трофимовичъ Дурновъ, товарищъ К. Брюлова по академическому образованію.

² При упоминаніи о женахъ, Брюловъ вѣроятно вспомнилъ прекрасное пѣніе г-жи Маковской; вотъ почему съ пера великаго живописца канули здѣсь нѣсколько шаловливыхъ нотъ.

³ Странно, что Брюловъ, такъ горячо полюбившій Тропинина, не

Этотъ колѣнный портретъ написанъ очаровательно. Брюловъ поставленъ въ своемъ любимомъ черномъ бархатномъ скрутку съ папкою въ другой рукѣ, и съ рейсфедеромъ въ другой; позади виденъ дымящійся Везувій; на первомъ планѣ архитектурные обломки. Исполненное ума и поэзіи, оригинально красивое лицо гениальнаго живописца запечатлѣно здѣсь на полотнѣ не одними машинальными движеніями кисти, но участіемъ всѣхъ силъ восхищенной души помолодѣвшаго на этомъ трудѣ Тропинина ¹.

Когда Тропинину замѣтили, что онъ очень кстати помѣстилъ позади Брюлова Везувій, то онъ отвѣчалъ на это: «Да вѣдь и самъ-то онъ совершенный Везувій!»

Въ 1836 г. П. М. Баклевскій, иллюстрировавшій сочиненія Гоголя и Островскаго, какъ-то гуляя въ Сокольникахъ, увидѣлъ въ окно, въ одномъ низенькомъ домикѣ халатника-мальчика писавшаго масляными красками Турку, съ литографіи Ястребилова ², и тутъ же у окна встрѣтилъ старика очень почтенной наружности, который обратился къ мальчику съ словами: «зачѣмъ ты все флейсомъ пишешь?» «Постой, я тебѣ покажу!» Съ этими словами старикъ вошелъ въ домикъ, гдѣ писалъ мальчикъ, и сѣвъ на его мѣсто, какъ будто не по доброй волѣ, а по необходимости, взявъ маленькія калонковыя кисточки, подмалевалъ лицо пятнисто, какъ бы мозаично, — и голова Турка вдругъ ожила. Баклевскій, наблюдавшій за всѣмъ этимъ, мучился любопытствомъ узнать имя художника, наконецъ не выдержалъ, и обратился къ почтенному старику, спросилъ: «Позвольте узнать вашу фамилію?» — «Тро-

написалъ его портрета, а для кисти гениальнаго живописца предстояла прекрасная голова, имѣвшая нѣчто общее съ лицомъ И. А. Крылова.

¹ Этотъ портретъ составляющій собственность сына Тропинина, А. В.—а, будетъ на выставкѣ Училища Живописи и Ваянія, которая откроется 26 декабря 1861 года.

² Александръ Сергѣевичъ Ястребиловъ — живописецъ, окончившій образованіе въ академіи художествъ, тотъ самый въ квартирѣ котораго на Ильинкѣ устроился первый натурный классъ въ Москвѣ, давшій начало Московскому художественному обществу. Ястребиловъ былъ хорошій рисовальщикъ, расписалъ церковь въ Измайловской богадѣльнѣ, въ ту же церковь написалъ иконостасъ и произвелъ другіе образа, большую частію по порученію архитектора К. А. Тона.

³ Писать флейсомъ значитъ употреблять широкую, мягкую барсуковую кисть, посредствомъ которой ступшевываются мазки, накладываемые прежде щетинными кистями.

пининъ, отвѣчалъ тотъ, а ваша фамилія?»—«Студентъ Баклевскій.»—«Тоже занимаетесь, можетъ-быть, живописью?» спросилъ Василій Андреевичъ.—«Акварелью,» отвѣтилъ Баклевскій, и поспѣшилъ вынуть изъ бывшаго съ нимъ портфеля акварельную головку цыганки, видѣнную передъ тѣмъ академикомъ И. Т. Дурновымъ, и Тропининъ сдѣлалъ на нее нѣсколько замѣчаній ¹.

Мастерская Тропинина не бросалась въ глаза ни цвѣтнстостію занавѣсей, ни щеголеватымъ каминомъ, ни мягкой мебелью, ни оправленными въ серебро раковинами для сигарочнаго пепла; не было въ ней ни шумнаго салоннаго разговора посѣтителей, ни рояля съ позолоченными ножками; однимъ словомъ, въ ней никогда не было посторонняго развлеченія для посѣтителя, никакой роскошной обстановки, что встрѣчается въ мастерскихъ новѣйшихъ художниковъ, артистовъ à la mode. Здѣсь собственныя произведенія Василя Андреевича, повѣшенныя безъ рамъ на стѣнахъ, составляли всю роскошь квартиры и вмѣстѣ мастерской, въ которой постоянно господствовали простота, тишина и уваженіе къ труду. Мы впрочемъ и не вѣримъ въ модныя мастерскія, гдѣ художникъ во время занятій слушаетъ чтеніе газетъ; иногда удивляется, болѣе конечно изъ приличія, пѣнію доморощенной примадонны; изъ дальнѣйшихъ видовъ и выгодъ болтаеть, во время работы, вздоръ съ какимъ-нибудь важнымъ, но пустымъ господиномъ, или вдохновляется городскими сплетнями двухъ смазливенькихъ посѣтительницъ, которыя сами

¹ Эта постоянная готовность Василя Андреевича, всегда и вездѣ, помочь своими совѣтами каждому въ дѣлѣ искусства, напоминаетъ мнѣ разказъ покойнаго моего профессора Б. И. Орловскаго о его учителѣ въ Римѣ, Торвальдсенѣ. Работавъ въ одной изъ своихъ мастерскихъ на Барберинской площади, въ Римѣ, Торвальдсенъ былъ какъ-то прерванъ въ своихъ занятіяхъ приходомъ бѣднаго, едва одѣтаго мальчика, со сверткомъ бумаги въ рукахъ. «Что тебѣ?» спросилъ ласково Торвальдсенъ. «Я рисую, но я бѣденъ; насъ нѣсколько братьевъ и есть сестры; мать послала меня къ вамъ, есселенза; говорить вы великодушны, сдѣлайте меня художникомъ!» Торвальдсенъ, развернувъ свертокъ, заключавшій рисунки, велѣлъ одному изъ своихъ учениковъ записать мѣсто жительства мальчика, и вечеромъ того же дня Торвальдсенъ пошелъ одинъ, пѣшкомъ, по оставленному адресу, въ отдаленнѣйшую часть Рима. Черезъ нѣсколько дней упомянутый мальчикъ, одѣтый во все новое, поселился въ мастерской Торвальдсена и началъ учиться скульптурѣ.

также (навѣрно не сами!) пишутъ красками. Гдѣ же тутъ быть истинному искусству и добросовѣстному художественному труду?!

Скроменъ былъ и подвѣздъ, ведшій въ квартиру Василя Андреевича; почтенный художникъ самъ отворялъ двери своей квартиры посѣтителямъ. Видя этого старца, оставляющаго кисть и палитру, чтобы впустить къ себѣ человѣка жаждущаго увидѣть прекрасное, мы невольно переносились мыслию въ давнюю эпоху искусства, во времена Джіотто и Перуджино.

Спокойствіе, которымъ дышало благодушное старческое лицо Тропинина, досталось ему не легко. Постоянно борившійся съ препятствіями и угнетеніемъ, онъ приобрѣлъ это спокойствіе подъ сѣнію вѣры и искусства. Ясная память, которой могъ бы позавидовать юноша, свидѣтельствовала о невозмутимо-разумной, трезвенной душѣ и твердомъ характерѣ, которые въ тяжкія минуты испытанія спасли его отъ отчаянія и крайностей. Высоко поучительна жизнь такого человѣка, достоинъ глубокаго уваженія этотъ характеръ, вышедшій изъ борьбы съ гнетущими обстоятельствами свѣтлымъ, юношескимъ, способнымъ оживлять и молодое поколѣніе, такъ скоро падающее нынѣ духомъ при малѣйшихъ неудачахъ. Не разъ, вѣроятно, сердце Василя Андреевича щемила мысль, что въ то время какъ сверстники его, Кипренскій и Варнекъ, изучали великіе образцы подъ небомъ Италіи, онъ долженъ былъ перемѣнять тарелки за господскимъ столомъ; но вѣрно Тропининъ на то и былъ Тропининымъ, чтобы, не видавъ Италіи, стать такимъ художникомъ, произведенія котораго соперничаютъ съ работами Кипренскаго и Варнека.

Самъ Василій Андреевичъ говорилъ какъ-то: «можетъ-быть вышло и къ лучшему, что я не былъ въ Италіи; будь я тамъ, можетъ-быть, не былъ бы *своеобразенъ*.»

Кто хорошо зналъ Василя Андреевича, тотъ не могъ не любить его всею душой. Какъ онъ ни разу въ жизни не измѣнялъ призванію художника, такъ никто не измѣнялъ ему въ привязанности.

Портреты, писанные Тропининымъ представляютъ внутреннюю жизнь человѣка, его душу, а не мертвенное, машинальное копированіе очертаній лица. Онъ на первомъ же сеансѣ сразу схватывалъ всю общность и пропорціональность частей облика, удовлетворялъ всю цѣльность и отличительность его характера, и не вдавался въ кропотливую мелочность, искалъ запе-

чатлѣть на холстѣ всю свѣжесть выраженія и грацію, свойственную полу и дѣтамъ изображаемаго лица. Онъ особенно дорожилъ первымъ присѣтомъ, говоря, что, въ послѣдствіи, сидящій соскучится; потомъ онъ работалъ на память; подмалевывалъ же голову и руки изкрасна, замѣчая, что сперва нужна кровь, а потомъ уже верхніе покровы. Въ послѣдніе сеансы все окружающее въ портретъ онъ ускромнялъ, усмиралъ, чтобы сосредоточить вниманіе зрителя на головѣ, какъ существенной части портрета. Онъ не придерживался рутинны, не имѣлъ заученныхъ пріемовъ, не злоупотреблялъ свѣтомъ, не вызывалъ выпуклости въ лицѣ посредствомъ неестественнаго, чернаго какъ сажа фона, заставляющаго иногда предполагать у другихъ прославленныхъ портретистовъ, что изображаемый ими человекъ сидитъ въ темномъ подвалѣ. Въ портретахъ Тропининскихъ мы встрѣчаемъ необыкновенное разнообразіе въ тонахъ лицъ; каждое изъ нихъ представляло художнику новую задачу, предметъ особаго изученія. Ничего рѣзкаго, ничего дисгармонирующаго, умышленно противоположнаго, фокуснаго, ни въ общихъ тонахъ, ни въ оцвѣчиваніи отдѣльныхъ частей, мы не встрѣчаемъ у Тропинина, вполне художественно чувствующаго гармонію красокъ. Все соображено, почувствовано до утонченности, такъ что слѣды искусственности и механическаго процесса предъ вами исчезаютъ, и вамъ представляется облагороженная натура, очищенная отъ всѣхъ случайностей, и какое-то одухотворенное сходство.

Только такія достоинства въ портретистѣ изобличаютъ истиннаго художника.

Съ большимъ любопытствомъ и особеннымъ удовольствіемъ разсматривалъ я нѣсколько толстыхъ тетрадей Василія Андреевича, наполненныхъ эскизами портретовъ. Поразительное разнообразіе положеній и посадокъ, желаніе и вмѣстѣ умѣніе выставить лицо съ болѣе выгодной, болѣе красивой стороны, показываютъ, что Тропининъ не былъ простымъ исполнителемъ заказовъ, но былъ всегда озабоченъ своимъ искусствомъ и служилъ ему честно и, со всею любовью.

Василій Андреевичъ предпочиталъ самыя простыя краски изъ москательныхъ лавокъ, самъ растиралъ и приготавливалъ ихъ, не довѣряя никакимъ новоизобрѣтеннымъ лакамъ, гарантамъ и проч., и называлъ ихъ измѣнниками; о приготовленныхъ же собственными руками краскахъ говорилъ: «Я знакомъ съ ними, и уже теперь знаю что съ ними сдѣлаетъ время?»

Тропинину предлагали не одинъ разъ большія деньги за портреты съ покойниковъ. но онъ всегда отказывался. «Я, говорю, не могу видѣть равнодушно мертваго, я теряюсь!»

Въ 1855 году, 30 сентября, спокойная жизнь Василя Андреевича окрачилась потерей любимой его супруги. Во время ея болѣзни, подъ квартирой, въ которой художникъ прожилъ тридцать два года, по распоряженію хозяйки дома, устроена была лавка со вновь-пробитымъ ходомъ съ улицы, и лавку эту тотчасъ же занялъ гробовщикъ. Тогда Тропининъ перебрался въ купленный имъ домикъ за Москвой-рѣкой.

Въ 1857 году я пріѣхалъ къ Василю Андреевичу, чтобы вручить аттестатъ сына его Арсенія Васильевича на званіе свободного художника. Сыновняя любовь убрала новоселье почтеннаго старца множествомъ цвѣтовъ и деревьевъ, въ кѣтъкахъ чирикали и пѣли птички, поскакивая съ жердочки на жердочку; вообще въ просторныхъ и уютныхъ комнатахъ, украшенныхъ сверху до низу произведеніями кисти славнаго художника, все имѣло спокойный, веселый видъ. Я замѣтилъ это Василю Андреевичу; но онъ, тяжело вздохнувъ, сказалъ мнѣ: «Нѣтъ, не говорите этого; вотъ старуха моя умерла... Да и дверей-то тѣхъ нѣтъ, помните, что были въ домѣ Писаревой!»

Въ прежней квартирѣ Тропинина входныя двери снаружи были исписаны разными именами, въ числѣ которыхъ чаще прочихъ встрѣчались крупными буквами надписи: былъ К. Брюловъ, былъ Витали, былъ Карлъ Брюловъ...

Видно было, что маститый художникъ, чувствуя уже истощеніе силъ, тихо грустилъ о невозвратномъ... Упомянувъ же еще разъ о своей многолюбимой женѣ, онъ заключилъ, что и ему пора за нею на покой, и что хотя птички все-таки хорошо поютъ, но его уже болѣе не занимаютъ.

5-го мая 1857 года, въ 10-мъ часу утра, на Полянкѣ, сходились и съѣзжались художники, друзья, родственники и читатели Тропинина, къ его небольшому красивенькому домику. Никогда еще не бывало такого большаго стеченія народа въ жилищѣ уважаемаго художника, проведшаго всю свою жизнь скромно, честно, неусыпно-дѣятельно; много три, четыре чело-вѣка близкихъ сходились у него побесѣдовать и послушать простыхъ, но мудрыхъ его рѣчей; а въ этотъ день была толпа людей, которые, безмолвно входя въ первую комнату, отдавали земные поклоны браннымъ останкамъ Василя Андре-

евича. Собралось духовенство, и совершился выносъ тѣла къ Спасу въ Наливаихъ, откуда мы проводили усопшаго на Ваганьково кладбище. Снѣгъ и градъ метались намъ въ лицо; своеобразная сѣверная весна, казалось, хотѣла напомнить, что мы хоронимъ нашего сѣвернаго художника, никогда не таявшаго на итальянскомъ солнцѣ и потому можетъ-быть скончавшагося въ полной памяти на 77-мъ году своей жизни.

За три или четыре дня до смерти, маститый художникъ самъ вымылъ свои кисти, вычистилъ палитру и осмотрѣлъ свѣжій холстъ, который изготовилъ къ утру 3-го мая, чтобы начать портретъ съ г. Калмыкова; но уже чувствуя слабость, онъ не задолго до того высказалъ предчувствіе своей близкой кончины. Онъ переписалъ портреты всѣхъ казачьихъ атамановъ, начиная съ Платова. «Это послѣдній мой атаманъ», сказалъ онъ, указывая на портретъ г. Хомутова,—и слова его оправдались.

Когда гробъ опускали въ могилу, одинъ изъ близкихъ родственниковъ Тропинина вскрикнулъ: «Смотрите, гробъ пришелся бокъ-о-бокъ съ его старушкой!» Полтора года назадъ, Василій Андреевичъ схоронилъ свою жену, и съ тѣхъ поръ началъ замѣтно хирѣть... Да, любовь сильна въ сильныхъ и благородныхъ натурахъ; въ этомъ убѣждаютъ насъ наши добрые старики!

Возвратились мы въ домъ Василя Андреевича, по приглашенію сына его, Арсенія Васильевича, и помянули покойнаго. Послѣ трапезы, пишущій эти строки, обратился къ присутствовавшимъ съ слѣдующею рѣчью, произнесенною передъ портретомъ Василя Андреевича, превосходно написаннымъ имъ самимъ. Вотъ эта небольшая рѣчь:

«Славнаго художника и честнѣйшаго челоуѣка мы предали сегодня землѣ. Она взяла свое; но тотъ духъ, который живилъ схороненное нами тѣло, живетъ и остается между нами. Тропининъ не умеръ, и умереть въ русскомъ царствѣ не долженъ и не можетъ. *Я и теперь вижу маститаго старца*, исполненнаго силы физической и умственной, огня, любви, высокаго терпѣнія, непоколебимаго характера. *Я и теперь слышу его*—цѣлою жизнью своей онъ говоритъ: люби искусство какъ самую жизнь, тогда только оно полюбитъ тебя; въ несчастіи будь твердъ, будь самобытенъ, самостоятеленъ, будь чистъ совѣстью передъ искусствомъ и не обращай вниманія на мимолетные возгласы публики. Счастливъ тотъ, кто хотѣ

урывками бесѣдовалъ съ Василиемъ Андреевичемъ; еще счастливыѣ тѣ, которые знали его долгое время.

«Съ Тропининымъ умираетъ старѣйшее поколѣніе русскихъ художниковъ, поколѣніе столь доблестное, благородное, призракъ котораго рѣдко кто изъ насъ слѣдуетъ, ибо мы нахватались многого, совершенно излишняго, не нужнаго для насъ, и погрязли въ тинѣ ежедневной, мелочной жизни и выгодахъ ея, нисколько не заботясь сберечь тотъ божественный огонь, который истинный художникъ, какъ Тропининъ, сохранилъ въ душѣ до глубокой старости. Для человека, какъ для растенія и всего живущаго, есть свой конецъ: Василій Андреевичъ сдѣлалъ свое дѣло въ жизни благородно, — и скончался. Художники! почтимъ его память стремленіемъ сдѣлаться ему подобными! Обращаюсь ко всѣмъ — къ художникамъ, друзьямъ покойнаго и всѣмъ читателямъ его, — съ просьбою доставить мнѣ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Василя Андреевича, кто сколько знаетъ, сколько помнить. Это будетъ памятникъ Тропинину въ русскомъ словѣ, для всѣхъ, даже далеко живущихъ отъ насъ Русскихъ. Сыновняя любовь поставитъ крестъ на могилѣ, а въ Московскомъ училищѣ Живописи и Ваянія будетъ черезъ годъ, въ день кончины художника, поставлено изваяніе незабвеннаго старца ¹, котораго имя и въ потомкахъ нашихъ будетъ любимо и уважаемо. Я беру стаканъ меду и предлагаю выпить всѣмъ за Василя Андреевича: вѣчная ему память и благодарность отъ всѣхъ насъ за его свѣтлую, безупречную жизнь!»

Николай Рамазановъ.

Іюня 25 дня, 1859 года.

¹ Спѣшныя и сложныя работы для памятника императору Николаю I и другія занятія приостановили исполненіе этого обѣщанія, но оно не замедлитъ теперъ.

ЗАПИСКИ

ГАРИБАЛЬДІЙЦА

XXI. ЧТАБЪ-КВАРТИРА.

Послѣ взятія Капуи, гарибальдійскія войска пользовались совершенною свободою; всѣ военныя дѣйствія сосредоточились въ рукахъ Пиемонтцевъ. Была попытка организовать нѣсколько правильнѣе два вновь-сформированные въ Неаполѣ полка, одинъ морской пѣхоты, а другой горцевъ Везувія, но попытка эта совершенно не удалась, и первый изъ нихъ раскассировали.

Кстати замѣчу, что два эти полка были организованы по проекту диктатора на особыхъ основаніяхъ, которыя не понравились новому правительству. На этотъ разъ, впрочемъ, винить его не за что, то - есть дѣйствительно безпорядки были большіе, а надежда на ихъ прекращеніе плоха. Гарибальди самъ не имѣлъ времени заняться формировкой этихъ полковъ, да притомъ и формировали ихъ на скорую руку. Оба эти полка состояли изъ волонтеровъ, какъ и все гарибальдійское войско. Обязательнаго срока службы не было, и притомъ организованные почти въ то время, когда уже оканчивались военныя дѣйствія, они не прошли черезъ ту школу огня и опасностей, которая формируетъ войска подобнаго рода. Вмѣстѣ съ тѣмъ они

питали общее всѣмъ волонтерамъ отвращеніе отъ учений и фрунтовыхъ упражненій. На основаніи всего этого правительство обрадовалось первой возможности раскассировать хоть одинъ изъ этихъ полковъ, не оскорбляя уважаемаго ими вождя. Та же участь постигла и эскадронъ *Diavoli Rosi* (красныхъ чертей) вновь-сформированной въ Палермо кавалеріи.

Горцы Везувія между тѣмъ назначены были въ пополненіе бригады Мильбица, сильно ослабленной многочисленными потерями.

Мильбицъ съ небольшою частью своего штаба оставал еще въ Санта-Маріи и, по выздоровленіи своемъ, я долженъ былъ отправиться туда, собственно только для того чтобъ исполнить пустую формальность. Между тѣмъ я успѣлъ на столько уже втянуться въ довольно пошлаую и праздную неаполитанскую жизнь, что мнѣ не легко было разстаться съ нею. Я откладывалъ со дня на день свой отъѣздъ и дождался того, что поѣзды желѣзной дороги между Капуей и Неаполемъ были прекращены по распоряженію правительства. Эта неожиданная мѣра вызвала множество толковъ; каждый по своему объяснилъ причины, побудившія правительство принять ее. Въ приказѣ намѣстника по этому поводу было сказано, что поѣзды прекращаются вслѣдствіе непомѣрнаго стеченія пассажировъ и неизбѣжныхъ при такомъ стеченіи безпорядковъ. Конечно, никто не повѣрилъ этому предлогу, но еще недоброжелательнѣе прежняго стали поглядывать на королевскихъ карабинеровъ важно расхаживавшихъ въ плащахъ и треуголкахъ.

Журналы по своему толковали это новое распоряженіе. Министерскіе объясняли его стеченіемъ очень большаго числа военноплѣнныхъ, которыхъ дѣйствительно большими партиями перевозили изъ Капуи въ Неаполь, гдѣ ихъ ожидали военные пароходы. Оппозиціонные вовсе не объясняли причинъ, побудившихъ правительство рѣшиться на эту мѣру, но яростно возставали противъ самаго рѣшенія.

Болѣе всего распространено было мнѣніе, что сообщенія прекращены для предотвращенія наплыва бурбонскихъ эмиссаровъ. Въ подобномъ случаѣ трудно добиться толку посреди такихъ разнообразныхъ мнѣній, а немногіе, знавшіе истину, не высказывали ее.

Знаю только то, что едва ли въ какое либо-другое время распоряженіе это могло показаться мнѣ такъ стѣснительнымъ и непріятнымъ, какъ тогда. Мнѣ, во что бы то ни стало,

нужно было вѣхать въ Санта-Марію; сѣсть на лошадь я еще не былъ въ состояніи, приходилось непременно брать веттурина, а въ Италиі это великое несчастье, и я обыкновенно пускалъ въ ходъ всѣ мои спекулятивныя способности чтобы только избѣжать его, и до тѣхъ поръ мнѣ это удавалось. Скрѣпя сердце и собравъ весь запасъ своего хладнокровія, я отправился на Largo del Castello нанять коляску. Въ моихъ воспоминаніяхъ, эта критическая минута занимаетъ мѣсто на ряду съ волненіями дня битвы при Вольтурно. Въ глазахъ моихъ эти алчные хищники прочли намѣреніе нанять кароцу, обступили меня со всѣхъ сторонъ, закричали, заводновались, и кончилось дѣло тѣмъ, что я вскочилъ въ худшую изъ стоявшихъ передо мною колясокъ, не смотря на то что ея возница потребовалъ отъ меня чуть ли не больше прочихъ.

Едва мы проѣхали версть пять, взобравшись на Capo de China, веттуринъ остановилъ свою клячу, сдѣвъ съ козелъ, вытащилъ изъ-подъ сидѣнья молотокъ и клещи, и принялся яростно уколачивать одно изъ колесъ, жалобно визжавшее всю дорогу. Операція эта повторилась разъ пять или шесть; наконецъ почти на подорогѣ, подъ самую Аверсой, ось лопнула, и я ткнулся лбомъ въ козлы. Веттуринъ вскочилъ на ноги и, несмотря на мои отчаянные возгласы, спокойно процѣдилъ *accidente*, неизвѣстно къ кому относившійся.

Пришлось пересаживаться въ *corricolo* (переложеніе русской перекладной на итальянскіе нравы), и въ этомъ неудобномъ экипажѣ добраться до Аверсы. Оттуда оставалось еще добрые два часа ѣзды до Санта-Маріи. Веттуринъ пѣшкомъ явился туда же, черезъ полчаса послѣ меня. Часа черезъ полтора найдена была какая-то таратайка, еще неудобнѣе, и я отправился въ сообществѣ двухъ другихъ гарибальдійскихъ офицеровъ, и еще одного очень чернаго офицера.

Часа въ 4 послѣ обѣда мы были въ Санта-Маріи.

Большая квартира Мильбица, такъ недавно еще шумная и полная веселыхъ юношей и крикливыхъ офицеровъ, теперь была пуста и казалась необитаемою. Швейцарецъ-денщикъ лежалъ на шинели, покуривая сигару, но не забылъ похвастаться передо мною сержантскими галунами, заслуженными имъ уже во время моего отсутствія.

Мильбицъ медленными шагами прохаживался по опустѣвшимъ комнатамъ, задумчиво покуривая и выпуская кольцами дымъ. Фигура его никогда не была особенно воинственна,

а тутъ каждый мускуль его сухаго лица выражалъ успокоеніе и отставку.

Я нѣсколько церемонно подошелъ къ нему, но онъ съ добродушіемъ старосвѣтскаго помѣщика протянулъ мнѣ руку, и пригласилъ садиться.

— Вы уже и поправились, сказалъ онъ, и принялся расспрашивать меня о Неаполѣ, и потомъ съ болтливостію старика обо всякихъ другихъ предметахъ.

— А что Бизіо? ¹ спросилъ онъ меня.

Я забылъ увѣдомить читателя, что генералъ Нино Бизіо или Биксіо за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ жестоко поплатился за природную вспыльчивость и бѣшеную строптивость своего нрава. Въ сообществѣ нѣсколькихъ старшихъ гарибальдійскихъ офицеровъ, горячо о чемъ-то съ ними споря, онъ объѣзжалъ верхомъ аванпосты. Вдругъ лошадь остановилась и заупрямилась. Бѣшеный наѣздникъ, не посмотрѣвъ ей подъ ноги, свирѣпо вонзилъ ей шпоры въ бока. Лошадь взвилась на дыбы, и отчаянно бросилась впередъ. Подъ ногами ея была широкая яма, въ которую она свалилась вмѣстѣ съ своимъ тучнымъ всадникомъ, сломавшимъ себѣ руку и ногу. Положеніе Биксіо само по себѣ было опасно; его полнокровіе и воспалительность его организма приводила докторовъ въ отчаяніе. Но во время описываемаго мною свиданія съ Мальбицемъ, здоровье Биксіо уже поправлялось, и онъ былъ внѣ всякой опасности.

Биксіо, въ кругу гарибальдійскихъ генераловъ, занималъ очень почетное мѣсто. Его отчаянная храбрость и устоячивость передъ врагомъ составили ему громкое имя. Нисколько не подвергая сомнѣнію личныя достоинства Нино Биксіо, замѣчу, что онъ вполнѣ былъ чуждъ тѣхъ положительныхъ и основныхъ качествъ боеваго генерала, которыми отличался напримѣръ Мильбицъ. Биксіо умѣлъ искусно возбудить энтузіазмъ своихъ солдатъ, былъ всегда на самыхъ опасныхъ пунктахъ и со своими генуэзскими карабинерами дѣлалъ чудеса; но правильно сообразить планъ сраженія, разчитать силы непріателя, предусмотрѣть движенія его, — это не его дѣло. Кромѣ того, генералъ этотъ имѣлъ одну слабую сторону, бросавшую сильную тѣнь на его блистательныя достоинства: онъ былъ до свирѣпости вспыльчивъ и въ мину-

¹ То-есть Биксіо, какъ вообще произносятся это имя; но многіе, слѣду генуэзскому произношенію, говорятъ: *Бизіо*.

ты опасности неукротимо грубъ и жестокъ. Не разъ оскорблялъ онъ лучшихъ изъ своихъ офицеровъ. Въ дѣлѣ при Реджіо, скомандовавъ атаку въ штыки, Биксіо увидѣлъ молодого солдата спокойно стоявшаго на мѣстѣ, тогда какъ другіе быстро бросились впередъ.

— А, ты нейдешь! Ты трусишь! закричалъ генераль.

— Я не могу идти, потому что у меня ружье безъ штыка и испорчено; спокойно отвѣчалъ юноша.

Раздраженный Биксіо, не выслушавъ его отвѣта, выстрѣлилъ ему въ лобъ изъ своего револьвера.

Въ другой разъ, во время битвы при Мадалони 1-го октября, возлѣ Биксіо проносили израненнаго бурбонскаго офицера. Страдая отъ ранъ и отъ жажды, онъ попросилъ пить. «*Essoti la tua bibita*» (вотъ тебѣ твой напитокъ), бѣшено закричалъ Биксіо, выстрѣливъ ему въ ротъ.

Теперь, говорятъ, неукротимый предводитель гарибальдийцевъ сталъ очень кроткимъ пиемонтскимъ генераломъ, и замѣнилъ общими генеральскими привычками бѣшенныя вспышки своего сумашедшаго нрава. Онъ засѣдалъ въ парламентѣ, гдѣ говорить очень оригинальныя рѣчи, но не всегда въ защиту своихъ сослуживцевъ.

Такая же метаморфоза произошла и въ сотоварищѣ его Тюррѣ, изъ отчаяннаго приверженца и друга Гарибальди ставшаго посредникомъ между имъ и министерствомъ. Тюррѣ недавно обидѣлся, что одинъ изъ журналовъ назвалъ его генераломъ волонтеровъ, и торжественно объявилъ черезъ журналы, что теперь онъ генераль итальянскаго войска.

Къ вечеру Мильбицъ отпустилъ меня, сказавъ, что я могу ѣхать обратно въ Неаполь, куда и онъ намѣренъ былъ надолго переселиться. Я воспользовался его позволеніемъ, и въ ту же ночь возвратился на свою квартиру въ Неаполь. Ночь была лунная, сырая и холодная. Живописная дорога казалась еще живописнѣе, при блѣдномъ освѣщеніи осенняго мѣсяца. Дорогой я успѣлъ порядочно продрогнуть, такъ какъ не позаботился взять свой теплый плащъ. Лежа въ тряской таратайкѣ въ какомъ-то лихорадочномъ полуснѣ, я видѣлъ чудные образы, которыхъ однакоже не буду передавать читателю, такъ какъ фантазія моя носилась очень далеко отъ совершавшихся тогда событій и отъ той жизни, которую я жилъ въ то время.

Мальбица потомъ я видѣлъ еще въ Неаполѣ. Онъ совершенно преобразился въ мирнаго гражданина, и наслаждаясь семейнымъ благополучіемъ и спокойствіемъ на сколько позволяла ему сожительница его, сорокалѣтняя Мальтійка съ огненными глазами и античнымъ профилемъ. Потомъ онъ уѣхалъ въ какой-то изъ маленькихъ городовъ Пиемонта ожидать новыхъ случайностей или смерти. Чтò вынесъ онъ изъ всей этой трудной кампаніи? Сознаніе, что спасъ Неаполь и лишнюю рану.

XXII. Д Ж Е Н Н А Р О .

Пріѣхавъ изъ Санта-Маріи, я тотчасъ же слегъ въ постель и на слѣдующій день не въ состояніи былъ оставить ее. У меня горѣла голова, я не въ состояніи былъ ни читать, ни рисовать, а потому курилъ и предавался самымъ сумасброднымъ мечтаніямъ возбужденнаго лихорадкой воображенія. Нравственное мое состояніе имѣло однакоже опредѣленный характеръ. Я слишкомъ надолго былъ выдвинутъ изъ обычнаго круга своихъ занятій и своей жизни. Пока я весь былъ поглощенъ окружающею меня дѣятельностью, въ которой и самъ принималъ участіе, мнѣ не было времени предаваться самосозерцанію, фантазировать, мечтать и философствовать,—а мы, сѣверные люди, большіе до этого охотники. Италіянецъ живетъ, прямо принимаетъ фактъ, иногда разчитываетъ, а разсуждаетъ рѣдко, и то вызванный необходимостью. А мы грѣшныя... да что и говорить!

Едва отсутствіе занятій и состояніе моего здоровья позволили мнѣ снова погрузиться въ родную мнѣ область, я почувствовалъ, что мнѣ чего-то сильно не доставало. Мало-по-малу мною овладѣла своего рода болѣзнь, которую я не могу назвать иначе, какъ тоской *по мольберту*. Мнѣ стало жаль оставленнаго мною образа жизни, меня тянуло въ мастерскую, подышать не совсѣмъ свѣжимъ, но по мнѣ ароматическимъ ея воздухомъ.

Въ Неаполѣ мало художниковъ, а художественной жизни вовсе нѣтъ, хотя для самостоятельной артистической дѣятельности трудно прибрать лучшее мѣсто. Едва выздоровѣвъ, я заведъ знакомства въ кругу неаполитанскихъ живописцевъ,

сталъ посѣщать ихъ студіи, и только разжигалъ въ себѣ немолчавшую потребность.

Неаполитанскіе живописцы, одни во всей Италіи, сохранили преданія стараго времени. Они ведутъ жизнь рабочую, проводятъ цѣлые дни въ своихъ студіяхъ. У кого не хватаетъ искренней любви къ искусству, всегда найдется достаточный запасъ зависти, соревнованія и желанія добиться извѣстности. Они дичатся, и сойтись съ ними дѣло не легкое.

Въ числѣ моихъ обыкновенныхъ знакомыхъ не было ни одного, сколько-нибудь сочувствовавшаго мнѣ въ этомъ отношеніи. Заговорите о музыкѣ съ любимъ Неаполитанцемъ, и вы всегда найдете въ немъ горячаго, страстнаго и толковаго дилеттанта. А живопись — для нихъ мертвая буква.

Я лежалъ, преданный всѣмъ этимъ соображеніямъ. Вдругъ въ корридорѣ послышались твердые шаги, и звучный баритонъ напѣвалъ слѣдующіе стихи изъ неаполитанской баркаролы:

Tu sei l'impero dell' armonia,
Santa Lucia, Santa Lucia.

Вошелъ пріятель мой импровизаторъ Дженнаро, малый лѣтъ тридцати пяти, высокаго роста, стройный съ красивымъ, веселымъ и дерзкимъ лицомъ.

Дженнаро извѣстенъ всѣмъ иностранцамъ, посѣтившимъ Неаполь, какъ какая-нибудь знаменитая статуя бывшаго музея *Vergapico*, какъ развалины Помпеи, какъ самъ Везувій. Былъ онъ избалованъ до крайности, но его черезчуръ развязныя манеры въ обращеніи съ людьми привыкшими встрѣчать нѣкотораго рода уваженіе, къ себѣ по крайней мѣрѣ наружное, отъ людей его класса, — эти манеры продуктъ всей его вольной, нищенской жизни. Впрочемъ Дженнаро — далеко не нищій. Онъ одѣвается какъ трактирный лакей средней руки; онъ дорого заплатилъ когда-то за свою гитару, которую бережетъ какъ друга и какъ вѣрный источникъ доходовъ. Проживаетъ Дженнаро несравненно больше какого-нибудь чиновника изъ *Dicastero dell'interno*, хотя не держитъ квартиры, обѣдаетъ въ самой отвратительной *gargotta*, и то по большей части заставляетъ себя угощать даромъ. Пьетъ онъ много, но, какъ Неаполитанецъ, пьянѣетъ сразу; а въ Неаполѣ пропивать столько,

сколько может онъ добывать — дѣло не легкое. Но Дженнаро страстный волокита, ревностный *cavaliere servente* и очень угодливый вздыхатель. Каждый день онъ влюбленъ въ нѣсколькихъ красавицъ изъ хора Teatro Nuovo или la Fenice. Въ любви впрочемъ онъ не разборчивъ. Артисткѣ онъ отдаетъ сердце скорѣе чѣмъ женщинѣ, занимающейся дѣломъ даже въ его глазахъ унижительнымъ, но и тѣ не встрѣчаютъ въ немъ убійственной жестокости. Дженнаро—аристократъ въ полномъ смыслѣ этого слова, по наклонностямъ и по образу жизни. Никогда, въ теченіи всей своей жизни, не покидалъ онъ самой аристократической части города: Santa Lucia, Riviera di Chiaja, Chiatamone, и королевскій садъ Villa Reale. Онъ встаетъ очень поздно, обѣдаетъ вечеромъ, пьетъ кофе и дѣлаетъ кейфъ, какъ самъ герцогъ Сиракузскій. Кромѣ того, Дженнаро уважаетъ только людей имѣющихъ собственные экипажи, живущихъ въ богатыхъ отеляхъ и всегда щегольски одѣтыхъ. Притомъ онъ не любитъ *снобовъ*; наконецъ онъ смѣется надъ Англичанами, хотя отъ нихъ зарабатываетъ всего больше. Особенною симпатіей Дженнаро пользуются нѣкоторыя русскія семейства, съ которыми онъ успѣлъ познакомиться. Въ нихъ любитъ онъ задумчивую, порой разгульную сторону характера, которую не вполне заглушаютъ привычки свѣтской жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Дженнаро—отчаянный *dilettante*; онъ любитъ поболтать объ искусствѣ вообще, о возвышенномъ въ музыкѣ; говорить порою страшную чепуху, необходимый результатъ его невѣжества и отсутствія всякаго художественнаго изученія. За то у него столько врожденнаго чувства изящнаго, такія громадныя способности уха и голоса, что, безъ сомнѣнія, онъ могъ бы занять очень почетное мѣсто въ кругу современныхъ артистовъ, еслибы когда-либо серьезно взглянулъ на искусство. У него такъ сильна музыкальная память, что онъ неоднократно повторялъ при мнѣ наизусть цѣлыя оперы, прослышанныя имъ одинъ или два раза, но конечно передѣлавъ ихъ по своему. Скажу наконецъ, что онъ поетъ нѣсколько русскихъ пѣсень, заучивъ по слуху ихъ слова и мотивы, но не понимая вовсе ихъ смысла.

Репертуаръ Дженнара главнымъ образомъ состоитъ изъ неаполитанскихъ народныхъ пѣсень; оперныя аріи поетъ онъ съ большимъ разборомъ, дѣлающимъ честь его природному вкусу. Онъ самъ много сочинялъ и импровизировалъ на сво-

емъ въку, но, всё его сочиненія не что иное какъ варіаціи на давно уже извѣстные мотивы.

По манерѣ пѣнія онъ отличается отъ своихъ собратій, менѣе знаменитыхъ; она у него болѣе искусственна, порою до натянутости. Когда онъ поетъ передъ иностранцами, въ особенности въ трезвомъ видѣ, онъ жеманится, рисуется, фокусничаетъ черезчуръ, и на публику производитъ въ подобныхъ случаяхъ очень дурное впечатлѣніе. Но расшевелившись, подвыпивши, Дженнаро весь отдается впечатлѣнію. Манера его пѣнія, какъ и вообще неаполитанская манера, нѣсколько напоминаетъ московскихъ цыгачъ, хотя въ ней несравненно больше художническаго чувства.

Дженнаро не рѣдко представлялся случай попасть на сцену, и это бы очень польстило ему, но дѣнь его всегда возмущалась мыслию о какомъ-либо опредѣленномъ занятіи, и онъ ни за что не хотѣлъ измѣнить своей бродяжнической жизни.

Какъ истый художникъ, Дженнаро не любитъ и вблизи никакого кровопролитія; вопреки неаполитанскимъ привычкамъ, онъ не носитъ на себѣ никакого оружія; поэтому въ революціи онъ принималъ самое мирное, хотя и довольно дѣятельное участіе. Онъ сочинялъ патріотическія пѣсни и вдохновлялъ ими толпу, но только когда вблизи не предвидѣлось никакой драки. Едва бурбонское знамя было снято съ башенъ Sant'Elmo, Дженнаро нарядился въ трехцвѣтный жилетъ и панталоны. Онъ, какъ истый Неаполитанецъ, горячо преданъ Гарибальди, и въ минуты отдыха постоянно бормочетъ себѣ подъ носъ извѣстный гимнъ

Si scopran le tombe, si levani morti.

Впрочемъ гимнъ этотъ, всёми извѣстный въ Италіи, для русской публики можетъ быть новостью. Эта италіанская марсельеза, произведеніе какого-то невѣдомаго мѣэстра, тотчасъ же разученное цѣлымъ народомъ, и когда Меркаданти попробовалъ исправить его въ музыкальномъ отношеніи, онъ легко убѣдился, что невозможно измѣнить тутъ ни одной фразы, ни одного звука, ни каданса, чтобы совершенно не испортить цѣлаго. Эта оригинальная, смѣлая, волнующая и вдохновляющая музыка, дни и ночи гремитъ въ цѣломъ Неаполѣ, и никому еще она не пріѣлась, никто еще не привыкъ слушать ея хладнокровно.

Пьемонтизаторы попробовали было охладить нѣсколько эту горячую приверженность Неаполя къ невинному музыкальному произведенію, но всѣ попытки ихъ оказались неудовлетворительными. Либоріо Романо попробовалъ выгнать клинъ клиномъ и ввести пьемонтскую *gigognia*, оригинальную, но нѣсколько пошлую народную польку, передѣланную въ маршъ. Неаполитанцы, привыкшіе въ театрахъ въ каждомъ антрактѣ слышать любимый гимнъ, охотно прослушали *джи-юлюю* въ первый разъ, вслѣдъ за гимномъ Гарibaldi; но, когда въ слѣдующемъ антрактѣ издумали было вовсе замѣнить этотъ гимнъ новою полькой, случилась чуть не революція. Испуганный полицейскій комиссаръ выбѣжалъ на сцену и не придумалъ ничего лучшаго, какъ объявить публикѣ, что гимна повторять нельзя, такъ какъ онъ не назначенъ на афишкѣ.

— Да вѣдь и вы тамъ не назначены, замѣтили ему изъ ложи, гдѣ сидѣло нѣсколько гарibaldiйцевъ, и, сконфуженный, сопровождаемый торжественными свистками, блюститель порядка удалился молча. Тогда публика бросилась въ оркестръ, затолкала испуганныхъ музыкантовъ и, отобравъ ихъ инструменты, принялась сама исполнять народный гимнъ, нельзя впрочемъ сказать чтобы съ полною гармоніей и совершенствомъ.

Привязанность Дженнара ко благу отечества, хотя не чуждая аффектаціи и желанія выказываться,—чувство искреннее и безкорыстное. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его стало значительно хуже вслѣдствіе случившагося переворота. Богатыя аристократическія семейства, протезировавшія ему, уѣхали, наплывъ иностранцевъ сталъ несравненно меньше противъ прежняго, и доходы бѣднаго Дженнара уменьшились. Но соловей Санта-Лучія не увываетъ, и поднося съ любезною улыбкой какой-нибудь еѣбъ браслетъ или брошку, купленную на послѣдній дукать, онъ съ прежнею веселостію улыбается, счастливый ея многозначительнымъ взглядомъ и удаляется радостно напѣвая:

Al Garibaldi si deve l'onore—
E sempre stato il vincitore.

Да простятъ мнѣ читатели множество куплетовъ и двустишіи... Говорить о Неаполѣ безъ стиховъ и пѣсенъ трудно.

XXIII. КАРЛУЧЧІО.

Въ залахъ великолѣпнаго дворца іезуитовъ, выгнанныхъ по занятіи Неаполя гарибальдійцами, устроенъ былъ госпиталь для опасно-раненныхъ. Богатыя неаполитанскія семейства пожертвовали значительныя суммы на его устройство, а честный и дѣятельный директоръ, Тосканецъ докторъ Морози, не щадилъ трудовъ и усилій, чтобы по возможности доставить своимъ несчастнымъ больнымъ удобства и средства къ излѣченію.

Въ одной изъ общихъ комнатъ, на маленькой желѣзной кровати, умиралъ товарищъ нашъ Карлуччіо, тяжело раненый въ грудь 1-го октября. Карлуччіо былъ солдатъ, и никогда не хотѣлъ никакого повышенія. Онъ имѣлъ кое-какое состояніе, но еще при началѣ похода онъ всемъ пожертвовалъ на организацію новыхъ экспедицій; самъ онъ жилъ своимъ солдатскимъ жалованьемъ, и съ особеннымъ усердіемъ и ревностію исполнялъ свои тяжелыя обязанности; но онъ какъ будто придерживался русской поговорки: отъ службы не отказываться, на службу не напрашиваться. Онъ рѣдко принималъ участіе въ отважныхъ предпріятіяхъ и ночныхъ экскурсіяхъ, особенно любимыхъ молодыми волонтерами и представляющихъ удобный случай сложить голову или отличиться, но мало приносящихъ истинной пользы. За то неоднократно случалось, что въ очень опасныя минуты Карлуччіо одинъ изъ цѣлаго батальона уставалъ на мѣстѣ, или спокойно шелъ впередъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что товарищи его отставали шаговъ на сто. Замѣчательно, что при всемъ этомъ онъ ни разу не бывалъ раненъ.

Все, знавшіе Карлуччіо, уважали его; нѣкоторые какъ-то побаивались, но любили немногіе. Его холодныя, строгія манеры, постоянная молчаливость отталкивали отъ него буйную и веселую молодежь, привыкшую въ разгулѣ проводить часы оставшіеся свободными отъ ихъ кровавыхъ занятій.

Меня сначала очень заинтересовала эта таинственная личность, но узнавъ Карлуччіо, хотя и не очень коротко, я сильно привязался къ нему. Карлуччіо съ своей стороны обращался со мною нѣсколько мягче и откровеннѣе

нежели съ другими изъ своихъ товарищей, и говорилъ мнѣ имъ вопреки дисциплинѣ, всегда строго имъ соблюдаемой. Впрочемъ, эту интимность позволялъ онъ себѣ только во время ночныхъ нашихъ разговоровъ съ глазу-на-глазъ; при другихъ онъ постоянно называлъ меня по чину.

Эти ночныя бесѣды наши какъ-то странно остались у меня въ памяти, хотя мы говорили большею частію объ очень общихъ предметахъ: объ италіанской литературѣ, по преимуществу о неаполитанской, объ искусствѣ, о жизни ладзарона,—и я узналъ отъ него много интересныхъ подробностей изъ этой жизни. Порою Карлуччіо разспрашивалъ о жизни русскихъ мужичковъ, которая особенно занимала его, но никогда ни слова о себѣ, что для меня было бы замѣчательнѣе всего остального. Онъ говорилъ тихо, не горячась и не жестикулируя по образцу своихъ соотечественниковъ, и всегда довольно чистымъ италіанскимъ языкомъ, хотя не безъ сильнаго неаполитанскаго оттѣнка въ произношеніи.

Лицо его, то освѣщенное яркимъ мѣсяцемъ, то причудливыми отблесками бивачнаго огня, всегда особенно привлекало меня своею симпатичностію и какимъ-то глубоко-задумчивымъ выраженіемъ. Черные волосы въ локонахъ падали на высокій бѣлый лобъ, и закрывали его больше нежели на половину густыя брови сходились въ какую-то странную складку; въ глубокихъ орбитахъ сверкали огромные глаза. Черные усы и маленькая бородка еще рѣзче выказывали матовую блѣдность его лица казавшагося мраморнымъ при фантастическомъ свѣтѣ лунной ночи.

Послѣ Вольтурнскаго сраженія мы не видались, и, каюсь, я уже пересталъ думать о моемъ бывшемъ пріятелѣ; но когда мнѣ сказали, что Карлуччіо умираетъ, мнѣ стало вдругъ тяжело, и я опрометью выбѣжалъ изъ кофейной, гдѣ сидѣлъ въ кругу веселой и беззаботной молодежи. Какъ ни торопился я, но было уже слишкомъ поздно. Больной былъ въ страшномъ бреду, не узнавалъ никого, метался и говорилъ несвязныя рѣчи. Лицо его мало измѣнилось отъ страданій, можетъ-быть потому, что онъ не могъ уже ни похудѣть, ни поблѣднѣть противъ обыкновеннаго своего состоянія. Послѣ четверти часа томительной агоніи, Карлуччіо успокоился на вѣки. Тогда только, въ числѣ окружавшихъ его постель, я замѣтилъ женщину лѣтъ тридцати, стоявшую повидимому спокойно, облокотясь на

его подушки; но лицо ея, ни красивое, ни дурное, выражало столько страданія, что становилось страшно.

Ее же, молчаливую и блѣдную, встрѣтилъ я на похоронахъ Карлучіо. Когда гробъ опустили въ яму, она глухо застонала и покачнулась; я стоялъ близко отъ нея и успѣшилъ поддержать ее, думая что она упадетъ въ обморокъ. Но я ошибся. Когда церемонія кончилась, она спокойно и твердо пошла за толпою. Дойдя до перваго памятника, съ мраморнымъ геніемъ смерти, она облокотилась на пьедесталь и упала на колѣни. Я остался недалеко отъ нея, внимательно слѣдя за нею. Остальные не заботились ни о ней, ни обо мнѣ.

Больше часу оставалась она въ этомъ положеніи. Становилось поздно. Мнѣ надобно наконецъ выжидательное положеніе, но я не могъ оставить ее одну, предполагая, что она въ обморокъ или въ летаргическомъ состояніи. Не помню, какую именно фразу сказалъ я ей, но знаю, что мнѣ пришлось повторить ее нѣсколько разъ. Дама оглянулась,—лицо ея было блѣдно, но спокойно, и въ глазахъ ни мадѣйшаго признака безумія. Съ минуту она молча окидывала меня своимъ спокойнымъ и мертвымъ взглядомъ.

— Время идти, сказала она, вставая и отряхивая платье.

Я предложилъ провести ее до первой кареты; она молча оперлась на мою руку.

На бѣду экипажъ отыскался нескоро. Я усадилъ ее и спросилъ ея адресъ. Она сказала мнѣ его и прибавила:—А вы развѣ не поѣдете со мною?

Меня нѣсколько удивилъ этотъ вопросъ; я сталъ говорить какія-то пошлости, съѣлъ рядомъ съ нею, и приказалъ кучеру везти насъ по данному адресу.

Не знаю, какое именно чувство заставило меня поступить такимъ образомъ. Вѣрнѣе всего простое любопытство; наружность этой женщины производила на меня нѣсколько отталкивающее впечатлѣніе, и я вовсе не считалъ для нея необходимыми мои услуги.

— Вы были другомъ Карлучіо? спросила она меня.

— Нѣтъ. Я слишкомъ мало зналъ его, хотя постоянно желалъ узнать его поближе.

Она принялась разказывать мнѣ подробности о его жизни. Разстояніе до ея квартиры было большое, и она успѣла сообщить мнѣ много очень интереснаго. Проводивъ ее до ея гѣстницы, я раскланялся и уѣхалъ, и никогда уже потомъ не встрѣ-

чался съ нею. Прибавлю для любопытныхъ, что это была сестра женщины, которую страстно любилъ Карлуччіо. Она горячо любила его, но онъ никогда не отвѣчалъ на ея чувство и, кажется, не зналъ его вовсе.

Карлуччіо былъ однимъ изъ тѣхъ мечтательныхъ и сентиментальныхъ созданий, которыя очень рѣдко встрѣчаются между Италианцами. Съ самаго дѣтства надъ нимъ тяготѣла какая-то тяжелая судьба; или, лучше, это была одна изъ тѣхъ организацій, которыя вовсе не созданы для счастья. Страстная и пылкая душа его никогда не могла помириться съ тою пошлою ежедневною жизнію, которая легко дается на долю каждому. Въ немъ много было пылкихъ порывовъ, готовности на всякіе подвиги, на страшныя жертвы, но ему не доставало силы на мелочную борьбу, которая одна можетъ привести человека въ желанной цѣли. А жизнь поступаетъ съ такими организаціями безъ жалости, безъ пощады.

Въ эпоху, когда жилъ Карлуччіо, не трудно было предсказать его участь; тюрьма и висѣлица, или печальный, но честный конецъ, къ которому пришелъ онъ,—вотъ все, изъ чего ему приходилось выбирать.

Иногда женщина можетъ еще отвратить эту неумолимую судьбу, можетъ любовью искупить милую ей голову, отмѣченную роковымъ клеймомъ. Но для этого ей нужно много любви и силы, и не это выпало на долю Карлуччіо.

У Карлуччіо не было ни сестеръ, ни братьевъ; мать его умерла въ родахъ. Онъ жилъ одинъ съ своимъ отцомъ, знаменитымъ музыкантомъ того времени. У Карлуччіо съ дѣтства были отличныя способности ко всему, и къ музыкѣ въ особенности; кромѣ того, звучный и сильный голосъ. Отецъ имѣлъ въ виду сдѣлать изъ него пѣвца.

Въ Неаполѣ трудно дать юношѣ сколько-нибудь сносное образованіе. Отецъ Карлуччіо не щадилъ издержекъ, приглашалъ для своего сына лучшихъ учителей, и молодой Карлуччіо прибрѣлъ кое-какія свѣдѣнія, благодаря, впрочемъ, больше всего своей любви къ чтенію и къ занятіямъ всякаго рода. Пятнадцать лѣтъ онъ хорошо рисовалъ, говорилъ по французски и имѣлъ кое-какія другія свѣдѣнія, собранныя безъ системы и всякой внутренней связи. Жизнь ихъ шла сповойно и не было ни одного внѣшняго повода къ той непонятной, безотчетной тоскѣ, которая тѣснила жизнь здороваго и сильнаго мальчика. Наступила бурная эпоха 48-го года. Карлуччіо было около

семнадцати лѣтъ. Отецъ его былъ капитаномъ въ батальонѣ національной гвардіи, тогда только что сформированной.

Когда началась бомбардировка Неаполя, Карлуччіо нѣсколько дней просидѣлъ дома. Разъ вечеромъ, отецъ его не возвратился, и продавъ его напрасно всю ночь, Карлуччіо на утро отправился на поиски.

Гремѣла перестрѣлка, по улицамъ стояли баррикады. На Largo del Palazzo, у входа на Толедо, Карлуччіо увидѣлъ на мостовой, въ кучкѣ убитыхъ, трупъ своего отца. Въ совершенномъ отчаяніи упалъ онъ на эти послѣдніе останки того, что ему еще было дорого на свѣтѣ. Ему не долго пришлось однако предаваться своему отчаянію. Батальонъ Швейцарцевъ штыками разгонялъ національную гвардію, усиленную пристававшими къ ней гражданами и ладзаронами. Карлуччіо поднялъ валявшееся на мостовой ружье и бросился въ ряды защищавшихся. Швейцарцы одержали верхъ. Защищавшіеся бросились бѣжать, оставивъ много убитыхъ и раненыхъ. Карлуччіо скрылся въ одномъ изъ примыкающихъ къ Толедо переулковъ, раненый въ грудь, но еще имѣвшій силы держаться на ногахъ. У одного дома увидѣлъ онъ молодую женщину, плававшую въ собственной крови. Онъ схватилъ ее на руки, и пустился снова бѣжать, самъ не зная куда. Женщина между тѣмъ оянулась. Отъ нея онъ узналъ ея адресъ и отвнесъ ее въ ея квартиру. Тутъ силы ему измѣнили, и онъ упалъ замертво. Болѣзнь его была продолжительна; все это время онъ оставался въ квартирѣ спасенной имъ женщины, оправившейся прежде его. Она и сестра ея очень усердно за нимъ ухаживали. Когда здоровье его нѣсколько оправилось, онъ хотѣлъ возвратиться въ свой домъ, но его удержали, потому что ему было бы не безопасно показаться въ своемъ домѣ. Между тѣмъ Карлуччіо узналъ, что Клариче (имя раненой женщины) была жена господина, вовсе не враждебно относившагося къ новому правительству, и даже занимавшаго очень почетное мѣсто, въ новой администраціи.

Скоро онъ горячо полюбилъ Клариче, и она стала къ нему неравнодушна. Когда здоровье его совершенно поправилось, мужъ Клариче обратилъ все его имѣніе въ деньги, и доставилъ ему средства бѣжать изъ Неаполя. Клариче, тайно отъ мужа, послѣдовала за нимъ во Флоренцію.

Счастіе преступныхъ любовниковъ было непродолжительно. Клариче страстно его любившая не могла ни на минуту забыть

оставленного мужа. Жизнь этой женщины была отравлена и надломлена. Привыкшая къ достатку и роскоши, она не могла переносить бѣдной, рабочей жизни, которую пришлось ей дѣлать съ несчастнымъ Карлуччіо. За каждую минуту упоенія и страсти пришлось платить годами тяжелыхъ страданій.

Здоровье Карлуччіо поддавалось разрушительному вліянію. Ему пришлось бросить все, что было ему дорого, но въ любви Клариче онъ находилъ искупленіе всему. Силы бѣдной женщины слабѣли съ каждымъ годомъ; однажды зимою она слегла въ постель, и весной отправилась къ праотцамъ, промучившись нѣсколько мѣсяцевъ.

На слѣдующій годъ Карлуччіо очутился въ числѣ двадцати пяти товарищей Пизакане. Участь этой отчаянной экспедиціи хорошо извѣстна. Главные вожди ея были казнены. Карлуччіо, вмѣстѣ съ Никотерой, былъ осужденъ на пожизненное заключеніе въ палермитанской тюрьмѣ.

Когда Гарибальди по занятіи Палермо освободилъ узниковъ, Никотера отправился въ Геную, а оттуда во Флоренцію, гдѣ принялъ начальство надъ формировавшеюся тамъ бригадой. Карлуччіо отправился въ Неаполь, распорядился насчетъ оставшихся у него денегъ такъ какъ я уже сказалъ выше, и опредѣлился рядовымъ въ войска Гарибальди. Читатели уже знаютъ дальнѣйшую его участь.

XXIV. ГАРИБАЛЬДИ.

Я сидѣлъ на скамейкѣ въ Villa Reale, выслушивая длинныя тирады объ искусствѣ пріятели моего, Дженнаро. Вдругъ неистовые крики полились со стороны Кіаиы. Мы оглянулись: изъ-за угла вылетѣла маленькая коляска, въ которую была запряжена пара маленькихъ же лошадей, похожихъ на вятковъ. Въ коляскѣ сидѣлъ Гарибальди въ своемъ всегдашнемъ костюмѣ; за коляской, по обыкновенію, бѣжала толпа, привѣтствуя эксъ-диктатора громкими «viva».

Онъ сидѣлъ молча, нахлобучивъ на глаза свою венгерскую шапочку, и старался не замѣчать окружавшаго. Гарибальди—заклятой врагъ подобнаго рода овацій, и каждый разъ когда ему случалось показываться на улицѣ, онъ испытывалъ истинное мученіе.

Коляска остановилась у подъезда гостиницы, гдѣ Гарибальди часто обѣдалъ въ послѣднее время. Народъ собрался у оконъ; демонстрація принимала серьезный характеръ.

Нѣсколько дней передъ тѣмъ разнеслись слухи объ отъѣздѣ Гарибальди. Онъ тщательно скрывалъ свои намѣренія даже отъ приближенныхъ, а между тѣмъ не было харчевни въ Неаполѣ, гдѣ бы не знали о несовѣстѣ дружелюбныхъ отношеніяхъ его къ новому правительству и о рѣшеніи его удалиться отъ всякой дѣятельности. Всѣ толковали это по своему, но всѣ единодушно желали, во что бы то ни стало, ударить его въ освобожденномъ имъ городѣ.

Отчаянныя «viva», раздававшіяся у оконъ гостиницы, прерывались время отъ времени длинными фразами, выражавшими сочувствіе народа къ Гарибальди; раздалось нѣсколько угрозъ, конечно не къ нему относившихся. Піемонтскіе карабинеры попробовали было водворить порядокъ, но встрѣчены были очень не дружелюбно.

«Parte domani,»—онъ ѣдетъ завтра, слышалось повсюду, и волненіе усиливалось.

На слѣдующій день, дѣйствительно, Гарибальди уѣхалъ на свою Капреру, гдѣ и теперь мирно занимается садоводствомъ и огородничествомъ.

Отъѣздъ его, хотя и не неожиданный, какъ-то изумилъ и ошеломилъ всѣхъ. Неаполь молчалъ, подавленный всею тяжестью этого событія: оно огорчило всѣхъ, и отъ него ожидали самыхъ печальныхъ послѣдствій. Но Франческо былъ слишкомъ тѣсно окруженъ въ Гаэтѣ піемонтскими войсками; реакціонеры давно уже повѣсили носы и ожидали его возвращенія точно такъ, какъ Евреи ожидаютъ пришествія Мессіи, то есть страшно желая, чтобъ оно сбылось, но ничѣмъ не помогая скорѣйшему осуществленію своихъ задушевныхъ упованій.

А Гарибальди и теперь еще спокойно живетъ на Капрерѣ; онъ выдалъ замужъ свою дочь за одного изъ храбрыхъ своихъ товарищей, и Богъ знаетъ какой картофель и спаржу съѣтъ онъ тамъ на своемъ огородѣ! Быть-можетъ тяжело придется нѣмецкимъ желудкамъ переваривать плоды его плантацій.

Я мало говорилъ въ своихъ запискахъ о нашемъ вождѣ, о герое Италіи, который былъ душой и исполнителемъ великаго предпріятія; но теперь я считаю себя въ правѣ посвятить ему одну изъ послѣднихъ главъ моихъ записокъ, и да

простать мнѣ читатели, если размѣры этой главы не совсѣмъ будутъ равняться предыдущимъ.

Во все время военныхъ дѣйствій я мало видѣлъ Гарибальди, и видѣлъ обыкновенно въ очень трудныя минуты. До тѣхъ поръ я зналъ его по разказамъ, по печатнымъ извѣстіямъ и по фотографическимъ портретамъ, которые тайкомъ покупалъ въ Венеціи за большія деньги. Я никогда не предполагалъ, чтобы фотографія, это механическое передаваніе дѣйствительности, могла такъ переиначивать личность человѣка. Тѣмъ не менѣе, увидя въ первый разъ Гарибальди, я спрашивалъ самъ себя: но чтò же общаго между этимъ прекраснымъ, выразительнымъ и почти женски-нѣжнымъ лицомъ, и тою грубою суровою физиономіей гверильяса, которой снимокъ и тогда еще лежалъ въ моей записной книжкѣ?

Но я не одинъ былъ обманутъ портретами Гарибальди. Вотъ чтò говорить о немъ одинъ англійскій туристъ, видѣвшій его въ Комо въ 1859 году:

«По портретамъ, которые мнѣ случилось видѣть, и по всему, чтò мнѣ удалось слышать о Гарибальди, я воображалъ себя его очень плотнымъ и высокимъ, сухаго тѣлосложенія, съ длинными черными волосами и густою бородой, однимъ словомъ романтическимъ испанскимъ гверильясомъ, который съ одинаковымъ дилеттантизмомъ поетъ романсы своего сочиненія, акомпанируя себя на гитарѣ, и убиваетъ артистически людей. Вышло совсѣмъ напротивъ. Я съ трудомъ вѣрилъ, что этотъ спокойный, безъ аффектаціи и вполне порядочный по манерамъ господинъ (*gentlemanly man*), вошедшій и усѣвшійся вмѣстѣ съ нами, — былъ Гарибальди. Онъ средняго роста: не больше пяти футовъ и семи-восьми дюймовъ, широкоплечъ и сильносложенъ, но въ фигурѣ его нѣтъ ничего грубаго и тяжелаго. Въ наружности его есть что-то англійское; можетъ-быть, такому впечатлѣнію способствуютъ его свѣтло-каштановые волосы и борода, коротко-остриженные и слегка подернутые серебристою сѣдиной. Голова его очень правильно устроена, и по ней можно судить о высокомъ развитіи умственныхъ его способностей; лицо его очень красиво и выражаетъ много доброты, — но, какъ ни вглядывался я въ него, — я не видалъ ничего, обличающаго на первый взглядъ героя отступленія отъ Рима и взятія Комо; только, когда онъ заговорилъ о несчастіяхъ и угнетеніи своего отечества, губы его задрожали и въ глазахъ засверкалъ такъ долго подавленный огонь, священный огонь, — и въ эту минуту я совер-

шенно понялъ характеръ этого человѣка. Ребенокъ остановилъ бы его на улицѣ, чтобы спросить у него, который часъ? но человѣкъ, котораго бы онъ осудилъ разстрѣлять черезъ полчаса, встрѣтя его спокойный и рѣшительный взглядъ, не сталъ бы просить у него пощады. Во время нашего свиданія онъ говорилъ о современныхъ событіяхъ (не упоминая о своихъ подвигахъ); онъ говорилъ съ увлеченіемъ, но безъ жестякуляціи. Вообще, у него спокойныя и приличныя манеры англійскаго джентльмена.»

Я привелъ эти нѣсколько строкъ изъ записокъ англійскаго туриста, такъ какъ на мой взглядъ онѣ вполне обрисовываютъ наружность Гарибальди, съ отчетливостью англійской акварельной картинки, и вмѣстѣ съ тѣмъ передаютъ впечатлѣніе цѣлаго. Такіе портреты рѣдкость и въ живописи, и въ литературѣ. Во время послѣдняго похода, Гарибальди носилъ, напротивъ, очень длинныя волосы и не стригъ бороды. Такимъ же я видѣлъ его на всѣхъ портретахъ.

Я предполагаю, что читатели знакомы съ біографіей этого замѣчательнаго современника, но тѣмъ не менѣе приведу здѣсь факты изъ предыдущей его жизни, которые могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ на эту еще не разгаданную личность.

Что Гарибальди сынъ ницскаго рыбака—это всѣмъ извѣстно. У Гарибальди осталось, навсегда самое отрадное воспоминаніе о той порѣ его жизни,—единственной, когда онъ жилъ для себя,—когда въ рыбацкѣй лодкѣ съ нѣсколькими сверстниками, сыновьями окрестныхъ рыбаковъ, гулялъ онъ по Ницскому заливу, беззаботно отдаваясь впечатлѣніямъ. Я помню, однажды, въ небольшой приморской деревушкѣ Калабріи, нѣсколько гарибальдійцевъ занимались, въ видѣ развлечения, опасною ловлею пила-рыбы (*pesce spada*). Гарибальди, съ борту бригантина, слѣдилъ за ними съ примѣтнымъ удовольствіемъ, и въ душѣ, кажется, проклиналъ свои серіозныя занятія, мѣшавшія ему принять участіе въ этомъ увеселеніи.

Съ очень раннихъ лѣтъ, Гарибальди приобрѣлъ много практическихъ и техническихъ познаній въ морскомъ дѣлѣ, и вѣроятно надежды его отца, желавшаго пуще всего на свѣтѣ видѣть своего сына искуснымъ морякомъ, совершенно бы исполнились, еслибы не особенная случайность. Гарибальди очень рано началъ мыслить и рассуждать, и въ дѣтской головѣ носились порой мысли, достойныя болѣе зрѣлаго возраста. Благодаря усерднымъ занятіямъ математикою, въ которой онъ дѣлалъ

большіе успѣхи, порядокъ скоро водворился въ его мечтаніяхъ; они приобрѣли мало-по-малу положительный характеръ, и притомъ не замедлили получить очень опредѣленное направленіе.

Гарibaldi жилъ лицомъ къ лицу съ несчастіями, порожденными жалкимъ административнымъ и политическимъ положеніемъ своей родины, которую онъ любилъ со всею пылкостью своего нрава, со всею горячею преданностью *uoto di popolo*.

Мадзини былъ тогда единственная живая сила Италіи. Онъ собралъ своихъ послѣдователей въ Швейцаріи, въ кантонахъ Ваатландскомъ и Женевскомъ. Это было въ 1834. Гарibaldi было тогда около семнадцати лѣтъ; едва взялись за оружіе, онъ сталъ въ ряды Мадзиніевыхъ приверженцевъ. Попытка эта не удалась. Многіе были взяты въ плѣнъ, остальные бѣжали. Въ числѣ ихъ былъ Гарibaldi.

Прежде всего онъ отправился въ Марсель, гдѣ перебивался уроками изъ математики. Внутри его все уже было рѣшено; у него была одна мысль, одно желаніе—стать тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ въ послѣдствіи. Нужно знать, какимъ тяжелымъ путемъ дошелъ онъ до этого тоже не легкаго, хотя и желаннаго положенія.

Увидя, что оставаясь скромнымъ учителемъ математики, онъ не можетъ приобрести ни военной опытности, ни имени, ни славы, которыя были ему нужны не для удовлетворенія личнаго самолюбія,—положимъ тоже похвальнаго,—но для достиженія высшихъ цѣлей. Онъ оставилъ Францію и отправился въ Африку предлагать, въ качествѣ морскаго офицера, свои услуги тунисскому бейу. Оттуда онъ перебрался въ Южную Америку. Не стану говорить здѣсь о его блестящихъ подвигахъ въ этой странѣ, объ опасностяхъ, которымъ подвергся онъ, и которыхъ избѣжалъ благодаря чудесамъ неустрашимости и храбрости. Этимъ можно бы наполнить цѣлый томъ.

Я разкажу здѣсь одинъ частный фактъ изъ его личной жизни. Это бракъ его съ Анитой.

Находясь на службѣ Уругвайской республики, Гарibaldi, съ своимъ небольшимъ флотомъ, котораго экипажъ составляли большею частію италіянскіе эмигранты, занялъ портъ Лагуна, съ цѣлію поднять бразильскую провинцію Санта-Катарину, чтобъ отвлечь силы Бразиліи. Вся морская сила, бывшая подъ его командой, состояла изъ трехъ небольшихъ кораблей, съ которыми онъ долго крейсеровалъ вдоль береговъ и постоянно беспокоилъ непріятеля. Когда, наконецъ, съ однимъ изъ нихъ

онъ задумалъ возвратиться въ Лагуну, большой бразильскій бригъ атаковалъ его и старался перерѣзать ему дорогу. Не безъ труда удалось ему наконецъ войти въ этотъ портъ, и онъ воспользовался короткою стоянкой тамъ, чтобы сочетаться съ Анитой, которую онъ любилъ давно. Анита не замедлила явиться на корабль своего жениха, гдѣ должна была совершиться свадьба.

Между тѣмъ сильный бразильскій флотъ, почти по слѣдамъ маленькой флотиліи Гарибальди, вошелъ въ Лагуну и открылъ убійственный огонь по отважнымъ крейсерамъ.

Это была свадебная музыка, вполне достойная новобрачныхъ. Надежды на побѣду было мало, и Гарибальди позаботился о спасеніи своихъ товарищей. Когда послѣдній изъ нихъ уже оставилъ корабль, Гарибальди поджегъ его своею рукой и, вмѣстѣ съ Анитой, вскочилъ въ шлюпку, въ которой они благополучно достигли берега подъ выстрѣлами непріятелей. Изъ двѣнадцати офицеровъ бывшихъ на кораблѣ уцѣлѣлъ одинъ Гарибальди.

Но я уже отказался перечислять подвиги Гарибальди въ Америкѣ, и потому прямо перехожу къ его прибытію въ Европу.

Едва дошла до его слуха вѣсть объ италіанскихъ событіяхъ эпохи 47-го года, какъ онъ, разорвавъ всѣ свои обязательства относительно Монтевидео, принялся за устройство отряда волонтеровъ, пожертвовавъ на это всѣ бывшія въ его рукахъ деньги. Много добровольныхъ приношеній отъ его соотечественниковъ увеличили его капиталъ и дали ему возможность оснастить бригантинъ *Esperanza*, на которомъ онъ, вмѣстѣ со своими волонтерами, прибылъ въ Ниццу, послѣ долгаго плаванія, въ іюнь 1848 г. Въ собственныхъ запискахъ Гарибальди разказано много интересныхъ подробностей о томъ, какъ правительство Монтевидео старалось затруднить его отъѣздъ. Скромный герой, кажется, и не подозреваетъ причинъ, побуждавшихъ это правительство поступать такимъ образомъ. Эта странная наивность, какое-то дѣтское непониманіе всей цѣнности оказываемыхъ имъ услугъ,—одна изъ основныхъ чертъ характера Гарибальди.

Забывъ прошедшее, Гарибальди отправился въ Туринъ предложить королю услуги свои и своего отряда. Карлъ-Альбертъ, боявшійся въ то время больше Мадзини нежели Австрійцевъ, принялъ американскаго адмирала очень сухо и холодно. Онъ

очень любезно говорилъ съ нимъ о его подвигахъ въ Америку, но насчетъ принятія или непринятія его и его отряда на свою службу не далъ ему положительнаго отвѣта и кончилъ тѣмъ, что послалъ его къ министрамъ.

Гарибальди былъ очень смущенъ этимъ неожиданнымъ примѣромъ. Не личное самолюбіе его было оскорблено, но онъ съ разу понялъ характеръ короля-мученика, въ послѣдствіи погубившій Италію. Онъ рѣшился отправиться въ Миланъ, гдѣ былъ принятъ съ единодушнымъ энтузіазмомъ, заставившимъ его забыть претерпѣнныя неудачи и снова надѣяться. Ему тотчасъ же дано было начальство надъ трехтысячнымъ корпусомъ волонтеровъ и поручена была защита провинціи Бергамо. Оттуда вскорѣ его отозвали въ Миланъ.

Но и тутъ ему не долго пришлось дѣйствовать, такъ какъ скоро (9-го августа 1848 г.) заключено было перемиріе между Австрією и Пиемонтомъ.

Когда снова начались военныя дѣйствія, Гарибальди было предложено начальство надъ отдѣльнымъ корпусомъ сардинской арміи. Онъ отказался отъ этого предложенія, намѣреваясь отправиться на выручку Венеціи, тѣснимой Австрійцами, но геройски защищавшейся. Еще разъ пришлось ему измѣнить свои планы,—трудное положеніе Рима манило его туда.

Я не стану разказывать всѣхъ событій 48 года. Общій характеръ ихъ знаетъ вся Европа. Карлъ-Альбертъ, справедливо заслужившій въ этотъ короткій періодъ названіе короля-мученика, съ геройскимъ самоотверженіемъ отдался весь дѣлу спасенія Италіи. Но онъ не соглашался дѣйствовать за-одно съ Мадзини, ставшимъ въ главѣ римскаго движенія, хотя оба они съ равнымъ самонадѣянностью твердили знаменитую фразу: *Italia farà da se*. Беспорядки въ сардинской арміи, несогласія между отдѣльными личностями, парализировали энтузіазмъ и рѣшимость Италіянцевъ. Мало-по-малу славные изъ дѣятелей и предводителей народнаго возстанія потеряли довѣріе массы. Пій IX бѣжалъ въ Гаэту, въ Римъ начались выборы депутатовъ. Гарибальди былъ избранъ представителемъ Мачераты, и первый провозгласилъ республику въ священномъ городѣ. Между тѣмъ Кавеньякъ (27 ноября 1848) сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи въ Чивитта-Веккію трехтысячнаго корпуса, защищать личную свободу папы. Провозгласивъ республику, Гарибальди отправился защищать Римскія Владѣнія со стороны Неаполя. Войско его состояло изъ двухтысячнаго корпуса во-

донтеровъ. Главная квартира его была въ Рieti. Вотъ что говоритъ о немъ Пизакане, бывший въ это время офицеромъ въ римскомъ войскѣ.

«Гарибальди въ чинѣ полковника стоялъ тогда въ Рieti. Онъ упорно отказывался соображаться съ правилами и постановленіями регулярнаго войска и придерживался стараго партизанскаго образа дѣйствій. Это, конечно, могло бы не мало повредить ему. Но онъ былъ одаренъ совершенно особенными, блистательными качествами соображенія; онъ удивительно какъ умѣлъ воспользоваться обстоятельствами и обойтись небольшимъ количествомъ людей, бывшихъ въ его распоряженіи; на него смотрѣли, какъ на единственную, драгоценную тогда личность, и тѣмъ больше ожидали отъ него, что видѣли ясно его врожденную способность къ этому роду войны. Военный комитетъ, конечно, хорошо понималъ это; раздѣливъ на двѣ части тогдашнее римское войско, онъ вручилъ Гарибальди начальство надъ одною изъ нихъ, состоявшею изъ волонтеровъ и организованною на подобіе партизанскихъ отрядовъ. Лично храбрый и добродушный, никогда не покидавшій поля сраженія, спокойный и разсудительный въ самыя трудныя минуты, Гарибальди скоро сталъ кумиромъ своихъ солдатъ. Притомъ самая наружность, умѣнье владѣть собою, привычки, даже костюмъ—все это способствовало къ тому, что его считали какимъ-то волшебнымъ, таинственнымъ существомъ.»

Когда расположеніе Франціи къ Италіи перемѣнилось, когда Удино съ новымъ войскомъ готовъ былъ высадиться въ Чивитта-Веккію, римскій триумвиратъ отозвалъ Гарибальди изъ Рieti.

Всѣмъ извѣстно, что ни усилія, ни военныя достоинства героя, не спасли Рима, и 2-го іюля 1849 г. Гарибальди объявилъ собранію, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно. Триумвиратъ сложилъ съ себя верховную власть, и городъ сдался.

Гарибальди собралъ оставшееся въ Римѣ войско на площади Св. Петра и предложилъ имъ уйти изъ города занятаго уже иностранцами. Онъ намѣренъ былъ возмутить провинціи, гдѣ народъ готовъ былъ на все, чтобъ избавиться отъ чужеземнаго ига: «Солдаты,» сказалъ онъ, «я могу обѣщать вамъ только голодъ и жажду; земля будетъ вашею постелью, солнце будетъ жечь ваши усталые члены. Платить мнѣ вамъ нечѣмъ. Въмѣсто шатровъ и пицци—постоянныя тревоги, усиленные переходы и работа штыками. Кто хочетъ славы и спасенія Италіи, тотъ только можетъ слѣдовать за мной!»

Болѣе 4.000 человекъ отвѣчало на его воззваніе.

Гарibaldi съ удивительною распорядительностью успѣлъ снабдить свое войско всѣмъ крайне необходимымъ и заложилъ часы для собственныхъ своихъ потребностей. Анита послѣдовала за нимъ, отославъ въ Ниццу къ своей тещѣ трехъ своихъ сыновей.

Тѣснимые со всѣхъ сторонъ, пробирались они непроходимыми мѣстностями и скоро должны были оставить римскую территорію и перейти въ Тоскану. Тамъ тяжесть ихъ положенія увеличилась. Австрійцы неутомимо искали и ловили ихъ какъ дикихъ звѣрей, и не представлялось другаго средства къ спасенію, какъ укрыться въ маленькихъ владѣніяхъ. Всѣ дороги были заняты Австрійцами. Повсюду объявлены были приказы Радецаго, которыми запрещалось не только оказывать какую-либо услугу бѣглецамъ, но вообще входить съ ними въ какія бы то ни было сношенія. Нѣкоторые изъ окрестныхъ поселянъ, которыхъ подозрѣвали въ томъ, что они служили проводниками Гарibaldi, и другіе, которые будто бы дали ему убѣжище, были разстрѣляны Австрійцами.

Во время этихъ трудныхъ переходовъ Анита умерла въ рукахъ своего мужа и друга его Болонца Уго-Бани, который вскорѣ самъ попался въ руки Австрійцевъ.

Имъ наконецъ удалось пробраться въ Санъ-Марино. Тамошнія власти взялись быть посредниками между имъ и Австрійцами. Нѣкоторые изъ его приверженцевъ сдались на капитуляцію, которой условія Австрійцы не позаботились сдержать. Гарibaldi съ остальными упорно стремился въ Венецію—тогда послѣдній оплотъ италіанской независимости.

Но и этотъ планъ имъ не удался, несмотря на нечеловѣческую стойкость неустрашимаго вождя. Самая природа, казалось, дѣйствовала заодно съ Австрійцами. Поднялись бури, но Гарibaldi успѣлъ пробраться въ море и разместить на барки свою небольшую экспедицію. Большая часть этихъ барокъ бурей были загнаны въ Триестъ. Гарibaldi уцѣлѣлъ одинъ изъ 4.000, и подъ разными переодѣваньями успѣлъ снова пробраться въ Ниццу. Но правительство сардинское, нѣсколько обезпокоенное его дружескими отношеніями къ Мадзини и его популярностью, приказало ему оставить италіанскую территорію. Гарibaldi отказался отъ всякаго денежнаго вспомошествованія и возвратился въ Америку, но на

этотъ разъ онъ исключительно посвятилъ себя мирнымъ коммерческимъ занятіямъ.

Вотъ чтò разказываетъ о немъ одинъ его соотечественникъ, видѣвшій его въ это время въ Нью-Йоркѣ.

«Въ 1850 году, въ одной изъ тѣсныхъ улицъ Нью-Йорка, возлѣ небольшой свѣчной фабрики, была табачная лавочка, которую содержалъ шестидесятилѣтній генуэзскій эмигрантъ, съ красивымъ и благороднымъ лицомъ, съ экзальтированною рѣчью. Это былъ Іосифъ Авеццони, когда-то генералъ, военный министръ, членъ правительства; теперь, для поддержанія своего существованія, онъ продавалъ дешевыя сигары. Одинъ изъ друзей Гарибальди, морякъ, бывшій въ это время въ Нью-Йоркѣ, посѣтилъ при мнѣ знаменитаго партизана. Въ этой табачной лавочкѣ, онъ разказывалъ намъ, что нашелъ Гарибальди на его фабрикѣ съ засученными рукавами, занятаго у котла съ распленнымъ саломъ. «Я очень радъ васъ видѣть, сказалъ ему Гарибальди, и очень хотѣлъ бы пожать вашу руку, но мои всѣ въ салѣ. Кстати, вы застаете меня въ очень рѣшительную минуту: я только что разрѣшилъ очень важную задачу навигаціи, очень долго меня занимавшую; и—странное дѣло!—меня навелъ на эту важную формулу вотъ этотъ котель съ саломъ. Но не въ томъ дѣло! А, право, я очень радъ этому разрѣшенію, потому что я намѣренъ еще погулять по морю, и надѣюсь, мы съ вами встрѣтимся.»

Эти строки я взялъ изъ біографіи Гарибальди, написанной Леопольдомъ Спини, которую можно рекомендовать желающимъ покороче ознакомиться съ разными подвигами этого великаго человека.

Нѣкоторые изъ біографовъ Гарибальди утверждаютъ, что во время пребыванія своего въ Южной Америкѣ (1852 — 1854) Гарибальди командовалъ перувиансчѣмъ флотомъ. Смѣло могу опровергнуть это показаніе. Онъ дѣйствительно командовалъ, но только коммерческимъ судномъ, принадлежавшимъ соотечественнику его Денегри, и на немъ совершилъ путешествіе изъ Лимы въ Китай. Потомъ, на американскомъ суднѣ, онъ совершилъ рейсъ изъ Лимы въ Геную; наконецъ пріянялъ команду надъ торговымъ транспортомъ, правильно плававшимъ между Ниццою и Марселью, и съ особеннымъ вниманіемъ исполчалъ на немъ трудную должность капитана и суперкарга. Такимъ образомъ, благодаря экономіи и умѣренности своихъ

привычекъ, онъ составилъ себѣ капиталецъ, который употребилъ на покупку небольшого клочка земли на Капрерѣ.

Между тѣмъ политическое положеніе Италіи измѣнилось. Освобожденіе этой страны снова стало представляться не мечтой, и горячіе патриоты снова обратили всѣ свои старанія на достиженіе давно предположенной цѣли. Викторъ-Эммануиль и Пиемонтъ стали во главѣ движенія, и Гарибальди примирился окончательно, — къ большому сокрушенію радикаловъ, дурно понимавшихъ этотъ поступокъ, — и съ существующимъ въ Пиемонтѣ образомъ правленія, и съ Савойскимъ домомъ. Гарибальди былъ дѣятельнымъ членомъ почти всѣхъ организованныхъ тогда комитетовъ и патриотическихъ обществъ; въ прокламаціяхъ своихъ онъ приглашалъ всѣхъ горячо преданныхъ народному дѣлу дѣйствовать за-одно съ Пиемонтомъ и съ *re galantuomo*, котораго онъ называлъ единственною надеждою Италіи.

Подвиги Гарибальди во время послѣдней войны 1859 г. и его походъ въ южную Италію слишкомъ хорошо извѣстны всей Европѣ. Его несчастный второй бракъ извѣстенъ къ сожалѣнію не менѣе, а потому я ничего не буду прибавлять къ сказанному выше.

У Гарибальди нѣтъ соперниковъ, нѣтъ завистниковъ; при первомъ взглядѣ на него всѣ понимаютъ, что такая громадная популярность дается не даромъ. Самъ Гарибальди въ обращеніи со всѣми безразлично простъ, но мало съ кѣмъ онъ откровененъ вполнѣ. При устройствѣ новой администраціи въ Неаполь, Гарибальди довѣрялъ нѣкоторымъ лицамъ доказавшимъ въ послѣдствіи, что они не заслуживали его довѣрія. Но дѣйствительно ли обманулся на ихъ счетъ диктаторъ, или просто не видѣлъ вокругъ себя людей болѣе достойныхъ? Что онъ любить человѣчество, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, но постоянно ровная манера его обращенія со всѣми, часто заставляла меня задавать себѣ вопросъ: вѣрить ли онъ въ людей? Знаю по крайней мѣрѣ, что онъ имѣетъ полное право въ нихъ не вѣрить.

XXV. Анита Гарибальди.

Я разказалъ уже кровавую свадьбу Гарибальди съ Анитой. Всѣ, знающіе имя Гарибальди, знаютъ безраздѣльную любовь къ нему, геройское самоотверженіе и не женскую твердость

его жены. Къ сожалѣнію, жизнь этой необыкновенной женщины мало кому извѣстна, и я на этотъ разъ не принадлежу къ избранному меньшинству.

Смуглая какъ креолка, съ правильнымъ и строгимъ лицомъ, съ огненными глазами и чудными, черными какъ смола косами, она навсегда врѣзывалась въ память тому, кому хоть разъ удалось видѣть ея живую, оригинальную фizioномію. Гарибальди, даже во время второй своей несчастной любви, не могъ забыть ея прелестный образъ. Она была вѣрною спутницей его во всѣхъ опасностяхъ, во всѣхъ несчастіяхъ и тревоженіяхъ его жизни.

Не имѣя свѣдѣній объ ея жизни, я могу разказать нѣсколько подробностей по крайней мѣрѣ о ея смерти.

Послѣ неудачи въ Санъ-Марино, Гарибальди и его послѣдователи всякими просеками и непроходимыми мѣстами пробирались къ морю. Окрестные рыбаки волею-неволею вынуждены были помогать имъ въ опасномъ предпріятіи. Чтобы поскорѣе освободиться отъ нихъ, рыбаки отдали имъ четыре небольшія лодочки за очень умѣренную цѣну. Въ этой небольшой флотиліи очень удобно размѣстилась вся экспедиція. Въ одну изъ барокъ сѣлъ Гарибальди съ Анитой и съ своимъ штабомъ, состоявшимъ изъ Чичероваккіо съ двумя сыновьями и священника Уго-Бани. Австрійскіе пароходы скоро однакоже напали на слѣдъ бѣглецовъ и начали дѣятельную за ними охоту. Пришлось приставать къ берегу среди всевозможныхъ трудностей и искать убѣжища въ скалахъ и лѣсахъ. Каждый дѣйствовалъ самъ за себя. Гарибальди, вмѣстѣ съ Анитой и однимъ очень преданнымъ ему офицеромъ, пробрался до небольшой рыбацкѣй деревушки, переодѣлся въ крестьянское платье, и отправился лѣсами по направленію къ Равеннѣ.

Во время этого труднаго перехода, Анита, ослабленная всевозможными лишеніями, перенесенными ею въ послѣдніе дни, изнемогла совершенно. До сихъ поръ любовь ея къ мужу и горячая привязанность къ народному дѣлу служили ей значительною нравственною поддержкой и давали силы переносить всѣ труды и страданія. Но скоро неизвѣстность на счетъ будущей судьбы своей и любимаго мужа, страшная гибель многихъ близкихъ ей людей, тоска по оставленнымъ ею дѣтямъ, съ которыми она теряла надежду увидѣться, парализовали ее нравственно, между тѣмъ какъ голодъ, холодъ и бессон-

ница совершенно разстроили ея организмъ. Опасность ея положенія стала очевидна для ея спутниковъ.

Трое путниковъ плелись шагъ за шагомъ, отъ дерева до дерева, отъ лѣска до лѣска, не теряя надежды добраться наконецъ до Равенны, гдѣ они имѣли въ виду хоть кратковременный отдыхъ. Крестьяне забывали всѣ угрозы и запрещенія, и пособляли имъ, сколько могли. Разказываютъ даже—чему впрочемъ трудно вѣрится—будто даже полиція помогала имъ отъ времени до времени.

Австрійцы, съ своей стороны, узнавъ черезъ шпионовъ направление, куда скрылся Гарибальди, наполнили весь тотъ край пѣшими и конными отрядами, которые охотились за путниками совершенно какъ за дикими звѣрями. Не разъ враги уже совершенно нагнали ихъ, но тѣ, собравъ остатокъ силъ, убѣгали снова и прятались въ недоступные повидимому приюты.

Въ одну изъ такихъ критическихъ минутъ, Анита зашаталась на ногахъ, поблѣднѣла и едва не упала. Встревоженный Гарибальди схватилъ ее въ свои крѣпкія руки, и съ дорогою ношей на плечахъ, презирая всѣ трудности и опасности, направился къ ближней фермѣ, съ намѣреніемъ во что бы то ни стало доискаться безопаснаго и спокойнаго убѣжища. Едва добѣжалъ онъ до перваго жилища, какъ узналъ, что Австрійцы заняли все въ окрестности, и что ему не оставалось другаго средства къ спасенію, какъ укрыться въ чащѣ лѣса. Къ счастью, встрѣтившійся ему по пути фермеръ, узнавъ имя бѣглеца, тотчасъ же уступилъ ему свой *баррокино* (маленькій италіанскій кабриолетъ), съ свѣжею и здоровою корсиканскою лошадкою. Уложивъ туда умиравшую Аниту, и поговя безъ жалости бѣднаго коня, къ вечеру добрася онъ до маленькой кашины, очень близко отъ Равенны. Анита была при послѣднемъ издыханіи, и Гарибальди рѣшился остаться здѣсь на ночь, и отправился искать убѣжища въ кашинѣ.

Увидѣвъ любимаго своего героя въ такомъ отчаянномъ положеніи, и забывъ всѣ запрещенія австрійскаго проконсула, какой-то старый контадинъ уступилъ свое жилище бѣглецамъ и принялся ухаживать за умирающею. Но все было уже кончено для Аниты. Въ ночь она умерла.

Терять времени было невозможно. Гарибальди снова взялъ въ свои руки едва охолодѣвшій трупъ своей подруги и отнесъ его далеко въ поле, гдѣ зарылъ подъ кустомъ тайно отъ всѣхъ.

На утро Австрійцы заняли кашину, не Гарибальди былъ уже далеко. Они узнали однако могилу Аниты, потому что ея американская собака не покидала мѣста, гдѣ было зарыто ея тѣло. Какимъ то образомъ они отыскали между окрестными контадинами виновнаго въ укрытіи мятежниковъ, и разстрѣляли его на могилѣ Аниты.

А чтоъ случилось съ другими двумя спутниками Гарибальди, спасшимися на лодкѣ вмѣстѣ съ ними?

Уго-Бани пробираясь по направленію къ Комаккіо; мѣстность была ему хорошо извѣстна, и онъ былъ уже не далеко отъ этого города, гдѣ ожидалъ его дружескій пріемъ и помощь со стороны очень близкихъ ему людей. Дорогою онъ зашелъ въ домъ къ одному давнишнему своему знакомому, котораго считалъ своимъ другомъ. Тамъ онъ былъ схваченъ, связанъ по рукамъ и по ногамъ и отправленъ въ Болонью, гдѣ и разстрѣлянъ черезъ нѣсколько дней. На слѣдующій день яма, въ которую было брошено его изуродованное тѣло, была усыпана цвѣтами.

А Чичероваккіо пропалъ безъ вѣсти. Одинъ изъ гарибальдійскихъ офицеровъ, бѣжавшій изъ Анконы, гдѣ его содержали плѣннымъ, разказывалъ, что будто бы онъ видѣлъ, какъ Чичероваккіо былъ разстрѣлянъ на бастионѣ этой крѣпости.

Итакъ Гарибальди, вышедшій изъ Рима съ 4.000 пѣхоты и 800 гвдами, очутился наконецъ одинъ. Вѣрная его Анита умерла, и ему не оставалось даже печальнаго утѣшенія видѣть ея могилу; у него почти отнята была возможность поминать ее: положеніе его было такъ затруднительно, что нужны были всѣ усилія его соображенія, чтобы на каждомъ шагѣ избѣгать опасности. Онъ цѣлые дни проводилъ въ дуплѣ какого-нибудь дерева, и ночью неутомимо шелъ впередъ. Такъ прошелъ онъ всю Тоскану и наконецъ въ маленькомъ челнокѣ достигъ Порто-Велере (незначительный портъ близъ Генуи), гдѣ въ первый разъ увидѣлъ себя въ безопасности послѣ очень долгаго времени.

Это тяжелое путешествіе продолжалось тридцать пять дней. Часто его спасали окрестные жители, готовые даже подвергнуться всей тяжести австрійской мстительности. Гарибальди ничѣмъ не могъ тогда вознаградить ихъ за преданность и самоотверженіе, но каждому изъ нихъ онъ оставлялъ на память записку,—и эти документы теперь еще свято хранятся во многихъ нищенскихъ хижинахъ Тосканы.

XXVI. ГАРИБАЛЬДИЙЦЫ.

Тысяча большею частью молодых людей, слѣпо довѣрившихся своему вождю, начали трудное и опасное предпріятіе. Они не имѣли никакихъ форменныхъ отличекъ, ни знамени, ни правильной организаціи и дисциплины. Гарибальди и общая всѣмъ любовь къ независимости Италіи были единственною связью между ними. Когда Гарибальди овладѣлъ Палермомъ, число его послѣдователей значительно увеличилось. Но внутреннее устройство этой арміи оставалось то же. Всѣ единогласно называли гарибальдійцами этотъ корпусъ волонтеровъ, такъ походившій съ виду на партизанскую шайку и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣвшій всю нравственную силу и единство Наполеоновской великой арміи.

Въ послѣдствіи уже, когда недолговременная стоянка въ Мессинѣ дали возможность сколько-нибудь заняться водвореніемъ какого-нибудь порядка, гарибальдійцы всѣ были одѣты въ красныя рубашки, — а до тѣхъ поръ въ этомъ костюмѣ ходилъ только самъ Гарибальди и ближайшіе къ нему офицеры.

Во всей Италіи открыты были, съ вѣдома правительства, «комитеты соединенія», которые вербовали новыя партіи волонтеровъ, экипировали ихъ на собранныя по подпискѣ деньги, и маленькая армія, несмотря на многочисленныя и почти ежедневныя потери, росла съ каждымъ днемъ.

Во время осады Капуи, число гарибальдійцевъ доходило до 10.000, изъ которыхъ едва только 6.000 были подъ ружьемъ въ критическую минуту битвы 1-го октября. Впрочемъ, эти 6.000 стоили двѣнадцати: они смогли устоять противъ непріятеля вчетверо превышавшаго ихъ числомъ.

Въ гарибальдійскомъ войскѣ никогда не было полныхъ и правильныхъ списковъ; переключки бывали заводимы нѣкоторыми усердными капитанами, но всегда безуспѣшно. Вообще не было никакого принудительнаго средства удерживать солдатъ на ихъ мѣстахъ. Про офицеровъ и говорить нечего: каждый былъ гдѣ хотѣлъ, и нѣкоторыя роты въ самыя рѣшительныя и трудныя минуты не выдвигали и въ глаза своихъ предводителей.

Вслѣдствіе этой-то свободы, или, правильнѣе, безпорядка, въ огонь шелъ тотъ кто хотѣлъ, но которые уже пошли, тѣ стояли крѣпко.

Тутъ были люди всѣхъ націй, всѣхъ сословій. Я нѣсколько разъ, обходя аванпосты, видѣлъ негра, не говорившаго вовсе по-италіянски, но съ большимъ успѣхомъ исполнявшаго должность сержанта. Въ одной изъ ротъ экспедиціи Кастель-Пуччи, въ числѣ солдатъ отборной стрѣлковой роты, былъ одинъ глухо-нѣмой. Въ дѣлѣ при Каяццо мнѣ случилось быть возлѣ него. и глядя съ какимъ бѣшенствомъ онъ колотилъ направо и налево то прикладомъ, то ружьемъ,—я невольно вспомнилъ Товкача изъ *Тараса Бульбы*. Юноши самыхъ знаменитыхъ и богатыхъ италіянскихъ фамилій служили наравнѣ съ романьольскими пастухами и калабрійскими дикарями, и всякій только личнымъ своимъ достоинствомъ былъ обязанъ повышеніемъ и отличіями.

Такъ-называемыя «ученыя должности», то-есть должности горнистовъ, барабанщиковъ, трубачей и фурьеровъ, были почти всѣ заняты старыми піемонтскими еоддатами, или отслужившими свой срокъ, или дезертировавшими изъ рядовъ регулярнаго войска. Но вообще старыхъ воиновъ было очень незначительное число; въ ротѣ едва можно было найти до двадцати человекъ съ усами и съ бородой; остальные все были юноши, часто не старше четырнадцати лѣтъ, а многіе на видъ казались двѣнадцати лѣтними дѣтьми. И эти-то больше всего отличались въ минуты опасности. Герои 48 года и другихъ войнъ независимости занимали старшія офицерскія мѣста. Нѣкоторые изъ нихъ, отклонявшія всякія почести, поступали рядовыми въ генуэзскіе карабинеры. Войско это, составленное изъ отборныхъ людей и большею частію изъ первой тысячи, пользовалось особеннымъ благорасположеніемъ Гарибальди, которое было заслужено подвигами отчаянной храбрости и самопожертвованія. Когда генуэзскія дамы прислали диктатору богатое знамя, вышитое ихъ собственными руками, онъ отдалъ его генуэзскимъ карабинерамъ, въ полной увѣренности, что знамя это не достанется въ руки враговъ. Оно и уцѣлѣло, но изящный рисунокъ нѣсколько попорченъ очень не симметрически расположенными дырами.

Какъ и всѣ партизаны, Гарибальди былъ бѣденъ кавалеріей. Настоящая сила волонтеровъ—штыки. Пѣхотному солдату нужно гораздо меньше школьнаго или параднаго ученія; а въ устойчивости и храбрости гарибальдійцы мало кому уступа-

ли. Въ Мессинѣ куплено было незначительное число лошадей, изъ которыхъ ббольшая часть розданы офицерамъ главнаго штаба и адъютантамъ. Тамъ же сформировано было до шестидесяти человекъ *зандовъ* (колоновожатыхъ), распределенныхъ между штабами отдельныхъ корпусовъ и бригадъ. Позже уже, въ Неаполѣ, образованъ былъ эскадронъ венгерскихъ гусаръ, на лошадяхъ отбитыхъ большею частью у непріятеля. Тогда же въ Палермо организовали было эскадронъ конныхъ егерей подъ поэтическимъ названіемъ *Diavoli Rossi* (красныхъ чертей). Но не могли найти нужнаго количества лошадей, и только взводъ изъ этого эскадрона былъ отправленъ подъ Капуу, куда впрочемъ онъ пришелъ поздно и не принялъ никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Та же участь постигла сформировавшійся въ Неаполѣ полкъ уланъ и англійскій конный отрядъ генерала Данна.

Это небольшое число кавалеристовъ оказали очень важныя услуги. Венгерскіе гусары рекогносцировали мѣстности во всѣхъ направленіяхъ и часто безпокоили непріятеля.

Артиллерія была еще слабѣе, а объ инженерныхъ корпусахъ читатели имѣли возможность составить себѣ довольно опредѣлительное понятіе изъ предыдущихъ главъ моихъ записокъ.

Изъ всѣхъ партизанскихъ войнъ, я думаю, ни одна не привела къ такимъ многозначительнымъ результатамъ, какъ походъ Гарибальди въ южную Италию, и гарибальдійцы обезпечили себѣ довольно почетное мѣсто въ исторіи партизанскихъ отрядовъ. Теперь отъ этого немногочисленнаго логіона осталось только названіе. Декретомъ правительства запрещено отставнымъ гарибальдійцамъ носить красную рубашку. Съ тѣхъ же поръ, какъ кардиналъ де-Меродъ и эксъ-король неаполитанскій стали наряжать въ этотъ костюмъ наемныхъ разбойниковъ, никому изъ послѣдователей Гарибальди не было бы пріятно показаться на улицѣ въ своемъ боевомъ нарядѣ. Нѣкоторые, правда, лишеныя средствъ купить себѣ другое платье, еще до сихъ поръ носятъ воду и чистятъ сапоги, у кофеенъ Палермо и Неаполя, въ красныхъ рубашкахъ; но жители этихъ городовъ стараются веячески доставить имъ или болѣе безбѣдное положеніе, или болѣе приличный нарядъ.

Тотчасъ по окончаніи военныхъ дѣйствій, ббольшая часть гарибальдійцевъ взяли отставку. Правительство дало имъ въ вознагражденіе шестимѣсячное ихъ жалованіе, котораго очень

многіе еще не получили. Тѣ же, которые изъявили желаніе остаться, должны были подвергнуться экзаменамъ. Для разсортировки ихъ назначена коммиссія, на половину изъ офицеровъ регулярной арміи и изъ старшихъ гарибальдійскихъ офицеровъ, которыхъ правительство утвердило въ заслуженномъ ими на полѣ сраженія чинѣ. Коммиссія эта до сихъ поръ еще не окончила своего дѣла. Изъ принятыхъ на службу гарибальдійцевъ должна быть составлена южная армія. Правительство, съ своей стороны, намѣрено пополнить ея составъ восьмьюдесятью солдатами регулярнаго войска на каждый полкъ. Начальство этого преобразованнаго корпуса ввѣрено Сиртори, бывшему начальнику штаба Гарибальди. Эта южная армія, вѣроятно, скоро заставитъ говорить о себѣ,—но мой сюжетъ пока гарибальдійцы торжественно окончившіе начатое ими дѣло и возвратившіеся въ мирнымъ занятіямъ. Одни изъ нихъ, снявъ полковничьи галуны, сидятъ за конторками своихъ табачныхъ лавокъ, другіе съ подвязанною рукой или съ черною повязкой на глазу возвратились въ кузницы или другаго рода мастерскія; нѣкоторые навсегда оторванные отъ своего ремесла, какъ я сказалъ уже выше, чистятъ сапоги, или продаютъ воду въ Палермо и Неаполѣ, и немногіе продолжаютъ барскую жизнь въ своихъ замкахъ или дворцахъ, украшающихъ столичные города освобожденнаго ими королевства. Изъ иностранцевъ, кто могъ, вернулся на родину, а нѣкоторые опредѣлились въ папскіе зуавы, и готовы идти противъ своихъ бывшихъ сотоварищей, когда Гарибальди снова кликнетъ кличъ и позоветъ въ ряды своихъ, разсѣявшихся по лицу земли сподвижниковъ. Я считалъ обязанностью упомянуть и объ этихъ нѣкоторыхъ, не спѣшу прибавить, что ихъ было очень и очень немного, и что никакъ не по этимъ не многимъ слѣдуетъ судить о гарибальдійцахъ.

Я не знаю, были ли когда-то въ дѣйствительности тѣ блаженныя времена, о которыхъ говорятъ теперь очень много, когда будто бы одна чистѣйшая привязанность къ принципу, къ идеѣ двигала массы, когда всякій партизанскій отрядъ оставался изъ людей горячо преданныхъ своему дѣлу. Знаю только что теперь, если кто и жертвуетъ собою за идею (о чемъ обыкновенно не преминетъ объявить во всеуслышаніе), то всѣмъ, видящимъ это самопожертвованіе чудится, что идея эта имѣетъ нѣкоторую весьма существен-

ную привлекательность, въ родѣ напримѣръ той, за которую еще такъ недавно ополчился донъ-Джиджи ¹. Не мудрено, что и между гарибальдийцами не мало было людей *пропащизъ*, которымъ закрыты были все другіе пути и которые готовы были при первомъ удобномъ случаѣ перейти на сторону того, кто больше даетъ. Но уже по одному тому, что Гарибальди не принадлежалъ къ числу много дающихъ, такихъ личностей было очень мало въ рядахъ его арміи. Первое время все служили почти безъ жалованія и постоянно нуждались въ необходимомъ. Несмотря на отсутствіе правильнаго устройства и строгой дисциплины, окрестные жители никогда не жаловались на угнетенія и на неизбежныя въ подобныхъ случаяхъ грабежи. Гарибальди въ этомъ отношеніи шутить не любилъ; во время кампаніи 1859 г. онъ приказалъ разстрѣять одного изъ своихъ солдатъ, родомъ Романъйола, укравшаго какіе-то пустяки у одного изъ окрестныхъ контадиновъ. Солдаты знали характеръ своего вождя, и не рѣдко терпѣли голодъ и нужду, но ни разу не поживились курицей на счетъ мирныхъ жителей. Подъ бокомъ была армія Ламорисьера, гдѣ солдатамъ платили хорошо и гдѣ вовсе не царствовала такая обязательная честность. Французскіе зуавы въ большомъ количествѣ стекались подъ знамена своего соотечественника. Приманкой имъ служила, конечно, не горячая привязанность къ святѣйшему отцу и его временной власти. У Гарибальди этихъ зуавовъ было не больше полроты и, конечно, это были весьма немногіе изъ зуавовъ, которые еще сколько-нибудь разбираютъ кому и за что отдаютъ они свою жизнь. Зуавы эти впрочемъ хуже всехъ другихъ подчинялись строгимъ правиламъ гарибальдійской арміи; совершенно особенныя понятія о собственности не разъ увлекали ихъ въ приключенія, и порой они хвалились геройскими подвигами *присоединенія* (*annezion*), какъ называли они этого рода проделки.

Меня интересовало узнать, съ которыхъ именно поръ зуавы стали называть этимъ именемъ геройскіе подвиги грабежа и кражи? Прежде или послѣ присоединенія Савойи и Ниццы.

Офицеры и чиновники интендантства и военные комиссары, хотя ббольшая часть природные Итальянцы, отличались также истинно-зуавскимъ взглядомъ на собственность. Въ самомъ

¹ *Джиджи* уменьшительное отъ *Дунджи* (Дудовикъ). Этимъ именемъ Итальянцы называютъ своего августѣйшаго союзника.

началѣ военныхъ дѣйствій интендантство состояло изъ майора Ачерби и двухъ-трехъ выбранныхъ имъ самимъ офицеровъ. Денежныя средства были очень незначительны, и между тѣмъ войско постоянно было снабжено предметами первой необходимости. Въ то время надъ Ачерби не было контроля, онъ ни кому не представлялъ отчетовъ. А между тѣмъ никому и въ голову не пришло бы обвинить майора въ неправильномъ или нечестномъ употребленіи суммъ, назначенныхъ на содержаніе войска. Каждая копѣйка была на лицо, и не разъ благородный интендантъ изъ собственнаго кармана пополнялъ дефицитъ кассы, бывшей до взятія Мессины въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

Но по прибытіи въ Неаполь, интендантство было устроено въ своемъ полномъ составѣ. Офицеры были набраны изъ людей *опытныхъ*, бухгалтеровъ разныхъ магазиновъ и конторъ. Ачерби по прежнему оставался главнымъ интендантомъ; но, бѣдный, скоро самъ запутался въ ежедневно представлявшихся ему очень подробныхъ счетахъ. Касса, повидимому, находилась въ цвѣтущемъ состояніи, а войско стало терпѣть нужду больше противъ прежняго. Интендантство между тѣмъ вело дѣла очень экономически, закупало и заказывало разные предметы для войска въ большихъ размѣрахъ. Такъ на примѣръ, однажды, было закуплено до 300.000 паръ солдатскихъ башмаковъ, о чемъ торжественно было объявлено циркуляромъ по арміи, никогда не превышавшей 10.000 человекъ. Въ то же самое время, солдаты, не имѣвшіе средствъ экипировать себя сами, ходили босые, или снимали обувь съ убитыхъ бурбонскихъ солдатъ. Коммиссары и интенданты жили на славу въ Неаполѣ, развѣзжали на кровныхъ лошадяхъ по Villa Reale и плѣняли весь городъ живописною роскошью своего партизанскаго наряда.

«Il faut que ces choses suivent leurs cours régulier,» сказалъ мнѣ какой-то капитанъ Бельгіецъ, когда я торопилъ раздачу теплыхъ шинелей на артилерійскую команду, дрогнувшую въ своихъ красныхъ рубашкахъ въ холодныя сентябрьскія ночи.

XXVII. Отставка.

Дѣло дошло до развязки. По отъѣздѣ Гарибальди, Сиртори, бывшій начальникъ штаба, былъ назначенъ главнокомандующимъ надъ гарибальдійцами, переименованными въ южную

армію. Правительство торопилось распустить солдатъ, и ихъ ежедневно отправляли большими партіями въ Ливорно, Геную и калабрійскіе порты, наградивъ на дорогу шестимѣсячнымъ жалованьемъ. Калабрійцы потребовали увольненія тотчасъ по отъѣздѣ Гарibaldi, который обѣщалъ отпустить ихъ домой по окончаніи военныхъ дѣйствій и оставить въ ихъ рукахъ оружіе. Министерство не согласилось исполнить это обѣщаніе диктатора. Неудовольствіе въ южной арміи было всеобщее. По взятіи Капуи, піемонтскіе войска вошли туда со знаменами и съ барабаннымъ боемъ, а гарibaldiйцы безоружные шли за ними, что ихъ очень оскорбило. Начались непріязненные отношенія между двумя арміями. Въ Казертъ, въ Аверсъ и въ другихъ городкахъ, дѣло доходило до кровавыхъ стычекъ. Піемонтскіе офицеры обращались нѣсколько презрительно съ волонтерами, и ходили слухи, будто правительство не признаетъ чиновъ, розданныхъ Гарibaldi. Королевскій декретъ, послѣдовавшій тотчасъ за взятіемъ Капуи, мало успокоилъ волненіе. Объявлено было прежде всего, что за офицерами признается только тотъ чинъ, на который они имѣютъ форменный дипломъ за подписью диктатора или военнаго министра. Въ послѣднее время, въ гарibaldiйскомъ войскѣ было очень много повышений, хотя и заслуженныхъ, но формально еще не утвержденныхъ. Гарibaldi во время самой битвы производилъ въ чины отличившихся; его адъютанты записывали ихъ имена, тѣмъ все и кончалось.

Въ регулярное войско неохотно принимали гарibaldiйцевъ. Наконецъ самая денежная награда была иначе перетолкована, и многіе ею оскорбились.

«Министерство принимаетъ насъ за Швейцарцевъ Фердинанда II или за Бельгійцевъ Ламорисьера», былъ общій гонимъ.

Гарibaldiйцы перешептывались между собою и враждебно глядѣли на новыя власти. Со дня на день ожидали вспышки. Положеніе было затруднительное. Но Гарibaldi своимъ призывомъ указалъ дорогу, и всѣ истинные гарibaldiйцы послѣдовали за нимъ. Остаться было не зачѣмъ.

Штабъ Сартори помѣщался въ большомъ казенномъ зданіи на Strada di Chiaja противъ S. Agata; у воротъ стояли піемонтскіе часовые. Офицеры были по большей части Французы и Бельгійцы. Меня встрѣтилъ молодой поручикъ съ

завитыми усиками, въ фантастическомъ гусарскомъ костюмѣ. Онъ ни слова не говорилъ по-итальянски, но за то по-французски былъ очень разговорчивъ. Какъ-то между дѣломъ онъ сообщилъ мнѣ, что служилъ въ chasseurs d'Afrique и еще нѣсколько очень интересныхъ подробностей о своей особѣ. Я передалъ ему просьбу объ отставкѣ и надлежащіе документы, и получилъ любезное приглашеніе явиться завтра. На завтра я опять явился; оказалось, что разговорчивый поручикъ успѣлъ уже потерять мою просьбу и предложилъ мнѣ написать другую. На этотъ разъ, впрочемъ, онъ былъ очень занятъ. Около десяти гарибальдійцевъ, искалеченныхъ и исхудалыхъ, желали видѣть главнокомандующаго; но тотъ вовсе не былъ расположенъ дать имъ аудіенцію, и мой поручикъ изъ силъ выбивался, чтобы выгнать непрошенныхъ гостей. Тѣ не уступали, шумѣли и настойчиво требовали Сиртори, или дежурнаго генерала. Напрасно бѣдный Французъ коверкалъ свой родной языкъ, стараясь придать ему видъ итальянскаго,—его не понимали. Онъ пригласилъ какого-то сержанта гвидовъ, очень щегольски одѣтаго и говорившаго по-французски, быть переводчикомъ. Тотъ объявилъ просителямъ, что Сиртори необыкновенно занятъ, и чтобъ они шли спокойно и оставили свои просьбы и документы у дежурнаго офицера. Но, къ сожалѣнію, офицеры знали уже участь, которая постигнетъ ихъ просьбы и документы, если они оставятъ ихъ разговорчивому поручику, и не соглашались уйдти, не выдавъ Сиртори. Ихъ пригласили явиться завтра, но и это для нихъ было уже не ново. На шумъ выбѣжалъ какой-то маленькій майоръ въ халатъ и въ военной фуражкѣ. Онъ очень негодовалъ на нарушавшихъ спокойствіе главнокомандующаго, и притомъ въ собственной его квартирѣ. Я изъ дилеттантизма присоединился къ гарибальдійскимъ офицерамъ, которые насмѣшками встрѣтили рѣзкую рѣчь майора. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ сухой черноволосый мущина въ полковничьемъ мундирѣ, правый рукавъ котораго былъ пристегнутъ къ пуговкѣ. Это оказался полковникъ Абрудцези, factotum Сирторіева штаба. Онъ любезно, съ ломбардскимъ произношеніемъ, спрашивалъ у каждаго чтò ему было нужно. Сцена эта сильно напомнила мнѣ капитана Копѣйкина. Около полудюжины Копѣйкиныхъ «проливали въ нѣкоторомъ родѣ кровь за отечество», «лишились руки и ноги» и пр., и «пришли узнать не будетъ ли какого вспомошествованія». Имъ общались очень щед-

рыя возмездія. Когда Абруццези подошелъ ко мнѣ, я рѣшительно не зналъ, что ему сказать, я не имѣлъ никакой просьбы къ нему. Однакоже, не смущаясь, я подалъ ему бумаги, которыя держалъ въ рукахъ, и просилъ покорнѣйше, чтобы меня по возможности въ скоромъ времени выпустили въ отставку, такъ какъ нѣкоторыя (я самъ не зналъ какія именно) очень важныя дѣла требуютъ моего присутствія во Флоренціи. Полковникъ очень любезно предложилъ сейчасъ же дать мнѣ отпускъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ, что отставка будетъ готова черезъ нѣсколько дней.

Черезъ недѣлю я снова явился въ штабъ Сиртори; объ отставкѣ еще не было никакихъ извѣстій. Я пришелъ опять черезъ нѣсколько дней, то же самое. Встрѣтивъ какъ-то Абруццези, я обратился къ нему. Онъ потребовалъ справочную книгу, и разыскалъ мою просьбу и приложенные къ ней документы.

— Вамъ нужно отправиться съ этими бумагами въ министерство, сказалъ онъ мнѣ,—и подать тамъ письменную просьбу.

— Это зачѣмъ, полковникъ? Отставки должны быть выданы намъ отъ имени главнокомандующаго.

— Да, но вамъ слѣдуетъ пенсія или какая-либо другая награда, а этимъ распоряжается министерство.

— Но вѣдь я прошу отставку, а не пенсію или награду.

— Все равно; вамъ нужно обратиться въ министерство.

Козенць въ это время уже оставилъ должность министра, и еще ему не было назначено преемника. Дѣлами завѣдовалъ, въ качествѣ директора піемонтскій полковникъ Куджа, въ послѣдствіи произведенный въ генералы и исправлявшій должность военнаго министра по отставкѣ Фанти.

Куджа строго придерживался піемонтскихъ постановленій и доступъ къ нему былъ очень легокъ каждому офицеру. Онъ сидѣлъ въ маленькомъ кабинетѣ, въ военномъ сюртукѣ на распашку. У него одна изъ тѣхъ толстыхъ фязіономій, которыя какъ-то и добродушны и хитры вмѣстѣ.

Я объяснилъ ему, что присланъ къ нему изъ штаба Сиртори, но что самъ рѣшительно понять не могу зачѣмъ штабу было благоугодно заставить меня сдѣлать лишнюю прогулку.

Куджа очень не лестно отозвался о нашемъ главномъ штабѣ, сдѣлалъ на поляхъ моей просьбы замѣтку въ саркастическомъ тонѣ, и препроводилъ меня къ Сиртори обратно.

Много пришлось мнѣ погулять по лѣстницамъ разныхъ военныхъ администрацій, пока наконецъ вождѣнный листъ не очутился въ моемъ карманѣ.

XXVIII. Г а э т а.

Одинъ изъ лучшихъ пароходовъ «Messageries impériales» стоялъ на рейдѣ въ Неаполѣ, готовый отправиться въ Ливорно. Погода была убійственная; страшная трамонтана дула въ теченіи нѣсколькихъ дней, и обыкновенно тихій Неаполитанскій заливъ кипѣлъ и волновался на славу. Мягкіе контуры Капри терялись въ туманѣ. Я взялъ билетъ и отправился.

Въ большой каютѣ перваго класса сидѣли нѣсколько чело-вѣкъ пассажировъ обоего пола. Особенное вниманіе обращалъ на себя черногорскій князь въ живописномъ костюмѣ. Куджа, отзывавшійся министерствомъ въ Туринѣ, былъ тутъ же. Возлѣ него увивался молодой капитанъ изъ интендантства. На немъ была какая-то особенно щегольская форменная рубашка, турецкая шаль вмѣсто пояса и множество цѣпочекъ и дорогихъ пуговокъ.

Меня тутъ же укачало на рейдѣ, и я улегся на диванѣ въ каютѣ-компаніи. Тутъ пролежалъ я нѣсколько часовъ въ томъ не-пріятномъ положеніи, которое хорошо извѣстно всѣмъ нерв-нымъ сангвиникамъ, плававшимъ на пароходѣ въ дурную пого-ду. Часовъ около 10-ти вечера мы остановились; качка умень-шилась, и я приподнялся. Мы были въ Гаэтѣ. Я кое-какъ вы-брался на палубу. Ночь была темная и бурная. Крѣпость ог-ромнымъ чернымъ пятномъ рисовалась на темномъ небѣ. Бом-бы и гранаты неслись въ воздухѣ, оставляя за собою огнен-ную параболу. Куджа съ видомъ знатока, объяснялъ черно-горскому князю какъ различать по виду разные виды ядеръ. Дамы ахали на разные тоны.

Пароходъ нашъ везъ депеши къ французскому адмиралу. Капитанъ тотчасъ же отправилъ шлюпку на адмиральскій корабль. Шлюпка возвратилась и привезла приказаніе Барбье-де-Тинана не сниматься съ якоря безъ его приказанія, и мы про-стояли подъ Гаэтою болѣе 24 часовъ. На пароходѣ го-ворили, что французскій флотъ намѣренъ оставить Гаэту, что нашъ пароходъ привезъ ему приказъ императора и пр. Многіе пробовали было сондировать нашего капитана. Старый Марселецъ отвѣчалъ не охотно и грубо.

Буря стихла понемногу; съ разсвѣтомъ замолкла бомбарди-

ровка, но часовъ около 10-ти началась съ новою силой. Пиемонтцы отвѣчали довольно слабо, и крѣпость не умолкая поддерживала адскій огонь.

Позднимъ утромъ мы увидѣли Франческа II, съ семействомъ съѣзжавшаго на баркѣ съ испанскаго парохода, на который онъ пріѣзжалъ ночевать.

Мало-по-малу изъ крѣпости стали являться пассажиры. Франческо II только что распустилъ своихъ Швейцарцевъ, и они возвращались на родину или отправлялись въ Римъ предлагать свои услуги святѣйшему отцу. На нашъ пароходъ явилось нѣсколько офицеровъ, въ штатскомъ платьѣ, по большей части молодыхъ, но съ нахальными и грубыми манерами. Съ ними вмѣстѣ явилось нѣсколько духовныхъ лицъ и наконецъ какой-то маленькій человѣчекъ пожилыхъ лѣтъ, чисто одѣтый, съ очень хитрымъ и умнымъ лицомъ. Попы очень торопливо повскакали съ мѣстъ при его появленіи. Это былъ кто-то изъ приближенныхъ эксъ-короля, отправлявшійся съ тайными порученіями въ Римъ. Съ нимъ вмѣстѣ былъ какой-то молодой офицеръ Швейцарецъ, обращавшійся съ нимъ очень фамильярно. Всѣ же остальные и самъ капитанъ парохода относились къ нему съ особеннымъ почтеніемъ.

За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ таинственнымъ незнакомцемъ. Долго онъ искоса поглядывалъ на мою красную рубашку. Капитанъ, предполагая что видъ моего костюма не доставляетъ большаго удовольствія сановитому пассажиру, откомандировалъ одного изъ офицеровъ сказать мнѣ, чтобъ я надѣлъ другое платье. Я вовсе нелюбезно встрѣтилъ посланнаго и добавилъ, что со мною нѣтъ другаго платья, а если бы оно и было, я предпочелъ бы остаться въ своей форменной одеждѣ.

Мой сосѣдъ обратился ко мнѣ съ какою-то непривлекательною улыбкой.

— Вамъ конечно непріятно будетъ разстаться съ вашимъ мундиромъ: онъ напоминаетъ вамъ блестящіе подвиги, совершенные вашими товарищами и, по всей вѣроятности, вами самими.

Я замѣтилъ, что самъ я блестящихъ подвиговъ не совершалъ, но что мундиръ нашъ очень удобенъ, и мнѣ было бы непріятно разстаться съ нимъ особливо въ дорогѣ. Я сравнилъ одежду гарибальдійцевъ съ мундиромъ бургонскихъ солдатъ, напо-

мнилъ нѣсколько фактовъ трусости этихъ послѣднихъ и приписалъ ихъ неудобству ихъ экипировки.

Мой собесѣдникъ улыбнулся снова и при томъ такъ, что вся физиономія его ушла въ усы и бакенбарды. Онъ принялся разспрашивать меня объ устройствѣ нашей арміи, о положеніи нашего войска во время битвы 1-го октября и проч. Онъ безпрестанно говорилъ мнѣ самые пошлые комплименты и любезности. Я отвѣчалъ неохотно и съ примѣтнымъ раздраженіемъ. Сановникъ сдѣлалъ искусную диверсію, обратилъ разговоръ на положеніе политическихъ дѣлъ въ Италіи, на внутреннее несогласіе и раздоры партій. Оттуда онъ вдругъ перешелъ къ Мадзини.

Онъ высказывалъ будто бы свой взглядъ наэтого замѣчательнаго дѣятеля итальянской независимости, такъ дурно оцѣненнаго въ послѣднее время. Положимъ, сочувствіе къ нему было у этого господина притворствомъ; но онъ съ такимъ умомъ и знаніемъ дѣла разбиралъ эту личность, что разговоръ мало-по-малу пріобрѣлъ для меня особенный интересъ.

Между тѣмъ обѣдъ кончился, и мы вышли на рупку закурить сигары. Тамъ разговоръ нашъ продолжался съ прежнимъ увлеченіемъ.

— Не думайте, чтобы въ нашемъ лагерѣ было меньше людей преданныхъ благу и независимости своей родины нежели въ вашемъ, говорилъ онъ мнѣ почти шепотомъ:—множество людей, подготовившихъ послѣднюю революцію, послѣдовали за королемъ, когда дѣло разыгралось, — и они поступили честно и безкорыстно на примѣръ г-на Либоріо-Романо. Настоящій исходъ дѣла предвидѣть было не трудно. А вѣдь многіе изъ вашихъ согласны съ нами въ томъ, что въ этомъ нѣтъ еще спасенія Италіи. Франческо получилъ тяжелый урокъ, а кто знаетъ какъ выработается эта молодая личность, подъ вліяніемъ такого тяжелаго испытанія?

Кто-то изъ пассажировъ подошелъ къ намъ, и таинственный незнакомецъ прервалъ свою восторженную рѣчь.

Къ утру мы пристали въ Чевитта-Веккію, гдѣ я расстался съ своимъ собесѣдникомъ.

М.

СУДЬБА ИЛИ ХАРАКТЕРЪ?

«Онѣ не созданы для міра.»

Лермонтовъ.

I. МАРЬЯ ПЕТРОВНА КЕЛЛЕРЪ.

Судьба ли, личный ли характеръ каждаго изъ насъ, играетъ главную роль въ нашей жизни? Вотъ не новый, но и нерѣшенный еще вопросъ, на который всякій отвѣчаетъ по своему.

Что касается меня, я своего мнѣнія отстаивать не стану, но увѣрена, что оно составлено не наобумъ.

Я знала трехъ женщинъ и намѣрена разказать исторію каждой изъ нихъ, предоставляя читателю вывести какое угодно заключеніе изъ трехъ разказовъ, которые предлагаю на его судъ.

Марья Петровна Т. не была вполнѣ свѣтскою дѣвушкой. Правда, сначала балы ей нравились,—но скоро надоѣли. Уроки русской словесности давалъ ей Бѣлинскій, и умъ ея, развитой подъ его вліяніемъ, уставалъ отъ пустоты московскихъ гостиныхъ. Она вышла замужъ, по любви, за Адриана Васильевича Келлера. Отецъ ея не соглашался на этотъ бракъ: Марья Петровна рѣшилась бѣжать и обвинчалась тайно.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ она была совершенно счастлива. Мужъ ея былъ артистъ, а жизнь съ артистомъ, и въ добавокъ

съ влюбленнымъ артистомъ, можно назвать постояннымъ праздникомъ. Келлеръ не терпѣлъ ни однообразія, ни скуки. Концерты, театры, лѣтомъ прогулки за городъ съ друзьями, а зимой въ лунную ночь въ саняхъ вдвоемъ, чтеніе вслухъ, ужинъ у Шевалье съ глазу на глазъ, а иногда нѣсколько дней совершеннаго уединенія гдѣ-нибудь въ глуши, на дачѣ, какъ въ первые дни супружества,—вотъ какъ шла ихъ жизнь въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ.

Заглянемъ въ теплый и свѣтлый уголокъ, выбранный Келлеромъ въ одномъ изъ тѣхъ московскихъ закоулковъ, гдѣ, можетъ-быть, нога ваша не бывала, мой читатель.

Осенній день. Адрианъ въ студіи и лѣпитъ, а Марья Петровна, усѣвшись на диванѣ, поджала подъ себя ноги, и закутанная въ мантилью, слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ. Волосы его растрепались, блуза въ бѣлыхъ пятнахъ, вся душа перешла въ руки и глаза. Онъ бы, кажется, отдалъ десять лѣтъ жизни, чтобъ удалась статуэтка, надъ которою онъ работаетъ, но статуэтка не удается. Художникъ отступить на шагъ, посмотреть, потомъ нетерпѣливо сомнетъ все въ комокъ и начнетъ сызнава.

Марья Петровна едва дышетъ, такъ и ждетъ, что дѣло не обойдется безъ бури. Дѣйствительно, онъ вдругъ покраснѣлъ съ досады, повалилъ все, что передъ нимъ лежало, и началъ клясться, что нога его не будетъ въ студіи.

Марья Петровна притянула его къ себѣ, поцѣловала, и дѣло тѣмъ и уладилось. Но студію заперли на цѣлый мѣсяць. Келлеръ хандрилъ. Разъ онъ съ утра ушелъ съ товарищемъ и пропалъ на цѣлыя сутки. Страшно, говорятъ, они кутили вдвоемъ, а между тѣмъ бѣдная жена занемогла отъ безпокойства. Но за то, когда онъ вернулся домой, онъ цѣловалъ ея ноги, молилъ о прощеніи, и никогда не любилъ ея такъ нѣжно и страстно.

Настали опять дни полнаго счастья. Считались минуты проведенныя врозь. Случилось, что Марья Петровна отправилась пѣшкомъ въ магазинъ, общая скоро вернуться. Адриану показалось, что она опоздала; онъ сходилъ съ ума, плакалъ, убѣжденный что она сбилась съ дороги, что ее укусила бѣшеная собака, и встрѣтилъ ее такъ радостно, какъ будто послѣ годовой разлуки.

Но вслѣдъ за этимъ послѣднимъ приливомъ нѣжности совершилась крутая перемѣна.

Влюбленная чета была въ театрѣ: Марья Петровна замѣтила, что глаза ея мужа остановились на бенуарѣ, въ которомъ сидѣла женщина замѣчательной красоты.

— Боже мой! какъ хороша! промолвилъ онъ.— Ардабьевъ, ты сейчасъ будь въ ея ложѣ, представь меня.

Знакомство тутъ же началось, и одна улыбка красавицы убила страсть Келлера къ женѣ.

Онъ вдругъ сдѣлался молчаливъ, холодно отвѣчалъ на ея ласки, и съ той поры свелъ тѣсную дружбу съ своимъ великосвѣтскимъ знакомымъ, Михаиломъ Александровичемъ Ардабьевымъ.

Сначала Марья Петровна не поняла, съ какою цѣлью Адрианъ ввелъ въ домъ это новое лицо. Она не догадывалась ни въ чемъ, даже когда мужъ ея сталъ вдаваться въ разсужденіе о томъ, что вѣчно любить невозможно, что въ своихъ чувствахъ никто не воленъ, что бракъ не что иное какъ вѣчныя оковы, и тому подобное. Онъ просто хотѣлъ сбыть съ рукъ жену, и бѣдная женщина стала наконецъ понимать въ чемъ дѣло. У ней съ мужемъ было объясненіе, и съ тѣхъ поръ начался между ними рядъ колкостей и намековъ.

Артистъ-любовникъ обратился въ мелочнаго деспота, онъ придирался къ бездѣлицамъ, чтобы наговорить грубостей, — словомъ, въ немъ не осталось тѣни прежняго Келлера.

Ардабьевъ былъ героемъ московскихъ гостиныхъ, что не мѣшало ему очень ѣдко острить надъ свѣтскою пустотой и даже хандрить по цѣлымъ мѣсяцамъ; и если онъ дорожилъ до мелочности и общимъ мнѣніемъ, и своимъ свѣтскимъ положеніемъ, то это можно объяснить лишь удовлетвореніемъ самолюбія, не нашедшаго для себя другаго поприща. Такое явленіе напоминаетъ привязанность, которую внушаютъ иныя женщины: ихъ презираютъ, ненавидятъ, а не рѣшаются покинуть.

Наружность Ардабьева нравилась женщинамъ. Средняго роста, сухощавый, бѣлокурый, фигура тонкая и рѣзкая. Онъ вникнулъ разомъ въ характеръ Келлера и его жены, въ ихъ взаимныя отношенія, и понялъ, что онъ долженъ ограничиться пассивною ролью зрителя. Тѣмъ труднѣе было выдержать эту роль, что узнавъ покороче Марью Петровну, онъ полюбилъ ее. Случалось, что Келлеръ уйдетъ на цѣлый вечеръ, поручивъ своему пріятелю поболтать съ женой. Марья Петровна

вспыхнетъ и молчить, а Ардабьевъ сейчасъ возьмется за шляпу и уйдетъ.

Надо сказать, что онъ такъ боялся репутаціи педанта, которую легко нажать въ свѣтѣ, что вмѣнялъ себѣ въ обязанность ни о чемъ не говорить серьезно. Для Марьи Петровны, однако, онъ въ извѣстной степени дѣлалъ исключеніе; онъ отвѣчалъ ей шутками тогда только, когда въ ея словахъ скрывалась колкость на его счетъ, что случалось не рѣдко: Марья Петровна срывала на немъ сердце.

Любовь его она угадала, хотя Ардабьевъ и скрывалъ ее съ тѣмъ стараніемъ, съ какимъ онъ скрывалъ всякое хорошее чувство,—и дѣйствительно, какъ же было помириться съ ролью *несчастнаго воздыхателя*? Разъ онъ лѣпилъ съ Келлеромъ, а Марья Петровна работала; вдругъ она нечаянно подымаетъ голову и видитъ,—Ардабьевъ стоитъ, опустивъ руки, и пристально на нее смотритъ. Ихъ взгляды встрѣтились, и онъ покраснѣлъ до ушей, какъ женщина. Она растерялась, но своего смущенія онъ не простилъ ни себѣ, ни ей. Чтобы доказать до какой степени онъ не способенъ на роль мечтателя, онъ тутъ же разказалъ какой-то скандалезный анекдотъ, да такъ не кстати, что и ей и ему стало неловко, а неловкости Ардабьевъ себѣ не прощалъ. Онъ нахмурился и обрадовался случаю выместить на Марьѣ Петровнѣ свою двойную ошибку.

Она была такъ молода и такъ много вытерпѣла уже горя, что съ отчаянія рѣшилась воспользоваться привязанностію Ардабьева, чтобъ обратиться къ нему какъ къ другу за совѣтами и помощію. Нѣсколько дней сряду она собиралась съ духомъ, но не знала какъ приступить къ дѣлу. Наконецъ она очень не кстати заговорила о Рыбинской (такъ звали красавицу, въ которую былъ влюбленъ Келлеръ) и спросила, правда ли то, что о ней говорятъ?

— За то, что говорятъ, я гроша не дамъ, Марья Петровна, отвѣчалъ Ардабьевъ.—Но я ее знаю лично за очень пустую женщину.

— Мнѣ кажется, Михаилъ Александровичъ, что вы бы могла имѣть большое вліяніе на Адриана.

— Можетъ быть; точно также какъ и вы, я полагаю.

— Я? Нѣтъ. Видите ли, я его слишкомъ люблю. Чтобы подавать совѣты, нужно больше хладнокровія.

Онъ, разумѣется, все понялъ съ первыхъ словъ.

— Я буду имѣть несчастье погибнуть въ вашемъ мнѣніи, отвѣчалъ онъ,—но тѣмъ не менѣе я обязанъ вамъ сказать, что въ такихъ случаяхъ я плохой совѣтчикъ. Я стою за свободу чувства, хоть потому, что врядъ ли есть расчетъ его обуздать. Положимъ, что я разстанусь съ г-жой N., въ которую я люблю страстно, но развѣ мой разрывъ съ нею налагаетъ на меня обязанность влюбиться въ ея двоюродную сестру?

Марья Петровна поблѣднѣла и въ одну минуту возненавидѣла Ардабьева.

— Въ вашей логикѣ много душевной теплоты, отвѣчала она.

И она стала щеголять холодностію своего обращенія съ Ардабьевымъ, а онъ, повидимому, только этого и добивался.

Келлеръ разорился для Рыбинской. Разъ онъ обратился за деньгами къ Ардабьеву, который въ нихъ никому не отказываетъ. Скажу мимоходомъ, что въ отношеніи къ добрымъ дѣламъ, его скромность доходила до педантизма. На этотъ разъ дѣло шло, можетъ-быть и не о добромъ дѣлѣ, но какъ нарочно денегъ у Ардабьева не случилось. Замѣтивъ, что Адрианъ нахмурился, онъ вынулъ изъ бумажника десяти рублевую ассигнацію, разорвалъ ее на двѣ части, и передавая одну половинку Адриану, сказалъ: «Куда ни шло! Собственность становится дороже, когда доставляешь себѣ счастье подѣлиться ею съ ближнимъ.»

Шутка вавъсила Келлера, онъ раскапризничался, и гнѣвъ его оборвался на женѣ. Онъ сперва придрался къ ея прическѣ, которая ему почему-то не нравилась, затѣмъ черезъ минуту къ тому, что она забыла работу въ его студиі и вездѣ заводитъ беспорядокъ, и встаетъ уже напалъ и на ея хозяйство. Марья Петровна молчала, мужъ ея болѣе и болѣе возвышалъ голосъ, наконецъ она вышла въ другую комнату и заплакала слезами. Ардабьевъ вскочилъ, бросился къ Адриану и, прижавъ его къ стѣнѣ, сказалъ:

— Если ты не замолчишь, я тебя выброшу въ окно.

Лицо Ардабьева горѣло, и онъ говорилъ задыхаясь. Марья Петровна все видѣла и обмерла; но конецъ вышелъ неожиданный: урокъ подействовалъ на Адриана, какъ на взбалмошнаго ребенка. Онъ поцѣловалъ жену и сталъ просить прощенія. Бѣдная женщина такъ отвыкла отъ его ласкъ, что чувствовала себя почти счастливою и отъ души протянула руку Ардабьеву,

Ардабьевъ догадался, что она была свидетельницей его сцены съ Адрианомъ, и такъ холодно отвѣчалъ на ея рукожатіе, что чуть не заморозилъ ея пальцевъ.

Натянутыя отношенія Ардабьева къ Марьѣ Петровнѣ измѣнились совершенно случайно, вслѣдствіе семейной сцены, въ которой Келлеръ довелъ дерзость до крайнихъ предѣловъ; онъ почти безъ обиняковъ бросалъ жену въ объятія Ардабьева, и вида, что она не хочетъ понять его словъ, назвалъ ее женщиной безъ такта и смысла, и вышелъ хлопнувъ дверью. Марья Петровна схватила перо и написала:

«Я васъ люблю, пріѣзжайте; я одна.»

Рука у ней такъ дрожала, что она едва могла запечатать записку и выставить адресъ. Эти двѣ строки она послала къ Ардабьеву, и погрузилась въ какое-то тупое раздумье; сердце ея дрогнуло тогда только, когда карета остановилась у крыльца.

Вошелъ Ардабьевъ. Они остановились другъ противъ друга, и Марья Петровна отвернулась съ чувствомъ неодолимаго отвращенія. Молча онъ взялъ ее подъ руку и посадилъ въ кресло; она закрыла лицо руками и зарыдала. Ардабьевъ далъ ей время успокоиться, и тогда сказалъ голосомъ исполненнымъ участія:

— Я васъ умоляю объ одномъ: когда вы придете въ себя, примите въ разчетъ, что вина моя состоитъ только въ томъ, что я не рѣшился отстать отъ вашего дома.

Но Марья Петровна уже пришла въ себя; она горѣла со стыда, и едва осмѣлилась взглянуть на него. Тогда только она замѣтила, что онъ блѣденъ какъ мраморъ. Онъ продолжалъ:

— Простите меня и за то, что я пріѣхалъ теперь. Я васъ знаю, вы способны на храбрость труса, который со всего размаху подбѣжить къ пропасти, остановится и упадетъ въ обморокъ. Я даже подумалъ, ужь не взять ли мнѣ съ собою доктора?

Въ послѣднихъ словахъ былъ замѣтенъ легкій оттѣнокъ ироніи.

— Вы меня презираете, съ горькою улыбкой сказала Марья Петровна.

— Я васъ всегда уважалъ. Почему же нынѣшній вечеръ измѣнилъ бы мои чувства къ вамъ? Ихъ не измѣнила ваша ненависть. Я надѣялся, что она пройдетъ сама собой, потому что возникла безъ причины. Вы не созданы для ненависти, Марья Петровна, другія чувства васъ погубятъ.

Несмотря на свое замѣшательство, Марья Петровна поняла, что этотъ человѣкъ, до мелочности боявшійся показаться смѣшнымъ, могъ оскорбиться тою глупою ролью, которую она заставляла его играть. Она встала, заливаясь слезами, и протянула ему руку, сказавъ:

— Простите мнѣ, я себя не помнила.

Она ждала учтивой насмѣшки, но вмѣсто отвѣта Ардабьевъ взглянулъ на нее съ такимъ выраженіемъ доброты и нѣжности, что она не узнала знакомаго ей Ардабьева. Онъ взялъ ее руку и долго держалъ, не рѣшаясь поцѣловать. Губы его слегка дрожали... Положеніе становилось невыносимо тяжкимъ для обоихъ.

— Прощайте, сказалъ онъ тихо.

— Прощайте, повторила Марья Петровна.— Не презирайте меня, я честная женщина.

Онъ грустно улыбнулся.

— И я къ несчастію честный человѣкъ, сказалъ онъ и уѣхалъ.

Когда Келлеръ вернулся домой, Марья Петровна не только простила ему, но сама просила у него прощенья. Совѣсть ее мучила, и она рассказала мужу о своемъ свиданіи съ Ардабьевымъ.

— Дуракъ! вырвалось у Келлера.

Но онъ самъ испугался того дѣйствія, которое это слово произвело на бѣдную женщину.

Она упала въ обморокъ. Давъ ей очнуться, Адрианъ сталъ говорить съ ней приличнымъ тономъ, въ первый разъ признался въ любви своей къ Рыбинской, предложилъ разстаться мирно, вмѣсто того чтобы жить вмѣстѣ врагами. Она была совершенно съ нимъ согласна, и на другой же день отправилась въ деревню, къ сестрѣ, съ которою не видалась нѣсколько лѣтъ.

Любовь Петровна Радугина обрадовалась и сестрѣ, и случаю показать лишнему человѣку свой заново-отдѣланный домъ, которымъ она тѣшилась со всемъ самолюбіемъ хозяйки и со всемъ простодушіемъ провинціалки. Въ гостиной висѣли гардины пунцоваго цвѣта, обшитыя тюлевою оборкой, и стояла огромная этажерка, биткомъ набитая всякою всячиною; тутъ были и кольца для салфетокъ, вышитыя стальнымъ бисеромъ гувернанткой Амадіей Крестьяновной, и граненые стаканы розоваго цвѣта, и фарфоровыя собачки купленные въ Магази́нѣ

Русскихъ Издѣлій. Любенька любовалась какъ дитя этими со-кровищами, и не могла понять, что сестрѣ ея, болѣе всего въ домѣ, нравилась низенькая деревянная тераса, вся оцѣнен-ная вѣтвями старой липы.

Любенька процвѣла въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ оча-отливаго супружества и деревенскаго спокойствія. Въ ней мудро было узнать дѣвочку, о которой говорила Madame de St. Maur, ея гувернантка: «Cette pauvre enfant est bien laide; elle est maigre à faire peur...» Откуда взялись полнота, рума-нецъ и тяжелая русая коса! Сердце радовалось, глядя на нее. У ней уже было четверо предестныхъ дѣтей; но на бѣду она слишкомъ о нихъ хлопотала, почти столько же какъ и о своемъ хозяйствѣ, въ которое введенъ былъ ея стараніями изумитель-ный порядокъ. Неудавшееся блюдо за столомъ или пятнышко на скатерти, въ присутствіи гостя, могло привести ее въ уныніе на цѣлыя сутки; и на оборотъ, чтобъ осчастливить Любеньку, стоило похвалить ея хозяйство. Она скромно отказывалась отъ похвалы, но всячески старалась ее вызвать. И какія заботы выпадали на ея долю въ пріемный день! Какъ бы достать на-лимовъ, или гдѣ купить откормленнаго теленка, да чтобъ до-шелъ и не перегорѣлъ пирогъ! Какая подымалась бѣготня изъ дому въ кухню, и какія велись совѣщанія съ поваромъ! Когда все удавалось, Любенька сіяла такимъ счастіемъ, что просто становилось завидно.

Изъ Москвы выписывали какой-нибудь журналъ, и по вече-рамъ вслухъ читались повѣсти, но повѣстей на мѣсяцъ не хватало, и тогда въ ожиданіи новой книжки, перечитывались старые романы. У Радугиныхъ еще не отжили свой вѣкъ ни *Черная Женщина* Греча, ни романы его преемниковъ.

Въ разговорахъ было мало разнообразія. Цѣлый день рѣчь шла о гувернанткахъ, дѣтяхъ и нянькахъ, о томъ, что Амалия Крестьяновна дуется на Оеклу Кузминичну, о томъ что Се-режа съѣлъ лишній сухарь, что Вврочка была умна или ка-призничала, что она поссорилась съ Наташей, и что не къ зубамъ ли начинаетъ покашливать Николенька? Иногда цѣлый зимній вечеръ посвящался рѣшенію вопроса, по какому слу-чаю г. Венюковъ пріѣхалъ гостить у г-жи Бахиной? Каждый предлагалъ свою догадку, возникали споры, которые Любенька рѣшала обыкновенно тѣмъ, что «такъ ничего не узнаешь», «а вотъ,» говорила она, «я сама соберусь на дняхъ къ г-жѣ Ба-хиной, и все разужнаю толкомъ.»

Съ толстымъ своимъ мужемъ она постоянно ссорилась и мирилась. Послушаешь, кажется, имъ не ужиться вмѣстѣ, но тутъ же и убѣждаешься, что они рождены другъ для друга. Не прошло двухъ часовъ послѣ ссоры, и счастливые супруги уже цѣлуются. Уѣдетъ куда Степанъ Васильевичъ, она тоскуеть, и онъ, съ своей стороны, по ней тоскуеть и спѣшить домой, а прїѣдетъ, окажется, что онъ забылъ о какомъ-нибудь порученіи данномъ ему по хозяйству, и закипѣть исторія. Исторіи повторялись безпрестанно. Иногда Любенька изливала въ сердце Марьи Петровны свое законное негодованіе. «Да, говорила она, указывая на мужа, ты воображаешь, что ты одна несчастна. Посмотри, онъ скоро забудетъ, что у него пять пальцевъ на рукѣ.» Разъ Марья Петровна спросила: «Ну, что же если и забудетъ, что случится?» Она остоленѣла, и не зная что отвѣчать, обратилась къ дѣтямъ и грозно сказала: *«sortez!»* Такую жизнь не долго могла выносить Марья Петровна; ей стали страшно надоѣдать и вѣчная возня съ гувернантками, и чтеніе повѣстей, и симметрически разставленныя форфоровыя собачки. Между обѣими сестрами не разъ даже возникали довольно неприятныя споры. Марья Петровна догадывалась слишкомъ поздно, что онѣ не къ чему не ведутъ, что она своею рѣзкостью могла даже обидѣть сестру, и отправлялась съ нею мириться. А Любенька, добрая душа, поцѣлуетъ Марью Петровну и скажетъ:

— Все это отъ того, Маша, что ты любишь безнравственнаго человѣка. Но это мнѣ урокъ! Ужь я по своему пристрою Вѣрочку и Наташу, а Николенькѣ и Сережѣ запрещено бѣдѣть и смотрѣть на скрипку и на статую!

— За Сережу не ручайся; онъ, можетъ-быть, и станетъ заглядываться на статую.

— Пожалуста! Я такъ его направлю, что не станетъ.

Марья Петровна была готова опять заспорить; и съ трудомъ удерживалась.

Тѣмъ не менѣе она сознавала, что Любенька была дѣльная и честная женщина. Мужъ ея такъ облѣнился въ деревнѣ, что безъ нея хозяйство пришло бы въ упадокъ. Она его журила, давала хорошіе совѣты, ѣздила съ нимъ вмѣстѣ по полямъ, и неутомимо заботилась о будущемъ благосостояніи дѣтей. Всѣ домашніе ее любили и уважали... Одною Марьей Петровной овладѣвала въ ея домѣ неодолимая скука. Чтобы

принести хоть какую-нибудь пользу своимъ присутствіемъ въ семействѣ, она принялась давать племянникамъ уроки французскаго языка. Дѣти пристрастились къ урокамъ, въ особенности Сережа. Славный былъ мальчикъ! Разказывай ему о Францискѣ I и Бенвенуто Челлини, да какія картины въ Луврѣ. И тетку онъ полюбилъ безъ души.

Бывало, послѣ утомительно-однообразнаго дня, Марья Петровна отправится гулять. Вокругъ нея, куда ни взглянуть, все поля да поля. Пройдетъ версты двѣ-три, ни одного деревца, только вдали мелькаютъ огромныя крылья мельницы. Но все-таки наединѣ она дышала свободнѣе чѣмъ дома. Дома ей казалось такъ душно и тѣсно, что негдѣ было и подумать, о чемъ нибудь. Не о прошедшихъ радостяхъ, и не о прошедшемъ горѣ, мечтала наединѣ Марья Петровна. Она уже не любила Адриана. Странно, но совершенно незамѣтно для нея самой, образъ Адриана мало-по-малу стусеивался, и другой образъ сталъ мелькать въ ея воображеніи. Вдали отъ Ардабьева, она начала вникать въ его личность, и съ тѣхъ поръ какъ съ нимъ не выдалась, онъ успѣлъ колоссально вырасти въ ея глазахъ. Въ особенности выигрывалъ онъ въ сравненіи съ Адрианомъ. Она вспоминала, какъ часто онъ ее щадилъ, оставляя безъ отвѣта колкости, которыми она его преслѣдовала за его холодность, какъ осторожно и умно онъ держался въ неловкомъ положеніи, въ которое былъ поставленъ. Чаще всего она думала о послѣднемъ свиданіи съ нимъ, припоминая каждое его слово, каждое движеніе.

Она получала довольно часто письма изъ Москвы отъ одной изъ своихъ пріятельницъ, коротко знакомой съ Ардабьевымъ. Въ нихъ постоянно говорилось о немъ, онъ помнилъ о Марьѣ Петровнѣ, и охотно о ней говорилъ. И какъ живо представлялся ей Ардабьевъ, когда въ получаемыхъ ею письмахъ приводились его собственныя слова! Она не разъ перечитывала ихъ, и все скучнѣе становилось ей въ деревнѣ. Любенька начинала съ безпокойствомъ смотрѣть на сестру. Напрасно ухаживала она за ней, напрасно усаживала ее за преферансъ по вечерамъ, или брала съ собой къ г-жѣ Бахиной.

— Ужь право не знаю, говорила она, — если у Полины Бахиной тебѣ скучно, гдѣ же тебѣ будетъ весело! А Останкинъ?.. Сегодня разсмѣшилъ до слезъ. Слышала ли ты, какіе анекдоты онъ разказывалъ о Коньковой?

И Любенька сызнава разказывала анекдоты, и называла

Марью Петровну педанткой, потому что та не смѣялась. Онъ рѣшительно не умѣли ни бесѣдовать, ни смѣяться, ни жить вмѣстѣ. Марья Петровна поняла, что имъ слѣдуетъ разстаться, и собралась въ Москву. Это было въ началѣ осени. Послѣ деревенской скуки Москва ей показалась обштованною землей. «Тутъ живые люди, тутъ можно жить,» думала она, и дѣйствительно, казалось, что въ уединеніи она набралась новыхъ силъ, которыя рвались наружу. Къ ней явились прежніе знакомые, кто съ неподдѣльнымъ участіемъ, кто изъ любопытства... Одного только Ардабьева она не извѣстила о своемъ возвращеніи. Она писала къ нему разъ въ жизни, въ памятный вечеръ ихъ послѣдняго свиданія, и не рѣшалась вторично взяться за перо.

Но встрѣча съ нимъ была тѣмъ неизбежною, что ея и не избѣгала Марья Петровна. Они свидѣлись на какомъ-то раутѣ. Марья Петровна не могла преодолѣть невольнаго смущенія, что не ускользнуло отъ зоркаго глаза Ардабьева. Въ продолженіи полутора года Ардабьевъ постарѣлъ и повидимому усталъ. Въ его остротахъ не было прежней веселости, и замѣчалась натяжка...

— Я зналъ, что вы въ Москвѣ, сказалъ онъ,—и ждалъ вашего позволенія, чтобъ явиться къ вамъ.

— Напрасно... Я была бы очень рада, еслибы вы пріѣхали безъ приглашенія.

Онъ разспросилъ съ участіемъ обо всемъ, что до нея касалось.

— Въ итогъ, сказалъ онъ,—вы скучали. Но скука на васъ дѣйствуетъ благотворно, не въ примѣръ другимъ; вы остались молоды, какъ прежде. Не то, что мы. Мы съ вами не видались полтора года, и я состарился на тридцать лѣтъ.

— Мнѣ кажется, вы не состарились, а устали отъ жизни, которую ведете. Вы попали не въ свою колею, Михаилъ Александровичъ. Вамъ тѣсно въ свѣтской рамкѣ.

— Боже мой! Да вы, кажется, меня идеализируете.

— Нисколько. Я знаю ваши недостатки, и могу, если хотите, указать на нихъ..

— Что же за недостатки, о которыхъ можно говорить въ глаза? Не говорите о нихъ, ради Бога; всего вы не скажете, а мнѣ не хочется утратить вѣру въ вашу искренность. Дайте мнѣ лучше выгодное мнѣніе о вашемъ вкусѣ. Скажите, продолжалъ

онъ, подавая ей поднось съ пирожками и чашку чаю,—вы что предпочитаете, *choux à la crème* или *biscuits de Soxou*?

Марья Петровна покраснѣла и отвѣчала:

— Михайлъ Александровичъ, мнѣ какъ и въ былое время плохо вѣрится въ искренность вашего холоднаго смѣха. Какъ натянута эти переходы отъ интимнаго разговора къ *choux à la crème*!

— Въ былое время! повторилъ задумчиво Ардабьевъ.— Въ то былое время, о которомъ вы говорите, мнѣ однако было не до смѣха, увѣряю васъ. Приходилось смѣяться надъ самимъ собой, гейневскимъ грустнымъ смѣхомъ. Вы прежде любили Гейне, Марья Петровна?

— Какъ его не любить!

— Въ немъ каждый читатель найдетъ нѣсколько строкъ по себѣ. Читаешь и думаешь: это для меня писано, это мнѣ въ душу заглянулъ Гейне. Что касается до меня, то меня наводитъ на цѣлую вереницу воспоминаній гейневскій эпиграфъ: *Elle était aimable et il l'aimait, mais lui n'était pas aimable...*

Марья Петровна покраснѣла, и Ардабьевъ не договорилъ.

— Умоляю васъ, началъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—не сердитесь на меня за то, что я какъ школьникъ повторяю зады. Инымъ людямъ приходится преждевременно жить воспоминаніями. Настоящее для нихъ ужъ черезчуръ не завидно, а прошлое, по мѣрѣ того какъ мы отъ него удаляемся, принимаетъ радужные цвѣта. Ничтожнѣйшій уголокъ на земномъ шарѣ, уголокъ, гдѣ вамъ бывало и жутко, представляется очаровательнымъ замкомъ. Очнешься и поймешь, что замокъ для васъ запертъ или такъ далеко, что для васъ не существуетъ... *et vous voilà gros Jean comme devant.*

Каждое слово Ардабьева доходило до сердца Марьи Петровны. То чувство, которое она ему когда-то внушала, успѣло совершенно остыть, но онъ понялъ, что нашелъ въ ней женщину готовую полюбить его страстно; самолюбіе его не устояло противъ новаго успѣха. Онъ не замедлилъ явиться къ Марьѣ Петровнѣ и посѣщенія его стали возобновляться ежедневно; въ побѣдѣ Ардабьева нельзя было усомниться...

Но на долю нашей героини выпало опять самое мучительное и безотрадное чувство. Ардабьевъ былъ избалованъ свѣтомъ и дешевыми успѣхами, которые наложили на него свою порчу; онъ не умѣлъ смотрѣть на женщину какъ на друга, и

постоянно оскорблялъ Марью Петровну привычками скрытности и недоверчивости.

Но природная мягкость и теплота душевная проглядывали въ немъ иногда сквозь привитой развратъ. Случалось, что онъ былъ пораженъ какимъ-нибудь словомъ, въ которомъ высказывалась безпредѣльная любовь Марьи Петровны, тогда онъ увлекался самъ и казался способнымъ на нѣжное чувство,—но какъ рѣдки бывали эти минутные порывы! Большою частью онъ хандрилъ; иногда онъ писалъ къ Марьѣ Петровнѣ: «Я приѣду сегодня въ такомъ-то часу. Хочется душу отвести; мнѣ страшно тяжело.» И какъ бывало она его ждетъ послѣ такой записки! Но онъ приѣдетъ, и отъ него вѣетъ холодомъ, а она смущается и не смѣетъ броситься къ нему на шею и спросить: «Что съ тобой?» Ему самому не ловко; рѣчь пойдетъ какъ и всегда о пустякахъ; вечеръ проходитъ, и онъ уйдетъ не сказавъ ни единого слова, которымъ могъ облегчить свою душу...

Упрековъ Марья Петровна не дѣлала, и онъ умѣлъ это цѣнить. Разъ только она съ отчаяніемъ ему сказала:

—Развѣ ты не понимаешь, какъ мнѣ страшно сознаться, что мы остались чужды другъ другу. Мнѣ легче было сносить грубость моего мужа.

—Дѣйствительно, отвѣчалъ Ардабьевъ,—это называется *tomber de Charybda en Scylla*; одинъ слишкомъ грубъ, другой слишкомъ вѣжливъ. Къ сожалѣнію, не легко избѣгнуть крайности; *ce double œueil de l'incuit et du trop cuit*, какъ выражался Ватель.

Въ иные минуты въ Ардабьевѣ шевелилось что-то похожее на раскаяніе. Тогда онъ понималъ, что связь съ такою женщиной какъ Марья Петровна можетъ быть оправдана только серіознымъ чувствомъ, котораго въ немъ не было и слѣда. Тогда онъ говорилъ ей:

—Ужели ты думаешь, что я ни тебя, ни себя не знаю? Твое сердце такъ богато, что оно даетъ мнѣ чувствовать мое собственное убожество. Жаль, что насъ свела судьба!

Такія отношенія не могли долго держаться; они надоѣдали Ардабьеву и убивали Марью Петровну. Молодая женщина долго плакала, долго надѣялась и наконецъ рѣшилась ускорить развязку своего бѣднаго романа. Они разстались друзьями, и не встрѣчались уже съ тѣхъ поръ. Марья Петровна стала рѣдко выѣзжать, а онъ зажилъ попрежнему шумно, тревожно

и скучно. Когда въ свѣтъ догадались объ ихъ размолвкѣ, нашлись охотники намекнуть Ардабьеву о его связи съ Марьей Петровной; но онъ разъ навсегда отбилъ у всѣхъ охоту къ насмѣшкамъ и шуткамъ оскорбительнымъ для женщины, которой онъ не любилъ, но не смѣшивалъ съ дюжинными героинями свѣтскихъ романовъ.

Къ счастью, въ это время ей пришлось писать по дѣлу какой-то бѣдной женщины къ теткѣ своей Вѣрѣ Алексѣевнѣ Лиговской. Въ письмѣ Марья Петровна высказалось отчасти то, что у нея было на душѣ. Вѣра Алексѣевна отвѣчала ей:

«Милая моя Маша, дай тебѣ Богъ спокойствія и здоровья, другъ мой! Но судя по твоему письму, я вижу, что у тебя тяжело на сердцѣ, и хочу тебѣ предложить, не вздумается ли тебѣ навѣстить старую тетку? Много ты меня утѣшишь, и для тебя я надѣюсь будетъ полезно подышать другимъ воздухомъ и пожить въ нашемъ уединеніи. Отпиши мнѣ что ты объ этомъ думаешь, и прошу тебя не стѣсняйся: хочешь пріѣзжай, не хочешь—Богъ съ тобой, живи себѣ гдѣ лучше. Протѣгее твою я устроила, она цѣлуетъ твои ручки, а я тебя цѣлую отъ души, другъ мой.»

Вѣра Алексѣевна перенесла тяжкія испытанія. Замужемъ она не была, а всю молодость свою посвятила страстно любимымъ брату и сестрѣ, которыхъ лишилась въ теченіе одного года. Къ счастью, въ ней развилось религіозное настроеніе; она ѣздила на богомолье въ Іерусалимъ, надѣла было вериги, и наконецъ вступила въ С. монастырь.

Городъ С. въ 90 верстахъ отъ Москвы. Выѣхавъ рано по утру, Марья Петровна пріѣхала къ вечернѣ. Вѣра Алексѣевна очень обрадовалась племянницѣ, и крѣпко ее поцѣловала. Живость ея характера не измѣнилась въ монастырѣ, и проглядывала въ ея пріемахъ.

—А ты похудѣла, очень похудѣла, сказала она;—я тебя посажу на молоко. Здѣсь ты можешь гулять какъ въ деревнѣ, поле и рощи подъ рукою. Поживи-ка у меня; а скучно будетъ, я не стану удерживать, отправляйся себѣ куда душѣ угодно.

Она не была пострижена, но носила волосяницу. Марья Петровнѣ, давно ея не видавшей, показалось, что она стала еще выше ростомъ. Ей было за пятьдесятъ лѣтъ; зеленоватые глаза ея сохраняли еще выраженіе ума и доброты, а рука высохла и пожелтѣла какъ слоновая кость. Келья Вѣры Алексѣевны была

меблирована старинною мебелью перевезенною изъ Москвы, на окнахъ стояли цвѣты. За перегородкой, у кровати, лежало Евангеліе въ драгоценномъ переплетѣ; желтые и мѣстами прорванные листы, очевидно, перебирались ежедневно.

Въ келью безпрестанно входили то дѣвочка за какимъ-нибудь приказаніемъ, то монахиня, то странникъ, а между тѣмъ Вѣра Алексѣевна хлопотала о томъ, чтобъ угостить племянницу ягодами и густыми слявками. При этомъ случаѣ молодая горничная, бросавшаяся изъ угла въ уголь то за тѣмъ, то за другимъ, уронила чашку, изъ которой Вѣра Алексѣевна ежедневно пила чай, и разбила ее въ дребезги. Вѣра Алексѣевна вспыхнула.

— Поди вонъ, сказала она,—и никогда мнѣ на глаза не показывайся!

Она подняла осколки фарфора и стала разглядывать ихъ.

— Мимо ходить запретила, сказала она;—нѣтъ-таки, доказала мою бѣдную чашку!

— Матушка Вѣра Алексѣевна.... раздался вдругъ голосъ какой-то монахини пожилыхъ лѣтъ и съ кроткимъ выраженіемъ лица.

— Что такое?..—Вѣра Алексѣевна сердито обернулась.—А?.. это вы, мать Аеанасья? Ну, что ваша внучка?

— То-то я объ ней и зашла вамъ доложить, матушка Вѣра Алексѣевна: Вчера вы дали лѣкарствицу; я прямо въ церковь, да свѣчу Преподобному Сергію поставила. Авось, святой угодникъ наши молитвы услышитъ. Всю ночь давала по ложечкѣ... Что же? Дѣвочка-то ожила.

— Ну, слава Богу!.. вскрикнула Вѣра Алексѣевна, вскочивъ съ мѣста. — Въ милости угодника и я не сомнѣваюсь, но вы все-таки лѣкарство продолжайте, я приготовила еще на всякій случай. Устюша!.. Вы не повѣрите, мать Аеанасья, какъ меня взбѣсила эта вертушка! Ну что ты хнычешь? Перестань, подай матушкѣ стеклянку, которую я приготовила, да не одожи опять, не разбей.

Горничной, видно, не въ первый разъ приходилось испытывать на себѣ гнѣвъ Вѣры Алексѣевны. Она робко подкралась къ ея ругѣ, поцѣловала, и вылетѣла изъ комнаты, чтобъ исполнить приказаніе.

Пока Вѣра Алексѣевна разговаривала съ вошедшимъ странникомъ, Марья Петровна любовалась рѣзбой шкапа, и удивлялась

выбору книгъ разставленныхъ на полкахъ: рядомъ съ житіями святыхъ стояли Бюфонъ и Кювье...

Когда тетка и племянница остались вдвоемъ, Вѣра Алексѣевна опустила въ утомленная въ кресло, стоявшее у стола, на которомъ были приготовлены ягоды и кипѣлъ самоваръ; но она ни къ чему не прикасалась и перебирала свои четки.

— Вы устали? спросила Марья Петровна.

— Ничего. Вечеромъ всегда такъ. Надо же день какъ-нибудь убить. По утрамъ я бывало одна не могу заниматься. Кушай, душенька. Кажется, сливки хороши. Я ихъ здѣсь съ трудомъ добываю. Вотъ эта чашечка меня разстроила. Гроша не стоитъ, а я бы за нее тысячь не взяла.

— Вы къ ней привыкли, тетя?

— Нѣтъ, не то. Къ несчастью, у меня нѣтъ никакихъ привычекъ.

Она замолчала. Марья Петровна поняла, что не слѣдуетъ продолжать разговора о чашкѣ.

— Налей мнѣ чаю, начала Вѣра Алексѣевна.—Гдѣ твой мужъ, Маша?

— Кажется, въ Одессѣ. Онъ ко мнѣ не пишетъ.

— Конечно, отъ себя не уйдешь, но я думала, что перемѣна мѣста будетъ для тебя полезна хоть на короткое время. Не равенъ часъ: иногда видѣть не можешь мѣста, которое напоминаетъ о прошломъ, а иной разъ такъ туда и рвешься.

— Мнѣ теперь все равно, ma tante, гдѣ бы я ни была отвѣчала Маша. Я отжила.

Вѣра Алексѣевна покачала головой.

— А который тебѣ годъ?

— Двадцать девять лѣтъ.

— Рано собралась умирать. Нѣтъ, моя душенька, мы живо не умираемъ... Иныхъ людей видне умаеть одна гробовая доска.

— Не дай Богъ, ma tante! Я надѣюсь умяться раньше.

— Не отъ тебя это зависитъ, другъ мой. Насъ съ тобой не спросятъ. А знаешь, Маша, когда ты ко мнѣ пріѣзжала съ Адрианомъ, онъ мнѣ понравился; я поняла, что ты за него вышла замужъ по любви. Въ немъ такъ и кипѣла жизнь. Я, грѣшный человекъ, всегда это любила въ молодежи.

— Какъ это вы не вышли замужъ, тетя?

— Очень просто. Тотъ, кого я любила, былъ ко мнѣ равнодушенъ, а другимъ я отказывала, а тамъ ужъ жизнь моя такъ устроилась, что я о замужствѣ и думать перестала.

Въ семь часовъ, Вѣра Алексѣевна сказала, что ей пора взглянуть на своихъ питомцевъ, спросила трость, лопотъ оитнаго хлѣба, и вмѣстѣ съ племянницей сошла на крыльцо.

Только что она показалась, около нея, со всѣхъ концовъ двора, собралась цѣлая дюжина куръ, какихъ еще не видывала Марья Петровна, хохлатыхъ, съ мохнатыми лапками.

— Посмотри, какія красавицы; ихъ по цвѣту хохла называютъ серебряными и золотыми, сказала Вѣра Алексѣевна, между тѣмъ какъ куры съ жадностью бросались на крошки хлѣба.— Постой, я тебѣ покажу и голубей. Что прикажешь дѣлать? Вотъ къ птицамъ пристрастилась. Матушка игуменя стала было мнѣ выговаривать, что все-таки земная привязанность... Я ей говорю: Филиппъ митрополитъ разводилъ оленей. За то, говорить, онъ былъ Филиппъ митрополитъ. Вотъ тебѣ и толкуй. Хорошо, говорю, или вы оставьте мнѣ моихъ птичекъ, или я отсюда уѣду... Замолчала... Впрочемъ, она вѣдь предобрая... Пойдемъ къ голубямъ, Маша.

Голуби были ручные и фамилярно сѣдлись на плечо своей госпожи. Одного изъ нихъ, любимца своего, она взяла на руки и пошла въ садъ.

— Вы и цвѣты любите? спросила Марья Петровна.

— Да, я было и къ цвѣтамъ пристрастилась, да они къ сожалѣнію не привязываются какъ птички. А цвѣты ни съ чѣмъ сравнить нельзя. Какъ Христоръ-то ихъ любилъ.

На монастырскихъ часахъ пробило девять; надо было воротиться въ келью. Сумерки длились почти до разсвѣта. Вѣра Алексѣевна сѣла у окна, чтобы подышать воздухомъ. Она любовалась то фантастическимъ силуэтомъ дерева, то чудовищною, но живописною формою огромной тучи. Марья Петровна уже успѣла замѣтить, что о себѣ, о своихъ убѣжденіяхъ, о томъ, что касалось ея прошлой жизни, она избѣгала говорить, но за то не было такого современнаго вопроса, который бы ея не интересовалъ. Утромъ Марья Петровна застала тетку за тономъ Кювье и вспомнила, что когда-то Французъ, учитель естественной исторіи, подарилъ ей коллекцію птицъ. Она и выписала ее изъ Москвы, и получивъ, разставила на столѣ рано утромъ, въ ожиданіи тетки, которая еще не выходила

изъ своей комнаты. Эффектъ былъ вполне достигнутъ. Вѣра Алексѣевна и цѣловала племянницу, и благодарила, и любовалась птичками, и отыскивала ихъ описанія въ своихъ книгахъ.

Старушкѣ не рѣдко случалось впадать въ мрачное раздумье. Голова ея опускалась на грудь, а глаза пристально на чемъ-нибудь останавливались. Въ эти минуты она говорила Марьѣ Петровнѣ:

— Посиди со мной, Маша; поговори пожалуйста о чемъ-нибудь... а то страшно...

Марья Петровна не только съ ней не скучала, но привязалась къ ней всею душой. Впрочемъ, въ монастырѣ все любили и уважали Вѣру Алексѣевну. Она никому не отказывала ни въ помощи, ни въ совѣтѣ, и молодые клириканки цѣловали ея руку, когда она дѣлала имъ замѣчаніе за разговоръ или смѣхъ во время службы.

— Есть вещи, говорила она,—которыя надо уважать ужь и ддятого, чтобы не оскорблять чужихъ убѣждений...

Евангеліе она читала по утрамъ, иногда вслухъ, и любила о немъ говорить.

— Вотъ тамъ у васъ выдумали слово коммунизмъ, говорила она.—Старую мысль одѣли въ новое платье. Она понравилась потому, что о ней пошумѣть можно, да поболтать. Тысячу восемь сотъ сличшеюмъ лѣтъ тому было сказано: «Дѣлите ваше имущество съ бѣдными и любите другъ друга.» И тотъ, кто говорилъ это, зналъ что за такое слово на смерть пойдетъ.

Однажды она сидѣла въ саду. Принесли письмо съ почты. Марья Петровна узнала почеркъ Ардабьева, и вспыхнула. Она положила письмо въ карманъ, не прочитавши его. Вѣра Алексѣевна не подала вида, что все замѣтила, и вдругъ повзала громко мать Аеанасью, которая прогуливалась съ своею внучкой у садовой ограды.

— Мать Аеанасья, подите-ка сюда. А? Да вы съ Надей?

— Къ вамъ ее привела, матушка Вѣра Алексѣевна. Молитвами угодника Божьяго, да вашими милостями дѣвочка у меня на ноги стала.

— Ну и слава Богу. Проидетесь-ка по саду, мать Аеанасья. Я сейчасъ къ вамъ выду. А Надя-то немного похуѣбла.

Письмо было писано Ардабьевымъ въ одну изъ тѣхъ та-

желыхъ для него минутъ, въ которыя онъ умѣлъ цѣнить Марью Петровну. Многое поднялось со дна ея души, она долго и горько плакала, и когда очнулась, то Вѣра Алексѣевна уже стояла возлѣ нея. Марья Петровна растерялась и спрятала письмо въ карманъ. Вѣра Алексѣевна первая прервала молчаніе.

— Чтò, грустно, мой другъ? сказала она ласково.

Маша взяла ея руку и молча поцѣлювала.

— Плачь, не стѣсняйся. Слезы хорошая вещь; отъ нихъ становится отраднѣе на душѣ. Видишь, ты меня примешь за эгоистку, а повѣрь, насъ почему-то облегчаетъ сравненіе. Гдѣ плачуть, да гдѣ пинуютъ, тамъ еще не все пропало, а забывается и прощается. А вотъ отъ смерти-то кто утѣшитъ?.. Когда похоронишь, да землей засыплешь?

Слезы Марьи Петровны остановились, и все ея вниманіе обратилось на Вѣру Алексѣевну. Въ выраженіи ея голоса было что-то потрясающее.

— Вотъ съ этого дня прошло двадцать шесть лѣтъ, а посмотри-ка, стбитъ только о немъ вспомнить, и руки у меня похолодѣють. Какой братъ-то былъ! Какой человекъ! Голоса бывало не возвыситъ, мы съ сестрою слушались его какъ дѣти. Сажу я съ нимъ утромъ, пью кофе; онъ шутилъ, а я смѣялась. «Поди, говоритъ, Вѣрочка, въ мой кабинетъ, достань книгу.» Я пошла, воротилась, а онъ мертвый! Я помню, какъ я къ нему подошла и вдругъ остановилась. У меня страшно забилось сердце. Я его позвала, потомъ притронулась ко лбу, взяла руку... Наконецъ я закричала, на мой крикъ весь домъ сбѣжался. Потомъ ужъ сама упала замертво. Подумай-ка, каково это пережить!

Она говорила скоро и отрывисто, и безпрестанно обтирала лицо платкомъ.

— А годъ спустя сестру схоронила.

Вѣра Алексѣевна помолчала, и прибавила почти шепотомъ и съ какою-то раздирающею грустію.

— Давно всѣ забыли. Какъ не пріѣдешь на могилки, никогда никого не встрѣтишь...

Ея поза обнаруживала сильное волненіе; голова упала на грудь, взглядъ на чемъ-то бессмысленно остановился. Марья Петровна понимала, что слово утѣшенія неумѣстно, но рѣшилась сказать:

— Только одно васъ и могло спасти, бѣдная тетя: религія.

Вѣра Алексѣевна покачала головой.

— Не знаю Вотъ вѣра матери Аванасы прочиѣе, и она одна прочна. Чего бы, кажется, не далъ за ея вѣру Трехъ взрослыхъ дочерей схоронила да мужа, котораго любила, а посмотри какое смиреніе, какая надежда на будущее!.. Этою надеждой-то ей и живетъся.

— Тетя, спросила Марья Петровна,—почему вы остались въ монастырѣ?

— А почему же и нѣтъ? отвѣчала она тономъ, который заставилъ молодую женщину понять всю нелѣпость ея вопроса.

Вѣра Алексѣевна продолжала:

— То за одно ухвачусь, то за другое. Хотѣла дѣвочку взять на воспитаніе, да подумала: чему я ее научу? Да и не привяжусь къ ней какъ бы желала... не свое родное. Того и слѣдовъ не осталось.

Марья Петровна цѣловала ея руки и плакала.

«Неужели, думала она, Вѣра Алексѣевна права, и сердце перестаетъ биться только подъ гробовою доской?»

Марья Петровна пробыла шесть недѣль въ монастырѣ; но мирная жизнь, задушевные бесѣды съ Вѣрой Алексѣевной мало ее успокоили. Она возвратилась въ Москву, не зная какъ устроить свою жизнь. Однако время взяло свое. Мало-по-малу вокругъ Марьи Петровны составилось общество артистовъ и литераторовъ, съ которыми ея свѣтскіе знакомые охотно встречались,—кто по искреннему расположенію, кто изъ претензій на современность.

А Марья Петровна? Не сбылись ли надъ ней слова Вѣры Алексѣевны: «иныхъ людей умаетъ одна гробовая доска»? Трудно предположить, что сердце ея помирилось съ одиночествомъ и что послѣдніе годы ея молодости не были посвящены новому чувству. Былъ ли на этотъ разъ ея выборъ удаченъ, и не пришлось ли ей пожалѣть объ Ардабѣевѣ? Кто знаетъ! Мы ее потеряемъ изъ виду на нѣсколько лѣтъ, и встрѣтимъ уже усталую, разбитую, просящуюся на покой, который ей не дается какъ призракъ.

II. Анна Федоровна Бьловодова.

Аннѣ Федоровнѣ было двадцать два года, когда ее помолвили. Выборъ ея палъ на человека извѣстнаго въ московскомъ обществѣ, богатаго, безупречной репутаціи, красивой наружности

и съ прочнымъ положеніемъ на службѣ, въ которой онъ видѣлъ главную цѣль своей жизни; словомъ, князь Чемеринъ былъ женихъ завидный, хотя и не внушавшій своей невѣстѣ особенно теплаго чувства привязанности. Дѣло было дѣломъ. Свадьбу рѣшили сыграть въ деревнѣ. Къ Бѣловодовымъ съѣхались короткіе знакомые, дальніе и близкіе родственники. Однако дня свадьбы еще не назначили; ждали Чемерина, который былъ задержанъ въ Москвѣ служебными обязанностями и велъ постоянную переписку съ своею невѣстой.

Въ числѣ родственниковъ, приглашенныхъ на свадьбу, явилась молодая красавица Елена Радомская съ трехлѣтнею дѣвочкой и съ мужемъ, котораго она въ первый разъ представляла семейству. Елена была близкою родственницею Бѣловодовыхъ, но не видѣлась съ ними въ теченіи цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, проведенныхъ ею за границей.

Она пріѣхала къ обѣду. Константинъ Васильевичъ Радомскій говорилъ мало и неохотно; онъ попалъ въ общество, которое очевидно приходилось ему не по душѣ; но послѣ обѣда завязался политическій разговоръ, въ которомъ онъ принялъ живое участіе, и общее вниманіе обратилось на него. Онъ не только обладалъ даромъ слова, но каждое его выраженіе было мѣтко, умно, обнаруживало и начитанность и знаніе дѣла. Одушевляясь, этотъ приземистый человѣкъ словно росъ и хорошеѣлъ. Каждый его жестъ обнаруживалъ внутреннее волненіе, охватывающее человѣка, когда рѣчь коснется предмета близкаго его сердцу. Радомскій мѣнялся въ лицѣ, голосъ его звенѣлъ, длинныя и сухіе волосы, которые онъ нетерпѣливо закидывалъ назадъ, разсыпались вокругъ его разгорѣвшагося лица. Но онъ спорилъ съ раздражительностію и желчію, какъ вообще спорить русскій человѣкъ, не для того, чтобъ убѣдить противника, а какъ будто для того чтобъ уличить его въ глупости и невѣжествѣ. Противорѣчій, въ особенности лишенныхъ мѣткости, онъ не терпѣлъ и справлялся съ ними не щадя чужаго самолюбія. Побѣжденные и недовольные противники Радомскаго говорили другъ другу на ухо, въ видѣ утѣшенія, что не слѣдуетъ вступать въ споръ съ человѣкомъ неблаговоспитаннымъ и въ извѣстномъ смыслѣ опаснымъ. Даже Стояновъ, лучший другъ Радомскаго, надулся на него не на шутку; но какъ скоро Радомскій замѣтилъ, что онъ оскорбилъ человѣка, который въ немъ души не слышалъ, онъ принялся за нимъ ухаживать, поподчивалъ его отличною

сигарой, и желая похвалить его самолюбію, предлагалъ партію на билльардъ. Радомскій игралъ мастерски, но обыкновенно послѣ спора онъ бывалъ *me en ударъ*. Въ билльардную, за нѣсколько минутъ передъ ними, отправилась молодая хозяйка и нѣсколько челоуѣкъ гостей.

Во все время спора, Анна Федоровна слушала Радомскаго съ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдя за нимъ глазами. Анна Федоровна правила не многими. Огромные глаза зеленоватаго цвѣта, блѣдность лица, доходящая до прозрачности и сжатый губы, придавали ей видъ холодной, недоступной женщины. Голову она держала гордо; рѣдко говорила, и вообще трудно было вступить съ нею въ короткость.

— А! сказала Стояновъ:— Анна Федоровна съ кѣмъ въ руки! Вотъ, Константинъ, кого бы ты попросилъ сыграть съ тобой партію, это просто удивленіе. Я ограничиваюсь ролью зрителя.

Уже во время обѣда Радомскій замѣтилъ молодую дѣвушку и не разъ взглянулъ на нее съ тѣмъ любопытствомъ, которое одинаково возбуждаютъ въ насъ предметы внушающіе ненависть и предметы обаятельно на насъ дѣйствующіе.

Вмѣсто отвѣта на предложеніе Стоянова, Анна взглянула на его пріятеля, съ выраженіемъ не то стыдливости, не то гордости; и въ нихъ обоихъ шевельнулось одно изъ тѣхъ смутныхъ чувствъ, которыя разыгрываются въ насъ ненавистію или любовью. Блѣдныя ея щеки слегка покраснѣли; она положила кій на билльардъ, и сказала:

— Я буду дурно играть сегодня... не расположена.

— Это въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ я васъ знаю, мюзина. Чтѣ съ вами? Вы никогда не капризничаете.

Замѣчаніе, очевидно, смутило ее. Она прибавила, не взглянувъ на Радомскаго:

— Я сказала, что не буду играть.

— А ваши рѣшенія непоколебимы? спросилъ Радомскій.

— Да, отвѣчала она, съ трудомъ скрывая неприятное волненіе.

Она обидѣлась; ей почему-то показалось, что въ словахъ Радомскаго таилась насмѣшка, и въ продолженіи всего вечера ей было не по себѣ. Радомскаго усадили за карты:

На другой день Анна проснулась рано. Окна ея комнаты выходили въ садъ, и она увидѣла Радомскаго, который ходилъ по аллеѣ, съ книгой въ рукахъ. Липочка, его трехлѣтняя дочь, догнала его и хватала за фалды сюртука. Онъ

обернется, закричитъ, и она съ громкимъ смѣхомъ бросится назадъ; потомъ они стали бѣгать въ перегонку. Анна не могла оторвать взора отъ этой сцены, которая прекратилась когда няня увела дѣвочку.

Молодая дѣвушка, докончивъ свой туалетъ, отправилась къ Радомскимъ, которымъ былъ отведенъ особый флигель. Ее привѣтилъ Константинъ Васильевичъ; жена его еще одѣвалась.

— Не угодно ли вамъ посмотреть? спросилъ Радомскій, показывая ей старинный молитвенникъ, писанный на пергаментѣ и украшенный миниатюрными рисунками. — Это мнѣ сегодня подарилъ Стояновъ.

— Онъ не злопамятенъ, замѣтила вполголоса Анна.

Радомскій взглянулъ на нее вопросительно и вспомнилъ о вчерашнемъ ссорѣ.

— А! что дѣлать! сказалъ онъ съ грустію и явно досаду на себя. — Я знаю, что бываю тяжелъ и желченъ, но не исправился; меня избаловали друзья.

Елена вошла, разряженная и красивая какъ бабочка, взглянула на рисунки, и сказала тономъ капризнаго ребенка:

— А онъ васъ этимъ добромъ угощаетъ! Не удивляйтесь, это у насъ на первомъ планѣ. За то на все остальное, на то что люди называютъ дѣломъ, мы смотримъ съ блавороднымъ разведущіемъ!

— Что съ тобой нынче, Елена? возразилъ Радомскій отъѣхавъ — *vous me cherchez une querelle d'Allemand.*

— Ахъ Боже мой, сказала Елена съ живостью, — пускай насъ рассудитъ кузина. Вообразите, я и сплю и вижу купить домъ въ Москвѣ; недавно продавался домъ, просто чудо! Что же вышло? Константинъ Васильевичъ, въ то самое время какъ надо было совершить купчую, далъ сосѣду взаймы половину денегъ, назначенныхъ для покупки. Помогать бѣднымъ прекрасно, но нельзя терять изъ виду русскую поговорку: *чужой крышки не крошить, когда своя течетъ.*

Константинъ Васильевичъ не зналъ куда глаза дѣвать, да и Аннѣ было до смерти совѣстно за него. Къ счастью, въ эту минуту въбѣжала Липочка; онъ взялъ ее на руки и принялся съ нею болтать, а Анна воспользовалась случаемъ переменить разговоръ.

— У васъ только одна дочь? спросила она.

— Этотъ простой вопросъ испугалъ Елену, она наступала на ногу своей кузины и угадкой кивнула на муза. Онъ измѣнился

въ лицѣ; Анна растерялась, и нѣсколько минутъ продолжалось глубокое молчаніе.

— Костя, спросила Елена ласково, — не хочешь ли шоколаду? Ты вчера спрашивалъ, а теперь онъ для тебя заказанъ. Ты бы распорядился, чтобы подавали.

Радомскій вышелъ, Елена сказала:

— Вѣдь у насъ умерла старшая дочь. Я думала, что Константинъ съ ума сойдетъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ еще безпечнѣе прежняго.

Елена любила Константина Васильевича, и была не глупа. Она была бы даже и хорошею женой съ другимъ мужемъ, но этотъ ей былъ не по плечу, и рядомъ съ нимъ, она смотрѣла совершенною ничтожностью. Анна это поняла. Она поняла, что женитьба погубила Радомскаго, обрекая его на мелочныя и раздражающія ежедневныя страданія. Но это открытіе, повидимому, не сблизило ея съ нимъ. Они бесѣдовали рѣдко, и все о предметахъ постороннихъ. Во время прогулокъ цѣлымъ обществомъ, верхомъ или въ шарабанѣ, ни тотъ, ни другая не искали а parté. Иногда Анна являлась утромъ во флигель и постоянно заставляла Радомскаго за рисунками или за книгой. Елена какъ призначала, а онъ упорно молчалъ. Только разъ, опять по поводу московскаго дома, Елена договорилась до слезъ и вышла изъ комнаты. У Радомскаго вырвалось нетерпѣливое движеніе. Онъ бросилъ на столъ свою книгу, обернулся къ окну и сталъ во что-то вглядываться. Ему было страшно тяжело... Анна не выдержала, подошла къ нему и протянула ему руку. Онъ смутился, схватилъ ея руку, крѣпко сжалъ ее и поцѣловалъ... Анна угадала, что у него забилось сердце и сама растерялась... обмерла... Но они не обмѣнялись ни единымъ словомъ...

Нѣсколько дней спустя Анна простудилась, и докторъ запретилъ ей выходить изъ ея комнаты. Мать ея собралась въ гости съ Еленой, а Радомскаго привела къ больной:

— Вотъ тебѣ гость, Анна, сказала она, уѣзжая: — займи его какъ умѣешь.

Въ первый разъ они заговорили о предметахъ, имъ близкихъ, — она о своей семейной жизни, онъ о дочери, на которой сосредоточилась вся его нѣжность. Замѣтивъ, что дусть изъ окна, онъ уговорилъ Анну пересѣсть на другое мѣсто и спереться на его руку, чтобы пройти по комнатѣ. Когда онъ посадилъ ее въ кресло, булки Анны коснулись его лица. Онъ поблѣднѣлъ... да и у нея забилось сердце...

Вдругъ вбѣжала Липочка, бросила ей письмо на колѣни, и сказала: «отъ твоего жениха.» Анна вспыхнула, а онъ посмотрѣлъ на нее такъ пристально... Столько вопросовъ было въ этомъ взглядѣ! Она повертѣла письмо въ рукахъ, и не распечатавъ, положила на столъ.

Разговоръ прекратился, какъ будто громъ упалъ между ними. Наконецъ онъ спросилъ:

— Вы выходите замужъ по любви?

Она хотѣла что-то отвѣчать, запнулась, и вмѣсто отвѣта, указала на запечатанное письмо.

Въ эту минуту возвратилась Бѣловодова и Елена. Старушка взглянула на письмо, улыбнулась, поцѣловала свою дочь, и сказала, подмигивая Радамскому:

— Ну, ну, читай теперь. Я уведу Константина Васильевича. Пойдемте чай пить.

«Мамап нигъ бредить,» подумала Анна, и ей стало страшно.

Она провела ночь можетъ-быть самую тревожную, но можетъ-быть и самую лучшую въ своей жизни. Безумную ночь! Волненіе первой любви, лихорадочный бредъ, сны полудремоты, не давали ей возможности сознать свое положеніе.

Между тѣмъ женихъ Анны не являлся. Свадьба все откладывалась. Радомскій, подъ благовиднымъ предлогомъ, отказался ждать такъ долго и сталъ собираться домой.

Это рѣшеніе уѣхать до свадьбы сильно озадачило Елену. Долго добивалась она отъ своего мужа зачѣмъ они ѣдутъ? Нельзя ли отложить отъѣздъ? Но на жалобы и на вопросы она получала лишь отрицательные и лаконическіе отвѣты. Разъ она зазвала къ себѣ Анну, чтобы повѣрить ей свое горе.

— Вотъ вамъ образецъ его странностей, кузина, говорила она, почти со слезами на глазахъ.—Скажите, ну кто кромѣ Кости выдумаетъ такую штуку—уѣхать отъ свадьбы?

— Отчего бы вамъ не остаться однимъ? отвѣчала Анна:— онъ и безъ васъ можетъ обдѣлать свои дѣла.

— О нѣтъ! Этого я не сдѣлаю. Посмотрите, какъ онъ встревоженъ и блѣденъ съ нѣкоторыхъ поръ; это меня беспокоитъ. Послѣ смерти Ниночки онъ былъ въ такомъ же состояніи и опасно занемогъ. А если это случится безъ меня, онъ пропадетъ. Нѣтъ! одного не отпущу... нечего и говорить... Но признаюсь, горько!.. И развеселить-то его нечѣмъ. Бѣда въ томъ, что онъ ничего не любитъ. Я объ одномъ и прошу, чтобъ онъ не щадилъ денегъ, лишь бы ему было весело. Нѣтъ! Ко

всему равнодушень, за исключеніемъ желтыхъ да пшаныхъ рукописей! Хотите, кузина, прибавила она со вздохомъ, — я вамъ покажу свое розовое платье?

И позвонивъ, Елена велѣла принести свои наряды.

— Какъ это хорошо! говорила Анна, у которой рябило и зашевелило въ глазахъ.

— Не правда ли? *Voyez donc quel aspect de robe!* Пожалуйста, кузина, что еслибы вы поговорили съ Константинемъ? Вѣдь вы ему слова не сказали о нашемъ отъездѣ. Анна, прибавила она съ упрекомъ, — а кому же и говорить коли не вамъ?.. Тетеньку онъ не послушался. Вѣдь онъ упрямъ!.. Ахъ! до невѣроятности упрямъ. Скажите, вы поговорите Константину? Да?

Она ласково взяла Анну за руку.

— Поговорю, съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчала Анна. — Но врядъ ли мои слова..

— Отлично! перебила Елена — Такъ подождите здѣсь, кузина. Онъ въ саду; я его сейчасъ пришлю къ вамъ, а сама поболтаю съ Стояновымъ. Вы, можетъ-быть, замѣтили, что онъ.. *On n'est pas tout-à-fait insensible aux charmes de ma personne.*

Елена очень мило сказала эту французскую фразу, и спустилась въ садъ.

Мысль объ этомъ свиданіи обдавала Анну и жгучею радостью, и непобѣдимымъ страхомъ. До сихъ поръ она тщателью избѣгала свиданія съ глазу на глазъ съ Радомскимъ; надо же было, чтобы случай, въ лицѣ Елены, устроить это свиданіе!

Прошло нѣсколько минутъ ожиданія. Уже вечерело, но въ комнатѣ, нагрѣтой горячими лучами лѣтняго солнца, было душно. Анну что-то захватывало за горло, она бросилась къ окну отырала ставень и вдохнула овѣжій воздухъ. Она могла сообразить что въ домѣ было совершенно пусто; вокругъ нея не раздавалось ни малѣйшаго звука кромѣ везга комаровъ. Анна разслыхала скрипъ мужскихъ шаговъ по песчаной дорогѣ ведущей къ балкону, и по мѣрѣ того какъ приближались эти шаги, занималось дыханіе молодой дѣвушки, и она теряла способность связать двѣ мысли.

— Что это значить, кузина? спросилъ Радомскій. — Вы приказали мнѣ явиться....

Но голосъ его оборвался. Онъ разглядѣвъ блѣдное и сму-

шенное лицо. Анны, стоявшей воздѣ стола, за который она держалась одною рукою, какъ будто затѣмъ чтобы не упасть. Она очнулась, кровь ей бросилась въ лицо, и Богъ знаетъ откуда взялись слова...

— Да, сказала она, съ дикорядочнымъ одушевленіемъ, я просила васъ сюда, но-есть Елена просила, чтобы я переговорила съ вами. Она никакъ не разчитывала на такой скорый отъѣздъ; она огорчается... это очень понятно.

— Мнѣ самому очень жаль... Что же дѣлать? отвѣчалъ Радомскій, который стоялъ неподвижно противъ Анны.

— Надо какъ-нибудь это уладить, продолжала Анна.— Я ее уговаривала остаться здѣсь, но она не хочетъ разстаться съ вами... (Эти слова были сказаны съ горечью.) Но вы можете быть и убѣдите...

— Попробую, сказалъ Радомскій.— Безъ сомнѣнія, она можетъ остаться.

«Онъ увидеть одинъ. А что, если въ самомъ дѣлѣ онъ занеможетъ?..» съ ужасомъ подумала Анна, и ей показалось, что Радомскій можетъ занемочь не на шутку, что этого сосредоточеннаго и нервнаго человѣка болѣзнь скрутитъ въ одну минуту.

— А вы... куда вы пойдете? спросила она.

— Я еще самъ не знаю. Вѣроятно, къ себѣ въ деревню.

— Но это не возможно.

— Почему же?

— Вы останетесь одни... А еслибъ вы уѣхали вмѣстѣ... тогда... до крайней мѣры...

— Тогда вы думаете, что я былъ бы не одинъ?.. перебилъ Радомскій.

Анна не отвѣчала, и не оумѣла превозмочь своего смущенія. Она опустила въ кресло, закрыла лицо платкомъ и слухъ зарыдала. Противъ нея слезъ не уговаялъ Радомскій. Онъ взялъ ея холодную руку, и прильнулъ къ ней долгимъ, безкомичнымъ поцѣлуемъ.

— Безвыходно... проговорилъ онъ наконецъ.

Анна вздрогнула. Они понимали, что все было сказано между ними и что пора имъ разстаться. Послѣ долгаго молчанія, пожали они другъ другу руку; она пробралась въ свою комнату и за чаемъ сказала Еленѣ, что Радомскій рѣшился ѣхать во что бы ни стало.

Елена пожала плечами, и горько жалуюсь на свою судьбу, стала укладываться.

Вечеромъ наканунѣ отъѣзда Радомскихъ, къ Бѣловодовымъ съѣхались гости. Кто игралъ въ карты, кто сошелъ въ садъ; Радомскій и Анна выжидали удобной минуты, чтобъ остаться вдвоемъ. Она прошла мимо него и сказала: «Въ низу... въ залѣ...»

Черезъ 10 минутъ онъ вошелъ въ залу. На немъ лица не было. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно.

Она проговорила:

— Что же намъ дѣлать?

— Мнѣ?.. Вхвать на край свѣта.

Она зарыдала.

— Я бы съ тобой и на край свѣта уѣхала.

— Я это знаю, но у меня дочь. Еслибы не она, все было бы сказано.

— Я такъ и думала, но хотѣла это услышать отъ тебя.

— Когда твоя свадьба? спросилъ Радомскій.

— Ты не можешь думать, что я выйду замужъ?

— Послушай, сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, — моя жизнь разбита. Но... ты... Общай мнѣ, — онъ говорилъ съ страннымъ усиленіемъ, — общай, что если когда-нибудь ты полюбишь другаго ты не будешь стѣсняться мыслию обо мнѣ... Общай мнѣ это.

— Этого слова я тебѣ никогда не прощу, отвѣчала Анна.

Они опомнились тогда только, когда засуетились въ домѣ. Анну звали въ гостиную. Въ ночь Радомскіе уѣхали.

Мѣсяцъ спустя Елена написала своей теткѣ Бѣловодовой, что Константинъ Васильевичъ только что оправился отъ нервной горячки. Но старухѣ Бѣловодовой было не до того. Ея дочь наотрѣзъ отказала жениху. Материнское отчаяніе, истерики, упреки, слезы, вишшательство всего семейства не поколебали ея рѣшенія. Князь Чемеринъ былъ оскорбленъ, и Анна нажила себѣ въ немъ непримиримаго врага. Въ свѣтъ ея не пощадили, придумывали на ея счетъ разные скандальные романы и громко заступались за отверженнаго жениха.

Съ тѣхъ поръ положеніе Анны въ семействѣ стало невыносимо. Она употребила всѣ средства, чтобы помириться съ матерью, но старушка умерла, не простивъ чистосердечно дочери.

Послѣ ея смерти Анна сохранила немного изъ прежнихъ связей. Она жила на своей волѣ совершенно одна.

III. ВСТРѢЧА.

Прошедшимъ лѣтомъ, въ июньское утро, катился проселочною дорогою фаятонъ въ направленіи къ одной изъ тѣхъ старинныхъ дачъ, которыми такъ богаты московскія окрестности. Когда кучеръ осадилъ лошадей у входа въ большой садъ, изъ фаятона вышелъ бѣлокурый, статный молодой человѣкъ, и протянувъ руку, сказалъ:

— Пріѣхали, Марья Петровна. А васъ должно-быть заказало?

Дѣйствительно, Марья Петровна подавила желаніе зѣвнуть, и полузакрытые глаза ея лѣниво обратились къ ея спутнику.

— Да я устала, отвѣчала она, медленно приподымаясь, и оперлась на его руку, чтобы выпрыгнуть на дорогу.

Кучеру было приказано остаться на мѣстѣ. Молодой человѣкъ, котораго звали Николаемъ Дмитріевичемъ, распустилъ зонтикъ Марьи Петровны и поспѣшно отворилъ калитку въ садъ.

Ему очевидно было весело, а ей очевидно скучно. Онъ казался несравненно моложе нежели былъ на самомъ дѣлѣ, можетъ-быть потому что физіономія его постоянно улыбалась; А наоборотъ серьезное выраженіе лица Марьи Петровны и мелкія морщины, образовавшіяся около глазъ и на лбу, прибавляли число ея лѣтъ. Ея худая, усталая, но граціозная фигура представляла рѣзкую противоположность съ живостью и молодцоватостью Николая Дмитріевича. Она шла молча по аллеямъ и извилистымъ тропинкамъ сада, а онъ говорилъ неумолкаючи, и получалъ въ отвѣтъ лишь отрывистыя «да» или «нѣтъ.»

— Марья Петровна, замѣтилъ онъ наконецъ, тономъ исполненнымъ участія, — а вы сегодня не такъ хорошо настроены! Что съ вами?

— Ничего особеннаго, это нервы... пройдетъ... Вы знаете, на меня иногда находить молчаніе, просто голова дурна.

— А мнѣ такъ хорошо сегодня!

— Да мнѣ кажется вамъ всегда хорошо.

— Теперь да, съ тѣхъ поръ какъ чувства мои пріобрѣли ту стройность, которая необходима въ моихъ понятіяхъ для полноты жизни. Человѣкъ можетъ и долженъ добиться такого

результата, иначе не было бы возможности достигнуть цѣли назначенной самою жизнью. Вся природа держится гармоніей, какъ же допустить диссонансы въ человѣческой душѣ?

— Какъ вы легко распоряджались чужою душою, Николай Дмитриевичъ, замѣтила она, покачивая головою. — Что же дѣлать, скажите, когда на примѣръ душа выходитъ изъ должнаго поведенія?

— Вотъ вы много думали о душѣ, а теряете изъ виду, что есть натуры странныя, которыя общими правилами не подчиняются.

— Теряю изъ виду, повторялъ Николай Дмитриевичъ, — вы словно сомнѣваетесь въ томъ, что я и самъ одаренъ страстною природою.

— Вы!..

Улыбка исчезла на минуту съ добродушнаго лица молодого человека.

— Вы меня не знаете, Марья Петровна, сказалъ онъ запальчиво; — вы еще многого не знаете. Вы судите поверхностно, потому что сами принадлежите къ числу страстныхъ, но неналѣчныхъ, то-есть не выработанныхъ природою. Развѣ вы полагаете, что легко дается спокойствіе? Знаете ли вы, прибавилъ онъ, — что къ университетъ, на третьемъ курсѣ я не разъ мечталъ о самоубійствѣ? Штраусъ меня привелъ въ состояніе, близкое къ сумашествію, изъ котораго меня выручила игра Мочалова въ *Гамлетъ*.

— Я объ этомъ и не знала, серьезно отвѣчала Марья Петровна.

— Какъ? Не знали?

— Честное слово не знала. Но объясните мнѣ, Николай Дмитриевичъ, почему вообще завидуютъ несчастной способности чувствовать мучительно и безразумно? Вотъ и вы сейчасъ чуть было не обидѣлись, а я право, въ первый разъ слышу, что вы покушались на самоубійство, и что вашимъ сохраненіемъ мы обязаны Мочалову.

— Вы это слишкомъ буквально приняли, Марья Петровна; я только хотѣлъ сказать вамъ, что во мнѣ долго и не безъ борьбы выработывались жизненные вопросы. Я это говорю смѣло, потому что приучалъ себя къ анализу. Вотъ и въ началѣ нашего знакомства, прибавилъ онъ, слегка покраснѣвъ и опустивъ глаза, — вы знаете, я влюбленъ страстно; съ годами это чувство перешло въ болѣе серьезное и охрипло навѣки.

Марья Петровна терпѣливо, немала дѣлами, какъ женщина, съ которою заводять уже знакомый ей и скучный разговоръ, но собѣдникъ ея ничего не замѣтила и продолжала доверливо о томъ мѣлкомъ чувствѣ, которое она, не кая, успѣла ему внушить.

Марья Петровна знала, что онъ говорилъ съ совершенною искренностью. Чувство врожденной деликатности заставило ее претянуть ему руку и упрекнуть себя за невольную скуку которую она испытывала въ обществѣ человека любимаго ею и не-равнѣнаго на взаимность.

Отъ встрѣчи съ нимъ она постоянно уклонялась, но онъ будто по-данническому обычаю являлся къ Марьѣ Петровнѣ каждый Божій день, такъ что не всегда было удобно ему отъезжать; онъ тамъ усердно хлопоталъ объ устройствѣ катанья въ лодкѣ или прогулкѣ на дачѣ, что надобно было хотъ нѣрѣдка соглашаться и на катанье, и на прогулку.

Къ тому же Марья Петровна не могла не сознаться, что она не разъ отличала людей далеко его не отовзвѣвшихъ. Она отдавала ему полную справедливость. Но что же изъ этого? Кто не отдавалъ ему справедливости? Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые не подвергаются ни пересудамъ, ни клеветѣ.

— Знаете, Николай Дмитриевичъ, начала она, — вы упрямѣе лежите на моей совѣсти?

— Какъ? Почему?

— Да подумайте сами, по моей милости вы не живете, вы заперли въ китайской неподвижности.

— Какъ не живу! Вы это не называете жизнью?

— Это?

Они рѣшительно не соглашались.

— Полноте, Марья Петровна, полноте, съ укоризной отвѣчалъ Николай Дмитриевичъ. — Жизнь, которую я вамъ обещаю, вознаграждаетъ за ту пустоту, на которую невольнѣ обреченъ семейный человекъ.

Марья Петровна уже опять рачивала выходить изъ терпѣнія.

— Сидите, сказала она.

Они уѣхали на деревянной скамейкѣ, не далеко отъ усадьбы. Всю вниманіе Марья Петровны устремилось на широкій прудъ и рошу; необходимыя принадлежности старинныхъ подмосковныхъ,

Марья Петровна сняла шляпку, вдохнула въ себя деревенскій воздухъ, и не рѣшалась молвить слово, чтобы не вызвать своего спутника на цѣлые потоки рѣчей.

Для нея настала одна изъ тѣхъ минутъ спокойствія, когда минувшіе дни, исчезнувшіе образы воскресаютъ передъ нами въ радужномъ блескѣ, когда прошлое облекается въ праздничный видъ. Въ такія минуты забываешь о прежнихъ невзгодахъ, о пролитыхъ слезахъ, и смертельно жалѣешь о прошедшемъ; начинаешь опять любить тѣхъ, кого разлюбилъ, просясь въ тѣ мѣста, о которыхъ наканунѣ думалъ равнодушно.

Противъ своего обыкновенія и къ счастью Марьи Петровны, Николай Дмитріевичъ рѣшился помолчать. Онъ обыкновенно вмѣнялъ себѣ въ обязанность не только говорить, но и думать вслухъ при Марьѣ Петровнѣ. Его безтактность превосходила всякое вѣроятіе. Прошло минутъ пять.

— Марья Петровна, началъ онъ наконецъ, — читали вы о новомъ учрежденіи въ Лондонѣ для безпріютныхъ собакъ?

— Нѣтъ, отрывисто отвѣчала Марья Петровна.

— Прочтите... Я вижу въ этомъ учрежденіи прямое вліяніе романовъ Бичеръ Стоу.

— Вотъ какъ! изъ благодарности я ей пошлю моего Джинна. Боже мой! Какая глупая птица! продолжала она, указывая на индѣекъ, которая перепрыгивала со двора въ садъ и отчаянно глупо смотрѣли на бесѣдовавшихъ. — Замѣтьте, Николай Дмитріевичъ, какъ все въ нихъ одинаково нелѣпо, и физиономія ихъ, и поступь, и самый голосъ... Мнѣ кажется, онѣ совершенно оправдываютъ вашу теорію о гармоніи.

Марья Петровна разсмѣялась, довольная тѣмъ, что сорвала сердце на Николаѣ Дмитріевичѣ, а онъ добродушно послѣдовалъ ея примѣру.

— Пойдемте вотъ туда, за прудъ, сказала она, вставая.

Она уже упрекала себя въ слабости характера, заставившей ее согласиться на загородную прогулку. Николай Дмитріевичъ замѣтилъ наконецъ самъ, что разговоръ не клеится между ними. Къ счастью, случай пришелъ имъ на выручку.

Марья Петровна остановилась и начала пристально глядѣться въ молодую женщину, которая быстро шла къ ней на встрѣчу. «Маша!» «Анна!» вскрикнули они въ одно и то же время, и очутились въ объятіяхъ другъ друга.

— Анна, ты въ Москвѣ, а я объ этомъ не знала, говорила Марья Петровна.

— Я прѣехала сегодня и прямо къ тебѣ; мнѣ сказали, что ты здѣсь, я отправилась вслѣдъ за тобой...

Анна Федоровна была уже тридцати шести лѣтъ; года ее немного измѣнили. Въ ней особенно бросалось въ глаза то, что Французы называютъ *de la roideur*, недостатокъ, принимающій въ русскомъ переводѣ слишкомъ грубый оттѣнокъ. Никто не называлъ ее старою дѣвой, потому что она держалась какъ женщина; жила одна, безъ компаньонки, принимала мушкетъ, читала все, и говорила обо всемъ. Къ тому же всѣ знали, что она сама отказалась отъ замужества. Анна Федоровна была лучшею пріятельницей Марьи Петровны; имъ при встрѣчѣ приходилось переговорить о многомъ, несмотря на то, что онѣ были въ постоянной перепискѣ. Онѣ разспрашивали другъ друга объ общихъ знакомыхъ, о тысячахъ мелочныхъ подробностей.

Марью Петровну нельзя было узнать. Глаза ея оживились. Въ одну минуту она помолодѣла на десять лѣтъ. Раздражительныя природы одинаково скоро слабѣютъ и оправляются.

Въ четыре часа Николай Дмитріевичъ предложилъ обѣдать. По его просьбѣ, Марья Петровна запаслась въ Москвѣ съестными припасами, которые онъ отправился выгружать изъ экипажа. Расположились обѣдать въ саду, на скамейкѣ.

— А знаешь ли, Маша, послѣ обѣда намъ придется съ тобой разстаться на полчаса; я здѣсь должна отыскать незнакомую мнѣ госпожу, которой я обязалась вручить письмо и деньги. Досадно, а нечего дѣлать, надо будетъ къ ней отправиться.

— Ахъ, Какъ досадно!

Но Марья Петровна была находчива.

— Анна, сказала она, — возлѣ тебя сидитъ рыцарь, который никогда и никому на свѣтѣ ни въ чемъ не отказывалъ. Попрося его исполнить порученіе за тебя. Онъ аккуратенъ какъ Нѣмецъ.

— Давайте, я готовъ, сказалъ Николай Дмитріевичъ.

— Коли такъ, вы будете награждены за доброе дѣло, сказала Анна.

Она вынула письмо изъ кармана, и прочла на адресъ: «Прасковья Андреевна Туманской». — Надобно вамъ сказать, продолжала она, — что это очень интересная особа. Три года тому

назад, она лишилась мужа на этой самой даче, здѣсь же его похоронила, и съ тѣхъ поръ сжегодно перебажаетъ сюда въ лѣто. Она молода и хороша собой. Вотъ ея адресъ. Благодарю васъ отъ души.

— Но едва ли поблагодарить насъ Туманская, — подумала Марья Петровна, однако рѣшалась пожертвовать ею, чтобы только избавиться отъ своего пламеннаго обожателя, и осталась съ глазу на глазъ съ Анной. Она даже очень любезно протянула руку Николаю Дмитриевичу, и сказала:

— Я васъ должна благодарить за встрѣчу съ Анной. Я вамъ обязана ею. А теперь окажите услугу. Аннѣ, и отправляйтесь въ этой госпожѣ... какъ ты ее назвала, Анна?.. Не горюйтеся. Мы здѣсь долго пробудемъ...

Николай Дмитриевичъ позволялъ себѣ поцѣловать протянутую ему руку, и весело взялся за шляпу.

— Уф! сказала Марья Петровна, положивъ усталую голову на колѣни своей пріятельницѣ.

Анна провела пальцами по ея чернымъ волосамъ.

— А твои волосы хороши по прежнему, замѣтила она.

— Поверишь ли, когда Николай Дмитриевичъ изъ квалитѣ, мнѣ бы хотѣлось, чтобы они поцѣдили. Я, неблагодарна... Отвратительна... Но что прикажемъ дѣлать! Онъ такъ отчаянно безупречен!

— А ты не намѣнилась, съ улыбкой замѣтила Анна. — До сихъ поръ любишь разбойниковъ въ родѣ твоего Адриана.

Марья Петровна грустно покачала головой.

— Ахъ, Анна! сказала она: — никогда-то мы съ тобой не охладелись въ этомъ слухѣ. Видишь ли, прошлымъ года, сердце уже давно угомонилось, и я сужу безпристрастно. Положимъ, онъ дурной человекъ, но я была совершенно счастлива въ продолженіи двухъ лѣтъ... Лишь бы счастье, а тамъ какое намъ дѣло, отъ кого оно намъ дѣстается, отъ праведника или отъ разбойника, какъ ты выражаешься.

— Какой страшный парадоксъ, Мама! Два года?... Два года въ цѣлой жизни! И какую же цѣную ты ихъ купила, бѣдняжка!

— Да, горько было подчасъ, да за то жилось, а теперь и спокойно на душѣ, да мертво. Найдешь у себя сѣдые волосы, поймаешь новую морщину, а думаешь: для чего я живу, лучше бъ было не просыпаться сегодня. Друзья! Прекрасно! Да каждый изъ насъ меня променяетъ на черную дѣвочку,

говорая Ему, минутно повернуть голову. Вѣдь было время, когда и я бы иль всерьез отдала за моего порочнаго мужа. Еще можно бы было жить, еслибы были дѣти. Любовь матери тоже острастное чувство. Да нѣтъ! Дѣтми судьба награждаетъ безъ разбора. Вотъ у меня сестра по деревнѣ: узнаю, кто у ней умеръ ребенокъ, и бросаюсь къ ней, а она себя заказываетъ платье. Наде же, говорить, развлечься.

— Да! Намъ съ тобой не повезчилось! мрачно замѣтила Анна.

— Я никогда не смотрѣла на Адриана, какъ женщины смотрятъ вообще на законныхъ мужей, продолжала Марья Петровна. — Для меня онъ остался до конца все тѣмъ же Адрианомъ, который меня увезъ. Мнѣ нравились его капризы, безпорядочность его природы, принадлежки страшной раздражительности, бѣшенства коли хочешь... Какъ легко мои ласки приводили его въ себя, какъ онъ бывалъ въженъ! Да, что тутъ говорить?.. Не даромъ же и я его любила, полюби!

— Да вѣдь и разлюбила не даромъ же, сказала Анна.

— Да и къ великой радости тѣхъ, которые вооружались противъ моего брата. Ты не повѣришь какъ мнѣ тяжело было выслушивать известную фразу: «Тебѣ вѣдь было говорено; чья же вина?» Подумаешь, какое торжество, что моя вина! Какая новость, что здравый смыслъ дальновиднѣй сердца! Иль прокъ ношии, нечего сказать, всѣ эти попреки въ глаза.

— О! я первая тебя бы ими осыпала, еслибы ждала отъ нихъ прока, сказала Анна. — Ты сердилъся, Маша, не сердись, ради Бога. Ардабьевъ тебѣ окончательно испортилъ жизнь.

— Что дѣлать! Въ этомъ мы съ нимъ равно виноваты; мы оба одарены способностію искать счастья тамъ, гдѣ не слѣдуетъ. Не нашла жь я его у Любеньки...

— Еще бы! воскликнула Анна. — Какъ ты не задыхнулась въ той атмосферѣ, которою дышетъ твоя сестра? Я о ея пору не понимаю, какъ тебѣ пришло на мысль вздохнуть къ ней послѣ твоей размовки съ мужемъ.

— Ты всегда была къ ней слишкомъ строга, Анна; насъ съ тобою она не пойметъ, это правдѣ, да вѣдь и мы ее не понимаемъ; намъ не доступны ни ея радости, ни печали.

— Печали? Какія же? Помниуй, такъ легко кажется удовлетворить потребностямъ этихъ добрыхъ людей:

— Это правда, но у ней завелось свое горе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она было отдала старшаго сына въ кадетскій корпусъ: не ужился тамъ мальчикъ. Все пестрилъ тетради портретами да карриатурами. Любенька пришла въ отчаяніе, онъ себя переломилъ на время, да занемогъ горячкой. Взяли его домой и усадили за хозяйство; онъ сталъ чакнуть, да вдругъ бѣжалъ изъ дому и написалъ матери, что поѣдетъ въ Италію, или сойдетъ съ ума. Но вотъ что забавно; угадай, на комъ все оборвалось!

— Не знаю... На тебя, пожалуй.

— Именно. Виноваты уроки французскаго языка, и мои разказы о Бенвенуто Челлини да о Тиціанѣ. Я отвѣчала Любенькѣ, что уроки я давала въ продолженіи пяти мѣсяцевъ, а она цѣлыхъ двадцать лѣтъ толковала дѣтямъ, что дважды-два пять.

— Какъ же ты добровольно согласилась слушать, въ теченіи полутора года, толки о томъ, что $2 \times 2 = 5$?

— Мнѣ хотѣлось попробовать жить какъ живутъ другіе; я старалась вникнуть въ интересы мелочной, ежедневной, дѣловой жизни, но ничего не добилась. Меня тянуло въ другой міръ; передо мной сталъ мелькать образъ совершенно чуждой той средѣ, въ которую я попала. Пойду бывало въ поле; кажется, думаю о дѣлѣ, о томъ какъ Любенька соберетъ свою гречиху и отправитъ ее въ Москву, и вдругъ ни съ того ни сего вспомню объ Ардабьевѣ. Да! я стала его любить именно тогда, когда мнѣ не было, повидимому, ни малѣйшаго повода вспомнить о немъ. Въ послѣдствіи онъ мнѣ часто говорилъ...

— Ахъ! будетъ о немъ, перебила Анна.— Дай отдохнуть на другомъ образѣ. Маша, утомится ли когда-нибудь твоя способность любить людей *quand tette*?

— Какая нетерпимость! съ досадою возразила Марья Петровна.— Она тебя доведетъ до сухости.

— Нѣтъ! Я строга, потому что избалована. Въ своемъ выборѣ я не ошиблась. Оставь мнѣ право гордиться имъ.

Она пожала руку своей пріятельницѣ и отвернулась, чтобы скрыть слезы выступившія на ея глазахъ. Маша бросилась ее обнимать, Анна зарыдала.

— Анна, сказала Марья Петровна, давь ей наплакаться, — ты мнѣ писала, что видѣлась съ нимъ?

— Вотъ уже пять лѣтъ, какъ мы опять стали изрѣдка видаться. Я узнала, что умерла его дочь, не выдержала и отпра-

всталась къ нимъ. Мы еще любили другъ друга, но его любовь уже походила на дружбу, онъ постарѣлъ: въ волосахъ проби- валась сѣдина, и моя молодость миновалась; но мы оба ожили при свиданьи. Года разлуки Константинъ провелъ въ стро- гомъ одиночествѣ; для него, кромѣ той, которую онъ любилъ, не было женщинъ на свѣтѣ. Подлюбивъ такого человека, я выучилась жить непоколебимою вѣрой въ него, мыслью, что онъ меня любить... Семнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я простилась съ нимъ въ залѣ, и жутко мнѣ, и пусто бываетъ въ моемъ уединенномъ уголкѣ, а сердце однако вздрогнетъ отъ радости при стукѣ его шаговъ, или при видѣ его почерка. Да, Маша, мы съ тобой стремились къ одной цѣли; мы такъ созданы, что для насъ жизнь безъ любви была невозможна, но жизнь намъ не удалась... Ни ты, ни я, мы не помирились съ посредственнымъ счастьемъ; ты страдала, потому что не нашла счастья полного, а я потому что нашла, да оно меня только подразнило. Я ни минуты не жалѣла о томъ, что всею пожертвовала. Констан- тину. Теперь для насъ обоихъ въ жизни мало радостей, да мы на нихъ и не разчитываемъ; мы дѣлимъ одни летучія, ежедневныя впечатлѣнія, но и ихъ завиднѣе дѣлить съ нимъ нежели съ другимъ все сокровища молодости. Придутъ года; и я старушкой все еще буду гордиться названіемъ его друга. Вотъ эта законная гордость незнакома тебѣ, Маша.

Марья Петровна грустно покачала головой. Она не хотѣла возражать, но живо представилось ей воображенію дѣвичья, суровая комната Анны... Ей казалось, что самый характеръ Анны отзывался чѣмъ-то жесткимъ, рѣзкимъ. Въ ней чув- ствовался недостатокъ полного, нравственнаго развитія, совер- шающагося для женщины подъ вліяніемъ любимаго человека; любовь развила ее болѣзненно, и обрекая на одиночество, не давала исхода ея страстнымъ чувствамъ. Въ кружкѣ ея зна- комыхъ никто не умѣлъ оцѣнить ее какъ слѣдуетъ, она из- бѣгала короткости и непринужденности, къ которымъ смо- лоду приучаетъ женщину пріятельскій кружокъ мужа. Всю жизнь свою Анна посвятила одному чувству въ ущербъ дру- гимъ; о ней отзывались съ уваженіемъ, но безъ теплаго со- чувствія короткости.

Вся эта жизнь, лишённая наслажденій домашняго очага, мелькнула передъ глазами Марьи Петровны.

— Нечего намъ завидовать другъ другу, замѣтила она. — Ты

осталась безупречна и чиста какъ ребенокъ; на моей совѣсти лежить много ошибокъ, а въ итогѣ кто изъ насъ счастливѣй?.. Богъ знаетъ!

Она крѣпко пожала руку Аннѣ Федоровнѣ.

На какихъ-то часахъ пробило семь.

— Неужели? Семь часовъ! сказала Анна.—Мы заговорились, а Николай Дмитріевича еще нѣтъ. Куда онъ дѣвался?

— Я сама понять не могу, отвѣчала Марья Петровна.—Что это значить?

— Ужь не случилось ли съ нимъ чего-нибудь?

Подождали еще четверть часа, потомъ пошли на встрѣчу къ Николаю Дмитріевичу, но его не было видно даже вдаль. Анна Федоровна начала беспокоиться: въ письмѣ, порученномъ вздыхателю Марьи Петровны, лежалъ ломбардный билетъ.

Пропадетъ Николай Дмитріевичъ еще не бѣда, а билетъ— другое дѣло.

— Что же, сказала Марья Петровна,—мы теперь ужь на полдорогѣ; чѣмъ тебѣ беспокоиться, дойдемъ до дачи Туманской, узнаемъ о моемъ печальномъ рыцарѣ.

Анна согласилась.

IV. ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА ТУМАНСКАЯ.

Но съ Николаемъ Дмитріевичемъ ничего печальнаго не случилось. Весело шагая по направленію дачи интересной вдовы, онъ обдумывалъ свою пріветственную фразу, и заранѣе радовался при мысли о параллели, которую онъ проведетъ между Туманской и Марьей Петровной; а Марья Петровна онъ собирался подробно донести въ послѣдствіи о своихъ впечатлѣніяхъ.

Отыскавъ дачу, Николай Дмитріевичъ вошелъ въ садъ, и очутился противъ самаго балкона, на которомъ сидѣли двѣ женщины; одна молодая, красивая брюнетка, очень скромно одѣтая, другая старая и безобразная, въ нарядномъ розовомъ платьѣ и съ розовыми лентами на чепцѣ.

— Позвольте узнать, началъ Николай Дмитріевичъ,—не эта ли дача Прасковьи Андреевны Туманской?

— Вамъ угодно меня видѣть? Прошу васъ войти на балконъ, медленно и слегка картава, сказала молодая женщина.

« Я ее знаю... эту красавицу, думалъ Николай Дмитриевичъ, вотъ случай!»

— Ne vous dérangez pas Mme de Saint-Maurg, сказала Туманская старухъ, которая, встрѣтивъ съ пріятливою улыбкой Николая Дмитриевича, собиралась отодвинуть свое кресло.

Николай Дмитриевичъ подалъ письмо, которое Прасковья Андреевна прочла.

— Позвольте мнѣ вамъ дать росписку, сказала она, взявъ со стоящаго передъ ней столика перо и листъ бумаги.

Николай Дмитриевичъ подалъ свою визитную карточку; красавица на нее взглянула и задумалась, какъ будто стараясь что-то припомнить.

— Мое имя вѣроятно изгладилось изъ вашей памяти, Прасковья Андреевна, сказалъ Николай Дмитриевичъ,—но мнѣ стоило на васъ взглянуть, чтобъ припомнить *déjeuner dansant* въ Собраніи... Я былъ вамъ представленъ, и съ тѣхъ поръ имѣлъ счастье нѣсколько разъ съ вами встрѣчаться...

— А! помню, отвѣчала Прасковья Андреевна;—да, теперь я очень помню.

— На васъ было тогда бѣлое платье, и вѣнокъ изъ васильковъ, сказалъ Николай Дмитриевичъ.

— Съ тѣхъ поръ много воды утекло, съ отбѣнкомъ грусти отвѣчала Прасковья Андреевна.

Она нагнулась на лежавшій передъ нею листъ бумаги, и написала росписку.

— Вамъ кажется очень жарко, замѣтила она пріятливымъ и добрымъ голосомъ:—Вы пришли пѣшкомъ. Не хотите ли стаканъ лимонаду?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ по-французски.

— Il y a de la limonade au buffet, je vais en chercher, услужливо сказала Mme de Saint-Maurg. Она рада была придратъся случаю выпить также стаканъ лимонаду, и съ живостью, не свойственною ей лѣтамъ, вскочила со стула и вошла въ домъ.

Mme de Saint-Maurg была лицо типическое: родилась она въ Парижѣ, за нѣсколько лѣтъ до французской революціи, принадлежала къ старинной дворянской фамиліи и, въ честь Маріи Антуанеты, своей крестной матери, была названа Антуанетой. (Въ Россіи, неизвѣстно почему, ее стали звать Шарлотой Антоновной.) На четырнадцатомъ году отъ роду она вышла замужъ за тридцати-пяти-лѣтняго, богатаго и

страстно въ нее влюбленнаго чловѣка. Красота ея, а можетъ-быть и положеніе мужа открыли ей доступъ ко двору Наполеона, о которомъ она бредила до преклонной старости, никогда не пропуская случая повторить какое-нибудь слово, сказанное ей мимоходомъ императоромъ, или развѣдать о томъ какъ Полина Боргезе учила ее повязывать косынку *à la créole*. Скандальная хроника передала намъ многія подробности о молодости *Mme de Saint-Maurg*, но мы ограничимся одними достоверными фактами. Время Имперіи было блистательною порой въ ея жизни: она кружилась въ вихрь праздниковъ Тюльери и Фонтенбло, проживалась, и между тѣмъ приживала безчисленное семейство; у ней было девять чловѣкъ дѣтей, которымъ готовилась незавидная будущность. Подъ сорокъ лѣтъ, *Mme de Saint-Maurg* была еще красавицей; ей еще хотѣлось пожить, но жить уже было нечѣмъ, и она придумала отправить своего мужа въ Америку, *pour y faire fortune*, но афера не удалась. Добравъ до мѣста, несчастный супругъ схватилъ желтую горячку и умеръ; однако *Mme de Saint-Maurg* не упала духомъ. Случай ей поспѣлъ на выручку. Имперія пала; красивая вдова была еще въ траурѣ, когда союзныя войска вступили въ Парижъ, и герой эпохи, императоръ Александръ, своею красотой и рыцарскою репутаціей обворожилъ Французовъ и въ особенности Француженокъ. *Mme de Saint-Maurg* нашла случай обратиться къ нему съ какою-то просьбой о старшемъ своемъ сынѣ; рыцарь-императоръ поцѣловалъ у ней руку, и обѣщалъ принять ея сына на русскую службу. Много смѣлыхъ надеждъ возникло въ сердцѣ вдовы; она, вслѣдъ за государемъ, собралась въ Петербургъ, и, надо отдать справедливость ея материнской заботливости, она не забыла захватить съ собою сына... Но бѣдный юноша не вынесъ суроваго климата и умеръ; вѣроятно сердце матери не оказалось бы неутѣшнѣе сердца супруга, но надъ *Mme de Saint-Maurg* разразился другой, неожиданный ударъ. Какъ скоро рушились надежды заманившія ее въ Петербургъ, она соорудила новый планъ, и полиція перехватила болѣе или менѣе подозрительныя письма, адресованныя къ ней ея парижскими друзьями. Француженка получила приказаніе выхзть изъ Россіи, но обратилась къ одному изъ приближенныхъ императора, который выхлопоталъ ей позволеніе переселиться въ Москву, гдѣ она открыла пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ. Дѣло пошло на ладъ. Многія аристократическія дѣвицы

были вѣрены попеченію новопріѣзжей любезной Француженки; и она зажила опять въ огромномъ отлично-меблированномъ домѣ. Здѣсь, подъ предлогомъ танцевальныхъ уроковъ, два раза въ недѣлю, ярко освѣщенные залы наполнялись посетителями; оецианты разносили дорогія конфеты и напитки; сама хозяйка, въ пухъ разряженная и уже слегка подрумяненная, обходила рядъ гостей и улыбалась имъ своею граціозною, привѣтливою, французскою улыбкой; рядомъ съ *Mme de Saint-Maurg* являлась ея дочь, молодая вдова, красавица, съ большими черными глазами и тупымъ выраженіемъ лица. На слѣдующій день, у подѣзда пансіона, появлялась щегольская карета, на которой красовался гербъ *Saint-Maurg'овъ*,—и мать съ дочерью отправлялись съ визитами.

Но увы! не проченъ былъ этотъ блескъ. Въ одно прекрасное утро разнесся по городу слухъ, что пансіонъ распущенъ, а *Mme de Saint-Maurg* сидитъ въ ямѣ за долги. Французская колонія выручила свою соотечественницу, которая, по выходѣ изъ тюрьмы, завеза новый пансіонъ, не долго впрочемъ державшійся; онъ былъ закрытъ полиціей, и Москва заговорила о какой-то скандальной исторіи...

Затѣмъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, *Mme de Saint-Maurg* жила гувернанткой въ богатыхъ домахъ; характера она была самага уживчиваго и ровнаго, однако ей нигдѣ не удалось устроиться прочно. Дѣло въ томъ, что говорить она была мастерица, но писала не безъ ошибокъ. Послѣ многихъ неудачъ, она нанала себѣ двѣ комнаты на Зубовскомъ бульварѣ, и давала уроки по часамъ, большею частію въ купеческихъ домахъ, и такимъ образомъ вырабатывала рублей до двадцати въ мѣсяцъ. Дѣтей своихъ она всѣхъ похоронила, и красавицу дочь, и сыновей, и внучать, и осталась одна безъ рода, безъ племени, почти безъ крова, живою развалиной среди забытыхъ могилъ. А все-таки продолжала себѣ жить Шарлота Антоновна въ свое удовольствіе, тратя на щегольство и прихоти выработанныя деньги. О своихъ комнатахъ она говорила: *mon appartement*; носила шелковыя платья, употребляла духи, и за завтракомъ не могла обойтись безъ сардинокъ и лаента. На такіе расходы, разумѣется, не ставало ея скудныхъ средствъ, но въ числѣ ея прежнихъ ученицъ были добрыя и богатыя женщины, и она эксплуатировала ихъ безъ зазвѣнія совѣсти.

Года наложили на Шарлоту Антоновну свою неумолимую

печатъ. Старуха смотрѣла сказочною колдуньей. На лбу, у самаго начала волосъ, она носила бархатную ленту, которая немилосердо стягивала ея кожу, и отчасти скрывала безчисленное множество морщинъ, изсѣкавшихъ ея лобъ. Брови ея давно вытѣли и замѣнились нарисованными, но невѣрная рука Шарлоты Антоновны проводила ихъ иногда на два пальца выше надлежащаго мѣста. Римскій носъ все болѣе и болѣе склонялся къ острому подбородку, en casse-noisette; румянецъ игралъ во всю щеку и приносилъ честь магазину Бунса; только съ старческою сутуловатостію не могла справиться Шарлота Антоновна. Впрочемъ, умѣренная полнота старухи, завидный аппетитъ, живость движеній, постоянная веселость, обличали несокрушимое здоровье.

По воскресеньямъ она гостила у бывшей своей ученицы Полины Туманской и никогда не возвращалась домой, не выпросивъ нѣсколько цѣлковыхъ, кой-чего съѣстнаго, или наконецъ поношенной мантили, батистовыхъ платковъ, сткланки духовъ и т. п. Въ разговоръ Шарлота Антоновна вносила мало разнообразія, хотя невозможно было отказать ей ни въ умѣ, ни въ хитрости, ни въ умѣни говорить. За исключеніемъ нѣкоторыхъ романовъ, знаменитыхъ въ ея молодости, она ничего не читала, и когда рѣчь заходила о литературѣ, она смѣло рекомендовала «l'Heureux accident de Saint-Lamberg», книгу, привезенную ею изъ Парижа въ 1816 году. По русски, несмотря на сорокачетырехъ-лѣтнее пребываніе въ Россіи, она не говорила вовсе, или говорила такъ мудро, что одна смѣтливая голоча нашего простолюдина была способна ее понять.

Между тѣмъ какъ Mme de Saint-Maurg отправилась за лимонадомъ, на балконѣ завязался живой разговоръ. Оказалось, что Николай Дмитріевичъ въ первой молодости знавалъ мужа Прасковьи Андреевны; это обстоятельство сейчасъ же расположило въ его пользу милую вдову. Вслѣдъ за лимонадомъ появились на столѣ ягоды и сливки.

— Дмитрія всѣ любили, замѣтила Прасковья Андреевна, — онъ былъ такъ добръ! Передъ смертію онъ мнѣ часто говорилъ: «ты еще такъ молода, что можешь выйти замужъ и быть счастливой, эта мысль единственное мое утѣшеніе». Не многихъ, сознайтесь, утѣшила бы такая надежда; но онъ никогда не думалъ о себѣ.

У ней навернулись слезы на глазахъ, а Николай Дмитріевичъ

вить слушать, забывъ даже о стоявшемъ передъ нимъ блюдѣ крупной и душистой малины.

— Это отсутствіе эгоизма, замѣтилъ онъ, — доказываетъ не только сильную любовь, но и замѣчательное умственное развитіе... Однако эгоизмъ въ любви иногда нравится женщинамъ. На дняхъ одна очень умная женщина (онъ думалъ о Марьѣ Петровнѣ) говорила мнѣ, что она полюбила бы Шиллера за одно слово Амалии въ разбойникахъ. Когда ей показываютъ поддѣльное завѣщаніе Карла Мора, въ которомъ онъ ее проситъ выйти замужъ, она вскрикиваетъ: «онъ меня никогда не любилъ.»

— Какая экзальтація! съ улыбкой замѣтила Прасковья Андреевна.

— Это, если хотите, тоже проявленіе чувства... Вѣдь въ женщинахъ столько разнообразія! Вы можетъ-быть знаете, что разныхъ сортовъ розановъ считаютъ до шести сотъ, и всѣ хороши. Я бы ихъ сравнилъ съ женщинами, еслибы сравненіе не устарѣло.

— Ахъ! какъ вы это хорошо сказали, замѣтила Полина. *Mme de Saint-Maurg n'est ce pas que c'est joli?*

И она перевела на французскій языкъ сравненіе Николая Дмитриевича.

— *Oh! comme c'est joli*, подхватила Шарлота Антоновна. — *Eh bien! il y a du génie dans cette pensée-là. Voyons, répétez moi cela, ma chère Pauline.*

Полина повторила, и *Mme de Saint-Maurg* принялась восхищаться. Полина представила Француженкѣ Николая Дмитриевича, какъ стараго пріятеля покойнаго Туманскаго, а о ней сказала: «*Mme de Saint-Maurg* испытала много горя, и перенесла всѣ испытанія съ большой философией.»

— *Ah! oui, ce n'est pas ce qui m'a manqué—les revers*, подтвердила старуха. — *Mais résignons nous à la volonté de Dieu... la récompense n'en sera que plus belle.*

— *C'est bien vrai*, отозвалась Полина.

— *Permettez moi de vous servir, ma chère Pauline*, прибавила Шарлота Антоновна, накладывая малины на тарелку. — *Et monsieur...* — А между тѣмъ Шарлота Антоновна думала про себя: «Она такъ глупа, что не сумѣетъ даже поккетничать съ этимъ красивымъ молодымъ человекомъ.»

Дѣйствительно кекетничать съ Николаемъ Дмитриевичемъ не

приходило на умъ Полинѣ, но онъ ей очень пришлось по душѣ. Съ своей стороны, онъ не былъ свѣтскимъ человѣкомъ и не умѣлъ ухаживать за женщинами. Въ тридцать лѣтъ онъ ихъ такъ же мало зналъ и такъ же ими восхищался какъ въ восемнадцать. Каждое его слово отличалось искренностію, если не оригинальнію. Прасковья Андреевна сейчасъ же поняла и оцѣнила это. Не зная дѣтъ угостить своего посѣтителя, она предложила прогулку.

«Марья Петровна и пріятельница ее просили меня не торопиться, подумалъ Николай Дмитріевичъ. Онъ, я чай, не наговорятся; спѣшить мнѣ не къ чему, » и онъ согласился на предложеніе. Полина надѣла шляпку «мускетеръ» и слегка оперлась на руку Николая Дмитріевича; а за ними, распутивъ зонтикъ, поплелась Шарлота Антоновна.

На дворѣ, подъ навѣсомъ, напоминающимъ постоянные дворы, стояла большая рыжая корова; ее доила крестьянка въ сарафанѣ и въ синемъ повойникѣ.

— Здравствуй, Дарья, сказала ей Прасковья Андреевна, — здравствуй, рыженькая, продолжала она, обращаясь къ коровѣ и останавливаясь, чтобъ ее погладить.—Я тебѣ не принесла гостинца, сегодня забыла... Эта вина на вашей душѣ, Николай Дмитричъ, и бѣлая рука Полины ласково трепала шею и блестяшіе на солнцѣ, полные бока рыженькой.

Эта группа напоминала картины Вандеръ-Вельда.

— Oh! Quel ravissant tableau vous faites-là ma chère Pauline! воскликнула Шарлота Антоновна.—Et tenez, pour bien entrer dans votre rôle de fermière vous allez me donner un verre de crème.

Полина, какъ настоящая хозяйка, любила угощать. Она взялась смотрѣть за рыженькой, между тѣмъ какъ Дарья спустилась въ погребъ и вынесла на ладонѣ стаканъ густыхъ сливокъ, который Шарлота Антоновна проглотила какъ стаканъ воды, между тѣмъ какъ Дарья смотрѣла на нее съ недоброжелательствомъ и любопытствомъ.

— Вы любите заниматься хозяйствомъ, Прасковья Андреевна? спросилъ Николай Дмитріевичъ, когда они вышли изъ воротъ въ поле.

— Очень; за то я никогда не окучаю; столько занятій! Дмитрій всегда говорилъ, что я хорошая хозяйка.

— Однакожъ вы занимаетесь и другимъ, читаете напри- мѣръ?

— Конечно. Переѣзжая сюда, я запаслась книгами. Вы вѣрно знаете *Женю Куге* и комедіи Скриба. Это мой любимый авторъ. Въ немъ столько чувства, не правда ли?

Николай Дмитриевичъ, нѣсколько озадаченный литературнымъ мнѣніемъ Прасковьи Андреевны, замедлилъ отвѣтомъ, но она сама же вывела его изъ затрудненія.

— Впрочемъ до Скриба ли вамъ? сказала она, граціозно махнувъ рукой.—Вы, умные люди, читаете все ученые и серіозныя книги.

— А развѣ вы не любите серіозныхъ книгъ? спросилъ съ улыбкой самодовольствія Николай Дмитриевичъ.

— Я ихъ не пойму.

— Если моя просьба вамъ не покажется не скромною, позвольте мнѣ вамъ прочесть вслухъ серіозную книгу, и я ручаюсь, что вы поймете.

— А если вы проиграете пари?

— Выиграю! настоялъ Николай Дмитриевичъ:—такъ вы позволите?

— Тѣмъ охотнѣе, что я очень люблю слушать чтеніе за работою.

— Прекрасно! Мы начнемъ съ Гоголя. Его-то вы знаете?

— Давно читала... онъ мнѣ показался немного тривіаленъ.

— Онъ вамъ тривіальнымъ не покажется. Вы будете смѣяться и плакать.

— Это будетъ очень пріятно.

Они дошли болтая до березовой рощи, и тогда только замѣтили, что они давно опередили Шарлоту Антоновну. Ея розовое платье мелькало вдали на дорогѣ. Надо было дожидаться, и Полина сѣла рядомъ съ Николаемъ Дмитриевичемъ на стволъ срубленной березы. Такъ хорошо было ему съ молодою женщиной, что онъ забылъ и думать объ ожидавшей его Марьи Петровнѣ.

«Вотъ женщина, которая умѣетъ вызвать на разговоръ,» наввно думалъ онъ, любясь развитымъ станомъ Полины и красивою ея головкой, поднятою вверхъ. Она въ это время что-то внимательно разсматривала между вѣтвями высокихъ деревь.

— Чтò это вы разсматриваете? спросилъ онъ ее.

— Я? сказала Полина:—я съ дѣтства любила гнѣзда и собирала ихъ, когда птички, оперившись, оставляли ихъ на вѣтвяхъ. Я не

могу налюбоваться этою работой. Мнѣ кажется, что легче плести кружево нежели сдѣлать гвѣздушко. Не правда ли? Вонъ одно, видите, тамъ...

Глаза Николая Дмитріевича поднялись по направленію руки Полины.

— И вамъ хочется этого гвѣзда? спросилъ онъ, вставая и тономъ чловѣка, который рѣшился на подвигъ.

— Да... хочется, не рѣшительно отвѣчала она.

— Я его достану.

— Вы шутите... полноте, что вы это говорите? Я не ребенокъ, настаивала она, между тѣмъ какъ онъ подошелъ къ дереву, и съ низу до верху осматривалъ его вѣтви.

— *Mais voyez donc ce qu'il va faire, Madame de Saint-Maurg*, сказала Полина, испуганная не на шутку опасностью, которой подвергался Николай Дмитріевичъ.

— *Mais c'est charmant. Eh bien! C'est tout-à-fait français*, рѣшила Шарлота Антоновна.

Важность, которую Полина придавала этому дѣлу и даже слово Шарлотты Антоновны сильно подстрекнули самолюбіе Николая Дмитріевича. Онъ началъ карабкаться на дерево, и, разумѣется, воздушное его путешествіе не обошлось безъ восклицаній ебѣихъ женщинъ, слѣдившихъ за нимъ глазами.

— Ради Бога осторожьтѣ! говорила Полина.

— *Ah!* вскрикнула *Mme de Saint-Maurg*, съ ужасомъ отвращиваясь, и дѣлая жестъ рукой, какъ будто отталкивала невидимый призракъ.

Добравшись до верхушки дерева, Николай Дмитріевичъ досталъ гвѣздо и торжественно поднималъ его вверхъ.

— Бросьте его, сказала Полина подставляя руки,—а то вамъ неловко будетъ спускаться.

— Оно изомнется, отвѣчалъ онъ,—есть другое оредство.

Онъ осторожно завязалъ гвѣздо въ носовой платокъ, а узелъ ухватилъ зубами. Такимъ образомъ онъ началъ спускаться и, прыгнувъ на землю, подалъ свою добычу Полинѣ.

— *C'est un homme digne de vos beaux yeux, ma chère Pauline*, замѣтила *Mme de Saint-Maurg*.—*J'aurais dit que Monsieur est adroit comme un page, s'il n'avait gagné ses éperons de chevalier.*

Полина покраснѣла до ушей, и стыдливо протянула руку Николаю Дмитріевичу. Милая вдова держалась такъ сдержанно

и такъ мало было въ ней желанія нравиться и привлекать вниманіе, что несмотря на ея красоту, за ней не знали поклонниковъ. Мужа своего, человѣка дюжиннаго и ограниченнаго, она искренно любила и искренно оплакивала его. Горе ей питалось впрочемъ частыми разговорами о добродѣтеляхъ покойника и строгимъ соблюденіемъ вдовихъ обязанностей: она поминала мужа въ церкви, на вечерней и утренней молитвѣ, нѣсколько разъ въ годъ служила по немъ панихиды, а нищимъ, подавая щедрую милостыню, наказывала молиться о его душѣ. Съ младенчески-чистою совѣстью засыпала она, утѣшенная мыслью, что все ею сдѣлано какъ слѣдуетъ. Миръ ея ограничивался домашнимъ кружкомъ, а воображеніе не влѣкло далѣе.

— Выходи замужъ, Поля, говорила ей иногда свекровь, любившая ее какъ дочь.

— Или я вамъ надоѣла, татап? отвѣчала шутя Полина.— Случно мнѣ что ли, или дѣла мало?..

Дѣйствительно, дѣла было много, и дѣло спорилось подъ ея руками. Для развлеченія отъ хозяйственныхъ заботъ, она вела учителя музыки; выборъ палъ на какого-то урода, рыжаго и рябаго, который могъ съ равнымъ успѣхомъ и музыкѣ учить, и на огородахъ воронъ пугать.

— Смотри, Поля, не влюбись въ этого красавца, говорила свекровь.

Полину очень разсмѣшила эта шутка, и пошла шутка въ гору. Въ семействѣ ей хоромъ совѣтовали надѣвать во время урока зеленые очки для предохраненія отъ соблазна. Двуродный братецъ, острякъ, прислалъ ей даже въ день именинъ абажуръ изъ зеленой тафты. Богъ знаетъ, почему въ ту минуту, какъ Николай Дмитріевичъ подалъ ей гнѣздо, обтирая платкомъ свое красивое лицо, разгорѣвшееся отъ жара, и *Mme de Saint-Maur* наградила его рыцарскими шпорами, Полина вспомнила объ учителѣ музыки, и контрастъ такъ поразилъ ее, что вмѣсто того чтобы разсмѣяться, она вспыхнула.

Въ свою очередь Николай Дмитріевичъ сконфузился, улыбнулся, и не смѣлъ поцѣловать протянутую ему ручку. Но его смущеніе скоро замѣнилось несвойственнымъ одушевленіемъ. За то Полинѣ наоборотъ становилось все болѣе и болѣе не по себѣ. Ей даже пришло въ голову, что она поступила слишкомъ без-

церемонно и необдуманно, отправившись гулять съ едва-знакомымъ молодымъ человѣкомъ, какъ могла бы пойти съ родственникомъ или старымъ пріятелемъ. Боясь на него взглянуть, она занялась гнѣздышкомъ, стала пристально его разсматривать, расправляя его своими тонкими пальцами и сдувая съ него пыль.

— Еслибы съ вами что-нибудь случилось, я бы себя никогда не простила, сказала она по-французски, несмотря на то, что Николай Дмитриевичъ не свободно выражался на этомъ языкѣ.

— А я бы былъ этому радъ, отвѣчалъ онъ,—по крайней мѣрѣ, вамъ было бы за что меня благодарить.

Madame de Saint-Maurг сдѣлала жестъ, который можно было перевести восклицаніемъ: «c'est charmant!» и улыбнулась молодой четѣ. Выходка ея показалась неприличною Полинѣ, которая на нее взглянула довольно холодно. Въ эту минуту ударили ко всеобщей.

— Не хотите ли посмотреть нашу церковь, Николай Дмитриевичъ? спросила Полина:—я пойду ко всеобщей.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ, не давъ ей договорить.

— Ah, là voilà bien, ma petite religieuse, замѣтила M-me de Saint-Maurг, которой хотѣлось возстановить себя въ глазахъ строгой вдовы.—Allez, allez, mon enfant, déposez vos hommages aux pieds de notre Seigneur.

И Шарлотта Антоновна взялась тѣмъ временемъ похлопотать дома о чаѣ.

Церковь была низенькая и темная, полусвѣтъ придавалъ ей таинственный видъ, приличный храму Божію; все прекрасное и духовное любить таинственность: любовь, вдохновеніе, религія.

Полина стала у окна, въ сторонѣ, подальше отъ зоркаго взгляда своего духовника, отца Василія. Женскимъ инстинктомъ она понимала, что Николай Дмитриевичъ пришелъ въ церковь только для того чтобъ быть съ нею, и такого грѣха она неволью стыдилась, тѣмъ болѣе что ввела сама своего рыцаря въ искушеніе.

На этотъ разъ главный недостатокъ нашего героя, отсутствіе такта, не только ему не повредилъ, но такъ подвинулъ его дѣла, что ему позавидовалъ бы любой волокита. Онъ

оставался возлѣ Полины потому только, что не угадывалъ ни одного изъ тѣхъ чувствъ, которыя уже нѣсколько разъ заставляли ее покраснѣть. Сквозь облако дыма, наполнявшаго церковь, онъ смотрѣлъ на прекрасное лицо Полины, которую смущалъ его добродушный, симпатическій взглядъ.

«Онъ такой добрый и милый, думала Полина, что нѣтъ возможности на него сердиться. Что однако обо мнѣ подумаетъ?.. Онъ со мной едва знакомъ... Вотъ и теперь на меня смотритъ, глазъ не спускаетъ... Узнаютъ объ этомъ черезъ Шарлоту Антоновну, и Поль Туманскій начнетъ острить на мой счетъ, а я буду краснѣть какъ дура!»

Когда взглядъ ея подымался къ образамъ, онъ принималъ такое чистое выраженіе, что Николай Дмитриевичъ думалъ:

«Какъ усердно она молится! Должно-быть такъ молилась Гретхенъ... Но въ этой женщинѣ болѣе нравственныхъ задатковъ чѣмъ въ Гретхенъ. Я убѣжденъ, что Гоголь ей понравится.»

И нѣсколько не подозрѣвая, что онъ игралъ роль Меенстофера, Николай Дмитриевичъ продолжалъ на нее глядѣть во все глаза.

— Вы не молитесь? сказала Полина, неожиданно обернувшись къ нему.

— Я глядѣлъ на васъ, отвѣчалъ Николай Дмитриевичъ, — и мнѣ казалось, что вы молитесь за всѣхъ страждущихъ...

Полина опять покраснѣла и, убѣдившись что ей не придется спокойно отслушать всемогущую, рѣшилась возвратиться домой послѣ чтенія Евангелія. Николай Дмитриевичъ вышелъ изъ церкви вслѣдъ за ней и на паперти подалъ ей руку.

Между тѣмъ Шарлота Антоновна добралась до дому, приказала готовить самоваръ къ восьми часамъ, потомъ расположилась въ саду на скамейкѣ и сладко задремнула. Ее разбудилъ лай собаки; старуха открыла глаза, и не безъ удивленія увидѣла двухъ женщинъ, стоявшихъ противъ нея.

— Вы насъ не узнаете? спросили онѣ.

Но память не измѣнила Шарлотѣ Антоновнѣ и, хотя на ея глазахъ выросло и вымерло нѣсколько поколѣній ученицъ, не было примѣра, чтобъ она не узнавала тѣхъ, «*qu'elle avait eu le bonheur de guider de ses conseils*». Марью Петровну и Анну Федоровну она не видала цѣлыхъ семнадцать лѣтъ, но сей-

часть же протянула имъ руки, увѣряя, что милыя ея ученицы не только не постарѣли, но даже значительно похорошѣли съ тѣхъ поръ какъ она потеряла ихъ изъ виду.

Марья Петровна обрадовалась ей, какъ обломку прекраснаго далекаго, и принялась вспоминать о своихъ молодыхъ дняхъ, о томъ, какъ она была рѣзвою и вѣтреною дѣвочкой и *Mme de Saint-Maurg* называла ее «*un mauvais sujet*», и какъ она вдругъ стала задумываться, ходить тише, перестала рвать платья, терять платки и начала заниматься своею прической.

Шарлота Антоновна вторила этимъ воспоминаніямъ, и коснувшись превратности судебъ, кетати спросила знаетъ ли Марья Петровна, что она похоронила послѣднюю дочь, за *rauvge Clotilde*?

— Боже мой, отозвалась Марья Петровна.—А вашъ сынъ?

— *Mon rauvge Jules?*.. *Mort!* отвѣчала старуха, опуская голову на грудь и комически поднимая обѣ руки къ небу.

— Боже мой, съ ужасомъ повторила Марья Петровна, не вѣря собственнымъ глазамъ и оглядывая съ головы до ногъ бодрю, нарумяненную старуху.

Вслѣдъ за воспоминаніемъ о смерти дѣтей *Mme de Saint-Maurg* принялась разказывать длинную, плачевную, запутанную исторію, которую заключила словами:

— *Cinq salkoff* me tireraient d'affaire. A vous deux se ne serait pas grand'chose.

Марья Петровна вынула свой портъ-моне и подала старухѣ десятирублевую ассигнацію, но Анна сказала скороговоркой и по-русски своей пріятельницѣ:

— Моего адреса она не узнаетъ. Мои нищіе не носятъ розовыхъ платьевъ и не употребляютъ пачули.

— Мы бы желали видѣть г-жу Туманскую, прибавила она, обращаясь къ Шарлотѣ Антоновнѣ.

Шарлота Антоновна разказала о посѣщеніи Николая Дмитриевича, о прогулкѣ въ рошѣ, о рыцарскомъ подвигѣ поклонника Марьи Петровны.

— Bravo! да это прекрасно! сказала Марья Петровна.—Да гдѣ же они теперь?

Шарлота Антоновна отвѣчала, что они въ церкви и прибавила:

— *Oh! nous ne manquons pas une messe, nous mangeons de la grïbouille* une partie de l'annèe. (Такъ она называла грибной

столъ.) Vous ne croyez pas à ces bêtises, vous autres? N'est-ce pas, mes enfants?

— Анна, сказала Марья Петровна, не скрывая своей радости, — кажется мой върный рыцарь мнѣ измѣняетъ! Вотъ отъ души желаю ему успѣха. Да вотъ онъ и самъ, если не ошибась... О! да его выборъ дѣлаетъ ему честь!

Нашего героя не много сконфузила неожиданная встрѣча съ обѣими пріятельницами; но онъ обошлся съ ними такъ мило и просто, что онъ сейчасъ же успокоился. Женщины очень скоро познакомились. Полина пригласила своихъ гостей на чашку чая.

И вотъ всѣ собрались на балконѣ за чайнымъ столомъ. Лампа, горѣвшая въ гостиной на столѣ, противъ самыхъ дверей, освѣтила разомъ и медальонный портретъ красавицы-бабушки, и группу, устроившуюся на балконѣ ..группу характеристическую. На поблекшихъ преждевременно лицахъ Маши и Анны можно прочесть грустную повѣсть ихъ жизни; полусмущенные, полусчастливыя фizioноміи Николая Дмитріевича и Полины свидѣтельствуютъ о свѣтлой долѣ, ожидающей людей не слишкомъ требовательныхъ и понявшихъ другъ друга. Воображеніе невольно разыгрывалось глядя на нихъ. Ихъ счастье уживается въ томъ маленькомъ раю, въ которомъ Полина съ утра хлопочетъ о своемъ хозяйствѣ, потомъ займется музыкой, потомъ сядетъ за работу и будетъ слушать *serious* чтеніе, съ объясненіями Николая Дмитріевича. Наскучить чтеніе, она отправится къ знакомымъ, а знакомство тѣмъ многочисленнѣе, что наша чета не прихотлива въ выборѣ, весело и привольно имъ живется и надолго, на сколько Господь продлитъ ихъ вѣкъ.

Эта картина безмятежнаго счастья рисовалась передъ глазами Марьи Петровны, съ невольнымъ участіемъ и безъ зависти смотрѣвшей на Полину и Николая Дмитріевича.

Равнодушнѣе смотрѣла на нихъ Шарлота Антоновна. Она улыбалась привѣтливо и бессмысленно, поглощала безчисленное количество чашекъ чая съ бутерь-бротами, и думала о томъ, что вотъ теперъ, по милости ученицъ, ей можно будетъ запастись сардинками и румянами; *la journée est faite*, и Шарлота Антоновна заснетъ спокойно.

Но cadaго изъ нашихъ героевъ пора проводить на ночлегъ. Полина съ кроткою и задумчивою улыбкой всѣмнитъ о

протекшемъ днѣ и подумаетъ о застрашномъ: Николай Дмитриевичъ просилъ позволенія прѣхать..

Что же касается до Николая Дмитриевича, какъ бы онъ крѣпко ни заснулъ, онъ увидитъ Полину во снѣ.

А Марья Петровна и ея пріятельница вернутся домой и долго еще будутъ говорить о томъ, что ими пережито. Факты давно извѣстны имъ, но всего, что у нихъ накипѣло на сердцѣ, онѣ никогда не успѣютъ пересказать другъ другу...

Ольга Н.

ЗАПИСКИ ГИЗО

ИСПАНСКІЯ ДѢЛА; МИНИСТЕРСТВО МОЛЕ И КОАЛИЦІЯ.

Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, par M. Guizot.
Tome IV. 1861 г.

Въ прошедшемъ году мы говорили въ *Русскомъ Вѣстникѣ*¹ о третьемъ томѣ *Записокъ Гизо*, посвященномъ внутренней политикѣ министерства 11-го октября 1832 года. Вновь вышедшій четвертый томъ начинается очеркомъ иностранной политики того же министерства, и затѣмъ объемлетъ собою всю эпоху между началомъ 1836 и началомъ 1840 года, то есть между обоими министерствами Тьера (22 февраля 1836 и 1 марта 1840 года).

I.

Иностранная политика июльскаго правительства, точно также какъ и внутреннее управленіе его, слишкомъ высоко перевозносится одними писателями, слишкомъ безусловно осуждается другими. Одни считаютъ ее идеаломъ политики просвѣщенной, разумной, мирной, ставящей спокойствіе и благосостояніе страны выше минутнаго, непрочнаго блеска, уважающей права

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* 1860 г. октябрь, книжка первая, № 19.

народовъ, святость трактатовъ, неприкосновенность государствъ. Другіе видятъ въ ней только осторожность, доведенную до трусости, забвеніе общихъ интересовъ человѣческаго рода и національныхъ интересовъ Франціи, эгоистическую заботливость объ упроченіи династіи и престола. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что къ послѣднему мнѣнію склоняется или по крайней мѣрѣ склонялось, во время іюльской монархіи, большинство французскаго народа; и этотъ простой фактъ говорить уже, въ известной степени, противъ политики Людовика-Филиппа. Конечно, правительство не должно увлекаться всѣми предрасудками народа, не должно слѣпо раздѣлять всѣхъ его симпатій и антипатій: но идти, постоянно и прямо, въ разрѣзъ съ народнымъ чувствомъ—слишкомъ неблагоприятно, слишкомъ опасно, особенно для правительства новаго, еще не окрѣпшаго, окруженнаго врагами. Событія нѣсколькихъ вѣковъ сдѣлали Французовъ народомъ воинственнымъ, жаднымъ къ военной славѣ; имперія возведа это чувство на степень болѣзненной, непреодолимой страсти. Поощрять его—преступно, но забывать о его существованіи—безразсудно. Развитіе внутреннихъ силъ страны, усовершенствованіе свободныхъ учреждений, требуетъ спокойствія и мира; но оно требуетъ также довѣрія и любви народа къ своему правительству, а такая любовь не пріобрѣтается безъ нѣкоторыхъ уступокъ народному чувству. Притомъ, гдѣ же тѣ внутреннія перемѣны, тѣ коренныя преобразованія общественнаго быта, которыя одни только могли бы примирить народъ съ отсутствіемъ военной славы? Напрасно было бы искать ихъ въ исторіи іюльскаго правительства. Отказавшись весьма рано отъ всякой мысли о реформѣ, оно потеряло послѣднее оправданіе своей инерціи въ дѣлахъ общеевропейскихъ. Возстаніе легитимистовъ и республиканцевъ было подавлено въ самомъ своемъ началѣ; престолъ, повидимому, былъ внѣ опасности; правительство дало почувствовать свою силу всѣмъ внутреннимъ врагамъ своимъ. Тѣмъ менѣе простительною, тѣмъ менѣе понятною казалась странѣ уступчивость его въ отношеніи къ иностраннымъ государствамъ.

Въ чувствѣ, возстановлявшемъ народъ противъ внѣшней политики іюльскаго правительства, было много тщеславія, много мелочности, но была безспорно и своя доля справедливости. Раздраженное самолюбіе Французовъ не могло забыть о Ватерлоо; ложно понятый патриотизмъ заставлялъ ихъ меч-

тать о естественныхъ границахъ, о какомъ-то приращеніи преобладанія Франціи надъ Европой; національные предрасудки противились союзу съ Англіей, предрасудки партій— всякой попыткѣ сближенія съ Пруссіей или Россіей; но бывали случаи, когда за одно съ предрасудками говорилъ разумъ, за одно съ экзальтированнымъ шовенизмомъ—здоровое чувство долга и чести. Французская политика, въ промежутокъ времени между 1830 и 1848 г., руководствовалась, если можно такъ выразиться, двумя различными масштабами, проявлялась въ двухъ различныхъ формахъ. Съ одной стороны, адмиралъ Русселъ врывается въ устье Таго и забираетъ въ плѣнъ португальскій флотъ: маршалъ Жераръ осаждаетъ Антверпенъ, съ согласія всѣхъ остальныхъ европейскихъ державъ; отъ Швейцаріи вооруженною рукою требуется удаленіе Лудовика-Наполеона; французскій флотъ бомбардируетъ Сенъ-Жанъ д'Уллоа. Съ другой стороны, Австрія самовластно распоряжается въ Италіи; ничтожный французскій отрядъ занимаетъ Анкону и оставляетъ ее, безъ всякой пользы для итальянскаго дѣла; занятіе Кракова проходитъ безъ протеста со стороны Франціи; на востокъ союзникъ Франціи предается въ руки враждебныхъ ему державъ; война съ Марокко поспѣшно прекращается въ угоду Англіи. Грозное для слабыхъ, французское правительствѣ вездѣ уступаетъ передъ сильными. Конечно, эта уступчивость не всегда была лишена правильнаго основанія; примирительный образъ дѣйствій Франціи въ отношеніи къ другимъ великимъ державамъ часто оправдывался необходимостью (напр. въ 1840 г., въ такъ-называемомъ восточномъ вопросѣ); но принятая за правило, возведенная въ систему, политика мира во что бы то ни стало (*la paix à tout prix*) представляется явленіемъ ненормальнымъ, незаконнымъ, скажемъ болѣе—возмутительнымъ. Отказаться навсегда отъ употребленія оружія, значить, въ настоящее время, отказаться отъ всякаго вліянія на ходъ событій, отъ всякаго дѣятельнаго сочувствія идеѣ и праву, отъ всякой дѣятельной вражды съ безправіемъ. Еслибы Англія приняла ученіе Брайта, удержала ли бы она за собою ту благотворную роль, которую теперь играетъ въ Европѣ? Могла ли бы она умѣрять честолюбивые порывы Франціи, оказывать могущественную защиту итальянскому дѣлу? Пока еще не настало господство ума надъ силой, пока система аббата де-Сенъ-Пьера остается благородною мечтой, неосуществимою въ дѣйствительности, до тѣхъ

поръ каждое государство, дорожащее своимъ значеніемъ, своею свободой, должно быть готово на отпоръ, въ крайнихъ случаяхъ даже на нападеніе. Слишкомъ большое довѣріе къ идеѣ, не подкрѣпленной силою, часто замедляетъ и затрудняетъ торжество идеи.

Политика Лудовика-Филиппа имѣла еще другой недостатокъ: она не всегда оставалась вѣрною самой себѣ, не всегда логически проводила свои принципы; исключенія, которыя она допускала, вредили ей можетъ-быть еще больше нежели самое правило. Мы уже указали нѣсколько случаевъ, въ которыхъ іюльское правительство прибѣгло къ вооруженной силѣ; мы видѣли, что предметомъ своихъ нападеній оно всегда избирало второстепенныя державы. Отсюда естественно вытекаетъ заключеніе, что миролюбіе іюльскаго правительства было дѣломъ разчета, а не убѣжденія, и при томъ разчета довольно мелкаго и близорукаго. Руководящею нитью своей политики іюльское правительство выставило принципъ невмѣшательства (*non intervention*), но оно нарушило его,—и безъ всякой пользы. Анконскою экспедиціей, оно позволило нарушить его Австріи—въ Италіи, сѣвернымъ державамъ—въ Краковѣ. Среди всѣхъ этихъ противорѣчій, въ политикѣ Лудовика-Филиппа остается только одно постоянное, неизмѣнное стремленіе—облизиться съ законными династіями, заставить ихъ забыть свое революціонное происхожденіе, остановить движеніе возбужденное событіями 1830 года, закрѣпить за своимъ родомъ французскую корону, оградивъ ее въ равной степени и отъ легитимистовъ, и отъ республиканцевъ. Миръ, царствовавшій въ Европѣ между 1830 и 1848 г., во многомъ способствовалъ благосостоянію Франціи: но не благосостояніе Франціи было главною цѣлью Лудовика-Филиппа.

Осуждая внѣшнюю политику іюльскаго правительства въ общемъ ея составѣ, въ главныхъ чертахъ ея, мы не можемъ однако согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ писателей, которые не видятъ въ ней ничего, кромѣ ошибокъ и преступленій. Изъ двухъ крайностей — мира во что бы то ни стало и войны за что бы то ни было и съ кѣмъ бы то ни было, — мы конечно предпочитаемъ первую, и ставимъ политику Лудовика-Филиппа выше политики Лудовика-Наполеона. Но и безъ всякихъ сравненій нельзя не отдать справедливость нѣкоторымъ дѣйствіямъ іюльскаго правительства, нѣкоторымъ сторонамъ его внѣшней политики. Его миролюбіе не всегда

было слабостью и эгоизмомъ; оно было иногда умѣренностію и благоразуміемъ. Доказательствомъ этому можетъ служить образъ дѣйствій французскаго правительства въ отношеніи къ Испаніи, подробно описанный въ IV томѣ *Записокъ Гизо*.

Фердинандъ VII, король испанскій, обнаруживалъ, въ апрѣлѣ 1830 года, актъ, которымъ восстанавливалось уничтоженное Филиппомъ V право наследованія женщинъ, въ случаѣ недостатка прямыхъ наследниковъ мужескаго пола. Французскіе и неаполитанскіе Бурбоны протестовали противъ этой мѣры, несогласной съ ихъ династическими интересами. Лудовикъ-Филиппъ, тогда еще герцогъ Орлеанскій, порицалъ ее также громко, какъ и самъ Карлъ X. Вступленіе на французскій престолъ измѣнило если не образъ мыслей, то крайней мѣрѣ образъ дѣйствій Лудовика-Филиппа. За устраненнаго наследника, донъ-Карлоса, стояли всѣ абсолютисты, какъ внутри, такъ и внѣ Испаніи; правительство, происшедшее изъ іюльской революціи, неизбѣжно должно было примкнуть къ противоположной сторонѣ. Герцогъ де-Броли, министръ иностранныхъ дѣлъ, предписалъ французскому посланнику въ Мадридѣ поддерживать партію малолѣтней принцессы Изабеллы, или, лучше сказать, партію матери ея, королевы Христины. Фердинандъ VII умеръ въ сентябрѣ 1833 года. На престолъ вступила королева Изабелла; Христина была объявлена правительницей. Въ сѣверныхъ провинціяхъ Испаніи немедленно вспыхнуло возстаніе въ пользу донъ-Карлоса. Необходимость опереться на либеральныя чувства народа, чтобъ уравновѣсить ими абсолютистскія тенденціи, ставилась все болѣе и болѣе очевидною для испанскаго правительства. Представитель такъ-называемаго *просвѣщеннаго деспотизма*, Сеа-Бермудесъ, замѣненъ былъ во главѣ министерства вождемъ умѣренныхъ либераловъ, Мартинесомъ-дела-Роса. 15 апрѣля 1834 года обнаружена была подъ именемъ *королевскаго статута*, либеральная конституція, во многомъ сходная съ французскою хартіей. Въ то же самое время Испанія, Португалія и Англія заключили между собой союзъ, къ которому скоро приступила и Франція (*quadruple alliance*). Предметомъ союза, со стороны Франціи и Англіи, была на первый разъ болѣе нравственная нежели матеріальная поддержка королевы Маріи и Изабеллы противъ претендентовъ, донъ-Мигеля и донъ-Карлоса. Но когда донъ-Карлосъ, разблѣ-

тый вмѣстѣ съ донъ-Мигелемъ, въ Португалію, и высланный въ Англію, успѣлъ возвратиться въ Испанію чрезъ Парижъ, Бордо и Байонну, когда присутствіе его дало новую силу возстанію карлистовъ,—союзныя правительства сдѣлали еще одинъ шагъ къ сближенію съ мадритскимъ кабинетомъ. Франція обязалась предупреждать всякую помощь, оказываемую инсургентамъ со стороны французской границы, Англія обѣщала доставлять испанскому правительству все нужное для него количество оружія и военныхъ снарядовъ, а въ случаѣ надобности—поддержать его и своими морскими силами.

Междоусобная война разгаралась все болѣе и болѣе. Сумалакарреги вездѣ побѣждалъ королевскихъ генераловъ; мятежныя шайки появлялись въ Аррагоніи, въ Каталоніи, грозили появиться даже въ центральныхъ и южныхъ провинціяхъ. Испанскимъ народомъ овладѣло какое-то уныніе, какое-то недоувѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ. Мысль о прямомъ, непосредственномъ вмѣшателствѣ иностранныхъ войскъ, заявленная еще Сѣа-Бермудесомъ, пробудилась во всѣхъ классахъ общества, въ кортесахъ, въ арміи, въ министерствѣ. Она нашла себѣ защитника и въ французскомъ посланникѣ, Рейневалѣ. Мартинесъ-де-ла-Роса противился ей до послѣдней крайности; но окруженный опасностями, угрожаемый съ одной стороны карлистами, съ другой—крайними либералами, онъ уступилъ наконецъ общественному мнѣнію. Въ маѣ 1835 года, рѣшено было просить Францію объ открытіи съ ея стороны военныхъ дѣйствій противъ карлистовъ. Во французскомъ кабинетѣ эта просьба возбудила самое сильное разногласіе. Тьеръ защищалъ требованіе испанскаго правительства; Броли, Гизо и въ особенности самъ Лудовикъ-Филиппъ рѣшительно возставали противъ него. Послѣднее мнѣніе одержало верхъ: вопросъ о вмѣшателствѣ разрѣшенъ былъ отрицательно. Предоставленное самому себѣ, министерство Мартинеса-де-ла-Росы не могло устоять противъ напора двухъ враждебныхъ партій. Преимникъ его Торено удержалъ за собою власть не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Умѣренные либералы уступили мѣсто прогрессистамъ, въ концѣ 1835 г. образовано было министерство Мендисабала. Мартинесъ-де-ла-Роса и Торено дорожили болѣе всего союзомъ Франціи; Мендисабаль искалъ себѣ опоры въ Англіи. Въ началѣ 1836 г. отрядъ англійскихъ солдатъ и матросовъ получилъ приказаніе высадиться въ Испанію и соединиться съ войсками королевы Христины. Вмѣстѣ съ тѣмъ лордъ Пальмерстонъ предложилъ

французскому правительству занять французскими войсками некоторые стратегическіе пункты на сѣверѣ Испаніи. Во главѣ французскаго министерства въ это время стоялъ Тьеръ. Кратковременное управление его (съ 22-го февраля по 6-е сентября 1836 г.) раздѣляется на два періода: періодъ напрасныхъ попытокъ сближенія съ континентальными державами, и періодъ обманутыхъ надеждъ, возвращенія къ союзу съ Англійей. Предложеніе лорда Пальмерстона застало Тьера въ первомъ періодѣ, и потому было отвергнуто имъ. Обстоятельства перемѣнились: наступилъ второй періодъ внѣшней политики Тьера. Онъ опять сдѣлался защитникомъ вооруженнаго вмѣшательства въ испанскія дѣла. Истурицъ, преемникъ Мендисабала, принадлежалъ къ умѣренно-либеральной партіи:—но тѣмъ сильнѣе, тѣмъ чаще сдѣлались возстанія прогрессистовъ. Девизомъ ихъ была конституція 1812 г., отличавшаяся чисто-республиканскимъ характеромъ. По мнѣнію Тьера, источникомъ народныхъ волненій было безсиліе правительства, а безсиліе правительства зависѣло отъ междуусобной войны съ карлистами; чтобы положить конецъ волненіямъ, чтобы утвердить конституціонный престолъ королевы Изабеллы, необходимо было нанести окончательный ударъ приверженцамъ донъ-Карлоса. Не убѣдясь этими соображеніями, Лудовикъ-Филиппъ согласился только усилить косвенную помощь, оказываемую испанскому правительству, снабдить его оружіемъ и военными снарядами, довести такъ-называемый иностранный легіонъ, посредствомъ новаго набора, до 6.000 человекъ. Министерство Истурица продолжало однако надѣяться на болѣе прямую поддержку со стороны Франціи. Большинство французскаго министерства было въ пользу вооруженнаго вмѣшательства; одинъ Монталиве раздѣлялъ мнѣніе Лудовика-Филиппа. Вопросъ о вмѣшательствѣ приобрѣталъ все большую важность, и становился вопросомъ о существованіи министерства. Новыя перемѣны въ Испаніи ускорили развязку. Въ арміи королевы вспыхнулъ мятежъ, доставившій власть въ руки прогрессистовъ. Мѣсто Истурица занялъ Калатрава: программой его было возстановленіе конституціи 1812 года. Дальнѣйшее вмѣшательство въ испанскія дѣла, прямое или косвенное, казалось Лудовику-Филиппу поддержкой испанскихъ революціонеровъ. Онъ предложилъ министерству распустить войска, собранныя на границѣ Испаніи, и такимъ образомъ окончательно и гласно отказаться отъ всякой мысли о вмѣшательствѣ. Это предложеніе было сигналомъ министерскаго кри-

зиса. Тьеръ и всѣ остальные министры, кромѣ Монталиве, подали въ отставку; мѣсто ихъ заняли противники вмѣшательства: Моле, Гизо, Дюшатель (министерство 6-го сентября 1836 года). Возстаніе карлистовъ еще не скоро было подавлено испанскимъ правительствомъ; но вопросъ о вмѣшательствѣ Франціи не возобновлялся уже съ такою силой, какой онъ достигъ въ министерство Тьера. Франція осталась простою зрительницей борьбы: торжествомъ своимъ надъ карлистами королева Изабелла не была обязана никакой посторонней помощи.

Общественное мнѣніе во Франціи, во время разказанныхъ нами событій, скорѣе одобряло нежели осуждало образъ дѣйствій правительства въ отношеніи къ Испаніи. Въ недовольныхъ однако не было недостатка. Любители военной славы жадѣли о лаврахъ, которыми могло бы увѣнчаться французское оружіе; войско—о выгодахъ, неразрывно связанныхъ для него съ войной. Систематическіе порицатели правительства обвиняли его въ слабости, въ нерѣшительности, въ холодности къ дѣлу конституціи и свободы. Къ числу такихъ порицателей принадлежатъ и нѣкоторые историки іюльской монархіи. Нельзя сказать, чтобы тема, которую они защищаютъ, была лишена всякаго основанія. Конституціонная Франція стояла одна посреди континентальныхъ государствъ Европы. Династіи, гордясь своею законностью, своею древностью, враждебно относились къ государю возведенному на престолъ насильственнымъ переворотомъ. Абсолютизмъ не могъ равнодушно видѣть подлѣ себя хартію 1830-го года. Новый образъ правленія, еще болѣе новая династія, лишили Францію всѣхъ ея прежнихъ союзниковъ. Она должна была искать себѣ поддержки тамъ, гдѣ господствовали ея принципы, гдѣ прежнее государственное устройство уступило мѣсто конституціонной системѣ. Бельгія, Швейцарія, Скандинавскій полуостровъ, единственные тогда конституціонныя государства на материкѣ Европы, не могли служить прочною опорой французской политикѣ. Швеція и Норвегія были слишкомъ далеки; притомъ король Карлъ-Юаннъ замѣтно склонялся на сторону Россіи. Бельгія не упрочила еще своего существованія, Швейцарію занимали внутренніе раздоры. Англія сочувствовала политическому устройству Франціи; но между Французами и Англичанами было слишкомъ мало народной симпатіи, между правительствами

нихъ слишкомъ много противоположныхъ интересовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, паденіе абсолютизма на Пиринейскомъ полуостровѣ было событіемъ первостепенной важности для Франціи. Она должна была содѣйствовать всѣми силами установленію новаго порядка, должна была возстать противъ враговъ его, какъ противъ своихъ собственныхъ, и вступить за него не только совѣтомъ, но и оружіемъ. Союзъ съ Испаніей былъ бы не единственною наградою за такія усилія. Континентальныя державы, по всей вѣроятности, вступились бы за донъ-Карлоса; Англія неминуемо должна была бы принять сторону королевы Изабеллы. Конституціонный западъ соединился бы такимъ образомъ противъ абсолютистскаго Востока. Англія, Франція, Испанія, Португалія, Бельгія, образовали бы новый священный союзъ, болѣе грозный нежели союзъ 1815 года. Увлекаясь однимъ общимъ дѣломъ, Англія и Франція забыли бы свое старинное соперничество, Франція нашла бы случай нарушить ненавистныя ей вѣнскіе трактаты.... Вотъ мечты, которыя возбуждали или могъ возбуждать вопросъ о вмѣшательствѣ Франціи въ испанскія дѣла: посмотримъ теперь, въ какой степени они соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Вмѣшательство одного государства во внутреннія дѣла другаго есть явленіе ненормальное, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, орудіе обоюдоострое, опасное и для государства вмѣшывающагося, и для государства допускающаго вмѣшательство. Оно направляетъ живыя силы народа къ постороннимъ для него цѣлямъ, дѣлаетъ его отвѣтственнымъ въ чужихъ дѣйствіяхъ, чужихъ раздорахъ; оно возбуждаетъ опасенія, зависть другихъ государствъ, отвлекаетъ вниманіе народа отъ его внутренней жизни, приучаетъ его считать себя распорядителемъ, рѣшителемъ судебъ своихъ сосѣдей. Съ другой стороны, оно подрываетъ довѣріе народа къ своимъ собственнымъ силамъ, ослабляетъ стремленіе его къ саморазвитію, оскорбляетъ его гордость, обязываетъ его благодарностью, столь тяжелою въ политической жизни. Доставляя правительству внѣшнюю опору, оно ставитъ его въ независимость отъ страны, опасную для общественной свободы. Оно рѣдко достигаетъ своей цѣли, еще рѣже приводитъ къ прочнымъ, продолжительнымъ результатамъ. Поддержка Испаніи не спасла ни лиги, ни фронды; поддержка Франціи только повредила дѣлу Стюартовъ. Австрійскія войска возстановили неаполитанскихъ Бурбоновъ въ 1820

году, но возстановленный престолъ покачнулся въ 1848, рухнулъ въ 1860 году. Вмѣшательство Франціи только отложило торжество либерализма въ Испаніи, вмѣшательство Россіи—окончательный разчетъ Венгріи съ Австріей. Римскій вопросъ разрѣшится несмотря на экспедицію 1849 года, несмотря на присутствіе генерала Гойона. Вмѣшательство понятно и законно, когда дѣло идетъ объ освобожденіи страны изъ-подъ иностраннаго ига—таково было вмѣшательство Англіи и Франціи въ борьбу Соединенныхъ Провинцій съ Испаніей, вмѣшательство Франціи въ войну Бельгіи съ Голландіей, Пьемонта съ Австріей: но оно почти невысказуемо, когда дѣло идетъ о внутренней борьбѣ двухъ враждебныхъ партій. Въ большей части случаевъ здѣсь представляется слѣдующая дилемма: или партія, въ пользу которой предпринимается вмѣшательство, имѣетъ на своей сторонѣ нравственный и матеріальный перевѣсъ надъ другою, и слѣдовательно рано или поздно сама достигнетъ побѣды; или она слабѣе противной партіи, и въ такомъ случаѣ торжество ея, съ помощью посторонней силы, будетъ либо вопіющею несправедливостью, либо безцѣльнымъ, эфемернымъ успѣхомъ. Другое дѣло, если одна изъ враждующихъ партій уже призвала къ себѣ на помощь иностранную державу; тогда противная партія, безъ сомнѣнія, можетъ прибѣгнуть къ тому же самому средству. Еслибъ Австрія оказала вооруженную поддержку донъ-Карлосу, Франція имѣла бы безспорное право присоединить свои войска къ войскамъ королевы Изабеллы. Вмѣшательство было бы здѣсь простою, законною борьбою двухъ равноправныхъ государствъ. Исторія, если мы не ошибаемся, представляетъ одинъ только примѣръ удачнаго и справедливаго вмѣшательства одного государства во внутреннія дѣла другаго. Это переворотъ 1688 года въ Англіи, произведенный съ помощью голландскихъ войскъ Вильгельма III. Но не должно забывать, что Вильгельмъ не былъ вполнѣ иностранцемъ для Англіи: жена его Марія считалась законною наслѣдницею англійскаго престола. Притомъ, Вильгельмъ не взялъ сторону одной партіи противъ другой; онъ взялъ сторону цѣлаго народа противъ горсти людей, враждебныхъ законамъ, обычаямъ, религіи Англіи. Въ этомъ заключалось его право на вмѣшательство, въ этомъ должно искать объясненія его успѣха.

Но допустимъ, что вмѣшательство законно каждый разъ, когда интересы или идеи вмѣшивающагося государства согласны съ интересами или идеями правительственной или

оппозиціонной партіи, въ пользу которой предпринимается вмѣшательство. И при такомъ разрѣшеніи вопроса, нельзя не видѣть опасностей и затрудненій, сопряженныхъ съ вмѣшательствомъ, нельзя слѣдовательно не согласиться съ тѣмъ, что оно оправдывается только необходимостью, — необходимостью самую крайнюю, самую настоятельную. Призывъ иностранцевъ на помощь противъ соотечественниковъ — это такое героическое средство, которымъ нельзя злоупотреблять безнаказанно. Къ нему можно прибѣгнуть развѣ тогда, когда нѣтъ никакихъ другихъ шансовъ спасенія. Такъ ли было въ Испаніи, въ 1835 и 1836 г.? Опасность, угрожавшая престолу королевы Изабеллы, была ли неминуема, неотвратима? Событія доказали противное: карлисты, какъ уже сказано, были побѣждены безъ всякой посторонней помощи. Но въ 1836 г., въ самый разгаръ борьбы, нельзя было предугадать окончательный исходъ ея: можно было только судить о большихъ или меньшихъ вѣроятностяхъ успѣха. Въ чемъ же заключались эти вѣроятности? Онѣ указаны съ замѣчательною проникательностью въ депешѣ герцога де-Броли къ графу Ренневалю отъ 23 мая 1835 года¹. «Власть королевы,» говоритъ Броль, «признается почти во всемъ государствѣ. Нѣсколько небольшихъ, гористыхъ округовъ, лежащихъ на одной изъ оконечностей полуострова, одни только поддерживаютъ сопротивленіе, вызванное болѣе мѣстными интересами нежели общими страстями. Жители Наварры, Бискайн, храбро сражаются посреди своихъ родныхъ ущелій, но не захотятъ и не сумѣютъ перенести войну въ центръ государства, въ равнины обѣихъ Кастилій. Войско Сумалакареги не превышаетъ десяти или двѣнадцати тысячъ человекъ и располагаетъ только девятью пушками. Итакъ, возстаніе Наварры и Бискайн не угрожаетъ прямою опасностью престолу королевы Изабеллы. Конечно, оно имѣетъ нравственное вліяніе и на всю остальную Испанію; оно поддерживаетъ вредное волненіе, оно даетъ силу и твердость врагамъ правительства. Зло велико, но его можно искоренить, не прибѣгая къ чрезвычайнымъ средствамъ.» Мысль герцога де-Броли кажется намъ совершенно вѣрною. Возстаніе карлистовъ никогда не достигало такихъ размѣровъ, при которыхъ дѣло королевы Изабеллы могло бы считаться потеряннымъ, неизбѣжнымъ. Характеръ возстанія былъ болѣе оборонительный нежели наступательный. Оно коренилось въ тѣхъ областяхъ Испаніи, которыя издавна отлича-

лись стремленіемъ къ независимости, ревнивымъ охраненіемъ своихъ правъ и привилегій. Отвлекая вниманіе и силы правительства, оно содѣйствовало успѣхамъ прогрессистовъ, но не было единственною причиною ихъ; конецъ карлистскаго возстанія не былъ концомъ революціонныхъ попытокъ противъ престола. Если для усмиренія двухъ или трехъ провинцій Испаніи обратилась бы къ посторонней помощи, то какое значеніе имѣла бы самостоятельность испанскаго правительства, какую надежду можно было бы возлагать на его живучесть, на его внутреннюю силу?

Пойдемъ далѣе: положимъ, что Франція, несмотря на отсутствіе крайней необходимости, вмѣшалась бы вооруженною рукою въ испанскія дѣла. Понятно, что побудительною причиною вмѣшательства со стороны Франціи было бы не столько безкорыстное желаніе помочь королеву Изабеллѣ, сколько надежда пріобрѣсти для себя тѣ выгоды, о которыхъ мы говорили выше. Появленіе французскихъ войскъ конечно увеличило бы матеріальную силу правительственной партіи, но оно весьма легко могло бы повредить ея нравственному значенію. «Всего болѣе,» говоритъ герцогъ де-Броли въ приведенной уже нами депешѣ, «всего болѣе должно заботиться о томъ, чтобы партія королевы сохранила за собою характеръ самостоятельности и національности. Вооруженное вмѣшательство Франціи привело бы къ противоположной цѣли. Приверженцы донъ-Карлоса сдѣлались бы, повидимому, защитниками народной независимости и свободы.» Инсургенты были бы побѣждаемы каждый разъ, когда рѣшились бы показаться въ открытомъ полѣ: но на флангахъ побѣдоносной арміи, спереди, сзади, на горахъ и въ ущельяхъ, завязалась бы партизанская война, въ которой Испанцы не знаютъ себя соперниковъ. Окончаніе мятежа замедлилось бы на неопредѣленное время; вмѣстѣ съ тѣмъ замедлился бы и выходъ французскихъ войскъ изъ Испаніи. Продолжительное присутствіе иностранцевъ сдѣлалось бы невыносимымъ для народнаго самолюбія. Въ партіи, призвавшей Французовъ, неизбежно воспослѣдовало бы раздвоеніе: многіе изъ прежнихъ защитниковъ вмѣшательства перешли бы въ ряды его противниковъ. Министерство, расположенное къ Франціи, уступило бы мѣсто врагамъ ея: французскія войска были бы поставлены между двумя огнями. Они были бы принуждены либо отступить, не достигнувъ своей цѣли, либо остаться,

съ явною опасностію для нихъ самихъ и для дѣла королевы Изабеллы. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, Франція лишилась бы всѣхъ выгодъ, которыя представлялъ для нея союзъ съ Испаніей. Въ Англіи французское вмѣшательство тотчасъ возбудило бы негодованіе, смѣшанное съ завистію и опасеніемъ. «Это было бы самымъ лучшимъ средствомъ,» говоритъ герцогъ де-Броли, «воскресить старинное соперничество обѣихъ націй, разорвать благотворный союзъ, соединяющій теперь Францію, Испанію и Англію.» Когда въ 1835 году зашла рѣчь о вступленіи французскихъ войскъ въ Испанію, англійское министерство прямо объявило, что не приметъ на себя солидарности этой мѣры, столь опасной для спокойствія Европы. Хотя въ 1836 г. лордъ Пальмерстонъ и предложилъ Франціи дѣйствовать общими силами противъ карлистовъ, но предложеніе это, по всей вѣроятности, было сдѣлано только для формы; французское самолюбіе не могло допустить вмѣшательства, инициатива котораго принадлежала бы Англіи. Вмѣшательство Франціи въ испанскія дѣла ускорило бы нѣсколькими годами разрывъ ея съ Англіей, разрывъ, произведенный въ 1840 г. восточнымъ вопросомъ, въ 1846 г.,—вопросомъ объ испанскихъ бракахъ. Лишенная поддержки Испаніи и Англіи, Франція осталась бы одна противъ враждебныхъ ей континентальныхъ государствъ. Общественное мнѣніе во Франціи, наскучивъ безконечною войною, уstraшенное возможными послѣдствіями ея, обратилось бы противъ правительства и потребовало бы отъ него отчета въ затруднительномъ положеніи страны. Вотъ почему мы думаемъ, что способъ дѣйствій Гизо, Броли, Лудовика-Филиппа въ отношеніи къ Испаніи былъ единственный правильный, единственный сообразный съ интересами Франціи. Тьеръ, зараженный наполеоновскими преданіями, видѣлъ во вмѣшательствѣ случай возобновить политику первой имперіи, *la politique des aventures*, какъ справедливо называетъ ее Гизо, и притомъ возобновить ее съ возможно-меньшими шансами неудачи. Несчастный искатель союза съ Австріей и Пруссіей, безмолвный свидѣтель краковскихъ событій, онъ надѣялся пріобрѣсти дешевые лавры въ борьбѣ съ толпою испанскихъ инсургентовъ. Его политика была одинаково лишена и проницательности, и благородства. Лучшимъ résumé всего сказаннаго нами могутъ служить слѣдующія слова Броля: «Франція могла и должна была помогать Испаніи: но помощь эта, чтобы быть дѣйствительною, должна была проходить черезъ испанскія руки.»

II.

Внѣшняя политика увлекла насъ слишкомъ далеко: возвратимся къ тому пункту, на которомъ мы остановились въ нашей предыдущей статьѣ, къ паденію министерства 11-го октября 1832-го и образованію министерства 22-го февраля 1837-го года. Новымъ президентомъ совѣта былъ одинъ изъ министровъ 11-го октября, Тьеръ. Съ перемѣною лицъ не перемѣнилась самая сущность дѣла. Въ правительственной сферѣ, попрежнему, господствовала политика сопротивленія или застоя, облеченная въ болѣе мягкую форму, но за то менѣе логическая, менѣе вѣрная самой себѣ, менѣе проникнутая убѣжденіемъ нежели расчетомъ. Гизо могъ поддерживать новое министерство, не измѣняя своему образу мыслей. Конечно, эта поддержка не была вполнѣ чистосердечна: она отаивалась горечью оскорбленнаго честолюбія, воспоминаніемъ о двусмысленномъ поступкѣ, съ помощію котораго Тьеръ достигъ предсѣдательства въ совѣтѣ министровъ. Гизо становился, мало-по-малу, вождемъ строго консервативной партіи, въ противоположность той колеблющейся, нерѣшительной, хотя въ сущности также консервативной фалангѣ, предводителемъ которой только что сдѣлался Тьеръ. «Я пользовался,» говоритъ Гизо, «расположеніемъ палаты депутатовъ. Мой образъ дѣйствій и мой способъ выраженій нравились большинству. Я защищалъ все то, что оно думало и что оно совершило, не принуждая его къ новымъ усиліямъ, не вызывая его къ новой борьбѣ. Оно охотно пользовалось всякимъ случаемъ выразить мнѣ свое сочувствіе.» Нельзя не удивиться наивности этого сознанія Гизо. Политическое *far niente*, довольство тѣмъ что сдѣлано, желаніе успокоиться на лаврахъ—вотъ одна изъ величайшихъ опасностей, какія только могутъ угрожать конституціонному, представительному устройству. Партія, слишкомъ легко удовлетворяющаяся настоящимъ, имѣетъ мало шансовъ успѣха въ будущемъ. Желаніе лучшаго оставляетъ необходимое условіе политической жизни. Безъ этого желанія, консерватизмъ обращается въ квіетизмъ, въ китайскую неподвижность. Прогрессисты, встрѣчающіе передъ

собой такихъ консерваторовъ, невольно обращаются въ революціонеровъ. Большинство вообще бываетъ расположено къ бездѣйствію, къ распущенности, и задача государственнаго человѣка заключается въ томъ, чтобы противодѣйствовать этому расположенію; потворствовать ему, значитъ нарушать интересы государства, интересы своей собственной партіи. И этимъ-то потворствомъ гордится Гизо! Незавидна популярность, основанная на такихъ условіяхъ. Приведенныя нами слова Гизо составляютъ лучший приговоръ вадъ консерватизмомъ іюльской монархіи. Консерватизмъ отказавшійся отъ всякихъ усилій, отъ всякой борьбы, кромѣ борьбы чисто оборонительной, былъ обреченъ на паденіе, и заслуживалъ его.

Мы уже видѣли, при какихъ обстоятельствахъ пало министерство Тьера. Изъ рукъ средней партіи власть, по закону реакціи, должна была возвратиться къ партіи консервативной. О составленіи министерства изъ членовъ лѣвой стороны при Лудовикѣ-Филиппѣ не могло быть и рѣчи: довести его до Одилона Барро могла только февральская революція! Во главѣ консервативной партіи стояли въ это время два лица: Гизо и графъ Моле,—Гизо, сильный своими дарованіями, своимъ краснорѣчіемъ, своимъ вліяніемъ на буржуазію, Моле, сильный преимущественно своими связями при дворѣ, своею долговременною опытностію, своимъ искусствомъ въ «интригахъ высшаго разряда» (какъ выразился про него Бертенъ-де-Во, редакторъ *Journal des Débats*). Одинъ изъ нихъ естественно долженъ былъ стать во главѣ новаго министерства. Сочувствіе парламентскаго большинства было на сторонѣ Гизо; Лудовикъ-Филиппъ предпочелъ Моле, болѣе мягкаго и уступчиваго, болѣе готоваго предоставить королю значительную роль въ дѣлахъ управленія. Но Моле одинъ не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ предъ палатами: ему было необходимо содѣйствіе Гизо. Гизо предложилъ условія, на которыхъ соглашася вступить въ министерство. Условія эти были приняты: Гизо сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія, а друзья его, Дюшатель, Персиль и Гаспаренъ, министрами финансовъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Моле принялъ на себя предсѣдательство въ совѣтѣ министровъ и портфель иностранныхъ дѣлъ; министерства военное, морское и торговли были отданы его приверженцамъ, Бернару, Розамелю и Мартену. По числу министерскихъ портфелей, доли Гизо и Моле

были равны между собою: но на сторонѣ Гизо были всѣ важнѣйшія отрасли внутренняго управленія. Гаспаренъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, былъ простымъ орудіемъ въ рукахъ Гизо. Составленный такимъ образомъ кабинетъ носить наваніе министерства 6-го сентября 1836 года.

Гизо объясняетъ въ своихъ запискахъ, какимъ порицаніямъ подверглось его вступленіе въ министерство 6 сентября, даже со стороны самыхъ жаркихъ приверженцевъ его. Одни упрекали его за то, что онъ согласился вступить въ управленіе безъ Броли, своего стариннаго друга и политическаго единомышленника; другіе — за то, что онъ не потребовалъ для себя предѣдательства въ совѣтѣ министровъ и принялъ второстепенное мѣсто въ министерствѣ. Гизо самъ сознается въ ошибку: онъ говоритъ, что поступилъ бы благоразумнѣе, еслибы вовсе отказался отъ вступленія въ министерство Моле, или по крайней мѣрѣ вступилъ въ него не иначе какъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. На этотъ разъ намъ придется защищать Гизо противъ него самого, или лучше сказать противъ ретроспективнаго самолюбія, заставляющаго его жалѣть о прошедшей уступчивости. Въ моментъ образованія министерства 6 сентября, между Моле и Гизо, по собственнымъ словамъ послѣдняго, не было никакого существеннаго разногласія: они сходились во мнѣніяхъ по всѣмъ очереднымъ вопросамъ внѣшней и внутренней политики. Они были одинаково консервативны и миролюбивы, одинаково враждебны вмѣшательству въ испанскія дѣла. Мы не видимъ причины, которая бы препятствовала соединенію ихъ въ одномъ кабинетѣ. Отказавшіеся вступить въ министерство Моле, Гизо пожертвовалъ бы интересами своей партіи мелочнымъ расчетамъ личнаго самолюбія. Ближайшіе приверженцы Гизо отдѣлились бы отъ массы консерваторовъ, отдѣлились бы отъ нея не по общему, а по чисто-личному вопросу: вся вина этого разрыва пала бы на одного Гизо. Назначеніе Гизо министромъ внутреннихъ дѣлъ едва ли бы увеличило то вліяніе, которымъ онъ пользовался въ кабинетѣ 6-го сентября. Во все время существованія этого кабинета, дѣла управленія велись въ самомъ консервативномъ духѣ, то-есть совершенно въ духѣ Гизо: преобладающее значеніе, очевидно, принадлежало Гизо, а не президенту совѣта. Гизо вступилъ въ министерство безъ герцога де-Броли: но въ политикѣ требованія дружбы не могутъ всегда стоять на первомъ планѣ. Броть согла-

сился бы принять власть не иначе, какъ въ качествѣ перваго министра: Лудовикъ-Филиппъ не хотѣлъ поручить ему составленіе министерства. Но Броли не былъ главнымъ лицомъ консервативной партіи; консервативный кабинетъ легко могъ быть образованъ безъ его участія. Между тѣмъ онъ едва ли могъ быть образованъ безъ участія Гизо. Отказъ Гизо могъ принудить короля возвратиться къ министерству средней партіи. Для Гизо торжество консервативнама было важнѣе нежели торжество Броля: чтобы достигнуть перваго, онъ рѣшился пожертвовать послѣднимъ. Мы не видимъ въ этомъ никакого повода къ упрекамъ.

Первое время существованія министерства 6-го сентября было довольно спокойно: любимое королю, поддерживаемое значительнымъ большинствомъ въ палатѣ депутатовъ, оно могло надѣяться на долгую будущность. Но это спокойствіе скоро было прервано двумя неожиданными событіями: неудачею французскихъ войскъ подъ стѣнами Константины, и страсбургскою попыткой Лудовика-Наполеона. Подробности этой попытки извѣстны: чисто военное, ничтожное движеніе, сначала кратковременный успѣхъ, потомъ полное, безславное паденіе. Лудовикъ-Наполеонъ и всѣ его сообщники, за исключеніемъ Перошнн, были арестованы; послѣдніе были преданы, въ Кольмарѣ, суду присяжныхъ; но главный заговорщикъ, по единодушному рѣшенію короля и министровъ, былъ освобожденъ отъ суда и высланъ, на французскомъ кораблѣ, въ Северо-Американскіе Штаты¹. Гизо продолжаетъ защищать разумность и справедливость этой мѣры. «Я никогда не служилъ Наполеону I, говоритъ онъ, но я преклоняюсь предъ его величіемъ и гениемъ и не думаю, чтобы права такого человѣка на всеобщее уваженіе (*aux égards du monde*) сходили вмѣстѣ съ нимъ въ могилу. Наслѣдникъ имени императора Наполеона, наследникъ императорскаго престола, долженъ былъ пользоваться всѣми преимуществами, присвоенными членамъ королевскаго рода; противъ него могли быть приняты только тѣ мѣры, какихъ требовала политическая необходимость.» Распоряженіе правительства возбудило сильную оппозицію въ народѣ. Адвокаты остальныхъ заговорщи-

¹ Забѣтнмъ, какъ интересный фактъ, что Лудовикъ-Наполеонъ, прежде отъѣзда въ Америку, принялъ 15 т. франковъ, подаренные ему Лудовикомъ-Филиппомъ.

были равны меж-
важнѣйшіи—
нистру

какъ
назв

Г

пс

д

194

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ковъ въ оправданіи своей защиты приважили безнаказанность
Лудовика-Наполеона; они изломали правосудіемъ, что спра-
вдливость должна быть одинакова для всехъ. Публика, на-
прямую злу суда, громко требовала оправданія подсуди-
мыхъ. Провокіе объявляе ихъ невиновными, среди всеоб-
щности криковъ радости и рукоплесканій. Гизо видитъ во всемъ
этомъ только странное сѣиженіе понятій, и приписываетъ
вердентъ присяжныхъ вліянію республиканской и бонапар-
тистской оппозиціи, сильно распространенной въ Эльзасѣ.
Онъ желаетъ, что сообщники Лудовика-Наполеона не были
преданы суду палаты перовъ, которая, безъ сомнѣнія, не по-
колеблется бы обвинить ихъ въ бунтѣ и государственной
измѣнѣ.

Неприкосновенность (inviolabilité) особы государя состав-
ляетъ основной принципъ всякаго монархическаго государства:
но сколько намъ извѣстно, она не распространяется на всехъ
членовъ королевскаго рода. Еще менѣе основанія признатьъ
ее къ такимъ лицамъ королевской крови, которые находятся
въ изгнаніи, принадлежать къ свергнутой династіи, однимъ
словомъ, къ претендентамъ. Самое появленіе претендента въ
предѣлахъ государства есть уже преступленіе, тѣмъ болѣе
всякая попытка возвратить себѣ власть вооруженною рукою.
Въ защиту претендентовъ говорятъ, что они дѣйствуютъ подъ
вліяніемъ глубокаго убѣжденія въ справедливости своихъ
отремленій, въ законности, въ божественномъ правѣ своей
династіи. Но къ однимъ ли только претендентамъ могутъ
быть отнесены эти доводы? Чтобъ быть логичнымъ, не при-
дется ли распространить ихъ гораздо дальше, до совершен-
наго отрицанія политическихъ преступленій? Претендентъ
дѣйствуетъ не одинъ; кругомъ него собираются его привер-
женцы, болынею частію подданные того государства, кото-
рое онъ хочетъ подчинить своей власти. Эти люди такъ же
глубоко убѣждены въ правотѣ своего дѣла, какъ и самъ пре-
тендентъ; источникъ ихъ убѣжденія одинъ и тотъ же, цѣль
дѣятельности—одна и та же. Претендентъ часто руководится
честолюбивыми видами—изъ защитниковъ его многіе не зна-
ютъ другаго чувства, кромѣ беззавѣтной преданности, беско-
рыстнаго самоотверженія. Чѣмъ же послѣдніе болѣе виновны
нежели первый? Простой здравый смыслъ говорить, что
здѣсь виновны или все, или никто. Чтобы придти къ про-
тивоположному выводу, нужно прибѣгнуть къ фикціямъ, къ

хитросплетеніямъ, не имѣющимъ никакого разумнаго основанія, Оправдывая образъ дѣйствій іюльскаго правительства, напада на рѣшеніе кольмарскихъ присяжныхъ, Гизо говоритъ о какихъ-то правахъ, пережившихъ Наполеона I, о какомъ-то уваженіи, на которое имѣлъ право наследникъ императорскаго имени. Мы рѣшительно не понимаемъ этихъ соображеній, не понимаемъ, какимъ образомъ родство съ великимъ человекомъ можетъ служить источникомъ правъ и преимуществъ, какимъ образомъ справедливая строгость къ потомку можетъ нарушить уваженіе къ памяти предка. Вѣдь это теорія гусей, предками которыхъ былъ спасенъ Римъ. Кольмарскіе присяжные остались вѣрными своему назначенію: вердиктъ ихъ былъ голосомъ народа, не понимающаго неравенства наказаній, тамъ гдѣ было равенство вины. Палата перовъ, осудивъ страсбургскихъ заговорщиковъ, доказала бы только еще разъ свою неспособность быть верховнымъ судилищемъ въ политическомъ дѣлѣ.

Мѣра, принятая въ отношеніи къ Лудовику-Наполеону, была не только несправедлива, она была неблагоразумна и неосторожна. Освобождая Лудовика-Наполеона, правительство должно было по крайней мѣрѣ взять съ него обязательство, которое служило бы гарантіей противъ дальнѣйшихъ попытокъ. Оно не связало его никакими условіями, вѣроятно потому, что боялось отказа въ принятіи ихъ, отказа, который заставилъ бы правительство задержать принца во Франціи. Оно отправило его въ Америку, не на какомъ же основаніи оно надѣялось, что онъ останется тамъ? Онъ скоро возвратился въ Европу и поселился въ Швейцаріи. Моле потребовалъ высылки его оттуда, и чуть было не сдѣлалъ изъ этого вопроса *casum belli* съ Швейцаріей. Удивительная непоследовательность! Развязать руки своему врагу, и потомъ требовать противъ него стѣснительныхъ мѣръ отъ иностраннаго государства! Булонская попытка была достойнымъ наказаніемъ непредусмотрительности Лудовика-Филиппа. Министерство Тьера поступило умнѣ нежели кабинетъ 6-го сентября: оно подвергло Лудовика-Наполеона суду палаты перовъ, которая приговорила его къ пожизненному тюремному заключенію. Посаженный въ крѣпость Гамъ, онъ бѣжалъ оттуда незадолго до революціи 1848 года.

«Лудовикъ-Наполеонъ,» говоритъ Гизо, «два раза, въ 1836 и 1840 г., покушался опрокинуть конституціонную монархію;

покушенія его оба раза были остановлены въ самомъ ихъ началѣ. Въ 1851 г. онъ однимъ ударомъ опрокинулъ республику, и съ тѣхъ поръ неограниченно господствуетъ надъ Франціей. Конституціонная монархія была правительствомъ благоустроеннымъ и свободнымъ, Франція никогда не помогала ея врагамъ, и съ удивленіемъ и горемъ покорилась революціи 1848 года. Республика, въ 1848 году, началась анархіей и неизбѣжно вела къ анархіи; Франція приняла, поддержала имперію, какъ убѣжище противъ этого бѣдствія.» Мы оставимъ безъ возраженія взглядъ Гизо на революцію и республику 1848 года: разборъ этого взгляда увлекъ бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только, что неудачи 1836 и 1840 г. объясняются не одною лишь привязанностью Франціи къ июльской монархіи, успѣхъ 2-го декабря — не одною холодностью ея къ февральской республикѣ. Въ Страсбургѣ, въ Булони, Лудовикъ-Наполеонъ былъ частнымъ человекомъ, безъ организованной партіи въ народѣ, безъ многочисленныхъ приверженцевъ въ войскѣ. Въ 1851 году онъ былъ уже три года первымъ лицомъ въ государствѣ, избранникомъ народа, главою огромной арміи и могущественной бюрократіи. Въ 1836 и 1840 г. онъ дѣйствовалъ на краю государства, — въ 1851 г. онъ былъ въ Парижѣ, источникъ и центръ всѣхъ правительственныхъ переворотовъ. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается одна изъ главныхъ причинъ его успѣха.

Передъ самымъ открытіемъ палатъ, 27-го декабря 1836 г., на жизнь короля сдѣлано было новое покушеніе — четвертое со времени вступленія его на престолъ. Это событіе, вмѣстѣ съ оправданіемъ кольмарскихъ подсудимыхъ, послужило поводомъ къ представленію трехъ законовъ: о подсудности лицъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, обвиняемыхъ въ одномъ и томъ же преступленіи (*loi de disjonction*), о мѣстѣ ссылки преступниковъ¹, приговоренныхъ къ этому наказанію (на островъ Бурбонъ), и объ отвѣтственности лицъ, не донесшихъ объ извѣстныхъ имъ преступныхъ замыслахъ противъ прави-

¹ До этого времени мѣста ссылки назначено вовсе не было, и ссылка существовала только на бумагѣ. Лудовикъ-Наполеонъ воспользовался пополнивъ этотъ пробѣлъ, и теперь безпокойные люди находятъ себѣ, противъ воли, приютъ въ Ламбесѣ и Кайеннѣ. Нельзя однако не прибавить, что Лудовикъ-Наполеонъ имѣлъ передъ собою примѣръ республиканскаго правительства, часто прибѣгавшаго къ ссылкѣ послѣ июльскихъ дней.

тельства или особы короля. На основаніи loi de disjonction, военные, обвиняемые въ извѣстныхъ преступленіяхъ, должны были подлежать военному суду, хотя бы сообщники ихъ и предавались на общемъ основаніи суду гражданскому¹. Такимъ образомъ, лица виновныя въ одномъ и томъ же преступленіи должны были быть судимы различными вѣдомствами, по различнымъ законамъ, и при тожествѣ вины, приговариваемы къ различнымъ наказаніямъ. Могло бы случиться и еще хуже: на основаніи однихъ и тѣхъ же доказательствъ, судъ присяжныхъ могъ оправдать, военный судъ—обвинить подсудимыхъ. Этотъ очевидно несправедливый законъ возбудилъ сильнѣйшую оппозицію въ палатѣ депутатовъ. Послѣ упорной борьбы, онъ былъ отвергнутъ большинствомъ двухъ голосовъ. Ту же участь, по всѣмъ признакамъ, должны были испытать законы о недонесеніи, о ссылкѣ, законъ о предоставленіи имѣнія Рамбулье въ удѣлъ (apanage) герцогу Немурскому, второму сыну короля. Министерство было поражено на всѣхъ пунктахъ. Внутри его господствовало несогласіе, ускорившее кризисъ. Моле подозрѣвалъ Гизо въ тайныхъ проискахъ; Гизо, недовольный своею долей власти, домогался портфеля внутреннихъ дѣлъ. Моле, устрешенный послѣдними неудачами, склонялся къ уступкамъ, думалъ объ амнистіи; Гизо тверже нежели когда-нибудь держался политики сопротивленія. Моле и Гизо не могли долѣе оставаться въ одномъ кабинетѣ. Король поручилъ Гизо составить новое министерство. Гизо, желая придать своей комбинаціи всевозможную прочность и силу, обратился не только къ Броли и Дюшателю, но и къ Тьеру. Онъ надѣялся возстановить такимъ образомъ министерство 11-го октября 1832 года. Вопросъ о вмѣшательствѣ въ испанскія дѣла помѣшалъ Тьеру принять предложеніе Гизо. Тогда Гизо предложилъ королю чисто-доктринерскій кабинетъ, съ Монталиве, Ремюза, Дюшателемъ, генераломъ Бюжо: король, не безъ основанія, нашелъ такой кабинетъ слишкомъ опаснымъ. Тьеръ и Сульть безуспѣшно старались составить министерство средней партіи. Чтобы положить конецъ кризису, король опять обратился къ Моле; Гизо, Дюшатель, Гаспаренъ и Персиль были замѣнены Сальванди, Лакавъ-Лапла-

¹ По основному принципу французскаго права, лица военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, обвиняемыя въ одномъ и томъ же преступленіи, судятся всѣ вмѣстѣ обыкновеннымъ гражданскимъ судомъ.

немъ, Монталиве и Бартомъ, которые, вмѣстѣ съ Розамелемъ, Бернарромъ и Мартеномъ, и образовали, подъ предсѣдательствомъ Моле, министерство 15-го апрѣля 1837 года. Первымъ дѣйствіемъ новаго министерства было провозглашеніе амнистіи и взятіе назадъ законовъ о ссылкѣ, о недонесеніи и объ удѣлѣ герцога Немурскаго,—то-есть переходъ къ политикѣ болѣе умѣренной, болѣе мягкой, нежели политика доктринеровъ.

III.

Мы дошли теперь до одного изъ самыхъ интересныхъ моментовъ въ исторіи іюльской монархіи, — до такъ-называемой коалиціи, составленной всѣми оттенками оппозиціи противъ министерства Моле. Кабинетъ 15-го апрѣля имѣлъ на своей сторонѣ большинство въ палатѣ депутатовъ, но большинство это было холодно, нерѣшительно, не твердо въ своемъ союзѣ съ министерствомъ. Моле рѣшился распустить палату. Новые выборы дали ему большинство довольно плотное, но также не вполне надежное и прочное, не организованное въ одну единодушную, цѣльную партію. Оппозиція была раздѣлена на нѣсколько группъ, незначительныхъ по числу членовъ, но сильныхъ внутреннимъ единствомъ, неуклоннымъ стремленіемъ къ ясно-сознанной цѣли. Общее неудовольствіе противъ министерства сблизило между собою эти различныя группы. «Всѣ спрашивали себя,» говоритъ Гизо, «долго ли будетъ держаться это колеблющееся, безцвѣтное правительство, опирающееся то на одну, то на другую партію, переходящее отъ сопротивленія къ уступкамъ, отъ уступокъ къ сопротивленію. Въ палатѣ депутатовъ можно было насчитать пять политическихъ партій. Крайнюю правую сторону занимала небольшая группа легитимистовъ, крайнюю лѣвую сторону — небольшая группа республиканцевъ: во главѣ первой стоялъ Беррье, во главѣ второй—Гарнье-Пажесъ. Между этими двумя крайностями помѣщались лѣвая сторона, лѣвый центръ и правый центръ: представителями ихъ были Одилонъ-Барро, Тьеръ и я. Ни одна изъ этихъ группъ, ни одинъ изъ ихъ предводителей не участвовали въ министерствѣ 15-го апрѣля 1837 года. Это было правительство благоразумное и правильное, но ему

не доставало умственной силы, умственного богатства. Оно исполняло свою задачу день за днем, поддерживало существующий порядок, но не развивало его, не двигало его вперед, не приносило никакой пользы ни власти, ни свободѣ. Палата депутатовъ, слабо представляемая министерствомъ, не играла той роли, которая принадлежитъ ей по праву въ конституціонномъ государствѣ». Вотъ причины коалиціи, вотъ побужденія, заставившія Гизо присоединиться къ ней. «Въ коалиціи,» продолжаетъ Гизо, «я видѣлъ давно-желанный случай расширить основанія правительства, образовать одну обширную конституціонную партію, сблизить, примирить людей, въ сущности одушевленныхъ одинаковыми желаніями, стремившихся ко одной и той же цѣли. Между Одилономъ-Барро, Тьеромъ и мною не было непреодолимыхъ преградъ, непримиримаго разногласія. Ничто не мѣшало намъ соединиться, по крайней мѣрѣ на время, для одной спеціальной цѣли. Быть-можетъ, воспоминаніе о моемъ разрывѣ съ Моле, тайное желаніе мщенія, не осталось безъ вліянія на мой образъ дѣйствій въ 1839 г. Въ политикѣ самые честные люди не могутъ всегда быть святыми; едва ли найдется человекъ, который бы устоялъ противъ ея увлеченій. Нравственное совершенство несовмѣстимо съ волненіями политической жизни.»

Изъ уваженія къ падшей династіи, Гизо умалчалъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ коалиціи 1839 года. Коалиція была направлена не столько противъ министерства Моле, сколько противъ самого Лудовика-Филиппа. Вліяніе Лудовика-Филиппа увеличивалось все болѣе и болѣе и выходило, по мнѣнію многихъ, изъ предѣловъ законной его власти. Между министрами 15-го апрѣля не было ни замѣчательныхъ дарованій, ни твердыхъ, настойчивыхъ характеровъ. Пользуясь этимъ, король лично вмѣшивался въ дѣла управленія, назначалъ чиновниковъ, рѣшалъ вопросы и иностранной политики. Министерство сдѣлалось орудіемъ въ рукахъ короля и потеряло все свое конституціонное значеніе. Вотъ почему Лудовикъ-Филиппъ такъ крѣпко держался министерства Моле, такъ упорно поддерживалъ его противъ возрастающей оппозиціи палаты. Образъ дѣйствій короля возбуждалъ негодованіе всѣхъ политическихъ партій. Одилонъ-Барро видѣлъ въ немъ прямое нарушеніе хартіи, возвращеніе къ принципамъ временъ реставраціи. Тьеръ, Гизо боялся за свое личное значеніе: они не хотѣли быть простыми исполнителями королевской воли. Дювержье-де-Гораннъ, въ то

время ревностный приверженецъ Гизо, написалъ статью, въ которой проводилъ знаменитое начало: «le roi règne et ne gouverne pas». Это начало сдѣлалось девизомъ коалиціи. Она признавала за королемъ право назначать министровъ, но съ тѣмъ чтобы выборъ его падалъ на тѣхъ лицъ, которыя будутъ указаны ему большинствомъ палаты депутатовъ. Она хотѣла опрокинуть *придворное* министерство, чтобы поставить на его мѣсто министерство *парламентарное*. Къ этому общему стремленію присоединялись, въ значительной степени, отдѣльные виды партій и личные разчеты ихъ предводителей. Каждая партія надѣялась выиграть что-нибудь при перемѣнѣ министерства: каждый предводитель партіи (по крайней мѣрѣ партій династическихъ) надѣялся получить мѣсто въ новомъ кабинетѣ. Республиканцы видѣли въ коалиціи удовлетвореніе своей вражды противъ монархическаго принципа, легитимисты — удовлетвореніе своей вражды противъ личности Лудовика-Филиппа.

Поприщемъ своего нападенія на министерство коалиціи выбрала отвѣтный адресъ на тронную рѣчь, произнесенную королемъ при открытіи палаты, въ декабрь 1838-го года. Коммиссія, назначенная для составленія адреса, состояла почти вся изъ членовъ коалиціи. Адресъ проектированный ею содержалъ въ себѣ прямое осужденіе вѣншей политики министерства и косвенное, но весьма ясное осужденіе внутренней политики его. Министерство предложило измѣнить адресъ въ такомъ смыслѣ, который бы уничтожилъ враждебное значеніе его. Лучшіе ораторы палаты депутатовъ—Гизо, Тьеръ, Одилонъ-Барро, Могенъ, Беррье, Дюшатель, Пасси, Дювержье-де-Гораннъ, говорили въ защиту первоначальнаго адреса. Со стороны министерства вся тяжесть борьбы пала на самого Моле; товарищи его оказали ему слабую, неудачную поддержку; изъ остальныхъ членовъ палаты въ его пользу говорилъ одинъ только Ламартинъ. Но не смотря на всѣ усилія коалиціи, измѣненія предложенныя министерствомъ были приняты большинствомъ 13-ти голосовъ. Кабинетъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ, но раненымъ на смерть. Министры подали въ отставку: но Лудовикъ-Филиппъ, прежде чѣмъ разстался съ ними, рѣшился испытать еще одно крайнее средство. Палата депутатовъ была распущена, второй разъ въ продолженіе полутора года. Выборы оказались въ пользу коалиціи:

королю не оставалось ничего болѣе, какъ принять отставку министровъ.

Коалиція торжествовала: отъ нея должно было зависть составленіе новаго министерства. Но единодушная въ сраженіи, она не пережила своей побѣды. Старыя несогласія между партіями, старыя соперничества между лицами опять выступили наружу. Предводителями коалиціи были Гизо, Тьеръ и Одилонъ-Барро: они же, повидимому, должны были стать во главѣ коалиціоннаго кабинета. «Но между мною и Одилономъ-Барро, говорилъ Гизо, существовало глубокое разногласіе: въ продолженіе девяти лѣтъ, съ самаго 1830-го года, мы дѣйствовали на двухъ не только различныхъ, но и противоположныхъ поприщахъ. Мы не могли войти въ составъ одного и того же министерства.» Вслѣдствіе этого возникло предположеніе предоставить Гизо портфель внутреннихъ дѣлъ, Тьеру—портфель иностранныхъ дѣлъ, Одилону-Барро—предсѣдательство въ палатѣ депутатовъ. Но лѣвая сторона и лѣвый центръ сначала не хотѣли и слышать о Гизо: Тьеръ и Одилонъ-Барро съ трудомъ убѣдили ихъ согласиться на то, чтобы Гизо было предложено министерство народнаго просвѣщенія, Дюшателю—министерство финансовъ. Гизо не принялъ этого предложенія; «чѣмъ сильнѣе я дѣйствовалъ въ коалиціи,» говоритъ онъ, «тѣмъ тверже я былъ намѣренъ поддерживать въ министерствѣ политику порядка и сопротивленія.» Онъ не настаивалъ на томъ, чтобы министерство было составлено на половину изъ его приверженцевъ, на половину изъ приверженцевъ Тьера; онъ готовъ былъ ограничиться двумя портфелями (внутреннихъ дѣлъ и финансовъ), но хотѣлъ, чтобы эти портфели давали ему прямое участіе въ важнѣйшихъ дѣлахъ управленія, прямое вліяніе на внутреннюю политику министерства. Эти требованія были отвергнуты: чисто-коалиціонное министерство сдѣлалось невозможнымъ. Тьеръ напрасно старался составить министерство средней партіи, съ присоединеніемъ или безъ присоединенія нѣкоторыхъ членовъ праваго центра. Мелочное самолюбіе однихъ, интриги другихъ, тайное недоброжелательство короля—все это, вмѣстѣ взятое, замедляло, затрудняло образованіе кабинета. Между тѣмъ наступилъ срокъ собранія палаты: для открытія ихъ и для занятія текущими дѣлами назначено было временное министерство, изъ людей ничтожныхъ, почти неизвѣстныхъ, не принадлежавшихъ ни къ какой политической партіи. Никто не предвидѣлъ конца этому пере-

ходному состоянію, когда на улицахъ Парижа, 12-го мая 1839 г., вспыхнулъ бунтъ, возбужденный горстію республиканцевъ, подъ предводительствомъ Бланки и Барбеса. Опасность убѣдила однихъ, послужила для другихъ благовиднымъ предлогомъ отдѣлиться отъ своей партіи; вечеромъ того же дня составилось новое министерство, подъ предсѣдательствомъ маршала Сульта, изъ трехъ членовъ праваго (Дюпатель, Вилльменъ, Кюненъ-Гриденъ) и трехъ членовъ лѣваго центра (Пасси, Тестъ, Дюфоръ). Цѣль коалиціи осталась недостигнутою; маршалъ Сультъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ только подставнымъ лицомъ самого короля; предводители парламентскихъ партій, Гизо, Тьеръ, Одилонъ-Барро, по прежнему были внѣ министерства. Пасси, Тестъ, Дюфоръ купили свое вступленіе въ кабинетъ цѣною разрыва съ своею партіей, по крайней мѣрѣ съ значительнымъ ея отдѣломъ. Тьеръ, считавшійся до тѣхъ поръ главою средней партіи или лѣваго центра, остался въ оппозиціи и былъ ея кандидатомъ на званіе президента палаты депутатовъ. Министерство выставило противъ него другаго члена той же партіи, Сове, который и былъ выбранъ. Разорвавъ всякую связь съ Тьеромъ, кабинетъ естественно долженъ былъ склониться на сторону Гизо, то-есть принять строго-консервативный характеръ. Но союзъ съ консерваторами не былъ вполне надеженъ, вполне проченъ: они не могли примириться съ смѣшаннымъ составомъ кабинета. Лишенное твердой опоры въ палатѣ, министерство должно было дорожить поддержкою короля, должно было, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, повиноваться его волѣ. Оно внесло въ палату депутатовъ законъ объ удѣлѣ герцога Немурскаго, тотъ самый законъ, который былъ составленъ министерствомъ 6-го сентября, отъ котораго отказалось даже министерство 15-го апрѣля. Законъ этотъ былъ отвергнутъ палатой: министерство было принуждено подать въ отставку ¹. Коалиція, предпринятая въ видахъ ограниченія королевскаго вліянія, въ видахъ доставленія власти вождямъ палаты депутатовъ, въ видахъ политики болѣе широкой, болѣе либеральной, привела къ консервативному кабинету, составленному изъ людей второстепенныхъ и павшему отъ излишняго усердія къ семейнымъ интересамъ Лудовика-Филиппа.

¹ Мѣсто его заступилъ кабинетъ 1-го марта 1840 года, подъ предсѣдательствомъ Тьера.

«Коалиція,» говоритъ Гизо, «не доставало двухъ качествъ: умѣренности и предусмотрительности. Обвиненія, введеныя нами на министерство Моле, не всѣ были справедливы, не всѣ были своевременны. Еще важнѣе была наша вторая ошибка—непредусмотрительность. Союзъ между партіями, такъ долго враждовавшими другъ съ другомъ, не могъ не произвести неблагоприятнаго впечатлѣнія на общество, на значительную часть депутатовъ. Друзья порядка, изъ безпокойныхъ, недозвѣрчивыхъ зрителей коалиціи, скоро сдѣлались страстными врагами ея. Министерство Моле было обязано имъ своею послѣднею побѣдой. Партіи участвовавшія въ коалиціи выказали много мелочности, мало политическаго смысла. Въ одномъ только отношеніи, коалиція достигла своей цѣли: она доказала, что палата депутатовъ необходимо должна имѣть вліяніе на составленіе министерства, на выборъ министровъ. Дѣятельность правительства какъ бы остановилась до тѣхъ поръ, пока палата депутатовъ не заняла въ ней своего законнаго мѣста. Король предоставилъ палатѣ указать составъ новаго кабинета, и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ ожидалъ ея рѣшенія. Страна сдѣлала рѣшительный шагъ на пути къ свободному правительству: парламентарный образъ правленія былъ признанъ и утвержденъ въ самомъ первомъ, самомъ жизненномъ своемъ условіи. «Что касается лично до меня,» продолжаетъ Гизо, «то я поступилъ бы благоразумнѣе, еслибы не принялъ дѣятельнаго участія въ коалиціи. Послѣ всего того, что произошло между мною и г. Моле, я не могъ защищать его, но могъ оставить его безъ нападенія, могъ выразить мое несогласіе предъ нимъ только мовимъ молчаніемъ. Участіемъ своимъ въ коалиціи я раздражилъ противъ себя партію сопотривленія и порядка: оставаясь въ сторонѣ отъ боя, я сохранилъ бы ея расположеніе, ея довѣріе, и соединилъ бы ее вокругъ себя, въ случаѣ паденія министерства. Мнѣ нужно было много времени, много усилій, чтобы возвратитъ свое прежнее мѣсто въ рядахъ консервативной партіи. Я предвидѣлъ послѣдствія своего рѣшенія, но увлекся своею старинною, задушевною мыслию—укрѣпить, возвыситъ вліяніе палаты депутатовъ. Устремляясь къ этой цѣли, я забылъ о чувствахъ и взглядахъ моей партіи и слѣдовалъ только своему собственному чувству, своей собственной идеѣ. Я признаюсь въ этой ошибкѣ, но прощаю ее себѣ; такія ошибки слишкомъ рѣдки въ наше время.»

Разказъ о коалиціи составляетъ, безъ сомнѣнія, самую сла-

бую часть *Замисокъ* Гизо. Отсутствие искренности, противорѣчя, узкій взглядъ на дѣло, полусознаніе въ ошибкѣ, тотчасъ же прикрываемое самовосхваленіемъ,—вотъ отличительныя черты этого разказа. Онъ также не послѣдователенъ, какъ и описываемыя въ немъ дѣйствія Гизо. Образуется коалиція, Гизо увѣряетъ самого себя и своихъ читателей, что между нимъ и Одилономъ-Барро не существовало непримиримаго разногласія, что у нихъ была общая цѣль, общія желанія. Коалиція торжествуетъ: начинается составленіе коалиціоннаго министерства,—и разногласіе, примиренное за нѣскольکو страницъ передъ тѣмъ, опять является въ прежней силѣ ¹. Въ одномъ мѣстѣ Гизо говоритъ о непредусмотрительности коалиціи, не исключая при этомъ и самого себя; въ другомъ утверждаетъ, что предвидѣлъ всѣ послѣдствія своего рѣшенія. Въ чемъ заключается, по мнѣнію Гизо, одна изъ главныхъ причинъ коалиціи? Въ томъ, что ни одинъ изъ парламентскихъ вождей не былъ министромъ. Въ чемъ заключается вредъ, причиненный коалиціей? Въ томъ, что она возстановила противъ себя *друзей порядка*, въ томъ, что она расстроила Гизо съ консервативною партіей. Вездѣ такая же эгоистическая заботливость о самомъ себѣ, такой же близорукій взглядъ на вещи.

Мы видѣли образованіе коалиціи, ея борьбу съ министерствомъ, ея кратковременное торжество, ея окончательную неудачу: попробуемъ теперь проникнуть въ ея внутренней смыслъ, оцѣнить ея историческое значеніе. Возвышеніе, укрѣпленіе палаты депутатовъ, или, лучше сказать, ослабленіе личнаго вліянія короля—вотъ цѣль, во имя которой составила коалиція. Вопросъ о кругѣ дѣятельности короля, объ отношеніяхъ его къ министрамъ, объ активномъ вмѣшателствѣ его въ дѣла управленія есть одинъ изъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ конституціоннаго устройства. Онъ не можетъ быть разрѣшенъ ни отвлеченною формулой, ни двумя-тремя статьями конституціонной хартии. *Le roi règne, mais ne gouverne pas*—принципъ, не всегда осуществимый на практикѣ. Можетъ найдтись король безпечный, преданный удовольствіямъ или слабоумный, который добровольно подчинится всѣмъ этимъ условіямъ; могутъ встрѣтиться обстоятельства, которыя заста-

¹ *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*. Tome IV, p. 286 et 294.

вать короля отказаться от всякой инициативы—иностранное происхождение его, внѣшнія затрудненія ¹, существованіе въ странѣ сильной антидинастической партіи; но это будетъ исключеніе, а не общее правило. Прежде борьба между королемъ и палатами шла изъ-за власти, теперь она большею частію идетъ изъ-за вліянія. Власть короля можетъ быть ограничена закономъ—вліяніе его не можетъ быть заключено въ извѣстные, строго-обозначенные предѣлы. Но если въ конституціонномъ государствѣ необходимо вліяніе короля, то столь же необходимо противодѣйствіе этому вліянію. Соперничество властей составляетъ необходимую принадлежность истиннаго конституціоннаго устройства. Одна только постоянная реакція со стороны палатъ можетъ воспрепятствовать чрезмѣрному усиленію королевской власти. Когда перевѣсъ слишкомъ явно склоняется на ихъ сторону, конституціонная монархія становится, *de facto*, аристократическою или демократическою республикой; когда торжествуетъ другая сторона, конституціонная монархія немногимъ отличается отъ умѣренного абсолютизма.

Въ июльской монархіи борьба властей законодательной и исполнительной носить на себѣ довольно оригинальный отпечатокъ. Какъ и во всей правительственной дѣятельности этой эпохи, элементъ чисто личный преобладаетъ въ ней надъ общимъ, эгоистическій разчетъ—надъ убѣжденіемъ и идеей. Лудовикъ-Филиппъ не былъ и не могъ быть проникнуть вѣрою въ божественность своего права, въ законность своей власти. Палата депутатовъ, по крайней мѣрѣ огромное большинство ея, мало заботилась о правахъ народа. Обѣ стороны имѣли одни и тѣ же интересы, одну и ту же цѣль: все несогласіе заключалось въ томъ, кому должно принадлежать главное завѣдываніе этими интересами, выборъ средствъ и орудій для достиженія этой цѣли. И Лудовикъ-Филиппъ, и парламентскіе вожди (не исключая Одилона-Барро и въ нѣкоторой степени даже Гарнье-Пажеса) были по преимуществу людьми средняго сословія, людьми буржуазіи. Предоставленный самому себѣ, Лудовикъ-Филиппъ едва ли пошелъ бы дагѣ консервативнаго большинства на пути сопротивленія и застоя. Воспоминанія молодости, опытъ изгнанныческой жизни, при-

¹ Впрочемъ, внѣшнія затрудненія часто приводятъ и къ совершенно противоположнымъ результатамъ.

жизнь Карла X, вмѣстѣ съ здравымъ смысломъ и довольно мягкимъ сердцемъ, помышляли бы ему обратиться къ политикѣ чисто ретроградной. Но властолюбивый отъ природы, онъ хотѣлъ быть самъ своимъ первымъ министромъ; онъ хотѣлъ провести свои политическіе виды лично, а не чрезъ посредство другихъ. Отсюда столкновенія его съ министрами, съ палатой депутатовъ. Столкновенія эти были особенно сильны, когда дѣло шло о семейныхъ интересахъ королевскаго дома и о сближеніи съ континентальными монархіями Европы—предметахъ, болѣе всего занимавшихъ Людовика-Филиппа. Изъ-за семейныхъ интересовъ онъ пожертвовалъ министерствомъ 12-го мая, изъ боязни разрыва съ Австріей и Пруссіей отклонилъ внимательство въ испанскія дѣла и принялъ отставку Тьера. Не трудно понять, почему онъ дорожилъ такими министрами какъ Моле, Сульть, Монталиве, почему онъ не любилъ Казимира Перье, герцога де-Броаи, отчасти даже Гизо и Тьера. Парламентскіе вожди были также властолюбивы, какъ и самъ король. Удаленные изъ министерства, они думали только о томъ, какъ бы возвратить въ свои руки управленіе страню: достигнувъ власти, они хотѣли пользоваться ею вполнѣ, безъ всякихъ стѣженій, безъ всякой другой опоры, кромѣ большинства палаты депутатовъ. Борьба этихъ двухъ стремленій всего яснѣе выразилась въ коалиціи, но она наполняетъ собою все царствованіе Людовика-Филиппа.

При такомъ положеніи дѣлъ, при томъ внутреннемъ сходствѣ, которое существовало между королемъ и парламентскими вождями, можно ли оправдать усилія послѣднихъ ограничить вліяніе перваго, можно ли оправдать основное стремленіе коалиціи? Въ извѣстной степени, да. Единодушіе между королемъ и палатою могло прекратиться: преемникъ Людовика-Филиппа могъ круто повернуть на путь реакціи, новая палата депутатовъ могла быть болѣе расположена къ реформамъ. Вліяніе короля, возраставшее съ каждымъ днемъ, *stevesens eundo*, могло сдѣлаться опаснымъ для государства, могло повести къ междоусобной войнѣ или къ деспотизму. Отложить борьбу значило можетъ-быть на всегда отказаться отъ побѣды. Стоило только дать утвердиться принципу, и никто уже не могъ отвѣчать за его послѣдствія. Парламентарному образу правленія угрожала опасность, отдаленная, пока еще незначительная, но все же опасность; приверженцы этого образа правленія должны были принять итѣры

къ его защитѣ. Противъ притязаній короля они должны были выставить притязанія палаты, они должны были требовать, чтобы министерство выражало собою волю парламентскаго большинства, а не личную волю монарха. Коалиція не можетъ сравниться съ борьбой англійскаго парламента противъ Стюартовъ, съ борьбой виговъ противъ Георга III: она не обещала государству никакой плодотворной реформы, она была предпринята преимущественно изъ личныхъ видовъ, но она стремилась выѣсть съ тѣмъ къ развитію, поддержанію извѣстнаго принципа, и это, по всей вѣроятности, спасетъ ее отъ безусловнаго осужденія исторіи.

Итакъ, низверженіе министерства Моле не было, по крайней мѣрѣ не должно было быть, главною цѣлью коалиціи: оно было только средствомъ къ достиженію другой цѣли, къ установленію правильныхъ, строго конституціонныхъ отношеній между королемъ, министерствомъ и палатою депутатовъ. Но здѣсь отирывается съ перваго взгляда вся неосостоятельность коалиціи. Заботясь о средствѣхъ, она повидимому забыла о цѣли, или, лучше сказать, смѣшила средство съ цѣлью. Она хотѣла замѣнить министерство Моле коалиціоннымъ кабинетомъ: но она не подумала о приготовленіи почвы, на которой могъ бы держаться, даже установиться этотъ кабинетъ. Конечно, образованіе коалиціоннаго министерства, соединеніе въ немъ, подъ однимъ знаменемъ, всѣхъ парламентскихъ вождей династическихъ партій, положило бы конецъ властолюбивымъ попыткамъ Лудовика-Филиппа: но возможно ли было такое соединеніе? Каждая партія имѣла свой опредѣленный образъ дѣйствій, свои виды, свои симпатіи и антипатіи; возможна ли была администрація составленная изъ такихъ разнородныхъ элементовъ? Можно ли было склонить Гизо на отміну сентябрьскихъ законовъ, Тьера на парламентскую реформу, Одиллона-Барро на ограниченіе этой реформы только самыми необходимыми, палліативными мѣрами? Можно ли было думать, что Гизо, Дюшатель, Жоберъ, чистосердечно вступятъ на путь уступокъ, или Одилонъ-Барро чистосердечно откажется отъ своихъ преобразовательныхъ плановъ? Еслибы коалиціи и удалось составить министерство, внутреннія несогласія скоро привели бы его къ совершенному безсилію. Допустимъ даже, что коалиціонные министры, послѣ долгихъ колебаній, пришли бы къ какому-нибудь соглашенію, это соглашеніе, основанное на взаимныхъ уступкахъ, удовлетворило бы развѣ одну

только среднюю партію, возстановило бы противъ министерства и консерваторовъ, и либераловъ, и послужило бы, можетъ-быть, поводомъ къ новой коалиціи, такой же сильной, какъ и первая. Работа, предпринятая коалиціей, была работою Сизифа; она не могла привести ни къ какому окончательному результату, она должна была безпрестанно начинаться сызнова. Зло предупрежденное на время неизбежно появилось бы вновь, какъ только распались бы соединенныя противъ него силы. Коалиція была направлена къ *перемѣнѣмъ*, а не къ *перемѣнѣмъ законовъ и учрежденій*: вотъ почему она заранее была обречена на неудачу, вотъ почему самая побѣда ея должна была остаться безплодною. Всякая коалиція есть явленіе ненормальное, скоропреходящее: она не можетъ разчитывать на долгое существованіе, не можетъ имѣть успѣха въ предпріятіи, требующемъ продолжительныхъ, терпѣливыхъ усилій. Она разумна и законна только тогда, когда предпринятое ею дѣло можетъ быть рѣшено однимъ ударомъ, однимъ дружнымъ натискомъ, и когда этотъ ударъ, по свойству предмета, противъ котораго онъ направленъ, можетъ имѣть, самъ по себѣ, прочныя, плодотворныя послѣдствія. Другими словами, предметомъ коалиціи должно быть коренное измѣненіе въ государственномъ устройствѣ, существенно важная реформа въ законодательствѣ, предупрежденіе мѣры, почему либо несогласной съ интересами народа. При такихъ условіяхъ, коалиція можетъ дѣйствовать дружно, потому что отъ нея требуется единодушіе только по одному предмету; можетъ дѣйствовать успѣшно, потому что единодушіе есть лучший залогъ побѣды; можетъ привести къ желанной цѣли, потому что для достиженія этой цѣли вполне достаточно *одной побѣды*, хотя бы непосредственно вслѣдъ за ней и послѣдовало распаденіе коалиціи. Но если побѣда, одержанная коалиціей, есть только средство достигнуть цѣли, есть только начало успѣха, тогда торжество коалиціи едва ли возможно; она почти никогда не переживаетъ своей первой побѣды. Коалиція для отмены хлѣбныхъ законовъ существовала исключительно для достиженія этой цѣли, но не существовала, можно сказать, ни минуты послѣ достиженія ея: за то она и одержала блистательную, полную побѣду. Въ послѣднее время мы видѣли въ Англіи нѣсколько коалицій между радикалами и торіями (паденіе министерства Пальмерстона въ 1858 году), между радикалами и вигами (утвержденіе бюджета

Гладстона въ 1861 году). Всѣ эти коалиціи были успѣшны, потому что имѣли строго опредѣленную цѣль, ограничивались принятіемъ или устраненіемъ извѣстнаго закона, извѣстной мѣры. Не то было въ прошедшемъ столѣтіи, когда коалиціи имѣли большею частію личный характеръ. Коалиція Вальпола съ торіями, въ 1717 году, окончилась постыднымъ пораженіемъ Вальпола. Коалиція, низвергнувшая Вальпола, имѣла самый жалкій исходъ и не устранила ни одного изъ золъ, противъ которыхъ будто бы была направлена. Коалиція Фокса съ Нортонъ въ сущности была совершеннымъ подчиненіемъ Норта Фоксу; это позволило ей составить министерство, но не спасло ея отъ скорого паденія. Коалиція Питта и Ньюкассля обязана была своимъ успѣхомъ неизмѣримому превосходству перваго передъ послѣднимъ, но еще болѣе—вышнимъ политическимъ обстоятельствамъ. Вообще коалиціи этого времени часто оканчивались тѣмъ, что одна партія поглащала собою другую. Такъ было на примѣръ въ концѣ столѣтія, когда значительный отдѣлъ вигговъ (the alarmists), устрешенный французскою революціей, соединился съ министерствомъ и скоро потерялся въ рядахъ торійской партіи.

Мы пришли такимъ образомъ къ слѣдующимъ двумъ главнымъ выводамъ: возрастающее вліяніе Лудовика-Филиппа требовало отпора со стороны палаты депутатовъ, но средства, выбранныя для противодѣйствія этому вліянію, не могли достигнуть своей цѣли. Палата депутатовъ не хотѣла или не могла замѣтить, что корень зла заключался въ ней самой, что она сама была орудіемъ въ рукахъ Лудовика-Филиппа. Министерство Моле обвиняли въ томъ, что оно подчинилось королю, что оно отказалось отъ всякой самостоятельности; но одинъ ли король поддерживалъ это министерство? Оно было принято безъ сопротивленія палатою депутатовъ, оно постоянно находило въ ней большинство по всѣмъ политическимъ вопросамъ. Единственные пораженія, понесенныя имъ, касались вопросовъ финансовыхъ, административныхъ, проведенія желѣзныхъ дорогъ, пониженія процентовъ государственнаго долга. Даже въ самый разгаръ коалиціи, большинство осталось на сторонѣ министерства. Это было явленіе чрезвычайно знаменательное. Оно должно было раскрыть глаза вождямъ коалиціи, должно было показать имъ, что злоупотребленія королевской власти находились въ тѣсной связи съ другими недостатками конституціи, что для уничтоженія

первыхъ необходимо было исправленіе послѣднихъ. Палата депутатовъ представляла собою только небольшую часть французскаго общества, часть по преимуществу богатую, промышленную и слѣдовательно консервативную. Огромное большинство палаты состояло изъ чиновниковъ¹ и капиталистовъ; чиновники были безусловно послушны правительству, капиталисты были естественными защитниками короля, слившаго свои интересы съ интересами высшей буржуазіи. Коренное измѣненіе избирательныхъ законовъ—вотъ что могло сломить вліяніе короля, обезпечить преобладаніе палаты и независимость министерства. Еслибы коалиція поставила себѣ задачей пониженіе избирательнаго ценза, дарованіе избирательнаго права такъ-называемымъ *saracités*, исключеніе чиновниковъ изъ палаты депутатовъ, то побѣда ея сдѣлалась бы началомъ новой эпохи въ исторіи Франціи и предотвратила бы, по всему вѣроятію, паденіе іюльской монархіи. Династическая оппозиція и средняя партія, въ союзѣ съ республиканцами и легитимистами, были бы достаточно сильны для достиженія этой цѣли; но еслибы Гизо вспомнилъ свое прошедшее, еслибъ онъ понялъ, что консерватизмъ не есть застой, что застой рано или поздно ведетъ къ ниспроверженію порядка, то и онъ могъ бы присоединиться къ коалиціи, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, не измѣняя интересамъ своей партіи. Трудно рѣшить, какая партія воспользовалась бы непосредственно побѣдою коалиціи; но къ кому бы ни перешла власть, вліяніе Лудовика-Филиппа не могло бы дойти до прежнихъ размѣровъ; слабое, придворное министерство не могло бы устоять противъ самостоятельной палаты депутатовъ.

Итакъ, коалиція оппозиціонныхъ партій, въ томъ видѣ, въ какомъ она была предпринята въ 1839 году, была, по нашему мнѣнію, большою ошибкой. Но ошибка эта не была равна для всѣхъ участниковъ коалиціи. Республиканцы видѣли въ ней средство унизить значеніе монархическаго принципа, легитимисты—средство унизить личность монар-

¹ Въ палатѣ депутатовъ, избранной въ 1837 г., было 178 чиновниковъ, то-есть болѣе одной трети всего числа членовъ (459). Если предположить, что въ большинствѣ, оказавшемся въ пользу министерства Моле (221 противъ 208), участвовало хотя двѣ трети чиновниковъ (а они, безъ сомнѣнія, участвовали въ немъ почти всѣ), то изъ самостоятельныхъ членовъ палаты за Моле вотировало не болѣе 400 человекъ.

ха: но сильный коалиціонный кабинетъ былъ бы для нихъ опаснѣе слабаго министерства Моле. Династическая оппозиція могла думать, что ударъ, нанесенный консервативному министерству, сдѣлается сигналомъ политики болѣе примирительной, болѣе либеральной; но, вступая въ союзъ съ своими давнишними врагами, она не могла не повредить себѣ въ общественномъ мнѣніи, не могла не навлечь на себя упрека въ уступчивости и слабости. Средняя партія, по самому положенію своему, всего естественнѣе могла примкнуть къ коалиціи, хотя и для Тьера не совсѣмъ удобно было очутиться въ союзѣ съ Одилономъ-Барро. Всего менѣе можетъ быть оправданъ образъ дѣйствій доктринеровъ и предводителя ихъ Гизо. Коалиція направленная противъ короля, противъ министерства, не могла не потрясти того правительственнаго принципа, за который до тѣхъ поръ такъ крѣпко держался Гизо; она не могла не повести къ уступкамъ, которымъ онъ противился такъ сильно и такъ постоянно, и прежде, и послѣ 1839 года. За исключеніемъ амнистіи, министерство Моле не сдѣлало ни одной уступки партіи движенія: еще не задолго до коалиціи, оно нашло случай примѣнить во всей строгости сентябрьскіе законы. Внѣшняя политика его была такъ же миролюбива въ отношеніи къ великимъ державамъ, такъ же рѣшительна въ отношеніи къ державамъ второстепеннымъ (дѣла швейцарскія, мексиканскія), какъ и политика доктринеровъ. Вотъ почему участіе Гизо въ коалиціи представляется намъ одною изъ самыхъ темныхъ сторонъ его политической дѣятельности. Оно отнимаетъ у нея достоинство послѣдовательности, логичности,—единственное возможное достоинство политики сопротивленія. Оно невольно ведетъ къ предположенію, что Гизо вступилъ въ коалицію подъ вліяніемъ чувствъ властолюбія и мести,—властолюбія близорукаго, такъ какъ онъ долженъ былъ предвидѣть, что побѣдоносная коалиція не дастъ ему первостепенной роли въ коалиціонномъ министерствѣ.

Гизо утверждаетъ, что коалиція, въ одномъ отношеніи, достигла своей цѣли, что она возвысила значеніе палаты депутатовъ, увеличила ея вліяніе на образованіе министерства. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Палата депутатовъ и прежде принимала участіе въ политической жизни кабинетовъ, она играла главную роль въ составленіи министерства Казимира Перье, въ паденіи министерствъ 11 октября 1832 и 6 сентября 1836 г. Но министерство, непосредственно слѣдовавшее за коалиціей,

образовалось, какъ мы уже видѣли, почти независимо отъ палаты: оно было дѣломъ короля и событій 12 мая. Палата всего болѣе была расположена къ Тьеру, онъ остался внѣ кабинета. Король сохранилъ свое прежнее вліяніе; этого мало, его вліянію подчинились даже бывшіе вожди коалиціи. Тьеръ, по его просьбѣ, уѣхалъ въ Италію, Гизо согласился поддерживать министерство 12 мая. Последнее министерство Гизо было, можетъ-быть, временемъ наибольшаго вмѣшательства короля въ дѣла управленія.

Эпоха, описанная въ IV томѣ записокъ Гизо, производитъ на насъ самое грустное впечатлѣніе. Сколько силъ, сколько дарованій потраченныхъ въ бесплодной борьбѣ, сколько прекрасныхъ началъ, обреченныхъ на преждевременную погибель, сколько обманутыхъ надеждъ и ожиданій! Событія, въ свое время возбуждавшія столько участія, производившія столько шуму, теперь кажутся намъ заключенными въ какомъ-то очарованномъ кругу, въ какой-то тѣсной сферѣ, отдѣльной, отдаленной отъ цѣлаго общества, отъ народа. Необходимость болѣе широкаго круга дѣйствій, необходимость соединенія народа съ «легальною страной», угадывалась не многими; консерваторы и либералы продолжали свою борьбу, не замѣчая, что дѣлается подъ ними. Часъ разочарованія былъ близокъ: но ослабленіе спорящихъ сторонъ должно было пойти еще далѣе, разобщеніе ихъ съ народомъ должно было достигнуть своего крайняго предѣла. Впереди насъ ожидаетъ еще болѣе мрачное зрѣлище—последнія восемь лѣтъ царствованія Людовика-Филиппа, это торжество близорукаго застоя накануне соціальной революціи.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВѢКА

ЕДИНСТВО РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

IV. ПРОИСХОЖДЕНІЕ РАЗНОВИДНОСТЕЙ И ОБРАЗОВАНІЕ ПОРОДЪ ВЪ СУЩЕСТВАХЪ ОРГАНИЧЕСКИХЪ.

III. РАЗНОВИДНОСТИ И ПОРОДЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ. ¹

Приступая къ этой части вопроса, я считаю излишнимъ долго останавливаться на томъ обстоятельстве, что въ *видѣ* человѣческомъ образуются безпрестанно разности, подобныя тѣмъ, которыя у животныхъ наименѣе удаляются отъ первообраза. Мы едва обращаемъ вниманіе на рожденіе блѣлаго ребенка среди смуглаго населенія, на рожденіе русаго среди черноволосыхъ, или наоборотъ, — развѣ ужъ различіе покажется черезчуръ рѣзкимъ. Такъ напримѣръ, нѣкоторые путешественники упоминаютъ о субъектахъ обоого пола, отличавшихся между малайскимъ населеніемъ цвѣтомъ лица и волосъ совершенно европейскимъ. Замѣтимъ только, что такіе факты вполне сходны съ тѣмъ, что замѣчаемъ мы въ наиболѣе-установившихся породахъ домашнихъ животныхъ, между которыми рождаются иногда особи, отличающіяся отъ прочихъ своимъ цвѣтомъ. Не болѣе требуетъ подтвержденія и то обстоятельство, что уклоненіе—какъ у насъ, такъ и у животныхъ, — иногда бываетъ гораздо значительнѣе; тогда мы называемъ его уродливостью. Читателямъ, безъ сомнѣнія, не разъ случалось встрѣчать людей съ ногами чрезмѣрно

¹ См. *Русск. Вѣстн.* №№ 5, 7, 8 и 10.

роткими и вывороченными, въ родѣ того какъ у коротконогой собаки; и, безъ сомнѣнія, они не могли смотрѣть на такихъ людей безъ сожалѣнія. Но могутъ ли у насъ разности, столь значительныя, установиться, перейти въ потомство и сдѣлаться основой породы? Въ этомъ случаѣ факты отвѣчаютъ утвердительно, и притомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Эдуардъ Ламбертъ, родившійся въ 1717 г. отъ совершенно-здоровыхъ родителей, не представлялъ ничего замѣчательнаго въ теченіе первыхъ девяти недѣль своей жизни. Съ этого времени кожа его стала все болѣе и болѣе бурѣть и утолщаться. На четырнадцатомъ году своего возраста онъ былъ представленъ Лондонскому Королевскому Обществу, и вотъ что оказалось. Лицо, ладони и ступни не представляли ничего особеннаго, но все остальное тѣло было покрыто какою-то буроватою скорлупой, толщиною въ дюймъ и болѣе. Она была вся въ неправильныхъ трещинахъ, а на бокахъ такъ раздроблена, что представляла грубое подобіе колючекъ дикобраза; это подало поводъ къ прозванію Ламберта человѣкомъ-дикобразомъ. Скорлупа эта ежегодно слѣзала, и кожа являлась здоровою и гладкою; но вскорѣ она снова утолщалась и заростала своею странною оболочкой¹. Бекеръ видѣлъ Эдуарда Ламберта еще разъ, на 50-мъ году его жизни: то былъ человѣкъ румяный, веселый и здоровый. Докторъ заключилъ изъ этого, что онъ способенъ послужить началомъ породѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Ламбертъ женился, у него родилось шестеро дѣтей, и у всѣхъ, въ то же время какъ у отца, появилась и образовалась въ послѣдствіи та же особенность. Пятеро изъ этихъ дѣтей умерли. Оставшійся въ живыхъ также женился и произвелъ шесть дочерей и двухъ сыновей, Джона и Ричарда. О дочеряхъ ничего неизвѣстно, но дѣти мужескаго пола, осмотрѣнные въ 1802 г. Тиллезіусомъ, оказались покрытыми наследственной скорлупой. Съ этихъ поръ, къ сожалѣнію, потеряли изъ вида эту семью людей-дикобразовъ, такъ что неизвѣстно, до какого поколѣнія могла простираться странная особенность, показавшаяся впервые у Эдуарда.

¹ Одного этого обстоятельства достаточно, чтобы доказать какъ справедливо исключили подобныя уклоненія изъ разряда *ихтиозъ*, болѣзней, къ которымъ онъ причислялись Алиберомъ и нѣкоторыми другими медиками.

Не менѣ замѣчательный примѣръ наследственной передачи представляет семейство Кольборна, знаменитаго счетчика, котораго генеалогію передалъ намъ Карлейль. На этотъ разъ дѣло идетъ объ уродствѣ, справедливо причисляемомъ Исидоромъ Жофруа къ разряду легкихъ уродствъ или гемитерій. У Кольборновой прабабки было на рукахъ и на ногахъ по шести пальцевъ; она вышла замужъ за человѣка, ничѣмъ особымъ не отличавшагося. Отъ этого брака родилось трое дѣтей, изъ которыхъ двое наследовали материнскій недостатокъ. Въ третьемъ поколѣннн, изъ пяти дѣтей четверо отличались лишними пальцами; въ четвертомъ поколѣннн тѣмъ же отличались четверо изъ восьми дѣтей. Бурдахъ и Просперъ Люка, со словъ фонъ-дерь-Баха, приводятъ фактъ быть-можетъ еще болѣе поразительный. Дѣло идетъ объ испанскомъ семействѣ изъ деревни Санмартинъ. Полидактія осложнилась здѣсь еще перепонкой, соединявшею на каждой рукѣ по два или по три пальца между собою. Фонъ-дерь-Бахъ насчиталъ до сорока человѣкъ, представлявшихъ это двойное уродство въ различной степени; они нисколько не отличались здоровьемъ отъ своихъ сосѣдей.

Невозможно не удивляться силѣ наследственности, проявляющейся въ этихъ примѣрахъ; нельзя не заключить, что еслибы съ Ламбертомъ и Кольборномъ поступали такъ же какъ съ первымъ *анкономъ* или первымъ *мошаномъ*, еслибы соединялись между собою только субъекты, представлявшіе отклоненія, то произошла бы одна порода людей съ отваливающейся скорлупой, а другая шестипалая. Для произведенія и установленія подобныхъ породъ достаточно было бы примѣръ хоть кораблекрушенія, вслѣдствіе котораго представители этихъ семействъ остались бы уединенными на пустынномъ острову и принуждены были бы вступать въ бракъ между собою. То, что мы видѣли у животныхъ, даетъ намъ право сказать, что населеніе, происшедшее отъ подобныхъ браковъ, представляло бы особенности, которыя справедливо считаются настоящими уродствами. Какъ бы обрадовались полигенисты, еслибъ открыли страну, населенную такимъ образомъ! Уклоненіе здѣсь конечно было бы значительнѣе чѣмъ у негра или Австраійца, а между тѣмъ мы сейчасъ видѣли, какъ подобныя породы могли бы произойти самымъ естественнымъ путемъ въ нашемъ видѣ, сдѣлавшись притомъ только *полупородами* одной изъ самыхъ чистыхъ бѣлыхъ породъ.

Но ни одинъ изъ Ламбертовъ или Кольборновъ не соединялся съ другимъ субъектомъ, представлявшимъ такія же отклоненія какъ самъ онъ. Итакъ, *отборка*, бывшая причиною сохранения и установленія исключительныхъ признаковъ анкона и мошана¹, здѣсь напротивъ служила къ искорененію уродливой и излишней дѣятельности кожи, равно какъ и къ уничтоженію лишнихъ пальцевъ. Съ каждымъ поколѣніемъ вліяніе первоначальнаго факта насильственно уменьшалось примѣсью нормальной крови; слѣдовательно, вліяніе это должно было быстро исчезнуть. Такимъ образомъ объясняются нѣкоторые общіе факты, приведенные нами въ предыдущихъ главахъ. Мы видѣли, что предѣлы измѣняемости несравненно менѣе обширны въ человѣкѣ чѣмъ въ породахъ домашнихъ животныхъ. Еслибы кто захотѣлъ тому объясненія, то мы сказали бы, что человѣкъ вовсе не подчиняется отборкѣ, съ такимъ успѣхомъ прилагаемой имъ къ животнымъ. У насъ даже слишкомъ мало заботятся о жизни будущаго ребенка, и едва обращаютъ вниманіе на здоровье самихъ супруговъ, въ большей части браковъ; тѣмъ менѣе еще стараются о поддержаніи разностей, которыя могутъ образоваться между людьми, и разительнѣйшія изъ нихъ, не переходя въ породу, вскорѣ исчезаютъ, подобно тѣмъ, которыя я привелъ въ примѣръ. Если же, по какой-нибудь причинѣ, съ человѣческимъ видомъ поступаютъ какъ съ животными, то результаты оказываются совершенно такіе же. Фридрихъ Вильгельмъ и Фридрихъ II были одинаковые охотники до рослыхъ людей; извѣстно какъ часто они, волей или неволей, женили великановъ своей гвардіи на самыхъ рослыхъ дѣвушкахъ, какія только попадались имъ подъ руку. Форстеръ говоритъ, что благодаря этой *отборкѣ*, въ его время жители окрестностей Потсдама, въ особенности женщины, были замѣтно выше ростомъ, чѣмъ все окрестное населеніе².

Отсутствіе искусственной отборки есть, безъ сомнѣнія, важнѣйшая причина того, что человѣческія группы представляютъ, сравнительно съ животными, чрезвычайное однообразіе.

¹ Анконъ и мошанъ — породы овецъ, о которыхъ была рѣчь выше.

² Такъ же особенностью отличается до сихъ поръ одна деревня въ Альзасѣ, въ которой жилъ какой-то князь раздѣлявшій вкусъ Фридриховъ. Мнѣ сообщилъ это г. Стѣберъ, профессоръ медицинскаго факультета въ Страсбургѣ.

Къ тому же результату ведутъ еще и другія причины, не мѣнѣ очевидныя; изъ нихъ въ особенности укажемъ на древность породъ. Начало трехъ большихъ человѣческихъ породъ, — бѣлой, желтой и черной, — рѣшительно терлется во мракѣ временъ до-историческихъ: они изображены самымъ опредѣлительнымъ образомъ на древнѣйшихъ памятникахъ. Ни одна изъ породъ домашнихъ животныхъ не можетъ тягаться съ ними, относительно древности; а между тѣмъ мы усматриваемъ у древнѣйшихъ породъ, у кровныхъ арабскихъ лошадей *коллами*, или *кохейле*, сопротивление измѣняющимъ вліяніямъ, которымъ эта порода главнымъ образомъ обязана своей древности. Но, принимая даже за вѣрное то, что говорено было о чистотѣ породы нѣкоторыхъ лошадиныхъ семействъ, происхожденіе *коллами* все-таки не можетъ быть древнѣ тысячи лѣтъ. Слѣдовательно, человѣческія породы, будучи шестеро или даже всемеро древнѣ относительно наиболѣе характеристическихъ чертъ своихъ, по этому самому должны быть одарены еще болѣе большимъ постоянствомъ.

Къ тому же результату ведетъ еще иная причина, имѣющая гораздо сильнѣйшее вліяніе, и почти столь же могущественная, какъ и отсутствіе отборки. Мы видѣли, что человѣкъ, до известной степени, распоряжается средой, и что онъ пользуется въ этомъ отношеніи своею властью, какъ для установленія, такъ и для раздробленія животныхъ породъ. Къ себѣ же онъ примѣняетъ, безъ сомнѣнія, только первое изъ двухъ дѣйствій. Будучи осѣдлымъ, онъ борется съ неровностями климата, и сопротивляется по мѣрѣ силъ наружнымъ вліяніямъ, нарушающимъ равновѣсіе, способствующее его благосостоянію; переселяясь, онъ переноситъ съ собою свои нравы, вѣрованія, учрежденія, привычки, и прилагаетъ свои способности къ тому, чтобъ еще лучше оградиться отъ новой среды, въ которую онъ вступаетъ. Перенесенный въ Индію или на Сенегаль, Европеецъ силится избѣгнуть жара, подавляющаго его способности, грозящаго его жизни. Въ Сибири и Канадѣ улучшаетъ онъ отопленіе и тѣмъ избавляется отъ холода. Повсюду, въ этой настоящей *борьбѣ за бытіе*, цивилизованный человѣкъ напрягаетъ всѣ средства, данныя ему природою и образованіемъ, чтобъ остаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Чѣмъ же удивительнаго, если ему удастся на самомъ себѣ достигнуть того, чего онъ такъ хорошо достигаетъ на животныхъ?

Лишь только человѣкъ оставляетъ эти предосторожности и предается дѣйствию окружающей среды почти безъ сопротивленія, — онъ немедленно испытываетъ ея могущество. Люди взрослые, и по тому самому менѣ подверженные измѣненію, все-таки болѣе или менѣ измѣняются отъ переменъ климата, даже и вовсе незначительной. Кому неизвѣстно, что лицо русой женщины покрывается веснушками отъ малѣйшаго дѣйствія солнца? ¹ Прюнеръ-бей, который видѣлъ братьевъ д'Аббади, гг. Шимпера и Барони, въ проѣздъ ихъ черезъ Египеть въ Абиссинію, Аравію и обратно, замѣтилъ на тѣхъ изъ нихъ, которые были бѣлокуры, очень рѣзкія и надолго укоренившіяся измѣненія. У него самого, вслѣдствіе трехмѣсячнаго пребыванія въ Чамъ (въ Аравіи), цвѣтъ лица посмуглѣлъ, а волосы, изъ гладкихъ и свѣтлыхъ, стали темными и курчавыми ². За то, характеристическій цвѣтъ негра перевезеннаго въ Европу становится свѣтлѣе, и притомъ всегда на самыхъ выдающихся мѣстахъ, то-есть на носу и ушахъ.

Измѣненія эти доходятъ иногда до того, что субъектъ получаетъ всѣ признаки породы, очень отличающейся отъ его собственной. Агиларъ, переводчикъ Кортеса, послѣ восьмилѣтняго рабства у Юкатеконъ, ничѣмъ повидимому не отличался отъ туземцевъ, у которыхъ онъ заимствовалъ одѣяніе и нравы. Лангсдорфъ нашелъ въ Нукагивѣ англійскаго матроса, который послѣ многолѣтняго пребыванія на этомъ островѣ сдѣлался совершенно сходенъ съ Полинезійцами. Послѣ того, что мы знаемъ объ образованіи поросль животныхъ, кто можетъ утверждать, чтобы, при продолжительномъ и безпрепятственномъ дѣйствиі такихъ вліаній на цѣлый рядъ поколѣній, не произошло глубокаго измѣненія первоначальнаго типа, а отсюда не могла произойти новая порода, приспособ-

¹ Въ настоящее время дознано, изслѣдованіями г. Симона и другихъ микрографовъ, что внезапное появленіе этихъ пятенъ зависитъ отъ окрашиванія, въ отдѣльныхъ мѣстахъ кожи, пигмента, придающаго общій цвѣтъ негру. Важность этого факта, безъ сомнѣнія, не ускользнетъ отъ читателя.

² Всѣ эти подробности извлечены изъ замѣтки, обязательно сообщенной мнѣ докторомъ Прюнеромъ. Сожалѣю, что не могу помѣстить ее здѣсь вполнѣ. Наблюденія надъ измѣненіями цвѣта негровъ, уже высказанныя нѣкоторыми писателями, подтверждаются также и докторомъ Прюнеромъ.

собленная къ средѣ, которая имѣетъ столь сильное вліяніе даже на организмъ вполне установившійся?

Впрочемъ, что ни дѣлаетъ человекъ для своей защиты, онъ все-таки платитъ неизбежную дань средѣ. Останавливаться на этомъ нечего; фактъ этотъ достаточно подтверждается трудностью, съ которою Европейецъ свыкается съ африканскимъ климатомъ, негръ съ европейскимъ, также какъ и страшную смертностью, которая въ обоихъ случаяхъ обнаруживается между тѣми и другими. Еслибы мы захотѣли разсматривать вопросъ съ этой точки зрѣнія, то, мы съ перваго же шага напали бы на вопросъ объ акклиматизаціи, — вопросъ сличкомъ важный, о которомъ нельзя говорить слегка, и притомъ мало входящій въ кругъ настоящихъ нашихъ изслѣдованій. Итакъ, оставимъ въ сторонѣ рѣзкія крайности среды, дѣйствующей убійственно на организмъ. Будемъ довольствоваться средними климатами, которые лучше даются продолжительнымъ опытамъ и позволяютъ почти съ перваго раза чуждымъ породамъ устанавливаться, и даже не рѣдко процвѣтать. Но и они производятъ на человекъ вліяніе, во всемъ подобное тѣмъ, которыя измѣняютъ животныхъ.

Всѣ эти истины вообще отвергаются полигенистами. По ихъ мнѣнію, отличительныя черты человѣческихъ группъ имѣютъ именно первобытный характеръ, и поэтому должны быть столь же неизмѣнны, какъ и видовые признаки животныхъ. А между тѣмъ съ каждымъ днемъ мы насчитываемъ все болѣе и болѣе фактовъ, положительно доказывающихъ совершенную ошибочность мнѣнія, будто бы различныя человѣческіе типы неизмѣнны. Такая неизмѣнность держится только до тѣхъ поръ, пока самая среда не измѣняется. Гг. Ноттъ и Глиддонъ потратили много времени и учености, чтобы доказать намъ, что египетская раса осталась неизмѣнною въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ, начиная съ первыхъ, древнѣйшихъ династій. Но это и не требовало особенныхъ доказательствъ. Долина Нила окружаетъ своихъ обитателей совершенно особыми условіями бытія; поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, если въ ней установился особый типъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличный отъ остальныхъ человѣческихъ типовъ ¹. Однажды установившись,

¹ Типъ этотъ однакоже далеко не такъ устойчивъ и однообразенъ, какъ представляютъ его авторы *Первообразовъ человечества*. Чтобъ увѣриться въ этомъ, стоить только сличить картинки, снятыя въ на-

отъ чего же и какъ ему было мѣняться? До сихъ поръ мы видимъ, что эти сыны древнихъ Египтянъ живутъ совершенно такъ же какъ жили ихъ предки, сохраняютъ ихъ нравы, обычаи, употребляютъ даже все тѣ же орудія, посуду, утварь, оставаясь на берету все той же рѣки, которая подъ тѣмъ же небомъ орошаетъ все ту же почву. Итакъ, не устойчивости первообраза слѣдуетъ тутъ удивляться: гораздо необъяснимѣе было бы измѣненіе его, потому что со временъ Манефру и Спеткемковъ ¹ вліянія среды только къ тому и стремились, чтобъ устанавливать и укрѣплять признаки человѣческаго племени, ими созданнаго. При такихъ условіяхъ, и самая измѣнчивая изъ животныхъ породъ не измѣнилась бы.

То, что мы сказали о Египтянахъ, примѣняется и ко всѣмъ осѣдымъ и установившимся народамъ. Такимъ образомъ бѣльшая часть примѣровъ, приводимыхъ разными авторами въ подтвержденіе *постоянства первообразовъ*, объясняется посредствомъ простаго умозаключенія и приложенія законовъ нами защищаемыхъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые факты, приводимые полигенистами, относятся уже къ совершенно иной категоріи. Они утверждаютъ, что даже съ перемѣной климата и мѣстности, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій среды, народы вполнѣ сохраняютъ первоначальные свои признаки и нигдѣ, будто бы, у человѣческихъ племенъ не замѣчается ни малѣйшей склонности къ образованію новыхъ породъ, какъ то случается съ животными. Еслибы даже это и было справедливо, то можно бы отвѣчать, что вліяніе охранительныхъ причинъ, упомянутыхъ выше, а также немногочисленность поколѣній, по которымъ приходится судить, достаточно объясняютъ постоянство человѣческихъ породъ; но дѣло въ томъ, что мнѣнія эти опять-таки несправедливы и совершенно опровергаются фактами. За невозможностію привести здѣсь всѣ факты, ограничимся разсмотрѣніемъ измѣненій, которымъ подвергаются африканскіе негры и бѣлые Европейцы, переселяющіеся изъ своихъ отечествъ.

званной книгѣ съ различныхъ египетскихъ изображеній и барельефовъ. Въ Египтѣ, какъ и вездѣ, племенной первообразъ разсѣянъ между множествомъ личностей очень разнообразныхъ, и точнаго сходства можно доискаться лишь между сравнительно-небольшимъ количествомъ людей.

¹ Владыки изъ четвертой и пятой династіи, о которыхъ упоминаютъ господа Ноттъ и Глиддонъ.

Намъ говорятъ, что негръ, размножаясь на сѣверѣ Соединенныхъ Штатовъ, не бѣлѣетъ, а только сѣрѣетъ. А развѣ это уже не значительное измѣненіе? Еслибы дѣло шло о быкѣ или лошади, то считался ли бы *сыроватый* цвѣтъ равносильнымъ *черному*? Конечно нѣтъ, и притомъ мѣняется тутъ далеко не одинъ только цвѣтъ; даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ переселенецъ негръ уживается всего лучше, въ немъ оказываются нѣкоторыя измѣненія, несравненно болѣе важныя. Африканецъ, говоритъ г. де-Рейзе, пріѣзжаетъ на Антильскіе острова со всеми признаками негра. Креоль, дитя чистаго негра и негритянки, представляетъ всѣ тѣ же признаки, но уже въ умѣренной степени. Особенно лицо все болѣе и болѣе теряетъ признаки *рыла*. Цвѣтъ кожи и свойство волосъ остаются, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ негръ-креоль постепенно приближается къ европейскому типу. «Подобныя наблюденія сдѣланы были и въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ негритянская порода нашла условія столь благопріятныя, что уживается какъ нельзя лучше; вслѣдствіе того, тамъ завелось даже обыкновеніе *разводить негровъ*, какъ у насъ *разводятъ овецъ* или *коровъ*.» Г. Лейель, подробно разспросивъ многихъ врачей, проживающихъ въ невольничьихъ штатахъ, а также и другихъ особъ, обращавшихъ вниманіе на это обстоятельство, нашелъ, что, безъ всякой примѣси посторонней крови, голова и тѣло негровъ, которые находятся въ ближайшемъ соприкосновеніи съ бѣлыми, подвергаются постепеннымъ измѣненіямъ, и съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе приближаются къ конфигураціи Европейцевъ ¹.

Измѣненія замѣчаются не только въ наружныхъ формахъ, но и во внутренней организаціи. Прюнеръ-бей, желая прослѣдить вопросъ, много разъ уже поднятый и неоднократно оспариваемый, дозналъ, что въ Африкѣ кровь негра и гуще и темнѣе чѣмъ у Европейца. А докторъ Визинье, очень долго занимавшійся медициной въ Луизианѣ, убѣдился, что тамъ кровь у негра, напротивъ того, замѣчательно жиже и блѣднѣе. Умственныя способности также принимаютъ участіе въ этомъ движеніи. Г. Лизбоа говоритъ, что въ Бразиліи, какъ ни стараются удержать негровъ въ совершенномъ невѣжествѣ, негры-креолы съ первыхъ же поколѣній оказываются несравненно понятливѣе своихъ родичей. Наконецъ г. Элизе Реклю, соб-

¹ Докторъ Голъ, введеіе къ книгѣ Пикеринга: *The Races of man*.

ственными наблюдениями подтверждающій все, что мы сказали, такъ выражается: «Мы не намѣрены затрогивать животрепещущаго вопроса о рабствѣ; ограничимся лишь заявленіемъ достовѣрнаго факта—постояннаго прогресса негровъ на пути общественнаго развитія. Даже въ физическомъ отношеніи они постоянно стремятся уподобиться своимъ повелителямъ. Негры Соединенныхъ Штатовъ уже далеко не тѣ что въ Африкѣ. Кожа ихъ рѣдко представляетъ первобытный, бархатно-черный цвѣтъ, хотя предки ихъ почти всегда вывозились съ Гвинейскаго берега; скулы далеко не такъ выдаются, губы не такъ толсты, носъ не такъ сплюсненъ, волосы менѣе похожи на шерсть, фізіономіи не отличаются тѣмъ скотскимъ выраженіемъ, а лицевой уголъ вовсе не такъ остеръ, какъ у ихъ братья въ Старомъ Свѣтѣ. Относительно внѣшности, они въ полтора ста лѣтъ прошли добрую четверть разстоянія, отдѣлявшаго ихъ отъ бѣлыхъ ¹.» Вотъ къ какимъ выводамъ факты привели въ Луизианѣ просвѣщеннаго наблюдателя, который очевидно и не касался занимающаго насъ вопроса, и потому къ подобнымъ фактамъ долженъ былъ относиться безпристрастно.

А вотъ что еще рѣшительнѣе говорить въ нашу пользу: г. Ноттъ и Глиддонъ сами признаютъ истину всѣхъ предыдущихъ показаній, признаютъ по крайней мѣрѣ самую существенную часть ихъ ². Эти авторы, ревностные сторонники ученія о множественности человѣческихъ видовъ и о постоянствѣ этихъ видовъ, тѣмъ не менѣе сознаются, что негры-креолы Соединенныхъ Штатовъ значительно выиграли въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Они даже прилагаютъ два изображенія негровъ, въ которыхъ конечно не легко признать африканскій типъ ³. При этомъ авторы, безъ сомнѣнія, сядятъ ослабить значеніе такого важнаго факта, приписывая его непрерывному сношенію съ бѣлыми и улучшенію пищи, и въ то же время утверждая, что упоманутый двойной прогрессъ останавливается на второмъ или третьемъ поколѣ-

¹ *Le Mississipi et ses bords, le Delta de la Nouvelle Orléans, Revue des Deux Mondes*, 1859, livr. du 1 août.

² *Types of mankind. Negro type.*

³ Можно быть увѣрену, что портреты эти ни мало не приукрашены, да и сами авторы прибавляютъ, что одинъ изъ нихъ—чистая карриатура.

ніи. Первое изъ этихъ двухъ показаній, безъ сомнѣнія, весьма справедливо, второе же опровергается кучей фактовъ; но будь оно даже совершенно согласно съ истиной, такую внезапную остановку легко было бы истолковать общественнымъ положеніемъ негра, въ которое какъ отдѣльныя личности, такъ, слѣдовательно, и все племя, поставлены въ невольничьихъ штатахъ законами, а въ свободныхъ—обычаями и нравами. Впрочемъ, мы не намѣрены здѣсь подробно обсуждать ни причину, ни обширности совершившихся измѣненій. Для насъ здѣсь всего важнѣе самый фактъ измѣненія, общаго и постоянного, потому что онъ доказываетъ, что, подъ вліяніемъ новыхъ условій среды, изъ *африканскаго племени негровъ* возникло *американское*. Какъ бы то ни было, этотъ фактъ до того очевиденъ, что относительно Америки его признаютъ даже и послѣдователи Мортонна, хотя въ тѣхъ главахъ этого сочиненія, которыя посвящены Египту, они выражаютъ мнѣніе совершенно противорѣчащее такому выводу.

Множество примѣровъ доказываютъ также, что и бѣлыя племена, европейскіе народы, представляютъ подобныя явленія. Каждое изъ нихъ образовало такъ сказать *полу-породы* въ населенныхъ имъ колоніяхъ. За невозможностью перечислить всѣ, возьмемъ хоть англійское племя и посмотримъ, что сдѣлалось съ нимъ подъ вліяніемъ различныхъ климатовъ, въ которыхъ оно ужилось и распространилось. Извѣстно, что никто болѣе Англичанъ не заботится о перенесеніи съ собою въ чуждые края всѣхъ родныхъ обычаевъ, нравовъ, вѣрованій и даже мелочей житейскаго обихода; словомъ, никто такъ тщательно не окружаетъ себя всѣмъ, что только можно сохранить изъ обычныхъ условій своего быта; слѣдовательно, въ этой борьбѣ съ вліяніями новой среды, никто не располагаетъ столькими средствами обороны; а между тѣмъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, побѣда все-таки остается на сторонѣ среды, и англійское племя, подобно всѣмъ другимъ, переселяясь съ родной почвы, подвергается измѣненіямъ.

Въ Австраліи, черты англійскаго типа начинаютъ измѣняться съ *перваго же поколѣнія*. Вотъ что писалъ Кенингемъ въ 1826 г.: «Австралійскіе креолы (*currencys*) становятся высоки и стройны какъ Американцы, и вообще отличаются саксонскими признаками, бѣлокурыми волосами и голубыми глазами; но цвѣтъ лица у нихъ, даже въ ранней молодости, *блдно-желтый*. Въ зрѣломъ возрастѣ ихъ уже очень легко отличать

отъ людей рожденныхъ въ Англіи. Алая щеки не свойственны здѣшнему климату, равно какъ и американскому,—въ Америку свѣжій румянецъ въ лицѣ непременно обратитъ на васъ вниманіе и вамъ скажутъ: вы, видно, изъ Стараго Свѣта?» Такимъ образомъ Кенингемъ разомъ устанавливаетъ два факта. Послѣдуемъ же за нимъ въ Америку, гдѣ давность наблюдений даетъ право предполагать, что выводы будутъ серіознѣе и виднѣе.

Уже Эдвардсъ (въ своей *Исторіи Западной Индіи*) указалъ, что между прочими переменами замѣчается здѣсь увеличеніе роста и расширеніе глазныхъ впадинъ. Позднѣ Смитъ, Карпентеръ и др. нашли еще иныя измѣненія, и Смитъ до того былъ пораженъ общимъ ихъ характеромъ, что рѣшительно предположилъ, что еслибы Англо-Американца совершенно предоставить мѣстнымъ влияніямъ, то онъ превратился бы въ Индѣйца, во всѣхъ отношеніяхъ подобнаго прежнимъ обитателямъ Соединенныхъ Штатовъ. Такой выводъ возбудилъ негодованіе Нокса (*Кнох*), но ни одного изъ фактовъ, на которыхъ Смитъ основываетъ свое предположеніе, онъ не могъ отвергнуть. Напротивъ того, онъ даже подтверждаетъ ихъ и въ особенности настаиваетъ на уменьшеніи объема жирной ткани и всѣхъ железистыхъ органовъ, что, по его мнѣнію, составляетъ общераспространенный признакъ въ Соединенныхъ Штатахъ.¹ Г. Десоръ, въ статьѣ о климатѣ Сѣверной Америки, опять подтверждаетъ всѣ эти факты и съ своей стороны прибавляетъ, что характеристическимъ признакомъ ямки можно считать еще удлиненіе шеи. Что касается до общаго впечатлѣнія, производимаго этими перекройками англійскаго первообраза, то вотъ какъ относится объ этомъ человекъ талантливый и ученый, который долго жилъ въ Америкѣ, изучалъ ее и совершенно согласуется въ воззрѣніяхъ своихъ съ Смитомъ.² Въ

¹ Докторъ Ноксъ—одинъ изъ самыхъ стойкихъ полигенистовъ, когда-либо писавшихъ о занимающемъ насъ вопросѣ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, весьма не многихъ, которые, проводя ученіе о множественности видовъ, не опасаются доводить его до крайнихъ предѣловъ; намъ еще не разъ придется цитовать этого ученаго. Въ настоящемъ случаѣ измѣненія, которымъ подверглись въ Америкѣ англосаксонское, французское и другія племена, доказываютъ, по его мнѣнію, что эти племена не способны освободиться и распространиться въ Новомъ Свѣтѣ. До сихъ поръ, однакоже, факты положительно доказываютъ противное.

² Аббатъ Брассеръ де-Бурбургъ, *Histoire des nations civilisées du Mexique et de l'Amérique centrale durant les siècles antérieurs à Christoph Colomb.*

короткое время установилось уже очень замѣтное различіе между нынѣшними Американцами и Англичанами, отъ которыхъ они происходятъ. Мы желали бы спросить у наблюдательнаго путешественника, побывавшаго по Соединеннымъ Штатамъ, какого онъ мнѣнія о нѣкоторыхъ семействахъ Нью-Йорка и Пенсильваніи, въ которыхъ уже лѣтъ сто или двѣсти поддерживается чистота крови, а также о самыхъ старинныхъ поселенцахъ Кентукки и береговъ Миссиссипи. Не правда ли, что не только въ наружныхъ чертахъ, но даже и въ характерѣ ихъ замѣтна ощутительная перемена? Они сохранили европейскую цивилизацію; но у иныхъ, вмѣстѣ съ лицевымъ угломъ Ирокеза, появилась и гордость его, и лукавство, у другихъ, съ наружною грубостію Иллинойца и Чероки, замѣтно также ихъ расположеніе къ откровенности и самобытности.» Люди искренніе между обитателями Соединенныхъ Штатовъ сами согласны съ этимъ мнѣніемъ, и аббатъ Брассеръ передаетъ по этому поводу слова одного очень замѣчательнаго человѣка, трактовавшаго при немъ объ этомъ предметѣ: «Мы и чертами и характеромъ превратились въ Гуроновъ.»

Къ этимъ свидѣтельствамъ путешественниковъ, мы можемъ, благодаря обязательности г. Прюнеръ-бея, присовокупить серьезное сужденіе ученыхъ анатомовъ; ограничусь одною выпиской ¹. «Американскій Англо-Саксонецъ со втораго поколѣнія начинаетъ уже представлять черты индѣйскаго типа, которыя приближаютъ его къ Ленни-Ленапамъ, Ирокезамъ и Чероки. Въ послѣдствіи железистые органы его уменьшаются до возможной степени нормальной величины; кожа дѣлается совершенно сухая, щеки и вообще лицо теряетъ свои яркіе оттѣнки, и вмѣсто того у мужчинъ появляется цвѣтъ лица землистый, муругій, а у женщинъ блѣдный, совѣтъ, если такъ можно выразить, безцвѣтный. Голова становится меньше и округляется или заостряется; волосы дѣлаются гладкими и темными. Шея вытягивается. Происходитъ сильное развитіе скулъ и жевательныхъ мышцъ. Впадины на вискахъ становятся глубже, челюсти объемистѣе. Глазныя впадины также углубляются и нѣсколько сближаются между собою. Глазной раекъ темнѣетъ, взглядъ получаетъ выраженіе пронзительное и суровое. Длинные кости еще удлиняются, особенно въ верхнихъ оконечностяхъ, такъ что во Франціи и Ан-

¹ Слѣдующія подробности сообщены мнѣ г. Прюнеромъ, который самъ заимствовалъ ихъ отъ врачей, соотечественниковъ своихъ.

глав для вывоза въ Америку шьютъ особыя перчатки, съ чрезвычайными длинными пальцами. Полости этихъ костей весьма незначительны; ногти легко получаютъ продолговатую и заостренную форму. Тазъ женщины уподобляется мужскому.» Мы сочли нужнымъ смягчить нѣкоторыя черты этого описанія; но и въ настоящемъ своемъ видѣ оно достаточно подтверждаетъ наши предположенія. Представленный здѣсь портретъ всею менѣе похожъ на европейскаго Англичанина и во всѣхъ отношеніяхъ поддерживаетъ мнѣнія авторовъ, на которыхъ мы ссылались. Възвѣвъ въ расчетъ сужденія и показанія столькихъ людей, безъ всякаго сомнѣнія не сговаривавшихся между собою, кажется можно допустить, что американская среда помѣнила англо-саксонскій первообразъ и произвела новую породу *бѣлыхъ, прешедшую отъ англійскаго аллемана, и могущую назваться аллеманомъ лики* ¹.

Чтобы подвергнуться такимъ или еще болѣе глубокимъ измѣненіямъ, породѣ не нужно даже и переселиться на чуждую почву, не нужно искать вдали отъ родины иного неба, иного климата. То же самое можетъ случиться съ нею и дома. Для этого достаточно, чтобы самыя условія существованія какъ-нибудь перевернулись. Вообще извѣстно, какъ прекраснѣйшія породы нашихъ домашнихъ животныхъ быстро дичаютъ и выраждаются, если въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній оставить ихъ безъ ухода. Съ человекомъ случается то же самое. Приведемъ разительный примѣръ, разказанный докторомъ Голдомъ въ его *своденіи* въ книгѣ Пижеринга. «Вслѣдствіе войны между Англіей и Ирландіей, въ 1641 и 1689 годахъ, множество Ирландцевъ принуждены были изъ графствъ Арнагъ и Даунъ бѣжать въ гористую мѣстность, простирающуюся въ восточной части Флюса до самаго моря. На другомъ пунктѣ королевства то же самое племя отбѣшено было въ графства Лейтримъ, Слейго и Майо. Съ тѣхъ поръ это населеніе почти по-

¹ Я съ намѣреніемъ настаиваю здѣсь лишь на физическихъ измѣненіяхъ, коимъ подверглась въ Америкѣ англосаксонская раса. Измѣненія нравственныя и умственныя представляютъ не менѣе разительныя факты, но доказать и оцѣнить ихъ гораздо труднѣе; такъ какъ примѣры, которые я могъ бы привести въ этомъ смыслѣ, все-таки можно оспаривать, то я отъ нихъ воздержался и ограничиваюсь лишь анатомическими указаніями, которыя спору не подлежатъ.

стоянно подвергалось бѣдственному вліянію голода и невѣжества—этихъ великихъ сподвижниковъ униженія. Потомки этихъ бѣглецовъ рѣзко отличаются отъ своихъ собратій, обитателей Метскаго графства и другихъ мѣстностей, гдѣ они не были поставлены въ такіа неблагопріятныя физическія условія. У первыхъ ротъ выдвинуть впередъ и всегда полуразинуть; зубы очень выдаются, десны вздуты, носъ сплюсненъ. Всѣ черты выражаютъ полнѣйшую дикость. Въ графствѣ Слейго и въ сѣверной части Майо, послѣдствія двухълѣтняго униженія отразились во всей физической организаціи этого народа, исказивъ не только черты лица, но и все строеніе тѣла. Ростъ ихъ уменьшился до пяти англійскихъ футовъ и двухъ дюймовъ, животъ раздулся, ноги искривились, всѣ черты изуродованы.» Всякій читатель, сколько-нибудь знакомый съ отличительными признаками разныхъ человѣческихъ породъ, узнаетъ въ этомъ описаніи, кромѣ цвѣта кожи, тѣ самые признаки, которые приписываются низшимъ породамъ негровъ, или самымъ дикимъ австралійскимъ народцамъ.

Авторъ приведенныхъ строкъ прибавляетъ еще: «Всѣмъ извѣстно, что въ другихъ частяхъ острова, тамъ гдѣ населеніе никогда не подвергалось неблагопріятнымъ вліяніямъ, *то же племя* представляетъ полнѣйшіе образцы физическихъ красотъ и нравственной силы.» И неужели эти двѣ группы, столь различныя между собою, — одна напоминающая населенія Австраліи, — другая стоящая на ряду со всѣми бѣлыми племенами, — неужели это существа одной породы?— Нѣтъ, отвѣтимъ мы доктору Голлу. Представителемъ настоящей, старинной породы, остался теперь Ирландецъ графства Метъ. Для него среда оставалась все та же, за то и онъ не измѣнился; но флюсскій Ирландецъ, подверженный совершенно инымъ условіямъ существованія, исказился: онъ образовалъ *новую породу, происшедшую отъ первой* и соответственную печальной средѣ, ее произведшей. Въ настоящее время въ этихъ краяхъ, такъ между собою смежныхъ, существуютъ два племени вмѣсто одного. По крайней мѣрѣ таковъ былъ бы всеобщій выводъ, еслибы дѣло шло о баранахъ, лошадяхъ или быкахъ; слѣдовательно мы то же можемъ сказать и относительно чело-
вѣка.

Изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ, — а можно бы привести ихъ и еще гораздо болѣе, — выходитъ, что порода, наиболѣе одаренная отъ природы, будучи поставлена въ неблагопріят-

ныя условія, неминуемо выражается и довольно быстро исходитъ до послѣднихъ предѣловъ человѣческаго униженія; что человѣкъ, даже облеченный во всеоружіе науки, промышленности и новѣйшей цивилизаціи, тѣмъ не менѣе подвергается вліянію *среды*; и наконецъ, что вліяніе это оказывается несравненно быстрѣе и приноситъ болѣе очевидные плоды нежели то думали до сихъ поръ. Менѣе двухъ вѣковъ, менѣе десяти поколѣній достаточно было, чтобы ирландскаго Кельта преобразить въ какого-то Австралійца. Въ два съ половиною вѣка, по большей мѣрѣ черезъ 12 или 13 поколѣній, Англо-Саксонецъ превратился въ *янки* ¹. Послѣ этого можно судить, какое вліяніе могли, и даже *должны* были производить на человѣка цѣлые ряды вѣковъ, сотни поколѣній, притомъ въ тѣ времена, когда еще дикіе или полудикіе народы почти безъ сопротивленія поддавались вліяніямъ странъ юныхъ и новыхъ, гдѣ животная и растительная природа и физико-химическія силы отвѣка царствовали безгранично. Тогда *борьба за существованіе* должна была быть несравненно упорнѣе и ожесточеннѣе нежели въ наше время, а мы еще и теперь съ почтительнымъ благоговѣніемъ взираемъ на мужество нашихъ путешественниковъ, нашихъ піонеровъ! Какъ глубоки, какъ долговѣчны должны были быть тогда послѣдствія — знаки этой борьбы! Читатель, который сообразить все, чему научила насъ исторія породъ животныхъ, и возьметъ въ разчетъ всѣ мѣстныя условія и дѣйствіе самаго времени, читатель, говорю я, не станетъ болѣе давиться тому, что между группами человѣческими, исходящими отъ *одного и того же вида*, замѣчается столько различій: скорѣе покажется ему удивительнымъ, что различія эти еще не такъ велики, какъ бы могли быть.

Полигенисты, видящіе въ этихъ уклоненіяхъ *видовыя признаки*, вынуждены признавать ихъ первобытными и постоянными: ибо, сознавшись однажды, что они могутъ быть случайны и измѣняемы, слѣдуетъ прямо согласиться, что этого рода доводы весьма шатки, или лучше сказать ничтожны, а иныхъ у нихъ не имѣется. Такая необходимость ставить

¹ Большая часть серіозныхъ попытокъ колонизаціи, на почвѣ Соединенныхъ Штатовъ, сдѣлана была не ранѣе 1620 года; около этого времени пуритане начали селиться въ Массачузетсъ, и только въ 1681 г. Карль II подарилъ Пенну область, за которую послѣдній заплатилъ — таки туземцамъ, но за то далъ ей свое имя.

ихъ лицомъ къ лицу съ выводами, во всякомъ случаѣ противными ихъ ученію. Приходится или распространить эти идеи на всѣ органическія существа, и такимъ образомъ поставить человѣка подъ уровень общихъ физическихъ законовъ, а въ животныхъ видахъ въ то же время отвергать способность къ уклоненіямъ (какъ то уже выразили богѣ или менѣ положительно нѣкоторые изъ полигенистовъ)¹; или же, признавая вмѣстѣ съ нами измѣняемость животныхъ и растительныхъ видовъ, утверждать, что только *человѣческіе виды* неизмѣнны. Въ первомъ случаѣ, ученіе полигенистовъ слишкомъ явно противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ, обыкновеннѣйшимъ фактамъ, которые стали уже удѣломъ промышленныхъ, обиходныхъ расчетовъ, и которыми мы въ настоящемъ случаѣ воспользовались для того только, чтобы точнѣе обозначить ихъ предѣлы и представить читателю научное ихъ значеніе. Во второмъ случаѣ, полигенисты ставятъ человѣка въ какое-то исключительное, вовсе необъяснимое положеніе. Они хотя и считаютъ его существомъ организованнымъ и одареннымъ жизнію, но тѣмъ не менѣе утверждаютъ, что онъ не подлежитъ общимъ законамъ, управляющимъ всѣми другими подобными существами, словомъ, ставятъ его внѣ общихъ физиологическихъ законовъ. Какія же доказательства приводятся въ подтвержденіе такого страннаго мнѣнія? Никакихъ; намъ только объявляютъ, что это такъ²; но вѣдь этимъ самымъ они вынуждены отвергать факты весьма многочисленные, и притомъ поддерживаемые такимъ множествомъ разнообразнѣйшихъ и точнѣйшихъ показаній, что сомнѣваться въ нихъ нѣтъ возможности.

Въ заключеніе, положимъ, что ученіе *полигенистовъ* способно истолковать причины постоянства египетскаго типа и всѣ подобные факты; но какъ объяснить оно перерожденіе *элюсскихъ Ирландцевъ*, образованіе породы *янки* и всѣ другія явленія этого рода? Кромѣ того, оно неизбѣжно стремится или разъединить человѣка съ остальными живыми существами, тогда какъ тождественность общей ихъ природы должна вызвать и явленія тождественныя, или поставить ихъ рядомъ, но за то животнымъ приписывать такія свойства, ко-

¹ См. въ особенности *L'histoire monumentale des chiens*, въ *Types of Mankind*.

² Др. Кнох, *Races of man*.

торыхъ, какъ намъ положительно извѣстно, они не имѣютъ. Ученіе же *монокенистовъ*, опираясь на вліянія среды, которыя, повсюду такъ очевидны, можетъ разомъ объяснить причины какъ постоянства признаковъ, такъ и измѣняемости ихъ; оно принимаетъ всѣ очевидные факты и не противорѣчитъ ни одному; человекъ, относительно физической его природы, оно считаетъ только за то, что онъ есть,—за существо органическое и живое, и потому подверженное всѣмъ вліяніямъ, подлежащее всѣмъ физиологическимъ законамъ, которые простираются на все живое. До сихъ поръ оба ученія могли казаться одинаково основательными; еще была возможность колебаться въ выборѣ. Теперь же оказывается серьезная противоположность между ними, и притомъ такого рода, что всякій человекъ, не зараженный никакими заранѣе составленными мнѣніями, и становящійся единственно на почву естествознанія, по настоящему долженъ бы теперь же принять ученіе о *единствѣ вида*. Однако мы еще не требуемъ отъ читателя немедленнаго съ нами согласія: мы хотимъ показать ему, до какой степени противоположность, уже и теперь столь замѣтная, все болѣе и болѣе выисляется, по мѣрѣ того какъ углубляешься въ самую сущность явленій и въ приложенія физиологическихъ законовъ.

VI. О ПОМѢСЯХЪ МЕЖДУ ОРГАНИЧЕСКИМИ СУЩЕСТВАМИ.

1. О метисаціи и гибридаціи растений и животныхъ.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, до чего важна естественная или искусственная отборка въ дѣлѣ образованія породъ; но до сихъ поръ мы разсматривали лишь тѣ случаи, когда оба родича относятся къ одной и той же породѣ¹. А между тѣмъ хозяинъ, занимающійся скотоводствомъ и старающійся улучшить и разнообразить свои произведенія, равно какъ садоводъ, который всячески изоцряется умножить разности своихъ цвѣтовъ и плодовъ, далеко не замыкаются въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ. Очень часто берутъ они отца и мать изъ двухъ *различныхъ породъ*, или даже *разныхъ видовъ*. При этомъ совершается

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 10.

такъ-называемая *помесь* или *скрещиваніе*, явленіе, происходящее, впрочемъ, въ природѣ и безъ вмѣшательства чловѣка. Изученіе такихъ явленій имѣетъ для насъ величайшую важность, и читатель заранее можетъ усмотрѣть, къ какимъ выводамъ оно насъ приведетъ. Ни въ одномъ изъ жизненныхъ отправленій евоихъ, существа органическія не достигаютъ такой сходственности, какъ въ дѣлѣ размноженія: тутъ между ними замѣчаются не только общія сходства, но не рѣдко и полная тождественность. Изученіе этихъ отравленій у животныхъ и растений, съ точки зрѣнія вопроса насъ занимающаго, ведетъ къ двумъ результатамъ одинаково важнымъ. Съ одной стороны, оно подтверждаетъ все, что выказано нами о видѣ, оправдывая между прочимъ и выраженія, которыми мы его опредѣлили; съ другой,—ведетъ къ рѣзкому различенію *вида* отъ *породы*, и даетъ возможность распознавать ихъ. Овладевъ такимъ результатомъ, мы легко можемъ приложить его къ чловѣку, и читатель можетъ тогда самъ разсудить, которое изъ двухъ ученій согласуется съ дѣйствительностью.

Прежде всего обозначимъ нѣсколько терминовъ, которые будутъ намъ попадаться на каждомъ шагѣ. Ботаники издавна называли *ибридами* продукты всякой помеси; но, наученные опытомъ, скорѣ стали различать *истинные ибриды* отъ *ложныхъ*. Съ другой стороны, зоологи вообще употребляли выраженіе *метисъ*, перешедшее теперь и въ скотоводство. Мы намѣрены сохранить оба термина, примѣняя ихъ однакоже къ тому и другому органическому царству. *Метисомъ* будемъ называть животное или растеніе, происшедшее отъ родителей двухъ *разныхъ породъ*¹; *ибридомъ* же будетъ для насъ животное или растеніе, происшедшее чрезъ помесь особей двухъ *разныхъ видовъ*². Притомъ оба рода помесей назовемъ мы словами *метисація* и *ибридація* и будемъ прилагать ихъ къ обонимъ царствамъ, хотя первое изъ нихъ употребляется преимущественно зоологами, а второе ботаниками.

Займемся сначала *метисаціей* въ обонхъ царствахъ, различая при этомъ, какъ и при разсмотрѣніи отборки, тѣ случаи, въ которыхъ дѣйствуютъ силы природы сами по себѣ, и тѣ, въ которыхъ вліяніе чловѣка имѣетъ важное, иногда и главное,

¹ Наши *метисы* соответствуютъ *ложнымъ ибридамъ* ботаниковъ и тому, что Исидоръ Жоффруа называетъ *metis homoides*.

² Выраженіе *ибриды* соответствуетъ у насъ *истиннымъ ибридамъ* ботаниковъ, или тому, что Исидоръ Жоффруа называетъ *metis hybridus*.

значеніе. Съ перваго раза, въ растеніяхъ трудно себѣ представить естественную *метисацію*. Растенія вообще на своихъ мѣстахъ неподвижны, также неподвижно прикрѣплены и пестики ихъ и тычинки, прикрытые часто двойными покровами ¹; казалось бы, какъ тутъ произойти смѣшенію породъ?—но и въ цвѣточныя убѣжища, повидимому такъ плотно замкнутыя, проникаютъ посторонніе элементы. Вѣтры потрясаютъ лопнувшіе пыльники ²; увлекаютъ за собою плодотворную ихъ пыль и переносятъ ее на рыльца ³, для которыхъ она вовсе не назначалась. Насѣкомыя, особенно тѣ что живутъ поборами и проникаютъ въ самую глубину цвѣтовъ, извлекая оттуда свою пищу, также могутъ считаться весьма дѣятельными пособниками всякаго рода помѣсей. Тѣло ихъ покрывается плодотворною пылью, и они повсюду переносятъ ее на себѣ съ цвѣтка на цвѣтокъ; если только возможно оплодотвореніе, то оно на этомъ и совершается. А оно между различными породами не только возможно, но чрезвычайно легко, и совершается на нашихъ глазахъ ежедневно.

Фактъ этотъ достовѣрно былъ доказанъ вскорѣ послѣ того какъ у растеній признали существованіе половыхъ органовъ. Еще въ 1744 г. Линней приписывалъ скрещиванію (или помѣси) появленіе пестрыхъ и полосатыхъ тюльпановъ, между посѣвами отъ сѣменъ одноцвѣтныхъ. Это наблюденіе подтверждалось тысячу разъ, и не только на тюльпанахъ, но на множествѣ другихъ растеній. Въ то же время дознано, что вслѣдствіе такихъ помѣсей во всѣхъ частяхъ растительнаго организма могутъ происходить уклоненія и представляются смѣшанные признаки, подобно тому какъ при окрашиваніи тюльпановъ. Изъ множества примѣровъ, которые мы могли бы привести, выберемъ опытъ г. Нодена, препаратора при Музеѣ; онъ уже нѣсколько лѣтъ и съ замѣчательнымъ успѣхомъ занимается всѣми вопросами науки, относящимися къ предмету нашихъ настоящихъ разысканій. Въ одинъ годъ этотъ наблюдатель тщательно прослѣдилъ развитіе тысячи двухъ сотъ тыковъ и

¹ То—есть листочками чашечки и вѣнчика. Извѣстно, что черѣдко одной изъ нихъ не бываетъ вовсе.

² Пыльникъ—маленькій перепончатый мѣшочекъ, помѣщенный на верхушкѣ тычиночной нити (мужескій органъ); въ немъ образуется *цвѣтень* или плодотворная пыль растеній.

³ Рыльце—верхняя оконечность пестика (женскій органъ), на которую падаетъ цвѣтень во время оплодотворенія.

убѣдился, что растенія вышедшія изъ сѣменъ одной и той же тыквы воспроизвели признаки всѣхъ породъ, находившихся въ его саду. А между тѣмъ, всѣмъ извѣстно до какой степени тыквы разнятся между собою по формѣ, объему, вѣсу и другимъ качествамъ. Фактъ этотъ какъ нельзя лучше доказываетъ, какъ равносильно было вліяніе плодотворной пыли этихъ особей, повидимому такъ различныхъ между собой; это лучше всего доказываетъ, что какъ бы ни разнообразны были кажущіеся признаки *породы*, племенные помѣси совершаются такъ же удобно и легко, какъ между особями совершенно одинаковыми по виду.

Въ естественной *метисаціи* животныхъ встрѣчаемъ мы точно такія же обстоятельства, съ тою разницею, что, пользуясь способностью передвиженія, животныя еще чаще представляютъ такіе примѣры на фермахъ нашихъ, въ домахъ, на скотныхъ дворахъ и псарняхъ, несмотря на усиленный присмотръ со стороны хозяина. Всѣ скотоводы знаютъ по опыту, что трудность не въ томъ чтобы произвести помѣси между породами, а главное въ томъ, чтобы уберечь ихъ отъ помѣсей и сохранить въ чистотѣ требуемую породу. Тутъ-то на самкахъ, которыхъ не успѣли уберечь, замѣчается то же равносильное вліяніе, которое поражало насъ въ растеніяхъ. Бываютъ примѣры, что сука, совокупляющаяся поочередно съ самцами различныхъ породъ, приноситъ щенятъ, обладающихъ признаками трехъ разныхъ происхожденій. Слѣдовательно, съ ними совершилось все то же, что съ тыквами г. Нодена.

Теперь уже почти излишне прибавлять, что искусственная *метисація* не представляетъ никакихъ затрудненій, и что такія помѣси, совершаемыя подъ вліяніемъ воли человеческой, оказываются точно также плодородными, какъ и тѣ, что происходятъ между особями одной породы. Итакъ, мы напомнимъ только, что подобныя скрещиванія давнымъ-давно вошли въ употребленіе у сельскихъ хозяевъ и что этотъ способъ всего чаще употребляется для улучшенія, измененія или разнообразія растеній и животныхъ, на которыхъ человѣкъ основываетъ какую-либо отрасль промышленности. Прибавимъ лишь одно замѣчаніе, которое, при сближеніи съ другими фактами, окажется весьма важнымъ. Мы уже говорили, въ другомъ мѣстѣ, что, по мѣрѣ усовершенствованія животной или растительной породы, человѣкъ часто значительно ослабляетъ въ ней, а иногда и вовсе уничтожаетъ способность

къ размноженію. Въ такомъ случаѣ, способность эта до нѣкоторой степени оживляется чрезъ скрещиваніе съ другою породой, менѣе измѣненною. Такъ на примѣръ, когда во Францію вывезли англійскихъ свиней, онѣ черезъ нѣсколько поколѣній вовсе перестали плодиться и снова начали размножаться только тогда, когда ихъ свели съ мѣстною породой, болѣе худощавою и поздней, но за то болѣе крѣпкою и менѣе уклонившеюся отъ первоначальнаго типа. Очевидно, тутъ сила одной породы возобновила упавшія силы другой. И въ растительномъ царствѣ замѣчается то же самое.

Слѣдовательно, *метисація*, то-есть, скрещиваніе *разныхъ породъ*, всегда легко совершается, и послѣдствія ея столь же вѣрны, какъ тѣ, которыхъ можно ожидать отъ соединенія особой одной и той же породы. Мало того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ плодородіе усиливается или въвраждается подъ вліяніемъ этого скрещиванія. *Гибридація*, то-есть скрещиваніе *особей различныхъ видовъ*, представляетъ факты совершенно противоположныя. Сначала рассмотримъ ее у растеній, размножающихся безъ вмѣшательства челоука.

Въ полѣ, какъ и въ садахъ нашихъ, общія условія среды благоприятствуютъ *гибридаціи* ровно столько же, сколько и *метисаціи*. Въ поляхъ всѣ условія скрещиванія даже скорѣе благоприятствуютъ особямъ различныхъ видовъ нежели различнымъ породамъ, потому что количество видовъ, цвѣтущихъ одновременно, несравненно многочисленнѣе породъ, происшедшихъ отъ одного изъ нихъ въ дикомъ состояніи; а дѣятеля оплодотворенія остаются вездѣ одни и тѣ же. Пчелы и жуки безразлично перелетаютъ съ одного цвѣтка на другой, вѣтеръ съ одинаковою силой сдуваетъ цвѣтенъ и съ породъ, и съ видовъ, и разноситъ его въ одинаковомъ количествѣ. Слѣдовательно, еслибы между *видами* все совершалось такъ же удобно какъ между *породами*, то *гибриды* были бы по крайней мѣрѣ такъ же обыкновенны, какъ и *метисы*. А между тѣмъ, такъ ли это? Войдемъ въ нѣкоторыя подробности, и пусть читатель самъ тогда посудитъ.

Находясь подъ вліяніемъ удивительнаго открытія половыхъ органовъ въ цвѣткѣ, Линней въ большей части растительныхъ видовъ думалъ видѣть *гибридовъ*; онъ полагалъ даже, что мысль эта подтверждается его непосредственными наблюденіями и описалъ семнадцать растеній, будто бы происшедшихъ отъ скрещиванія видовъ, и понинѣ существующихъ. Но Декандель,

разсмотрѣвъ эти факты съ точки зрѣнія болѣе зрѣлой науки, нашелъ, что всѣ они ошибочны, и самъ, обстоятельно провѣривъ всѣ случаи, достовѣрно собранные ботаниками всѣхъ странъ, насчиталъ ихъ никакъ не больше сорока. Г-да Дюшартръ и Годронъ, у которыхъ я заимствую эти историческія подробности, справедливо замѣчаютъ впрочемъ, что въ тѣ времена, когда писалъ Декандоль, ученые не обращали еще на случаи естественной *гибридаціи* такого вниманія какъ въ послѣдствіи. Съ тѣхъ поръ факты эти возбуждали все болѣе и болѣе любопытства, что повело къ болѣе-дѣятельнымъ разысканіямъ, и въ настоящую минуту число достовѣрныхъ фактовъ, дознанныхъ по этому предмету, значительно увеличилось. Однакоже число это все-таки до того ограничено, что многіе изъ лучшихъ ботаниковъ принимаютъ естественную *гибридацію* болѣе за теорію нежели за фактъ.

Изъ этого краткаго обзора можно вывести только одно заключеніе, а именно, что естественная *гибридація* у растеній встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Да и что бы значили десятка три случаевъ, подмѣченныхъ въ теченіе цѣлаго вѣка и болѣе¹, если сообразать, какое множество видовъ цвѣтетъ ежегодно въ перемежку въ одно и то же время и въ условіяхъ самыхъ благопріятныхъ для скрещиванія? Что значить эта цифра, въ сравненіи съ тѣми несчетными тысячами *метисовъ*, постоянно являющихся передъ нашими глазами? И замѣтимъ еще въ добавокъ фактъ, признанный всѣми ботаниками, что естественная *гибридація* не чаще встрѣчается между воздѣлываемыми растеніями нежели между дикорастущими; такъ что сады наши, и въ особенности ботаническіе сады, представляютъ примѣръ самый разительный, если принять въ соображеніе, что *метисація* въ нихъ такъ обыкновенна, а *гибридація* такъ рѣдка.

Въ животномъ царствѣ дикіе виды въ этомъ отношеніи почти такъ же мало разнятся отъ домашнихъ. *Гибридація* первыхъ еще очень сомнительна, и многіе натуралисты вовсе отвергаютъ ее. Однакоже Исидоръ Жоффуа, который разсмотрѣлъ и подвергъ строжайшей критикѣ всѣ примѣры, приводимые различными авторами, принимаетъ нѣсколько такихъ примѣровъ за факты положительные. Изъ этого разбора выходитъ впрочемъ, что изъ всѣхъ животныхъ свободно живущихъ однѣ только

¹ Г. Декенъ полагаетъ, что всѣхъ растительныхъ гибридовъ, достовѣрно дознанныхъ, не болѣе двадцати.

птицы представляютъ нѣсколько примѣровъ размноженія чрезъ помѣсь особей разныхъ видовъ. Свидѣтельство Жоффуа вдвойнѣ для насъ важно въ этомъ случаѣ, какъ по специальности его разысканій, такъ и по философскому направленію его ученія; а между тѣмъ онъ рѣшительно отвергаетъ всѣ факты этого рода, приводимые различными писателями о млекопитающихъ. Что касается до естественныхъ *гибридовъ* у рыбъ, описываемыхъ старинными зоологами, то г. Валансьенъ полагаетъ, что то были настоящіе *виды*, тогда еще плохо изученные. Быть-можетъ тѣ немногіе случаи, которые подмѣчены у насѣкомыхъ, и стоятъ того; чтобы быть занесенными въ науку; но все, что на этотъ счетъ было говорено о моллюскахъ, Исидоръ Жоффуа считаетъ по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ ¹. Кромѣ этихъ, ни одна изъ группъ животнаго царства не представляла еще примѣровъ естественной *гибридаціи*, такъ что въ сущности число достоверныхъ фактовъ этого рода такъ же незначительно у животныхъ, какъ и у растений.

Въ домашнемъ состояніи скрещиванія различныхъ видовъ случаются чаще. Мы видѣли, какъ инстинктъ и самая дѣятельность воспроизведенія изощряются у нѣкоторыхъ породъ, порабощенныхъ человѣку. Послѣ этого не мудрено, что два близкіе вида иногда скрещиваются, даже и въ томъ случаѣ, когда только одинъ изъ нихъ подвергся влиянію порабощенія. Такъ иногда наши собаки совокупаются съ волкомъ, наши кошки съ нѣкоторыми видами дикихъ кошекъ ², и помѣси эти оказываются плодущими. Подобные случаи не разъ бывали подмѣчены у другихъ млекопитающихъ и у птицъ; но такъ какъ это случалось въ звѣрицахъ и птичникахъ, то относится опять-таки къ числу искусственныхъ фактовъ *гибридаціи*, которою мы и займемся теперь.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что въ дикомъ со-

¹ Не принимая въ разчетъ другихъ соображеній, мы должны тѣмъ болѣе придавать вѣсу мнѣніямъ Исидора Жоффуа, когда онъ опровергаетъ существованіе мнимыхъ естественныхъ *гибридовъ*, что, отвергая такіе факты, этотъ ученый ругаетъ нѣкоторымъ образомъ противъ себя самого. Правда, что кромѣ этихъ доказательствъ у него остается еще множество другихъ, гораздо лучшихъ, и ими онъ можетъ побивать преувеличенные доводы *ученія*, противъ котораго направлена эта часть его сочиненія.

² Перечисляя факты этого рода, замѣченные различными авторами, Исидоръ Жоффуа прибавляетъ къ нимъ нѣсколько новыхъ.

стояннiи *виды* животныхъ и растенiй скрещиваются крайне рѣдко. Вмѣшательство челоѡка значительно умножило эти случаи; но весьма замѣчательно, что оно почти вовсе не расширило предѣловъ *гибридаціи*. Линней вѣрилъ еще въ возможность помѣсей между особями различныхъ *семействъ*; но наука очень скоро убѣдилась, что онъ зашелъ слишкомъ далеко. Еще въ 1761 г. Кельрейтеръ обнародовалъ первые результаты своихъ превосходныхъ работъ, продолжавшихся потомъ двадцать семь лѣтъ сряду, и установилъ правила, которыя все болѣе и болѣе подтверждались наблюденіями, производившимися съ тѣхъ поръ разными лицами. Въ числѣ законовъ, установленныхъ Кельрейтеромъ, есть одинъ, не подлежащій рѣшительно никакому исключенію: никакими средствами нельзя произвести помѣси между видами, принадлежащими къ двумъ разнымъ *семействамъ*¹. Даже между разными *родами* гибридація очень рѣдка, всегда крайне затруднительна, а въ нѣкоторыхъ семействахъ положительно невозможна. Наконецъ есть такія семейства, въ которыхъ и *скрещиваніе видовъ* повидимому вовсе не возможно; назовемъ въ особенности семейство *Тыквяныхъ*, такъ обстоятельно изученное г. Ноденомъ, и въ которомъ, какъ мы видѣли, *скрещиваніе породъ* такъ легко, такъ безошибочно.

Въ тѣхъ родахъ, гдѣ *гибридація* совершается всего легче, выбираютъ, положимъ, виды, наилучшимъ образомъ поддающіеся ей; но и тогда, чтобы достигнуть полнаго успѣха, необходимо принимать самыя тщательныя, мельчайшія предосторожности. Цвѣтокъ, который будетъ играть роль матери, нужно непременно уединить, тщательно оборвать всѣ тычинки, пока еще цвѣтень не успѣлъ образоваться, цвѣтень же другаго растенія, долженствующаго быть отцомъ, аккуратно наложить на пестикъ кисточкой, и такъ содержать цвѣтокъ уединеннымъ во все время, пока операція не окажется удовлетворительно оконченною. Не взирая на всѣ эти предосторожности, опыты бывають однако неудачны, что доказываетъ, что хотя *гибридація* и не вовсе противна законамъ природы, но все-таки до того противоественна, что случается только въ

¹ Считаю долгомъ напомнить читателямъ, мало знакомымъ съ выраженіями принятыми у натуралистовъ, что слова *семейство* и *родъ* должно понимать здѣсь въ техническомъ смыслѣ, какъ выраженія извѣстныхъ группъ въ классификаціи растеній и животныхъ.

видѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній. Кромѣ того, изъ вѣсѣхъ разысканій по этому предмету оказываются два общіе факта, доказывающіе самымъ очевиднымъ образомъ какая огромная разница между *скрещиваніемъ видовъ* и *скрещиваніемъ породъ*. Кальрейтеръ и вѣсѣ его послѣдователи говорятъ, что каждый цвѣтокъ, хотя сколько-нибудь подвергшійся вліянію цвѣтна *своего вида*, дѣлается совершенно не способнымъ къ оплодотворенію чужимъ цвѣтнемъ. Какая разница съ тою равносильностію вліянія, которую видѣли мы въ цвѣтнѣ *породъ*, самыхъ даже отдаленныхъ другъ отъ друга! Кромѣ того, вѣсѣ наблюдатели единогласно признаютъ, что *гибридація* всегда значительно умѣряетъ плодородіе, иногда даже уменьшаетъ его до послѣдней степени. Тутъ тоже совершенная противоположность съ *метисаціей*, которая не только не умѣряетъ, но иногда даже усиливаетъ плодородіе.

Искусственное скрещиваніе *видовъ* у животныхъ представляетъ совершенно тѣ же явленія что у растений. У нихъ также, вслѣдствіе вмѣшательства челоуѣка, увеличилось число видовыхъ помѣсей, умножилось количество фактовъ этого рода, и оно не удивительно: тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, челоуѣкъ извратилъ естественный инстинктъ животного, чтобы направить его для своей собственной цѣли. Для достиженія такихъ помѣсей, нужно разлучить особи одинаковаго вида и соединить ихъ съ особями другаго вида. Когда пробуждается въ нихъ инстинктъ воспроизведенія, онъ дѣйствуетъ неудержимо, и простолюдины не даромъ говорятъ, что въ это время животные *словно бьются*. Не находя средства къ нормальному удовлетворенію, инстинктъ этотъ, долженствующій обезпечить продолженіе вида, совращается съ естественнаго пути и вынуждаетъ къ совокупленію животныхъ, которыя до тѣхъ поръ были только товарищами по плѣну. Такимъ образомъ случалось, что левъ соединялся съ тигрицей, тогда какъ еслибъ они жили на свободѣ въ своихъ пустыняхъ, они бы во вѣки вѣковъ не вздумали вступать въ такіа отношенія ¹. Между видами издавна прирученными, между

¹ Сочетанія эти бывали плодородны. Въ особенности ставятъ въ примѣръ льва и тигрицу, которые жили въ странствующемъ звѣринцѣ и произвели пять выводковъ. Отецъ самъ родился въ неволѣ, отъ варварійскаго льва и сенегальской львицы; мать была родомъ изъ Калькутты. (См. *Histoire naturelle des Mammifères*, par P. Gervais.)

особами воспитанными и вскормленными вместе, сходство привычек и ежедневное сожителство конечно облегчают такія уклоненія. Этими можно объяснить нѣкоторыя странныя сочетанія, описанныя у разныхъ авторовъ и даже мною лично дознанныя въ одномъ случаѣ, который явно противорѣчилъ пословицѣ, считающей кошку съ собакою непримиримыми врагами.

Но бываютъ ли подобныя соединенія плодородны? Нѣтъ, не болѣе и не чаще того какъ въ слишкомъ-отдаленныхъ по организаціи растенійхъ, между которыми человекъ дѣлаетъ опыты искусственнаго оплодотворенія. Въ обоихъ случаяхъ зачателство его умножаетъ случаи гибридациі, но ни мало не распространяетъ ея узенькихъ предѣловъ, внѣ которыхъ явленіе это вовсе исчезаетъ. Исидоръ Жоффеуа показалъ, какъ должно понимать нѣкоторые факты, приводимые иногда въ подтвержденіе возможности помѣсей между видами различныхъ семействъ. Ни у животныхъ, ни у растеній, *гибридациія* еще до этого не доходила. Сумма фактовъ, собранныхъ и обсужденныхъ почтеннымъ ученымъ, названнымъ выше, показываетъ, что хотя помѣси между *видами разныхъ родовъ* и бываютъ плодущи, но несравненно рѣже тѣмъ между видами *однородными*. Да и эти послѣднія далеко не часто представляютъ подобныя явленія, особливо въ высшихъ органическихъ группахъ. Слѣдательно, въ обоихъ царствахъ во всѣхъ отношеніяхъ оказывается тождественность. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе замѣчательнъ, что искусственная *гибридациія* животныхъ происходила еще въ глубокой древности, по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми изъ нашихъ домашнихъ видовъ. Евреи употребляли лошаковъ еще до царя Давида, а Греки во времена Гомера; у Римлянъ же ублюдки, происходящія отъ помѣси козла съ овцой и барана съ козой, получили различныя наименованія.

Еще одна сходственная черта проявляется между *гибридациями* животныхъ и растеній, — это шаткость результатовъ, уменьшеніе плодородія. Въ зверинцѣ Музея обезьяны, иногда очень близкихъ видовъ, совокупляются между собою безпрестанно, а между тѣмъ Исидоръ Жоффеуа насчитываетъ только три случая плодородія. Въ Музеѣ не разъ пытались возобновлять породы этихъ *титировъ* и *мусмоновъ* ¹, которые

¹ Первый происходитъ отъ помѣси козла съ овцою, второй—барана съ козой.

такъ хорошо извѣстны были римскимъ скотоводамъ: Брэфонъ и Добантонъ добились двухъ экземпляровъ, а Исидору Жоэфруа такъ и не удалось, хотя въ Южной Америкѣ изъ этихъ гибридовъ составилась особая отрасль промышленности, о которой мы поговоримъ послѣ. Скрещивать зайцевъ съ кроликами пробовали тысячу разъ, и вѣроятно вездѣ, гдѣ только водятся эти животныя, пробовали притомъ и сельскіе хозяева, и ученые спеціалисты, а между тѣмъ, кромѣ двухъ-трехъ случаевъ, опытъ этотъ нигдѣ не удался; да и въ тѣхъ случаяхъ, когда удался, никто не могъ разгадать, что именно было причиною успѣха ¹. Всѣ любители птицъ знаютъ по опыту, какъ неправильны бываютъ (весьма, впрочемъ, нерѣдкіе) выводки канареекъ, скрещенныхъ съ нашими чижами щеглами и пр. Фридрихъ Кювье скрещивалъ обыкновенную гусыню съ лебедемъ, и изъ девяти яицъ, снесенныхъ ею, одно только оказалось не болтуномъ. Наконецъ, сообразивъ всѣ дознанные факты, мы приходимъ къ заключенію, что быть-можетъ только у двухъ видовъ—лошади и осла—почти всегда и вездѣ помѣсь оказывается плодородною. Въ этомъ случаѣ, къ какой-бы породѣ ни принадлежали отецъ или мать, усѣбъ по видимому всегда вѣрный. Если лошака, происшедшій отъ помѣси жеребца съ ослицею, встрѣчается рѣже нежели мулъ, помѣсь осла и кобылы, то это должно приписать единственно искусственной отборкѣ производимой человѣкомъ, которому первый, по мелкости роста и общей слабости организаціи, обѣщаетъ не такого надежнаго слугу, какъ второй.

Изъ этого бѣлаго обзора мы видимъ, что такое *метисація* и *гибридація* у животныхъ и растений, отчего бы ни происходили эти факты, отъ вліянія ли естественныхъ условій среды, или отъ дѣйствія воли и разума человѣческаго. Мы

¹ Всѣ подробности, относящіяся до *лепоридовъ*, происшедшихъ отъ этой помѣси, изложены въ брошюрѣ г. Брокá, секретаря Общества антропологовъ, который очень умно и учено разбираетъ въ ней многіе изъ затронутыхъ нами вопросовъ, хотя въ смыслѣ совершенно противоположномъ (*Recherches sur l'Hybridité en général et sur l'Hybridité humaine en particulier*). Г. Брокá съ особою обстоятельностью описываетъ лепоридовъ, выведенныхъ г. Ру (Roux), который основалъ на этой помѣси цѣлую отрасль промышленности. Г. Брокá дважды ѣздилъ въ Англемъ, для изученія хозяйственныхъ приемовъ г. Ру; но, несмотря на многократные опыты, скрещиваніе зайцевъ съ кроликами также мало удалось г-ну Брокá, какъ и почти всѣмъ его предшественникамъ.

думаемъ, что сказаннаго нами достаточно для установленія той великой и общей истины, что каждое изъ этихъ явленій, искусственное или естественное, въ обоихъ царствахъ представляетъ одинаковыя особенности и повинуется одинаковымъ законамъ. Но въ суммѣ фактовъ, обличающихъ то и другое явленіе, оказываются существенныя различія, которыя не излишне будетъ еще разъ перечислить. *Метисація*, то-есть *скрещиваніе породъ*, вездѣ и всегда легко совершается, какъ бы различны ни были породы; она каждый день происходитъ между особями предоставленными самимъ себѣ, и человѣку часто труднѣе воспрепятствовать этому нежели произвести помѣсь. Подъ влияніемъ метисаціи плодородіе остается совершенно правильнымъ; оно не ослабѣваетъ у особой одинаковой породы. *Гибридація*, то-есть *скрещиваніе видовъ*, въ огромномъ большинствѣ случаевъ невозможна, хотя бы соединяемые между собою виды представляли повидимому чрезвычайное сходство и сродство. Между особями дикими и живущими на свободѣ, она въ высшей степени рѣдка, а между домашними особями или содержимыми въ неволѣ случается лишь вслѣдствіе особыхъ искусственныхъ уловокъ и мѣръ, которыя однакоже часто не удаются. Подъ влияніемъ гибридаціи, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ (за исключеніемъ только одного случая), плодородіе становится нецвильнымъ, и ослабѣваетъ въ громадныхъ размѣрахъ.

Таковы общіе выводы, къ которымъ приводитъ изученіе помѣсей, какъ по отношенію къ самому факту, такъ и по отношенію къ непосредственнымъ его результатамъ. Однихъ результатовъ этихъ было бы почти достаточно, чтобы навѣрное узнать, принадлежатъ ли дѣя данныя особи къ разнымъ *породамъ*, или къ разнымъ *видамъ*. Далѣе мы увидимъ, что этотъ практическій выводъ дѣлается еще очевиднѣе, если разсматривать самые продукты помѣсей.

II. О МЕТИСАХЪ И ГИБРИДАХЪ У РАСТЕНІЙ И ЖИВОТНЫХЪ.

Какъ философы, такъ и практическіе наблюдатели съ разныхъ сторонъ разсматривали, какимъ образомъ признаки передаются метису и гибриду, чрезъ помѣсь породъ и видовъ, и какія различія замѣчаются въ обоихъ этихъ случаяхъ. Можно бы по этому вопросу сопоставить воззрѣнія Канта съ мнѣні-

ями Мопертюи и Бурдаха, Годрона—съ Жиру де-Бюзаренемъ ¹. Ученіе Канта разсматриваетъ гибридовъ какъ существа *среднія* между двумя *видами*. Мопертюи полагаетъ, что *средними* можно считать только *метисовъ*, происходящихъ отъ породъ по возможности близкихъ между собою, тѣмъ болѣе метисовъ происшедшихъ отъ разновидностей. Уже одно это разногласіе показываетъ, что обѣ стороны грѣшатъ преувеличеніемъ. Не пускаясь въ подробности, которыя могутъ завести насъ слишкомъ далеко, скажемъ, что сущность многочисленныхъ фактовъ, приводимыхъ многими авторами, заставляетъ насъ принять мнѣніе г. Люка: онъ говоритъ, что всякая помѣсь должна породить продуктъ смѣшанный, и теоретическія данныя легко объясняютъ причины этого результата. Известно уже, что оба пола стремятся каждый передать потомку всѣ свои признаки ²; известно также, что различные признаки породы существуютъ до того независимо другъ отъ друга, что часто въ одной и той же породѣ встрѣчаются, рядомъ съ признаками

¹ Исидоръ Жоффруа первый обратилъ вниманіе естествоиспытателей и антропологовъ на мысли Канта объ этомъ предметѣ. Г. Просперъ Люка разобралъ мнѣнія Мопертюи.

² Этотъ законъ—одинъ изъ постояннѣйшихъ законовъ наследственности—слишкомъ часто упускается изъ вида многими скотоводами и заводчиками. Еслибы важность его была сознаана серьезно, то вѣрно они не съ такимъ страннымъ пристрастіемъ смотрѣли бы на кровныхъ англійскихъ скакуновъ и не старались бы именно ими подновлять наши конные заводы, въ видахъ пользы общественной. Эта чисто-искусственная порода создана для одной только спеціальной цѣли, которой она и достигаетъ вполне: отъ нея требуется трата наибольшей суммы силъ въ наименьшій промежутокъ времени. По этому самому она все не способна служить въ тѣхъ случаяхъ, когда требуются постоянныя и довольно продолжительныя усилія. Кровный жеребецъ передаетъ своему жеребенку не одну только свою силу, но также способъ употребленія этой силы, и нѣжное тѣлосложеніе, и нервную раздражительность. Вотъ почему скрещиванія этого рода доставляли нашимъ земледѣльцамъ такіе печальные результаты, какъ то отлично доказалъ г. Ришаръ. Можно сказать, вмѣстѣ съ почтеннымъ вице-президентомъ нашего общества акклиматизаціи, что дурно направленная англоманія нѣкоторыхъ особъ, оказывающихъ рѣшительное вліяніе на развитіе конныхъ заводовъ, заставила Францію потратить болѣе ста милліоновъ франковъ на перчу нашего продукта. Увѣряютъ, что опытъ вскорѣ возобновится. Мы не колеблемся предсказывать, что послѣдствія опять будутъ тѣ же. Впрочемъ въ Англии давно уже известно все то, что мы сказали здѣсь.

почти неизгладимыми, другіе признаки, очень легко поддающиеся измѣненію. Слѣдовательно, при скрещиваніи породъ, для того чтобы только одна изъ нихъ передала потомку свои признаки, нужно чтобы всѣ эти признаки безъ исключенія были стойче и крѣпче чѣмъ у противника. Но хотя такой случай и нельзя почитать рѣшительно невозможнымъ, однакожь онъ встрѣчается, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно рѣдко.

Итакъ, не отрицая безусловно возможности сходствъ *одностороннихъ* (*unilatérale*)¹, мы думаемъ, что такіа сходства должны встрѣчаться гораздо рѣже нежели какъ предполагаетъ большая часть писателей. Очень часто указывая на случаи подобной наследственности, наблюдатели говорятъ лишь объ одномъ признакѣ, напримѣръ о цвѣтѣ, и умалчиваютъ обо всѣхъ другихъ. Часто также случается, что особи, о которыхъ идетъ рѣчь, были наблюдаемы только вскорѣ послѣ ихъ появленія на свѣтъ. Но у растений, равно какъ у животныхъ, — идетъ ли дѣло о скрещиваніи породъ или видовъ, — иногда случается, что потомокъ, бывъ сперва похожъ на одного изъ родителей, въ послѣдствіи становится похожъ на другаго. Жиру видѣлъ, что у телятъ, происшедшихъ отъ чернаго быка и рыжей коровы, въ первое время ихъ жизни шерсть была рыжая, какъ у матери ихъ, а потомъ принимала черный цвѣтъ, какъ у отца. Иногда бываетъ, что смѣшанное свойство особи, происшедшей отъ скрещиванія, обнаруживается лишь въ дѣтяхъ. Жиру де-Бюварень описалъ исторію одного собачьяго семейства, въ которой разказываетъ, что ублюдокъ отъ болонки и ищейки, совершенно сходный съ чистою ищейкой, будучи скрещенъ съ собакою чистою ищейкой породы, произвелъ настоящихъ болонокъ, и такимъ образомъ происхожденіе свое обнаружилъ только въ своемъ потомствѣ.

Тѣмъ не менѣе г. Исидоръ Жофферу доказалъ несомнѣнно, что гибриды, то-есть ублюдки, образовавшіеся отъ скрещенія *эндоев*, вообще болѣе устойчивы и обыкновенно ближе подходятъ къ *среднимъ смѣшаннымъ* потомкамъ, то-есть заимствовавшимъ свойства отца и матери, чѣмъ ублюдки, происшедшіе отъ

¹ *Одностороннимъ* (*unilatérale*) принято называть сходство, состоящее въ заимствованіи потомкомъ отличительныхъ признаковъ одного изъ родителей, *двустороннимъ* — одновременное сходство съ отцомъ и съ матерью.

скрещенія *породъ* или *разновидностей*. Особенно между послѣдними бываетъ наиболѣе случаевъ односторонняго сходства, или кажущагося такимъ, и у нихъ-то чаще оказывается несходство между братьями. Г. Жоффуа видѣлъ, что отъ скрещиванія черной лани съ бѣлою рождались ублюдки попеременно то бѣлые, то черные, то сѣрые, или пестрые, съ черными и бѣлыми пятнами. Наоборотъ, ублюдки породъ издавна установившихся приближаются въ этомъ двойственномъ отношеніи къ гибридамъ. Прочность или непрочность отличительныхъ признаковъ отца или матери обнаруживается также въ ихъ потомкахъ. Итакъ факты подобнаго рода, подмѣченные между людскими группами, могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ на общій вопросъ, занимающій насъ, и на нѣкоторые изъ второстепенныхъ вопросовъ, съ нимъ связанные.

Сходство сына съ отцомъ и матерью, которые принадлежатъ къ разнымъ породамъ или видамъ, можетъ послѣдовать отъ причинъ очень различныхъ. Особенности каждаго изъ родителей могутъ *соединиться* не подвергаясь ощутительной перемѣнѣ, или *слиться*, *слабнѣть* однѣ съ другими такъ, что сообщать потомку свойства среднія, смѣшанныя. Есть ли при этомъ средство отличить метиса отъ гибрида? Нѣкоторые писатели думали, что есть; они почитали *соединеніе* слѣдствіемъ скрещенія *двухъ породъ*, а *слияніе*—слѣдствіемъ скрещенія *двухъ видовъ*. По нашему мнѣнію, это общее правило не подтверждается совокупностью фактовъ. Въ скрещеніи породъ и видовъ, какъ у растений, такъ и у животныхъ, часто одинъ и тотъ же видъ представляетъ факты явно противорѣчивые. Весьма многія породы растений, дающія цвѣты одноколерные, но различныхъ колеровъ, смотря по породѣ растенія, будучи скрещены между собою, даютъ цвѣты либо имѣющіе колеръ одного изъ произведшихъ ихъ растеній, либо колеръ, который произошелъ бы отъ смѣшенія на палитрѣ красокъ двухъ первоначальныхъ колеровъ; либо наконецъ эти цвѣты бываютъ испещрены полосками этихъ колеровъ. Просперъ Люка разказываетъ объ ублюдкѣ происшедшемъ отъ чернаго голубя и бѣлой горлицы; перья этого гибрида были испещрены черными и бѣлыми пятнами, расположенными на подобіе пятенъ шахматной доски. Жиру видѣлъ, что отъ скрещенія черныхъ быковъ съ бѣлыми коровами выходили ублюдки то пестрые, то сѣрые, а по увѣренію Гронье, у лошадей при

подобныхъ случаяхъ, чаще всего выходятъ ублюдки сѣрые ¹. Слѣдовательно изъ этого порядка соображеній нельзя вывести очень опредѣленныхъ заключеній; но даже считая до нѣкоторой степени вѣрнымъ мнѣнiе, о которомъ я сейчасъ напомнилъ, мы увидимъ, что факты подмѣченные въ человѣческомъ родѣ могутъ очень согласоваться съ учениемъ о единствѣ этого рода.

Все сказанное нами о физическихъ особенностяхъ животныхъ съ равною вѣрностью прилагается и къ ихъ инстинктамъ и способностямъ. По увѣренiю нѣкоторыхъ путешественниковъ, Эскимосы стараются скрещивать собакъ, возищихъ у нихъ сани, съ волками, и что родящiеся отъ такихъ случекъ ублюдки-гибриды сильнѣе, крѣпче, но также и гораздо свирѣпѣе собакъ чистой породы. Но съ другой стороны, Бурдахъ, основываясь на показанiи Мароля, говорить, что ублюдки отъ собаки и волка бываютъ кротки и ручны, какъ обыкновенныя собаки, и волчье происхожденiе у нихъ обнаруживается только чрезвычайною алчностью къ мясу. Отъ скрещенiя собаки съ волчицею родились два самца, подобные матери по формѣ своей, движениямъ и отарашенiю отъ людей и собакъ. Самка, родившаяся вмѣстѣ съ ними, имѣла голову собачью, любила быть съ собаками и гораздо менѣе оказывала отвращенiя отъ людей чѣмъ ея братья. Бурдахъ, сообщающiй объ этомъ фактѣ со словъ Маша, замѣчаетъ у того же автора точно такой же фактъ, случившiйся въ ублюдочномъ семействѣ, происшедшемъ отъ скрещенiя дикаго кабана съ свиньею. Эти факты и многiе другiе, которые мы могли бы еще привести, могутъ быть примѣнены къ естественной исторiи человѣка.

Теперь приступимъ къ изученiю съ нѣкоторою подробностью вопроса, безспорно самаго интереснаго изъ всѣхъ, имѣющихъ связь съ передачею потомству свойствъ и способностей, которыми отличаются родители. Производительны ли метисы, гибриды, и въ равной ли степени обладаютъ производитель-

¹ Я могъ бы привести очень много и другихъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о чрезвычайномъ разнообразiи въ наследственномъ переходѣ особенностей, свойственныхъ скрещиваемымъ породамъ или видамъ; но думаю, что представленныхъ примѣровъ достаточно. Любопытствующiе могутъ найти множество фактовъ въ сочиненiяхъ гг. Жофруа, Годрона, Проспера Люка, и въ *Трактатъ физиологии*, Бурдахъ.

ною силой? Могутъ ли одинаково какъ тѣ, такъ и другіе соединяться между собою, и такимъ образомъ производить цѣлый рядъ поколѣній, которыя происходили бы отъ одной и той же пары метисовъ или гибридовъ? Другими словами, существуютъ ли породы метисовъ и породы гибридовъ, изъ которыхъ первые происходили бы отъ *двухъ* разныхъ породъ одного вида, другіе отъ *двухъ* особенныхъ видовъ, — породы, которыхъ всѣ представители отличались бы, въ степени болѣе или менѣе замѣтной, особенными свойствами, замѣстными у обѣихъ породъ или у обѣихъ видовъ?

Относительно метисовъ въ этомъ нельзя сомнѣваться. Опыты совершающіеся ежедневно, и нерѣдко безъ посредничества человека, доказываютъ, что выводы отъ перваго скрещенія между растительными породами обладаютъ такою же силой производительности, какъ и произведшія ихъ самихъ растенія. Въ нашихъ цвѣтникахъ, огородахъ, плодовыхъ садахъ, есть множество породъ, которыя упрочились и охарактеризовались, бывъ добыты посредствомъ сочетанія двухъ прежде существовавшихъ породъ или разновидностей. Число ихъ было б., безъ сомнѣнія, гораздо значительнѣе, еслибы не существовало удобства, доставляемыхъ генеагенетическими способами, при помощи которыхъ земледѣлецъ сокращаетъ свой трудъ. За исключеніемъ случаевъ, когда дѣло идетъ объ однолѣтнихъ растеніяхъ и воспроизводимыхъ исключительно посредствомъ семянъ, садовникъ рѣдко заботится о водвореніи новой породы, которой основаніе всегда требуетъ попеченій болѣе или менѣе продолжительныхъ. Онъ предпочитаетъ прибѣгать къ употребленію корней, луковицъ, къ прививкѣ, къ отводкамъ, и т. д., если желаетъ умножить разновидности, обратившія на себя почему-нибудь его вниманіе, и метисація употребляется имъ очень часто только для произведенія этихъ разновидностей. Тѣмъ не менѣе послѣднія доставили г. Годрону случай сдѣлать слѣдующее важное замѣчаніе: у метисовъ никогда не встрѣчали неправильнаго преобладанія растительныхъ органовъ надъ цвѣтовыми снарядами. Одинъ этотъ фактъ уже свидѣтельствуетъ о сохраненіи растеніемъ воспроизводительной силы и ея отправления. Онъ доказываетъ также, что метисація не нарушила равновѣсія, естественно существующаго между воспроизводительными и другими отправлениями организма. Мы увидимъ совѣмъ не то въ случаяхъ гибридаціи.

Что организмъ метисовъ у животныхъ одаренъ силой про-

производительности,—это доказано, кажется, болѣе общимъ образомъ. Здѣсь нельзя ни прививкою, ни отводками воспроизвести по желанію особь, могущую родиться только отъ скрещенія. Смѣшанную породу животныхъ можно установить и упрочить только повторительными скрещиваніями. Чтѣ же въ этомъ случаѣ доказываетъ опытъ? Не свидѣтельствуетъ ли онъ, что эти сочетанія во всякой степени, повсюду и всегда, оказываются производительными? Въ нашихъ скотныхъ дворахъ, на нашихъ поляхъ и лугахъ, повсюду мы видимъ животныхъ смѣшанной породы, метисовъ, и эти породы поддерживаются только при помощи надзора. Какъ скоро надзоръ ослабѣваетъ, истиннѣе воспроизводительности, предоставленный безъ контроля самому себѣ, приводитъ къ тому, что всѣ кровныя породы сливаются, смѣшиваются между собой, и быстрота, съ какою это совершается, лучше всего доказываетъ полное присутствіе производительной силы у метисовъ какой бы то ни было степени. Спросите у перваго встрѣчнаго скотовода, чтѣ послѣдуетъ если въ стадо самыхъ чистыхъ мериносовъ пустить пять или шесть барановъ различныхъ породъ. Въмсто отвѣта онъ укажетъ вамъ на уличныхъ собакъ и кошекъ, бродящихъ по кровлямъ. Дѣйствительно, на кровляхъ и улицахъ производится ежедневно и въ большихъ размѣрахъ важный опытъ: породы, предоставленныя самимъ себѣ, смѣшиваясь между собою безпорядочно, произвели множество животныхъ, которыхъ нельзя причислить въ точности къ тому или другому разряду; но однакожь, разсмотрѣвъ ихъ тщательно и сблизивъ методически, можно удостовѣриться *по отытллкамъ не замѣтнымъ и лишь постепенно измѣняющимся*, что въ нихъ есть кровь нѣхъ самыхъ характеристическихъ породъ нашихъ собакъ и кошекъ ¹. Слѣдовательно у животныхъ какъ у растеній производительность легкая, постоянная, неопредѣленное время продолжающаяся при соединеніи ихъ между собою или съ первоначальными породами,—составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей

¹ Этими явленіемъ, происходящимъ передъ нашими глазами, у разныхъ домашнихъ породъ, но принадлежащихъ къ одному виду, оправдывается мнѣніе естествоиспытателей *о дикихъ породахъ*. Теперь читатель можетъ понять все значеніе, какое имѣютъ въ ботаникѣ и зоологій *постепенные естественные ряды поколѣній*, о которыхъ мы говоримъ въ одной изъ прежнихъ статей нашихъ.

Перейдя къ *гибридамъ*, мы удостовѣримся въ явленіяхъ совершенно противоположныхъ.

Замѣтимъ вопервыхъ, вмѣстѣ съ Годрономъ, что у растительныхъ гибридовъ органы служащіе къ питанію, поддержанію особи, какъ-то стебель и листья, нерѣдко самымъ явнымъ образомъ преобладаютъ надъ тѣми органами, съ которыми сопряжена жизнь вида, то-есть надъ цвѣтами. Это доставляетъ растенію болѣе силы и крѣпости. То же явленіе представляетъ самый обыкновенный гибридъ у животныхъ, *лошакъ*, происходящій отъ осла и кобылы. Вотъ почему это животное въ высшей степени годно для такихъ работъ, гдѣ требуется сила выдерживать продолжительное утомленіе; но уже одно это обстоятельство свидѣтельствуетъ, что равновѣсіе между двумя разрядами органическихъ отправленій нарушено въ ущербъ воспроизводительнымъ отправленіямъ, и дѣйствительно эти отправленія у лошаковъ такъ слабы, что по мнѣнію нѣкоторыхъ натуралистовъ, даже самыхъ знаменитыхъ, гибриды вовсе не одарены такими отправленіями. Но это преувеличеніе. Безусловная непроизводительность гибридовъ, въ которой увѣряли нѣкоторые писатели, опровергаемая или защищаемая во имя религіи въ средніе вѣка и во времена возрожденія,—не можетъ быть допущена при существованіи точныхъ, несомнѣнныхъ фактовъ, записанныхъ наукою. Наоборотъ, недавно страннымъ образомъ преувеличивали, и иногда представляли въ неточномъ видѣ, тѣ же самые факты. Краткое изслѣдованіе этого предмета доставитъ читателю возможность судить самому и убѣдиться, что производительность, въ огромномъ большинствѣ случаевъ ничтожная у гибридовъ, всегда однакожъ существуетъ у нихъ, хотя въ чрезвычайнотѣсныхъ предѣлахъ, и что даже слѣдствіемъ ея бываетъ то, что признаки скрещенія уничтожаются.

Начнемъ съ растительныхъ гибридовъ. Кельрейтеръ, къ которому мы постоянно должны возвращаться во всемъ касающемся гибридаціи у растений, не только доказалъ, что эти гибриды вообще бесплодны, непроизводительны, но даже объяснилъ это явленіе, разсмотрѣвъ при помощи микроскопа содержаніе воспроизводительныхъ органовъ, существующихъ у этихъ смѣшанныхъ растений. Онъ доказалъ, что пыльники ихъ уже не содержатъ собственно плодотворной пыли, а только какія-то неправильныя зернышки, не имѣющія никакого опредѣленнаго характера. Слѣдственно мужской элементъ исчезъ у

нихъ. Въ завязяхъ попадаются иногда здоровыя яички, а это доказываетъ, что женскій элементъ сокрушенъ менѣе мужскаго. Кальрейтеръ, полагая, что можетъ-быть ему удастся замѣнить недостатокъ мужскаго элемента, оплодотворяя искусственно гибридные цвѣты пылью, взятою съ первоначальнаго растенія (*plante père*). Такимъ образомъ онъ получилъ растеніе *квартиронное*, то-есть только одною четвертью принадлежащее къ метеранскому виду и тремя четвертями къ отцовскому. Иногда производительная сила отчасти пробуждается въ этихъ *квартиронныхъ* растеніяхъ. Продолжая такъимъ образомъ, Кальрейтеръ очень скоро возвратилъ потомковъ перваго гибрида къ отцовскому типу. Къ тому же результату пришли и другіе испытатели, употреблявшіе пыль съ растенія материнскаго вида. Слѣдовательно и въ томъ и въ другомъ случаѣ не осталось и слѣда первой гибридаціи.

Гибриды перваго поколѣнія, какъ мы уже сказали, не всегда неспособны къ производительности. Только ихъ воспроизводительная сила бываетъ постоянно, и большею частію въ значительной степени ¹, ослаблена; но сѣмена ихъ не вѣрно воспроизводятъ смѣшанный типъ доставившаго ихъ растенія. Нѣкоторыя особи, вышедшія изъ этихъ сѣменъ, вмѣсто сходства съ произведшими ихъ гибридами, воспроизводили всѣ особенности того или другаго изъ первоначально скрещенныхъ видовъ, такъ что черезъ три или четыре поколѣнія всѣ слѣды скрещенія совершенно исчезали. Это возвращеніе къ естественнымъ типамъ часто случается уже при первой посадкѣ сѣмянъ, полученныхъ отъ гибридовъ. При одномъ изъ опытовъ г. Лекока, длинно-цвѣтная *mirabilis*, называемая за просто *перуанскою диковинкою* (*merveille du Perou*), была оплодотворена цвѣткомъ *ночной красавицы* или *mirabilis faux jalap*. Полученный такимъ образомъ гибридъ вполнѣ соединялъ особенности обоихъ видовъ, составляя совершенно средній между ними видъ; но всѣ сѣмена, имъ доставленныя, когда ихъ посадили въ землю, воспроизвели отцовское растеніе,

¹ Объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру, о которомъ упоминаетъ г. Дюшартръ. Гибридный маковый цвѣтокъ доставлялъ только шесть плодотворныхъ сѣмечекъ, тогда какъ въ головкѣ того же растенія, но не скрещеннаго, содержалось двѣ тысячи сто тридцать сѣмечекъ, вполнѣ развитыхъ.

то-есть *ночную красавицу*. Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, онѣ воспроизводила матернее растеніе. Еще при нѣкоторыхъ опытахъ одни сѣмена гибридовъ воспроизвели отцовскій, другіе материнскій типъ. Г. Ноденъ, скрестивъ *крупноцвѣтныи баранчикъ* (*Primula grandiflora*) съ *обыкновеннымъ желтымъ баранчикомъ* (*Primula officinulis*) получилъ гибридъ, давшій ему семь плодущихъ сѣмечекъ, изъ которыхъ три произвели растенія совершенно подобныя *обыкновенному баранчику*; изъ трехъ другихъ вышли особи, ничѣмъ не отличавшіяся отъ одной очень извѣстной разновидности *крупноцвѣтнаго* баранчика, и только одно сѣмечко воспроизвело гибридъ, его доставившій; но этотъ *гибридъ втораго поколѣнія* оказался уже совершенно безплоднымъ, такъ что и въ этомъ случаѣ исчезъ всякій слѣдъ гибридаціи.

Гибриды-квартироны, о которыхъ мы уже говорили, сохраняютъ иногда силу производительности въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Въ этомъ отношеніи г. Лекокъ, особенно же г. Ноденъ сообщаютъ факты очень интересные. Однакожъ, при дѣланныхъ ими опытахъ, оказывалось, что производительная сила и этихъ гибридовъ постоянно и быстро ослабѣвала; плодородныхъ сѣменъ у нихъ было не много; часто оказывались возвраты къ типу отцовскому или материнскому, и подъ конецъ вовсе терялись свойства гибридовъ. Уходъ, составляющій для растеній то же, что для животныхъ прирученіе, не могъ оказать въ этомъ случаѣ никакого пособія. Конечно, при помощи ухода были сдѣланы производительными, въ продолженіе немногихъ поколѣній, такіе гибриды, которые въ природѣ постоянно остаются безплодными; но и при уходѣ никто еще не могъ установить и упрочить въ растеніяхъ ни *одну гибридную породу*, способную сравняться въ чемъ бы то ни было съ *метисными породами*, которыя такъ многочисленны, такъ легко получаютъ и часто утанавливаются сами собой¹. Вотъ общій фактъ, объемлющій всѣ частныя и господствующій надъ ними.

¹ Наблюденія и опыты г. Годрона можетъ-быть докажутъ, что на свѣтѣ существуетъ образчикъ растительной гибридной породы. Всякій знаетъ, что происхожденіе ржи неизвѣстно. Но г. Эспри Фабръ-д'Агдъ доказывалъ, что это растеніе происходитъ отъ *бодлака* (*aegilops*), неизвѣннаго уходомъ. Напротивъ, г. Годронъ находитъ, что *пшеницевидалки*

Перейдемъ теперь къ животнымъ, и прежде всего замѣтимъ, что хотя между видами дикихъ и свободныхъ животныхъ происходили иногда плодородныя скрещенія, однакожь происшедшіе отъ нихъ гибриды нигдѣ и ни какимъ образомъ не обнаружили способности воспроизводиться при нормальныхъ условіяхъ. Напримѣръ, никогда не случалось еще видѣть особой среднихъ между обыкновеннымъ волкомъ и ублюдомъ отъ собаки и волчицы (*loup lyaon*). Если такіе ублюдки-гибриды, совокупясь съ особью изъ волчьей породы, и нѣсли дѣтей, то послѣдніе по всей вѣроятности возвращались къ первоначальному типу, какъ мы это видѣли у растеній. У домашнихъ животныхъ, особенно же у птицъ, бываетъ иногда иначе. Тѣмъ не менѣе мы и у нихъ находимъ то же, что уже видѣли у растеній. У этихъ домашнихъ птицъ-гибридовъ производительная сила значительно ослаблена и часто рано прекращается; самки рѣже несутъ яйца, и эти яйца весьма не рѣдко бываютъ безъ зародыша; такое же разстройство воспроизводительной силы замѣчено и въ самцахъ. Наконецъ и здѣсь надъ всѣми частными фактами господствуетъ общій фактъ, о которомъ мы упомянули выше. Несмотря на непрерывныя усилія, охотники до птицъ, въ настоящее время столь многочисленныя, не могли еще основать ни одной *гибридной породы*, тогда какъ они очень часто и безъ труда производятъ по своему желанію *породы метисовъ*¹.

Вотъ о чемъ свидѣтельствуетъ опытъ и вотъ что объясняетъ

бодлакъ (*aegilops triticoïdes*) есть *полукровный гибридъ* бодлака и пшеницы, а *бодлаковую розь* г. Фабра онъ признаетъ *четверодольнымъ гибридомъ* тѣхъ же растеній, гибридомъ, съ которымъ двукратно скрестилась пшеница. Въ опору своего мнѣнія онъ ссылается на продукты, которые онъ добылъ дѣйствуя непосредственно на *лицеевидный бодлакъ* (*aegilops ovata*) и на разныя *породы* ржи. Но нѣкоторые отличные ботаники до сихъ поръ почитаютъ растеніе уже двадцать лѣтъ воспроизводящееся въ саду г. Фабра за простой видъ *бодлака*, отдѣльный отъ *лицеевиднаго бодлака*. Слѣдовательно вопросъ еще не рѣшенъ, но опыты г. Годрона, во всякомъ случаѣ чрезвычайно любопытныя и достойныя вниманія, конечно разрѣшаютъ его.

¹ Видя въ нѣкоторыхъ книгахъ увѣренія, будто существуютъ *гибридыя породы ялицъ*, я обратился къ г. Исидору Жофферу, котораго опытность и свѣдѣнія всѣмъ извѣстны. Онъ отвѣчалъ мнѣ самымъ положительнымъ образомъ, что, вопреки всему писанному объ этомъ предметѣ, онъ не видалъ еще ни одного экземпляра птичьего гибрида, который бы могъ быть почитаемъ несомнѣннымъ.

наука. Рудольфъ Вагнеръ, производя надъ этими птицами-гибридами такіе же опыты, какіе Кельрейтеръ производилъ надъ растеніями; пришелъ къ такимъ же какъ и онъ фактамъ. И у этихъ гибридовъ мужескій элементъ родотворной силы часто совершенно ослабленъ, всегда болѣе или менѣе измѣненъ, да и все свидѣтельствуетъ о недостаткѣ равновѣсія въ этомъ организмѣ смѣшаннаго происхожденія.

Исторія млекопитающихъ представляетъ факты нѣсколько болѣе сложные. Предварительно замѣтимъ, что два единственные вида животныхъ, которыхъ сочетаніе всегда бываетъ плодотворно, доставляютъ гибрида почти вовсе неспособнаго къ производительности. Это было извѣстно уже весьма давно. Болѣе двухъ тысячъ лѣтъ назадъ, Геродотъ считалъ за чудо лошака имѣвшаго дѣтей, и прошло почти тысяча восемь сотъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ такое же мнѣніе высказалъ Плиній. Однакожъ въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ книгахъ утверждаютъ, что теперь *плодотворность лошаковъ доказана* и что примѣры ея довольно часто встрѣчаются въ жаркихъ странахъ, особенно же въ Африкѣ. Какого довѣрія заслуживаютъ подобныя сообщенія, о томъ читатель можетъ судить по слѣдующему факту. Въ 1858 году году, въ Алжиріи, близъ Бискры, затяжелѣла лошачиха. Подобный случай не могъ остаться незамѣченнымъ у населенія, приписывающаго весьма большую важность всему имѣющему отношеніе къ лошади. Вотъ какъ очевидцы разказываютъ о впечатлѣніи, которое было произведено этимъ событіемъ: «Оплодотвореніе лошачихъ, чрезвычайно рѣдкое въ Европѣ, не менѣе рѣдко и въ Африкѣ; такъ надобно по крайней мѣрѣ полагать, судя по испугу, въ какой это происшествіе повергло Арабовъ. Они были увѣрены, что близокъ конецъ міра, и для отвращенія небеснаго гнѣва очень долго постились. Даже теперь еще они говорятъ объ этомъ событіи не иначе какъ съ религіознымъ ужасомъ¹»

Итакъ, вотъ вамъ цѣлый народъ, который протестуетъ про-

¹ Это мѣсто извлечено изъ записки, представленной въ Академію наукъ г-мъ Грасоле, помощникомъ натуралиста въ Музеѣ, которому военный фармацевтъ г. Шмитъ прислалъ зародышъ этого гибрида, ибо беременность лошачихи кончилась выкидышемъ, чѣмъ и вообще случается съ затяжелѣвшими лошачихами.

тивъ упомянутыхъ выше преувеличеній, свидѣтельствуемъ о вѣрности отзывомъ Плинія и Геродота, и о томъ, что беременность лошаками—явленіе чрезвычайно рѣдкое. Но немногіе вѣрные факты, случившіеся въ теченіе вѣковъ, относятся все только къ самкѣ-гибриду; что же касается до самца-гибрида или лошака, то нигдѣ не оказывается никакого вѣрнаго доказательства, чтобъ онъ былъ способенъ къ производительности; и здѣсь наука опять объясняетъ причину этого различія между лошакомъ и лошачихой. Глейхенъ, Бехштейнъ, Прево и Дюма, Рудольфъ Вагнеръ подвергали лошака микроскопическимъ изслѣдованіямъ, а Брюннъ и Герберъ съ помощью того же средства изучали лошачиху. Изъ этой совокупности изслѣдованій оказывается, что мужской элементъ у лошака почти всегда совершенно измѣненъ, такъ что становится негоднымъ для оплодотворенія. Женскій элементъ хотя также найденъ измѣненнымъ, однакожъ не въ такой сильной степени. Слѣдовательно, у этихъ млекопитающихъ гибридовъ мы находимъ общій результатъ, дознанный уже у гибридовъ растений и птицъ; вотъ доказательства, что на все вообще органическія и живыя существа распространяются великіе законы, которымъ подчиненъ процессъ воспроизведенія.

Но эти законы не устанавливаютъ строгаго тождества между видами, и сверхъ того, они предоставляютъ нѣкоторый просторъ посредствующей дѣятельности, то-есть дѣятельности человѣка. Мы замѣтили эти факты у растений, и вновь находимъ ихъ у млекопитающихъ. Не однократно скрещивали гибридовъ самцевъ или самокъ съ особями ихъ отцовскаго или материнскаго вида, и эти гибриды оказывались, въ различной степени, способными къ производительности. Напримѣръ, гибриды самецъ отъ ослицы и геміона, добытый въ Музеѣ стараніями г. Исидора-Жоффуа, оплодотворялъ ослицъ и геміонницъ ¹.

¹ Г. Исидоръ Жоффуа съ давняго времени началъ производить въ Музеѣ надъ метисаціей и гибридаціей цѣлый рядъ опытовъ, которые постоянно продолжаются. Читатели могутъ ознакомиться съ результатами этихъ опытовъ изъ его книги объ этомъ предметѣ. Мы скажемъ только, что все виды конской породы, кромѣ *геміона*, недавно открытаго, подвергались скрещенію между собою и производили дѣтей. Разные виды оленей также производили замѣчательныхъ гибридовъ. Одно семейство пестрыхъ индійскихъ оленей (*axis*) и псевдо-оленей произвело три поколѣнія гибридовъ.

Гораздо рѣже бывали случаи, что гибриды оказывались плодотворными, и произвели потомство въ нѣсколько поколѣній; однакожь случаи эти бывали; къ числу ихъ относится знаменитый опытъ, который началъ маркизь Спонтенъ-Буффонъ и продолжалъ Буффонъ. Волчица взятая черезъ три дня послѣ своего рожденія, искусственно вскормленная, привышшая къ домашней жизни, дала отъ лягавей собаки потомство, которое продолжалось четыре поколѣнія и могло бы, пожалуй, существовать еще долѣе, еслибы опытъ продолжали ¹. Еще гораздо рѣже удавалось получить такъ-называемыя писателями *гибридными породами* чрезъ повторительныя сочетаніе между животными двухъ разныхъ видовъ ². Оба первые случая не представляютъ ничего новаго; мы встрѣчали ихъ у растений, у птицъ, и знаемъ, что они не повели однакожь къ образованію истинныхъ гибридныхъ породъ. Но не можетъ ли случиться иное у млекопитающихъ? Здѣсь необходимо вступить въ нѣкоторыя подробности.

Прежде всего устранимъ примѣръ, сдѣлавшійся такъ-сказать классическимъ по милости Буффона, который самъ былъ введенъ въ заблужденіе древними путешественниками. Всѣ почитали несомнѣннымъ, что отъ соединенія двугорбаго верблюда съ одnogорбымъ родится потомство, постоянно производящее дѣтей при сочетаніяхъ между собой или съ верблюдами того и другаго вида. Повсюду утверждали, что эти гибриды сильнѣе и крѣпче чѣмъ ихъ родители, что ихъ очень много вездѣ на Востокѣ, гдѣ они употребляются на тѣ же работы, для которыхъ въ Европѣ пользуются лошадьми. Эверсманъ, входя въ подробныя объясненія, увѣрялъ, что производствомъ этихъ гибридовъ занимаются, какъ особенною отраслью промышленности, жители Бухары ³. Мнѣ давно

¹ Когда родилось четвертое поколѣніе этихъ гибридовъ, состоявшее изъ четырехъ дѣтенышей, Буффону было уже восемьдесятъ лѣтъ. Изъ этихъ дѣтенышей мать ихъ сожрала двухъ; объ остальныхъ неизвѣстно, что съ ними стало.

² Объ этомъ предметѣ спеціально разсуждали въ Америкѣ гг. Мортонъ и Ноттъ (*Types of Mankind*), а во Франціи г. Брокъ, о брошюрѣ котораго мы упомянули выше.

³ Книгу этого путешественника я знаю только по извлеченію, которое сдѣлалъ изъ нея Ноттъ; но въ ней самой, повидимому, можно найти объясненіе ошибки, въ которую впалъ Эверсманъ. По его словамъ,

казалось страннымъ, что о животномъ столь полезномъ не упоминаетъ ни одинъ изъ многочисленныхъ путешественниковъ, которые разказывали о своихъ странствованияхъ по Ариѣ и Азій, отъ Марокко до Персїи и далѣе. Можно ли, напримеръ, описать простую прогулку по Испанїи, или Сициліи, не упоманувъ ни разу о лошакахъ и лошачихахъ? Неужели верблюжьяго гибрида можно видѣть только въ окрестностяхъ Бухары? Неужели это произведеніе мѣстное, подобное тѣмъ, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе?

Эти сомнѣнія, выраженные мною публично, побудили ученаго русскаго путешественника, г. Ханькова, обратиться ко мнѣ съ письмомъ, въ которомъ сказано, между прочимъ, слѣдующее: «Я путешествовалъ цѣлыя двадцать лѣтъ по всей сѣверо-западной части Азїи, гдѣ верблюдъ обыкновенное домашнее животное; въ 1839 году я участвовалъ въ военной экспедиціи, которой багажъ везли слишкомъ двѣнадцать тысячъ верблюдовъ. Въ послѣднее время я объѣздилъ всю западную часть той полосы, въ которой оба вида верблюдовъ живутъ вмѣстѣ¹; но мнѣ никогда не случилось слышать объ искусственномъ, преднамѣренномъ скрещенїи этихъ видовъ.» Г. Ханьковъ прибавляетъ, что онъ не слыхалъ также, чтобы принимали мѣры для воспрепятствованїя этому скрещенїю; но онъ объявилъ изустно, что ему не случилось видѣть ни одного ублюдка, происшедшаго отъ подобнаго скрещенїя; сверхъ того, читая въ сочиненїяхъ самаго Бюффона о томъ, какъ виды половья влеченїя этихъ животныхъ, легко можно понять, что если случаются между ихъ разными видами скрещиванїя, то по крайней мѣрѣ чрезвычайно рѣдко. Итакъ надобно отказаться отъ мысли, чтобъ отъ верблюдовъ и дромедаровъ развелись ублюдки гибриды².

есть три вида верблюдовъ: двугорбый, одnogорбый, или дромедаръ, и сверхъ того такъ-называемый *моксъ*, тоже одnogорбый. Изъ этого очевидно, кажется, что Эверсманъ, по крайней мѣрѣ въ послѣднемъ случаѣ, съелъ *сидами* простыя *переды*, а обычное плодотворное скрещеніе породъ есть уже дѣло весьма естественное.

¹ Верблюды двугорбый и одnogорбый или дромедаръ. По мнѣнію г. Ханькова, эта полоса простирается отъ 34-го до 39-го градуса сѣверной широты.

² Нѣсколько лѣтъ назадъ начали разказывать о якѣ и зебу, или горбатомъ индїйскомъ быкѣ, то же, что издавна говорили о верблюдѣ и дромедарѣ. Не отвергая представленныхъ по этому случаю свидѣтельствъ, замѣтимъ только, что для окончательнаго удостовѣренїя въ несомнѣн-

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ примѣрамъ, которые, къ удивленію нашему, выставляются въ доказательство постоянной плодородности при скрещиваніи животныхъ разныхъ видовъ. Ученый Шведъ, г. Гелленій, произвелъ гибридовъ отъ финляндскаго барана и сардинской козсулы, а вѣроятно же дикой степной овцы (*mouflonne*)¹. Однажды отъ соединенія этихъ животныхъ между собою родился дѣтенышъ. Въ трехъ другихъ случаяхъ соединяли опять барана съ однимъ изъ этихъ гибридовъ, а потомъ съ *квартирнымъ* отродкомъ. Съ этого третьяго поколѣнія, животныя отличались уже всѣми особенностями барана. Ноттъ выводилъ изъ этихъ фактовъ заключеніе, что можно произвести и увѣковѣчить смѣшанную породу оленя и барана. Но не значитъ ли это преувеличивать и даже искажать значеніе описаннаго опыта? Не очевидно ли, что онъ состоитъ лишь въ воспроизведеніи у животныхъ того, чего Кельрейтеръ и другіе добились отъ растений, не водворивъ однакожь породы гибридовъ? Эти замѣчанія прилагаются ко всѣмъ такого же рода фактамъ.

Вѣроятно, что-то подобное этому происходитъ и при скрещиваніи особей буйволового вида съ особями домашняго бычьаго. Нѣкоторые писатели, основываясь на свидѣтельствѣ Рафинеска, полагаютъ, что полукровные гибриды способны оплодотворять другъ друга. Мы можемъ противопоставить имъ не подлежащее

ности этихъ свидѣтельствъ, нужны точныя свѣдѣнія; но если они даже и будутъ признаны вѣрными во всѣхъ подробностяхъ, то все-таки ими не докажется существованіе *гибридаціи*, могущей сравниться съ *метисаціей*. Намъ еще очень не совершенно извѣстны разныя существующія на крайнемъ Востокѣ и въ средней Азіи бычьи породы, которыхъ прирученіе относится къ первобытнымъ временамъ человеческихъ обществъ. Еслибъ изъ Индіи и Тибета намъ привезли нѣсколько рѣдкихъ гончихъ и борзыхъ собакъ, то ихъ могли бы счесть за особенный видъ или даже родъ. Видя, что онѣ даютъ потомство постоянно плодотворное, ихъ не преминули бы ставить въ образецъ *гибридаціи*, а мы знаемъ, что это была бы просто *метисація*. Следовательно мы должны по крайней мѣрѣ помедлить отзывомъ о зебу и якѣ.

¹ Исидоръ Жоффуа полагаетъ, что ученый Шведъ ошибся въ названіи животнаго. Козсуля, по увѣренію разныхъ авторовъ, на которыхъ г. Жоффуа ссылается, не существуетъ въ Сардиніи, и потому Гелленій смѣшалъ съ козсулею якую степную овцу (*mouflon*), которая въ минувшемъ столѣтіи была еще очень мало извѣстна шведскимъ врачамъ.

сомнѣнію свидѣтельство самихъ Мортонъ и Нотта, которые полагаютъ, что плодотворность возвращается къ этимъ гибридамъ лишь послѣ новаго скрещенія съ домашнимъ быкомъ¹. Слѣдовательно мы опять приходимъ къ тому же, что видѣли у растеній, и сходство дополняется еще тѣмъ, что, вопреки мнимой плодородности буйволовоу гибридовъ, на фермахъ штата Кентукки также не образовалось гибридной породы, какъ не образовалось ея въ нашихъ ботаническихъ садахъ².

Приступимъ наконецъ къ важнѣйшему факту, который, по видимому, наиболѣе свидѣтельствуеетъ о существованіи истинной гибридной породы, именно къ факту представляемому ублюдками отъ козла и овцы (*chabin* или *ovicarpes*), и обратно. Намъ говорятъ, что эти ублюдки были извѣстны древнимъ и не составляли у нихъ рѣдкости, ибо въ языкѣ тогдашнемъ существовали два отдѣльные термина для выраженія того, какимъ путемъ совершалась гибридация, то-есть соединеніе ли козла съ овцой, или наоборотъ козы съ бараномъ. Но существуетъ ли, несмотря на это, въ Италіи такое же множество разныхъ животныхъ, занимающихъ средину между козами и овцами, какое, вопреки всѣмъ помѣхамъ со стороны человѣка, расплодилось между разныхъ собачьихъ породъ? Нѣтъ. Въ южной Франціи, овцы и козы постоянно ходятъ вмѣстѣ, пасутся на общихъ лугахъ, иногда запираются вмѣстѣ и въ закутахъ. Но бываютъ ли между ними ублюдки? Я, по крайней мѣрѣ, не видалъ ни одного экземпляра. Увѣряютъ, что скрещеніе, о которомъ мы говоримъ, самое легкое; оно было успѣшно произведено Бюффономъ, и всякій другой испытатель также можетъ имѣть въ немъ удачу. Послѣ Бюффона многократно старались повторить его опытъ въ Музеѣ, но всегда безполезно, тогда какъ удавалось произвести многіе другіе опыты скрещенія, считаемыя болѣе рѣдкими и труд-

¹ *Types of Mankind*. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ г. Веделемъ о стадѣ альпака-вигоней, принадлежащемъ священнику Кабрерѣ въ Перу, мы также удостовѣряемся, что этотъ священникъ успѣлъ составить стадо изъ 24 животныхъ, лишь избѣгая скрещенія между полукровными гибридами. Ясно, что все это факты сходные между собою.

² Это свѣдѣніе сообщено мнѣ г. Френсисомъ Фланаганомъ, отличнымъ скотоводомъ, который нарочно ѣздилъ въ Европу для покупки заводскаго скота. Впрочемъ, г. Фланаганъ допускаетъ плодотворность скрещиваній.

ными. Изъ этихъ фактовъ нельзя не заключить, что скрещеніе барана съ козю дѣло совсѣмъ не такое обыкновенное, какъ увѣряли, и что успѣхъ его весьма невѣренъ, по крайней мѣрѣ въ парижскомъ климатѣ ¹. Но, скажутъ еще, плодотворность этихъ соединеній такъ несомнѣнна въ Чили и Перу, что на ней основана тамъ весьма распространенная и цвѣтущая отрасль промышленности. Это правда, и здѣсь обнаруживается именно вліяніе среды, которое мы ежеминутно встрѣчаемъ въ исторіи органическихъ и живыхъ существъ. Посмотримъ же, что такое эти ублюдки козьею и овечьей породы (chabins), и какъ они производятся въ странахъ, гдѣ ихъ легко имѣть. Въ Чили ² и въ Перу ³ эти гибриды дѣйствительно имѣютъ важное торговое значеніе. Шерсть ихъ, измѣненная посредствомъ скрещенія, становится длинна и легка, а потому выдубленные кожи ихъ годятся на самое разнообразное употребленіе. Эти кожи (pellones) постилаются у кроватей для того чтобы ставить на нихъ ноги, тотчасъ какъ встанешь съ постели; онѣ служатъ плащами, матрасами, покрышей для деревянныхъ сѣделъ, и т. д.; но чтобы получить кожу имѣющую требуемыя свойства, недостаточно только перваго скрещенія козла съ овцой. Эти гибриды перваго поколѣнія имѣютъ форму своей матери и шерсть такую же кака у ихъ отца. Мы не имѣемъ еще подробныхъ свѣдѣній о воспроизводительной способности этихъ полукровныхъ гибридовъ. Увѣряютъ, что между собою производятъ дѣтей, но ни почему нельзя узнать, поддерживается ли постоянно эта производительность и какимъ перемѣнамъ эти гибриды могутъ подвергнуться черезъ нѣсколько поколѣній. Впрочемъ, какъ бы то ни было, ихъ скрещиваютъ съ овцами. Слѣдственно, второе поколѣніе имѣетъ *три четверти крови* бараньей и *четверть* козьею. Эти гибриды плодородны и руно у нихъ сначала прекрасное; но если ихъ соединять между собою три или четыре раза сряду, то руно

¹ Г. Исидоръ Жоффуа нѣсколько разъ очень легко соединялъ козловъ съ овцами, но ни однажды не было дѣтей.

² Эти ублюдки называются въ Чили *carneros linudos*. Все, что извѣстно о нихъ положительнаго, сообщено членомъ Института г. Клодъ-Гаемъ, который дополнилъ изустными сообщеніями свѣдѣнія, изложенныя имъ въ его *Historia de Chile*.

³ Въ Чили скрещиваютъ козла съ овцой, а въ Перу наоборотъ—барана съ козю, какъ сказано въ запискѣ г. Кастельно, на которую ссылается г. Исидоръ Жоффуа.

опять получить всѣ свойства козьей шерсти. Стало-быть и здѣсь мы видимъ то же стремленіе возвратиться къ первоначальному виду, которое нашли у растительныхъ гибридовъ. Чтобъ еще болѣе утвердить за этими гибридами смѣшанныя свойства ихъ, соединяютъ самку втораго поколѣнія съ самцомъ перваго. Такимъ образомъ получаютъ животныхъ, имѣющихъ три восьмыя доли козьей крови и пять восьмыхъ бараньей. Эти-то животные и доставляютъ кожи идущія въ торговлю — *pellones*. Тѣмъ не менѣе, несмотря на способность этихъ гибридовъ къ производительности, ихъ нельзя расплывать безконечно. Черезъ нѣсколько поколѣній, какія бы ни были приняты предосторожности; надобно сызнова начинать весь рядъ сочетаній, иначе свойство руна опять переѣмнится, «ибо, сказалъ намъ г. Гай, и тутъ происходитъ возвратъ къ двумъ первоначальнымъ видамъ, точно также какъ черезъ нѣсколько поколѣній этотъ возвратъ оказывается у пло дородныхъ гибридовъ растительнаго царства.»

Важное значеніе этого замѣчанія не можетъ ускользнуть ни отъ кого. Въ немъ одномъ уже заключается отвѣтъ на все, что говорили объ основаніи посредствомъ ублюдковъ отъ козловъ и овецъ *особенной породы*. Нѣтъ сомнѣнія, что никакой скотоводъ, никакой садовникъ не назоветъ породю ряда особей, происходящихъ, правда, отъ общей имъ всѣмъ пары предковъ, но должствующихъ почти въ урочный часъ утратить всѣ смѣшанныя свойства, которыми онѣ отличаются, и возвратиться къ свойствамъ самца или самки изъ первоначальной пары. Ученый—ботаникъ ли онъ, или зоологъ—также не можетъ дать подобному ряду особей названія *породы*, не сообщивъ этому слову совершенно новаго значенія. Слѣдственно этотъ примѣръ, безспорно важнѣйшій изъ всѣхъ, какія могутъ быть намъ приведены, свидѣтельствуетъ только лишній разъ о существованіи общихъ законовъ, равно господствующихъ въ обоихъ царствахъ природы; къ числу этихъ законовъ очевидно принадлежитъ законъ, который можно назвать *закономъ возврата*; ибо онъ побуждаетъ поколѣнія животныхъ и растительныхъ гибридовъ возвращаться къ тому или другому изъ двухъ видовъ, отъ которыхъ они произошли.

Короче, вездѣ и всегда *метисація* была удобна и постоянно производительна; *гибридація* часто представляла большія затрудненія; производительность ея составляетъ явленіе исключительное и, за извѣтѣемъ только одного случая, никогда

она не имѣеть правильности ¹. *Метисы*, говорить г. Жоффруа, будучи соединяемы между собою, кромѣ случаевъ какого-либо индивидуальнаго недостатка ² въ организмѣ, всегда и вездѣ имѣли дѣтей, точно такъ же какъ особи одинакой породы; но у гибридовъ, совокупающихся между собою, всегда, за исключеніемъ нѣсколькихъ частныхъ случаевъ, сила производительности ослабѣваетъ. *Породы метисныя* образуются безъ посредничества человѣка и часто вопреки его волѣ; но несмотря на всѣ свои усилія, человѣкъ не могъ еще водворить ни одной истинно *гибридной породы*, подобной *метиснымъ*. Вотъ важнѣйшій общій фактъ, объемлющій всѣ другіе и господствующій надъ ними. При теперешнемъ состояніи науки не возможно указать ни одного ряда и ни одной группы *гибридовъ* животныхъ или растительныхъ, которые бы уже установились и жили какъ ряды и группы *метисовъ*, представляющіе столь много поводовъ къ сравненію. Невозможно найти даже *двухъ видовъ*, которые были бы соединены между собою посредствомъ того смѣшенія всякой крови, которое связываетъ взаимно самыя разнообразныя породы.

Вотъ какъ было въ прежнія времена и какъ остается до сихъ поръ. Не переищится ли этотъ порядокъ вещей въ будущее время? Весьма невѣроятно; однакожь мы никакъ не хотимъ утверждать, чтобы переищна была безусловно невозможна. Могущество человѣка очень велико, и мы менѣ чѣмъ кто-либо станемъ указывать ему границы, основываясь на теперешнихъ свѣдѣніяхъ. Это могущество уже разительно обнаружилось въ самой области фактовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Неизвѣстенъ ни одинъ случай гибридаціи между дикими млекопитающими животными, а человѣкъ произвелъ плодородныя соединенія не только между видами, съ незапамятныхъ временъ покорившимися его владычеству, но и между тѣми, которыхъ онъ вовсе не можетъ подчинить себѣ, именно—между тигромъ и львомъ. Человѣкъ сдѣлалъ и еще болѣе: несмотря на стократныя неудачныя попытки, онъ

¹ Допуская, что скрещеніе осла съ лошадыю всегда столь же плодородно, какъ соединеніе осла съ ослицею или жеребца съ кобылою, я дѣлаю большую уступку.

² Очевидно, что эта оговорка столь же основательно можетъ быть приложена и къ совокупающимся между собою особямъ одинакой породы.

создалъ поколѣнія гибридовъ. Упрочить ли онъ существованіе этихъ смѣшанныхъ существъ такъ, чтобы добиться постоянного потомства, средняго между ламою и вигонью, между зайцемъ и кроликомъ, между козломъ и бараномъ? На это отвѣчать можно будетъ только потомкамъ нашимъ; но еслибъ и случилось добиться такихъ *гибридныхъ породъ*, то все-таки было бы извѣстно, что онъ установились вопреки безчисленнымъ затрудненіямъ, подъ непрерывнымъ вліяніемъ чловѣка, и хотя противоположность между ими и *метисными породами* была бы менѣе рѣзка, однакожь она продолжала бы существовать.

Итакъ, хотя мы дѣлаемъ самыя значительныя уступки, тѣмъ, чья ученія опровергаемъ, хотя допускаемъ *возможность* событія, котораго не случилось еще никогда и вгдѣ въ цѣломъ мірѣ, — однакожь метисація и гибридація остаются по прежнему явленіями совершенно несходными. *Метисація* происходитъ единственно между *породами*, гибридація только между *видами*. Слѣдовательно есть средство находить посредствомъ опытовъ различіе между этими двумя группами, которыя такъ часто смѣшиваются.

Конечно не мы первые вывели это заключеніе изъ результатовъ скрещиванія. Не восходя далѣе Бюффона, скажемъ, что и онъ въ своихъ сочиненіяхъ часто выводилъ на эту мысль, которая тысячу разъ была высказана въ той или въ другой формѣ; ее даже простирали слишкомъ далеко, и преувеличивая или ослабляя нѣкоторые факты и ихъ естественныя послѣдствія, выводили иногда заключеніе, что производительность составляетъ почти исключительную принадлежность *метисовъ* и что *гибриды* совершенно лишены ее. Гг. Шеврель, Исидоръ Жоффуа и нѣкоторые другіе натуралисты прежде насъ еще доказали неосновательность этихъ преувеличеній; но потомъ, особенно въ послѣдніе годы, возникли преувеличенія въ противоположномъ смыслѣ, противъ которыхъ протестовали тѣ же авторы, и которыя также слѣдовало обсудить, принимая въ соображеніе всѣ данныя, представляемыя теперешнею наукой. Именно это мы и взяли на себя и можемъ, кажется, сказать въ заключеніе, что смѣшивать *породу* и *видъ*, не допускать, что при владычествѣ теперешнихъ условій бытія ¹ видъ составляетъ нѣчто существенное, основное въ

¹ Слѣдую примѣру г. Шевреля, подтверждаю, что все сказанное мною о видѣ и породахъ прилагается только къ тѣмъ временамъ, на которыя могутъ простирается опытъ и наблюденіе.

общемъ порядкѣ вещей,—значить отказывать опытамъ и наблюдениамъ всякое значеніе въ наукѣ.

Здѣсь представляется затрудненіе: должны ли потомки растительнаго или животнаго гибрида, которые въ силу *возвратнаго закона*, или вслѣдствіе послѣдовательныхъ скрещиваній, снова усвоили себѣ *всѣ свойства* одного изъ первоначальныхъ видовъ, быть почитаемы принадлежащими къ тому же виду, равно какъ особи, которыхъ отцы никогда не смѣшивали своей крови съ чуждою кровью? Для того, кто не сойдетъ съ почвы наблюденія и опыта, отвѣтъ не труденъ. Да, эти правнуки отца или матери гибридовъ должны быть почитаемы *вполнѣ* принадлежащими къ виду, котораго отличительности они *вполнѣ* воспроизводятъ. Поглощеніе ли или вытѣсненіе одного типа другимъ, постепенное ли отдѣленіе одной изъ двухъ кровей, временно бывшихъ въ сліяніи, сдѣлали незамѣтнымъ или дѣйствительно ничтожнымъ вліяніе другой крови, но ни въ какомъ случаѣ малая не причислятъ животнаго къ тому виду, котораго особенности оно соединяетъ въ себѣ. Вотъ почему, соглашаясь, что наши домашніе виды животныхъ, можетъ быть, всѣ болѣе или менѣе скрещивались, — однакожъ считаемъ ихъ специфическія отличія столь же положительными, какъ отличія дикихъ породъ, которыя никакъ не могутъ быть подозрѣваемы въ скрещиваніи. Дѣйствовать иначе значило бы пускаться въ отвлеченности непримѣнимыя и которыя не заключали бы въ себѣ ничего научнаго. Очевидно, въ наше время итальянскіе козлы и бараны, къ какой бы ни принадлежали они породѣ, должны быть почитаемы *истинными козлами* и *истинными баранами*, хотя бы они и происходили отъ какихъ-нибудь улюдковъ временъ Евгеніуса ¹.

Возьмемъ же вмѣстѣ съ г. Шэврелемъ, на котораго опять надобно здѣсь сослаться, одну изъ группъ животныхъ, болѣе или менѣе другъ другу подобныхъ, отъ сообщенія которыхъ, всегда легкаго и плодороднаго, происходятъ *метисы*; обратимся въ источнику происхожденія группы: эта группа распадается на семьи, которыя всѣ примыкаютъ къ своему отцу и матери; мы увидимъ, что при каждомъ болѣе старомъ поколѣніи число этихъ семей уменьшается, и такимъ образомъ дей-

¹ Писатель жившій въ VII вѣкѣ, на котораго ссылается г. Исидоръ Жоффуа, приводитъ латинскіе стихи, содержащіе два названія данныхъ козьимъ и овечьимъ гибридамъ.

дѣтъ, что начались поколѣнія съ *единой первоначальной пары*. Но действительно ли существовала эта первоначальная пара? Не было ли сначала нѣсколькихъ паръ, совершенно подобныхъ? Это *вопросъ о такомъ фактѣ*, котораго наука не должна касаться, ибо ни наблюденіе, ни опытъ, не доставляютъ ей никакихъ данныхъ. Наука можетъ только сказать, что, судя по настоящему порядку вещей, кажется *какъ будто* каждый видъ произошелъ отъ одной только пары, и это заключеніе, строго выведенное изъ фактовъ, принадлежитъ къ терминамъ нашего опредѣленія вида. ¹

III. О СЯЩЕНІИ МЕЖДУ ЧЕЛОВѢЧЕСКИМИ ГРУППАМИ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что какъ скоро рѣчь идетъ о всеобщихъ законахъ воспроизводительности, то можно примѣнять къ животнымъ результаты доставленные изученіемъ растений. Можно ли выводы полученные отъ изученія животныхъ примѣнять къ человѣку? Безъ всякаго сомнѣнія. Въ обоихъ царствахъ органы и физиологическія явленія тождественны. Слѣдовательно, если группы человѣческія суть разные виды, то мы увидимъ отъ смѣшенія ихъ между собою общія явленія свойственныя *гибридаціи*; если же эти группы лишь *породы одного и того же вида*, то окажутся явленія *метисаціи*. Посмотримъ, что говорятъ факты.

Всегда ли и вездѣ ли легко совершается сочетаніе между людьми, принадлежащими къ разнымъ группамъ? Всегда ли и вездѣ ли отъ этихъ сочетаній родятся дѣти? О нѣкоторыхъ группахъ отвѣчали отрицательно. Послѣ мы тщательно обсудимъ много ли должно придавать вѣсу этимъ отрицаніямъ, ибо не должно

¹ Хотя опредѣленіе г. Шевреля высказано, повидимому, въ терминахъ болѣе рѣшительныхъ чѣмъ мое, однакожь такой основательный умъ не могъ не имѣть въ виду той оговорки, которую дѣлаю я. Она вытекаетъ изъ всего предшествующаго; она формально высказана у него нѣсколькими строками ниже. Мнѣ пріятно указать на это соглашеніе во мнѣніяхъ о вопросахъ столь трудныхъ. Когда я—высказалъ впервые сдѣланное мною опредѣленіе вида, я не зналъ еще опредѣленія оставленнаго г. Шевредемъ. Онъ былъ приведенъ къ нему болѣе изученіемъ растений дикихъ и пользующихся уходомъ; я—изученіемъ животныхъ вообще и домашнихъ видовъ въ особенности. Сходство результатовъ доказываетъ тождество законовъ управляющихъ обоими царствами.

оставлять никакихъ сомнѣній по этому предмету ¹. Ограничимся здѣсь только указаніемъ на отношенія между двумя крайне-противоположными членами человѣческой семьи—негромъ и бѣлымъ человѣкомъ. Вотъ уже около трехъ столѣтій какъ невольничество сблизило ихъ, и между этими двумя типами происходили многочисленныя сочетанія. Нужно ли напоминать о ихъ результатахъ? Зайдите въ тѣ конторы, гдѣ обѣ породы встрѣчаются совершенно свободно; ознакомьтесь съ колоніями, въ которыхъ негры живутъ невольниками; взгляните на тѣ края, гдѣ освобожденные невольники, не взирая на предразсудки, находятъ себѣ иногда бѣлую жену, а негрятанки — бѣлыхъ мужьевъ: найдете ли вы въ огромномъ большинствѣ этихъ браковъ что-нибудь напоминающее о томъ сильномъ возбужденіи, къ которому, какъ мы видѣли, почти всегда нужно прибѣгать для того чтобы могло произойти скрещеніе между разными видами животныхъ? Нужно ли, чтобы подобно собакамъ и волку, зайцу и кролику, ламѣ и вигони—оба супруга, для того чтобы преодолѣть взаимное отвращеніе, были вмѣстѣ вскормлены? Напротивъ, кто не знаетъ, что эти соединенія ежедневно бываютъ слѣдствіемъ случайныхъ встрѣчъ, при условіяхъ, повидимому, самыхъ неблагоприятныхъ? Мы не можемъ, конечно пускаться въ подробности; но пусть читатель припомнитъ все, что онъ уже читалъ въ другихъ книгахъ, пусть подумаетъ о сценахъ разврата и насилія, къ которымъ ведетъ невольничество, о негровладѣльцахъ, занимающихся *выводкой мулатовъ*, и окружающихъ себя гаремомъ въ видахъ дешеваго добыванія невольниковъ, въ которыхъ обращаются ихъ же собственныя дѣти, припомнивъ все это, читатель увидитъ, что гнусная безнравственность нѣкоторыхъ *негровладѣльцевъ* снабжаетъ насъ въ этомъ случаѣ фактами самыми убѣдительными, ибо всѣ эти соединенія бываютъ плодородны, и вездѣ, гдѣ негры и бѣлые живутъ вмѣстѣ, образуется *мулатское* населеніе. Еслибы понадобилось присовокупить къ этому общему факту подробныя доказательства, то ихъ можно найти напримѣръ въ трактатахъ судебной медицины, въ которыхъ по поводу совершенно иныхъ вопросовъ говорится о близнецахъ разнаго цвѣта,

¹ Изложивъ доводы прямо благоприятствующіе ученіямъ о единствѣ человѣческаго рода, я обсужу отдѣльно главныя возраженія противъ этихъ ученій, и тогда возвращусь къ нѣкоторымъ подробностямъ, которыя я былъ вынужденъ обойти, чтобы не завлечься въ отступленія.

родящихся иногда отъ бѣлой женщины, иногда отъ негритянки. Такъ однажды негритянка родила трехъ младенцевъ: одинъ былъ черный, другой бѣлый, третій *кабрь*¹. Равенство дѣйствія обнаруживается здѣсь столь же ясно, какъ у *породъ* животныхъ или растительныхъ.

Если обращать вниманіе только на родителей, то скрещиваніе человѣческихъ группъ представляетъ всѣ особенности *метисаціи*, а никакъ не *гибридаціи*; эти группы—*породы* но не *сиды*². Посмотримъ, поведетъ ли къ тому же выводу изученіе дѣтей. Мы уже говорили, что общій способъ передачи отличительныхъ признаковъ свойственныхъ родителямъ доставляетъ лишь *задательное* рѣшеніе вопроса, которымъ мы занимаемся; но съ одной стороны, иногда преувеличивая важность наблюдений, заимствованныхъ въ этомъ порядкѣ фактовъ, отыскивали въ нихъ доказательство, въ пользу ученій нами опровергаемыхъ, съ другой, относительно этихъ вопросовъ господствуютъ понятія довольно неопредѣленные, которыя не мѣшаютъ привести въ ясность. Когда идетъ дѣло о скрещеніи человѣческихъ группъ, уму Европейца представляются только бѣлый и негръ. Всѣ другія соображенія исчезаютъ передъ мыслью о цвѣтѣ кожи, а какъ этотъ цвѣтъ выходитъ вообще средній между цвѣтомъ негра и бѣлаго, то думаютъ, что и всѣ прочія особенности также выходятъ среднія. Но это совсѣмъ невѣрно. Не выходя изъ Парижа и внимательно всматриваясь въ мулатовъ, часто попадающихся на улицахъ этого города, можно убѣдиться, что весьма не рѣдко черты лица гораздо болѣе приближаются къ чертамъ бѣлыхъ нежели негровъ.

Вотъ фактъ, замѣчательный во многихъ отношеніяхъ, уже сообщенный г. Дювернуа, но о которомъ я собралъ весьма точныя свѣдѣнія³. Лисле Жофруа, инженеръ на островѣ Иль-

¹ *Кабрами* называются въ нѣкоторыхъ штатахъ Америки сыновья мулата отъ негритянки.

² Отъ Бюффона до Мюллера и Гумбольдта самымъ главнымъ и серьезнымъ доводомъ противъ защитниковъ происхожденія человѣческаго рода отъ многихъ первыхъ людей служилъ результатъ скрещенія разныхъ человѣческихъ группъ. Невѣрующіе въ единство человѣческаго рода пытались представлять разныя возраженія, изъ которыхъ нѣкоторыя уже обсужены мною; другія мы обсудимъ въ особой главѣ нашего труда.

³ Оба мы съ г. Дювернуа получили эти свѣдѣнія отъ г. Катгаръ-де-Бюнкура, бывшаго администраторомъ въ Иль-де-Франсѣ,

де-Франсъ, былъ сынъ очень простой негритянки и Француза, принадлежавшаго къ просвѣщенному классу населенія. По цвѣту, чертамъ лица, волосамъ, и даже по особенному запаху, который онъ издавалъ отъ себя, на немъ отразились всѣ внѣшнія особенности его матери, такъ что его можно было бы считать за чистокровнаго негра. Еслибы дѣло шло о баранѣ или быкѣ, Лисле Жофруа поставили бы въ разительный образецъ *односторонняго* сходства; но по уму и чувствамъ онъ былъ вполнѣ Европеецъ, до того что, вопреки предразсудку, его принимали во всѣхъ французскихъ обществахъ, не обращая вниманія на черный цвѣтъ лица. Наконецъ онъ былъ до самой смерти корреспондентомъ Французскаго Института. Здѣсь былъ полный раздѣлъ: физическій человекъ былъ совершенный негръ, но умъ его и нравственность вполнѣ свойственны Европейцу.

Примѣръ Лисле доказываетъ, что самый цвѣтъ у мулатовъ не всегда бываетъ средней между чернымъ и бѣлымъ. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ многими писателями, и изъ нихъ увѣреній оказывается, что перевѣсъ такъ же часто склоняется на сторону бѣлага, какъ и чернаго цвѣта. Лауренсъ, Вайтъ, Парсонъ, Причардъ, Просперъ Люка, приводятъ въ примѣръ множество смѣшанныхъ браковъ, отъ которыхъ родились дѣти то свѣтлокожіе, то темнаго цвѣта, одни во всемъ сходные съ настоящими Европейцами, другіе съ чистыми неграми. Иногда изъ двухъ близнецовъ, дѣтей одного отца, одинъ былъ черный и волосы имѣлъ какъ у негра, другой бѣлый съ волосами Европейца. Въ числѣ подобныхъ фактовъ есть два, которые интересно сблизить, такъ какъ число дѣтей и явленія въ цвѣтѣ дѣтей были одинаковы, тогда какъ у одной семьи отецъ былъ негръ, мать бѣлая, а у другой наоборотъ отецъ бѣлый, а мать, выдававшая себя за мулатку, имѣла вполнѣ видъ чистокровнаго негритянки. Обѣ семьи имѣли по три ребенка, у обѣихъ черный элементъ сначала явно преобладалъ, потомъ утратилъ свое вліяніе, и наконецъ вовсе изгладился въ младшихъ дѣтяхъ ¹.

Въ предыдущихъ примѣрахъ цвѣтъ лица, свѣтлый или тем-

постоянно доказывавшаго надѣлъ просвѣщенную любовь свою къ наукамъ, особенно естественнымъ. Г. Бюнкуръ былъ лично знакомъ съ Лисле Жофруа.

¹ Считаю не бесполезнымъ сообщить, въ видѣ таблицы, свѣдѣнія доставленныя мнѣ г. Просперомъ Люка, который цѣлый годъ ежедневно видалъ вторую изъ этихъ семей:

ный, былъ впрочемъ однообразный; но иногда случается, что на одномъ и томъ же лицѣ рядомъ бываетъ и бѣлый, и черный цвѣтъ, отчего выходятъ люди *пестрые*. О подобныхъ случаяхъ упоминаютъ многіе авторы, и уже Бюффонъ обращалъ на нихъ вниманіе. Вайтъ упоминаетъ о двухъ разноцвѣтныхъ людяхъ, изъ которыхъ у одного низъ тѣла былъ черный, верхъ же бѣлый, а у другаго правая сторона тѣла была одного цвѣта, а лѣвая другаго. Оба происходили отъ смѣшаннаго брака. Вотъ еще интересный фактъ, заимствованный Причардомъ у Парсона: «Слуга негръ женился на бѣлой женщинѣ служившей въ одномъ съ нимъ домѣ. Подъ исходъ первой беременности хозяинъ увезъ куда-то этого негра, который такимъ образомъ нѣсколько дней находился въ отлучкѣ. Между тѣмъ жена его родила хорошенькую дѣвочку, совершенно похожую на мать. По возвращеніи своемъ, мужъ, увидя дѣвочку, былъ очень встревоженъ и не хотѣлъ признать ее своею; но кормилица успокоила его, раздѣвъ ребенка и показавъ негру, что у дѣвочки вся нижняя часть спины и нѣкоторыя другія части были совершенно черныя. Послѣ чего мужъ тотчасъ помирился съ женой и дочерью. Мнѣ разказывали объ этомъ, говоритъ Парсонъ, но не довѣряя разказику, я лично удостовѣрился въ справедливости всего этого.»

Ясно, что если допустить только у *метисовъ* возможность односторонняго сходства и слиянія въ одной особи отличительныхъ признаковъ ея отца и матери, то продукты скрещиванія между человѣческими группами вполне удовлетворяютъ этому условію. Въ такомъ порядкѣ идей, приведенные нами факты указывали бы даже на скрещеніе или породу очень близкихъ, или простыхъ разновидностей,—до того они напоминаютъ то, что произошло, какъ мы видѣли, между бѣлою и черною ланью. Тѣмъ не менѣе при изученіи животныхъ породъ и видовъ мы находимъ такое множество разнообразныхъ фактовъ этого рода, что и не приписали бы большой важности вышеупомянутымъ результатамъ, еслибы не имѣли въ виду одного обстоятельства, заслуживающаго упоминанія. Всѣ примѣры, приведенные нами, и многіе другіе, которые

Отецъ черный, мать бѣлая.

1. Чистокровный негренокъ.
2. Истый мулатъ.

3. Бѣлый мальчикъ, пріятной наружности, съ весьма кудрявыми свѣтлорусыми волосами.

Отецъ бѣлый, мать черная.

1. Мулатъ, подходящий къ негру.
2. Мулатъ болѣе смуглый чѣмъ черный.

3. Бѣлая дѣвочка, съ пріятнымъ лицомъ, чрезвычайно остроумная.

мы могли бы еще привести, были собраны у негровъ живущихъ вдали отъ своего первоначальнаго отечества и въ климатъ болѣе умѣренномъ. Доктору Винтерботтому, который съ такимъ тщаніемъ изучалъ черную породу въ ея родномъ краѣ, повидимому, не былъ извѣстенъ ни одинъ подобнаго рода фактъ ¹. Неужели же скрещеніе производитъ подобные результаты лишь внѣ африканскаго климата и подъ вліяніемъ другой среды? На этотъ вопросъ трудно еще отвѣчать съ увѣренностью. Мы только ставимъ его на видъ наблюдателямъ, находящимся въ условіяхъ болѣе благоприятныхъ его рѣшенію. Но если вопросъ будетъ рѣшенъ утвердительно, какъ можно ожидать судя по фактамъ, то это будетъ новое доказательство въ пользу нашихъ предположеній. Дѣйствительно, измѣненіе среды не можетъ, кажется, измѣнить результатъ гибридаціи. Признаки лошака, напримѣръ, остаются тѣ же, гдѣ бы ни родилось это животное. Напротивъ, людскія породы, какъ мы видѣли, измѣняются отъ перемѣны среды, которая колеблетъ типъ негра. А потому нѣтъ ничего мудренаго, что этотъ типъ легче уступаетъ бѣлому при скрещеніяхъ, происходящихъ во Франціи, въ Англій, въ Соединенныхъ Штатахъ, нежели при производимыхъ въ Сіерра-Леоне или на Мозамбикскомъ берегу.

Впрочемъ, мы обратили вниманіе читателя на эти соображенія только для того чтобы показать, сколько ученіе о единствѣ человѣческаго рода согласуется съ общими законами природы даже въ мельчайшихъ подробностяхъ. Главное доказательство истины этого ученія состоитъ не въ томъ. Оно состоитъ прежде всего въ саѣдствіяхъ отъ скрещенія человѣческихъ группъ. Мы видѣли какой непосредственный результатъ имѣли эти скрещенія; ихъ производительность свидѣтельствуешь о *меттисаціи*, устраняя всякую мысль о *гибридаціи*. Но сохраняется ли эта сила производительности у ихъ дѣтей? И здѣсь опять мы должны, временно придержаваясь важнѣйшихъ фактовъ, напомнить что происходило и что еще

¹ Докторъ Винтерботтомъ очень много занимался *альбинизмомъ* у негровъ, и Причардъ, основываясь отчасти на нѣкоторыхъ имъ приводимыхъ фактахъ, пришелъ къ мысли, что всѣ *бѣлые негры*, почитаемые истинными альбиносами, можетъ-быть составляютъ только средній видъ между породами черными и рыжеволосыми бѣлыми. Есть конечно своя доля правды въ этой мысли англійскаго антрополога; но мы не можемъ обсуждать этотъ вопросъ такъ подробно, какъ бы это нужно было.

теперь происходитъ въ центральной и Южной Америкѣ. Тамъ есть представители бѣлой группы, черной, и еще третьяго типа, отличнаго отъ двухъ предыдущихъ, но нисколько не занимающаго средину между ними,—три совершенно разные вида, говорятъ полигенисты, три породы, утверждаемъ мы; вопреки всему что разъединяетъ эти три разные группы, столь неравныя между собою, онѣ сочетались между собою. Мы знаемъ, что ихъ совокупленія были плодородны. Наслѣдовали ли дѣти эту плодородность? На это отвѣчаетъ уже не одинъ какой-нибудь человекъ, не одинъ какой-нибудь ученый, натуралистъ или антропологъ, — на это отвѣчаютъ сами народы, которые, чтобы выразить результатъ рѣчью, были, по свидѣтельству многихъ путешественниковъ, вынуждены повсюду составить новый словарь ¹, а этотъ словарь далеко еще не можетъ передать всѣхъ измѣненій въ чертахъ, цвѣтѣ, особенностяхъ разнаго рода, которыя замѣчаются у этихъ людей стократно скрещенныхъ и постоянно плодородныхъ во всѣхъ степеняхъ этого безпредѣльнаго смѣшенія. Повсюду, постепенно, *нечувствительными отпѣнками*, совершается переходъ отъ краснаго человека къ бѣлому, отъ бѣлаго къ черному, и эта смѣсь крови, это слянiе племенъ, начавшееся съ первыхъ временъ завоеванія и съ перваго ввоза негровъ, нигдѣ не встрѣчало никакихъ затрудненій, точно оно совершалось между тремя одноплеменными народами.

¹ Заимствуемъ изъ исторiи Мексики г. Ларендъера слѣдующія названія, указывающія степень смѣшенія, происшедшаго между тремя племенами—бѣлымъ, чернымъ и краснымъ. Легко впрочемъ видѣть, что эта таблица неполна, ибо въ ней есть слово, которое еще не объяснено.

<i>Местисо</i>	отродокъ отъ Испанца и Индiянки.
<i>Кастисо</i>	— метиссы и Испанца.
<i>Эпаньоло</i>	— кастиса и Испанки.
<i>Мулатъ</i>	— Испанки и негра.
<i>Морискось</i>	— мулатки и Испанца.
<i>Альбинъ</i>	— мориска и Испанки.
<i>Торнатрасъ</i>	— альбиноса и Испанки.
<i>Тентилеларо</i>	— торнатроса и Испанки.
<i>Лово</i>	— Индiянки и негра.
<i>Карибухо</i>	— Индiянки и лова.
<i>Барсико</i>	— койоте и мулатки.
<i>Грифо</i>	— негрiянки и лова.
<i>Альбарзадо</i>	— койоте и Индiянки.
<i>Каниса</i>	— метиссы и Индiйца.
<i>Мечино</i>	— кова и койоте.

Нѣкоторыя изъ этихъ названій въ другихъ мѣстахъ кромѣ Мексики имѣютъ иное значенiе, а многiя замѣнены другими выраженiями.

Такимъ образомъ этотъ великій опытъ, совершавшійся три вѣка на многихъ тысячахъ миль, среди нѣсколькихъ милліоновъ людей, громко свидѣтельствуемъ, что скрещеніе трехъ группъ встрѣтившихся въ Америкѣ есть *метисація*, а нѣсколько не *гибридація*, и что слѣдовательно эти три группы принадлежатъ къ *одному виду*, а не къ разнымъ *тремъ видамъ*. Нужно ли настаивать еще на другихъ примѣрахъ? Нельзя найти болѣе значительной разницы, какъ существующая между человѣкомъ бѣлымъ, чернымъ и краснымъ ¹, и конечно то что правда о нихъ, правда и о другихъ ²; слѣдовательно все человечество принадлежитъ только къ *одному виду*; группы, на которыя оно раздѣлено, — *только породы этого вида*.

Таково заключеніе, къ которому ведутъ не теоріи, не понятія заранѣе составленныя или зависящія отъ ученій, основанныхъ не на естественныхъ наукахъ, но единственно опытъ и наблюденія, — не такія наблюденія, которыя обращены въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ на небольшое число отдѣльныхъ фактовъ, — опыты не надъ нѣсколькими лишь животными и растеніями, — но вѣковые, объемлющія всѣ виды животныхъ и растеній.

Если метода основательна, если, какъ мы думаемъ, существуетъ только одна истинная общая физиологія, подчиняющая однимъ и тѣмъ же законамъ всѣ живые организмы, то на свѣтѣ существуетъ только *одинъ видъ людей*, или *одинъ человѣчскій родъ*. Кто вѣритъ существованію *многихъ видовъ людей*, долженъ допустить для нихъ особенную физиологію, чуждую для растеній и животныхъ, обнаруживающуюся множествомъ обстоятельствъ, особенно же феноменами воспроизводительности, то-есть тѣми, которые напротивъ свидѣлствуютъ объ основномъ тождествѣ. Между двухъ вѣрованій влекущихъ за собой слѣдствія столь противоположныя, натуралистъ и физиологъ не могутъ колебаться. Вотъ почему мы вѣримъ въ специфическое *единство* человѣка, и противимся тѣмъ, которые утверждаютъ, что существуетъ *много видовъ* человѣка.

¹ Я соображаю съ обычаемъ, называя красными людьми всѣ первобытныя племена природныхъ Американцевъ; но извѣстно, что уже д'Орбиньи насчиталъ нѣсколько племенъ въ этомъ населеніи, которое такъ долго считалось одноплеменнымъ, а судя по новымъ свѣдѣніямъ, его раздѣленіе еще неполно.

² Мы возвратимся къ этому вопросу, отвѣчая на возраженія полигенистовъ.

ЧЕШСКАЯ ДЕРЕВНЯ

СЕЛО ГУДЛИЦЫ.

Когда въ прошломъ году я прїѣхалъ въ Прагу, чешское движеніе приняло уже довольно большіе размѣры. Городъ былъ сильно оживленъ. Между партіями завязалась жаркая журнальная полемика. Нѣмцы обвиняли Чеховъ въ излишнихъ притязаніяхъ на права историческія, въ излишней привязанности ко всему народному. Чехи, съ своей стороны, упрекали Нѣмцевъ за излишнюю заносчивость, за деспотизмъ, и продолжали стоять на своемъ, требуя отъ правительства преобразования школъ и судовъ, требуя, чтобы въ Чехіи чешскій языкъ пользовался одинаковыми правами съ языкомъ нѣмецкимъ и проч. Не желая переворота насильственного, а думая все уладить путемъ мирнымъ, какъ говорится, законнымъ, чешскіе публицисты задумали изданіе, съ новаго 61 года, особой политической газеты, которая была бы вполнѣ народнымъ органомъ, и въ которой бы основательно разбирались всѣ злоупотребленія и кривды, попускаемыя правительствомъ.

Слѣдя съ живымъ интересомъ за ходомъ этого движенія, я хотѣлъ узнать, какъ отозвалось оно въ другихъ городахъ и селеніяхъ чешскихъ, въ какомъ отношеніи тѣ и другія находятся къ столицѣ королевства, хотѣлъ въ особенности узнать, принимаетъ ли участіе въ этомъ движеніи сельское народонаселеніе, и если принимаетъ, то какое именно, —

словомъ, есть ли оно дѣло общее, движеніе цѣлаго народа, или только мѣстное, пражское. Съ этою пѣлюю я рѣшился предпринять небольшое путешествіе по Чехіи, имѣя при томъ еще въ виду поближе сойтись съ сельскимъ людомъ, познакомиться съ его бытомъ и обычаями. Чтобы путешествіе было и веселѣе, и полезнѣе, я уговорился съ однимъ изъ моихъ земляковъ, П. А. Ровинскимъ, весною пройтись по Чехіи непременно пѣшкомъ. Между тѣмъ, еще зимою, представился намъ случай съѣздить куда на мѣсяцъ, или на полтора, въ одно село, не вдалекѣ отъ Праги.

Въ половинѣ декабря оканчивались университетскія лекціи. Студенты разѣзжались по домамъ. Одинъ изъ нихъ, нашъ хорошій знакомый, предложилъ намъ ѣхать, вмѣстѣ съ нимъ, на рождественскія вакаціи въ Гудлицы, къ его отцу. Разумѣется, мы съ большимъ удовольствіемъ приняли это предложеніе. Г. Ровинскій хотѣлъ пріѣхать позже, а мы вдвоемъ 20/2 декабря, послѣ обѣда, ѣхали уже въ дилижансѣ по большой пильзенской дорогѣ.

Дорога отъ Праги сначала шла между горами. Проѣхавъ потомъ верстъ пять, или шесть, мы выѣхали на болѣе-открытое мѣсто, съ котораго далеко видѣлось и вправо и влѣво. Я, еще незнакомый съ мѣстностію, смотрѣлъ изъ окна то въ ту, то въ другую сторону, дѣлая на все разныя замѣчанія и, по временамъ, обращаясь съ вопросами къ своему спутнику. Онъ охотно объяснялъ мнѣ все, но потомъ что-то вдругъ замолкъ, отвернулся и сталъ пристально всматриваться въ противоположную сторону. Долго просидѣлъ онъ такъ, не говоря ни слова.

— Да что это съ вами? спрашиваю я его:—вы не говорите ни слова; ужъ не надоѣлъ ли я вамъ своими разпросами?

— Нѣтъ, нисколько, отвѣчалъ мой спутникъ,—но на моемъ мѣстѣ и вы бы теперь призадумались. Посмотрите, вонъ тамъ вдали виднѣется возвышеніе, вѣдь это Бѣлая Гора...

Бѣлая Гора, вотъ громовое слово для каждаго Чеха-патріота! Сколько мыслей, сколько чувствъ пробуждаетъ оно въ его душѣ! Въ былыя времена, Чешское королевство было значительнымъ европейскимъ государствомъ. То были времена первыхъ его королей, времена Гуса, гуситскихъ войнъ и тридцатилѣтней войны. Съ какимъ геройствомъ Чехи отстаивали свою свободу, свою независимость! И вотъ бѣдогоская битва совершенно измѣняетъ ходъ исторіи чешской, и

налагаетъ на народъ клеймо рабства и безчестія. На Бѣлой Горѣ Чехи и Моравцы сражались за общее дѣло, противъ общаго врага, но битва проиграна ими, успѣхъ остался на сторонѣ врага...

— Въ самомъ дѣлѣ, это она, говорилъ я; засмотрѣвшись въ другую сторону, я было я забылъ о ней. — А помните, Адольфъ, какъ мы съ вами путешествовали на Бѣлую-то Гору?..

Но А^{***} продолжалъ молчать. Немного погодя онъ запѣлъ, а сидѣвшій съ нами въ одномъ отдѣленіи гимназистъ сталъ ему подтагивать.

Bogo, hogo, vysoká jsi,
Ne slysis žalostne hlasy,
Ne vidiš ty size vroucí,
Z očí vláštenců kanoucí.

.

Гора, гора, высока ты, до тебя не доходятъ горькіе вопли, не видишь ты горючихъ слезъ, падающихъ изъ очей патриотовъ.

Слышишь ли ты, что говорятъ волны Влтавы, что вѣщаютъ далекіе громы?.. Слышишь ли, что шепчутъ наши уста?—тебя, гора, проклинаютъ.

Зачѣмъ свѣтитъ солнце надъ тобою, отчего не покроетъ тебя вѣчный мракъ, зачѣмъ съ каждою весной цвѣтутъ твои луга?

Пролятая гора Бѣлая Гора! въ тебѣ сгнила вся наша сила, и тамъ, гдѣ встлѣлъ прахъ отцовъ нашихъ, тамъ потомство соорудило храмъ¹.

Буря! что же ты не потрясешь этого храма?.. Вихрь! что ты не разнесешь его?.. Народъ! что же ты не смоешь съ себя пятно безчестія славною битвой?..

... Но тщетно это воззваніе! Гора спитъ мертвымъ сномъ, и храмъ неземлемо стоитъ на ней, не боясь ни вѣтровъ, ни бурь...

Подъ конецъ пѣсни голосъ у моего спутника такъ задрожалъ, что онъ едва могъ кончить ее. И неудивительно. Пѣсня эта, когда поется, производитъ потрясающее впечатлѣніе.

Долго ни одинъ изъ насъ не рѣшался заговорить.

— Сколько разъ ни приводилось мнѣ слышать эту пѣсню, прервалъ я наконецъ молчаніе,—всегда у меня было на мысли непременно списать ее, и все-таки я еще не списалъ. Послушайте, Адольфъ, какъ только пріѣдемъ къ вамъ въ Гудлицы, я буду просить васъ продиктовать мнѣ ее.

— Если хотите, отвѣчалъ онъ,—я напишу вамъ самъ...

¹ Храмъ на Бѣлой Горѣ выстроенъ іезуитами въ честь побѣды императорскихъ войскъ надъ союзными войсками Чеховъ и Моравовъ и въ честь побѣды католичества надъ гусситствомъ.

— Да вот у меня есть лишній экземпляръ, прервалъ его гимназистъ,—позвольте предложить вамъ его.

— Отъ души благодарю васъ; это на память... А вы, какъ кажется, большой патриотъ. Ужь не составилось ли въ вашей гимназіи такое благотворительное общество, которое собираетъ всѣ патриотическія пѣсни и раздаётъ ихъ даромъ тѣмъ, которые интересуются ими? И вы не членъ ли этого общества?

— О, нѣтъ! Правда, и другой сдѣлалъ бы то же самое, что теперь я. Я предложилъ вамъ эту пѣсню, потому что вы Русскій. Правда, въ гимназіи у насъ гимназисты Чехи такъ единодушны, такъ привязаны ко всему чешскому, что какъ будто составляютъ совершенно отдѣльное общество, но въ строгомъ смыслѣ это нельзя назвать обществомъ, потому что тутъ нѣтъ ни общаго плана, ни общей цѣли дѣйствій. Каждый изъ насъ патриотъ, потому мы и единодушны. Мы готовы стоять горой за все свое. Намъ не велятъ говорить въ классахъ по-чешски, но мы говоримъ; намъ запрещено носить чамары ¹, но мы ихъ носимъ. Многие изъ насъ ужь пострадали за это. Учителя, разумеется Нѣмцы, ненавидятъ насъ страстно, ненавидятъ за то, что мы считаемъ себя Славянами. Какъ, иногда, передъ учителемъ назовешь себя Славяниномъ, такъ онъ до того взбѣсится, что, кажется, просто готовъ былъ бы вырвать языкъ. А знаете, вѣдь они подобными выходками только поджигаютъ насъ, и мы, съ своей стороны, платимъ имъ тою же монетой. Они еще болѣе развиваютъ въ насъ ненависть къ этой мерзкой системѣ германизациі. Я, напримѣръ, вотъ ужь седьмой годъ въ гимназіи; учился все время по-нѣмецкимъ учебникамъ, потому что такъ требуютъ отъ насъ, слушалъ только нѣмецкія лекціи, учителямъ въ классахъ и на экзаменахъ отвѣчалъ всегда по-нѣмецки,—а сдѣлали ли они меня Нѣмцемъ? Нѣтъ, да и не сдѣлаютъ, а подобныхъ мнѣ вы найдете у насъ сотни.

— Позвольте мнѣ, сказалъ я,—сдѣлать вамъ одно замѣчаніе. Мнѣ кажется, вы не справедливы въ отношеніи къ Нѣмцамъ. Помилуйте, вѣдь это такой великій, такой цивилизованный народъ, что я бы счелъ для себя за счастье переродиться изъ Славянина въ Нѣмца. Мы Русскіе въ этомъ отношеніи гораздо уступчивѣе, гораздо деликатнѣе васъ. У насъ, безъ всякаго принужденія, забываютъ о существованіи своего языка и говорятъ между собою на чужомъ.

¹ Чамара—чешскій сюртукъ, особеннаго покроя и очень красивый.

— Нѣтъ, вскричалъ гимназистъ, перебивая меня, — я не могу болѣе слушать васъ. Впрочемъ вы, безъ сомнѣнія, шутите... О цивилизаціи не должно быть и рѣчи. Я признаю ее, я считаю Нѣмцевъ образованнымъ народомъ, и еслибъ я былъ Нѣмцемъ, то-есть еслибъ я родился имъ, я бы гордился этимъ. Но теперь я горжусь тѣмъ, что могу назваться Чехомъ! Да наконецъ, что касается цивилизаціи, развѣ мы не имѣемъ ея, не имѣемъ своей исторіи, своей литературы?

Молодой патриотъ воодушевился, но въ это время дилижансъ подъѣхалъ къ станціи, и мы должны были прекратить свой разговоръ. Всѣ вышли изъ экипажа и пошли въ гостиницу. Гостиница была очень недурна, двѣ просторныя комнаты, вдоль стѣнъ длинныя столы, изъ которыхъ на одномъ лежала газета *Часа*. Нѣсколько человѣкъ крестьянъ сидѣли за кружками пива.

— Was wünschen sie, meine Herren? обратился къ намъ хозяинъ гостиницы, какъ только мы вошли въ первую комнату.

— Дайте намъ по кружкѣ пива, отвѣчалъ Адольфъ по-чешски. — Да говорите съ нами, пожалуйста, на нашемъ родномъ языкѣ. Гдѣ вы теперь, въ Пруссіи что ли, или въ Саксоніи, въ Баваріи? Вѣдь вы въ Чехіи; вы могли бы предположить, что ни одинъ изъ насъ не знаетъ ни слова по-нѣмецки. Вамъ, можетъ-быть, хотѣлось похвалиться своимъ знаніемъ нѣмецкаго языка передъ этими господами? — Адольфъ указалъ рукою на крестьянъ.

— Само собою разумѣется, замѣтилъ одинъ изъ нихъ, — что съ Чехомъ ты долженъ говорить по-чешски, а съ Нѣмцемъ толкуй, пожалуй, и по-нѣмецки, или какъ хочешь, если онъ не понимаетъ чешскаго языка. Ужь и въ Прагѣ начинаютъ теперь болѣе говорить по-чешски.

— Видите, замѣтилъ я гимназисту, — какъ распространяется въ Чехіи знаніе нѣмецкаго языка и, слѣдствительно, наше громадное успѣхи дѣлаетъ цивилизація. Здѣсь и въ простыхъ сельскихъ гостиницахъ слышится нѣмецкій говоръ. Какъ же, послѣ этого, вы хотите, чтобы ваша аристократія говорила по-чешски?

— Надо вамъ замѣтить, отвѣчалъ гимназистъ, — что хозяинъ здѣшней гостиницы Еврей. Въ Чехіи вы будете встрѣчать это часто. Онъ потому и заговорилъ съ нами по-нѣмецки, что это его родной языкъ. Всѣ вообще Евреи говорятъ на нѣмецкомъ языкѣ, говорятъ на немъ уже нѣсколько столѣтій, — а что

однако, привилась къ нимъ нѣмецкая цивилизація? Не ясное ли это доказательство того, что одно знаніе какого-либо языка еще не дѣлаетъ человѣка образованнымъ, не можетъ вложить въ него ни высокихъ мыслей, ни благородныхъ стремленій? Что же касается нашей аристократіи, она должна, для собственной же пользы, говорить по-чешски, тѣмъ болѣе что это не помѣшаетъ ей говорить и по-нѣмецки. Многіе изъ аристократовъ такъ и дѣлаютъ теперь, — учатъ своихъ дѣтей и по-чешски, и по-нѣмецки.

— Да мы, заговорялъ Адольфъ, — совсѣмъ не такіе злые враги нѣмецкаго языка, чтобы не хотѣли и говорить на немъ. Намъ не нравится только система германизаціи. Требуемъ, чтобы мы отказались отъ своего роднаго языка и приняли языкъ нѣмецкій. Мы не отказываемся и не откажемся, — и вотъ насъ преслѣдуютъ, угнетаютъ. Къ чему поведетъ все это? Предоставь намъ полную свободу, дай нашему языку тѣ же самыя права, какими пользуется здѣсь нѣмецкій языкъ, и тогда каждый для себя постарается изучить и ту, и другую рѣчь. Наши требованія очень умѣренны, мы хотимъ только равныхъ правъ, но правительство не соглашается и на подобныя уступки... А вотъ это цивилизація, продолжалъ онъ, указывая рукою на крестьянъ и на лежавшую не вдалекѣ отъ нихъ газету, — поговорите-ка съ нашимъ крестьяниномъ; онъ не знаетъ нѣмецкаго языка, если онъ не пограничный житель, но онъ грамотенъ, читаетъ книги, читаетъ газеты, занимается сельскимъ хозяйствомъ не такъ себѣ, а съ толкомъ.

До слѣдующей станціи, города Бероуна, оставалось недалеко, какихъ-нибудь восемь, или девять верстъ.

— Здѣсь мы должны разстаться, заговорилъ я снова съ гимназистомъ, когда мы подъѣхали къ Бероуну; — вы поѣдете въ дилижансѣ далѣе, а намъ здѣсь надо выйти и ѣхать въ другую сторону. Мнѣ бы хотѣлось встрѣтиться съ вами въ Прагѣ. Заходите ко мнѣ; черезъ мѣсяцъ я буду опять тамъ. Впрочемъ, лучше намъ прежде сойдтись въ кофейнѣ; тогда я вамъ скажу и адресъ свой, а то вы, пожалуй, забудете его къ тому времени.

— А въ какую кофейню вы ходите?

— Въ Вѣнскую.

— А, знаю; я также бывалъ тамъ; это всеславянская кофейня.

— Да, ваша правда; да тамъ и говорятъ по большей части на всеславянскомъ языкѣ.

— На какомъ это? Что это за языкъ? русскій можетъ-быть?

— Нѣтъ. Странно, что вы не знаете, какой это языкъ: нѣмецкій...

— Какъ такъ?

— Очень просто. Если, напримѣръ, сойдутся вмѣстѣ Чехъ, Полякъ, Хорватъ, Словакъ, Русскій, и между ними завяжется общій разговоръ, на какомъ языкѣ, думаете вы, идетъ этотъ разговоръ? Иногда на французскомъ, а большею частію на нѣмецкомъ, потому что его знаютъ всѣ. Западные и южные Славяне говорятъ на немъ по необходимости. Образованные Русскіе и Поляки говорятъ большею частію по-французски, но на всякій случай, въ придачу, знаютъ еще англійскій и нѣмецкій языки... Да вѣдь и сами Чехи называютъ нѣмецкій языкъ все славянскимъ...

— Не знаю; я, по крайней мѣрѣ, не слышалъ этого, сказалъ съ жаромъ гимназистъ.

— Дѣйствительно называютъ, вступился Адольфъ,—но называютъ въ шутку, въ насмѣшку.

— Въ Прагѣ мы съ вами еще поговоримъ объ этомъ, непременно поговоримъ, продолжалъ гимназистъ,—а теперь ужь некогда, дилижансъ остановился, вамъ надо выходить. Прощайте. Смотрите же, до свиданія въ Вѣнской кофейнѣ.

— Да, да, не иначе. До свиданія. Мы крѣпко пожали наши руки.

Въ Бороунѣ насъ уже дождался братъ моего спутника. Познакомившись съ нимъ, я вскочилъ въ телѣгу, и мой новый знакомецъ погналъ лошадей по проселочной дорогѣ, которая, впрочемъ, нисколько не уступала большой пильзенской; онъ то ропсался, потому что было уже около девяти часовъ, а до Гудлицъ оставалось еще десять верстъ.

Вотъ сельское кладбище, а вотъ и самое село... Длинною вереницей потянулись дома поселенъ. Мы повернули направо, въѣхали въ другую улицу и вскорѣ остановились у довольно-большаго дома.

Въ домѣ засуетились, всѣ вышли встрѣчать насъ.

— А вотъ и нашъ заморскій гость, шутиль; Адольфъ, представляя меня своимъ роднымъ.

— Очень рады, очень рады, говорилъ его отецъ,—добро

пожаловать. Мы давно ждали васъ. Пожалуйте же скорѣе въ комнаты; здѣсь холодно.

Меня приняли какъ роднаго. Начались разспросы. Подели кофе, послѣ котораго всѣ сѣли къ большому столу ужинать. За кофеемъ и ужиномъ я, конечно, успѣлъ и осмотрѣться, и ознакомиться со всѣмъ семействомъ. На почтенномъ и добродушномъ лицѣ старичка, главы семейства, еще замѣтны были слѣды недавней скорби о потерѣ жены. Старшій сынъ его, мущина среднихъ лѣтъ, высокаго роста и пріятной наружности, былъ женатъ и имѣлъ пятерыхъ дѣтей, дочь и четырехъ сыновей. Съ однимъ изъ нихъ я и прѣвхалъ. Затѣмъ, тутъ же въ домѣ, жила родная сестра покойной жены старика-хозяина.

Дѣти нисколько не дичились; они то и дѣло подходили ко мнѣ съ учебниками, кто съ азбукой, кто съ грамматикой, кто съ исторіей. Каждому изъ нихъ непремѣнно хотѣлось что-нибудь прочесть для меня.

— Гдѣ вы это такъ хорошо научились читать? спрашиваю я ихъ.

— Здѣсь въ школѣ.

— Ужели вы всѣ ходите въ школу, даже и тотъ малютка? Вѣдь ему не больше пяти лѣтъ?

— Да, всѣ трое.

— Вѣроятно здѣшняя школа хорошо устроена, сказалъ я, обращаясь къ *пану татъ*¹.

— Для насъ хорошо, отвѣчалъ онъ.—Какъ поживете у насъ подольше, мы сходимъ съ вами и въ школу, а теперь занятія ужь кончены. Вамъ будетъ интересно всмотрѣться въ самый способъ преподаванія. Вотъ и мой Адольфъ (имя втораго его сына) сначала ходилъ тоже въ эту школу, теперь онъ ужь въ университетъ, а черезъ годъ хочетъ держать экзаменъ на доктора философіи. Еслибъ у меня былъ еще третій сынъ, я бы и того отдалъ въ гимназію, а потомъ и въ университетъ, или въ техническую школу. У насъ это такъ принято, и на моемъ мѣстѣ каждый крестьянинъ

¹ Панъ тата, Pan tata, господинъ отецъ. Такъ называли его всѣ домашніе, даже прислуга. Иногда прибавляли еще слово: старый, старый панъ тата, въ отличіе отъ молодаго, его старшаго сына, которому тоже часто говорили панъ тата.

сдѣлать бы то же самое. У меня напримѣръ, есть земля, скотоводство, сады, дѣтъ. Средства къ жизни есть. У меня два сына. Одного изъ нихъ, старшаго, я сталъ готовить на свое мѣсто, чтобы потомъ онъ могъ замѣнить меня, и я бы со-временемъ могъ передать ему все хозяйство. А другой, между тѣмъ, учился въ гимназiи, потомъ въ университетъ; я положилъ на его имя небольшую сумму съ тѣю цѣлю, чтобъ онъ и въ случаѣ моей смерти могъ докончить свое образованiе. Потомъ онъ уже будетъ на своихъ ногахъ, и самъ приобрететъ себѣ все нужное, какъ человекъ ученый. Да и старшiй мой сынъ ходилъ въ школу, прошелъ всѣ три класса, стало-быть, все-таки чему-нибудь да научился же. Мнѣ только не хотѣлось отпустить его отъ себя, самому хотѣлось наставить его въ хозяйскомъ дѣлѣ. Теперь онъ все дѣлаетъ за меня, а самъ я ужъ не могу попрежнему хозяйничать, силъ нѣтъ. Съ полгода ужъ будетъ, какъ я сдалъ ему хозяйство и перевелъ землю на его имя. Между тѣмъ земля наша остается не раздробленною, въ томъ же самомъ видѣ и съ тою же цѣнностiю, какъ я получилъ ее отъ своего покойнаго отца. А раздѣли я ее между двоими сыновьями, изъ этого не вышло бы ровно ничего. Они оба были бы бѣдны, да и дѣтямъ своимъ не оставили бы ничего, кромѣ той же бѣдности. Теперь, слава Богу, не то. Надѣлалъ я ихъ поровну. Одному далъ землю и домъ, другому образованiе, Мнѣ остается только утѣшаться ими, да вотъ еще этими внучатками. (При этомъ онъ поглядилъ по головѣ стоявшихъ волеъ него внучать.) Францъ, мой старшiй сынъ, долженъ поступить точно также. Спасибо ему, что онъ меня поконитъ. У меня нѣтъ теперь почти никакихъ хлопотъ, только иногда присмотрѣшь въ домѣ за порядкомъ. Все время я ничѣмъ не занятъ. Вотъ мы съ вами и будемъ ходить въ поле погулять, къ знакомымъ, а дома будемъ почитывать. У меня есть кое-какія книги, есть газета *Часъ*. Съ новаго же года я буду получать *Народныя Листы*. Ужъ я знаю напередъ, какая это будетъ газета. Лѣтъ одиннадцать тому назадъ выдавалъ *Народныя Новости* Гавличекъ. Вотъ такъ была газета! Онъ всегда говорилъ правду, — святой былъ человекъ. За то и народъ помнитъ его, и чтитъ его какъ своего перваго заступника. Эхъ, бычало, радость читать чтò онъ напишетъ! Ну, а иногда такъ задѣнетъ за живое, такъ растрогаетъ, что хоть плакать. Вѣч-

ная ему память голубчику! Теперешніе *Народные Листы* будутъ, я думаю, много походить на Гавличковы. Время-то подходит такое же, какое было тогда. *Народные Листы* станутъ говорить отъ лица народа, а въ такомъ случаѣ есть что сказать; не знаю только, каковъ этотъ издатель, Грегерь, кажется; о немъ что-то ничего неизвѣстно. Но за то его сотрудники хороши. На нихъ исполнѣ можно надѣяться, отъ нихъ можно ожидать только хорошаго. Здѣсь такъ всѣ и поговариваютъ.

— Стало-быть здѣсь ужъ знаютъ объ этомъ, знаютъ также и главныхъ сотрудниковъ—Ригра, Палацкаго, Браунера?

— Этихъ-то троихъ знаютъ хорошо. Они сдѣлали намъ много добра, и до сихъ поръ все еще работаютъ для насъ. Сами мы, разумѣется, не можемъ хлопотать обо всемъ, что они дѣлаютъ, потому что мы связаны домохозяйствомъ, общественными повинностями. Да притомъ, мы не такъ образованы, мы не сумѣемъ сговорить ни съ государемъ, ни съ министрами; по-нѣмецки мы не говоримъ. Потому мы во всемъ положились на Ригера, Палацкаго и Браунера, питаемъ къ нимъ полное уваженіе и, въ случаѣ крайности, готовы пособить имъ рѣшительно всемъ, чѣмъ только можемъ. И отъ насъ они ничего не скрываютъ, какъ это видно по газетамъ. Мы слѣдимъ здѣсь за всемъ, что дѣлается въ нашей *старославной* Прагѣ. Не такъ давно составилось у насъ литературное общество, которое выписываетъ разныя газеты. Послѣзавтра будетъ собраніе. Сходите туда посмотреть. А завтра, между тѣмъ, погуляете по селенію.

Было уже за полночь, когда мы разошлись спать.

Весь слѣдующій день мы съ Адольфомъ расхаживали по Гудляцамъ, заходили къ его роднымъ и къ нѣкоторымъ знакомымъ.

Селеніе расположено на большомъ косогорѣ и состоитъ изъ двухъ большихъ, параллельно идущихъ, улицъ, которыя въ центрѣ села, на нѣсколько десятковъ саженой, какъ бы сливаются въ одну улицу, и образуютъ въ этомъ мѣстѣ большую площадь, гдѣ находятся церковь, домъ священника, школа и гостиница. Отъ церкви до школы идетъ прекрасная каштановая аллея; по улицамъ во многихъ мѣстахъ есть такія же небольшія аллеи, что придаетъ селенію очень привлекательный видъ. Дома почти всѣ каменные, отдѣланы очень чисто, нѣкоторые о двухъ, о трехъ, а нѣ-

которые с четырех и даже с шести окнами, всё выбиты и покрыты по большей части черепицей. Внутреннее устройство домов не сложно, но очень удобно и красиво. Домъ обыкновенно дѣлится на двѣ половины, — на переднюю и заднюю. Переднюю половину, разумеется только не въ каждомъ домѣ, составляютъ двѣ выбитыя комнаты, изъ которыхъ въ первой стоятъ столы, стулья, коммоды или шкафы. На коммодѣ или на столѣ у зажиточныхъ поселянъ красуются столовые часы, а на стѣнахъ картины. У другихъ же большею частію водятся стѣнные часы. Вторая комната имѣетъ назначеніе спальни, — тамъ стоятъ кровати. Задняя половина дома состоитъ изъ одной большой, или изъ двухъ, но только маленькихъ, комнатъ, гдѣ готовятся кушанья и гдѣ живетъ прислуга, у кого она есть. Службы и заборы тоже, какъ и дома, большею частію каменные. Есть, конечно, въ Гудлицяхъ и плохіе дома, есть даже лачужки, но такихъ очень не много, такъ что видъ цѣлаго селенія нисколько отъ нихъ не страдаетъ, и его можно назвать однимъ изъ лучшихъ, однимъ изъ веселыхъ селеній чешскихъ, особенно если взять во вниманіе живописныя окрестности, которыми оно такъ богато. Мнѣ привелось быть въ Гудлицяхъ еще разъ весной, и тогда только я могъ вполне оцѣнить эту прекрасную мѣстность.

Какъ только мы вышли изъ дому, въ глаза мнѣ бросилось одно большое зданіе, которое господствовало надъ цѣлымъ селеніемъ; но мы тогда обошли его, выйдя на противоположную сторону. Теперь мы проходили мимо этого зданія, и я спросилъ Адольфа что это за зданіе.

— Это ужь, конечно, продолжалъ я, — одна изъ первыхъ достопримѣчательностей гудлицкихъ.

— Можетъ-быть и такъ, отвѣчалъ онъ улыбувшись; — этотъ замокъ принадлежитъ одному землевладѣльцу. Пойдемте дальше, тамъ вы увидите рѣдкость, достойную вниманія каждаго путешественника.

— Знаю, мы идемъ теперь къ тому дому, гдѣ родился Юнгманъ. Какъ хотите, Адольфъ, вамъ это не извинительно. Вы бы ужь давно должны были сводить меня туда.

Черезъ двѣ минуты мы остановились передъ лачужкой, на углу которой красовалась надпись: *zde se narodil Joseph Jungman*¹.

¹ Здѣсь родился Юсифъ Юнгманъ.

Мною овладѣло какое-то особенное чувство. Долго стоялъ я на одномъ мѣстѣ, смотря на надписи, и какъ бы желая прочесть на ней всю послѣднюю судьбу чешскаго народа. Преслѣдуемый и систематически германизуемый съ самаго начала XVIII столѣтія, народъ этотъ, къ концу того же столѣтія, до того упалъ духомъ, что потерялъ было самосознаніе и пришелъ къ отчаянной увѣренности, что для него уже все потеряно, что нѣтъ болѣе спасенія, что у него отнято и послѣднее его сокровище,—его родная рѣчь. Но не суждено было Чехамъ сгнать съ лица земли. Изъ среды самого народа выходитъ пророкъ, воззавшій его къ новой жизни, возвѣстившій ему новую судьбу. Сынъ бѣднаго гудлицкаго крестьянина, Юнгманъ еще мальчикомъ отправляется въ Прагу, воспитывается здѣсь, изучаетъ исторію и литературу своего народа и убѣждается, что только литература можетъ спасти его отъ конечной гибели. Съ этою цѣлю онъ рѣшается раскрыть передъ народомъ то богатство, которое онъ уже считалъ потеряннымъ, но которымъ еще владѣлъ. Молодой ученый неутомимо трудится надъ составленіемъ словаря чешскаго языка и исторіи чешской литературы. Проявленіе въ свѣтъ его трудовъ воскрешаетъ народъ, пробуждаетъ въ немъ самосознаніе и желаніе выйти изъ того рабскаго состоянія, въ которомъ онъ такъ долго и такъ безцвѣтно жилъ. Путь былъ указанъ, дѣятельность закипѣла. Вслѣдъ за Юнгманомъ явились другіе ученые, продолжавшіе его дѣло достойнымъ образомъ. Въ настоящее время народное движеніе въ Чехіи такъ сильно, что едва ли есть возможность, даже и для австрійскаго правительства, подавить его. Народъ снова окрѣлъ для самостоятельной политической жизни.

«Итакъ, думалъ я, смотря на хижину, вотъ гдѣ впервые, послѣ продолжительнаго рабства, засвѣтился лучъ свободы чешской, вотъ гдѣ колыбель новой политической жизни Чеховъ. Колыбель эта бѣдна, но вѣдь и свѣтъ христіанства вышелъ не изъ чертоговъ царскихъ, не изъ дворца вельможи, а изъ простыхъ яслей.»

Я вошелъ въ хижину. Внутри бѣдно,—одна небольшая комната, вдоль стѣны простыя деревянные лавки. На столѣ, въ переднемъ углу, бюстъ Юнгмана, на стѣнѣ его портретъ—вотъ и все убранство. Хозяйка дома подала мнѣ книгу и попросила расписаться. Я сѣлъ къ столу и сначала принялся разсматривать подписи посѣтителей, въ числѣ которыхъ были польскія,

сербскія, болгарскія; много было и стихотвореній, посвященных Юнгману, разумеется небольших, но очень богатых по мысли и чувству. Адольфъ предложилъ мнѣ взять книгу съ собою домой, рассмотреть ее тамъ и тоже написать что нибудь. Я охотно согласился, и мы отправились.

— Ну что, какъ вамъ понравилось наше село? спрашиваетъ меня панъ тата, когда мы пришли домой.

— Очень понравилось, отвѣчалъ я.—Селеніе расположено прекрасно, дома чисты, просторны. Не знаю только, каковъ бытъ крестьянъ, всѣ ли они живутъ безбѣдно.

— Ну не всѣ, нѣтъ. Вотъ тутъ, напримѣръ, рядомъ со мной, и въ моемъ же домикѣ, живетъ одинъ крестьянинъ. Человѣкъ онъ семейный—жена, пятеро дѣтей, а у него нѣтъ ни кола, ни двора. Промышляетъ онъ только своею работою, чеботарствомъ, да иногда кое-что дѣлаетъ у меня въ саду, или во дворѣ, а его жена и дочь пособляютъ лѣтомъ въ уборкѣ хлѣба на моемъ полѣ. Живутъ у меня даромъ, даю имъ иногда муки, иногда, разумеется, и денегъ за работу. А такихъ безземельныхъ здѣсь очень много, больше чѣмъ землевладѣльцевъ. Впрочемъ, и изъ нихъ многіе живутъ хорошо, потому что кто торгуетъ, кто работаетъ на фабрикѣ, кто занимается какии-нибудь прибыльнымъ ремесломъ.

— Кстати, панъ тата, познакомьте меня, пожалуйста, съ вашимъ общественнымъ устройствомъ; всѣхъ подробностей не разказывайте, а дайте мнѣ покуда только общее понятіе о немъ. Современемъ я присмотрюсь ко всему.

— Извольте, мой другъ, съ удовольствіемъ; я не гораздъ говорить, но какъ умѣю, такъ и разкажу вамъ. Наши крестьяне дѣлятся на четыре разряда. Къ первому принадлежать *сѣдлаки*—большіе землевладѣльцы. Седлакъ ¹ (*sedlák*) имѣетъ поле, луга, домъ и огородъ, или садъ. Ко второму разряду принадлежать *халупники*—малоземельные. Халупникъ ²

¹ Слово *Sedlák* вѣроятно происходитъ отъ словъ *sed*—*sideti*, что означаетъ осѣдность, крѣпость,—и отъ слова *lán*—помѣстье, недвижимое имущество, по преимуцеству земля. Отсюда слово *sedlák* означаетъ челоѣка, владѣющаго недвижимымъ имуществомъ, землей, крестьянина-землевладѣльца. Поэтому, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ чешскихъ названіе *sedlák* замѣняется словомъ *láníka*.

² *Chalupník* происходитъ отъ слова *chalupa*, *chalupka*—небольшой домъ, домикъ. *Chalupník*—хозяинъ небольшого дома и небольшого ко-

имѣеть очень небольшое поле и домъ съ огородами, или садомъ. Третій разрядъ составляютъ *домкари* — безземельные домовладѣльцы. Домкаръ ¹ (*Domkar*) владѣеть только тою землею, на которой стоитъ его домъ. Наконецъ къ четвертому разряду крестьянъ принадлежать *подружове* ² (*podruhové*). Они не имѣютъ никакой собственности и обыкновенно нанимаются въ работники къ сѣлкамъ и къ халупникамъ. Земля, домъ, луга и пр., составляютъ уже неотъемлемую собственность крестьянина, которою онъ можетъ распорядиться какъ ему угодно. Впрочемъ, она считается родою, и если у него есть наследники, то онъ обязанъ передать ее имъ, кромѣ, разумѣется, только того случая, если какое-либо недвижимое имѣніе приобрѣтено имъ самимъ. Подати платятся у насъ обыкновенно за землю, смотря по ея количеству, потомъ за домъ, за службы. Кромѣ того, мы платимъ на исправленіе дорогъ и на разные общественные расходы. Въ нашей деревнѣ считается тридцать шесть сѣлаковъ, двадцать восемь халупниковъ и болѣе шестидесяти домкарей. Нѣсколько деревень, три-четыре, и болѣе, составляютъ *обес* ³. Одно селеніе не могло бы содержать школу, учителей, священника, старосту и пр., но для трехъ, четырехъ это не тяжело. Каждый платитъ понемногу, но изъ этихъ денегъ составляется довольно порядочная сумма, которая называется общественной и поступаетъ въ завѣдываніе старосты. Староста ⁴, выдаетъ изъ общественной суммы жалованье священнику, учителямъ, лѣкару, выдаетъ деньги на разные училищные и общественные расходы. Изъ этой же суммы назначается жалованье и ему самому. Староста избирается обществомъ на годъ, на два, на три, смотря по тому какъ будетъ нужно, но можетъ, по желанію общества, оставаться и долѣе положен-

личества земли; *chalupnik* замѣняется словомъ *půllanik*, то-есть, такъ сказать, пол-сѣлакъ, малоземельный.

¹ *Domkar* (замѣняемое въ другихъ мѣстахъ словомъ *barasnik*) происходитъ отъ слова *dom*, и означаетъ владѣльца одного только дома, барака.

² *Podruhové* происходитъ отъ слова *druh* — пріятель, близкій человѣкъ, отсюда необходимый человѣкъ въ домѣ, слуга, работникъ. Слово это есть и въ старославянскомъ языкѣ.

³ *Obes* можетъ состоять и изъ одной деревни, если эта деревня, по количеству народонаселенія, равняется тремъ, или четыремъ маленькимъ деревнямъ.

⁴ *Představený*.

наго срока. Чтобы не было злоупотреблений со стороны старосты, за всеми его действиями обязанъ слѣдить такъ-называемый выборъ (*vybor*), состоящій изъ шести человекъ ¹, пользующихся довѣріемъ крестьянъ, и избираемыхъ точно также обществомъ. Выборъ повѣряетъ всѣ приходо-расходныя книги старосты и въ случаѣ болѣзни или отъѣзда послѣдняго временное управленіе общественными дѣлами поручаетъ одному изъ своихъ членовъ. Староста слѣдитъ за общественнымъ порядкомъ и спокойствіемъ. Труды его въ этомъ случаѣ раздѣляютъ всѣ члены *выбора*, потому что онъ одинъ не можетъ услѣдить за всѣмъ, у него есть и свои собственные дѣла, которыя не позволяютъ ему надолго и часто отлучаться изъ дому. Для рѣшенія общественныхъ дѣлъ, для разсмотрѣнія какихъ-либо предложеній окружнаго управленія, или для исполненія его предписаній, составляется особая собранія членовъ *выбора* подъ предѣдательствомъ старосты. Такимъ образомъ черезъ выборныхъ и старосту общество сносится съ окружнымъ управленіемъ, и, наоборотъ, послѣднее черезъ нихъ же передаетъ обществу свои распоряженія. Нѣсколько общинъ вмѣстѣ составляютъ округъ, которымъ уже прямо завѣдуетъ окружное начальство.

— Ваше общественное устройство хорошо, замѣтилъ я.

— Да, оно было бы очень хорошо, еслибы не случались злоупотребленія. Каковъ староста! Иной войдетъ въ дружбу съ чиновниками, да и дѣлаетъ себѣ что хочетъ. А наши чиновники любятъ-таки половить рыбу въ мутной водѣ... Вотъ еще что не хорошо: у насъ въ Чехіи земля продажной мало, продолжалъ панъ-тата. — Но что же дѣлать? Порядокъ, какой теперь существуетъ, ведется ужъ съ давнихъ временъ. Вся земля у графовъ, у князей, да у бароновъ. У иного до десяти помѣстій, у другаго ихъ еще больше. Пожалуй, нашлись бы охотники и продать ее, но у насъ по закону дворяне-землевладѣльцы не имѣютъ права продавать свою землю маленькими частями ². А развѣ крестьянинъ въ состояніи купить цѣлое помѣстье? Если и продается какая-нибудь графская, или княжеская земля, такъ ее купить тоже опять графъ

¹ Въ нѣкоторыхъ обществахъ выборъ состоитъ и изъ большаго числа членовъ.

² На чешскомъ сеймѣ внесено было предложеніе объ отмѣнѣ закона неравнѣдности имѣній, принадлежащихъ большимъ землевладѣльцамъ.

или князь. Крестьянинъ же сиди себѣ безъ земли. Да иной, пожалуй, и землѣ-то не радъ; земля плоха, а онъ плати за нее своимъ чередомъ. А податм-то какія мы платимъ! Крестьянинъ отдаетъ теперь въ казну чуть не половину своего годового дохода. Я не скажу, чтобы мнѣ, напримѣръ, было слишкомъ тяжело, но противъ прежнихъ годовъ стало вдвое хуже. То же и всакій вамъ скажетъ. Вся наша надежда только на сеймъ. Что-то принесетъ онъ намъ...

— Во всякомъ случаѣ, старый порядокъ вещей не удержится, прервалъ Адольфъ, только что вошедшій въ комнату, съ газетою въ рукѣ. — Главное, не надо падать духомъ. Вотъ посмотримъ, что новаго въ газетахъ: только сейчасъ получены. Не хотите ли послушать? Я буду читать вслухъ.

Въ разговорѣ и за чтеніемъ газеты вечеръ прошелъ не замѣтно.

На другой день, въ 5 часовъ, послѣ обѣда, мы вчетверомъ отправились въ литературное собраніе.

Но прежде я долженъ разказать въ нѣсколькихъ словахъ объ основаніи и устройствѣ гудавицкаго литературнаго общества.

Общество основано въ началѣ второй половины 1860 года. Его учрежденіе не было вызвано какимъ-либо постороннимъ обстоятельствомъ, — исключая, развѣ, только то обстоятельство, что нагудавицкихъ крестьянъ можетъ-быть немного подвѣствоваль примѣръ другихъ селеній чешскихъ, въ которыхъ уже были подобныя общества, — но обязано главнымъ образомъ развитости крестьянъ, ихъ практическому смыслу, ихъ желанію слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ Австріи, преимущественно въ Чехіи, и общимъ голосомъ обсуждать мѣры правительства. Къ этому благородному стремленію крестьянъ присоединилось еще стремленіе улучшить у себя дома сельское хозяйство, улучшить свой матеріальный бытъ. Такимъ образомъ должно было составиться такое общество, которое могло бы давать пищу и тому и другому стремленію, въ которомъ бы крестьянинъ могъ найти для себя и пріятное развлеченіе и уроки, необходимые ему какъ члену общества, какъ гражданину и, наконецъ, какъ сельскому хозяину; должно было составиться общество сельскихъ любителей литературы и хозяевъ, общество литературно-экономическое. Нѣтъ сомнѣнія, дѣятельность подобнаго общества была бы весьма плодотворна. Въ городахъ, гдѣ въ одно и то же время можетъ существовать нѣсколько обществъ — ученыхъ, экономическихъ, литературныхъ и т. д., связь литературы съ

экономией была бы не уместна. Тамъ общества могутъ и должны быть болѣе спеціальныя, для того чтобъ основательнѣе разрабатывались тѣ или другія стороны въ наукахъ и искусствахъ. Но въ деревнѣ совсѣмъ другое дѣло. Здѣсь не такъ легко могутъ рѣшаться новые вопросы, не такъ легко могутъ дѣлаться открытія, здѣсь только должно перевариваться, перерабатываться, обращаться въ плоть и кровь народа все то, что уже изслѣдовано, пересмотрѣно людьми призванными на это дѣло, посвятившими свою жизнь ученымъ или литературнымъ трудамъ. Къ сожалѣнію, гудилцкіе крестьяне упустили это изъ виду; сельское хозяйство вскорѣ отошло у нихъ на второй планъ, и новое общество принимало, почти исключительно, характеръ общества литературнаго. Правда, общество выпускаетъ экономическій журналъ, статьи котораго тоже читаются иногда во время вечернихъ собраній, но все-таки этому дѣлу не усвоено того значенія, какое оно, по своей важности для крестьянъ, должно было бы имѣть.

Но какъ бы то ни было, а дѣло шло впередъ своимъ чередомъ. Въ короткое время составился, по подпискѣ, небольшой капиталъ. Стали выписывать журналы—однѣ политическій, два литературные и однѣ экономическій. Частными лицами были пожертвованы обществу нѣкоторыя книги, напримеръ *Исторія чешскаго народа*, сочиненія Юнгмана и пр. Членовъ общества сначала считалось не болѣе пятнадцати, но къ концу декабря число это возрасло до тридцати пяти. Членами были священникъ, учителя, *халупники*, *домжары*, но болѣею частію *седлаки*. Въ первое время собранія общества бывали разъ или два въ недѣлю, въ домѣ одного изъ членовъ, по порядку. Понятно, какія неудобства соединены были съ этимъ. Каждый разъ надо было переносить на новое мѣсто книги и журналы, надо было очищать тамъ комнату и приносить стулья, если ихъ не доставало. Да и въ самыхъ собраніяхъ не могло быть порядка; не было ни предсѣдателя, ни казначея, слѣдовательно некому было ни распорядиться, ни принять деньги отъ вновь-поступающихъ членовъ. Все это дѣлалось, какъ разказывали мнѣ, всѣми вмѣстѣ. Мало-по-малу, эти безпорядки устранялись и общество устранивалось лучше и лучше. Однѣ изъ учителей сельской школы, человекъ еще молодой и довольно образованный, предложилъ членамъ сходиться по вечерамъ для чтенія газетъ и журналовъ въ его квартирѣ. Въ то же время онъ изъявилъ желаніе взять на себя трудъ читать во всеуслышаніе, во время

вечернихъ собраній, тѣ статьи, которыя будутъ набраны по общему согласію членовъ. Разумѣется, общество приняло подобное предложеніе съ большимъ удовольствіемъ, постановивъ при этомъ, чтобъ учителю выдавались изъ суммы общества деньги на освѣщеніе и, если будетъ нужно, на отопленіе его квартиры.

Съ этого времени началось уже правильныя собранія членовъ Гудлицкаго литературнаго общества. Три раза въ недѣлю, во вторникъ, въ четвергъ и воскресенье, въ пять часовъ вечера, члены обыкновенно сходились въ квартиру учителя К., и послѣдній читалъ имъ, съ общаго согласія, тѣ или другія статьи изъ газетъ и книгъ. Около девяти часовъ чтеніе оканчивалось; кто уходилъ домой, а кто оставался еще тутъ потолковать о чемъ-нибудь. Послѣ чтенія большею частію шелъ разговоръ о предметахъ, непосредственно касающихся обстановки общества; предлагались мѣры въ видахъ какого-нибудь улучшенія, выискивались средства къ большому упроченію общества и т. п. Во время же самаго чтенія каждый членъ могъ просить объясненія непонятныхъ ему мѣстъ въ статьѣ, могъ дѣлать разные вопросы, отчего иногда завязывался общій довольно оживленный разговоръ.

Между тѣмъ общество, поручивъ учителю К. составленіе устава, обратилось къ правительству, съ просьбою дозволить обществу считаться на ряду съ другими обществами, уже признанными правительствомъ, и приступить къ торжественному открытію своихъ засѣданій.

Правительство, однако, долго не изъявляло своего согласія. Оно было наконецъ получено въ половинѣ декабря.

Но возвращаясь къ разказу. На другой день, въ пять часовъ, какъ сказано, мы отправились на литературный вечеръ, въ квартиру учителя К. Когда мы пришли туда, члены были уже тамъ. Меня представили имъ, и я всѣмъ былъ принятъ такъ радушно, что не зналъ какъ и отвѣчать на ихъ любезности, тѣмъ болѣе что не могъ свободно говорить по-чешски. Однако оправившись немного, я поблагодарилъ членовъ за радушіе, и просилъ позволенія бывать въ ихъ обществѣ, покуда буду жить въ Гудлицкахъ. Послѣдовало вторичное пожатіе рукъ, послѣ чего меня попросили сѣсть.

Въ комнатѣ учителя было довольно просторно. Среди комнаты стояли рядомъ два большіе стола, всѣ сидѣли около нихъ.

На одномъ столѣ горѣла лампа, лежали книги и газеты. Тутъ же лежалъ списокъ членовъ общества.

Понемногу говоръ утихъ, и учитель К. началъ читать газету *Часъ*, выбирая въ ней особенно интересныя извѣстiя. Замѣтно было, что разныя правительственныя распоряженiя, извѣстiя пражскiя, корреспонденци изъ городовъ и селенiй чешскихъ, выслушивались съ особеннымъ вниманiемъ. Учитель читалъ громко, раздѣльно, такъ что можно было слышать каждое слово, и объяснялъ все просто, удобопонятно, когда кто обращался къ нему съ какимъ-либо вопросомъ. Меня удивили его ораторскiя способности; онъ говорилъ совершенно свободно, отчетливо, даже изящно. Несмотря на то, во время чтенiя не всѣ были одинаково внимательны. Кто, казалось, былъ занятъ какими-нибудь собственными соображенiями, кто просто дремалъ. Природа всегда, значить, возьметъ свое. Въ самомъ дѣлѣ, иной крестьянинъ, можетъ-быть, проработавъ цѣлый день, до того утомился, что вечеромъ у него невольно слипаются глаза. Къ тому же подобныя собранiя были для нихъ дѣломъ еще новымъ и непривычнымъ.

За то чтенiе юмористическаго журнала всѣхъ расшевелило. Между другими, очень дѣльными, островами, помню, въ немъ была острота немного касающаяся насъ Русскихъ. Одинъ Чехъ въ Прагѣ, знающiй хорошо по-русски, даетъ уроки русскаго языка и страстно влюбленъ во все русское и во всѣхъ Русскихъ. Эта страсть доходитъ въ немъ до того, что онъ, и въ своихъ сочиненiяхъ, и въ разговорѣ съ каждымъ знакомымъ, проповѣдуетъ только одно, именно, что всѣ Славяне непременно должны учиться русскому языку, а тѣ изъ Славянъ, которые имѣютъ алфавитъ латинскiй, должны принять вмѣсто него алфавитъ русскiй. Для ббльшаго распространенiя русскаго языка, этотъ руссоманъ, какъ называютъ его нѣкоторые Чехи, какъ-то объявилъ въ газетахъ, что каждый, кто бы ни былъ, и гдѣ бы ни жилъ, желающiй знать русскiй языкъ, можетъ выучиться у него читать, писать и говорить по-русски, не прiѣзжая въ Прагу, а только переписываясь съ нимъ. На это онъ назначалъ самый короткiй срокъ, не больше, кажется, двадцати уроковъ. Въ такомъ случаѣ, конечно, многiе и изъ пражскихъ жителей охотнѣе согласились бы переписываться съ нимъ чѣмъ ходить къ нему на уроки, или приглашать его къ себѣ, потому что на послѣднее требовалось больше времени и больше труда. Когда вышло подобное

объявленіе, *Юмористическіе Листы* вздумали подсмѣяться надъ учителемъ. Въ нихъ, въ отдѣлѣ современныхъ извѣстій, объявлялось, что многіе Пражане выѣхали изъ города и остановились въ ближайшихъ къ Прагѣ городахъ и селеніяхъ съ тою цѣлю, чтобы, посредствомъ переписки съ такимъ-то господиномъ, въ самомъ непродолжительномъ времени выучиться говорить по-русски.

Острота сначала не была понята, но когда учитель К. объяснилъ въ чемъ дѣло, и потомъ прочиталъ ее еще разъ, въ комнатѣ поднялся страшный хохотъ.

— Господа, началъ учитель К., когда черезъ нѣсколько минутъ все стихло,—позвольте этимъ окончить наше сегодняшнее чтеніе. Времени еще не много, но мнѣ бы хотѣлось теперь прочитать вамъ правила составленныя мною, по вашему порученію, для нашего общества. Прошу васъ дѣлать на нихъ свои замѣчанія.

— Хорошо, хорошо! слышалось со всѣхъ сторонъ.

«Благо нашего любезнаго отечества, сталъ читать учитель съ особенною важностію, зависить отъ блага его отдѣльныхъ частей. Счастливы всѣ части цѣлаго, счастливо и самое цѣлое. Будутъ благоустроены отдѣльныя общества нашего королевства,—процвѣтетъ и оно само. Каждый членъ общества долженъ заботиться о собственномъ благосостояніи, потому что отъ этого благосостоянія членовъ общества зависить благосостояніе самаго общества. Каждое общество должно, въ свою очередь, заботиться о собственномъ благоустройствѣ, потому что отъ этого зависить благоустройство цѣлой страны или цѣлаго королевства. Имѣя въ виду благо общее, благо цѣлаго королевства Чешскаго, крестьяне села Гудлицъ рѣшили положить основаніе такому обществу, которое бы поддерживало и развивало въ нихъ любовь къ отечеству и стремленіе ко всему доброму и полезному. Новое общество называется литературнымъ обществомъ, и, въ честь нашего незабвеннаго Юнгмана, родившагося въ этомъ именно селеніи, Юнгмановскимъ литературнымъ обществомъ.»

Раздались рукоплесканія и громкія одобренія.

— Въ такомъ случаѣ, господа, заговорилъ одинъ изъ членовъ,—мнѣ кажется, дѣло наше должно состоять не въ томъ только, чтобы мы, въ извѣстное время, сходились для литературныхъ бесѣдъ, но въ томъ еще, чтобы мы всѣми мѣрами содѣйствовали сбору денегъ на памятникъ нашего незабвен-

наго Юнгмана, такъ какъ дѣло это уже начато. Потомъ, господа, современемъ мы должны приобрести для нашего Общества тотъ домикъ, въ которомъ родился Юнгманъ, и нѣсколько саженой земли вокругъ него, огородить все это мѣсто, домикъ поддерживать въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ находится теперь, а рядомъ съ нимъ выстроить другой, побольше, въ которомъ будутъ происходить собранія литературнаго общества, какъ бы подъ надзоромъ самого Юнгмана, любителя роднаго языка и родной литературы. Вотъ мое мнѣнiе, господа, заключалъ крестьянинъ, — отъ васъ зависитъ, принять его, или нѣтъ.

Предложенiе было единогласно принято, и учитель внесъ его въ новый уставъ.

— И я прошу слова, отозвался другой крестьянинъ, небольшого роста, въ зеленомъ сюртукѣ. — Чѣмъ особенно замѣчательнъ Юнгманъ? Чтò онъ сдѣлалъ для чешскаго народа? Мнѣ кажется, онъ замѣчательнъ тѣмъ, что оставилъ намъ вотъ эти книги. (При этомъ онъ указалъ рукою на сочиненiя Юнгмана.) Ихъ я не читалъ, но въ другихъ книгахъ читалъ, что они очень важны и полезны. Юнгманъ составилъ огромный словарь чешскаго языка; онъ сохранилъ намъ нашу рѣчь; онъ заботился о чистотѣ ея, потому что она много пострадала, принявъ въ себя нѣкоторыя нѣмецкiя слова и обороты. Господа! Юнгманъ, какъ нашъ землякъ, нашъ односелець, долженъ служить намъ во всемъ примѣромъ. Намъ, гудлицкимъ, надо идти по его слѣдамъ. Онъ очищалъ нашъ языкъ, возьмемтесь же и мы за это дѣло. Мы иногда употребляемъ въ разговорѣ нѣмецкiя слова: *nämlich*, *Kirchhof*, *fein-ovú*¹ и проч., употребляемъ иногда нѣмецкiе обороты². Мы съ священникомъ много толковали объ этомъ. Онъ говорилъ, что надо бы вывести изъ употребленiя какъ тѣ, такъ и другiе. Хорошо было бы намъ теперь уговориться избѣгать, по возможности,

¹ Слово это взято изъ нѣмецкаго языка, но оно уже переделано. Есть много еще другихъ словъ.

² Въ чешскомъ языкѣ иногда употребляются обороты подобные нѣмецкимъ и получившiе право гражданства, вѣроятно, вслѣдствiе влiянiя нѣмецкаго языка на чешскiй. Такъ напримѣръ иногда вмѣсто втораго лица употребляется третье. Въ обращенiи ко второму лицу Нѣмецъ говорить: *Sie haben es gesehen*; *Sie sind dort gewesen*; *Sind Sie gesund*? Точно также и Чехи иногда говорятъ: *oni to vidéli*; *oni tam byli*, *Son oni zdrav?* и . т . д.

всего этого, и въ противномъ случаѣ платить штрафъ въ пользу Общества за каждое нѣмецкое слово, за каждый нѣмецкій оборотъ. Пусть здѣсь на столѣ каждый вечеръ, какъ только мы сойдемся, ставятся тарѣлки, и чуть кто проговорился, клади въ нее сейчасъ же крейцеръ. Дорого это не обойдется для членовъ, но для Общества будетъ польза. Деньги штрафовыя должны откладываться особо, и потомъ на нихъ можно будетъ сдѣлать что-нибудь для Юнгмановскаго домика.

— На это, разумѣется, согласится всѣ, заговорилъ другой (*согласны! согласны!*), только вѣдь, братъ, тебѣ придется заплатить всѣхъ больше. Тебѣ трудно будетъ оставить свои привычки, труднѣе во сто разъ нежели всякому другому...

— Пстой, пстой, ты ужь вотъ и обмолвился, отвѣчалъ первый,—а я еще покуда нѣтъ. Зачѣмъ ты сказалъ: *они мусси заплатить?* Заплати-ка, братъ, заплати, да скорѣе, давай сюда крейцеръ. (Общій смѣхъ.) Видите, господа, начало хорошо; толкъ, стало-быть, будетъ. Ну-те, надо вѣдь уговориться.

Всѣ смѣются и встаютъ въ знакъ согласія. Учитель опять записываетъ это правило въ уставъ Общества.

— Ну, господа, замѣтилъ кто-то,—теперь будьте осторожны, станемъ слѣдить одинъ за другимъ. На первыхъ-то порахъ рѣдко кто спохватится. За то ужь послѣ заговоримъ такъ, что любо. Спасибо, братъ, тебѣ, за добрую мысль, обратился онъ потомъ къ крестьянину, сдѣлавшему предложеніе.

— Не на чемъ, отвѣчалъ тотъ,—только проговаривайся чаще, дѣло пойдетъ хорошо.

Начался оживленный говоръ, смѣхъ, но скоро все замолкло, и учитель продолжать читать:

«Юнгмановское литературное общество состоитъ изъ членовъ-основателей, просто членовъ и членовъ почетныхъ.

«Первые вкладываютъ въ капиталъ Общества единовременно, или по срокамъ, никакъ не менѣе пяти гильденовъ. Этотъ взносъ, впрочемъ, не освобождаетъ ихъ отъ ежемѣсячной платы на выписку книгъ и журналовъ.

«Вторые платятъ ежемѣсячно по двадцати крейцеровъ. Последними, то-есть почетными членами, могутъ-быть всѣ тѣ лица, которыя чѣмъ бы то ни было будутъ содѣйствовать Обществу—деньгами, книгами или дѣятельнымъ участіемъ въ его устройствѣ.

«Число членовъ Общества не опредѣляется.

«Общество избираетъ изъ среды своихъ членовъ председа-

теля, казначея и секретаря. Выборы производятся подачей голосовъ. Всѣ трое выбираются на одинъ годъ.

«Предсѣдатель, казначей и секретарь составляютъ совѣтъ, заведываютъ всѣми дѣлами Общества, заботятся объ исправной выпискѣ газетъ и журналовъ, принимаютъ отъ членовъ деньги, дѣлаютъ въ залѣ собранія необходимыя поправки и ведутъ приходо-расходныя книги. Впрочемъ, права ихъ совершенно одинаковы съ правами остальныхъ членовъ (только предсѣдатель имѣетъ два голоса при собраніи); безъ согласія остальныхъ членовъ они ничего не могутъ предпринимать. Каждая ихъ мѣра предлагается на общее обсужденіе и принимается только тогда, когда въ ея пользу будетъ большинство голосовъ.

«Каждый мѣсяцъ производится повѣрка суммы и приходо-расходныхъ книгъ, въ присутствіи всѣхъ членовъ Общества.»

Одинъ изъ членовъ.—Всѣхъ? Да возможно ли это? Отъ насъ нельзя требовать, чтобы мы были непременно въ каждомъ собраніи. Каждый изъ насъ понимаетъ необходимость подобныхъ собраній, понимаетъ пользу чтенія и публичнаго обсужденія тѣхъ или другихъ вопросовъ, но ни одинъ изъ насъ, я думаю, не любитъ принужденій. Мы не по принужденію, а по добровольному согласію, составили наше Общество; свободно хотимъ мы дѣйствовать и далѣе. Что касается предсѣдателя, казначея и секретаря, которые должны дѣйствовать такъ, а не иначе, то они принимаютъ на себя отвѣтственность по доброй волѣ.

—Я, отвѣчалъ учитель К.,—вполнѣ согласенъ съ вами, что наше Общество есть учрежденіе свободное, что члены его не должны быть стѣсняемы ни въ чемъ, что въ нашемъ Обществѣ все рѣшается большинствомъ голосовъ, по общему согласію. Но по общему же согласію, и слѣдовательно безъ стѣсненія свободы котораго-либо изъ членовъ, мы можемъ постановить то или другое правило. Принятіе его зависитъ отъ насъ же самихъ, потому мы будемъ обязаны и исполнять его. Вѣдь повѣрка суммы и приходо-расходныхъ книгъ будетъ производиться не каждое собраніе, а только разъ въ мѣсяцъ. Если же, какъ вы говорите, предсѣдатель, казначей и секретарь по доброй волѣ обязываются передъ Обществомъ исполнять свои обязанности, то почему же мы съ вами не можемъ обязаться непременно бывать въ собраніи послѣдняго числа каждаго мѣсяца, за исключеніемъ только случаевъ болѣзни, отлучки изъ селенія и тому подобныхъ?

— Съ этимъ я, пожалуй, согласенъ. Такъ и надо было составить прочитанное сейчасъ правило.

—Итакъ, господа, продолжалъ учитель, —согласны ли вы принять слѣдующее правило: каждый мѣсяцъ производится повѣрка суммы и прихода-расходныхъ книгъ, въ присутствіи всѣхъ членовъ Общества, которые по этому обязаны непременно являться въ собраніе послѣдняго числа каждаго мѣсяца, исключая только случаи болѣзни, выѣзда изъ деревни и проч.

— Согласны, согласны! Читайте далѣе.

«Если кто изъ членовъ-основателей, продолжалъ учитель К., вздумаетъ выписаться изъ Общества, то вложенныя имъ деньги выдаются ему сполна, и онъ можетъ оставаться простымъ членомъ Общества, внося каждый мѣсяцъ установленную плату. Въ случаѣ смерти одного изъ членовъ-основателей, вложенныя имъ деньги выдаются его женѣ, матери, или другимъ родственникамъ, если они того пожелаютъ; если же они не предъявятъ своего права, то деньги остаются въ пользу Общества.

Одинъ изъ членовъ.—А можетъ ли, въ случаѣ смерти одного изъ членовъ, занять въ Обществѣ мѣсто умершаго кто-нибудь изъ его родственниковъ: братъ, отецъ, сынъ, жена, сестра и т. д.?

Нѣкоторые члены.—Отецъ, братъ и сынъ могутъ, но жена и сестра нѣтъ.

— Почему же женщина, возразилъ первый, —не можетъ быть членомъ нашего Общества? Положимъ, теперь ни одна изъ нихъ не рѣшится принять участіе, но когда наше Общество упрочится, когда польза его будетъ очевидна для всѣхъ, тогда, можетъ-быть, и жены наши не откажутся участвовать въ немъ. Очень не мудрено, что смерть кого-нибудь изъ членовъ и послужила бы поводомъ къ этому. Зачѣмъ же навсегда лишать женщинъ возможности образованья себя? По моему мнѣнію, должно быть принято такое правило: въ случаѣ смерти одного изъ членовъ, мѣсто его въ Обществѣ можетъ занять каждый изъ его родственниковъ. Согласны ли, господа, на это?

Всѣ изъявили согласіе, и учитель, записавъ правило, прочиталъ его.

«Члены Общества, продолжалъ онъ далѣе, собираются для литературныхъ бесѣдъ три раза въ недѣлю, во вторникъ, въ четвергъ и въ воскресенье. Этимъ, однако, не исключаются чрезвычайныя собранія. Могутъ также быть отменяемы, по общему согласію, и обычныя засѣданія Общества, вслѣдствіе

какихъ-либо важныхъ причинъ. Засѣданіе начинается въ пять часовъ вечера и продолжается до восьми, девяти, десяти и даже, смотря по надобности.

«Въ собраніяхъ читаются статьи политическія, литературныя, историческія и экономическія.

«Каждый изъ членовъ можетъ просить объясненія непонятныхъ ему словъ, выраженій, событій историческихъ; можетъ дѣлать свои замѣчанія, возраженія. Поэтому между членами можетъ иногда завязаться и оживленный разговоръ. Но никто не долженъ прерывать чтеніе безъ толку.

«Во время этихъ же засѣданій, только послѣ чтенія, разсматриваются всѣ вопросы, касающіеся Общества.

«Мнѣніе каждаго члена выслушивается съ полнымъ вниманіемъ и принимается по большинству голосовъ. Здѣсь же могутъ рѣшаться и разныя недоразумѣнія между членами Общества.

«Предсѣдатель Общества слѣдитъ за порядкомъ засѣданія, собираетъ голоса и составляетъ заключеніе. Въ случаѣ болѣзни предсѣдателя, мѣсто его занимаетъ казначей или секретарь.

«Секретарь, по порученію предсѣдателя, записываетъ все, что тотъ найдетъ нужнымъ.

«Газеты и журналы выписываются по общему согласію. Они получаютъ секретаремъ, который обязанъ хранить ихъ и потомъ сдавать въ общественную библіотеку.

«Библіотека куда находится тоже подъ завѣдываніемъ секретаря, но когда увеличится составъ ея, изъ среды членовъ долженъ быть выбранъ особый библіотекарь.

«При библіотекѣ долженъ быть каталогъ книгамъ и потомъ книга для записи тѣхъ лицъ, кому выдаются книги и журналы, на полученіе которыхъ въ домъ имѣетъ право каждый членъ Общества.

«Каждый годъ, въ день основанія Общества, бываетъ торжественное собраніе всѣхъ членовъ, на которое могутъ приглашаться и постороннія лица, какъ гости. Въ этотъ день сначала слушается литургія, потомъ, по окончаніи ея, въ присутствіи всѣхъ членовъ Общества, читается годовая отчетъ и производится выборъ предсѣдателя, казначея и секретаря.»

— Я что-то не понимаю, отозвался одинъ изъ членовъ, — какой же день мы будемъ считать днемъ основанія нашего Общества, — тотъ, въ который мы собрались въ первый разъ для литературной бесѣды, или тотъ, въ который намѣревы устроить праздникъ въ честь его учрежденія?

— Наше Общество, отвѣчалъ другой, — только еще на-

чинается. До сихъ поръ оно не было устроено, не было въ немъ никакого порядка. Стало-быть, по моему мнѣнію, нельзя считать днемъ основанія Общества тотъ день, въ который мы въ первый разъ собрались вмѣстѣ. Мы и прежде часто собирались вмѣстѣ потолковать о разныхъ вещахъ. Притомъ, сначала насъ было еще очень мало. Чтò же это было за Общество? Теперь другое дѣло. Теперь мы ужъ имѣемъ уставъ, надо только выбрать предсѣдателя, казначея и секретаря. Назначимте для этого, по общему согласію, особый день, и проведемте его такъ, какъ слѣдуетъ провести одинъ изъ важнѣйшихъ въ нашей жизни дней. Сначала отслушаемъ литургію, потомъ отправимся всѣ вмѣстѣ сюда, въ эту комнату, посидимъ здѣсь, потолкуемъ, поздравимъ другъ друга съ учрежденіемъ литературнаго общества и выпьемъ за его процвѣтаніе. Въ это же время сдѣлаемъ выборы предсѣдателя, казначея и секретаря, а вечеромъ пойдемъ всѣ въ гостиницу. И вотъ, мнѣ кажется, этотъ день такъ ужъ и считать потомъ днемъ основанія нашего Общества и годовщины. Такъ, когда же мы устроимъ это, господа?

Начались толки. Съ мнѣніемъ послѣдняго члена согласились наконецъ всѣ; но такъ какъ уже было поздно, то не успѣли назначить день для празднованія основанія Общества и уговорились на другой вечеръ собраться за этимъ снова.

Празднество назначено было на двадцать-седьмое декабря, и я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать этого дня.

Между тѣмъ наступилъ *щедрый вечеръ* (вечеръ наканунѣ Рождества). На короткое время надо было перенестись изъ міра дѣйствительнаго въ сказочный, мифическій міръ, полный всевозможныхъ гаданій и веселій. У Чеховъ, какъ и у другихъ Славянъ, вечеръ наканунѣ Рождества считается вечеромъ священнымъ, въ который опредѣляется судьба каждаго смертнаго, въ который щедрою рукой раздаются земныя блага и людямъ, и животнымъ, и даже предметамъ неодушевленнымъ. Отсюда получило свое начало и чешское названіе этого вечера—*щедрый*, то-есть такой вечеръ, въ который каждый щедро надѣляется дарами природы. Будущее, конечно, интересуется всѣхъ и каждаго, стараго и малаго. Каждому хочется заглянуть хоть однимъ глазомъ въ эту туманную даль. А какія для этого средства? Большинство прибѣгаетъ къ гаданіямъ и ворожбѣ...

А. Троянскій.

(До слѣд. №.)

ИСТИНА

(ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНІЕ.)

I.

Когда вѣнецъ державный Кира
Могучій Дарій принималъ,
На праздникъ царственнаго пира
Своихъ вельможъ онъ созывалъ.
Съ предѣловъ Индіи богатой,
Изъ африканскихъ знойныхъ странъ,
Съ долинъ песчаныхъ Арарата,
Изъ стѣвъ цвѣтущихъ Экбатанъ
Сатрапы гордые толпами
Стеклися въ трепетъ нѣмомъ,
И съ драгоценными дарами
Простерлись въ прахъ передъ царемъ.
И царь съ безмолвными гостями,
Въ забвеніе царственныхъ тревогъ,
На ложь убранномъ цвѣтами
За пышной трапезой возлегъ.
Раздалось дѣвъ стыдливыхъ пѣнье,
Раздался звонъ согласныхъ лиръ,

И, какъ волшебное видѣнье,
 Блесталъ роскошный царскій пиръ.
 Востока вина дорогія
 Баграно-свѣтлою струей
 Лилися въ кубки золотые
 Съ искусной эллинской рѣзбой;
 Съ кошницъ тяжелыми кистями
 Янтарный падалъ виноградъ;
 Съ курильницъ легкими волнами
 Струился нѣжный ароматъ;
 И грезы сладостной дремоты
 Гоня прохладою живой,
 Кругомъ шумѣли водоеты
 Неистощимою струей.
 И пышно рдѣлъ въ лучахъ заката
 Высокій мраморный чертогъ,
 Весь убранъ въ ткани, жемчугъ, злато—
 Во все, чѣмъ Индіа богата,
 Чѣмъ древле славился Востокъ.

• Блестаетъ пиръ... звучать цѣвницы,
 Струится токъ завѣтныхъ винъ...
 Но грустны сумрачныя лица
 Гостей, и мраченъ властелинъ.
 Съ главою миртами увитой
 Задумчивъ, блѣденъ и унылъ,
 Склонившись на руку ланитой,
 Онъ передъ чашей позабытой
 Молчанье грозное хранилъ.
 И всѣ вокругъ, полны боязни,
 Ужь ждали словъ свирѣпой казни,
 И каждый съ ужасомъ читалъ
 Свой приговоръ на мрачномъ ликѣ
 Востока новаго владыки
 И слова роковаго ждалъ;
 Но царь, какъ туча громовая
 Полна перуновъ, но нѣмая,
 Былъ мраченъ, грозенъ, и молчалъ.
 И будто вдругъ внезапнымъ шумомъ
 Отъ сна средь ночи пробужденъ,

Вздвогнулъ и оглянудя онъ,
И взоромъ зоркимъ и угрюмымъ
Гостей трепещущихъ обвелъ,
И рекъ средь общаго сматенья:

—Въ ту ночь, когда на свой престолъ
Стопою смѣлой я взошелъ,
Мнѣ снилось странное видѣнье.
Мнѣ снилось будто я стою
Одинъ въ невѣдомомъ краю:
Вокругъ меня холмы крутые,
Пески, утесы скалъ нагихъ,
И рощи кедровъ вѣковыхъ
И маслинъ, и сады густые,
И кровли хижинъ по холмамъ;
И возвышался предо мною
Въ развалинахъ какой-то храмъ,
Поросшій мохомъ и травою.
Стою... Вдругъ кто-то за скалою
Меня по имени назвалъ:
Я оглянудя—и предсталъ
Моиамъ очамъ въ одеждѣ бѣлой
Какой-то отрокъ гордый, смѣлый,
И строгимъ голосомъ сказалъ:

«Трепещеть все передъ тобою.
«Твой жребій славенъ и высокъ:
«Ты царь! Призналъ тебя Востокъ
«Своимъ вождемъ и судією!
«Заслышавъ зовъ единый твой,
«Какъ ярый вихрь, въ кровавый бой
«Поли послушныя стремятся,
«И жены юныя толпой
«Вкругъ ложа твоего тѣснятся.
«Въ гордыни сердца своего,
«Ты мнишь, что ты всему владыка,
«И что въ землѣ твоей великой
«Сильнѣе, выше ты всего.

«Но знай, не все передъ тобою
«Склонилось съ трепетомъ нѣмымъ,

• Не все съ покорностью слѣпою
 • Внимаетъ прихотямъ твоимъ.
 • Скажи же мнѣ, о царь надменный,
 • Чтò крѣпче, выше всѣхъ царей,
 • Чтò, послѣ Бога, во вселенной
 • Все движетъ властью потаенной—
 • Чтò на землѣ всего сильнѣй? »

И трижды отрокъ дерзновенный
 Меня сурово вопрошалъ,
 Но я, безмолвный и смущенный,
 Какъ въ преступленнѣ уличенный,
 Потупя взоръ, ему внималъ.
 Съ тѣхъ поръ во мнѣ неумолимый
 Все голосъ отрока звучитъ,
 И мнѣ вопросъ неразрѣшимый
 Неумолкаемо твердитъ,
 И гонитъ сонъ, и сердце гложетъ...
 Готовъ я царство раздѣлить
 Побратски съ тѣмъ, кто мнѣ поможетъ
 Вопросъ ужасный разрѣшить!
 Внимайте жь царское велѣнье:
 Пускай о царскомъ сновидѣннѣ
 Узнаетъ вѣрный мой народъ,
 И только на небѣ блеснетъ
 Надъ Вавилономъ лучъ денницы,
 Вы кличьте кличъ по всей столицѣ:
 Сзывайте книжниковъ, жрецовъ,
 Волхвовъ, пророковъ іудейскихъ,
 И звездочетовъ всѣхъ халдейскихъ,
 И всѣхъ восточныхъ мудрецовъ,
 И чтимыхъ праведно молвою
 Въ народѣ, старцевъ и мужей,—
 Да всѣ предстанутъ предо мною
 Въ совѣтной хранилѣ моей,
 И свѣтомъ мудрости освѣтять
 Мой умъ, блуждающій во мглѣ,
 И мнѣ торжественно отвѣтять
 Чтò всѣхъ сильнѣе на землѣ? »

II.

За утро съ первыми лучами
 Стеклися тихими толпами
 Въ совѣтной хранилѣ царей
 Вокругъ сіяющаго трона
 Жрецы и власти Вавилона
 И сонмъ мудрѣйшихъ изъ мужей.

Суровой душой изнуренный,
 Дворомъ и стражей окруженный,
 Явился Дарій и возсѣлъ,
 И вызвать трижды повелѣлъ
 Онъ мудрецовъ на состязанье.
 И трижды царское воззванье
 Глашатыи громко возгласилъ,
 Но долго робкое молчанье
 Весь сонмъ вокругъ него хранилъ.
 Но вотъ собранье разступилось,
 И передъ сумрачнымъ царемъ
 Вдругъ трое юношей явилось
 Съ открытымъ взоромъ и челомъ.

Въ нихъ сердце правдой пламенѣло,
 Ихъ ложь опутать не успѣла,
 Имъ опытъ устъ не заковалъ.
 И первый юноша вѣщалъ:

— Есть въ мірѣ много силъ великихъ,
 Благихъ и кроткихъ, злыхъ и дикихъ,
 И каждой власть своя дана;
 Но есть одна.. и нѣтъ ей равной—
 То сила влаги своенравной,
 То сила чудная вина.
 Вино со дна души унылой
 Уноситъ бремя злыхъ заботъ,

Вливаєть въ слабыхъ жизни силы
 И чадомъ воинскаго пыла
 На гибель робкаго влечеть;
 И лютымъ гнѣвомъ восплаляетъ
 И злобой кроткія сердца,
 И души черствыя смягчаетъ,
 И вдругъ безумствомъ поражаетъ
 Высокій разумъ мудреца.
 Оно не внемлетъ сильнымъ міра,
 Не чтитъ священный блескъ сѣдинъ;
 Предъ нимъ равны богачъ и сирый,
 И рабъ, и мощный властелинъ.

«Вино намъ другъ, но другъ опасный!
 И счастливъ тотъ, кто свой фіалъ
 Лишь влагой чистою и ясной
 Изъ волнъ Хоаспа наполнялъ¹.»

Такъ первый юноша вѣщалъ,
 И общій шепотъ одобренья
 Заслышавъ въ радостномъ смущенья,
 Умолкъ витія молодой.
 И началъ рѣчь свою второй:

«Великъ и крѣпокъ строй природы,
 Могучъ стихій ея напоръ,
 Грозны морей свирѣпыхъ воды
 И высоки твердыни горъ;
 Но надъ природой непокорной
 Въ борьбѣ открытой и упорной,
 Сломивъ гордыню силы злой
 Царить безстрашно родъ людской.
 Но тѣ, предъ кѣмъ молчатъ стихіи,
 Предъ кѣмъ смирился моря
 И пали горы вѣковья,
 Благоговѣнно клонять выи
 Предъ дивною властію царя.

¹ Древніе персидскіе цари пили воду только изъ рѣки Хоаспа. Даже въ самыхъ дальнихъ походахъ бочки съ этою водою сопровождали ихъ повсюду.

Да, силенъ царь! Онъ стягъ священный
 Народовъ, стражъ ихъ неизмѣнный.
 Одинъ по волѣ движеть онъ
 Толпы безчисленныхъ племенъ:
 Речеть,—и жидутся законы;
 Речеть,—и грады въ прахъ падуть,
 Речеть,—и въ страхѣ миллионы
 На смерть безропотно идуть;
 Речеть,—и злобою объято,
 На царство царство возстаетъ,
 И братъ подѣмлется на брата,
 И родъ подѣмлется на родъ;
 Речеть,—и братски послѣ бою
 Народы объ руку идуть,—
 Сгарая лютою враждою,
 Другъ другу руку подають.
 И сколько странъ неизмѣримыхъ,
 Племенъ въ враждѣ непримиримыхъ
 Связуетъ въ царство онъ одно,
 Какъ некрушимое звено!

«Разсѣй же, царь, свои сомнѣнья,
 Забудь о мрачномъ сновидѣннѣ,
 И вѣрь: святая власть царей
 Здѣсь на землѣ всего сильнѣй.»

—Да, да! ты всѣхъ сильнѣй! и кто же,
 Кто дерзкій усумнится въ томъ?
 Воскликнулъ дворъ и всѣ вельможи—
 И пали ницъ передъ царемъ.
 Но юный царь нетерпѣливо
 Восторга шумнаго порывы
 Суровымъ взглядомъ вдругъ прервалъ
 И третій юноша вѣщаль:

«Такъ! Силенъ царь! Ему надъ нами
 Отъ вышней власти власть дана.
 Но и царей мы зримъ рабами:
 И надъ всецильными царями
 Всецильно властвуетъ жена.
 Ея чарующему лику

Къ сердцамъ незыримый доступъ данъ...
 Я видѣлъ грознаго владыку
 Когда любовью обуянъ,
 Въ вѣнцѣ, въ порфирѣ облеченный,
 Съ своей наложницей презрѣнной
 Онъ здѣсь на тронѣ воссѣдалъ
 Предъ всѣмъ дворомъ, и униженно
 Ей лести и ласки расточалъ.
 Смотрѣлъ ей въ очи съ умиленьемъ;
 Она жъ не внемля ничего,
 Съ неодолимымъ отвращеньемъ,
 Съ усмѣшкой злобной и презрѣньемъ
 Смотрѣла дерзко на него.
 И вдругъ вокругъ себя взглянула,—
 И съ дикимъ крикомъ оттолкнула
 Царя неустовой рукой,
 Сверкнула взоромъ, задрожала,
 Вскочила съ трона и сорвала
 Вѣнецъ съ главы его съдой,
 И взоромъ обвела сердитымъ
 Весь дворъ, и бѣшенствомъ горя,
 Предъ всѣми била по ланитамъ
 Съ безумнымъ хохотомъ царя.
 И царь ей нѣжно улыбался
 И робко потуплялъ свой взоръ,
 А вокругъ царя надменный дворъ
 Межъ тѣмъ дрожалъ и пресмыкался.

•И много доблестныхъ владыкъ
 И много судій непреклонныхъ
 На путь дѣлавій беззаконныхъ
 Подвигъ лукавый женскій ликъ.
 Царь Соломонъ, пророкамъ равный,
 Воздвигшій храмъ Царю царей,
 Свѣтлыиикъ мудрости державный,
 Краса израильскихъ мужей,
 Презрѣвъ, въ безумствѣ неслезанномъ,
 Еговы грознаго законъ,
 Передъ бездушнымъ истуканомъ
 Склонялся въ прахъ челомъ вѣнчанымъ
 Въ угоду своенравныхъ женъ.

И самъ борець непобѣдимый
 И крѣпкій мышцею Самсонъ
 На персахъ женщины любимой
 Рукою нѣжной побѣжденъ.
 Мы помнимъ чудное преданье:
 Когда суровый бичъ войны
 Егова гнѣвный въ наказанье
 Послалъ странѣ обѣтованья
 Изъ Ассирійскія страны;
 Тогда по всей землѣ Сіонской
 Израиль въ ужасѣ стоналъ
 И съ грозной ратью вавилонской
 Никто сразиться не дерзалъ,
 Но въ вражій станъ стопою вѣрной
 Проникла юная вдова, —
 И съ плечъ могучихъ Олоферна
 Скатила въ грозную главу,
 И мощный врагъ бѣжалъ въ смятеньи, —
 И такъ Израиля сыны
 Спаслись отъ рабства и плѣненья
 Могучей прелестью жены.

«И много царствъ ты сокрушила,
 И много царствъ спасала ты —
 Всепокоряющая сила,
 Волшебство женской красоты!
 Кто цѣломудріемъ высокій,
 Кто мужъ безъ страсти и порока
 Не вѣдалъ никогда къ крови
 Желанья тайнаго любви?...»

— Никто, никто! Въ порывѣ страстномъ
 Воскликнулъ царь и всѣ кругомъ, —
 Да, вздоромъ женщины всевластнымъ
 Все въ мірѣ движется земномъ!

«Нѣтъ! Не жена красою тлѣнной
 Надъ міромъ властвуетъ земнымъ,
 Воскликнулъ юноша, мгновенно
 Объятъ наптіемъ святымъ,
 Нѣтъ, въ мірѣ есть иная сила —

Его незыблемый оплотъ,
 Всѣхъ силъ могучее кормило,
 Какъ путеводное свѣтило,
 Она насъ къ пристани влечетъ.
 Чтò тверже власти и закона,
 Грозитѣ копій и мечей,
 Сильнѣе силы, выше трона,
 Яснѣе солнечныхъ лучей?
 Чтò старше солнца и вселенной,
 Чтò всѣ вѣка и племена
 Переживетъ въ красѣ нетлѣнной?
 Чтò въ мірѣ вѣчно, неизмѣнно? —
 Святая истина одна.
 Ни плескъ, ни грозный вопль народный,
 Ни гнѣвъ царя, ни ласки женъ
 Ей не скуютъ языкъ свободный;
 Не сокрушать въ борьбѣ бесплодной
 Ея незыблемый законъ,
 Ни ложной мудрости потоки,
 Ни гнѣвъ стихій, ни бѣгъ вѣковъ,
 Ни силы тьмы, ни лжепророки,
 Ни козни темныя жрецовъ.
 И тщетно мнать безумцы замѣ
 Ей путь свободный преградить,
 Ея сокровища святыхъ
 Отъ глазъ народныхъ утаить:
 Она желѣзные затворы
 Безплотной силой сокрушитъ,
 Пройдетъ моря, раздвинетъ горы, —
 И въ мракѣ дремящія взоры
 Внезапнымъ свѣтомъ озаритъ.
 Пускай царитъ обманъ преступный,
 И голосъ правды изнемогъ,
 И судъ творитъ судья подкупный,
 И за твердыней неприступной
 На тронѣ высится порокъ!
 Но солнце Истинныя проглотитъ, —
 Падетъ увѣнчанный обманъ,
 Законъ разслабленный воспрянетъ
 И съ трона рушится тиранъ.
 Да! Истина все побораетъ!

И Тотъ, Кто міромъ управляетъ,
 Ей власть незримую вручилъ —
 Да движеть всѣмъ, все оваряетъ,
 Какъ свѣтъ свѣтовъ, какъ сила силъ.

• Падутъ лѣса, изсякнутъ воды
 И неба сняго вдали
 Померкнутъ звѣзды, и народы
 Сотрутся въ прахъ съ лица земли.
 Но надъ бездушною громадой
 И тьмой разрушенныхъ міровъ,
 Неугасимую лампадой
 Въ надзвѣздной области духовъ,
 Передъ лицомъ Отца вселенной,
 Средь горнихъ кущъ и райскихъ водъ,
 Въ красъ безплотной, неизмѣнной,
 Святая Истина взойдетъ. »

Умолкнулъ отрокъ вдохновенный
 И взоръ блистающій огнемъ
 Потупилъ кротко и смиренно
 Предъ умалившимся царемъ.
 И царь, и дворъ, и все собранье,
 Благоговѣнія полны,
 Хранили долгое молчанье,
 Потокомъ думъ увлечены;
 Но предъ безмолвною толпою
 Царь съ трона радостно возсталъ
 И крѣпко царственной рукою
 Къ груди растроганной прижалъ
 Витію юнаго, и строго
 Взглянулъ на подданныхъ, и рекъ:
 « Вотъ другъ мнѣ посланный отъ Бога—
 Безъ лжи и лести человекъ,
 Своимъ помощникомъ и братомъ
 Его отнынѣ нареку,
 Осмылю почестями, златомъ,
 И властью царской облеку.
 Подайте скипетръ, багряницу,
 И перстень, лучший изъ перстней,
 И впречъ велите въ колесницу

Заповѣдныхъ мошъ коней!
 Пускай на стогнахъ Вавилона
 Величьемъ царскимъ окруженъ,
 Какъ другъ царя, опора трона,
 И какъ верховный стражъ закона,
 Предъ весь народъ предстанетъ онъ.»

— Не нужно мнѣ награды тѣбной,
 Вѣщаетъ юноша смиренный:
 Ни колесницы, ни коней,
 Ни злата изъ казны твоей,
 Ни блеска царственного сана...
 Но есть въ землѣ мошъ отцовъ
 Близъ водъ священныхъ Иордана
 Забытый храмъ Отцу мировъ.
 Вонми жь Израиля моленье,
 И повели, всемогущий царь,
 Поднять тотъ храмъ изъ разрушенья:
 Въ немъ Бога истины алтарь! ¹.

Б. Алмазовъ.

1-го ноября
 1861 года.

¹ Этотъ разказъ относится ко времени построенія втораго храма іерусалимскаго. Царь Дарій, всегда показывавшій расположеніе къ своимъ іудейскимъ подданнымъ, при восшествіи на престолъ обѣщалъ допустить ихъ къ возобновленію храма и возвратитъ имъ всю церковную утварь, хранившуюся въ Вавилонѣ со времени плѣненія, но исполнилъ свое обѣщаніе только во второе лѣто своего царствованія, вслѣдствіе пренія между тремя юношами о томъ, что всего сильнѣе.

Такъ повѣствуется объ этомъ событіи во второй книгѣ Ездры.

НА ХОЛМѢ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧЕРКЕСА.

Не вдалекѣ отъ воротъ нашего аула, противъ окна моей *кунацкой*, возвышается небольшой холмикъ, съ плоскою макушкой и не совсѣмъ покатыми боками. Самъ по себѣ онъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ холмиковъ, которыми усѣяна почти вся окрестность; напротивъ, гладкая поверхность его непріятно поражаетъ взоръ. Среди самага разгара лѣта, когда все кругомъ такъ весело улыбается, когда собратья этого холмика, находящіеся подальше отъ аула, одѣты съ низу до верху въ богатые наряды, на немъ не увидишь ни травки. Стоитъ онъ одиноко, печально, словно ѣакиръ среди веселой, разряженной толпы. Полуденное солнце прожигаетъ насквозь его лысую макушку. За то ни одинъ изъ его собратьевъ не пользуется и тысячною долею того почета какимъ пользуется онъ въ известномъ классѣ населенія аула. Важное значеніе его въ жизни аула оказывается въ ту пору дня, когда солнце, дотащившись съ трудомъ до верхней точки своей высоты, пускается потомъ вдругъ изо всей мочи улепетывать на западъ, увлекая за собою цѣлое море нестерпимо-удушливаго зноя. Этотъ моментъ на моихъ часахъ обозначается такъ: солнечный лучъ, являющійся утромъ тоненькою полоской на порогъ моей *кунацкой*, дости-

гаеть тогда третьей вѣшалки на стѣнѣ, считая отъ дверей. Въ эту же пору, по настоящему, слѣдовало бы нашему муллѣ прокричать свой *азанъ*; но онъ остается безмолвнымъ, къ великой досадѣ набожныхъ старушекъ, которыя выжидаютъ его появленія на ступенькахъ минарета, какъ манны небесной. Тогда-то начинаютъ показываться у воротъ, одна за другою, разслабленныя отъ дѣйствія зноя, а еще болѣе отъ продолжительнаго послѣобѣденнаго сна, фигуры людей. Предъ ними съ лѣнливою важностью, какъ-то не хотя, выступаютъ тощія волю, съ потертыми шеями, густо вымазанными растопленнымъ курдючнымъ саломъ. для предохраненія отъ назойливыхъ мухъ. Они то и дѣло останавливаются, уныло вытянувъ головы, свертываются потомъ на подобіе кренделя, при чемъ нѣсколько приподымають одну изъ заднихъ ногъ, и почесавъ заботливо концомъ своихъ роговъ у себя подъ брюхомъ, продолжаютъ путь. Несчастныя живогныя, кажется, не могутъ никакъ отдѣлаться отъ непріятнаго воспоминанія о недавней прогулкѣ въ лѣсъ, когда лѣнливый хозяинъ, наполнивъ свою арбу на скорую руку гнилыми дровами вырванными года два назадъ сильною бурей, гналъ ихъ домой изо всѣхъ силъ, чтобы скорѣе избѣжать полуденнаго припека. Проводивъ воловъ за ворота камнями и комками отвердѣвшей грязи, сами хозяева, по старой привычкѣ, садятся на холмикъ, для того, какъ говорятъ они, чтобы провѣтрить глаза. А холмикъ какъ будто нарочно созданъ для провѣтриванія заспанныхъ глазъ. Съ него можно видѣть что дѣлается далеко кругомъ, можно заглянуть во внутренность каждаго двора въ аулъ. Вонъ тамъ, на концѣ аула, пріятель, сбросивъ шапку съ гладковыбритой головы, съ засученными рукавами, разгребаеть лопатомъ накопленную въ продолженіи цѣлаго года кучу навоза. Вонъ, ближе, промелькнула бѣлая чадра и мигомъ исчезла позади сакли. Изъ конюшень выводятъ лошадей на водопой. Женщины попарно и въ одиночку возвращаются съ рѣки, кокетливо сгибаясь подъ тяжестью полныхъ котловъ и ведеръ, прицѣпленныхъ къ концамъ длинныхъ коромыселъ. Наконецъ, подъ самымъ холмомъ идетъ большая проѣзжая дорога, по которой снуютъ непрерывно, направо и налево, конные, пѣшіе и арбы. Скачетъ по ней нарочный казакъ, съ кучею цыдулокъ за пазухой, въ ближайшій постъ; посадка его и болтающаяся на спинѣ винтовка, конецъ которой высовываются изъ ветхаго, прорваннаго чухла, вызываютъ на холмѣ насмѣшки и критическія замѣчанія. Ыдетъ

кучка казаковъ изъ станицы занять на ночь переправу немного выше аула. Говорятъ и поютъ они такъ громко, что сабаки поднимаютъ гвалтъ по всему аулу. На холму разбираютъ и этихъ всадниковъ по ниточкѣ. Находятъ въ нихъ что-то очень похожее на тѣ фигуры, которыя караульщикъ овецъ ставитъ вокругъ плетневой изгороди для устрашенія волковъ; а пузатая лошадь, запачканныя всякою дрянью, собесѣдникамъ напоминаютъ коровъ. Смѣются они и надъ уздечками, осыпанными множествомъ мѣдныхъ пуговокъ — верхъ безвкусицы, по мнѣнію Черкеса, — и надъ мѣшками, которыя торчатъ позади сѣделъ, набитыя сухарями. Какъ бы въ противоположность этой кучкѣ всадниковъ показывается за нею другая, въ которой что ни всадникъ, то картина. Кони красиво изгибаются подъ ними, играютъ уздечками, такъ, кажется, и норовятъ проскочить въ игольное ушко. Шерсть на нихъ блеститъ какъ стекло, выступаютъ они, словно лебеди. Сами всадники олицетворенная грація и легкость. Разговариваютъ они тихо, съ достоинствомъ, сидящіе на холмѣ издали еще узнаютъ въ нихъ Адиговъ и, при ихъ приближеніи, почтительно встаютъ, а тѣ съ своей стороны привѣтствуютъ ихъ обычнымъ селямомъ. Тащится, наконецъ, и несчастный *салдузъ* съ двѣнадцати-фунтовымъ ружьемъ на плечѣ, да съ походною аммуниціей за спиной. Широкіе шаги его, не уступающіе иной лошади, повергаютъ въ немалое изумленіе засѣдателей холма. Изъ аула также хорошо видно все происходящее на холмѣ. Мушны узнаютъ на немъ издали своихъ друзей, съ которыми есть о чемъ потолковать. Тамъ же каждый вечеръ можно встрѣтиться съ нужнымъ человѣкомъ, котораго иной разъ не застанешь дома въ продолженіи цѣлой недѣли. Женщины, сидя за работой у растворенныхъ оконъ, ежеминутно поглядываютъ на холмъ. И должно полагать, не мало разнообразныхъ помышленій, горькихъ и сладостныхъ, тайныхъ и явныхъ, зараждается и волнуется въ ихъ груди отъ этого наблюденія. Подъ навѣсомъ камышевой крыши, защищенные со всѣхъ сторонъ плетнями отъ нескромныхъ взглядовъ мушны, составляются женскіе кружки, въ которыхъ кромѣ обычныхъ сплетенъ и пересудовъ на счетъ отсутствующихъ сосѣдокъ, производится также самая тонкая оцѣнка каждому изъ засѣдателей холма. Мало того: всякій вопросъ, затронутый на холмѣ, благодаря необыкновенно-громкимъ голосамъ бесѣдующихъ, долетаетъ до чуткаго слуха женской компаніи,

и возбуждаетъ въ ней не менѣе жаркія пренія, доходяція не рѣдко и до ногтей. Изъ всего этого понятно, какую важную роль долженъ играть холмикъ, несмотря на обидную его наготу, особенно въ душистые лѣтніе вечера, когда воздухъ пропитанъ благоуханіемъ, когда теплые лучи уходящаго за горы солнца нѣжно ласкаютъ изнуренную землю. Со всѣхъ концовъ аула стекаются жители къ завѣтному холму, одни затѣмъ чтобы участвовать въ обсужденіи разныхъ насущныхъ вопросовъ, высказать предъ народомъ свои мысли и предположенія, другіе послушать, какъ будутъ говорить бойкіе языки, и наконецъ бѣльшая часть безъ всякой определенной цѣли, а такъ ради препровожденія скучнаго времени. Я самъ съ большимъ вниманіемъ слѣжу каждый вечеръ за шумнымъ сборищемъ и съ любопытствомъ прислушиваюсь къ его говору. Но пойти туда я не рѣшался до тѣхъ поръ, пока не подговорилъ меня на это извѣстный всему аулу *философъ*¹ Сольманъ, по прозванію *глубокоумный*.

Какъ человекъ, занятый преимущественно разнаго рода доморощенными метафизическими хитросплетеніями, Сольманъ, съ самаго начала появленія моего въ аулъ, началъ ходить ко мнѣ. Впрочемъ, не меня одного удостоиваетъ онъ подобной чести. По всему аулу отыскиваетъ онъ, чуть не со свѣчю, людей способныхъ вступать съ нимъ въ словопренія. Это составляетъ главное занятіе и конечную цѣль его существованія. Любопытству его рѣшительно нѣтъ границъ. Нѣтъ кажется на свѣтѣ никакой бездѣлицы, которой бы онъ не хотѣлъ знать въ мельчайшихъ подробностяхъ. И это происходитъ у него не отъ желанія показать себя, а скорѣе по требованію самой его природы. Иначе трудно было бы и понять его постоянную любовь къ разсужденіямъ, которую не въ состояніи охладить ни злыя насмѣшки окружающихъ, ни многочисленныя неудачи протекающія изъ нея въ домашнемъ и общественномъ быту. По теоріи, бесплодная игра въ слова — не въ почетъ у Черкесовъ; но на практикѣ всякій болѣе или менѣе бываетъ ей подверженъ. Говорить красно и бойко, по ихъ мнѣнію, хорошо тогда только, когда это ведетъ къ положительной цѣли. Сольманъ же поборникъ искусства для искусства. Слова его имѣютъ еще тѣнь смысла и подогрѣты нѣкоторою теплотой, когда

¹ Философъ.

онъ говорить не имѣя въ виду что-либо утверждать или отрицать. Но чуть коснется онъ дѣла, хотя бы самаго не мудренаго и не головоломнаго, онъ уже никуда не годится. Въ такихъ случаяхъ, его оставляетъ даже врожденная способность находить легко слова и обороты. Онъ спотыкается на каждомъ звукѣ, мямлитъ нестерпимо, и въ отчаяніи ломаетъ себѣ руки. Тѣ, которые подмѣтили въ немъ эту странность, употребляютъ его съ большимъ успѣхомъ въ такого рода порученіяхъ и переговорахъ, гдѣ нужно говорить, не высказывая ничего. Къ числу такихъ дѣлъ относятся, напимѣръ, переговоры о платежѣ долга, или уклончивые отвѣты какого-нибудь джигита на вѣжливыя напоминанія соскучившагося долгимъ ожиданіемъ гостя о томъ, что пора бы, наконецъ, отпустить его съ обѣщанною лошадью, или хоть безъ нея. И должникъ, и ловкій джигитъ, чтò въ сущности одно и то же, естественно должны избѣгать всѣми силами подожительнаго результата своихъ переговоровъ.

При довольно частыхъ посѣщеніяхъ моею кунацкой, Сольманъ обращаетъ особенное вниманіе на мои книги. «Ахъ, какъ бы желалъ я знать все что въ нихъ написано!» восклицаетъ онъ каждый разъ, вертя и перелистывая всякую книгу по очереди. Наученный прошлыми уроками, сначала я мало довѣрялъ искренности подобнаго желанія, и потому пропускалъ его мимо ушей. Но мало-по-малу, я убѣдился, что Сольманъ никогда не высказываетъ того, чего не чувствуетъ. Трудно отыскать челоѣка болѣе прямодушнаго въ этомъ отношеніи. Разъ онъ со особенною настойчивостью присталъ ко мнѣ: «Прочти что-нибудь, ради души отца твоего,» упрашивалъ онъ. «Покажи намъ какъ и чтò пишутъ Русскіе въ своихъ книгахъ. Вѣдь это ничего тебѣ не стоить.» Я развернулъ басни Крылова и перевелъ какъ могъ первую попавшуюся страницу: то была басня *Медвѣдь и Пустынникъ*. Сольманъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, боясь проронить слово. Онъ то поднималъ глаза на меня, то опять опускалъ ихъ внизъ, раскачивалъ голову на право и на лѣво, сжималъ губы, прикладывая помянуто къ нимъ пальцы правой руки, какъ бы крѣпче удерживая тѣмъ все слышанное, вообще обнаруживалъ сильное безлокоичество и, съ тѣмъ вмѣстѣ, удовольствіе челоѣка, предъ которымъ вдругъ яснѣе раскрывается давно-знакомая мысль. Я нарочно опустилъ моральную сен-

тенцію басни, желая испытать, поналъ ли что-нибудь мой слушатель. «Эка, дуракъ какой!» сказалъ Сольманъ, когда я кончилъ, «вздумалъ же съ кѣмъ подружиться! И по дѣломъ безмозглому! Молодецъ медвѣдь!» Съ тѣхъ поръ Сольманъ сталъ однимъ изъ усерднѣйшихъ посѣтителей моей кунацкой. Онъ замѣтно пристрастился къ «потѣшнымъ русскимъ сказкамъ, въ которыхъ, однако, говорится дѣло,» и не безъ гордости разказываетъ и до сихъ поръ встрѣчнымъ и поперечнымъ про глупаго человѣка и умнаго медвѣда. Постепенно я перевелъ ему чуть ли не всего Крылова.

Неутомимые разказы Сольмана о разныхъ неслыханныхъ чудесахъ, о говорящихъ камняхъ и тому подобномъ, соблазнили многихъ изъ жителей нашего аула. Ко мнѣ нерѣдко заходитъ цѣлая гурьба весьма почтенныхъ людей, послушать изъ первоначальнаго источника то, что сообщилъ имъ Сольманъ. Вмѣстѣ съ ними приходитъ и самъ Сольманъ, который поясняетъ и рельефнѣе укладываетъ въ рамки черкесскаго языка мой не совсѣмъ удачный переводъ. Слушатели мои остаются очень довольны, хотя внутренно не одобряютъ многихъ вещей изъ того, что я передаю имъ. Они уже не такъ горячо оспариваютъ каждое мое слово, какъ бывало прежде, потому что начали хоть сколько-нибудь уважать меня. Съ своей стороны, и я научился избѣгать всего что, можетъ задѣть моихъ собесѣдниковъ за живое. Да и къ чему это? Довольно, кажется, съ меня и прежнихъ ошибокъ: не все же идти по одной колеѣ, особенно если эта колея оказывается ложною. Пока я вѣрилъ крѣпко въ правоту своихъ убѣжденій, я бился за нихъ на смерть... Но вѣдь теперь они разрушены, эти когда-то милыя убѣжденія? Такъ неужели изъ-за нихъ отравлять мнѣ всю свою жизнь? Нѣтъ, пора одуматься. Теперь я похожъ на того пилигрима, который исходилъ весь мѣръ, ища лучшей страны и лучшихъ людей, и вернулся наконецъ въ свою убогую хижину, съ грустнымъ разочарованіемъ въ душѣ. «Я видѣлъ цвѣтущіе города, говоритъ онъ, я видѣлъ мраморныя палаты, гдѣ блаженствуютъ довольные люди, но не видалъ ничего привѣтливѣе и милѣе моей хижины.» То же самое случилось и со мною. Я выросъ и провелъ большую половину жизни среди образованнаго общества, съ которымъ сроднился и душой, и тѣломъ. Мнѣ казалось, что я нераздѣльный, родственникъ его членъ... но то было продолжительное заблужденіе, изъ котораго нужно было выйти посредствомъ цѣлага ряда тягостныхъ разочарованій и болѣзненныхъ потрясеній. Конечно, н

легко разстаться съ старыми мечтами, съ утвердившимися идеалами; но стоить разъ прикоснуться къ нимъ съ недоверіемъ, и они неудержимо распадаются сами собою. Да, я былъ въ гостяхъ въ такомъ домѣ, гдѣ хозяева встрѣчали меня съ радушіемъ и сердечною теплотою, гдѣ вся обстановка обольщала своею уютностью и тысячами удобствъ. Въ немъ я забылся и вообразилъ себя хозяиномъ. Когда же я проснулся и оглянулся внимательнѣе кругомъ себя, то увидѣлъ что и хозяева какъ будто перемѣнились, и обстановка потеряла половину своей цѣны. Однимъ словомъ, какъ будто все окружающее меня заговорило въ одинъ голосъ: «въ гостяхъ хорошо, а дома лучше.» Тутъ я вспомнилъ одного моего пріятеля, такого же обрусѣвшаго Черкеса, какъ и я, который часто говаривалъ: «мы, братъ, всё живемъ двойною жизнью. Въ Россіи на лбахъ нашихъ опытный глазъ прочтетъ черкесскую вывѣску. Между своими мы кажемся болѣе Русскими, чѣмъ Адигами.» Я съ жаромъ опровергалъ такую ложную, по моему мнѣнію, мысль и доказывалъ, что я, по крайней мѣрѣ, живу дѣйствительною жизнью, жизнью образованнаго Европейца, и что на лбу моемъ ни одинъ френологъ въ мірѣ не прочтетъ ничего отличнаго отъ европейскихъ лбовъ. Теперь я вижу, что пріятель мой былъ правъ. Онъ раньше меня началъ вглядываться въ себя, раньше почувствовалъ подъ ногами зыбкость той почвы, на которой мы оба тогда стояли. Величайшее несчастіе и ослѣпленіе мое состояло въ томъ, что я, будучи въ душѣ Черкесомъ и оставаясь имъ во всё поры жизни, на каждомъ шагу, не могъ себѣ въ этомъ дать отчета. Непонятно,—а дѣйствительно такъ. Обвинять ли послѣ этого моихъ собратьевъ въ томъ что они упорно продолжаютъ видѣть во мнѣ своего отпавшаго члена. Изъ всего прошлаго я вынесъ по крайней мѣрѣ одно убѣжденіе,—и оно, кажется, не рушится подобно прежнимъ,—что образованіе отнюдь не должно отчуждать человека отъ его роднаго круга, какъ бы низко ни стоялъ этотъ кругъ; напротивъ, оно необходимо должно вести къ самому тѣсному сближенію съ нимъ. Мало-мальски образованный Черкесъ долженъ быть, и есть на самомъ дѣлѣ, во сто кратъ болѣе Черкесъ чѣмъ простой собратъ его. Вотъ простая разгадка того, почему такъ грустно окончилась моя карьера въ Россіи, не оправдавъ ни одной моей надежды.

Вчера вечеромъ сидѣлъ я, по обыкновенію, у окна своей кунацкой и смотрѣлъ на холмикъ. Впрочемъ, на этотъ разъ

мысли мои были очень далеко отъ застѣвателей холма. Онѣ, ни съ того, ни съ сего, перелетѣли, чрезъ голову шумливаго кружка, въ непроглядную даль прошедшаго. Предомною промелькнуло нѣсколько непрошенныхъ, но дорогихъ образовъ, отъ которыхъ сердце болѣзненно жалось... Вдругъ легкій шорохъ у дверей спугнулъ рой моихъ видѣній. «Спишь, что ли?» произнесъ знакомый голосъ Сольмана, тихо вошедшаго въ саклю. — Развѣ можно спать сидя, отвѣчалъ я. «Какъ еще можно! лучше чѣмъ въ постели. Не случалось развѣ тебѣ въ ночныя поѣздки думать на лошади?» Ничего не отвѣтивъ, я всталъ и началъ прохаживаться взадъ и впередъ по саклѣ. Сольманъ молча усѣлся, безъ приглашенія, по праву стараго пріятеля, у очага, на концѣ толстаго обгорѣлаго полѣна и, по своему обыкновенію, принялъ видъ глубокаго размышленія. Наше молчаніе тянулось довольно долго. Я все еще продолжалъ ходить, не чувствуя особеннаго расположенія заводить рѣчь съ важнымъ гостемъ. «Ты должно-быть очень вѣрный слуга великаго князя?»¹ спросилъ онъ вдругъ. — Изъ чего ты это видишь? спросилъ и я въ свою очередь, не понявъ, что онъ хотѣлъ сказать своимъ вопросомъ. «Какже! Вѣдь ходи по саклѣ, безъ всякой цѣли, ты этимъ самымъ служишь великому князю!» Я не могъ удержаться отъ смѣха. — Кто тебѣ сказалъ, что это служба? Хожу я просто отъ скуки, отъ нечего дѣлать. «Разказывай! Будто ужъ я ничего не смыслю,» произнесъ Сольманъ, видимо обиженный: «зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, часовой въ крѣпости съ утра до вечера ходитъ передъ домомъ начальника?» — Затѣмъ, что ему скучно все время стоять на одномъ мѣстѣ. «Вотъ нашли лѣкарство противъ скуки: смотри пожалуста! Хорошо, нечего сказать? Значитъ ты и теперь скучаешь, что пылишь напрасно свою кунацкую.» — Да. «Такъ я посоветую тебѣ лѣкарство получше твоего: пойдемъ вонъ туда!» Онъ указалъ на холмикъ. «Народу тамъ сегодня очень много. Можетъ, тебѣ веселѣе станеть, какъ послушаешь разныхъ толковъ.» Я было отнѣкивался, но краснорѣчіе Сольмана восторжествовало надъ моею нерѣшительностью. Мы пошли. Спутникъ мой выступалъ чрезвычайно сановито, заложивъ руки за спину, задиравъ высоко голову, кашлялъ съ великимъ шумомъ, бросая далеко въ стороны плевки; однимъ словомъ, началъ выказывать такіа замашки, которыхъ я никогда прежде

¹ Русскаго государя Черкесы называютъ великимъ княземъ.

не замѣчалъ въ немъ, и которыя вовсе не шли къ его степенной особѣ. Я дивился и рѣшительно не зналъ чему приписать такую странную перемѣну.

Я подозрѣваю, что глубокомуудный пріятель мой немножко соблазнился тѣмъ, что ему первому удалось вытащить меня къ засѣдателямъ холма, и захотѣлъ поважничать предъ своими знакомыми: «посмотрите, молю, въ какой короткой дружбѣ нахожусь я съ этимъ человѣкомъ!» А человѣкъ я, по его мнѣнію, довольно важный въ сферѣ нашего аула.

Когда мы подошли въ кружку, Сольманъ произнесъ ему «селямъ», а вслѣдъ за нимъ и я. «Алейкумъ селямъ!» дружно отвѣчали засѣдатели холма, поднимаясь въ тактъ. Къ счастью, я не замѣтилъ на ихъ лицахъ того неласковаго выраженія, которое повсюду преслѣдовало меня прежде, въ періодическія появленія мои въ родномъ краю. Кажется, взглядъ ихъ на мою особу измѣнился къ лучшему, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ осѣдлымъ жителемъ аула. «Садись,» сказали старѣйшіе, расчищая для меня мѣсто въ кругу. Я, разумѣется, не заставилъ ихъ долго упрашивать себя и присѣлъ на указанное мѣсто. Сольманъ мой тотчасъ подцѣпилъ за полы какого-то пріятеля и вытащилъ его почти насильно изъ круга, вѣроятно для уединенной философской бесѣды. Болѣе пожилые люди размѣстились также по своимъ мѣстамъ. Люди же среднихъ лѣтъ усаживались не вдругъ, а послѣ нѣкотораго стоянія. Остались на ногахъ лишь молодые парни, лѣтъ двадцати и болѣе. Гордо опершись руками въ бока, они образовали вокругъ старшихъ родъ почетной стражи. Поодаль отъ холма шумѣла тѣсная кучка мальчишекъ, боровшихся по очереди. Два, три человѣка взрослыхъ наблюдали за ними, въ качествѣ секундантовъ. Поваленный мальчишкѣ, со слезами досады на глазахъ, громко протестовалъ противъ несоблюденія противникомъ всѣхъ правилъ борьбы, и вцѣпившись крѣпко руками въ одежду побѣдителя, требовалъ возобновленія состязанія. «Онъ меня подъ мышки схватилъ... я не думалъ, что онъ это сдѣлаетъ... Пусть-ка теперь попробуетъ свалить, такъ посмотримъ чья возьметъ!» кричалъ онъ задыхаясь.— «Зачѣмъ ты дался подъ мышки,» говорилъ побѣдитель болѣе хладнокровно. «Не зѣвай другой разъ!» Говоря это, побѣдитель, однако, старался освободиться изъ рукъ своего упорнаго противника, съ явнымъ желаніемъ не подвергать свою репутацію вторичному испытанію. Тутъ вмѣшивались въ дѣло

секунданты и рѣшали споръ, безпристрастно взвѣсивъ доводы обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ какъ борцы обращали на себя вниманіе всѣхъ, какой-нибудь рѣзвый шалунъ срываетъ съ головы зазѣвавшагося сосѣда старую дырявую шапку, и гнаетъ ее въ степь, подбрасывая ногою высоко вверхъ (удовольствіе, котораго никакъ не пойму, хотя въ молодости, помню, я самъ забавлялся этою игрой). Хозяинъ папахи стремительно кидается за нимъ. Вотъ онъ догнавъ шалуна, торопливо протягиваетъ руки, хочетъ схватить его за полу—не тутъ-то было. Шалунъ ловко вывернулся, и боковымъ ударомъ отшвырнулъ папаху далеко въ сторону. Преслѣдователь, споткнувшись въ торопяхъ о муравейникъ, падаетъ ничкомъ на траву. Веселые ребята хохочутъ отъ души надъ его недокостью, а папаху подхватываетъ въ толчки новый джигитъ. Первый похититель старается отбить у него свою законную добычу, между тѣмъ какъ несчастный хозяинъ папахи, пристыженный насмѣшками товарищей, ускоряетъ свой бѣгъ, желая скорѣе загладить стыдъ. Слезы подступаютъ къ его горлу, душатъ его, но онъ сдерживаетъ ихъ неимовѣрными усиліями. А онъ могъ бы очень легко избѣжать всѣхъ этихъ неприятностей. Стоило бы только не бѣжать съ самаго начала за похитителемъ, и ему тотчасъ же возвратили бы папаху. Но это значило бы добровольно отказаться отъ участія въ играхъ сверстниковъ, получить оскорбительное для всякаго мальчика прозвище старичка и, что важнѣе всего, значило бы навсегда лишиться самого себя удовольствія сорвать папаху съ чужой головы. Такое же правило соблюдается и между молодыми наѣздниками. Они не стрѣляютъ на скаку въ шапку того изъ своихъ членовъ, который не поскачетъ за нею и не захочетъ, въ свою очередь, пользоваться правомъ сбивать шапки съ другихъ. Значить, какъ тамъ, такъ и здѣсь не стѣсняется ничья свобода. Кто не любитъ саночки возить, тому не даютъ и на саночкахъ кататься. Другая шайка отчаянныхъ ребятъ съ гикомъ нападаетъ на молодыхъ телятъ, мирно отдыхающихъ на мягкой травѣ, ловить ихъ за хвосты, садится на нихъ верхомъ, «Вотъ я васъ!» прикрикиваетъ на нихъ одинъ изъ толпы, грозно размахивая толстою палкою: «всѣмъ журавлиныя голени перебью.» «Чума побори васъ всѣхъ, свиныя дѣти!» сердито добавляетъ другой, бросивъ въ нихъ довольно объемистымъ камнемъ. Мальчишки со смѣхомъ бѣгутъ дальше въ степь, а испуганные телята робко сбиваются въ кучку, какъ бы спрашивая другъ друга о случившемся.

Не далеко отъ нихъ жадно щиплетъ траву, съ мычаніемъ и «ырканиемъ», только что стреноженный конь. Горячій потъ не высохъ еще на его спинѣ; слѣды подругъ змѣятся по бокамъ. Хозяинъ его, приѣвъ на корточки, внимательно смотритъ ему подъ брюхо, заходитъ къ нему спереди, нагибается; потомъ заходитъ сзади, опять наклоняется и всматривается. Удостоверившись, наконецъ, что все обстоитъ благополучно, что нѣтъ ни шишки ни царапины, онъ плюетъ нѣсколько разъ въ сторону будто ненарочно, а на самомъ дѣлѣ, чтобы не сглазить какъ-нибудь своего коня, который для него дороже всѣхъ застѣателей холма, взятыхъ вмѣстѣ. На прощаньи онъ заботливо третъ рукавомъ своей черески несовѣтъ гладкую ешину коня и слегка хлопаетъ по ней ладонью. А конь съ неудовольствіемъ отмахивается отъ него куцымъ хвостомъ, какъ бы говоря: «поди ты прочь съ своими нѣжностями! Довольно что нѣзлый день сидѣлъ на мнѣ, а теперь не мѣшай мнѣ ѣсть.» И въ подтвержденіе того, что ему очень сильно хотѣлось кушать, онъ съ новою яростью принялся забирать въ ротъ все, что попадалось, не разбирая ни камешковъ, ни всякаго рода дряни. Хозяинъ, однако, еще разъ пригнулся, посмотрѣлъ, и гордою поступью двинулся къ воротамъ, позванивая своею недавно-выкрашенною уздечкой. Онъ не удостоилъ застѣателей холма даже взглядомъ. «Бьюсь съ кѣмъ угодно объ закладъ, что этотъ молодець зайдѣлъ въ станицу посмотрѣть — есть ли на базарѣ огурцы», замѣтилъ кто-то изъ толпы, указывая на спѣсиваго джигита. «Совсѣмъ безъ дѣла замучилъ лошадь,» прибавилъ другой: — «какая славная была, когда онъ ее купилъ, а теперь смотрите — кожа да кости.» «Да что прикажешь ему дѣлать, какъ не торчать съ утра до вечера на своей клячѣ,» заключилъ третій. Онъ *дворянскій юноша*, славы ищетъ, хочетъ людей посмотрѣть и себя показать. Не сидѣтъ же ему, какъ мы, въ золь очага.»

Застѣатели холма, состоящіе исключительно изъ людей работорговцевъ, изъ крестьянъ и тѣхъ обѣднѣвшихъ дворянъ, которымъ судьба всучила въ руки лопату и топоръ, какъ бы насмѣхаясь надъ ихъ наследственной гордостью, изъ людей, слѣдовательно, болѣе положительныхъ, питаютъ неодолимое отвращеніе къ сословію праздныхъ, занятыхъ одними лошадьми и оружіемъ дворянъ. И это весьма понятно. У застѣателей холма свои особенныя наклонности, свой образъ мыслей, свой взглядъ на вещи, свои идеалы, прямо противоположные стремленіямъ,

воззрѣніемъ и идеализмъ кунацкой. Это особенный мірокъ, мало въ чемъ похожій на прочіе классы аульнаго населенія. Даже наружность холмовниковъ отличается какимъ-то своеобразнымъ отпечаткомъ, повергающимъ меня въ неразрѣшимое сомнѣніе касательно происхожденія ихъ изъ той же самой глины, изъ которой съ такимъ тщаніемъ выдѣлены обитатели кунацкихъ. Эти широкія плечи, толстыя, короткія шеи, бычачьи ноги, эти ручищи, похожія скорѣе на медвѣжьи лапы чѣмъ на человѣческія руки, эти крупныя черты лица, вырубленные точно топоромъ,—какая непроходимая бездна между ними и изящными фигурами благородной части нашего аула! о нарядѣ и говорить нечего. Холмовники носятъ на ногахъ чуваки, или, точнѣе сказать, что-то похожее на русскія лапти, изъ сыромятной кожи, вверхъ шерстью; большая же часть предпочитаетъ видѣть свои ноги безъ всякихъ искусственныхъ украшеній, въ первобытной красотѣ, лишь подъ толстымъ слоемъ отвердѣвшей на нихъ грязи. Черкески на нихъ, правда, бываютъ почти всегда новыя, или по крайней мѣрѣ цѣлыя, но такого страннаго покроя, и такъ мѣшковато облекаютъ онѣ дюжій туловища, что послѣдній джигитъ изъ кунацкой, на которомъ живой нитки нѣтъ, не можетъ удержаться отъ смѣха при видѣ ихъ. Въ оттопыренныхъ ихъ пазухи можно запрятать цѣлаго барана. Газырей въ патронникахъ всегда неполный комплектъ. Обыкновенно торчатъ въ нихъ, въ видѣ старушечьихъ зубовъ, штуки двѣ или три, безъ пороха и дуль, даже безъ тряпичныхъ затычекъ, такъ что вѣтеръ свободно посвѣтываетъ въ ихъ пустой внутренности; въ остальные дыры патронниковъ втыкаются палочки изъ сосноваго дерева, которыя, кромя того что не допускаютъ проникнуть разной дряни и сору, зажигаются при нуждѣ хозяевами вмѣсто свѣчекъ. Тутъ же находятся въ резервѣ ковырялки для зубовъ и другія нужныя мелочи.

Конечно, не трудно объяснить, почему на холмѣ встрѣчается болѣе цѣлыхъ черкесокъ, нежели въ кунацкихъ: причина очень простая. Холмовники не мѣняются никогда платьями, какъ это водится между дворянами. Жены шьютъ на нихъ черкески примѣрно, года на три, на четыре,—и Боже сохрани, износить черкеску раньше этого срока! Потому мужья весьма бережливы, и надѣваютъ ихъ только въ торжественные случаи; въ будни же ходятъ въ однихъ бешметахъ, испещренныхъ заплатами, да въ нагольныхъ шубахъ (даже въ самыя страшныя

жары). Старшии, вмѣсто книжаловъ, привѣшиваютъ къ поясу ножи въ красныхъ сафьяныхъ чехлахъ. Холмовники—единственное сословіе въ нашемъ аулѣ, которое осмѣливается не признавать разныхъ тонкостей этикета, и даже позволяетъ себѣ довольно непочтительно отзываться о немъ. Они терпѣть не могутъ тѣснаго платья, которое бы хотъ сколько-нибудь сдавливало ихъ расплзающіеся члены; потому между ними изгнаны изъ употребленія пуговицы, а у нѣкоторыхъ даже и пояса. Это обличаетъ въ нихъ отсутствіе всякаго желанія сообщить своимъ фигурамъ стройность и красоту. Не въ почетъ у нихъ и высокія шапки, которыя вошли въ послѣднее время во всеобщую моду, сначала между молодыми людьми изъ дворянъ, а потомъ между молодыми вольноотпущенными и крестьянами. Для холма, можно сказать, не существуетъ ни какихъ модъ, кромѣ тѣхъ, которыя иной мастеръ вводитъ иногда въ устройствѣ спицъ на колесахъ арбы. Холмовники все еще продолжаютъ носить низенькія шапочки, отличительная черта которыхъ заключается въ томъ, что въ нихъ содержится чуть не цѣлый возъ сѣна, щепокъ, отрубей и множество другихъ веществъ (не считая существъ). Члены этого сословія вѣдаютъ на арбахъ, возятся преимущественно съ быками, отчего слышится отъ нихъ весьма сильный запахъ скотины; но въ то же время они довольно крѣпко держатся въ сѣдлѣ; только несчастная ихъ посадка тотчасъ изобличаетъ, что благородная спина лошади не имъ предназначена. Вообще Аллахъ не далъ имъ умѣнья придавать каждому своему движенію грацію и всякимъ лохмотьямъ изящество. Говорю это, разумеется, сравнительно только съ черкесскимъ дворянствомъ. Предъ подобными же имъ людьми у другихъ народовъ, напримѣръ, хотъ передъ русскими мужичками, даже мѣщанами, холмовники наши—джентльмены хотъ куда. Нравъ имѣютъ они весьма суровый, не общительный, обладающій холодомъ всякаго, кто подступаетъ къ нимъ изъ другой сферы. Они не словоохотливы и угрюмы, но если заговорять, то изъ устъ ихъ исходятъ слова, отравленные самою ядовитою желчью. Бѣдкій сарказмъ ихъ обладаетъ необычайною силой задѣвать за самыя живыя струны человѣческой души; шутка ихъ просто не выноσιма; она проникаетъ до мозга костей. У этихъ людей, можно сказать, нѣтъ ничего святаго въ мірѣ, ничего такого, предъ чѣмъ бы они благоговѣли. Самая покорность и молчаніе дышать неумолимою критикой противъ тѣхъ, кому

они покоряются и предъ кѣмъ молчатъ. Подумаешь, что покорны они лишь изъ милости, а молчатъ потому, что не удостоиваются отвѣта. Они не заискиваютъ ничего расположенія, ничьей благосклонности, даже своихъ господъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ жизнь; напротивъ, они всѣми силами стараются выказывать явное невниманіе и самое убійственное равнодушіе и къ ласкамъ, и къ угрозамъ. Вся желчная иронія ихъ языка направлена исключительно на сословіе обитающее въ кунацкой; на него они смотрятъ съ пренебреженіемъ, какъ на что-то весьма негодное и непрочное, чье существованіе находится въ ихъ моволистныхъ рукахъ. И странное явленіе! — при всемъ этомъ, оба сословія, повидимому, столь враждебныя другъ къ другу, рѣдко сталкиваются непріязненно. Взаимныя насмѣшки, кажется, совсѣмъ не мѣшаютъ почти родственнымъ ихъ отношеніямъ. Какъ ни строго судить крестьянинъ своего господина наединѣ и при людяхъ, однако онъ никогда не позволитъ при себѣ постороннему лицу произнести о немъ мало-мальски оскорбительное замѣчаніе; тутъ онъ вступаетъ за него, какъ за самого себя и готовъ жертвовать даже жизнію, защищая честь его. Въ этомъ случаѣ онъ руководствуется не столько личною привязанностью къ господину, сколько сознаніемъ семейнаго родства, связывающаго его съ нимъ. Только одного не сдѣлаетъ онъ ни за что въ мирѣ: не выкажетъ никогда своего усердія предъ господиномъ, не обнаружитъ своей любви къ нему, еслибъ онъ и чувствовалъ ее: это онъ считаетъ совершенно излишнимъ; напротивъ, онъ такъ и норовитъ подѣхать къ нему худю своею стороною, чтобъ огорчить и раздосадовать его. Это кажется происходитъ оттого, что онъ смотритъ на своего господина нѣсколько покровительственнымъ взглядомъ, какъ на чловѣка зависящаго отъ него въ матеріальномъ отношеніи. Въ природѣ холмовника нѣтъ ни малѣйшаго признака раболѣпства. Онъ также свободно говоритъ съ своимъ господиномъ, какъ и съ ровней, и никогда не позволитъ ему возложить десницу на свою физиономію (впрочемъ это унижительное проявленіе гнѣва неизвѣстно еще между Адигами). Онъ не терпитъ также разныхъ кличекъ, въ родѣ: «эй, чловѣкъ! эй, чурбанъ!» и отыкается только на свое настоящее имя. Между тѣмъ господинъ имѣетъ полное право, когда вздумается, выхватить свой кинжалъ и всадить его въ грудь дерзкаго холопа; никто не потребуетъ за это отчета. Еслибъ я родился рабомъ, то не колебался

предпочелъ бы этотъ способъ расправы систематическому попиранію ногами моего человѣческаго достоинства, хотя бы оно сопровождалось громкимъ титуломъ уваженія къ личности и тому подобными выпренными словами, которымъ суждено, кажется, вѣчно оставаться лишь на языкѣ не обуздывая рукъ и не проникая въ души. По крайней мѣрѣ, въ жизни своей я видѣлъ много примѣровъ подобнаго противорѣчія между словомъ и дѣломъ. Я самъ, несмотря на то что дышалъ довольно долго европейскимъ воздухомъ, слѣдовательно нахваталъ бездну гуманныхъ идей, научился истинному уваженію челоуѣка только здѣсь въ аулѣ. Когда говорю съ своими крестьянами, я беру обыкновенно тономъ ниже противъ того, какъ говорилъ, живя въ Россіи, съ своимъ деньщикомъ.

— А вотъ Волкъ такъ молодець! воскликнулъ одинъ изъ застѣдателей холма,—не то что джигить, что вѣдятъ высматривать огурцы! Посмотрите, сколько дровъ навалилъ онъ въ арбу—шапка съ головы слетитъ!

Это восклицаніе относилось къ арбѣ, которая съ глухимъ скрипомъ тянулась по пыльной дорогѣ. Усталые быки плелись мелкою рысцой, напряженно вытянувъ свои шеи. Возница, сидя на ярмѣ, самодовольно глядѣлъ на праздную толпу, какъ бы говоря: «Вотъ вы сидите, разиня ротъ, а я на цѣлую недѣлю дровъ нарубилъ». Однако, онъ ошибался въ количествѣ нарубленныхъ дровъ. Весь грузъ его арбы состоялъ изъ нѣсколькихъ хворостинокъ, которыми онъ подѣнился даже очистить отъ листьевъ. Разумѣется, такого скуднаго запаса не хватитъ на два вечера, не только на недѣлю. «Волкъ! а, Волкъ!» крикнулъ другой голосъ изъ толпы.—«Что?»—«Уцѣлѣло ли что-нибудь отъ твоего топора въ лѣсу?»—«Ничего, будетъ съ тебя», отозвался возница, и погода не много прибавилъ: «Да, я было позабылъ: всѣ деревья шлютъ тебѣ нижайшій поклонъ, и просятъ непременно пожаловать къ нимъ.» Проговоривъ это, Волкъ ни съ того, ни съ сего хватилъ палкою по тощимъ выдававшимся хребтамъ своихъ воловъ, и тѣ пустились вскачь подъ гору, прямо въ ворота. «Ай да Волкъ!» крикнулъ ему вслѣдъ тотъ, кому кланялись деревья. «Не хорошо только, что криво правишь арбу. Посмотри-ка на правую чеку: кажется ее оторвало воротами.»—«Небойся», отозвался тотъ:—«и за камни приходилось цѣпляться, да все еще цѣла.»

«Эхъ, кабы узнать, какой это дьяволъ вздумалъ топтать покосы,» проговорилъ кто-то, показывая на склонъ сосѣдней

горы. Всѣ оглянулись туда. Дѣйствительно, тамъ двигались какія-то бѣлыя точки, которыхъ глазъ не могъ различить за дальностію. Онѣ то сходились въ кучки, то вытягивались въ едва-примѣтную нить. «Кто бы онъ ни былъ, но онъ началъ съ моего участка,» возвысилъ голосъ одинъ изъ засѣдателей. Коренастый, широкогрудый мущина отдѣлился отъ кружка, взобрался на муравейникъ, и что было силы заревѣлъ: «о-у! о-у!» размахивая съ остервененіемъ своею шапкой. Онъ дралъ горло пока не охрипъ совершенно. Его замѣнилъ другой; но бѣлыя точки по прежнему спокойно мелькали сквозь густую траву. «Слить, должно-быть, бестія!» рѣшили въ кружкѣ. Два молодыхъ джигита вызвались добровольно сходить туда и узнать виновника. Сначала они пустились бѣгомъ, перегоняя другъ друга, но отойдя немного отъ кружка, угомонились и пошли шагомъ мимо пестрыхъ телатъ и курчавыхъ баранковъ, мимо развѣшанныхъ на палкахъ бурокъ, подъ которыми лежали внизъ животами мальчуганы-пастухи, насвистывая на своихъ камышникахъ. Долго еще виднѣлись посреди гладкаго поля высокія фигуры двухъ парней, то исчезая на минуту за пригорки, то появляясь снова; они скрылись наконецъ, и болѣе уже не показывались на холмѣ, вѣроятно увлеченные другими предметами.

Послѣ продолжительнаго сидѣнья въ душной атмосферѣ кунацкой, въ ипохондрическомъ расположеніи, эта свѣжая картина пріятно подѣйствовала на мои нервы. Я задумался и ничего не слышалъ изъ того, что говорилось вокругъ меня, пока густой смѣхъ не побудилъ меня наострить уши.

— Чего ты раскидился точно старый козелъ, говорилъ обидчиво сухопарый мущина, въ полушубкѣ накинутаго на плечи, строгавшій деревянную вилу. — Смѣяться можетъ всякій дуракъ; другое дѣло показать свое искусство. А ну-ка, попробуй: увидимъ, что ты за мастеръ.

Онъ протянулъ вилу и неуклюже-обточенный бараній рогъ сосѣду, въ оборванной черкескѣ, съ тощею бородкой.

— Самъ, братъ, трудись, и будешь современемъ мастеръ, отвѣчалъ послѣдній, отклоняя протянутую вилу. — Никто не родится умнымъ. Да и нужно же когда-нибудь научиться придѣлывать рогъ къ вилѣ, не хорошо полагаться все на чужія руки. Къ тому же и сѣнокосъ приспѣлъ: нечѣмъ, пожалуй, будетъ копны складывать.

— Такъ какой же чортъ суеть тебя туда, гдѣ не просятъ

твоей помощи! Не лучше ли молчать и приберечь для себя свой умъ, если онъ есть.

— Знай нашего Хуцу! перебилъ кто-то съ язвительною насмѣшкой, должно-быть истый врагъ говорившаго.—Ты не гляди, что онъ виды не умѣетъ сдѣлать, это пустячки! А ты погляди лучше, какъ онъ колеса чинить, просто любо! Шидомъ буравить, нитками сшиваетъ.

— Ну ужъ твоего голоса только не доставало, съ пренебреженіемъ замѣтилъ Хуца.—Всѣмъ извѣстно, что ты хотѣлъ прошлогоднюю саранчу накрыть шапкой, а своего хлѣба все-таки не могъ отстоять.

Громкій голосъ, раздавшійся на противоположномъ концѣ кружка, заглушилъ споръ Хуцы съ противниками на самомъ любопытномъ мѣстѣ. Общее вниманіе обратилось вдругъ на высокаго мужчину, съ свирѣпымъ взглядомъ, съ худыми, но чрезвычайно подвижными чертами лица. Вся фигура его дышала какою-то дикою энергіей, какимъ-то страстнымъ порывомъ. Онъ яростно размахивалъ переломленною косою надъ сидѣвшимъ подлѣ него холмовникомъ, въ которомъ не трудно было сразу признать кузнеца.

— Для чего аулъ выбралъ тебя въ кузнецы, если ты работаешь только на однихъ, а для другихъ и усомъ не шевелишь? А какъ собирать коцны, да мѣшки преса, не бойсь, ты тутъ различія не дѣлаешь. Не будь я сынъ своего отца, если, въ этотъ годъ, поживишься ты отъ меня хоть единымъ зерномъ или щепоткой сѣна. Вотъ что получишь отъ меня? Видишь?

Онъ показалъ то, что показывается обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ.

— Да, за Бечорой грѣшнокъ такой водится, поддержали нѣкоторые свирѣпаго джигита.

— А зачѣмъ вы угольевъ-то не хотите поставлять, возразилъ кузнецъ.—Какой уговоръ былъ у насъ съ самага начала? Всякій, виѣсть съ желѣзомъ, уголь принеси, и мѣха раздувай; ну, а кто изъ васъ, скажите по совѣсти, помогалъ мнѣ хоть мизинцемъ. Уголь всегда жгу я свой, а ребяташкамъ моимъ—не стыжусь даже передъ стариками!—нѣтъ просто отдыха, ни минуты не выпускаютъ мѣховъ изъ рукъ. А вы какъ придете къ кузницу, только и знаете, что разговаривать между собою, да приговаривать за каждымъ ударомъ молота: получше да покрѣпче!

— Нѣтъ, врешы! закричалъ неистовый джигитъ.—Я всегда

приносилъ съ собой полную шапку угольевъ, хоть бы нужно было придѣлать только ушко къ кося. Вѣспишь одинъ гвоздикъ, а что останется угольевъ, казны не отдашь: все въ свой мѣшокъ. Не со мной однимъ ты это дѣлалъ, а съ цѣлымъ аудомъ. Если я вру, пусть уличать меня.

— Правду говоришь! правду! подтвердили со всѣхъ сторонъ.

— Да это бы еще ничего, возвысился одинъ голосъ:—лѣсу, благодареніе Аллаху, не покупаемъ, можно жечь его сколько угодно, а вотъ что дурно: поломаешь косу во время работы и придешь къ Бечоръ, а онъ, вмѣсто того чтобы скорѣе починить, угощаетъ все завтраками, да такъ дня три-четыре и просидишь дома, глядя ему въ ротъ. Пусть бы ужъ онъ дѣлалъ это въ иную пору, только не въ рабочую.

— Я одинъ, а васъ сотня, такъ гдѣ же успѣть мнѣ на всѣхъ вдругъ? Бога вы не боитесь, клеветаете напрасно на человека, жалобно говорилъ кузнецъ, безпокойно поворачиваясь на своемъ мѣстѣ.—Разсуди, ради души отцовской, можно ли двумя руками сдѣлать разомъ сто дѣлъ?

Вопросъ этотъ относился ко мнѣ. Кузнецъ, чувствуя себя одинокимъ среди недовольной толпы, избралъ меня въ защитники и судьи. Очевидно, онъ полагался на мое безпристрастіе.

— Конечно нельзя, сказалъ я,—но чтобы угодить на всѣхъ, ты дѣлай всегда такъ: кто прежде придетъ, того и отпусти прежде. Тогда всякій самъ увидитъ твою невинность.

— Да я такъ всегда и дѣлалъ.

— Опять ты лжешь! сказалъ подступая къ намъ высокій молодецъ.—Еслибы ты поступалъ такъ, то какой безмозгой головѣ пришла бы охота лаяться съ тобой. Нѣтъ, ты очень хорошо знаешь, кому мазать губы масломъ, а кому саломъ. Самъ шайтанъ не потягается съ тобой въ лукавствѣ.

Споръ шелъ очень долго и сдѣлался мало-по-малу общимъ. Большая часть кружка тайли въ душѣ какое-нибудь неудовольствіе противъ кузнеца, но всякій рѣшался высказаться не вдругъ, а по мѣрѣ того какъ возрастало число противниковъ. Кузнецъ видно пользовался порядочнымъ авторитетомъ. Это особенно можно было замѣтить изъ того, что многіе удерживали себя отъ слишкомъ рѣзкихъ нападокъ на него, довольствуясь лишь легкими упреками, очень похожими на дружескія увѣщанія. Я даже думаю, что безъ свирѣпаго джигита едва ли бы кто-нибудь возвысилъ голосъ противъ кузнеца. Несмотря на то, пренія кончились въ пользу его смѣлаго про-

тивника. Кузнецъ обѣщаль соблюдать впредь справедливость, принявъ за правило предложенный мною способъ безпристрастнаго вышолненія своей общественной дѣятельности. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ произнесъ торжественную клятву, что онъ, кузнецъ Бечора, съ этого дня не приметъ никакой, даже самой незначительной, съ булавочную головку, работы, безъ приличнаго къ ней количества угольевъ, да чтобъ тотъ, на кого онъ будетъ работать, надувалъ мѣхи самолично. «Пусть всякій плюнетъ мнѣ въ лицо, если я хоть разъ отступлю отъ своего слова», заключилъ онъ свою длинную тираду. Всѣ согласились, что и кузнецъ имѣеть полное право вѣрнопостоять за свои привилегіи.

— А скажи мнѣ, пожалуйста, правда ли, что Инглизы будто выдумали косу, которой одинъ человекъ можетъ, не сгибая спины, накопить въ день за сотерыхъ? спросилъ меня высокій молодець, одержавшій блистательную побѣду надъ кузнецомъ. Онъ дружески положилъ свою толстую, потрескавшуюся руку на мое правое плечо и весело взглянулъ мнѣ въ лицо, улыбаясь привѣтливо:

— Есть, говорятъ, такая коса, отвѣчалъ я, — но я самъ не видалъ, потому не могу тебѣ сказать, за сколько именно человекъ она можетъ поработать.

— Чортъ возьми, славная штука! восклинули въ кружкѣ.

— Эхъ, кабы имѣть такую! замѣтилъ Хуца, все еще безуспѣшно прилаживавшій рога къ своей вилѣ. — Это было бы для насъ настоящее падишахство. Не правда ли, Ильясъ? А то скребешь, скребешь цѣлый день, набьешь волдыри на ладони, спина одеревенѣеть, шея точно кабанья сдѣлается, ни туда, ни сюда не ворочается, а все не больше двухъ копеекъ накопишь — хоть лонни!

— Сущіе скоты мы, Адиги, если подумаешь хорошенько, проговорилъ се вздохомъ одинъ изъ моихъ сосѣдей, — носомъ воду пьемъ. Сколько есть на свѣтѣ чудесъ, какія и во снѣ никогда не приснятся намъ! А мы не шута увѣрены, что мудренѣе насъ никого ужъ и быть не можетъ на свѣтѣ. Отчего же это? А оттого, что безвѣрная свѣсь обуяла наши сердца, оттого, что и по лѣстницѣ не доберешься до рововъ нашихъ. Чѣмъ же гордимся? Живемъ мы въ такихъ жилищахъ, въ какихъ въ *шалерахъ*¹ посовѣстятся лошадей

¹ Подъ *шалерами* Берды разумѣють вообще бытъ благоустроенныхъ государствъ. Слово это буквально значитъ: городъ.

держатъ. Мы до сихъ поръ не придумали, какъ удержать тепло въ саклѣ. Кладемъ на очагъ заравъ цѣлый возъ дровъ, а жаръ весь уходитъ въ трубу; суемъ носы въ огонь, а искры сыплются въ борода, прожигаемъ платье, чтобы отогрѣть немножко передъ, а задъ мерзнетъ...

-- Да то ли еще разказываютъ про этихъ Инглизовъ! перебилъ Ильясь черезчуръ расхваливаемаго сосѣда, котораго рѣчь угрожала превратиться въ длиннѣйшую диссертацию.—Они, слышно, по воздуху летаютъ, точно крылатые, и котлами горючими пересылаются съ врагами. Такъ ли все это? или это сказки?

— Все это правда, отвѣчалъ я, крѣпко пожалѣвъ въ душѣ, что не въ силахъ нагляднымъ образомъ растолковать любопытнымъ собратьямъ всѣ чудеса Инглизовъ. Понятія мои въ этихъ предметахъ чрезвычайно темны и сбивчивы, благодаря корпусной педагогикѣ, всѣ усилія которой были постоянно направлены къ тому чтобы сдѣлать изъ насъ дисциплинированныхъ дѣтей Марса. Безъ основательнаго же знанія предмета лучше совсѣмъ не покушаться на его объясненіе, если не хочешь уронить въ глазахъ необразованнаго, но умнаго человека, плоды вѣковыхъ усилій человеческого ума.

— Въ какой сторонѣ находится земля Инглизовъ?

Я показадъ на западъ.

— А кто будетъ сильнѣе, Инглизъ или Русскій?

Я, разумѣется, не нашелся что отвѣчать на подобный вопросъ.

— Правду ли говорятъ, что будто всѣ хитрости свои Русскіе взяли у Инглизовъ? продолжалъ депрощикъ.

— Правду.

— Вотъ что! замѣтилъ Хуца. — А мы думали, что ловчѣе Русскаго нѣтъ никого въ мірѣ.

— Инглизъ, сказываютъ, больше въ ладу съ Туркомъ, сказалъ мой сосѣдъ.—Отчего это? Вѣдь онъ одной вѣры съ Русскимъ?

— Вѣрно оттого, что они спорятъ другъ съ другомъ о силѣ, догадался кто-то.—А такъ какъ Турки сильнѣе изъ обонхъ, то они, значитъ, и заискиваютъ у нихъ.

Засѣдатели холма обнаруживаютъ вообще большое сочувствіе къ Туркамъ. Видно, имъ не извѣстно, что предки наши совсѣмъ иначе смотрѣли на широкіе шаровары. Я могъ бы, конечно, сообщить имъ одинъ изъ трогательнѣйшихъ примѣ-

ровъ проявленія взаимной дружбы Адиговъ съ Турками. Не далѣе пяти или шести верстъ отъ нашего холмика, дѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, отцы наши весьма неучтиво обратили, въ самую рѣшительную минуту, оружіе противъ своихъ союзниковъ, Османовъ, и, разграбивъ ихъ богатый лагерь, преспокойно удалились въ свои горы. Этотъ поступокъ тѣмъ болѣе не деликатенъ, что совершенно предалъ довѣрчивыхъ шароварниковъ во власть Русскихъ. Но я зналъ, что засѣдатели холма ни за что на свѣтъ не повѣрили бы мнѣ; еще, чего добраго, сочли бы меня клеветникомъ. Что мнѣ за нужда огорчать безъ всякой пользы этихъ добрыхъ людей и вооружать ихъ опять противъ себя? А они съ такимъ восторгомъ повторяютъ разказы своихъ мекскихъ богомольцевъ о неслыханномъ богатствѣ и силѣ Турокъ, о ихъ мраморныхъ палатахъ съ золотыми крышами, и тысячь другихъ чудесъ. Благодетельные хаджи, очевидно, почерпнули эти свѣдѣнія изъ своей услужливой фантазіи или изъ *Тысячи одной лочи*.

— Да, заключилъ одинъ старикъ, сидѣвшій поодаль отъ меня, — жизнь наша такъ же далека отъ жизни *шехеровъ*, какъ небо отъ земли.

— Когда это было сказано, насъ съ тобою, Теувежъ, не было еще въ материнской утробѣ, съ ироніей возразилъ другой старикъ, съ свѣжимъ, здоровымъ лицомъ, очень плотнаго тѣлосложенія, одѣтый въ новую желтаго цвѣта черкеску; бешметъ и рубашка его были вымыты очень чисто. Онъ сидѣлъ посрединѣ круга, опершись подбородкомъ на красивую палку, съ лопатообразнымъ концомъ. — Живемъ, какъ указано Аллахомъ, какъ жили отъ созданія міра отцы наши. Передѣлать себя не въ нашей волѣ... Но не о томъ хочу рѣчь вести. Я желаю знать, распорядились ли вы насчетъ выхода въ поле на покосы, наняты ли караульщики бахчей отъ кабановъ, проса отъ скотины и саранчи. Думаю, пора позаботиться объ этомъ. Мы каждый день собираемся здѣсь, болтаемъ вздоръ, а время уходитъ. Не мѣшало бы намъ брать примѣръ съ сосѣдей нашихъ, *Иванычей*¹. Посмотрите, сколько накопили они сѣна: цѣлыя горы стоговъ повыстроили. Они взяли уже за серпъ.

¹ Черкесы въ шутку называютъ Русскихъ «дѣтьми Ивана», вѣроятно потому, что у Русскихъ часто встрѣчается это имя.

Кружокъ притихъ и съ глубочайшимъ вниманіемъ прислушивался къ голосу почтеннаго старичка. Вопросъ, имъ затронутый, былъ близокъ къ сердцу каждаго изъ холмовниковъ, да и самъ ораторъ — лицо весьма значительное изъ рабочаго люда въ нашемъ аулѣ. Поэтому все что ни вымолвить онъ должно получать особенный вѣсъ и значеніе. Кто и не признаетъ надъ собою его авторитета, а все считаетъ нужнымъ не пропускать мимо ушей умныхъ замѣчаній его касательно разнаго рода общественныхъ нуждъ. Старикъ этотъ, какъ видно, не расположенъ попусту тратить слова. Рѣчь его обдуманна и ясна. Произноситъ онъ ее какъ будто не совсемъ охотно, но коротко и отчетливо. Въ движеніяхъ и въ звукѣ его голоса отзывается сознаніе собственнаго достоинства, но безъ тѣхъ рѣзкихъ оттѣнковъ, которые неприятно звучатъ въ ухахъ слушателя и оскорбляютъ его самолюбіе. Человѣкъ этотъ, сколько мнѣ удалось замѣтить въ продолженіи моего пребыванія на холмѣ, имѣетъ похвальную привычку говорить не прежде какъ обдумавъ свою мысль, обстоятельно и со всѣхъ концовъ. Можетъ-быть эта черта не стѣбитъ того, чтобы указывать на нее какъ на особенное отличіе, но я встрѣчалъ очень немного людей, даже въ обществѣ несравненно болѣе образованномъ чѣмъ сѣрый кружокъ холма, которые обладали бы подобнымъ качествомъ. По словамъ пріятели моего, Сольмана, который, между высокими матеріями, не брезгаетъ сообщить мнѣ иногда краткія біографическія свѣдѣнія о важнѣйшихъ лицахъ нашего аула, съ присовокупленіемъ поучительныхъ анекдотовъ, Исмель — «извѣстный старый кабанъ». Это, по его терминологіи, равняется самой высокой похвалѣ. «Ты не смотри, что онъ обручемъ свернулся: и въ такомъ видѣ не промѣняешь его на десять кислыхъ дѣтинъ.» Изъ отрывочныхъ замѣчаній *фильсуфа* объ Исмель, я извлекъ слѣдующее: Исмель — глава зажиточнаго семейства, въ которомъ дружно, въ добромъ согласіи, работаютъ четверо здоровыхъ сыновей его. Старикъ самъ никакими тяжелыми работами не занимается, а такъ-сказать кейфуетъ, послѣ долгой трудовой жизни. Только иногда подмететъ дворъ, изъ конюшни и хлѣва выкинетъ навозъ, осмотритъ по утрамъ, передъ тѣмъ какъ *ребятамъ* его нужно куда-нибудь ѣхать, колеса подъ арбами, довольно ли надежны они для предстоящаго путешествія. Вообще, онъ не можетъ просидѣть часа два ничего не дѣлая. Не руками, такъ словомъ да совѣтомъ пособлауетъ сыновьямъ. По-

слѣднимъ онъ не даетъ ни въ чемъ спуску, изъ боязни, чтобъ *эти щенята* не вздумали когда-нибудь съѣсть ему на шею. Поэтому приходится ему иногда выдерживать маленькія атаки со стороны, очень впрочемъ доброй и всею душой преданной ему, подруги жизни. Подобныя стычки никогда не доходятъ у нихъ до крупныхъ словъ, а всегда оканчиваются легонькими выраженіями взаимныхъ неудовольствій. Самымъ худшимъ результатомъ этихъ размолвокъ бываетъ удаленіе Исмея въ пчельникъ, что позади его сакли, и упорное желаніе его не впускать туда никого изъ своего семейства. Старуха, баба весьма трусливая по природѣ, приходитъ тотчасъ въ отчаяніе, воображая вдругъ, что она нанесла своему старику тяжкое оскорбленіе, и призываетъ немедленно въ посредники старика-сосѣда, ровесника и большаго пріятеля Исмея. Посредникъ стучится въ притворенную дверь пчельника и покашливаетъ, чтобы дать о себѣ знать. Исмель молча впускаетъ его въ свою крѣпость. «Что ты, братецъ, съ ума что ли сошелъ на старости лѣтъ, что ссориться съ бабами?» говоритъ посредникъ. — «Я ни съ кѣмъ не ссорюсь; откуда ты это взялъ?» спрашиваетъ будто съ изумленіемъ Исмель. — «Ну и хорошо, значить, если ни съ кѣмъ не поссорился, говоритъ посредникъ; — а я, по глупости своей, воображилъ, будто ты не совѣмъ въ духѣ. Это, должно полагать, оттого, что я только что проснулся. Пойдемъ-ка, братецъ, въ саклю; что тутъ сидѣть между пчелами и слушать ихъ жужжанье?» Исмель сначала упирается, отговариваясь тѣмъ, что матку нужно пересадить изъ одного улья въ другой; но посредникъ уламываетъ его. А какъ очутятся они вмѣстѣ въ саклѣ, то примиреніе супруговъ совершается уже само собою. Изъ этого видно, что Исмель на холмѣ, и Исмель дома — немножко расходится другъ съ другомъ. Впрочемъ, это свойство принадлежитъ всему роду человѣческому. Отъ колыбели до зрѣлаго возраста своей жизни, Исмель былъ холопомъ одного вѣтренаго джигита, который, въ погонѣ за дворянскою славой, разорился въ конецъ на щедрые подарки и на угощенія многочисленныхъ друзей своихъ. А между тѣмъ жена этого господина, большая щеголиха, требовала настойчиво нарядовъ, ссылаясь на то, что у сосѣдокъ что ни день, то обнова, а она, несчастная, все старое donaшиваетъ. Хотя джигитъ и не придавалъ большой важности горестямъ своей *глупой домашней*, однако сердцу его не могло быть пріятно и соперничество съ нею сосѣдокъ.

Одно только мѣшало ему немедленно удовлетворить желанію своей супруги: это самая непобѣдимая изъ всѣхъ причинъ—неимѣніе средствъ. Но горю пособила сама хозяйка, которая, какъ видно, одарена была несравненно большею проницательностію и изворотливостію ума нежели ея мужъ. Она безпрестанно указывала на хлѣвъ умнаго крестьянина, полный рогатымъ скотомъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока голый джигитъ не рѣшился, наконецъ, отпустить на волю своего холопа со всѣмъ семействомъ, удержавъ за собою все его имущество, и такимъ образомъ не доставилъ своей супругѣ возможности кохнуть новымъ шелковымъ платьемъ глаза ненавистнымъ соперницамъ. Исмель же, вырвавшись на волю, какъ говорится, съ голыми руками за пазухой, перенесъ свою саклю и дворъ какъ можно далѣе отъ своего бывшаго господина, и принялся неутомимо работать, какъ только можетъ работать человѣкъ для себя. Года два пасъ онъ аульное стадо, и у него явилась пара быковъ; одно лѣто караулилъ по ночамъ пчельникъ соотѣда, и у него появились ульи; затѣмъ нанялся онъ нагодъ въ пастухи овецъ у одного богатаго обывателя аула. Черезъ нѣсколько лѣтъ усиленныхъ, неохлаждаемыхъ ничѣмъ трудовъ, онъ успѣлъ не только обзавестись новымъ хозяйствомъ, но и сталъ наравнѣ съ зажиточнѣйшими семействами аула. Къ этому времени подросли сыновья его, и стали выѣзжать со двора на четырехъ арбахъ—благополучіе, котораго достигаютъ немногіе изъ застѣдателей холма. Исмель началъ держать плугъ, то-есть образовалъ вокругъ себя большую артель, семей въ двадцать, для совмѣстнаго вспахиванія участка cadaго изъ членовъ артели поочереды. Такъ какъ онъ очень ловко управлялъ плугомъ, держа его всегда въ отиѣнномъ порядкѣ, не обижалъ никого изъ примкнувшихъ къ нему товарищей, то всѣ любили и уважали его. Въ аулѣ же, гдѣ всего на-все полтора ста или сто домовъ, тотъ, кто пользуется расположеніемъ двадцати семействъ, можетъ быть всегда увѣренъ, что имя его произносится съ должнымъ почтеніемъ и во всѣхъ остальныхъ семьяхъ. Къ этому нужно еще прибавить весьма оригинальное между Черкесами значеніе *сосѣдства*, придающее особенный вѣсъ достаточнымъ семействамъ. Однимъ словомъ, обстоятельства и личныя качества поставили Исмеля и его семью въ самое выгодное положеніе между всѣми застѣдателями холма. Исмель—вообще довольно добръ, если не изъ внутренняго побужденія, то по крайней мѣрѣ

изъ разчетовъ; онъ примиряетъ силою своихъ совѣтовъ семейныя и другія распри; никогда не отказывается надежному человѣку дать въ долгъ копну сѣна или мѣру проса; вообще, принимаетъ доброе участіе въ слабѣйшихъ братьяхъ. Въ награду за свои благодѣянія, онъ требуетъ отъ нихъ малости — почтенія къ своей особѣ и къ своему семейству. Онъ не можетъ равнодушно смотреть на тѣхъ изъ своего круга, кто осмѣливается противорѣчить ему. Поэтому, злѣйшимъ врагомъ его слыветъ противникъ кузнеца, человѣкъ, кажется, не способный смиряться передъ общепризнанными авторитетами, и котораго, говорятъ, Исмель выгналъ изъ своей артели. Есть, разумѣется, и много другихъ личностей межъ засѣдателями холма, которыя не во всемъ слушаются Исмеля, но онѣ умѣютъ скрывать свои чувства и мысли въ душѣ и посмѣиваться изподтишка. Все-таки, въ окончательномъ итогѣ, перевѣсъ остается на сторонѣ почитателей особы Исмеля. Это лучше всего можно видѣть изъ того обстоятельства, что молодые повѣсы, обнаруживающіе неудержимое пополазованіе къ амбарамъ и копнамъ чьимъ быто ни было въ аулѣ, обходятъ почтительно все принадлежащее Исмелю. Какъ бывший холопъ, Исмель не любитъ дворянскаго сословія и избѣгаетъ всякаго сближенія съ нимъ; но прежній господинъ его, въ скоромъ времени спустившій отобранное у него имущество, нашелъ въ немъ покровителя и благодѣтеля. Исмель ежегодно удѣляетъ ему часть своего проса, а во время жертвоприношенія посылаетъ къ нему и къ женѣ его по хорошей овцѣ. Сверхъ этого опредѣленнаго жалованья, семейство обнищавшаго джигита безпрестанно прибѣгаетъ къ помощи Исмелевой хозяйки и получаетъ отъ нея, хотя не безъ нѣкотораго ворчанія старушки, все нужное для дневнаго пропитанія—масло, молоко, сыръ, яйца и мясо. Но никто изъ засѣдателей холма не видалъ до сихъ поръ, чтобъ Исмель перешагнулъ когда-нибудь черезъ порогъ своего бывшаго господина, или при встрѣчахъ съ нимъ на улицѣ, или въ иномъ мѣстѣ, обернулся къ нему лицомъ и сказалъ ему хоть одно слово.

— Исмель правду говоритъ, отзывались со всѣхъ сторонъ.— Трава уже стала высыхать, надо поторопиться снять ее съ корня; да и скотъ вытопталъ много покосовъ.

— Да и хлѣбъ выждетъ много-много если дней двадцать. Колосья совсѣмъ налились. Вчера я нарочно ходилъ поглядѣть, и отъ радости чуть шапка не слетѣла съ головы. Въ жизнь не ви-

дывалъ я такого урожая. Валлахѣ, намъ слѣдовало бы цѣлымъ ауломъ заколоть самаго жирнаго быка въ стадѣ, и поблагода- рить Аллаха...

— Ужь ты бы лучше молчалъ, перебилъ кто-то говоря- шаго.—Чего раскаркался чернымъ ворономъ? Того и смотри, что туча крылатыхъ дьяволовъ налетитъ.

— Правовѣрное собраніе! Любимцы Божіи! возгласилъ вдругъ тоненькимъ дискантомъ мущина среднихъ лѣтъ, небольшого роста, съ необыкновенно-веселыми подвижными глазками, одѣ- тый въ коротенькій *кобенекъ*¹. Онъ вошелъ въ кругъ, отчаянно размахивая руками, вѣроятно чтобы придать себѣ больше храбрости.—Еще въ прошломъ году просилъ я васъ пору- чить мнѣ стеречь бахчи, и вы мнѣ обѣщали. Не ищите же теперь, будьте такъ ласковы, другаго; надѣюсь, я успѣлъ за- служить ваше довѣріе...

— Не трать словъ напрасно! окатилъ вдругъ кипяткомъ вертляваго оратора неумолимый побѣдитель кузнеца, порыва- ясь къ новой жертвѣ.—Знаемъ мы, какой ты славный свино- пасъ! По милости твоей, мы два года сряду не видали въ глаза кукурузы. Какая чума велитъ намъ выбрать тебя въ третій разъ? Благодарю Бога и за то, что два раза удалось тебѣ надуть насъ. Вѣдь и съ овцы двухъ шкуръ не дерутъ.

— Да, ты черезчуръ ужъ былъ въ дружбѣ съ кабанамъ, замѣ- тили многіе изъ толпы.

— Съ одними ли кабанамъ? А *созтъ*² забыли? добавили другіе.

Вертлявый джигитъ, повидимому не ожидавшій подобнаго отпора, на минуту оторопѣлъ и смѣшался. Игривые глазки его съ тупымъ недоумѣніемъ остановились на грозной фи- гурѣ Ильаса.

— Ты это говоришь вправду или шути? могъ только произнести онъ послѣ значительной паузы.

— Вишь гдѣ нашелъ мѣсто для шутокъ, отвѣчалъ вмѣсто Ильаса глухой голосъ съ краю.—Онъ будетъ угощать нашею кукурузой свиней, а намъ еще заигрывать съ нимъ да за- бавлять его прибаутками.

— Да скажите на милость, когда это угощаль я свиней?

¹ Родъ курткі изъ холста, исключительно употребляемый крестья- нами.

² Учащееся юношество.

простоялъ жалобно *кобенекъ*.—Будь я врагъ Божій, если не первый разъ слышу такіа новости!

— Не мудрено, отвѣчалъ на это Ильясъ.—Вѣдь у тебя не было своей бахчи, такъ и не зачѣмъ тебѣ было знать, сколько мѣрокъ кукурузы собрано нами съ полосы. Ты получилъ что слѣдовало и умылъ руки. И свиньи, что скушали нашу кукурузу, я думаю, нисколько не печалятся нашими неудовольствіями.

— Эхъ, Ильясъ, Ильясъ! не боишься ты ни гнѣва Божьяго, ни суда людскаго, съ упрекомъ произнесъ *кобенекъ*, не зная что отвѣчать на слова Ильяса.—Одинъ ты мутить грязью весь аулъ. Словно бѣшеная собака кидаешься ты на всякаго, не разбирая ни праваго, ни виноватаго. Некому на этомъ свѣтѣ переломить тебѣ рога, но Богъ дастъ, на томъ свѣтѣ черти вытянутъ изъ затылка нечестивый твой языкъ.

— Не знаю, что черти сдѣлаютъ съ моимъ языкомъ, насмѣшливо возразилъ Ильясъ, — но, при воскресеніи мертвыхъ, ты непременно попадешь въ общество свиней, какъ закадычный другъ и покровитель ихъ при жизни.

— Что же, для Хантхупса это не дурно, замѣтилъ прежній глухой голосъ съ краю.—Свиньи, вѣрно, не откажутся прокатить его на своихъ спинахъ по аду.

— Какъ бы еще въ рай не завезли его, занкнудся было одинъ неопытный молодой человѣкъ; но нѣсколько человѣкъ накинулись на него тотчасъ съ упреками, и заставили жестоко раскаяться въ необдуманномъ словѣ.

— Что ты? что ты? съ уха сошелъ? съ ужасомъ проговорили они въ одинъ голосъ.—Развѣ можно жилище Аллаха и пророковъ осквернять именемъ проклатата животнаго? Каѣся скорѣе! читай молитву! А какъ придешь домой, дай что-нибудь нищимъ.

Бѣдный молодой человѣкъ былъ такъ уничтоженъ и нацуганъ, что совершенно лишился способности ворочать языкомъ. Напрасно силился онъ произнести хоть одно слово очистительной молитвы, которую совѣтовали ему немедленно прочитать во всеуслышаніе; онъ только быстро моргалъ вѣками глазъ. Этотъ маленькій эпизодъ приостановилъ на мгновение споръ Ильяса съ Хантхупсомъ; но послѣдній, поджигаемый страстнымъ желаніемъ возстановить за собою славу хорошаго караульщика бахчей, скоро отвлекъ вниманіе кружка отъ прозинившагося молодаго человѣка. Не полагаясь болѣе

на свое краснорѣчіе, онъ попытался, нельзя ли какъ-нибудь разжалобить сердца холмовниковъ.

— Защитите, правовѣрные мужи, бѣднаго человѣка отъ гнусной клеветы и зависти, пропичаль онъ чуть не со слезами. — Если я точно провинился въ чемъ, накажите меня цѣлымъ ауломъ, но не давайте вѣры моему недоброжелателю. Если же я невиненъ, не лишите меня своей милости. Ради самого Аллаха, судите меня по чистой совѣсти.

Патетическое воззваніе Хантхупса еще пуще раздражило Ильяса. Голосъ его загремѣлъ съ новымъ жаромъ, возбуждая въ толпѣ единодушный смѣхъ и одобреніе. Ильясъ и тутъ заявилъ себя горячимъ и ловкимъ борцомъ. Онъ какъ дважды-два—четыре доказалъ, что Хантхупсъ недобросовѣстно выполнялъ ввѣренную ему обязанность. Пользуясь отсутствіемъ мушницъ изъ аула, онъ преспокойно ночевалъ дома, только на разсвѣтѣ возвращался къ своему мѣсту, и то затѣмъ, чтобы, сидя въ шалашѣ, звать на проѣзжихъ по большой дорогѣ. Ильясъ говорилъ, что хрюканье свиней нагоняло издали на Хантхупса смертельный страхъ. Одинъ изъ толпы подтвердилъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ что Ильясъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, почерпалъ больше изъ своего воображенія да изъ чужихъ толковъ. Изъ этого видно, какъ таердо вѣрилъ Ильясъ въ силу своей діалектики. Вообще, сколько я могу судить, это одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ природа надѣлила самую широкою гортанью и дерзкою, ни передъ чѣмъ не робѣющею, отвагой. Перекричать такихъ людей такъ же трудно, какъ уличить законсѣлаго сорванца въ явномъ воровствѣ. Эти врожденные качества развились въ немъ еще болѣе вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ. По рожденію, Ильясъ принадлежалъ къ дворянскому сословію. Въ молодости онъ находился, поочереды, при дворѣ нѣсколькихъ князей, въ качествѣ спутника и присмотрщика за кунякою и конюшнею. Но женитьба на любимой женщинѣ, безъ всякихъ средствъ къ существованію, вынудила его бросить поведенія и взяться за ярмо. Послѣ такого подвига, Ильясъ сравнялся во всемъ съ крестьянами и вольноотпущенниками, работалъ, какъ и они, собственными руками для пропитанія своей семьи. Но мысль о дворянскомъ происхожденіи ни на минуту не покидала его. Поставленный обстоятельствами на одну доску съ холмовниками, онъ однако

бился изъ всѣхъ силъ, чтобъ отстоять свое дворянское достоинство и заставить окружающихъ уважать его...

Новый сторонникъ Ильяса окончательно поразилъ бѣднаго Хантхупса. «Разъ ночью, разказывалъ онъ, шелъ я съ покоса домой, за пшеномъ. Поравнявшись съ бахчами, слышу вдругъ: хрю! хрю! Эге-ге, подумалъ я, это дѣтки Хантхупса изволятъ потѣшаться; и я не ошибся. Цѣлое стадо свиней, съ дѣтенышами, расхаживало по бахчѣ, кувыркалось на грядкахъ, рыло клыками землю. Кукуруза трещала на всю долину. Еле-еле выгналъ я проклятыхъ оттуда: знать не впервой бывали они въ гостяхъ у Хантхупса, совсѣмъ не пугались моихъ криковъ, словно ручныя сдѣлались. Я могъ бы ловить ихъ за хвосты, еслибы не боялся оквернить руки. О сохтахъ же и поминать нечего: чтѣ уцѣлѣло отъ свиней, перешло въ ихъ желудки—чтобы камни нашей рѣчки попали туда! Горы кукурузныхъ объѣдковъ и теперь еще стоятъ около медресе. Сохты таскали кукурузу изъ бахчи мѣшками, не только по ночамъ, но и среди дня.

— Да отсохнетъ языкъ у того, кто говоритъ неправду! громко провозгласилъ стройный, красивый юноша, стоявшій внѣ круга и, какъ видно, не раздѣлявшій его интересовъ. Одежда и наружность его свидѣтельствовали, что онъ принадлежитъ къ другому классу аульнаго населенія.

— Ага, откликнулся! видно знаетъ кошка, чье мясо съѣла, отвѣчало нѣсколько человекъ на выходку юноши.

— Ай-да, молодецъ, ученый! насмѣшливо подхватили другіе.

— Будь я такой же герой курятниковъ и огородовъ, какъ ты и тебѣ подобные, если я сказалъ неправду! отвѣчалъ разкащикъ:—а тебѣ прошу у Бога сто палочныхъ ударовъ въ пяты, какъ только вернешься въ свой медресе, если ты самъ таскалъ на плечѣ кукурузу изъ бахчи. Согласенъ?

Несчастный питомецъ медресе покраснѣлъ до самыхъ пятокъ и, опозоренный, поспѣшно удалился отъ враждебнаго сборища, куда попалъ онъ, повидимому, по ошибкѣ. Мальчишки преслѣдовали его криками: «недозрѣлый мулла! лепешечникъ! кукурузникъ! курица! индюкъ! ва-ва-ва, ни-ни-ни!» Онъ шагаль быстро, опустивъ голову, не оглядываясь назадъ, даже когда попадали ему въ спину довольно крупные камни.

— Зачѣмъ обижаютъ его? замѣтилъ я, не утерпѣвъ.

— Помилуй, отвѣчалъ мнѣ мой сосѣдъ,—какъ не обижать этихъ людей? Вѣдь они хуже всякой саранчи, въ конецъ насъ поѣдаютъ. Нѣтъ силъ человѣческихъ избавиться отъ нихъ, видно, Богъ караетъ ими грѣхи наши.

Нечего было мнѣ возражать на эту горячую филиппику, хотя я душевно желалъ бы защитить бѣднаго юношу, оскорбленнаго, можетъ быть, безъ всякой причины, потому только, что на бѣду свою онъ принадлежалъ къ сословію сохтъ. А сохты, видно, не мало насолили, подъ защитою учености, своимъ неграмотнымъ собратіямъ. Любопытно бы поближе познакомиться съ ихъ бытомъ. При первомъ удобномъ случаѣ воспользуюсь добрымъ расположеніемъ ко мнѣ нашего эфендія. Онъ, безъ сомнѣнія, не откажетъ мнѣ въ позволеніи посѣщать почаще, во всякое время, медресе. Разумѣется, послѣ обличеній Ильаса и сторонника его, кредитъ бывшаго оберегателя бахчей палъ невозвратно. У него не осталось ни одного шанса къ удержанію за собою легкаго и прибыльнаго занятія, которое избавляло его отъ непріятной необходимости набивать на рукахъ мозоли да гнуть спину въ три погибели. Каждый имѣющій бахчу даетъ караульщику по копнѣ сѣна да по мѣшку неочищенной кукурузы. А кто же въ аулѣ не съѣтъ кукурузы? Ударъ, кажется, былъ слишкомъ чувствителенъ для сердца Хантхупса, потому что онъ попытался вознаграждать себя за поражение на словахъ болѣе ощутительною побѣдой на дѣлѣ и замахнулся съ плеча палкой на высокаго Ильаса. Но послѣдній, видно, всѣмъ взялъ, и словомъ, и дѣломъ. Не имѣя у себя въ рукахъ палки, онъ вмигъ выхватилъ ее у сосѣда, и въпилъ въ самую средину вражяго лба такой почтенный щелчокъ, что Хантхупсъ выронилъ свою дубину и, закрывъ обѣими руками лицо, присѣлъ на корточки. «Вай, вай!» кричалъ онъ благимъ матомъ. «Убилъ, собака! ей Богу, совсѣмъ убилъ, собачій сынъ!»

— Тес! тес! уговаривали его подоспѣвшіе къ нему на помощь.—Или ты баба? Развѣ можно мушницѣ такъ ревѣть? Мушницѣ не только палки, да и оружія приходится попробовать. Стыдись, Хантхупсъ! ребята на смѣхъ подымутъ.

— Вай, вай, вай! отвѣчалъ на эти увѣщанія Хантхупсъ:—убилъ, мошенникъ, убилъ, собачій сынъ!

— Эка старая баба! съ пренебреженіемъ и досадою проговорилъ одинъ изъ уговаривавшихъ Хантхупса, и потомъ

скомандовалъ: — стащите его къ жёнѣ, пусть тамъ плачутъ вмѣстѣ.

Ранедаго рыцаря подхватили и повели подъ руки къ воротамъ торжественною процессіей, будто трупъ какого-нибудь храбраго витязя, павшаго съ честію въ битвѣ съ Русскими.

Суматоха скоро утихла. Тѣ, которые поднялись на ноги чтобы разнять ссорившихся, снова заняли свои мѣста. Обсужденіе вопросовъ на время прекратилось. Всѣ молчали. Одни строгаи свои вилы и лопаточки для точенія костей, другіе съ ожесточеніемъ мѣли въ рукахъ бычачью кожу на лапти для предстоящаго покоса, иные ковыряли концомъ своихъ палокъ землю или внимательно заглядывали въ пушистую внутренность своихъ шапокъ, а остальные (въ томъ числѣ и я) сидѣли ничего не дѣлая. Одинъ Ильясъ торчалъ надъ безмолвною толпою въ величественной позѣ Аполлона Бельведерскаго, подставивъ подъ мышку дубину, между тѣмъ какъ хозяинъ ея, маленькій человѣчекъ, которому, повидимому, очень не нравилось, что другой пожиналъ ея лавры побѣды, напрасно старался выдернуть палку изъ рукъ Ильаса. Ильясъ, занятый какими-то соображеніями, совсѣмъ не замѣчалъ присутствія маленькаго человѣка... Но вдругъ смѣлый боецъ пошатнулся и стремглавъ полетѣлъ внизъ по покато-сти холма, приплюснувъ на пути нѣсколько совершенно безвинныхъ засѣдателей къ землѣ, да такъ крѣпко, что они не скоро могли потомъ приподняться и привести свои мысли въ порядокъ. Длинная фигура Ильаса легла, распластавшись богатырски, у подножія холма лицомъ къ землѣ. Засѣдатели холма всѣ безъ исключенія вскочили въ страшномъ изумленіи, словно по командѣ. Разумѣется, не могъ усидѣть и я, при видѣ такого страшнаго оборота дѣла. «Что бы, однако, значило это?» думалъ я, озираясь вокругъ себя. Не успѣлъ я еще рѣшить этотъ вопросъ, какъ поверженный Геркулесъ очутился уже на ногахъ. Багровый румянецъ стыда, смѣшаннаго съ гнѣвомъ, до того искажилъ черты его лица, что трудно было узнать его. Секунду постоялъ онъ въ недоумѣніи, соображая, какой несчастный дерзнулъ поднять на него руку. Глаза его, несмотря на то, что еще не совсѣмъ прояснились отъ тумана, мигомъ отличили въ густой толпѣ виновника. Онъ рванулся, но десять человѣкъ вцѣпились въ

него, за поясъ, плечи, руки, ноги, и тяжелыми гириами повисли на немъ.

— Ильясь, опомнись, ради Бога! вѣдь ты не ребенокъ; перестань, просимъ тебя! Зачѣмъ ссориться изъ пустяковъ? уважь насъ, упрасивали его всѣ хоромъ.

— Пустите! ревълъ онъ, словно раненый левъ, бѣшено вырываясь изъ рукъ и влача за собою сердобольныхъ посредниковъ, которые упирались въ землю ногами и руками, точно быки. Противникъ высокаго Ильяса, воспользовавшись тѣмъ что его никто не удерживалъ, прошелся раза два небольшою тростью по обнаженной, гладко выбритой головѣ его. Только послѣ этой операціи догадалась толпа, что и его ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало оставлять съ свободными руками. Вцѣпились и въ него.

— А! такъ вы меня отдаете собакѣ на посмѣяніе, кричалъ Ильясь, задыхаясь отъ гнѣва. — Не дѣлайте этого, ради Аллаха... лучше завяжите мнѣ глаза... и тогда пусть онъ хоть убьетъ меня. А не то, пустите меня... умоляю, дайте мнѣ посмотрѣть, каковъ этотъ молодецъ спереди... а сзади онъ нападаетъ храбро.

— Погоди ты еще у меня! голову размножу! кричалъ съ своей стороны и противникъ...

Какъ ни крѣпко держали холмовники свирѣпыхъ бойцовъ, и какъ, по видимому, усердно ни старались не допустить ихъ до столкновенія, однако они нашли возможность нѣсколько разъ схватить другъ друга зашиворотъ, при чемъ посыпались съ той и другой стороны на землю ключья волосъ изъ бороды, и у обоихъ разорваны были ворота рубахъ. Мнѣ даже показалось, будто примирители сами незаметно подталкивали противниковъ другъ къ другу. Въ тотъ же вечеръ догадку мою на этотъ счетъ подтвердилъ и пріятель мой Сольманъ. «Это совсѣмъ не новость,» говорилъ онъ, «такъ всегда бываетъ». При этомъ онъ обстоятельно изложилъ свою теорію вмѣшательства въ чужіе споры, подкрѣпляя ее свидѣтельствами изъ прошлаго и настоящаго. По этой теоріи, всякій Адигъ, вмѣшиваясь въ драку двухъ человѣкъ, имѣетъ прежде всего въ виду дать рукамъ ихъ свободу, но лишь на столько, чтобъ они могли успокоить раздраженные сердца свои незначительными потасовками. Примирители, въ этомъ случаѣ, поступаютъ довольно умно. Впервыхъ, они не допускаютъ разыграться вполне бѣшенымъ страстямъ, а во-

вторыхъ, доставляютъ себѣ невинную забаву зрѣлищемъ не опасной стычки. Спасибо имъ и за такую умѣренность, особенно если принять во вниманіе, что исходъ непріязненныхъ столкновений зависитъ всегда отъ ихъ доброй воли. А человекъ, какъ извѣстно, вообще по природѣ своей нѣсколько кровожаденъ и не прочь полюбоваться на чужую бѣду, лишь бы самому оставаться въ сторонѣ. Потому-то вѣроятно рѣдкое зрѣлище привлекаетъ къ себѣ такъ много людей, какъ эшафотъ и висѣлица. Разнимавшіе Ильяса и его противника, полагая что бойцы достаточно удовлетворились взаимными потасовками, растащили ихъ въ разныя стороны, и образовали между ними плотную стѣну изъ своихъ спиць. Поднялся невообразимый гвалтъ. Толпа, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, раздѣлилась на два лагеря. Одинъ громко упрекалъ высокаго Ильяса за его буйный, навязчивый характеръ; другой нападалъ на незваннаго защитника Хантхупса, котораго всѣ признали виновнымъ. Среди общаго невнятнаго гула нельзя было ничего разобрать.

— Скажи, ради души отца, что все это значитъ? спросилъ я одного чахлаго старичка, который стоялъ поодаль отъ другихъ, ограничиваясь, подобно мнѣ, ролью простаго наблюдателя.

— Дерутся, какъ видишь.

— Вижу, что дерутся, но за что?

— Развѣ не было тебя здѣсь, когда вонъ этотъ высокій ударилъ караульщика бахчей?

— Былъ.

— Ну, а этотъ молодецъ, что сбилъ съ ногъ высокаго, близкій сосѣдъ караульщика; сакли ихъ подъ одною кровлей, такъ не ловко разиня ротъ глядѣть, какъ бьютъ сосѣда.

— Понимаю. Но чѣмъ кончится эта ссора? До оружія, пожалуй, дойдетъ?

— Нѣтъ, хладнокровно отвѣчалъ мой собесѣдникъ.—Враги покосятся мѣсяца два другъ на друга, будутъ избѣгать встрѣчи, а потомъ и помирятся сами собою, или люди заставятъ ихъ ударить по рукамъ. Кто больше виноватъ, долженъ простить обиженнаго, бузу сварить для него и барана зарѣзать.

Я успокоился, получивъ такое удовлетворительное объясненіе. На холмѣ, значить, свои законы мести и примиренія, не похожіе на законы кунацкой.

Увидя, мало-по-малу, и взволнованный кружокъ, накри-

чавшись досыта. Сосѣдъ караульщика удалился по совѣту старѣйшихъ съ холма, въ пріятномъ сознаніи, что онъ выполнилъ со славою долгъ всякаго благороднаго Адига и обязанность хорошаго сосѣда.

— Это тебѣ даромъ не пройдетъ, собачій сынъ! Ты у меня въ долгу, не забудь! кричалъ вслѣдъ ему Ильясъ.

— Хорошо, отвѣчалъ тотъ такимъ тономъ, какъ будто ему сказали: приходи, братъ, вечеркомъ покушать у меня горячей баранины!

— Вотъ какъ кончаются у насъ всегда совѣщанія о дѣлахъ нашихъ, съ большою горечью замѣтилъ старикъ Исмель. — Чума насъ побери! Когда несемъ чепуху, никому и въ голову не придетъ вѣяться за палку. А чуть коснешься настоящаго дѣла, того и жди, что начнется потасовка.

— Что будешь дѣлать? Такова, значить, воля Божья, отвѣчалъ съ благоговѣніемъ другой старикъ, погладивъ свою пепельнаго цвѣта бородку. — Не дано человѣку силы побѣждать судьбу.

— Судьба судьбой, а насчетъ покоса все-таки надо подумать, заговорили съ разныхъ концовъ кружка. — Долго ждать не возможно, иначе останемся безъ соломинки на зиму.

На этотъ разъ дѣло о покосѣ пошло удачнѣе. Кружокъ не такъ уже рѣзко расходился въ своихъ мнѣніяхъ. Этому, конечно, не мало содѣйствовала недавняя схватка, которая дала уразумѣть людямъ безпокойнымъ, что съ ними, чего добраго, можетъ повториться то же, что и съ высокимъ Ильясомъ, сидѣвшимъ теперь очень скромно въ сторонѣ. Можно бы подумать, что у высокаго джигита отбили окончательно всякую охоту вмѣшиваться въ пренія; но думать такъ значило бы совсѣмъ не знать его. Въ то время, какъ говорилъ старикъ Исмель, Ильясъ безпокойно подергивался. Онъ нѣсколько разъ порывался прервать рѣчь старика, косвенно направленную противъ него; но умѣлъ обуздать свою неукротимую натуру, хотя, вѣроятно, это стоило ему не малыхъ усилій. Ильясъ отдыхалъ отъ усталости, набирался свѣжихъ силъ, чтобы снова выступить на свое специальное поприще обличеній и горячаго протеста. Страстная природа этого человѣка не можетъ ничего разсудить хладнокровно—это не ея дѣло. Она дѣйствуетъ въ какомъ-то чаду, подъ вліяніемъ какого-то необъяснимаго вдохновенія. Потому-то домашнее хозяйство Ильяса находится въ крайне-плачевномъ состояніи. Онъ

самъ не умѣеть ничего исправить, ни починить арбы, ни приладить топорища... Половина аула въ душѣ ненавидитъ Ильяса, хоть всякій, имѣя съ кѣмъ-нибудь тяжбу, всеми силами склоняетъ его принять на себя должность адвоката предъ народнымъ судомъ. А какой, говорятъ, онъ славный адвокатъ! Сами враги не нахвалятся его блестящими дарованіями на этомъ поприщѣ. По умѣнью вести самыя многосложныя, запутанныя дѣла, по находчивости и способности ставить въ невыгодное положеніе противника, имѣющаго гораздо болѣе шансовъ на успѣхъ, наконецъ, по мѣткости и остротѣ слова, Ильясъ не имѣетъ ни одного соперника въ нашемъ аулѣ, да едва ли и въ цѣломъ околоткѣ.

Явился новый кандидатъ на мѣсто отвергнутаго Хантхупса. Противъ него не нашлось возраженій, и онъ былъ избранъ единодушно.

— А копны, прошу заранѣе, платить мнѣ исправно, говорилъ онъ, утвердивъ за собою выгодную должность.— Нерѣдко бываетъ такъ, что съ яного безъ драки да суда не возьмешь и соломинки.

— Не прячься и ты отъ кабановъ, какъ дѣлалъ твой предшественникъ, отвѣчали ему, — да не води дружбы съ сохтами.

— Кажется, можно положиться на меня, съ увѣренностію замѣтилъ новый караульщикъ.

— Положиться, конечно, не трудно... но кто знаетъ, что можетъ случиться? Неровень бываетъ часть. Иной разъ сонъ одолѣетъ, а въ другой захочется крѣпко взглянуть, что подѣлываетъ дома хозяйка... Бываетъ наконецъ и то, что темная ночь вгоняетъ въ душу инежу разные страхи, отъ которыхъ и свистъ кузнечика въ травѣ становится очень похожъ на львиный рыкъ. Обо всемъ этомъ не мѣшало бы поразмыслить сначала. Безъ кукурузы же, какъ ты самъ вѣдаешь, мы люди пропаціе. Пока не уберемъ проса, да не смолотимъ его, ѣсть будетъ нечего.

— Даю вамъ слово, что, пока я караулю, ни одна свинья не понюхаетъ края вашихъ бахчей, говорилъ будущій надсмотрщикъ кукурузы.— Я буду просить молодыхъ людей, которые сидятъ безъ дѣла въ аулѣ, пострѣлять по ночамъ кабановъ, которымъ задумается подойти къ кукурузѣ. Дней чрезъ пять вы узнаете, какъ я буду исполнять свое дѣло; а если окажусь негоднымъ, смѣните меня.

Засѣдатели холма одобрили планъ, по которому караульщикъ

намѣревался истребить кабаній родъ, и благословили его на успѣшное совершѣніе такого великаго дѣла. Затѣмъ былъ избранъ присмотрщикъ за просомъ и пшеницей, котораго обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ извѣщать, при первомъ появленіи саранчи, разбросанный въ разныхъ мѣстахъ, по покосамъ, народъ. Оборона кукурузы отъ саранчи предоставляется на долю бабъ, дѣвушекъ и дѣтей. И надо сказать правду, они гораздо удачнѣе мужчинъ отгоняютъ саранчу, при помощи тазовъ и другихъ гремящихъ орудій. Начальство надъ этимъ пестрымъ ополченіемъ принадлежитъ по праву караульщику бахчей. Надзоръ за быками на покосѣ большинствомъ голосовъ отдали Ильясу, изъ уваженія къ его одиночеству и не слишкомъ блестящей способности владѣть косою. Эта должность очень выгодна и не трудна: нужно только пасти воловъ днемъ по сосѣдству съ покосами, не допуская ихъ вытаптывать траву, а по ночамъ, загонять ихъ въ какую-нибудь тѣсную лощинку, защищенную съ трехъ сторонъ крутыми утесами, и лечь самому преспокойно у узкаго входа на роскошной, пахучей постели... Отъ Ильаса же не такъ-то будетъ легко вывернуться несправнымъ плательщикамъ копенъ.

Между тѣмъ какъ происходила раздача общественныхъ должностей, нѣсколько молодыхъ, сильно растрепанныхъ джигитовъ, разсуждали между собою о предложеніи новаго караульщика кукурузы пострѣлять свиней.

— Пойдемте-ка завтра ночью поокотиться, говорилъ одинъ изъ нихъ, живой скелеть, которому, казалось, цѣлый годъ не давали ѣсть.— Убитаго кабана потащимъ въ пикеть, къ казакамъ, они дадутъ за него пороху.

— А какъ потащить такую скверную тварь? замѣтилъ другой.

— Эка трудность какая! поймать первую попавшуюся кобылу въ степи, да прицѣпить къ ея хвосту, вотъ тебѣ и телѣга. Нѣтъ, ей Богу, пропасть пороху дадутъ. Вѣдь, казаки отъ радости подбросятъ шапки. Ну, идемъ, что ли?

— Пожалуй, но пойдетъ ли въ прокъ вырученный за свинью порохъ? Вѣдь это не чисто. Помню, мулла нашъ сказывалъ кому-то, что нельзя ѣсть мясо оленя, если онъ застрѣленъ пулею или порохомъ, вымѣненными на свинью.

— Ну вотъ нашель грѣхъ! вскричалъ скелеть.— Коли слу-

шать все, что говорить нашъ мулла, придется броситься въ воду.

— Да я средство знаю противъ этого, вмѣшался третій джигитъ.—Молитва такая есть, которую только стбитъ прочитывать, всыпая порохъ въ винтовку — и нечистота пропадетъ.

— Ну вотъ видите, тутъ нѣтъ ничего грѣшнаго, продолжалъ скелеть.—Такъ идемъ? я выпрошу у кого-нибудь заряда три; дастъ Богъ, ни одного изъ нихъ не потратимъ даромъ. Только чуръ никому не говорить объ этомъ, а то наберется много охотниковъ и отобьютъ добычу. Согласны?

Джигиты положили на слѣдующій вечеръ пойти на помощь караульщику бахчей.

— Теперь есть у насъ караульщики при кукурузѣ и просѣ, заговорилъ опять Исмель. — Значитъ, съ этой стороны нечего беспокоиться. Но главную-то бѣду мы совсѣмъ забыли. Не знаю, какъ у васъ, а у меня осталось всего двѣ мѣрки проса. Да и то я приказалъ приготовить для косарей. А дома хоть камень брось въ котелъ.

— Будь у меня двѣ мѣрки, я не знаю, какъ бы благодарилъ я Аллаха, съ уныніемъ проговорилъ Хуца.—Вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ, какъ питаемся сыромъ да кислымъ молокомъ.

Тема о просѣ совершенно увлекла засѣдателей холма, заставивъ ихъ надолго отложить въ сторону покосы и другіе интересы. Видно, пустота въ желудкѣ, съ ея чувствительными послѣдствіями, хорошо знакома этимъ людямъ по опыту. Необыкновенное ожесточеніе, съ которымъ они бичевали самихъ себя, показываетъ ясно, что не разъ они приходили путемъ тяжелыхъ испытаній къ грустному разочарованію въ себя и къ отрицанію тѣхъ началъ житейской премудрости, которыхъ держались ихъ отцы. Всѣ рѣчи, казавшіяся недостатка проса, были проникнуты нестерпимою горечью... Не такъ говорятъ въ кунацкихъ, гдѣ благовоспитанные желудки красивыхъ джигитовъ, туго и граціозно перетянутые ремнемъ, не смѣютъ возвысить своихъ требованій. Не найдется въ нашемъ аулѣ ни одного молодого дворянина, который бы позволилъ себѣ намекнуть объ ощущеніяхъ своего желудка. Боже сохрани отъ подобнаго неприличія! Такія прозаическія разсужденія могутъ находить мѣсто и возбуждать всеобщее сочувствіе только на холмѣ. Тамъ, какъ извѣстно, одна хорошая сница изъ крѣпкаго дерева цѣнится дороже всякаго оружія съ богатыми насажками, дороже самой изящной конской сбруи. Засѣдателямъ холма рѣ-

шительно нѣтъ никакого дѣла до тѣхъ идеаловъ, которые неотвязно преслѣдуютъ сословіе дворянъ, причиняя ему не рѣдко большія непріятности. По ихъ мнѣнію, нѣтъ ничего соблазнительнѣе славы бочара Яхьи, арбаного мастера Чоры и неутомимаго косца Хожи, на которыхъ они взираютъ не безъ нѣкоторой зависти и искренняго сожалѣнія, зачѣмъ Аллахъ не далъ имъ искусства этихъ достойныхъ удивленія мастеровъ. Но замѣчательнѣе всего, что темныя ночи не производятъ на засѣдателей холма никакого воспламеняющаго дѣйствія, не возбуждаютъ въ ихъ груди безпокойнаго желанія пошарить маленько вокругъ себя. Эти почтенные люди предпочитаютъ сидѣть спокойно у домашняго очага, барски развалившись на разостланной у огня полости. Простая домашняя обстановка убаюкиваетъ въ нихъ сильныя искушенія. Хозяйки ихъ хлопочутъ объ ужинѣ, мѣшая безпрестанно въ шумно-клокочущемъ котелкѣ, который виситъ на желѣзной цѣпи надъ яркимъ костромъ, и переливаютъ изъ ведеръ въ корыто только что надоенное, жарное молоко. Маленькіе ребятишки ползаютъ на четверенькахъ по полу и съ криками протягиваютъ ручонки, лова за полы своихъ мамъ; а захопотавшіяся мамы сердито прикрикиваютъ на нихъ, говоря: «Не до васъ мнѣ теперь, замарашки! подите вонъ, къ нему.» Замѣчу мимоходомъ, что, несмотря на свое свободомысліе въ дѣлѣ разныхъ этикетовъ, холмовники считаютъ неприличнымъ для себя пускаться въ интимныя бесѣды съ своими дражайшими половинами. Они ограничиваются неопредѣленными, угрюмыми полуфразами, кидаемыми нехота, чрезъ плечо, и очень похожими на мычаніе быка; а дражайшія половинны никогда не дерзаютъ называть ихъ, ни въ глаза, ни за глаза, собственными ихъ именами. Разнѣжившійся холмовникъ кричитъ на своихъ дѣтящъ: «Цыцъ, сабачья дѣти! Видите, что она занята. Подите сюда, ко мнѣ... ты-ты ты... я вамъ сейчасъ калача дамъ; вотъ онъ, вотъ.» Дѣти тарашатъ на него глаза, желая удостовѣриться, точно ли есть у него калачъ, или это только пустая приманка. «Подите же ко мнѣ, я вамъ говорю! грозно добавляетъ оскорбленный такимъ лживымъ недоверіемъ родитель. Не то я впущу сейчасъ сѣраго бирюка... вотъ, вотъ, иду къ двери!» Тутъ онъ показываетъ видъ, будто хочетъ подняться съ мѣста. Ребятишки, смертельно перепуганные, кидаются подъ защиту матери, и только вцѣпившись крѣпко въ ея кафтанъ, рѣшаются боязливо оглянуться на отца, а потомъ и на дверь. «Чтò за охота тебѣ

пугать ихъ?» говорить мать съ нѣжнымъ укоромъ. — «А зачѣмъ поросята не хотятъ идти ко мнѣ?» отвѣчаетъ мужъ. Затѣмъ, весьма довольный своею остроумною шуткой и впечатлѣніемъ, произведеннымъ ею на дѣтское воображеніе, степенный холмовникъ впадаетъ, мало-по-малу, подъ сладкій говоръ котелка, въ глубокія размышленія о разныхъ житейскихъ нуждахъ, и между прочимъ о томъ, какую бы пару быковъ запретъ утромъ въ арбу. «Рыжій еще слишкомъ молодъ, думаетъ онъ, всего только два раза былъ подъ ярмомъ, пожалуй не вынесетъ оводовъ и опрокинетъ арбу въ ровъ; а у чернаго съ лысиной шея очень потерялась, жаль бѣдняжку... Нужно непременно добыть новую ось, старая еле-еле держится, почти только силою моихъ молитвъ. Не попытать ли счастья у Чоры? Можетъ, онъ дастъ свою арбу... я бѣ ему послѣ жатвы двѣ мѣрки проса доставилъ на собственномъ плечѣ... уахлах, доставилъ бы... да нѣтъ, онъ ни за что не доверитъ. Это, это не человекъ, а свинья; никакой жалости нѣтъ. Дай, скажетъ, сейчасъ двѣ мѣрки...» Въ эту минуту хозяйка ставитъ предъ холмовникомъ треножный столикъ съ горячею кашей и съ двумя бараньими ребрами изжаренными на вертелѣ. Бычки рыжій и лысый, вмѣстѣ съ Чорой, исчезаютъ мгновенно.

Человѣкъ не предубѣжденный противъ засѣдателей холма не рѣшится осудить ихъ за матеріальное направленіе мыслей и подобострастное поклоненіе мамону. По крайней мѣрѣ я, хотя и не имѣю чести принадлежать къ этому почтенному сословію, не могу безъ ужаса представить себѣ, что бы произошло на адигской землѣ, еслибы всѣ холмовники вдругъ перемѣнили свой взглядъ на жизнь, и вмѣсто воловьихъ роговъ ухватились бы за конскія гривы. Но къ счастью нашему, о подобной перемѣнѣ нѣтъ и помысла въ головахъ холмовниковъ. На ихъ красныхъ, буйволовыхъ шеяхъ лежитъ пока существованіе цѣлаго аула. И если гордые джигиты, обитающіе въ кунацкихъ, фантазируютъ на свободѣ о блестящей славѣ наѣздника, о красивыхъ коняхъ, дорогихъ винтовкахъ, и считаютъ чуть не безчестіемъ провести темную ночь подъ кровомъ своей кунацкой, то всѣмъ этимъ они, безъ сомнѣнія, обязаны засѣдателямъ холма. Зная это, я разумеется не могу не уважать почтенной компаніи. Къ тому же, надо сказать правду, холмовники народъ, болѣею частію, положительный; хвастовство и ложь встрѣчаютъ у нихъ не-

сравненно менѣе почета чѣмъ въ кунацкихъ. На холмѣ строже соблюдается данное слово; лицемѣріе и ложный стыдъ совершенно изгнаны отсюда. Напримѣръ, Хуца, ни мало не стѣсняясь, высказываетъ безъ утайки сокровеннѣйшія ощущенія своей души, и никто не думаетъ издѣваться надъ его откровенностью. «Безъ просяной каши, я—пропащій человѣкъ, говорить онъ,—и одного дня не выдержу. Даже пшеничный хлѣбъ не помогаетъ, особенно во время покоса.»

— Дѣло извѣстное, отвѣчаетъ его сосѣдъ.—Въ кашѣ вся наша сила. Чтò твой хлѣбъ! Только горло деретъ: совсѣмъ не наша пища.

— Я думаю, вы теперь и отъ хлѣба не отказались бы, замѣчаетъ имъ одинъ изъ толпы.—Нѣтъ спора, каша лучше всего, а какъ нѣтъ ея, радъ будешь и хлѣбу.

— Чтò и говорить! тощій желудокъ заставитъ жевать и солому.

— Нѣтъ, какъ тамъ хотите, а безъ проса не возможно братья за косу, настаиваетъ Хуца.

— Отчего же вы не съѣте побольше проса, коли не можете обойтись безъ него? спросилъ я ближайшаго моего сосѣда, который энергически отплевывался по сторонамъ, точно муха залѣзла ему въ ротъ.—Вамъ, я думаю, не первый годъ приходится терпѣть недостатокъ въ немъ?

— Не такіе мы люди, чтобы заглядывать впередъ, лаконически отвѣчалъ онъ, и еще яростнѣе плюнулъ направо.

— Чтò же ты плюешься, Махмудъ? ослѣпъ ты или съ ума сошелъ? вскричалъ холмовникъ сидѣвшій вправо отъ насъ, обтирая поспѣшно рукавомъ густую свою бороду.

— Чума тебя дернула залѣзть мнѣ подъ черкеску! сердито пробормоталъ Махмудъ.—Держался бы подальше.

— Ты спрашиваешь, почему мы не съѣмъ побольше проса? подступилъ ко мнѣ Исмель, должно-быть прислушивавшійся къ моимъ словамъ.

— Да, мнѣ странно, что вы терпите ежегодно недостатокъ въ просѣ, а не позаботитесь объ немъ заранее. Земли, кажется, у васъ довольно.

— Гм! значительно промычалъ Исмель, налегая съ особенною силой на воткнутую въ землю палку съ острымъ желѣзнымъ концомъ.—Вижу, что ты мало насъ знаешь. Впрочемъ, гдѣ гусь, гдѣ орелъ? Ты только со вчерашняго дня живешь между нами, потому нѣтъ ничего удивительнаго, если житье наше

кажется тебѣ страннымъ. Но что скажешь о тѣхъ молодцахъ, которые, сидя въ своихъ кунацкихъ, поѣдаютъ даромъ хлѣбъ, и удивляются, если не станетъ вдругъ дома чего поѣсть?..

— Ну, какъ тамъ себѣ ни дивись мой господинъ, громко проговорилъ одинъ изъ стоявшихъ, перебивая моего собесѣдника,—а я до тѣхъ поръ не стану ему косить, пока онъ не достанетъ мнѣ проса...

— Въ такомъ случаѣ, ни видать тебѣ косы въ нынѣшнемъ году, замѣтили ему;—откуда, думаешь, господинъ твой достанетъ проса? Моли Бога, чтобъ онъ еще не потребовалъ его у тебя: амбаръ-то, надо-быть, у него не черезъ край.

— А мнѣ что? продолжалъ первый, уже приходя въ азартъ. — Хоть изъ-подъ земли выкопай, а давай мнѣ провизию, иначе и щепотки не подыму. Виновать развѣ я, что въ домѣ у него нѣтъ ни зерна, что его хозяйка принуждена полгода кормить его и его гостей на счетъ добрыхъ сосѣдокъ? А какъ у самихъ-то сосѣдокъ ничего не останется—что тогда? Поясъ туже подтяни, и глади на небо. Я каждый годъ высыпаю въ его амбаръ половину собраннаго проса, — и больше ничего знать не хочу; хоть умирай онъ съ голоду, хоть разступись подъ нимъ земля и проглоти его—мнѣ все равно.

Всеобщій громкій хохотъ ободрилъ отважнаго раба, который, съ своей стороны, остался чрезвычайно доволенъ сочувствіемъ кружка.

— Уаллахи, не шутя говорю, продолжалъ онъ.—Сами посудите, я его рабъ, а онъ мой господинъ; не такъ ли? Я въ точности исполняю всѣ обязанности, положенныя адигскимъ обычаемъ на раба; пусть же и онъ исполняетъ свои, если хочетъ быть хорошимъ господиномъ, если желаетъ, чтобы служили ему вѣрно и безпрекословно. Вспахать поле—мое дѣло, сѣмена и волю—его, выкосить сѣно—горе рукъ моихъ, а коса, просо и два барана—камень на его шеѣ.

— Желалъ бы я, чтобы слова твои какъ-нибудь подслушалъ твой господинъ: что онъ отвѣтилъ бы на нихъ? сказалъ арбяный мастеръ Чора, человекъ крайне угрюмаго нрава, какъ вообще всѣ важныя особы нашего аула обладающія какимъ-нибудь искусствомъ, а потому проникнутыя сознаниемъ своего достоинства.

— Свидѣтель Богъ, что я больше тебя былъ бы радъ этому, отвѣчалъ распѣтушившійся не на шутку крестьянинъ.— И чтобы доказать тебѣ, что я ничуть не боюсь его, общаю

тебѣ, предъ этими людьми, пять мѣрокъ проса, если ты вытащишь сюда моего господина. Я уже ходилъ къ нему поутру, да не засталъ дома: ушелъ чуть свѣтъ бродить по кунацкимъ. Однако, подкараулю его непременно вечеромъ, и если пожелаешь, приходи послушать, что я буду говорить ему.

— Мало, братъ, ему нужды до твоихъ словъ, возражали ему.— Онъ себѣ весело проводить время между своими, знать не хочетъ ни о твоей покосной провизіи, ни о томъ, что хозяйка его чуть не милостыней пробавается. Пока есть что кушать, онъ будетъ сидѣть въ своей кунацкой, угощать пріятелей, а не останется ничего—осѣдлаетъ коня, и ищи его коли хочешь!

— А мнѣ, если хотите знать, еще меньше печали, отвѣчалъ крестьянинъ,—что у него не будетъ сѣна на зиму, и лошадей нечѣмъ будетъ кормить. Вы думаете, я изъ жалости къ нему убиваюсъ надъ косою, порчу свою внутренность? Какъ бы не такъ! Первый разъ въ жизни помолюсь Богу за него, если онъ забудетъ совсѣмъ о покосѣ. Для двухъ, трехъ коровушекъ своихъ я и руками нарву вдоволь травы. А молодецъ мой пошляется, пошляется, понюхаетъ савли всѣхъ своихъ пріятелей, да повѣся носъ приплетется домой. Изволь, если можешь, не думать ни о чемъ!

— Изъ толковъ ихъ ты не поймешь, отчего мы не сѣмъ вдоволь проса, шепнулъ мнѣ въ полголоса старикъ Исмель, кивнувъ съ пренебреженіемъ въ ту сторону, гдѣ ораторствовалъ мятежный крестьянинъ. — Если ты вправду желаешь знать причину этого непонятнаго тебѣ дѣла, то я очень охотно объясню его.

Я поблагодарилъ добраго старика за его готовность услужить мнѣ и завѣрилъ его, что лучшаго учителя въ этомъ дѣлѣ не найди мнѣ и со свѣчой. Старикъ принялъ мой отзывъ съ достоинствомъ подобающимъ авторитету. Затѣмъ онъ слегка прикоснулся къ моему плечу и заговорилъ такъ:

— Надо тебѣ сказать, что мы, Адиги, странно созданы Богомъ. Мы не чуемъ бѣды, пока она не стукнетъ въ лобъ. Въ ту минуту, когда скребу ногтями землю, желая выкопать изъ нея провизію для покоса, я проклиная себя, готовъ выщипать по волоску свою бороду. Затѣмъ я, безумный, спрашиваю себя, не наполнилъ прошлый годъ своего амбара просомъ? Постой же, думаю, ужъ поуменью на будущій годъ непременно; не случится со мною такая глупость. И какъ ты думаешь,—поуменью ли я въ самомъ дѣлѣ? Нисколько. Выйдемъ опять въ

поле, вспашемъ по двѣ полоски на быка; глядишь, тамъ сѣмень не достаетъ, тамъ плугъ нужно починить, у одного быки очень устали, а другой жалуется на нездоровье; вотъ и начинаемъ спрашивать одинъ другаго, не слишкомъ ли много засѣяно? Еще Богъ знаетъ, уцѣлѣетъ ли оно отъ града, саранчи, засухи, скота, того, другаго. Смотришь: сосѣдніе пахари собрались уже домой, съ пѣснями да стрѣльбой въ деревяннаго оленя, что торчатъ высоко на шестѣ, въ передовой арбѣ. Ну, разумеется, при видѣ такого веселья, всякій спрашиваетъ себя и другихъ: неужели мы хуже своихъ сосѣдей работали, что должны вернуться домой позади ихъ? Нѣтъ, не бывать этому! Доканчивайте живѣе работу, запрягайте арбы, готовьте оленя, давайте сюда бузы, хлѣба. А какъ навезутъ всего этого изъ аула, мы и потянемся домой, точно со свадьбы какой: и старъ и младъ выходятъ изъ себя, бѣснуются напропалую. Самъ посудя, можно ли среди такого веселья вспоминать о томъ, что прошлый годъ какихъ-нибудь два-три мѣсяца не брали въ ротъ просяной каши?

— Пословица говоритъ: печали желудка легко забываются, а не скоро лишь муки сердечныя, добавилъ жиденькій мущина, сидѣвшій съ боку Исмея.

И въ самомъ дѣлѣ, пословица эта, ободряющая, быть-можетъ, не одно поколѣніе нашихъ отцовъ, возымѣла и теперь свое благотѣльное вліяніе. Прошлогодня *печали желудка* и непріятное предчувствіе скорого ихъ повторенія поуспокоились немного. «Будь что будетъ, храбрѣ провозгласили со всѣхъ сторонъ.—Жалобой дѣлу не пособить, жалоба—бабье дѣло. Не въ первый, да вѣрно и не въ послѣдній разъ, вздыхаемъ мы о просѣ. Предки наши не больше насъ сѣвали, однако намъ еще не приходилось слышать, чтобы хоть одинъ изъ нихъ умеръ съ голоду; а голодъ посѣщалъ ихъ частенько, да иногда такой страшный, что родители продавали дѣтей за мѣрку проса, чтобы не замучить голодною смертію и себя, и ихъ; когда миновала бѣда, выкупали ихъ назадъ за двадцать и болѣе тумановъ. Отъ такихъ уроковъ они вовсе не думали быть осторожнѣе на будущее время.»

— Да у насъ по крайней мѣрѣ есть одно утѣшеніе, какого не имѣли предки наши: у насъ теперь сосѣди—дѣти Ивановы, замѣтилъ кто-то изъ толпы.

— Уахлахи, ты истену сказалъ, поддакнули ему другіе.—Безъ нихъ что бы съ нами было?

— Ну ужь отыскали сокровище — нечего сказать! возразилъ съ горькою ироніей одинъ изъ сидѣвшихъ. — Отдаемъ его вамъ безъ зависти, будьте счастливы съ своею находкой.

За сторонника Иванычей выступилъ дождй молодець, въ пестромъ бешметѣ, строгавшій лопаточку для косы.

— Нѣтъ, ты этого не говори, сказалъ онъ, обращаясь къ тому, который не признавалъ силы новооткрытаго утѣшенія. — Русскіе во многомъ полезны намъ. Чтò ни понадобится, бѣжимъ тотчасъ къ нимъ. Бабы наши соберутъ десятка два яицъ, масла, куръ, — все это вѣдь деньги, чистыя деньги. Да и самъ хоть отъ скуки нарубишь возъ дровъ и повезешь въ станицу, или копну сѣна — вотъ и холстъ на рубаху, да мѣрка муки. Да чтò ни возьми — всему есть цѣна. Только не сиди развѣся уши. Конечно, на счетъ ихъ вѣры и обычаевъ и говорить нечего. Не пристойно мусульманину восхвалять ихъ.

Противъ такихъ убѣдительныхъ доводовъ не нашлось достаточно сильныхъ возраженій. Даже замѣчаніе одного почтеннаго бѣлобородаго старичка, что, молъ, бабы наши, съ тѣхъ поръ какъ Русскіе подсуевдились, слишкомъ пристрастились къ пестрымъ тряпкамъ, чего не бывало въ старину, прошло не замѣченнымъ. Партія приверженцевъ Иванычей оказывается на холмѣ гораздо многочисленнѣе и сильнѣе нежели я предполагалъ. Впрочемъ, партія эта признаетъ въ Русскихъ только одну матеріальную пользу, не входя въ разборъ другихъ сторонъ. Но засѣдатели холма, не исключая даже старичка восхвалявшаго старину, выпустили изъ виду самое важное, осязательное послѣдствіе близости Иванычей. Можетъ-быть, они обошли его нарочно, потому что статья эта слишкомъ щекотлива для самолюбія и чести супруговъ нашего аула, и гласно признавать ея существованіе было бы не ловко даже на холмѣ. Дѣло идетъ о тѣхъ правахъ на господство надъ мужьями, которыя прекрасный полъ со дня на день все больше и прочнѣе забираетъ въ свои руки. Съ тѣхъ поръ, какъ судьба позаботилась снабдить насъ, дикарей, полезнымъ сосѣдствомъ дѣтей Ивановыхъ, золотоносные рудники, изъ которыхъ черпали наши мушны все нужное, вдругъ изеякли; потребовалась необыкновенная ловкость и много емѣлости, чтобы вытануть изъ нихъ хоть что-нибудь. За то, на мѣсто засорившихся колодцевъ, открылись другіе источники, но только не для однихъ мушнъ, а также для ихъ спутницъ, которыя во время дно занимались лишь приведеніемъ въ поря-

докъ того, что приносили домой мужа, а сами ровно ничего не зарабатывали. Теперь же дѣло пошло нѣсколько наизворотъ. Мужчины сибаритствуютъ, а жены неутомимо шьютъ, ткуютъ домашнія сукна, собираютъ припасы, отказывая въ нихъ себѣ и семейству, соперничаютъ другъ съ другомъ, кто больше выручитъ русскихъ монетъ. Вместе съ тѣмъ, онѣ незамѣтно проникаются сознаниемъ своего достоинства, приобрѣтаютъ гибельную для мужей увѣренность, что безъ женъ они, чего добраго, остались бы на бобахъ. Удивительно ли послѣ всего этого, что жены набираются разныхъ либеральныхъ идей, осмѣливаются подвергать строгому критическому разбору безусловную власть своихъ мужей, и даже — ничто не ново под луной—бевстрашно ополчаются на нихъ. А почтенные сожители, между тѣмъ, утѣшаютъ себя мыслью, что, авось, никто изъ сосѣдей не провѣдаетъ ихъ домашняго позора. Они скорѣе проглотятъ горячіе уголья чѣмъ сознаются кому бы то ни было, что вся одежда ихъ, какъ верхняя, такъ и нижняя, заработана ихъ женами. Впрочемъ, все это совершается пока только въ кругу холмовниковъ. У другихъ классовъ нашего аула женщины не такъ еще дѣятельно подвизаются на поприщѣ зарабатыванія монетъ, а потому и не обнаруживаютъ стремленія накинуть шелковыя уздечки на своихъ муженьковъ.

— Что это за арбы? кричалъ одинъ изъ толпы, поднявшись на ноги и показывая рукой на дорогу.—Важно что-то скрипятъ, должно-быть хорошо набиты.

— Это вѣрно жнецы, что недѣлю назадъ отправились къ Русскимъ наниматься, отвѣчалъ другой, тоже поднимаясь съ мѣста.

— Изъ какого они аула?

— Не спрашивалъ.

— Такъ и есть. Арбы набиты снопами пшеницы, вскричалъ долговязый юноша, становясь нацыпочки, и внимательно глядя на дорогу.

— Пшеница, говоришь? спросили вдругъ нѣсколько человекъ.—Что же я-то не вижу ея?

Глаза всѣхъ устремились на дорогу, по которой тянулась вдаль длинная вереница аробъ. Глухой шумъ пяскливыхъ колесъ едва-едва достигалъ нашихъ ушей. Тѣ, которые обладали хорошимъ зрѣніемъ, подтвердили донесеніе сухопараго молодца съ журавлиною шеей.

— Точно! это пшеница! воспеивали они какимъ-то желудочнымъ голосомъ, и слюнки чуть не капали съ губъ.

— А мы вотъ сидимъ, да толкуемъ, съ горечью проговорилъ пестрый бешметъ съ лопатю.— Догдайся мы немного раньше, и у насъ была бы теперь провизія для покоса.

Поднялись снова толки да упреки, прекращенные на время пословицей о печаляхъ желудка. Мнѣ, наконецъ, надоѣло повтореніе, на разные лады, одного и того же. Я начиналъ даже чувствовать, какъ будто и въ собственномъ моемъ желудкѣ скребли мыши. Грустная пѣсня холмовниковъ, терзавшая нѣсколько часовъ сряду непривычный мой слухъ, пробрала меня до костей: мнѣ стало невыносимо тяжело. Я отошелъ къ группѣ рѣзвившихся ребятишекъ. «Это Урусь», говорили нѣкоторые изъ нихъ, при моемъ приближеніи, и десятокъ любопытныхъ глазъ остановились на мнѣ. Мнѣ вдругъ припомнилось то время, когда я впервые увидѣлъ *Урусевъ*, пришедшихъ къ намъ въ аулъ изъ ближайшей крѣпости, вымѣнивать куръ, сало и т. п. Тогда мы жили далеко отсюда, и появленіе красныхъ фуражекъ было чудомъ не для однихъ дѣтей. Притаившись за толстымъ плетнемъ вмѣстѣ съ товарищами, я пожиралъ глазами невиданныхъ дотогѣ людей, тщетно силясь открыть позади ихъ что-нибудь похожее на хвостъ, который приписывали имъ болѣе взрослые изъ насъ. Мы сопровождали ихъ по цѣлому аулу, держась отъ нихъ на разстояніи почти ружейнаго выстрѣла. Всѣ попытки мои подойти къ нимъ поближе были напрасны: у меня никакъ не хватало на это смѣлости. Я съ завистью смотрѣлъ на тѣхъ храбрецовъ изъ нашего дѣтскаго круга, которые дотрагивались до нихъ руками и даже объяснялись съ ними знаками. Могъ ли я подозрѣвать въ то время мою будущую судьбу?

— Арбузь продай! яблокъ продай! послышалось вдругъ съ поворота ближайшей къ воротамъ улицы, и шумная ватага мальчишекъ, словно туча воробьевъ, спугнутая аульною бабой съ просушиваемаго на солнцѣ пшена, пронеслась вихремъ мимо засѣдателей холма, перегоняя и сваливая другъ друга съ ногъ. Они летѣли въ ту улицу, откуда раздавался гудокъ: «арбузь продай! яблокъ продай!»

— Видишь, какъ бѣснуются, собачье отродье! сердито ворчалъ мнѣ господинъ, котораго шалуны едва не обили съ ногъ.

— Чтò съ ними случилось? спросилъ я его.

— А чума ихъ вѣдаетъ! сказалъ онъ:—должно быть почували, проклятые чертенята, русскій запахъ. Эхъ, жаль мнѣ право, что Русскіе не отрѣжутъ имъ ушей! Повѣришь ли, что отъ этихъ ничтожныхъ клоповъ Русскимъ просто вѣтъ проѣзду мимо аула. Чуть завидать они ихъ издали, подымутъ такой гвалтъ, что ушамъ больно. Спасибо солдатамъ: они иногда попугиваютъ ихъ своими прикладами, но больше въ шутку.

— Чего же хотятъ они отъ Русскихъ? спросилъ я.

— Поди ты, спроси ихъ, отвѣчалъ сердитый холмовникъ.— Каменьями въ нихъ швыряютъ, да дразнятъ. Въ одинъ мѣшокъ посадить бы ихъ всѣхъ, сколько ни есть, да въ рѣку; вотъ чего бы имъ надо.

Долго еще бормоталъ въ этомъ тонѣ неистощимыи во гнѣвѣ собесѣдникъ мой, обращаясь ко мнѣ, хотя я не выказывалъ ни малѣйшаго расположенія вести съ нимъ дальнѣйшія разсужденія. Изъ открывшейся предо мною картины я очень легко могъ, и безъ его содѣйствія, вывести свои заключенія. Изъ-за угла улицы показалась русская повозка, которую облегла непроницаемая масса оборванныхъ, босоногихъ мальчишекъ. Между ними пестрѣло нѣсколько женскихъ платковъ. Въ передней части повозки сидѣлъ дюжій казакъ въ толстой, холщевой рубашкѣ, перетянутый бичевкой; а подалѣе, въ глубинѣ повозки, помѣщалась краснощекая, миловидная казачка, со вздернутымъ къ верху носикомъ и голубыми, лукавыми глазенками, въ какомъ-то неуклюжемъ балахонѣ изъ чернаго толстаго сукна; голова ея была повязана клѣтчатымъ платочкомъ. Казакъ неутомимо помахивалъ на всѣ четыре стороны кнутомъ, желая удержать въ почтительномъ отъ себя отдаленіи напиравшую толпу. Казачка заботливо накрывала своею полой кучи арбузовъ, дынь, яблокъ, огурцовъ, и усмирляла куръ, которыя, несмотря на то, что были накрѣпко спутаны веревками, все еще не покидали пріятной надежды вырваться изъ мѣшковъ, и потому очень усердно работали крыльями. Мѣсна была чрезвычайно оживлена. Молодые люди обоого пола стекались со всѣхъ концовъ аула къ заманчивой телѣгѣ. Одинъ несъ кусокъ сала, другой пару яицъ, третій горсть пшена въ чашечкѣ, четвертый мчалъ во весь духъ опрокинутую внизъ головою курицу, которая немилосердно кричала. Тѣхъ, у кого было что-нибудь въ рукахъ, казакъ благосклонно допуская

къ повозкѣ, и пускался съ ними торговаться; но къ пустымъ рукамъ онъ рѣшительно не благоволилъ.

— Твой масло два яблокъ, говорилъ онъ, протягивая руку къ чашечкѣ одной дѣвочки.

— Натъ, отвѣчала та, и показала, вмѣсто двухъ, всѣ пять пальцевъ. Казакъ накинулъ одно яблоко, и масло дѣвочки пошло въ горшокъ казачки; а дѣвочка, весело подпрыгивая, пустилась домой. Кто не можетъ объясняться съ казакомъ, прибѣгаетъ къ помощи свѣдущихъ въ русскомъ языкѣ. «Твой давай три арбуза, а мой давай курица!» говоритъ оборванный малый.

— Ты самъ не стбишь трехъ арбузовъ, отвѣчаетъ ему казакъ.

— Какой жирна! хорошъ! заговариваетъ малый, щипля свою курицу за грудь, при чемъ она издаетъ отчаянный пискъ. «Чего пятишься? отдай ее,» подталкиваетъ товарищъ обладателя курицы. «Или думаешь взять за нее весь возъ?»—«Маловато три арбуза,» говоритъ малый нерѣшительно.— «Я тебѣ говорю: отдай! не будешь каяться, настаиваетъ товарищъ, впрочемъ, если хочешь, я уломаю, пожалуй, глюра прибавитъ къ тремъ арбузамъ пятокъ яблокъ, только смотри—поподамъ ихъ.» Обладатель курицы, подумавъ немного, соглашается на предложеніе пріятеля. А пріятель, какъ видно набившій руку въ подобныхъ дѣлахъ, начинаетъ переговоры съ казакомъ, ловко умасливаетъ его то лестью, то нѣжными упреками, и добивается наконецъ своей цѣли...

Дѣло шло какъ нельзя лучше. Товаръ казака исчезалъ съ необыкновенною быстротой изъ вмѣстительной телеги, замѣняясъ въ то же время курами, яйцами и прочею живностью. Охотниковъ до арбузовъ и яблокъ прибывало все больше и больше. Но вдругъ завязался горячій споръ между казакомъ и однимъ изъ многочисленныхъ покупщиковъ, стройнымъ, высокимъ юношей, въ желтой, разорванной подъ мышками, черкескѣ. Крикъ спорившихъ становился громче, задорнѣе; и покрывалъ собою неясный гулъ обступившаго народа. «Твоя дуракъ! ревѣлъ высокій юноша, храбро подступая къ казаку. Я скажилъ шатыре арбузъ за мой индукъ, а твоя давай три, какъ можно такъ сдѣл!»—Пошелъ прочь, татарская лопатка! отвѣчалъ казакъ. Разсуждать еще съ тобою!»—«Ну давай мнѣ мой индукъ, и возьми арбузъ,» сказалъ молодой человекъ.

— Пошелъ, тебѣ говорить! повторилъ казакъ:— не то, вотъ что я тебѣ дамъ!

Тутъ онъ поднялъ къверху свой кнутъ. При этомъ движеніи русскаго парня, въ толпѣ произошло вдругъ такое грозное волненіе, что онъ невольно опустилъ свою руку. Съ высокими юношей едва не случился ударъ отъ страшнаго гнѣва. Онъ долго сидѣлъ что-то проговорить, но звукъ замеръ въ гортани. «А! русская собака... такъ я же тебѣ покажу,» прошипѣлъ онъ, наконецъ, съ неимовернымъ трудомъ, уже по-черкесски, и въ два прыжка очутился возлѣ сосѣдняго плетня; выдернулъ изъ него огромный колъ и устремился было на озадаченнаго казака; но благоразумные люди изъ толпы не допустили юноши выполнить его намѣреніе. «Хоть онъ и гяуръ, но все же нашъ гость, пока въ аулѣ: развѣ можно бить его?» говорили они возбѣшенному молодому человѣку, вырывая изъ рукъ его дубину. Молодой человѣкъ не противился увѣщаніямъ старшихъ и, казалось, рѣшился онести терпѣливо оскорбленіе казака. Съ минуту простоялъ онъ молча позади толпы, потомъ подозвалъ къ себѣ мальчишку лѣтъ тринадцати, вѣроятно брата, и отправилъ его вмѣстѣ съ вырученными за индюка тремя арбузами въ аулъ, а самъ протѣснился къ повозкѣ, и выхватилъ изъ нея самый большой арбузъ. Казачка успѣла было поймать его за лѣвый рукавъ, но онъ дернулъ, и оставилъ у нея кусокъ сукна; затѣмъ, обратно продрался сквозь толпу и, не спѣша, направился по дорогѣ къ рѣчкѣ. Русскій парень обратился сначала къ присутствующимъ съ воззваніемъ о заступничествѣ. Толпа ничего на это не отвѣчала, вѣроятно припомнивъ его недавнюю угрозу высокому юношѣ. Потомъ онъ назначилъ въ премію одинъ арбузъ тому, кто поймаетъ похитителя, но и эта приманка не имѣла силы. Тогда онъ обратился къ народу, говоря: «Э, ваша яманъ, всѣ ваша чушка¹,» и передавъ кнутъ своей спутницѣ, пустился самъ въ погоню. Высокій юноша продолжалъ идти шагомъ. Онъ вовсе не думалъ скрыться съ своею добычей, что весьма не трудно было сдѣлать. Стоило ему лишь перескочить черезъ любой плетень, и засѣсть въ гущѣ высокой кукурузы; цѣлый аулъ не могъ бы отыскать его тамъ. Но молодецъ совсѣмъ другое имѣлъ въ виду; онъ хотѣлъ

¹ Свинья. Русскіе на Кавказѣ очень часто дразнятъ Горцевъ этимъ именемъ.

посмѣяться надъ врагомъ, да и другихъ посмѣшить. Похищеніе арбуза было только средствомъ, а не цѣлю. Поэтому онъ нарочно останавливался, подпускалъ къ себѣ преслѣдователя шага на два и, когда тотъ собирался схватить его, кидался бѣжать. Такъ онъ довелъ русскаго парня до рѣчки и повернулъ вдругъ назадъ къ толпѣ, толкнувъ его при этомъ слегка въ бокъ. Нѣсколько разъ повторялась эта скачка взадъ и впередъ, сопровождаемая громкимъ смѣхомъ довольной толпы. Высокому юношѣ скачка ничего не стоила. Онъ бѣжалъ легко и свободно, не насилуя мускуловъ. Онъ подкидывалъ на бѣгу арбузъ, ловилъ его снова, дразня тѣмъ врага, а русскій парень, малый въ косую сажень, представлялъ собою совершенно другую фигуру. Громадные сапоги его, съ голенищами выше колѣнъ, съ толстыми гвоздями въ пяткахъ, производили неимоверный топотъ, и лишали его всякой возможности легко передвигать ноги. Онъ напрягалъ всѣ свои силы, лѣзъ почти изъ кожи. Горячій потъ прошибъ насквозь толстую его рубаху. Паръ шелъ изъ него, словно отъ загнанной почтовой лошади. Задыхался отъ усталости, онъ сорвалъ съ своей головы папаху. Густые длинные волосы разсыпались по его плечамъ и совершенно заволокли глаза. Парень съ досадой отряхивался и отбрасывалъ ихъ поспѣшно на затылокъ... Наконецъ, онъ догадался, какъ вѣрнѣе догнать быстрого джигита. Вдругъ съ разбѣгу кинулся онъ на землю, среди пыльной дороги, проворно стануль съ ногъ тяжелыя колоды, и босой ударился снова за похитителемъ. Восторгу толпы не было конца. Многие взились за животы и въ истерикѣ припали кто къ чему могъ, вѣроятно изъ опасенія, чтобы не лопнуть. Десятки мальчишекъ, съ криками и свистомъ слѣдовавшіе за казакомъ, кинулись къ его салогамъ. Высокій джигитъ, вдоволь натѣшившись неуклюжимъ парнемъ и, считая себя достаточно удовлетвореннымъ за нанесенное ему оскорбленіе, перебѣжалъ по тонкому бревну черезъ рѣчку, оставивъ на берегу свою добычу. Казакъ послалъ за нимъ усталую руку довольно большой камень; поднялъ затѣмъ свой арбузъ и, облитый весь потомъ, покрытый пылью, съ трудомъ перевода дыханіе, повернулъ къ своей повозкѣ. Униженіе несчастнаго парня этимъ не кончилось. Сапогами его завладѣли нѣсколько шалуновъ, повѣсили ихъ на кончикъ длиннаго шеста, и умчали съ пѣснями въ поле. Казакъ по-

шелъ было и за ними, но скоро раздумалъ, плюнулъ съ негодованіемъ, махнулъ рукою и молча сѣлъ на свою повозку. Тутъ только народъ сжался надъ нимъ. Посыпались со всѣхъ сторонъ жалобы и проклятія на необузданныхъ ребятишекъ. Какой-то суровый холмовникъ отдѣлился отъ массы и, обратившись къ шумной процессіи, надъ которою, въ видѣ знамени, торчали на возгухъ безобразные сапожищи русскаго парня, крикнулъ громовымъ голосомъ: «Эй вы, скверные мальчуганы, выродки безъ стыда и страха! бросьте сейчасъ же сапоги, не то шеи всѣмъ скручу.» Слова его сопровождались такими тѣлодвиженіями, которыя не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія, что они готовы перейти въ дѣло. Шалуны, немедленно бросивъ шесть съ сапогами, разбѣжались. Суровый мужикъ самъ понесъ отбитую добычу, держа ее, впрочемъ, изъ предосторожности за края голенищъ двумя пальцами, и возвратилъ хозяину. Казалось, подобныя неприятели должны были бы охладить ревность русскаго парня къ спекулятивнымъ предпріятіямъ. Ничего не бывало. Онъ преспокойно поворотилъ свою телѣгу въ самую многолюдную улицу, выкрикивая еще сильнѣе прежняго: «Арбузъ продай! яблокъ, огурецъ продай!» Густая кучка народа шла торжественнымъ ходомъ за его повозкой. Вѣрно, не въ первый разъ приходилось парню видѣть подобныя сцены.

Тѣмъ временемъ арбы съ снопами пшеницы поравнялись съ засѣдателями холма.

— Селямъ алейкумъ! внятно произнесъ погонщикъ передовой арбы, привставъ на вытянутыя шеи своихъ воловъ.

— Алейкумъ селямъ! добро пожаловать! заговорили въ одинъ голосъ засѣдатели холма и дружно поднялись на ноги, въ знакъ своего уваженія къ прохожимъ незнакомцамъ. Затѣмъ, Исмель, вмѣстѣ съ другимъ старикомъ направилъсь къ передовой арбѣ, постукивая о землю своими палками и откашливаясь съ шумомъ. Передовой возница, вертлявый человекъ, въ куцой рабочей черкескѣ, безъ газырей, съ большими, разноцвѣтными заплатами на плечахъ и въ иныхъ мѣстахъ, остановилъ своихъ быковъ, произнося въ носъ: го! го! и стукнулъ по ихъ мордѣ короткимъ хлыстомъ. Съ нимъ остановилась и вся длинная цѣпь плотно-нагруженныхъ аробъ.

При этомъ произошла такая невообразимая музыка, подобіе которой можно найдти развѣ только въ самомъ дикомъ сочетаніи звуковъ всѣхъ извѣстныхъ въ мірѣ инструментовъ.

Передовой возница, какъ хорошій *фокотль*¹, не чуждый при томъ нѣкоторой претензіи на знаніе дворянскихъ обычаевъ, проворно сослочилъ съ арма, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу засѣдателямъ холма, въ которыхъ, разумѣется, его опытный глазъ тотчасъ же узналъ людей одного съ нимъ покроя. Между ними завязалась тонкая бесѣда, въ которой обѣ стороны строжайше соблюдали неизмѣнныя правила адигской вѣжливости. Правила эти до такой степени вкоренены въ натурѣ всякаго Черкеса, что пренебречь ими вполне не могутъ даже такія простые особы, каковы засѣдатели холма. Кружокъ нашъ тихо перешептывался между собою, поглядывая искоса и, кажется, не безъ зависти на желтые снопы пшеницы, заманчиво выглядывавшіе изъ проѣзжихъ аробъ. Воображаю, какое непріятное броженіе должно было произойти въ желудкахъ этой почтенной компаніи! На лицѣ почти каждаго холмовника я читалъ сильное нетерпѣніе узнать какъ можно скорѣе результатъ бесѣды Исмеля и его товарища съ счастливыми обладателями пшеницы. Несмотря на это, никто изъ нихъ не рѣшился подойти къ арбамъ. Они боялись излишнимъ любопытствомъ уронить себя въ глазахъ незнакомыхъ людей. Но вотъ разговоръ кончился. Погонщики взобрались опять на шею своихъ несчастныхъ воловъ, и арбы заскрипѣли еще невыносимѣе прежняго. Проѣзжіе, стоя на армахъ, прощались съ засѣдателями холма, благодарили ихъ въ отборнѣйшихъ выраженіяхъ за предложенный имъ ночлегъ. Засѣдатели холма, съ своей стороны, не хотѣли тоже уступить имъ въ ананіи черкесскихъ обычаевъ и упорно настаивали на своемъ.

— Смотрите, уже наступила ночь, говорили они;—куда вы такъ торопаетесь? проночуйте у насъ, ради Бога.

— Пошли вамъ Богъ тысячекратное довольство и столько же лѣтъ здравія! пѣли хоромъ возницы, пока не отѣхали отъ насъ на ружейный выстрѣлъ. Когда они скрылись совершенно изъ виду, кружокъ обступилъ Исмеля съ товарищемъ; а послѣдніе нарочно медлили открытіемъ жадной толпѣ результатовъ своей бесѣды, желая придать еще болѣе важности тому, что имѣли сообщить.

— Вотъ какъ порядочные люди умѣютъ добывать провизію, вымолвилъ наконецъ Исмель.—Не чета намъ.

¹ Крѣпостной человекъ.

— Да откуда, чума ихъ возьми, набрали они столько пшеницы? спрашивали изъ толпы.— На на краю же свѣта достали они ее?

— Да вѣрно и не съ дороги подняли, замѣтилъ Хуца, успѣвшій наконецъ съ горемъ пополамъ снабдить свою вилу рожками:—еслибы пшеница росла по дорогѣ, намъ тушить бы не о чемъ.

Я уже собирался оставить засѣдателей холма, предчувствуя возобновленіе безконечныхъ жалобъ и алегическихъ напѣвовъ желудочной пѣсни, но къ счастью, опасенія мои не сбылись. Старикъ Исмель предложилъ почтенной компаніи, какъ единственное средство выйти изъ затруднительнаго положенія, отправиться на недѣлю въ одну изъ ближайшихъ станицъ, какъ это сдѣлали пробѣжіе. Онъ увѣрялъ, что до тѣхъ поръ, Богъ дастъ, трава не совсѣмъ еще высохнетъ.

— А что, не спрашивали вы у пробѣжихъ насчетъ платы? спросилъ кто-то изъ толпы.

— Какъ не спросить, спрашивали! сказалъ товарищъ Исмедля:—говорятъ, Русскіе даютъ съ двадцати одинъ снопъ.

— Чего же намъ больше желать? Отправимся завтра же, поднялись со всѣхъ сторонъ голоса.

Затѣмъ всѣ безъ исключенія согласились приготовить за ночь все необходимое, а съ зарею поѣхать отдѣльными артелями въ станицу. Послѣ этого рѣшенія, разговоръ принялъ болѣе благопріятный оборотъ. Замерли послѣдніе отголоски желудочной пѣсни. Съ ними вмѣстѣ исчезло и мрачное настроеніе духа: лица засѣдателей холма прояснились и начали даже улыбаться. Предки наши были правы, когда сложили пословицу о скоротечности желудочныхъ печалей.

Между тѣмъ солнце не замѣтно доплыло до крайней черты горизонта, и остановилось на минуту на остромъ шпигѣ одной изъ горъ, какъ бы затѣмъ чтобы взглянуть оттуда еще разъ на пройденное пространство и потонуть за длиннымъ хребтомъ. Красноватые, холодные лучи его робко трепетали на землѣ, вытѣсняемые постепенно черными полосками, которыя начинали уже выбѣгать изъ горныхъ тѣснинъ. Вечерняя прохлада заструилась въ неподвижномъ воздухѣ. Съ рѣки потянуло чудною сѣжестью. Гладкое поле курилось душистыми испареніями; надъ нимъ носилась разноголосная музыка. Наступилъ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, когда стѣсненная полуденнымъ зноемъ грудь жадно захватыва-

гаетъ въ себя напитанный ароматами воздухъ, когда ослабленные члены получаютъ снова бодрость и силу. Въ душу человѣка проникаетъ тогда какое-то тихое, свѣтлое, невыразимо-сладостное ощущеніе. Все, что таится въ глубинѣ сердца чернаго, эгоистическаго,—желчь накопленная рядомъ неудачъ, безвыходная тоска празднои жизни, мрачное чувство не сбывшихся надеждъ,—все это уносится на мгновеніе далеко, далеко. Безпокойные порывы мысли затихаютъ, уступивъ мѣсто безмятежному созерцанію и спокойному мечтанію.

Солнце исчезло. На противоположной сторонѣ неба промелькнулъ летучею искрой умирающій свѣтъ, и потухъ. Затѣмъ багровая полоса стремительно пробѣжала въ вышинѣ, золотя верхушки горъ, и скрылась на западъ. Какъ голодные волки на опустѣвшее поле битвы набѣжали сумерки и охватили мигомъ всю окрестность; но они еще долго боролись съ ясною синевой неба.

Изъ широкихъ трубъ саклей повалили сѣрые клубы дыма и образовали надъ ауломъ темнобурое облако. На насъ несло запахомъ шешлыка и другихъ приготовляемыхъ къ ужину яствъ. Нѣкоторые изъ холмовниковъ съ пріятными ужимками расширили свои ноздри, стараясь втянуть въ себя какъ можно больше ароматическихъ частичекъ. Скотина съ громкимъ мычаніемъ возвращалась съ пастбища. Чабанъ, гнавшій ее, неистово кричалъ во все горло: «Го-го-го! А, чтобы падежъ нагринулъ на васъ завтра же утромъ, чтобы проку отъ васъ не было хозяину!» Слова эти сопровождались ударами тяжелой дубины, да швыряніемъ каменьева. Вмѣстѣ съ волами и коровами приближались къ аулу овцы, отдѣльными кучками. Впереди ихъ выступали важно, подергивая куцыми хвостиками, бородастые козлы, игравшіе роль колонновожатыхъ. Молодые пастухи, желая похвастать своимъ искусствомъ передъ собравшимся на холмъ народомъ, наигрывали съ ожесточеніемъ на камышовыхъ свирѣляхъ извѣстную между Адигами нескромную поѣсть о дѣвнѣхъ дѣвицы Дженсарай.

На хриплое блѣянье старыхъ овецъ откликались нѣжные, чистые голоса курчавыхъ барашковъ, которыхъ разлучили по утру съ любезными родительницами. Поэтому они безпокойно оборачивали головы въ ту сторону, откуда доносились знакомые голоса, даже покушались не разъ устремиться туда цѣлою гурьбой. Но пастухи, ни мало не тронувшись ихъ нѣжными чувствами, поспѣшили загнать ихъ въ средину обнесеннаго ни-

зеньгимъ плетнемъ круга. Человѣкъ десять дойниковъ въ однѣхъ рубашкахъ, съ ведрами въ рукахъ съ засученными рукавами, а иные даже и безъ рубашекъ, стояли уже около другаго плетневаго круга, въ который должна была вступить одна изъ приближавшихся овечьихъ кучекъ. Они звонили отъ нетерпѣнія въ свои ведра и махали шапками пастуху, побуждая его скорѣе гнать свое стадо. Изъ аульныхъ воротъ стали выходить женщины въ пестрыхъ трапкахъ. Размахивая тоненькими прутиками, онѣ торопливо семенили на встрѣчу стада. Ни одна изъ нихъ не прошла мимо холма, хотя это былъ кратчайшій путь въ поле, а всѣ загибали довольно большой крюкъ, чтобъ обойти какъ можно дальше мужскую компанію; онѣ робко и стыдливо отворачивались въ сторону, предоставляя засѣдателямъ холма любоваться ихъ спинами. Предосторожность эта была, однако, совершенно лишняя, потому что между ними не было ни одного хорошенькаго личика, которое могло бы угрожать душевному спокойствію кого-либо изъ холмовниковъ. Только шалуны-мальчишки, положившіе себѣ за правило, никого и ничего не пропускать мимо безъ того чтобы не подразнить, преслѣдовали ихъ по пятамъ, забѣгали то спереди, то съ боковъ, пока выведенныя изъ терпѣнія бабы не прибѣгали къ помощи своихъ прутиковъ. Крестьянки болѣе молодыя и красивыя не отваживались на смѣлое путешествіе въ виду мужской компаніи, среди которой, можетъ-быть, находились ихъ мужья или кто-нибудь изъ родственниковъ. Потому онѣ дожидались своихъ коровъ у воротъ, скрываясь отъ насъ за толстою оградой. Мимо насъ поминутно проносились стрѣлою молодые телата, выдѣлывая на бѣгу такія удивительныя антраша, какимъ позавидовали бы геніальнѣйшія танцмейстерскія ноги. Угнаться за ними могли бы развѣ только неугомонныя аульные мальчишки, для которыхъ, кажется, нѣтъ ничего невозможнаго на свѣтѣ, и они дѣйствительно успѣвали ловить ихъ за хвосты, хотя при этомъ получали сильные толчки въ грудь, а не рѣдко и въ лобъ. Степенные засѣдатели холма начали одинъ за другимъ покидать мѣсто своей сходимки. Потягиваясь да зѣвая, шли они въ поле, справиться засвѣтло—всѣ ли быки и коровы ихъ вернулись съ пастыбища, а если нѣтъ, то распечь хорошенько чабана. Около меня осталось всего человѣкъ пять, и какъ нарочно, самыхъ необщительныхъ и угрюмыхъ. Все ихъ вниманіе было обращено на смѣшанныя группы людей, рогатаго скота, овецъ и лошадей, которыми устѣялась вся окрестность.

Они лишь изрѣдка обмѣнивались между собою замѣчаніями, которыя по своей спеціальности были совершенно недоступны мнѣ. Такимъ образомъ перебирали они достоинства и недостатки проходившихъ мимо быковъ, сообщали при этомъ нѣсколько біографическихъ данныхъ о времени ихъ рожденія, перваго посвященія подъ ярмо, и особенно замѣчательныхъ подвигахъ. совершенныхъ тогда-то и тамъ-то...

— Что вы тамъ караулите, точно вороны пададь? замѣтилъ намъ проходившій мимо человекъ.— Не видите, что ли, что чрезъ васъ бабы не могутъ выйти въ поле: не бось, молока-то имъ не пошлете, коли теленокъ высосетъ корову.

— Ахъ мы, слѣпцы этакіе! всполошились мои собесѣдники отъ такого замѣчанія и поспѣшили пересѣсть на другое мѣсто, подалее отъ воротъ. Я отдѣлился отъ нихъ, чтобы наединѣ наблюдать за оживленною картиной. Нескончаемую нитью тянулись къ воротамъ сытыя коровы, съ полными сосками чуть не до земли. Молодые бычки, не извѣдавшіе еще тяжести ярма, задорно мычали, рыли рогами землю и набирали на свои головы кучи сору и пыли. Натѣшившись вдоволь подобными занятіями, они принимались довольно не учтиво бодать другъ друга. Впрочемъ, говоря безпристрастно, они соблюдали при этомъ нѣкоторыя правила честнаго поединка (какъ видно, и скоты не вовсе лишены понятій о чести и благородствѣ). Такъ бойцы, обнюхавши предварительно другъ друга, вѣроятно желая узнать—какихъ правилъ держится каждый изъ нихъ въ подобныхъ случаяхъ, пятились потомъ медленно назадъ, наклоняли съ угрожающимъ видомъ рога, издавали въ одно время глухое рычаніе, какъ бы говоря: «держись!» и вдругъ, лягнувъ задними ногами високо вверхъ, устремлялись одинъ на другаго. Завязывался отчаянный бой. Сцѣпившись рогами, бычки упорно отстаивали каждый свою позицію; то одинъ подавался впередъ, проводя по отвердѣвшей землѣ глубокіе слѣды своими острыми копытами, то другой. Возня продолжалась до тѣхъ поръ, пока другіе бычки, наблюдавшіе за ними все время въ качествѣ секундантовъ, не разгоняли ихъ въ разныя стороны толчками въ бока. Совсѣмъ иначе выказывали себя толстенькіе низенькіе бугайчики, съ коротенькими рожками, но за то съ чрезвычайно-толстыми шеями. Джентльмены эти обнаруживали несравненно болѣе нѣжныхъ, эротическихъ наклонностей, чѣмъ верстники ихъ, юные бычки. Они настойчиво увивались за

молодыми особами прекраснаго пола, и въ пылу увлеченія доходили до самаго унизительнаго подобоострастія. Впрочемъ, всѣ старанія ихъ были напрасны, потому что тѣ, передъ которыми они разсыпались въ любезностяхъ, въ невинной простотѣ души употребляли всѣ мѣры, чтобъ улизнуть какъ-нибудь отъ излишнихъ ласкъ.

Мало-по-малу все кругомъ стихло. Поле опустѣло. Лишь двѣ-три хромыя коровы, отставшія отъ стада по недосмотру хозяевъ, плелись медленно и неохотно къ воротамъ, подбирая на ходу измятую траву. Мракъ плотно окуталъ собою небо и землю. Бѣлыя стѣны саклей превратились въ длинный рядъ черныхъ точекъ. Только по временамъ мелькали вдоль и поперекъ улицъ тоненькія полоски свѣта, исчезавшія тотчасъ, какъ затворялись двери саклей. Изъ ближайшихъ дворовъ доносились до меня то гнѣвныя, повелительныя, то ласковыя увѣщательныя обращенія женщинъ къ коровамъ, сопровождаемыя шумомъ лившагося въ ведра молока. Наконецъ, по всему аулу пошелъ стукъ отъ заколачиваемыхъ воротъ, дверей, хлѣвовъ и конюшенъ. Стукъ этотъ означалъ, что жители, окончивъ дневные хлопоты, усѣлись спокойно у своихъ очаговъ, въ ожиданіи ужина, а потомъ и лежа. Затѣмъ, наступило совершенное безмолвіе, среди котораго раздавался иногда протяжный окликъ караульщика овецъ. Въ видѣ напутствія на сонъ грядущимъ, зазвенѣлъ съ минарета плавный, величественный голосъ нашего муллы, и звуки божественныхъ словъ тихо потонули во мглѣ. Не думаю, чтобы нашлось много охотниковъ пойдти на его зовъ, за исключеніемъ пяти-шести старичковъ, которыхъ близкое вѣянье сырой могилы сдѣлало по-неводѣ набожными.

КАЛАМБІЙ.

ПЛАЧЪ ПРОВИНЦІЯЛА

ДЕКАБРЬ 1861

Съ незапамятныхъ временъ, я имѣю счастье жить въ одномъ губернскомъ городѣ. Онъ моя родина, и все дышащее въ немъ дорого моему сердцу. Домъ мой стоитъ на углу двухъ главныхъ улицъ; ни одно сколько-нибудь достопримѣчательное событіе въ нашемъ городѣ не миновало глазъ моихъ. Каждый день сажусь я подъ окно и гляжу на улицу. И это не отъ-нечего дѣлать, нисколько: глядѣнье въ окно я влючаю въ число моихъ дневныхъ трудовъ, въ число моихъ обязанностей. Законы благоприличія, выдуманные въ столицахъ, осуждаютъ подобное занятіе, находя его непорядочнымъ,—но я нахожу, что законъ этотъ недѣленъ, я презираю его. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли ожидать, чтобы человѣкъ когда-нибудь принялъ къ сердцу тревоженія всего міра, если онъ не обращаетъ вниманія на ближайшую среду, въ которой движется, если какой-то свѣтскій уставъ обрѣзываетъ его любознательность на первомъ шагу?... Сто разъ въ день хваля себя, что не побоялся ложнаго стыда прослыть человѣкомъ непорядочнымъ; эта стойкость вознаграждена вполне: я неограниченъ какъ паукъ четырьмя стѣнами моего дома, я живу гораздо обширнѣе; весь городъ кажется мнѣ моимъ домомъ,

всѣ хозяйства въ городѣ — моимъ собственнымъ хозяйствомъ. Вотъ, передо мной большая улица: мнѣ извѣстно, чья это тамъ зеленая крыша, чья красная и когда ее перекрасили; въ которомъ часу отворятся такіе-то ставни, чьи дрожки подъѣдутъ къ этому подъѣзду, что купить вонъ тотъ поваръ на базарѣ. Чего я не догляжу, — мнѣ придуть и разкажутъ, и точно также, непременно, про меня разкажутъ всѣмъ и все. Въ этомъ обмѣнѣ познаній есть прелесть чрезвычайная, откровенность трогательная... Въ самомъ дѣлѣ, къ чему нарочно окружать себя таинственностью, и не смотрѣть на вещи, которыя охотно поддаются нашему наблюдению? Мало ли и безъ того въ жизни и мрака, и сомнѣній, и разныхъ тайнъ, отъ которыхъ теряешься въ мучительныхъ догадкахъ, отъ которыхъ болитъ голова?...

Итакъ, я счастливъ моимъ вполне опредѣленнымъ положеніемъ. Весь нашъ городъ съ его жителями стоитъ передо мною въ ровномъ, необманчивомъ свѣтѣ. Каждая частичка воздуха, которымъ я дышу, мнѣ знакома, и я знаю навѣрное чѣмъ могу обрадоваться и чѣмъ опечалиться. Вотъ почему мой родной городъ такъ дорогъ мнѣ, вотъ почему и его радости и печали такъ близки моему сердцу.

Но, въ настоящее время, мое сердце страдаетъ.... Въ немъ давно завелась тревога и тщетно я ищу унять ее. Она растетъ съ каждымъ днемъ и скоро совсѣмъ отравитъ мое существованіе.

Городъ нашъ сталъ не тотъ—вотъ причина.. Да, сколько ни гляжу, и какъ ни хочется мнѣ, въ утѣшеніе, обмануть себя,—це тотъ онъ, что былъ прежде, хоть бы лѣтъ десять назадъ. А всякой переменны я боюсь какъ огня. Особенно грустно взглянулось мнѣ что-то сегодня утромъ. Точно также тогда, какъ теперь, смѣнялись надъ нами времена года, висло хоть бы такое какъ нынче декабрьское небо; желтыя и сѣрыя стѣны нашихъ домовъ и заборовъ такъ же криво и косо тянулись вдоль улицъ покрытыхъ пуховиками снѣга; домовъ этихъ и счетовъ почти столько же, сколько было тогда... Каретъ и саней столько же, прохожихъ столько же... Для неопытнаго или равнодушнаго глаза нѣтъ никакой перемены. Но мнѣ-то, она видна. То же небо—но не тѣ головы оно морозитъ; тѣ же сани—но не тѣ сердца онѣ развозятъ изъ края въ край моей милой отчизны...

Десять лѣтъ назадъ, было у меня здѣсь двое знакомыхъ, — юноши лѣтъ подъ тридцать, львы нашего города. Профессія одного была рыскать отъ утра до ночи, собирать слухи и сплетни и передавать ихъ въ салонахъ. Службу свою обществу онъ несъ ревностно, сознавая ея пользу, и, конечно, мы были не неблагодарны. Этого молодого человѣка уважали, обожали, боялись; онъ былъ богатъ; казалось, могъ бы быть совершенно счастливъ. Но видно было не совсѣмъ такъ. Къ концу дѣятельнаго дня, онъ часто прибѣгалъ ко мнѣ, бросался на диванъ въ растяжку и, зѣвая во все горло, кричалъ: «скучно, скучно!»

Другой юноша былъ не львенокъ по вспомогательнымъ средствамъ, но какъ-то попалъ у насъ въ честь. Каждый день, съ утра, онъ натагивалъ свою львиную шкурку и отправлялся по стогнамъ. Его профессія была заугивать народъ величавою неприступностью; смертные не изъ вершинъ общества, а чуть чуть пониже, никогда не видали дальше вздернутаго конца его носа, а слышать львиное рыканіе и не удостоивались. Голосъ его слышали только губернскія вершины: но и тутъ онъ издавалъ лишь рѣдкія ворчанія, отрывочныя фразы, которыя всѣми принимались за нѣчто многозначительное; по большей же части, онъ хранилъ грозное молчаніе, полное тайны. Польза этого льва была несомнѣнна: онъ показывалъ примѣръ какъ царь-человѣкъ долженъ высоко цѣнить достоинство своей особы. Сознавая свою пользу, онъ бы могъ быть совершенно счастливъ. Но нѣтъ, нѣтъ! Точно также, къ концу дня, сбросивъ шкурку, онъ кричалъ, не львинымъ, а своимъ собственнымъ разбитымъ теноркомъ: «ай, скучно! ай, какъ скучно, скучно!»...

Всѣ мы, губернскія вершины (къ которымъ и я имѣю счастье принадлежать), въ большей или меньшей степени подходили по складу, характеру и профессіи на нашихъ львовъ. Мы были довольны собою. Но полнаго счастья на землѣ нѣтъ! И мы всѣ, къ концу дня, ворчали: «скучно, скучно!»

Отчего скучно?.. О, еслибы теперь, чрезъ десять лѣтъ, каждый изъ насъ сознался такъ просто, какъ я, безъ лжи и не кривя душой, и не перерядилъ бы свое «скучно» въ какую-нибудь прошлую, возвышенную тоску! Вся скука была — пустой карманъ, не удавшаяся интрига, проигрышъ въ клубѣ, семейная исторія. А у тѣхъ, кто не страдалъ ничѣмъ подобнымъ, скука была отъ желанія наслажденій въ болѣе обширныхъ размѣрахъ — желанія милліона, кутежа на широкую руку, того, чего не давала судьба и для чего было мало губернскаго про-

сторы... Право, мы только отъ безденежья скучали. Право не оттого, что на улицахъ сто безграмотныхъ на одного грамотнаго, что нѣтъ воскресныхъ школъ на каждомъ перекресткѣ и университета на нашей Дворянской улицѣ, что наша пожарная команда плоха, а полиція крадетъ, что крадутъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Мы скучали не оттого, что въ литературѣ стояла тьма кромѣшная, не отъ мечтаній о несуществовавшей гласности, не отъ фантазій о необходимости разныхъ реформъ, о томъ, что хорошо было бы завести у насъ такія вещи, какія въ ходу за моремъ. Право, мы этого не думали. Мы теперь, чрезъ десять лѣтъ, клеветемъ на себя, будто мы это думали. И многіе изъ моихъ согражданъ (къ несчастію, я это слышу!) кичатся своею тогдашнею скукой, какъ будто она происходила именно отъ недостатка въ выше-упомянутыхъ и тому подобныхъ благоустроенныхъ порядочно устроеннаго общества. И какъ искренно хвалятся они! Ужъ не повѣрить ли, чтобъ помириться съ ними? не рѣшить ли, что десять лѣтъ назадъ была не одна, а двѣ скуки,— одна для вида, а другая про себя, въ глубинѣ души, даже не сознаваемая, скука пророческая о неурядицахъ нашей родины?..

Мы были счастливычики десять лѣтъ назадъ. Стѣбитъ взглянуть въ зеркало, чтобъ убѣдиться. У насъ теперь совсѣмъ другія фізіономіи, потревоженные, недовольныя, отуманенныя, озабоченныя,—очень непріятныя фізіономіи. Тогда мы смотрѣли ясно; въ глазахъ нашихъ выражалось наше спокойное міросозерцаніе.

Мы жили тогда хорошо. Была славная, давно-давно установившаяся пора. Наше губернскае общество уже много лѣтъ держалось неизмѣнимо, или привыкнувъ къ своему складу, или довольное своимъ строемъ, своимъ вкусомъ, своими мнѣніями, своими правами, своимъ управленіемъ, всѣмъ существовавшимъ порядкомъ вещей. Иные находили этотъ порядокъ прекраснымъ, иные признавали его неизбѣжнымъ; одни не чувствовали надобности въ перемѣнахъ, другіе (очень немногіе) смутно желали чего-то другаго, чему, однако, не находили ни образа, ни имени. Развѣ два-три челоуѣка составлявшіе исключеніе, и то робко, не довѣряя себѣ, умѣли назвать, что, вотъ, именно то-то или то-то казалось имъ дурно, но, какъ сказалъ поэтъ, «привычка чудовище», и она съѣдала робкихъ мечтателей на первой попыткѣ слова. Можно

ли было, послѣ этого, надѣяться, чтобъ эти люди пошли самымъ дѣломъ наперекоръ общему мнѣнію?

Итакъ, насъ ничто не тревожило. Мы сами себя нравились во всѣхъ отношеніяхъ,—хоть бы въ томъ, напримѣръ, что всѣ мы были тогда народъ не крупный, и мало кто смѣлъ или могъ перегнуть другаго головою. Видъ этого общества людей, все ниже средняго роста, какъ низенькіе заборы нашихъ переулковъ, производилъ на глаза пріятное впечатлѣніе. Лѣтъ двадцать или двадцать пять ранѣ этой поры (то-есть, вскорѣ послѣ Француза) было у насъ гораздо хуже. Тогда въ провинціи разрастались какъ хотѣли, отчего выходило очень противное зрѣлище разнообразія. Ростъ, въ особенности, тѣхъ благодѣтелей которые живутъ вокругъ насъ порядокъ и благоустройство,—ростъ этотъ, какъ извѣстно, зависитъ отъ петербургскаго воздуха; онъ почти весь въ его власти. Послѣ Француза, было у насъ, въ провинціи, еще много крупнаго народа. Эти особы у насъ разрастались уродливо, поднимались выше лѣса стоячаго, грозно шумѣли вѣтвями; взглядъ на нихъ возводился съ трепетомъ, и воробьи не подлетали къ нимъ близко; остальной народъ лежалъ кругомъ какъ травка полевая, или ужъ много-много какъ презрѣнный кустарникъ. Но въ мою пору (то-есть, десять лѣтъ назадъ) этимъ уродствамъ былъ давно положенъ конецъ. Петербургъ сталъ присылать въ провинціи, для нашего благоустроения, свои собственные образцы. Нашли ли тамъ, что большіе размѣры слишкомъ лѣзутъ въ небо и потому вредны для общества, что видъ ихъ неприличенъ; приплюснулъ ли этихъ новыхъ людей невзначай или нарочно петербургскій воздухъ, или тамъ вышла мода на приземистыхъ,—только къ намъ, въ провинцію, явились власти все приземистаго свойства. Подгибая колѣни отъ дѣйствія стихій, хотя отдаленной, хотя самимъ имъ родной, эти люди стали совсѣмъ маленькіе. Они пошли только въ ширину, въ особенности со стороны боковыхъ кармановъ. Немудрено, что при такомъ присѣданіи, низенькое, трепещущее быліе, въ родѣ мелкихъ зависящихъ чиновниковъ, стало своимъ старшимъ по плечу. Маленькіе подровнялись еще тѣмъ, что постоянно находились навѣтяжкѣ. Отсюда-то отрадное зрѣлище плоскости, вымѣренной по ватерпасу.

Мы всѣ, и власть имѣвшіе, и не имѣвшіе, чувствовали, что уменьшать себя очень выгодно, и дѣлали это добровольно.

Согласитесь, для маленькаго существа тутъ и есть, подъ самыми ногами, наша точка опоры—земля, изъ нея же извлекается всякій минералъ на пользу челоуѣка; запахъ жирнаго блюда скорѣе доходить до обонянiя; не сгибая спины, можно ощупать руками постель, на которой такъ хороши шестичасовые, послѣобѣденные отдыхи, а глазомъ ужъ и говорить нечего, во сколько разъ удобнѣе высмотрѣть всякую железную добычу. Чтò проку въ высокоподнятой головѣ? Передъ ней одно пустое пространство, какъ всѣмъ извѣстно, неимѣющее свойства насыщать...

Маленькіе мы были, это само по себѣ, но спѣшу напомнить, что мы были горды, чтобы кто-нибудь не смѣлъ вообразить чего другаго. Будучи ростомъ по четыре вершка, мы все же знали, что у насъ есть рабы, и классы общества были у насъ сильно разграничены. Губернаторъ и губернаторша такъ и помнили, что они князи земли, и всѣ мы въ это вѣровали. Каждый служащій, по рангу своему, помнилъ, кому можно войти въ губернаторское святилище на десять шаговъ, а кому подобааетъ остаться у притолки. Въ собраніяхъ, мелкій чиновничій людъ всегда устраивалъ свои кадрили поодаль отъ аристократiи; купцовъ въ наше общество не пускали, развѣ миллионщикомъ, а учитель гимназiи,—будь онъ хоть мудрецъ, хоть семи пядей во лбу, какъ говорятъ мужики,—всегда считался мизернѣйшимъ кавалеромъ. Онъ послѣдній получалъ приглашенiя, и не удостоивался знакомства. Онъ могъ наслаждаться своею мудростью про себя, да и тутъ, у насъ всегда была готова остратка на разныя завиральныя идеи и премудрости... «Премудрость» и «ученость» были у насъ почти бранное слово...

О, кто бы могъ подумать, что придетъ такое время, когда я, даже въ шутку, въ самую невиннѣйшую шутку, не осмѣлюсь сказать, что премудрость есть глупость!.. А оно пришло. Еслибы теперь я только заикнулся,—найдутся десятки рукъ, которыя схватятъ меня за горло...

О, кто бы могъ подумать еще болѣе ужасную вещь, что такъ крѣпко сколоченное зданіе губернскаго общества пошатнется!.. А оно пошатнулось. Мнѣ стоить взглянуть на улицу. Вотъ, рядъ домовъ; правда, еще не велики трещины и щели, но, если покривилась крыша, значить фундаментъ плохъ и домъ рухнетъ непременно. О, лишь бы только мнѣ не быть свидѣтелемъ его паденiя!..

Вспомнились мнѣ, сейчасъ, наши губернскіе балы и за ними рядъ прочихъ увеселеній... Странно сказать, тутъ-то въ ушахъ моихъ особенно и раздается это завѣтное слово: «скучно, скучно!» И никогда, помнится, не бывало оно у насъ въ большемъ ходу, какъ при сборахъ къ какому-нибудь увеселенію и послѣ увеселенія. Точно будто насъ тащили съчъ—и выбѣгли.

Отчего же намъ такъ тяжело давалось веселье? какая тому причина? Едва рѣшусь сказать, спорщиковъ противъ меня найдется много. Кажется мнѣ вообще, что русское общество не любитъ веселиться. Удовольствій новаго рода оно не придумало, а балы, маскарады, пикники, гулянья, театры, все это удовольствія прививныя, занесенныя къ намъ изъ-за моря, иныя навязанныя насильно въ давнюю эпоху; ихъ русское общество не любитъ искренно и врядъ ли полюбитъ, потому что еслибы полюбить, то давно бы пора. Потребность этихъ увеселеній не перешла въ нашу плоть и кровь; въ нашихъ сборищахъ, въ нашихъ скаканіяхъ, нѣтъ и капли жизни; мы другъ на друга нагоняемъ зѣвоту... Спросить бы тѣхъ изъ нашихъ мудрецовъ, которые говорятъ, что добрались, какова именно должна быть русская жизнь,—спросить бы ихъ, не приберутъ ли они, наконецъ, для нашего общества—самобытнаго русскаго увеселенія?

А то, какъ скучно!... Хоть бы, мой милый городъ, о, какъ туго ты веселился!

Вотъ, напримѣръ, у губернатора балъ. Но это не отъ полноты разыгравшейся души: официальность, санъ того требуютъ... Приглашены всѣ, кто имѣетъ право на такое счастье. Богатыхъ у насъ немного, какой-нибудь десятокъ людей, для которыхъ нарядъ семьи не разоренье; эти собираются спокойно. Но загляните во всѣ остальные дома: тамъ *salon* public. Отецъ и мать озабочены, готовятся къ веселью сердито; надъ каждою дентой дочери излить гнѣвъ о дороговизнѣ ленты и высказаны размышленія о бесполезности и тягости подобныхъ затѣй... Богатый обыватель чтить губернатора за его балъ тоже баломъ, но не отъ благодарности души, а большею частію въ пику другому обывателю. Рѣшать подписку на обѣдъ сановнику, на пикникъ,—опять ссоры, опять ворчанье, каждаго порознь, а часто всѣхъ вмѣстѣ, на глупость и бесполезность затѣи, хотя затѣя и устроится... Осуществить благородный спектакль или живыя картины—все то же, что

сдвинуть съ мѣста гору... Зачѣмъ же все это дѣлается, наконецъ, когда нѣтъ желанія? Да Богъ знаетъ, потому что такъ заведено или хочется пустить пыль въ глаза. Много мѣшаетъ и роскошь, и желаніе показаться роскошнымъ. Еслибы была настоящая потребность веселья, эту роскошь убавили бы добровольно и веселились бы, какъ веселятся Нѣмцы въ своихъ зимнихъ садахъ, за кружкой пива...

Зрѣлищъ нашъ городъ вовсе не любитъ. Былъ одинъ театръ, его сломали; можетъ-быть, выстроить другой, и, навѣрное, тоже сломають, или, наконецъ, въ немъ будутъ только мухи.

Вообще, со стороны эстетической, нашъ городъ былъ плохо развитъ; онъ впрочемъ таковъ и теперь. Музыкой, пѣніемъ, живописью у насъ не занимаются,—развѣ къ случаю или на показъ. Чтò такое гулять—мы не понимаемъ. Мы гуляемъ по тощему бульвару покуда тамъ играетъ полковая музыка и есть офицеры,—а нѣтъ ихъ, и не нужно намъ ни лѣтнаго неба, ни воздуха, и въ садахъ могутъ расти себѣ хоть вѣники. Вообще, въ нашемъ городѣ терпѣть не могутъ красоты природы. Окрестности у насъ омерзительныя, и до этòгоникому нѣтъ дѣла; два Нѣмца исправили бы ихъ въ одинъ годъ, но мы не любимъ прилагать рукъ къ подобнымъ вздорамъ.

Спѣшу сказать однако, что, по моему мнѣнію, эти мелочи нисколько не бросаютъ тѣни на наше достоинство; онѣ припомнились мнѣ только такъ, по поводу нашей прежней скуки...

Особенно, я помню, заскучали мы лѣтъ восемь назадъ, передъ началомъ войны. Впрочемъ, это не было предчувствіе близкихъ бѣдствій родины; нѣтъ. У насъ, о ту пору, перессорились между собою всѣ городскія власти и, буквально, нельзя было никуда показать носа безъ риска прослыть шпиономъ, переметчикомъ, или, по меньшей мѣрѣ, человѣкомъ неблагонамѣреннымъ въ глазахъ котораго-нибудь изъ нашихъ немногихъ статскихъ превосходительствъ. Крымская война подоспѣла очень кстати. Музыку увели офицеры, деньги понадобились на жертвы. Эти обстоятельства дали какъ будто бла-

говидный предлогъ нашей скукъ, будто бы отнявъ и желаніе и средства веселья,—а веселье и безъ того никогда не ладилось...

Что о ту пору всё мы были патриоты — это несомнѣнно, тутъ не можетъ быть и спора; я готовъ присягнуть, что патриотизмъ лежалъ въ глубинѣ душъ нашихъ. Чѣмъ онъ долженъ былъ выразиться—этого въ нашемъ городѣ не определялъ никто; да и что въ опредѣленіяхъ? и что же, наконецъ, высказывать впередъ съ своимъ собственнымъ мнѣніемъ? Мы терпѣливо ждали слова изъ столицы: тамъ должны были рѣшить въ чемъ слѣдовало выказаться нашему патриотизму. До тѣхъ поръ мы молчали, стойко, какъ настоящіе герои, равнодушные въ виду опасности, — какъ мудрые герои, которые дорожатъ своими силами, своимъ оружіемъ, своимъ имуществомъ, а не расточаютъ всего этого зря, по первому движению сердца. Когда пришли приказы изъ столицы, и когда въ свою очередь, власти наши, угадавъ желаніе столицы, пояснили намъ что еще нужно было пожертвовать и сдѣлать,—мы дали и сдѣлали. Нашъ подвигъ надо цѣнить очень высоко: пусть возьмутъ въ соображеніе, что театръ войны былъ отъ нашего города за двѣ тысячи верстъ и, слѣдовательно, наша собственная жизнь не подвергалась опасности,—да еще и то, что никто у насъ не понималъ изъ-за чего тамъ все это дѣлалось...

Война кончилась... Но тутъ я почти не могу говорить отъ горечи. Всѣмъ извѣстно, что объ эту пору на нашей родинѣ заговорили вдругъ совсѣмъ новымъ языкомъ, заплѣли на неслыханныя темы... Но пусть бы плѣли себѣ въ другихъ мѣстахъ,—откуда взялся этотъ концертъ въ нашемъ городѣ? Я никакъ не воображалъ, чтобъ мои сограждане были такого флюгернаго свойства, чтобъ они,—о стыдъ!—заплѣли съ чужаго голоса, они, такіе самостоятельные. И еще хоть бы вдали-то гремѣлъ большой хоръ, тогда бы куда ни шло. Но вдали раздавалось всего нѣсколько голосовъ, плѣла горсточка людей о чемъ-то надумавшихся въ своихъ углахъ, написавшихъ нѣсколько книжекъ, побывавшихъ за границей,—все не Богъ знаетъ какіе люди. Я никогда не воображалъ, чтобы крошечное меньшинство могло осмѣлиться задавать тонъ и чтобъ его слушались!

И зачѣмъ слушать, наконецъ? Еще, еслибы тема была пріятная,—но, напротивъ, она была самая грустная. И что всего

противнѣ—тема совершенно на выворотъ той, на которую мы пѣли прежде. Прежняя была: «Все кругомъ насъ хорошо, мы хороши, но скучно.» Новые пѣвцы запѣли: «Все гнусно, мы гнусны и не въ пору веселы.»

«Все гнусно!..» Я не могъ этого выносить. Все, оптомъ все, чѣмъ мы по справедливости гордились?... Неправда!..

— Ломка, ломка всего,—вотъ единственно спасеніе! кричали голоса.

— Чтò ломать? развѣ городъ горить? спрашивалъ я въ отчаяніи и побѣждалъ къ начальству.

Начальство, конечно, все знаетъ лучше нашего. Слава Богу, оно сидѣло по своимъ мѣстамъ, кто за дѣлами, кто за картами, спокойно. Слава Богу, никто изъ нихъ не казался самъ себѣ гнусенъ, и ни о какомъ пожарѣ имъ не докладывали.

Я вздохнулъ полегче. Но, чтобы разрѣшить себѣ, зачѣмъ же мои сограждане забили тревогу, — я пошелъ къ одному мудрецу. У насъ они водятся.

— Чтò съ нами? чтò съ ними? спросилъ я.

— Ничего, отвѣчалъ мудрецъ:—такъ, новую пѣсенку услышали, да какъ чижи и повторяютъ. Слова одни. Вы взгляните и успокойтесь: много ли ихъ, крикуновъ? десятокъ, два—и обчелся. Ихъ и не прибудетъ, повѣрьте. У насъ народъ умный, всякому дѣлу ждетъ приказа «оттуда»; велать всѣмъ пѣть—и запоетъ, велать все ломать,—ну, сломаемъ. А эти задорные.... Случись теперь, не шутя, какое дѣло, ломка, чтò ли,—изъ нихъ половина чикъ-чикъ и въ кустъ.... Да и ломки никакой не можетъ быть. Чтò тутъ передѣлывать?..

Мы и не знали, что «дѣло» близко и уже стоитъ на нашемъ порогѣ....

Нельзя забыть той минуты, когда, четыре года назадъ «вопросъ»—какъ называютъ у насъ преобразование осуществившееся теперь,—когда этотъ вопросъ—до тѣхъ поръ одно предчувствіе, призрачный страхъ, желанная мечта—облекся въ слово ясное, несомнѣнное, и коснулся нашего слуха...

Странно,—цѣлый тотъ день меня, почему-то, преслѣдовала галлюцинація. Моимъ глазамъ представлялась необъятная занавѣсь; ея вершина исчезала въ небѣ, а края съ обѣихъ сторонъ исчезали въ пространствѣ. Передъ занавѣсью стояли люди всего нашего губернскаго города, всѣхъ нашихъ городовъ, всѣхъ пригородовъ и селеній; стояла тьма-темъ людей и ждала. Вдругъ занавѣсь заколыхалась; невидимая, могучая рука приподняла ея край и оттуда раздался голосъ :

— Идите въ новую жизнь.

Первые ряды дрогнули и хотѣли отступитъ, но позади ихъ рванулась толпа; за ней, сплошною стѣной двинулись послѣдніе ряды и всѣ, общимъ, неодолимымъ напоромъ, пошли впередъ....

Я человекъ положительный и болѣе дорожу дѣйствительностью чѣмъ самыми поэтическими галлюцинаціями. Прогнавъ ихъ, я отправился вечеромъ въ «пріютъ родимый,» въ клубъ, взглянуть какъ приняли *это* наши.

Видъ нашего клуба напомнилъ мнѣ почему-то, и совсѣмъ внезапно, одно обстоятельство изложенное въ учебникѣ древней исторіи. Какой-то народъ напалъ на Римъ и натворилъ тамъ множество бѣдъ; граждане заперлись въ Капитоліи, а сенаторы, сѣвъ предъ своими домами, поклялись не вставать съ мѣста, ожидая смерти. Они пребывали такъ неподвижны и величественны, что враги приняли ихъ за изваянія.

Я—не врагъ—былъ умиленъ зрѣлищемъ, которое явилось предо мною въ клубѣ, и самъ, тихо, храня глубокое молчаніе, занялъ кресло въ рядахъ моихъ согражданъ. За карты не сѣлъ никто. По зеленымъ, не исписаннымъ столамъ только постукивали пальцы, выражая раздумье склоненныхъ надъ ними головъ. Лица были болѣе обыкновеннаго красны или блѣдны. Вопросы и отвѣты были кратки и отрывочны.

— Да неужели такъ?...

— Да такъ!....

Въ подобныхъ бесѣдахъ застала насъ поздняя ночь.

Утро, какъ извѣстно, оказываетъ освѣжающее дѣйствіе даже на слабоумныхъ; тѣмъ освѣжительнѣе подѣйствовало оно на особъ съ такимъ здравымъ смысломъ, какъ наше губернское общество. На другой день, обрыскавъ городъ вдоль и поперекъ, я собралъ драгоцѣнныя рѣчи, удержалъ ихъ крѣпко въ головѣ

и, надосугъ, дома, поразмыслилъ какого мнѣнія лучше мнѣ держаться.

Мнѣнія можно было раздѣлить приблизительно на четыре категоріи. Ихъ можно выразить такъ:

1 Если дали работу, то — нечего дѣлать—надо работать.

2 Сидѣть у моря и ждать погоды.

3 Ничего изъ «этого» не будетъ.

4 «Этого» вовсе не будетъ.

Я рѣшился на сидѣнье у моря. Рѣшеніе это, освобождая мою душу отъ чувствъ и помысловъ отягощающаго свойства, давало мнѣ просторъ смотрѣть безъ расцѣпанія на то, что дѣлалось кругомъ.

Но что мнѣ предстояло пережить въ первыя минуты! О, печальныя воспоминанія! Не прошло много времени, какъ я разглядѣлъ, что въ городѣ у насъ водворится скука бѣшеная. Ну, такая бѣшеная, какой не запомнятъ старики! Ни даже самаго маленькаго поползновенія на балникъ, ни то чтобы сообща скушать стерлядку, чтобы дать спектакль въ пользу бѣдныхъ; даже бѣдныхъ забыли. Зная навѣрное, сколько у каждаго жителя лежало въ шкатулкѣ, я зналъ также сколько изъ нея вынималось. Шкатулокъ не украли, ихъ тоже не заперли подъ спудъ; но радостями, изъ нихъ исходящими, перестали дѣлиться. Правда, что объ эту пору у насъ въ городѣ поднялась на все дороговизна, но, очевидно, не она произвела перемену въ нравахъ: не то, чтобы стало жаль добра, а общительность пропала. Стерлядей начали ѣсть гораздо больше прежняго, атласу и бархату стали покупать гораздо больше прежняго,—но все это про себя;—только про себя, много-много для насыщенія двухъ-трехъ пріятелей, или на зависть двумъ-тремъ пріятельницамъ... Я готовъ былъ плакать. За что же, наконецъ, такое недоверіе къ моему желудку, будто онъ неспособенъ переварить чужую стерлядку?... Въ одно утро, я даже нобѣжалъ съ протестомъ. О, лучше бы я не бѣгалъ!

Многіе кушали и приняли меня. Но, Господи, до чего они стали сердиты! Господи, до чего сердиты! Одна физиономія особенно привела меня въ ужасъ: то былъ одинъ изъ бывшихъ пѣвцовъ нашего величія и благоденствія.

— Что же вы ужъ такъ-то?... спросилъ я, трепеща.

— А ломка?

И тутъ онъ такъ на меня взглянулъ, что я едва унесъ ноги.

Я побѣждалъ къ пѣвцамъ нашей гнусности, отвести душу.

— У нихъ вѣрно если не сытно, то весело, думалъ я:—ихъ пѣсня выпѣлась удачно, ложка идетъ.

Но съ улицы почти не было слышно пѣнія. Хоръ сталъ вдвое меньше прежняго, крошечный, и тотъ пѣлъ какъ-то себѣ подъ-носъ, не то фальшивя, не то пѣсня надоѣла.... Только два три голоса, чистые, сильные, какихъ я не слыживалъ прежде, заливались будто соловьи о красотахъ новой зори.

— Чтѣ же вы, господа? обратился я къ остальнымъ:—откуда меланхолія? Веселитесь, я вамъ не мѣшаю.

Мнѣ не отвѣчали; я ушелъ... Глупецъ, я и забылъ, что русское общество не любитъ веселиться...

Говорить ли, чтѣ было со мною далѣе?... нѣтъ, нѣтъ, я вѣрно въ тотъ день сходилъ съ ума! Скажите, бываютъ ли превращенія? Обѣгая знакомые дома, я не узнавалъ половники моихъ согражданъ.

Не узнавалъ совсѣмъ. Приходилось расшаркиваться съ незнакомыми. Передо мной все были новые люди. То-есть, тѣ же лица и тѣ же люди, но не тѣ лица и не тѣ люди... Какъ я это объясню? Должно-быть, я сходилъ съ ума.

Меня и встрѣтили такими рѣчами и движеніями, что хотъ бы въ желтомъ домѣ.

— Мы гуманые люди, мы филантропы! Да повѣрьте же, Христа-ради, что мы филантропы! закричали мнѣ на встрѣчу голоса—увы!—моихъ прежнихъ друзей.

— Какъ вы смѣете не вѣрить, что мы филантропы? кричали другіе.

— Вонъ отсюда, вонъ милостивый государь! рѣшали третьи:—мы васъ не знаемъ. Вы отсталая дрянь! мы отъ рожденія либералы и люди прогресса.... Вонъ отсюда, вонъ!

— Пощадите! будемъ либералами! будемъ прогрессистами! будемъ филантропами! Пощадите! голоса еще толпа моихъ друзей, бросааясь на колѣни и предъ чужими, и другъ передъ другомъ, и наконецъ, передо мною.

— Господа! застоналъ я въ ужасѣ:—что съ вами? что вамъ отъ меня нужно? что такое вы говорите? Что такое «либералъ» и «прогрессистъ»? Чтѣ могу я сдѣлать для васъ, или какія мои преступленія? Если надо что кому сообщить—я побѣгу! Только скажите, кому это надо, кто этого требуетъ? Развѣ есть какое предписаніе новое, чтобъ вы были филантропами и

прогрессивцами? Пржеинихъ грѣховъ не взыскивають, господа... Господа, господа, да не войте, Бога-ради! развѣ страшный судъ прішель? Да ничего нѣтъ, клянусь вамъ честью!

— Убирайтесь! закричали на меня со всѣхъ сторонъ.

Я опрометью бросился на улицу. Мчась по ней, я увидѣлъ, что за нѣкоторыми знакомыми ставнями мелькала огни, зажженные спозаранку.

— Иль ужь козыряютъ? подумалъ я и вошелъ... но увидѣлъ только спины, согнутыя надъ работой.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Чтѣ вамъ угодно?

— Я пришелъ поговорить... началъ я.

— Нечего говорить, надо дѣло дѣлать, возравили мнѣ.—кто утиво, кто съ противною насмѣшкой, а кто и вовсе сердито, и показали мнѣ на дверь.

Съ гора, разбитый во всѣхъ моихъ чувствахъ, я побрелъ домой. Хозяйка моего дома—помѣщица лѣтъ семидесяти; она присутствовала при моемъ рожденіи и, съ тѣхъ поръ какъ я сталъ на ноги, я живу подъ ея кровлей. Я постучался къ ней.

«Пойди, послушать хоть сказки,» рѣшилъ я, понуривъ голову.

Я стучался очень долго, и, наконецъ, заработалъ кулаками въ всѣхъ силъ. За дверью зашевелились.

Старая барыня сама пріотворила дверь и тотчасъ захлопнула ее такъ поспѣшно, что чуть не прищемила мнѣ носа.

— Почтеннѣйшая, вѣдь это я; или вы меня не узнали? сказала я въ замочную скважину.

— Можетъ-быть и ты; да мнѣ какое дѣло? отвѣчала она съ верчаньемъ.—Видишь, какія страшныя времена пришли, лежись, да умирай. Кто тебя узнаетъ, чтѣ ты такое? можетъ и воръ, а можетъ и что хуже еще для насъ затѣяли. Отойди, не то велю спустить собаку... Къ нищему за сумой пришли...

Послѣдняя бодрость оставила меня... Бѣжать, бѣжать вонъ изъ города,—только бы выбрать заставу!...

Ночь была страшная; тьма стояла на площадяхъ, улицахъ, переулкахъ... Бѣжать!... «Къ нищему за сумой пришли»... дребезжалъ въ ушахъ голосъ старухи...

И вдругъ, почудилось мнѣ,—изъ всѣхъ домовъ и флигелей города, изъ всѣхъ оконъ этихъ домовъ и флигелей, поднялись голоса и кричали:

— Мы нищіе, нищіе! къ намъ за сумой пришли!...

Въ ужасѣ, я упалъ,—но прямо на порога мудреца.

— Растолкуйте, что такое дѣлается? вскричалъ я.

— Ничего, отбѣчалъ онъ съ проссонка: — переждется, муда будетъ. Почивайте спокойно....

Не иначе, какъ въ формѣ этого кошмара всиоминается мнѣ мое первое ощущеніе при видѣ нашего общества, вытолкнутого на другой путь; не иначе представилось оно мнѣ тогда, когда я въ первую минуту вздумалъ поставить его, въ совокупности, предъ моимъ мысленнымъ взоромъ. Ситпанная чувства, новыя понятія, новыя слова, новая дѣятельность для цѣли или неясно сознанной, или въ половину приатанной, или вовсе не желанной, общее ненормальное, раздраженное состояніе,—многое изъ этой новинки сначала меня испугало. Фантазія у меня иногда сильно разыгрывается. Мнѣ дообразилось, что возбужденныя «вопросомъ» страсти и новыя понятія, съ теченіемъ времени, непременно примутъ въ нашемъ губернскомъ обществѣ громадные размѣры. Мнѣ вообразилось, что мы, какъ могучіе львы, выйдемъ изъ своихъ берлогъ, проникнутые до мозга костей вѣрой въ свое право на добычу. Мнѣ казалось, мы встанемъ всѣ, окрестность задрожитъ отъ нашего рыканія, и гора будетъ тѣмъ, кто потревелъ наше неприступное жилище....

Потомъ вообразилось мнѣ совсѣмъ иное. Мы бурные кони, и летимъ, попярая копытами новую дорогу, летимъ, угадывая желаніе возничаго, летимъ быстрее чѣмъ бы могъ ожидать оиъ... Вдругъ, бѣшенымъ порывомъ мы повернули назадъ, на старый путь, уперлись и стали какъ вкопанные....

Но страшные образы исчезли скоро, на здравомъ размысленіи. Я очнулся и взглянулъ вокругъ себя. Звѣри мы были вовсе не крупные; кушать добычу живьемъ — у насъ дѣло вовсе не врожденное: мы любили только повалять ее, потрещать, поистомить и пососать немножко.... А что до коней, кони мы оказывались тоже не бурные.

Мой первый надрасный испугъ прошелъ, но успокоился я только въ половину. Увы! мнѣ уже не суждено было успокоиться! а четыре года, прошедшіе съ тѣхъ поръ, убѣдили меня, что мнѣ уже никогда не имѣть покоя.

Конечно, первыя минуты страха были только плодомъ моего разгоряченнаго воображенія. Угрозы — задушить всялаго,

кто не либералъ, оказались вскорѣ невинною шуткой. Сви-рѣпости оказалось тоже немногo, а больше ворчанья, благораз-умно сдержаннаго, и благоразумныхъ хлопотъ, чтобы какъ можно больше урвать клочковъ, извлечь пользы изъ того, что должно было скоро безвозвратно утратиться. Но настоящая печальная новинка въ обществѣ оказалась въ яномъ: мы все принялись вздыхать и думать.

Каждый взялся за дѣло по своему крайнему разумѣнію.

Такъ какъ для моего сердца нѣтъ ничего дороже моего роднаго города, то я принялся вздыхать и думать о немъ. Но съ перваго приступа я разглядѣлъ, что мои думы будутъ крайне сбивчивы, а мое сердце никогда не отдастъ себѣ яснаго отчета въ своихъ чувствахъ. Признаюсь, я таковъ и до настоящей минуты.

Неужели обвинять меня? Что же мнѣ дѣлать? Я чело-вѣкъ, какъ и мои сограждане, роста маленькаго, ума не все-объемлющаго, и мечусь изъ стороны въ сторону. Мнѣ при-казано идти по новой дорогѣ, которой я совсѣмъ не разли-чаю, тогда какъ на старой зналъ все колее и рытвины. Мнѣ говорятъ книжки, мнѣ въ уши кричатъ громкіе голоса, что надо жить совсѣмъ наизворотъ противъ того, какъ я жилъ прежде.... Что же мнѣ дѣлать? Я бы и не прочь послушать новаго ума-разума, но не довѣряю, чтобы все то, что мнѣ дадутъ, было точно умъ и разумъ.... Да, наконецъ, попросту, я имѣю же какое-нибудь право капризничать!

Вздохи и думы моего роднаго города, мои собственные думы сдѣлали наконецъ то, что я сталъ грустенъ. Все во-кругъ меня подернулось будто сѣрымъ покрываломъ осени....

Такъ, въ одно утро, въ прошломъ декабрѣ—нынче ровно годъ этому печальному утру!—надумавшись съ вечера, всталъ я съ мыслью, что въ городѣ у насъ Многое прекисло.

И должно-быть, это начало дѣлаться давно, потому что те-перь это уже очевидно, осязательно....

Начать съ того, что самое главное—почтеніе, уваженіе другъ къ другу, безъ чего не долженъ существовать ни еди-ный человѣкъ, попортилось у насъ до гнусности.

Хоть бы, напримѣръ, уваженіе къ лѣтамъ. Прежде было въ городѣ пять-шесть старухъ, которыхъ всѣми было принято уважать. Поздравить съ праздникомъ, поцѣловать ручку, позвать на пирогъ, поиграть съ старухой въ карты, хоть самъ молодъ и не хочется, попросить совѣта, хотя его и не слушаешься, развезти по городу вѣсть какую она прикажетъ, будь эта вѣсть хоть сплетня или бредъ ея ослабѣвшей головы, — все это дѣлалось, принося счастье старости и пользу обществу. Но теперь, теперь на старухъ у насъ никто и не смотритъ. И какъ-то ихъ вовсе ужъ не видно и никому ихъ не жаль. Вымерли одні, конечно; но на мѣсто ихъ постарѣли же другія. Эти видятъ теперь развѣ только родственниковъ да родственницъ, мать-игуменью да мать-казначей, да какихъ-нибудь попрошайекъ, которыя приходятъ величать ихъ благодѣтельницами рода человѣческаго.

Со старцами поступлено еще хуже. Даже слова «почтенный старичокъ» вычеркнуты изъ нашего лексикона или вызываютъ недовѣрчивую гримасу. Старецъ, если еще имѣетъ претензію являться въ обществѣ, долженъ, какъ тамъ знаетъ, а помолодѣть, и восьмидесятилѣтнюю рѣчь свою измѣнить на рѣчь болѣе моднаго склада. Стыдно сказать, а иные наши старцы, съ отчаянія, берутся за это крайнее средство.

Уваженіе къ родителямъ, кажется мнѣ, находится у насъ при последнемъ издыханіи. Иные родители и сами много испортили дѣло. Нынче они, чего прежде никогда не бывало, разсуждаютъ съ своими подростками, позволяютъ имъ всматриваться во взрослую жизнь, довѣряютъ ихъ двѣнадцатилѣтней мудрости. Да и въ воздухъ порча. Попробуй нынче кто-нибудь высъчь свое дѣтище—сейчасъ разблаговѣстятъ. Благовѣстили, правда, и прежде, но проявленіе воли родительской считалось законнымъ, а теперь, послушайте сколько голосовъ закричатъ: ой, какая гадость!...

А уваженіе къ начальству? А уваженіе одной начальствующей особы къ другой? Боже мой, что съ нимъ?...

Когда я гляжу на наши власти, нѣкогда такія бодрья, непоколебимыя, я съ ужасомъ спрашиваю себя: какъ же должна быть сильна зараза, когда она могла сгубить и «это»?... Очевидно, власти наши больны. Нѣтъ ни на комъ изъ нихъ прежней увѣренной осанки, нѣтъ величія въ пріемахъ, нѣтъ желанія развернуться въ величіи и разомъ запугать все служащее и неслужащее. Власти наши унылы, озабочены, смотрятъ не-

прочно, слабы на ногу. Онъ будто потеряли прежнюю вѣру и въ свой собственный умъ, и въ умъ собратій по службѣ и чину. Всѣ онъ какъ будто прислушиваются, примѣняются, ищутъ совѣта; въ ихъ глазахъ часто появляется такая робость, что передъ вами даже совсѣмъ исчезаетъ начальникъ.... Наконецъ, о униженіе! заводятся ужь такіа власти, которыя, просто, не хотятъ смотрѣть начальниками....

Какое торжество для чиновничьей мелкоты! Подмѣтивъ болѣзнь старшихъ, этотъ медкій людъ ужь позволяетъ себѣ имѣть ясность на лицѣ; онъ ходитъ смѣлыми шагами по улицамъ, онъ вольнодумничаетъ. Его уваженіе—одно лицемеріе, только лишь бы не потерять мѣста, да и то ужь какъ будто не очень страшно. Протекція городскаго сановника онъ не вѣритъ; тому, что самъ этотъ сановникъ имѣетъ протекцію въ столицѣ, онъ тоже не довѣряетъ; чтобы сама эта петербургская протекція была надежна на своихъ ногахъ, онъ тоже сомнѣвается.... Чему же онъ повѣритъ, послѣ этого, и что еще онъ можетъ уважать!...

А остальные верхушки общества нашего, наши помѣщики-обыватели? Они, за небольшими исключеніями, до того надумались, наговорились, наспорились, накричались объ одномъ и томъ же въ эти три года, что всѣ заболѣли. У нихъ изнуренный видъ и тяжелая одышка. Странно: хворая всѣ однимъ и тѣмъ же, они перестаютъ нравиться другъ другу. Болѣзнь, должно-быть, мало внушаетъ довѣрія къ внутреннимъ силамъ; точно будто эти господа инстинктивно чувствуютъ, что больной больному не помощникъ и что, соберись хоть сотня больныхъ на какое-нибудь дѣло близкое сердцу, дѣло не сладится. Взаимное уваженіе въ ихъ кружкѣ вовсе пропало. Прежде, ихъ солидарность была огромная, и грѣшки одного, особенно противофилантропическіе, принимались другими за обыкновенный порядокъ вещей или скрывались почтительно. Нынче, всякій изъ нихъ выводитъ наружу чужіе грѣшки и къ этому непременно присовокупляетъ о самомъ себѣ, что онъ тоже собственникъ, но филантропъ.... О, филантропія и собственность, какъ вы мнѣ надоѣли! Тысячу разъ на день вылетаютъ у насъ эти слова, и я вижу, вижу какъ они киснутъ въ воздухъ!...

А минутами, когда я взглядывалъ на улицу, представлялось моему воображенію нѣчто еще хуже прокисанія.

Казалось мнѣ, вотъ-вотъ, сейчасъ, загорѣвшійся лучъ невои жизни задрожитъ и потухнетъ. Казалось мнѣ, вотъ, сейчасъ, мы всѣ, и дряхлѣющіе, и прокисающіе, и цвѣтушіе, и растушіе, всѣ, и даже они, тѣ меньшіе дѣти, для которыхъ зажгли этотъ благодатный лучъ,—всѣ мы, сейчасъ, сложимъ руки, заведемъ глаза и пожелаемъ другъ-другу доброй ночи...

И чѣмъ больше я вглядывался въ улицу, тѣмъ тяжелѣе и грустнѣе становилось въ душѣ моей...

Какимъ-то бѣднымъ, жалкимъ показался мнѣ нашъ родимый городъ. Красныя и зеленыя крыши, олигеля приплюснутые къ землѣ, ряды грязноватыхъ лавокъ, гдѣ торгуютъ съ каждымъ днемъ все меньше, казармы, присутственнымъ мѣста бурожелтыя отъ дождей и тумановъ, главы церквей покрявившіяся и вымытыя ливнями, глухіе переулки съ однимъ тощимъ проходимъ и одною тощею собакой, большія улицы, съ десяткомъ прохожихъ и десяткомъ господъ въ каретахъ, обозъ съ понуренными бородами и мордами...

Отчего все это такъ апатично, уныло, изнурено, точно не можетъ, не хочетъ жить?..

Отчего мой городъ будто бѣднѣетъ съ каждымъ днемъ, и деньгами, и хлѣбомъ-солью, и внутренними силами? Когда-то онъ,—о, много лѣтъ назадъ,—смотрѣлъ богаче, бодрѣ; чѣмъ-то жилъ онъ, собща, тѣснѣе связанный. Были у него преданія, обычай... да были и обычай, которые хранились какъ святыня...

Теперь они угасаютъ, и мы слѣдимъ за ихъ смертью равнодушнымъ взоромъ. Гаснутъ, какъ вотъ та свѣчка, которая среди набѣжавшихъ сумерекъ мелькнула въ церкви, и которую, зѣвая, задулъ дьячокъ, отпѣвъ вечерню...

И даже, до этихъ огней, что свѣтять молитвъ... Все меньше и меньше зажигается ихъ, все лѣнивѣе поднимаются руки къ ихъ знаменательному свѣту...

О горе! такъ и кажется мнѣ, со всѣхъ концовъ моего города и дальше, дальше, звучать одни и тѣ же слова:—«Нѣтъ мнѣ дѣла ни до себя, ни до кого на свѣтѣ...»

Что же это еще такое дряхлѣетъ, что разлагается?.. что умираетъ, наконецъ? потому что, я вижу,—есть что-то еще, что умираетъ...

Въ первыхъ числахъ марта нынѣшняго года была у насъ объявлена «воля».

Этотъ радостный часъ прогнавъ съ души моей накопившіяся доголѣ печальныя думы.

Всѣ познать—это такъ недавно—какъ прочли въ городахъ великую вѣсть. Изъ разказовъ прїѣзжихъ можно было заключить, что это событіе вездѣ произошло одинаково,—и гореть намъ ничѣмъ не отличился передъ другими.

— Увидите, увидите, эта минута будетъ цѣлая эпопея, это будетъ торжество, кричалъ мнѣ заранѣе одинъ знакомый, весь сотканный изъ восторговъ.

Я замѣтилъ ему, что, вопервыхъ, теперь великій постъ, а потомъ, чтобъ онъ, пожалуста, убѣдился, что русское общество не любитъ веселиться.

Кстати, не могу при этомъ случаѣ не обвинить монахъ согражданъ въ одной непростительной забывчивости.

Будущее и будущее, мы готовимъ будущее, толкуютъ они. Толкуютъ это у насъ сотни дѣльныхъ и недѣльныхъ господъ, предъ которыми мы, старые, неумѣюще толковать, смиренно прижимаемся въ уголъ. Но вы, наши господа, прочтали тѣмъ темъ книжечку; десятки изъ нихъ заваливаютъ нынче редакціи повѣстями, обличеніями, бѣглыми замѣтками, серьезными статьями. Они не подумали о главномъ: что грядущему поколѣнію, для яснаго взгляда на прошлое, необходимо будетъ знать, чтѣ такое въ самомъ дѣлѣ было наше настоящее общество?

Драгоценная минута, когда схватить общество живьемъ подъ перо могъ великій, кто умѣетъ связать двѣ буквы,—эта минута пропущена безвозвратно. Да, было мгновеніе, когда весь русскій міръ, отъ крестьянскаго ребенка, мужика и бабы, отъ лакея до мѣщанина и купца, отъ двухдушнаго помѣщика до свѣтлѣйшаго тысячедушнаго князя, когда мы всѣ, всѣ русскіе люди, первымъ неудержимымъ движеніемъ, первымъ восклицаніемъ откровенно выказались налицо.

Это было тогда, когда по селамъ развозили «волю». Почему же тѣ особенно, кому выпалъ невыразимо счастливый жребій развозить эту святую волю—почему жъ они не записали ничего, или записали однѣ крошки? Неужели потому, что ихъ подныя замѣтки рискуютъ лежать подъ спудомъ?... Такъ неужели авторская слава при жизни намъ дороже чѣмъ будущее благо отечества?

Какъ бы то ни было, а впечатлѣнія теперь не воротишь... Слишкомъ много воды утекло послѣ необыкновенной минуты....

Съ тѣхъ поръ прошло десять мѣсяцевъ. Каждому, и думающему, и не думающему, заинтересованному въ дѣлѣ и не заинтересованному, очень извѣстно, какъ пошла въ ходъ великая «работа».

Я не работникъ, не лично заинтересованный человекъ, а только простой зритель работы. Стоя поодаль, я только гляжу, какъ идетъ она, подъ движеніемъ тысячи рукъ, и сильныхъ, и слабыхъ, и портящихъ нарочно, и портящихъ не нарочно, всякихъ рукъ... гляжу, какъ эта работа, водворяя новый, видимый порядокъ вещей, выоварачиваетъ между тѣмъ со дна и всѣ наши вѣковыя понятія...

И прежде всего, спѣшу посмотреть, что эта работа успѣла уже сдѣлать съ моимъ родимымъ городомъ, съ душами моихъ согражданъ... Все-таки, нѣтъ мнѣ на свѣтѣ ничего милѣе, какъ души моихъ согражданъ!

Туманъ, забравшійся въ ихъ головы и въ мою, въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, — въ настоящую минуту нѣсколько разсѣялся. Яснѣе передъ глазами вырисовывается положеніе общества, и я—о радость, о счастье!—пожимаю руки давнишнимъ знакомымъ, которыхъ не узнавалъ въ эти три года.

Русскій человекъ—не лицемеръ по натурѣ, и если ему понадобится сыграть эту гнуснѣйшую изъ гнуснѣйшихъ ролей, онъ все-таки ее долго не выдержитъ. Прежнія фразы о гуманности и безкорыстїи, о равнодушіи къ своему добру и карману—почти исчезли у насъ. Признаюсь, это меня сильно радуетъ. Дуренъ я, такъ дуренъ, сердитъ я, такъ сердитъ,—по моему, ужъ лучше этотъ откровенный цинизмъ; при немъ, по крайней мѣрѣ, знаешь, какъ вести съ человекомъ дѣло. Теперь, наши «заинтересованные» люди, недавніе фразеры, стали опять откровенны. Они говорятъ своимъ прежнимъ, давно знакомымъ языкомъ, и я дышу свободно. Фразы о гуманности начинали душить меня. Теперь, я встрѣчаюсь съ этими людьми безъ отвращенія, улыбаюсь имъ, и когда они особенно сердиты, успокоительно заговариваю о неизбежности и прочемъ.. Я человекъ маленький, трусливый, нрава мягкаго, прощаю чужіе грѣшки, чтобы простили мнѣ мои грѣшки, и чтобы научить моихъ внуковъ взаимному прощенію... если оно имъ понадобится.

Но если простительно мужчинамъ быть сердитыми, дозвоительно ли сердиться прекрасному полу?

О, прекрасный пол! Въ первый разъ помню о тебѣ, и съ такимъ страхомъ, что лучше бы ты мнѣ не вспоминался!

Во времена оны, то-есть десятокъ лѣтъ назадъ, когда я самъ былъ юнъ, и—безъ лишней скромности скажу—былъ очень привлекателенъ, всѣ женщины казались мнѣ ангелами, и въ особенности тѣ, которыя имѣли счастье любить меня. Что онѣ дѣлали, что думали, что онѣ чувствовали кромѣ любви, были ли онѣ умны или глупы,—это меня нисколько не интересовало,—лишь бы глядѣло на меня розовое личико, да порхало подъ мою руку дорогое кружевное платице съ брилліантами. «Ангелы, ангелы!» повторялъ я въ восторгѣ.

О, гдѣ ты, мое счастливое время!

Но когда первый съдой волосъ... Признаваться-ли?... Какъ-то стыдно... Когда этотъ злодѣйскій волосъ увидалъ на головѣ моей одинъ ангелъ и поморщился,—я тутъ же мгновенно рѣшилъ, что женщины не ангелы.

Памятна мнѣ эта горькая минута! Съ той поры, я отошелъ поодаль отъ губернскаго цѣвѣтника, и началъ въ него всматриваться иными глазами.

Я разсмотрѣлъ, что между нашими дамами есть большія сплетницы, и что наши дамы слишкомъ много сидятъ сложа руки. Я убѣдился, наконецъ, что если не говорить ниъ комплиментовъ, не бранить ближняго, не играть съ ними въ ералашъ, не быть съ ними записнымъ фатомъ, то можно умереть отъ зѣвоты...

Я убѣдился... Но нѣтъ, нѣтъ! должно-быть мой гнѣвъ на нашихъ дамъ былъ не плодъ горькаго опыта, пришедшаго съ сединою... нѣтъ, я, просто, рассердился потому что пересталъ имъ нравиться!...

Разочарованіе мое тянулось долго, не увеличиваясь и не измѣняясь ни въ какомъ отношеніи. Я думалъ, съ такими понятіями о женщинахъ я сойду въ могилу, потому что, казалось мнѣ, и самое женское общество неспособно измѣниться.

Но, года три тому назадъ, къ изумленію моему, я вдругъ замѣтилъ въ немъ большія переменны.

Дамы наши принялись сами себя бранить и заговорили о «развитіи». «Развитіе» это завезъ къ намъ изъ столицы какой-то господинъ, и еще съ книжками о какой-то «эманципаци». Этого я уже не могъ слышать... Да, я не могу этого слышать, какъ меня ни брани. Что касается до морали, я умру кореннымъ провинціаломъ. Пусть ужъ мы, одни мужчины,

сходимъ съ ума отъ завиральныхъ идей, а то и наши дамы туда же!.. «Свобода женщины!».. Да объ этой свободѣ еще никакой законъ не писанъ!.. Когда я, одинъ разъ, попалъ въ гнѣздо, гдѣ щебетали о подобныхъ вздорахъ, я думалъ, меня заклюютъ. «Фразы-то, фразы, Госноди, и грѣхъ какой!» подумалъ я, и поскорѣе накинулъ шубу...

Вмѣстѣ съ «развитіемъ» дамы наши ударились и въ крестьянскій вопросъ. Но это бы ужъ куда ни шло. При томъ, домашніе интересы, будущее устройство хозяйства... Пожилымъ дамамъ было даже нѣсколько простиительно волноваться. Когда краска на ихъ лицахъ выступала при мнѣ, я молчалъ, твердо убѣжденный, что волненія уступать прекраснымъ побужденіямъ сердца. До сихъ поръ, разочарованный во всемъ насчетъ прекраснаго пола, я все-таки продолжалъ надѣяться на дамскую сострадательность къ «меньшимъ братьямъ» вообще. Что жъ касается до молодыхъ, хорошенькихъ и богатыхъ дамъ, здѣсь я вѣрилъ слѣдо: доброта къ «меньшой брати» — краеугольной камень ихъ существованія... Молодые дамы, и сами, покуда рѣшался «вопросъ», поддерживали меня въ мою мнѣнію. Ихъ милыя рѣчи о крестьянахъ ихъ ближнихъ, въ эти три года, одинъ вносили отраду въ мое печальное бытіе. *Ces pauvres malheureux... Ces chers petits enfants...* Мы это понимаемъ... Мы сами матери и жены... Это священнѣйшій долгъ... Жертва необходима... и проч.

Всему этому я внималъ, и душа моя распѣвала. Вотъ онъ, великій прогрессъ, думалъ я, его начинаетъ женщина... Дамская доброта покоритъ міръ!

Пришелъ мартъ мѣсяцъ, прошло мѣсяца два-три, и, о Боже! какія вещи привелось мнѣ услышать!

О, неужели же все это было лицемѣріе!

Понимаю исключеніе изъ прекраснаго пола, полуграмотную дворянку въ ситцевомъ платьѣ, которая, не умѣряя выраженій, посылаетъ все къ нечистому; понимаю старицу, не покидающую своего села отъ временъ Пугачева, которая кричатъ, что ея Акулька отъ Хама, а права ея надъ Акулькой отъ Адама.

Но... но слышать это en plein salon, изъ розовыхъ устъ!

Но встрѣчать въ раздѣлочныхъ салонахъ даму, которая, въ прискорбную минуту безпорядка, говорить призванной противъ безпорядка и опечаленной власти: «*Quoique ce soit étrange de la bouche d'une jeune femme, mais je vous prierais*

de les réunir...» И говорить-то еще, не подозревая, что ее слушает чужое ухо...

Но видите, какъ гнѣвъ покажаетъ ихъ лицо... Нѣтъ, тяжело и скучно!

Я не пророкъ, но, кажется мнѣ, если до сихъ поръ рѣдко влюблялись мы въ женщины со всею полнотою души, то подошла пора, когда въ нихъ вовсе перестанутъ влюбляться. Я человекъ стараго склада и выросъ съ мыслию, что требованіе суда и расправы, хотя бы неизбежной, хотя бы основанной на самыхъ священнѣйшихъ правахъ, что это требованіе все-таки не дамское дѣло. Мнѣ кажется, что и тѣ наши дамы, наши «*seules et pauvres veuves, qui régissent seules leurs pauvres biens*», что етъ, еслибы въ критическую минуту бросили дѣло изъ рукъ, были бы милѣе... Мнѣ кажется, въ критическую минуту, одна изъ олеза могла бы больше... Но, можетъ-быть, я сантиментальничая... Можетъ-быть (на верхушки нашего поколѣнія я поглядываю кося), такая энергія въ дамахъ будетъ даже нравиться мужчинамъ, и любовь создается на новыхъ началахъ, на обоюдномъ ворчаньи... Кто знаетъ!

Вмѣстѣ съ «*дамокими гнѣвами*» приготовляюсь въ нашемъ обществѣ еще новизна...

Добро и зло, известно, идутъ рядомъ. Новый порядокъ вещей второй, въ послѣдствіи, долженъ внушить намъ великую, додѣль неизвѣстную намъ добродѣтель, экономію, породилъ покуда только скупость. Она въ особенноти замѣтна между тѣнными дамами; у мужчинъ встрѣчается рѣже. Но скупость особаго рода: она вся на словахъ. Мы тратимся въ настоящую минуту гораздо больше на себя, чѣмъ тратились прежде, но илзачемъ на убытки во всеуслышаніе, пицимъ какъ сиряги, до униженія обшвеннаго достоинства. Мы дѣтей своихъ воспитываемъ въ этомъ пискѣ. Не думаю, чтобы такое повѣтріе могло продолжиться. Русская натура, вѣрно, въ большинствѣ, возьмется свое... Но, кажется, будутъ и такіе, которые заскудѣють навсегда, и на самомъ дѣлѣ.

Это вещь у насъ небывалая. Мы прежде были тароваты; подчасъ, пожалуй грубо, даже безумно тароваты, подчасъ только на зависть другимъ; но плакаться, предлагая вамъ свой «*prot-aveu*», считалось между «*барамы*» крайне неприличнымъ поступкомъ. О старинѣ ужъ и говорить нечего. Тогда крупные господа, тѣ, что переросали насъ саженами,—и вовсе

не понимали что такое «плакаться». (Они бросали сотни тысячъ, кормя толпы гостей, и накормивъ, не понимали, были ли у нихъ даже эти сотни тысячъ... «Бары, истые вельможи», говорилъ народъ.

Признаюсь, мнѣ это нравится... Въ этомъ полномъ равнодушіи есть даже что-то величавое. Но старинныя времена прошли, и они должны были пройти безвозвратно.

Тѣмъ смѣшнѣе видѣть, какъ именно въ настоящую минуту, уже совсѣмъ не во-время, нѣкоторые изъ нашихъ господъ вдругъ придумали натягивать на себя или небывалый аристократизмъ или давно умершее вельможество. Они сильно напоминаютъ мнѣ нашихъ прежнихъ львенковъ; но львенки, по крайней мѣрѣ, не имѣли претензіи прослыть народомъ крупнымъ. Наши же господа мечтаютъ создать въ своей средѣ аристократизмъ, и мечтая объ этомъ, продолжаютъ пицать и плакаться... Мы, маленькіе, и сами немножко виноваты въ ихъ заблужденіи. Мы, за-угломъ, называемъ ихъ «великими міра сего». Вольно жъ имъ, впрочемъ, подслушивать или не понимать шутки!

Да, много воды утекло въ эти десять мѣсяцевъ...

Теперь, все далѣе и далѣе входя въ кругъ понятій, сопряженныхъ съ великимъ «вопросомъ», общество наше начинаетъ принимать особенно пестрый видъ. Не то чтобы классы губернскаго общества смѣшались, — нѣтъ, до этого еще далеко. Исключая мнимыхъ вельможъ, которымъ, какъ-нибудь, а все хочется стать поодаль, — между нами, то-есть прочими верхушками, съ добровольнаго согласія, начинаютъ появляться личности, до сихъ поро незнакомыя. Это все тоже особы изъ нашего «благороднаго» класса, но только прежде мы ихъ къ себѣ не пускали. Особы побѣднѣе, поскромнѣе, немного потемнѣе происхожденіемъ или чиномъ. Эти новобранцы занесли къ намъ свои груды книжекъ, заставляютъ читать ихъ, толкуютъ намъ о пользѣ наукъ, о томъ, что мы очень застоились. Они говорятъ, что надо побольше говорить, чтобы развивать свои мысли; они говорятъ, что надо побольше молчать, чтобы набраться глубины мыслей. Вообще, они чрезвычайно рѣчисты, никогда не играютъ въ ералашъ и прескверно танцуютъ.

Этимъ новобранцамъ пожимаютъ руки, у нихъ спрашиваютъ совѣта, и даже — о невиданное дѣло! — часто они у насъ первыя, званые гости.

Я дивуюсь, и дѣлаю тоже, сирѣна сердце, а иногда отъ какого-то внезапнаго, сердечнаго умиленія... Должно быть, я страдаю нервами.

Въ самомъ дѣлѣ я разстроены, и меня можно пожалѣть. Я не могу дать себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, и что дѣлается съ моимъ губернскимъ обществомъ. Какъ же мнѣ, напримѣръ, не пожать плечами, когда теперь какой-нибудь секретаршѣ ни по чемъ визитъ начальника губерніи, а прежде она бы съ этого дня вела свое лѣтосчисленіе?

Какъ же мнѣ не зѣвать, когда новобранцы вмѣсто «здравствуй» встрѣчаютъ меня восклицаніемъ: «обсудили вы за ночь такой-то вопросъ?». А я прежде и не обсуждалъ ничего дальше «здравствуй»!

За это меня бранятъ, даже сильно бранятъ новобранцы. Мы имъ дали волю, хоть, право, я нахожу, учителя они еще плохіе. Къ нимъ нельзя глазъ показывать, безъ того чтобъ они не закричали вамъ о нашемъ застоѣ... Точно будто они меня обляпали, трясуть за плечи, и приговариваютъ на всевозможные лады: «дайте, милостивый государь, мы васъ немножко подвинемъ, двигайтесь, миленькій... да двигайся же, увалены!»

Я едва выдерживаю. «Господа, хочется мнѣ закричать: ради Господа Бога, не трясите меня и не бранитесь: я подвинусь какъ-нибудь и самъ. У меня плечи еще здоровые, рванусь, и вамъ будетъ худо. Вы себя поберегите: вотъ изъ васъ, половина, кто на ходуляхъ, а кто калѣки...»

Когда жъ, вдали отъ нихъ, и на просторѣ, я обсуждаю свою особу, мнѣ кажется, она уже не стоитъ, а немножко движется... Можетъ-быть. Прибавляютъ, впрочемъ, иные, что надо двигаться безъ оглядки, махнувъ рукой на прошедшее... Но какъ же мнѣ не глядѣть назадъ, когда я родной сынъ этого прошедшаго, и грудь моя еще тепла отъ его объятій?..

Нѣтъ, шибко ты измѣняешься, мой родимый городъ, къ худу ли, къ добру ли, Господь тебя знаетъ. Прошлаго тебѣ не жаль, а твои новыя выдумки... Я начинаю немножко замѣчать, ты тамъ не убѣжденъ, точно ли ты придумалъ для себя что-нибудь путное. А хуже всего то, что отъ твоей пестроты у меня рябитъ въ глазахъ, и, часто, я не узнаю знакомаго мѣста,—хотя бы вотъ самой этой залы въ домѣ его превосходительства начальника губерніи. Я привыкъ находить въ ней пріятную саисегіе, а ты дерзнулъ устроить здѣсь какія-то ученыя засѣданія. Гляжу: кругомъ, да еще въ креслахъ, довольно чин-

но сидять... но ужъ такой народъ... Однако лучше мнѣ воздержаться. Я поскорѣе иду въ уголь, и тамъ... Но это уже совсемъ невѣроятно! Тамъ двое моихъ пріятелей.

— Такъ неужели же это ты, мой милый мудрецъ, махнувшій рукой на всякую чужую мудрость? И ты, мой сердечный другъ, котораго я иначе не видалъ, какъ за партией ералаша!

Они, они... И даже робки, — только улыбаются надъ зрѣлищемъ, и только вскользь ищутъ зеленого стола, но, по крайней мѣрѣ, къ чести своей ничего не слушаютъ.

Друзья, кто васъ притащилъ! хотѣлъ я закричать въ ужасъ.

— Молчи, прошептали они, дернувъ меня за рукава. — Нечего дѣлать, мода. Ну, потерпимъ какъ-нибудь. Не на долге: штука эта лопнетъ. Смотри, ужъ тамъ кое кто клюеть носомъ... Только напрасно бодрятся.

Да отвѣтите же мнѣ, наконецъ, точно ли мы идемъ впередъ, или только бодримся?

Минутами, кажется мнѣ, между моимъ прошлымъ и мною легло столѣтіе, такъ круто повернуло время... Глаза мои, страдающая отъ поражающей ихъ мелкоты, между тѣмъ свидѣтели чуда. Вотъ мужикъ рядомъ со мной, и мы отвѣчаемъ оба... Я гляжу, на мужика, на себя... и тысяча мыслей, то благодатныхъ, то ужасныхъ, набѣгаютъ въ мою душу...

А въ сторонѣ, отпѣвъ насъ всѣхъ какъ мертвецовъ, не удержиимо мчится молодое поколѣніе, наши сыновья, наши юные братья... Мчатся подгоняемые и нашею отцовскою любовью, и нашею предательскою лестью, и нашею старческою злобой на ихъ разцвѣтающія силы...

Посмотрите сквозь туманъ, крупное ли растеть наше юное племя?

Но зрѣніе мое слабо, а я не желаю утруждать его. Я хочу, чтобы, въ часъ смерти, глаза мои, въ послѣдній разъ, взглянули на мой родимый городъ...

О городъ мой, что будетъ съ тобою, когда меня не будетъ на свѣтѣ?..

Ив. Весенъевъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

Теоретическій и практическій трактатъ о политической экономіи. Сочиненіе Курсея-Сенелла. Томъ I. Часть теоретическая, или плутологія, переводъ Я. Ростовцева. С.-Петербургъ. 1861.

Политическая экономія, подобно прочимъ наукамъ, основываетъ свои выводы и заключенія на фактахъ, представляемыхъ человеческими обществами въ различныя эпохи ихъ существованія. Подобно физику и астроному, экономистъ наблюдаетъ извѣстный рядъ фактовъ, сближаетъ ихъ между собою, и при помощи изслѣдованія причинъ и слѣдствій, выводитъ общіе естественныя и вѣчно-неизмѣнныя законы. Подобно имъ, съ другой стороны, основываясь на открытыхъ законахъ, онъ возвращается къ слѣдствіямъ, объясняетъ частныя явленія и опредѣляетъ вліяніе, какое можетъ имѣть на развитіе богатствъ то или другое сочетаніе разнообразныхъ экономическихъ условій.

Такимъ образомъ, только въ тщательномъ наблюденіи, сравненіи и изученіи фактовъ находимъ мы ту живую струю, то жизненное начало, которое одушевляетъ науку, способствуетъ ея развитію и движенію впередъ.

Если справедливо, что успѣхи политической экономіи главнымъ образомъ основываются на наблюденіи и объясненіи фактовъ, то не менѣе должно быть справедливо и то, что чѣмъ шире область нашихъ изслѣдованій, чѣмъ болѣе однородныхъ фактовъ доступно нашему наблюденію, и сравненію, чѣмъ тщательнѣе совершены эти наблюденія; тѣмъ легче приблизиться къ правильнымъ и истиннымъ выводамъ и заключеніямъ, тѣмъ прочнѣе эти выводы, тѣмъ вѣрнѣе путь науки.

Факты, на которыхъ политическая экономія основываетъ свои выводы, могутъ почерпаться, какъ изъ непосредственнаго наблюденія надъ современнымъ бытомъ различныхъ народовъ, такъ и изъ тѣхъ матеріаловъ, которые доставляются ей исторіей. Сочиненія первыхъ знаменитыхъ экономистовъ показываютъ, что только слѣдуя этому пути, могли они достигнуть тѣхъ важныхъ и блистательныхъ результатовъ, которые неразрывно связаны съ ихъ именами. Но эта живая струя, которая главнымъ образомъ обуславливала первые успѣхи науки, была забыта многими позднѣйшими писателями по части политической экономіи.

Путь наблюденія, изслѣдованія и сравненія фактовъ былъ оставленъ въ сторонѣ: къ фактамъ не рѣдко обращались не съ цѣлью добиться истины, а для того чтобъ оправдать свою любимую мысль или подкрѣпить свои доводы въ спорахъ съ противниками. Съ той поры началось безконечное словопрение, опредѣленіе словъ и терминовъ, повѣрка и перетасовка прибрѣтенныхъ уже фактовъ, и хотя наука, вслѣдствіе болѣе послѣдовательнаго проведенія логическихъ началъ, получила болѣе стройный и систематическій видъ, однако развитіе ея шло медленно и успѣхи ея были не значительны.

Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что французскіе экономисты и ихъ нѣмецкіе послѣдователи въ значительной степени подлежатъ критикѣ и нельзя не отдать должной справедливости исторической школѣ, возникшей въ послѣднее время въ Германіи. Главная заслуга этой школы состоитъ въ томъ, что она съ особенною силой указала на необходимость для политической экономіи болѣе тѣснаго сближенія и знакомства съ исторіей и открыла богатую и почти нетронутую руду фактовъ, которая можетъ принести громадную пользу и послужить пробнымъ камнемъ для повѣрки политико-экономическихъ истинъ. Разумѣется, нельзя отвергать, чтобы прежніе политико-экономы не пользовались также фактами, добытыми исторіей. Сочиненія многихъ экономистовъ, въ особенности Смита и Мальтуса, этихъ главныхъ представителей науки, ясно показываютъ, какую громадную помощь доставляла имъ исторія. На каждомъ шагѣ встрѣчается бездна историческихъ примѣровъ, служащихъ подтвержденіемъ высказаннымъ ими истинамъ: но въ то время исторія не могла еще дѣйствовать такъ плодотворно на политическую экономію, потому что сама находилась еще въ неразвитомъ состояніи, матеріалы ея не были подвергнуты тщательной критикѣ и та часть, которая наиболѣе необходима для политической экономіи, исторія частнаго и общественнаго быта, была почти совсѣмъ не разработана. Англійскіе экономисты поэтому сосредоточили все свое вниманіе на современныхъ явленіяхъ: изучая дѣла англійскаго банка, они открывали законы кредита и т. д. Но на материкѣ, гдѣ экономическій бытъ менѣе развитъ и представляетъ менѣе данныхъ для изученія, пренебреженіе изслѣдованіемъ историческихъ фактовъ повело къ вреднымъ для науки послѣдствіямъ. Большая часть экономистовъ, въ упоеніи отъ первыхъ успѣховъ науки, думала, что наука совершила все, что ей доступно, и что дальнѣйшее изслѣдованіе фактовъ излишне. Не придавали значенія даже исторіи самой политической экономіи. Такая мысль проглядываетъ въ извѣстныхъ словахъ Ж. Б. Сея, которому впрочемъ политическая экономія такъ много обязана относительно систематическаго

расположенія матеріаловъ. По его мнѣнію, собраніе нелѣпныхъ и опровергнутыхъ теорій не можетъ принести никакой пользы. «Безполезно и скучно выкапывать ихъ изъ могилы. Когда мы хорошо знаемъ общественную экономію, намъ не за чѣмъ знать, что мечтали объ этомъ наши предшественники, и исчислять цѣлый рядъ ошибокъ, пренатствовавшихъ человѣку открыть истину. Мы должны не ошибки изучать, а стараться забыть ихъ.» Такимъ образомъ, по его мнѣнію, столь важная и поучительная исторія ошибокъ и заблужденій человѣка должна быть вычеркнута изъ нашей памяти. А между тѣмъ для человѣка нѣтъ ничего подезнее и поучительнее, какъ глубокое и тщательное изученіе прошлыхъ ошибокъ, что одно въ состояніи привести его къ разумному самосознанію.

Но не должно увлекаться чрезъ мѣру, не должно забывать, что хотя пользованіе фактами и результатами добытыми исторіей можетъ оказать, и дѣйствительно оказало уже, самое благодѣтельное вліяніе на развитіе, уясненіе и болѣе точное опредѣленіе политико-экономическихъ истинъ, однако тщательное наблюденіе надъ современнымъ ходомъ и положеніемъ дѣлъ, надъ явленіями совершающимися въ нашихъ глазахъ, въ различныхъ странахъ и у различныхъ народовъ, есть могущественнѣйшее средство къ дальнѣйшему усовершенствованію и развитію науки. Въ исторіи мы должны довольствоваться тѣмъ, что она сохранила; въ ней многое не досказано; между тѣмъ, какъ при современномъ наблюденіи, мы можемъ изслѣдовать явленія несравненно глубже и полнѣе, достигая даже до микроскопическихъ подробностей. Но при этомъ снова повторяемъ, для того чтобы наши выводы были вполне вѣрны и истинны, мы не должны ограничиваться наблюденіями, совершенными въ одной только странѣ, въ извѣстной области, мы должны по возможности обнимать всѣ народы, стоящіе на различныхъ ступеняхъ развитія, изучать все разнообразіе хозяйственныхъ формъ, и только изъ этого, по возможности всеобъемлющаго пониманія, выводить законы и заключенія.

Настоящее сочиненіе Курсель-Сенелла не принадлежитъ къ исторической школѣ и не представляетъ намъ особенно-новыхъ фактовъ. Цѣль автора была другая. Какъ профессоръ политической экономіи Чилійскаго національнаго института въ Санъ-Яго, онъ желалъ изложить начала науки возможно-простымъ и понятнымъ образомъ; какъ ученый, онъ желалъ разрѣшить себѣ многіе важные вопросы, поднятые въ послѣдніи шестьдесятъ лѣтъ. Сочиненіе Курсель-Сенелла выдвигается далеко изъ ряда обыкновенныхъ курсовъ политической экономіи, и можетъ принести пользу не только тѣмъ, кто желаетъ познакомиться съ главными на-

чаламъ и истинами науки, но и тѣмъ, для которыхъ политическая экономія составляетъ предметъ спеціальнаго изученія. Потребность въ подобномъ сочиненіи, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, давно уже чувствовалась всѣми. «Нападки, говоритъ онъ, которымъ подвергалась собственность въ прошлые вѣка, съ шумомъ возобновлены въ наше время и подкрѣплены новымъ анализомъ фактовъ; возможность этого возобновленія доказала, что несмотря на огромныя услуги, оказанныя политическою экономіей, она еще не пользуется тѣмъ авторитетомъ, который общается наукѣ очевидностью ея положеній. Съ другой стороны, разногласія экономистовъ, не сходящихся между собою на счетъ терминовъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они согласны насчетъ сущности ученій, свидѣтельствовали о неудовлетворительномъ состояніи номенклатуры. Если у насъ оставалось еще какое-нибудь сомнѣніе въ дѣйствительности такого положенія дѣлъ, оно должно было исчезнуть, когда, въ полномъ собраніи академіи, мы были свидѣтелями споровъ о предметѣ, предѣлахъ и даже самомъ существованіи экономической науки.»

Руководимый подобными побужденіями и подготовивъ себя къ общему взгляду на науку рядомъ отдѣльныхъ изслѣдованій и трудовъ, появившихся въ *Journal des Économistes*, авторъ издалъ въ 1858 году полный курсъ, отличающійся глубокимъ изученіемъ политико-экономической литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ запечатлѣнный смѣлостью и оригинальностью нѣкоторыхъ воззрѣній, лично ему свойственныхъ. Нельзя не замѣтить однако, что авторъ участвовалъ въ переводѣ на французскій языкъ известнаго сочиненія Милля, и что это не осталось безъ сильнаго вліянія на его собственные воззрѣнія, особенно относительно вопроса о распредѣленіи богатствъ. Къ сожалѣнію авторъ почти вовсе не дѣлаетъ цитатъ, «не изъ мелочнаго самолюбія присвоить себѣ чужіе труды, говоритъ онъ; но для краткости и ясности изложенія.» Позволяемъ себѣ думать, что цитаты нисколько не помѣшали бы ясности, не нарушили бы очень ощутительно условія краткости, а во всякомъ случаѣ принесли бы большую пользу для всякаго внимательнаго читателя.

Приступая къ сочиненію, авторъ счелъ лучшимъ забыть на время всѣ заученныя формулы, и изъ непосредственнаго наблюденія извлечь новыя формулы, не стараясь обходить трудности, но приступая къ нимъ прямо и съ полною искренностью отдавая себѣ въ нихъ отчетъ. Слѣдуя этому пути, авторъ пришелъ къ весьма важнымъ результатамъ, которые, хотя и не вполне новы для человѣка, знакомаго съ европейскою политико-экономическою литературой, однакоже во французской литературѣ не были высказаны въ такой строгой систематической

связи и логической послѣдовательности. Обо всѣхъ основныхъ началахъ науки, объ ея предметѣ, объ емѣ, развитіи, отношеніи къ прочимъ родственнымъ наукамъ, раздѣленіи и т. д. находимъ мы въ высшей степени опредѣленные мнѣнія, и хотя не во всѣхъ выводахъ можно согласиться съ авторомъ безусловно, нельзя однако не отдать справедливости строгой логикѣ и послѣдовательности, которую, по справедливости, можно назвать математическою. Дѣйствительно для строгаго и точнаго ума автора, математическій методъ представляетъ особенную привлекательность, и онъ не разъ весьма удачно пользуется имъ.

Предѣлы журнальной статьи не позволяютъ намъ вдаваться въ слишкомъ большія подробности, но желаніе познакомить читателя по крайней мѣрѣ съ главными выводами автора и съ общою формулою науки побуждаетъ насъ изложить въ краткихъ чертахъ его систему и его главныя основанія.

Во введеніи къ своему сочиненію, авторъ въ немногихъ чертахъ обозначаетъ путь, которому слѣдовало развитіе политико-экономическихъ понятій. Въ этомъ историческомъ развитіи онъ находитъ аналогическія черты съ развитіемъ прочихъ отраслей человѣческаго знанія. Подобно прочимъ наукамъ, политическая экономія начала свое существованіе съ практики и искусства. У ней также былъ свой періодъ алхиміи и астрологіи, свой періодъ исканія философскаго административнаго и политическаго камня, и только съ дальнѣйшимъ развитіемъ приняла она научный характеръ. Но понятно, что это развитіе совершалось постепенно, мало-по-малу, такъ что и въ настоящее время наука часто еще смѣшивается съ искусствомъ, и подъ общимъ именемъ политической экономіи безраздѣльно разумѣютъ и научныя изслѣдованія, и выводимыя изъ нихъ практическія правила для лучшаго содѣйствія обогащенію народовъ.

Сохраняя названіе политической экономіи, какъ освященное столѣтнимъ обычаемъ и хорошо указывающее ту окончательную цѣль науки, которая все-таки состоитъ въ отысканіи и формулированіи правилъ для управленія общественными богатствами, авторъ дѣлаетъ строгое различіе между наукой и искусствомъ, теоріей и приложеніемъ.

Наука даетъ описаніе явленій и законовъ, ими управляющихъ; искусство формулируетъ практическія правила, выводимыя изъ знанія этихъ явленій и законовъ, съ цѣлью увеличить могущество человѣка. Законы, указываемые наукой, безусловны и неизмѣнны, потому что происходятъ изъ самой природы вещей и находятся въ связи съ вѣчными явленіями, замѣчаемыми всегда и повсюду, независимо отъ воли и искусства человѣка; искусство же, напротивъ, измѣняясь по времени, мѣсту и обстоятель-

ствамъ, дѣлаеть тысячу разныхъ примѣненій изъ законовъ, указанныхъ наукой, и приспособляетъ ихъ ко множеству вещей.

Соотвѣтственно этому различію, науки вообще опредѣляются своимъ предметомъ, то-есть явленіями, которыя онѣ изучаютъ; между тѣмъ какъ искусства опредѣляются своею цѣлью или употребленіемъ къ которому предназначаются.

Какъ наука политическая, экономія имѣеть предметомъ состояніе богатства человѣческихъ обществъ и изслѣдуетъ общія причины, вслѣдствіе которыхъ все человѣчество или отдѣльное общество болѣе или менѣе богато. Какъ искусство, политическая экономія имѣеть цѣлю увеличить богатство всего человѣчества или какой-нибудь части его, и изыскиваетъ наилучшіе общіе способы и средства для достиженія этой цѣли.

Изъ такого понятія о предметѣ и цѣли политической экономіи вытекаеть раздѣленіе ея на двѣ части, на науку и искусство. Первую авторъ называетъ наукой о богатствѣ; вторую—наукой о трудѣ.

Въ настоящее время въ русскомъ переводѣ появилась только первая теоретическая часть, къ разсмотрѣнію которой мы и приступимъ.

Эту первую теоретическую часть авторъ дѣлитъ на два отдѣла, изъ коихъ одинъ посвященъ изслѣдованію общихъ законовъ и условій производства и потребленія богатствъ и отношенія къ числу народонаселенія, другой—изслѣдованію общихъ законовъ и условій распределенія богатствъ. Такимъ образомъ, при изложеніи экономической теоріи, авторъ нѣсколько измѣняетъ обыкновенный порядокъ раздѣленія на три отдѣла: производство, распределеніе и потребленіе. Его руководить при этомъ желаніе, какъ мы увидимъ далѣе, положить прочное основаніе наукѣ, которое признавалось бы всеми школами и системами.

«Вся жизнь человѣка, говоритъ онъ, проходитъ въ безпрестанномъ приспособленіи внѣшняго міра къ его потребностямъ. Большая или меньшая сила, какую извѣстное общество или отдѣльное лицо располагаетъ для удовлетворенія этой необходимой потребности своего существованія, есть состояніе его богатства. Состояніе богатства есть единственный предметъ изслѣдованій политической экономіи, какъ науки и какъ искусства. Предметъ этотъ, единый и нераздѣльный, представляется вмѣстѣ съ тѣмъ сложнымъ, потому что обуславливается многочисленными причинами и требуетъ тщательнаго опредѣленія.»

Прежде всѣхъ объясненій, авторъ замѣчаетъ, что существованіе богатства естѣ фактъ безусловный, неизмѣнный, независимый отъ воли человѣка, и потому способный быть предметомъ науки. Состояніе богатства есть необходимое условіе нашего

существованія. Ни отдѣльное лицо, ни какое-либо общество, ни все человѣчество не могутъ существовать не приспособляя болѣе или менѣе предметовъ внѣшняго міра, то-есть не находясь въ состояніи богатства болѣе или менѣе значительнаго. Очевидно, что понятіе богатства есть понятіе относительное, основанное на сравненіи состоянія одного лица или общества съ другимъ. Когда же рѣчь идетъ обо всемъ человѣчествѣ, то хотя его не съ чѣмъ сравнить въ пространствѣ, за то можно сравнить состояніе богатства всего человѣчества въ двѣ разныя эпохи. При подобномъ сравненіи принимаются во вниманіе два условія: во первыхъ сила, употребленная человѣкомъ въ каждую изъ этихъ эпохъ для подчиненія себѣ внѣшняго міра, и вовторыхъ, число людей призванныхъ къ участию въ пользованіи продуктами, доставленными этою силой. Итакъ, изученіе политической экономіи, собственно говоря, заключается въ изученіи элементовъ производительной силы и необходимаго отношенія, существующаго между суммой богатствъ и цифрою народонаселенія.

Многимъ казалось невѣроятнымъ, чтобы состояніе богатствъ и въ особенности промышленная дѣятельность человѣка могли служить предметомъ науки, такъ какъ эта дѣятельность зависитъ отъ свободной воли человѣка. Но, замѣчаетъ авторъ, человѣкъ дѣйствуетъ на внѣшній міръ подлежащій вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ, и потому необходимо долженъ сообразовать свои дѣйствія съ этими законами. Съ другой стороны, тѣло человѣка и его потребности также подчинены неизбѣжнымъ законамъ; наконецъ, самыя привычки, и даже страсти и желанія, развиваясь подъ вліяніемъ неизмѣнныхъ законовъ вещественнаго міра и подъ верховнымъ руководствомъ разума, получаютъ характеръ постоянства, неизмѣнно проявляющійся какъ въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ, такъ еще болѣе видимымъ образомъ въ цѣлыхъ обществахъ. Отсюда слѣдуетъ, что какова бы ни была доля свободы, предоставленная человѣку, промышленная дѣятельность его, а слѣдовательно и состояніе богатства, имѣютъ общія условія, общіе законы, изученіе которыхъ можетъ составить науку. Наука эта можетъ быть болѣе или менѣе несовершенна, но существованіе ея неоспоримо и разработка ея необходима въ интересахъ человѣчества.

Эта наука, по мнѣнію Курсель-Сенелля, составляетъ отрасль общественныхъ наукъ и притомъ отрасль второстепенную, подчиненную, ограничивающуюся изученіемъ явленій низшаго разряда, вещественныхъ условій. Въ этомъ ея характеристическая черта и этимъ она существенно отличается отъ нравственной философіи и политики, которыя занимаются явленіями, относящимися уже болѣе къ міру нравственному. Исходя

изъ такого пониманія политической экономіи, авторъ строго очерчиваетъ ея область вещественнымъ міромъ. Политическая экономія, по его мнѣнію, занимается только вещественными потребностями, богатствами, *полезностями*, трудомъ. Отсюда опредѣленіе различныхъ экономическихъ терминовъ: экономическая потребность есть желаніе, имѣющее цѣлю обладаніе и пользованіе какимъ-нибудь вещественнымъ предметомъ; экономическій или промышленный трудъ есть усиліе прилагаемое человѣкомъ къ вещественнымъ предметамъ съ цѣлю приспособить ихъ къ удовлетворенію его потребностей посредствомъ перемѣщенія, преобразованія или сохраненія; экономическими богатствами называетъ онъ полезные вещественные предметы, присвоенные цѣлымъ обществомъ или отдѣльнымъ лицомъ; экономической полезностію—способность нѣкоторыхъ вещественныхъ предметовъ служить къ удовлетворенію потребностей человѣка. Такимъ образомъ услуги строго отличаются имъ отъ богатствъ, и въ область политической экономіи вводятся только тѣ услуги, которыя воплощаются въ вещественныхъ результатахъ. Точно также строго отличаетъ онъ богатства отъ производительной силы. Тотъ отдѣлъ богатствъ, который несправедливо называютъ невещественными богатствами, какъ-то здоровье, добродѣтели, умственные способности, суть, по его мнѣнію, не богатства, но силы порождающія богатство, причины богатства.¹

Но признавая всю важность попытки точнаго по возможности разграниченія наукъ, мы не можемъ согласиться съ авторомъ въ томъ опредѣленіи, которое даетъ онъ капиталу. Капиталъ, по его мнѣнію, есть сбереженные богатства безъ различія вида и назначенія. Капиталъ такимъ образомъ является у него суммой богатствъ, существующихъ въ данный моментъ въ данномъ пространствѣ и во владѣніи извѣстнаго физическаго или юридическаго лица и представляется почти синонимомъ богатства. Въ этомъ отношеніи опредѣленіе его несогласно съ общепринятымъ въ наукѣ значеніемъ капитала, потому что большая часть экономистовъ разуметь подъ этимъ именемъ только ту часть существующихъ богатствъ, которая обращается владѣльцами на про-

¹ - Мы должны тщательно, говорить онъ, отличать богатства отъ производительной силы, и первымъ придавать гораздо менѣ значенія нежели послѣдней; ибо богатства по самой природѣ своей непрочны и недолговѣчны и уничтожаются отъ употребленія, между тѣмъ какъ производительная сила, намъ присущая, живетъ столько же, сколько живемъ мы сами, воплощается въ насъ и не только не истребляется, но напротивъ еще растетъ отъ дѣятельности. И потому мгновенная потеря богатствъ въ народѣ никогда не можетъ принести такихъ вредныхъ слѣдствій, какъ потеря производительныхъ силъ.

мышленное производство. Одно сохраненіе и накопленіе не составляетъ еще капитала; все это составляетъ только сбереженіе, капиталъ въ возможности, вещество для капитала, но не самый капиталъ. Курсель-Сенелль считаетъ подобное опредѣленіе капитала по назначенію неудовлетворительнымъ. Ему кажется страннымъ, какимъ образомъ одинъ и тотъ же предметъ можетъ имѣть характеръ капитала и не капитала, смотря потому, каковы намеренія его владѣльца. Но подобный фактъ мы встрѣчаемъ не разъ въ политической экономіи: такъ напримѣръ одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть предметомъ дохода для одного, издержки для другаго, цѣнностью для одного и не цѣнностью для другаго.

Приступая къ аналитическому изслѣдованію главнаго предмета политической экономіи, состоянія богатствъ, авторъ разсматриваетъ причины его и составныя части, дружно и непрерывно дѣйствующія въ великомъ синтезѣ общественной жизни.

Состояніе богатствъ, по его мнѣнію, происходитъ отъ двойнаго промышленнаго движенія—движенія производства и движенія потребленія, источники котораго заключаются въ потребности и въ трудѣ. Потребность вызываетъ трудъ, продукты котораго идутъ на ея удовлетвореніе. Посредствомъ производства производительныя силы обращаются въ богатства; посредствомъ потребленія, богатства превращаются въ производительныя силы. Потребности человѣка постоянно возобновляются, и потому производство и потребленіе богатствъ совершаются непрерывно.

Начало и цѣль всякаго промышленнаго движенія, двигатель, субъектъ его есть человѣкъ; богатства же представляютъ движимое, объектъ. Поэтому состояніе богатства самымъ тѣснымъ образомъ связано съ приращеніемъ и уменьшеніемъ народонаселенія. Но въ аналитическомъ изслѣдованіи состоянія богатства авторъ сначала предполагаетъ цифру народонаселенія неизмѣнною, и изучаетъ состояніе богатствъ, вопервыхъ, съ точки зрѣнія производства, во вторыхъ, съ точки зрѣнія потребленія.

Исходя изъ аксіомы, что производство соответствуетъ производительной силѣ, авторъ замѣчаетъ, что эта сила состоитъ изъ двухъ первоначальныхъ элементовъ: земли и труда, изъ которыхъ первый остается неизмѣннымъ, а второй измѣняется и способенъ какъ къ безпредѣльному увеличенію, такъ и къ уменьшенію до той степени, при которой неизбежна смерть общества или лицъ, его составляющихъ.

Хотя промышленная дѣятельность человѣка представляетъ дѣло цѣлое и нераздѣльное, она можетъ однакожь быть разсма-

триваема подѣ двумя видами, какъ искусство и какъ услгіе, или трудъ. Трудъ въ свою очередь бываетъ физическій и нравственный или трудъ сбереженія.

Вслѣдъ за анализомъ элементовъ производительной силы, оцѣнка которой необходима для опредѣленія состоянія богатствъ, авторъ принимаетъ въ расчетъ потребленіе съ его отрицательной стороны, то-есть въ видѣ труда сбереженія.

Изучая промышленное движеніе съ точки зрѣнія потребленія, онъ замѣчаетъ, что нѣкоторые роды потребленія имѣютъ слѣдствіемъ поддержку производительныхъ силъ, или увеличеніе ихъ, или наконецъ уменьшеніе, другіе же не относятся ни къ одному изъ этихъ трехъ классовъ. Соответственно этому, онъ дѣлитъ потребленіе по отношенію къ производству на четыре класса: 1) издержки производства, 2) потребленіе воспроизводительное, 3) потребленіе-роскошь и 4) потребленіе непродуцительное.

Затѣмъ авторъ разсматриваетъ соотношенія, существующія между промышленнымъ движеніемъ и движеніемъ народонаселенія. Никто не можетъ жить не потребляя; съ другой стороны, всякая полезность имѣетъ характеръ вещественный, и слѣдовательно потребленіе ея однимъ лицомъ исключаетъ возможность потребленія ея другимъ. Отсюда авторъ выводитъ общій законъ, что наивысшая цифра народонаселенія, возможная въ извѣстномъ обществѣ, равняется суммѣ ежедневнаго дохода, раздѣленной на наименьшую цифру потребленія ежедневно необходимаго для существованія одного лица. Еслибы доходъ общества равнялся положимъ 1000, а наименьшая доля потребленія каждаго равнялась 10, то maximum народонаселенія равнялся $\frac{1000}{10}$ или 100. Но этотъ расчетъ сдѣланъ въ томъ предположеніи, что всѣ ограничиваются наименьшею долей потребленія, а такъ какъ нѣкоторые потребляютъ несравненно болѣе, то очевидно, что чѣмъ болѣе потребленіе будетъ превышать количество необходимое для поддержанія жизни, тѣмъ народонаселеніе будетъ ниже этой цифры. Отсюда наивысшая возможная цифра народонаселенія равняется суммѣ доходовъ общества за вычетомъ изъ нея суммы неравенствъ въ потребленіи и раздѣленіемъ остатка на наименьшую возможную цифру потребленія. Если мы назовемъ буквою p наивысшую возможную цифру народонаселенія, буквою r сумму доходовъ, буквою i сумму неравенствъ потребленія и буквою c наименьшее возможное потребленіе каждаго отдѣльнаго лица, то экономическая формула народонаселенія будетъ $p = \frac{r-i}{c}$. Эта формула состоитъ изъ трехъ количествъ, изъ которыхъ каждое способно къ увеличенію и къ уменьшенію, а потому нор-

мальная цифра народонаселенія можетъ увеличиваться, впер-
выхъ, вслѣдствіе приращенія доходовъ, воторыхъ, вслѣдствіе умень-
шенія неравенствъ и, втретьихъ, вслѣдствіе пониженія наименьшей
цифры потребленій и обратно: она можетъ уменьшаться отъ
уменьшенія доходовъ, увеличенія суммы неравенствъ или уве-
личенія наименьшей цифры потребленія.

Если потребленіе въ какомъ-нибудь обществѣ принять за по-
стоянное, то можно сказать, что количество народонаселенія въ
этомъ обществѣ опредѣляется только мѣрою его промышлен-
ной силы; если же эта мѣра дана, то можно сказать, что
всякое излишнее потребленіе, всякая роскошь и даже всякое
непроизводительное потребленіе отнимаютъ у кого-нибудь сред-
ство къ жизни; напротивъ сбереженіе и капитализація благо-
пріятствуютъ размноженію народонаселенія.

Но накопленіе капиталовъ также ограничивается даннымъ со-
стояніемъ производительныхъ силъ и промышленнаго искусства.

Если промышленное искусство будетъ въ застоѣ, то увеличеніе
родонаселенія будетъ стремиться произвести на состояніе
общественнаго богатства два одновременныя и противоположныя
дѣйствія. Оно усилитъ разомъ и сѣду производства и силу
потребленія, потому что съ одной стороны увеличиваетъ коли-
чество рукъ и производительной силы; съ другой увеличиваетъ
также число потребителей и нуждъ, требующихъ удовлевере-
нія. Такимъ образомъ вотъ двѣ силы, изъ которыхъ одна содѣй-
ствуетъ развитію народонаселенія, другая — ограниченію его.

Ограничительный законъ, который, по мнѣнію автора, про-
является во всѣхъ отрасляхъ промышленности, состоитъ въ
томъ, что хотя промышленная сила общества, при одинаковомъ
состояніи искусства, возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія наро-
донаселенія и обращенія на производство болѣе значительныхъ
капиталовъ, однакоже возрастаніе суммы продуктовъ проис-
ходитъ несоразмѣрно этому увеличенію. Напротивъ, пред-
полагая одинаковую степень промышленнаго искусства, по
мѣрѣ увеличенія народонаселенія и суммы новыхъ капиталовъ,
трудъ вновь прибывающихъ и процентъ отъ капитала посто-
янно становятся менѣе выгодными. Такой законъ, извѣстный въ
землѣдѣліи подъ именемъ ренты, замѣчается, по мнѣнію автора,
во всѣхъ прочихъ отрасляхъ промышленности. Такъ какъ чело-
вѣкъ всегда старается производить съ возможно-меньшимъ тру-
домъ, то онъ прежде всего отыскиваетъ самыя плодородныя зе-
мли (выгодныя) и самое выгодное помѣщеніе капиталовъ, а
когда народонаселеніе возрастаетъ и сумма капиталовъ уве-
личивается, то приходится уже обрабатывать земли менѣе пло-
дородныя, помѣщать капиталы менѣе выгоднымъ образомъ.

Этотъ законъ, который у нашего автора называется ограничительнымъ закономъ или закономъ ренты, обусловливается, по его мнѣнію, ограниченностью человѣческаго искусства и ограниченностью количества земли. Вліяніе его обнаруживается всякій разъ, когда народонаселеніе какой-нибудь страны возрастаетъ, между тѣмъ какъ территорія ея сохраняетъ свои прежніе предѣлы и промышленное искусство не подвигается впередъ. Отсюда страданія обществъ при застоѣ промышленнаго искусства, отсюда выселенія и войны для расширенія предѣловъ.

Но этому ограничительному закону противодѣйствуетъ въ извѣстной мѣрѣ другой законъ, который авторъ называетъ расширительнымъ или закономъ сбыта. Дѣйствіе его проявляется въ томъ, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ и сгущеніемъ народонаселенія становятся равнообразіе способы сочетанія труда, виды сотрудничества, уменьшается одно изъ главныхъ препятствій къ развитію промышленности—разстоянія, уменьшаются издержки производства по части услугъ мануфактурныхъ, коммерческихъ, перевозочныхъ.

Разсматривая окончательный результатъ совокупнаго дѣйствія этихъ двухъ законовъ, ограничительнаго и расширительнаго, авторъ говоритъ, что несмотря на кажущуюся противоположность, оба они стремятся къ одной и той же цѣли: первый, поражая затрудненія, понуждаетъ общества безпрестанно увеличивать свою производительную силу усовершенствованіями въ промышленномъ искусствѣ; второй угрожаетъ обществамъ затрудненіями другаго рода отъ уменьшенія цифры народонаселенія. Ограничительный законъ заставляетъ общество, въ которомъ число членовъ увеличивается, тратить болѣе производительной силы на добываніе пищи; въ замѣнъ этого дѣйствіемъ закона расширительнаго у возрастающаго народонаселенія увеличивается, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, производительная сила, и ему дается возможность добывать множество продуктовъ и услугъ съ сравнительно-меньшимъ трудомъ. Какъ тотъ, такъ и другой законъ побуждаютъ къ размноженію путей сообщенія, къ установленію тѣсныхъ сношеній между народами и къ расселенію рода человѣческаго по всей землѣ.

При видѣ борьбы, столько лѣтъ происходящей между двумя разсмотрѣнными нами силами, говоритъ авторъ, между промышленною дѣятельностію человѣка и естественными препятствіями, борьбѣ, результатомъ которой можно считать нынѣшнюю цифру народонаселенія, никто конечно не можетъ сказать, что та или другая изъ этихъ силъ должна одолѣть; никто не можетъ опредѣлить тотъ моментъ, когда эти силы придутъ во взаимное равновѣсіе и развитіе народонаселенія должно будетъ остановиться. Но, вспоминая объ успѣхахъ, совершившихся передъ

нашими глазами, и о тѣхъ, которыхъ близкое осуществленіе наука представляетъ намъ не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ, мы расположены думать, что еще долго препятствія не перестанутъ падать передъ промышленною дѣятельностью человека, и что еще долго будетъ открыто обширное поле для размноженія человѣчества.

Безъ сомнѣнія, для этого развитія, существуетъ какой-нибудь предѣлъ, указанный Промысломъ: границы нашей земли и вещественность нашего тѣла достаточно убѣждаютъ насъ въ этомъ; какъ бы ни было обширно какое-нибудь пространство, но если оно имѣетъ границы, то всегда есть возможность, чтобы оно наполнилось вещественными предметами. Наступитъ день, когда таинственное призваніе человѣчества будетъ выполнено, и тогда люди увидятъ конецъ своимъ потребностямъ, трудамъ и самому существованію своему. Но по крайней мѣрѣ, если судить по одинымъ экономическимъ даннымъ, есть причины думать, что день этотъ еще очень далекъ. Когда общество чувствуетъ потребность въ новыхъ успѣхахъ, но не знаетъ еще, какимъ образомъ они осуществляются, мудро ли, что въ немъ слышатся мрачныя предсказанія? Но человѣчеству, въ томъ мужественномъ возрастѣ, котораго оно достигло теперь, пора освободиться отъ этого страха передъ пустыми призраками и уразумѣть, что въ торжественную минуту испытаній есть одно прибѣжище, одно средство спасенія, ни разу еще до сихъ поръ не обманувшее надеждъ ни отдѣльныхъ лицъ, ни цѣлыхъ обществъ, ни всего человѣчества; это прибѣжище — трудъ, постоянно поддерживаемый усиліями тѣла, ума и воли.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе первой части книги, заключающей въ себѣ законы производства и потребленія богатствъ. Знаніе этихъ законовъ, безспорно, составляетъ главную часть экономической науки, потому что распредѣленіе въ сущности составляетъ одну изъ частныхъ общественнаго устройства и, по мнѣнію автора, входитъ въ составъ политической экономіи только потому, что этотъ порядокъ составляетъ одно изъ главныхъ условій, отъ котораго зависитъ количество производительной силы и большая или меньшая численность народонаселенія.

Вторая часть представляетъ намъ подробности распредѣленія богатствъ, сложныя по названіямъ и формамъ, но въ высшей степени простыя въ своихъ основаніяхъ.

Согласно съ Миллемъ, авторъ признаетъ, что законы производства и потребленія богатствъ непосредственно вытекаютъ изъ нашихъ отношеній къ вѣшнему міру и изъ вещественной природы нашего тѣла, и потому также всеобща, какъ законы физическаго міра. Они проявляются какъ во всемъ человѣчествѣ,

такъ и въ каждомъ отдѣльномъ обществѣ во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ, не зависимо отъ произвола отдѣльныхъ лицъ.

Распределение же богатствъ не представляетъ такого абсолютнаго характера. Учрежденіе вполне человеческое, оно возникаетъ изъ отношеній, установленныхъ людьми и поддерживаемыхъ человеческою волею. Но, если можно сказать это о порядкѣ распределения богатствъ, то нельзя сказать того же о самомъ фактѣ распределения, который существуетъ столько же повсемѣстно, какъ производство и потребленіе богатствъ, и обнимаетъ собою интересы всѣхъ лицъ и всѣхъ человеческихъ обществъ. Никто не можетъ существовать, не потребляя. Во всѣхъ мѣстахъ, во всѣ времена, при всѣхъ общественныхъ состояніяхъ существовалъ извѣстный порядокъ распределения, извѣстная организація труда, система собственности, выраженія, по мнѣнію автора, однозначашія, которыя въ минуту заблужденія насильственно были противопоставлены одно другому.

Всякая система распределения богатствъ, говоритъ авторъ, состоитъ въ совокупности законовъ, управляющихъ собственностью и распределяющихъ между разными членами общества занятія (по крайней мѣрѣ промышленныя), капиталы и произведенія.

Разсматривая всѣ возможныя системы распределения богатствъ, которыя когда-либо существовали, или существованіе которыхъ можетъ допустить воображеніе, авторъ принимаетъ двѣ основныя типическія системы: распределение, основанное на началѣ свободы, когда лицо самовластно распоряжается своимъ трудомъ и извѣстною долей общественнаго богатства, и распределение, основанное на началѣ власти, когда верховное распоряженіе трудомъ и богатствомъ принадлежитъ другому физическому или юридическому лицу. Распределение богатствъ, основанное на началѣ свободы, есть идеалъ, къ которому стремятся современныя общества. Управленіе арміей или монастыремъ даетъ понятіе о системѣ распределения, основаннаго на началѣ власти. Ни та, ни другая изъ этихъ формъ не существовали ни въ одной странѣ въ видѣ чистой системы; въ дѣйствительности оба эти способа распределения были смѣшаны и представляютъ безчисленное множество различныхъ сочетаній съ преобладаніемъ того или другаго элемента.

Изучая распределение богатствъ у самыхъ развитыхъ и у самыхъ неразвитыхъ народовъ, мы видимъ, что участіе власти составляетъ фактъ всеобщій и неизмѣнный, постоянно проявляющійся то въ законодательныхъ и правительственныхъ распоряженіяхъ (въ законахъ о наследствахъ, о малолѣтнихъ, въ законахъ, обезпечивающихъ каждому пользованіе его имуществомъ и личною безопасностью, наконецъ въ законахъ, обезпечивающихъ исполне-

ніе договоровъ), то въ обычаяхъ, опредѣляющихъ отношеніе между землевладѣльцами и людьми обрабатывающими ихъ землю, между собственниками и наемниками, между предпринимателями и работниками. Съ другой стороны историческое изученіе этого вопроса показываетъ также, что съ постепеннымъ развитіемъ отдѣльныхъ обществъ и всего человѣчества, участіе власти по отношенію къ распредѣленію богатствъ постоянно уменьшается, и наоборотъ участіе свободы постепенно усиливается, и что человѣчество все болѣе и болѣе стремится къ осуществленію того идеала распредѣленія богатствъ, который долженъ основываться главнымъ образомъ на свободѣ. Теперь рождается вопросъ, какая же изъ этихъ системъ есть лучшая и дѣйствительно ли человѣчество не ошибается въ своихъ стремленіяхъ? Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ и понять существенныя свойства каждаго изъ этихъ основныхъ способовъ распредѣленія, авторъ дѣлаетъ отвлеченіе, возводитъ обѣ системы въ идеалы и изучаетъ, какъ рѣшаетъ каждая изъ этихъ системъ тѣ задачи, которыя представляются всякимъ устройствомъ распредѣленія богатствъ.

Сначала онъ приступаетъ къ аналитическому изложенію системы распредѣленія богатствъ на началѣ свободы и мѣны и излагаетъ ее, согласно съ изслѣдованіями большей части экономистовъ. Сюда относятъ онъ начала мѣны, цѣнности, монеты, кредита, стоимости производства, процента, заработной платы, распредѣленія занятій, налоговъ и т. д.

Разсмотрѣвъ эту систему въ ея принципахъ и основаніяхъ, онъ сравниваетъ съ этимъ отчасти уже осуществленнымъ идеаломъ, къ которому тяготеютъ современныя общества, другой, предоставляющей менѣ мѣста свободѣ и бывшій идеаломъ многихъ законодателей и философовъ.

При этомъ сравненіи двухъ различныхъ началъ распредѣленія, онъ разсматриваетъ ихъ вліяніе: во 1-хъ, относительно общаго направленія промышленности; во 2-хъ, относительно развитія и сохраненія собственно труда, труда сбереженія и промышленнаго искусства; въ 3-хъ, относительно движенія народонаселенія, и въ 4-хъ, относительно общей совокупности экономическаго движенія.

Подробное разсмотрѣніе, составляющее одну изъ любопытнѣйшихъ частей сочиненія, приводитъ автора къ слѣдующимъ выводамъ въ пользу свободы:

«При системѣ власти, направленіе промышленнаго движенія и законное опредѣленіе населенія принадлежатъ правительству, которое, принимая относящіяся сюда мѣры можетъ подчиняться вліянію религіозныхъ, политическихъ или другихъ предубѣжде-

ній, приносить въ жертву общій интересъ интересамъ частнымъ и важныя соображенія предразсудкамъ. Свобода предоставляет главамъ семействъ направлять экономическое движеніе и опредѣлять цифру населенія. Каждый глава семейства подвергается при этомъ возможности заблужденія, всегда сопровождающей человѣческія соображенія; но онъ имѣетъ здѣсь дѣло только съ своимъ собственнымъ интересомъ, и, ошибаясь, не можетъ избѣжать ответственности за свои дѣйствія: онъ постоянно обращается на истинный путь простымъ здравымъ смысломъ; онъ не можетъ производить на свѣтъ дѣтей, не принимая на себя обязанности заботиться объ ихъ воспитаніи, не можетъ отказаться отъ воспитанія дѣтей безъ того, чтобы не погубило его имя и не пострадало его семейство.

«При господствѣ власти, все общество устроено, какъ семейство, и потому семейство становится здѣсь, нѣкоторымъ образомъ, излишнимъ; ни желанія, ни мысли, ни надежды отца не могутъ здѣсь долго имѣть вліянія на судьбу его дѣтей. Свобода, признавая каждое семейство особенною личностью, могущею сохранять свое существованіе и развиваться только при пособіи тѣхъ средствъ, какія сохраняютъ и развиваютъ общество, тѣмъ самымъ укрѣпляетъ устройство семейства: она направляетъ мысли каждаго лица къ отдаленному будущему, и возбуждаетъ тѣхъ двигателей дѣятельности, которые совершенно неизвѣстны при другой системѣ.

«Можетъ-быть власть сохраняетъ капиталы лучше, нежели свобода, но послѣдняя воспроизводитъ ихъ гораздо дѣятельнѣе. При существованіи соперничества, вознагражденіе за трудъ соразмѣряется съ оказанною услугою, а наказаніе за всякую погрѣшность—съ экономическимъ вредомъ, причиненнымъ обществу. При господствѣ власти, вознагражденіе за трудъ вовсе не соразмѣряется съ производствомъ, потому что каждый здѣсь вознаграждается по ошибочной, измѣнчивой и произвольной оцѣнкѣ его дѣятельности агентами власти. Такъ какъ вознагражденіе или наказаніе могутъ здѣсь завѣсть не отъ оказанной услуги или причиненнаго вреда, но отъ чего-либо другаго, напримѣръ отъ расположенія или нерасположенія агентовъ власти, то каждый помышляетъ не о производствѣ, а объ этихъ постороннихъ средствахъ увеличить свое вознагражденіе или избыть наказанія.

«Всякая система власти основывается на неподвижномъ мышленномъ и общественномъ идеалѣ, и не любитъ переменъ, такъ что всякое измѣненіе въ обществѣ угрожаетъ ему безпорядками. Напротивъ, при существованіи соперничества, всякіе опыты, всякія переменны становятся дѣломъ легкимъ, а такъ какъ,

вслѣдствіе естественнаго развитія каждаго лица, желаніе измѣненій обнаруживается непрерывно, то устройство, установленное системой власти, всегда встрѣчаетъ множество противниковъ: каждый видитъ въ этомъ устройствѣ препятствіе своимъ желаніямъ, и потому помышляетъ о замѣненіи его другимъ устройствомъ, сообразнымъ съ его личными видами. Свобода предоставляетъ каждому самому улучшать свою участь и участь своего семейства, не обращаясь къ правительству: потому усилія мысли и дѣятельности, возбуждаемыя желаніемъ перемѣнъ, направляются здѣсь болѣе противъ естественныхъ препятствій, нежели противъ государственнаго устройства. Такимъ образомъ система власти возбуждаетъ, а система свободы подавляетъ духъ интригъ и смуть.

• Распределение богатствъ властью предполагаетъ существованіе весьма сильнаго правительства. Такое распределение могло существовать только при сосредоточеніи въ однѣхъ рукахъ двухъ властей, духовной и свѣтской, какъ показываетъ намъ исторія и примѣръ религиозныхъ обществъ или сектъ, въ которыхъ существуетъ или существовала общность имущества. Свобода сообразнѣе съ правительствомъ, котораго обязанности точнѣе определены, которое уважаетъ мысли и желанія лицъ, словомъ, въ которомъ болѣе мѣста дано раздѣленію труда.

• Система власти можетъ успешно дѣйствовать только на небольшой территоріи, потому что эта система требуетъ надзора за многочисленными подробностями и извѣстнаго единообразія, которое возможно только въ обществѣ немногочисленномъ. Свобода, допуская всѣ разнообразныя комбинаціи, какія только можно себѣ представить, можетъ простираť свое владычество на цѣлый міръ.

• Въ окончательномъ выводѣ, если система свободы и не ведетъ всегда и вездѣ къ наилучшимъ результатамъ, то все-таки она развиваетъ наибольшую производительную силу, и слѣдовательно можетъ содержать наиболѣе многочисленное населеніе: она же допускаетъ наибольшее развитіе потребностей, какъ вслѣдствіе увеличенія населенія, такъ и вслѣдствіе врожденнаго человѣку желанія улучшить свое положеніе и увеличить свое потребленіе.

• Разсматривая участь, какую приготовляютъ каждому лицу та и другая система, можно замѣтить, что система соперничества подвергаетъ лицо болѣе ощутительнымъ и продолжительнымъ страданіямъ, постоянно возбуждая его дѣятельность возрастающими потребностями его семейства, возлагая на него трудъ по управленію и призывая его къ предусмотрительности, что для человѣка всего неприятели и обременительнѣе. Въ вознагражденіе за это, соперничество доставляетъ лицу болѣе вы-

сокія наслажденія, невѣдомыя тому, кто находится подъ чужою властью: оно сильнѣе развиваетъ всѣ его производительныя способности, и дѣлаетъ его великимъ и сильнымъ, во всѣхъ значеніяхъ этихъ выраженій, не только въ отношеніи къ природѣ, которую онъ желаетъ поработить себѣ и подчинить своимъ потребностямъ, но и сравнительно съ тѣми изъ подобныхъ ему существъ, которыя, не радѣя о развитіи своихъ способностей, дремлютъ подъ кровомъ власти. Власть, поступая одинаково съ сильнымъ и слабымъ, съ дѣятельнымъ и бездѣльнымъ, мѣшаетъ первому, не помогая второму: свобода, являясь строгою къ слабымъ, безпрестанно возбуждаетъ дѣятельность всего общественнаго организма. Если участь лица во многихъ отношеніяхъ представляется болѣе тяжкою при существованіи соперничества, то каждый съ покорностію переноситъ страданія, причиняемыя ему не произвольно или своенравною волей того или другаго лица, но самымъ свойствомъ обстоятельствъ, между тѣмъ какъ власть, можно сказать, скрываетъ отъ подчиненныхъ ей необходимыя экономическія условія, и сообщаетъ имъ только уставъ или приказанія—дѣло человеческое, которое человекъ можетъ измѣнить и уничтожить, и которому, поэтому, другой человекъ всегда покоряется съ неудовольствіемъ.»

Таковы выгоды, представляемая свободою и соперничествомъ. Но, рѣшая вопросъ въ пользу распредѣленія богатствъ, основаннаго на началѣ свободы, авторъ снова замѣчаетъ, что подобное распредѣленіе не есть вполнѣ осуществившаяся дѣятельность, а только экономическій идеалъ, къ которому современныя общества стремятся. Въ дѣйствительности же повсюду свобода мѣновыхъ сдѣлокъ и соперничества болѣе или менѣе затруднена естественными и искусственными препятствіями: невѣжествомъ, препятствіями пространства, различіемъ въ народности, въ религіи, въ языкѣ и нравахъ, монополіями, уставами и тарифами. Поэтому порицаніе системы соперничества, основанное на разсмотрѣніи настоящаго распредѣленія богатствъ въ нѣкоторыхъ странахъ, въ высшей степени несправедливо.

Наконецъ, чтобы быть вполнѣ безпристрастнымъ, авторъ съ замѣчательною и рѣдкою откровенностію излагаетъ неудобства соперничества, какъ-то скупничество; недостатокъ вознагражденія изобрѣтателей, случаи вознагражденія безъ услугъ и погери безъ вины, неравенство экономическихъ силъ, нищету и пауперизмъ. Но эти неудобства, прибавляетъ онъ, не могутъ угрожать существованію обществъ; этихъ неудобствъ нельзя считать неустранимыми.

Окончательное заключеніе состоитъ въ томъ, что если устрой-

ство на началѣ свободы не вездѣ и не всегда представляется безусловно лучшимъ, то оно по крайней мѣрѣ наиболее развиваетъ производительныя силы и можетъ поддерживать наиболее многочисленное народонаселеніе, что, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ наилучшую систему съ экономической точки зрѣнія. И наоборотъ, всякое препятствіе, естественное или искусственное, противопоставляемое дѣйствию соперничества, уменьшаетъ производительную силу, а слѣдовательно богатство и населеніе, и становится причиной отсталости и упадка обществъ.

Мы прослѣдили въ главныхъ чертахъ содержаніе перваго тома разбираемаго сочиненія. Какъ ни кратко и поверхностно это изложеніе, однакожъ и изъ него можно видѣть, какая строгая и глубокая послѣдовательность господствуетъ въ распредѣленіи предмета, какое спокойное и безпристрастное обсужденіе мнѣній представляетъ оно. Представляя многіе предметы съ новой, болѣе широкой и болѣе справедливой точки зрѣнія, книга Курселя-Сенелля предлагаетъ разрѣшеніе большей части возраженій, появившихся въ послѣднее время противъ промышленнаго устройства современныхъ обществъ.

Строгое опредѣленіе предмета и области политической экономіи, отдѣленіе науки отъ искусства, богатства отъ производительной силы, выводъ точной формулы закона народонаселенія и болѣе широкой формулы законовъ ренты и сбыта, подъ именемъ законовъ ограничительнаго и расширительнаго, наконецъ болѣе широкій взглядъ на распредѣленіе богатствъ—вотъ заслуги, которыя побуждаютъ насъ поставить сочиненіе Курсель-Сенелля въ разрядъ лучшихъ сочиненій, появившихся въ послѣднее время въ европейской экономической литературѣ.

Понятно, что переводъ подобнаго сочиненія на русскій языкъ не можетъ не вызвать съ нашей стороны искренней благодарности переводчику и желанія вполне заслуженнаго успѣха книгѣ.

М. Вольскій.

Руководство къ ботаникѣ. Составлено и издано В. В. Григорьевымъ, преподавателемъ естественной исторіи въ 1-ой московской гимназіи. Съ 517 полиптипажами въ текстѣ. Въ двухъ частяхъ. Москва 1861.

Съ тѣхъ поръ какъ ботаника введена въ объемъ гимназическаго курса, у насъ появилось нѣсколько сочиненій и учебниковъ, имѣвшихъ цѣлію знакомить учащихся съ разными частями этой науки. Разумѣется, первые изъ этихъ учебниковъ

далеко не удовлетворяли своему назначенію и представляли нѣчто въ родѣ опытовъ. Большая часть ихъ составлялась по нѣмецкимъ руководствамъ, а такъ какъ въ Германіи въ это время еще господствовало вліяніе Линнея, то и въ нашихъ учебникахъ преобладалъ систематическій элементъ.

Таковы были ботаники Севергина, Двигубскаго, Максимовича и Горянинова. Кромѣ этихъ собственно русскихъ учебниковъ у насъ было издано много переводныхъ, преимущественно съ французскаго. Такъ въ 1810 году появились на русскомъ языкѣ письма Руссо о ботаникѣ, а нѣсколько позже вышли въ русскомъ переводѣ Вейса и Шиховскаго руководства знаменитыхъ французскихъ ботаниковъ Ришара и Декандола. Въ свое время эти два сочиненія составляли важное приобрѣтеніе для нашей ботанической литературы. Можно сказать, что оба они излагали науку нѣсколько однообразно: въ ботаникѣ Ришара преобладало систематическое направленіе, у Декандола—физиологическое; а хорошій учебникъ долженъ излагать всѣ части науки въ одинаковомъ объемѣ. Въ новѣйшее время когда сельское хозяйство и медицина получили большое значеніе, сталъ сильнѣе ощущаться недостатокъ руководства для элементарнаго изученія ботаники. Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ сдѣлали попытки составить руководство, которое, не излагая подробно всей науки, сообщало бы между тѣмъ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для приложенія ея на практикѣ. Такимъ образомъ появились ботаники Дала и Шиховскаго.

Первая долгое время считалась лучшею. Это объясняется ея простотой, безыскусственнымъ языкомъ и сжатостью изложенія. По своей краткости она даже не заслуживаетъ названія учебника, но какъ предуготовительное чтеніе имѣетъ свою цѣну: читатель получитъ изъ нея легкое понятіе о растеніи, его сложныхъ и элементарныхъ органахъ, классификаціи и семействахъ, можетъ съ большою пользою перейти къ настоящему ученію.

Ботаника Шиховскаго болѣе серьезный трудъ. Въ ней много интересныхъ фактовъ, но она написана крайне безтолково, обременена скучными и утомительными подробностями и слѣдовательно составляетъ плохое руководство.

Есть еще одна ботаника, изданная кѣмъ-то въ 1851 году въ Казани. Видно, что авторъ старался соединить на немногихъ страницахъ руководства самое существенное изъ всѣхъ частей ботаники. Такой планъ былъ бы хорошъ при тщательномъ и отчетливомъ изложеніи, а въ предлагаемомъ руководствѣ ощущается недостатокъ именно по части изложенія: многія мѣста сбиваются на чистую бессмыслицу.

Изъ представленнаго обзора, читатель можетъ видѣть, что у насъ до сихъ поръ не существовало удовлетворительнаго руководства. Считаю излишнимъ говорить здѣсь о переводныхъ ботаническихъ сочиненіяхъ, которыхъ въ послѣднее время появилось не мало. Довольно и того, если скажемъ, что ни одно изъ нихъ не имѣетъ назначенія или не можетъ служить для элементарнаго изученія ботаники. При такомъ положеніи дѣлъ, появленіе новаго учебника, въ которомъ видны особенные приемы и особенный способъ изложенія, должно составлять замѣчательное явленіе въ нашей ученой литературѣ. Разсмотримъ, на сколько ботаника г. Григорьева удовлетворяетъ требованіямъ хорошаго руководства.

Въ предисловіи къ этому сочиненію авторъ говоритъ: «По моему мнѣнію, элементарный курсъ ботаники не долженъ ограничиваться какимъ-нибудь однимъ ея отдѣломъ, но долженъ по возможности обнимать науку всецѣло, хотя бы излагая только самое существенное изъ каждаго ея отдѣла.» Съ этимъ нельзя не согласиться, и такое предисловіе показываетъ, что г. Григорьевъ очень хорошо понялъ главную задачу учебника. Элементарное преподаваніе каждой науки не должно имѣть односторонняго направленія, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда самая цѣль заведенія требуетъ спеціальнаго преподаванія. Даже и въ этомъ случаѣ необходимо сообщить ученику, что возможно, изъ всѣхъ частей ботаники, иначе онъ не вынесетъ о ней полнаго понятія, а слѣдовательно не можетъ быть достигнута и спеціальная цѣль, какаѣ бы она ни была. Такъ какъ ботаника—наука очень обширная и состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, то очень естественно спросить, въ какой послѣдовательности преподавать всѣ эти части, чтобъ ихъ изученіе не обременяло ученика?

Большею частію составители нашихъ учебниковъ рѣшали этотъ вопросъ очень просто. Каждое растеніе, говорили они, можно разсматривать съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) какъ совершенно отдѣльный, обособленный организмъ; 2) какъ часть цѣлаго растительнаго царства, и 3) какъ организмъ, находящійся въ связи съ неорганическимъ міромъ. На основаніи этого, прежде всего разсматривали растеніе съ первой точки зрѣнія, а для этого надобно было пройти органографію съ терминологіей, морфологию, анатомію и физиологию растеній. Такъ какъ всѣ эти части сходились въ своей общей цѣли, то ихъ и не преподавали отдѣльно, а обыкновенно, излагая органографію какой-либо части растенія, въ то же время говорили объ ея развитіи, внутреннемъ строеніи и отправленияхъ. Не трудно понять, что такой методъ совершенно не годился для начинающихъ. Толко-

вать ученику о строеніи и отправленіи органовъ растеній, не ознакомивъ его напередъ съ самымъ растеніемъ и растительнымъ царствомъ, — нелѣпо и безтолково. Это все равно, какъ еслибы васъ ввели въ темную залу и стали разказывать, какія въ ней висятъ картины. Не лучше ли преподавать всѣ части ботаники въ такомъ порядкѣ, какой указываетъ взаимная связь ихъ другъ съ другомъ? Опредѣлить же эту связь нисколько не трудно. Органографія, морфологія, систематика и фитографія имѣютъ общимъ предметомъ знакомство съ растительными семействами. Собственно, главная часть есть систематика; остальные служатъ ей пособіемъ. Такимъ образомъ, всѣ эти части вмѣстѣ образуютъ особенный отдѣлъ ботаники, изучающій формы растительнаго организма. Съ другой стороны, анатомія, физиологія и географія съ палеонтологіей, несмотря на видимое несходство направленій, стремятся къ одной и той же цѣли — къ изученію жизни растительнаго организма. Здравый смыслъ говоритъ, что изученіе ботаники должно начинаться знакомствомъ съ растительными формами, а потомъ переходить къ жизни самого организма. Но этотъ методъ, несмотря на свою простоту, сколько намъ извѣстно, не былъ приложенъ ни въ одномъ изъ русскихъ или иностранныхъ учебниковъ. Вѣроятно, причиной тому были не одни отвлеченныя умозрѣнія, о которыхъ мы уже говорили, но и примѣръ другихъ наукъ, особенно зоологіи. Если это такъ, то здѣсь впадали въ другую ошибку — по одной наукѣ судили о другой. То, что примѣнимо къ одной части естественной исторіи, можетъ быть непримѣнимо къ другой. Изученіе животнаго царства начинаютъ съ анатоміи, слѣдовательно путемъ противоположнымъ тому, который мы предложили для изученія ботаники. Для зоологіи такой обратный порядокъ необходимъ, потому что тамъ на анатоміи животныхъ основана вся ихъ классификація. Сверхъ того, животный міръ къ намъ ближе, и, изучая анатомію животныхъ, мы изучаемъ только отклоненія отъ устройства нашего собственнаго тѣла. Г. Григорьевъ, при составленіи своего учебника, руководствовался, повидимому, теми же мыслями. Его учебникъ раздѣленъ на двѣ части: въ одной излагается оргографія, морфологія, систематика и фитографія; въ другой — анатомія съ физиологіей, потомъ географія и палеонтологія. Если на гимназической курсѣ ботаники полагать два года, то каждый отдѣлъ можетъ быть пройденъ въ одинъ годъ. Такимъ образомъ въ отношеніи плана учебникъ не оставляетъ желать ничего болѣе. Превосходный выборъ рисунковъ, служащихъ поясненіемъ текста учебника, много возвышаетъ его достоинство. Ни одинъ учебникъ такъ не нуждается въ пояснительныхъ чертежахъ, какъ ботаническій, особенно по отдѣлу оргографіи. Первая глава

ботаники, служащая какъ бы введеніемъ въ изученіе растительнаго царства, знакомить учащагося съ растеніемъ и растительнымъ царствомъ вообще, съ главнѣйшими органами, морфологическимъ ихъ значеніемъ, съ строеніемъ и классификаціей растений. Это родъ общей картины, гдѣ авторъ развертываетъ передъ учащимся все видимое разнообразіе растительнаго міра и единство происхожденія его изъ одной кѣточки. Такимъ образомъ, еще не касаясь анатоміи, авторъ успѣлъ показать ея важность для изученія жизни растенія. Обзоръ начинается съ однокѣточныхъ растеній, для примѣра которымъ авторъ беретъ красный снѣгъ (*Protococcus nivalis*), покрывающій снѣга сѣверныхъ странъ и высокихъ горъ, дрожалки, заволакивающія наши воды. Затѣмъ разсказывается о формахъ растеній, когда кѣточки соединяются по одному, двумъ и болѣе направленіямъ. При каждомъ разрядѣ растеній говорится слегка о ихъ жизни, способахъ размноженія. Въ видѣ легкаго, пріятнаго разсказа представляется читателю жизнь водорослей, грибовъ, ягелей листовыхъ и печеночныхъ мховъ и прочихъ отдѣловъ безцвѣтковыхъ и цвѣтковыхъ растеній. Говорятъ, подобное же введеніе помѣщено въ англійской ботаникѣ Асса Грай. Мы не имѣли случая увѣриться въ томъ, но знаемъ, что ни въ одномъ германскомъ учебникѣ нѣтъ ничего подобнаго. Польза такого предварительнаго обзора очевидна. Растительный міръ доступенъ не всякому. Очень многіе приступаютъ къ изученію ботаники, не имѣя никакого понятія о безцвѣтковыхъ и цвѣтковыхъ растеніяхъ. Въ этомъ случаѣ предварительная подготовка необходима. Едва ли можетъ быть успѣшно изученіе ботаники по такимъ учебникамъ, въ которыхъ безъ околнностей начинаютъ излагать учащемуся частную органографію и морфологію, не познакомивъ его напередъ съ растеніемъ и растительнымъ царствомъ. Съ другой стороны, такой легкой обзоръ для учащагося служитъ ему программой его ученія, и отъ него зависитъ, если программа эта не могла быть выполнена, довершить ее самому. Послѣ этого прекраснаго введенія слѣдуетъ изложеніе самой органографій и морфологіи. Описаніе корня, стебля, листьевъ и почекъ изложено просто и ясно. Но есть нѣкоторыя подробности, которыя слѣдовало бы исключить, есть многія мѣста, не совсемъ понятныя для учащагося. Таково напримѣръ объясненіе происхожденія тора и самаго цвѣтка. При описаніи плодника, неизвѣстно почему пропущенъ осевой плодникъ, хотя о прочихъ сказано довольно подробно. Описаніе взаимнаго расположенія цвѣтовыхъ частей чересчуръ мелочно, и намъ кажется, что не было никакого повода говорить объ этомъ такъ подробно. Достаточно было сказать, что цвѣто-

выя части образованы изъ листовыхъ спиралей, а относительное расположеніе ихъ вытекало само собой изъ сказаннаго уже прежде.

При описаніи и характеристикѣ семействъ мы встрѣчаемъ пріятную новость, которая должна порадовать всякаго, кому не чужды успѣхи элементарнаго преподаванія ботаники. Это особенный способъ, предложенный г. Григорьевымъ для изученія семействъ. Известно, что ничего нѣтъ труднѣе какъ преподаваніе семействъ растений, особенно когда учащійся мало знакомъ съ растительностію. Большею частію при составленіи учебниковъ ограничивались тѣмъ, что излагали существенные признаки семейства, предоставляя самому учащемуся изучить ихъ какъ ему покажется лучше. Въ позднѣйшее время стали обращать на это больше вниманія, и во многихъ странахъ, особенно во Франціи, издано нѣсколько сочиненій имѣющихъ цѣлю знакомить учащагося съ окружающею растительностію. Ле-Мау думалъ достигнуть этого тѣмъ, что бралъ одно какое-нибудь растение изъ каждаго семейства и анализировалъ всѣ его части, но преимущественно цвѣтокъ. Такъ какъ отдѣльное растение не всегда соединяло въ себѣ всѣ признаки, то при этомъ частномъ анализѣ Ле-Мау упоминалъ вскользь о другихъ наиболее известнѣхъ растеніяхъ изъ того же семейства, на которыхъ могъ показать то, чего не было на первомъ. Такимъ образомъ въ умѣ учащагося составлялось общее понятіе о разбираемомъ семействѣ, понятіе, конечно не полное, потому что авторъ обращалъ главное вниманіе на то, чтобы завлечь учащагося и, слѣдовательно, опускалъ менѣе важные признаки и почти оставлялъ въ сторонѣ терминологию. Для вѣкъклассныхъ занятій такой методъ имѣлъ свою цѣну; потому что при этомъ анализѣ пояснялась вмѣстѣ и органографія растений, а слѣдовательно онъ былъ доступенъ и для незнакомыхъ еще съ ботаникой. Между тѣмъ въ такомъ видѣ, какъ предлагалъ его Ле-Мау, этотъ методъ не могъ быть принятъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподаваніе ботаники имѣетъ цѣлюю во первыхъ научить учащагося самому опредѣлять растеніе, что невозможно безъ основательнаго знанія терминологіи, а во вторыхъ познакомить его съ ихъ жизнію, о чемъ у Ле-Мау не говорилось ни слова. Въ послѣднее время въ Германіи появились таблицы, имѣющія цѣлюю служить дополненіемъ ботаническихъ учебниковъ и знакомить учащагося съ растительными семействами, посредствомъ нѣкоторыхъ изъ ихъ представителей. Онѣ содержатъ довольно подробныя описанія одного, двухъ или больше растений изъ каждаго семейства. Между тѣмъ какъ Ле-Мау ограничивалъ свои описанія только

легкою характеристикой, обращая при этомъ больше вниманія на цвѣтныя части, составитель упомянутыхъ таблицъ дѣйствуетъ совершенно иначе и очень подробно описываетъ каждое растеніе съ цвѣтка до корня. Превосходство этого послѣдняго метода передъ тѣмъ, который предлагаетъ Ле-Мау,—очевидно. Многія растительныя семейства, напримѣръ, крестоцвѣтныя, гвоздичныя, мотыльковыя, зонтичныя, сложноцвѣтныя, составлены такъ естественно, что для основательнаго изученія характеристики семейства достаточно анализировать одного изъ представителей. Разумѣется; этотъ аналитическій осмотръ долженъ касаться всѣхъ безъ исключенія органовъ растенія и тѣмъ онъ будетъ подробнѣе, тѣмъ больше пользы для учащагося. Въ этомъ случаѣ таблицы доставляютъ ему большую подмогу, давая вмѣстѣ съ тѣмъ и средство пріобрѣсти навыкъ въ фитографіи. Подобный же способъ изученія семействъ растеній принятъ и въ разбираемомъ нами учебникѣ. Авторъ, однакоже, немного измѣнилъ его. Для каждаго семейства у него взято по одному представителю; затѣмъ непосредственно помѣщается характеристика самаго семейства. Такой методъ имѣетъ свои выгоды. Характеристика семейства покажетъ учащемуся, какіе изъ признаковъ замѣченныхъ имъ на отдѣльномъ растеніи принадлежатъ семейству и какіе особи. Сверхъ того, не всегда одно растеніе соединяетъ въ себѣ всѣ признаки семейства и необходимо бываетъ дополнить то общее понятіе, которое составляется у ученика при анализѣ представителей. При помощи подобныхъ описаній, говоритъ авторъ въ предисловіи, фитографію можно даже сдѣлать предметомъ выѣсласныхъ занятій. Именно, познакомивъ учащагося съ общою морфологіей и органографіей, изъ которыхъ онъ уже узнаетъ главнѣйшіе органы растеній и составить себѣ понятіе о классификаціи, преподаватель при объясненіи слѣдующихъ отдѣловъ можетъ ежекласно приносить какое-либо живое или сушеное растеніе, приведенное какъ примѣръ въ руководствѣ; сказавъ названіе этого растенія и указавъ на страницу, гдѣ находится его описаніе, можно предоставить самимъ ученикамъ прочесть это описаніе внѣ класса. Повторяя то же самое и съ другими растеніями, упоминаемыми въ руководствѣ, въ то время, когда ученикъ изучаетъ органографію и морфологию, систематику, анатомию и пр., онъ незамѣтно знакомится съ главнѣйшими, общезвѣстными представителями нашей флоры и съ главнѣйшими признаками семействъ, а также постоянно возобновляетъ въ своей памяти пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія изъ вышеупомянутыхъ отдѣловъ науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ выигрывается и много времени, которое преподаватель можетъ съ пользой употребить при изученіи другихъ частей науки.

Вторая часть учебника содержитъ анатомію и физиологію, изложенную на столько подробно, на сколько это доступно для учащагося. За ними слѣдуетъ географія и палеонтологія растеній. Слѣдовательно учебникъ содержитъ въ себѣ всѣ части науки, за исключеніемъ тератологіи и исторіи ботаники. Впрочемъ, въ текстѣ собрано если не все, то по крайней мѣрѣ большая часть всего замѣчательнаго и любопытнаго въ наукѣ, такъ что онъ представляетъ въ краткомъ обзорѣ всѣ результаты новѣйшихъ изслѣдованій въ растительномъ царствѣ. Говорить о пользѣ такого учебника для нашихъ учебныхъ заведеній, послѣ всего сказаннаго, было бы излишне, но мы посовѣтовали бы автору при второмъ изданіи книги исправить то, что не совсѣмъ вѣрно, или можетъ быть выражено яснѣе. Показанный способъ образованія устьицъ очень можетъ быть вѣренъ для нѣкоторыхъ растеній, но для большинства ложень. Устьица образуются не изъ клѣточекъ паренхимы, а изъ верхнекожныхъ клѣточекъ; на это указываютъ ихъ положеніе, нераздѣльность стѣнокъ со стѣнками соприкасающихся клѣточекъ и пр., наконецъ точныя наблюденія Шлейдена, Моля, Шахта, изъ которыхъ послѣдній вовсе не допускаетъ образованія устьицъ изъ паренхимныхъ клѣточекъ. Самый рисунокъ, приложенный къ этой страницѣ, служить не подтвержденіемъ, а опроверженіемъ текста. На стран. 389 говорится: «шипы, напримѣръ у розы, суть прибавочные органы верхней кожи и состоятъ изъ многихъ толстостѣнныхъ клѣточекъ, образующихъ твердое заостренное тѣло; поэтому-то шипы легко отламываются и отдѣляются отъ растенія.» Шипъ легко отламывается потому, что когда онъ достигнетъ извѣстнаго возраста, подъ нимъ образуется пробковый слой, который и причиняетъ то, что иногда шипъ опадаетъ самъ собой. Прежде точно считали ихъ за прибавочные органы кожицы, но г. Кауфманъ показалъ, что въ ихъ образованіи принимаетъ большее или меньшее участіе подлежащая ткань, то-есть паренхима, слѣдовательно они не принадлежатъ кожицѣ, а скорѣе должны считаться наростами или выростами стебля (у розы) или другихъ органовъ. Изъ сообщеннаго на 413 стр. о строеніи выходящей оси, ученикъ можетъ вывести ложное заключеніе, что кромѣ сосудистыхъ пучковъ, образованныхъ при проростаніи зародыша, образуются въ послѣдствіи новые самостоятельные пучки. Сомнѣніе его не разрѣшается ни въ какомъ другомъ мѣстѣ учебника, а напротивъ многое, какъ напримѣръ обиліе сосудистыхъ пучковъ въ стебляхъ одиодольныхъ, два раздѣленные деревянистыя кольца у саговниковъ, послужатъ только къ утвержденію этого мнѣнія. Вообще о развѣтленіи сосуди-

стыхъ пучковъ говорится только вскользь, и учащійся остается въ совершенномъ невѣдѣніи насчетъ истиннаго способа размноженія ихъ въ стволѣ. На стр. 436 ничего не сказано о размѣщеніи устьицъ на листьяхъ однодольныхъ и двудольныхъ растеній; также и превосходныя наблюденія Моля надъ закрытіемъ и раскрытіемъ устьицъ остались не упомянутыми. На стр. 367 говорится, что порошистые грибы состоятъ изъ отдѣльныхъ искровидныхъ клѣточекъ. Это ложно. Вообще вся статья о грибахъ заслуживала бы лучшей обработки. Въ ней много подробностей, но онѣ не относятся къ дѣлу.

С. Карельщиковъ.

ПОЛЬСКО-РУССКІЙ ВОПРОСЪ.

Рѣшаюсь говорить о международныхъ недоразумѣніяхъ Польши и Россіи, но чувствую всю затруднительность и щекотливость этого дѣла. Не встрѣчу ли какихъ-нибудь препятствій? Честно ли начинать споръ съ противникомъ, который отвѣчать не можетъ? Что касается перваго пункта—я вижу передъ собою примѣръ *Основы, Дѣя и Современника*. Относительно же втораго сообщенія, о щекотливости полемики по польско-русскому вопросу, затрудненіе здѣсь не такъ велико, какъ кажется съ перваго раза: названныя мною русскія изданія заявили уже по этому предмету два совершенно противоположные взгляда, да притомъ если затруднительно было бы проводить на русскомъ языкѣ взгляды заграничныхъ польскихъ публицистовъ, то публицисты эти наполняютъ своими брошюрами книжныя лавки западной Европы, своими статьями столбцы заграничныхъ газетъ, которыя имѣютъ полную возможность читать вся путешествующая часть русскаго общества (а она не малочисленна) и сравнивать польскіе аргументы съ русскими. Полемика слѣдовательно возможна—только на разныхъ языкахъ, и при этомъ вся выгода на сторонѣ не нашей, такъ какъ, съ одной стороны, на французскомъ языкѣ, на которомъ большею частію пишутся польскія статьи и брошюры, читаетъ вся Европа, а съ другой стороны, нашъ тѣсный русскій читающій кружокъ не безъ трепета и сердечнаго замيرانія допускаетъ до себя всякую мысль, не получившую санкціи западной Европы. Слѣдовательно, всѣ невыгоды положенія на сторонѣ русскаго публициста, а потому онъ, кажется, можетъ, не краснѣя, выступить на арену.

Прежде всего расчистимъ и утвердимъ подъ собою почву. Въ чемъ состоитъ польско-русскій вопросъ? Съ кѣмъ имѣютъ дѣло Поляки: съ русскимъ правительствомъ или съ русскимъ народомъ? Съ тѣмъ и съ другимъ, но такъ какъ обнять весь вопросъ во всей его общности — было бы задачей слишкомъ обширною, то мы ограничимъ его однимъ международнымъ процессомъ, процессомъ народа съ народомъ, собственно вопросомъ національностей.

Вопросъ національностей — вопросъ колоссальный, вопросъ страшный! Это рычагъ Архимедовъ, который поднимаетъ весь шаръ земной, переворачиваетъ вверхъ дномъ всю исторію. Давно ли исторія и дипломатія заодно, съ гордымъ самодовольствіемъ, провозглашали теорію политическаго равновѣсія? Давно ли карта Европы была расчерчена лучшими государственными людьми, давно ли филантропы восклицали: «нѣтъ больше войны! всѣ причины къ взаимной враждѣ народовъ устранены!».. И что же? Карта Европы перечерчивается, звукъ оружія не умолкаетъ; отыскался какой-то новый источникъ международной вражды: разверзлась Эолова пещера, и изъ нея какъ ураганъ вырывается *вопросъ національностей!*.. И когда этотъ ураганъ промчится? На какихъ заоблачныхъ горахъ, на какихъ неизмѣримыхъ равнинахъ успокоится? Какія новыя подниметъ онъ громады, въ какія песчинки обратитъ нынѣ существующія постройки? Смотрите: онъ смелъ во едино Италію; смотрите, какъ скрипятъ и натягиваются подъ его напоромъ ветхія скрѣпы Австрійской имперіи, въ какой хаосъ обращаетъ онъ Турцію, и какъ изъ этого хаоса начинаетъ возникать какая-то форма, правда, неясная, но которой однако уже можно дать имя и, замѣтимъ, имя это не то, которое хотѣла ей дать политика прошедшаго вѣка.

Мы видимъ фактъ, но хорошенько объяснить его еще не можемъ; въ чемъ состоитъ сущность національности, ея, такъ сказать, первоначальные элементы? Какою сферой ограничивается притягательная сила, влекущая людей въ группы именуемыя націями, и наконецъ, что такое нація? Особенно-важную роль играютъ въ этомъ отношеніи племенное единство, общность историческихъ воспоминаній, тожество языка, религіи, наконецъ условія политическія. Но всѣ эти условія въ совокупности мудрено найти, а каждое изъ нихъ въ отдѣльности, и даже ихъ частныя соединенія, еще не разрѣшаютъ вопроса. Франція и Бельгія говорятъ однимъ языкомъ, происходятъ отъ однихъ предковъ, исповѣдываютъ одну и ту же вѣру, однако не сливаются воедино. Италія, напротивъ, имѣющая тѣ же условія единства и ту же историческую раздѣльность, сплачивается на нашихъ глазахъ въ одно политическое тѣло. Альзасскіе Нѣмцы

очень хорошо сжились съ Французами, и забыли свою германскую родину хотя она отдѣлена отъ нихъ только шириною Рейна. Съ другой стороны, Чехи четыре вѣка раздѣляютъ политическую судьбу Австрійской монархіи, но сберегли свою національную особливость. Какъ подвести всѣ эти разнообразныя явленія подъ одинъ законъ? Тамъ исторія протестуетъ противъ племеннаго единства, здѣсь племенное начало возмущается противъ исторіи. А вотъ Скандинавскій міръ, вѣкогда-составлявшій одно политическое цѣлое, и добровольно раздѣланный на три части, теперь опять начинаетъ стремиться къ сліянію. Кто объяснитъ все это одними общими началами? Кто скажетъ, въ какой формѣ разрѣшаются и согласуются два диаметрально противоположные тока, замѣчаемые въ народныхъ вѣстникахъ: одинъ въ направленіи собирательномъ, другой въ раздробительномъ; одинъ создающій крупныя массы, другой обособляющій мельчайшія племенные единицы.

На всѣ эти вопросы исторія, можетъ-быть, и отвѣтитъ, но лишь тогда, когда она въ состояніи будетъ съ точностью отдѣлать симпатіи и антипатіи народныя отъ видовъ правительственныхъ; когда она будетъ въ состояніи сказать: вотъ чего въ данный моментъ желала нація, и вотъ что совершила политика. Въ настоящее время исторія сдѣлать этого не можетъ, а потому мы должны ограничиться простымъ принятіемъ къ свѣдѣнію самаго факта, и заявить, что съ XIX вѣка, въ исторіи человѣческихъ обществъ начинается дѣйствовать новый и необыкновенно сильный факторъ, — элементъ національностей.

Итакъ, въ чемъ же состоитъ вопросъ національностей между Польшей и Россіей? Для объясненія этого и въ видѣ вступленія, я прошу позволенія разказать слѣдующее истинное происшествіе.

Нынѣшнимъ лѣтомъ, въ одномъ небольшомъ великорусскомъ городкѣ, сосѣднемъ съ Бѣлоруссіей, я встрѣтился въ обществѣ съ господиномъ, содержащимъ въ этомъ городкѣ пансіонъ. Замѣтивъ у него нечистый русскій выговоръ, я спросилъ, какихъ мѣстъ онъ уроженецъ. — Польши, » отвѣчалъ онъ. Изъ Варшавы? — Нѣтъ, изъ Полоцка... » Итакъ Полоцкъ, по мнѣнію этого господина — Польша; Полоцкъ, ровестникъ Новгорода и Ладоги, княженіе Рогволода и Изяслава!..

Въ словахъ моего случайнаго знакомаго вся сущность польско-русскаго вопроса; онъ очень не сложенъ. Поляки считаютъ всю Бѣлую и Южную Русь, *до Двины и Днѣпра*, — Польшей ¹.

¹ Въ изъясненіе обвиненія въ неточности со стороны знатоковъ современной польской литературы, слѣдуетъ оговорить, что невѣроятная претензія

Заявивъ фактъ (доказательства послѣдуютъ ниже), постараемся примѣтить, какъ сложилось такое экстраординарное понятіе.

Литовскіе князья, какъ извѣстно, отвоевали у Россіи много областей, изъ коихъ Бѣлая и Южная Русь оставались за ними нѣсколько вѣковъ. Но Литва была малочисленное племя (по Кеппену, въ настоящее время 807.111), а потому оно не замедлило подвергнуться вліянію покоренныхъ: русскій языкъ сдѣлался въ великомъ княжествѣ Литовскомъ языкомъ офціальнымъ, и восточное вѣроисповѣданіе начинало одерживать верхъ надъ язычествомъ, когда произошло соединеніе Литовскаго великаго княжества съ королевствомъ Польскимъ. Съ этого времени начинается введеніе польскаго языка и римскаго вѣроисповѣданія, сначала въ Литвѣ, а потомъ въ русскихъ областяхъ. Между язычниками-Литовцами латинская вѣра вполнѣ утвердилась, и польскій языкъ сдѣлался (не ранѣе, однакоже, исхода XVI вѣка) въ средѣ образованныхъ людей господствующимъ. Между Русскими этого быть не могло, тамъ сохранились и языкъ, и религія праотцевъ; оналичкомъ лишь небольшое число дворянъ, такъ что на шесть слишкомъ милліоновъ православныхъ, говорящихъ русскимъ языкомъ, въ шести западно-русскихъ губерніяхъ, насчитывается только 762 тысячи Поляковъ-католиковъ (менѣе нежели Евреевъ).

Но какъ въ Литвѣ, такъ и въ Западной Руси, католиками сдѣлались и ополячились дворяне, или люди лѣзшіе въ дворянство, къ которымъ еще присоединилось множество Поляковъ чистой крови, получившихъ въ этихъ сгранахъ маенности. Эти польскіе выходцы были большею частью богатые люди, или сдѣлались таковыми, благодаря полученнымъ ими на Руси имѣніямъ; Русскіе отщепенцы тоже принадлежали къ знатымъ фамиліямъ, или приобрѣли шляхетскія права, что, разумѣется, дало огромный моральный перевѣсъ польскому элементу въ эти времена аристократическихъ и феодальныхъ понятій, когда людьми считались лишь шляхтичи, а ихъ хлопы рабочею силой. Такимъ образомъ, когда въ Литвѣ все дворянство, а въ Южной Руси, положимъ, половина его, сдѣлалась Поляками, Польша сказала: я простираюсь до Днѣпра и Двины.

Такое мнѣніе, какъ ни уродливо намъ теперь оно кажется, было сообразно съ господствовавшими въ Европѣ понятіями; и

Поляковъ на западно-русскую національность, почерпнутая въ ученюмъ, и нѣсколько парадоксальномъ изслѣдованіи Лелевели (Polska i Rus.), развивается не историческими писателями польскими, не блестящимъ Шайнохой, на примѣръ, съ которымъ мнѣ такъ пріятно было познакомиться русскую публику, а публицистами польской эмиграціи, доведшими не совсѣмъ твердые выводы Лелевели до тѣхъ чрезмѣрностей, къ которымъ способна только литература оторванная отъ дѣйствительности, литература *мружка*.

когда Южная Русь начала отстаивать свою національность оружіемъ, то Поляки видѣли въ этомъ не что иное, какъ возмущеніе мужиковъ противъ помѣщиковъ.

Позволительно, кажется, думать, что еслибъ этотъ процессъ народа противъ шляхты былъ перенесенъ на судъ Европы, какою она была въ XVII вѣкѣ, то славная Хмѣльничина была бы осуждена.

Въ теченіе всего XVIII вѣка, Россія была подъ вліяніемъ общихъ тогда въ Европѣ понятій, и дворянство уже организовалось у насъ въ особое исключительное сословіе. При такомъ состояніи понятій совершилось возвращеніе къ Россіи западно-русскаго края. По мнѣнію тогдашнихъ публицистовъ, философовъ и государственныхъ людей, не два племени, разрозненные силою обстоятельствъ, соединялись во едино, а совершалось завоеваніе одного государства другимъ. Россія призывала къ себѣ часть Польши: вотъ что видѣла Западная Европа въ присоединеніи Западной Руси къ Восточной, а вслѣдъ за Западною Европой и образованная часть Россіи. Этимъ возрѣніемъ на предметъ объясняются колебанія императрицы Екатерины II по поводу перваго раздѣла Польши, явное неодобреніе этой мѣры графомъ Панинымъ, и наконецъ смущеніе лучшихъ людей тогдашней Россіи, передъ приговорами западно-европейской печати, видѣвшей въ сліяніи единой и долго раздѣленной національности не что иное какъ насильственное завоеваніе. Считая страну лишь вотчиною государя, никто тогда не замѣтилъ, что если Австрія и Пруссія дѣйствительно отхватили часть польской земли и часть польскаго народа, то одна Россія не коснулася ни того ни другаго.

Наступилъ и XIX вѣкъ, и хотя формы аристократическаго быта были низвергнуты революціонною бурей, но ихъ преданія были еще живы; людей продолжали считать числомъ дворянъ; Богемія по прежнему признавалась германскою страной, Бѣлая и Южная Русь Польшею.

Вѣнскій конгрессъ, какъ извѣстно, присоединилъ герцогство Варшавское къ коронѣ русскаго императора. Князь Чарторижскій, въ то время очень близкій къ государю, горячо ходатайствовалъ о восстановленіи польской автономіи подъ властью русскаго императора, — безъ малѣйшаго вниманія къ значенію народностей, или, правильнѣе, допуская значеніе народности только въ средѣ привилегированнаго сословія.

Александръ совѣтовался объ этомъ съ знаменитымъ прусскимъ министромъ Штейномъ и съ искуснымъ дипломатомъ нашимъ Поццо ди-Борго. Оба они единогласно противились видамъ Чарторижскаго, но исключительно съ точки зрѣнія политическихъ

удобствъ, дипломатическихъ затрудненій, соображеній государственныхъ, и ни одинъ не сказалъ, что герцогство Варшавское и западный край не одно и то же; что ходатайство князя Чарторижскаго имѣеть основаніе относительно перваго, но не относительно втораго; что было бы верхомъ несправедливости—цѣлый народъ, шесть милліоновъ человекъ, какъ стадо барановъ, гнать въ ту сторону, куда хотѣло нѣсколько сотъ помѣщиковъ. Этого мало; пусть бы князь Чарторижскій, польскій магнатъ, проникнутый польскими преданіями, пусть бы Штейнъ и Поццо ди Борго, какъ иностранцы, ставили ни во что различіе между Поляками и Русскими, или не знали этого различія, но самъ Карамзинъ, писавшій государю объ этомъ предметѣ, Карамзинъ, который въ изученіи исторіи долженъ былъ бы, казалось, доискаться до значенія народности въ вѣлахъ международныхъ, и тотъ смотрѣлъ на дѣло съ точки зрѣнія только государственнаго права. «Можете ли, говорить онъ, съ мирною совѣстью отнять у насъ Бѣлорусію, Литву, Волынь, Подоль, утвержденную собственность Россіи еще до вашего царствованія?» Вотъ точка зрѣнія нашего историографа; завоеваніе есть единственное право, которое онъ признаеть, и на которомъ, по его понятію, сдвинулись и слились воедино западная и восточная половина Россіи.

Мы смотримъ на это уже иначе. Мы уважаемъ границы политическія, государственныя, но отыскиваемъ и границы этнографическія. Мы не сказали бы съ Карамзинимъ: «постаримъ крѣпостямъ (!) Бѣлорусію, Волынь, Подоль вмѣстѣ съ Галиціей, были нѣкогда стариннымъ достояніемъ Россіи;» мы сказали бы: Бѣлоруссія, Волынь, Подоль съ Галиціей суть члены одной семьи русской, какъ Новгородъ, Рязань, Москва, Кіевъ и эта семья не должна, не можетъ разъединиться. Для насъ ровно ничего не значитъ, что у славной короны Пястовъ и Ягеллоновъ «отрываютъ лучшіе перлы.» Это насъ нисколько не трогаетъ. Гедеминъ и Казиміръ приобрѣли, Августъ потерялъ, это дѣло ихъ между собою; мы видимъ только то, что народъ русскій долго находился подъ чужеземнымъ игомъ и освободился отъ него. Право династіи нарушено, но сліяніе народности совершилось. Что же противъ этого возразить можно? Много писали о такъ-называемыхъ раздѣлахъ Польши; трудолюбивый Нѣмецъ Шмитъ перерылъ петербургскіе и московскіе архивы, чтобы разрѣшить, въ чьей именно головѣ родилась эта мысль: въ головѣ ли Екатерины, Маріи-Терези или Фридриха? Благодаря ему, мы теперь знаемъ, что первоначальная мысль принадлежитъ этому послѣднему¹; но не это намъ важно. Намъ важно то, что

¹ На дняхъ непечатано въ Берлинѣ подъ названіемъ: «Catherine II, sa cour et la Russie en 1772» донесеніе французскаго дипломатическаго агента, Saba-

между тѣмъ какъ Пруссія и Австрія огрѣзывали себѣ три раза сряду чисто-польскую землю, съ чисто-польскимъ населеніемъ, мы не коснулись этой земли и этого народонаселенія; наши такъ-называемыя завоеванія были, за исключеніемъ собственно Литвы (не Польши однакожь!) не что иное какъ присоединеніе Руси къ Руси. Скажутъ: не такъ на это смотрѣли лица, совершившія это соединеніе. Очень можетъ быть, и Карамзинъ правъ, говоря что «Екатерина за сдѣланное ею пусть отвѣтствуетъ Богу»; но съ какою бы цѣлю, при какихъ бы побужденіяхъ ни было совершено ею дѣло присоединенія Западной Руси, оно есть дѣло народное, продолженіе того великаго дѣла, которое начато Хмельницкимъ, и еслибъ оно не было совершено Екатериной, оно должно было бы совершиться въ наши дни, вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ требованій, неотразимыхъ требованій общественнаго мнѣнія, какія заявили себя по отношенію къ Италіи.

Такъ представляется это дѣло намъ, Русскимъ; безъ сомнѣнія, такъ же смотрѣла бы на него Европа, еслибъ она знала дѣло это поближе и попробовала подвергнуть феодальную точку зрѣнія публицистовъ прошедшаго времени критикѣ современныхъ понятій. Но какъ же теперь, при современныхъ понятіяхъ, защищаютъ свое дѣло нѣкоторые изъ польскихъ публицистовъ? Нельзя же теперь сказать, что хлопы не люди, что они должны слѣдовать туда, куда идутъ паны!

Этого Поляки и не говорятъ нынче, но за то нѣкоторые изъ *передовыхъ* людей у нихъ создали особую этнографическую теорію, которая доказываетъ, что Русью истинною должна называться только западная часть ея; что западную Русь, чистая Русь, единоплеменная Польшѣ и горячо ей сочувствуетъ, тогда какъ восточная половина Россіи не есть Русь, а Московія, и ничего общаго съ славянскими племенами не имѣетъ. Мы не станемъ возиться съ этою громадой лжи: г. Костомаровъ недавно подвергъ ее ученой критикѣ (*Основа*. № 2); ¹ да притомъ исторія Россіи довольно знакома русскимъ читателямъ. Это вопросъ конченный, да и не очень важный, потому что, еслибъ и было доказано, что восточная Русь не Русь, все же Кіевъ, Полоцкъ и Черниговъ, не перестанутъ считать братьями своими Новгородъ, Москву и Владиміръ; все же Бѣлорусь, Ма-

thier de Cobres, своему двору; онъ писалъ въ то самое время, когда въ Петербургѣ шли переговоры о первомъ раздѣлѣ, и инициативу этого дѣла тоже приписываютъ Фридриху.

¹ Въ октябрскомъ номерѣ того же журнала г. Костомаровъ возвращается къ этому предмету по поводу новой статьи *Revue Contemporaine*, о которой далѣе будетъ упомянуто.

лорусъ и Великорусъ назовутъ другъ друга землякомъ, а не назовутъ землякомъ Поляка; все же въ шести западныхъ губерніяхъ, шесть милліоновъ людей считающихъ себя Русскими, и все же тамъ лишь нѣсколько тысячъ Поляковъ: вотъ фактъ, который измѣнить не могутъ никакія филозофическія и этнографическія изысканія. Поляки очень хорошо знаютъ это; этнографическая теорія публицистовъ ихъ есть не что иное какъ бойкая спекуляція на невѣжество Европы въ славянскихъ дѣлахъ. Европа можетъ повѣрить, что подольскій крестьянинъ забылъ Хмельничну и Бѣлорусъ Польщину, но мы очень хорошо знаемъ, на сколько тутъ истины. Поэтому, мороча Европу племенными фокусами и лингвистическими шарадами, польскіе заграничные публицисты,—по крайней мѣрѣ, болѣе практическіе изъ нихъ,—приводятъ въ дѣйствіе другія, гораздо сильнѣйшія пружины. Вотъ, напримѣръ, что писалъ года два тому назадъ, одинъ заграничный Полякъ своимъ землякамъ въ западныхъ губерніяхъ: «Странно мнѣ, гласило это посланіе, что вы до сихъ поръ не могли ополчить край, въ которомъ живете, итѣя для того большія средства, ибо вы господа и полновластные начальники вашихъ крестьянъ. Пусть каждый изъ васъ возьметъ во дворъ нѣсколько крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ; въ нѣсколько лѣтъ можно сдѣлать ихъ настоящими Поляками и искренними католиками; какъ скоро это достигнуто, должно отпускать ихъ на волю. и надѣлать земель, строеніемъ и скотомъ: это будутъ ваши друзья и распространители нашей пропаганды, а на ихъ мѣсто слѣдуетъ немедленно набирать другихъ крестьянскихъ дѣтей и поступать съ ними также какъ съ предшествующими. Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ письма, въ нѣсколько лѣтъ весь край сдѣлается нашимъ.» Мысль, какъ видите, недурная. Здѣсь основаніе то же, которое дѣйствовало при обращеніи Литвы въ католичество. Тѣ же небольшіе подарки въ ознаменованіе родительской попечительности, изъ-за которыхъ выглядываетъ католическое крошело, тотъ же щитъ «благихъ цѣлей», прикрывающій средства къ ихъ достиженію. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что въ письмѣ заграничнаго Поляка ясно высказалось признаніе, что крестьяне западныхъ губерній—не Поляки,—я вотъ что, въ сущности таится подъ знаменитою теоріей о средствѣ Западно-Руса съ Полякомъ. Хорошо средство! Мы не будемъ углубляться въ даль вѣковъ, а спросимъ, много ли оказалъ Польшѣ содѣйствія бѣлорусскій и южнорусскій элементъ во время войнъ ея съ Россіей въ XVIII столѣтіи? Сильно ли отразилась между крестьянствомъ этихъ странъ барская конфедерація, подвиги Пулавскаго и даже Костюшки? Сочувствіе ли къ Польшѣ доказываетъ уманская рѣзня? Или, можетъ-быть, нѣжность къ Польшѣ между крестьянами западной Руси развилась

позднѣе? Но когда же? Въ 1812 году? въ 1831?.. Да что говорить: крестьянство самого царства Польскаго довольно равнодушно смотритъ на нынѣшнюю агитацію!

Положимъ, говорятъ искреннѣйшіе между польскими публицистами, грубая сила массы въ западныхъ губерніяхъ не на нашей сторонѣ, но за насъ моральное превосходство, сила интеллектуальная. Не споримъ,—но такъ ли будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда гражданскія права западно-русскихъ крестьянъ получатъ дѣйствительное значеніе, а просвѣщеніе придастъ силу и сознаніе ихъ національнымъ инстинктамъ? Да и не верхъ ли самолюбивой, гордой заносчивости, ставить ни во что искреннія, глубокія, хотя бы несознательныя симпатіи простыхъ людей? Вы просвѣщены, а я нѣтъ, но мнѣ также какъ вамъ, если еще не болѣе, дороги мой языкъ, моя вѣра, мои обычаи; я тоже человѣкъ, тоже отдѣльный самостоятельный міръ съ желаніями, съ волей, съ симпатіями и антипатіями!

Польскіе публицисты любятъ выставлять еще одинъ доводъ; мы, говорятъ они, колонизируя Русь (западную), дивилизуемъ ее. Въ одной изъ самыхъ рѣзкихъ и откровенныхъ статей польской эмиграціи, помѣщенной въ *Revue Contemporaine*, сказано между прочимъ: «Антагонизмъ этотъ (между Россіей и Польшей) есть можетъ-быть одна изъ роковыхъ необходимостей, которыхъ тайна извѣстна только божественному Промыслу. Ваше назначеніе тяготѣть надъ міромъ, наше—бороться съ вами и уничтожать васъ.» Такимъ образомъ будто бы, стремясь къ уничтоженію Россіи и русской народности, Польша дѣйствуетъ въ смыслѣ великихъ цѣлей Провидѣнія, на благо просвѣщенія, свободы, гуманныхъ чувствъ... Чортъ возьми, да такимъ языкомъ не говорятъ и съ Бухарцами! И ихъ признаютъ людьми, а не плотоадными, вредными тварями; и ихъ хотятъ только немножко передѣлать, а не уничтожить, какъ нѣкогда истребляли волковъ, — въ конецъ! Но мы думаемъ, что нашъ авторъ не такъ свирѣпъ, какъ онъ хочетъ показаться; его сноситъ въ сторону, какъ теченіемъ, фразой, этимъ неиспѣлимымъ бѣдствіемъ Польши, и онъ, думаемъ мы, хочетъ тоже не болѣе какъ колонизировать Россію... только! Но пусть такъ, остановимся на этой мысли: колонизировать Россію. Однако мы возмущаемся, мы негодуемъ, когда какія-нибудь учрежденія стремятся обезличить отдѣльныя человѣческія личности, передѣлать ихъ по извѣстной мѣркѣ, стиснуть ихъ въ заранѣе-придуманную рамку,—а передѣлать цѣлый народъ! Чтѣ за нелѣпость! Мы не хотимъ, чтобъ этого дѣлали съ Киргизами. Мы желаемъ только, чтобъ они подчинились необходимымъ условіямъ гражданскаго обществія, а усвоить они или нѣтъ черты русской національности—это мы предоставляемъ рѣшить времени, жизни. Мы горячо

сочувствовали возвращенію въ Польшу правъ польскаго языка, изданію въ Варшавѣ Мицкевича, а изъ насъ самихъ хотятъ сдѣлать что-то другое, не то что мы есть!.. Допустимъ, что уровень просвѣщенія вообще выше между Поляками нежели между Русскими, но Россія однакожь не киргизская степь; у Россіи есть своя исторія и литература. У нея есть 1612 годъ, эпоха Петра и 1812 годъ,—какъ же намъ быть чѣмъ-нибудь другимъ, а не Русскими? И что такое сама Польша, гдѣ ея права на миссію цивилизаціи? Она выработала себѣ гражданскую и политическую свободу, это правда; но эта свобода — Польша не умѣла съ нею справиться; эти права—ими пользовались лишь нѣсколько сотъ фамилій, и по мѣрѣ того какъ во всей Европѣ подобныя привилегіи или падали, или, расширяясь, обнимали все народонаселеніе, у нея онѣ становились все болѣе и болѣе исключительными; по мѣрѣ того какъ въ Европѣ распространялся духъ религіозной терпимости, у нея сильнѣе и сильнѣе дѣлалось преслѣдованіе диссидентовъ. Гдѣ же ея права на цивилизующую миссію? Во всей Европѣ утверждается уваженіе къ индивидуальности какъ людей такъ и народовъ,—а что мы видимъ со стороны представителей молодой Польши? Желаніе уничтожить сложившуюся національность во имя какихъ-то мистическихъ идей, какихъ-то сокровенныхъ опредѣленій Провидѣнія (кстати тутъ Провидѣніе!) ... Это ли ея права? Или можетъ-быть ихъ видятъ въ католическомъ фанатизмѣ, въ послѣднее время такъ усилившемся въ Польшу, который, правда, является союзникомъ ея патриотическихъ стремленій, но съ которыми послѣ не легко будетъ раздѣлаться? Или, наконецъ, право это въ беззавѣтной удали польскихъ легионовъ, помогавшихъ Наполеону угнѣтать Германію и Италію, налагать оковы на Испанію и Португалію? Вы гордитесь подвигами этихъ кондотьеровъ деспотизма? Вы искали въ Наполеонѣ союзника, вы надѣялись, потворствуя его беззаконіямъ, выиграть собственное дѣло, возвратить съ чужою помощью то что потеряли по собственной винѣ?.. Худой расчетъ, ошибочный. Вы не мастера въ выборѣ себѣ союзниковъ.

Кстати о союзникахъ! Вы считаете Россію своимъ злѣйшимъ врагомъ, а благоразумнѣе было бы стараться имѣть ее союзникомъ. Мы не желаемъ уничтоженія вашей національности,—а то ли напримѣръ въ Пруссіи? Правительство и народъ тамъ заодно истребляютъ всякій признакъ вашей народности. Помните ли, когда познанскіе депутаты заявили передъ берлинскою палатою о правахъ польскаго языка посреди польскаго народонаселенія,—что было ему отвѣтомъ?—Смѣхъ, презрительный смѣхъ. Можно ли указать на что-нибудь подобное въ нынѣшнемъ русскомъ обще-

ствѣ? Мы уважаемъ ваши несчастія, и за нихъ многое, очень многое, можетъ-быть слишкомъ многое, безмолвно переносимъ... Не хочу выходить изъ чисто-литературной сферы, и спрашиваю, что отвѣчаете вы на брошюру одного земляка нашего, находящагося въ всякихъ подозрѣнїи въ оффиціальности и даже оффиціозности, брошюру исполненную живѣйшимъ къ вамъ сочувствіемъ и только оспаривающую у васъ право колонизировать Россію? Вы отвѣчаете ему: «la bonne foi russe inspire de la méfiance dans une question de droit et de justice.»¹ То-есть: Русскій, по природѣ своей, не можетъ быть судьей въ дѣлѣ права и правды; право и правда несовмѣстимы съ натурой русскаго человѣка!.. Оскорблять цѣлый народъ, начинающій забывать старые счеты и теперь къ вамъ искренно расположенный: честно ли, благородно ли это? Есть ли смыслъ также и въ этихъ словахъ, напримѣръ: l'une (польская национальность) a toujours représenté avec éclat et souvent avec grandeur l'élément libéral et civilisateur de l'Occident; l'autre (русская) n'a jamais été et ne sera jamais autre chose que l'incarnation de l'élément oriental, ce qui veut dire débordement du despotisme. Какое младенческое самодовольство и какое возмутительное пренебреженіе къ чужой личности! Вы хотите насъ цивилизовать,—но то же самое Германцы говорятъ относительно Познани и Торна. Нравится ли это вамъ? То же самое дѣлаютъ Мадыяры относительно смежныхъ съ ними Славянъ,—хорошо ли это? Довольно насилія во имя цивилизаціи. Европа не забыла еще Наполеона и его орловъ, трепавшихъ Германію и Испанію во имя свободы. Если въ васъ такой превзытокъ цивилизаціи, показывайте ее дома, подавайте примѣръ, а мы позаимствуемъ; но не принуждайте насъ къ этому.

Знаете ли что? Вы не твердо стоите на вашей почвѣ цивилизующей миссіи, вы не проникнуты лучшими изъ современныхъ началъ, вы во многомъ остаетесь еще въ сферѣ понятій прошлаго вѣка. Недостаточно быть приверженцемъ либеральныхъ учреждений, надо быть человѣкомъ либеральнымъ не вслѣдствіе одной теоріи, но и по душѣ: носить любовь и уваженіе въ сердцѣ своемъ къ индивидуальности и отдѣльнаго лица, и народности. И Шмерлингъ и Шверинъ либеральные министры, а популярны ли они между Славянами, Венгерцами, Италіянцами и между вами самими? Также и вы! Вы либералы, но только въ отношеніи къ себѣ къ Полякамъ чистой крови, а

¹ *Revue Contemporaine* 150 etc.

не ладно отъ васъ Русскимъ, Галичанамъ, и не любо было бы Русскимъ Южной и Бѣлой Руси. И вотъ почему вы не замѣчаете тѣхъ важныхъ задатковъ великаго будущаго, которые таятся въ русскомъ народѣ... Мы были государствомъ восточнымъ, пожалуй; и не въ намъ склонялись симпатіи людей развитыхъ и просвѣщенныхъ, какими были во время оно только люди знатные и богатые; но посмотрите: какъ только мы сами зачерпнули немножко гражданственности, мы успѣли дать испить отъ нея всѣмъ до послѣдняго нищаго, и за то у насъ есть теперь *de jure*, а черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ *de facto* тридцать пять миллионъ гражданъ, то-есть всѣ жители Россіи, тогда какъ у Поляковъ ихъ было лишь нѣсколько тысячъ (шляхтичей). Наконецъ посмотрите на эту, хотя бы иногда и идеаллическую, но глубокую и всеобщую симпатію, обнаруживаемую всѣми образованными людьми у насъ къ крестьянству...

Съ какой же стати покинуть насъ шесть миллионъ людей говорящихъ однимъ съ нами языкомъ, имѣющихъ одну съ нами религію, происходящихъ отъ однихъ съ нами предковъ? И когда же? Въ ту минуту когда печальное прошедшее начинаетъ забываться? И для чего?. Повѣрьте: и вамъ, и намъ будетъ лучше, если вы ограничитесь польскою національностью; развивайте ее, очиншовывайте своихъ крестьянъ; но откажитесь отъ невозможнаго и преступнаго замысла—насилловать чужую народность. Русскій народъ привыкъ бояться вашихъ шляхетскихъ преданій и вашихъ ультрамонтанскихъ союзниковъ.

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

КАКОЙ БЫВАЕТЪ ВРЕДЪ ОТЪ МОНОПОЛІЙ?

Очень куріозное явленіе представляетъ наша литература. Съ какого конца ни взять ее — явленіе очень куріозное. Нѣтъ въ мірѣ предмета, котораго бы она не касалась; повидимому, нѣтъ идеи, нѣтъ направленія, которое бы въ ней не проглядывало. Все въ ней есть; это полная чаша, это рогъ изобилія, изъ котораго такъ и сыплются всякаго рода прелести, всевозможные и невозможные проекты по всѣмъ частямъ, существующимъ и не существующимъ. Какое богатство! Какая производитель-

ность! Какое могущество умственных и нравственных интересов! Откуда только все это валось! Сколько изданій, статей и статейек! Сколько литераторов! Какая благодать! Но дѣло не въ этомъ. Въ другихъ странахъ, пожалуй, еще болѣе насчитается и изданій, и пишущей братіи. Въ Великобританіи съ Ирландіей выходитъ, пожалуй, около двухъ тысячъ всякихъ журналовъ. Да что въ нихъ толку? Какое сравненіе съ нашимъ журнальнымъ міромъ! У насъ, положимъ, не такое множество журналовъ; но надобно взять въ разчетъ, въ какое короткое время выросла наша литература: какая, значить, быстрота жизни, какая сила умственного спроса, какое могущество почвы! Но и не въ этомъ дѣло,—дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ. Гдѣ встрѣтимъ мы такой взмахъ, такой полетъ, какъ въ нашей литературѣ? Гдѣ съ такою легкостью рѣшаются всѣ вопросы? Вездѣ люди заботятся о томъ, чтобы сказать что-нибудь опредѣленное, точное, ясное, идущее къ дѣлу; вездѣ признается авторитетъ науки, здраваго смысла, требованій жизни; вездѣ обращается зоркое вниманіе на дѣйствительность, и значеніе всякой мысли мѣрится степенью этого вниманія. Сколько авторитетовъ и ограниченій! У насъ ничего этого нѣтъ; мы совершенно свободны; и наука, и здравый смысл—намъ не задержка; стыда мы не знаемъ, законы дѣйствительности для нашей мысли не существуютъ; для нашей мысли не существуютъ и законы логики. Чистая, полная, абсолютная свобода ничего не хотѣтъ знать и ни о чемъ серьезно не думать! Гдѣ найдутся мастера, которые бы поравнялись съ нами въ этомъ свободномъ искусствѣ?

Но это старая пѣсня, это дѣло извѣстное. Да, это старая пѣсня, но мы хотимъ спѣть ее на новый ладъ. Какая причина этого тумана, который стоитъ надъ русскою землею? Причинъ много; но есть одна ближайшая, которой мы и хотимъ коснуться.

Направленіе потока зависитъ отъ того, куда приглашаетъ его склоненіе почвы. Онъ извивается, смотря потому какъ поднимается или какъ понижается передъ нимъ почва. Не оттого ли наша литература и вообще наша quasi-умственная жизнь, не оттого ли она въ такихъ непутныхъ изгибахъ льетъ свое пустословіе, что есть обстоятельства, опредѣляющія ея русло? Не потекла ли бы она иначе, еслибы неровности почвы опредѣляли иначе ея паденіе?

Чѣмъ страдаетъ наша литература, наша умственная жизнь, наше общественное мнѣніе? У насъ образовался навѣкъ ничего не доводить до полной ясности, до опредѣленности, до точно-

сти. У насъ въ общественноѣ оборотѣ ходять только хвостикъ мыслей, полуосвѣщенные факты, недоговоренныя слова. Всякая попытка сказать что-нибудь кончается фразой, безплодно шевелящею умъ. Все у насъ улетучивается въ туманъ намека, символа, вносказанія, все подталкивается къ неясности, къ неточности, къ неопредѣленности. Всему неясному дается премія. Темное слово пользуется привилегіей передъ яснымъ. Въ отвлеченностяхъ, въ неопредѣленностяхъ, мы можемъ носиться сколько душѣ угодно; путь туда склоняется самъ собою, потому что разныя препятствія возстаютъ передъ нами, какъ только рѣчь зайдетъ о *дѣль*. При всякомъ вопросѣ мысль наша останавливается на полупути и сворачиваетъ на жалкій лепетъ, почти безъ содержанія. Разныя дурныя инстинкты сторожатъ этотъ заворотъ и употребляютъ его въ свою пользу. Неплюсь и безсмыслица употребляются для произведенія разныхъ эффектовъ; онѣ украшаются замысловатыми прибаутками, снабжаются закорючками мрачнаго свойства, какими-то намеками на что-то. Плутство и фиглярство сзываютъ толпу праздныхъ умовъ, — праздныхъ поневолъ, потому что все относитъ и отталкиваетъ ихъ отъ дѣла. Умы, не привыкшіе ни къ чему ясному и положительному, поневолъ получаютъ склонность ко всему зыбкому въ своихъ очеркахъ, — ко всему, лишенному опредѣленнаго содержанія, дозволяющему думать что угодно. Шарлатанство и пустозвонство развиваются и плодятся, заглушая собою всякіе начатки мысли и знанія. Потому-то намъ все и ни печемъ; потому-то мы недѣлами и днями переживаемъ цѣлыя системы, которыя выработывались жизнью цѣлыхъ народовъ и многихъ вѣковъ. Въ сущности мы ничего не переживаемъ; до жизни у насъ ничего не доходитъ; мы ничего дѣйствительно не касаемся; мы только носимся въ этой стихіи пустословія, составляющей наше единственное умственное достояніе.

Зачѣмъ же сѣтовать на воды, что онѣ текутъ не въ ту, а въ другую сторону, если онѣ обставлены такъ, что течь имъ иначе невозможно? Какъ же хотѣть другаго направленія, когда все разчитано на то, чтобы другое направленіе было невозможно? Чтобы мысль могла быть зрѣлою и дѣльною, ей необходимо имѣть широкій доступъ къ дѣйствительности; необходимо, чтобы она непрерывно встрѣчалась и сталкивалась съ дѣйствительностью, непрерывно свѣряла себя съ нею и приучалась понимать ее. Напрасны будутъ всѣ старанія измѣнить господствующій въ обществѣ обрѣзъ мыслей какими-нибудь принудительными или наставительными способами; напрасны будутъ всѣ наши старанія отпугивать умы отъ одного направ-

ленія и *матаскивать* ихъ на другое. Трудъ нашъ будетъ бессмысленнымъ и мучительнымъ трудомъ Сизифа, если условія, которыми опредѣляется направленіе, будутъ оставаться все тѣ же. Нѣтъ надобности въ запрещеніяхъ съ одной стороны, нѣтъ надобности въ покровительствѣ съ другой: и то, и другое произведутъ въ результатъ противоположное дѣйствіе. Въ покровительствѣ и запрещеніяхъ нѣтъ надобности; — но нужно изучить существующія условія и устранить изъ нихъ все то, въ чемъ скрывается излишнее вмѣшательство. Представьте себѣ, что вдругъ по всякому вопросу, имѣющему интересъ для общества, стали бы мы высказываться до конца, доходить до дѣла, выражаться съ полною точностію и опредѣленностію; представьте, что ни при какомъ пунктѣ не было бы повода ссылаться на независимыя отъ нашей воли обстоятельства, и вмѣсто точнаго слова, давать двусмысленныя намеки, или общее мѣсто, или звонкую фразу, или никуда негодную отвлеченность. Будь все это, въ скоромъ времени поднялся бы спросъ на все опредѣленное, на все ясное; въ скоромъ времени упалъ бы курсъ общихъ мѣстъ, намековъ и фразъ; сразу отступила бы въ тѣсныя границы эта чудовищная стихія пустословія, которая разлилась въ русской литературѣ. Опредѣленность и ясность—условія кажется не очень громкія, но важность онѣ имѣютъ великую. Онѣ важнѣе всевозможныхъ идей, да безъ нихъ и никакая идея не можетъ имѣть значенія. Но надобно, чтобъ общественное мнѣніе привыкло требовать во всемъ этихъ условій; надобно, чтобъ оно присобрѣло склонность къ нимъ, а для этого необходимо, чтобы слову былъ прямой и полный доступъ къ дѣлу. Гдѣ возобладаютъ эти условія, гдѣ разовьется неразлучный съ ними практической смыслъ и чувство живой дѣйствительности, тамъ подскѣкается въ корни нелѣпость, тамъ отнимается сила у зла, тамъ безопасно всякое умственное движеніе, тамъ не страшна крайность; тамъ напротивъ всякаго рода увлеченія обращаются даже въ пользу. Ясность, опредѣленность, точность,—вотъ условія, которыхъ не можетъ выдержать никакая ложь, какъ бы ни казалась она сильна. Пусть только возникнетъ потребность, чтобы мысль не уходила въ сумракъ намековъ, въ туманъ безпредметныхъ отвлеченностей, а чтобы она развивалась и высказывалась до конца, во всей своей опредѣленности,—и тогда нелѣпость и фальшь разомъ окажутся, и сами собою всего вѣрнѣе вызовутъ себѣ противоположное. Имъ только то и любо, что онѣ могутъ избѣгать свѣта, что общая склонность тянетъ мысль въ туманъ и искусственно поддерживаетъ умъ въ этой стихіи двусмыслія, насильственно разобщаетъ его со всѣмъ, что могло бы служить ему повѣркой и испытаніемъ. Все что можетъ ослабить эту склонность къ не-

ясному и двусмысленному, то и будетъ самымъ лучшимъ оружіемъ противъ всякой фальши; самымъ лучшимъ предупредительнымъ средствомъ противъ всякаго *горя отъ ума*. Но ослабить эту склонность могутъ только тѣ условія, которыя поднимутъ запросъ на опредѣленность показаній, на ясность доводовъ, на энергическую дѣятельность мысли, ищущей истины и дѣла, въ противоположность тому разслабленному состоянію, въ которомъ она пользуется привилегіей ничего дѣльнаго не дѣлать.

Такъ всегда бываетъ и въ нравственномъ, и въ экономическомъ мірѣ. Никакихъ усилій не нужно, чтобы дать интересамъ полезное направленіе, ни поощреній, ни сложнаго механизма учреждений, ни заботливой регламентации. Ничего этого не нужно; все это только вредно. Мудрость состоитъ лишь въ томъ, чтобы, соображая всѣ обстоятельства, устранять тѣ, которыя насильственно сосредоточиваютъ дѣятельность въ одной какой-нибудь средѣ, искусственно направляють ее въ одну какую-нибудь сторону, и причиняють мѣстные приливы, препятствуя дѣятельности развиваться какъ велитъ ей собственная натура. Монополіи вредны вездѣ, а зачѣмъ бы, кажется, давать монополію завѣдомо дурному, давать привилегію завѣдомо фальшивому, отклоняя дѣятельность отъ ея прямого и естественнаго пути? Свобода дѣло прекрасное, но зачѣмъ привилегіей, даваемой недосказанному слову, двусмысленному намеку, невыясненному дѣлу, недоконченному сужденію, скравшейся мысли,—зачѣмъ такою привилегіей причинять существенный ущербъ здоровой и нормальной дѣятельности, которая имѣетъ своею цѣлью дѣло, истину и общую пользу? Пусть безмысліе и пустословіе пользуются своими правами, пусть,—но зачѣмъ бы кажется давать имъ монополію, зачѣмъ бы, кажется, жертвовать имъ интересами мысли и дѣльнаго слова?

А какое благотворное, обильное послѣдствіями, дѣйствіе должно производить на общественную среду всякое ясное, до конца доведенное обсужденіе дѣла! Нѣсколько такихъ обсужденій, и въ общественномъ сознаніи образуется норма для оцѣнки умственныхъ явленій, въ немъ разовьется потребность дѣльной и зрѣлой мысли,—а дѣльная и зрѣлая мысль естественный врагъ пустословія. Пусть же врагамъ будетъ дано равное оружіе, равная свобода.

Никакому предмету не можетъ быть опасно ясное обсужденіе, при которомъ нельзя было бы отдѣлываться фразой и прятаться за двусмысліе. Элементъ ясности и опредѣленности, если только онъ войдетъ въ силу, предупредить всякій вредъ и не допустить въ общественномъ сознаніи развиваться фальши. Дѣло не пострадаетъ отъ

нелѣпныхъ толковъ. Чѣмъ откровеннѣе и полнѣе будетъ высказываться нелѣпость, чѣмъ явственнѣе будутъ выступать ея черты, тѣмъ безопаснѣе будетъ она становиться. Конечно, нѣтъ ничего пріятнаго выслушивать нелѣпость; да то и хорошо, что нелѣпость, явственно высказываясь, возбуждаетъ непріятное чувство. Чѣмъ она явственнѣе высказывается и чѣмъ важнѣе предметъ, къ которому она относится, тѣмъ сильнѣйшую реакцію будетъ вызывать она противъ себя во всѣхъ умахъ, даже въ тѣхъ, которые стали бы кокетничать и любезничать съ ней, еслибъ она оставалась подъ вуалью.

Если неясному слову дается преимущество надъ яснымъ, если ясному слову труднѣе и рѣже приходится высказываться чѣмъ темному, то общественное мнѣніе невольно получитъ и навѣкъ, и склонность къ темному, и тогда, дѣйствительно, все на свѣгъ будетъ обращаться во вредъ. Благое намѣреніе не спасетъ въ такомъ случаѣ отъ вреда, и никакія мѣры не могутъ парализовать дурное дѣйствіе. Да и какія употребить мѣры? Положимъ, напримѣръ, происходитъ какой-нибудь случай, сильно возбуждающій умы и подающій поводъ къ разнымъ толкамъ. Что могли бы мы сдѣлать для предотвращенія фальшивыхъ возбужденій и нелѣпыхъ толковъ о немъ? Не позволять касаться его, запрещать говорить о немъ, стѣснить возможность высказываться о немъ ясно, обстоятельно, отчетливо? Попробуемъ сдѣлать это, и посмотримъ какой получится результатъ. Результатъ окажется очень странный. Все, что могло бы послужить къ разъясненію дѣла и къ успокоенію умовъ, все, что могло бы повести къ благополучному исходу, будетъ стѣснено, парализовано, обезсилено. Все, напротивъ, что можетъ поддерживать недоразумѣніе и раздраженіе; все, что можетъ питать темныя чувства и мутить умы, все то удержитъ поле, и будетъ дѣйствовать тѣмъ вѣрнѣе и усильнѣе чѣмъ менѣе будетъ возможности высказываться обстоятельно и ясно. Какой Аргусъ можетъ услѣдить за тѣми безчисленными и разнообразными способами, какими смута проникаетъ въ умы? Для этого не нужно яснаго слова, для этого, напротивъ, нужно слово какъ можно менѣе ясное. Неуловимый оборотъ рѣчи, недоступный никакому контролю колоритъ, сдѣлаютъ все что нужно, и именно сдѣлаютъ тогда, когда ясному слову будетъ отказано въ правѣ. Чтобы запутать понятія и произвести въ нихъ броженіе, нужно темное слово. Коль скоро между людьми возникаетъ потребность обсуждения и начинается какая-нибудь ясность мысли, дѣло уже выигрываетъ, дѣло уже выходитъ изъ смуты. Въ какихъ бы то ни было увлеченіяхъ, всякій начатокъ яснаго обсуждения отрезвляетъ умы,—

и въ этомъ началѣ залогъ добраго исхода. Давай Богъ все, что можетъ способствовать ясности! Не вредныхъ мыслей должны мы опасаться,—мы должны опасаться мыслей неясныхъ, неточныхъ, не соответствующихъ нормѣ мышления; только такія мысли и могутъ быть вредны.

Какой бы взять примѣръ для того чтобы пояснить все вышесказанное? Примѣромъ можетъ служить отчасти и то, какъ трудно выйдти намъ теперь изъ сферы общихъ размышленій, какъ трудно привести въ поясненіе какой-нибудь дѣйствительно-бывшій случай. Попробуемъ однако, хотя издали, коснуться какого-нибудь дѣйствительнаго случая,—можетъ-быть и удастся.

Теперь идетъ рѣчь объ устройствѣ нашихъ университетовъ. Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе всѣмъ извѣстныхъ печальныхъ происшествій въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ университетовъ. Мы сказали всѣмъ извѣстныхъ происшествій: а развѣ и въ самомъ дѣлѣ происшества эти извѣстны? Подвергались ли они всестороннему обсужденію въ печати въ то время, когда всѣ, и на улицахъ, и въ салонахъ, и въ присутственныхъ мѣстахъ, толковали о нихъ различнымъ образомъ? Что было причиною этихъ волненій? Какіе дѣйствовали въ нихъ элементы? Почему, въ нѣкоторыхъ университетахъ, младшіе студенты, часто первокурсные, имѣли перевѣсъ надъ старшими, были главными двигателями и давали всему тонъ? Какими распоряженіями, какими обстоятельствами, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, университеты были приведены въ теперешнее свое состояніе, подавшее поводъ къ такимъ значительнымъ беспорядкамъ? Что разстроило ихъ? Что возбуждало и питало волненія? Какъ происходили эти волненія, какъ собирались сходки, что на нихъ говорилось? Ничего этого публикѣ неизвѣстно изъ отчетливаго изложенія, хотя обо всемъ этомъ смутно толковалось всѣми во всѣхъ углахъ нашей матушки Руси. Все, что могло дѣйствовать возбуждительно, все что могло поддерживать смуту, то дѣлалось легко и неуловимо. А все, что могло подѣйствовать на умы отрезвляющимъ образомъ, что могло разъяснить дѣло и подготовить его къ какому-нибудь рѣшенію, что могло дать общественному мнѣнію какія-нибудь основанія для сужденія, что могло направить и сосредоточить его, все то оставалось безмолвно и бездѣйственно.

Путь къ вопросамъ общимъ и отвлеченнымъ хотя и не совсемъ гладокъ, а все-таки несравненно глаже чѣмъ къ вопросамъ практическимъ, къ тому что происходитъ у всѣхъ предъ глазами. Вся сила практическаго вопроса, весь интересъ дѣйствительнаго случая состоитъ въ подробностяхъ; но тутъ-то на каждомъ шагѣ и встрѣчаются заставы. Какая же польза отъ того,

что общественное мнѣніе остается только при туманных очеркахъ? Ложнымъ утвержденіемъ вызывается опроверженіе. Въ дѣлѣ всѣмъ доступномъ и практическомъ ложныя показанія держаться долго не могутъ. Но плохо то, когда ничего прямо не показывается, ни утверждается, ни отрицается, когда ни за что нельзя уцѣпиться, когда все ограничивается намеками, смутнымъ и обманчивымъ броженіемъ мысли.

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ развилось теперь у насъ между прочимъ одно очень дурное явленіе. Ловкіе люди очень хорошо понимаютъ какъ выгоденъ этотъ полумракъ, и они употребляютъ всѣ средства, чтобы ничего не допускать до яснаго обсуждения. Развилось *сикофантство* передъ общественнымъ мнѣніемъ. Наши журнальные витязи и общественныя крикуны думаютъ, что это сикофантство есть дѣло честное и не сознаютъ, что въ этомъ дѣлѣ они слѣдуютъ по стопамъ людей себѣ на умѣ. Чтобы удержаться во мракѣ, чтобы заставить умолкнуть противника, лучший способъ перейти отъ дѣла къ личности, выставить противника донощикомъ и прикинуться жертвой. Это дѣлается безъ церемоніи, безъ обвиняемыхъ, очень открыто и очень рѣзко, и, несмотря на то, находятя простяки, которые даются на такую удочку, и хоромъ повторяютъ глупую клевету,—повторяютъ, не догадываясь, что коль скоро можно гласно и рѣзко обвинять кого-нибудь въ правительственномъ сикофантствѣ, такъ значитъ нѣтъ и тѣни этого сикофантства. Отчего въ прежнія времена, когда тайное сикофантство было дѣйствительно въ силѣ, нельзя было вооружаться противъ своего противника гласнымъ обвиненіемъ въ этомъ дѣлѣ? А если теперь это можно, если, напротивъ, такой аргументъ сталъ теперь весьма обыкновеннымъ оружіемъ, то не служитъ ли это очевиднымъ признакомъ, что аргументъ этотъ не имѣетъ смысла, и что употреблять его безъ разбора могутъ только люди нечестные или люди пошлые, живущіе не своимъ умомъ? Эти послѣдніе не понимаютъ (первые это понимаютъ), что въ иное время нужно несравненно болѣе мужества, чтобы противодѣйствовать увлеченіямъ общественнаго мнѣнія чѣмъ потворствовать имъ,—и что потворство бываетъ иногда очень *выгоднымъ* дѣломъ во всѣхъ отношеніяхъ. Простодушные добряки, они не замѣчаютъ, что теперь напримѣръ, очень выгодно утвердить за собою репутацію безпардоннаго либерала. Ловкіе люди очень хорошо это понимаютъ и умѣютъ пользоваться этимъ фортедемъ.

Не жалкое ли положеніе общества, когда всякое мнѣніе, сколько-нибудь твердо высказанное, вызываетъ разныя подозрѣнія мрачнаго свойства въ ту или въ другую сторону!

Одинъ профессоръ, недавно вступившій на кафедру, напечаталъ свою первую лекцію, и коснулся въ ней, на сколько это было возможно, нѣкоторыхъ современныхъ явленій. Высказанныя имъ замѣчанія не припали по нраву толпѣ, которая въ то время вовсе не была способна подумать о чемъ-нибудь спокойно. Этимъ обстоятельствомъ тотчасъ же воспользовались ловцы рыбы въ мутной водѣ. Разными сплетни одна другой нелѣпѣе были пущены въ ходъ. Не стоить исчислять ихъ; но нельзя не упомянуть объ одной, очень интересной. Вдругъ, во всѣхъ литературныхъ кругахъ, распространилось извѣстіе, что противъ вышеупомянутой лекціи и вообще противъ всего, что будетъ написано ея авторомъ, правительство запрещаетъ говорить, что авторъ поставленъ въ особаго рода *привилегированное* положеніе, которое для честнаго писателя совершенно невыносимо. Мы краснѣемъ за тѣ лица, которыя выдумали, изукрашили и пустили въ ходъ эту нелѣпость,—краснѣемъ тѣмъ болѣе, что эти господа, сколько намъ извѣстно, принадлежатъ не къ заднимъ рядамъ какихъ-нибудь чиновниковъ или писаекъ, а къ передовымъ. Они поступали совершенно сознательно; они очень хорошо знали, что ничего подобнаго не было и быть не могло, и только воспользовались удобнымъ случаемъ выдумать и пустить въ ходъ сплетню. Точно также, себѣ на умѣ, поступили они и тогда, когда нужно было свалить ответственность за одну мѣру, возбуждившую ропотъ, на одно почтенное лицо, памятное Московскому университету и нисколько не повинное въ этой мѣрѣ. Особенно въ Петербургѣ удаются эти сплетни, клеветы и интриги. Тамъ вдругъ разрастаются они до чудовищныхъ размѣровъ и охватываютъ все безъ малѣйшаго сопротивленія. Какая пассивная, бессильная, воспитанная сплетнями и интригами среда! Никто не хочетъ слышать объясненій; всѣ бессмысленно повторяютъ одно и то же; нѣтъ надобности до истинной правды, не возникаеетъ ни малѣйшая критическая попытка, всѣ безпрекословно повторяютъ одну и ту же сплетню, и безкорыстно обдѣлываютъ аферу ловкихъ интригановъ.

Мы сейчасъ говорили о сикофанствѣ, о дурной усиливающейся у насъ привычкѣ бросать тѣнь на своихъ противниковъ и заподозривать ихъ добросовѣстность во мнѣніи публики. Особенно непріятно встрѣчать подобныя замашки въ людяхъ, которые должны бы стоять выше подобной расправы съ докучными имъ мнѣніями. Передъ нами № 9-й *Основы*. Г. Кулишъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ этого журнала, большой любитель малороссійскаго нарѣчія. Онъ написалъ на этомъ нарѣчіи цѣлый романъ и пишеетъ на немъ разныя статьи. Онъ, прежде восторженный поклонникъ Гоголя, теперь является гнѣвнымъ обличи-

телемъ его, чуть ли не за то, что Гоголь писалъ не мѣстнымъ нарѣчіемъ, а русскимъ языкомъ. Г. Кулишъ такъ возлюбилъ малороссійское нарѣчіе, что даже, какъ увѣряютъ знатоки, создалъ изъ него особый языкъ, который можетъ-быть отличается большими достоинствами, но страдаетъ тѣмъ неудобствомъ, что именно въ Украинѣ-то и плохо понимаютъ его. Какъ бы то ни было, но усердіе—доброе дѣло, и мы никакъ не стали бы перечить г. Кулишу въ его невинныхъ попыткахъ. Но зачѣмъ онъ хочетъ насильственно навязывать свое усердіе другимъ? Зачѣмъ онъ сердится на тѣхъ, кто не раздѣляетъ его взглядовъ и убѣжденій и кто не понимаетъ мѣстнаго патриотизма?

Въ *Основѣ* возникъ великій вопросъ о томъ, можно ли Евреевъ называть Жидами. Доказано, что можно и должно. *Сіонъ*, еврейскій органъ, издаваемый въ Одессѣ, охотно согласился, что Еврею названіемъ Жиды обижаться не слѣдуетъ, и что это названіе образовалось правильно въ филологическомъ отношеніи. Но *Основа*, отстаивая слово Жидъ, находила, что обидный смыслъ, который съ этимъ словомъ соединяется, вполне заслуженъ украинскими Жидами. Этотъ смыслъ оправдывается памятью тѣхъ притѣсненій, которымъ подвергался отъ нихъ южнорусскій народъ во время польскаго владычества; перемѣной названія дѣло нельзя поправить, надобно чтобы сами Жиды исправились; надобно чтобы они вступили въ лучшія отношенія къ окружающей средѣ, къ южно-русскому народу. По мнѣнію *Основы*, еврейское племя живетъ въ Малороссіи особнякомъ. «До сихъ поръ, говоритъ *Основа*, оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ народомъ, и не сдѣлало ни одного шага къ сближенію съ нимъ, а напротивъ нерѣдко дѣйствуетъ противно духу и пользамъ нашего народа.» *Сіонъ*, какъ органъ русскихъ Евреевъ, не могъ оставить безъ возраженія такихъ сильныхъ упрековъ.

Онъ счелъ своимъ долгомъ оправдать свое племя отъ взведенныхъ на него обвиненій. Естественно, что молчать ему не приходилось, когда тѣ, кому онъ служитъ органомъ, подверглись тяжкому обвиненію въ дѣйствіяхъ противныхъ пользамъ пріютившей ихъ страны. Они не могли оставить безъ отвѣта и того упрека, что они остаются особнякомъ, въ эгоистическомъ отчужденіи. Если *Основа* не желала слышать отвѣта *жидовъ*, то она не должна была бы подвергать ихъ такому обвиненію; а коль скоро она считала нужнымъ высказать публично эти обвиненія, то она должна признать и за противниками право отвѣчать на обвиненіе. Можно ли отрицать это право защиты? Честно ли разчитывать на какія-нибудь обстоятельства, которыя будто бы, по нашему чаянію, помѣшаютъ обвиняемому оправдываться отъ нашихъ уликъ? Еслибъ *Основа* подумала хорошенько объ этомъ,

то она либо воздержалась бы отъ своихъ обвиненій, либо раньше допустила бы право отвѣта, и не удивилась бы этому отвѣту какъ нечаянности, и не пришла бы отъ него въ негодованіе, и не стала бы, въ лицѣ г. Кулиша, прибѣгать къ неприличнымъ уловкамъ. Г. Кулишъ не счелъ нужнымъ войти въ резоны *передовыхъ Жидовъ* (такъ озаглавлена статья его въ № 9 *Основы*); онъ нашелъ болѣе удобнымъ заподозрить ихъ право защищать себя, онъ предпочелъ бросить на нихъ тѣнь какъ на свюфантовъ, гонителей и мучителей, а себя представить публикѣ милою, невинною, трепетною жертвой.

Но въ чемъ же дѣло? Чтò отвѣчали Жиды? Да чтò иное могли отвѣчать они какъ не то, что любя свою національность они въ то же время умѣютъ жертвовать ею въ интересахъ общаго отечества, въ интересахъ Россіи, которой они принадлежатъ, въ пользахъ цѣлаго русскаго народа, среди котораго они живутъ. Это самое лучшее, чтò только могли они сказать въ свою защиту. Только это одно и требуется доказать. Всякій другой способъ защиты былъ бы недействителенъ, и даже оставилъ бы на нихъ тѣнь.

Въ самомъ дѣлѣ, не требуется, чтобъ Евреи отказывались отъ своей племенной особенности. Было бы противно и религіи, и нравственности, и праву, насильственно заставлять ихъ отречься отъ своей вѣры. Прогрессъ политическихъ обществъ именно и состоитъ въ томъ, чтобъ очистить священное дѣло совѣсти и вѣры отъ всякихъ понужденій, прямыхъ или косвенныхъ, грубыхъ или тонкихъ; прогрессъ именно въ томъ вездѣ и состоялъ чтобы, за устраненіемъ грубыхъ насилій, мало-по-малу прекращались всѣ болѣе тонкія солицитаціи, которыя условливаются неравенствомъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Такъ происходило вездѣ; такъ мало-по-малу происходитъ это и у насъ. И что же? Вездѣ съ развитіемъ цивилизаціи, съ постепеннымъ прекращеніемъ вынудительныхъ обстоятельствъ, Евреи все болѣе и болѣе сближались съ народами, среди котораго живутъ,—все болѣе и болѣе проникались его общими интересами, и все болѣе и болѣе выходили изъ того непріязненнаго и отчужденнаго положенія, которое занимали они прежде и которое было тяжело и для нихъ, и для цѣлой страны. У насъ еще жалуются, и не безъ основанія, на Евреевъ. Но въ Германіи уже не жалуются, еще менѣе во Франціи и въ Англіи. Во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, Еврей рождается, живетъ и дѣйствуетъ Французомъ, Англичаниномъ, Нѣмцемъ. У насъ, Еврей остается еще Евреемъ; но онъ хочетъ быть Русскимъ. Можно ли препятствовать ему въ этомъ, можно ли отказывать ему въ этомъ правѣ? Да, наконецъ, скажемъ такъ: можно ли терпѣть въ живомъ народѣ

племя, которое живетъ чужеодною жизнью, эгоистически отдѣляется отъ цѣлаго, и враждебно расположено къ общей національности? Нѣтъ, не возможно. Истребить это племя, изгнать его? Нѣтъ. Такъ что же дѣлать? Не то ли, чтобъ это племя змінилось въ своихъ отношеніяхъ къ цѣлому, и чтобъ оно стало его живою и полезною частію, чтобъ оно само клонилось не къ обособленію, а къ соединенію? Выше говорили мы о средствахъ пригодныхъ къ этой цѣли,—средствахъ, которыя указываются самою исторіей. Прекращеніе системы принужденій и стѣсненій всякаго рода, возможно-полное развитіе общихъ интересовъ, въ которыхъ находили бы себѣ справедливое обезпеченіе всѣ частныя интересы, — вотъ гдѣ дѣйствительное, единственно-вѣрное средство.

Образованные люди изъ Евреевъ не могутъ не чувствовать неудобствъ отчужденнаго положенія; имъ, конечно, чувствителенъ всякій упрекъ за эту отчужденность. Редакція *Сіона* повиновалась совершенно справедливому чувству, подвергнувъ критическому разбору мнѣніе *Основы*. Для полнаго оправданія, *Сіону* необходимо было заявить въ чемъ собственно заключается сила обвиненія, и на чтѣ оно направлено. Русскіхъ Евреевъ упрекаютъ въ отчужденности отъ народа,—какого народа? Они отвѣчаютъ: нѣтъ, мы не чуждаемся русскаго народа. Они утверждаютъ, что ихъ нельзя упрекнуть, будто бы они не совершили ни одного шага для сближенія съ русскимъ народомъ, или въ томъ, чтобъ они противодѣйствовали его пользамъ. Итакъ Евреи сочли нужнымъ—и совершенно справедливо—разъяснить смыслъ упрека, чтобъ отвѣчать на него опредѣленнымъ образомъ. Они говорятъ, что *Основа* не рѣшилась бы обвинять ихъ въ чемъ-нибудь неприязненномъ русскому народу вообще, и что она обвиняетъ ихъ только по отношенію къ одной части русскаго народа, въ несочувствіи малороссійскому народонаселенію. Евреи не принимаютъ и этого упрека. «Придетъ время, говоритъ редакція *Сіона*, и можетъ-быть въ нашемъ же журналѣ разъяснены будутъ и отношенія нашего племени къ этой во всякомъ случаѣ значительной части русскаго народа. Теперь же замѣтимъ только одно: если для Малоруссовъ, сверхъ общихъ интересовъ всего нашего отечества, могутъ быть святы и дороги еще и племенные ихъ особенности, то почему же, вслѣдствіе какой странной непослѣдовательности, *Основа* рѣшается превзнести надъ нами свой судъ за то, что мы также дорожимъ своими вѣковыми особенностями, и если поступаемся ими, на сколько это для насъ возможно, и если отказываемся отъ нихъ, то въ пользу цѣлаго, а не одной какой-либо части, какъ бы ни была она значительна

«во всѣхъ отношеніяхъ?.. Неужели, продолжаетъ *Сіонъ*, для васъ «недостаточно, чтобы каждая народность въ странѣ съ народонаселеніемъ смѣшаннымъ не была равнодушна только къ общему «ея благу и при случаѣ умѣла бы жертвовать ему и своими національными особенностями? Съ какой стати одну часть, хотя «бы и огромнѣйшую, вы смѣшиваете и отождествляете съ цѣлымъ? Съ какой стати вы требуете отъ одной какой-либо «народности сочувствія не къ судьбамъ цѣлаго, а къ судьбамъ «все-таки одной изъ частей? Благо бы эта часть въ данный «моментъ времени была истинною представительницею интересовъ цѣлаго какъ наприимѣръ теперь Венгры въ королевствѣ «Венгерскомъ! Судьбы, пользы, духъ одной націи, по вашему «должны поглащать все существованіе другихъ народностей. Неужели же вы въ самомъ дѣлѣ, подобно средневѣковой инквизиціи, не видите, что разнообразіе есть жизнь, и что только одна «смерть однообразна?»

Итакъ дѣло очевидно и просто: Евреевъ упрекаютъ въ томъ, что они живутъ особнякомъ. Они отицаютъ, что имъ какъ и вѣснмъ другимъ позволительно держаться своихъ особенностей и дорожить ими, но что они готовы и жертвовать ими,—только не иначе какъ въ видахъ общаго блага. Лишь имѣя въ виду общее отечество, лишь въ той мѣрѣ, въ какой дано имъ считать цѣлую Россію своимъ отечествомъ, они могутъ жертвовать своею исключительностію. Кто же скажетъ, что *Жиды*, говоря такимъ образомъ, правы какъ нельзя болѣе? Редакція *Сіона* продолжаетъ совершенно основательно и дѣльно:

«Вообще стремленія исключительно національныя никакъ нельзя признать плодотворными; они могутъ быть иногда хороши какъ реакція, и имѣютъ только отрицательное значеніе. Особенно же безполезны и даже вредны эти стремленія, когда они имѣютъ цѣлью развѣдинать народы, которые по племенному родству или общимъ политическимъ и политико-экономическимъ интересамъ должны составлять одно цѣлое. Тутъ дѣленія не имѣютъ конца, и распри за первенство между отдѣльными мелкими національностями или между частями одной и той же національности никогда не дадутъ имъ совершенствоваться въ общечеловѣческомъ развитіи. Напрасно будетъ каждая національность говорить другой: предоставляя мнѣ то, что мнѣ принадлежитъ, и я исполню тоже самое въ отношеніи къ тебѣ; дѣло именно въ томъ, что тутъ между моимъ и твоимъ нѣтъ границъ, а потому и дѣленіе невозможно. Подобныя стремленія національностей производятъ то же самое, что произвело бы въ гражданскомъ обществѣ стремленіе каждаго изъ членовъ нволировать свои интересы отъ интересовъ другихъ. Вѣдь никакое гражданское общество не можетъ существовать на подобномъ основаніи, и само существованіе его предполагаетъ въ каждомъ изъ членовъ готовность жертвовать частью своихъ интересовъ, и ограничивать личную свою свободу, отказываться отъ многихъ своихъ особенностей—для пользы общей»¹.

¹ *Сіонъ*, № 10, статья: «Основа и вопросъ о національностяхъ».

Что на это возразить? И умно, и честно, и справедливо. Это сказано въ журналѣ жидовскомъ, какъ выражается г. Кулишъ. Тѣмъ хуже для другихъ журналовъ, которые не догадываются, что такъ бы и имъ слѣдовало говорить; а еще хуже для тѣхъ, которыхъ еще нужно убѣждать въ этомъ и которые негодуютъ на эти умныя рѣчи. Однако, любопытно, что могъ бы сказать противъ этихъ здравыхъ доводовъ г. Кулишъ? Положимъ, что ему хотѣлось бы упорно подержаться въ спорѣ; положимъ, что онъ имѣетъ причины сердиться на *передовыхъ Жидовъ* и на ихъ журналъ. Какое гнѣвное слово могъ бы онъ бросить въ лицо своимъ противникамъ? «Жида вы проклятые, могъ бы онъ воскликнуть, сохраняя обычный тонъ *Основы* въ объясненіяхъ съ Жидами,—говорите-то вы красно, а такъ ли поступаете? Не вѣрю я вамъ; сомнѣваюсь я въ вашемъ патриотизмѣ; не думаю, чгобы вы знали и любили Россію, наше общее отечество; нѣтъ, вы исполнены племеннаго или мѣстнаго эгоизма. Вы говорите красно, а еслибы въ самомъ дѣлѣ общему отечеству стала грозить какая-нибудь опасность, вы бы потянули въ сторону.» Это было бы очень грубо, это была бы недостойная брань; но это имѣло бы смыслъ, это могло бы быть, по крайней мѣрѣ, выраженіемъ искреннаго чувства. Что г. Кулишъ не задумался бы прибѣгнуть и къ такой аргументаціи, это можемъ мы допустить, потому что онъ и въ самомъ дѣлѣ употребляетъ ее и выражается именно такимъ языкомъ. «За то, что мы не восхищаемся, пишетъ онъ,—

• Дѣлами предковъ ихъ на украинской почвѣ и не видимъ благословія небеснаго въ томъ, что дѣлаютъ вообще Жида въ наше время вездѣ, гдѣ имъ дозволено и не дозволено жить, передовые Жида, не обвиняясь, объявляютъ насъ проповѣдниками инквизиціи и обновителями варварскихъ и феодальныхъ временъ. Тутъ же рядомъ, они отпускаютъ такого рода фразы: «Въ равнодушій къ общимъ судьбамъ нашего отечества Россіи... въ противодѣйствіи его пользуемъ.—*Основа* не упрекаетъ насъ и, при всемъ желаніи, не могла бы упрекнуть: *безчеловѣчное множество* фактовъ могли бы мы привести въ такомъ случаѣ въ свою защиту.» Каково!... Невольно вспоминается гоголевская сцена, въ которой Жида увѣряютъ Запорожцевъ, что они съ ними, какъ братья родные... Въ статьѣ, занимающей пять столбцовъ *Сіона*, не менѣе пяти разъ упомянуты слова: *отечество, отечественные интересы, все наше отечество*,—словомъ передовые Жида относительно «собиранія земли Русской» опереживаютъ и самихъ Іоанновъ московскихъ ¹.

Но г. Кулишъ нашелъ это недостаточнымъ. Этимъ споръ не могъ бы кончиться. *Передовые жида, сіонскіе публицисты*, нашли бы, вѣроятно, что отвѣчать на такую выходку. Этимъ нельзя было бы заставить ихъ умолкнуть. А нужно наложить молчаніе на ихъ уста, нужно опозорить ихъ. Какъ же это сдѣлать? Очень просто, — намекнуть язвительно и тонко, что

¹ *Основа*, сентябрь. Статья *Передовые Жида*.

передовые Жиды, выдающіе Сіонъ, — шпіоны, дощючки, и что стало-быть нельзя съ ними объясняться честнымъ образомъ. Г. Кулишъ изъясняется такимъ образомъ о своихъ противникахъ: «Съ извѣстнаго рода ловкостію и дальновидностію, они вывели заключеніе, что стремленія *Основы* очевидно—исключительно національныя; что *Основа* никакъ не допускаетъ, чтобы въ Малороссіи могли жить другіе люди кромѣ Малороссовъ; что *Основа* не дозволяетъ никому быть равнодушнымъ къ особымъ судьбамъ украинской націи; что эта нація готова приняться за истребленіе Жидовъ, что *Основа* требуетъ отъ Жидовъ сочувствія не къ судьбамъ цѣлаго отечества, а къ судьбамъ одной изъ частей его и т. п. Мы готовы отстаивать свои убѣжденія со всею искренностію любви къ правдѣ, насколько она намъ ясна, но странно было бы сражаться неравнымъ оружіемъ. Предоставимъ передовымъ Жидамъ идти къ своей цѣли избранною ими дорогой. Не впервые слова: *прогрессъ, цивилизація, гуманность, просвѣщеніе*, подвергаются подобному злоупотребленію. Выражая такимъ образомъ личное мое мнѣніе о недостойномъ способѣ полемики, къ которому, въ слѣпомъ увлеченіи національнымъ эгоизмомъ, прибѣгли передовые Жиды, руководствуюсь чувствомъ пробужденнымъ оскорбленіемъ достоинства печатнаго слова... Но ни прежде ни послѣ я не допускалъ и не допускаю за Евреями права дѣйствовать безъ разбора всякимъ оружіемъ,—въ родѣ *сіонскаго*...»

Вотъ какія куріозныя вещи! Непонятно, какъ могъ г. Кулишъ, писатель носящій честное имя въ литературѣ, унизиться до такой дѣйствительно недостойной выходки! Намеки очевидные: *сіонское* оружіе, это значитъ, что редакція *Сіона* рѣшилась погубить г. Кулиша доносомъ... Доносомъ на что? На то, что г. Кулишъ дѣлаетъ явно, на виду у всѣхъ, на то, что г. Кулишъ самъ безпрестанно говоритъ во всеуслышаніе! Какое? Г. Кулишъ хлопочетъ о развитіи малороссійской національности, малороссійскаго нарѣчія. Онъ этого не скрываетъ. Да и скрывать тутъ нечего. Ему повторяю то, что онъ самъ о себѣ высказываетъ, и онъ приходитъ въ самое цинетическое негодованіе. Г. Кулишъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ этомъ случаѣ безотчетно увлекся господствующую теперь модою, — онъ увлекся. По собственному побужденію, онъ не поступилъ бы такъ, мы увѣрены. Онъ не поступилъ бы такъ, еслибы подобныя стратагеми не стали, съ нѣкоторыхъ поръ, обычнымъ дѣломъ въ нашей литературѣ, такимъ простымъ и легкимъ какъ воды испить. Онъ такъ не потрудился отдать себѣ отчетъ въ смыслѣ своихъ мрачныхъ обвиненій. А еслибъ онъ подумалъ, то не могъ бы не понять, сколько комизма въ его выходкѣ.

Очаровательная наивность русской литературы! Можно громко и на всѣ лады провозглашать: «я кушаю пареную рѣпу.» Да отчего же и не провозгласить? Однако, не дозволительно продолжать сопряженіе, безчестно сказать: «да, вы кушаете пареную рѣпу.»

Но этого мало. Измѣрьте всю нескладницу этой выходки. Евревь упрекають въ національномъ эгоизмѣ, въ племенной исключительности, въ стремленіи обособиться. Но имъ не дозволиительно упрекнуть въ томъ же своего обвинителя. Лишь только они закнутса, обвинитель кричитъ: «Молчите, презрѣнные Жиды! Вы прибѣгаете къ недостойному оружію.»

Да, наконецъ, неужели г. Кулишъ, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ, что его занятія, по части южнорусскаго нарѣчія и народности, — тайна, которую намъ теперь только открыли редакторы *Сіона*? Неужели онъ серьезно думаетъ, что его добродушныя занятія кого-нибудь соблазняютъ, и что его тенденціи, которыхъ онъ и самъ не думалъ скрывать, да которыхъ и скрывать нѣтъ никакой надобности, могутъ быть предметомъ опасныхъ для его личности изобличеній? Развѣ упрекъ въ сикофанствѣ имѣеть какой-нибудь смыслъ, когда рѣчь идетъ о томъ, что дѣлается у всѣхъ на виду, что говорится во всеуслышаніе, и что не имѣеть никакой надобности прятаться?

Есть люди, которые смерть какъ любятъ похвастать: «какимъ-де я опаснымъ дѣломъ занимаюсь». Г. Кулишъ не можетъ же принадлежать къ числу такихъ жалкихъ хвастуновъ. Онъ не менѣе всякаго другаго долженъ понимать, что его занятія не заключаютъ въ себѣ ничего опаснаго. Они, какъ и все на свѣтѣ, стали бы опасны лишь въ томъ случаѣ, еслибы вдругъ подверглись какому-нибудь запрещенію. Запрети писать по-малороссійски, запрети говорить о южно-русской національности, вотъ тогда пожалуй, — и только тогда, — явится опасность; пожалуй, à la longue, явится и южная національность. Чего добраго, пожалуй, нашлись бы люди, которые стали бы изучать языкъ *Черной Рады*, и стали бы понимать его, и *Черная Рада* стала бы завітною книгой, началомъ новаго языка, новой народности, новой литературы: такова великая сила запрещеній. Она создавала дѣллія фанатическія религіи изъ самыхъ сумасбродныхъ толкованій, изъ самыхъ незначительныхъ уклоненій. Кто теперь не понимаетъ творческой силы запрещеній? Еслибы г. Кулишъ серьезно помышлялъ о какой-нибудь особой южно-русской литературѣ, такъ онъ самъ прежде всѣхъ пожелалъ бы вызвать творческую силу запрещеній.

Итакъ пусть г. Кулишъ не беспокоится. *Передовые Жиды* не могли ему повредить. Чѣмъ онъ занимался до сихъ поръ, тѣмъ

можетъ заниматься и теперь. Въ занятіяхъ его нѣтъ ничего опаснаго, пока они не подвергаются никакимъ стѣсненіямъ, имѣющимъ силу создать изъ всякихъ пустяковъ серьезное дѣло. Этого, мы надѣемся, никогда не случится. Мы увѣрены, что въ настоящее время что бы ни вздумалъ написать г. Кулишъ по предмету своихъ любимыхъ занятій, все можетъ пройти безпрятственно въ печать, и въ доказательство мы готовы предложить ему слѣдующій опытъ: пусть пришлетъ онъ намъ самое откровенное изложеніе своихъ мнѣній, мы беремся напечатать его статью; но, разумѣется, мы не оставимъ ее безъ отвѣта, если она не будетъ согласна съ нашимъ собственнымъ взглядомъ на предметъ.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ надѣяться, что г. Кулишъ не будетъ въ объясненіи съ св.ими противниками прибѣгать къ стратегемамъ, недостойнымъ честной полемики, и предоставитъ ихъ людямъ, которымъ онъ болѣе къ лицу.

ОПЕЧАТКИ: Въ повѣсти *Судьба или Характеръ* вкрались слѣдующія опечатки: на 136-й стр. во 2-й строкъ сверху напечатано *Soxon*, слѣдуетъ читать *Savoie*; на 137 стр. въ 18-й строкъ снизу напечатано *Charybda*, слѣдуетъ быть *Charybde*.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

511104

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

1861

ДЕКАБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—ИМУЩЕСТВЕННЫЯ И ЛИЧНЫЯ ПРАВА ПО УКАЗАМЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. . . В. Н. ЛЕШКОВА.
- II.—ДЮМУРЬЕ ВЪ АНГЛІИ И ЕГО ПЛАНЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЪ 1812 и 1813 годовъ. Н. П. ЛЫЖИНА.
- III.—УВЕРТЮРА. Вступительныя главы будущаго романа. К. И. ПАЩЕНКО.
- IV.—ОЧЕРКИ ДАЛЬНЯГО ЗАПАДА. . . . Э. Р. ЦИММЕРМАНА.
- V.—ПИСЬМА О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ ВО ФРАНЦІИ. XIII. Департаменты Виенны и Обвѣхъ Севръ (прежняя провинція Пуату). ЕВГЕНІЯ БОНМЕРА.
- VI.—ИЗЪ НАУКИ СЕМЕЙНАГО СЧАСТІЯ. (Разказъ.). ВОЛГОНСКАГО.
- VII.—ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЧАСТЬ ФЛОРЕНТИНСКОЙ ВЫСТАВКИ. Л. М.
- VIII.—ВСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВѢКА. Единство рода человѣческаго. VII и VIII. Теорія полигенистовъ. Статья Катрежа. (Окончаніе.)
- IX.—ВОСПОМИНАНІЯ О КОММЕРЧЕСКОМЪ УЧИЛИЩѢ. С—ВА.
- X.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ. (См. на оборотъ.)

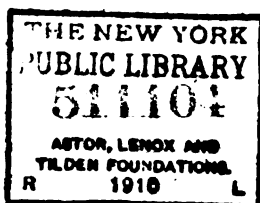
Въ приложеніи:

Матеріалы для исторіи комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія (1767—1774).

Дополнительныя приложенія къ статьѣ «Воспоминанія о Карсѣ» (№ 8 Русскій Вѣстникъ).

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о,

ИМУЩЕСТВЕННЫЯ И ЛИЧНЫЯ ПРАВА

ПО УКАЗАМЪ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Князь Яковъ Долгоруковъ, въ известномъ разговорѣ своемъ о сравнительныхъ заслугахъ царя Алексѣя Михайловича и Петра Великаго, отдавая предпочтеніе Уложенію передъ петровскими законами; справедливо указывалъ на эпоху Петра какъ на время существенныхъ преобразованій въ русскихъ законахъ. Дѣйствительно, новая исторія нашихъ законовъ начинается именно съ указовъ Петра Великаго: Уложеніе принадлежитъ уже всецѣло древности. Издавая указы, Петръ не продолжалъ, а замѣнялъ и отчасти отмѣнялъ Уложеніе. Съ другой стороны, указы его, обнимая своею многочисленностію и разнообразіемъ всю область и всѣ части права, надолго сообщали свое направленіе всему послѣдующему законодательству. Петръ Великій былъ Колумбомъ, открывшимъ для Россіи, далеко заморемъ, новый источникъ права и новый источникъ законовъ. Поэтому-то собственно, въ теченіи болѣе полутора столѣтія, съ Петра и до нашего времени, не удавалось и не удалось Россіи составить новое уложеніе, несмотря на всѣ настоянія правительства, инструкціи, наказы, даже несмотря на Наказъ Елизаветыны, содержащій въ себѣ

такъ много прекрасныхъ мыслей. Практика и жизнь съ одной стороны, содержаніе дѣйствовавшихъ законовъ съ другой, были слишкомъ далеки отъ теорій и проектовъ, должны были служить основой новыхъ уложеній.

Петръ Великій, съ начала и до конца, ясно сознавалъ, что онъ дѣлаетъ, для чего и куда ведетъ Россію. У него все обдуманно, все проводится логично, безъ уступокъ, безъ снисхожденія, безъ заминокъ передъ препятствіями. Онъ беретъ данное, старое, измѣняетъ сначала названіе, потомъ значеніе, наконецъ круто, по своему, поворачиваетъ къ избранной цѣли, и при всей этой ломкѣ проглядываетъ, обыкновенно, одна мысль. Такъ дѣйствовалъ онъ въ государственномъ устройствѣ, въ управленіи областномъ, въ судопроизводствѣ; все что создавалъ онъ здѣсь, дышало однимъ духомъ. Посмотримъ теперь, какъ отнесся онъ къ правамъ личности и собственности, — къ какой общей формѣ эти права приводятся его указами.

Начнемъ съ актовъ, касающихся ревизій.

Въ другомъ мѣстѣ¹ показали мы, какъ и для чего Петръ, раздѣливъ Россію на губерніи, провинціи, воеводства, раздробилъ ее еще на доли, каждую въ 5536 дворовъ. Онъ добивался установить черезъ это между правительствомъ и каждымъ отдѣльнымъ частнымъ лицомъ непосредственное отношеніе, — управлять народомъ безъ посредства общины. Эта самая мысль выражается и въ ревизіи.

Замѣтимъ, во первыхъ, съ какими трудомъ и какъ медленно производилась первая ревизія. Извѣстно, что мысль о ревизіи видна уже въ указѣ 1716 г. о положеніи раскольниковъ въ подушный окладъ. Можно сказать, что мысль эта является даже раньше, именно въ указѣ 1710 г. (отъ 12 февраля); въ этомъ последнемъ указѣ между прочимъ предписывалось уже губернаторамъ составлять переписи, по дворамъ, именамъ и *соловамъ*. Въ 1718 г. (указомъ отъ 26 ноября) ревизія начата была формально; и однако она не была кончена даже и въ 1725 г. Январскіе указы этого года продолжаютъ еще говорить о наказаніяхъ за утайку и прописку душъ; даже въ мартѣ 1725 г. предписывалось возвратитъ въ полки только часть офицеровъ, бывшихъ при ревизіи, а по двое изъ каждой партіи оставлять еще на мѣстѣ, до окончанія ревизіи. Итакъ первая формальная ревизія тянулась

¹ См. книгу *Русскій народъ и государство и Русскій Востанкъ* 1859, № 22, стр. 341—343.

восемь лѣтъ. Эта медленность краснорѣчиво говоритъ, что ревизія, съ самаго начала, была слишкомъ не по сердцу народу. Посмотримъ, въ чемъ она состояла, и въ какихъ формахъ производилась.

Указъ 1718 года повелѣвалъ: 1) «взять сказки у всѣхъ», то-есть у помѣщиковъ и землевладѣльцевъ, у монастырей и общинъ, «сколько у кого душъ мужескаго пола», подъ страхомъ за утайку потерять утаенное число душъ, въ пользу объявителя, или домощика; и 2) «росписать на полки, на сколько душъ солдатъ рядовой, съ долею на него роты и полковаго штаба,» то-есть опредѣлить, на какое количество душъ можно разложить надержку потребную для содержанія одного рядоваго, съ причитающеюся на него долей издержекъ на ротное и полковое управленіе. Указъ выражалъ «надежду», что съ народа «болѣе никакихъ податей и работъ не будетъ, развѣ за деньги.» Словомъ, смыслъ перваго установленія ревизіи былъ таковъ: народъ дѣлился на двѣ части,—на служащихъ въ войскѣ и на платящихъ за содержаніе войска; каждый полкъ, каждая рота и каждый рядовой становились, такимъ образомъ, своего рода помѣщиками, которымъ присвоался извѣстный доходъ съ извѣстныхъ крестьянъ въ Россіи.

За указомъ 1718 г. слѣдовали дальнѣйшіе, опредѣлявшіе, главнымъ образомъ, пространство ревизіи и предохранительныя мѣры противъ утайки ревизскихъ душъ. Такъ, указомъ 1719 г. января 22, велѣно «брать сказки о душахъ, не въирая ни на какія старыя и новыя о дворовомъ числѣ и поголовныя переписи: сколько гдѣ крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей, по именамъ, мужескаго полу, не обходя отъ стараго до самаго послѣдняго (то-есть новорожденнаго) младенца.» 1720 г. января 5, Петръ писалъ: «понеже я слышу, что пишутъ въ переписяхъ однихъ крестьянъ, а людей дворовыхъ не пишутъ, того ради подтверждать, чтобы писали всѣхъ своихъ подданныхъ и причетниковъ, кромѣ поповъ.» По указу 1721 г. іюля 5, самые священники и діаконъ не исключались изъ переписи, кель скоро они состоятъ за штатомъ и не отправляютъ церковной службы. Въ то же время, какъ бы нарочно для уменьшенія священнодѣйствующихъ и для умноженія заштатныхъ, воспрещено было строить церкви вновь. По указу 1721 г. февраля 28, посадскіе и разночинцы вносятся въ ревизію, на тѣхъ же основаніяхъ какъ и крестьяне, и въ объясненіе этихъ основаній, указами 1722 г.

іюля 31 и 1723 г. января 9, повелѣвается: «слѣпыхъ, увѣчныхъ, дряхлыхъ и дураковъ (умалишенныхъ), всѣхъ власть въ расположеніе полковъ,» то-есть писать въ ревизію; поборы и повинности за нихъ должны были уплачивать семейства (конечно, и безъ того довольно отягченныя существованіемъ такихъ членовъ). Отъ обязанности записываться въ ревизію освобождены были только нѣкоторыя провинціи, напримѣръ Малороссія, гдѣ только тѣ жители подлежали ревизіи, которые поселены были на земляхъ, принадлежавшихъ великорусскимъ помѣщикамъ, въ мѣстахъ поселенія слободскихъ полковъ, Харьковскаго, Ахтырскаго и т. д.; и сверхъ того, освобождены были жители провинцій Воронежской, Тамбовской и Елецкой, гдѣ крестьяне должны были писаться, по выраженію Петра, *лишь для счета, а не для съ нихъ поборовъ*. Въмѣсто крестьянъ-Малороссіянь, поборы возлагались здѣсь на помѣщиковъ, — *изъ половины*, то-есть въ половину меньше противъ оброковъ получаемыхъ ими съ крестьянъ. Такъ ревизія 1718—1725 составляла до 1783 года законъ для одной Великороссіи.

Для отобранія сказокъ, по указу 1719 г. января 22, по Россіи рассылались роспищики и офицеры, съ командами. О крестьянахъ дворцовыхъ, патріаршихъ, монастырскихъ и т. п. не помѣщичьихъ, они отбирали сказки отъ того, кто ихъ вѣдаетъ: отъ прикащиковъ, старостъ, выборныхъ, за ихъ руками; о помѣщичьихъ крестьянахъ сказки отбирались отъ владѣльцевъ и старостъ, также за руками. Послѣ того происходила повѣрка сказокъ, и гдѣ оказывался излишекъ въ душахъ противъ сказокъ, тамъ этотъ излишекъ въ душахъ, съ причитающеюся на нихъ землей, обращался въ пользу открывателя, или донощика. Собственно, вина утайки должна была падать на однихъ помѣщиковъ; отъ нихъ однихъ законъ требовалъ подачи сказокъ; не обращался къ крестьянамъ; крестьяне любили, по акту ревизіи, свои опредѣленныя обязанности: платежъ подушной подати и поставку рекрутъ. Но правительство считало дѣло ревизіи столь для себя важнымъ, что, возлагая за утайку наказаніе на помѣщиковъ, оно установило въ то же время круговую или всеобщую отвѣтственность всего народа за строгое исполненіе вводимой мѣры: за исправность ревизіи должны были отвѣчать и общины — понесеніемъ наказаній въ лицѣ своихъ представителей, и крестьяне — переходомъ къ новымъ хозяевамъ, и наконецъ самые роспищики и офицеры, *которымъ указы за послабленіе грозили «смертію»*.

Наказаніе провинившимся въ утайкѣ состояло или въ общей мѣрѣ «всѣмъ виновнымъ чинить смертную казнь, безъ всякой пощады», или въ особыхъ формахъ, по которымъ, напримѣръ, помѣщики то просто лишались своихъ крестьянъ, съ причитающеюся на нихъ землей, а то лишались даже двойнаго числа противъ утаеннаго. Олнодворцы подвергались наказанію вкнутомъ нещадно, а духовенство особеннымъ взысканіямъ, по указу 1724 г. іюня 2. И не одна утайка вела за собою такія грозныя послѣдствія; неподача сказокъ въ извѣстный срокъ вела за собою также штрафы, конфискаціи, казни. Кто изъ помѣщиковъ не подастъ сказокъ въ теченіи 1719, говоритъ указъ отъ 11 апрѣля этого года, тѣхъ «деревни будутъ отписаны на государя безповоротнo»; да и на всѣхъ виновныхъ въ медленности велѣно взыскивать, *яко на преступникахъ, жестоко*. Въ Москву, напримѣръ, присланъ былъ Семеновскаго полка капралъ Огурцовъ, съ полномочіемъ забрать виновныхъ въ медленности и до окончанія дѣлъ по ревизіи содержать всѣхъ въ домѣ губернаторской канцеляріи, въ цѣбяхъ, не исключая и вице-губернатора Воейкова, если капралъ найдетъ его виновнымъ. Съ 1720 года, по этимъ ревизскимъ дѣламъ, установленъ «розыскъ», или слѣдствіе съ пытками, которымъ съ 1721 года подвергались даже воеводы, уличаемые въ медленности.

Соображая все это, невольнo подумаешь: сколько казней должна была принести съ собою первая ревизія! Сколько земли должно было отойти къ роспищикамъ, офицерамъ, донощикамъ! Сколько тысячъ крестьянъ должны были переимѣнить владѣльцевъ, и, вышедши изъ-подъ власти законныхъ, истаринныхъ, природныхъ, попасть въ руки новыхъ, нежданныхъ, пріобрѣтшихъ свое право на крестьянъ доносами!

И несмотря на такую строгость, утайки постоянно продолжались, а медленность растянула дѣло даже за предѣлы жизни Петра Великаго. Такъ трудно было бороться съ нерасположеніемъ народа къ поголовной переписи. Многіе переходили въ расколъ изъ-за ревизіи, говоря: «творите съ нами, что хотите, но въ книги законопреступныя писаться не будемъ, и другимъ не совѣтуемъ, ибо мы записаны въ книги животныя небеснаго Царя» и т. п. ¹ Народъ того времени

¹ Русск. расколъ А. Шапова, Казань, 1859, стр. 483.

хорошо понималъ значеніе ревизіи и отличіе ея отъ простой народной переписи. Существенно было уже то, что прежнія переписи, къ какимъ народъ привыкъ, обращались за сказками къ городамъ, селамъ, къ общинамъ и къ ихъ выборнымъ представителямъ; посадскіе и крестьяне разсматривались какъ люди свободные. Но ревизія, напротивъ, обращалась за своими сказками къ землевладѣльцамъ, къ помѣщикамъ, помимо крестьянъ, помимо ихъ міровъ, помимо ихъ выборныхъ; крестьяне не могли не видѣть въ этомъ намѣреніи уничтожить общину, лишитъ ихъ права на землю и подчинитъ всѣхъ ихъ кабаль помѣщиковъ. Сами помѣщики первоначально не могли быть въ пользу ревизіи. Правительство, требуя отъ нихъ показанія о числѣ крестьянъ, съ угрозой отнять и крестьянъ, и земли, тѣмъ самымъ выражало, что оно какъ бы считаетъ свою исключительную собственностію не только крестьянъ, но и землю, особенно въ размѣрѣ, который причитался на данное въ помѣстьѣ число крестьянъ. Помѣщики, пріобрѣтшіе свои земли службой, покупкой, наследствомъ, не могли не возставать противъ угрожающаго расширенія казеннаго права, равно какъ противъ того, что вмѣсто міра, отвѣчавшаго встарину за cadaго изъ своихъ несостоятельныхъ членовъ, отвѣтственность теперь возлагалась на землевладѣльца, на помѣщика.

Впрочемъ, помѣщики скоро должны были примириться съ ревизіей. До того времени крестьяне не были ихъ собственностію; земли, на которыхъ сидѣли крестьяне, или которыя причитались на крестьянъ, также были не ихъ собственностію, составляли достояніе крестьянъ; вообще земли помѣстные и служебно-вотчинныя не вполнѣ принадлежали владѣльцамъ-помѣщикамъ. Теперь же, не только всѣ земли, и притомъ безъ всякаго различія между крестьянскими и помѣщичьими, купленными и наследованными, помѣстными и вотчинными, входили въ область помѣщичьей собственности, но частною собственностію помѣщиковъ становились даже крестьяне. Это само собою слѣдовало какъ изъ того, что крестьяне записывались за помѣщиками, такъ и изъ того, что на помѣщиковъ возлагалась обязанность отвѣчать за повинности и дѣйствія крестьянъ. Притомъ же правительство при ревизіи не требовало никакихъ документовъ и крѣпостей, кабалныхъ и ссудныхъ записей, а записывало крестьянъ за помѣщиками просто, *по одному владѣлю*. Однимъ словомъ, изъ штрафовъ, казней и розысковъ, давая понять, что крестьяне и

земли составляютъ какъ бы казенное имущество, ревизія въ то же время признала помѣщиковъ полными хозяевами земель и крестьянъ, на государственномъ правѣ.

Но это-то самое и должно было, въ особенности, тяжело отозваться на сердцахъ крестьянъ. Крестьяне должны были почувствовать, что правительство передаетъ ихъ во власть помѣщиковъ, отъ лица государства, и на томъ же правѣ безграничнаго господства, на которомъ государство владѣло крестьянами, какъ своими подданными. Изъ помѣстья, въ которомъ крестьяне записаны, они такъ же не могутъ выходить свободно, какъ подданные изъ предѣловъ государства; отъ власти помѣщика такъ же не могутъ освободиться своею волей, какъ жители страны отъ правительства. Ихъ казнили, въ такомъ случаѣ, за желаніе *отложиться*, какъ мятежныхъ подданныхъ, еще въ 1713 г. (ук. отъ 24 апр.). Теперь законъ ограждалъ ихъ только отъ продажи по-одиночкѣ, на рынкахъ, наравнѣ со скотомъ (ук. 1721, апр. 15); но если уже прежде раздавали ихъ тысячами разнымъ промышленникамъ, напримеръ Строгонову ¹, Демидову ², то тѣмъ болѣе теперь грозила имъ опасность мало-по-малу перейти въ руки частныхъ владѣльцевъ, въ качествѣ вѣчныхъ крѣпостныхъ. Мы отличаемъ прикрѣпленіе къ землѣ отъ крѣпостнаго права, потому что прикрѣпленные къ землѣ владѣли землею и зависѣли отъ земли; а крѣпостные перестали владѣть землею и зависѣли отъ воли владѣльца. На основаніи ревизіи, помѣщикъ получилъ право, обеспеченное силою закона, воспрещать крестьянамъ и выходъ изъ его помѣстья, и свободный выборъ промысла, и вступленіе въ бракъ, или избраніе холостой жизни, и пребываніе въ одномъ домѣ съ родственниками, и отдѣленіе отъ нихъ, съ заведеніемъ своей избы; равно какъ, по акту ревизіи, могли помѣщики подвергать крестьянъ штрафамъ, наказаніямъ, даже изгнанію изъ отечества, то-есть ссылкѣ, при содѣйствіи правительства, и т. п. Въ этомъ-то смыслѣ, первая ревизія составляетъ истинное начало крѣпостнаго права, и явившійся разъ, это право не могло не отразить своего вліянія на всехъ сторонахъ народнаго быта. Какую власть получили помѣщики, относительно своихъ крестьянъ, такую же власть должны были пріобрѣсти крестьянскія общины, относительно

¹ 1697, мая 14.

² Бергмана, *Ист. царств. П. В. II*, 95—232.

своихъ сочленовъ. Отвѣчая за ихъ состоятельность въ исполненіи повинностей, стали и онѣ воспрещать какъ свободный выходъ изъ общины, такъ и выборъ занятія: то и другое стало зависѣть отъ паспортовъ, разныхъ обезпеченій на случай рекрутства и т. д. И не однѣ сельскія, но и городскія общины получили такое право, относительно своихъ членовъ. Мало того, даже разныя управленія, гдѣ председатели отвѣтствовали за членовъ и отвѣтствовали за все, получили относительно своихъ коллегій право подобное новому праву помѣщиковъ надъ крестьянами. Все это, очевидно, вытекало одно съ другимъ, и вытекало изъ цѣлаго взгляда на государственное устройство,—взгляда, который только особенно ярко выразился въ ревизіи. Тотъ же взглядъ не могъ не отразиться и въ указахъ вообще обо всѣхъ имущественныхъ и личныхъ правахъ русскаго народа?

Имущественныя права раздѣляются на свои виды по различію самыхъ имуществъ—по различію движимыхъ отъ недвижимыхъ, и недвижимыхъ имуществъ вообще отъ собственности поземельной. Характеръ всѣхъ имущественныхъ правъ опредѣляется обыкновенно правомъ поземельнымъ, такъ какъ земля служитъ источникомъ для всѣхъ имуществъ: зная свойство поземельнаго права въ народѣ, можно уже заранѣе знать свойство остальныхъ вещныхъ правъ. Въ древней Россіи, поземельное право, сперва одно и нераздѣльное, народное, общинное, въ послѣдствіи частное и общинное, мало-по-малу, вслѣдствіе различныхъ причинъ, переходитъ въ казенное государственное, а это послѣднее, потомъ, стремится обратиться во владѣніе частное. Такое превращеніе государственной собственности въ частное владѣніе служитъ содержаніемъ почти всѣхъ нашихъ древнихъ законовъ о поземельномъ правѣ съ XVI вѣка. То же самое мы видимъ и въ Уложеніи: его цѣлію было—опредѣлить частное, гражданское право владѣнія въ земляхъ иногда государственнаго права, въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, а прототипомъ для него служило частное гражданское право владѣнія въ земляхъ, дворахъ и домахъ бѣлыхъ, или владѣніе бѣломѣстцевъ. Словомъ, правительство, съ XVI вѣка, имѣло исключительно въ виду опредѣлить свойство частнаго владѣнія въ земляхъ государственныхъ, и потому законы, какъ XVI, такъ и XVII в., и даже статьи Уложенія, умалчивая о земляхъ и дворахъ бѣлыхъ, говорятъ только о помѣстьяхъ и вотчинахъ, объ ихъ пожалованіи въ частное владѣніе, о пользоваціи ими, и о воз-

вращеніи ихъ къ главному хозяину—казнѣ. Самая важная принадлежность поземельнаго права состоитъ въ правѣ распоряженія землей, а самое сильное право распоряженія высказывается въ правѣ распорядиться не только при жизни, но и по смерти, посредствомъ завѣщанія; объ этомъ послѣднемъ правѣ преимущественно и распространяются наши законы, но распространяются опять исключительно о помѣстьяхъ и вотчинахъ, принадлежащихъ, въ послѣдней инстанціи, правительству или государству. Наслѣдованіе въ земляхъ и дворахъ бѣлыхъ, принадлежавшихъ гостямъ, купцамъ, посадскимъ, крестьянамъ, и другимъ лицамъ не служивымъ и не бывшимъ служивыми, опредѣлялось собственными началами: обычаями, градскими законами, заимствованными изъ Византіи, и частною волей завѣщателей. Обычай и воля владѣльца служили здѣсь правиломъ для закона, точно такъ, какъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, наоборотъ, законъ опредѣлялъ по своему обычаю и волю частныхъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ, преимущество мужескаго пола передъ женскимъ, выдѣлъ указанной части, прожиточная часть, выкупъ и т. п. политическіе элементы въ гражданскомъ правѣ имѣли силу только въ помѣстьяхъ и вотчинахъ. Ни одинъ изъ этихъ элементовъ не примѣняется къ чисто-гражданскому поземельному владѣнію, къ бѣлымъ землямъ, бѣлымъ дворамъ, къ собственно-такъ-называемымъ куплямъ въ быту посадскихъ, духовенства, крестьянъ. Ученые, писавшіе о наслѣдованіи и завѣщаніи, въ древней Россіи, несправедливо обобщаютъ законы, которые относились къ государственной собственности, состоявшей во владѣніи частныхъ лицъ, и ведутъ читателей къ заключенію, что у насъ, въ древней Руси, частной поземельной собственности, на чисто-гражданскомъ правѣ, будто, вовсе не существовало. Молчатъ о частной собственности законы, но по извѣстной причинѣ, можно сказать—по уваженію къ этой собственности, подлежавшей своимъ особеннымъ законамъ; писатели-спеціалисты должны были углубить свое вниманіе и поискать въ жизни и бытѣ народа явленій, которыя обойдены закономъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно повѣрить, что частной собственности не было у насъ ни въ землѣ, ни въ дворѣ, даже бѣломъ? Какимъ же образомъ могли произойти акты купли, залога, дара, или акты столь частыхъ пожертвованій въ пользу монастырей и церквей? А если такая чисто-частная собственность была,—какимъ образомъ могло привѣщаться къ ней право выкупа? Съ какой стати можно было

тутъ говорить объ *указной* части? На какой прожитокъ получала бы вдова бѣломѣста его землю, дворъ и домъ, когда она могла ихъ занять вполнѣ, при дѣтяхъ—пожизненно, а безъ дѣтей — въ собственность полную, по завѣщанію? И какимъ образомъ лицо, пріобрѣтшее домъ, дворъ и землю собственными трудами, и свободно, по завѣщанію, передавшее свою собственность дѣтямъ, могло обратить ее чрезъ это въ родовую, подлежащую выкупу и разнымъ ограниченіямъ? Нѣтъ, въ древней Россіи, была частная и полная собственность, и она-то служила прототипомъ для собственности производной, вытекавшей изъ государственнаго права; съ нею-то Уложеніе и послѣдующія узаконенія, до Петра Великаго, и сидились уравнять собственность производную. Петръ же, напротивъ, стремился теперь расширить положенія о помѣстьяхъ и вотчинахъ на всю русскую землю, и уничтожить всякую частную собственность; это и составило главный характеръ его законодательства относительно имущественныхъ правъ ¹. Можно бы было показать постепенность, съ которою Петръ мало-по-малу сидился возстановить исключительное господство государственнаго права въ области частнаго, гражданскаго владѣнія, смѣшивая въ одно помѣстья и вотчины, купленные и выслуженныя. Петру многое удалось въ этомъ отношеніи, и притомъ такъ что его воззрѣніе оставалось долго господствующимъ, и даже до нашего времени отзывается въ самомъ Сводѣ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно что даже въ Сводѣ не видимъ мы законовъ о полной частной собственности (напримѣръ крестьянской); понятія, въ немъ господствующія относительно поземельнаго права вообще, сбиваются на понятія о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Это произошло именно отъ того, что заимствовавъ матеріалъ изъ Уложенія, Сводъ долженъ былъ всему дать характеръ сообщенный праву Петромъ.

¹ *Современникъ*, 1860, № 11, *Исторія развитія русскаго порядка наследованія*. Рѣчь профессора Кавелина. Правда, г. Кавелинъ доказываетъ, что указы Петра Великаго относительно поземельной частной собственности составляютъ продолженіе законовъ древне-русскихъ; но тутъ же самъ онъ говоритъ, что указъ Петра отъ 1714, о единенаслѣдствіи, не могъ быть приведенъ въ дѣйствіе, по причинѣ *помѣстій искоренившихся изъ народа, въ теченіи долгаго времени*. Стало-быть, понятія прежнія о собственности были не тѣ, которыя вводилъ Петръ Великій. Петръ считалъ своимъ образцомъ царя Ивана Грознаго, который также стѣснялъ, въ свое время, право распоряжаться вотчинами.

Для изображенія переворота, произведеннаго въ русской собственности петровскими указами постепенно, но рѣшительно, довольно указать на самыя крупныя черты законодательства, начиная съ указа 1712 г. 16 января. Въ этомъ указѣ дѣлаются распоряженія о заселеніи новозавоеваннаго Котлина-острова, опредѣляется наборъ «1000 семействъ шляхетныхъ, 1000 семействъ купецкихъ, по 500 изъ лучшей и средней статьи, да 1000 семействъ рукомышленныхъ», и для поселенія этихъ назначается извѣстная площадь, съ участками, а частію и съ казенными дворами и домами, Такъ какъ островъ Котлинъ былъ военнымъ приобрѣтеніемъ и, слѣдовательно, предметомъ безспорной государственной собственности, то законъ долженъ былъ опредѣлить права поселенцевъ на отводимые имъ участки и, въ особенности, долженъ былъ предусмотрѣть случай, если тотъ или другой участокъ будетъ выморочнымъ. Поэтому, въ указѣ положено, чтобы «последніе въ родѣ или семействѣ, надѣленнымъ теперь землею государственною, не имѣли права своихъ добръ недвижимыхъ продать, или отдать ни при себѣ, ни по себѣ, а кто по женскому колѣну послѣдній, тому отдать до внучатъ, а далѣе отказать»: Другими словами: когда владѣніе участкомъ на Котлинѣ, за отсутствіемъ наслѣдниковъ мужескаго колѣна, перейдетъ въ женскую линію, тогда оно остается въ этой линіи только до третьяго рода, а послѣ того имѣніе считается выморочнымъ, хотя бы и оставались еще прямыя нисходящія потомки. Государство, владѣя островомъ на правѣ собственности, могло предписывать и не такія условія для владѣльцевъ, нисколько не нарушая ихъ права, опредѣленнаго, болѣе или менѣе, по ихъ согласію. Но вотъ Петръ Великій расширяетъ это начало выморочности далѣе острова Котлина, внутрь Россіи, на имущество, не имѣющія связи съ завоеваніемъ или пожалованіемъ. Въ томъ же году, и въ томъ же мѣсяцѣ, именно 23 января, онъ повелѣваетъ, чтобы никто, на всемъ пространствѣ Россіи, будучи послѣднимъ въ родѣ, не имѣлъ своихъ недвижимыхъ добръ ни продать, ни заложить, ни передать, и чтобы (точь-въ-точь какъ на Котлинѣ) внукъ владѣльца, которому имѣніе досталось по женской линіи, считался послѣднимъ въ родѣ, хотя бы у него были прямыя нисходящія потомки. Явно, что государство послыало здѣсь на огромную массу земли частнаго права, произвольно отнимая у прямыхъ наслѣдниковъ частной собственности право наследованія; да и вообще, опредѣленіе правъ

чисто-частнаго владѣнія, по аналогіи съ землею на островѣ Котлинѣ, само по себѣ было уже нарушеніемъ частнаго права. И этому новому закону подчинена была не земля одна, но все, что съ землею связано, и что носитъ названіе недвижимаго — заводы, дворы, дома, лавки, избы и т. д. А между тѣмъ, послѣдній въ родѣ часто могъ быть первымъ приобрѣтателемъ наибольшей части капиталовъ, составляющихъ цѣнность земли, домовъ, лавокъ! Понятно, что такого акта, отрицающаго главную основу собственности, не бывало въ древней Россіи; а въ новой онъ служилъ только поводомъ, или приготовленіемъ къ извѣстному указу 1714 г. марта 23, о нераздѣльномъ наследованіи старшаго въ родѣ. Объявивъ указомъ 1712, болѣе или менѣе ясно, что вся земля и ея принадлежность — недвижное, въ сущности, составляютъ государственную собственность, Петръ не находилъ трудности издать законъ, которымъ сразу навсегда опредѣлялось право наследованія частныхъ имуществъ, и которымъ послѣдняя воля владѣльца или завѣщаніе уже признавались не болѣе какъ исключеніемъ изъ правила. И вотъ, въ 1 п. указа 1714 г., Петръ говорить: «всѣмъ недвижимыхъ вещей родовыхъ, выслуженныхъ и купленныхъ, вотчинъ и помѣстій, также и дворовъ и лавокъ не продавать и не закладывать, но обращаться онымъ въ родѣ», и притомъ безъ раздробленія, къ старшему изъ сыновей, или къ старшему въ родѣ. По обыкновенію, за нарушение указа, опредѣляется (п. 12) отнятіе имѣнія въ пользу *доносителя*. (Какая щедрость къ доносителямъ!) Законъ долженъ былъ дѣйствовать не со дня изданія указа, не съ 23 марта, а съ 1 января 1714, хотя самъ же указъ, какъ бы въ насмѣшку, высказалъ, что законъ *долженъ имѣть силу не на прошедшія времена*. Указъ, о которомъ говоримъ, оштрафовалъ всѣ старинныя различія между предметами владѣнія для того, чтобы скучить всѣ различныя виды права въ одно понятіе, и всю массу предметовъ разомъ изъять изъ области частнаго права, *ex commercio*, объявить ихъ не подлежащими частному распоряженію, и передать въ одні руки государства или правительства. Въ полное соотвѣтствіе этому, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (14 апрѣля 1714 г.) Петръ издалъ законъ, которымъ ограничивалось право на самое приобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ, то-есть земель, деревень, лавокъ. Приобрѣтать эти имущества могъ только тотъ, кто пробылъ десять лѣтъ въ военной службѣ, или семь лѣтъ въ гражданской, или же пят-

надцать лѣтъ занимался торговыми и мануфактурными промыслами. Такимъ образомъ, пожалованіе и служба стремились сдѣлаться главными, если не единственными способами приобрѣтенія собственности. Крестьяне и по началу ревизіи, и по новымъ указамъ о поземельной собственности, уже прямо лишились права на владѣніе землею. Рано или поздно, также точно могли быть исключены изъ этого права и городскіе классы, а съ тѣмъ вмѣстѣ должно было оказаться неосновательнымъ и право общинъ, церквей и монастырей на свои земли. Это вскорѣ и обозначилось: въ 1709 г. января 15 было узаконено, что всякій принесявшій *порозжіе* участки въ земляхъ патриаршескихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ, *если пожелаетъ сдѣлатьъ ими изъ оброка* (въ казну), можетъ занять и занятіемъ приобрести эти участки. Итакъ, *колными хозяевами* земли русской могли быть исключительно казна и дворянство: таковъ основной смыслъ петровскихъ указовъ относительно правъ по имуществу. Болѣе отдаленныя слѣдствія этого новаго начала выказались въ томъ, что въ послѣдствіи всѣ вопросы, касающіеся земли, стали рѣшаться по крѣпостямъ, а не по владѣнію; что въ гражданскихъ законахъ стали излагаться только такія права, такіе способы приобрѣтенія и распоряженія, которые касаются дворянъ; что за всякимъ столкновеніемъ между частною собственностію и казенною слѣдовало рѣшеніе преимущественно въ пользу казны; наконецъ—что, мало-помалу, самое движимое стремилось раздѣлить судьбу недвижимаго, и подвергнуться произвольной регламентаціи, особенно въ дѣлѣ промышленности. Последнее замѣчается уже во времена самого Петра, изъ ук. 1714 и даже раньше.

Такъ, въ 1700 году (ук. февр. 3) повелѣно собирать сборы, по торжкамъ, *не хозяевами мѣсть, а бурмистрамъ*; 1700 (ук. февр. 7), воспрещено частнымъ людямъ торговать ревенемъ, подѣ страхомъ смертной казни! Далѣе, въ противность уставной грамотѣ 1654 г. апрѣля 30, которою Алексѣй Михайловичъ заповѣдалъ дѣтямъ, внукамъ и всѣмъ имѣющимъ державу Россійскаго царства, чтобы не оброчить съѣстнаго и не отдавать на откупъ, подѣ угрозой суда Божія, Петръ указалъ (1700, 1 марта) положить оброкъ на все съѣстное, продаваемое на рынкахъ, на хлѣбъ, рыбу, мясо. Мартѣ 6, обложены оброкомъ всѣ дома въ городѣ, отдаваемые въ наймы, и даже такіе, въ которыхъ живутъ знакомые и родные хозяевъ, стало-быть, жильцы бесплатные. Эти такъ-называемые въ указахъ *палаты и улы*

должны были платить въ казну $\frac{1}{4}$ валоваго дохода, и не освобождались отъ установленнаго платежа даже послѣ пемаровъ (впрочемъ, это обстоятельство вызвало жалобы въ 1707, и новую перепись домовъ, по ук. іюн. 7). Въ томъ же 1700 г. апрѣля 1, на откупъ отданы казною всѣ постоянные дворы въ Москвѣ, а іюня 30—весь помолъ муки на мельницахъ, жетя бы тамъ молотся хлѣбъ принадлежащій хозяину мельницы. 1701, марта 30, запрещено хозяевамъ лѣсныхъ дачъ расчищать лѣсъ подъ луга и пашни, на разстояніи 30 верстъ отъ рѣки; а въ 1703, ноября 19, лѣса, находившіеся не далѣе 50 верстъ отъ большихъ и не далѣе 20-ти верстъ отъ малыхъ рѣкъ, *могущихъ быть сильными*, описаны и заповѣданы даже хозяевамъ, подъ десятирублевымъ штрафомъ за вырубку каждаго дерева десяти вершковъ въ отрубѣ, или подъ страхомъ смертной казни, если срубленное дерево будетъ дубъ или порубка будетъ учинена *большая* (?). Въ 1704 г. января 6 и 7, отданы отъ казны на откупъ всѣ торговья бани, а частныя обложены оброкомъ, который разнился по званію хозяевъ, и былъ, напримѣръ, въ 3 рубля, если баня принадлежала боярину, и т. д. 1705 января 1, повелѣно отобрать соль у частныхъ лицъ по существующимъ цѣнамъ, и передать ее въ казну для продажи; а 14 января, приказано отобрать у частныхъ лицъ дубовые гробы, такъ же по настоящей цѣнѣ, и продавать ихъ отъ казны вчетверо дороже. 1709 января 15, предписано изоброчить всѣ частныя домашніе пчельники, взимая въ казну по 8 денегъ съ каждаго улья. 1710 апрѣля 8, установленъ сборъ *со всѣхъ доходовъ*, по 1 деньгѣ съ каждаго рубля, остающагося занеобходимыми издержками. 1714 декабря 29, воспрещено торговать русскою обувью и русскимъ платьемъ вообще; а 1715 сент. 1, воспрещено, подъ страхомъ каторжной работы, торговать сапогами и башмаками со скобами, подковками, гвоздями: нашли кстати издавать запрещенія носить русское платье и русскую обувь именно среди зимы и въ началѣ осени. И понятно, почему оказалась нужною каторга для угрозы, и почему, въ виду другой каторги — отъ непогоды, не дѣйствовала и такая угроза!

Такимъ же духомъ пропитаны всѣ указы и регламенты Петра Великаго относительно промышленности, опускаемые здѣсь по ихъ многочисленности и большей или меньшей извѣстности, такъ что невольно рождается вопросъ: законы ли тогда издавались для промышленности, или промышленность существовала для законовъ? Таковы же были и всѣ законы Петра

относившіяся къ имущественному праву, zur Güterwelt, по нѣмецкому выраженію, то-есть къ жилью, продовольствію, одеждѣ, къ отопленію. А затѣмъ естественно, что и личное право не могло быть свободнѣе имущественнаго. Вотъ документы.

Встарину называли царя земнымъ Богомъ. Это названіе не было пустымъ словомъ, а выраженіемъ народнаго убѣжденія, въ томъ смыслѣ, что предъ верховною властію всѣ равны въ государствѣ. Однако, въ то же время, царя называли по имени и по отчеству, и къ царю всѣ обращались прямо,—лично и письменно. Въ древности, царя окружала дума, это сокращенное древнее вѣче, это живое свидѣтельство того, что встарину отдѣляли сужденіе о судьбахъ государства отъ исполнительной власти. На мѣсто думы, съ Петра Великаго, становится сенатъ, лишенное самостоятельности административное орудіе, котораго указы, однако, имѣютъ силу равную силѣ указовъ величества. Безчисленные старинные приказы, повидимому безтолково устроенные, представляли однакожъ ту выгоду, что дѣлалось невозможнымъ появленіе какаго-нибудь самоуправнаго перваго министра; приказы замѣнены коллегіями, правильно подѣлившими всѣ вѣдомства, но за то давшими поводъ президентамъ важнѣйшихъ изъ нихъ, военной, или иностранной, стать во главу всей русской администраціи. То же сдѣлано съ областнымъ управленіемъ. Даже въ концѣ XVII вѣка, воеводамъ предписывалось всѣ дѣла дѣлать вмѣстѣ съ товарищами, и держать ласку и милостивое слово ко всѣмъ; но съ 1701 г., дѣла въ провинціяхъ вершатся большею частію воеводами безъ товарищей, и губернаторами безъ всякаго контроля, за исключеніемъ развѣ только страха казни. Прежде народъ участвовалъ въ избраніи своихъ пастырей, и допускался къ избранію царей; самъ царь Петръ Алексѣевичъ былъ царемъ избраннымъ. Съ Петра выборное начало видимо падаетъ. Въ судопроизводствѣ, еще 1697 г. февраля 21, обвинительный словесный процессъ замѣненъ розыскомъ, слѣдственнымъ письменнымъ порядкомъ, даже безъ очныхъ ставокъ; а съ 1702 г. вовсе закрывается губное управленіе, или уголовное старинное производство, совершавшееся посредствомъ и при содѣйствіи выборныхъ отъ народа губныхъ старостъ, цѣловальниковъ. Указъ 1713 г. апрѣля 17 оставилъ выборы только для обезпеченія казенныхъ требованій, напримѣръ при сдачѣ провіанта въ военное вѣдомство; да и

при этомъ выборные оставались только до исполненія двѣхъ, или не даѣе года, дабы не было ущерба казенному обороту, отъ котораго были забавлены выборные. Наконецъ, указами 1723 г. декабря 9, и 1724 г. декабря 21, даже при сборахъ казенныхъ повелѣно вмѣсто купецкихъ людей и цѣловальниковъ употреблять отставныхъ офицеровъ, дворянъ, драгунъ, или раскольниковъ-бородачей, — послѣднихъ, конечно, въ видѣ наказанія. Выборное начало у крестьянъ прекращалось актомъ ревизіи, самымъ выраженіемъ указа 1718, что ревизія дѣлается въ надеждѣ освободить платящихъ подушное отъ другихъ работъ, при чемъ подъ работами разумѣлись и общественныя службы. И дѣйствительно, 1729 г. февраля 22 (№ 5.372), положено, «чтобы при тюрьмахъ не было ни цѣловальниковъ, ни выборныхъ людей отъ крестьянъ, ибо они, платя съ 1724 подушное, уволены отъ другихъ поборовъ и службъ.»—Встарину довольствовались молитвой о царѣ, о народѣ, и пѣли: «Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояніе Твое,» и пр.; съ 1721 г. сентября 22, повелѣно провозглашать на эктеніяхъ *военачальниковъ, градоначальниковъ, христоролюбивое войство*, какъ будто отдѣльные отъ народа элементы царства. Встарину верховная власть часто обращалась къ народу съ милостивымъ словомъ, или съ благодарностію за его услуги предъ отечествомъ, и такихъ обращеній съ 1648 по 1700 годъ насчитывается до семнадцати случаевъ; при Петрѣ же только одинъ разъ сдѣлано обращеніе, да и то къ сенату. Затѣмъ, во все теченіе XVIII вѣка находимъ этихъ обращеній только два ¹. Между тѣмъ возникаетъ своего рода необычайное явленіе: правительство позволяетъ себѣ, какъ бы укоризненно, называть простой народъ *подлымъ, старобрядцевъ* и т. п.—*бородачами, мужиками*. Въ то же время начинаютъ грозить казнями тому, кто, помимо множества инстанцій, непривычныхъ и непонятныхъ для народа: ландрихтера, ландкоммиссара, коменданта, оберъ-коменданта, оберъ-ландрихтера, вице-губернатора, губернатора и т. д.,—рѣшится прямо утрудять просьбою своего государя, какъ привыкъ онъ то дѣлать при царѣ Теодорѣ Алексѣевичѣ или Алексѣѣ Михайловичѣ. Тутъ же всякому грозитъ наказаніе за *несльдміе законовъ*, хотя эти законы уже не Уложеніе, а указы, числомъ болѣе 3000, о которыхъ самъ Петръ, спехватившись (довольно, впрочемъ поздно, именно 1723 г. ноя-

¹ См. П. С. З. №№ 160, 230, 439 и т. д.

бря 6) говорить: «понеже на многія дѣла дѣланы, въ разные времена, разные указы объ одномъ дѣлѣ; того ради оныя указы разобрать, а многіе указы снести въ одинъ, и составить регламенты»; или, какъ въ другомъ мѣстѣ говорится, «сочинить уложеніе съ шведскимъ». Подъ вліаніемъ всѣхъ исчисленныхъ мѣръ, естественно, понятія о правомъ и неправомъ должны были, мало-по-малу, исчезать въ народѣ, уступая свое мѣсто понятіямъ объ «указномъ», или «неуказномъ», или, какъ выражается указъ 1720 г. мая 21, «указами запрещенномъ».

Таково было общее отношеніе правительства къ народу. Обратимся теперь къ подробностямъ, начиная съ указовъ, касавшихся личной свободы и правъ сословныхъ.

Не далѣе какъ указомъ 1684 г. декабря 16, было запрещено *принимать въ кабальные холопы* новокрещенныхъ служилыхъ и неслужилыхъ ясашныхъ и посошныхъ людей; но 14 мая 1697 г. переданы были Григорію Строгонову *зырянскіе заводы съ крестьянами*, а указомъ 1700 г. февраля 1, велѣно было самихъ отпущенныхъ на волю кабальныхъ и крестьянъ представлять въ Преображенское, для записки годныхъ—въ солдаты, а негодныхъ—въ кабалу, въ холопьемъ приказѣ, за тѣмъ, или другимъ лицомъ, *по желанію этихъ вольныхъ людей*. 1702 г. ноября 16, установленъ срокъ въ три, четыре и пять лѣтъ, для найма крестьянъ—разумѣется, свободныхъ, патриаршихъ и монастырскихъ. Далѣе пяти лѣтъ держать крестьянъ въ наймѣ запрещалось, и крестьяне обязывались возвратиться къ прежнему владѣльцу, или, можетъ-быть, упрочить записями свои отношенія къ новому. Нельзя не упомянуть здѣсь и о распоряженіи (указъ 1707 г. февраля 4), по которому, въ случаѣ негодности помѣщика къ службѣ, повелѣвалось брать, вмѣсто него, въ солдаты пять человекъ изъ его людей. Съ этого же преимущественно времени начинается въ Россіи и раздача крестьянъ тысячами, даже десятками тысячъ, первоначально въ видѣ приписки къ частнымъ заводамъ и казеннымъ управленіямъ. Такъ въ 1712 (іюня 6), было приписано къ адмиралтейству 24.000 дворовъ или около 100.000 душъ. Любопытно въ этомъ отношеніи сравнить распоряженія новой Россіи съ распоряженіями древней. По воеводскимъ наказамъ, крестьяне употребленные на казенныхъ заводахъ получали по 6 алтынъ, то-есть по 18 копѣекъ, въ день за работу; по указамъ Петра, крестьяне, напротивъ, почитаются рабочими силами безответными, даровыми. Правда, при установленіи ревизіи было объявлено, что съ крестьянъ

не будетъ уже требоваться никакихъ работъ, *развѣ за деньги*; но по плакатамъ 1724 г. іюня 26, работы потребовались, а указная плата, вмѣсто старинной по 18 копѣекъ, опредѣлена: лѣтомъ за дневную работу челоуѣку съ лошадыю—10 коп., безъ лошади—5 коп.; зимою, съ лошадыю—6 коп., а безъ лошади—4 коп. Понятно послѣ того, почему казнями должно было удерживать крестьянъ, чтобъ они не отлагались отъ своихъ господъ и управленій (что видно, напримѣръ, изъ указа 1713 г. апрѣля 24). Мы видѣли уже, что ревизія 1718 г. закрѣпила узелъ извѣстныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; можемъ прибавить къ этому указаніе, что затѣмъ послѣдовало распоряженіе, которымъ крестьяне свободные уравнивались съ помѣщичьими, Указомъ 1722, февраля: 5, повелѣно было именно: съ половниковъ и посощныхъ людей «помѣщиковъ не знающихъ» (то-есть некрѣпостныхъ) сверхъ обыкновенной, общей подушной подати, по 8 гривенъ съ души, собирать съ каждой души еще по 8 гривенъ на томъ самомъ основаніи, что свободные крестьяне ничего не платятъ помѣщикамъ.

Другіе классы народа, кажется, были не болѣе льготны. 1704 г. декабря 30, велѣно было, правда, *всѣмъ писаться*, то-есть подписываться подъ актами *полнымъ именемъ*, а не полуименемъ, какъ прежде; но за то вскорѣ являются запрещенія (ук. 1707 г. октября 29) отдавать какую-нибудь статью на откупъ *людямъ не знатымъ*, или (1709) принимать въ службу *людей купецкихъ*, или же являются (1707 марта 17) предписанія брать съ духовенства драгунскихъ лошадей, по одной лошади съ каждыхъ 300, потомъ съ 200, и наконецъ съ 150 дворовъ прихода. Находимъ также распоряженія о томъ, чтобы рекрутъ *клеить* на рукахъ (1712, мая 19), или (1820, января 16) о томъ, чтобы набрать въ Сибири 40.000 рекрутъ, и набрать изъ духовенства и дворянъ, если нельзя будетъ достать такого числа изъ казаковъ, крестьянъ и посадскихъ, и т. д. Дворяне хотя и получили названіе шляхты, обязываются однако, съ 10 и до 30-лѣтняго своего возраста, являться на смотръ, пополнять собою запасъ офицеровъ и поступать въ войска, подъ страхомъ потерять свои вотчины, свою собственность. Войска же употреблялись не на одно военное дѣло, но, чтобъ они «не гуляли», повелѣвалось (ук. 1717 февраля 8) употреблять ихъ для рытія каналовъ. На случай отставки, за дряхлостію и увѣчьемъ, солдаты, драгуны и т. п., размѣщались, какъ извѣстно по монастырямъ, а для опроста-

ція имъ вакансій (указомъ 1723, января 28) запрещено впрочемъ постригать монаховъ и монахинь. Такъ, всѣ состоянія приводились существенно къ двумъ: къ людямъ несоуждымымъ, поддымъ, платящимъ подати и поборы на пользу служащихъ, и—служащимъ, несущимъ службу также поневоля, также вѣчно, безъ отставки и отпусковъ, съ перспективой умереть на старости гдѣ-нибудь въ монастырѣ ¹.

Войдемъ теперь въ область наиболѣе отдаленную отъ дѣйствія государства, въ тихую, неприкосновенную для внѣшнихъ распоряженій сѣверу семейства, дотолѣ защищенную церковью и обычаями. Странно, что и здѣсь не обошлось безъ регламентацій, и тѣмъ страннѣе слышать и читать въ наше время, будто Петръ Великій, своими указами, напротивъ впервые внесъ въ эту область принципъ свободы. Припомнимъ, изъ его цѣрковнаго, два-три указа, которыхъ дѣйствіе отзывается въ семейномъ правѣ даже до нашего времени; разумно указы, которыми запрещено совершать бракъ безъ согласія родителей, и даже безъ согласія начальства; отъ того же времени стало требоваться со стороны помѣщиковъ согласіе на браки крестьянъ. Въ древности, духовная власть, напримѣръ, въ высшей инстанціи, духовный патріаршій судъ, требовала, чтобы родители не были противъ брака дѣтей, и чтобы онъ его благословляли; при чемъ, разумѣется, духовные отцы, или священники, своими убѣжденіями должны были умирять разногласіе сторонъ. Петръ передалъ свѣтскому суду вопросъ о несогласіи родителей на бракъ дѣтей; безъ сомнѣнія, самый искренній, святой, разумный судья долженъ еднимъ разомъ затрудниться рѣшеніемъ задачи, возложенной на него указомъ 1722 г. апр. 12. Рѣшеніе становится еще труднѣе, если предположить, что при полномъ согласіи брачавшихся, и даже при согласіи родителей, отказъ встрѣтится именно со стороны начальства. Легко было Петру въ морскомъ регламентѣ (I, 77) запретить совершать браки гардемариновъ безъ указа и раньше двадцатипятилѣтняго возраста; но что дѣлать судѣ, который, положимъ,

¹ Съ этой точки зрѣнія замѣчательно указъ 1723, октября 17, которымъ запрещалось даже *учить дѣтей сѣвскихое званія* долѣ пятнадцатилѣтняго возраста, *хотя бы и желали*, такъ какъ чрезъ это они уклонялись бы отъ смотровъ и службы. Слѣдовательно, вопреки довольно распространенному мнѣнію, для Петра нужны были только служащіе, хотя бы и безъ образованія, нужна была только служба, хотя безъ предварительнаго ученія.

вмѣстѣ знать, что бракъ служащаго совершается по воли Божескимъ и человѣческимъ законамъ, и только не нравится начальству?

Обратимся къ регламентаціи относительно вѣшняго образа жизни народа, его жилья и помѣщенія, продовольствія, одежды, убранства.

Еще 10 марта 1714 повелѣвалось губернаторамъ, каждому въ его губерніи, то-есть въ его губернскомъ городѣ, въ каждой изъ пяти долей, на которыя распадалась губернія, возводить ежегодно по одному каменному зданію. Но 9 октябрѣ того же года, для ускоренія строительной дѣятельности въ Петербургѣ, наоборотъ, воспрещено было строить какія бы то ни было зданія, на всемъ пространствѣ Россіи, безъ различія, будетъ ли то домъ или церковь, монастырь или школа. Съ тою же цѣлю, начиная съ 8 марта 1720, издано нѣсколько указовъ, которыми повелѣвалось каждому помѣщику, владеющему деревнями, строить въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, дома и зданія. Владѣвшій 1000 дворами долженъ былъ воздвигнуть каменный домъ на 10 сажняхъ, владѣвшій 300 дворовъ обязанъ былъ построить мазанку и т. д., и все это—подъ опасеніемъ лишиться помѣстій и вотчинъ! Въ 1721 году (января 16), было дозволено народу опять приняться за свои собственные дома, но впрочемъ дозволено было собственно продолжать только стройку зданій уже начатыхъ до 1714, или подготовленныхъ, а не построение вновь. Стукъ молота прекращался въ жильяхъ, какъ стукъ топора въ лѣсахъ, единственно ради того, чтобы сосредоточить въ извѣстныхъ пунктахъ работы въ родѣ предполагавашагося, на примѣръ, построенія надъ новымъ кронштадтскимъ каналомъ громадной башни. Для этой башни, долженствовавшей напоминать собою родесскій колесъ, была уже ассигнована (1724, іюля 19) сумма въ 51.116 р.¹; но выполненіе остановилось за смертію государя.

Мѣры на случай неурожаевъ имѣли своимъ предметомъ уже не государство, а народъ и сохраненіе его жизни; однакожъ и тѣ состояли въ своего рода монархическомъ заимѣ. Велѣдствіе указа 1723. февраля 16, не только въ царствованіе Петра, но и при преемникахъ его до Екатерины II, въ неуро-

¹ Бергмана, V, 253.

жайшие годы по Россіи разсылались чины губернскихъ канцелярій, или нынѣшнихъ губернскихъ правленій. Они описывали весь наличный хлѣбъ, какой находился у владѣльцевъ; опредѣляли, какое количество изъ хозяйскаго запаса необходимо самому хозяину, и что слѣдуетъ въ раздачу нуждающимся въ долгу, впредь до урожая и возврата, впрочемъ ничѣмъ не обезпеченнаго. Столь же характерны мѣры относительно топлива. Когда въ Петербургѣ, по обстоятельствамъ, цѣна на дрова поднималась, то правительство рѣшалось (напримѣръ 1720 г. апрѣля 14) дозволять дровосѣкамъ рубить хлѣсъ на дрова въ указанныхъ мѣстахъ, подлѣ Петербурга, не разбирая кому принадлежитъ хлѣсъ. А такъ какъ можно было опасаться, что владѣльцы будутъ сопротивляться такому самоуправству, то дровосѣкамъ предписывалось ходить на промыселъ партиями, человекъ отъ 15 до 20. Нельзя не сказать, что въ обоихъ случаяхъ, и при обезпеченіи народнаго продовольствія, и при снабженіи Петербурга дровами, указы Петра просто узаконяли грабегъ..

Заключимъ узаконеніями, относящимися до одежды и обуви русскаго человека, и до его вишности. Въ первые дни новаго года, открывавшаго XVIII вѣкъ, по новому счисленію, придуманъ указъ, изданный 4 января 1700 г., и повелѣвавшій, къ Богоявленеву дню, слѣдовательно чрезъ два дни по изданіи указа, приготовить, надѣть и носить всѣмъ, кромѣ лицъ духовныхъ, венгерскіе кафтаны и платья, верхнее по подвязку, а исподнее короче. 1701 г., въ декабрѣ, послѣдовала новая форма: велѣно было носить нѣмецкое платье и употреблять нѣмецкія сѣдла, подлѣ енашеніемъ штрафа; а русское платье запрещено было даже дѣлать подлѣ страха жестокаго наказанія. 170 г. декабря 17, опятьперемѣна: самое нѣмецкое платье велѣно строчить по особому кляйменому и выставленному на показъ образцу; отступленіе отъ образца подвергало мастера суду. Только жителямъ Сибири, по указу 1706, дозволялось оставаться при прежнемъ платьѣ, да сельскимъ жителямъ, которые не ѣздятъ въ городъ для торга, разрешено, (впрочемъ только уже въ 1723 г. іюня 14) не носить нѣмецкаго платья. По указу 1714 г. декабря 29, запрещалось даже торговать русскимъ платьемъ, или обувью, и между тѣмъ, въ то же время, по другому указу (1718, февраля 14), нѣмецкіе тулчи дозволено было покупать только въ Петербургѣ, да въ Москвѣ, и въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ даже только у

одного иноземнаго продавца Мавріона. Указомъ сентября 1745 г., подъ опасеніемъ каторжной работы, запрещалось носить и дѣлать сапоги или башмаки съ гвоздями и скобками. Малочисленность исключеній (сперва въ пользу духовенства, потомъ въ пользу жителей Сибири, да въ пользу крестьянъ безвыѣздно остающихся въ селахъ) показываетъ, на какомъ обширномъ пространствѣ должны были дѣйствовать указы; а изданіе указовъ среди русской зимы, и съ угрозою каторги, доказываетъ твердую рѣшимость достигнуть цѣли...

Мы видѣли, что самъ Петръ, несмотря на свою настойчивость, принужденъ былъ однако во имя тѣхъ-другихъ обстоятельствъ, дѣлать уступки въ своемъ желаніи переодѣть народъ, хотя уступки и не полныя; тѣмъ страннѣе въ наше время встрѣчать защитниковъ такой народной дрессировки, а еще страннѣе слышать мысль, что указы о пережвѣнъ платья и шлѣи въ виду развить въ народѣ чувство удобства, комфорта, изящнаго. Развитие не совершается насиліемъ; изящное въ платьѣ не состоитъ въ матеріи или покроѣ платья, а въ томъ, какъ его надѣнуть и какъ его носить. Намъ говорятъ, что указы Пѣтра стремились къ уничтоженію старинныхъ безобразныхъ формъ, старинныхъ невѣжественныхъ обычаевъ. Допустимъ, что законы должны и могутъ, уничтожая грубые обычаи, вводить обычаи мягкіе, нравы добрые, но спросимъ: съ обычаями ли только, и съ обычаями ли собственно вели борьбу указы Пѣтра? Не законами ли, постановленными на соборахъ земскихъ и церковныхъ, облеченныхъ въ полную форму, было запрещено употреблять табакъ, брить бороду, носить нѣмецкое платье, и т. п.? И не съ этими ли законами, столько формальными, общезвѣстными и обязательными съ давнихъ поръ, вступили въ борьбу новые указы, безформенные, ничѣмъ не мотивированные, ничѣмъ не убѣждающіе, кромѣ силы, власти, произвола, поддержанныхъ казнями? И сопротивленіе не заключало ли въ себѣ мысли о томъ, что чрезъ уступку новымъ указамъ можно потерять всякое право на защиту закона, подчиниться чистому произволу каждаго новаго правительства, правителя, воеводы, коменданта, и притомъ уже не въ дѣлахъ одной формы, комфорта, моды, но и въ вопросахъ о собственности, личности, о жизни и чести? Если мы посмотримъ на дѣло съ этой точки зрѣнія, и поставимъ себя на мѣсто современниковъ петровской реформы, мы всего легче объяснимъ себѣ такъ-называемое упрямство тогдашняго на-

рода, и, конечно, назовемъ это упрямство уже не упрямствомъ, а болѣе справедливо—стойкостью и твердостью.

Централизуя, то-есть соединяя въ однѣ руки управленіе, посредствомъ губернаторовъ, коллегій, сената, и централизуя законодательство, обособленіемъ лицъ и уничтоженіемъ общинъ, петровскіе указы вели Россію къ уничтоженію собственности и личности. Исторія этихъ указовъ важна не столько потому, что такъ было, не по одному историческому интересу, а потому въ особенности, что все это было совершено волей одного лица, дѣйствіемъ одной энергической воли, и не только совершено, но окрѣпло и утвердилось на цѣлыя столѣтія. Измѣненіе установленной Петромъ системы требуетъ столь же обдуманнаго плана, такой же энергической дѣятельности и неусыпной настойчивости. Первымъ шагомъ къ смягченію централизаціи должно быть пробужденіе общинъ, и сельскихъ и городскихъ, и возстановленіе вліянія земства въ дѣлахъ суда и расправы, въ вопросахъ администраціи, въ устроеніи промысловъ, просвѣщенія, образа жизни. Не отвлеченные проекты законовъ должны управлять народомъ, а законы, возбужденные нуждами и развитіемъ народной жизни. Тогда, и лишь тогда собственность будетъ уважена и личность признана, а съ ними и вся область общественнаго права.

В. Лешковъ.

ДЮМУРЬЕ ВЪ АНГЛИИ

И

ЕГО ПЛАНЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЪ 1812 и 1813 ГОДОВЪ

Къ числу людей, въ самомъ началѣ французской революціи выдвинутыхъ на первый планъ, но еще далеко не оцѣненныхъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Дюмурье ¹. Воздавая должную хвалу его талантамъ, историки винятъ его въ безнравственности и сопряженномъ съ нею отсутствіи всякихъ политическихъ убѣжденій. Причина столь строгаго приговора, мнѣ кажется, отчасти кроется въ томъ, что судятъ о немъ по

¹ Главными источниками статьи нашей были: а) Мемуары Дюмурье, нѣсколько разъ издававшіеся; б) статья въ *Biographie Universelle*, чрезвычайно пристрастная, впрочемъ составленная отчасти по недавнимъ матеріаламъ. Считаю излишнимъ опровергать предположенія, высказанныя въ этой статьѣ о походѣ Дюмурье въ Шампань, о замыслахъ его на Бельгію и т. д., такъ какъ всѣ эти обвиненія бездоказательны. в) *Le général Dumouriez et la Révolution française*, книга, написанная другомъ Дюмурье, Ледьё. Ледьё благоговѣетъ къ памяти Дюмурье, и не находятъ словъ для изображенія достоинствъ своего друга. д) *Mémoires et Correspondances inédites du général Dumouriez*, 2 т. (безъ означенія имени издателя), того же Ледьё. Кромѣ того, я пользовался манускриптами, которые печатаютъ въ Приложеніяхъ и за которыя искренно благодарю сообщившаго мнѣ ихъ полковника Бока.

дѣйствіямъ его въ ту эпоху, когда успѣвъ уже, какъ нельзя болѣе, обнаружиться его таланты, но когда политическій характеръ его не имѣлъ еще возможности заявить себя рядомъ фактовъ. Сойдя для взоровъ массы со сцены уже въ 1793 году, онъ ясно сознавалъ, что попріище его не кончилось и, полный энергія, дѣйствовалъ неусыпно и внѣ отечества. Сначала онъ надѣялся, что голосъ его, на время заглушенный партіями, еще можетъ быть услышанъ, и потому старался посредствомъ печати разъяснить какую игралъ онъ роль во время кратковременнаго своего участія въ управленіи Франціей и во время командованія ея войсками. Но вскорѣ, угнетенный всякаго рода лишеніями и видя, что ни откуда не слышится открытаго, примаго отзыва, онъ рѣшился соединить свою судьбу съ судьбой націи, которая одна почала, какъ можетъ быть онъ полезенъ, и въ которой онъ нашелъ столь дорогія ему начала: «свободу, согласіе и порядокъ».

Въ Англіи настала для Дюмурье новая эпоха дѣятельности, не на конѣ и въ полѣ, а кабинетная, нѣвѣстная не многимъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительная и важная. Ужь Ледъ, адъютантъ и другъ его, замѣтилъ, что объ этомъ періодѣ жизни Дюмурье судить весьма трудно за неимѣніемъ матеріаловъ, и позаботился объ изданіи его корреспонденціи и проектовъ. Обладая неизданными, мнѣ кажется, замѣчательными матеріалами относительно этой, далеко не вполне извѣстной, поры жизни Дюмурье, полагаю необходимымъ вкратцѣ напомнить нѣкоторые факты, относящіеся къ его дѣятельности во время французской революціи и до нея, съ цѣлію указать, какимъ путемъ успѣвъ онъ дойдти до взглядовъ, высказанныхъ въ нѣмѣющихся у меня письмахъ его, и какъ досталась ему та скромная, но не лишняя значенія роль, которую игралъ онъ въ Англіи. Кроме того, такъ какъ сообщаемыя мною въ первый разъ свѣдѣнія относятся къ той порѣ его жизни, когда онъ былъ въ открытой враждѣ съ правительствомъ своей родины, то, мнѣ кажется, будетъ не лишнимъ для его оправданія коснуться обстоятельствъ предшествовавшей жизни его и познакомиться съ тѣмъ, чему посвятилъ онъ ея остатки.

Содѣнное воспитаніе, полученное Дюмурье въ дѣтствѣ давало ему большой перевѣсъ надъ его товарищами по военной службѣ, въ которую поступилъ онъ случайно, во время Семилѣтней войны, хотя первоначально готовился къ гражданскому поприщу, и для этой цѣли изучилъ основательно француз-

скую администрацію. Въ походѣ, его сопровождала маленькая библиотека, со стоявшая изъ *Ольмова* Монтаня, Библии, Горация, Монтекукули, *Комментаріевъ* Цезаря. При чтеніи этихъ книгъ, ему способствовало раннее, основательное знакомство съ языками англійскимъ, нѣмецкимъ, италіанскимъ, испанскимъ, латинскимъ, и охота къ труду, привитая ему іезуитами. Не стану разказывать о блестящей храбрости молодого Дюмурье; упомяну только, что знакомство съ походами Фридриха II и топографіей Германіи, приобретенное въ молодые годы, оказалось ему въ послѣдствіи весьма полезнымъ. Выйдя въ отставку, Дюмурье, угнетенный раздражительнымъ отцомъ своимъ и чувствуя необходимость устроить себѣ независимое положеніе въ свѣтѣ, отправился въ Италію. Неспрошенный о томъ, отецъ беретъ *lettre de cachet* и спѣшитъ смирить сына. Тутъ слѣдуетъ упомянуть о лицѣ, весьма важномъ въ судьбѣ Дюмурье, Шуазель, заступившемся за него. Странствованіе пѣшкомъ по Франціи повело молодого Дюмурье къ ближайшему знакомству съ родиною, а участіе въ войнѣ Генуезцевъ съ Корсиканцами поставило его въ самое близкое отношеніе къ одному изъ величайшихъ министровъ Франціи. За дѣятельность въ Италіи слѣдовала поѣздка въ Испанію. Тутъ онъ рѣшился привести въ исполненіе намѣреніе, задуманное имъ по поводу не разрѣшенныхъ вопросовъ относительно войны 1762 г. между Испаніей и Португаліей, и посѣтить послѣднюю страну. Песлѣ годичнаго въ ней странствованія, онъ составилъ о ней замѣчательное сочиненіе подъ заглавіемъ *Опытъ о Португаліи*, въ которомъ съ рѣдкою основательностію разсмотрѣлъ ее съ географической, статистической и военной стороны. Кромѣ того, онъ представилъ своему покровителю, герцогу д'Оссуня, записку подъ заглавіемъ: *Système d'attaque et de défense du Portugal*. Въ это-то время получилъ онъ письмо отъ герцога Шуазеля, который вспомнилъ о немъ по случаю открывшейся возможности завоевать Корсику, и поручилъ ему довольно значительный постъ въ назначенномъ для этой цѣли войскѣ. Въ двухлѣтней войнѣ съ Корсиканцами Дюмурье игралъ не маловажную роль и много содѣйствовалъ успѣхамъ французскаго оружія. Волѣдъ за тѣмъ, въ 1770 году, Шуазель потребовалъ его къ себѣ и объявилъ, что намѣренъ послать его въ Польшу, которая въ то время готовилась вступить въ опасный бой съ своими противниками. Въ Барѣ были тайные агенты Шуазеля, которые сообщали ему, что Польша готова содѣйствовать значи-

тельную конфедерацію и просить только покровительства Франціи. Сообщаяъ обо всемъ Дюмурье, герцогъ изъявилъ желаніе, чтобъ онъ на мѣствѣ удостовѣрился, чего можно ожидать отъ Поляковъ. Въ отвѣтъ на это, Дюмурье изъявилъ искреннее желаніе, чтобы на него было возложено это порученіе, но прибавилъ, что не имѣетъ никакого понятія объ исторіи, географіи, учрежденіяхъ, интересахъ этой страны, и потому просить, чтобы ему дали три мѣсяца для собранія свидѣній о Польшѣ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Герцогъ согласился и открылъ ему доступъ къ польскимъ дѣламъ въ архивѣ. Дюмурье приобрѣлъ себѣ всевозможныя сочиненія о Польшѣ, вошелъ въ сношенія съ графомъ Броули, который бывалъ посланникомъ въ этой странѣ, съ известнымъ Мабли, составившимъ, по примѣру Руссо, планъ конституціи для нея, и ежедневно посвящалъ работѣ шесть часовъ. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ, Дюмурье представилъ герцогу краткую записку, въ которой развилъ ту идею, что слѣдуетъ стремиться къ соединенію различныхъ конфедерацій въ одну, установить связь между дѣйствіями Турокъ и Поляковъ, и уговорить послѣднихъ принять европейскій образъ веденія войны. Герцогу понравились эти мысли, онъ уполномочилъ Дюмурье поступать сообразно съ обстоятельствами и общалъ ассигновать ему суммы, которыхъ онъ потребуетъ. Нѣсколько дней спустя послѣ этого свиданія, пріѣхалъ въ Парижъ польскій посолъ, графъ Виельгорскій, умный и свѣдущій патріотъ. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ одобрилъ взглядъ Дюмурье. Передъ самымъ отъѣздомъ послѣдняго въ Польшу, герцогъ довѣрилъ ему все свои планы, которые, по громадности, могли сравниться развѣ съ замыслами католиковъ передъ Тридцатилѣтнею войною. (Извѣстно, что въ то время католики надѣялись завоевать Россію при помощи Польшы, проложить себѣ дорогу въ Швецію и оттуда сдѣлать высадку въ Англію. Сдѣлавшись министромъ въ самое невыгодное время, Шуазель въ 1761 году принужденъ былъ заключить неравный и постыдный миръ. Въ теченіи девяти лѣтъ успѣвъ упрочить свою власть, онъ сталъ помышлять объ усиленіи флота и поручилъ одному изъ весьма-дѣльныхъ офицеровъ, де-Ларозьеру, составить проектъ высадки въ Англію. Въ то же время онъ хотѣлъ, диверсіею въ Польшѣ и въ Турціи, занять Россію и поднять противъ нея врага въ Швецію, въ которой уже готовился переворотъ, совершившійся тамъ въ 1772 году. Сообразивъ быстро все обстоятельства, Дюмурье

начертать для Польши планъ военныхъ операцій. Такъ какъ большая часть русской арміи была въ Молдавіи, Ливоніи и Азовѣ, Дюмурье надѣялся, соединивъ при слияніи Сана и Вислы корпусъ подъ командой Огинскаго, направить его черезъ Смоленскъ въ Москву. Перенеся такимъ образомъ войну въ предѣлы Россіи, онъ наиревался развлечь русскія силы, и, заставивъ нерегулярное войско Огинскаго содержать себя въ Россіи, сократить расходы. Въ самой Польшѣ онъ надѣялся дѣйствовать при помощи регулярнаго войска, которое предполагалъ тамъ создать. Русскому генералу Веймарну предстояло держать Варшаву и охранять военные запасы, находившіеся въ Подоліи. Овадѣвъ Замостьемъ, Дюмурье поставилъ бы русскаго генерала въ несприятную необходимость или идти въ Подолію, или держаться въ Варшавѣ, но пожертвовать магазинами. Въ первомъ случаѣ, Дюмурье надѣялся лишить русскія арміи обоза, во второмъ—составить одну общую конфедерацію. Неудачу во всемъ этомъ Дюмурье приписываетъ совершившемуся тогда паденію великаго Шаузеля и необходимому разногласію Поляковъ. Герцогъ д'Эгильонъ не оказывалъ Дюмурье такого же довѣрія, какъ герцогъ Шаузелъ, и назначилъ на его мѣсто другаго агента. На возвратномъ пути во Францію, Дюмурье не щадилъ ни труда, ни времени на изученіе въ военномъ отношеніи тѣхъ странъ, черезъ которыя перѣезжалъ. Такъ въ Богеміи онъ осматривалъ театръ войны Фридриха, пробылъ съ тою же цѣлію въ Саксоніи и вернулся во Францію не ранѣе января 1779 года. Американская война, въ которой Франція явно сочувствовала Соединеннымъ Штатамъ, заставляла домышлять объ украденіи береговъ Франціи. Посланный съ этою цѣлію въ Нормандію, Дюмурье представилъ планъ защиты этой провинціи. Занятія по этому поводу не мѣшали ему слѣдить за тѣмъ, что происходило въ Америкѣ, и извѣстно, что въ запискѣ, которую составилъ онъ о войнѣ американской, имъ была предсказана заранее капитуляція Бургойна. Но изъ дѣйствій Дюмурье, относящихся къ этому времени, всего замѣчательнѣе закладка военного порта въ Шербургѣ¹. Напо-

¹ Даже враги Дюмурье слѣдующимъ образомъ отзываются о заслугахъ его по сооружеію шербургскаго порта: «Parmi tant d'ingénieurs et d'officiers qui ont incessamment été occupés à ce beau monument, on ne peut nier que Dumasier ne soit celui qui a le plus efficacement concouru ... *Biographie Universelle* p. 156.

леонъ развилъ лишь мысль его и увеличилъ укрѣпленія; послѣдующія правленія расширили ихъ еще болѣе. Изъ Шербурга Домурье ѣздилъ осматривать берега Англии, все помышляя о высадкѣ.

Остановившись нѣсколько подробно на нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ Домурье до французской революціи, я имѣлъ въ виду указать, какъ онъ заранее знакомился съ театромъ послѣдующихъ войнъ и событій. Знакомство съ Испаніей и Португаліей дало ему въ послѣдствіи возможность служить совѣтами Веллингтону, Польша познакомила его съ Россіей, для которой въ послѣдствіи составлялъ онъ планы; американская война сблизила его съ Новымъ Свѣтомъ, событія котораго такъ занимали его въ изгнаніи, наконецъ пребываніе въ Шербургѣ ставило его лицомъ къ лицу съ Англіей, которую вскорѣ пришлось не укрощать высадками, а защищать укрѣпленіемъ береговъ ея. Наконецъ отношенія къ Шуазелю, конечно, не остались безъ вліянія на составившіеся имъ потомъ планы коалиціи, а короткое знакомство почти со всѣми частями Европы дало ему въ послѣдствіи возможность такъ основательно слѣдить изъ Англии за всѣмъ, что происходило на материкѣ. Когда настала французская революція, Домурье, конечно, долженъ былъ принять и въ ней участіе. Постараюсь объяснить, какого рода было это участіе, такъ какъ, не уяснивъ его стремленій въ эту эпоху, трудно опредѣлить, на сколько при послѣдующихъ дѣйствіяхъ, въ бытность его въ Англии, имъ двигали не страсти, а искреннее увлеченіе пламенной души его (*son âme ardente*, по собственному выраженію его).

Свои убѣжденія относительно французской революціи онъ выработалъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Мирабо. Главная сущность ихъ заключалась въ томъ, что «національное собраніе», объявивъ войну истиннымъ недостаткамъ, оказывало истинную пользу Франціи, что затѣмъ на первый планъ выдвинулись партіи, склонившія народъ и короля (*je n'envisage dans la révolution que le roi et la nation entière*¹, говорилъ онъ королевъ), что Франція должна остаться монархіей, но принять конституцію.

Сравнивая жизнь Мирабо и жизнь Домурье, не можемъ не

¹ Мемуары Домурье, стр. 437.

удивляться сходству ихъ участи. У обоихъ умные, извѣстные какъ писатели, отцы дѣлаются деспотами сыновей; оба до старости не разучились увлекаться женскою красотой и женскимъ умомъ; оба знали жизнь, понимали недостатки стараго времени, но были знакомы и съ хорошими сторонами его, поэтому требовали прогресса, а не водворенія прежняго деспотизма подъ другимъ именемъ. Робеспьеръ зналъ до революціи одно горе, онъ собственно не жидъ, и потому всѣ сильные міра сего являлись ему какими-то извергами, которыхъ ему хотѣлось замѣнить какими-то ангелами. Мирабо, аристократъ по таланту и происхожденію, Дюмурье—по свѣдѣніямъ и карьерѣ, конечно не могли держаться системы нивелизаціи. Прежнія предпріятія, не всегда удававшіяся сразу, научили Дюмурье вѣровать смѣло, почти дерзко въ успѣхъ. Для Мирабо достаточно было взглянуть на тѣхъ, про которыхъ такъ хорошо сказалъ Мишеле: *cela n'étaient pas des hommes, c'étaient des ombres*, чтобы ни на минуту не остановиться передъ выполненіемъ задуманной идеи.

Впрочемъ все, что мы сказали о Дюмурье, даетъ еще весьма слабое понятіе о его личности, и для того чтобы понять дѣйствія этого великаго человѣка, слѣдуетъ подробнѣе определить начала, которыя двигали имъ въ то время.

О французской революціи писано такъ много, что въ главныхъ чертахъ характеръ ея можно считать окончательно обрисованнымъ. Едва ли не послѣднее слово сказали о ней и самые строгіе приверженцы старины, и доктринеры, и умѣренные республиканцы, и даже социалисты. Но особенно интересно изображеніе этого событія у Мишеле. Живыя, точныя характеристики лицъ, изобилующія въ его книгѣ, не заслоняютъ собою главнаго дѣятеля, народъ, частности, не подавляютъ главнаго начала.

«Революція», говоритъ онъ, «въ первый день, полная довѣрія, пригласила весь міръ къ любви и миру... Враги мои, говорила она,—нѣтъ болѣе враговъ!.. Она протянула руку всѣмъ, предложила всѣмъ чашу, чтобы всѣ пили за миръ народовъ... Но не всѣ захотѣли. И что же? Даже въ ту минуту, когда пришли враги, чтобы нанести ей ударъ, мечъ, который вынула изъ ноженъ Франція, былъ мечъ мира.

«Революція была въ началѣ не что другое, какъ торжество права, восстановление правосудія, запоздалая реакція идей про-

тивъ дикой силы, и потому могла ли она, сама на то не вызванная, призывать къ насилію?

«Страстныя усилія, къ которымъ принуждена была Франція прибѣгнуть, чтобы не погибнуть въ борьбѣ съ заговорщиками и ослѣпленными, забывчивыми поклоненіемъ,—были приняты за самую революцію. Изъ этого смѣшенія понатій возникло существенное, глубокое зло, которое трудно выдѣлать въ нашемъ народѣ: обожаніе силы...

«Сила сопротивленія, отчаянное усиліе защитить единство, 93 годъ...

«Они содрогаются и падаютъ на колѣни. Сила нападенія и победы, 1800 г., переходъ черезъ Альпы, молнія Аустерлица... Они пали ницъ и стали боготворить.

«Скажу ли? Въ 1815 году, слишкомъ легко поддавшіеся увлеченію силой, принявшіе успѣхъ за судъ Божій, они въ тайникахъ сердца, подъ досадою и горемъ, скрывали гнѣсные аргументы для оправданія врага. Многіе тайкомъ говорили: онъ силенъ и потому правъ. Итакъ два несчастія, величайшія, которыя только могутъ постигнуть народъ, разомъ выпали на долю Франціи. Она утратила память о томъ, что ей завѣщано, она позабыла самое себя. И ежедневно все неопредѣленнѣе, все блѣднѣе, все неудовимѣе является предъ нею сомнительный образъ права.. Должно сознаться, революція начала съ того, что полюбила даже своихъ враговъ: Англію, церковь, власть королевскую, которую она долго надбѣялась спасти.»¹

Мишеле, для составленія этой характеристики духа французской революціи въ самомъ ея началѣ, руководствовался, кромѣ письменныхъ памятниковъ, разказами очевидцевъ, между которыми первыя мѣста занимаютъ его отецъ, Беранже и Ламенне. Если черезъ полвѣка историкъ, спокойно собиравшему свѣдѣнія, надо было обладать замѣчательнымъ умомъ, чтобы выискать среди груды фактовъ эту, какъ онъ выражается, «универсальную симпатію» французской революціи, то какъ же великъ былъ Мирабо, въ перепискѣ котораго съ графомъ Ла-Маркомъ мы въ первый разъ встрѣчаемъ эту вѣрную оцѣнку событій 1789 и 1790 годовъ. Стремясь удовлетворить всѣмъ пробудившимся благороднымъ стремленіямъ народа, помирить его съ королемъ и не дать укорениться анархіи, всесилію партій, Мирабо, конечно, обнару-

¹ Мишеле, *Histoire de la Révolution*, т. I, р. 3 и слѣд. by Google

жилъ великій государственный умъ. За нимъ, то же стремленіе мы встрѣчаемъ у Дюмуре, который тѣмъ болѣе долженъ оставить на себѣ наше вниманіе, что, послѣ неудачи своего снѣлаго замысла, онъ до самой смерти не переставалъ противодѣйствовать тому поклоненію силѣ, о которомъ говоритъ Мишеле. Прибѣгну къ словамъ этого же историка, чтобъ изобразить Дюмуре при самомъ появленіи его на поприщѣ политической дѣятельности во время французской революціи. Тутъ въ каждомъ его движеніи виденъ человекъ, вѣрно сознавшій свою роль,—роль министра,—и вселяющій страхъ и опасенія въ рядахъ партій одною своею личностію, свободною отъ всякой задней мысли. И король, и королева, и жирондисты, и феяны, и якобинцы поняли, что Дюмуре потребовалъ бы отъ всѣхъ пожертвованія частичкой тщеславія и упрямства, вреднаго общему дѣлу и народу.

«23 марта 1792 г., пишетъ Мишеле, представилъ Бриссо министра иностранныхъ дѣлъ, Дюмуре. Дюмуре удивилъ всѣхъ, объявивъ, что твердо вѣрить въ намѣреніе короля поддержать конституцію.

«То былъ человекъ небольшого роста, пятидесяти шести лѣтъ, но бодрый, живой, веселый, нервный. Голова его, носившая на себѣ отпечатокъ ума и живости характера, и огненные глаза свидѣтельствовали о его происхожденіи изъ Прованса; лицо его хранило на себѣ признаки ранъ и свидѣтельствовало о его воинской жизни... Ни у кого не было болѣе ума, разнообразнѣйшихъ свѣдѣній, тѣмъ у Дюмуре...»

«Настоящій Дюмуре, придворный человекъ и демагогъ, ищущій расположенія и короля и народа, обнаружился на другой же день. Онъ далъ почувствовать королю, что слѣдовало похвалить якобинцамъ, привлечь ихъ на свою сторону во что бы то ни стало, и не задумавшись немедленно отправиться въ ихъ клубъ. Тутъ онъ надѣлъ ихъ красную шапку, не торговался, понимая, съ какимъ могучимъ самолюбіемъ имѣетъ дѣло, требовалъ ихъ совѣта, просилъ, чтобъ они не щадили его, не обращали вниманія на его званіе министра и высказали бы ему всю истину...»¹

Разказавъ далѣе, какъ, льстя якобинцамъ, Дюмуре успѣлъ нанести тяжелый ударъ Робеспьеру, какъ потомъ послѣдній,

¹ Мишеле, Histoire de la Révolution, т. III, стр. 391 и слѣд.

разоблаченный Бриссо и Гаде, явился въ новомъ свѣтѣ, врагомъ и философіи XVIII вѣка, и вѣрныхъ инстинктовъ народа, Мишеле переходитъ къ объявленію иностранными державами войны Франціи, къ намѣренію Дюмурье, возбудивъ въ Бельгіи революцію, воспользоваться ею для своихъ цѣлей, и продолжаетъ: «Якобинцы, запуганные сильною арміею Лафайета, въ комъ бы стали они искать якорь спасенія, какъ не въ ловкомъ, смѣломъ министрѣ, который не гнушался ихъ красною шапкой? Фельяны, якобинцы, народъ, король, уравниваемыя другъ другомъ, находились дѣйствительно въ рукахъ Дюмурье. Планъ былъ составленъ отлично. Облеченный властью отъ жироны, взявшей перевѣсъ надъ королемъ, Дюмурье употребилъ бы власть свою противъ нея и якобинцевъ, въ пользу короля и фельяновъ,—впрочемъ не съ цѣлію уничтожить якобинцевъ фельянами, а съ цѣлію править всѣми партіями.»

Впрочемъ, Дюмурье, къ чести своей, не оказался способнымъ на такое дѣло, какъ *coup d'état* 2-го декабря. Во всякомъ случаѣ, Дюмурье обладалъ тѣмъ здравымъ смысломъ и тою простотою (*cette bonhomie*), которая, какъ вѣрно замѣчаетъ Мишеле, такъ необходима для того чтобы понять инстинкты народа. Припомнимъ, что Дюмурье первый изъ министровъ надѣлъ красную шапку, что его устами Франція объявила врагу войну, за которою видѣлся общій миръ, и мы поймемъ, что онъ держалъ въ рукахъ народное знамя, что, менѣе гнушаясь интригами и насиліемъ, онъ могъ бы разбить партіи ихъ же оружіемъ. Разказъ Мишеле о тщетныхъ усиліяхъ Дюмурье склонить короля и королеву на необходимыя уступки, о стараніяхъ его помирить партіи, о связяхъ его съ единственнымъ могучимъ народнымъ трибуномъ, Дантономъ, полонъ интереса. Готовность Дюмурье дать всѣмъ возможность принять участіе въ исполненіи задуманнаго имъ плана послужила причиной его неудачи. При всемъ томъ, эта готовность свидѣтельствуетъ о чистотѣ его намѣреній. Пускай у Мишеле же прочтутъ о первыхъ войнахъ революціи, въ которыхъ Дюмурье научилъ Французовъ побѣждать враговъ, и обратятъ вниманіе на свидѣтельство служившаго подъ его начальствомъ Лудовика-Филиппа, что онъ одинъ могъ тогда доставить французской арміи побѣду. Бѣгство Дюмурье, его странствованія, отчасти пѣшкомъ, по Германіи, Швейцаріи, Бельгіи, Италіи, безъ средствъ, въ странахъ государай, желав-

шихъ его гибели,—все это вело его къ ближайшему знакомству съ этими странами и съ состояніемъ дѣлъ въ Европѣ. Долго бы пришлось ему подвергаться всевозможнымъ лишениямъ и влечь тягостную жизнь, еслибы не явился другъ, который облегчилъ его участь. Я говорю о курфирствѣ гессенъ-кассельскомъ. Между французскими эмигрантами, въ означенное время, были три разряда: 1) придворные 2), аристократы и, наконецъ, 3) люди монархическаго образа мыслей, но судившіе безпристрастно. Последніе, и въ числѣ ихъ Дюмурье, возставали съ одной стороны противъ терроризма конвента, съ другой выставляли при всякомъ случаѣ ошибки придворныхъ Лудовика XVIII. Когда начиналась слава Наполеона, Дюмурье предсказалъ въ немъ будущаго завоевателя. Вообще, въ своихъ обзорѣняхъ положенія дѣлъ въ Европѣ, онъ обыкновенно съ поразительною точностію заранѣе предугадывалъ чтò случалось. Его безпокоила страсть Наполеона къ завоеваніямъ, и изъ любви къ отечеству, не менѣе чѣмъ изъ уваженія къ независимости другихъ странъ, гдѣ стало чувствоваться вѣяніе новаго времени, онъ желалъ положить преграды побѣдамъ Наполеона, изъявляя готовность лично содѣйствовать тому. Случай скоро представился. Эрцгерцогъ Карлъ адресовался къ Дюмурье за совѣтами относительно предстоявшей войны съ Наполеономъ, и Дюмурье составилъ планъ кампаніи, который былъ одобренъ эрцгерцогомъ. Вслѣдъ затѣмъ Англія, опасаясь высадки, пригласила Дюмурье къ себѣ, и министры поручили ему укрѣпить берега Великобританіи. Въ 1805 году, Дюмурье, жившій съ 1803 года въ Англіи, отправился въ главную квартиру австрійскаго императора; къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ прибыть до несчастной аустерлицкой битвы. Послѣ того, онъ задумалъ соединить всѣ сѣверныя державы противъ Наполеона, и для этой цѣли отправился въ Швецію. Онъ не успѣлъ въ своемъ намѣреніи, но не отчаивался въ гибели Наполеона. Когда въ 1806 году Наполеонъ, вступая въ бой съ Россіей, не задумался оставить въ тылу своемъ враждебную ему Германію, Дюмурье снова сталъ заботиться о союзѣ, и совѣтовалъ возбудить въ тылу французской арміи возстаніе Нѣмцевъ *словомъ, поступить такъ, какъ было поступлено* въ 1807 году. Дюмурье издалъ даже въ 1807 году сочиненіе *Jugement sur Bonaparte, adressé par un militaire à la nation française et à l'Europe*. По заключеніи мира въ Тильзитѣ, Дюмурье обратилъ свое вниманіе въ другую сторону,

на югъ, который былъ ему еще болѣе извѣстенъ чѣмъ сѣверъ. Онъ написалъ: *Campagnes du maréchal de Schomberg en Portugal depuis 1662 jusqu'à 1668*, которыми пользовался для своего похода Веллингтонъ, безпрестанно обращавшійся съ письмами къ Дюмурье за совѣтами. Наконецъ, настала война 1812 года. Дюмурье слѣдилъ за нею съ напряженнымъ вниманіемъ, но до сихъ поръ не было извѣстно, какъ онъ мыслить и дѣйствовать въ это время. Сообщаемыя въ приложеніи письма его въ этомъ отношеніи представляютъ, какъ мнѣ кажется, весьма много интереснаго. Дюмурье, несмотря на преувеличенные слухи о бородинской побѣдѣ Наполеона, предугадалъ, что Кутузовъ не лишитъ государства всѣхъ средствъ обороны, что, если будетъ надо, Русскіе пожертвуютъ Москвою, но что дѣло тѣмъ не кончится. Кромѣ того, онъ, какъ и было поступлено, совѣтовалъ прибѣгнуть къ партизанской войнѣ, и начертилъ для Витгенштейна и Чичагова планъ дѣйствій, совершенно согласный съ тѣми планами, которые были сообщены этимъ генераламъ изъ Петербурга. Мысль о диверсіи Витгенштейна и Чичагова была у Барклая, была и у другихъ, а потому обращаю вниманіе читателей только на тожество частныхъ въ планѣ Дюмурье съ частностями плановъ, сообщенныхъ въ первый разъ г Богдановичемъ. Однако эти послѣдніе не могли быть составлены на основаніи письма Дюмурье, такъ какъ оно писано въ Лондонѣ 6 октября; планы же Кутузову, Витгенштейну, Чичагову—въ концѣ сентября, а малая война во всѣхъ трехъ корпусахъ началась въ первыхъ числахъ октября, то-есть еще до полученія отъ Дюмурье совѣта разчитывать всего болѣе на такую войну. По замѣчанію извѣстнаго Клаузевица, въ началѣ похода 12 года «идея Фуля тѣмъ болѣе нравилась царю, что напоминала походъ Веллингтона 1811 г. въ Португалію.» Итакъ на первую половину похода, хотя и неудачную, но, какъ увидимъ ниже, не оставшуюся безъ послѣдствій для второй, идея Дюмурье, которая, какъ обнаружится ниже, руководила отчасти Веллингтономъ въ португальскомъ походѣ, осталась не безъ вліянія. Но этимъ и ограничилось отношеніе идей Дюмурье къ походу 12 года, и первыя письма его остались безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, въ чемъ убѣждаетъ насъ и то, что самъ онъ въ третьемъ письмѣ говорить, что первыя два письма, заключающія въ себѣ планы войны, не могли оказать никакого вліянія на ходъ ея. Итакъ въ одно и то же время различными людьми въ Лондонѣ и С.-Петербургѣ начерчивалась

планъ войны, планъ, достоинство котораго признало третье лицо въ окрестностяхъ Москвы — Кутузовъ. Не служить ли это лучшимъ доказательствомъ тому, что причиной неудачъ Наполеона въ 12 году были не случайныя обстоятельства, а умно-зadуманный Русскими и приведенный въ исполненіе планъ военныхъ дѣйствій, и не удостовѣряетъ ли это каждого, что, когда приспѣетъ время совершиться чему-либо великому, обыкновенно въ разныхъ головахъ, и часто въ разныхъ мѣстахъ, зрѣетъ мысль о томъ, какимъ путемъ должно оно совершиться? Не то же ли было и съ великими открытіями? Кому неизвѣстно, какъ одновременно, въ разныхъ мѣстахъ и разными людьми, изобрѣтались книгопечатаніе, громовой отводъ и т. д.? О походѣ 1812 г. писано такъ много, что, казалось бы, пора считать его окончательно объясненнымъ; на дѣлѣ же оказывается совсѣмъ не то. Причина этому отчасти заключается въ томъ обстоятельстве, что историки часто налегаютъ на рѣшеніе какого-либо вопроса, иногда не имѣющаго особаго значенія. Такъ между прочимъ, г. Богдановичъ обращаетъ особенное вниманіе на изреченіе Барклая въ 1807 г.: «Еслибы меня назначили главнокомандующимъ русской арміи, я бы заставилъ Наполеона погулять по Россіи», и на основаніи этихъ словъ выводитъ весьма выгодное заключеніе о его стремленіяхъ въ началѣ похода 12 года. Странно, что при этомъ онъ забылъ идею Шарнгорстаи въ особенности посольство Кнезебека въ Россію въ 1811 году, о которомъ говоритъ Дройзенъ на 320 и слѣдующихъ страницахъ своей книги *Das Leben des Feldmarschalls Grafen York*. Тутъ, не невзначай брошенная замѣтка, а зрѣлая идея отступленія, основанная на двухъ союзникахъ—«времени и мѣстѣ»; для сообщенія этой идеи пріѣхалъ отъ прусскаго короля прусскій дипломатъ передъ самымъ началомъ похода. Притомъ, какъ упомянуто выше, и у Дюмурье была еще въ 1806 году идея обойти армію Наполеона съ тыла, къ чему стремились въ 1812 г. Но вообще въ войнахъ подобныя мысли являются не одному лицу, а часто многимъ, и отъ нихъ еще далеко до успешныхъ дѣйствій. Вѣрно замѣчаетъ Клаузевицъ по поводу отступленія русской арміи, послѣ занятія Французами Москвы, на калужскую дорогу: «Эта мысль, о которой въ послѣдствіи такъ много толковали, не появилась мгновенно въ головѣ полководца, или какого-либо совѣтника, какъ Минерва въ головѣ Зевса. Вообще, я всегда былъ убѣжденъ, что главныя идеи въ войнахъ обыкновенно

новенно такъ ясны и общепонятны, что ихъ открытіе еще не свидѣтельствуесть непременно о талантѣ полководца. Выбирать же изъ пяти или шести являющихся идей ту, за которой всего болѣе гарантій успѣха—это можетъ лишь рѣдкій умъ, который ясно обозрѣваетъ и устраняетъ рядъ неясно представляющихся отношеній, и въ мгновеніе, какимъ-то тактомъ, объявляетъ себя въ пользу того, что вѣрно. Тутъ пожалуй виденъ талантъ полководца, но это не совсѣмъ то же самое, что открытіе идей. Главное же, побѣдить пренятствія, приводя планъ въ исполненіе» и т. д. ¹ Дѣло другаго рода сообщаемый нами детализованный планъ Дюмурье: и не принятый, онъ свидѣтельствуесть о рѣдкомъ умѣ этого полководца. Выше, я назвалъ Клаузевица. Къ книгѣ его какъ нельзя болѣе примѣнно изреченіе: «habent sua fata libelli.» О немъ мало упоминають говоря о двѣнадцатомъ годѣ, тогда какъ едва ли кто-либо лучше его изобразилъ, въ главныхъ чертахъ, ходъ отечественной войны. Состоявъ сначала при Фулѣ, потомъ находясь въ нашей главной арміи до отступленія ея за Москву, затѣмъ прикомандированный къ Витгенштейну, Клаузевицъ лучше другихъ могъ судить о развитіи военныхъ дѣйствій въ различные моменты похода уже и потому, что обладалъ замѣчательными познаніями. При этомъ, онъ не имѣлъ привычки, подобно Бернгарди, приписывать всю честь похода одному ², винить другаго за то, что тотъ не совершилъ невозможнаго и т. д. ³, такъ что матеріалъ для исторіи 12-го года, правда, увеличился послѣ Клаузевица, но дѣло не уяснилось болѣе прежняго. Кромѣ того, Клаузевицъ проводитъ замѣчательную мысль въ своемъ сочиненіи. Передаемъ ее его же словами: «Мы видѣли, что первоначальная идея похода заключалась въ томъ, чтобъ отступить съ центромъ и дѣйствовать на фланги. Теперь (при занатіи Наполеономъ Москвы) случилось само собой, что центръ французской арміи былъ далеко въ Москвѣ, а фланги находились почти на границѣ. Естественно,

¹ Clausewitz, *Feldzug v. 1812*, 13, 14, стр. 177.

² И послѣ мемуаровъ Толя, изд. Бернгарди, мнѣніе Клаузевица о первомъ сохранило всю свою силу.

³ Мнѣніе Клаузевица на стр. 180 и 185 о Кутузовѣ строго, но справедливо. О преслѣдованіи Наполеона, онъ говоритъ на стр. 203: «Nie hat eine Verfolgung im Grossen mit solcher Thätigkeit und Anstrengung der Kräfte stattgefunden wie in diesem Feldzuge.» (Никогда преслѣдованіе въ большихъ размѣрахъ не было ведено съ большею энергіей, чѣмъ въ этомъ походѣ.) Дюмурье былъ того же мнѣнія.

но не менѣе того достойно похвалы, что государь рѣшился теперь возвратиться къ своей первоначальной идеѣ и привести ее въ исполненіе въ большихъ размѣрахъ ¹.» Эти мысли намъ кажутся вѣрными, и нѣтъ сомнѣнія, что если ужь придавать великое значеніе фразѣ когда-то невзначай сказанной Барклаемъ, то и Фуля, столь осмѣяннаго, слѣдуетъ считать менѣе незначительнымъ чѣмъ изобразили его въ послѣдствіи. Планъ Дюмурье, въ 1807 г., идеи Шарнгорста, Кнезебека, Фуля, въ началѣ кампаніи двѣнадцатаго года, планы, составленные въ С.-Петербургѣ, послѣ сдачи Смоленска, и планы Дюмурье, сообщаемые нами,—не доказываетъ ли все это, что самый образъ веденія войны Наполеономъ представлялъ многое, что рано или поздно должно было погубить его самого? «Минутная опасность,» говоритъ ниже Клаузевицъ, «всею болѣе управляетъ дѣйствіями людей, и потому кажется иногда самымъ отчаяннымъ средствомъ то, которое было единственнымъ путемъ спасенія, мѣрою величайшей осторожности. Умъ рѣдко укрѣпляетъ человѣка до этой степени, и прибѣгать къ подобнымъ средствамъ бываемъ мы способны лишь благодаря природной смѣлости характера. Въ этой же смѣлости у великаго завоевателя не было недостатка, такъ что, по склонности, онъ выбралъ бы планъ смѣлѣйшій даже въ тѣхъ случаяхъ, когда умъ не считалъ бы такого плана вѣрнѣйшимъ. Повторяемъ: все, чѣмъ былъ Наполеонъ, было слѣдствіемъ этой природной смѣлости, и лучшіе его походы навлекли бы на себя то же порицаніе, какъ и походъ 1812 года, еслибы не удался ².» Въ характерѣ Француза смѣлость, въ характерѣ Нѣмца обдуманное, слишкомъ ужь осторожное шествіе. Когда все брала смѣлость, Нѣмцы были смѣшны, но будемъ справедливы и сознаемся, что Нѣмцы первые, въ лицѣ Шарнгорста, Кнезебека, даже Фуля, заговорили о томъ, чтобы, воспользовавшись обширностію Россіи, растянуть силы врага и затѣмъ разбить ихъ. Но еще разъ, отъ этого далеко до успѣшныхъ дѣйствій, какъ доказалъ Фуль. Что за разница между имъ и Дюмурье! Походами во время революціи заявивъ свои военныя способности укрѣпленіемъ береговъ Англіи, и планами похода въ Испанію, войнъ 1812 и 1813 годовъ доказавъ, что и въ теоріи онъ не

¹ Клаузевицъ, стр. 186.

² Ibidem.

уступалъ Наполеону, онъ былъ какъ нельзя болѣе достойнымъ его соперникомъ.

Сообщаемыя мною далѣе письма (2, 3, 4) также свидѣтельствуютъ о замѣчательной способности Дюмурье предугадывать, на основаніи имѣющихся данныхъ, ходъ послѣдующихъ событій. Впрочемъ, и эти письма не могли имѣть вліянія ни на военныя дѣйствія, ни на отъѣздъ Александра въ Вильну. Два дня спустя послѣ того какъ Дюмурье въ Лондонѣ излагалъ въ письмѣ (10 дек. н. с.) планъ дѣйствій для русскихъ армій по выходѣ Наполеона изъ Москвы, Кутузовъ донесеніемъ отъ 1 декабря стараго стиля извѣщалъ Александра о согласныхъ съ мнѣніемъ его мѣрахъ для преслѣдованія Французовъ, и, по странному случаю, въ тотъ самый день (18 дек.) какъ Дюмурье изъявлялъ изъ Лондона желаніе, чтобъ Александръ ѣхалъ въ Вильну, императоръ сѣдился въ свой дорожный экипажъ и отправлялся туда. Народную войну въ Германіи Дюмурье предвидѣлъ въ 1812 году. Разчитывая слишкомъ много на нее и не зная какъ неблестяще было положеніе нашихъ войскъ и какъ вяло намѣревался дѣйствовать Бернадотъ, Дюмурье составилъ планъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій, также сообщаемыхъ въ приложеніи. Планъ этотъ, и не приведенный въ исполненіе, не остался, какъ мнѣ кажется, безъ нѣкотораго значенія; онъ заключалъ въ себѣ столько вѣрныхъ замѣчаній, что не могъ не быть принимаемъ къ соображенію, чего именно и желалъ Дюмурье. Такъ, въ одномъ изъ сообщаемыхъ Бернгарди плановъ ¹, Толь, согласно мнѣнію Дюмурье, совѣтуетъ не пропускать случая къ нарушенію перемирія, разчитывать на партизанскую войну. Въ послѣдствіи, назначенный состоять при Шварценбергѣ, онъ и этого генерала побуждалъ къ партизанской войнѣ. Занятіемъ Тюрингскаго лѣса Дюмурье хотѣлъ отстранить Наполеона отъ Эльбы и дать потомъ возможность союзнымъ войскамъ укрѣпиться по Везеру. «Par la direction annoncée des partisans on verra que la ligne ennemie de Dresde sera non seulement menacée, mais entièrement coupée», писалъ согласно съ этимъ Толь, конечно не думая еще объ отгѣсненіи Наполеона за Везеръ, ибо съ тѣхъ поръ, какъ былъ написанъ планъ Дюмурье

¹ Bernhardi, B. III. Beilage 1.

обстоятельства успѣли принять невыгодный для союзныхъ державъ оборотъ. Наполеонъ въ послѣдствіи объявлялъ, что зналъ о намѣреніи враговъ обойти его и считалъ это неопаснымъ, такъ какъ 400-тысячное войско, за которымъ находятся укрѣпленные мѣста, обойти не такъ-то легко. Наполеонъ не могъ предположить, что мысль враговъ, высказанная Дюмурье, была чрезвычайно вѣрна до перемѣны обстоятельствъ, по случаю бездѣйствія союзныхъ войскъ. Впрочемъ не все писанное Дюмурье относительно войны 1813 года дошло до насъ и уже по тому одному трудно рѣшить опредѣлительно, на сколько онъ могъ имѣть вліянія на ходъ этой войны.

Не успѣвъ еще ознакомиться съ книгой Монгальера *Histoire de France, etc.*, не могу рѣшить на сколько заслуживаютъ вѣры доказательства этого писателя въ подтвержденіе мнѣнія, будто успѣхи союзныхъ войскъ въ 1814 году были отчасти слѣдствіемъ плановъ, сообщенныхъ Дюмурье. По свидѣтельству Ледьё, дѣйствія его въ 1814 г. ограничивались перепиской съ нѣсколькими генералами союзной арміи, которыхъ онъ просилъ щадить его родину и облегчать для ней ужасы похода.

По возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, Дюмурье предлагалъ Лудовику XVIII свои услуги, но онъ не были приняты. Въ бытность свою въ Англіи, императоръ Александръ посѣтилъ Дюмурье, долго бесѣдовалъ съ нимъ и внушилъ ему чувства преданности и уваженія. Мнѣ кажется, отличіе оказанное изгнаннику Александромъ уже свидѣтельствуешь о томъ, какъ онъ цѣнилъ сообщаемыя мною письма.

Въ заключеніе, считаю нелишнимъ передать мнѣнія о Дюмурье того лица, къ которому они были адресованы и которое лично знало его въ то время, когда онъ жилъ въ Лондонѣ.

Въ бумагахъ полковника Бока сохранился рапортъ графу Витгенштейну и нѣсколько краткихъ замѣтокъ о французскомъ генералѣ, которыя живо и безпристрастно рисуютъ послѣдняго въ борьбѣ съ Наполеономъ.

«Немедленно послѣ моего пріѣзда въ Лондонъ, пишетъ полковникъ Бокъ, посѣтилъ я генерала Дюмурье, дабы исполнить тотъ долгъ, который имѣетъ каждый начинающій воинъ передъ славнымъ, знаменитымъ полководцемъ.

«Сѣи отличной мужъ принялъ меня весьма ласково, видя

мое желаніе пріобрѣсть воинскія свѣдѣнія, равно какъ твердое намѣреніе скорѣе умереть нежели признать зависимость Россіи,—почтилъ меня своимъ довѣріемъ. Онъ поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вашему сіятельству свое высокопочитаніе, яко подпорѣ и защитнику угнетеннаго человѣчества, и вручить вамъ, сіятельнѣйшій графъ, прилагаемыя двѣ записки. Одна содержитъ принятый планъ предстоящей кампаніи въ Испаніи (ген. Дюмурье—членъ англійскаго военнаго совѣта и въ безпрестанной перепискѣ съ маркизомъ Веллингтономъ, отъ котораго показывалъ мнѣ болѣе ста собранныхъ писемъ). Другая записка содержитъ мнѣніе его въ разсужденіи предстоящей войны въ Германіи, мѣстоположеніе которой ему лично и совершенно извѣстно со времени Семилѣтней и французской революціонной войны.

«При прощаніи поручилъ онъ мнѣ сказать вашему сіятельству, но никому болѣе, слѣдующія его слова:

«Скажите герою моему Вятгенштейну, что онъ можетъ разчитывать на Веллингтона, который исполненъ пламеннаго желанія исправить свою прошлогоднюю ошибку: у послѣдняго есть средства и намѣреніе прогнать непріятеля, а за остальное я ручаюсь. Что касается до Германіи, ключи ея Гарцъ и Тюрингскій лѣсъ. Если Бонапартъ этими мѣстами завладѣетъ до вась, ему въ Германіи будетъ легко вести войну. Въ такомъ случаѣ укрѣпите всѣ военные пункты въ вашемъ тылу, между Вислою и Днѣпромъ, какъ-то: Маріенвердеръ, Маріенбургъ, Тильзитъ, Гродно, Брестъ, Могилевъ, въ особенности же Полоцкъ, Смоленскъ, Псковъ, Борисовъ. Не надо строить крѣпостей, такъ какъ у Французовъ не будетъ ни средствъ, ни времени заняться правильною осадой, но слѣдуетъ возвести полевыя укрѣпленія въ защиту противъ атаки, на подобіе ничтожныхъ турецкихъ укрѣпленій, которыми все же овладѣвали вы не безъ труда. Я былъ призванъ Англичанами въ то время, когда опасались высадки, и съ тѣхъ поръ руковожу ихъ военными дѣйствіями, но часто Англичане отступаютъ отъ моихъ совѣтовъ и возвращаются ко мнѣ за ними тогда только, когда не знаютъ какъ выпутаться изъ бѣды. Цѣлый годъ требую я экспедиціи въ Италію и другой въ Голландію; соглашаются, а ничего не дѣлаютъ. Итакъ скажите моему герою, что, съ цѣлію усилить дѣятельность Англии, предлагаю свои услуги вашему императору и готовъ быть военнымъ его агентомъ въ Лондонѣ. Какъ скоро онъ самъ гна

это уполномочить меня, мое вліяніе будетъ безусловно, тогда какъ теперь я могу имѣть лишь косвенное вліяніе. Кроме того, беру на себя обязанность ориентировать вашихъ министровъ, чтобъ они воспользовались средствами, которыя имѣють въ Лондонѣ: я знаю все, что дѣлается въ Англіи и всѣхъ дѣятелей. Не могу измѣнить Англіи, которая приняла меня довѣрчиво...»

Сообщаю эти слова съ одной стороны потому, что свѣдѣнія о жизни и дѣйствіяхъ Дюмурье въ это время какъ нельзя болѣе скудны, съ другой же потому, что они свидѣтельствуютъ, кто первый, полнѣе всѣхъ и быть-можетъ раньше всѣхъ, задумалъ народное движеніе совершившееся въ половину и все же низвергнувшее всю систему Наполеона. Борьба съ деспотизмомъ у себя и внѣ, съ деспотизмомъ, при которомъ невозможенъ миръ,—вотъ цѣль, къ которой стремился Дюмурье. Наполеонъ, подымая народы, самъ подпалъ непомерному честолюбію и изъ освободителя сталъ деспотомъ. Англія и Россія возстали на него и призвали народы сбросить съ себя чужеземное иго: они хотѣли возстановить, вмѣстѣ съ справедливостію, всеобщій миръ и оградить права всѣхъ и каждаго. Но и тутъ побѣдители остановились на подорогѣ и стали поддерживать то, чему прежде противились въ Наполеонѣ. Дюмурье, первый вооруженный распространитель идей революціи, привѣтствовалъ то же самое въ Наполеонѣ; потомъ, когда послѣдній забылъ идею, во имя которой слѣдовало дѣйствовать, Дюмурье сталъ его противникомъ. Мы увидимъ, что и Священный Союзъ найдетъ въ немъ врага, какъ скоро изъ союза государствъ, состоящихъ изъ народовъ и правительствъ, станетъ союзомъ однихъ правительствъ противъ народовъ. Прежде чѣмъ будетъ сообщенъ разказъ объ участіи Дюмурье въ попыткахъ Италіи, Испаніи и нѣкоторыхъ американскихъ государствъ сбросить съ себя иностранное иго, надо передать еще о немъ замѣтку, сохранившуюся въ бумагахъ полковника Бока:

«Дюмурье знаетъ всю Европу, какъ свою семью, и всѣ дворы, какъ собственный домъ; а мельчайшія подробности всѣхъ кампаній, какъ кампанію въ Шампани и битву при Жемапцѣ, гдѣ онъ лично командовалъ.

«Начинаю вѣрить счастью Бонапарта. Есть на свѣтѣ два человека, которые равны ему по талантамъ: Дюмурье и Моро. Оба его заклятые враги, но одинъ бездѣятеленъ по философіи

или апатіи, другой же, горя желаніемъ сразиться съ нимъ, видить руки свои связанными.»

Въ изгнаніи, Дюмурье писалъ и противъ дѣйствій республиканскаго правительства, и противъ короля Лудовика XVIII, который въ своихъ первыхъ прокламаціяхъ доказывалъ, что революція не научила его ничему. Кромѣ того, когда дворъ французскій переѣхалъ изъ Венеціи въ Митаву, Дюмурье ѣздилъ въ Россію, чтобы возбудить противъ Наполеона враговъ. Известно, что при этомъ попытки его не увѣнчались успѣхомъ. Оправдываясь противъ обвиненія въ приверженности къ герцогу Орлеанскому, который игралъ столь грустную роль во время революціи, Дюмурье все же не могъ не видѣть разницы между сыномъ этого герцога Орлеанскаго и братьями Лудовика XVIII. Этимъ объясняется то мѣсто въ письмахъ къ полковнику Боку, гдѣ онъ такъ рѣзко отзывается о будущемъ королѣ. Рѣзкія сужденія Дюмурье о дѣйствіяхъ Лудовика XVIII, конечно, не остались безъ вліянія на дальнѣйшіе поступки послѣдняго, и прокламація, которая предшествовала реставраціи Бурбоновъ, существенно различествовала съ *Déclaration de Louis XVIII, sept. 1795*. Дюмурье вмѣстѣ съ другими радовался возможности возвратиться на родину, но векорѣ отказался отъ этого намѣренія. Въ Англіи, онъ не переставалъ слѣдить за ходомъ европейскихъ дѣлъ, при чемъ конечно была полезна ему дружба съ передовыми людьми Англіи, къ числу которыхъ принадлежалъ Каннингъ, и съ Лудовикомъ-Филиппомъ, возвышенія котораго онъ пламенно желалъ и предвидѣлъ. Въ недавно-изданныхъ *Souvenirs et Réflexions politiques* Сень-Маркъ Жирардена есть статья о Мирабо, гдѣ онъ дѣлаетъ сближеніе между настоящимъ положеніемъ Франціи и тѣмъ, которое хотѣлъ создать ей Мирабо. Онъ пишетъ, что Мирабо, сознавая необходимость для правительства поставить себя выше партій и, не обращая вниманія на ихъ возгласы, пещись смѣло о матеріальныхъ и духовныхъ выгодахъ народа, думалъ вмѣстѣ съ этимъ даровать Французамъ конституціонное правленіе и свободу, то-есть *le couronnement de l'édifice*. Послѣ реставраціи, тѣ же самыя требованія обращаетъ къ правительствамъ Дюмурье. Прибавимъ къ этому, что правительство, пекущееся о матеріальномъ благосостояніи всего народа и дарующее ему свободу, духовную пищу, не исполняетъ тѣмъ всей своей обязанности при настоящемъ поло-

женіи дѣлъ въ Европѣ. Въ самыхъ международныхъ отношеніяхъ слѣдуетъ поддерживать свое достоинство, сочувствуя повсюду развитію свободы и благосостоянія. Никто лучше Дюмурье не понималъ всего этого.

Скажутъ, что Бурбоны не могли бы одни противустать волѣ слишкомъ сильнаго Священнаго Союза. Ошибочное мнѣніе. Дюмурье давалъ имъ въ руки орудія, которыми воспользовался Наполеонъ III. Ежедневно ведя записки, въ которыя вносилъ все, что доходило до его свѣдѣнія относительно состоянія дѣлъ на континентѣ, Дюмурье въ 1819 г. написалъ на основаніи своихъ замѣтокъ статью, на которую нельзя не обратить вниманія. Тутъ онъ высказывалъ мнѣніе, что въ симпатіяхъ народовъ и въ личности такихъ монарховъ, какъ былъ Александръ, можно было найти средства остановить прогрессивное развитіе политики Меттерниха. По мнѣнію Ледѣ, издавшемъ эту статью, «въ ней онъ соединяетъ болѣе вѣрныхъ взглядовъ, болѣе выказываетъ свой рѣдкій умъ и защищаетъ съ болѣшимъ талантомъ дѣло свободы чѣмъ во всѣхъ прежнихъ. Съ рѣдкою прозорливостію онъ предсказалъ возстанія въ Испаніи, Португаліи, Италіи и Греціи.» Кромѣ того, походы въ Шампани и Бельгію, войны 1807 и 1808 въ Испаніи, война 12-го года и война въ Германіи 13-го года раскрыли для Дюмурье все значеніе войнъ народныхъ, вѣденныхъ по правиламъ и при содѣйствіи регулярнаго войска. Видя водвореніе повсюду насилія при посредствѣ Австріи, Дюмурье въ 1820 году пригласилъ правительства угнетенныхъ народовъ прибѣгнуть къ такой войнѣ, и конечно не ошибался, утверждая, что если поведутъ ее упорно, то справедливыя ихъ требованія будутъ удовлетворены; Франція составила бы уже тогда союзъ, о которомъ помышлялъ Дюмурье съ Каннингомъ, а Александръ I, какъ извѣстно теперь, не видѣлъ выгодъ для Россіи въ порабоженіи Италіи: онъ не прочь былъ держаться политики, которой недавно держался Александръ II. Конечно, для предотвращенія террора, а также 48 года или сольферинскаго побоища, не было недостатка въ случаяхъ, и виной всѣхъ волненій, потрясавшихъ Европу въ концѣ прошлаго и первой половинѣ нынѣшняго вѣка, было неумѣнье правительствъ пользоваться не разъ представлявшимися обстоятельствами для исполненія законныхъ требованій народовъ. Все, что говорилъ Дюмурье о Франціи въ правленіе Людовика XVIII, поражаетъ вѣрностью и ясностью взгляда.

Лавированіе между партіями, отсутствіе рѣшимости стать лицомъ къ лицу съ народомъ, дѣйствія министровъ и слова писателей, имѣвшія цѣлью *inspirer des doutes sur les intentions du chef de l'état*—вотъ что порицалъ Дюмурье. Строго осуждалъ онъ также административную систему Франціи, и конечно ничего не можетъ быть вѣрнѣе слѣдующихъ словъ: «Картина всѣхъ вѣтвей администраціи и іерархіи чиновниковъ убѣдила меня, что никогда еще нація не была опутываема такими узами. Какъ должна проклинать Франція того необыкновеннаго человѣка, который въ награду за все, что она сдѣлала для него, далъ ей и оставилъ послѣ себя эту машину, смазанную самымъ ужаснымъ деспотизмомъ!»

Выше онъ писалъ: «Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ правительства являются послѣдовательными лишь въ рутинѣ, принятой всѣми ихъ предѣстниками. Всегда нападали силой на духъ преобразованій; прежде удавалось, и потому думаютъ, что и теперь удастся. Министры всѣхъ націй, берегитесь!»

Опасенія Дюмурье оправдались, и вскорѣ пришлось ему снова предложить свои услуги для борьбы съ деспотизмомъ. Революція въ Обѣяхъ Сициліяхъ была привѣтствована имъ какъ новое возрожденіе народовъ, и онъ не замедлилъ послать Неаполитанцамъ планъ предстоявшей кампаніи. Генералы Фуа и Ламаркъ, изъ которыхъ первый посѣщалъ Дюмурье въ добровольномъ его изгнаніи, были восхищены этимъ планомъ и другимъ, который онъ составилъ для Испанцевъ.

Статью свою о возстаніи въ Испаніи Дюмурье сообщилъ другу своему Каннингу. Ледьё замѣчаетъ вѣрно, что дѣйствія и слова Каннинга относительно Испаніи въ 1823 г. доказываютъ, что трудъ Дюмурье не пропалъ, и совѣты его не остались безъ нѣкотораго вліянія на политику Англіи.

Сношенія Дюмурье съ возставшими испанскими провинціями въ Америкѣ начались уже въ 1811. Савадера, президентъ правительственной юнты въ Ла-Платѣ, адресовался къ нему съ письмомъ за совѣтами. Дюмурье не замедлилъ въ отвѣтъ написать цѣлую статью, также напечатанную Ледьё. Освобожденіе Грековъ привѣтствовалъ съ слезами восторга восьмидесятилѣтній Дюмурье.

Къ числу самыхъ близкихъ ему людей въ Лондонѣ принадлежали Лудовикъ-Филиппъ Орлеанскій—будущій король, за котораго онъ объявилъ себя, какъ мы видѣли, уже въ 1813 году, — генералъ Фуа, герцогъ Кентскій, маршалъ Мак-

дональдъ и въ особенности Каннингъ. Оба послѣдніе присутствовали при его кончинѣ, спокойной и тихой, и неоднократно изъясляли тоску по невозвратимомъ другѣ.

Въ революціонныя эпохи, человѣкъ живой, одаренный пламеннымъ воображеніемъ и сильною душой, часто кажется жалкимъ въ своихъ великихъ замыслахъ и, при неудачѣ, возбуждаетъ лишь сожалѣніе и недоувѣрчивость. Движимый страстью, онъ иногда рѣшится на поступки, которые людьми спокойными будутъ строго осуждены. Такъ и Дюмурье винили за защиту Англіи, за совѣты Веллингтону и т. д.; осудить быть-можетъ еще строже за сообщаемыя нами письма, забывая, что не друзья же родины были и люди лившіе потоками кровь своихъ согражданъ въ бесполезныхъ войнахъ. При томъ для Дюмурье родина была вся Европа. Родственныя и дружескія связи дѣлали для него Англичанъ, Нѣмцевъ, Испанцевъ, Италіянцевъ, столь же дорогими какъ и Французовъ.

Время не ждетъ, событія измѣняютъ видъ Европы, и тогда лишь поймутъ заслуги человѣка, предвидѣвшаго, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Каннингомъ, лучшую будущность для народовъ. Наполеонъ III отчасти воспользовался уроками, которые даны были его предшественникамъ, но не могъ окончательно разстаться съ преданіями, завѣщанными первою имперіей. При всемъ томъ, мы вѣримъ въ лучшую будущность для Франціи. Пускай прочтутъ читатели въ упомянутой выше книгѣ Сенъ-Маркъ Жирардена страницу 489 и слѣдующія, и они убѣдятся, что мысль во Франціи зрѣетъ, что настоящее переходное состояніе ея измѣнится къ лучшему, подъ вліяніемъ созрѣвшихъ политическихъ убѣжденій.

НЕ ИЗДАННЫЯ ПИСЬМА ДЮМУРЬЕ.

Полковнику Рапателю.

30 сентября 1812 года.

Имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 26 августа, дорогой полковникъ, и надѣюсь, что вы не замедлите написать мнѣ другое изъ Россіи, гдѣ вамъ слѣдовало быть въ концѣ того же мѣсяца, по возвращеніи изъ Або, куда провожали Бернадота.

То, что вы говорите мнѣ объ этомъ государѣ, доказываетъ, что я не ошибался, утверждая издавна, что онъ гораздо болѣе заслужилъ свою участь чѣмъ человекъ, употребляющій во зло свое счастье, и сдѣлавшійся бичомъ вселенной, которая боготворила бы его, еслибъ онъ побѣды своихъ не запятналъ своими коварствами и жестокостями не умерщвлялъ герцога Энгіенскаго и Пишегрю, не преслѣдовалъ Моро, и украсилъ бы себя на престолѣ доблестями Августа. Но душа его была слишкомъ корсиканская (*trou corse*), а воображеніе слишкомъ безпорядочное.

Надѣюсь, что настало время паденія этого колосса, и что Европа вскорѣ будетъ этимъ обязана императору Александру и королю шведскому. Ждемъ съ нетерпѣніемъ новостей. Знаемъ въ общихъ чертахъ, что 7 сентября была ужасная битва при Можайскѣ, что она была продолжительна и кровопролитна. Надѣюсь, что эта борьба не была генеральною и рѣшительною. Быть-можетъ русская армія отступила къ Москвѣ, Французы послѣдовали за ней, быть-можетъ даже Русскіе нашлись въ необходимости не защищать этого большаго города, чтобы не подвергать опасности всей имперіи, рѣшившись на борьбу въ невыгодной позиціи.

Войну эту слѣдуетъ раздѣлить на двѣ эпохи. Первая, оборонительная, должна продолжаться до зимнихъ квартиръ, на которыхъ придется расположиться Наполеону между 15 и 30 октября. Во время этой первой половины, Русскіе закаляютъ себя въ войнѣ отдѣльными битвами, которыя приучаютъ ихъ мѣряться со врагомъ, считавшимся непобѣдимымъ въ предшествовавшихъ битвахъ. Счастье склоняется и на ту, и другую сторону, и успѣхи вознаграждаютъ за потери. Побѣды Витгенштейна вознаграждаютъ за успѣхи великой французской арміи, которая, направляясь къ Москвѣ, все далѣе и далѣе отклоняется отъ конечной цѣли своей, С.-Петербурга, и лишаетъ себя опоры моря, отъ котораго императоръ Александръ постарается совсѣмъ отрѣзать ее, заставивъ армію Макдональда, Сень-Сира, Виктора, отступить за западную Двину и, быть-можетъ, за Нѣманъ, тогда какъ Бернадотъ, начавъ военныя дѣйствія въ тылу ея, въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ главнаго театра операцій, станетъ угрожать Магдебургу, Берлину, Дрездену, Варшавѣ, что заставитъ саксонскій и прусскій контингенты вернуться въ Германію, гдѣ Бернадотъ *ad libitum* можетъ расширить размѣры войны. Воспользовавшись настроеніемъ умовъ въ Германіи, онъ можетъ удвоить и утроить свою армію, съ которою ни Ожеро, ни Викторъ, ни Макдональдъ, соединивъ даже свои силы, не будутъ въ состояніи справиться, тѣмъ болѣе что ею будетъ командовать генералъ, замѣчательный своими способностями, своимъ мужествомъ, обшир-

ностью замысловъ и быстротою при ихъ исполненіи. Бернадотъ, помимо любви Шведовъ, увлеченныхъ его славой и простотой его великаго характера, пользуется также довѣріемъ Нѣмцевъ, которое заслужилъ справедливостію и благородствомъ своихъ поступковъ въ различныхъ частяхъ Германіи, въ которыхъ были расположены войска, находившіяся подъ его командой. Итакъ, я желаю, чтобъ онъ военныя свои дѣйствія началъ въ сѣверной Германіи, потому что Шведы охотнѣе послѣдуютъ за нимъ туда, и эта диверсія, хотя и болѣе отдаленная, будетъ полезна, чѣмъ еслибъ онъ высадился въ Курляндіи. Впрочемъ, первыя извѣстія, которыя получимъ мы съ сѣвера, устранятъ сомнѣнія на счетъ направленія его экспедиціи, и, гдѣ бы онъ ни сталъ дѣйствовать, его появленіе разстроитъ планы Наполеона и обратитъ, въ пользу союзниковъ, войну оборонительную въ наступательную.

Тутъ-то начнется вторая эпоха, которая должна кончить эту войну и рѣшить судьбу материка. Желательно, чтобы, прежде чѣмъ начать со всѣхъ сторонъ дѣятельное наступленіе (*à toute l'activité d'une offensive environnante*), которое для полнаго успѣха должно быть приведено въ исполненіе тремя способами (*de trois manières*), Французамъ не мѣшали расположиться на зимнихъ квартирахъ. Центральная русская армія, обязанная слѣдить за большою арміею Бонапарта и дѣйствовать противъ нея, можетъ быть, безъ всякаго опасенія, уменьшена, такъ какъ ей слѣдуетъ держаться оборонительнаго положенія и препятствовать лишь дальнѣйшимъ наступательнымъ дѣйствіямъ врага. Другія двѣ арміи, лѣвая и правая, должны быть напротивъ значительно увеличены, чтобы поставить французскую армію въ центръ угла, стороны котораго опредѣляютъ эти двѣ арміи смѣлыми и послѣдовательными атаками. Изъ этихъ двухъ армій должны быть посылаемы летучія партіи (*des corps en enfans perdus*), изъ которыхъ каждая должна, по меньшей мѣрѣ, состоять изъ 4—5.000 человекъ. Эти партіи должны стараться прорвать линію фланговыхъ армій Макдональда и Шварценберга (*percer la ligne des deux armées de flanc etc*), обойти ихъ и зайти имъ далеко въ тылъ, чтобъ истребить перевозочныя средства, телеги, лошадей и т. д. Правая армія, которою командовалъ Витгенштейнъ съ такою пользою и славой (независимо отъ корпуса находящагося подъ начальствомъ генерала Винценгероде, и обязаннаго прикрывать большую петербургскую дорогу: этотъ корпусъ, чтобы воспрепятствовать Макдональду и Виктору проникнуть далѣе въ Лифляндію этою дорогою, долженъ состоять по крайней мѣрѣ изъ 25.000, кромѣ рижскаго гарнизона), армія Витгенштейна, говорю я, должна быть усилена, по крайней мѣрѣ до 60.000 человекъ: вопервыхъ, чтобы заста-

вить снять осаду Риги, если она начата, восторыхъ, чтобы быть въ состояніи отгнать за Двину Макдональда и Виктора, еслибы даже они соединились. Тогда-то генералъ Витгенштейнъ перевернется самъ черезъ Западную Двину, и станетъ преслѣдовать Французовъ въ Курляндіи. Во время этихъ движеній смѣлой атаки и энергическаго преслѣдованія, которое генералъ Витгенштейнъ направитъ на Баускъ, чтобы какъ можно далѣе отбросить Французовъ отъ морскихъ береговъ, корпусъ въ 10.000 человекъ отправится изъ Риги, уже неугрожаемой осадой и черезъ Митаву прямо двинется на Россіены, приближаясь на сколько будетъ возможно къ Нѣману и подымаясь вдоль его до Ковно. Этому корпусу слѣдуетъ своимъ правымъ флангомъ держаться на одной высотѣ съ операціями Витгенштейна, не находясь однако въ связи съ нимъ и дѣйствуя въ отдаленіи отъ него.

Во время этихъ дѣйствій правой арміи противъ лѣвой французской арміи, имѣющихъ цѣлью заставить послѣднюю перейти Западную Двину,—обсервационному корпусу Винценгероде не надо будетъ болѣе охранять большую петербургскую дорогу, такъ какъ не будетъ уже врага на правой сторонѣ упомянутой рѣки. Этотъ корпусъ, подымаясь вдоль праваго берега, остановится на пути отъ Полоцка къ Витебску, чтобы угрожать зимнимъ квартирамъ и, быть-можетъ, напасть на нихъ. Каждая атака на зимнія квартиры должна быть быстра и неожиданна, нападающіе должны брать съ собою мало артиллеріи и въ особенности мало багажа и фуръ. Все имъ нужное будутъ они находить въ квартирахъ врага, если успѣютъ завладѣть ими, а въ случаѣ неудачи, они должны имѣть возможность быстро ретироваться, въ полной увѣренности, что войска непріятельскія не послѣдуютъ далеко за ними, чтобы не разорвать главной линіи своихъ зимнихъ квартиръ. Должно полагать, что правая наступательная армія Русскихъ, назначенная дѣйствовать по обоимъ берегамъ Двины противъ лѣвой арміи Французовъ, во всѣхъ трехъ отдѣльныхъ корпусахъ, дѣйствія которыхъ мы только что описали, будетъ имѣть до 90.000 человекъ. Они могутъ быть сформированы и, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе усилены изъ резервовъ сѣверныхъ провинцій, въ случаѣ если Бонапартъ почтетъ необходимымъ усилить Макдональда или лѣвую армію, чего онъ сдѣлать не можетъ, не ослабивъ центра.

Во время этихъ движеній правой русской арміи, центральная русская армія, въ равной силѣ, приблизится къ зимнимъ квартирамъ центральной арміи Бонапарта, который вѣроятно будетъ занимать Москву. Нападая съ нѣсколькихъ сторонъ на центръ Наполеона, Русскіе заставятъ его сосредоточиться и станутъ свои

квартиры къ Москвѣ. Тогда, главнокомандующій направитъ, въ промежутки французскихъ зимнихъ квартиръ, отряды въ 4 или 5.000 человекъ, чтобы зайти имъ въ тылъ между Москвою и Смоленскомъ и смѣло напасть на всѣ промежуточные квартиры, назначивъ Смоленскъ точкою соединенія. Эти отряды конечно будутъ преслѣдуемы при первомъ разстройствѣ и, не имѣя возможности вернуться черезъ тѣ же отверстія (trouées), въ которыя вышли, они постепенно, разомъ или отдѣльно, отступятъ либо направо, по направленію къ Витебску, чтобы присоединиться къ корпусу Винценгероде, либо на Мстиславль и лѣсаэтой пограничной стороны. Съ той ли, съ другой ли стороны, они будутъ продолжать вести смѣлую партизанскую войну въ этой части Литвы. Пять или шесть отрядовъ, такъ употребленныхъ въ тылу врага, отдѣляющаго себя меньшіе отряды во всѣ направленія въ тылу непріятельскихъ квартиръ, произведутъ у Французовъ величайшій безпорядокъ; такъ какъ послѣдніе не будутъ знать ни силы, ни направленія этихъ неправильныхъ угрозъ (menaces irrégulières), и найдутся въ необходимости выступать безъ отдыха въ походъ, въ странѣ, климатъ и другія условія которой дадутъ большія преимущества Русскимъ. Если успѣхи правой русской арміи будутъ быстры и рѣшительны, центральная армія, направивъ, какъ объяснили мы, эти отряды въ промежутки французскихъ квартиръ для дѣйствій въ тылу ихъ, концентрируется, чтобъ угрожать главной квартирѣ (которая, предполагаю, будетъ въ Москвѣ), въ то самое время, когда Бонапартъ будетъ принужденъ сняться со всѣхъ своихъ квартиръ, чтобы соединить свои силы. Русскій главнокомандующій станетъ наблюдать, на что рѣшится непріятель: идти ли впередъ и дать битву, или стануть своимъ квартиры къ Смоленску, имѣя въ виду какъ идти на помощь своему лѣвому флангу, такъ и соединить всю свою армію въ углу между Днѣпромъ и Западною Двиной, чтобы прикрыть Витебскъ, Вильну, течение нижняго Нѣмана, и такимъ образомъ приблизиться къ балтійскимъ корпусамъ, отъ которыхъ имѣлъ неосторожность слишкомъ удалиться, подвигаясь къ Москвѣ. Главнокомандующій будетъ слѣдить за дѣйствіями соединенной французской арміи, не рискуя вступать въ битву, которой слѣдуетъ всего болѣе избѣгать. Такъ какъ отступательное движеніе Французовъ ослабитъ Москву, онъ туда пошлетъ корпусъ, чтобы ускорить очищеніе ея и занять снова эту столицу. Съ остальною же частію своего войска онъ пойдетъ внизъ по правому берегу Западной Двины, къ Витебску, чтобы поддержать смѣлыя движенія и успѣхи правой арміи. Если, напротивъ, правая русская армія встрѣтитъ столь сильное сопротивленіе со стороны Макдональда, что не будетъ въ состояніи, двигаясь вверхъ по Двинѣ

проникнуть за границы Курляндіи, то главнокомандующій оставитъ генералу Витгенштейну 60.000, чтобъ онъ защищалъ низовье Двины и прикрывалъ Ригу, самъ же, усиленный корпусомъ Винценгероде, будетъ стараться налечь на центральную армію (*faire une pression sur l'armée du centre*), какъ только она концентрируется для ретирады, побужденная къ тому успѣхами русскихъ отрядовъ, которые проникнуть черезъ промежутки линіи квартиръ центральной французской арміи, и которые постоянно слѣдуетъ высылать отдѣльными партіями, предоставляя ихъ самимъ себѣ; конечно, надо позаботиться выбрать командирами ихъ людей извѣстныхъ своимъ умомъ, дѣятельностью и смѣлостью и способныхъ, при помощи своего генія, выбивать изъ самыхъ трудныхъ положеній. Командирамъ этимъ слѣдуетъ предоставить совершенную свободу движеній необходимыхъ для приведенія въ исполненіе возложенныхъ порученій. На этихъ-то двадцати или двадцати пяти тысячахъ, брошенныхъ такимъ образомъ на рискъ, должна основываться надежда истребить французскую армію.

Во время указанныхъ движеній средней и правой русскихъ армій, лѣвая армія или Тормасова, усиленная молдавскою, двинется на австрійскую, которая также будетъ уже расположена на зимнихъ квартирахъ. Тревожа ее на обоихъ флангахъ и обойдя нижнимъ Днѣпромъ ее правый флангъ, она произведетъ тотъ же маневръ, какъ и другія двѣ, направляя быстро, въ промежутки линій зимнихъ квартиръ непріятельскихъ, три или четыре отряда отъ четырехъ до пяти тысячъ, которые двинутся въ тылъ Австрійцевъ на Волинь и по направленію къ Луцку. Тогда арміи австрійской, принужденной сняться съ своихъ квартиръ, будутъ предстоять два различные образа дѣйствій: *вопервыхъ, фланговымъ движеніемъ; влѣво, стараться опереться на центральную армію Бонапарта*. Въ такомъ случаѣ русскій генералъ будетъ слѣдить за ней по патамъ, вдоль лѣваго берега Днѣпра, черезъ Могилевъ и Мстиславль, по направленію къ Смоленску, и приблизится такимъ образомъ къ центру главной арміи Русскихъ, не соединяясь съ ней, но угрожая правому флангу арміи Бонапарта и продолжая подвигаться, если послѣдній будетъ спускаться внизъ по Двинѣ, но въ этомъ случаѣ онъ дастъ своимъ партизанскимъ отрядамъ производить ихъ быстрые, опустошительные и расходящіеся во всѣ стороны набѣги внутрь самой Польши, угрожая въ одно и то же время Вильнѣ, Гродно и Варшавѣ, то соединяясь, то раздѣляясь, всюду распространяя страхъ и разстройство, и какъ скоро будетъ представляться случай, налетая массами на который-либо изъ этихъ городовъ. *Если же, восторжъ, князь Шварценбергъ, не желая оставить*

не прикрытыми провинціи австрійской Польши, соединитъ свои силы, чтобъ отступить на Вольну, то это будетъ то же, какъ еслѣбъ у Бонапарта онъ отрубилъ правую руку, ибо конечно, разъ отдѣлившись отъ Французовъ, Австрійцы, такъ далеко увлеченные противъ своего желанія, будутъ думать о себѣ и никакъ уже не присоединятся къ Бонапарту. Война, которую откроетъ принцъ шведскій въ сѣверной Германіи, внушитъ имъ другія мысли и наложитъ на нихъ другія обязанности. Въ такомъ случаѣ, генералъ Тормасовъ, освобожденный отъ этой арміи, оставитъ противъ нея обсервационный корпусъ, и опираясь на лѣвый флангъ русской центральной арміи, быстро двинется по направленію къ Смоленску, чтобы дѣйствовать отдѣльно на правый флангъ и тылъ Бонапарта.

Эти три движенія трехъ главныхъ отдѣловъ русской арміи должны быть произведены почти одновременно, и хотя Бонапартъ конечно нѣсколько предвидѣлъ ихъ, однако ему нѣтъ почти никакой возможности, какъ бы ни расположился онъ на зимнія квартиры, успѣть сняться съ нихъ съ тою быстротой, какая необходима для того чтобы воспрепятствовать успѣху упомянутыхъ дѣйствій, ибо если его линія очень длинна, то она будетъ слаба вездѣ, и тѣмъ труднѣе будетъ ему соединить свои силы; если же она коротка и концентрирована, то оставитъ тѣмъ большіе промежутки, и тѣмъ легче будетъ партизанамъ трехъ русскихъ армій проникнуть въ нихъ.

6 октября. Достигнувъ до этого мѣста въ моемъ безконечномъ письмѣ, дорогой мой полковникъ, я получилъ 18-й бюллетень Бонапарта, изъ котораго узналъ исходъ битвы 7 сентября (21 августа ст. ст.). Я уже думалъ, что прочту о занятіи Москвы Французами, которое для меня не подвержено уже никакому сомнѣнію; но оставивъ въ сторонѣ преувеличенія бюллетеня, я вижу изъ него, что если Русскихъ и можно побѣдить, то нельзя ихъ смирить, и больше чѣмъ когда-либо надѣюсь, что твердость мужественнаго Александра увѣнчается освобожденіемъ его имперіи и паденіемъ чудовища (ce monstre). Слава и благо Александра основываются на его постоянствѣ, и еслѣбъ онъ имѣлъ слабость заключить миръ, онъ погибъ бы. Повергните меня къ стопамъ этого интереснаго монарха (de ce monarque intéressant), который, вмѣстѣ съ Шведами и Англичанами, долженъ сдѣлаться освободителемъ Европы. Примѣръ Испанцевъ передъ его глазами: ихъ твердость, несмотря на отсутствие талантовъ, стоила Французамъ 300 тысячъ солдатъ, которые утратили почти весь Полуостровъ и занимаютъ лишь двѣ-три провинціи этого обширнаго королевства, изъ котораго вскорѣ будутъ совсѣмъ прогнаны при помощи геройскихъ доблестей лорда Веллингтона. Приготавливаются другія значи-

тельные диверсии. Весною готова возстать Италия; высадка короля шведскаго въ Германию, если только она будетъ направлена туда, отчасти возбудитъ къ возстанію Германию, а за тѣмъ Голландію и Бельгію. Бонапарту не останется никакихъ ресурсовъ, кромѣ его арміи, которую онъ не будетъ въ состояніи пополнить. Притомъ, эта армія будетъ не безсмертна, и ей предстоитъ гибель, въ особенности если императоръ Александръ принудитъ ее сняться съ зимнихъ квартиръ, что повергнетъ ее въ уныніе и отчаяніе. Мое письмо—вотъ весь контингентъ, который могу я поставить этому монарху, присвокупивъ самыя искреннія пожеланія. Покажите письмо это моему другу, Армфельду; онъ вполне можетъ опредѣлить пользу, которую можно почерпнуть изъ моихъ мнѣній, основанныхъ на долготѣнней опытности. Окончу этотъ волюмъ одною замѣткой относительно маневровъ Русскихъ въ битвахъ. Они, кажется, дерутся массами и слишкомъ большими колоннами. Конечно, система колоннаго строя хороша сама по себѣ и въ особенности для Русскихъ, такъ какъ при помощи своей поворотливости, натиска, упornaго мужества, они, относительно холоднаго оружія, могутъ помѣряться со всякимъ войскомъ на материкѣ Европы. Но такъ какъ въ новѣйшихъ арміяхъ, особенно у Бонапарта, начинаетъ играть значительную роль артиллерія, то расположеніе массами причиняетъ большія потери. Итакъ, слѣдуетъ, сохранивъ колонный строй, измѣнить глубину колоннъ и ширину ихъ. Колонна должна состоять не болѣе какъ изъ двухъ батальоновъ въ 12 рядовъ глубины. Промежутокъ между каждою колонною долженъ быть замѣщенъ причисленною къ колоннѣ артиллеріей, двумя пѣхотными ротами на шесть линій глубины и эскадрономъ кавалеріи, которая могла бы кинуться на врага въ самый моментъ атаки. Колонны второй линіи должны быть расположены шахматами, позади колоннъ первой линіи. Въ тылу каждой дивизіи слѣдуетъ поставить перпендикулярными колоннами резервы, чтобы поддержать натискъ и возстановить битву, еслибы непріятель прорвалъ линію. Простая деплояда направо или налѣво введетъ резервы въ дѣло, чтобы сомкнуть ряды, разстроенныя непріятелемъ. Что же касается до фланговъ боеваго порядка, то перпендикулярная колонна, также смѣшанная съ кавалеріей и артиллеріей, и состоящая изъ нѣсколькихъ полковъ въ колоннахъ, должна строиться діагонально, суживаясь въ головѣ и расширяясь въ хвостѣ, съ цѣлью дать отпоръ непріятелю, въ случаѣ если онъ, разбивъ кавалерію и легкія войска занимающія одинъ изъ фланговъ, задумаетъ обойти послѣдній. Это расположеніе просто и легко, движенія при немъ не затруднительны и удобны. Его я держался въ битвѣ при Жемаппѣ. Желалъ бы, чтобы испробовали его въ первомъ

дѣлѣ противъ самого Бонапарта, или одного изъ его генераловъ, если вообще дойдетъ до правильныхъ битвъ. Новость этой тактики очень удивитъ Французовъ. Прощайте, дорогой полковникъ, будьте счастливы и полезны. Извѣстите меня о полученіи этого громаднаго письма; посылайте ваши письма черезъ курьера лорда Каткарта или черезъ барона Сухтеленa, у котораго прошу о томъ позволенія. Пишу на дняхъ Ксенофонту Моро.

Генералу Сухтелену, русскому посланнику въ Швеціи.

Генераль, беру смѣлость адресовать вамъ это открытое письмо къ полковнику Рапателю. Прочтите его пожалуста напередъ, и если найдете полезнымъ, пошлите съ него копию императору, которымъ занята моя пламенная душа (*mon âme ardente*). Будьте такъ любезны и сообщите также мое письмо, если почтете умѣстнымъ, шведскому наслѣдному принцу, засвидѣтельствовавъ ему высокое мое мнѣніе о его способностяхъ и характерѣ, равно какъ и глубокое уваженіе, которое я питаю къ его достоинствамъ.

Будьте такъ добры, извѣстите меня о полученіи этого пакета и позвольте черезъ васъ продолжать переписку съ полковникомъ Рапателемъ. Имѣю честь быть, и т. д.

Второе письмо къ полковнику Рапателю 10 декабря 1812 г.

Меня весьма обрадовалъ вашъ отвѣтъ изъ Риги, отъ 28 октября ст. ст., дорогой полковникъ, такъ какъ онъ удостовѣрилъ меня, что баронъ Сухтеленъ сообщилъ вамъ съ большою скоростію мое первое письмо. Это побуждаетъ меня снова писать вамъ тѣмъ же путемъ. Вы распорядились моимъ письмомъ совершенно такъ, какъ я желалъ, и прошу васъ, для пользы русскаго народа и славнаго его государя, продолжать сообщать и тѣ письма, которыя буду писать вамъ впредь. Не льщу себя мыслию, что содѣйствовалъ теперешнимъ успѣхамъ планомъ начертаннымъ мною въ письмѣ отъ 6-го октября, такъ какъ оно не могло поспѣть къ сроку, чтобъ оказать вліяніе на диспозиціи приведенныя въ исполненіе отличными русскими генералами съ быстротою, точностью, смѣлостью и успѣхомъ почти невѣроятными. Но я счастливъ, что мои взгляды вполне согласовались съ ихъ главнымъ планомъ; это свидѣтельствуешь, что могъ быть только одинъ взглядъ на эту войну и на способъ ея веденія, и что въ Петербургѣ такъ начертили ея планъ, какъ представлялся онъ и мнѣ въ Лондонѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ послано ваше письмо дѣла приняли до того выгодный оборотъ уничтоженіемъ великой арміи и египетскими бѣгствомъ Бонапарта, что я не вижу впереди ничего

другаго, кромѣ успѣховъ и конечнаго его изгнанія изъ Польши, быть-можетъ даже изъ Германіи. Еслибы, во главѣ отборнаго войска, онъ и успѣлъ проложить себѣ дорогу, и уйдя отъ казаковъ, спасти свою особу или дорогой могилевскою къ арміи Шварценберга, или минскою на Гродно, чтобы добраться до Варшавы (гдѣ безъ сомнѣнія не остановится, въ чемъ я убѣжденъ на основаніи пріобрѣтеннаго мною въ 1770 — 1771 г., въ бытность въ Польшѣ, знакомства съ характеромъ Поляковъ); то онъ направитъ свой путь или, что всего вѣроятнѣе, черезъ Вѣну, или черезъ Дрезденъ, въ надеждѣ составить армію изъ 130.000 своего набора, которые не присоединятся къ нему, и войскъ рейнской конфедераціи, государи которой слишкомъ будутъ нуждаться въ нихъ для защиты своихъ собственныхъ владѣній и не согласятся въ другой разъ принять сумасбродный проектъ бѣшенаго чело-вѣка (le projet fou d'un engagé), который пожертвовалъ всѣмъ материкомъ, чтобы похоронить всѣхъ своихъ воиновъ въ Россіи, гдѣ не можетъ уже показаться иначе, какъ мертвымъ или плѣннымъ, чтобы быть похороненнымъ въ Москвѣ, гдѣ будетъ памятникъ его безславію, или въ Шлиссельбургѣ понести кару за свои преступленія и безуміе, пока бѣшенство и отчаяніе не освободятъ (urgent) Европу отъ этого чудовища, уже причинившаго смерть многихъ милліоновъ ея жителей и распространившаго отчаяніе и бѣдствія посреди многихъ народовъ, начиная съ Франціи.

Взглянемъ на военныя событія съ 15 ноября, отъ котораго получены нами послѣднія офіціальныя новости, не доходившія еще до васъ, когда вы мнѣ писали изъ Риги. Что буду развивать вамъ теперь, есть предвареніе того, что, на основаніи правилъ военного искусства, должно случиться въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ. Прослѣжу въ этомъ очеркѣ, какъ въ первомъ письмѣ, поочередно дѣйствія трехъ русскихъ армій, начиная съ правой.

1) Не только нечего бояться за Ригу, и Макдональдъ, послѣ окончательнаго разстройства великой арміи и бѣгства Наполеона, не только не имѣетъ помысла осаждать зимой эту крѣпость, но безъ сомнѣнія, въ настоящее время, онъ уже очистилъ Курляндію, отступая послѣшно къ низовью Нѣмана, чтобы прикрыть магазины Ковно, Мемеля, Кенигсберга, или двинулся на Вильну, чтобы оспаривать эту столицу у корпуса Штейнгеля, который можетъ быть усиленъ Витгенштейномъ по произволу.

Такъ какъ въ это время года замерзшія рѣки не составляютъ оборонительной линіи, Витгенштейнъ, освобожденный теперь отъ обязанности наблюдать за великою арміей Бонапарта, которая, какъ предполагаю не безъ основанія, уничтожена или вся забрана въ плѣнъ (арріергардъ между Вязмою и Смоленскомъ, авангардъ въ самомъ Смоленскѣ, по недостатку припасовъ аммуниціи, оружія и т. д.), —

Витгенштейнъ, повторяю, могъ обратить все свое вниманіе и направить всѣ свои силы на Макдональда, вполне увѣренный, что его поддержитъ другая свѣжая дивизія, вышедшая изъ города Риги, который не будетъ нуждаться болѣе въ гарнизонѣ.

Если, согласно первому моему предположенію, Макдональдъ отступилъ къ нижнему Нѣману между Ковно и Балтійскимъ моремъ, то по пятамъ за его аррьергардомъ слѣдить рижская дивизія, въ то время какъ лѣвое его крыло атакуется и, быть-можетъ, обходится генераломъ Штейнгелемъ, который ближе его къ Ковно. Отъ этого города Макдональдъ, вѣроятно, отрѣзанъ и принужденъ отступать на Тильзитъ, Мемель и Кенигсбергъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ ему перерезали бы путь въ Курляндію и заставили бы его положить оружіе. Впрочемъ, еслибы Макдональдъ и вздумалъ упорно держаться въ Курляндіи, то его заставили бы очистить ее Пруссакъ, составляющіе многочислѣннѣйшую часть его арміи: они покинутъ его для защиты своей родины,—особенно, если Витгенштейнъ, въ чемъ не сомнѣваюсь, направляясь къ Вильнѣ, позаботился двинуть головы своихъ колоннъ вдоль Нѣмана къ Ковно.

По второму предположенію, Макдональдъ, покинувъ Курляндію, двинулся въ направленіи къ Ковно и Вильнѣ, чтобы тамъ, присоединивъ остатки Виктора, сформировать армію, съ помощію которой можно бы прикрывать Ковно и держаться въ Вильнѣ, въ надеждѣ сосредоточить остатки великой арміи, которые успѣли спастись изъ Смоленска и достигнуть Вислы, что затруднительно въ эту пору. Тогда рижская дивизія двинулась прямо на Мемель, чтобы завладѣть тамъ складами, приготовленными во время кампаніи, или уничтожить ихъ. Дивизія Штейнгеля подобнымъ же образомъ двинулась тогда на Ковно, въ то время какъ Витгенштейнъ, усиленный корпусомъ Кутузова (прежнимъ Винценгероде), отдѣлвшись отъ великой арміи, двинулся прямо на Вильну, съ быстротой достаточною для того чтобы не дать Макдональду времени усилиться тамъ, если онъ прибылъ туда раньше его. Если же Витгенштейнъ занятъ великою арміею, укрывшеюся въ Смоленскѣ, то генералъ Чичаговъ, занимая позицію въ Минскѣ, былъ гораздо ближе къ Вильнѣ чѣмъ какая-либо другая русская армія, или чѣмъ армія Макдональда, и не замедлилъ быстро направиться туда, или послать туда сильный отрядъ, чтобы уничтожить остатки Виктора. Итакъ, не сомнѣваюсь, что въ то время, когда пишу это письмо, Вильна въ рукахъ Русскихъ, и что вся страна между Западною Двиной и Нѣманомъ вполне свободна отъ Французовъ.

2) Главная армія князя Кутузова 15 ноября была превосходно расположена при Красномъ, подъ Смоленскомъ, пересѣкая сооб-

щеніе съ Могилевымъ, черезъ который только и могъ бы спастись съ отборными войсками Бонапартъ. Если тиранъ не прошелъ прежде чѣмъ заняла эту позицію русская армія, то онъ уже опоздалъ: окруженный главнымъ русскою арміею, арміею Чичагова на югъ, Витгенштейна во фронтъ, онъ принужденъ раздѣлить участь своихъ войскъ. Если же онъ пробрался до того времени, то долженъ блуждать теперь, полагаясь на счастье и преслѣдуемый казаками главной арміи, дивизіи генерала Эртеля и арміи Чичагова, до тѣхъ поръ пока не доберется до Буга, гдѣ будетъ искать спасенія въ арміи Шварценберга. Послѣдующіе бюллетени извѣстятъ насъ о его судьбѣ, весьма критической. Между тѣмъ, вице-король конечно попался, послѣ послѣднихъ бюллетеней, въ плѣнъ со всѣмъ арріергардомъ, и не болѣе трети французской арміи, вышедшей изъ Москвы, достигло Смоленска, гдѣ ее вѣроятно окружили, лишенную артиллеріи, припасовъ, пришедшую въ разстройство и безпорядокъ, покинутую своимъ главнокомандующимъ, потерявшую лучшихъ своихъ генераловъ, заключенную въ невыгодной мѣстности, не имѣющую никакихъ другихъ средствъ спасенія, кромѣ капитуляціи, которая одна можетъ избавить ее отъ конечнаго истребленія до послѣдняго человѣка, потому что у ней не достало бы ни духу, ни физической силы избавиться какою-нибудь отчаянною попыткой. Слѣдовательно, жду, что ближайшіе бюллетени сообщатъ намъ о сдачѣ этой арміи въ стѣнахъ Смоленска, которая станутъ для ней Кавдинскимъ ущельемъ. Послѣ этого подвига, который увѣнчаетъ славу безсмертнаго Кутузова, онъ не встрѣтитъ уже сопротивленія, и я увѣренъ, что въ настоящій моментъ онъ занятъ лишь окончательнымъ усмиреніемъ Литвы, возстаніе которой не болѣе какъ вспыхнувшая солома. Она убѣдится, что была вовлечена въ заблужденіе сумасброднѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтъ, который далекъ отъ того чтобы желать дать Польшѣ свободу и національную самобытность, а хочетъ лишь воспользоваться ею для своихъ ужасныхъ завоевательныхъ замысловъ.

Итакъ я думаю, что князь Кутузовъ принимаетъ теперь извѣщенія покорности несчастныхъ Литовцевъ, представляетъ имъ на видъ милость ихъ добраго государя, обезоруживаетъ ихъ, причисляетъ къ своей арміи вѣрнѣйшихъ и устраиваетъ, на пространствѣ между Гродно и Вислой, магазины для новой войны въ Польшѣ,—войны судьбу которой императоръ Александръ долженъ рѣшить или нынѣшнею зимою или другою компаніею, которая, по случаю неизбѣжнаго отпаденія Пруссаковъ, Саксонцевъ и наконецъ благодаря содѣйствію Шведовъ, протянется весьма не долго.

Какъ скоро сдался Смоленскъ и берега Нѣмана и Днѣпра освободились отъ враговъ, армія Чичагова вѣроятно смѣнена въ

главную арміей, и черезъ Волынь направлена къ юго-западу, чтобы заставить Австрійцевъ отступить въ Галицію и Малую Польшу, дабы они не могли принимать участія въ войнѣ на сѣверѣ отъ ихъ владѣній, которымъ близость этой третьей арміи будетъ угрожать непосредственно. Что касается до дальнѣйшихъ поступковъ вѣнскаго двора, то они зависятъ отъ политическихъ обстоятельствъ, и вѣроятно отъ личной участи Бонапарта. Но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ думать, что Вѣна будетъ исполнена миролюбія, раскаянія и покорности.'

Вотъ, дорогой мой полковникъ, мои гипотезы о настоящемъ положеніи дѣлъ. Изъ этой страшной массы, которую увлекъ за собою дикій деспотъ, спасется отъ оружія Русскихъ, голода, болѣзней, плѣна, одна армія Макдональда, если этотъ послѣдній не запоздаетъ своимъ отступленіемъ и если, не останавливаясь защитить Ковно и Вильну, онъ поспѣшитъ перейти черезъ Нѣманъ и Прегель, дабы затѣмъ обдумать дальнѣйшій образъ дѣйствій (вѣроятно онъ рѣшится, вслѣдъ затѣмъ, отступить къ Данцигу), да сверхъ того еще армія Шварценберга, которая останется въ Галиціи. Это составитъ по большей мѣрѣ 60 или 80.000 человекъ спасшихся изъ числа 350.000. Буду скорѣ писать къ вамъ, чтобы высказать вамъ свои политическіе и военные взгляды не только относительно этой войны, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Какую роль могутъ играть наследный принцъ шведскій и англійское правительство! Въ намѣреніи переписываться съ вами поддерживаетъ меня употребленіе дѣлаемое вами изъ моихъ писемъ, и въ особенности одобреніе императора, который, по непреклонности своей, поддерживаемой твердостью его храбраго народа, достоинъ стать освободителемъ Европы, что и предсказываю ему.

Будьте здоровы, пишите мнѣ при всякомъ случаѣ и примите увѣреніе, и т. д.

Очень сожалѣю, что Ксенофонтъ находится далеко и притомъ въ странѣ, сообщеніе съ которою пресѣчено безмысленною войной.

Третье письмо къ полковнику Рапателю, 18 декабря 1812 г.

Судя по официальнымъ извѣстіямъ, только что полученнымъ нами изъ С.-Петербурга, бѣлая часть того, что я предвидѣлъ, совершилась, дорогой полковникъ, уже къ 21 числу новаго стила. Великая армія Бонапарта была, по очищеніи Смоленска, окончательно разбита 17—19, артиллерія ея осталась за непріателемъ вмѣстѣ съ 20-ю тысячами плѣнныхъ, остальные же по видимому укрылись въ Смоленскѣ. Витгенштейнъ, въ свою очередь, разбилъ на голову Виктора, и соединился съ Чичаговымъ. Итакъ, дальнѣйшее исполненіе плана искусныхъ русскихъ ге-

нераловъ, соотвѣтствующее тому, что я начерталъ у себя въ кабинетѣ въ Лондонѣ, сдѣлалось естественнымъ результатомъ этихъ успѣховъ, какаѧ бы участь ни постигла Бонапарта, о которомъ буду говорить въ концѣ моего письма. Итакъ, не сомнѣваюсь вопервыхъ, что до конца января Витгенштейнъ съ дивизіями Левиза и Штейнгеля успѣлъ заставить Макдональда очистить Курляндію и перейти по крайней мѣрѣ за Нѣманъ.

Вовторыхъ, что Витгенштейнъ, съ остатками своей арміи, дивизіей графа Кутузова и частию арміи Чичагова, овладѣлъ Вильной и всѣми остальными мѣстами на Нѣманѣ.

Втретьихъ, что главная армія Кутузова заставила французскую армію сдатьсѧ въ Смоленскѣ, и что послѣдняя расположилася зимними квартирами на крайнихъ предѣлахъ Литвы, на протяженіи отъ Гродно черезъ Бѣлицу, Слонимъ, Несвижъ до Бобринска на Днѣпрѣ, куда уперлось еѧ лѣвое крыло. Въ то же время армія Витгенштейна, тѣсня Макдональда и заставивъ его отступить къ Данцигу, вѣроятно расположилася въ прусскихъ предѣлахъ въ возможной близости отъ этого города, опираясѧ, дабы угрожать ему черезъ староства Плоцкое и Бѣжецкое, лѣвымъ своимъ крыломъ на Гродно, гдѣ начинаются зимнія квартиры князя Кутузова.

Вчетвертыхъ, что Тормасовъ и Чичаговъ заняли зимнія квартиры въ староствахъ Люблинскомъ и Хелмскомъ, угрожая въ одно и то же время австрійской Польшѣ и Варшавѣ. Чѣмъ сильнѣе будетъ это расположеніе зимнихъ квартиръ и чѣмъ ближе къ австрійской Польшѣ, къ Данцигу и Варшавѣ, тѣмъ безопаснѣе онѣ будутъ противъ всякой атаки и всякаго скопища непріятеля, и тѣмъ удобнѣе будетъ снабжать войско припасами, такъ какъ мѣстности, принадлежащія къ названнымъ мною староствамъ, поставляли только обозы для великой арміи, и не пострадали въ матеріальномъ отношеніи какъ Литва, а потому могутъ представить много средствъ для устройства магазиновъ въ Кенигсбергѣ, Гродно, Плискѣ и другихъ промежуточныхъ мѣстахъ, еще болѣе приближенныхъ къ Вислѣ. Магазины эти будутъ необходимы для открытія кампаніи будущаго весной, вдоль этой рѣки, отъ Кракова до Данцига, если Александру понадобится еще кампанія, для того чтобъ очистить землю отъ чудовища и обезпечить независимость материка. Ничто не можетъ воспрепятствовать этому сильному расположенію зимнихъ квартиръ. Сохранились только корпуса Макдональда и Шварценберга, изъ которыхъ послѣдній почти не тронутъ. Они отдѣлены другъ отъ друга болѣе чѣмъ на сотню миль, и это пространство занято тремя побѣдоносными арміями Русскихъ, которыя препятствуютъ ихъ сообщенію. И тотъ, и другой изъ обѣихъ непріятельскихъ корпу-

совъ конечно озабоченъ лишь своею сохранностію и возможно быстрѣйшимъ отступленіемъ. Ни одинъ изъ нихъ не могъ снова двинуться впередъ, чтобы противостать наступленію трехъ побѣдоносныхъ армій. Послѣднимъ нечего опасаться, что мѣстности, которыя они рѣшаты занять, опустошены непріателемъ во время его отступленія, такъ какъ это опустошеніе могло совершиться только по самой линіи отступленія, и то не во владѣніяхъ Пруссаковъ и Поляковъ, которые, не будучи одушевлены такимъ патріотизмомъ, какъ досточтимый русскій народъ, не рѣшаты на такія великія пожертванія, и конечно воспротивятся раззоренію своего края. Итакъ, русскія арміи, въ странахъ почти нетронутыхъ, найдутъ средства не только вовремя собраться съ силами, послѣ утомительнаго похода, но и приготовить магазины для похода въ будущемъ году, если онъ потребуется. Другое побужденіе, столько же политическое, сколько и военное, расположится какъ можно ближе къ Вислѣ и австрійскимъ владѣніямъ заключается въ томъ, что черезъ это варшавская конфедерация будетъ лишена средствъ собрать солдатъ, оружіе и припасы на правомъ берегу Вислы, а это, судя по всеобщему страху и непостоянному характеру Поляковъ, умѣритъ увлеченіе этой обманутой націи, или превратитъ его, какъ бывало прежде, въ духъ партій, который въ свою очередь переродится въ семейныя вражды, въ составленіе небольшихъ конфедераций, не только несогласныхъ между собою, но воюющихъ другъ съ другомъ, и истощающихъ свои силы, какъ карлики родившіеся изъ зубовъ змѣи Кадма.

Лучшимъ средствомъ для упроченія покорности Литвы и другихъ частей Польши присоединенныхъ ранѣ къ Россіи, и для искорененія въ первой напраснаго фанатизма независимости, былъ бы немедленный пріѣздъ туда самого императора, именно въ январь или февраль мѣсяцъ. Добрый и милостивый нравъ, отпечатокъ котораго хранить его прекрасная наружность, произвелъ бы впечатлѣніе болѣе сильное чѣмъ страхъ его оружія. Притомъ, государь умѣрилъ бы справедливую, но быть-можетъ слишкомъ рѣзкую строгость своихъ генераловъ. Такой благотворный поступокъ, къ которому безъ сомнѣнія склонно его сердце не ускользнетъ конечно и отъ его прозорливости, которая не можетъ не убѣдить его, что даже и въ военномъ и въ политическомъ отношеніи присутствіе его въ Польшѣ должно произвести доброе дѣйствіе. Впервыхъ, это путешествіе покажетъ торжествующей арміи ея благодарнаго государя, который является къ ней чтобы самому на мѣстѣ судить о нуждахъ своихъ храбрыхъ солдатъ; вовторыхъ, оно покажетъ добраго государя Ригѣ, Лифляндіи, Курляндіи, которыя явили доказательство несокруши-

мой преданности въ то время, когда ихъ угнеталъ врагъ, страшный своею многочисленностью и жестокостью. Наконецъ, третьихъ, путешествіе это явить Москвѣ и Смоленску отца отечества, который лично награждаетъ ихъ героическую вѣрность, своими глазами удостоверяется въ величій ихъ утратъ и ихъ несчастій, осушаетъ слезы ихъ, самъ проливая свои, удовлетворяетъ насущнымъ ихъ нуждамъ и подготавливаетъ вмѣстѣ съ ними средства къ возстановленію ихъ благосостоянія, которымъ они геройски пожертвовали для спасенія отечества.

Путешествіе это можетъ совершаться очень быстро и легко въ настоящее время года; оно поддержитъ воодушевленіе въ добрыхъ подданныхъ Александра, привлечетъ къ нему заблудшихся польскихъ его подданныхъ, и упрочитъ помощь, необходимую его арміи во время зимней стоянки; наконецъ, приготовитъ средства къ открытію будущей кампаніи, и къ счастливому исходу этой войны. Свой глазъ лучше всего.

Путешествіе Александра въ Литву, и его появленіе въ Вильнѣ и даже въ Гроднѣ, произведутъ большое впечатлѣніе на материкъ; этимъ будетъ заявлено полное торжество войскъ Александра. Смѣлое расположеніе зимнихъ квартиръ, отрѣзавъ у варшавской конфедераціи всякаго рода продовольствіе по правому берегу Вислы, отниметъ возможность ввести опять въ заблужденіе Поляковъ ложною надеждой на самостоятельное политическое существованіе. Если Поляки дорожатъ еще этимъ возрожденіемъ, то скоро убѣдятся, что могутъ ожидать его лишь отъ императора Александра самого, если, по зрѣломъ размысленіи, онъ найдетъ, что возстановленіе Польши согласуется съ его политикой. Онъ одинъ можетъ или соединить Польшу, давъ ей по своему выбору короля, или оставить ее раздѣленною между многими государями, или вполнѣ присоединить ее къ своей имперіи. Судьба Поляковъ будетъ зависть отъ него, и онъ привлечетъ ихъ къ себѣ, или какъ благодарныхъ и вѣрныхъ союзниковъ, или какъ покорныхъ подданныхъ.

Что касается до Рейнскаго союза, то это путешествіе Александра, и это расположеніе зимнихъ квартиръ окончательно сокрушатъ его. Трепещущіе вассалы этого бездушнаго политическаго организма, истощенные потерей лучшихъ своихъ воиновъ и громадными расходами, которыхъ стоило имъ сумашествіе ихъ деспота, не будутъ въ состояніи, даже еслибъ они и хотѣли того, дѣлать усилія достаточныя для поддержанія его бѣшенства. Война противъ Россіи не представляетъ болѣе никакой цѣли. Триста тысячъ жертвъ—отборный цвѣтъ европейскихъ воиновъ—показали что за химера нашествіе на эту могучую державу. Русскіе зимою будутъ на Вислѣ, угрожая Германіи.

Эти слабые вассалы будутъ дрожать за себя и нуждаться во всѣхъ своихъ силахъ, чтобы воспрепятствовать реакціи народовъ, поддерживаемыхъ Россіей, Швеціей, Англіей, и негодующихъ на своихъ государей за ихъ трусость и униженіе Германіи. Впрочемъ, къ какой бы стати началъ теперь войну Рейнскій союзъ? Изгнать Русскихъ изъ Польши, возстановить ее и дать ей короля? Но у Австріи, Пруссіи, Саксоніи, есть интересы диаметрально противоположные этому. Современемъ каждое изъ этихъ государствъ нашлось бы въ необходимости соединиться съ Россіей, чтобъ уничтожить то, чему рѣшилось бы содѣйствовать помимо собственной выгоды и выгоды своего народа, цѣною истощенія своихъ войскъ и финансовъ. Вотъ неизбежные результаты безотлагательнаго путешествія въ Варшаву *интереснаго* русскаго монарха (*l'intéressant Empereur*). Пламенно желаю, чтобъ оно совершилось, равно какъ и смѣлое расположеніе зимнихъ квартиръ не въ Литвѣ, а въ Польшѣ, и какъ можно ближе къ Вислѣ. Надѣюсь, что послѣдствія того и другаго уже сознаны въ С.-Петербургѣ, равно какъ и мною въ Лондонѣ, и что императоръ нашелъ въ отеческихъ своихъ чувствахъ, равно какъ и въ дальновидной своей предусмотрительности, которую авдалъ онъ до сихъ поръ и которую умѣлъ придать своимъ генераламъ и министрамъ, убѣдительнѣйшія доказательства въ пользу немедленнаго принятія этихъ двухъ мѣръ, необходимыхъ для быстрого окончанія этой несчастной войны.

Теперь перейдемъ къ личной судьбѣ Бонапарта. Она рѣшена въ настоящій моментъ. Или онъ нашелъ возможность, въ то время какъ Дюрокъ жертвовалъ для него собою, съ отборными войсками проложить себѣ дорогу 17 числа (дѣло болѣе благо-разумное чѣмъ геройское), перейти Днѣпръ у Краснаго, переправиться быстро близъ арміи Витгенштейна у Минска, уйти отъ отдѣльнаго корпуса Чичагова и достигъ Варшавы и Малой Польши, гдѣ онъ конечно спасенъ; или онъ былъ принужденъ присоединиться къ войску, преслѣдуемому Орловымъ-Денисовымъ и Платовымъ, и его постигла участь этой, арміи, послѣ сдачи Смоленска лишившейся средствъ къ отступленію. Въ послѣднемъ случаѣ онъ или въ плѣну, или убитъ, или быть-можетъ умерщвленъ своими же солдатами. Ожидаемые нами бюлетины положить конецъ всѣмъ этимъ сомнѣніямъ.

Въ первомъ случаѣ, онъ явится въ Берлинѣ, во первыхъ, чтобы удостовѣриться въ судьбѣ, которая постигла остатки его 400.000-го войска и дать имъ приказанія съ цѣлію поставить ихъ зимою на ноги; во вторыхъ, чтобъ имѣть время узнать, какъ принялъ народъ подвластный ему его неудачи, можетъ ли онъ разчитывать на конскрипцію или долженъ отказаться отъ этого

такъ какъ дальнѣйшіе его проекты опредѣлятся этимъ обстоятельствомъ,—получить извѣстія о мѣрахъ временнаго правительствъ Парижѣ, при страшной новости о его полномъ пораженіи, наконецъ убѣдиться, можетъ ли онъ, не рискуя своею жизнію, отправиться въ Парижъ; третьихъ, чтобы написать всѣмъ членамъ Рейнскаго союза, развить имъ свои планы, отдать имъ свои приказанія, убѣдиться въ ихъ намѣреніяхъ, каковы бы они ни были; четвертыхъ, держать короля прусскаго при себѣ, въ видѣ заложника, и тѣмъ воспрепятствовать послѣднему перейти съ своимъ войскомъ на сторону враговъ.

Во второмъ случаѣ, *morte la bête, mort le venin* (убито животное, уничтоженъ и ядъ). Если чудовище погибло, Поляки немедленно покорятся Русскимъ. Остатки французской арміи, за исключеніемъ германскаго контингента, который вернется во свояси, очистятъ Германію до Рейна. Испанская армія снова перейдетъ черезъ Пиреней; быть-можетъ, она уже получила о томъ приказъ со стороны временнаго правительства, у котораго нѣтъ въ близости другихъ регулярныхъ войскъ для подавленія опаснаго броженія, которое въ скоромъ времени, быть-можетъ, охватитъ Францію.

Италію точно также придется покинуть; вся эта колоссальная имперія исчезнетъ безъ сопротивленія; Французы, задерживаемые у себя, станутъ губить себя въ междоусобной войнѣ или, быть-можетъ, будутъ достаточно умны, чтобы устроить себѣ менѣе притязательное національное существованіе и правительство болѣе законное и болѣе прочное; Рейнскій союзъ распадется самъ собою; перемиріе, предписываемое утомленіемъ и истощеніемъ силъ, заключится само собою, общій европейскій конгрессъ упрочитъ права государей и народовъ, и оснуетъ твердый миръ, который положитъ предѣлъ преступленіямъ и несчастіямъ, ввергающимъ въ отчаяніе всѣхъ и зависящимъ отъ жизни одного человѣка. Какъ скоро получу положительныя извѣстія объ участи этого чудовища, разовью мои соображенія по той изъ двухъ моихъ гипотезъ, которая оправдается.

Прошу повергнуть къ стопамъ Александра (*de l'excellent Alexandre*) мои живѣйшія поздравленія, сообщивъ ему мое письмо. Былъ бы очень счастливъ, еслибы, своимъ одобреніемъ, онъ побудилъ меня продолжать мою переписку. Видѣлъ г. Полетику, который передалъ мнѣ ваше письмо. Имѣю честь, и т. д.

Четвертое письмо къ полковнику *Rapatello*, 24 декабря 1812 г.

Смотрите на это письмо, дорогой полковникъ, какъ на продолженіе третьяго отъ 18-го. Оно основывается на осуществившемся моемъ предположеніи о спасеніи Бонапарта. Мы получили

извѣстіе, что онъ уже въ Парижѣ съ 18-го. Эта блуждающая комета обманула мои расчеты. Мнѣ казалось, было бы благоразумнѣе съ его стороны остаться на нѣкоторое время въ Берлинѣ, чтобы позаботиться объ участи остатковъ своей арміи, оживить пребываніемъ въ Германіи Рейнскій союзъ, упрочить за собою въ особенности помощь короля прусскаго и послать свои повелѣнія въ Парижъ. Онъ поступилъ иначе: отправился прямо въ Парижъ, куда прибылъ въ одинъ и тотъ же день съ своимъ 29-мъ бюллетенемъ, который, среди разныхъ лавированій и преувеличеній, содержитъ грустныя признанія и приготовляетъ парижскихъ звѣакъ къ еще болѣе мрачнымъ новостямъ. Несмотря на живую побѣду при Борисовѣ и соединеніе дивизій его несчастной арміи, бюллетень оставляетъ ее 3-го у Молодечно, конечно *въ чудномъ изобиліи, посреди всякаго рода припасовъ и подкрѣпленій, полученныхъ ею изъ Вильны*. Не вѣрю ни въ побѣду при Борисовѣ, ни въ изобиліе, ни въ подвозы изъ Вильны. Не сомнѣваюсь, напротивъ, что князь Смоленскій энергически преслѣдуетъ своего врага, что Витгенштейнъ съ другимъ корпусомъ двинулся на Вильну, что Милорадовичъ или другой генералъ пресѣкъ Французамъ дорогу между Вильной и Молодечно, и что остатокъ французской арміи, отчаяваясь войти въ Вильну и расположиться тамъ на зимнихъ квартирахъ, старается спастись, по направленію къ Варшавѣ, въ то время какъ Макдональдъ стремится пробраться къ нижней Вислѣ, въ чемъ Русскіе не замедлили, конечно, помочь ему, тѣсня его въ Пруссію, чтобы заставить его очиститъ затѣмъ и эту страну. Итакъ, полагаю, что положеніе войны совершенно согласно съ тѣмъ, что изложилъ я во 2-мъ и 3-мъ письмѣ. Сужу объ этомъ по таланту безсмертнаго Кугузова и его помощниковъ, а затѣмъ по воодушевленію, которое царствуетъ въ его арміи.

Но ничего не будетъ еще сдѣлано, если 1) русская армія не завладѣетъ королевскою Пруссіей и не расположится на зимнія квартиры въ Польшѣ, какъ можно ближе къ Вислѣ; 2) если Чичаговъ, достаточно подкрѣпленный, не заставитъ Шварценберга отступить въ австрійскую Польшу; 3) если императоръ Александръ не явится лично въ Вильну и Гродно, чтобы возбудить страхъ въ Рейнскомъ союзѣ и разорвать его переговорами, поддерживаемыми 150-ю тысячами штыковъ, расположенныхъ въ центрѣ Польши.

Переговоры эти необходимо начать немедленно. Надо въ одно и то же время грозить Варшавской конфедерациі, ласкать ее, провозвѣстивъ въ ней разрывъ, образуя контръ-конфедерацию, преданную Россіи. Что у послѣдней есть приверженцы, это обнаружится, какъ скоро на помощь ичѣ явится армія.

Если варшавской конфедерации дадутъ время собраться съ духомъ, если не перебросятъ Французовъ, во крайней мѣрѣ, на лѣвый берегъ Вислы, пока дѣло въ ходу, если остановятся,—отчаяніе и воодушевленіе придадутъ силы Полякамъ. Воинственный духъ возбудится въ нихъ, и они станутъ опасными. Ихъ упорство внушитъ самоувѣренность рейнской конфедерации, французская армія соберется съ силами, и тогда можетъ случиться, что вся эта масса на слѣдующій годъ съ бышенствомъ бросится на Россію, негодую на нее болѣе прежняго и пріобрѣтѣ большую военную опытность. Итакъ, надо воспользоваться зимою, чтобы предупредить это несчастіе. 1) Въ Польшѣ найдется достаточное количество припасовъ для зимнихъ квартиръ. 2) Если пребываніе русской арміи не успѣетъ положить конецъ увлеченію Поляковъ въ пользу независимаго существованія, то это пребываніе, сдѣлавшись враждебнымъ и тягостнымъ, послужитъ къ уничтоженію всѣхъ средствъ ихъ и лишитъ Корсиканца возможности снова начать тамъ войну, потому что палатинаты такъ же будутъ опустошены, какъ губерніи Московская и Смоленская, и потому что, для перехода черезъ Польшу, превращенную въ пустыню, придется на телегахъ привозить все изъ Германіи. 3) Все, что пойдетъ на содержаніе русской арміи въ Польшѣ, въ теченіи зимы, будетъ сбережено для владѣній Александра, а это дастъ его подданнымъ возможность пріобрѣсти средства къ вознагражденію понесенныхъ убытковъ. 4) Переговоры съ государствами рейнской конфедерации, поддерживаемые близостью Александра и его арміи, заставятъ короля прусскаго и другихъ сѣверо-германскихъ ея союзниковъ отпасть отъ нея и повлекутъ за собою ея уничтоженіе. Это откроетъ глаза австрійскому императору, интересъ котораго заключается въ распадѣнн конфедерации, такъ какъ посредствомъ ея совершилось его порабощеніе ненавистному его зятю, а равно и паденіе его власти и значенія. Точно также Австрія должна желать, чтобы Польша осталась подвластною и раздѣленною. Какъ скоро все это будетъ умно развито министрами Александра, послѣдующій образъ дѣйствій вѣнскаго двора приметъ другой оборотъ.

Еслибъ, однако, при робости и раболѣпствіи этого двора, цѣль относительно его не была достигнута, переговоры съ рейнскою конфедерацией все же повлекли бы за собою разъединеніе между членами ея, что породило бы контръ-конфедерацию сѣверной Германіи противъ южной. При этомъ сѣверная Германія будетъ въ союзъ съ Англіей, Швеціей и Россіей, и внутри Германіи начнется война, которая сдѣлаетъ невозможнымъ второе вторженіе въ Россію.

5) Окончательное занятіе королевской Пруссіи необходимо

для той же цѣли и возымѣть тѣ же послѣдствія. Занятіе Цинлавы необходимо для того, чтобы поддержать весною морскія операціи, блокировать данцигскій портъ и пресѣчь сообщеніе этого порта съ Нѣманомъ и Двиною. Король прусскій весною долженъ быть другомъ Россіи или врагомъ ея. Считаю рѣшеніе Наполеона не ѣхать на Берлинъ за большую ошибку, которая должна содѣйствовать отпаденію отъ него прусскаго государя. Если же, однако, прусскій король останется его покорнымъ слугою, не надо медлить, а слѣдуетъ, очищая королевскую Пруссію, поступить съ нею строго и окончательно опустошить ее, дабы она не представила Французамъ никакихъ ресурсовъ, если весной они успѣютъ создать армию и снова двинуться впередъ.

6) Последнее побужденіе къ занятію зимнихъ квартиръ въ Пруссіи и Польшѣ должно заключаться въ томъ, чтобы вполнѣ уничтожить эту разбойничью армию и, при помощи смѣлыхъ и быстрыхъ дѣйствій, перейти черезъ Вислу и прогнать Французовъ въ Германію. Это разоблачитъ передъ всею Европой обманъ Корсиканца, выставитъ его позоръ на показъ Германіи, Италиі, самой Франціи, и подготовитъ его паденіе, сорвавъ съ него личину.

Какъ скоро дойдутъ до меня другія новости, получу отвѣтъ отъ васъ и узнаю положительно, что императоръ одобряетъ мою переписку и желаетъ, чтобы я продолжалъ ее, я вамъ напишу. Имѣю честь быть, и пр.

Письма къ полковнику Боку и другимъ лицамъ.

I. Генералъ Дюмурье былъ лично, чтобы передать военную записку, которую г. Бокъ условился непосредственно и лично вручить его императорскому величеству. Генералъ Дюмурье завтра вечеромъ отправится въ свою деревню Литль-Илингъ, не вдалекѣ отъ Brentforda, и на недѣлѣ перешлетъ ему четыре письма къ полковнику Рапателю, который г. Бокъ потрудится дать переписать, прежде чѣмъ представлять ихъ своему государю. Воскресенье, 11 марта 1813 года.

II. Со вниманіемъ и большимъ удовольствіемъ прочелъ я длинное ваше письмо. Мои мысли согласны съ вашими; не скрываю отъ себя опасностей, но у меня двѣ надежды: первая, что Германія поневолѣ будетъ вовлечена въ восстаніе, которое сдѣлается общимъ; вторая, что Бонапартъ не соберетъ съ надлежащею быстротой силъ, необходимыхъ для того, чтобы заставить отступить массу въ 400 тысячъ человекъ, которая будетъ расти, расширяясь. Если будете писать графу Витгенштейну, засвидѣтельствуйте ему, что я удивляюсь его подвигамъ. На его дѣятельность разчитываю особенно въ маѣ и юнѣ. Если въ концѣ этихъ

двухъ мѣсяцевъ, Французевъ, за исключеніемъ некоторыхъ герцогинь, прогнать за Майнъ, этотъ походъ будетъ рѣшительнымъ. До вашего отъѣзда зайдите ко мнѣ. Въ ваши годы я былъ такимъ же энтузіастомъ; итакъ вы можете быть увѣрены, что интересуюсь вами, и вѣрить моей дружбѣ. Дюмурье. По-недѣльнику, 12 апрѣля 1813 г.

III. Ваше королевское высочество нѣсколько разъ изволили общать мнѣ посѣтить меня во время моей болѣзни. Послѣ того, я являлся къ вамъ, но не имѣлъ счастья найти васъ дома, дня четыре тому назадъ. Я выѣхалъ изъ города, чтобъ окончательно поселиться въ деревнѣ. Эта перемѣна была необходима для моего здоровья. Слишкомъ старъ, чтобъ безъ экипажа жить въ Лондонѣ, гдѣ знакомъ съ одними лишениями.

Взявъ въ аренду на очень-долгій срокъ хорошенькое имѣніе Литль-Илингъ, принадлежащее полковнику Аринкватеру. Не буду имѣть возможности являться къ вамъ (*faire la cour*) такъ часто, какъ бы хотѣлъ, но осмѣлюсь писать вамъ часто объ этомъ походѣ 1813 года, который ведется хорошо. Это письмо доставитъ вамъ полковникъ Бокъ, капитанъ русскои гвардіи, который очень желаетъ представиться вамъ и котораго осмѣливаюсь ввести къ вамъ посредствомъ письма, не имѣя возможности лично явиться съ нимъ. Это молодой офицеръ, весьма умный и талантливый, чрезвычайно любимый императоромъ, украшенный орденами за воинскіе подвиги. Онъ доверчиво явился ко мнѣ на основаніи переписки, которую я веду съ Русскими, и о которой много говорилъ въ арміи. Императоръ приказалъ благодарить меня за нее и пригласить, чтобъ я продолжалъ ее. Доставляю вамъ ее, какъ скоро выйду изъ безпорядка, причиненнаго переездомъ, и разберу свои бумаги.

Имѣю честь и т. д. 16 апрѣля 1813 г. Литтль-Илингъ, Брентфордъ.

IV. 16 го апрѣля 1813 г. Дорогой г. Бокъ, вотъ письмо, которое введетъ васъ къ герцогу Йоркскому. Его высочество, герцогъ Кентскій, черезъ котораго посылаю мое письмо и котораго, надѣюсь, вы видѣли сегодня утромъ, будетъ такъ добръ, что дастъ вамъ совѣтъ относительно того, надо ли идти къ нему. Затѣмъ употребите или разорвите письмо къ герцогу Йоркскому, уведомивъ меня, какъ поступили. Если бевсмертный Витгенштейнъ тотъ самый, кого я видѣлъ въ Дерптѣ въ 1810 г., — поблагодарите его за любезности, которыя оказалъ мнѣ онъ и всѣ его товарищи ландтага; напомните ему также М-ше Мейеръ, жену гамбургскаго негодіанта, которая весьма любила его и которая говорила мнѣ о немъ ежедневно ¹. Но кто бы онъ ни былъ, я уважаю и почитаю его,

¹ Генераль Дюмурье говорить о тайномъ вѣстникѣ Фитингофѣ. *Примечаніе Вика.*

и еслибы мои желанія имѣли какую-либо силу и мои совѣты могли быть полезны, я постарался бы содѣйствовать его славі. Уже въ прошедшемъ году, дѣлалъ я дѣйствующую съ русской стороны силу на три арміи, и остаюсь при этомъ дѣленіи.

1) Правая армія или ниже-германская, расположенная по линіи пересѣкающей линіи обѣихъ другихъ, обращенная фронтомъ къ Рейну отъ Везеля до Кобленца, должна поддержать возстаніе государствъ между Везеромъ и Рейномъ, оставляя за собою Магдебургъ, блокируемый прусскимъ корпусомъ соответствующимъ находящемуся въ этомъ городѣ французскому гарнизону. На эту армію, которою будетъ командовать, по соглашенію императора Александра съ сѣвѣрною лигой, Витгенштейнъ или Бернадотъ, должно быть возложено порученіе воспрепятствовать какому-либо французскому корпусу двинуться съ нижняго Рейна съ цѣлію присоединиться къ магдебургскому корпусу и образовать тамъ армію, достаточно сильную для перехода на правый берегъ Эльбы, ибо еслибы Бонапартъ успѣлъ въ этомъ, онъ перевелъ бы въ ту же кампанію войну къ Балтійскому морю и нижнему Одеру и могъ бы освободить мѣста находящіяся въ блокадѣ. Итакъ, важно пресѣчь волиѣ его сообщеніе съ Магдебургомъ, которое онъ будетъ стремиться возстановить, направляясь съ большими силами отъ нижняго Рейна и съ другой стороны отъ Майна, съ отрядомъ, подъ личнымъ его начальствомъ, и имѣя въ виду соединеніе обомъ этихъ войскъ при Магдебургѣ.

2) Второй отдѣлъ арміи, или центральная армія, въ особенно-сти составленная изъ Пруссаконъ и Саксонцевъ (которые, не сомнѣваюсь въ томъ, отпадутъ отъ Наполеона), находясь подъ командою Витгенштейна, если Бернадотъ приметъ начальство надъ правою арміею, должна непременно двинуться къ Тюрингенскому лѣсу для прикрытія Гессена и Саксоніи. Она фронтомъ будетъ расположена къ Майну и придвинется какъ можно ближе къ этой рѣкѣ, опираясь правымъ флангомъ на Нассау, лѣвымъ же на Швейнфуртъ. Въ особенності, должна она слѣдить за движеніями у праваго ея крыла, гдѣ надо ожидать главнѣйшихъ операцій Французовъ. Если они будутъ стремиться проникнуть въ Гессенъ, то она поставитъ ихъ между собой и между правою арміею и воспрепятствуетъ ихъ движенію впередъ. Если же напротивъ, французская армія будетъ всего болѣе стремиться къ тому, чтобы, направляясь вверхъ по Майну отъ Франкфурта до Вюрцбурга, пройти на іенскую дорогу, тогда центральная армія должна опереться на лѣвую, чтобы запереть эту дорогу, оставляя все же Тюрингенскій лѣсъ занятымъ.

3) Лѣвая армія, или смоленская, расположится, обратившись фронтомъ къ Майну, между Швейнфуртомъ, Бамбергомъ и Бай-

рейтомъ, имѣя за собою сильно укрѣпленныя дефилеи Гоца, и охраняя лѣвнымъ крыломъ Эгеръ. Эта армія должна дѣйствовать наступательно, направляясь черезъ верхній Палатинатъ до Нюренберга, быть-можетъ даже до Донауверта, гдѣ находится превосходный лагерь при Шелленбергѣ, угрожающій въ равной мѣрѣ Штутгарту и Мюнхену. Но это сильное движеніе будетъ зависѣть отъ расположенія Баварцевъ и Австрійцевъ, потому что надо надѣяться, что народы эти заставятъ свои правительства принять участіе въ войнѣ противъ деспота.

Я начерталъ первоначальное расположеніе или первыя дѣйствія этихъ трехъ армій, дѣйствія такъ-сказать оборонительныя и приготавлиющія движеніе, которое должно имѣть рѣшительныя послѣдствія и заставитьъ Французовъ отступить на лѣвый берегъ Рейна. Если, напротивъ, Баварцы и Австрійцы будутъ настаивать на сохраненіи союза съ деспотомъ, тогда театромъ войны 1813 года станутъ оба берега Майна и нижній Рейнъ. Французы не будутъ въ состояніи проникнуть ни въ Тюрингенскій лѣсъ, защищаемый обѣими арміями, центральною и лѣвою, ни со стороны нижняго Рейна, къ которому будетъ обращенъ фронтъ правой арміи, между Везеромъ и нижнимъ Рейномъ. Резервная армія, центральный пунктъ которой будетъ Сендомиръ, можетъ дѣйствовать въ австрійской Польшѣ, въ то время какъ одна часть арміи князя Смоленскаго будетъ угрожать Богеміи отъ Аусиха до Эгера, вмѣсто того чтобы идти на Нюренбергъ и т. д. Между тѣмъ, во время самаго похода или зимою крѣпости на Балтійскомъ морѣ сдадутся, такъ какъ онѣ будутъ лишены всякой помощи.

Первоначальное расположеніе, лишь слегка начертанное мною, должно быть занято въ концѣ іюня. При этомъ всѣ три арміи должны упрочить за собою на правомъ и лѣвомъ крылѣ точки опоры, которыя должны служить оплотомъ и удерживать Бонапарта при его движеніи по нижне-рейнскому и майнскому пути.

Точки опоры правой арміи слѣдующія:

1) Везель. Если эта крѣпость столь сильна, что не можетъ быть покорена, слѣдуетъ блокировать ее издалека, усиливъ полевыми укрѣпленіями Дорштейнъ на Липпе, Дульменъ на мюнстерской дорогѣ, и Лвнгенъ на границахъ Голландіи.

2) Дюссельдорфъ или какое-либо мѣсто выше его.

3) Какая-либо позиція маскирующая Кельнъ.

4) Сигбургъ.

5) Эренбрейтштейнъ, ключъ Рейна, передъ Кобленцомъ. Тутъ въ мѣсяцъ можетъ быть устроена несокрушимая крѣпость, гдѣ можно держать отъ 3 до 4.000 человекъ, которые составятъ лѣвое крыло правой арміи.

6) Нассау, занятый гарнизономъ праваго крыла центральной арміи, фронтъ которой займетъ Лимбургъ, Бурцбахъ, Фридбергъ, Гельнгаузенъ и Швейнбургъ, прикрывъ эти мѣста или другія полевыми укрѣпленіями, имѣющими цѣлю поддержать дѣйствіе этого фронта и воспрепятствовать движенію врага.

Точки опоры лѣвой арміи или смоленской будутъ Бамбергъ, Байрейтъ, Мюнхбергъ, Гофъ, Плауенъ. Тюрингенскій лѣсъ будетъ позади, второю линіей, на случай отступленія.

Вотъ, дорогой г. Бокъ, какими предполагаю я первыя движенія, или первыя позиціи союзниковъ, на которыхъ они непременно должны находиться не позже перваго іюня. Врагъ ихъ дѣятеленъ, будетъ всемірнѣе рисковать для всего, но у него нѣтъ ни тѣхъ силъ, какъ у Александра, ни такой отличной арміи.

Бонапарту не останется ничего другаго, кромѣ переговоровъ; но вашъ императоръ показалъ столь много энергіи и етоль много величія души, что не можетъ покинуть Нѣмцевъ, у которыхъ нѣтъ другой поддержки, кромѣ его, и которымъ одно спасеніе—самое энергическое продолженіе войны.

Что касается до королей прусскаго, саксонскаго, и другихъ государей сѣверной Германіи, то, хотя бы они и захотѣли соединиться снова съ тираномъ, они не были бы въ состояніи сдѣлать этого, такъ какъ ихъ же подданные заставили бы ихъ сражаться. Это война народовъ, а не кабинетовъ, и Нѣмцы зашли уже слишкомъ далеко. Въ отчаяніи они будутъ готовыми рѣшиться на всякую крайность даже противъ своихъ государей, еслибы стали подозрѣвать, что переговорами хотятъ подчинить ихъ игу тирана и навлечь на нихъ месть его. Пошлите какъ можно скорѣе мое письмо герою моему Витгенштейну и императору. Обнимаю васъ.

V. *Письмо полковнику Боку изъ Литтль-Илима, 8 мая 1813 г.*

Спѣшу, дорогой г. Бокъ, переслать вамъ мои размышленія о походѣ 1813 г., такъ какъ при вашемъ отъѣздѣ успѣлъ лишь сообщить извлеченіе изъ нихъ. Желая, чтобы трудъ этотъ дошелъ до васъ очень скоро, и чтобы вы имѣли возможность представить его вашему государю до начатія военныхъ дѣйствій, дабы его совѣтникамъ было время взвѣсить мои размышленія о настоящемъ планѣ Бонапарта, не обманываясь кажущимися его движеніями. Имѣвъ до сихъ поръ счастье угадывать вѣрно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ подавалъ Александру совѣты для его пользы, надѣюсь, что по прочтеніи бумагъ, которыя я поручилъ вамъ сообщить ему, онъ убѣдится, что я отъ всей души моей хотѣлъ бы засвидѣтельствовать ему преданность, которую внушаютъ мнѣ его мужество и добродѣтели. Если совѣтами, подчерпаемыми мною изъ долгодѣтней опытности, успѣю быть по-

дѣланнымъ для веденія священной войны, которую онъ поддержи-
ваетъ съ такою славой и такимъ успѣхомъ, почту себя Архиме-
домъ, который защищалъ Сиракузы въ своего кабинета. Про-
щайте, молодой другъ мой, живите для лучшаго изъ государей,
умрите за него, и какова бы ни была ваша участь, разчитывайте
на мою дружбу и мое уваженіе.

VI. Письмо къ нему же изъ Литтль-Нлима, 21 мая 1813 г.

Получилъ, дорогой другъ мой, ваше письмо отъ 8-го. Ваши
свѣдѣнія относительно того, что происходило, были неточны; вы
не знали даже, что Куксгагенъ былъ занятъ 7-го безъ выстрѣла.
Надѣюсь однако, что вы успѣли добраться до Гамбурга и оттуда
до Бойценбурга, откуда вы могли прибыть въ армию прежде чѣмъ
успѣли пресѣчь вамъ сообщеніе французскій корпусъ, послан-
ный освободить отъ осады Штетинъ. Если же вы нашлись въ
необходимости остаться съ полковникомъ Тетенборномъ, надѣ-
юсь по крайней мѣрѣ, что вы имѣли возможность послать ваши
бумаги моему герою Витгенштейну. Хотя онъ будутъ получены
слишкомъ поздно, но изъ нихъ можно будетъ почерпнуть нѣко-
торыя соображенія, которыя въ послѣдствіи пригодятся. Битва ему
дѣлаетъ честь, его добровольное отступленіе благородно. У него
будетъ армія сильнѣйшая, и столь же полная довѣрія, какъ та,
которая, подъ его командою, остановила первая усмія француз-
скаго бѣшенства (la furie française). Если принцъ шведскій
скоро явится на нижней Эльбѣ, не сомнѣваюсь, что съ вспомо-
гательнымъ войскомъ, которое Витгенштейнъ послалъ черезъ
Померанію, этотъ медленный Бернадотъ не только спасетъ Гам-
бургъ, но соберетъ въ тылу Бонапарта армію, которая воспре-
пятствуетъ ему проникнуть впередъ. Не сомнѣваюсь также, что
Бернадотъ двинетъ резервы черезъ южную Силезію и Фойхт-
ландъ въ тылу праваго крыла Бонапарта съ цѣлію остановить
его, безпокоя его на этомъ слишкомъ растянутомъ, и потому
удобномъ для нападенія крылѣ. Бонапарта будетъ весьма без-
покоить это крыло, вслѣдствіе опустошенія странъ, черезъ ко-
торыя онъ будетъ двигаться, и вслѣдствіе отдаленности его мага-
зиновъ на Майнѣ, въ особенности если онъ проникнетъ за Эль-
бу... Ловкій генералъ, имѣя подъ начальствомъ своимъ 50.000 и
обладая полною свободой дѣйствій, двинувшись по направленію
къ Гофу, можетъ еще измѣнить театръ войны, и заставить На-
полеона отступить къ Майну. Не имѣю нужды говорить болѣе
великому полководцу. Скажите ему, что почту себя счастливымъ,
какъ скоро услышу о его славѣ, въ которой не сомнѣваюсь, такъ
какъ вполне увѣренъ въ немъ.

Мой высокій другъ сообщилъ мнѣ ваше письмо. Этотъ отлич-
ный принцъ оцѣнилъ васъ, и весьма интересуется вами.

Король французскій посылаетъ брата своего, *Monsieur*, и своихъ двухъ сыновей, герцоговъ Ангулемскаго и Беррійскаго, къ императору. Это собраніе привцевъ, присоединяю къ тому и герцога Кумберландскаго, не послужитъ подкрѣпленіемъ арміи, и не прибавитъ опытности, а добрыхъ намѣреній недостаточно. Одинъ лишь изъ Бурбоновъ могъ бы быть полезенъ при императорѣ, и подъ начальствомъ моего героя, а именно герцогъ Орлеанскій, который въ самомъ дѣлѣ талантливъ.

Прощайте, молодой другъ мой, напишу вамъ болѣе, когда получу отъ васъ новости и когда узнаю о вашемъ прибытіи туда, гдѣ, хотѣлось бы, чтобы вы уже были.

VII. Письмо 28 іюня 1813 г.

Надѣюсь, дорогой мой молодой другъ, что ваши усы оцетнятся, а геройское сердце вашего генерала забьется сильнѣе обыкновеннаго при чтеніи этой второй записки, которую, какъ и первую, прошу представить императору; я надѣюсь, что онъ замѣтитъ важность ея. Дѣло идетъ о чести императора, коронѣ его, личной безопасности. Убѣжденъ въ этомъ, проникнуть этою идеей, а потому тревожусь какъ еслибы былъ его подданнымъ или чувствовалъ себя обязаннымъ ему. Вы поймете, что не изъ пустаго любопытства или эгоизма желаю узнать черезъ него самого, если онъ хочетъ удостоить меня этой чести, или черезъ графа Витгенштейна, доволенъ ли онъ моими совѣтами, благодаренъ ли онъ мнѣ за нихъ и желаетъ ли получить дальнѣйшіе. Жду этого въ отвѣтъ на мои двѣ записки. Будьте здоровы, пишите мнѣ и любите меня.

Записка 26 іюня 1813 г.

Два обстоятельства разрушили успѣхъ, котораго можно было ожидать въ Германіи, при началѣ похода союзниковъ. Первое—направленіе ихъ отступленія, послѣ обѣихъ бауценскихъ битвъ, и ихъ позиція подъ Швейдницемъ, второе—перемиріе.

1) Еслибы, какъ ожидали люди свѣдущіе, отступили къ Любеку и Губену, то Берлинъ и Глогау были бы долѣе прикрыты, лѣвый флангъ непріятельскій былъ бы болѣе открытъ, и въ тылу его расположился бы корпусъ Бюлова. Притомъ, сообщеніе съ корпусомъ Воронцова не было бы прервано и, послѣ успѣшныхъ дѣйствій этого генерала и графа Чернышева противъ обозовъ, которыми завладѣли они въ тылу лѣваго непріятельскаго крыла, по всей вѣроятности развилась бы въ тылу этого лѣваго крыла смѣлая наступательная война, въ то время какъ партизанскіе отряды въ 4 или 5.000 человекъ проникли бы въ Лузацію и Фойхтландъ за его правымъ крыломъ, стали бы беспокоить Бонапарта и воспрепятствовали бы его наступательнымъ

дѣйствіемъ: ему пришлось бы очистить находящуюся за нимъ страну, изъ опасенія быть отрѣзаннымъ или лишеннымъ подводовъ.

Вмѣстѣ того чтобы такимъ образомъ дѣйствовать наступательно на флангахъ, позаботившись избѣгать фронтowych битвъ выборомъ позицій, небольшими ретрадами и перемѣнами фронта, прижались къ выходамъ изъ Богемскихъ горъ и заняли позицію швейдницкую, которая была годна одному великому Фридриху, и то потому что у него осталась армія герцога Генриха Саксонскаго, который прикрывалъ Марцію Бранденбургскую и поддерживалъ сообщеніе съ Бреславлемъ. При всемъ томъ гениальный лагерь (le camp de génie) былъ бы ему пагубенъ, еслибы не смерть Елисаветы и не вступленіе на престолъ Петра III, который приказалъ Бутурлину отступитъ и соединиться въ послѣдствіи съ Пруссакими.

Мнѣ пишутъ изъ Швейдница отъ 3 іюня, что направленіе при отступленіи и позиція при Швейдницѣ, гдѣ укрѣпляются, хотя быть-можетъ, и находятъ ее дурною, были потребованы Австріей, дабы она могла войти въ сношеніе съ союзниками, намѣревалась въ весьма-непродолжительное время объявить себя за нихъ. Это предложеніе Австріи не слѣдовало принимать, такъ какъ оно *мелко* и *коварно*. *Мелко*, потому что, отступая на Швейдницъ, союзники лишили прикрытія всю Пруссію, потеряли весь бассейнъ Одера, отрѣзали себя отъ Варты и Франкфурта, то-есть отъ линіи, по которой должны были бы идти подкрѣпленія, могущія собраться въ Калишѣ и Познани. Кромѣ того, этимъ отступленіемъ открылась Французамъ дорога къ завоеванію Берлина, и къ освобожденію Штетина, даже Данцига, откуда въ нынѣшнемъ же году одинъ изъ ихъ корпусовъ, соединясь съ Поляками, можетъ кинуться на Вислу. Тогда Русскіе были бы принуждены спѣшно очистить Пруссію и отступать, при большихъ препятствіяхъ, окольною дорогою на верхнюю Вислу, чтобы идти на Гродно, и тѣмъ избавиться отъ непріятности быть запертыми и быть-можетъ принужденными сдать ся въ Кавдинскомъ ущельѣ, куда они зашли, изъ угодливости къ двуличной державѣ, которая, пожалуй, не рѣшилась еще ни на что, и намѣревается дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ. *Коварно*, потому что ей не безызвѣстно, что если она рѣшилась объявить себя за общее дѣло Германіи, коль скоро Бонапартъ не согласится на уничтоженіе рейнской конфедераціи и очищеніе имперіи (условія которыхъ онъ не можетъ и не захочетъ принять, если не будетъ принужденъ общимъ нападеніемъ), — потому что ей не безызвѣстно, говорю я, что въ такомъ случаѣ позиція при Швейдницѣ по меньшей мѣрѣ лишняя, такъ какъ она слишкомъ углублена въ горы и такъ какъ напротивъ была бы выгоднѣе перпендикулярная по-

зидія къ Бобру или между Шпре и озерами до Бранденбурга и Гавела. Кромя того, если Австрія захочетъ содѣйствовать общему дѣлу, то ей надо будетъ направиться отъ Эгера и Фейхтланда къ Салъ и Эльбъ, въ то время, какъ союзники двинулись бы впередъ къ Эльбъ, такъ какъ два эти движенія, задуманныя и исполненныя въ одно время съ прекращеніемъ перемирія, заставили бы Бонапарта безъ битвы покинуть Эльбу и отступить по крайней мѣрѣ къ Тюрингенскому лѣсу, изъ опасенія, чтобъ Австрія, предупредивъ его въ этихъ столь трудныхъ переходахъ, не отрѣзала его отъ Майна; при чемъ ему не осталось бы ничего другаго, какъ отступитъ къ Магдебургу и въ Вестфалію, гдѣ онъ не могъ бы содержать свою армію. Не думаю, чтобы занятіе позиціи швейдницкой, состоявшееся по желанію вѣнскаго двора, было положительно результатомъ гнуснаго макиавеллизма, имѣвшаго въ виду предать союзниковъ, и въ особенности обомъ государей, беззащитными въ руки деспота, хотя невольно рождается это подозрѣніе; но полагаю, что рѣшеніе относительно швейдницкой позиціи было внушено этому двору эгоизмомъ; Австріи хотѣлось бы, при заключеніи мира, одной извлечь выгоды. Ей нужно держать въ зависимости отъ себя двухъ государей, съ которыми она повидимому хочетъ соединиться единственно для того чтобъ ихъ военныя дѣйствія зависѣли отъ ея переговоровъ съ деспотомъ, зятемъ императора австрійскаго. Если послѣдній предоставитъ ему древній его императорскій титулъ съ Тиролемъ, прибрежною страной, завоеванною частью Кроаціи, и если, въ особенности, онъ присоединитъ Силезію, столь пламенно желаемую, и подастъ надежду одному изъ принцевъ австрійскаго дома на престолъ польскій, то Австрія пожертвуетъ безъ затрудненія обоимъ государями въ невыгодной позиціи, которую они заняли, довѣряя вѣнскому двору. Дворъ вѣнскій, разыгравъ роль строгаго посредника, соединится съ Французами, и оба государя будутъ отданы на жертву деспоту. Ихъ ожидаетъ не миръ, а капитуляція.

2. Напрасно распространяться о невыгодахъ перемирія, которое еще пагубнѣе по случаю позиціи союзнической арміи, чѣмъ вслѣдствіе неравенства условій. Левенбергская и гольдбергская раздѣлительная линія вполне въ пользу Французовъ, несмотря на нейтралитетъ Зауера, Лигница и Бреслава, которые союзники также не могутъ укрѣплять и которые слѣдовательно также перейдутъ въ руки враговъ при первомъ ихъ шагѣ. Тогда вся линія Одера будетъ потеряна по крайней мѣрѣ до Варги, если только не воспрепятствуетъ тому прибытіе князя Лобанова, какъ говорятъ, съ 90.000 человекъ, что считаю впрочемъ преувеличеннымъ. Не посягаетъ ли онъ вовремя, чтобъ укрѣпиться за этою рѣкой и не дать

Французамъ перейти черезъ эту рѣку? Притомъ, успѣетъ ли армія швейцарская быстрыми и счастливыми переходами соединиться съ нимъ на правомъ или лѣвомъ берегу Одера? Этому соединенію будетъ мѣшать французская дивизія близъ Глогау, которая нападеть на союзническую армію при отступленіи ея отъ Швейцарца, или на вспомогательную армію Лобанова. Мнѣ кажется, что Бонапартъ не строго соблюдаетъ перемиріе, такъ какъ 10-го, 5 дней спустя послѣ подписанія его, три дивизіи занимали еще Глогау и Бреславль. Если такъ, то, вмѣсто того чтобы жаловаться на это, я бы, на мѣстѣ главнокомандующаго союзническою арміей, вдругъ напалъ на ихъ квартиры, разрушилъ бы ихъ военный планъ и уничтожилъ бы интриги вѣнскаго двора.

Громадная выгода отъ перемирія заключается для Бонапарта въ томъ, что оно дастъ ему время подвинуть запасы отъ Майна къ Эльбѣ, тамъ основать магазины и склады оружія, дисциплинировать и приучить къ войнѣ своихъ рекрутъ, сохранить и увеличить численное свое превосходство, чтобы нанести сильныя удары при началѣ похода.

Я говорю: *при началѣ похода*, ибо полагаю невозможнымъ, чтобъ онъ не отвергнулъ предложеній Австріи, если они будутъ благоразумны и достойны главы нѣмецкой націи, убѣжденнаго въ томъ, что онъ достаточно силенъ для освобожденія ея, если не успѣетъ спасти ее своимъ посредничествомъ. Невозможно также, чтобъ оба государя приняли миръ, какъ скоро пристрастный посредникъ предложитъ со стороны затая условія, которыя не только обезславятъ ихъ, но въ результатѣ своемъ погубятъ ихъ, отторгнувъ у одного Силезію; у другаго Польшу, а быть-можетъ даже границу Прута и Финляндію.

Итакъ, нечего надѣяться на миръ, и оба государя явили столь много мужества, что подозрѣвать въ нихъ даже возможность колебанія при выборѣ между честью и истинною пользою съ одной стороны и неизбежною гибелью съ другою—нельзя. У императора Александра еще много средствъ. У короля прусскаго остается отчаяніе. Обѣ націи, воевавшія съ такимъ мужествомъ и такою славою до сихъ поръ, лишились бы возможности уважать и любить своихъ государей, еслибъ увидѣли себя жертвованными Австріи, Пруссакіи—порабощенною націей, принужденною перемѣнить государя, Русскіи—обезславленными, изгнанными изъ Польши, и при первой войнѣ, которая не замедлитъ возгорѣться, атакованными въ своихъ предѣлахъ тѣми же Поляками, Шведами, Нѣмцами, Турками и Французами. И причиною всего этого было бы то, что государямъ, не спросивъ своихъ подданныхъ, вдалились въ обманъ врага и явили менѣе мужества, чѣмъ ихъ націи, которымъ до тѣхъ поръ они служили

примѣромъ геройскаго постоянства. И такъ вѣрю въ продолженіе войны, и войны на жизнь или смерть. Разовью въ другой запискѣ съ тою же откровенностію средства, которыя полагаю полезными для того чтобъ она была приведена къ счастливому окончанію и чтобъ на Бонапарта обрушилась вся опасность этой испанской войны и вся тягость несчастій, которыми онъ гнететъ материкъ Европы ¹.

¹ Въ бумагахъ Бока сообщаемая записка сохранилась лишь въ копіи, а вторая, о которой онъ упоминаетъ какъ въ этой запискѣ, такъ и въ предыдущемъ письмѣ, не находится вовсе.

УВЕРТЮРА

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ ГЛАВЫ БУДУЩАГО РОМАНА.

I. Рожденіе.

Была одна изъ тѣхъ мягкихъ, теплыхъ апрѣльскихъ ночей, въ которыя перелетныя птицы любятъ совершать свое воздушное путешествіе съ далекаго юга на оживающій сѣверъ, прерывая по временамъ ночное безмолвіе, то рѣзкимъ шумомъ крыльевъ, то звучно и странно раздающимся гдѣ-то въ вышинѣ неопредѣленнымъ свистомъ, иногда протяжнымъ и чуть слышнымъ, иногда отрывистымъ и звонкимъ, будто пронесшимся надъ самымъ ухомъ. Какой-нибудь запоздавшій въ степи прохожій, внезапно услышавъ этотъ рѣзкій свистъ, съ изумленіемъ остановится, робко осмотрится вокругъ, взглянетъ въ вышину, на небо, потомъ набожно перекрестится, снявъ шапку, и пойдетъ своею дорогой, пугливо озираясь по сторонамъ. Но для чуткаго уха закаленнаго охотника эти ночные звуки, предвѣстники весны, гармоничнѣе всякой музыки. Онъ тоже, услышавъ ихъ, остановится, съ любовью

прислушиваясь къ непонятной для другихъ мелодіи, и потомъ безошибочно и съ точностію опредѣлить, что вотъ этотъ протяжный свистъ—голосъ кулика, этотъ отрывистый и звучный—гаршнепа, это горловое хрипѣніе — дупель летитъ, а этотъ рѣзкій и чистый шумъ—полетъ дикой утки. При этихъ звукахъ охотникъ задумается. Ему уже мерещится дикое, поросшее густымъ камышомъ болото, тающее въ своихъ мутныхъ водахъ безчисленное множество бекасовъ, дупелей, куликовъ и всѣхъ возможныхъ породъ утокъ. Заря только что занимается; утро чуть брезжитъ, послѣднія звѣзды гаснутъ на свѣтомъ небѣ. Ни одной тучки, ни одной тѣни на всемъ голубомъ сводѣ; только на востокѣ, чуть замѣтно для глазъ, подымается изъ-за горизонта бѣлая туманная полоска. Прохладно, но внутренній жаръ нетерпѣнія согрѣваетъ охотника. Собака весело бѣжитъ впереди, помахивая хвостомъ и оглядываясь на хозяина. Вотъ онъ наконецъ у самаго болота, и едва дѣлаетъ шагъ, какъ уже бекасъ срывается изъ-подъ его ногъ и тутъ же падаетъ при внезапно-раздавшемся мѣткомъ выстрѣлѣ.

Въ такую-то теплую ночь, когда въ тишинѣ ночной перелетныя птицы незримо тянулись по небу отъ юга къ сѣверу, 11 апрѣля 1831 года, въ старинномъ прадѣдовскомъ домѣ села Капитановки происходило нѣчто весьма необыкновенное. Въ самомъ домѣ царствовала впрочемъ мертвая тишина, такъ что съ перваго взгляда можно было подумать, что всѣ обитатели его, никогда не страдавшіе безсонницей, давно уже покоились мирнымъ деревенскимъ сномъ; но, всмотрѣвшись пристальнѣе, легко было убѣдиться, что не только въ домѣ, но и во всемъ помѣщичьемъ дворѣ, едва ли кто-нибудь смыкалъ въ эту ночь глаза. Въ окнахъ кухни и флигеля, въ которомъ жилъ крѣпостной человекъ Пантелей (на правахъ управителя, горѣлъ огонь; по двору непрерывно бѣгали и суетились сердитыя бабы и запыхавшіяся горничныя; изъ конюшни выводили и закладывали лошадей въ мирно-доживавшую въкъ свой коляску; около задняго крыльца, которое вело прямо въ дѣвичью, стоялъ Пантелей безъ шапки, въ длинномъ полномъ демикотоновомъ сюртукѣ, и съ озабоченнымъ видомъ разспрашивалъ шепотомъ о чемъ-то только-что выбѣжавшую изъ комнатъ горничную, которая ему впрочемъ не отвѣчала, а лишь махнула нетерпѣливо рукой и стремглавъ понеслась къ кучеру.

Въ то же время въ старинной залѣ дома происходила слѣдующая сцена. Мирный владѣлецъ села Капитановки, отставной корнетъ Николай Львовичъ Долинъ, чрезвычайно озабоченный и весь погруженный въ думы, быстрыми шагами ходилъ по залѣ и курилъ трубку за трубкой, находя въ табачномъ дымѣ, кажется, единственное средство, могущее хотя нѣсколько успокоить сильно волновавшуюся кровь и разсѣять тягостныя мысля, бродившія въ его головѣ. Несмотря на то, что онъ былъ безъ галстука и жилета, и сверхъ рубашки имѣлъ въ накидку только тонкій шелковый халатъ, отъ жара или внутренняго волненія, потъ крупными каплями катился по его щекамъ и шеѣ, и все лицо было совершенно краснаго цвѣта.

Было уже далеко за полночь; двѣ сальныя свѣчи, сильно нагорѣвшія и напльвшія, почти не освѣщали длинной и высокой комнаты, отчего всѣ предметы оставались въ такомъ таинственномъ полусвѣтѣ, что Николай Львовичъ нѣсколько разъ уже на всемъ ходу зацѣплялъ за какой-нибудь попавшійся на дорогѣ стулъ или табуретъ, и тогда тишина ночи внезапно нарушалась стукомъ упавшей на полъ мебели. Съ испугомъ останавливался онъ на нѣсколько мгновеній, осторожно приставлялъ стулъ къ самой стѣнѣ и снова принимался ходить взадъ и впередъ, тревожно поглядывая на дверь, ведущую во внутреннія комнаты.

Вдругъ дверь тихо отворилась, и въ залу не вошла, а проскользнула старая ключница Акулина. Лицо Акулины было чрезвычайно испугано и озабочено; платокъ, которымъ была повязана голова ея, съѣзалъ совсѣмъ на бокъ; нѣсколько съдыхъ клочковъ волосъ, выбившіеся изъ-подъ платка, беспорядочно падали на желтыя исхудалыя щеки; насупившіяся брови, глаза и вся фигура ея выражали явное неудовольствіе и досаду.

— Ну что, Акулинушка, душа моя, что тамъ, скажи! проговорилъ Николай Львовичъ, устремивъ на Акулину пытливыи взглядъ и почти задыхаясь отъ нетерпѣнія услышать скорѣе отвѣтъ.

Акулина сурово взглянула на него и пожала плечами. Видно было, что она очень сердилась, и еслибы не боялась надѣлать шуму, такъ дала бы волю своему язычку.

— Да что же это, баринъ, отвѣчала она шепотомъ, въ кото-

рожь слышались однако какіе-то крикливые звуки:—вѣдь вы тутъ громъ такой дѣлаете, что и до бѣды не долго. Вы умерить ее хотите, что ли?

— Не буду, Акулинушка, ей-Богу не буду, пропищалъ жалобно Николай Львовичъ:—это я нечаянно опрокинулъ проклятое кресло. Ну, какъ *ей?* скоро ли, а?

— Да ничего; кажется, слава Богу, все скоро кончится. Только Ирина Ивановна приказала доложить вамъ, что если вы не усядетесь, такъ она все бросить и уѣдетъ отсюда.

— Скажи, что я уже уѣлся, совсѣмъ уѣлся, прошепталъ убедительно Николай Львовичъ, и дѣйствительно послушно сѣлъ на первое попавшееся кресло.

— Когда Акулина тихими, неслышными шагами вышла изъ комнаты, Николай Львовичъ закурилъ трубку, снялъ нагаръ со свѣчъ, и задумался. Мало-по-малу вѣки его отяжелѣли, глаза сомкнулись, голова опустилась на грудь, и въ комнатѣ раздалось мѣрное дыханіе спящаго человѣка. Но это былъ не тотъ глубокій сонъ, во время котораго прерывается всякое сообщеніе съ дѣйствительностію, а скорѣе та чуткая ко всѣмъ явленіямъ внѣшняго міра полудремота, которая иногда противъ воли овладѣваетъ людьми сильно уставшими. Николай Львовичъ все слышалъ: и равномерное цоканье маятника стѣнныхъ часовъ, и мгновенно раздавшійся рѣзкій лай собаки на дворѣ, который однако сейчасъ же утихъ, и даже свое собственное дыханіе; несмотря на это, онъ рѣшительно не имѣлъ силъ поднять упавшую на грудь голову и раскрыть сомкнувшіеся глаза. Вдругъ какой-то слабый, отдаленный и совершенно неопредѣленный крикъ пронесся по залѣ. Николай Львовичъ раскрылъ глаза во всю ширь и, быстро вслочивъ съ кресла, сталъ жадно прислушиваться. Свѣчи опять нагорѣли до того, что въ комнатѣ было почти темно, ни одного звука—мертвая тишина. «Это мнѣ послышалось,» прошепталъ онъ и, весь взволнованный, опустился снова въ кресло. Но едва онъ успѣлъ сѣсть, какъ тотъ же крикъ, уже болѣе явственный и громкій, снова пронесся по комнатѣ. Николай Львовичъ затрепеталъ и, выпрямивъ во весь ростъ, вдругъ, какъ молнія, бросился къ двери, не помня себя отъ волненія, но на порогѣ совершенно неожиданно наткнулся со всего разбѣга на Ирину Ивановну, извѣстную во всемъ уѣздѣ даму благороднаго происхожденія. Ошеломленный на

минуту эту внезапною встрѣчей, Николай Львовичъ нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на нее совершенно безсознательно, потомъ вдругъ, быстро схвативъ ее руку, онъ такъ сильно жмалъ ее, что Ирина Ивановна присѣла и вскрикнула отъ боли.

— Ой, батюшки, ты никакъ съ ума спятилъ! вскричала она, съ сердцемъ вырывая свою руку:—ну чего разбѣжался со всѣхъ ногъ? Точно ослѣпъ и не видитъ, что я иду!

— Ирина Ивановна!.. Да что же, что же? говорите!.. признаесь Николай Львовичъ дрожащими губами, не слыша ровно ни одного слова изъ того, что она сказала.

И изнемогая отъ нетерпѣнія, онъ положилъ обѣ свои руки на ея плечи и безъ церемоніи принялся сильно трясти ее.

Ирина Ивановна сначала даже покраснѣла отъ гнѣва при такомъ неприличномъ съ нею обращеніи, но потомъ, видя, что дѣло плохо, быстро нагнулась внизъ и ловкимъ маневромъ отскочила въ сторону.

— Что же это такое въ самомъ дѣлѣ, отецъ мой? Ты никакъ забылъ, что я такая же дворянка какъ и ты? Такъ вотъ же ничего не скажу, коли на то пошло, а туда тебя не пустятъ; я поставила нарочно у дверей двухъ бабъ, чтобы тебя не впускали.

Николай Львовичъ вдругъ присмирѣлъ и бросилъ на разбѣшенную Ирину Ивановну такой умоляющій взглядъ, что гнѣвъ у нея какъ рукой сняло, и даже жалость зашевелилась въ сердцѣ. Нѣсколько мгновеній она смотрѣла на него молча, какъ бы любясь его смиреннымъ видомъ. Въ лицѣ ея не было уже и тѣни досады или неудовольствія; напротивъ, въ каждой чертѣ его пробивалась какая-то радость и видимое удовольствіе. Видно было, что Ирина Ивановна приготовилась сказать нѣчто не совсѣмъ обыкновенное и нарочно длила время, чтобы придать минутѣ болѣе торжественности и значенія. Наконецъ тихо, не спѣша, приблизилась она къ Николаю Львовичу, эффектно поклонилась, и нѣсколько офиціальнымъ голосомъ проговорила:

— Поздравляю тебя, батюшка Николай Львовичъ, съ сыномъ!.. Молодецъ какой!.. Красненькій!.. Какъ двѣ капли воды похожъ на тебя!..

Николай Львовичъ вдругъ почувствовалъ, что у него будто шевельнулось что-то въ груди, и вся кровь бросилась отъ сердца въ голову.

— Съ сыномъ? вы сказали съ сыномъ?... прешепталъ онъ чуть слышно и нагнувшись такъ близко къ Иринѣ Ивановнѣ, что она даже нѣсколько отшатнулась отъ него.

— Да, отецъ мой, съ сыномъ. Богъ, видно, услышалъ твои молитвы и...

Но Ирина Ивановна не окончила начатой рѣчи, потому что вдругъ совершенно неожиданно очутилась въ объятіяхъ Николая Львовича и почувствовала на щекѣ своей самый жаркій поцѣлуй.

— Ирина Ивановна!.. Голубушка!.. говорилъ онъ какъ-то безсвязно и почти бессознательно, не помня себя отъ радости:—у меня сынъ... сынъ... я вамъ буду вѣкъ... по гробъ благодаренъ, Ирина Ивановна...

И Николай Львовичъ весь дрожалъ отъ сильнаго волненія и внезапнаго прилива счастья, между тѣмъ какъ слезы, сами собою, медленно катились по загорѣвшимъ щекамъ.

На этотъ разъ Ирина Ивановна не только не разсердилась, но даже сама расчувствовалась и заплакала. Безсвязная благодарность Николая Львовича нисколько не удивила ея. Сознавая вполне свое достоинство, она была убѣждена, что безъ нея вышло бы какъ-нибудь совсѣмъ иначе, и даже, чего добраго, къ общему огорченію, вмѣсто сына родилась бы дочь. «Надо вездѣ, думала она, знаніе и умѣніе какъ взяться за дѣло, чтобы угодить всѣмъ.»

— А чтò жъ она? какъ ея?.. спросилъ Николай Львовичъ, освобождая Ирину Ивановну изъ своихъ объятій и съ безпокойствомъ смотря на нее.

— Ничего, батюшка; слава Богу, все благополучно. Слаба-то она, слаба, ну, да это всегда такъ бываетъ! Черезъ сорокъ дней все пройдетъ.

— Ирина Ивановна! пустите меня хоть взглянуть на нее и на... на моего сына...

И не ожидая разрѣшенія, Николай Львовичъ быстро пошелъ уже было къ двери, но Ирина Ивановна загородила ему дорогу.

— Нѣтъ, отецъ мой, возразила она рѣшительно: — теперь нельзя. Ты можешь ее потревожить, да и ребенка нельзя сегодня трогать. Потерпи до завтра, батюшка, а теперь ложись лучше спать; утро вечера мудренѣе. Вѣдь ты, чай, не смыкалъ еще глазъ, а гляди, уже свѣтаетъ на дворѣ. Спокойной ночи, сударь мой!

Ирина Ивановна поклонилась и дружелюбно удалилась изъ залы, поправивъ по дорогѣ наплывшія свѣчи.

Оставшись одинъ, Николай Львовичъ закурилъ трубку и началъ опять быстро ходить по комнатѣ. Но уже не безпокойство и тревога, не сомнѣніе и страхъ выражались на его лицѣ, а веселая улыбка скользила по губамъ и какое-то радостное чувство блистало въ его глазахъ. «У меня сынъ,» повторялъ онъ въ восторгѣ, «сынъ... Только я ужъ тебя въ гусары не отдамъ, нѣтъ, братецъ!... тебя тамъ въ карты выучать играть; знаю я гусарскую жизнь: самъ испыталъ!.. А я вотъ что: я отдамъ тебя учиться сначала... а потомъ... потомъ въ гражданскую. Это будетъ и лучше и спокойнѣе.» Николай Львовичъ вдругъ остановился, устремивъ глаза неподвижно въ одну точку, будто дѣйствительно уже созерцалъ своего сына дѣловымъ чиновникомъ, съ густыми черными бакенбардами, въ форменномъ вицъ-мундирѣ съ свѣтлыми пуговицами, и съ толстымъ портфелемъ подъ мышкой. «Викторъ Николаевичъ!» прошепталъ онъ, глядя все въ ту же точку «Дуня просила меня назвать его Викторомъ. Имя хорошее и кажется идетъ къ отчеству... Викторъ Ни-ко-ла-е-вичъ... Да, не дурно, право не дурно!.. отличное имя!» Сказавъ это, Николай Львовичъ быстро подошелъ къ столику стоявшему въ углу передъ иконами, отыскалъ лежавшіе на немъ святцы, толстую книгу въ коричневомъ сафьянномъ переплетѣ съ мѣдными массивными застѣжками, раскрылъ ихъ, и найдя 11 апрѣля, крупными буквами написалъ на поляхъ: «1831 года, сего числа, въ третьемъ часу по полуночи, родился у меня сынъ, Викторъ. День ангела его празднуется 18-го сего же мѣсяца.»

Сдѣлавъ эту надпись въ книгѣ, Николай Львовичъ два раза съ большимъ вниманіемъ прочиталъ ее, сначала про себя, а потомъ громко, но медленно и внятно, будто вслушиваясь въ каждую букву читаннаго, останавливаясь съ особеннымъ удовольствіемъ на словахъ «сынъ» и «Викторъ». Закрывъ послѣ этого святцы опять на застѣжки и подоживъ ихъ на мѣсто, Николай Львовичъ загасилъ одну свѣчу, а другую взялъ съ собой, и, весь блистающій счастьемъ, тихо вышелъ изъ залы, чтобы предаться сладкому отдыху послѣ тревожной проведенной безъ сна ночи.

II. Родители.

Николай Львовичъ Долинъ происходилъ отъ известной дворянской фамиліи, нѣкогда славившейся во всей губерніи, въ которой находились имѣнія Долиныхъ, гостепріимнымъ радушіемъ и богатствомъ, но въ послѣдствіи значительно обѣднѣвшей. Въ молодости своей Николай Львовичъ покутилъ такъ порядкомъ. Но надо сознаться, что жить такъ шибко онъ началъ только послѣ смерти своего отца, суроваго старика, любившаго подчасъ пожить широко, но болѣе известнаго во семь околоткѣ по непреклонной волѣ и дикому упрямству характера. До самой смерти своей Левъ Петровичъ держалъ Николашу въ ежовыхъ рукавицахъ и обходился съ нимъ какъ съ мальчишкомъ, несмотря на то, что въ послѣдній годъ его жизни Николаша былъ уже кавалерійскимъ офицеромъ, малымъ дѣтъ двадцати-пяти, съ длинными черными усами, но съ безмолвно-покорною физиономіей. Пока онъ былъ еще юнкеромъ, Левъ Петровичъ отпускалъ ему кое-какую скудную сумму на содержаніе, но съ полученіемъ офицерскаго чина и этотъ ничтожный доходъ прекратился. «Ты теперь уже человекъ, сказалъ онъ сыну, жалованье получаешь отъ царя за свою службу и можешь заботиться самъ о себѣ, а я для тебя больше работать не стану. Живи какъ знаешь.» И сталъ Николаша жить скрѣпя сердце и укрощая всѣ свои желанія, а желаній-то было не мало: въ полку на каждомъ шагу были соблазны, на каждомъ шагу нужны были деньги, чтобы не отставать отъ товарищей. Тогда еще отъ офицеровъ, кромѣ вытяжки и выправки, не требовалось никакихъ особенныхъ познаній. Жить было легко и весело. Карты и кутежъ составляли главное занятіе, а о другихъ никто и знать не хотѣлъ, да едва ли кто-либо и подозрѣвалъ самую возможность ихъ.

Крѣпился Николаша еще цѣлый годъ послѣ того какъ надѣлъ въ первый разъ эполеты. Сиднемъ сидѣлъ онъ на своей квартирѣ, выходя только въ манежъ да на эскадронныя ученія, и рѣшительно ни у кого не бывалъ, боясь обольщеній. А сильно хотѣлось ему ринуться въ жизнь со всего разбѣга и понестись, очертя голову, безъ оглядки. Молодая кровь ки-

пѣла въ его жилахъ, здоровье такъ и брызгало изъ всѣхъ поръ его румянаго лица, сердце сильно билось и жаждало жизни, а судьба, какъ нарочно, не дала никакихъ матеріальныхъ средствъ развернуться богатырю и показать свѣту свои могучія силы. Офицерскаго жалованья едва хватало Николашѣ на самыя необходимыя жизненныя потребности; прибѣгнуть къ кредиту онъ не согласился бы ни за какія блага въ мірѣ. «Ну что какъ папенька узнаетъ?» думалъ онъ каждый разъ, когда какой-нибудь доморощенный банкиръ въ ермолкѣ дѣлалъ ему черезчуръ искусительныя предложенія. Ужь одна эта мысль приводила его въ ужасъ,—и онъ прогонялъ искусителя.

Но не ему было бороться съ самимъ собою долгое время. Къ концу года, силы его видимо ослабли; твердость духа и энергія воли начали оставлять его. Ужь онъ готовъ былъ прибѣгнуть къ кредиту, заглушивъ въ себѣ страхъ отцовскаго гнѣва, какъ вдругъ въ одинъ почтовый день ему подали въ штабъ письмо съ черною печатью. Долго онъ не рѣшался раскрыть письмо, написанное совершенно незнакомою ему рукой. Сердце его сильно билось, руки дрожали. Наконецъ онъ сорвалъ печать, прочиталъ письмо до конца, дрожа будто въ лихорадкѣ, и, склонивъ голову на руки, крѣпко задумался. Письмо было отъ прикащика Пантелея, и извѣщало его о скоропостижной смерти отца.

Нѣсколько минутъ сидѣлъ Николаша не шевеля ни однимъ членомъ, а когда поднялъ голову, то глаза его были совершенно сухи и красны, какъ у человѣка одержимаго сильною горячкой. Медленно всталъ онъ съ своего мѣста, шатаясь подошелъ къ кровати, легъ и закрѣпилъ глаза рукамп. Такъ пролежалъ онъ до вечера, почти безъ движенія. Наконецъ, когда денщикъ внесъ уже въ комнату свѣчу и шипящій самоваръ, тогда только Николаша, оставивъ постель, какъ-то безсознательно надѣлъ сюртукъ съ эполетами, и не отвѣчая на вопросъ денщика о чаѣ, отправился къ одному изъ товарищей, у котораго съ утра до вечера шла непрерывная игра въ штошь. При входѣ Николаши въ комнату, гдѣ собралось вокругъ зеленого стола человѣкъ шесть офицеровъ, банкометъ невольно остановился, и игра прекратилась.

— Что съ тобою, братъ? спросилъ банкометъ, подавая ему руку:—на тебѣ лица нѣтъ.

— Ничего! проговорилъ спокойно Николаша: — папенька умеръ; я получилъ письмо.

И Николаша улыбнулся. Это было первое слово, произнесенное имъ со времени прочтенія роковаго письма.

Офицеры переглянулись между собою и тоже улыбнулись, а нѣкоторые даже завистливый взглядъ бросили на Николашу.

— Эхъ, братъ, жаль тебя! сказалъ банкометь, тасуя карты: — а впрочемъ, бѣда вѣдъ небольшая; ты теперь богатъ и свободенъ; самъ себя господинъ!

— Да, богатъ и свободенъ! повторилъ безсознательно Николаша, почти шепотомъ, и какъ бы вдумываясь въ значеніе этихъ словъ. «Свободенъ!» прошепталъ онъ еще разъ, и глаза его вдругъ сверкнули. Внезапная идея, идея свободы, о которой онъ не смѣлъ прежде и думать, вдругъ освѣтила хаосъ его мыслей и привела ихъ въ ясность. Грозный призракъ, всегда томившій его, не дававшій ему покоя ни днемъ, ни ночью, сдерживавшій его страстную натуру отъ всѣхъ увлеченій и подавившій въ немъ почти всѣ жизненные силы, призракъ, уничтожавшій въ душѣ его всѣ желанія въ самомъ ихъ зародышѣ, — вдругъ исчезъ какъ дымъ. Николаша внезапно почувствовалъ неудержимый порывъ къ жизни, полной тревоженій и борьбы. Имъ овладѣло страстное, непобѣдимое желаніе воспользоваться свободой сейчасъ же, не откладывая на завтра, и изъ своего душевнаго затишья пуститься на всѣхъ парусахъ въ житейское море. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, Николаша вдругъ съ какою-то рѣшимостію выдергиваетъ наудачу изъ колоды одну карту и обращается къ банкомету.

— Можно? спрашиваетъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Банкометь быстро взглянулъ на Николашу и громко захоталъ.

— Да ты, братъ, дрожишь будто въ лихорадкѣ! Вотъ что значить непривычка, прибавилъ онъ благосклонно. — Ну, иди!

Въ самомъ дѣлѣ, у Николаши тряслись руки и подгибались колѣни, но онъ этого не замѣчалъ. Неподвижно устремилъ онъ взоръ на руки банкомета и съ замираніемъ сердца ждалъ что будетъ.

Банкометь срѣзалъ.

— Готово, господа! сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ, обращаясь ко всѣмъ.

Всѣ понтеры открыли свои карты и показали куши.

— А у тебя, Долинъ, сколько идетъ? Ты не написалъ куша.

— Десять рублей, почти прошепталъ Николаша; у него захватывало дыханіе и пересохло въ горлѣ.

— Ого! вскричалъ банкOMETъ съ видимымъ удовольствіемъ.— Да ты, душа моя, начинаешь лихо! Бабиться, видно, не любишь!

И онъ сталъ метать, волнисто бросая карты направо и налево, и останавливаясь при каждомъ выигрышѣ или проигрышѣ.

— Дама бита! говорилъ онъ однозвучнымъ голосомъ: — десятка дана; запишите очки, а кушъ пойдетъ на пароль; семерка на пе! двойка домой! король имѣеть. .

Но Николаша далѣе не слышалъ; едва король упалъ налево, онъ громко закричалъ «имѣю», и испустилъ продолжительный и тяжелый вздохъ.

— Ты счастливъ должно-быть въ игрѣ, замѣтилъ банкOMETъ Николашъ:—запишешь или получишь?

— Нѣтъ, идетъ пароль, отвѣчалъ онъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ и загнулъ опять короля.

Уже свѣтало, когда Николаша возвратился домой. Денщикъ Степанъ, отпирая ему дверь, съ изумленіемъ увидѣлъ что баринъ его шатается. Бормоча подъ носъ себѣ какія-то безсвязныя фразы, направился Долинъ прямо къ кровати, и бросился въ постель не раздѣваясь.

На другой день Долинъ написалъ Пантелею приказъ, самаго короткаго впрочемъ содержанія, чтобъ управлялъ имѣніемъ по прежнему, чтобъ распорядился хозяйствомъ исправно, чтобъ деньги, всѣ какія есть съ экономіи, выслалъ ему въ полкъ, и чтобъ на будущее время высылалъ тоже всегда аккуратно, а иначе онъ прогонитъ его и поставитъ другаго прикащикомъ.

. И вотъ Николаша, богатый и ни отъ кого независимый, сталъ удивлять весь полкъ своею отчаянною игрой и бѣшенными ночными пирушками. Онъ скоро догналъ и перегналъ своихъ товарищей на этомъ поприщѣ. Никто во всемъ полку не могъ выпить столько какъ онъ, и никто не игралъ съ такимъ азартомъ и такою смѣлостію, и притомъ съ полнымъ презрѣніемъ къ проигрышу, какъ Долинъ. На его вечерахъ, которые онъ давалъ очень часто, ужинъ былъ всегда великолѣпный, вина самаго высшаго качества, какія только можно было найти въ ближайшемъ губернскомъ городѣ, а игра

раньше утра слѣдующаго дня никогда не оканчивалась. Но слѣпая фортуна была къ Николашѣ не благосклонна. Послѣ того знаменитаго вечера, когда онъ игралъ въ первый разъ въ жизни и выигралъ, счастье совсѣмъ оставило его. Скоро Долинъ увидѣлъ, что напрасно онъ считалъ себя богачомъ. Доходовъ съ имѣнія, которые аккуратно высылали ему Пантелеи, далеко было недостаточно для той жизни, какую онъ велъ. Остепениться, умѣрить свои желанія, онъ не могъ, еслибъ и желалъ этого, потому что зашелъ уже слишкомъ далеко, слишкомъ втянулся уже въ эту жизнь, полную тревогъ и искусственныхъ душевныхъ потрясеній. Оставалось одно средство, чтобы не уронить себя въ общемъ имѣніи: прибѣгнуть къ кредиту. Ростовщики давно уже ждали этой минуты, и съ полною готовностію предложили Долину свои услуги.

Съ этого времени деньги присылаемыя изъ имѣнія стали поступать на удовлетвореніе ростовщиковъ, и такъ какъ требованія этихъ кредиторовъ были почти безграничны, то Долинъ не успѣвалъ писать строжайшіе приказы Пантелею о немедленной высылкѣ денегъ во что бы то ни стало, при чемъ не рѣдко уполномочивалъ его продать, заложить что хочеть, лишь бы деньги были высланы съ первою почтой. Кончилось тѣмъ, что въ одно прекрасное утро Долинъ получилъ изъ деревни письмо съ одною, вмѣсто пяти, печатью, въ которомъ Пантелеи очень положительно доказывалъ, что денегъ нѣтъ въ экономіи вовсе, да и не будетъ, потому что уже продавать нечего, и что баринъ лучше бы сдѣлалъ, еслибы самъ пріѣхалъ въ деревню поправить раззоренное хозяйство. Прочитавъ письмо, Долинъ задумался; жить попрежнему не было никакой возможности: средствъ не было. Необходимо было или переѣхать образъ жизни, или выйти въ отставку—другаго выхода не было. Онъ выбралъ послѣднее, и возвратился въ свое родовое имѣніе.

По пріѣздѣ, Долинъ долго трактовалъ съ Пантелеемъ о хозяйствѣ и вообще о дѣлахъ по имѣнію, и, къ своему крайнему удивленію, узналъ, что все хозяйство пришло въ совершенное разстройство, дѣла страшно запутаны, на имѣніи числится значительный долгъ и множество недоимокъ, а финансовыя средства экономіи истощены такъ, что по книгѣ не значилось въ приходѣ ни одной копейки. На вопросъ Долина о причинѣ такого положенія дѣлъ, Пантелеи, вмѣсто

отвѣта, показалъ барину цѣлыя сотни собственноручныхъ его писемъ и приказовъ о немедленной высылкѣ денегъ. Долинъ твердо рѣшился заняться усердно хозяйствомъ и, по возможности, привести въ порядокъ свои дѣла. Впрочемъ, это благое намѣреніе такъ и осталось намѣреніемъ. Не болѣе какъ черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ владѣльца, бразды правленія снова перешли къ Пантелею, а Долинъ весь предался новой страсти. Эта страсть была охота. Цѣлые дни бродилъ онъ съ ружьемъ и собакой по окрестнымъ степямъ и болотамъ, гоняся за бекасами и куропатками, а по вечерамъ, когда Пантелей приходилъ къ нему за приказаніями, и начиналъ однозвучнымъ голосомъ докладывать о бывшихъ работахъ, онъ прерывалъ его при самомъ началѣ доклада, и разказавъ затѣмъ подробно обо всѣхъ своихъ въ тотъ день удачныхъ и неудачныхъ выстрѣлахъ, отпускалъ, не дѣлая ровно никакихъ распоряженій.

Однажды Долинъ, охотясь за коростелемъ, увлекся до того, что зашелъ въ чужой садъ, совершенно не замѣтивъ этого. Здѣсь онъ успѣлъ наконецъ удачно подойти къ притаившемуся въ высокой травѣ коростелю и, спугнувъ его почти у самыхъ ногъ, убилъ наповалъ. Но едва раздался въ саду выстрѣлъ, какъ шагахъ въ десяти отъ него, за густымъ сиреневымъ кустарникомъ, послышался слабый женскій крикъ, и въ ту же минуту изъ-за листьевъ быстро выбѣжала испуганная дѣвушка. Это была блондинка не высокаго роста, но стройная и граціозная, съ сѣрыми глазками, и съ чрезвычайно-нѣжнымъ цвѣтомъ лица. Она была вся взволнована, дышала скоро и порывисто; она по видимому, совершенно растерялась, увидѣвъ въ пяти шагахъ отъ себя мужчину съ ружьемъ. Нѣсколько минутъ оставалась она неподвижною, съ испугомъ и недоумѣніемъ глядя на Долина, который въ свою очередь, при видѣ внезапно явившейся дѣвушки, вдругъ остолбѣлъ, и, опершись на ружье, не двигался съ мѣста. Онъ даже забылъ поднять убитаго коростеля, котораго собака торжественно принесла въ зубахъ, и съ должнымъ почтеніемъ положила у его ногъ.

— Ахъ, какъ я испугалась! проговорила чуть слышно дѣвушка, и вдругъ вся покраснѣла.

При звукѣ ея голоса Долинъ вздрогнулъ.

— Извините меня, пожалуйста; я не зналъ, пробормоталъ онъ безсвязно:— я готовъ... прощенію...

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но заикнулся, смѣшался и

вдругъ, схвативъ ружье на перевѣсъ, побѣжалъ безъ оглядки изъ сада.

Около часу шелъ онъ все тѣмъ же ускореннымъ шагомъ, съ ружьемъ на перевѣсъ, и былъ до того углубленъ въ себя, что не замѣтилъ даже какъ его собака два раза дѣлала на дичь стойку, сама спугивала ее и гнала потомъ безнаказанно, пока не теряла изъ виду. Наконецъ Долинъ остановился и оглянулся кругомъ—степь безъ конца, съ разбросанными вездѣ копнами недавно снятаго хлѣба, ни одного жилья, на всемъ протяженіи, сколько охватывалъ взоръ. Долинъ снялъ сумку, положилъ ружье на землю, прилегъ къ одной изъ копенъ и, закрывъ глаза отъ свѣта руками, задумался. Такъ пролежалъ онъ до заката солнца. Уже стемнѣло, когда онъ всталъ и, поднявъ ружье и сумку, тихо побрелъ домой.

Въ этотъ вечеръ, Пантелей въ первый разъ довелъ свой докладъ до конца. Весь погруженный въ свои мысли, быстрыми шагами ходилъ Долинъ изъ угла въ уголокъ комнаты, и не только не слушалъ Пантелея, но даже не замѣчалъ его присутствія. На другой день онъ бродилъ съ ружьемъ вокругъ того сада, гдѣ убилъ коростеля и, не выстрѣливъ ни разу, возвратился домой въ самомъ мрачномъ расположеніи духа, а на третій приказалъ заперчь въ коляску лошадей и ѣхать за Ириной Ивановной Треуховой.

Ирина Ивановна, пріѣхавъ къ Долину по его собственному приглашенію, съ чувствомъ собственного достоинства приказала доложить о себѣ барину. Долинъ зналъ Ирину Ивановну еще съ дѣтства. Она бывала на всѣхъ празднествахъ, которыя задавалъ не рѣдко на весь уѣздъ отецъ его, и играла на нихъ таки немадоважную роль. Онъ помнилъ, какъ она вѣчно суетилась на этихъ вечерахъ и бѣгала по всѣмъ комнатамъ, какъ бранилась съ лакеями и горничными, какъ шепталась по цѣлымъ часамъ съ маменьками въ какомъ-нибудь уединенномъ углу, и какъ многозначительно переглядывалась съ ихъ дочками. Ирина Ивановна также помнила Долина, но, несмотря на всю свою проникательность, она терялась въ догадкахъ о причинѣ ея неожиданнаго приглашенія къ нему.

Черезъ двѣ минуты явился Долинъ, и подойдя быстрымъ шагомъ къ Ирине Ивановнѣ, положилъ ей на плечо руку.

— Ирина Ивановна! сказалъ онъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:—я хочу жениться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Нѣсколько секундъ Ирина Ивановна была рѣшительно ошеломена его внезапнымъ приступомъ прямо къ дѣлу. Она

привыкла начинать разговоръ всегда издали, приближаясь къ цѣли окольными путями, а тутъ вдругъ, безъ всякихъ предварительныхъ намековъ: «хочу жениться», — и отвѣтъ давай. Ирина Ивановна разсердилась не на шутку.

— Ну, что ты, батюшка! закричала она на всю комнату, сбрасывая съ сердцемъ съ своихъ плечъ его руку: — развѣ о такихъ деликатесахъ говорятъ такъ съ бухту-баракту?.. Ты меня-то сначала посади на покойномъ мѣстѣ, да угости чѣмъ знаешь, а потомъ и начнемъ говорить о дѣлѣ, толкомъ, а не такъ какъ ты...

Какъ ни горѣлъ Долинъ желаніемъ скорѣе покончить съ Ириной Ивановной, но, скрѣпя сердце, укротилъ свое нетерпѣніе, и усадивъ ее на диванъ, велѣлъ подать закуску.

Узнавъ въ чемъ дѣло, Ирина Ивановна всплеснула руками.

— Ахъ, ты, голова этакая горячая! воскликнула она съ какимъ-то сожалѣніемъ: — такъ ты съ перваго разу ужъ и влюбился?.. Брось ты ее, батюшка: она тебѣ совсѣмъ не пара. Я найду тебѣ такую невѣсту, что пальчики оближешь: здоровую, румяную, благороднаго дома и съ приданымъ. А эта что?.. Отецъ-то ея хоть и дворянинъ, да бѣденъ, ничего не имѣетъ, и даже незнакомъ съ благородными. А вотъ, знаешь, голубчикъ, Агашеньку Сывороткину; прибавила Ирина Ивановна, таинственно понизивъ голосъ и оглядываясь кругомъ: — вотъ невѣста тебѣ подъ стать; ангелъ во плоти, а не дѣвушка.

На этотъ разъ Ирина Ивановна отъшилась. Краснорѣчіе ея нисколько не подѣйствовало на Долина, и онъ упорно стоялъ на своемъ, объявивъ наотрѣзъ, что на другой не женится, хоть бы она была первая красавица въ мірѣ. Убѣдившись наконецъ, что дѣла не передѣлаешь на свой образецъ, Ирина Ивановна великодушно согласилась быть свахой Долина. «Экое счастье-то людямъ привалить!» разсуждала она сама съ собой, садясь въ коляску, чтобъ ѣхать къ отцу невѣсты для переговоровъ... «Вотъ взбѣсится Сывороткина какъ узнаетъ! Зубы-то ужъ острила на него...»

Авдотья Карповна, такъ внезапно овладѣвшая сердцемъ Долина по поводу коростеля, была робкое, запуганное существо. Воспитанная въ родительскомъ домѣ въ строгомъ повиновеніи, она никогда не смѣла возвысить свой голосъ или подать свое мнѣніе. Младшая въ семействѣ, она съ дѣтства повиновалась всѣмъ и каждому, и послушаніе вошло ей въ привычку. Никто никогда съ ней не заговаривалъ, никто не

спрашивала у ней ни о чемъ совѣта; ея какъ будто и въ домѣ не было. Тихая, скромная, чуждая всѣхъ домашнихъ интересовъ, она углубилась въ самое себя, и, къ своему крайнему удивленію, нашла этотъ новый міръ столь не похожимъ на все, что совершалось передъ ея глазами ежедневно, что ей стало какъ-то страшно дѣйствительности. Любимымъ ея мѣстомъ, гдѣ она могла совершенно изолироваться отъ всего что происходило въ домѣ ея родителей, былъ тотъ самый густой и тѣнистый садикъ, гдѣ въ первый разъ увидѣла ее Долинъ. Здѣсь встрѣчала она раннимъ утромъ восходъ солнца и просиживала, съ работою въ рукахъ, цѣлые лѣтніе дни подъ тѣнью дерева; здѣсь, въ тихіе свѣтлые вечера, засматривалась она на трепетное сіяніе звѣздъ, на голубое, бездонное небо, на фантастическіе очерки деревьевъ, полуосвѣщенныхъ луною. Она страстно желала только одного,—чтобъ ее оставили въ покоѣ, не втяги-вали насильно въ дѣйствительный міръ, забыли, если можно, о ея существованіи, и когда такія минуты изрѣдка выпадали на ея долю, тогда она, забывшись въ свой садикъ, считала себя совершенно счастливою, и знать ни о чемъ не хотѣла.

И вдругъ мечты Авдотьи Карповны были прерваны, по-праны, смяты, и притомъ самымъ безцеремоннымъ, образомъ. Богатый сосѣдъ, молодой помѣщикъ, владѣлецъ нѣсколькихъ сотъ душъ, дѣлаетъ честь предложить ей, бѣдной дѣвушкѣ, свою руку и сердце... «Какое счастье этой дурочкѣ!» думаетъ маменька, захлебываясь отъ неожиданнаго восторга: «вотъ обрадуется-то, вотъ сюрпризъ будетъ!» И маменька бѣжитъ, едва переводя дыханіе, въ садъ сообщить Дуни радостное извѣстіе. «Женихъ! сватовство!» слова эти вдругъ какъ громомъ поражаютъ Дуню, какъ камень падаютъ ей на сердце. Вѣдь это значить войти въ общую колею, начать жить, дѣйствовать, вращаться въ общей средѣ. Вѣдь это значить бросить свой садъ, свое дорогое уединеніе, свои любимыя мечты, забыть чудное трепетаніе звѣздъ, тихое вѣяніе ночи... Да кто же имѣетъ право врывать въ святилище ея души? Нѣтъ, это невозможно! Бѣдная Дуня, молящая и рыдающая, бросается на колѣни передъ матерью и заклинаетъ ее не принуждать ее, обождать еще, не спѣшить ея замужествомъ. Но мать неумолима; она и слышать не хочетъ о ея глупой просьбѣ. «Какъ! жениху, на котораго острять зубы самыя богатыя невѣсты во всемъ уѣздѣ, у котораго нѣсколько тысячъ десятинъ земли и прекрасная деревня—такому жениху отказать!.. да

это было бы сумашествіе. Дуня—дурочка еще, и ее надо образумить; послѣ сама же будетъ благодарить.» Наконецъ Дуня покорила, правда съ рыданіемъ и воплями сердца, но за то съ безмолвіемъ воли и безропотно. Она рѣшилась страдать всю жизнь, утѣшаясь только тѣмъ, что, видно, такова ея судьба, а судьбы не переищишь! Дуня была кроткое и доброе созданіе...

И вотъ Долинъ, полный страсти, уже сидитъ передъ своею женой, передъ этою странною, пугливою Дуней, и не спускаетъ съ нея влюбленныхъ глазъ. Онъ любовался бы ею цѣлый вѣкъ!.. Онъ не посмотритъ на ея блѣдныя губки, на тонкій румянецъ ея нѣжныхъ щекъ, на мягкіе какъ шелкъ русые волосы. Онъ любитъ ее со всею страстію первой любви, горячо, безумно. Млѣя отъ счастья, онъ припадаетъ къ ея груди, прижимаетъ ее, всю трепещущую отъ страха, къ своему сердцу и впивается въ ея губы огненнымъ поцѣлуемъ. Но Дуня непонятны эти вулканическіе порывы. Она боится мужа, боится блеска его глазъ и жгучихъ поцѣлуевъ. Если она и думала когда-нибудь о любви, то представляла себѣ ее далеко не такою, какою она оказалась въ дѣйствительности. Любовь олицетворялась въ ея воображеніи не иначе какъ въ видѣ очаровательнаго юноши, съ длинными, падающими по плечамъ, шелковистыми кудрями, съ задумчивою, кроткою физиономіей и тихимъ свѣтомъ, льющимся изъ голубыхъ очей. Этотъ юноша едва смѣетъ глядѣть на нее, едва рѣшается протянуть ей трепещущую руку и прошептать робко, почти не слышно: «я люблю тебя!..» А тутъ вдругъ дѣйствительность даетъ ей что-то совсѣмъ иное, насколько не похожее на ея идеаль: длинные жесткіе усы, загорѣлая отъ солнца щеки, пламенные, сверкающіе страстью глаза, горячіе поцѣлуи, порывистыя объятія, безумныя рѣчи... Дуня тяжело вздыхаетъ, погружается въ глубокую задумчивость, и готова считать себя самою несчастною женщиной въ мірѣ...

III. Дѣтство.

Съ сороковой ночи, 11-го апрѣля 1831 года, въ которую родился нашъ герой, совершенно впрочемъ не подозрѣвая того, что онъ своимъ появленіемъ на свѣтъ Божій заставилъ бодрствовать всю ночь въ томительной неизвѣстности, и тре...

возномъ ожиданіи отца своего, съ этой ночи Авдотью Карповну узнать нельзя было, — такъ она вся преобразилась. Забыты прежніе мечты и образы, увлекавшіе ее своею прелестью, умолкло воображеніе, стремившееся въ какія-то невѣдомыя страны. Ея уже не страшитъ эта дѣйствительность, отъ которой она прежде бѣжала бы за тридевять земель, и даже порывистыя ласки Николая Львовича, заставлявшія прежде болѣть ея сердце и приводившія ее въ невольный трепеть, уже не пугаютъ ея своимъ страстнымъ выраженіемъ. Чтѣ ей звѣзды, чтѣ ей голубое небо и луна, чтѣ ей всѣ неземные идеалы, чтѣ ей всѣ красоты природы и всѣ прежнія мечты ея въ сравненіи съ красотой ея сына, ея милаго, ненагляднаго Вити, въ сравненіи съ этою живою дѣйствительностію, охватившею ее вдругъ всю, отъ головы до ногъ, съ этимъ живымъ образомъ, напечатлѣвшимся навѣки въ ея сердцѣ? Вотъ онъ улыбается, протягиваетъ къ ней свои ручонки, лепечетъ что-то безсвязное, но понятное для нея, для матери, — вѣдь это не мечта, не игра разстроеннаго воображенія!.. И Авдотья Карповна, въ отвѣтъ на безсознательныя ласки сына, стремительно схватываетъ его къ себѣ на руки, играетъ съ нимъ, качаетъ, подбрасываетъ на воздухъ, щекочетъ, цѣлуетъ, потомъ посадить его на колѣни, прямо противъ глазъ, и по цѣлымъ часамъ смотритъ не налюбуется на его голубые глазки и пухленькія розовыя щечки. Но тсъ!.. Витя заснулъ! Не двинется Авдотья Карповна съ мѣста, не шевельнетъ ни однимъ членомъ, не мигнетъ даже глазомъ; она едва смѣетъ дышать, чтобы какъ-нибудь не разбудить ребенка, не потревожить его дорогаго покоя. Скрипнула дверь; входитъ Акулина, стуча башмаками. «Тсъ! онъ заснулъ!» шепчетъ Авдотья Карповна въ испугѣ, и не голосомъ, а только шевеля губами. Акулина вдругъ мертвѣетъ на мѣстѣ, и на цыпочкахъ, не слышными шагами, удаляется изъ комнаты, или затаивъ дыханіе, садится гдѣ-нибудь въ углу на скамейкѣ и, вынувъ изъ кармана свою вѣчную работу, шерстяной чулокъ, начинаетъ медленно вязать, едва разглядывая сквозь стекла толстыхъ роговыхъ очковъ спицы и петли. Тяшина въ комнатѣ глубочайшая. Только и слышно какъ мухи назойливо жужжать, лѣпясь по потолку и стѣнамъ; но чуть какъ-нибудь изъ нихъ осмѣлится сѣсть на лицо Вити, или полюбопытствуетъ заглянуть въ его полураскрытый ротикъ, заботливая рука матери тотчасъ же осторожно сгоняетъ ее, чтобы не безпо-

ковла его нѣжной кожи щекотаньемъ своихъ мохнатыхъ лапокъ. Сладко спитъ Витя въ этой невозмутимой тишинѣ, и во снѣ улыбается. Авдотья Карповна, глядя на него, тоже улыбается. «Вѣрно видить меня во снѣ», думаетъ она, и ее такъ и тянетъ поцѣловать сына въ розовыя ямочки щекъ, но ее удерживаетъ страхъ разбудить его. Вдругъ за дверью раздается тяжелая и скорая мужская походка. Авдотья Карповна блѣднѣетъ, Акулина отъ испуга спускаетъ вдругъ цѣлый рядъ петель, и прежде чѣмъ обѣ онѣ успѣваютъ опомниться и принять какія-нибудь мѣры къ возстановленію тишины, въ комнату входитъ Николай Львовичъ веселый, смѣющийся, съ блестящими отъ удовольствія глазами, съ готовымъ уже на губахъ словомъ. Окинувъ бѣглымъ взглядомъ обстановку, Николай Львовичъ сразу понимаетъ въ чемъ дѣло,—и улыбка исчезаетъ съ его лица, и готовое уже на губахъ слово остается невысказаннымъ. Не разбудилъ ли онъ какъ-нибудь стукомъ своихъ сапогъ сына? Но Витя ничего не слышитъ; онъ продолжаетъ сладко спать и улыбаться. Николай Львовичъ быстрымъ, хотя нѣсколько сдержаннымъ шагомъ подходитъ къ нему и наклоняется надъ его головкой, жадно всматриваясь въ каждую черту, въ каждую линію его смѣющегося личика. Напрасно Авдотья Карповна, зная неуправляемые порывы мужа, дѣлаетъ ему самыя понятныя знаки, чтобъ онъ удалился. Николай Львовичъ будто и не замѣчаетъ ихъ.

— Давно ли уснулъ? спрашиваетъ онъ шепотомъ, наклоняясь все ниже къ ребенку.

— Только что... Не безпокой его, уйди, онъ мало спалъ эту ночь, произноситъ чуть слышно умоляющимъ голосомъ Авдотья Карповна.

Но Николай Львовичъ не въ силахъ смирить загорѣвшееся желаніе. Онъ вдругъ быстро наклоняется и цѣлуетъ сына въ самыя губы. Ребенокъ вскрикиваетъ, просыпается и начинаетъ плакать. Все приходитъ въ сильную тревогу и волненіе: Авдотья Карповна дрожащими руками прижимаетъ его къ груди и старается убаюкать, приговаривая самыя нѣжныя названія; Акулина бросаетъ чулокъ на полъ и стремится къ Витѣ съ его любимыми игрушками; Николай Львовичъ схватываетъ со стола графинъ съ водой и стаканъ, и подымаетъ страшный звонъ стекломъ, думая привлечь вниманіе Вити. Но ничто не помогаетъ; крики и плачь не унимаются.

— Пстой! восклицаетъ вдругъ Николай Львовичъ:—онъ у меня тотчасъ перестанетъ... Дай мнѣ его!..

И не ожидая отвѣта матери, онъ въ одно мгновеніе вырываетъ сына изъ ея рукъ и начинаетъ подбрасывать его вверхъ чуть не до потолка, приговаривая: «молодецъ мальчикъ! у, какой высокій! ухъ, какъ хорошо!..» И мальчикъ, дѣйствительно, не только перестаетъ кричать, но даже смѣется, улыбается и, летя вверхъ, жмуритъ отъ удовольствія глазки. У Авдотьи Карповны вся кровь приливаетъ къ сердцу отъ страха; она еле дышитъ, смотря какъ Витя летитъ къ самому потолку и какъ оттуда стремглавъ падаетъ внизъ, прямо въ руки Николая Львовича.

— Довольно, довольно! говорить она, едва произнося слова отъ волненія и страха:—будетъ съ него... онъ уже не плачетъ... довольно же! Голова закружится, это вредно...

Но видя, что просьбы нисколько не дѣйствуютъ, она быстро подскакиваетъ къ Николаю Львовичу, подхватываетъ на лету ребенка и бѣжитъ отъ него въ другой конецъ комнаты, блѣдная и дрожащая.

— А что? видишь, вотъ и пересталъ плакать! говорить Николай Львовичъ, добродушно улыбаясь, и совершенно не замѣчая испуга жены. — Дай, я еще его покачаю... Смотри, онъ смѣется и протягиваетъ мнѣ свои ручки. Дрянной мальчикъ! весь въ меня: любить сильныя ощущенія! Да ты не бойся! чего испугалась! Ну, поди, Витя, ко мнѣ! поди, карапузикъ этакой!

Но Авдотья Карповна, не желая снова подвергать мальчика опасности, отъ которой онъ только что избавился, суетъ ему въ руки картонную лошадку съ бубенчиками, которою онъ остается совершенно доволенъ, и къ отцу идти уже не хочетъ.

Время такимъ образомъ шло да шло. И вотъ, въ одно прекрасное утро, Витя громко и явственно пролепеталъ одно слово,—правда, древнее какъ міръ, но это было то самое слово, которое когда-то, читатель, и ты, и я пролепетали нашими дѣтскими устами! Когда Витя произнесъ совершенно явственно: «мама», Авдотья Карповна востепенулась вся и переполнилась такимъ сладостнымъ чувствомъ, что нѣсколько минутъ не могла сказать ни слова, и только съ нѣмымъ восторгомъ смотрѣла на своего сына. Придя въ себя, Авдотья Карповна схватила Витю на руки изъ люльки, въ которой

онъ сдѣлать улыбаясь и твердя свое слово, покрыва его лицо тысячью поцѣлуями, и взволнованнымъ голосомъ проговорилъ: «ну, скажи, Витя, еще, скажи еще.» И Витя, будто гордясь тѣмъ, что имѣлъ случай доставить такое удовольствіе своей матери, повторяетъ снова, рѣзко ударя на слогахъ: «ма-ма, ма-ма...» Приходитъ Акулина, и для нея Витя повторяетъ то же слово. Акулина не вѣритъ собственнымъ ушамъ и смотритъ на Витю такимъ изумленнымъ взоромъ, будто предъ ея глазами дѣйствительно совершалось какое-то непонятное чудо. Убѣдившись наконецъ въ истинѣ факта, Акулина торжественно поздравляетъ Авдотью Карповну съ великимъ благополучіемъ, причемъ со вздохомъ присовокупляетъ, что видно ужъ такъ угодно Богу, и что на то была его святая воля. Приходитъ Николай Львовичъ, и ему прежде всего также сообщаютъ о совершившемся чудѣ, и для него Витя снова десять разъ повторяетъ все то же слово. Николай Львовичъ кажется не менѣе умиленнымъ, какъ и Авдотья Карповна. Онъ съ жадностью вслушивается въ слово произносимое мальчикомъ, и вдругъ отъ радости, къ немалому ужасу Авдотьи Карповны, начинаетъ по обыкновенію подбрасывать его къ самому потолку. Мальчикъ смѣется, хлопаетъ ручонками и, даже летя вверхъ, не перестаетъ твердить все свое слово. Уже Авдотья Карповна подскочила было къ Николаю Львовичу, чтобъ употребить свой обычный маневръ, то-есть, подхватить Витю на лету и тѣмъ избавить его отъ угрожавшей ему опасности; но вдругъ онъ самъ останавливается и, съ мальчикомъ на рукахъ, на нѣсколько мгновеній задумывается.

— А ну, Витя, скажи «папа», говорить онъ, страстно цѣлуя сына въ самыя губы.

— Мама, мама... твердитъ Витя, не понявъ вовсе просьбы отца.

— Нѣтъ, убѣждаетъ Николая Львовичъ, — скажи «папа», слышишь: «па-па, па-па...»

— Мама, мама, повторяетъ за нимъ мальчикъ, стараясь подражать въ интонаціи голоса отцу, думая, вѣроятно, что этого-то именно отъ него и хотятъ.

— Да нѣтъ же, нѣтъ, возражаетъ Николай Львовичъ, уже начиная сердиться говори «па-па-па-па...»

— Мама, мама...

Но въ это время приходитъ на помощь [Авдотья Карповна, и черезъ нѣсколько минутъ Витя внятно произносить то слово, котораго такъ добивался Николай Львовичъ. Новое слово вызвало новые поцѣлуи, новую радость и новое поздравленіе со стороны Акулины, принесенное ею съ такою же торжественностію, какъ и прежде, но только уже не Авдотья Карповна, а Николаю Львовичу.

Къ обѣду уже не только Пантелей, но и вся дворня знала о совершившихся въ домѣ событіяхъ, и всѣ другъ другу сообщали, что *панычѣ* началъ уже говорить.

Николай Львовичъ не бывалъ почти ни у кого изъ сосѣдей, развѣ крайне нужное дѣло могло принудить его выѣхать изъ дома. Объ Авдотья Карповна и говорить нечего; она была именно тѣмъ счастлива, что могла никогда не разлучаться съ своимъ Витей, и что почти никто изъ сосѣдей не отрывалъ ее внезапнымъ наѣздомъ всею семьєю отъ ея любимыхъ занятій. Правда, иногда Ирина Ивановна навѣдывалась къ Долинымъ, — мимоѣздомъ, какъ она всегда утверждала, — но посѣщенія ея не стѣсняли, да и не могли стѣснять ни Николая Львовича, ни Авдотьи Карповны. Ирина Ивановна обладала неоцѣненнымъ искусствомъ поставить себя вездѣ на такую ногу, что не она заискивала въ комъ-либо, а всѣ въ ней заискивали. Пріѣзжая къ Долинымъ, она обыкновенно отправлялась прямо въ спальню, гдѣ всегда находила Авдотью Карповну, Витю и Акулину. Поздоровавшись со всеми и расцѣловавъ Витю, причѣмъ она никогда не забывала осыпать его разными самыми нѣжными и пріятными для материнскаго слуха именами, Ирина Ивановна усаживалась въ мягкое кресло и принималась живо выкладывать всѣ уѣздныя новости, какія только приходили ей въ голову, по видимому вовсе не замѣчая того, что Авдотья Карповна, никогда не интересовавшаяся событіями уѣздной жизни, почти ея не слушала и давно уже забавлялась съ своимъ сыномъ, хотя, правда, и показывала видъ, что слушаетъ ее съ большимъ вниманіемъ. Никто не перебивалъ разказовъ Ирины Ивановны, развѣ Акулина слушавшая ее всегда съ такимъ вниманіемъ, что нерѣдко оставляла свой чулокъ, увлеченная интересомъ разказа. Не умолкаемо и безъ устали раздавался звонкій голосъ Ирины Ивановны то громко, то тихо, то возвышаясь, то понижаясь, смотря по значительности сообщаемой новости, по всѣмъ правиламъ ораторскаго искус-

ства. «Надя Кочулкова выходитъ замужъ за батальоннаго командира, Иванъ Ивановичъ думаетъ жениться, да не находитъ здѣсь невѣсты по своему состоянію; предводитель поссорился съ Елисеємъ Доримидонтовичемъ, за то что этотъ написалъ въ письмѣ къ нему: «Его Высокоблагородію», вмѣсто «Его Высокородію»; исправникъ, получивъ «Анну» въ петличку, давалъ чиновникамъ, и дворянамъ обѣдъ, на которомъ было шестьдесятъ персонъ и полковая музыка; у Сывороткиныхъ повѣсилась въ сѣняхъ дѣвка Машка на барской простынѣ, за что Олимпиада Дмитриевна такъ разсердилась что заболѣла было одышкой, а простыню велѣла бросить при себѣ въ печку, чтобъ и духу ея не было; у Петра Семеныча бѣжалъ Антипка кучерь, получивъ на канунъ побѣга, по приказанію барыни, шестьдесятъ плетей за нечистоту въ конюшнѣ. Аграфену Кондратьевну мужъ засталъ вдвоемъ въ спальнѣ съ ремонтеромъ Поприщинымъ. Сестры Подхвостовы побранились въ церкви за то что батюшка одной далъ цѣлую просфору, а другой только половину; Иванъ Лукичъ приказалъ долго жить, покушавъ плотно изъ ночь печерицъ въ сметанѣ...» Итакъ, безъ конца, все говорила Ирина Ивановна, не утаивая на душѣ своей ни одного сколько-нибудь важнаго событія въ уѣздѣ, пока въ спальню не приходилъ Николай Львовичъ, который, не слушая ея, тотчасъ же начиналъ играть съ Витей, и подымалъ при этомъ такой шумъ, что Ирина Ивановна рѣшительно не могла продолжать своей рѣчи, и поневолѣ останавливалась. Когда наконецъ Ирина Ивановна, закусивъ въ плотную и выпивъ нѣсколько чашекъ кофею съ густѣйшими сливками, подымалась съ своего кресла и начинала прощаться съ хозяевами, то Николай Львовичъ и Авдотья Карповна всегда просили ее не забывать ихъ и заѣзжать къ нимъ почаще, хотя, по правдѣ сказать, посѣщенія ея не доставляли имъ никакого особаго удовольствія, и будетъ или не будетъ она у нихъ, имъ это было рѣшительно все равно. Приглашали ее болѣе изъ вѣжливости, по долгу, хозяевъ, а можетъ быть и потому, что видѣть ея вѣчно озабоченную физиономію и слышать ея никогда не умолкающій голосъ было уже имъ въ привычку; но можно было поручиться, что оба они не слышали и сотой части тѣхъ разнообразныхъ исторій изъ уѣздной жизни, которыми въ каждый пріѣздъ свой угощала ихъ Ирина Ивановна.

Сосѣди,—только самые близкіе, потому что съ другими Ни-

колай Львовичъ даже и не знакомился,—прѣзжали въ Капитановку два, три раза въ годъ не болѣе, и то развѣ въ особенно торжественные дни: на святкахъ, въ день именинъ Николая Львовича, или въ Свѣтлое воскресенье. Оживлялся тогда на одинъ день не привычною дѣятельностію и движеніемъ домъ Долиныхъ: вынималось изъ кладовыхъ прадѣдовское серебро; снимались бѣлые чахлы съ мебели въ залѣ и гостиной; какъ угорѣлый, обѣгалъ Пантелей, заботясь о чистотѣ двора и конюшни, и даже Акулина, не принимавшая никогда участія ни въ какихъ общественныхъ дѣлахъ, въ новомъ пестромъ платкѣ на головѣ, съ какимъ-то особенно озабоченнымъ видомъ, приводила въ порядокъ спальню, хотя никто изъ гостей никогда не заглядывалъ туда. Нечего и говорить, что въ это время больше всѣхъ хлопотала и суетилась Ирина Ивановна. Она обыкновенно, еще за два дня передъ праздникомъ, поселялась у Долиныхъ и дѣлалась рѣшительно полною хозяйкой въ домѣ. Разумѣется, Авдотья Карповна не только не противилась этому, но еще отъ всей души была благодарна Иринѣ Ивановнѣ за ея хлопоты. Она знала, что при Иринѣ Ивановнѣ она можетъ-быть совершенно спокойна, и что все будетъ прилично, какъ слѣдуетъ въ порядочномъ домѣ.

Увѣжали гости, и весь домъ снова на нѣсколько мѣсяцевъ погружался въ полное бездѣйствіе, въ невозмутимую тишину. Только въ спальнѣ, гдѣ была кровать Вити, еще нѣсколько проявлялась жизнь. Это былъ какой-то отдѣльный уголокъ, изолированный отъ всего остального міра, отъ всякаго общаго интереса. Неудержимо неслись событія жизни впередъ. Исторія неизмѣнно совершала свое дѣло; человечество развивалось, вырабатывая пбтомъ и кровью знаніе и свободу; народы враждовали между собою; издавались новые законы, учреждались лучшія судилища; въ постоянной борьбѣ, то падала въ изнеможеніи, то вновь возставала и побѣждала правда; рождались новые геніи искусства; наука творила чудеса въ примѣненіи къ практикѣ,—словомъ все жило самою дѣятельною, самою кипучею жизнію, а обитатели нашего отдѣльнаго уголка и не подозревали, что въ мірѣ Божіемъ дѣлается. Да и какъ имъ было знать это, когда въ домѣ не было ни одного журнала, ни одной газеты, ни одной книги, кромѣ «Новѣйшаго оракула». Никому изъ Капитановцевъ даже и въ голову не приходило выглянуть въ окошко и посмотреть, что дѣлается на свѣтѣ.

Зачѣмъ это? Можно и безъ этого прожить! Лишь бы Витя былъ здоровъ, лишь бы ему, Боже сохрани, не приключилось какого-нибудь несчастія. Тутъ было и безъ того много хлопотъ. Тутъ были свои страсти, свои волненія, свои радости и несчастія: у Вити прорѣзываются зубы, Витя простудился и не спалъ всю ночь, Витя упалъ и расшибъ себѣ носъ.... И мать мучится и не спитъ всю ночь, не сводя тревожныхъ глазъ съ ребенка, и отецъ по цѣлымъ днямъ сидитъ въ спальнѣ, стараясь развлечь его чѣмъ-нибудь и Акулина охаетъ и крестится, моля Бога о помощи. И какъ они всѣ обрадуются, когда Витя, проснувшись утромъ, здоровый и веселый, съ улыбкою протянетъ къ матери руки! Развѣ это не страсти, не волненія? Развѣ чувства этихъ людей не истинныя страданія, не настоящія радости? И, Боже мой! да вѣдь тутъ цѣлая драма; своя домашняя, невѣдомая міру драма! Тутъ вся жизнь, со всѣмъ ея горемъ и счастьемъ.

А между тѣмъ Витя растетъ да растетъ. Уже онъ не только лепечетъ «папа» и «мама», но болтаетъ цѣлый день безъ умолку, бѣгая безъ устали по штучному полу высокой залы. Ему четыре года, и онъ прехорошенькій мальчикъ, съ здоровымъ румянцемъ на щекахъ, съ длинными вьющимися волосами и выразительными свѣтлыми глазками. Онъ нѣжно любитъ свою мамочку и не промѣнялъ бы ее ни на какія конфеты, ни на какія игрушки; потому что она никогда его не бранитъ, а безпрестанно цѣлуетъ и по цѣлымъ часамъ смотритъ на него, не спуская глазъ. Онъ любитъ и папочку за то, что онъ хоть и прикрикнетъ иногда за шалости, однако часто беретъ его съ собою кататься на бѣгункахъ, что приводитъ Витю всегда въ восхищеніе. Онъ любитъ и Акулину, за то что она забавляетъ его игрушками и рассказываетъ ему по вечерамъ длинныя, длинныя сказки, и Паптелея, за то что онъ отлично дѣлаетъ ему бумажныхъ змѣевъ, летающихъ подъ облака, и всѣхъ, всѣхъ рѣшительно, потому что всѣ его любятъ.

По мѣрѣ того какъ росъ Витя, Авдотья Карповна постепенно привыкала къ своему новому положенію, и ея порывистая, почти страстная любовь къ сыну дѣлалась мало-по-малу устойчивѣе и спокойнѣе. Она могла уже заниматься домоуправленіемъ и отдавать приказанія по хозяйству, хотя и съ трудомъ привыкала къ этому. Въ ней возродилась даже и прежняя любовь къ природѣ, но

спокойная и раздѣленная съ существомъ самимъ близкимъ ея сердцу. Въ лѣтніе дни, какъ только спадалъ жаръ, Авдотья Карповна отправлялась, всегда вмѣстѣ съ Витей, въ большой и запущенный капитановскій садъ и уже не выходила оттуда до ужина. Обходя въ садъ съ Витей не только всѣ аллеи, но всѣ закоулки сада, а иногда побѣгавъ съ нимъ, она, вся раскраснѣвшись и задыхаясь отъ усталости, садилась съ нимъ на своей любимой скамьѣ, около высокыхъ и вѣтвистыхъ яблонь, и молча смотрѣла на давно-знакомыя ей картины, вслушиваясь въ тотъ стройный хоръ природы, который такъ былъ знакомъ ей съ самаго дѣтства. Витя тоже молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ, а иногда вдругъ прерывалъ тишину какимъ-нибудь вопросомъ.

— Отчего это, мамочка, вонъ тамъ небо синее и темное, а тамъ славное такое, свѣтлое?

— Оттого, душенька, что тамъ солнце зашло; это заря.

— Это заря?..

И мальчикъ долго, долго смотритъ на западъ, не говоря ни слова, будто обдумывая и соображая, что мать ему сказала. Вдругъ яркая падучая звѣзда прокатится по небу Витя вспрыгиваетъ со скамьи и порывисто протягиваетъ къ блестящей полосѣ ручку.

— Смотри, мама, смотри; вотъ какъ хорошо!

— Я вижу, Витя, вижу, отвѣчаетъ Авдотья Карповна, набожно перекрестившись.

— Что это такое, мамочка?

— Это звѣзда, мой ангелъ, развѣ ты не видѣлъ?

— Отчего жъ она побѣжала? Вѣдь вонъ тѣ всѣ не бѣгаютъ!

— Это праведникъ гдѣ-то скончался, такъ душа его въ рай полетѣла.

— Развѣ душа летаетъ, мамочка? продолжаетъ спрашивать настойчиво мальчикъ, но мать задумывается, и на вопросъ его ничего не отвѣчаетъ. Снова молчаніе и совершенное безмолвіе, нарушаемое только неопредѣленными звуками ночи, которые, Богъ знаетъ откуда и какъ, носятся въ чуткомъ ночномъ воздухѣ. Филинъ ли крикнетъ гдѣ-нибудь далеко, куликъ ли отзовется свистомъ съ своего болота, лошадь ли заржетъ въ степи, собака ли залаетъ, аистъ ли вдругъ застучитъ длиннымъ клювомъ, неподвижно стоя надъ своимъ гнѣздомъ, — все это какъ-то перерождается, очищается въ ночномъ воздухѣ и достигаетъ до слуха уже со-

всѣмъ инымъ звукомъ, неопредѣленнымъ, но ласкающимъ и гармоническимъ.

— Что это, мамочка? слышала? спрашиваетъ вдругъ Витя, прислушиваясь не повторится ли поразившій его звукъ.

— Это такъ что-то, дитя мое; въ степи что нибудь, отвѣчаетъ уклончиво Авдотья Карповна, потому что и сама не поняла, что это былъ за звукъ, только что раздавшійся.

Мальчику становится какъ-то не по себѣ; онъ съ безпокойствомъ поглядываетъ вдоль аллеи, на кусты и темную массу неподвижныхъ деревьевъ, и робко жметъ къ матери. Авдотья Карповна беретъ его къ себѣ на колѣни, играя его мягкими волосами, и совершенно успокаиваетъ его. Ей и самой какъ будто не много страшно, но въ то же время она чувствуетъ въ душѣ такое спокойное счастье, что готова была бы просидѣть такъ вдвоемъ всю ночь, до восхода солнца. Вдругъ, на противоположномъ концѣ сада, раздается звучный голосъ Николая Львовича. «Дуня! Дуня! иди ужинать!» чутко несется по саду, и звукъ этотъ будто застываетъ въ спокойномъ, почти неподвижномъ воздухѣ. «Иду!» отвѣчаетъ Авдотья Карповна съ другаго конца сада и, схвативъ Витю за руку, пускается бѣгомъ по темной аллеѣ, ведущей къ дому.

Иногда, если выпадалъ тихій и не жаркій день и прїѣзжала на день или на два погостить Ирина Ивановна, устраивалась послѣобѣденная прогулка въ недалекой лѣсокъ, гдѣ находилась пасѣка Николая Львовича. Нечего и говорить, что день этотъ былъ всегда самымъ радостнымъ днемъ для Вити. Онъ прыгалъ отъ радости, хлопалъ въ ладоши, смѣялся и бросался всѣмъ на шею, не исключая даже и Ирины Ивановны, которая въ этомъ случаѣ обыкновенно называла его «маленькимъ вѣтрогономъ» и цѣловала въ пухленькія щечки.

— Въ лѣсокъ идемъ, мамочка, въ лѣсокъ! кричалъ онъ, бѣгая по залѣ:—вотъ славно! вотъ хорошо! Няня, няня, ты поѣдешь?

Но Акулина, очень не любившая разставаться съ своимъ покойнымъ мѣстомъ въ спальнѣ, была не довольна «этими выдумками», какъ она называла всегда прогулки, и потому вовсе не раздѣляла восторга Вити. Мальчикъ бросался къ ней на руки и, обвивъ ея шею, продолжалъ настойчиво спрашивать ее до тѣхъ перъ, пока лицо старушки не прояснилось и улыбка не оживляла ея недовольной физиономіи.

— Да вѣду, вѣду, шалунъ ты эдакой! отвѣчала она наконецъ уже веселымъ голосомъ:— съ тобой вѣдь не сладилъ!

Да и какъ было не радоваться Вити, когда онъ зналъ, что предположенная прогулка доставить ему тѣмъ самыхъ разнообразныхъ удовольствій. Вопервыхъ онъ поѣдетъ не въ коляскѣ, а на бѣгункахъ съ отцомъ и будетъ править лошадей; во вторыхъ, онъ будетъ вмѣстѣ со всѣми собирать грибы, и ужъ навѣрное найдетъ самый лучший грибъ; третьихъ, онъ будетъ смотрѣть какъ папа будетъ стрѣлять птичекъ,—а ужъ это одно чего стоитъ! Четвертыхъ, онъ увидитъ старика пасѣчника, который непременно попотчуетъ его и сотомъ, впитыхъ... Да всего и не перечислишь...

Проходить лѣто съ его цвѣтами и зеленью, съ его свѣтлыми и теплыми вечерами. Наступаетъ осень, скучная, холодная, мрачная. Небо вѣчно сѣрое, воздухъ влажный, день неправѣдливый, ни свѣта, ни тѣней; все безразлично, безцвѣтно. Тутъ не до прогулокъ! Тутъ вся забота только о томъ, какъ бы поярче затопить печку, да усѣсться спокойно передъ пылающимъ огнемъ, не думая о томъ, что за окнами дѣлается. А вечера... эти длинные, длинные осеніе вечера— какъ и чѣмъ укоротить ихъ, чтобы не умереть со скуки?

Авдотья Карповна не скучала. Внутренняя жизнь оставалась все та же. Обыкновенно Авдотья Карповна, Акулина и Витя проводили всю осень и зиму въ спальнѣ, и изъ этой комнаты почти не выходили. Здѣсь было всегда тепло и сухо, а главное, здѣсь была длинная кафельная лежанка, на которой помѣщалась Акулина съ неизмѣннымъ чулкомъ въ рукахъ, а иногда и Авдотья Карповна съ Витей, если на дворѣ было очень холодно. Послѣ вечерняго чая, Авдотья Карповна всегда занималась какою-нибудь работой, а Витя между тѣмъ игралъ съ большою сѣрою кошкой, привязывая ей къ хвосту клочки бумаги. Его хохотъ безпрестанно раздавался въ комнатѣ. Авдотья Карповна каждый разъ медленно подымала отъ работы голову, взглядывала на прыжки кошки и тоже смѣялась; даже озабоченная физиономія Акулины оживлялась на мгновеніе улыбкой. Но перестаетъ Витя играть съ кошкой, умолкаетъ его звонкій смѣхъ, и въ спальнѣ водворяется другъ продолжительное безмолвіе. Единственная сальная свѣча едва освѣщаетъ комнату; пріютившійся въ теплѣ около лежанки кузнечикъ тишеетъ свою нескончаемую пѣсню; оставленная въ покоѣ кошка мурлычетъ, поджавъ ноги и закрывъ глаза; порывистый и сильный

встерь, пробравшись въ домовую трубу, то жалобно воетъ, то пронзительно свиститъ, разнообразя тему самыми фантастическими варіаціями. Всякій занятъ своимъ дѣломъ, или, вѣрнѣе, овыми мыслями, и никто не желаетъ прервать наступившаго молчанія. Но вдругъ Витя, бросивъ свои ножницы и бумагу, быстро подымаетъ голову, будто что-нибудь вспомнилъ, и обращается къ Акулинѣ.

— Няня, душенька, разкажи сказку, говорить онъ умоляющимъ голосомъ.

Акулина вздрагиваетъ, испуганная внезапнымъ нарушеніемъ безмолвія, и, поднявъ свои очки кверху, бросаетъ недовольный взглядъ на Витю.

— И, вотъ еще что выдумалъ! отвѣчаетъ она сердито:— ужинать пора, а ты сказки задумалъ слушать!

— Нѣтъ, нѣтъ, няня, еще рано; ты еще успѣешь!..

И мальчикъ быстро вспрыгиваетъ на лежанку къ Акулинѣ, начинаетъ цѣловать ее, и, разумѣется, достигаетъ своей цѣли.

— Ну, какую же тебѣ, голубчикъ мой, разказать? спрашиваетъ Акулина уже мягкимъ и нѣжнымъ голосомъ:—вѣдь я, чай, все уже пересказала!

— Ничего, няня, все равно; разкажи еще разъ о той царевнѣ, которую все любили, помнишь?

Акулина медленно снимаетъ съ носа свои огромныя очки и осторожно укладываетъ ихъ въ кожаный футляръ, потомъ свертываетъ свой чулокъ и прячетъ его подъ подушку, и наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ приготовленій, начинаетъ на распѣвъ и почти однозвучнымъ голосомъ:

«Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ-былъ царь съ царицей...»

Хотя мальчикъ уже не разъ слышалъ эту сказку, но онъ неподвижно устремляетъ глаза свои на няню и жадно слѣдитъ за нитью разказа. Авдотья Карповна, продолжая шить, слушаетъ также съ большимъ вниманіемъ. Тихо и мѣрно раздается дребезжащій голосъ няни, сначала безстрастный и монотонный, а потомъ, по мѣрѣ развитія разказа, все болѣе и болѣе одушевляющійся. Она странствуетъ съ своимъ героемъ по безлюднымъ пустынямъ и бездоннымъ морямъ. Герой вездѣ ищетъ свою волюбленную царевну, свою ненаглядную красавицу.

— Мамонка! что это значитъ красавица? перебиваетъ вдругъ Витя старушку.

— Красавица... это душенька, такая женщина добрая... которую всѣ любятъ, отвѣчаетъ Авдотья Карповна, видимо зарудняясь объяснить значеніе этого слова.

— Значить, мамочка, ты тоже красавица? спрашиваетъ вдругъ мальчикъ, нѣсколько удивляясь своему открытію. Авдотья Карповна, при этомъ неожиданномъ заключеніи, добродушно смѣется и отрицательно качаетъ головой...

Такъ проходили дни въ этомъ забытомъ, замкнутомъ уголкѣ вселенной, тихо, безмятежно, едва замѣтно. Жизнь уходила въ вѣчность, не останавливаясь ни на минуту. День за днемъ проходили мѣсяцы, цѣлые годы, но никто этого не замѣчалъ: время здѣсь было совершенно безсильно и не измѣняло нисколько ни внутренней дѣятельности души, ни сердечныхъ влеченій, ни даже привычекъ. Сегодня все такъ же точно, какъ вчера, завтра будетъ такъ же какъ сегодня; никакихъ неожиданностей, никакихъ внѣшнихъ толчковъ, не знали жители Капитановки. Все шло по заведенному порядку съ точностію хронометра: вставали, чай пили, обѣдали, ужинали, ложились спать всегда въ одно время, и нѣтъ сомнѣнія, что еслибы порядокъ этотъ хотя бы на одинъ день измѣнился, всѣ были бы страшно недовольны. Можно было пари держать, что за полчаса до того времени, когда Николай Львовичъ вставалъ послѣ предвечерняго сна, у дверей залы будетъ непремѣнно торчать длинная и сухая фигура арендатора шинка Лейбы, терпѣливо ожидающая выхода барина изъ спальни. Заостренный внизъ, крючковатый носъ, длинные съдые пейсы на вискахъ, густая, съ просѣдью, клинообразная борода, блестящіе черные глаза, безпрерывно перебѣгающіе съ предмета на предметъ, нависшія надъ глазами брови, въ ормолѣ и черномъ длиннополомъ ластиковомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, Лейба былъ настоящій типъ польскаго Еврея. Онъ держалъ себя, впрочемъ, всегда съ большимъ достоинствомъ. Когда говорилъ съ кѣмъ-нибудь, то закладывалъ обѣ руки за спину и нѣсколько наклонялъ голову на бокъ о пустякахъ какихъ-нибудь онъ никогда не толковалъ, а все о предметахъ болѣе или менѣе важныхъ, вопросахъ серіозныхъ и практическихъ. Если онъ когда-нибудь и улыбался, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣлъ выразить презрѣніе къ чужому мнѣнію или поступку, которые наего взглядъ были глупы и непрактичны. Лейба былъ арендаторомъ въ Капитанокѣ уже лѣтъ десять; онъ сумѣлъ по-

вести дѣла свои такъ, что держалъ въ рукахъ своихъ не только всѣхъ крестьянъ, всегда низко кланявшихся ему при встрѣчѣ, но и самого Николая Львовича, котораго онъ зналъ какъ свои пять пальцевъ и надувалъ на каждомъ шагу. Витя сильно побаивался Лейбы. Его черные, пронизательные глаза, его астробинный носъ и густая борода наводили на него паническій ужасъ, и онъ ни за какія блага въ мірѣ не остался бы съ нимъ одинъ въ залѣ, несмотря на то что Лейба, какъ тонкій дипломатъ, былъ всегда съ нимъ очень прिवѣтливъ и часто приносилъ ему въ подарокъ или маковниковъ, или пряниковъ съ перцемъ домашняго печенья.

Послѣобѣденная бесѣда Николая Львовича съ арендаторомъ продолжалась обыкновенно около часу, хотя все то, что они успѣвали передать другъ другу за это время, можно было бы, не спѣша, покончить въ какихъ-нибудь десять минутъ. Лейба стоялъ, всегда прислонясь спиной къ двери, съ дѣловымъ выраженіемъ лица а Николай Львовичъ, съ чубукомъ въ рукахъ, съ не менѣ дѣловою физиономіей, быстро ходилъ по залѣ, занятый, повидимому, разрѣшеніемъ немаловажныхъ вопросовъ. Такъ проходило нѣсколько минутъ. Наконецъ Николай Львовичъ останавливался вдругъ передъ Лейбою и, выпустивъ изо рта густой клубъ дыма, обращался къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Ну, что, Лейба, скажешь хорошенькаго?

Лейба, выведенный неожиданно изъ своего самоуглубленія, быстро поднималъ свои черные зрачки къ потолку и немножко презрительно пожималъ плечами.

— Да что хорошенькаго? Ничего!

Николай Львовичъ издавалъ какой-то неопредѣленный звукъ, не раскрывая рта, и сильно потянувъ изъ чубука дымъ, снова начиналъ ходить по залѣ.

— Ну что на базарѣ? спрашивалъ онъ спустя нѣсколько минутъ, опять останавливаясь передъ Лейбою.

— Базаръ былъ хорошій.

— А купилъ дегтю?

— Купилъ?

— Сколько жь тебѣ?

— Два съ полтиной.

— Запиши.

Лейба молча кивалъ головой, и тишина снова водворилась въ комнатѣ. Предложивъ еще два-три подобныхъ вопроса

съ такими же промежутками краснорѣчиваго молчанія, Николай Львовичъ озабоченно-посматривалъ на стѣнные часы и наконецъ отпуская Лейбу. Иногда посреди этой аудіенціи вдругъ съ громкими криками и веселымъ дѣтскимъ смѣхомъ вбѣгалъ въ залу Витя и бросался прямо къ папашѣ съ какою-нибудь игрушкою въ рукахъ, но увидѣвъ неподвижно-стоящую у дверей, сухую и вытанутую фигуру Лейбы, останавливался посреди комнаты и робко озирался вокругъ, видимо озадаченный неожиданною встрѣчей. Лейба обыкновенно ласково здоровался съ Витей, стараясь не кривить ротъ свой въ возможно-пріятную улыбку; но Николай Львовичъ, нисколько не измѣняя дѣловаго выраженія своей физиономіи, высылалъ сына тотчасъ же изъ залы, говоря что онъ занятъ и что ему теперь не до игрушекъ. Витя въ послѣдствіи уже твердо зналъ часъ аудіенціи Лейбы и въ это время никогда не вбѣгалъ въ залу, но за то не рѣдко съ самымъ наивнымъ любопытствомъ разсматривалъ въ полурастворенную дверь фигуру Лейбы, никогда не переставшую удивлять своею странностію пылокое воображеніе мальчика.

Въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ Виктора чрезвычайно живо сохранилась еще кроткая и добрая фигура сельскаго священника. Онъ никогда не могъ забыть этого маленькаго старичка въ черномъ демикотоновомъ подрясникѣ, съ цвѣтнымъ, шитымъ гарусомъ, поясомъ, съ коротенькою, густо-заплетенною косой на затылкѣ, съ жиденькою совершенно бѣлою бородой и съ пріятливою улыбкой, никогда не сходящею съ лица. Но чувство, запечатлѣвшее навсегда въ воображеніи Вити образъ старика, было уже не боязнь къ его также нѣсколько странной фигурѣ, а скорѣе какая-то особая симпатія къ нему. Никто въ домѣ такъ не радовался наступленію какого-нибудь годоваго праздника, какъ Витя; впрочемъ не одинъ онъ, но и всѣ ждали подобнаго дня съ большимъ нетерпѣніемъ. Наканунѣ отправлялась въ домѣ все-нощная. Передъ вечеромъ приходилъ отецъ Кузьма съ мѣднымъ крестомъ, служебникомъ, кадильницей и двумя дѣлками; онъ кланялся молча всѣмъ собравшимся въ залѣ, торжественно надѣвалъ эпитрахиль, и тотчасъ же, тихимъ и нѣсколько дрожащимъ голосомъ, начиналъ служеніе. Впереди всѣхъ, почти около священника, обыкновенно стоялъ Николай Львовичъ. Онъ усердно крестился, клалъ низкіе поклоны, не становясь

впрочемъ на колѣни, а только касаясь по временамъ сложенными пальцами правой руки пола, и тихо подтягивалъ басомъ дьячкамъ. Авдотья Карповна стояла всегда поодаль, гдѣ-нибудь въ углу, на колѣняхъ и жарко молилась, не спуская глазъ съ блиставшихъ свѣтомъ иконъ; Витя, разумеется, былъ подлѣ нея. Наконецъ, на заднемъ планѣ, у дверей, помѣщались Пантелей и всѣ лакеи, горничныя, прачки, повара и даже кучера, словомъ, вся многочисленная Капитановская дворня. Всѣ они очень усердно крестились и безпрестанно клали земные поклоны. Что же касается до Акулины, то она падала ницъ и во все продолженіе службы, кажется, ничего не видѣла и не слышала, кромѣ божественныхъ словъ и пѣнъ. Вся эта картина чрезвычайно занимала Витю и, повидимому, сильно дѣйствовала на его впечатлительную душу. Страннымъ казалось ему все: и этотъ дребежжащій голосъ священника съ воздѣтыми къ потолку руками, и пѣніе дьячковъ, и горящія четыре восковыя свѣчи, и кадильница, изъ которой подымался вверхъ дымъ ладана, и частые поклоны, которые клали съ такимъ нелицемѣрнымъ усердіемъ всѣ присутствовавшіе при служеніи, и даже сильный, густой басъ Николая Львовича, которымъ онъ подтягивалъ для гармоніи дьячкамъ, пѣвшимъ тенорами. Во всемъ этомъ было что-то не совсѣмъ обыкновенное, выходившее изъ круга ежедневныхъ явленій, что-то такое, къ чему глазъ не привыкъ еще и что, слѣдовательно, было не совсѣмъ ясно для дѣтскаго воображенія. Съ любопытствомъ оглядывался онъ вокругъ себя, пристально посматривая на всѣхъ, и повидимому, наблюдая за малѣйшими движеніями cadaго. Увидѣвъ, что мамаша стоитъ на колѣняхъ, онъ сталъ тоже на колѣни и началъ класть земные поклоны. Подмѣтивъ потомъ какъ папа складываетъ три пальца правой руки и, кланаясь послѣ креста, касается ими пола, онъ началъ было подражать ему; но мамаша тотчасъ же нагнулась къ нему и шепнула, чтобъ онъ этого не дѣлалъ.

— Отчего? возразилъ шепотомъ же мальчикъ, твердо убѣжденный, что папаша худо не можетъ ничего дѣлать.

— Такъ молятся только большіе, говоритъ Авдотья Карповна, чуть слышно и не сводя глазъ съ иконъ.

Потомъ замѣчаетъ мальчикъ, что Акулина и еще одна старуха не на колѣняхъ стоятъ какъ другіе, а просто, припадъ

совсѣмъ лицомъ къ полу, остаются въ этомъ положеніи почти неподвижными, изрѣдка только приподымаюсь, чтобы положить на груди медленное и широкое крестное знаменіе, и вотъ онъ падаетъ тоже ницъ, стараясь быть также какъ и онъ безъ всякаго движенія, и изъ подлобья посматривая на нихъ, чтобы не сдѣлать какой ошибки. Но Авдотья Карповна слегка трогаетъ его за плечо и почти строго замѣчаетъ ему, что грѣхъ шалить во время службы.

— И Акулина шалить? спрашиваетъ тихо мальчикъ, съ любопытствомъ смотря на мамашу.

— Она старуха, отвѣчаетъ ему мать:—ей можно.

Но отвѣтъ этотъ нисколько впрочемъ не удовлетворяетъ любознательности Вити, и онъ снова начинаетъ пристально наблюдать за всѣмъ окружающимъ, и снова въ его дѣтскихъ, открытыхъ глазахъ свѣтится не то вопросъ, не то недоумѣніе...

Проходилъ праздникъ, канувъ въ вѣчность какъ и всякій обыкновенный день, и та же тихая, всегда по одной и той же программѣ разыгрываемая жизнь, снова вступала въ права свои. А Вѣтя между тѣмъ все росъ, да росъ. Онъ уже и читалъ, и писалъ, и даже ѣздилъ по двору верхомъ, къ неопisanному ужасу Авдотьи Карповны, на маленькой лошаdkѣ, подаренной ему Николаемъ Львовичемъ за прилежаніе въ день именинъ его, на десятомъ году его жизни.

Но одно печальное обстоятельство, переверотивъ все верхъ дномъ въ жизни Капитановцевъ, измѣнило совершенно весь ходъ и дальнѣйшихъ событій, и дѣяній ея героевъ. Мiroдержавной судьбѣ угодно было, заглянувъ мимоходомъ въ этотъ всѣми забытый уголокъ земли, вмѣшаться въ неизвѣстныя дѣла его, и вся картина, отъ одного прикосновенія мироправительницы, мгновенно измѣнилась: все перепуталось, перемѣшалось; строгій порядокъ вдругъ прорвался, настало хаотическое броженіе...

IV. Катастрофа.

Было первое мая — день, въ который какъ-то не сидится въ четырехъ стѣнахъ, а такъ и тянетъ въ садъ, въ степь, въ лѣсъ, на вольный воздухъ, напоенный ароматными испареніями первовесеннихъ цвѣтовъ. Ярко пылавшее солнце спускалось уже къ горизонту. Садъ капитановскій, весь благо-

вонный, весь зеленый и цвѣтушій, былъ какъ въ огнѣ, и будто нѣжился въ этомъ морѣ мягкаго, волнистаго свѣта, не шевеля ни однимъ листикомъ. Было такъ тихо, что легкое перышко, пущенное на воздухъ, остановилось бы въ немъ безъ всякаго движенія. Весело чиликали воробьи, покрывъ густою массой душистую бѣлую акацію; за громкимъ хлопотливымъ чирканьемъ ихъ, чуть слышна живая трель жаворонка, потонувшего гдѣ-то въ голубой выси. Кусты сирени, разсаженные около самыхъ оконъ дома, были въ полномъ цвѣту, и кисти ихъ, казались издали пурпурно-сизыми гроздіями созрѣвшаго винограда. Около цвѣточныхъ кистей назойливо жужжали пчелы, и маленькіе, ярко-сизаго цвѣта жучки, которые безсовѣстно обляпляли нѣжные цвѣтки, въ полномъ, кажется, убѣжденіи, что они именно на то только и созданы, чтобы служить душистымъ ложемъ для ихъ ночнаго покоя. Все радовалось, все жило настоящею минутой, все трепетало всѣми нервами подъ чарующимъ вліяніемъ угасавшаго майскаго дня. Не было, кажется, ни одной былинки, которая не жила бы всею полнотою своего существа, которая не растворяла бы всѣхъ лучшихъ своихъ соковъ въ воздухъ, посылая въ общій аккордъ природы свою скромную дань. И надъ всѣмъ этимъ— совершенно безоблачное небо, словно бездонный голубой куполь безконечнаго храма, на которомъ художникъ, обдумывая свое великое произведеніе, не успѣлъ еще набросать кистью ни одного штриха, ни одной черты, оставляя на долю входящихъ во храмъ тысячу невѣрныхъ догадокъ объ идеѣ будущаго созданія.

Окно въ спальнѣ Авдотьи Карповны растворено на обѣ половинки, и изъ сада вливаются въ комнату и свѣтъ, и благовонный воздухъ, и всѣ разнообразныя звуки, сливавшіеся въ одинъ общій хоръ. Но, Боже мой, какой поразительный контрастъ представляла эта комната съ веселою природой! Какія грустныя, озабоченныя фізіономіи! Какіе безнадежныя, полныя глубокаго горя взгляды! Здѣсь все тѣ же лица: и Авдотья Карповна, и Николай Львовичъ, и Витя, уже успѣвшій слѣзаться двѣнадцатилѣтнимъ румянымъ мальчикомъ, и Ирина Ивановна, уже превратившаяся почти въ беззубую старуху, и Акулина, съ неизмѣнными допотопными очками на носу, но ни на одномъ лицѣ не было привычнаго выраженія. Не было слышно въ ком-

нать дѣтскаго смѣха и звонкаго голоса Вити, не глядя Авдотья Карповна на свое дитя, затмилось открытое и часто нѣсколько озабоченное выраженіе глазъ Николая Львовича и вовсе исчезла его добродушная улыбка; молчать даже Ирина Ивановна, схоронивъ на дѣя души неистощимые запасы интереснѣйшихъ городскихъ новостей, и не держать въ рукахъ Акулина своего неравнучнаго спутника, шерстянаго чулка, внимая съ жаднымъ любопытствомъ медоточивымъ рѣчамъ Ирины Ивановны. Напротивъ, казалось, всякая индивидуальность исчезла; одна сосредоточенная мысль, одно общее чувство какого-то страха и ожиданія овладѣло всѣми и сгладило между ними всякое различіе. Только одно лицо было непричастно общему горю, и оставалось совершенно равнодушно. Это былъ человѣкъ лѣтъ подь сорокъ, спокойной, нѣмецки-флегматической наружности, съ огромными рыжими бакенбардами, тщательно причесанными внизъ по направленію къ шеѣ. Прислонясь къ раскрытому окну, выходившему въ садъ, онъ, кажется, сильно заинтересовался дракою неизвѣстно откуда появившихся въ цвѣтникѣ двухъ пѣтуховъ, яростно нападавшихъ другъ на друга до тѣхъ поръ, пока наконецъ одинъ изъ нихъ рѣшительно не выигралъ битвы, смявъ противника подь длинными когтями. Это былъ уѣздный врачъ Лудвигъ Карловичъ фонъ-Юніусъ.

Извѣстно, что появленіе въ домѣ врача всегда не къ добру; въ уѣздныхъ же нашихъ захолустьяхъ, медиковъ приглашаютъ только въ крайнихъ случаяхъ, когда бываютъ истощены всевозможныя домашнія средства, и больному не остается уже ничего болѣе какъ умереть. Не къ добру было появленіе Лудвига Карловича фонъ-Юніуса и къ Капитановскомъ домѣ. Больна была Авдотья Карповна. Она схватила сильную простудную горячку, залюбовавшись однажды долго съ вечера теплою, но сырою весеннею почью. На другой же день она слегла въ постель и при помощи разныхъ домашнихъ снадобей, которыми отъ чистаго сердца надѣяла ее Ирина Ивановна, до того ослабѣла, что черезъ двѣ недѣли впала въ безпамятство и никого не узнавала. Тогда вспомнили о докторѣ, и четверка сѣрыхъ тотчасъ же помчалась во весь карьеръ въ ближайшій уѣздный городъ. Но уже было поздно. Авдотья Карповна видимо угасала, и докторскія микстуры и горчичники не произвели на ея организмъ никакого дѣйствія. Слабая натура ея не была въ состояніи перенести потрясающую болѣзнь. Правда, ожидаемая

докторомъ реакція хотя и случилась наканунѣ описываемаго дня, когда больная вдругъ пришла въ себя и узнала всѣхъ, окружавшихъ ея постель, но это сознание продолжалось не болѣе получаса, послѣ котораго Авдотья Карповна снова впала въ такое безпамятство, что докторъ махнулъ рукой, и на всѣ вопросы о положеніи больной отвѣчалъ однимъ ничего не выражавшимъ мычаніемъ.

Блѣдная, исхудалая, съ закрытыми глазами, неподвижно лежала Авдотья Карповна на своей постели. Ни кровинки не было въ ея лицѣ. Еслибы не тяжелое, порывистое дыханіе, которое то приподымало, то опускало грудь ея, можно было бы подумать, что она уже умерла. Не сводя глазъ ни на минуту, смотрѣлъ Николай Львовичъ на безжизненное лицо жены, и съ трепетомъ и страхомъ ждалъ будущаго. Онъ еще надѣялся. Вдругъ Авдотья Карповна широко раскрыла глаза и, быстро приподнявъ голову съ подушекъ, съѣла на постели. У Николая Львовича дрогнуло сердце томительнымъ предчувствіемъ.

— Витя, ты здѣсь? спросила она тихимъ, но совершенно внятнымъ голосомъ.

Увидѣвъ сына, припавшаго къ ея рукѣ, она тихо положила другую руку на его голову и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, съ невыразимою грустью, смотрѣла на мальчика. Бросивъ потомъ взглядъ на растворенное окно, откуда лились въ комнату цѣлыми волнами и свѣтъ и звуки, она весело улыбнулась, словно оживла, и быстро прошептала:

— Къ окну... на солнце...

Съ изумленіемъ и страхомъ переглянулись всѣ между собою и вопросительно посмотрѣли на доктора. Юніусъ наклонилъ голову въ знакъ согласія, и поспѣшилъ придвинуть покойное вольтеровское кресло къ кровати, чтобы пересадить въ него больную. Ирина Ивановна страшно засуетилась, и наконецъ, при ея помощи, Авдотью Карповну перенесли на креслахъ къ окну. Солнце уже начинало садиться. Вечеръ былъ удивительно-хорошъ. Взоръ тонулъ въ безконечной голубой выси; на западѣ два-три легкія продолговатыя, какъ тонкія нити, облачка казались залитыми пламенемъ, и горѣли, какъ золото, красноватымъ блескомъ. Весь садъ словно купался въ волнахъ этого свѣта и звучалъ тысячью голосами. Авдотья Карповна словно преобразилась. Охваченная золотымъ лучомъ, ярко освѣтившимъ ея ис-

томленное лицо, впалые глаза, тонкія, посинѣвшія губы, исхудавшія руки и всю ея клонившуюся отъ собственной тяжести фигуру, она казалась уже не жилицей здѣшняго міра, а какимъ-то безплотнымъ видѣніемъ, готовымъ ежеминутно покинуть землю. Она смотрѣла на солнце, на небо, на смѣющийся и поющій садъ, и кроткая улыбка блуждала на ея губахъ, и глаза ея свѣтились лучомъ надежды и счастья. Вдругъ, въ растворенное окно, съ звонкимъ щебетаньемъ влетѣла ласточка. Авдотья Карповна вздрогнула, и съ напряженнымъ вниманіемъ принялась слѣдить за ея полетомъ. Сдѣлавъ нѣсколько легкихъ круговъ подъ потолкомъ, ласточка снова выпорхнула на вольный воздухъ и тотчасъ же исчезла. Какъ только она скрылась изъ виду, Авдотья Карповна быстро повернула голову и, бросивъ стремительно руки на шею Вити, горячо прижала его къ груди своей.

— Прощай, дитя мое, прошептала она чуть слышнымъ голосомъ:—помни мать свою и люби... люби всѣхъ...

Далѣе губы ея шептали еще что-то, но безъ звука; наконецъ и губы, и всѣ черты лица словно застыли, сохранивъ послѣднее глубоко-серіозное выраженіе, глаза помутнились, и, какъ надомленная лилія, она тихо опустила голову на плечо сына и осталась безъ движенія. Витя съ необъяснимымъ ужасомъ взглянулъ въ лицо матери и испустилъ пронзительный крикъ.

— Мамочка моя, мамочка... началъ было онъ, дергая за руку мать, но голосъ его внезапно порвался, и онъ почти безъ чувствъ упалъ на руки Акулины.

— Умерла? шопотомъ спросила Ирина Ивановна, со страхомъ посмотрѣвъ на доктора.

— Умерла! отвѣчалъ Юніусъ и, взявъ шляпу, вышелъ изъ комнаты.

Николай Львовичъ какъ-то безсознательно, почти равнодушно, посмотрѣлъ вокругъ себя; но взглянувъ пристальнѣе въ лицо покойницы, онъ на нѣсколько мгновеній задумался; черезъ минуту онъ тихо опустился на колѣни и, прильнувъ губами къ рукѣ жены, зарыдалъ какъ ребенокъ...

Много лѣтъ проносилось надъ головою Виктора со времени описаннаго событія, но картина смерти его матери не могла изгладиться изъ его памяти. Онъ никогда не могъ забыть этого страннаго соединенія противоположностей: смѣющейся, веселой природы и глубокаго горя человѣка, роскошнаго май-

скаго дня и смерти. Дѣтское воображеніе впечатлительно! «Люби, люби всѣхъ!» были послѣднія слова ея, и эти слова не переставали звучать въ его сердцѣ. Позднѣе, съ возрастомъ, онъ понялъ всю святость этихъ словъ, все глубокое, міровое ихъ значеніе, и избралъ ихъ девизомъ своей жизни.

Со смертію Авдотьи Карповны жизнь въ Капитановкѣ, тихая, невозмутимая, изолированная, миновала безвозвратно, какъ проходитъ безвозвратно дѣтство, съ его звонкимъ смѣхомъ и веселыми забавами, съ его беззаботнымъ покоемъ и безмятежнымъ счастьемъ. Смерть сдѣлала переломъ въ жизни Капитановцевъ. Жизнь оставила битую колею и пошла по новымъ путямъ, ей невѣдомымъ.

V. Гимназія.

Послѣ смерти жены, Николай Львовичъ не могъ долго оставаться въ Капитановкѣ. Все такъ живо напоминало о ней, что онъ, не будучи въ состояніи освободиться отъ горестныхъ воспоминаній, казалось, чувствовалъ себя вдвойнѣ несчастнымъ. Вотъ ея спальня, откуда она почти никогда не выходила, и гдѣ въ послѣднее время по цѣлымъ днямъ безъ усталости занималась съ Витей, съ гордостью слѣдя за быстрымъ развитіемъ понятій и способностей своего сына. Вотъ ея любимая скамья въ саду, на которой она просиживала короткіе лѣтніе вечера, любясь уходившимъ свѣтомъ и набѣгавшими вслѣдъ за нимъ тѣнями. Вотъ ея платья, ея неоконченное рукодѣліе, ея любимое кресло: все эти вещи на тѣхъ же мѣстахъ и въ томъ же порядкѣ какъ и прежде. Но уже не слышно ея кроткаго, ласковаго голоса, не раздастся въ залѣ ея веселый смѣхъ. Тяжело тянется жизнь въ этомъ домѣ. Онъ какъ будто постарѣлъ и осунулся; будто опустѣлъ, словно все жильцы оставили его и поразбрѣлись въ разные стороны. Этой тоски, этого уединенія и пустоты, Николай Львовичъ не могъ долго вынести. Онъ теперь только понялъ, какъ безгранично любилъ жену свою. На первыхъ порахъ онъ даже не замѣчалъ присутствія сына, не замѣчалъ его безутѣшнаго горя: онъ самъ требовалъ утѣшенія. Но когда сознание вернулось наконецъ къ нему, первую мысль былъ Вита и его дальнѣйшая судьба.

Черезъ три недѣли послѣ смерти Авдотьи Карповны, Николай Львовичъ, съ Витей и Акудиной, уже жилъ въ городѣ, въ небольшомъ, но чистенькомъ и уютномъ домикѣ. А еще черезъ двѣ недѣли Витя ходилъ уже съ короткообрѣзанными волосами, въ черныхъ брюкахъ и сюртукъ съ стоячимъ воротникомъ краснаго цвѣта, застегнутомъ на всѣ пуговицы.

Но Николай Львовичъ и въ городѣ видимо скучалъ и томился; перемѣна мѣста и рода жизни разсѣяла его лишь на нѣсколько дней, но не могла еще наполнить пустоту его души и замѣнить прошедшее. Книгъ онъ никогда не читалъ; знакомыхъ также вовсе не имѣлъ, да и вообще не любилъ заводить новыя знакомства; отъ дамскаго общества онъ бѣгалъ безъ оглядки, не будучи въ состояніи связать двухъ-трехъ словъ при дамахъ.

Уже спустя около году послѣ переѣзда въ городъ, Акулина начала замѣчать, что баринъ, всегда скучный, неразговорчивый, угрюмый и почти никуда не выходившій изъ дому, сталъ какъ-будто повеселѣе и повидимому завелъ кое-какія знакомства. Сначала онъ уходилъ изъ дому раза два въ недѣлю, не больше, но потомъ все чаще и чаще, и наконецъ ежедневно, видимо томясь днемъ и ожидая вечера съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Обстоятельство это, сильно смутившее Акулину и поставившее ее въ совершенный тупикъ, вскорѣ впрочемъ объяснилось. Однажды Николай Львовичъ, возвратясь утромъ домой, торжественно объявилъ Акулинѣ и повару, что сегодня у него будутъ гости, и чтобы поэтому приготовленъ былъ чай и ужинъ. Вечеромъ дѣйствительно собрались гости, человекъ десять мужчинъ, между которыми были и военные, и штатскіе, и просто себѣ люди съ длинными усами и въ неопредѣленныхъ сюртукахъ, съ крючками вмѣсто пуговицъ и черными шелковыми шнурками на груди, наподобіе гусарской венгерки. Тотчасъ же были развернуты ломберные столы, и еще до чая, «не теряя золотого времени», какъ нѣкоторые изъ нихъ говорили, усѣлись они за зеленое поле. Николай Львовичъ сталъ опять игрокомъ.

А между тѣмъ Витя ходилъ, да ходилъ въ гимназію. Наставленія и уроки матери упали не на каменную почву. У ней онъ научился любить природу и инстинктивно понимать ея вѣчныя красоты; подъ ея нѣжнымъ руководствомъ, развивались его способности, и отъ нея же на всѣ его жадные вопросы, бродившіе толпою въ головѣ воспримчиваго и

пылкаго мальчика, на его вѣчное «почему?» онъ получалъ не рѣдко такой отвѣтъ: «Учись, мой другъ, въ книгахъ всему есть отвѣтъ! Богъ дастъ, ты выучишь ихъ много, много, тогда узнаешь *почему*.» Всѣ эти не разрѣшенные «почему» складывались въ головѣ мальчика, и онъ съ жадностью бросался на книги, думая сразу всѣмъ имъ найти разрѣшеніе. Мало-помалу онъ убѣдился, что это не такъ-то легко, но это убѣжденіе нисколько не охладило его: онъ привыкъ уже къ дѣлу, онъ любилъ книгу. Да, ему больше ничего не оставалось. Потерявъ ту, которую онъ почти боготворилъ, и которая его любила до самозабвенія, онъ, по впечатлительной натурѣ наслѣдованной имъ отъ отца, необходимо долженъ былъ къ кому-нибудь или къ чему-нибудь привязаться всею своею душою. Кроткій и добрый отъ природы, съ сердцемъ мягкимъ и любящимъ, Викторъ переносилъ на первыхъ порахъ много неприятностей отъ своихъ товарищей. Не разъ доставались ему порядочныя колотушки. Всѣмъ стала извѣстна его безответность и кротость, и по этимъ уважительнымъ причинамъ, всякій сорванецъ считалъ себя вправѣ помыкать имъ. Несмотря на это, Викторъ никогда и ни на кого не жаловался, но не изъ боязни прослыть «ябедой», а потому, что не могъ допустить мысли, чтобы кто-нибудь могъ быть изъ-за него наказанъ.

Впрочемъ, потасовки и неприятности продолжались недолго. Перемена къ лучшему началась съ того, что одинъ долговязый, считавшійся первымъ силачомъ въ классѣ, малый лѣтъ около двадцати, передъ авторитетомъ котораго все падало ницъ, какъ-то обратилъ вниманіе на бѣднаго мальчика и принялъ его подъ свое высокое покровительство. Сначала онъ это сдѣлалъ безъ всякихъ особенныхъ причинъ, а такъ, по капризу самовластия, чтобы показать всѣмъ свое могущество и абсолютную волю, предъ которою всякій другой авторитетъ долженъ былъ смиренно склонить голову, а потомъ, мало-помалу, самъ подчинился нравственному вліянію Виктора. Впрочемъ, скоро Викторъ пересталъ нуждаться въ покровительствѣ физической силы; школьники, сблизившись съ нимъ, сумѣли оцѣнить его. Онъ не былъ гордъ и заносчивъ, онъ не хвастался своими познаніями и способностями, онъ не употреблялъ во зло расположенія къ нему учителей и никогда передъ ними не подличалъ и не шпионничалъ. Всякій, кто хотѣлъ, обращался прямо къ нему за совѣтомъ, прося объясненія темныхъ мѣстъ изъ урока, и онъ никому не отка-

зываетъ. Чѣмъ тупѣе, чѣмъ безтолковѣе былъ ученикъ, тѣмъ съ бѣльшимъ терпѣніемъ онъ съ нимъ возился, толкуя и объясняя ему каждое слово до тѣхъ поръ, пока тотъ дѣйствительно не начиналъ понимать темную задачу. Всякій лѣнивый гимназистъ былъ вполне убѣжденъ въ помощи Виктора; послѣ его объясненій не нужно уже было и заглядывать въ книгу. Всѣ эти качества, соединенныя съ безграничною добротой, уживчивостью и участіемъ къ провинившимся поставили высоко Виктора во мнѣніи всѣхъ одноклассниковъ. Дѣти почти никогда не ошибаются въ оцѣнкѣ товарищей.

Нельзя сказать впрочемъ, чтобы успѣхи въ ученіи ничего не стоили Виктору. Онъ болѣе надѣялся на трудъ и занятія чѣмъ на свои способности, и никогда не сидѣлъ безъ дѣла. Уже съ этихъ лѣтъ онъ зналъ, что значитъ слово «работать». У него въ комнаткѣ—четырёхъугольный столикъ, покрытый цвѣтною клеенкой; на столикѣ чернилица, перья, карандаши, тетради, а подлѣ небольшой шкапикъ съ книгами. Все это чисто, опрятно, незапылено. Акулина бдительно смотритъ, чтобы на его вещи и пылинки не сѣло; она перетираетъ и перечищаетъ ихъ въ день по нѣскольку разъ. По вечерамъ, Викторъ сидитъ за своимъ столикомъ и приготовляетъ на слѣдующій день уроки. Отца обыкновенно нѣтъ дома; Акулина дремлетъ въ углу на своемъ покойномъ креслѣ; съ уединенной улицы, отдаленной отъ центра города, не достигающей чрезъ плотно-затворенную ставень ни какого звука; только и слышно однообразное постукиваніе маятника стѣнныхъ часовъ, на которые Акулина, проснувшись, каждый разъ непременно взглядываетъ съ видимымъ нетерпѣніемъ, ожидая приближенія часовой стрѣлки къ цифрѣ 10, послѣ чего она тотчасъ же подымается и распоряжается объ ужинѣ. Викторъ былъ почти доволенъ такою жизнью. Его смущали только слишкомъ рѣдкія свиданія съ отцомъ и видимая переменна его характера. Дѣйствительно, Николай Львовичъ сталъ задумчивѣе, сосредоточеннѣе, угрюмѣе; онъ, если и былъ дома, то запирался въ своемъ кабинетѣ и почти не выходилъ изъ него. Прежде онъ еще хоть изрѣдка спрашивалъ сына о занятіяхъ и успѣхахъ въ наукахъ, а теперь и того не дѣлалъ, предоставивъ мальчику полную свободу дѣлать что хочетъ. Переменна эта не могла укрыться отъ наблюдательности Виктора. Въ особенности ему было какъ-то не ловко и грустно, когда у отца собирались по вечерамъ гости. Въ полурастворенную дверь онъ не рѣдко видѣлъ какія-

то странные лица, большею частью съ насупившимися бровями и серьезнымъ выраженіемъ физиономіи, съ непремѣннымъ большимъ перстнемъ на указательномъ, пальцѣ, и съ толстою золотою цѣпью на жилетѣ. Всѣ эти лица окружали отца, который, стоя или сидя у зеленого стола, бросалъ обыкновенно карты направо и налево, тихо, спокойно и какъ-то беззаботно уже равнодушно, только изрѣдка останавливаясь, чтобы, не говоря ни слова, записать на сукнѣ цифры. Если онъ иногда и обращался къ кому-нибудь съ вопросомъ или замѣчаніемъ, то голосъ его былъ совсѣмъ не тотъ, который привыкъ Викторъ слышать въ деревнѣ, а какъ будто вовсе ему не знакомый. Онъ былъ почти беззвученъ и какъ-то подозрительно безразличенъ: у Виктора сжималось сердце, когда онъ слышалъ этотъ голосъ. Послѣ десяти часовъ мальчикъ ложился спать, но долго не могъ заснуть подъ вліяніемъ неопредѣленного и вмѣстѣ тяжелого чувства. Въ его спальню доносились и стукъ картъ, и звонъ монеты, и тихіе, сдержанные голоса играющихъ...

Дѣтскіе годы идутъ удивительно скоро. Въ этомъ возрастѣ нѣтъ остановокъ: все впередъ да впередъ безъ оглядки; время не терпитъ, а время золотое! Не успѣешь хорошенько нашалиться, не успѣешь уарѣдиться въ убѣжденіи, что ничего не можетъ быть веселѣе какъ играть въ мячъ и жмурки и ничего не можетъ быть лучше въ мірѣ какъ пирожное и конфеты,—смотришь, а дѣтство уже назади осталось! Мальчикъ сталъ юношей. Уже какъ-то не ловко шалить и ребячиться, и чувствуешь, хотя и не совсѣмъ сознательно, что есть что-то гораздо лучшее въ мірѣ чѣмъ сладкій пирогъ да сахаръ.

День за днемъ, минуло и отрочество Виктора. Не успѣлъ онъ оглянуться, какъ прошло шесть лѣтъ, и ему предстоялъ уже окончательный экзамень, завершавшій весь гимназическій курсъ. Совершенно уединенныя, занятія, безъ всякихъ столкновеній съ людьми, не только не надѣли Виктору за эти шесть лѣтъ, но сдѣлались для него рѣшительно необходимостью. Онъ даже и не догадывался, что существуетъ нѣчто другое на свѣтѣ кромѣ ученья, что есть общество, страсти, женщина, любовь. Онъ самымъ искреннимъ образомъ принималъ приготовленіе къ жизни за самую жизнь. Въ мечтахъ его о будущемъ на первомъ планѣ стоялъ, какъ нѣчто недосыгаемо высокое, университетъ. Къ нему стремились всѣ мечты его, всѣ задушевные желанія, всѣ тайныя думы: это былъ фонъ, на которомъ онъ проектировалъ всю картину своихъ будущихъ дѣйствій и занятій. «Тамъ, думалъ онъ, тамъ

не то, что здѣсь. Здѣсь только начало, подготовленіе, а тамъ самая сущность, высшая мудрость человѣческая, разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ.» И Викторъ, глубоко убѣжденный, что тамъ дѣйствительно разрѣшатся всѣ вопросы, просиживалъ ночи за занятіями, чтобъ окончить блистательно курсъ и получить право на поступленіе въ университетъ безъ экзамена.

Труды его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Онъ получилъ первый аттестатъ, и на публичномъ актѣ былъ торжественно, при звукахъ музыки, награжденъ золотою медалью, съ надписью: «преуспѣвающему». Гдѣ ты добрая, любящая Авдотья Карповна? О если бы ты теперь была съ нимъ, какимъ восторгомъ и умиленіемъ наполнилось бы твое материнское сердце въ ту минуту, когда онъ, взволнованный и радостный, принималъ шумныя поздравленія отъ своихъ товарищей! Что за блескъ въ глазахъ, какой гордый и смѣлый видъ! Сколько счастья въ лицѣ! Сколько самонадѣянности и энергіи во всѣхъ движеніяхъ!..

Викторъ не шелъ, а бѣжалъ съ акта домой, не слыша земли подъ ногами, спѣша подѣлиться своею радостью съ Акулиной. Самая лучшая мечта его, рисовавшаяся въ воображеніи почти недостигаемою цѣлю, исполнилась: теперь двери всѣхъ русскихъ университетовъ предъ нимъ открыты. Юноша съ гордостью показываетъ медаль свою Акулинѣ, которая ахаетъ отъ изумленія и почти съ благоговѣніемъ разсматриваетъ ее со всѣхъ сторонъ въ свои очки. Викторъ желалъ бы подѣлиться своимъ счастьемъ и съ отцомъ, но его нѣтъ даже и въ городѣ. Въ послѣдніе два года онъ не только по вечерамъ уходилъ изъ дому, но не рѣдко и вовсе исчезалъ на нѣсколько недѣль, предоставляя Акулинѣ распорядиться всѣмъ въ домѣ полною хозяйкой. Такъ случилось и теперь. Никто не зналъ куда именно и зачѣмъ онъ такъ часто оставлялъ городъ. Самъ онъ о цѣли своихъ поѣздокъ никогда не разказывалъ, а спросить никто не рѣшался. Правда, до Акулины доходили стороной слухи, что Николай Львовичъ, съ своими пріятелями, разѣзжалъ по ярмаркамъ въ городахъ и мѣстечкахъ, на которыхъ всегда играли въ карты съ утра до ночи. Но Акулина слухамъ этимъ не хотѣла вѣрить, а если и западало ей въ душу подозрѣніе, то она никому о томъ не сообщала, тѣмъ болѣе Виктору.

Подъ вліяніемъ ли впечатлѣній прожитаго дня, или другихъ психологическихъ причинъ, Викторъ видѣлъ въ эту ночь престранный сонъ. Идетъ онъ будто по опушкѣ дремучаго,

непроходимаго лѣса. Ни зги не видно кругомъ; глубокая ночь; лишь далеко на западѣ — зарево пожара. На опушкѣ темно, въ лѣсу еще темнѣе, но непреодолимая сила тянетъ Виктора въ самую чащу лѣса. Цѣпляясь непрерывно за колючія сучья и вѣтви и спотыкаясь на каждомъ шагу о пни и бревна, будто нарочно разбросанныя по землѣ, чтобы затруднить путь смѣльчаку, онъ терпѣливо пробирается все дальше, томимый жаднымъ любопытствомъ. Ни одной тропинки въ лѣсу, ни одного луча свѣта, ни одного звука. Этотъ мракъ, это гробовое молчаніе поражаютъ Виктора своею неестественностію, и онъ невольно останавливается, чтобы прислушаться. Мертвая тишь. «Это не живая природа!» думаетъ Викторъ, и, желая убѣдиться въ этомъ, зажигаетъ фосфорную спичку. Но едва свѣтъ на мгновеніе вспыхнулъ, лѣсъ вдругъ словно ожилъ: крики испуга и негодованія раздались въ воздухѣ, повторяемые эхомъ, и въ то же время сильный вѣтеръ, шума листьями, пронесся съ воємъ по лѣсу и внезапно погасилъ огонь. Изумленный и усталый, Викторъ падаетъ на голый пенъ и почти лишается чувствъ. Вдругъ слабый лучъ прорѣзываетъ его глаза. Викторъ подымаетъ голову и съ неизъяснимою радостью видитъ занявшуюся на востокѣ зарю. «День, день!» восклицаетъ онъ, и бодро встаетъ съ своего жесткаго ложа, чтобы двинуться снова въ путь. Но, всмотрѣвшись вокругъ, онъ видитъ совершенно неожиданно новую картину: онъ очутился вдругъ въ огромной длинной залѣ съ колоннами, съ большими готическими окнами, биткомъ набитой народомъ. Кто стоитъ, кто сидитъ на скамьяхъ, на окнахъ, но взоры всѣхъ устремлены на одну точку. Викторъ взглядываетъ въ ту же сторону и видитъ: на каедрѣ, стоитъ человѣкъ высокаго роста, съ строгими чертами лица, съ сіяющимъ взоромъ и, будто вдохновенный, съ жаромъ говоритъ длинное, неумолкаемое слово. Рѣчь его льется безостановочно, мысль за мыслию, и наполняетъ все существо Виктора неиспытаннымъ еще блаженствомъ. «Боже мой! да это университетъ!» восклицаетъ онъ, съ изумленіемъ оглядываясь, и, забывъ весь міръ, устремляетъ неподвижный взоръ на профессора. Но чтó это? Какая-то маленькая фигурка съ палочкой въ рукахъ, въ арлекинскомъ нарядѣ, тихонько выглядываетъ изъ-за плечъ профессора и корчитъ преуморительныя гримасы. «Чтó же это такое, господа? восклицаетъ съ негодованіемъ Викторъ: — эту фигурку надо вывести вонъ изъ аудиторіи: она мѣшаетъ чи-

тать профессору!» Но въ это время подымается въ комнату страшная суматоха: шумъ, гамъ, трескотня, барабанный бой, дикій хохотъ, все это сливается въ одинъ звукъ, въ одинъ крикъ, раздирающій душу. Викторъ всматривается и не вѣрить глазамъ своимъ: въ одномъ мѣстѣ поютъ, въ другомъ танцуютъ, въ третьемъ дерутся... Какое-то чучело, съ человѣческимъ туловищемъ и ослиною головой, хватаетъ женщину, покрытую лохмотьями, за волосы, и съ остервененіемъ бьетъ ее ногами; маленькій, сгорбившійся старикъ, съдой и сморщившійся какъ сушеный грибокъ, суетливо бѣгаетъ взадъ и впередъ на козлиныхъ ногахъ, съ хлыстомъ въ рукѣ, и хлещетъ имъ на право и на лѣво кого попало; огромный тамбуръ-мажоръ, съ булавой въ рукахъ, подпираетъ головой потолокъ, важно смотритъ съ высоты своей на всю эту суету, и по временамъ грозно покрикиваетъ: «Тише, господа, тише!.. Порядокъ нарушаете!..» Викторъ, какъ сумашедшій, бросается къ женщинѣ и хватается ослиную голову за уши. «Что вы дѣлаете, милостивый государь? Какъ вамъ не стыдно обижать бѣдную женщину! Гдѣ же любовь христіанская!..» — «Любовь!..» загремѣлъ страшнымъ голосомъ тамбуръ-мажоръ, и, быстро протянувъ свою безконечную руку къ Виктору, начинаетъ душить его за горло. Викторъ силится крикнуть, но не можетъ; онъ дѣлаетъ напряженное усиліе, чтобы вырваться изъ костлявыхъ рукъ великана—и просыпается.

Раскрывъ глаза и придя окончательно въ полное сознаніе, Викторъ почувствовалъ, что холодный потъ крупными каплями катится по его лицу. Онъ приподнялся, чтобы выпить стаканъ воды, но, случайно взглянувъ на свой письменный столикъ, снова упалъ головою на подушку и остался неподвиженъ. За столомъ, на которомъ чуть теплилась ночная лампадка, сидѣлъ отецъ его. Подперевъ одною рукой голову, онъ до того задумался, что вовсе не замѣтилъ движенія, только что сдѣланнаго сыномъ. Онъ сильно поспѣдѣлъ. Худое, истомленное лицо и глубокія морщины на лбу и около глазъ, обведенныхъ широкими синими кругами, свидѣтельствовали, что не одну ночь онъ провелъ безъ сна, и что много горя перенесъ и много думъ передумалъ онъ въ послѣднее время. Одежда его была въ чрезвычайномъ безпорядкѣ; волосы клочками падали на лобъ; усы безпорядочно висѣли внизъ, а изъ глазъ, капля за каплей, катились по впалымъ щекамъ слезы. Окинувъ все это бѣглымъ взглядомъ, Викторъ, какъ пригвожденный, остал-

ся въ постелѣ, не шевеля ни однимъ членомъ. Онъ испугался, не зная что и подумать о такомъ видѣ отца и въ такое время. Нѣсколько минутъ длилось томительное молчаніе. Вдругъ, Николай Львовичъ какъ-то безнадежно махнулъ рукою, быстро поднялся съ своего мѣста и тихо, на цыпочкахъ, подошелъ къ кровати сына. Викторъ, не сознавая самъ что дѣлаетъ, закрылъ глаза и притворился спящимъ. «Бѣдный Витя!» прошепталъ онъ чуть слышно, и, поворотившись къ двери, хотѣлъ уже было выйти изъ комнаты, но Викторъ не могъ болѣе выдержать: вскочивъ съ постели, онъ бросился къ отцу и повисъ у него на шеѣ.

— Папенька! что съ вами? Вы плачете, у васъ на щекахъ слезы... вы похудѣли, посѣдѣли, вы страшно измѣнились, васъ узнать нельзя!..

Николай Львовичъ, при первыхъ словахъ сына, задрожалъ и безмолвно поникъ головою.

— Что со мною? началъ онъ голосомъ, въ которомъ слышались и глубокое горе, и безнадежность: — ты спрашиваешь, что со мною? Я... я проигрался! Я все проигралъ, все... даже часы и перстень!.. Ты теперь ничего не имѣешь, Витя, ты нищій! И это все я... я, отецъ твой... твой отецъ обобралъ тебя и пустилъ по міру! Какой я отецъ? Я забылъ даже, что у меня есть сынъ, я все забылъ... Я видѣлъ только карты и деньги—больше я ничего не видѣлъ. Проклятая страсть!..

И Николай Львовичъ, закрывъ лицо руками, въ безсиліи опустился на кровать.

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Николай Львовичъ, лицо Виктора свѣтлѣло. Онъ будто преобразился; его узнать нельзя было: щеки его горѣли яркимъ румянцемъ, въ глазахъ сверкала рѣшимость. Тысячи мыслей хлынули вдругъ цѣлымъ потокомъ въ голову юноши; новыя идеи, новые планы и намѣренія, закипѣли въ молодой, еще невыбродившейся душѣ. Онъ весь былъ подвигомъ, весь долгъ. Онъ чувствовалъ себя гигантомъ, способнымъ ринуться смѣло на борьбу съ жизнію, со всею жизнію, со всею бѣдностію, которая ему предстояла, со всѣми препятствіями, которыя вдругъ легли на его пути.

— Успокойтесь, папенька, проговорилъ онъ твердымъ голосомъ: — у меня есть руки и голова, а къ труду я привыкъ, онъ не страшитъ меня! Бѣдность еще не большое несчастье... Пока я буду въ университетѣ, я буду давать уроки и какъ-нибудь проживу, а тамъ всѣ дороги для меня открыты

Николай Львовичъ съ невыразимою любовію посмотрѣлъ на сына и нѣсколько минутъ молча имъ любовался; онъ будто въ первый разъ его видѣлъ. Передъ нимъ стоялъ не мальчикъ, не дитя, какимъ онъ считалъ его до сихъ поръ, а юноша, полный силы на перенесеніе труда, полный энергіи и воли. Увлеченный своею страстію, вѣчно занятый картами, онъ никогда не наблюдалъ за сыномъ, никогда не пускался съ нимъ въ дружескія откровенныя бесѣды. Онъ даже и не подозрѣвалъ, какая дѣятельная натура выработалась въ этомъ слабомъ, по видимому, юношѣ.

До разсвѣта проговорили отецъ и сынъ, строя планы о будущемъ. Наконецъ, рѣшено было на томъ, что Викторъ черезъ двѣ недѣли долженъ былъ отправляться въ Одессу, въ лицей, а Николай Львовичъ останется въ томъ же губернскомъ городѣ, гдѣ онъ имѣлъ множество знакомыхъ и надѣялся кое-какъ дожить вѣкъ свой. Оказалось, что Николай Львовичъ подумалъ о Викторѣ еще прежде. Первою мыслию его, когда онъ проигрался въ пухъ на одной ярмаркѣ, была дальнѣйшая судьба его сына. Состояніе не оставалось ровно никакого. Капитановка должна была черезъ мѣсяць продаваться съ молотка, средствъ дать дальнѣйшее образованіе сыну никакихъ. Онъ думалъ, думалъ, и наконецъ вспомнилъ, что въ Одессѣ живетъ его старый пріятель, Александръ Петровичъ Синяевъ, съ которымъ онъ былъ когда-то, еще во время своей полковой жизни, въ большой дружбѣ. Онъ въ тотъ же день написалъ къ нему откровенное письмо, умоляя его принять участіе въ судьбѣ его сына и, именемъ старой дружбы, заклиналъ его отвѣчать какъ можно скорѣе. Когда Николай Львовичъ черезъ двѣ недѣли послѣ этого пріѣхалъ домой, то засталъ уже на своемъ столѣ отвѣтъ Синяева. Синяевъ душевно сожалѣя объ участи, постигшей Николая Львовича, съ охотою изъявлялъ желаніе помочь его сыну, тѣмъ болѣе что онъ какъ разъ въ это время нуждался въ домашнемъ учителѣ для своей дочери. Онъ предлагалъ Виктору за труды квартиру у себя въ домѣ, столъ и небольшое жалованье, общая, кромѣ того, свое содѣйствіе къ поступленію Виктора въ студенты и къ присканію ему еще другихъ уроковъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ описанныхъ происшествій, изъ города выѣзжала еврейская фура, отправлявшаяся съ пассажирами въ Одессу. Въ числѣ ихъ былъ и Викторъ Долинъ....

О Ч Е Р К И

ДАЛЬНЯГО ЗАПАДА

Лѣтъ двадцать тому назадъ, страны, лежація внутри сѣвероамериканскаго материка, представляли непреодолимая препятствія для новыхъ поселеній. Одни лишь смѣлые охотники, такъ-называемые трапперы, отваживались проникать въ мрачныя лѣса, которыми окаймляются берега Миссури, и въ пустынные степи, раскинувшіяся на западъ отъ этой рѣки, до подножія Скалистыхъ горъ. На всемъ пространствѣ этихъ земель, трапперы по временамъ встрѣчались съ разсѣянными племенами краснокожихъ, промышлявшихъ преимущественно охотой за буйволами. Капитанъ Фримонтъ, совершившій въ 1842 году, по порученію вашингтонскаго правительства, экспедицію къ Скалистымъ горамъ, былъ одинъ изъ первыхъ, проникшихъ въ этотъ малоизвѣстный край, называемый Дальнимъ Западомъ (Far West). Вслѣдъ затѣмъ, колонисты начали перебираться съ восточной стороны Миссури на западную, и въ пустынныхъ степяхъ, по берегамъ рѣки стали появляться бревенчатые блокгаусы передовыхъ переселенцевъ. Въ 1854 году, по рѣшенію вашингтонскаго правительства, организовалась новая территорія, Небраска, занявшая земли по обѣ стороны рѣки того же имени, впадающей въ Миссури. Инженеры, назначенные отъ правительства, занялись топографическими съемками новаго края и разбитіемъ его на правительственные участки.

Странное впечатлѣніе производили на насъ топографическія карты новыхъ американскихъ территорій: разсматривая ихъ, мы какъ будто прозрѣвали въ будущее; по нимъ узнавали мы не только о томъ, что дѣйствительно уже находится въ новомъ краѣ, но даже о томъ, что только еще предполагалось устроить тамъ въ скоромъ времени. На картахъ означены не только города обитаемые, но даже такіе, къ заложению которыхъ едва приступлено, или такъ-называемые города бумажные, состоящіе въ дѣйствительности пока изъ одного блокауса или пустаго сарая да изъ торчащихъ въ травѣ колышковъ, которыми мѣстность разбита на правильные четырехугольники. Мало того: черезъ эти города на картахъ проведены уже и обыкновенныя и желѣзныя дороги, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, къ мѣсту будущаго города пролегаетъ едва замѣтный слѣдъ колесъ. Наблюдая однако быстрый ходъ здѣшняго развитія, привыкаешь, наконецъ, смотрѣть на разныя значки и линіи, начерченные на картахъ новыхъ населяющихся территорій, не какъ на проекты, которымъ Богъ вѣсть когда суждено осуществиться, а какъ на указанія поселеній и дорогъ уже осуществляющихся. Настоящее здѣсь сливается съ быстро-наступающимъ будущимъ.

На сѣверномъ берегу Небраски, тамъ гдѣ въ нее впадаетъ рѣчка Лупъ-Форкъ, почти на такомъ же разстояніи отъ Атлантическаго океана, какъ и отъ Великаго, расположенъ новый городокъ Колумбусъ. Онъ основанъ въ 1856 году, мистеромъ Рекомъ, выходцемъ изъ Бельгіи. Во время нашего тамъ пребыванія, городъ состоялъ изъ тридцати бревенчатыхъ домовъ, крытыхъ осокой и соломой. За недостаткомъ помѣщенія, мы квартировали въ собственной палаткѣ, которую разбили среди луга, огороженнаго жердами, по сосѣдству съ домомъ самого основателя города.

Мистеръ Рекъ пріѣхалъ въ Америку съ своею женою семь лѣтъ тому назадъ, съ цѣлю нажить капиталъ посредствомъ разныхъ спекуляцій. Дѣла его шли удачно, и, особенно въ послѣднее время, онъ съ большою выгодой занимался заложениемъ городовъ и распродажей участковъ. Оставивъ своего агента въ Сентъ-Мери, другомъ, имъ же основанномъ городѣ, на берегу Миссури, онъ съ прошлаго года переѣхалъ сюда съ колоніей состоящею изъ однихъ Нѣмцевъ, и сообщая съ ними положилъ основаніе новому городу, въ которомъ на время остался жить самъ. Онъ выбралъ это мѣсто на берегу

рѣчки Лупъ-Форкъ, одного изъ притоковъ Платъ-ривера (какъ обыкновенно называется рѣка Небраска), въ надеждѣ, что тутъ пройдетъ желѣзная дорога къ Великому океану. Въ Колумбусѣ, при насъ, жило около семидесяти человекъ, въ томъ числѣ шесть женщинъ. Далѣе на западъ, по направленію къ Скалистымъ горамъ, не было болѣе никакихъ поселеній. Версть около двухъ сотъ отъ Колумбуса, вверхъ по рѣкѣ Небраскѣ, на дорогѣ въ Калифорнію стоялъ одиноко среди пустынныхъ степей фортъ Керней; за нимъ, на той же рѣкѣ, версть на триста далѣе на западъ, расположенъ былъ другой фортъ Граттанъ; а почти на такомъ же разстояніи отъ послѣдняго, слѣдовалъ далѣе фортъ Ларами, за которымъ уже начинались Скалистыя горы. Далѣе, перейдя черезъ горные проходы, дорога ведетъ къ большому Соленому озеру въ территорію Юту (Utah), занятую мормонами, и отсюда продолжается въ Калифорнію, до самыхъ береговъ Великаго океана.

Жизнь въ зараждающемся городкѣ, на крайнихъ предѣлахъ цивилизаціи, представляетъ много особенностей; для посторонняго наблюдателя даже мелочныя, обыденныя подробности не лишены интереса. Съ перваго взгляда, кажется, все идетъ здѣсь своимъ чередомъ, спокойно и тихо; а между тѣмъ, смотришь, дѣло быстро подвигается впередъ, и каждый день появляется что-нибудь новое, какое-нибудь приращеніе къ городу. За недостаткомъ рабочихъ, каждый изъ жителей, какъ бы богатъ онъ ни былъ, самъ занимается работами, самъ заботится о своемъ хозяйствѣ. Мистеръ Рекъ, занятый своими спекуляціями, находилъ время присмотрѣть и за лошадьми, и за коровами, самъ ѣздилъ за сѣномъ, несмотря даже на то, что у него были два работника, или, какъ говорится здѣсь, двѣ пары рукъ.

Проснувшись однажды рано утромъ, мы вышли изъ своей палатки. Ни мистера Река, ни жены его не было уже дома. Жившій у нихъ работникъ сказалъ, что со вчерашняго дня пропали коровы хозяина, и онъ верхомъ поѣхалъ отыскивать ихъ въ одну сторону, а мистриссъ Рекъ, тоже верхомъ, въ другую. Здѣсь рѣдко случается, чтобы скотъ отбивался отъ двора. Утромъ на зарѣ, коровъ обыкновенно выпускаютъ въ степь, и онѣ пасутся въ ней, предводимыя быкомъ. Какъ опытный вожакъ, онъ въ полуденный жаръ ведетъ свое стадо на рѣку къ водопою, а потомъ въ лѣсъ, гдѣ стадо отдыхаетъ въ тѣни. Лишь спадетъ зной, быкъ встаетъ, а за нимъ и всѣ

послушныя ему коровы: онѣ слѣдуютъ за нимъ опять на пастбище, приближаясь между тѣмъ къ дому. Къ вечернему удою стадо какъ разъ поспѣваетъ на дворъ, вслѣдъ за своимъ быкомъ; не можетъ быть болѣе надежнаго жокака. На этотъ разъ, однако, быкъ куда-то завелъ коровъ нашего хозяина. Мистриссъ Рекъ вскорѣ возвратилась домой, послѣ безуспѣшныхъ поисковъ въ сѣверной части степи. Наконецъ, на востокѣ увидали приближавшихся коровъ, и вслѣдъ за тѣмъ показался самъ мистеръ Рекъ. Онъ нагналъ ихъ въ пятнадцати верстахъ отъ дому. Быкъ, три коровы и телка вошли во дворъ, и хозяйка тотчасъ же пошла надоить молока къ кофее.

Мистриссъ Рекъ, жена капиталиста, основателя нѣсколькихъ городовъ, не имѣла при себѣ никакой женской прислуги: она сама доила, стряпала, даже стирала бѣлье. За неизбѣннѣмъ помѣщенія въ комнатѣ, тутъ же передъ домомъ поставлена была чугунная печка съ плитой и шкапчиками. Эта походная печка почти каждый день переносилась съ одной стороны дома на другую, смотря по тому откуда дулъ вѣтеръ. Одинъ изъ работниковъ обыкновенно вѣдилъ съ волами въ поле, за сѣномъ и за дровами. Другой помогалъ хозяйкѣ дома: кололъ дрова, таскалъ воду, мылъ посуду и т. п. Впрочемъ не рѣдко случалось, что мистриссъ Рекъ и сама ходила къ колодцу, и доставала оттуда воду съ помощью ведра на длинной веревкѣ. Вообще она, не щадя своихъ силъ, исполняла всѣ работы, которыя приходится на долю жены каждаго переселенца. Многія изъ Американокъ, живущихъ теперь въ роскоши и нѣгѣ, прошли въ молодости чрезъ такіе же труды и хлопоты. Когда мужья, наживъ большіе капиталы, окончателно основываются на мѣстѣ, тогда хозяйки слагаютъ съ себя бремя трудовъ, и посвящаютъ свое время исключительно семейнымъ заботамъ, воспитанію дѣтей, предоставляя домашнее хозяйство наемнымъ людямъ.

Къ завтраку и къ обѣду мистриссъ Рекъ обыкновенно приглашала насъ въ единственную небольшую комнату блокгауса. Хотя въ ней не было ни деревяннаго пола, ни потолка, однако убранство комнаты доказывало, что хозяева привыкли жить комфортабельно. На земляномъ полу разостланъ былъ большой цвѣтной коверъ; у задней стѣны, противъ единственнаго окна блокгауса, стояла большая кровать, съ кисейными занавѣсами для защиты отъ комаровъ; у другой стѣны, противъ дверей, размѣщены были: коммодъ, этажерка съ фарфоровою посудой,

шкапъ съ книгами. Вся эта мебель была изъ краснаго дерева, также какъ и качающееся кресло, четыре стула и стоявшій среди комнаты столъ, на которомъ лежали книжки, и между прочимъ, Плутарховы біографіи знаменитыхъ людей съ литографированными изображеніями. Странно какъ-то было видѣть портреты Солона, Ликурга, Цезаря, Брута и другихъ знаменитостей Греціи и Рима, среди этой обстановки, въ странѣ Далекаго Запада.

За обѣдомъ мы обыкновенно условливались о нашихъ предстоящихъ предпріятіяхъ. Такъ мистеръ Рекъ однажды пригласилъ насъ отправиться съ нимъ на противоположную сторону рѣки: тамъ хотѣлъ онъ выбрать мѣсто для заложения новаго города. Съ нами отправился также одинъ изъ Ньмцевъ, соучастникъ хозяина; отъ другихъ жителей дѣло сохранялось пока въ тайнѣ. Намъ слѣдовало перейти въ бродъ рѣчку Лупъ-Форкъ, которая, верстахъ въ пяти отъ города, вливается въ Небраску. Отыскивая болѣе мелкія мѣста, мы, вчетверомъ, шли по колѣно въ водѣ, и наконецъ выбрались на другой берегъ, на которомъ темнѣлъ лѣсъ. За нимъ опять разстилалась степь. Долго бродили мы по равнинѣ, омываемой съ одной стороны Платъ-риверомъ, а съ другой—Лупъ-Форкомъ. Мистеръ Рекъ и его товарищъ высматривали удобныя, не затопляемые водою мѣста. Имъ хотѣлось поставить городъ поближе къ рѣкѣ Небраскѣ, но этому препятствовала низменная, болотистая мѣстность по берегу. Хозяинъ нашъ остановился, наконецъ, на покатоности невысокаго бугра, и, показывая на протекающую въ полуторѣ веретѣ оттуда Небраску, обратился къ намъ съ вопросомъ:

— Какъ вы думаете: это мѣсто недурно для города? Отъ рѣки, гдѣ будутъ приставать пароходы, недалеко, а тутъ кстати и лѣсъ есть, по берегу Лупъ-Форка.

— Недурно! повторили мы безотчетно, глядя на разстилавшуюся передъ нами зелень, отъ которой яркою стальною полосой отдѣлялись освѣщенные солнцемъ воды Платъ-ривера.

— Здѣсь и поставимъ городъ! рѣшилъ нашъ хозяинъ.

Какъ ни походило все это на шутку, на фантазію, которая иной разъ приходитъ въ голову, во время веселой прогулки; но мы нисколько не сомнѣвались, что современемъ на этомъ самомъ мѣстѣ будетъ стоять городъ, и на будущій годъ, думая мы, вѣрно приступать къ его заложению. Но какъ же удивилъ насъ хозяинъ, когда, черезъ недѣлю послѣ нашей

прогулки, онъ опять, за обѣдомъ, навѣстилъ насъ, что прибылъ землеѣръ, и что завтра же новый городъ будетъ распланированъ въ натурѣ. И въ самомъ дѣлѣ, на другой день почти всѣ жители, съ раннего утра, перебрались на противоположную сторону рѣки. Одна часть изъ нихъ, опасаясь конкуренціи, была недовольна заложениемъ новаго города, и хотѣла было помѣшать дѣлу. Землеѣръ, не обращая на нихъ вниманія, разбилъ, съ помощью астролябіи и цѣпи, всю мѣстность на правильные четырехугольники, и вбилъ гдѣ слѣдуетъ колышки, обозначивъ ими направленіе будущихъ улицъ. Между тѣмъ, партія недовольныхъ замышляла отнять у мистера Река право владѣнія этимъ мѣстомъ. Для этого, стоило бы только кому-нибудь изъ нихъ сдѣлать зарубку на деревѣ, надписать тамъ свое имя, и предъявить такимъ образомъ свое право на участокъ. Оказалось однако, что почти у всѣхъ уже были свои участки; а по уставу, каждый поселенецъ имѣетъ право занимать на свое имя только ограниченное число акровъ, именно не болѣе ста шестидесяти. Потому, партія противниковъ находилась въ затрудненіи. Вдругъ, одинъ изъ нихъ, увидавъ моего товарища, обратился къ нему:—У васъ еще нѣтъ участка?

— Нѣтъ!

— Ну, такъ вы можете сдѣлать намъ одолженіе: зарубите себѣ право (claim) на этомъ деревѣ.

— Да вѣдь я скоро уѣду отсюда, возразилъ было мой товарищъ.

— Ничего! вы кому-нибудь передадите, говорилъ Нѣмецъ, стесывая топоромъ кору на стволѣ, до самой древесины;—вотъ вамъ карандашъ: пишите ваше имя.

Товарищъ мой написалъ на деревѣ число, годъ, имя и фамилію свою, но только по-русски. Нѣмцы, рассматривая съ любопытствомъ незнакомый для нихъ шрифтъ, спросили, что это значитъ? М. Х. объяснилъ имъ.

— Ну, ничего! пусть будетъ по-русски, сказали они:—*клеймте* этотъ вашъ, и вы можете располагать имъ по своему желанію. Благодаримъ за услугу.

Городъ, между тѣмъ, былъ уже распланированъ, и къ вечеру всѣ воротились въ Колумбусъ. За ужиномъ, М. Х. разказалъ хозяину о продѣлкахъ противной партіи. Мистриссъ Рекъ, принимавшая большое участіе въ дѣлахъ своего мужа,

воскликнула встревоженнымъ голосомъ:—Помилуйте, на что вамъ участокъ? вѣдь вы у насъ не останетесь.

Хозяинъ расхохотался.—Ничего, утѣшалъ онъ жену:—мы заставимъ джентльмена остаться, и занять свой участокъ *de facto*.

— Нѣтъ! попытались возразить М. Х.:—позвольте ужъ мнѣ передать вамъ право на участокъ.

— Хорошо, сказалъ хозяинъ, взглянувъ на жену, которая улыбнулась въ отвѣтъ на слова моего товарища:—завтра же надо будетъ послать работниковъ поставить блокгаузъ на вашемъ участкѣ; а то, пожалуй, провѣдають, что вы передали его мнѣ, и, чего добраго, кому-нибудь задумается перескочить клеймъ.

— Какъ перескочить? спросили мы. Хозяинъ объяснилъ, что если кто сбѣжалъ отбитку на деревѣ и, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, не поставилъ еще строенія или ограды на выбранномъ участкѣ; то, случается, на это мѣсто приходитъ другой поселенецъ, и, не уважая правъ своего предшественника, ставитъ на скорую руку лачужку, поселяется въ ней, и не пускаетъ уже сюда никого. Такое похищеніе чужаго участка и называется «перескочить клеймъ (*jump a claim*).» Колонисты иногда составляютъ между собою общества, для взаимнаго охраненія своихъ участковъ отъ хищниковъ подобнаго рода. Но если на участкѣ поставленъ уже блокгаузъ, то рѣдко случается, чтобы кто-нибудь покусился занять чужое мѣсто.

— Но вѣмъ правиламъ, этотъ городъ вашъ, говорилъ шутя хозяинъ:—какъ же мы назовемъ его? Я хотѣлъ было назвать его въ честь нашего президента, да меня предупредили. (Мистеръ Рекъ намекалъ на городъ Бьюкананъ, который находился всего верстахъ въ тридцати къ востоку отъ Колумбуса.) Нечего дѣлать: назовемте его въ честь вице-президента.

На другой день, по распоряженію хозяина, человекъ двадцать изъ его партіи съ ранняго утра рубили лѣсъ; а къ вечеру, въ новомъ городѣ, названномъ по имени вице-президента — Брекинриджъ (*Breckinridge*) на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ М. Х. надписалъ свое имя на деревѣ, стояла уже первая лачужка. Тѣмъ и кончились всѣ проски противной партіи противъ новаго города. Такія несогласія въ германскихъ колоніяхъ вообще характеризуютъ взаимныя отношенія Нѣмцевъ, переселяющихся въ Штаты. Они даже на новый материкъ

переносить съ собою ту же мелкую вражду, которая въ Европѣ мѣшаетъ соединиться воимъ королевствамъ, герцогствамъ и княжествамъ Германіи въ одно общее политическое тѣло. Въ Америкѣ мало даже встрѣтишь Нѣмцевъ, которые называли бы себя просто Нѣмцами: боясь уронить свое достоинство въ глазахъ янки, всякій изъ нихъ называетъ себя Баварцемъ, Пруссаконъ, Саксонцемъ, только не Нѣмцемъ. Даже въ этой образцовой странѣ ассоціацій, Нѣмцы не только не могутъ образовать прочныя общества между собой, но, питая зависть къ успѣхамъ своихъ земляковъ, стараются мѣшать другъ другу въ своихъ предпріятіяхъ. А потому, несмотря на стремленіе нѣкоторыхъ лицъ основать на Западѣ чисто-германскія колоніи, это дѣло не можетъ удаться. Даже въ Колумбусѣ, Нѣмцы будутъ исключительными владѣльцами только до тѣхъ поръ, пока янки не найдутъ выгоднымъ перенести туда свои торговыя дѣла, основанныя на болѣе-прочной, болѣе-широкой ассоціаціи.

Разъ, Рекъ предложилъ намъ поѣхать съ нимъ отыскать каменный уголь. Поселенецъ, жившій верстахъ въ пятнадцать къ сѣверу отъ города, извѣстилъ нашего хозяина, что онъ на берегу рѣчки нашолъ какую-то странную землю, заставившую его подаривать въ этомъ мѣстѣ присутствіе каменнаго угля. Еслибы вблизи точно оказались каменноугольныя копи, то значеніе Колумбуса, на будущее время, повылось бы на сто процентовъ, какъ выразился Рекъ. Тогда, безъ всякаго сомнѣнія, черезъ городъ въ скоромъ времени проведена была бы желѣзная дорога. Мы охотно согласились създать къ поселенцу и, въ назначенный день, отправились съ Реконъ, съ землемѣромъ и другими жителями города. Степь, по мѣрѣ удаленія отъ Платъ-ривера, сначала слегка повышалась покатыми горбами, потомъ опять стала опускаться къ долинѣ другой рѣчки, на берегу которой и застали мы поселенца, родомъ Пруссака. Онъ повелъ насъ тотчасъ же къ рѣчкѣ. Копаю яму, для скопа воды изъ бьющаго тамъ родника, онъ прорылся сквозь слой красной глины; подъ ней показалась синяя, липкая земля, поразившая Пруссака своимъ видомъ. Никакихъ, однако, явныхъ признаковъ угля не оказалось, такъ что всѣ поиски жителей были безуспѣшны. Мы зашли послѣ этого въ лачужку Пруссака, освѣжиться отъ жару, отъ котораго парило въ воздухѣ. Онъ поставилъ передъ нами двѣ миски простокваши, нарезалъ хлѣба и, приглашая

вкусить незатѣйливаго завтрака, повторялъ: не ввыщайте, тѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Онъ разказалъ намъ, что поселился въ этомъ мѣстѣ годъ тому назадъ, и охотно остался бы тутъ навсегда, еслибы, какъ выразился Пруссакъ, по близости нашлась для него подруга жизни — *eine Lebensgefährtin*. «А то, говорилъ онъ, и въ полѣ-то пахать, и дѣсь рубить, и коровъ доить, и хлѣбъ печь, и бѣлье мыть, — все вѣстѣи не подъ силу одному холостяку.» За землю, за которую онъ не платилъ еще ни цента, ему давали уже тысячу долларовъ. Но онъ надѣется черезъ годъ получить вдвое, и если къ тому времени не найдетъ себѣ *eine Lebensgefährtin*, то продастъ право на свой участокъ. Поблагодаривъ радушнаго Нѣмца за простоквашу, мы пустились въ обратный путь.

Солнце близилось уже къ закату, когда мы подѣзжали къ городу. Воздухъ былъ тихъ и зноенъ. Вдругъ, съ сѣверной стороны поднялся вѣтеръ. Онъ сначала не былъ особенно силенъ, но съ нимъ что-то зловѣщее пронеслось по степи, облитой тусклыми лучами въ паряхъ заходившаго солнца. Мы невольно осмотрѣлись кругомъ, не понимая, что случилось въ природѣ. Воздухъ какъ будто начиналъ крутиться около насъ; вѣтеръ задуть порывистѣе. Скворцы и голуби торопливо летѣли черезъ степь къ береговому лѣсу. Рекъ сталъ погонять лошадей... Не успѣли мы остановить ихъ за домомъ, какъ сильный порывъ бури, взметая вверху все, что попадалось на пути, пронесся надъ нами. Телѣгу, которая стояла среди двора, перевернуло вѣтромъ и отнесло шаговъ на двадцать къ самому тыну; палатка наша упала.

Наканунѣ, возлѣ рѣки была установлена пыльная паровая машина: вѣтеръ сорвалъ цѣпи, которыми высокая труба была притянута къ стволамъ деревьевъ, и она съ громомъ обрушилась на берегъ. Минутъ пять, не болѣе, продолжался этотъ бурный порывъ, и опять все стихло. Солнце закатилось уже, и отъ него на западномъ небѣ поднялись три свѣтло-алые столба, расходившіеся по голубому своду, какъ три широкіе луча; на восточной, болѣе темной части свода, показалось блѣдное отраженіе тѣхъ же лучеобразныхъ столбовъ. Это лучезарное явленіе повторялось довольно часто, по вечерамъ, при заходженіи солнца. По ночамъ, также часто, въ степи сверкала зарница. Никогда не случалось намъ видѣть ее въ такихъ большихъ размѣрахъ, и въ такомъ разнообразіи блеска. Бывало, весь открытый степной горизонтъ нѣсколько мгно-

ветій такъ и горитъ не прекращающимся пламенемъ. Потому, въ одномъ мѣствѣ пламя, какъ большая свѣтильня, стоитъ дрожа надъ землею и свѣтитъ бѣлымъ огнемъ; а въ другомъ, оно пробѣжитъ по своду фосфорическимъ сіяніемъ, и на мгновѣніе, освѣтитъ темныя контуры дальнихъ облаковъ. И самыя грозы здѣсь такія, какихъ намъ прежде нигдѣ не случилось видѣть: вмѣсто раскатовъ грома, слѣдовали только удары за ударами, одинъ другаго сильнѣе.

На другой же день послѣ бури, исправили паровую машину, поставили опять трубу, прикрѣпили ее, и пила досокъ изъ сырыхъ, только что срубленныхъ въ лѣсу бревенъ, пошла безостановочно, съ утра до вечера. Доски тотчасъ же шли на покрышку домовъ, и каждый день, то въ одномъ, то въ другомъ мѣствѣ, прежнія соломенные крыши замѣнялись тесовыми. Этимъ впрочемъ не ограничивались преобразованія въ городѣ: въ короткое время нашего въ немъ пребыванія то здѣсь, то тамъ возникали новые дома; устроены были плоть для переправы черезъ рѣчку, которую мы недавно переходили въ бродѣ; одинъ изъ жителей началъ уже строить двухъэтажную гостиницу; другой, еще прежде, открылъ лавку, въ которой можно было получать муку, ветчину, готовое платье, салоги, полную сбрану, кухонную посуду, разныя колоніальныя произведенія, стальные перья, почтовую бумагу и сургучъ, словомъ—все, что можетъ понадобится жителямъ города. Городъ, можно сказать, росъ на нашихъ глазахъ, и многое въ немъ предстало уже совершенно въ иномъ видѣ противъ того какъ было недѣли двѣ тому назадъ, когда мы увидѣли его въ первый разъ.

Въ бытность нашу въ Колумбусѣ, по дорогѣ на Западъ, проходили партіи мормоновъ. Сорокъ семействъ этихъ новобранцевъ стояли лагеремъ верстахъ въ тридцати отъ Колумбуса. Они жили тамъ въ палаткахъ и фурахъ, крытыхъ парусиной, и поджидали новоприбывающихъ, съ которыми потомъ предполагали двинуться къ обѣтованной землѣ своей, у Соленаго озера. Эти переселенцы, располагаясь станціями по дорогѣ къ Скалистымъ горамъ, поддерживаютъ непрерывную связь между средоточіемъ мормонской религіи, въ отдаленной Ютѣ, и разсыпанными въ разныхъ странахъ приверженцами ея. При насъ, восемь человекъ изъ партіи мормоновъ подрались выстроить мостъ черезъ ручеекъ близъ Колумбуса и потому раскинули свои палатки возлѣ самаго города. Стран-

нѣе всего въ этомъ случаѣ было то, что мостъ назначался для прохода отрядовъ, посылаемыхъ американскимъ правительствомъ къ Скалистымъ горамъ противъ мормоновъ же. Но это обстоятельство нисколько не помѣшало ихъ единовѣрцамъ взяться за выгодную работу, и мостъ въ скоромъ времени былъ наведенъ.

Во время постройки его, мы довольно часто приходили къ палаткамъ мормоновъ, и насъ встрѣчали тамъ такъ же радушно, какъ и вездѣ въ Штатахъ. Вообще, эти мормоны ничѣмъ не отличались отъ другихъ поселенцевъ въ Америкѣ. Большая часть изъ нихъ не имѣла даже никакого понятія о значеніи новой религіи, къ приверженцамъ которой они себя причисляли. Разговаривая съ ними, мы убѣдились, что побужденіемъ къ переселенію въ Юту были не столько религіозныя убѣжденія, сколько ожидаемая впереди матеріальныя выгоды и благосостояніе, обѣщанное всѣмъ приверженцамъ, набираемымъ большею частію изъ бѣднѣйшаго народонаселенія Европы. Впрочемъ, между переселенцами нашлись и такіе, которые повидимому искренно вѣровали въ ученіе мормоновъ. Особенно одинъ изъ этихъ прозелитовъ старался объяснить и доказать намъ превосходство мормонизма надъ всѣми другими религіями. Онъ утверждалъ, что только у нихъ и можно найти истинныя начала христіанства. Въ своихъ доводахъ онъ довольно часто приводилъ тексты изъ апостола Павла. Когда мы замѣтили ему это, онъ сказалъ. «Конечно, апостолъ Павелъ былъ великій человекъ своего времени, но апостолы мормоновъ все-таки выше его.»

Изъ постановленій новой секты самымъ ненавистнымъ для Американцевъ всегда было многоженство. Въ последнее же время обнаружилось, что жены сами не выносятъ угнетенія, которому подвергаются въ Ютѣ, и большое число ихъ бѣжало уже оттуда. При насъ, черезъ Колумбусъ проѣзжала партія Американцевъ изъ Калифорніи. По дорогѣ, близъ Соленого озера, къ нимъ пристали двѣ женщины, умоляя взять ихъ съ собою и, въ случаѣ погони, защитить ихъ отъ преслѣдователей. Покинувъ своихъ мужей, онѣ пробирались въ восточные штаты. Онѣ разказывали, что только страхъ подвергнуться гоненію со стороны мужей удерживаетъ мормонскихъ женъ въ повиновеніи; самая смѣлая изъ нихъ, при первой возможности, обращается въ бѣгство. Все, что требуется отъ нихъ американскимъ правительствомъ, состо-

ить въ повиновеніи законамъ федераціи. Но вслѣдствіе теократическаго образа правленія въ Ютѣ, они подчиняются только своимъ пророкамъ, образуя такимъ образомъ государство въ государствѣ. Земля ими занимаемая составляетъ однако собственность американскаго правительства, которое не можетъ безъ вреда для себя допустить, чтобы между Небраской и Калифорніей организовалась независимая корпорация, не признающая уставовъ Союза. Если, поэтому, мормоны не отрекутся отъ теократическаго образа правленія и отъ своего пророка Бригамъ-Йонга, то имъ останется одно: выйти совершенно изъ предѣловъ Соединенныхъ Штатовъ.

Какая судьба ни постигла бы мормоновъ въ будущемъ, во всякомъ случаѣ значеніе ихъ въ дѣлѣ заселенія Дальняго Запада было немаловажно. Ихъ колонія, основанная въ пустынной странѣ у Соленого озера, служатъ посредствующимъ звеномъ, связывающимъ штаты по рѣкамъ Миссиссипи и Миссури съ отдаленными территориями по берегамъ Великаго океана. Эту заслугу признають за ними сами Американцы. «Мы очень благодарны имъ, говорятъ янки: они прокладываютъ нашимъ переселенцамъ путь въ невѣдомыя пустыни.»

Изъ Колумбуса мы намѣревались спуститься въ лодкѣ, внизъ по Платъ-риверу. При покупкѣ лодки, мы имѣли случай видѣть, какимъ образомъ совершаются всякаго рода торговля сдѣлки въ этомъ Дальнемъ Западѣ, гдѣ чувствуется большой недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ. Мы приобрѣли за 200 долларовъ пару лошадей, которыя были съ нами въ Колумбусѣ. Владелецъ единственной во всемъ краѣ лодки, Американецъ, просилъ уступить ему нашихъ лошадей, предлагая за нихъ то же, чего онѣ стоили намъ, и мы обѣщали ему не продавать ихъ безъ его вѣдома. Приѣхавъ за лодкой, мы сказали Американцу, что можемъ теперь обойтись безъ лошадей, и предложили ему оставить ихъ за собой, на сказанныхъ условіяхъ. Онъ съ радостью согласился. Считая это дѣло порѣшеннымъ, мы просили его назначить цѣну за лодку, которую онъ обѣщаль продать намъ. «Позвольте, сказалъ Американецъ: у меня теперь нѣтъ двухъ сотъ долларовъ; наличными у меня всего семьдесятъ. Такъ мы вотъ какъ сдѣлаемъ: я вамъ дамъ лодку, кабріолетъ и лошадь. Все это, вмѣстѣ съ семьюдесятью долларами, составитъ по крайней мѣрѣ столько, сколько вамъ слѣдуетъ за вашихъ лошадей.» Американецъ говорилъ такимъ рѣшительнымъ и безстрастнымъ голо-

сомъ, какъ будто нельзя было сомнѣваться въ наше согласіе на такую сдѣлку. Признаться, насъ озадачило предложеніе Американца, и мы не сразу нашли что сказать.—На что же намъ ваша лошадь и кабріолетъ? спросилъ мой товарищъ:—вѣдь мы хотимъ спуститься по рѣкѣ въ лодкѣ!

—Такъ что же? возразилъ невозмутимый Американецъ:—вы поѣдете въ лодкѣ, а вашъ товарищъ берегомъ, въ кабріолетѣ. Это будетъ даже очень хорошо!

Какъ ни показалась намъ забавною идея ѣхать одному сухимъ путемъ, а другому—водою, но мы рѣшительно отказались отъ кабріолета съ лошадью, и просили владѣльца лодки только назначить цѣну. Онъ охотно уступилъ ее намъ за пятнадцать долларовъ.

Этимъ однако не кончилось еще дѣло насчетъ лошадей. Рекъ изъявилъ также желаніе приобрести ихъ. Онъ предлагалъ за нихъ даже триста долларовъ, но только не чистыми деньгами, а нѣсколькими участками на эту сумму въ городъ Колумбусъ. «Года черезъ два вы получите за эти участки большія деньги,» говорилъ онъ. Мы однако отказались и отъ участковъ въ городъ Колумбусъ, и порѣшили наконецъ, что Рекъ, который по своимъ дѣламъ собирался ѣхать въ Сентъ-Мери, доставитъ въ этотъ городъ нашихъ лошадей.

Лодка, между тѣмъ, была исправлена и высмолена. Спустивъ ее въ рѣку, и нагрузивъ провіантомъ, купленнымъ въ лавкѣ, мы распростались съ нашими хозяевами и съ другими жителями города. Сѣвъ въ лодку—мой товарищъ у руля, я у веселъ,—мы оттолкнулись отъ берега, и уносимые быстрымъ теченіемъ, вскорѣ потеряли изъ виду и городъ Колумбусъ, и мистера Река.

Быстро доѣхали мы до устья Лупъ-Форка и не замѣтили, какъ очутились въ болѣе широкомъ Платъ риверѣ. Но вскорѣ мели, поперекъ всей рѣки, стали задерживать наше плаваніе. Мѣстами воды было такъ мало, что намъ приходилось вылезать изъ лодки, и тащить ее за собою по песчанымъ мелямъ.

Рѣка Небраска, истокъ которой находится въ Скалистыхъ горахъ, течетъ по степямъ прямо на востокъ, по кратчайшему пути къ Миссури, весьма мало уклоняясь отъ своего прямого направленія. Причина такого мало-извилистаго теченія заключается въ ровной покатости степи по направленію къ долинѣ Миссури, и въ рыхлой, песчаной почвѣ, въ которой рѣка размыла свое русло. Самое русло это въ высшей степени измѣнчиво: быстрыя воды,

подмывая черноземъ и песокъ, то здѣсь, то тамъ вертываютъ низкій берегъ, не представляющій имъ большаго сопротивленія по причинѣ стремительности ихъ теченія. Мѣстами рѣка, раздѣляясь версты на двѣ въ ширину, представляетъ видъ половодья, не успѣваго войти въ настоящее русло. Самый цвѣтъ воды, тусклый, свѣтлопепельный, зависитъ отъ размываемаго ею степнаго чернозема и мелкаго песку. Если въ какомъ-нибудь мѣстѣ вода течетъ медленнѣе, то уносимый ею мелкій песокъ осѣдаетъ на дно, и цвѣтъ воды становится чище. Тутъ начинаютъ образовываться мели. Весной, во время половодья, на нихъ наносится все болѣе и болѣе песку, такъ что лѣтомъ, когда вода сбываетъ, эти мели возвышаются уже надъ уровнемъ ея настоящими песчаными островами. Возвышаясь годъ отъ году отъ наносныхъ земляныхъ частицъ, острова достигаютъ наконецъ такой высоты, что даже полая вода не заливааетъ ихъ болѣе. Соответственно напору водъ, эти острова имѣютъ свою отличительную форму. Сторона, преграждающая теченіе, подымается все выше и выше; между тѣмъ какъ противоположная сторона не только понижается, но и суживается постепенно, оканчиваясь низкимъ заостреннымъ мыскомъ. Вскорѣ, на песчаномъ островѣ показываются признаки органической жизни: на песокъ пробивается трава; сѣмена приносимыя съ береговъ пускаютъ корни въ рыхлую почву,—и смотришь, черезъ годъ онъ уже зеленѣетъ среди рѣки, обрастаетъ на высокой, задней части своей, кустарникомъ и молодымъ лѣсомъ, въ которомъ гнѣздится уже всякая мелкая птица. По низкому, не заросшему песчаному мысу, въ передней части острова бѣгаютъ кулики, обитающіе на немъ большими стаями. Цапли и сѣрые гуси останавливаются здѣсь на ночь, во время своихъ перелетовъ на югъ. Когда же на островѣ деревья достигаютъ большаго роста, является на немъ и бобръ-домостроитель. Намъ нѣрѣдко случалось видѣть слѣды его работъ на перепиленныхъ зубами стволахъ. Такимъ образомъ рѣка, разрушая берега въ одномъ мѣстѣ, и унося съ собою землю, слагаетъ ее въ другихъ мѣстахъ своего русла, подготавливая тамъ новую почву, съ новыми неистощимыми условіями органической жизни.

Есть на рѣкѣ еще другаго рода острова, обязанные своимъ образованіемъ разрушительной силѣ воды. Подмывая рыхлый берегъ, она, во время половодья, врывается въ самый материкъ, огибая нѣсколько поднятые надъ его поверхностію бугры.

При сильномъ напорѣ воды, почва размывается до значительной глубины; течение устремляется ко вновь-образовавшемуся каналу, который отдѣляетъ такимъ образомъ отъ степнаго берега цѣлый клочъ земли, поросшей травой, осокой, ивнякомъ, часто даже цѣлымъ лѣсомъ высокихъ прирѣчныхъ топей. По обрывамъ, на краяхъ такого острова, можно ясно видѣть, что островъ недавно еще составлялъ одно цѣлое съ материкомъ: почвенные слои на обрывахъ острова и материка всегда соответствуютъ другъ другу: тамъ и здѣсь подъ одинаковымъ слоемъ чернозема лежитъ слой бураго песку. Такая же соответственность обнаруживается и въ растительности, такъ что стоило бы только сблизить островъ съ берегомъ, и они слились бы въ одно нераздѣльное цѣлое.

Видно, напоръ воды былъ силенъ въ этихъ мѣстахъ разрыва, потому что, ища фарватеръ, мы находили его между материкомъ и оторваннымъ островомъ. Въ этихъ глубокихъ мѣстахъ, лодка наша быстро уносилась теченіемъ, и нужно было управлять ею, чтобы не попасть на пни, торчавшіе со дна рѣки. Иное дерево, зарывшись вѣтвями въ песчаное дно, качалось вверхъ и внизъ на своей точкѣ опоры, такъ что голый пенъ то вынырнетъ изъ воды, то вновь погрузится въ нее и пропадетъ изъ виду. Въ такихъ мѣстахъ надо было напрягать все вниманіе, чтобы по ряби и плеску на поверхности воды усмотрѣть зарывше такой ныряющій пенъ: иначе не избѣжать его въ тотъ моментъ, когда задумается ему вынырнуть навстрѣчу подплывшей къ нему лодкѣ.

Въ темнотѣ не было бы возможности избѣжать столкновенія съ пнями; а потому, мы каждый день прекращали плаваніе еще до наступленія сумерекъ. Изъ предосторожности, мы на ночь приставали обыкновенно къ острову, и по возможности поближе къ лѣвому берегу, который лишь изрѣдка былъ посѣщаемъ Индѣйцами, тогда какъ правый находился еще въ полномъ ихъ обладаніи. Пока раскидывалась палатка и разводился костеръ, солнце садилось, иногда пуская по небу, въ видѣ столбовъ, широкіе алые лучи. Все затихало кругомъ, и только изрѣдка слышались крики гусей, остановившихся на дальней отмели. Ночи были безлунныя; ярко сверкали звѣзды. Прежде всѣхъ показывался обыкновенно, на южной половинѣ неба, Юпитеръ, отличаясь отъ другихъ звѣздъ алмазнымъ блескомъ. Близъ него свѣтлѣли сбитыя въ двѣ кучи Плеяды и Гіады, съ красноватою звѣздой своей Альдобараномъ. Вслѣдъ за ними поднималось велико-

лѣвное созвѣздіе Оріона: по четыремъ угламъ его сверкали четыре звѣзды, а въ серединѣ этого четырехугольника, какъ три нанизанныя жемчужины, переливались въ блескъ, одна возлѣ другой, три яркія звѣздочки. Послѣ полуночи, когда Оріонъ уже высоко надъ горизонтомъ горѣлъ всеми своими звѣздами, свѣтлѣлъ восточный край неба матовымъ свѣтомъ: это восходилъ Сиріусъ. Поднимаясь выше, онъ сверкалъ все ярче и ярче; отражаясь въ водѣ Небраски, онъ и тамъ казался свѣтлѣе другихъ звѣздъ, скопившихся по обѣ стороны млечнаго пути.

Когда наутро занималась заря, мы складывали палатку и вмѣстѣ съ припасами, уложенными въ двухъ ящикахъ, помѣщали ее въ лодку. Потомъ пускались далѣе внизъ по теченію, осторожно минуя подводные пни и мели. Двѣмъ приставали иногда къ правому берегу, вдоль котораго тянулись холмы. Скрывъ лодку подъ навѣсомъ деревъ, мы взбирались на какое-нибудь возвышеніе, вглядывались оттуда въ далекую мѣстность, напрасно отыскивая признаковъ населенія. Вся правая сторона представляла неправильно-взбугренную поверхность, по которой здѣсь и тамъ показывались одинокіе дубы; ихъ кривые сучья отчетливо очерчивались на голубой основѣ дальняго неба. Надъ пустынными холмами плавно носился американскій орелъ съ бѣлымъ хвостомъ и бѣлымъ ошейникомъ, тотъ самый, котораго фигура красуется на гербѣ Американскаго Союза съ гордою надписью: *e pluribus unum*, — увы! теперь уже теряющую свою силу.

Противоположный лѣвый берегъ раскидывался плоскою равниной до самаго края горизонта. Оттого-то на немъ и проложена дорога въ Калифорнію; между тѣмъ какъ на правую сторону Платъ-ривера не проникъ еще ни одинъ поселенецъ. Разъ увидали мы на правомъ берегу индѣйскую деревню, состоявшую изъ двухъ десятковъ вигвамовъ. Издали мы приняли ихъ было за рядъ холмиковъ, и только подѣхавъ ближе, убѣдились, что это вигвамы, покрытые снаружи дерномъ. Деревня была покинута краснокожими, отправившимися на охоту за оленями и буйволами. Во всѣ стороны отъ опустѣлыхъ вигвамовъ тянулись поля; на нихъ стояли еще необранныя стебли созрѣвшей кукурузы.

Проѣхавъ около двухъ сотъ верстъ внизъ по рѣкѣ, мы, въ первый разъ послѣ отплытія изъ Колумбуса, встрѣтились съ поселенцами. Увидавъ, подѣ вечеръ, домъ, стоявшій недалеко отъ берега, мы пристали къ нему, и расположились тутъ на

ночь. Пока я въ жестяномъ кофейникѣ варилъ чай на кострѣ, товарищъ мой навѣдался къ обитателямъ дома. Вскорѣ вся семья пришла къ берегу, посмотрѣть на нашъ бивакъ; мать и дочь съ любопытствомъ заглядывали даже въ самую палатку, а двое сыновей, лѣтъ четырнадцать и пятнадцать, просили позволенія остаться съ нами у костра: имъ еще никогда не приходилось испытать бивачную жизнь... Это семейство недавно переехало сюда изъ Пенсильваніи, гдѣ отецъ занимался торговлей; потому насъ не удивило, когда мы нашли въ нихъ людей образованныхъ. На другое утро, хозяинъ пригласилъ насъ къ завтраку. У него въ домѣ, въ комнатѣ убранной мебелью палисандроваго дерева увидали мы на полкѣ собраніе книгъ, и, перебирая одну за другою, нашли тутъ между прочимъ ботанику, химию, сочиненія Шекспира, Маколея и Прескотта. На столѣ лежало нѣсколько новѣйшихъ англійскихъ романовъ и большой географическій атласъ. Какъ ни привыкли мы къ подобнымъ явленіямъ среди американскихъ пустынь, но переходъ отъ дѣтственныхъ сценъ, среди которыхъ мы провели цѣлую недѣлю, къ этой высшей степеніи цивилизаціи былъ слишкомъ рѣзокъ, и не могъ не поразить насъ: къ этому трудно привыкнуть, какъ часто ни приходилось бы испытывать подобные переходы. Огромное преимущество американскихъ колоній и заключается въ томъ, что въ нихъ, вмѣстѣ съ топоромъ и плугомъ, въ пустынный край переселяются науки, искусства, а съ ними и гуманность и все, что въ Старомъ Свѣтѣ добыто вѣковыми трудами, потомъ и кровью народовъ. Завидное мѣсто въ исторіи человѣчества выпало на долю Американцевъ: все что вырабатывалось въ Европѣ въ продолженіи тысячелѣтій, все это, перенесенное на непочатую, не подчиненную еще никакимъ стѣснительнымъ условіямъ почву, безъ тяжкой борьбы, безъ большихъ препятствій, принимается здѣсь, распространяется и переходитъ въ жизнь.

По мѣрѣ приближенія нашего къ долинѣ Миссури, оба берега Платъ-ривера становились холмистые. Береговья возвышенія или такъ-называемые блуффы, покрытые наверху лѣсомъ, обнажали мѣстами, на крутыхъ скатахъ большіе пласты желтобураго известковаго камня. Жители выжигаютъ изъ него известь. Рѣка, принявъ въ себя значительные притоки,—Эльггорнъ съ одной, Саливъ съ другой стороны,—стала обильнѣе водою, а на берегахъ ея повременамъ попадались уже се

ленія. Въ одномъ изъ нихъ мы застаемъ жителей въ большой тревогѣ. Дней за пять, шайка состоявшая изъ тридцати Индѣйцевъ племени Поннисъ перобралась ночью на лѣвую сторону рѣки, и угнала лошадей принадлежавшихъ эдвиппизъ фермерамъ. После долгихъ поисковъ, оказалось, что Поннисъ сбыли свою добычу жителямъ ближайшаго городка, променявъ лошадей на одѣяла, кольца, бусы, серьги и тому подобныя принадлежности индѣйскаго туалета. Фермеры пустились по слѣдамъ краснокожихъ; а наканунѣ нашего прїѣзда нагнали ихъ, и отобрали у шайки большую часть вещей. При схваткѣ съ дикарями, фермеры ранили выстрѣлами трехъ Индѣйцевъ, и двоихъ, какъ говорятъ, смертельно. Теперь жители опасаются нападенія со стороны Поннисъ, которые, нѣтъ сомнѣнія, будутъ выжидать удобнаго случая, чтобъ отмстить за нанесенное пораженіе. Такимъ образомъ, на этихъ форпостахъ цивилизаціи, мелкая война съ дикарями прекращается окончательно только съ совершеннымъ удаленіемъ послѣднихъ Индѣйцевъ изъ края. Племя же Поннисъ вообще извѣстно здѣсь по своимъ наклонностямъ къ воровству. Другое племя, Омаха, пользуется, напротивъ, уваженіемъ жителей; доброе согласіе между Омаха и поселенцами не нарушалось до сихъ поръ ни разу. Вашингтонское правительство назначило имъ часть земель на западъ отъ Миссури. Но уживутся ли они съ хлѣбопашествомъ? будутъ ли они въ состояніи одолѣть страсть къ охотѣ? Это вообще подлежитъ сомнѣнію. Вероятно и имъ, несмотря на миролюбивыя наклонности, придется перекочевать далѣе на западъ. И когда же будетъ конецъ этому кочеванію? Если колонизація будетъ подвигаться впередъ съ тою же стремительностію какъ она шла до сихъ поръ, то черезъ полстолѣтіе передовые переселенцы съ востока подступятъ къ самымъ Скалистымъ горамъ; съ другой стороны, съ запада, подойдутъ къ нимъ колонисты изъ Калифорніи. Тогда остатки индѣйскихъ племенъ, сжатые съ двухъ сторонъ, поневолѣ смѣшаются съ поселеніями бѣлыхъ, и самостоятельное существованіе ихъ утратится совершенно, какъ утратились на нашей памяти сильныя племена Гуроновъ, Делаваровъ и другія, жившія въ при-атлантическихъ странахъ Сѣверной Америки. Память о нихъ сохранится лишь въ названіяхъ рѣкъ, городовъ и областей...

По мѣрѣ приближенія къ устью Платъ-ривера, русло его, сжатое между крутыми скатами холмовъ, становилось уже.

Вода не растекалась болѣе, подобно разливу, въ ширину; она неслась въ определенной ложбинѣ, ограниченной съ обѣихъ сторонъ крутыми обрывами желтобураго известняку. И чѣмъ болѣе суживалось русло, тѣмъ быстрее становилось теченіе. Мы неслись точно по быстринамъ, съ трудомъ избѣгая мелой и подводныхъ пней. Товарищъ мой, управляя лодкой, съ помощію широкой лопаты, не спускалъ глазъ съ поверхности воды. Когда мы подплыли къ устью, онъ сталъ въ недоумѣніи озираться во все стороны: «Не знаю, куда править! воскликнулъ онъ:—впереди какая-то мель поперекъ всей рѣки; я ничего не разберу.» Оглянувшись, я точно увидѣлъ впереди, куда неслась наша лодка, темную черту, показавшуюся мнѣ краемъ низкаго глинистаго берега. Лодку несло теченіемъ прямо къ этому мѣсту, и вдругъ она заколыхалась среди стремительной влаги, быстро уносившей насъ съ собою на югъ: мы попали въ самый Миссури, густую, грязную воду котораго издали приняли за мель. Надо было изъ всѣхъ силъ работать веслами. Мимо насъ плылъ, качаясь на волнахъ, остовъ большаго дерева; обвивавъ его благополучно, мы перерѣзали рѣку поперекъ, и пріедали къ противоположному, восточному, берегу, прямо противъ устья Платъ-ривера. Свѣтлая вода его рѣзкою чертой отдѣлялась отъ мутной влаги Миссури. Когда мы почерпнули изъ рѣки стаканъ воды и дали ей отстояться, то оказалось съ четверть-стакана глинистаго осадка, поверхъ котораго вода все еще была мутна.

Такимъ образомъ окончилось наше плаваніе по Платъ-риверу. Мы проѣхали въ десять дней почти триста верстъ, считая, конечно, изгибы рѣки. Еслибы не мели, которыя такъ часто задерживали насъ, на это плаваніе потребовалооь бы не болѣе пяти дней.

Когда мы вышли на берегъ Миссури, мимо насъ вѣнзъ по рѣкѣ прѣшелъ трехъэтажный пароходъ. Скоро, думали мы, и по рѣкѣ Небраскѣ, по которой прокатились мы въ нашей лодочкѣ, не встрѣтимъ ни одного челмока, окоро и по этой рѣкѣ запыхтятъ плоскодонные пароходы. Въ полуую воду, они во всякомъ случаѣ въ состояніи будутъ подняться далеко вверхъ по Платъ-риверу, но въ концѣ лѣта, во время мелководья, нѣтъ едва ли удастся добраться далѣе ста верстъ.

Верстахъ въ пяти къ сѣверу отъ устья Небраски, вверхъ по Миссури, на западной границѣ штата Айове (Iowa), стоять городъ Сентъ-Мери. Онъ, также какъ и Колумбусъ, осно-

ванъ мастеромъ Рекомъ, и тоже можетъ служить образцомъ быстро-возникающаго города на Дальнемъ Западѣ. Но Сентъ-Мери двумя годами старше Колумбуса, и находится уже на той степени развитія американскихъ городовъ, когда грубые, безпорядочно разставленные блокгаузы замѣняются красивыми деревянными домиками, обшитыми снаружн тесомъ и выкрашенными бѣлою краскою. Хотя улицы въ городѣ еще не мощены, но онѣ уже ясно обозначаются сплошнымъ рядомъ домовъ, вытянутыхъ по обѣ стороны въ прямыя линіи. Сентъ-Мери, также какъ и Колумбусъ, заселенъ исключительно Нѣмцами. Германскіе патриоты съ восторгомъ указываютъ на подобныя колоніи въ дѣвственныхъ странахъ Запада, какъ на начало чисто-германской колонизаціи въ Америкѣ. Но стѣять только побывать въ этихъ колоніяхъ, чтобъ увѣриться какъ несправедливы такія заключенія. Переселяясь въ каки-либо другія страны на землѣ, Нѣмцы еще сохраняютъ свою самобытность среди чуждыхъ имъ племенъ: они переносятъ туда съ собою свои нравы и обычаи, и крѣпко держатся своихъ привычекъ въ домашней жизни. Совѣсть другое дѣло, когда они переселяются въ Соединенные Штаты: въ столкновеніи съ болѣе устойчивою и болѣе развитою американскою расою, Нѣмцы утрачиваютъ многое изъ своихъ даже самыхъ отличительныхъ чертъ. Вообще, всѣ племена, приходя въ столкновеніе съ англо-американскою народностью, неминуемо поглощаются ею, не оставляя слѣдовъ по себѣ, точно талый снѣгъ весной уносимый бѣгущими съ горъ потоками.... А потому, и мечтамъ германскихъ патриотовъ—возвратить нѣмецкую народность на Дальнемъ Западѣ—не суждено осуществиться. Вотъ хотя бы самый городъ Сентъ-Мери: много ли въ немъ осталось собственно-нѣмецкаго, несмотря даже на то, что онъ выстроенъ выходцами изъ Германіи? Эти, на живую руку сколоченные, хотя красивые, но легкіе домики вовсе не походятъ на тѣ прочныя, долговѣчныя постройки, какія можно видѣть въ деревняхъ Германіи, или даже въ нѣмецкихъ колоніяхъ внутри Россіи. Весь городъ уже принялъ фанзиюнію чисто-американскую. И не только наружная обстановка, но даже внутренній бытъ Нѣмцевъ во многомъ совершенно измѣнился. Увидѣвъ у себя на родинѣ, Нѣмецъ здѣсь смотритъ на свой домъ, какъ на временное жилище, назначенное только для ночлега. Все же время и труда и досуга онъ проводитъ или въ лавкѣ, или въ развѣздахъ, или же наконецъ въ гостиницѣ, которая въ Аме-

рять, по всей справедливости, носить названіе *home* (т. е. домъ). Даже въ самой гостиницѣ Сентъ-Мери все устроено на американскій ладъ, хотя посѣтителѣ ея состоятъ исключительно изъ Нѣмцевъ. Завтракъ и обѣдъ, также какъ и въ американскомъ *home*, подаются только въ назначенный часъ, по звонку, слышающему жителей; во всемъ соблюдается американскій порядокъ. За Нѣмцами, правда, остается еще ихъ страсть къ пѣснямъ, пиву и шумной бесѣдѣ; но даже въ разговорахъ между собою они чаще прибѣгаютъ къ англійскому языку чѣмъ къ нѣмецкому. Во всякомъ случаѣ, здѣшніе колонисты даже теперь болѣе походятъ на Американцевъ чѣмъ на своихъ соотечественниковъ. Что же будетъ при слѣдующемъ поколѣніи? Что же будетъ, когда янки, пользуясь развитіемъ торговли, проникнутъ въ эти еще не затронутыя ими колоніи, и станутъ подчинять все своему неострашному вліянію? Тогда, отъ германской народности на Западѣ останется столько же, сколько осталось ея въ потомкахъ тѣхъ Нѣмцевъ, которые населили Пенсильванію. Словомъ, проекты нѣмецкихъ писателей, много толковавшихъ, особенно въ послѣднее время, о водвореніи германскаго элемента на Западѣ оказываются на дѣлѣ совершенно неосуществимыми.

Мы познакомились въ гостиницѣ со многими образованными Нѣмцами, которые оставили свое отечество въ смутное время революціи 1848 года, когда, послѣ неудавшагося народнаго движенія въ Европѣ, рушились все надежды на возрожденіе старой Германіи. Эти выходцы-помевогѣ принадлежатъ въ главнымъ поборникамъ германскаго направленія въ Америкѣ. Готка по родинѣ, покинутой, во не забытой ими,—главный источникъ ихъ патриотическихъ стремленій. Переселившись въ Америку, въ обитавный край свободы, за которую они ратовали всю жизнь, они не въ состояніи отрѣшиться отъ своего прошлаго: ихъ помыслы все еще обращены къ родимой Германіи, измывающей подъ бременемъ своего теперешняго устройства. Не видя въ Европѣ исхода они обратились къ Новому Свѣту, съ несбыточными надеждами положить здѣсь начало *Новой Германіи*.... Что нѣжды, если ихъ надежды не сбудутся? Пока они живы, они будутъ лелѣять мысль о возрожденіи своего отечества на новомъ материкѣ, и умрутъ съ этою мыслью. А потомки ихъ, выращенные на американской почвѣ, и занятые другими

болѣе существенными интересами, не будутъ уже чувствовать того тоскливаго влеченія къ странѣ отцовъ; и право, нить будетъ все равно, суждено ли Германіи возродиться гдѣ-либо на нашей планетѣ, или нѣтъ...

Гуляя по окрестностямъ Сентъ-Мери, мы часто всходили на возвышавшіеся близъ города холмы или блеффы (bluffs), какъ называютъ ихъ Американцы. Эти блеффы придаютъ своеобразный видъ долинѣ Миссури, вдоль которой они тянутся почти непрерывною цѣпью, то приближаясь, то удаляясь отъ рѣки. Они, подобно высокому валу, ограничиваютъ низменные мѣста самой долины, называемыя боттомъ (bottom, дно). Этотъ боттомъ состоитъ изъ наносной почвы, и мѣстами каждый годъ заливаема весеннею водою; мѣстами же поднятъ на столько, что остается сухимъ даже во время половодья. Въ этихъ долинахъ, по преимуществу, и селятся колонисты, пользуясь чрезвычайнымъ плодородіемъ почвы и отличными сѣнокосами по поемнымъ лугамъ. Часть боттома бываетъ покрыта густымъ лѣсомъ, который окаймляетъ собою рѣку. Городъ Сентъ-Мери расположенъ тоже въ боттомѣ, на суходолѣ, не заливаемомъ водою. Близъ города, вдоль рѣки темнѣетъ береговой лѣсъ; а по другую сторону, на разстояніи трехъ верстъ отъ города, возвышаются блеффы. Далѣе за ними, тянутся уже настоящіе преріи, которыя и составляютъ собственно внутренней материкъ. Въ этой, почти ровной, не перерѣзанной значительными возвышенностями странѣ, намъ стоило только взобраться на одинъ изъ болѣе-высокихъ блеффовъ, поднимавшихся не выше пятидесяти саженой надъ долиной, и передъ нами развертывалась самая обширная панорама. Обратившись лицомъ къ западу, мы видѣли передъ собою рѣку, сдѣлавъ крутой поворотъ, она пропадала за густымъ лѣсомъ. Все пространство за рѣкою, на сколько могъ охватить взоръ, покрыто было степью. На дальнемъ краю, она постепенно сливалась съ синевою небесъ, и за мгlistымъ воздухомъ едва обозначалась черта горизонта. Поперекъ степи тянулись холмы, обозначавшіе направлениемъ своимъ теченіе рѣки Небраски. Направо, за пылью, вземаемою вѣтромъ съ песчаныхъ отмелей на Миссури, едва видѣлся городъ Консиль-блеффъ; передъ нами, по сию сторону рѣки, бѣжали домики Сентъ-Мери. Близъ города, среди зеленѣющихъ полей, стояла небольшая ферма; но сочнымъ лугамъ паслась лошади и мулы. Тутъ же неда-

леко увидѣли мы вѣстраную мельницу; это большая рѣдкость въ Америкѣ, гдѣ движущая сила вѣтра и воды всюду замѣняется паромъ.

Заглянувъ однажды внизъ съ округленной вершины блефеа, мы открыли у самой подошвы его маленькую изъ досокъ сколоченную лачужку. Мы подошли къ ней, спустившись по крутому скату, и были встрѣчены двумя выходцами изъ Франціи. Не имѣя средствъ обзавестись фермой, и не желая притомъ работать по найму, они сколотили себѣ изъ досокъ лачужку, и стали добывать известъ; недалеко, въ ущельѣ между холмами, стояла ихъ печка; въ ней пережигали они известковый камень, которымъ изобилуютъ блефы. Добытый матеріалъ Французы доставляли въ городъ, и надѣялись такимъ образомъ, со временемъ, заработать капиталъ, необходимый на заведеніе фермы. Мѣсто, на которомъ они жили, имъ не принадлежало; но никто и не думалъ спрашивать ихъ, по какому праву они здѣсь копаютъ известъ, никто не мѣшалъ имъ заниматься своимъ промысломъ. Когда добываніе извести въ этомъ мѣстѣ окажется неудобнымъ, они перейдутъ на другое, пока наконецъ не утвердятся на собственномъ, приобретенномъ на свои деньги участкѣ. Жители Сентъ-Мери, съ своей стороны, рады были такимъ трудолюбивымъ сосѣдямъ. Чѣмъ скорѣе станетъ населяться край, тѣмъ выгоднѣе для жителей. Это одинъ изъ примѣровъ, какъ, соблюдая собственныя выгоды, здѣсь каждый споспѣшествуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выгодамъ другихъ.

Фермеры, поселившіеся близъ Сентъ-Мери, пользуясь отличными пастбищами по степямъ, преимущественно промышляютъ скотоводствомъ. Въ послѣднее время, вниманіе обратили на овцеводство. Эта отрасль хозяйства получаетъ здѣсь, въ сосѣдствѣ съ невольничьими штатами, особенное значеніе. Овцы, принадлежащія къ тонкошерстой породѣ мериносовъ, размножившись въ этомъ краѣ, съ своей стороны, не мало будутъ споспѣствовать изгнанію невольничества изъ южныхъ штатовъ: шерстью своею овцы доставляютъ матеріалъ способный отчасти замѣнить хлопчатую бумагу, самую сильную podporу невольничества. Безъ невольниковъ, плантаторы не видятъ возможности заниматься разведеніемъ хлопчатой бумаги въ большихъ размѣрахъ; та же хлопчатая бумага была отчасти причиной и того, что овцеводство въ

Сѣверной Америкѣ вообще не одѣлаю такихъ большихъ устьховъ, какъ прочія отрасли сельскаго хозяйства. Другая причина заключалась также въ трудностяхъ, съ которыми необходимо сопряжена перевозка черезъ океанъ тонкорунныхъ овецъ изъ Европы. Поэтому неудивительно, если въ Штатахъ до сихъ поръ добывалось такъ мало шерсти, что невозможно было удовлетворить даже требованіямъ внутреннихъ фабрикъ; фабриканты принуждены были выписывать шерсть изъ-за границы, преимущественно изъ Южной Америки. Въ послѣднее время, однако, овцеводство обратило на себя должное вниманіе фермеровъ, въ особенности когда обнаружилась необыкновенная выгода разведенія тонкошерстой породы. Если судить по числу головъ, овцеводство въ сѣверныхъ, приатлантическихъ штатахъ, вслѣдствіе увеличенія населенія, уменьшилось противу прежняго; но благодаря тому, что тамъ разведены самыя лучшія породы мериносовъ, шерсть вообще получается не въ меньшемъ количествѣ противъ прежняго, крѣпче же она гораздо лучшаго качества. За то, въ послѣднее время, овцеводство распространилось на Западъ. Сравнивая статистическія данныя, находимъ, что во всѣхъ штатахъ вообще, въ десятилетіе отъ 1840 до 1850 г., число головъ увеличилось только на двѣнадцать процентовъ; но по числу фунтовъ добываемой шерсти, прибыла оказывается гораздо болѣе, а именно на сорокъ шесть процентовъ. Таковы слѣдствія разведенія улучшенной породы овецъ, разумѣется, когда онѣ не остаются безъ надлежащаго корма и ухода.

Чтобы дать приблизительное понятіе о распространеніи овцеводства въ Штатахъ, приведемъ статистическія цифры за 1855 годъ. Число овецъ простиралось до 24 милліоновъ; шерсти добыто около 60 милліоновъ фунтовъ, вѣною на 21 милліонъ долларовъ, считая по 35 центовъ за фунтъ. Должно замѣтить при этомъ, что Американцы разводятъ нѣкоторыя породы овецъ не только для шерсти, но по преимуществу для мяса, которое потребляется здѣсь въ большомъ количествѣ. Первое мѣсто, по части овцеводства, занимаетъ штатъ Огайо; но въ послѣднее время большіе успѣхи въ этой отрасли хозяйства сдѣланы были въ западныхъ штатахъ. Такъ напримѣръ, въ Иллинойсѣ, въ 1840 году, было не многими болѣе 300.000 головъ; а черезъ десять лѣтъ число ихъ утроилось, и продолжаетъ возрастать въ той же пропорціи.

Быстрому развитію овцеводства способствуют обширныя пастбища не степямъ и лѣсамъ, а также довольно умѣренная температура въ зимнее время; овецъ приходится держать въ хлѣвахъ менѣе двухъ мѣсяцевъ въ году. Поэтому, большаго запаса на зиму не требуется, а это составляетъ значительный разчетъ при недостаткѣ рукъ въ Америкѣ вообще, и на Западѣ въ особенности. Летомъ овцы, какъ и всякій другой скотъ, зачастую ходятъ по волѣ, безъ всякаго присмотра; хозяинъ или работникъ, отъ времени до времени, объѣзжаютъ стадо и подгоняютъ къ дому, когда оно слишкомъ далеко отошло отъ него. По мѣрѣ того какъ край населается, уменьшаются и пространства незаказанныхъ луговъ. Тогда фермеръ принужденъ бываетъ уменьшить и число своихъ овецъ, и наконецъ ограничивается такимъ стадомъ, какое въ состояніи прокормить на собственномъ огороженномъ участкѣ, и въ такомъ случаѣ, уходъ за овцами бываетъ болѣе старательный. Но это вознаграждается, во первыхъ, болѣе легкимъ и выгоднымъ сбытомъ шерсти и мяса, по причинѣ увеличившагося народонаселенія и развившихся путей сообщенія; а во вторыхъ, болѣе широкимъ количествомъ добываемыхъ продуктовъ, которые притомъ бываютъ лучшаго качества. Здѣсь, конечно, никогда не бываетъ такихъ огромныхъ стадъ, какія держатъ помѣщики южныхъ степей Россіи. Одна тысяча головъ составляетъ уже весьма значительное овцеводство въ хозяйствѣ американскаго фермера; а потому, онъ гораздо лучше можетъ усмотрѣть за своими немногими овцами чѣмъ самый неутомимый овцеводъ въ Россіи за своими десятитысячными стадами.

То же самое относится и къ другимъ отраслямъ скотоводства. Хотя въ штатѣ Айове, въ послѣднее время, рогатый скотъ стали разводить въ большомъ количествѣ, но намъ не случилось видѣть такіе огромные гурты, какіе у насъ перегоняются изъ степей Украйны на сѣверъ. Въ Америкѣ, рогатый скотъ ходитъ небольшими партіями, но онъ понападаютъ чаще чѣмъ на нашихъ южныхъ пастбищахъ. Благодаря такой раздробленности стадъ, здѣсь и не слыхать о падежахъ подобныхъ тѣмъ, которые свирѣпствуютъ у насъ, истребляя тысячи головъ всякаго скота, согнаннаго въ одно мѣсто. Небольшія, отдѣльныя стада, конечно, легче предохранить отъ заразы.

Важно еще одно обстоятельство: въ Россіи огромные гурты,

перегоняемые изъ Украйны, по дальней и трудной дорогѣ, не только сами подвергаются чумѣ, но заражаютъ скоть той мѣстности, по которой проходятъ. Въ Америкѣ этого не бываетъ: въ населенные города скотина, живая или битая, доставляется по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ. Такимъ образомъ, не только не можетъ распространиться зараза, но сверхъ того, перевозимый живой скоть, благодаря быстротѣ сообщенія, доставляется на мѣсто въ томъ же тѣлѣ, въ какомъ покинулъ свое тучное пастбище.

Впрочемъ, и въ Америкѣ перегоняютъ скоть гуртами, и даже на такія же большія разстоянія, какъ въ Россіи. Но въ этомъ случаѣ представляется совершенная противоположность между обѣими странами. У насъ, изъ обильныхъ пастбищами украинскихъ степей, скоть переходитъ въ болѣе-населенныя и весьма скудныя подножнымъ кормомъ губерніи. Оттого, онъ по мѣсяцамъ голодаетъ, прежде нежели дойдетъ до мѣста назначенія. Въ Америкѣ наоборотъ: гурты гоняются изъ штатовъ болѣе населенныхъ въ территоріи, въ которыхъ начинаютъ показываться первые колонисты, изъ восточныхъ краевъ Айове и Иллинойса, гдѣ скотоводство процвѣтаетъ уже нѣсколько лѣтъ, гуртовщики перекочевываютъ съ своими стадами въ непочатыя еще степи Небраски, снабжая тамошнихъ переселенцевъ необходимымъ для нихъ домашнимъ скотомъ. Такимъ образомъ, въ Америкѣ гурты переходятъ на пастбища болѣе обильныя кормомъ чѣмъ тѣ, на которыхъ ходили они прежде, и скоть не только не истощается дорогой, но даже откармливается, во время своего неспѣшнаго кочеванія по дѣвственнымъ степямъ. При такихъ благоприятныхъ условіяхъ, конечно, нечего опасаться заразительной чумы.

Рогатый скоть въ Америкѣ разводится преимущественно для мяса и молочнаго скопа. То и другое не только доставляется въ города, но потребляется въ большомъ количествѣ и пароходами, этими пловучими гостиницами. При отходѣ, пароходы берутъ обыкновенно въ городѣ небольшіе запасы; а по пути, когда молоко выйдеть, забираютъ его у прибрежныхъ фермеровъ. Большое количество солонны препровождается въ южные штаты, гдѣ она идетъ въ пищу невольникамъ. Масло, сыръ, кожи составляютъ также выгодный предметъ сбыта для фермеровъ. Сало, въ большомъ количествѣ, потребляется на стеариновыхъ заводахъ Чикаго и другихъ го-

родовъ Сѣвера. Благодаря быстротѣ сообщенія, всѣ продукты поспѣваютъ на рынки вовремя, когда бываетъ на нихъ требованіе.

Существенный недостатокъ сельскаго хозяйства на Западѣ, неиабѣжный впрочемъ въ краѣ весьма мало населенномъ, состоитъ въ совершенномъ пренебреженіи навоза. Какъ у насъ въ черноземной полосѣ Россіи, такъ и здѣсь хозяева, въ надеждѣ на неистощимое будто бы плодородіе почвы, вовсе не пользуются навозомъ отъ своего скота. Въ Англію издаека привозятъ гуано и тому подобныя удобренія, стоящія большихъ суммъ, и этими удобреніями возвышаютъ плодородіе почвы. Америка, напротивъ, непрестанно высылаетъ за границу огромное количество питательныхъ веществъ своей черноземной почвы, въ видѣ пшеницы, кукурузы, табаку и хлопчатой бумаги, ничѣмъ не вознаграждая убыль; оттого, разумѣется, почва годъ отъ году истощается. Частныя лица извлекаютъ, конечно, свои выгоды, и то лишь временныя, изъ такого рода хозяйства; но страна вообще терпитъ существенный ущербъ. Американскіе агрономы вполне сознаютъ этотъ недостатокъ своего хозяйства на Западѣ, и по возможности стараются предупредить зло. Конечно, въ малонаселенныхъ краяхъ Запада почти невозможно ввести унавоживаніе; здѣсь, при недостаткѣ рукъ и при обилии непочатой земли, было бы неразумно употреблять въ дѣло навозъ. Въ штатахъ, въ которыхъ народонаселеніе значительно увеличилось, вводится удобреніе; но почва, вслѣдствіе предшествовавшихъ жатвъ, иногда бываетъ уже до того истощена, что потребны большія усилія для приведенія ея въ надлежащее состояніе плодородія. Это происходитъ частію отъ недостатка образованія переселенцевъ, а частію отъ своекорыстнаго желанія нѣкоторыхъ по возможности скорѣе извлечь выгоды изъ хлѣбопашества. Потому, въ послѣднее время, агрономическія общества много заботились о распространеніи въ народѣ основныхъ правилъ рациональнаго хозяйства; для этого, въ школахъ обратили особенное вниманіе на естественныя науки, а газеты и журналы, съ своей стороны, распространяютъ въ народѣ болѣе здравія понятія объ агрономіи.

Въ Сентъ-Мери было только одно каменное зданіе; въ этомъ зданіи помѣщалась народная школа. Несмотря на то что въ ней обучались дѣти Нѣмцевъ, науки проходились на англій-

скомъ языкѣ, по примѣру американскихъ школъ вообще. Нашъ гораздо болѣе удивило другое такого же рода заведеніе, случайно открытое нами среди пустынныхъ мѣстъ Дальняго Запада. Мы ѣхали однажды верхомъ по дорогѣ, пролегавшей на вѣтъ отъ Сентъ-Мери, вдоль по лѣвому, лѣсистому берегу Миссури. Въ одномъ мѣстѣ, взобравшись на пригорокъ, покрытый высокими деревьями, въ самой чашѣ лѣса, подъ сѣнью сикоморъ и орѣшниковъ, увидѣли мы каменное зданіе, поразившее насъ своею архитектурой. Сначала намъ пришло въ голову, не церковь ли это? Подошедъ къ запертой двери, мы прочли на прибитой къ ней бумажкѣ слѣдующія слова: «Джемстонская академія, назначенная преимущественно для женскаго пола.» За этимъ значилось, что лекціи въ академіи начинаются съ половины сентября и продолжаются до іюня. Потомъ, въ точности опредѣлялось мѣстоположеніе заведенія такими словами: «Джемстонская академія расположена по дорогѣ въ Сентъ-Джозефъ, въ пяти миляхъ къ сѣверу отъ этого города, въ одной изъ самыхъ живописныхъ и романтическихъ мѣстностей въ краѣ (*of the most picturesque and romantic portions of the country*).» Къ этому опредѣленію мѣстности, для большей точности слѣдовало бы прибавить, что академія находится миляхъ въ трехъ отъ вигвамовъ Индѣйцевъ живущихъ по ту сторону Миссури; это по крайней мѣрѣ было бы еще болѣе *picturesque and romantic!* Объявленіе заключалось программой предметовъ, преподаваемыхъ въ академіи. Въ старшемъ отдѣленіи, программа назначаетъ пройти: астрономію, ботанику, физиологію, химію, педагогику, алгебру и геометрію; изъ латинскаго языка—прочестъ: Цезаря, Виргилія, Цицерона и Саллюстія; изъ нѣмецкаго—*Фауста* Гете; изъ французскаго—*Телемака* Фенелона.

Заглянувъ въ окно, мы увидали просторную залу, уставленную скамьями; по стѣнамъ висѣли карты и черныя доски, на которыхъ остались начерченные мѣломъ геометрическія фигуры и формулы. Мы узнали, что академія посѣщается дочерьми окрестныхъ фермеровъ, изъ которыхъ иные живутъ миляхъ въ пятнадцать отъ заведенія.

Не можемъ судить о томъ, на сколько дочери фермеровъ выкажутъ въ смыслъ рѣчей Цицерона, разказовъ Саллюстія и монологовъ Фауста, на сколько онѣ усваиваютъ себѣ астрономію и педагогику; но при видѣ этой академіи среди перво-

бытнаго лѣса, при видѣ скамеекъ, разставленныхъ для ученія, во время жаркой погоды, внѣ зданія, подъ сѣнью дубовъ и ясеной,—мы невольно вспомнили слова Джефферсона, которыми великій авторъ акта американской независимости какъ будто предопредѣлялъ будущее значеніе своей страны. Въ одномъ изъ посланій своихъ, говоря о будущемъ политическомъ и соціальномъ положеніи Союза, Джефферсонъ пишетъ: «Мы должны всѣми мѣрами стараться избѣгать вмѣшательства въ европейскія дѣла. Иначе и мы запутаемся въ этомъ хаосѣ войнъ и убійствъ, которыя, по ту сторону Атлантическаго океана, совершаются ради какого-то мнѣшаго равновѣсія. И наконецъ, намъ пришлось бы даже сражаться противъ принциповъ свободы; намъ пришлось бы втоптать въ грязь образованіе, самостоятельность и гуманность. Мы должны поддерживать полную свободу вѣроисповѣданія, и не давать никакихъ политическихъ преимуществъ одной сектѣ передъ другою. Мы должны сохранить полную свободу печати.» Потомъ, переходя къ значенію наукъ въ Америкѣ, Джефферсонъ пишетъ: «Необходимо всѣми мѣрами поощрять знанія; да не посмѣетъ ничей буйный голосъ возставать противъ святаго имени науки. Человѣкъ никогда не долженъ предаваться гибельному заблужденію, будто слѣдуетъ обратиться назадъ, тогда какъ необходимо напротивъ стремиться впередъ, по пути прогресса. Никогда онъ не долженъ предаваться мысли, будто правительство, религія, нравственность и наука были совершеннѣе во времена глубокаго невѣжества; будто для всѣхъ вѣковъ ничего не можетъ быть лучше тѣхъ учрежденій, которыя существовали у нашихъ предковъ. Не должно никогда забывать, что наука нераздѣльно связана съ истиной и добродѣтелью; что она практическимъ примѣненіемъ своимъ доставляетъ настоящую пользу человечеству. Истинная наука одушевляетъ человѣка стремленіемъ къ развитію, добру и правдѣ; она закаляетъ нравъ его и укрѣпляетъ на житейскіе подвиги. Если же наука, какъ часто случается въ Европѣ, изъ поборниковъ своихъ дѣлаетъ подлыхъ наемниковъ власти, орудіе произвола и застоя, тогда лучше было бы для насъ въ Америкѣ, еслибы мы удалились отъ такого умственнаго образованія, еслибы мы скрылись въ наши дремучіе лѣса. Тамъ, далеко отъ этихъ пагубныхъ вліяній цивилизаціи, станемъ жить для свободы, для неприкосновенной самостоятельности человѣка!..»

Метрополіей Дальняго Запада до сихъ поръ, по праву, остается Сень-Луи, главный торговый городъ въ штатъ Миссури. Изъ этого города пароходы отправляются вверхъ по Миссури, и доставляютъ отдаленнымъ колонистамъ съѣстные припасы, домашнюю утварь, и вообще всѣ предметы необходимые въ ихъ хозяйствахъ. Въ этотъ же городъ, по временамъ, наѣзжаютъ трапперы, привозя съ собою буйволовыя и оленье шкуры: запасшись порохомъ и свинцомъ, они вновь удаляются къ Скалистымъ горамъ.

Сень-Луи находится верстахъ въ тридцати къ югу отъ устья Миссури, на лѣвомъ берегу Миссиссипи. Ни одна рѣка въ свѣтѣ не орошаетъ столько мѣстъ различныхъ между собой по климату и произведеніямъ природы, какъ Миссиссипи; этому преимуществу своему она и обязана болѣе всего своею громкою, вполнѣ заслуженною извѣстностью. Гдѣ рѣки, подобныя Амазонкѣ и Ореноко, въ направленіи своемъ съ запада на востокъ, протекаютъ по странамъ, лежащимъ въ одномъ и томъ же климатѣ, тамъ жители береговъ, обладая почти одинаковыми дарами природы, мало нуждаются въ сношеніяхъ между собой и во взаимномъ обмѣнѣ произведеній земли; но другое дѣло, когда водное сообщеніе связываетъ между собой страны различныхъ климатовъ. Такъ Миссиссипи, начинаясь близъ границъ Канады, въ теченіи своемъ къ югу, постепенно переходитъ отъ полосы въ изобиліи производящей рожь, кукурузу, пшеницу, къ полосѣ, гдѣ зрѣетъ виноградъ, растетъ хлопчатая бумага, и наконецъ—въ самой нижней части теченія—тѣми же текущими съ холоднаго сѣвера водами орошаетъ рисовыя поля и сахарныя плантаціи. При такомъ разнообразіи естественныхъ произведеній, торговые сношенія между обитателями по рѣкѣ и большимъ притокамъ ея, орошающимъ огромное пространство земель между горами Аллеганскими на востокъ и Скалистыми на западѣ, должны расширяться болѣе и болѣе, по мѣрѣ того какъ увеличивается народонаселеніе этихъ странъ. Городъ Сень-Луи, расположенный въ средоточіи огромнаго бассейна великой рѣки, составляетъ настоящій узелъ путей сообщенія между сѣверомъ и югомъ, востокомъ и западомъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ находится на самомъ перепутьи судоходства по верхнему и нижнему Миссиссипи, по Миссури, Огайо, и по всѣмъ притокамъ этихъ рѣкъ; оттого, ни въ одинъ изъ привѣчныхъ

городовъ въ Штатахъ не съѣзжается такое множество парководъ, какъ въ Сень-Луи.

Намъ представился отличный случай за-разъ обозрѣть все разнообразіе и богатство произведеній тѣхъ странъ, средоточіе которыхъ составляетъ Сень-Луи: въ немъ была при насъ большая земледѣльческая выставка. Большое число омнибусовъ, каретъ, колясокъ, и множество пѣшаго народа каждый день стекалось къ обширному, огороженному деревянною бѣлою стѣной парку, за пять верстъ отъ города. Тутъ можно было на дѣлѣ убѣдиться, какимъ живымъ участіемъ къ успѣхамъ земледѣлія и промышленности проникнуты въ Америкѣ всѣ слои общества, начиная отъ фашонабельной леди и до простаго поденщика. Съ полудня, вся дорога отъ города къ парку покрыта была рядами экипажей и пѣшеходовъ: при видѣ этой живой и пестрой картины, мы невольно вспомнили наши гулянья въ Сокольникахъ перваго мая. Несмотря на то, что за входъ съ посѣтителемъ брали по полудоллару, паркъ во все время выставки былъ полонъ народа. При входѣ въ него, глазамъ представлялась обширная трехъярусная ротонда, воздвигнутая среди зеленаго луга. Внутренность ротонды представляла родъ парка подъ открытымъ небомъ; кругомъ, амфитеатромъ возвышались скамьи для тысячи зрителей; а круглая площадка, по срединѣ, была убита пескомъ. Въ центрѣ площадки возвышалась башня; на верху ея помѣщался оркестръ, а внизу сидѣли судьи, раздававшіе призы. На арену, по-одиночкѣ, выводили красивыхъ быковъ разныхъ породъ, коровъ съ ихъ телками, воловъ отличающихся тучностью, тонкорунныхъ овецъ, жирныхъ свиней. Сильные лошади и упряжные лошади, совершая по нѣскольку круговъ вокругъ арены, выказывали крѣпость мышцъ и быстроту ногъ своихъ. Всѣ они приведены сюда изъ сѣверныхъ степей Айове и Иллинойса, изъ южныхъ саваннъ Арканзаса и Техаса. Каждое животное было встрѣчаемо и провожаемо громкою музыкой. А если которое-нибудь удостоивалось приза—серебрянаго кубка или урны, то сверху башни гремѣлъ троекратный тушъ.

Выйдя изъ ротонды, мы обошли нѣсколько павильоновъ, настроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ парка. Каждый изъ нихъ назначенъ былъ для особенной отрасли промышленныхъ или земледѣльческихъ произведеній. Въ одномъ изъ нихъ помѣщалась великолѣпная мебель и разные произведенія столяр-

наго искусства. Между множествомъ удобныхъ креселъ, дивановъ, красивыхъ бюро и этажерокъ, насъ поразиле большое собраніе дѣтскихъ колыбелей и кроватокъ, отдѣланныхъ съ большимъ вкусомъ. Около нихъ группами собирались молодая матери семействъ. Тутъ же находились хрустали и фарфоры, чугунныя печи и каминныя, изящно отдѣланныя. Все это большею частію доставлено сюда съ фабрикъ и заводовъ Синсиннати и Питсбурга.

Въ другомъ павильонѣ находились собственно земледѣльческіе продукты. Чистаго и другія мѣста по сѣвернымъ озерамъ и притокамъ верхняго Миссиссипи, выследи красу своихъ полей и огородовъ: кукурузу, овесъ, пшеницу и рожь, зерномъ и мукой, коноплю отличнаго качества, разныя овощи, виноградъ, яблоки и другіе плоды. Южные штаты, съ своей стороны, прислали хлопчатую бумагу, листовую табакъ, сахарный тростникъ, персики, ананасы и другіе болѣе нѣжные плоды теплаго края. Большое пространство павильона было убрано въ видѣ роскошнаго цвѣтника, прекрасными и разнообразными цвѣтами.

Третій павильонъ съ виду походилъ на обширную круглую клѣтку. Въ ней находились птицы всѣхъ возможныхъ породъ. Нѣкоторые изъ обыкновенныхъ домашнихъ пѣтуховъ и куръ отличались чрезвычайно большимъ ростомъ.

Въ другомъ мѣстѣ парка, подъ длиннымъ навѣсомъ, выставлены были машины, земледѣльческія орудія и снаряды, съ заводовъ Бостона, Нью-Йорка, Питсбурга и другихъ городовъ отдаленнаго сѣвера и востока. Тутъ стояла пожарная труба, приводимая въ движеніе паровою машиною; тамъ—новаго устройства молотильня, усовершенствованная жатвенная машина, паровая машина для выдѣлки мебели изъ дерева, улучшенный типографскій станокъ, изумлявшій быстротой, съ которою на немъ производилось печатаніе. Смотри на эти машины, на удивительное ихъ дѣйствіе, изумляешься, сколько сдѣлано здѣсь для того чтобъ облегчить человѣку бремя гнетущаго физическаго труда, и какъ всюду изыскиваютъ средства, съ помощію машины, покорить силы природы, для того чтобы самъ человѣкъ пересталъ быть машиною... Въ этомъ отдѣлѣ выставки не было ни одного произведенія южныхъ штатовъ; и какое въ самомъ дѣлѣ изобрѣтеніе можетъ быть сдѣлано тамъ, гдѣ плантаторъ заботится лишь о томъ, чтобы выжать сокъ изъ живой собственности, замѣняющей ему вся-

кіе усовершенствованные снаряды? Развитие и распространение машинъ и вообще мануфактурной промышленности въ сѣверныхъ штатахъ служитъ лучшимъ ручательствомъ той истинной, прочной гуманности, которая руководитъ всѣми дѣйствіями ихъ жителей. Въ этомъ убѣдился бы всякій, сравнивъ произведенія сѣверныхъ и южныхъ штатовъ на выставкѣ въ Сентъ-Луи.

Произведенія видѣнные нами на выставкѣ большею частью доставлены сюда на пароходахъ, по Миссиссипи. Такъ великая рѣка связываетъ между собою, неразрывными узами промышленности и торговли, отдаленныхъ другъ отъ друга обитателей сѣвера и юга, и пока будутъ течь ея воды, трудно разрознить страны орошаемыя Миссиссипи и ея притоками.

Э. ЦИММЕРМАНЪ.

ПИСЬМА

О

КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛЦИ

ВО ФРАНЦІИ¹

ХІІІ.

ДЕПАРТАМЕНТЫ ВІЕННЫ И ОБЪИХЪ-СЕВРЪ (ПРЕЖНЯЯ ПРОВИНЦІЯ
ПУАТУ).

І.

Изъ прежней провинціи Пуату составились три департамента: ВІенны, Обѣихъ-Севрѣ и Вандей. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ моихъ я очень подробно говорилъ вамъ о Вандеѣ, и теперь мы возвращаемся снова къ тому же мѣсту, съ котораго начали наше путешествіе, потому что департаментъ Обѣихъ Севрѣ примыкаетъ къ департаментамъ Шаранты и Нижней Шаранты (описаніе которыхъ я представилъ вамъ въ моемъ первомъ письмѣ) и къ Вандеѣ. Почти половина Франціи прошла уже передъ нашими глазами. Намъ предстоитъ возвратиться на прежній путь, съ запада на востокъ, отъ океана къ Рейну. Углубляясь въ центръ государства, не всегда найдемъ тѣ условія богатства и плодородія, которыя мы замѣтили на границахъ. Департаментъ ВІенны, составлявшій Верхній Пуату, лежитъ уже далеко отъ Парижа. Нижній Пуату, то-есть департаменты Обѣихъ-Севрѣ и Вандейскій, имѣетъ лишь только неудобныя гавани у болотистыхъ береговъ и страдаетъ отъ

¹ См. №№ 7, 9.

недостатка въ дорогахъ и судоходныхъ рѣкахъ. Оттого эти департаменты не такъ богаты, какъ сосѣдніе съ ними департаменты Мены-и-Луары и Эндры-и-Луары, и мы пройдемъ по нимъ не останавливаясь на нихъ слишкомъ долго.

Департаментъ Обвихъ-Северъ представляетъ много сходства съ Вандеей, и его также можно раздѣлить на три части, отличающіяся одна отъ другой наружнымъ видомъ. *Бокажъ* съ своими безчисленными холмами, съ своими глубокими, каменными потоками, съ своими излучистыми, покрытыми тѣнью дорсгами, съ своими непроницаемыми изгородами, своими лугами и лѣсами, занимаетъ ѡверозападную часть. Почва въ немъ глинистая, тощая и холодная; мѣстами встрѣчаются еще ланды, но на влажныхъ мѣстахъ есть хорошія пастбища. На востокъ и западъ тянется *Равкина*, очень удобная для разведенія хлѣбныхъ растений, плоская и покрытая богатыми нивами, кой-гдѣ орошенная рѣками, спокойныя воды которыхъ, устьяныя кувшинками, катятся по илестоу дну, или прозрачными ручьями, пробивающими себѣ путь въ каменистой почвѣ; мѣстами, это страна сухая и безплодная, добывающая влагу лишь изъ подземныхъ водъ. Наконецъ, совершенно на западъ,—болотистый треугольникъ *Марг*, песчаная почва котораго пропускаетъ воду чрезвычайно легко и пересѣчена во всѣхъ направленіяхъ каналами, какъ *Бокажъ* углубленными дорогами.

Вообще это—страна земледѣльская и довольно богатая, хотя земледѣліе находится тамъ не въ цвѣтущемъ состояніи. Сѣвооборотъ употребляется трехпольный или четырехпольный, пшеница, яровой ячмень и паръ, или пшеница, озимой ячмень, яровой ячмень и паръ. Мертвый паръ начинаетъ уступать мѣсто кормовымъ травамъ и корнеплоднымъ, каковы картофель, морковь, и т. п., которыя имѣютъ свойство очищать землю, избавляя ее отъ сорныхъ травъ, и которыя приведутъ къ плодопереѣнному хозяйству. Но для достиженія этой желанной цѣли, необходимо еще пройти длинный путь. Теперь же слишкомъ частыя посѣвы хлѣбныхъ растений истощаютъ до чрезвычайности почву и уничтожаютъ ея производительныя силы. Въ контрастъ общей рутинѣ, я приведу хозяйство одного изъ самыхъ разумныхъ туземныхъ агрономовъ; кромѣ земель сданныхъ половникамъ и обширныхъ лѣсовъ, у него находится во владѣніи до 53 гектаровъ земли ¹, прилегающихъ къ его замку.

¹ 48½ десятинъ 30-ной мѣры.

При этом хозяйствѣ въ 53 гектара, содержится семь важныхъ лошадей и четыре рабочихъ, шесть головъ рогатого скота для работы и семь для дохода, отъ ста до ста двадцати овецъ, среднимъ вѣсомъ въ 34 килограмма (83 фунта), отъ 20 до 25 свиней, среднимъ вѣсомъ до 80 килограммовъ (195 1/2 фунтовъ).

Такъ какъ большія животныя имѣютъ среднимъ вѣсомъ до 500 килограммовъ (слишкомъ по 30 пудовъ), и стоятъ на стойлѣ по крайней мѣрѣ въ продолженіи 10 мѣсяцевъ, то они доставляютъ около 416.000 килограммовъ (слишкомъ 25.000 пудовъ) отличнаго навозу, тщательне сберегаемаго, поливимаго и прикрываемаго землей. Количество это вдвое болѣе того, что даетъ здѣсь ежегодно мѣстная ферма такихъ же размѣровъ.

Вотъ обыкновенный севооборотъ:

1-й годъ—корнеплоды съ удобрениемъ.

2-й годъ—яровой ячмень съ голландскимъ клеверомъ.

3-й годъ—клеверъ.

4-й годъ—пшеница.

5-й годъ—вика съ удобрениемъ.

6-й годъ—пшеница.

7-й годъ—овесъ.

Слѣдовательно въ семь лѣтъ добывается четыре раза зерновой хлѣбъ, два раза кормовыя травы, и одинъ разъ корнеплоды. Понятно, что подобный севооборотъ можетъ поддерживаться на неопредѣленное время, потому что земля производитъ непрерывно, не истощаясь нисколько. Замѣтно даже, что каждый періодъ значительно улучшаетъ почву; благодаря соблюденію правилъ разумнаго плодоперемѣннаго хозяйства. Что же касается до урожая пшеницы, то ея собирается обыкновенно отъ 26 до 30 гектолитровъ съ гектара¹.

Мѣстная земледѣльческая промышленность преимущественно занимается производствомъ зерноваго хлѣба, винъ и кормовыхъ травъ, и доставляетъ большое количество продуктовъ для вывоза. Равно важенъ сборъ картофеля, сухихъ овощей и конопли, также какъ и орѣховъ, миндаля и каштановъ. Красныя вина выдѣлываемыя въ департаментъ очень посредственны; бѣлыя вина, гораздо болѣе изобильныя, идутъ на фабрикацію сентонжской водки, продаваемой подъ названіемъ

¹ Отъ 13 1/2 до 60 четвертей пшеницы съ русской казенной десятины.

коныяка. Особенно здѣсь значительно разведеніе домашнихъ животныя. Если здѣшная порода лошадей цѣнится не высоко, за то порода ословъ, муловъ и лошаковъ приобрѣла себѣ общую извѣстность; въ департаментѣ находится множество заводовъ для разведенія лошаковъ, считааемыхъ самыми лучшими и красивыми во всей Европѣ. Рогатый скотъ очень красивъ и разводится во множествѣ; откормленные быки прямо идутъ на продажу въ Парижъ, тощіе поступаютъ къ нормандскимъ пастухамъ, которые ихъ откармливаютъ.

Туземные хозяева чувствуютъ особенную страсть къ бычьей породѣ, извѣстной у насъ подъ названіемъ породы *гатиинской* (*de la Gatine*). Она во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ оказываемое ей предпочтеніе, потому что нѣтъ другой породы, которая соединяла бы въ себѣ въ такой высокой степени двойное свойство—доставлять животныя рабочія и на убой. За то этихъ быковъ съ самой юности ихъ окружаютъ всевозможными попеченіями. Телята часто выпаиваются молокомъ, отъ двухъ коровъ, и пользуются отборнымъ кормомъ. Не безъ основанія полагаютъ, что отъ этихъ первыхъ попеченій зависитъ вся ихъ будущность. Формы, хорошо развитыя съ самой первой поры, приготавливаютъ здоровое и сильное тѣлосложеніе, дѣлающее ихъ способными на всякое употребленіе. Проведя большую часть своей жизни въ хлѣбѣ, получая самую сытную пищу и ежедневно прогуливаясь въ полѣ, болѣе для здоровья, чѣмъ для корма, быкъ постоянно бываетъ на глазахъ у своего хозяина. Его воспитываютъ и обращаются съ нимъ очень кротко; даже на работѣ стараются не употреблять никакихъ насильственныхъ средствъ, напротивъ, его осыпаютъ безчисленнымъ множествомъ самыхъ дружескихъ привѣтствій, самыхъ ласковыхъ и вѣжныхъ рѣчей. Даже въ то время, когда два быка дерутся, хозяинъ ихъ никогда не прибѣгаетъ къ палкѣ или бичу; онъ бросается безоружный между рогами, наносящими другъ другу удары, хватая ихъ руками, измѣняетъ ихъ враждебное направленіе, и разводитъ примиренныхъ соперниковъ, не ожесточая ихъ побоями. Вслѣдствіе такого кроткаго обращенія, они смирны до чрезвычайности. Животныя эти рѣдко остаются всю жизнь въ рукахъ одного хозяина. Родившись у одного хозяина, они часто воспитываются у другаго, который уступаетъ ихъ третьему для легкой работы, а этотъ четвертому для работы серіозной, отсюда они переходятъ въ руки па-

стуха и откармливаются. Вслѣдствіе этой частой перемѣны хозяина, они въ продолженіи всей своей жизни, окружены безпрерывно попеченіями. Откармливаютъ ихъ обыкновенно на стойлѣ и преимущественно зимою, посредствомъ пуатусской капусты, истинной манны хлѣбовъ, которая въ большомъ количествѣ воздѣлывается на каждой фермѣ. Капусту эту сажаютъ въ началѣ лѣта во время дождливой погоды, и съ первой половины сентября начинаютъ ощипывать ее по мѣрѣ того какъ желтѣютъ нижніе листья, что и продолжается до окончательнаго сбора кочней. Листья эти составляютъ отличный кормъ, впрочемъ болѣе пригодный для дойныхъ животныхъ, чѣмъ для рабочихъ. Дойная корова, овца или быкъ, откармливаемый на убой, могутъ потреблять капусты ежедневно до 15 и 18 процентовъ своего собственнаго вѣса, съ двумя или тремя процентами яровой соломы, не требуя иной пищи.

Въ этой странѣ господствуетъ среднее и мелкое хозяйство. Рѣдко случается, чтобы фермеръ и даже поденщикъ не былъ въ то же время и собственникомъ какихъ-нибудь клочковъ земли. Половничество или фермерство изъ-полу встрѣчается часто, а это, какъ вамъ извѣстно, есть признакъ мало развитаго земледѣлія. Налоги и сѣмена падаютъ насчетъ половника. Впрочемъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространяется фермерство за опредѣленную плату, которая чаще всего производится зерновымъ хлѣбомъ и нѣкоторыми другими произведеніями, а иногда и деньгами.

Между поселянами есть цѣлый классъ людей очень достаточныхъ; къ нему принадлежатъ тѣ, которые обогатились во время революціи 1789 года покупкою національныхъ имуществъ. Нѣкоторые изъ нихъ разбогатѣли держа фермы; но въ настоящее время это случается рѣже, потому что землевладѣльцы безпрерывно возвышаютъ наемную плату. Часто случалось также, что нѣкоторые изъ помѣщиковъ, желая продать по частямъ большія помѣстья, отданныя подъ фермы за низкую плату и на долгіе сроки, выплачивали фермерамъ вознагражденія, простиравшіяся иногда до 25 и 30 тысячъ франковъ. Но всѣ эти счастливыя обстоятельства исчезаютъ мало-по-малу.

Впрочемъ, иногда бываетъ трудно узнать, довольство или нищета господствуетъ между поселянами. Необходимое ограничивается у нихъ столь малымъ, что маленькій собственникъ, который отправляется на поденную работу за цѣну, смотря по времени года, отъ одного до двухъ франковъ, не считая харчей, тратитъ на себя, если только не обремененъ

нѣнь сѣмействомъ, нисколько не жѣнѣ богатаго крестьянина. Послѣдній копить деньги, чтобы прикупить земля къ наслѣдству полученному отъ отца, но живетъ не лучше самаго недостаточнаго изъ своихъ сосѣдей и вслѣдствіи того слыветъ такимъ же бѣднякомъ, какъ всѣ они. Что касается до поденной работы женщинъ, то она цѣнится вообще вдвое дешевле мужской работы. Впрочемъ между женщинами еще болѣе замѣтно отсутствіе потребности улучшить чѣмъ-нибудь свое положеніе.

Въ послѣднія двадцать лѣтъ жалованье работникамъ почти удвоилось по недостатку рукъ, на который жалуется повсюду. Независимо отъ постоянныхъ работниковъ, остающихся на фермѣ въ продолженіи цѣлаго года, есть много такихъ, которые поступаютъ въ услуженіе на три лѣтніе мѣсяца, отъ Иванова дня до Михайлова дня, то-есть отъ 24 іюня до 29 сентября. За эти три мѣсяца они получаютъ по окончаніи срока не менѣе 13—14 гектолитровъ зерноваго хлѣба, треть пшеницу, двѣ трети ячменемъ, сверхъ того десять франковъ впередъ и полотняную рубашку. Дѣвушки получаютъ отъ шести до десяти гектолитровъ зерноваго хлѣба, сверхъ того пять франковъ задатку, шейный платокъ, головной уборъ и полотняную рубашку. Такое огромное жалованье поглащаетъ всѣ барыши фермера; еслибъ у него было многочисленное семейство, то у него работали бы дѣти его и притомъ усерднѣе, не требуя жалованья; но крестьянинъ знаетъ, что послѣ него произойдетъ предписанный закономъ раздѣлъ, на равныя части между всѣми дѣтьми мужскаго и женскаго пола, раздѣлъ гибельный для земледѣлія, и вслѣдствіе этого онъ старается не имѣть болѣе одного или двухъ дѣтей. Этотъ законъ вреденъ въ высочайшей степени, и его отмѣнять у насъ рано или поздно; вы прекрасно сдѣлаете, если не допустите его у себя въ Россіи. Это безконечное дробленіе земли есть истинная язва, и даже у насъ вездѣ хлопчатъ, какъ бы выйдти изъ такого неприятнаго положенія, которое ведетъ къ враждѣ и тяжбамъ, разстраиваетъ семейства, уничтожаетъ возможность употребленія машинъ и отталкиваетъ земледѣліе отъ плуга къ заступу, осуждая человека на работу приличную только животнымъ. Можетъ ли процвѣтать крестьянское хозяйство, когда по нѣскольку разъ въ какія-нибудь тридцать лѣтъ все обзаведеніе подвергается раздѣлу между наличными наслѣдниками? Англичане, а во многихъ мѣстахъ и Нѣмцы, по-

ступать практичнѣе: у нихъ, если крестьянинъ умираетъ безъ завѣщанія, то наследуетъ ему старшій сынъ, обязанный содержать все семейство и выплачивать младшимъ братьямъ и сестрамъ соответственную сумму денегъ, въ нѣсколько сроковъ. Сроки назначаются льготные, а между тѣмъ обязанность выплатить значительную сумму денегъ побуждаетъ къ усиленному труду. Никто не обиженъ при этомъ порядкѣ, а хозяйство, совершенно устроенное, переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію въ полномъ составѣ и постепенно улучшается. Искренно желаю, чтобъ изъ вашей теперешней подворной системы крестьянскаго хозяйства развилось что-нибудь подобное.

Наемъ рабочихъ производится здѣсь на ярмаркахъ, которыхъ насчитываютъ не менѣе 500 въ департаментѣ; онѣ бываютъ въ 87 различныхъ общинахъ и заставляютъ терять около 522 дней. Рабочіе, отправляясь на нихъ, убираютъ себя колосьями, если они хотятъ заниматься полевыми работами, и цвѣтами, если думаютъ посвятить себя работамъ по домашнему хозяйству. Эти ярмарки въ департаментѣ Объихъ-Севрѣ издавна пользуются извѣстностію, и каждая изъ нихъ имѣетъ какую-нибудь специальность. Но кромѣ найма служителей, покупки и продажи хлѣба или скота, торговли съѣтными припасами и лошаками, всѣ онѣ имѣютъ еще особое назначеніе, обезпечивающее существованіе ихъ на будущее время. Какъ только молодыя дѣвушки достигаютъ пятнадцатилѣтняго возраста, то матери ихъ считаютъ своею обязанностію возить ихъ ежегодно на ярмарки еоеднихъ общинъ, для того чтобъ ихъ узнали на сборищахъ, на балахъ, спектакляхъ и гуляньяхъ. Въ этой странѣ даже возрастъ дѣвушки считаютъ по числу ярмарокъ, на которыхъ она побывала. Если говорить о которой-нибудь изъ нихъ: «ей пять ярмарокъ», то каждый прибавляетъ въ умѣ цифру 15, и оказывается, что дѣвушкѣ уже минуло 20 лѣтъ. Матери очень бы благоразумно поступили, еслибы не слишкомъ рано вывозили своихъ дочерей на ярмарки: не угомонная сельская публика всегда готова увеличить общую сумму лѣтъ.

Ярмарки, специально назначенныя для встрѣчъ и для показыванія себя въ видахъ супружества, принимаютъ названія *assemblée d'accueilage*. Тѣ же, гдѣ довольствуются танцами, называются *assemblées de ballades*¹. Тѣ наконецъ, гдѣ устраи-

¹ Отъ слова *ballare*, танцовать: на старинномъ нарѣчьи употребляли вмѣсто *danser* слово *baller*.

ваются браки и гдѣ въ то же время танцуютъ, составляютъ *des assemblées de ballades et d'accueilage*; послѣднія, какъ само собой разумѣется, пользуются наибольшою славой.

Пуатуисцы чувствовали всегда страсть къ танцамъ, и предлогомъ для нихъ служатъ мѣстные праздники. Ихъ праздники и увеселенія связаны съ полевыми работами и съ релігиозными обрядами. На праздникъ Всѣхъ Святыхъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ растутъ каштаны, всѣ собираются въ полѣ или въ лѣсу; зажигаютъ большіе огни, танцуютъ вокругъ нихъ и жарятъ каштаны, которыми угощается все общество. Наканунѣ Рождества, послѣ ужина, хозяинъ дома приказываетъ принести огромное полѣно, носящее названіе *рождественской золовки (tison de Noel)* и, окруженный зрителями, собирающимися въ глубокомъ молчаніи, посыпаетъ солью и обливаетъ водою это полѣно, которое потомъ кладется на очагъ; остающіеся отъ него уголья тщательно сохраняютъ, для того чтобы зажигать ихъ потомъ во время грозы и тѣмъ предохранять деревню отъ громовыхъ ударовъ. По окончаніи этой церемоніи, каждый садится у очага; всѣ поютъ псалмы и, потомъ идутъ ко всеобщей, а возвратясь домой, принимаются за ужинъ, нерѣдко переходящій въ оргію. Въ праздникъ Срѣтенія земледѣлецъ непременно дѣлаетъ молочные блины (*crêpes*), употребляемые почти вездѣ во Франціи по деревнямъ для того чтобъ хлѣбныя зерна не портились. Заговѣнье они торжествуютъ праздниками и танцами; увѣряютъ, что въ этотъ день кошки составляютъ общее собраніе, которое и называется шабашемъ. Въ Вербное Воскресенье они сожигаютъ въ каждомъ изъ своихъ полей освященную вѣтку вербы. Въ Великую Пятницу, послѣ полудня, занимаются исключительно огородомъ, прививаютъ деревья, сѣютъ различныя овощи; особенно же въ этотъ день стараются посѣять левкои, которые въ такомъ случаѣ непременно будутъ двойные. Въ Великую Субботу всегда пекутъ пироги съ начинкою изъ рубленого мяса и яицъ для всѣхъ живущихъ въ домѣ, для хозяевъ, дѣтей, женщинъ и слугъ.

Лѣто составляетъ танцевальный сезонъ по преимуществу. Между тѣмъ какъ пожилые мужчины напиваются, молодые люди танцуютъ подъ звуки волынки или еще чаще подъ голосъ старухи, которая переважно распѣваетъ однообразную пѣсню безъ словъ; здѣсь-то зараждаются привязанности, пріготовляются браки. Дѣвушка, которая бы явилась на какую-нибудь *bal-*

lade, не имѣя при себѣ поклонница, навлекла бы на себя презрѣніе своихъ подругъ. Въ промежуткахъ между танцами, обожатель стоитъ передъ своею красавицей, опершись крѣпко локтемъ къ ней на плечо, а другую руку безъ всякой церемоніи кладетъ ей на корсетъ не прикрытый никакою косынкой. Они смотрятъ другъ на друга не говоря ни слова, и остаются въ такомъ положеніи по нѣскольکو часовъ сряду. Эти связи, начатыя лѣтомъ, скрѣпляются осенью, когда большія земледѣльческія работы бывають окончены, и когда земля взяла уже свое и для людей наступаетъ время подумать о самихъ себѣ. Женихъ, въ сопровожденіи одного изъ своихъ родственниковъ и одного изъ родственниковъ невѣсты, отправляется дѣлать приглашенія. Онъ тщательно старается согласовать свои визиты съ различными степенями родства: это такой этикетъ, который соблюдается очень строго. Въ каждомъ домѣ, къ кровати хозяина онъ привязываетъ букетъ лавровъ, перевязанный лентами, и приглашаетъ хозяина очень длиннымъ комплиментомъ, одинаковымъ для всѣхъ, и употребляемымъ съ незапамятнаго времени. При этихъ посѣщеніяхъ бывають обыкновенно попойки.

Хотя въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ нравы описываемой нами страны значительно измѣнились; хотя тамъ, какъ и вездѣ, ежедневно совершается дѣло прогресса и нивелировки, начатое революціей 1789 г., но департаментъ Обѣихъ-Севрѣ сохранилъ въ нѣкоторыхъ округахъ болѣе старинной оригинальности чѣмъ другія области. Житель Бокажа не великъ ростомъ, но хорошо сложенъ, голова его большая и круглая, цвѣтъ лица блѣдный, волосы черные, глаза маленькіе, но выразительные. Темпераментъ его желчный и меланхолическій, умъ тяжелый и не глубокій, сердце доброе, но раздражительное, пониманіе не быстрое, но вѣрное. Онъ сохранилъ всю простоту прежнихъ нравовъ, хотя междуусобныя войны, театромъ которыхъ была страна его, нѣсколько помрачили ихъ чистоту. Онъ добръ, гостепріименъ, одаренъ вѣрнымъ чувствомъ справедливости и неукоснительно вѣренъ своимъ обѣщаніямъ. Молчаливый до крайности, домохозяинъ, крѣпко привязанный къ родной почвѣ, онъ встрѣчаетъ каждое незнакомое лицо съ недоувѣрчивостію, очень похожую на дикость и даже на вражду; особенно онъ недоувѣрчивъ ко всему, что исходитъ отъ властей, и надобно сказать правду, что исторія прошедшаго времени совершенно оправ-

дываетъ это чувство. Во всѣхъ случаяхъ онъ обнаруживаетъ горячую привязанность къ религіи предковъ, и католикъ ли онъ или протестантъ, онъ всегда готовъ на самые геройскіе подвиги для защиты своей вѣры. Впрочемъ онъ скорѣе готовъ пожертвовать жизнью чѣмъ деньгами.

Его меланхолическій характеръ и всѣ идеи его зависятъ отъ свойства страны, въ которой онъ живетъ. Онъ ведетъ одинокую жизнь въ своей хижинѣ удаленной отъ всякаго жилья. Онъ такъ же одинокъ, когда выходитъ въ поле на работу; широкіе рвы, непроницаемыя изгороди окружаютъ его и отдѣляютъ отъ него всѣхъ ему подобныхъ. У него нѣтъ другаго общества, кромѣ быковъ, съ которыми онъ часто бесѣдуетъ и для которыхъ онъ складываетъ даже пѣсни. Если ему вздумается продать какое-нибудь изъ своихъ животныхъ, то онъ отводитъ его на ярмарку, которая рѣдко отстоитъ отъ его жилища далѣе двухъ-трехъ километровъ и часто покупщики сами являются къ нему въ его уединеніе.

Жители Равнины, болѣе образованные чѣмъ жители Бокажа, отличаются отъ нихъ своею общительностію; они любятъ обѣды, танцы, вино, Впрочемъ не до излишества; они выше ростомъ, физіономія у нихъ болѣе открытая, цвѣтъ лица румянее. Они такъ же честны, хотя менѣе трудолюбивы и болѣе наклонны къ тяжбамъ, что происходитъ отъ того конечно, что владѣнія ихъ не имѣютъ точныхъ границъ. Хотя умъ ихъ скорѣе освобождается отъ старинныхъ суевѣрій, но они сохраняютъ еще множество предрассудковъ. Въ Равнинѣ замѣтно довольно большое различіе между католиками и протестантами. Послѣдніе, вообще болѣе трудолюбивые и образованные, тѣснѣе связаны между собою и отличаются строгою нравственностію.

Житель Маре еще выше ростомъ чѣмъ житель Равнины; онъ полнѣе его, члены его массивнѣе, но въ немъ замѣтенъ недостатокъ крѣпости и ловкости; къ тому же онъ грубъ и неповоротливъ. Хижина изъ тростнику, маленькій лужокъ, нѣсколько коровъ, лодка, употребляемая для рыбной ловли, а иногда для похищенія сѣна по берегамъ рѣки, охотничье ружье,—вотъ все его достояніе и всѣ средства его промышленности.

Разнообразіе нравовъ и обычаевъ этихъ крестьянъ, имѣющихъ свои особенности въ каждомъ кантонѣ, легко замѣтны въ большихъ собраніяхъ, поводомъ къ которымъ служатъ еже-

годныя ярмарки въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Если случится что-нибудь привлекающее общее вниманіе, то одни бросаются впередъ посмотреть въ чемъ дѣло, другіе остаются неподвижно, пока предметъ общаго вниманія самъ не приблизится къ нимъ; третьи наконецъ отступаютъ назадъ и посмотрятъ изъ-за плеча своего сосѣда: таковы жители Равнины, Маре, Бокажа. Первый подойдетъ открыто, потому что не привыкъ прятаться въ странѣ открытой со всѣхъ сторонъ; послѣдній прячется въ толпѣ, потому что, проживая въ странѣ тѣнистой, онъ высматриваетъ все изъ-за деревьевъ или поверхъ изгороди. Безъ сомнѣнія и климатъ имѣетъ здѣсь свое значеніе; человѣкъ переносящій цѣлый день и безъ убжища солнечный зной долженъ имѣть болѣе живости ума, болѣе подвижности характера чѣмъ тотъ, кто погруженъ вѣчно въ холодную и туманную атмосферу. Житель Маре не двигается, не оставляетъ своего мѣста; онъ неподвижно ожидаетъ, пока предметъ возбудившій его любопытство не приблизится къ нему на такое разстояніе, чтобъ его можно было распознать. Но если тотъ же человѣкъ, несмотря на свою апатію, становится смѣлымъ воромъ, то это скорѣе должно отнести къ мѣстнымъ обычаямъ, чѣмъ къ климату. И дѣйствительно, житель Маре одинъ съ своею лодкой можетъ совершить значительное воровство, не оставивъ никакого слѣда, между тѣмъ какъ житель Равнины не въ состояніи сдѣлать того же съ лошадыю и повозкой: въ послѣднемъ случаѣ не трудно отыскать слѣдъ вора.

II.

Департаментъ Вьенны (Верхній Пуату) далеко не представляетъ той странной, оригинальной, рѣзко очерченной физиономіи, какую мы встрѣчали въ Бретани, Вандеѣ, и которую встрѣтимъ опять въ сосѣдственномъ съ ними Лимузенѣ. Характеръ жителей здѣсь болѣе блѣдный, менѣе энергическій, и къ несчастію они далеко не приобрѣли благосостоянія на столько, на сколько утратили своей оригинальности. Самая страна носить на себѣ тотъ же отпечатокъ: вообще плоская, пересѣченная широкими долинами и равнинами болѣе или менѣе плодоносными, ландами верескомъ, обширными пастбищами и большими лѣсами разсыянными по невысокимъ

холмамъ, она скудно орошена и представляетъ взорамъ только ландшафты, очень обширные, но какъ-то неопредѣленные и мало привлекательные для туристовъ и художниковъ. Различныя полосы земли имѣютъ самыя разнообразныя свойства и оттого произведенія почвы многочисленнымъ и, подобно ей, разнообразны. Значительная часть покрыта виноградниками; плоды ихъ не отличаются своимъ качествомъ, и несмотря на то, изобиліемъ своимъ обогащаютъ владѣльцевъ. Они производятъ ежегодно болѣе 500.000 гектолитровъ вина¹, половина котораго потребляется на мѣстѣ, а другая половина поступаетъ въ продажу или превращается въ водку.

Въ кантонахъ изобилующихъ виноградниками, поземельная собственность вообще очень раздроблена, и у каждаго крестьянина есть свой виноградникъ. Есть мѣста въ странѣ особенно благоприятныя для огородничества; конопля, спаржа, всѣ овощи растутъ отлично и составляютъ предметъ значительной торговли. Въ этихъ мѣстахъ земля еще болѣе раздроблена, продается по огромной цѣнѣ и воздѣлывается только заступомъ. Но большая часть департамента Вьенны состоитъ изъ пахатныхъ земель, входящихъ въ составъ помѣстій довольно обширныхъ, обрабатываемыхъ преимущественно полониками. Положеніе земледѣльцевъ тамъ довольно скудно и печально, и о нихъ-то преимущественно я намѣренъ поговорить съ вами.

Крестьянинъ-собственникъ находится въ положеніи самомъ удовлетворительномъ, благодаря возвышенію цѣнъ на жизненные припасы въ послѣдніе годы. Но съемщикъ находится въ иномъ положеніи; онъ страдаетъ отъ колебанія цѣнъ на трудъ, и можетъ совершенно раззориться отъ случайнаго упадка цѣнъ на хлѣбъ. Условія найма земли разнообразны. Вообще можно приблизительно сказать, что около семи десятыхъ контрактовъ основаны на половничествѣ, и только три десятыхъ на денежной платѣ. Что же касается до платы зерномъ, то она составляетъ незначительное исключеніе.

За исключеніемъ кантоновъ, въ которыхъ занимаютъ огородничествомъ, земледѣліе вездѣ значительно отстало. Землю воздѣлываютъ такъ, какъ воздѣлывали ее шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Хозяйство вездѣ трехпольное: озимой хлѣбъ, яровой хлѣбъ и паръ. Главное бѣдствіе департамента—недостатокъ

¹ Слишкомъ 4 милліона ведеръ.

кормовыхъ травъ. За исключеніемъ береговъ немногихъ рѣкъ, почва департамента Вьенны суха и естественные луга почти невозможны. Искусственные луга извѣстны, но фермеры, не имѣя запаснаго капитала и пробываясь со дня на день, мало занимаются ими: они стараются только производить зерновой хлѣбъ, необходимый для пропитанія ихъ семейства и для уплаты за ферму, оттого пшеница и составляетъ единственное средство ихъ существованія. При недостаткѣ кормовыхъ травъ, домашній скотъ находится въ дурномъ состояніи: онъ мелокъ, тощъ и не красивъ. Нѣкоторые богатые владѣльцы стараются ввести новыя методы земледѣлія, но крестьянинъ только издали слѣдуетъ ихъ примѣру.

Дѣти недостаточныхъ родителей ходятъ въ школу только до семи и восьми лѣтъ. Понятно, что научиться они могутъ очень немногому. Съ восьми лѣтъ родители ихъ, если они половники, посылаютъ ихъ пасти домашнихъ животныхъ. Мальчикамъ поручаютъ пасти коровъ, телятъ и ословъ; дѣвочкамъ—овецъ, гусей и индѣекъ. Если родители—простые поденщики, то дѣти нанимаются за самую умѣренную плату у какого-нибудь фермера въ такую же должность. Обыкновенно они поступаютъ къ своему господину съ Иванова дня (24-го іюня) и живутъ у него до дня Св. Мартина (11-го ноября), или—самый поздній срокъ—до Рождества. Здѣсь, какъ видите, и еще можетъ быть болѣе чѣмъ гдѣ-либо во Франціи, крестьяне совершенно подчиняютъ духовную сторону матеріальной; какъ только дѣти ихъ въ состояніи выполнить какую-нибудь цѣнную матеріальную работу, они оставляютъ образованіе ума для обработыванія земли.

Такой образъ жизни продолжается до тѣхъ поръ, пока они не приступятъ къ своему первому причащенію, то-есть до 11 или 12 лѣтъ. Катихизисъ беретъ у нихъ много времени: часто дѣти живутъ довольно далеко отъ церкви, и цѣлый день проводятъ въ томъ, чтобы придти, просидѣть въ классѣ, и возвратиться домой. Послѣ перваго причащенія, дѣти нанимаются въ работу уже на цѣлый годъ и нерѣдко трудятся сверхъ силъ, если попадаютъ въ услуженіе къ недостаточнымъ фермерамъ. Наступаетъ конскрипція: если имъ удастся вынуть счастливый номеръ, что случается весьма рѣдко, благодаря мудрой системѣ вооруженнаго мира, недавно изобрѣтенной, тогда они расстаются съ фермой, женятся и изъ служителей становятся поденщиками. Что касается до

женщинъ, то онѣ выходятъ замужъ поздно, если только не принадлежать къ достаточному семейству. Здѣсь принято за правило, чтобы женщина, вступая въ семейную жизнь, приносила въ приданое мебель и домашнюю утварь. А такъ какъ жалованье не высоко, то ей нужно прожить долгіе годы и совершить много подвиговъ экономіи, чтобы скопить сумму денегъ достаточную для покупки кровати орѣховаго дерева, пуховыхъ подушекъ и перины, зеленого шерстянаго одѣяла, шелковыхъ занавѣсокъ, шкафа вишневаго или орѣховаго дерева, стола, и нѣсколькихъ паръ простынь, — и все это должна сколотить себѣ молодая дѣвушка прежде чѣмъ ей вздумается вступить въ супружество.

Разъ сдѣлавшись поденщиками, мужчины по большей части и остаются поденщиками на всю жизнь, если имъ не удастся купить нѣсколько клочковъ земли. Они живутъ въ домишкахъ, часто одинокихъ и полуразрушенныхъ, которые носятъ названіе *locatures*. Къ этимъ домишкамъ примыкаетъ обыкновенно садикъ, который они обрабатываютъ по воскресеньямъ. Овощи изъ этого огорода, двѣ-три овцы или коза, которую жена поденщика выкармливаетъ придорожною травою, не рѣдко составляютъ все ихъ имущество. Во время жатвы хлѣба, сбора орѣховъ и винограда, поденщикъ посылаетъ всю свою семью *glaner*, то-есть подбирать все, что работники собственника или фермера оставили послѣ себя. Въ это время вы часто можете встрѣтить на дорогѣ, возлѣ поля, дерева или виноградника, до двадцати или двадцати пяти женщинъ, которыя шьютъ или вяжутъ, имѣя при себѣ своихъ маленькихъ дѣтей и даже козъ и овецъ. Съ нетерпѣніемъ онѣ ожидаютъ той минуты, когда имъ можно будетъ броситься подъ дерево, на поле или на виноградникъ, оставляемые въ ихъ распоряженіе. Къ концу лѣта сборъ ихъ часто бываетъ очень значителенъ.

Послѣ замужства, положеніе женщинъ измѣняется. Въ нѣкоторыхъ частяхъ департамента, онѣ занимаются только домашнимъ хозяйствомъ и дѣтьми, въ другихъ же, напротивъ, онѣ цѣлый годъ заняты земледѣльческими работами, пахутъ землю, поляютъ, треплютъ и очищаютъ коноплю. Почти вездѣ онѣ занимаются жатвою и сборомъ винограда, и въ первомъ случаѣ работа ихъ тяжела до крайности, потому что жатва производится большею частію серпомъ въ самый сильный лѣтній зной. Въ 1860 году, когда жары были, правда,

необыкновенные, двѣ дѣвушки одна осьмнадцать, другая тридцати лѣтъ умерли на полѣ отъ солнечнаго зноя. Въ этихъ кантонахъ, гдѣ еще хлѣбъ молотятъ цѣпами, женщины виѣсть съ муштинами работаютъ цѣлый день на гумнѣ. Въ другихъ мѣстахъ подобный обычай неизвѣстенъ, и считается тиранствомъ. Коса мало-по-малу вытѣсняетъ серпъ, и молотильная машина заступаетъ мѣсто цѣпа и катка.

Съ приближеніемъ старости, наступаетъ самая тяжелая пора. Жатва и сборъ винограда еще занимаютъ ихъ, но все остальное время года у нихъ нѣтъ уже силъ для исполненія тяжелыхъ полевыхъ работъ. Старикъ остается на попеченіи своего семейства; иногда его одолеваетъ немощи, а такъ какъ крестьянинъ грубъ и нечувствителенъ, то между престарѣлыми родителями и ихъ дѣтьми часто происходятъ сцены покрывающія позоромъ человѣчество. По счастью, люди здѣсь не живущи, и по деревнямъ старики встрѣчаются очень рѣдко.

Умственные способности этихъ людей развиты очень слабо. Они таковы, какими создала ихъ природа. Образованіе почти неизвѣстно между ними, особенно въ округахъ сосѣдственныхъ съ Шарантой, о которой я уже говорилъ вамъ, и съ Верхнею Вьенной. Число грамотныхъ крестьянъ очень ограничено; многіе не умѣютъ даже подписать свое имя. Они едва умѣютъ сосчитать то, чтѣ имъ нужно.

Они не очень набожны, хотя и ходятъ въ церковь довольно аккуратно: это у нихъ гораздо болѣе дѣло привычки, чѣмъ религіозности. Вообще они уважаютъ своего священника, но не обращаютъ большаго вниманія на его поученія. За то они очень суевѣрны, и въ ихъ религіозныхъ понятіяхъ на первомъ планѣ стоятъ дьяволъ и колдуны, существованіе которыхъ не подвержено у нихъ никакому сомнѣнію. Въ Пуату возникла знаменитая легенда о Мелюзинѣ, этой волшебницѣ, дочери короля Албани, которая, въ наказаніе за какое-то преступленіе, превращалась каждую субботу въ змѣю, и должна была превращаться до самаго Страшнаго Суда, еслибъ ей не удалось найти рыцаря, который бы согласился жениться на ней, и никогда бы не видалъ ея въ видѣ змѣи. Молодой сирѣ де-Люзиньянъ, встрѣтивъ ее въ лѣсу, влюбился въ нее, и вступилъ съ нею въ бракъ. Для него выстроила она замокъ Люзиньянъ, на лицевой сторонѣ котораго возвышалась уединенная башня, и внутри ея колодезь, гдѣ Мелюзина омывалась въ

воскресенье утромъ, оставляя свою отвратительную змѣиную форму, и дѣлалась снова женщиной красоты необыкновенной. Повидимому любопытство не составляетъ исключительной принадлежности прекраснаго пола: сирь де-Люзиньянъ не сдержалъ клятвы не видать ее никогда по субботамъ, и однажды засталъ ее, когда она превратилась въ змѣю. Она уповзла въ окно и не появлялась болѣе. Только каждый разъ, когда замокъ Люзиньянскій перемѣнялъ владѣльца, или когда долженъ былъ умереть кто-нибудь изъ членовъ семейства, она появлялась три дня сряду на башнѣ и испускала жалобные вопли.

Не нахожу нужнымъ сообщать вамъ, что нѣтъ и тѣни политической идеи въ головѣ этихъ людей, призываемыхъ отъ времени до времени къ участию въ управленіи государствомъ посредствомъ избранія депутатовъ, которыхъ они не знаютъ даже по имени, называются ли они Тьерами, Шатобрианами или Ламартинами. Они вотируютъ смиренно, какъ приказываетъ имъ вотировать меръ или другое правительственное лицо. Что касается до нравственности, то они исправные работники, тяжелые для самихъ себя и для своихъ ближнихъ, корыстолюбивые, не слишкомъ добросовѣстные, не слишкомъ покорные, и, несмотря на то, довольно честные. Они смотрятъ недовѣрчиво на буржуа, которымъ они лѣстятъ и которыхъ боятся. Можетъ-быть имъ много должно прощать, во вниманіи къ ихъ тяжкому существованію, которое улучшается такъ медленно.

Пищу ихъ составляетъ черный хлѣбъ и овощи, зимою сушенныя, лѣтомъ свѣжія. Кромѣ кантоновъ, гдѣ занимаются огородничествомъ, то-есть кромѣ окрестностей городовъ, мясо ѣдятъ только на масляницѣ и на Святой недѣлѣ. За то чеснокъ потребляется во огромномъ количествѣ. Есть бѣдные поденьщики, для которыхъ онъ съ хлѣбомъ составляетъ единственную пищу. Гдѣ есть виноградники, поселане ежедневно употребляютъ вино, но обыкновенное питье въ другихъ мѣстностяхъ составляютъ выжимки прессованнаго винограда, сохраняемыя въ бочкахъ, наполненныхъ водою. По мѣрѣ того какъ бочка опорожняется для ежедневныхъ потребностей, ее наполняютъ свѣжею водою и продолжаютъ эту операцію до тѣхъ поръ, пока влага истекающая изъ бочки не получить дурнаго вкуса, или не будетъ имѣть вовсе никакого.

При такой жизни въ поляхъ, посвященной вполне тягостному обрабатыванію земли, забавамъ нѣтъ мѣста. Впрочемъ, чтобы удо-

влетворить этой потребности общенія, веселья, пѣсень, здвигнѣ крестьяне, какъ ни изнурены они, сумѣли обратить все большія земледѣльческія работы въ праздники, во время которыхъ они умѣютъ повеселиться, несмотря ни на что, особенно въ большихъ хозяйствахъ. Сколько веселья бываетъ на сѣнокосѣ! Косить траву трудно, но работники вознаграждаютъ себя при ея сушкѣ: поютъ, пляшутъ, пьютъ вино; даже тѣ, у кого нѣтъ сѣнокоса, отправляются косить къ сосѣдямъ какъ на праздникъ, предлагая свои услуги безъ всякаго вознагражденія, за одно удовольствіе участвовать въ общемъ собраніи и позабавиться. Не менѣе заманчивы и удовольствія жатвы. Каждое утро, до зари, раздается звукъ рожка; жнецъ поднимается съ постели и берется за серпъ; собирается веселая толпа и направляется къ мѣсту назначенному наканунѣ. Заранѣе назначается, кому принадлежитъ честь начинать жатву, и въ какомъ порядкѣ все другіе должны за нимъ слѣдовать. Рѣдко случается, чтобы сердце не участвовало въ такомъ распредѣленіи: каждый юноша становится подлѣ своей возлюбленной; онъ помогаетъ ей, и сладкія рѣчи заставляютъ забывать и тягость работы, и солнечный зной. Когда наступаетъ часъ обѣда, все садится вокругъ огромнаго сосуда, въ которомъ дымится похлебка, и изъ котораго все ѣдятъ съ большимъ аппетитомъ. Тотъ, кто нарушаетъ правила благопристойности, подвергается немедленно наказанію: его кладутъ ничкомъ, и молодыя дѣвицы надвѣяютъ его ударами деревяннаго башмака, сообразно съ его виною. Послѣ обѣда, часъ времени назначается для сна, и потомъ снова все принимаются за дѣло. При наступленіи ночи, жнецы собираются группами; впереди каждой становится одинъ или двое играющихъ на рожкѣ, и такимъ образомъ все возвращается въ деревню.

Тотъ день, когда серпъ срѣзываетъ послѣдній колосъ пшеницы, есть день настоящаго торжества. Между тѣмъ какъ мужчины собираютъ снопы и накладываютъ ихъ на воза, молодыя дѣвицы составляютъ огромный букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, который утверждается на обручакъ обвитыхъ цвѣтами и колосьями. Тотъ, кто во время жатвы начиналъ работу, долженъ нести почетный снопокъ; онъ взбирзается на переднюю часть колесницы, и толпа слѣдуетъ за нимъ съ громкими криками: *эй, эй!* Визгливые звуки рожка сопровождаютъ это триумфальное шествіе. По прибытіи на ферму, пиршество обильно

приправленное виномъ ожидаетъ жнецовъ. За первымъ безмолвіемъ удовлетворяемаго аппетита, слѣдуютъ скоро бурные взрывы веселья, и танцы заключаютъ этотъ блаженный день.

Сборъ винограда ведетъ за собою съ новыми работами и новыя удовольствія, въ которыхъ тѣ, у кого нѣтъ виноградниковъ, приходятъ также принимать участіе. Окончаніе работъ празднуется такими же шумными танцами и обильными попойками.

Красота женщинъ Пуату знаменита, и, въ случаѣ надобности, историческіе факты могутъ засвидѣтельствовать о могуществѣ ихъ прелестей. XVI вѣкъ представляетъ Діану изъ Пуатье, *ловительницу королей*, *Diana venatrix regum*, эту женщину, красота которой такъ долго выдерживала борьбу съ рукой времени, переходила отъ одного короля къ другому, подобно коронному алмазу, и видѣла у ногъ своихъ Франциска I и Генриха II. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, горделивая Монтеспанъ долго господствовала надъ сердцемъ Лудовика XIV, который катался въ одной каретѣ съ королевою, герцогинею де-Лавальеръ, своею прежнею любовницею, и герцогинею де-Монтеспанъ, своею тогдашнею любовницею. Гордясь восемью дѣтьми, которыхъ она дала королю, Монтеспанъ помѣстила къ нимъ, въ званіи воспитательницы, другую уроженку Пуату, Франциску д'Обинье, родившуюся въ тюрьмѣ города Ниорта, гдѣ содержался отецъ ея, обвиненный въ дѣланіи фальшивой монеты. Бѣдная, не имѣвшая ничего, кромѣ красоты и молодости, она принуждена была выйти замужъ за шутиваго поэта Скаррона, стараго, разбитаго параличомъ калѣку, который скоро оставилъ ее вдовою. Неосторожная Монтеспанъ привлекла ее ко двору, гдѣ она сначала приняла на себя очень снисходительно роль посредницы во всѣхъ королевскихъ интригахъ. Когда умерла королева, болѣзнь поразила Лудовика XIV, угрызенія совѣсти громко заговорили въ его сердце. Вдова Скаррона пробудила въ немъ сильныя религіозныя опасенія и умѣла склонить его на тайный бракъ съ собою. Она пережила Лудовика, и когда Петръ Великій посѣтилъ нашу страну, то онъ имѣлъ любопытство отправиться въ Сень-Сиръ, гдѣ она тогда находилась, чтобъ увидѣть ту женщину, которая цѣлыя тридцать лѣтъ имѣла такое огромное вліяніе на судьбы Франціи. Когда Петра ввели къ ней, то онъ устремилъ на нее свой орлиный взглядъ, посмотрѣлъ нѣсколько минутъ и вышелъ изъ комнаты не сказавъ ни слова. Можетъ-быть онъ думалъ тогда, что онъ одинъ на свѣтѣ видѣлъ двухъ женщинъ, изъ

которыхъ каждая можетъ служить примѣромъ высочайшаго счастья, какого только женщина можетъ достигнуть на землѣ: Екатерину и г-жу де-Ментенонъ.

Пуату—одна изъ провинцій, гдѣ феодализмъ господствовалъ всего долѣе и угасъ совершенно только въ эпоху революціи 1789 года. Впрочемъ даже и тутъ ббольшая часть странныхъ средневѣковыхъ повинностей, столь тягостныхъ, столь тиранническихъ, столь унижительныхъ, были постепенно выкуплены поселянами, по мѣрѣ того какъ уменьшалась ихъ нищета. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ мѣстныхъ сеньйоровъ допускалъ бракъ на своей землѣ не иначе, какъ если онъ ступитъ обнаженною ногой на супружеское ложе: облагороженная форма стариннаго ненавистнаго права сеньйора, которое доставило столько сюжетовъ для нашихъ театральныхъ пьесъ. Другой требовалъ, чтобъ его подданные привозили къ нему на дворъ ежегодно королька, тщательно привязаннаго веревкой къ тележкѣ запряженной четырьмя быками. Всѣ новобрачные каждаго года обязаны были перепрыгивать широкій ровъ, наполненный водою. Эта повинность подлежала уничтоженію, еслибы хоть кто-нибудь одинъ перепрыгнулъ черезъ ровъ; но ширина его препятствовала этому, и скачка новобрачныхъ возобновлялась ежегодно. Таковы были куріозныя повинности, которыми кичились наши покойники-дворяне.

Вотъ вѣрный текстъ записи, возобновленной не далѣе какъ за два года до революціи, именно въ 1787 году:

«Я обязанъ вамъ, мой милостивый господинъ, повинностію, ниже изъясненной, которая состоитъ въ томъ, что при первыхъ родахъ милостивой госпожи моей живымъ ребенкомъ мужескаго или женскаго пола, я нижеименованный и старшій изъ дѣтей моихъ мужескаго пола, рожденныхъ мною въ законномъ супружествѣ, и потомки ихъ мужескаго пола на вѣки вѣчные обязываемся идти на другой день, послѣ родовъ означенной госпожи, къ дверямъ ея комнаты и громко воскликнуть: «Да здравствуетъ госпожа и новорожденный!» Въ честь его я долженъ буду выпить однимъ духомъ бутылку вина, которую вы должны будете дать мнѣ съ кускомъ бѣлаго хлѣба, въ фунтъ вѣсомъ, и куропатку, приправленную солью и перцемъ. А если означенная госпожа родитъ дѣвочку, вы прикажете подать мнѣ только бутылку воды, фунтъ чернаго хлѣба и кусокъ сыру.»

ИЗЪ НАУКИ СЕМЕЙНАГО СЧАСТІЯ

РАЗКАЗЪ

Пріятеля моего Владиміра Сергѣевича Горнова я помню молодымъ человѣкомъ, высокимъ и худенькимъ, съ блѣднымъ продолговатымъ лицомъ, и съ какимъ-то бѣдовымъ взглядомъ на другихъ: «посторонитесь, милые,—наступлю на ногу.» Такимъ и зарубился его образъ въ памяти всѣхъ знавшихъ его. Недавно встрѣчаю: Владиміръ Сергѣевичъ совсѣмъ другой. Плотно, крѣпокъ, свѣжъ; смотреть ясно и просто.

— Ты ли, братъ, это, Владиміръ Сергѣичъ?

— Еще бы!

— Какъ поправился! да и какимъ баринномъ смотришь...

— Ха, ха! засмѣлся онъ.—Зачѣмъ же непременно баринномъ?

— Ужь не женился ли? спросилъ я послѣ нѣсколькихъ обычныхъ вопросовъ.

— И, нѣтъ, отвѣтилъ Владиміръ Сергѣевичъ;—нѣтъ еще, поправился онъ.

Я не видѣлъ его дѣтъ пять уже. Помню, что онъ числился тогда гдѣ-то, имѣлъ сильное родство, и могъ бы служить довольно успѣшно; занимался же онъ, кажется, естественными науками и работалъ серьезно... Помню также, что въ немъ

было тогда много страннаго. При своей фигурѣ и своемъ бѣдовомъ взглядѣ на прохожихъ, онъ толковалъ постоянно свысока и въ то же время крайне неопредѣленно о «раціональности» и о «цолной простотѣ во всемъ», и онъ создалъ себѣ, такимъ образомъ, довольно странный и вовсе не простой идеалъ, не допуская, между тѣмъ, по своей теоріи, никакихъ идеаловъ. «Это не рационально, это не просто,» скажетъ, да еще прибавитъ, любя поучать другихъ и желая непремѣнно вліять на насъ, слушателей: «Господа! Какъ это можно? Вы всѣ заблуждаетесь.»

Но помимо этого, многое нравилось намъ въ немъ, неглупомъ, искреннемъ, славномъ маломъ. Мы любили его особенно за его горячее сердечное сочувствіе, которое оказывалъ онъ не словомъ, а все дѣломъ, къ бѣднымъ забытымъ жизнью людямъ. Бывало найдетъ кого-нибудь изъ нихъ, и водить его всюду съ собою, бѣгаетъ къ нему, не отстаетъ и, вопреки можеть-быть своей теоріи, самъ полюбитъ, и того привяжетъ.

— Ну, Владиміръ Сергѣичъ, гдѣ же ты былъ? что дѣлалъ? разкажи же, братъ, что-нибудь!

— Изволь, изволь, съ удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ. — Вотъ, зайдемъ куда-нибудь.

— Да хоть ко мнѣ; кстати, сначала пообедаемъ вмѣстѣ.

Мы проговорили съ нимъ до поздняго вечера.

Не безынтересный разказъ его я записалъ здѣсь для читателя, какъ могъ.

I.

Такъ какъ дѣло будетъ идти тутъ о знакомствѣ съ одною удивительною особою и однимъ замѣчательнымъ семействомъ, — разказывалъ Владиміръ Сергѣевичъ, — знакомствѣ имѣвшему очень важное значеніе въ моей жизни, то я хотѣлъ припомнить тебѣ былыя пресловутыя идеи мои о женщинахъ и семейномъ супружескомъ счастіи. Не совѣтъ лишнимъ было бы, можеть-быть, привести тебѣ здѣсь тогдашнія же «идеи» мои по теоріи совѣсти, по систематизаціи поведенія, кое-какіе рациональные взгляды на смыслъ протеста въ неравной борьбѣ... ну да право не стѣбитъ. Я не стану даже говорить о женщинахъ вообще, а скажу лишь о женѣ, да и то, извини, какъ можно покороче.

Жена... другъ-жена (не связанная со мною «до времени» ни юридическими, ни другими какими-либо сръзками) прежде всего не могла бы быть хорошенькою, и тѣмъ болѣе—красавицей. Хорошенькимъ теперь въ жизни—все, дурнымъ—почти ничего: понятно, что это не рационально. Итакъ жена была бы, прежде всего, не хороша собою, но по возможности здорова. Потому—изъ небогатаго сословія. Потому—образована и развита, съ привычкою рассуждать и сомнѣваться, женщина безъ преклоненія передъ преданіемъ, безъ праздноя заботы о началѣ и концѣ вещей, такъ что взаимное пониманіе, это первое условіе рациональной любви, могло бы связывать насъ. Жена моя будетъ работать, трудиться положительно; развитая на столько, чтобы понимать великое значеніе труда въ жизни, и чтобы умѣть выбрать соответственную себѣ дѣятельность, она наивыгоднѣйшимъ для общества образомъ станетъ употреблять свои силы. Письмоводство, въ обширномъ смыслѣ слова, казалось мнѣ удобнѣйшимъ занятіемъ для нея; въ этомъ—одно изъ многихъ отличій моей теоріи отъ извѣстныхъ западныхъ. Вотъ еще одно отличіе: жена моя будетъ непременно Русская. Чтѣ до равенства, то мы равны, по возможности, во всемъ. Прежняя нераціональная угодливость мужчинъ женщинамъ (какъ сильныхъ слабымъ) не будетъ имѣть между нами мѣста; угодливость возможна на столько лишь, на сколько требуетъ того законъ «взаимной уступчивости», необходимой для поддержки супружескаго и какаго бы то ни было согласія. Само собою разумѣется уже, что жена будетъ чужда всякихъ наивныхъ женскихъ вопросовъ: «любилъ ли ты когда-нибудь, другъ дорогой? Долго ли, много ли? Коварный, оставишь ли меня?» О разныхъ малодушныхъ ревностяхъ и не говорю. Мы вѣрны, и мысвободны; жена, какъ рациональная эгеметка, будетъ снисходительна къ ближнему. Лишь только наша супружеская любовь начнетъ смѣняться дружбой,—мы разъѣзжаемъ. Чтѣ до жизни, то живемъ мы, безъ сомнѣнія, просто; при этомъ, порядокъ у насъ образцовый. На всѣ главные предметы прерождения времени будутъ назначены часы: 1) на трудъ, 2) на отдыхъ, 3) на ѣду и непредвидѣнные обстоятельства, 4) на природу, 5) на музыку, и наконецъ 6) на любовь.

Проектъ, бѣдный проектъ, проектомъ, къ счастію, ты и остался!

Въ 1857 году, мнѣ пришлось оставить Петербургъ, и пробыть довольно долго въ одной изъ нашихъ среднеполосныхъ губерній. Я отправился туда съ большимъ запасомъ новыхъ книгъ, которыя надѣялся одолѣть до возвращенія, и поселился въ Д—скомъ уѣздѣ, у двоюроднаго брата, помѣщика и холостяка. Занималъ я особый флигель съ просторнымъ видомъ изъ оконъ. Направо, между полями желтозеленаго жнивья, тянулась вероты на двѣ большаа дорога; налѣво, за нашимъ садомъ, наискось бѣжала маленькая рѣчка, по прозванію Смолка, узкая и быстрая, густо поросшая по берегамъ высокою травой и можжевельникомъ, мѣстами—раkitой и орѣшникомъ. По лѣвому берегу Смолки, отъ нашего сада до встрѣчи ея съ большою дорогою у сосѣдняго села, шла роща, любимое мѣсто моихъ прогулокъ. Обыкновенно, подъ вечеръ, я спускался изъ нашего сада къ рѣчкѣ, переходилъ тутъ на лѣвый берегъ, пребирался потомъ рощей, вплоть до сосѣдняго села, гдѣ снова переходилъ Смолку и большою дорогою возвращался домой.

Однажды—это было въ концѣ іюля, дней черезъ десять послѣ моего приѣзда—я вышелъ раньше обыкновеннаго. Вечеръ былъ чудо какъ хорошъ. Пройдя рощу, я направился по большой дорогѣ, когда услышалъ сзади какой-то особенный шорохъ. Оглядываюсь: въ тридцати шагахъ отъ меня, между стволами березъ и орѣшника, мелькаетъ свѣтлое голубенькое платьице, и быстро подвигается ко мнѣ. Ктобы это? Стою и жду. Платьице все ближе и ближе, и вдругъ остановилось. Изъ-за зелена ярой листвы выглянула женская головка въ круглой шляпѣ съ широкими полями, прождала секунду, другую, и быстро скрылась. Затѣмъ, къ большому моему огорченію, хорошенькій образъ сталъ удаляться; въ частъ раза два глянула еще соломенная шляпа изъ-за кустовъ дикой малины, сивовъ зелень жимолости мелькнуло голубенькое платье, и милая незнакомка исчезла. Я не могъ подробно рассмотреть ее, но успѣлъ замѣтить бѣлокурые волосы, бархатную ленточку на бѣленькой шейкѣ, и кружевные панталоны изъ-подъ короткаго платья. По моимъ соображеніямъ, дѣвушка была никакъ не старше четырнадцати лѣтъ. Я съѣлъ на траву, у мостика черезъ рѣчку, и сталъ ждать. Множество звуковъ лилось изъ рощи. Гдѣ-то высоко перекликались птицы; я узнавалъ голоса гvoздика и зяблика, раскатъ соловья, однообразный двухтактный крикъ

коростеля, хохоть лѣснаго пугача, и слушалъ, и ждалъ. Хорошенькая незнакомка не показывалась; она прошла, вѣроятно, рощей до садовъ, принадлежащихъ сосѣднему селу, и скрылась тамъ.

Уже было около десяти часовъ, когда я вышелъ на большую дорогу. Кой-гдѣ въ темной лазурѣ заглялись и мерцали звѣзды; легкая мгла лѣтней ночи садилась на поля, и застыла-ла дорогу. Въ этотъ вечеръ, по странному стеченію обстоятельствъ, новая картинка запросилась мнѣ на глаза. Я шелъ тихо и думалъ о моей хорошенькой блондинкѣ. Вдругъ, сильный конскій топотъ раздался впереди. Черезъ минуту, мимо проскакало нѣсколько всадниковъ; одинъ, помню, въ военномъ китлѣ, крупный профиль, съдой усть; за нимъ, блѣдный и стройный юноша лѣтъ пятнадцати, въ курткѣ и рейтузахъ; да-лѣе полный мальчикъ, въ рубашкѣ и круглой шапкѣ круто на ухо, и еще двое-трое, фигуръ которыхъ я не успѣлъ запомнить. Въ то же самое время, по проселку шедшему съ-ва почти параллельно большой дорогѣ, пронеслась волна сомкнутыхъ гончихъ съ добъзачимъ. Все это быстро промчалось, и исчезло въ сосѣднемъ селѣ, оставивъ позади себя столбъ пыли, слабое эхо въ зарѣчной рощѣ, да запахъ лошадинаго пота, который мѣшался съ запахомъ сжатой гречихи, кашки, медуницы и друтаго полевья.

На другой день разспрашиваю дворовыхъ. Штабъ какой-то, говорятъ, стоятъ тутъ лѣтомъ; генералъ живетъ, съ нимъ семейство,—жена, два сына; старшій учится въ Петербургѣ, прїѣхалъ недавно; и дочка есть... Мужики сказывали, что господа добрые: лѣчатъ больныхъ, сами всегда навѣдываются. Такъ какъ братъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ городъ, и взялъ съ собою своего лакея, знавшаго хорошо все окружныя обстоятельства и новости, то я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать его, а въ ожиданіи раза по два въ день уходилъ за рощу, въ надеждѣ встрѣтить кого-нибудь изъ вчерашнихъ. Стройная бѣленькая незнакомка, догадывался я, это—дочь пожилаго охотника, два мальчика верхомъ — сыновья. Но ни на первый, ни на второй, ни на третій день послѣ памятнаго вечера, я не встрѣтилъ никого. На четвертый, я рѣшился пройти въ село, тѣмъ болѣе что имѣлъ дѣло къ тамошнему бурмистру.

Въ Старопольѣ, богатомъ помѣстьѣ графовъ С., было до трехъ тысячъ душъ, нѣсколько улицъ, каменные дома, давки мелочныя—что твои губернска, двѣ церкви, по пятницамъ

горгъ. Рано утромъ отправился я туда, но не засталъ уже бурмистра, и заговорилъ съ работницей.

— Ушелъ на проводы; отъ генерала наемни приходили.

— Какъ на проводы! развѣ генералъ увѣжаетъ? испугался почему-то я.

— Не генералъ, а генеральскій сынъ, объяснила она.— Отсюда вотъ, баринъ, увидишь, какъ провонать-то стануть, прибавила она, и указала мнѣ на двухъэтажный каменный домъ, въ десяти шагахъ напротивъ, въ которомъ жилъ генералъ, и передъ которымъ стояла уже небольшая дорожная коляска.

Я поднялъ окно, усѣлся лицомъ къ указанному дому, и сталъ ждать съ страннымъ волненіемъ. Около экипажа шла уже обыкновенная суета. Изъ дома носили и укладывали узелки, шкатулочки; кругомъ вертѣлись деревенскіе ребяташки; нѣсколько бабъ, въ новыхъ кумачныхъ сарафанахъ, остановилось подлѣ; болтая локтями и ногами, прискакалъ ямской мальчикъ на почтовой лошади; за нимъ рыжій статный парень привелъ двухъ другихъ лошадей и сталъ закладывать. Черезъ нѣсколько минутъ изъ дома выскочила горничная, посмотрѣла на лошадей, на ямщика, заглянула въ коляску и убѣжала. Я не сводилъ уже глазъ съ калитки на улицу. Она отворилась, наконецъ, и въ ней показалась изящная дама среднихъ лѣтъ, въ голубомъ платочкѣ поверхъ головы, заплаканная и грустная; она оперлась на руку знакомаго уже мнѣ блѣднаго и стройнаго пятнадцати лѣтняго мальчика. Вѣрно мать, подумалъ я; работница подтвердила. За ними вышелъ генералъ, потомъ двѣ дамы, и моя хорошенькая незнакомка, ведя за руку крошечную дѣвочку, должно-бытъ сестру; потомъ второй сынъ; старопольскій бурмистръ съ тамошнимъ священникомъ, нѣсколько офицеровъ и человѣкъ пять прислуги. Началось послѣднее прощанье.

— Черезъ три мѣсяца, Тедди, увидимся, если Богъ дастъ слышишь, черезъ три мѣсяца? тихо и нѣжно говорила мальчику мать, осыпая глаза и все лицо его поцѣлуями.

Мальчикъ подошелъ къ отцу; тотъ далъ поцѣловать ему свою руку, крѣпко обнялъ, и указалъ глазами направо. Сынъ подошелъ тогда къ старику-бурмистру и попрощался съ нимъ потомъ со священникомъ; и затѣмъ уже со своими; я видѣлъ какъ мальчикъ цѣловалъ прислугу, прямо и просто, торопливо пряча свои руки. Большими влажными глазами слѣдилъ

за братомъ старшая сестра, между тѣмъ какъ младшая, крошечная дѣвочка, сложивъ свои маленькія ручки, поднявшисъ на носки и вытанувъ шейку, заглядывала ему въ лицо. Братъ бодрился передъ сестрами, покачивался, чуть-чуть улыбался.

— Прощай, Нелля, прощай, Соня; прошу не забывать моего Нестора. Ты, Сонечка, не трогай моихъ книгъ и нотъ; прїѣду, увижу,—разсержусь.

Офицеръ вѣхавшій съ мальчикомъ также простился со всѣми.

— Ну, Теддя, пора, садись, произнесъ генералъ.—Пойдемъ, мой другъ, обратился онъ къ женѣ.

Побѣжали къ коляскѣ. Маленькій братъ вскочилъ внутрь, посидѣлъ и выскочилъ; мать заглянула туда и заботливо поправила что-то; отецъ самъ отворилъ дверцы, впустилъ сына, посадилъ офицера и, безъ словъ, крѣпко пожалъ ему руку. Нѣсколько минутъ продолжались напутствія, благословенія, совѣты. Генералъ внимательно осматривалъ коляску.

— Готово? спросилъ онъ.

— Готово.

— Ну, такъ съ Богомъ же, трогай! раздалось наконецъ.

Ямщикъ подобралъ вожжи, приподнялся и взмахнулъ кнутомъ, какъ вдругъ: «Стой, стой, стой!» Мать поспѣшно бросилась къ коляскѣ; начался какой-то таинственный шепотъ на ухо, затѣмъ поцѣлуй; горничная принесла маленькую подушку и передала ее внутрь. Отецъ спросилъ офицера, не нужно ли и ему лишней подушки, потомъ поднялъ поочередно дѣтей и самъ нагнулся къ сыну.

Коляска снова тронулась. Высунувшисъ изъ-за кузова, сынъ кланялся, стараясь черезъ силу улыбаться.

— Ахъ, стой, стой! на минутку! раздалось опять.

Ямщикъ остановился.

— Чтò тамъ? спросилъ генералъ.

— Чтò такое? повторилъ сынъ нетвердымъ голосомъ.

Въ отвѣтъ, передъ нимъ явилось личико матери, все въ слезахъ.

— Ахъ, Теддичка!.. да ничего...

— Ну, мамаша, скоро увидимся, вѣдь не навсегда, сталъ утѣшать ее мальчикъ, а самъ едва-едва сдерживалъ слезы.

Отецъ подошелъ большими шагами, хотѣлъ попенять, заглянулъ въ коляску и... улыбнулся.

— Пора, пора, напомниль только онъ.

— Ну, мамаша, не Богъ вѣсть куда, въ самомъ дѣлѣ; ни-

чего, видишь, я не плачу, утѣшалъ мальчикъ.—Пора вѣдь; трогай же.

Коляска снова тронулась, сдѣлала сотню шаговъ, хотѣла повернуть за уголъ и—остановилась.

Провожащіе наперерывъ кинулись къ ней; генераль, ведя подъ руку жену, съ безпокойствомъ ускорила шагъ.

Дверцы отворились. Изъ коляски вышелъ Теддя, безъ шапки, безъ шинели, съ опущенными глазами; онъ подошелъ къ отцу и сталъ передъ нимъ, сунувъ и не произнося ни слова. Нѣсколько мгновений продолжалось это молчаніе; потомъ послышалось тихое, тихое рыданіе.

Я смотрѣлъ на генерала, и видѣлъ изъ моего окна, какъ задрожали губы, помутился взглядъ и покатались крупныя слезы по загорѣлому лицу высокаго и сильнаго старика. Мать уже давно плакала; мальчикъ, припавъ лицомъ къ ея груди, крѣпко обнималъ ее, а она обвила руками его бѣлокурую голову и цѣловала волосы, почти не отнимая губъ. Боясь взглянуть на рыдающаго брата, стояла красавица Нелли, устремивъ глаза куда-то въ сторону; маленькая Соня, ухватясь за ея платье, крѣпко прижалась къ ней. Ребятишки разинули рты; въ сторонѣ громко крикнулъ кучеръ; рыжій ямщикъ, не трогая лошадей, чаще сталъ перебрасывать съ уха на ухо шляпу...

— Куда это баринъ отправляется? спросилъ я работницу, пристально смотрѣвшую въ другое окно.

— Охъ! не выдержалъ, голубчикъ; охъ! да и гдѣ же! шептала она, не слыша моего вопроса.

— Въ Петербургъ? спросилъ я снова.

Отвѣта не было.

— Не въ Петербургъ ли баринъ? повторилъ я.

— А должно-быть, батюшка, тихо отвѣтила она наконецъ, все не отрываясь отъ окна.

При мнѣ коляска тронулась окончательно, и скрылась вдаль, за поворотомъ большой дороги.

Я вышелъ изъ дому, забывъ совершенно старопольскаго бурмистра, и оглядываясь разъ двадцать на добрыхъ людей, что такъ много провожаютъ сына за какихъ-нибудь триста верстъ.

II.

Черезъ недѣлю я познакомился съ барономъ Ботмеромъ. (такъ звали генерала). Братъ мой представилъ меня ему у одного сосѣдняго помѣщика, и тотъ самымъ любезнымъ образомъ пригласилъ къ себѣ.

Помню хорошо день, въ который я былъ у него въ первый разъ. Александръ Павловичъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, потомъ провелъ въ гостиную, гдѣ представилъ женѣ. Его ждали разные доклады, и, извинившись, онъ поспѣшилъ уйти.

Я остался съ тою самою дамой, которой такъ тяжело было разстаться тогда съ отъѣзжавшимъ сыномъ. Ей было на видѣ не болѣе тридцати пяти лѣтъ. Наружность рѣзко симпатичная: хорошенькое маленькое лицо съ профилею замѣчательной чистоты; задумчивые блѣдно-сѣрые глаза, кроткая улыбка; нѣсколько ямокъ на кругленькомъ подбородкѣ; подъ маленькою наколкой, каштановые, просто зачесанные волосы; широкое, легкое съ оборками платье, низко перетянутое поясомъ; голубой галстучекъ на шеѣ; много бантовъ и лентъ, мало золота. Голосъ ея былъ необыкновенно пріятенъ, тихъ и нѣсколько пѣвучъ; замѣчанія откровенны, сужденія немного наивны, но искренни; свѣтлый и прямой взглядъ ея просилъ отъ вась того же.

Она упросила меня остаться у нихъ обѣдать. Я осмотрѣлся. Баронесса сидѣла на небольшомъ диванчикѣ въ уютномъ углу, передъ двумя столиками съ несессерами и шитьемъ. Комната была отдѣлана en rapport, и уставлена довольно изящною мебелью. По вещамъ можно судить всегда, каковъ домъ, каковы люди; тутъ, съ перваго раза уже было замѣтно, что вещи цѣнятся сердцемъ, дороги хозяевамъ. Ландшафты на одной стѣнкѣ,—какіе-то завѣтные: «Это вотъ нашъ дорогой Петръ Владиміровичъ В. рисовалъ; знаете, что былъ убитъ на Черной.» Книги: Жанъ-Поль, Ю. Кернеръ, Шиллеръ и маленькая Библія; лоскутки; множество цвѣтовъ; небольшой изящный роаль.

Скоро возвратился генералъ. Жена, Антонина Алексан-

дровна, которую онъ называлъ *Тоничкой*, подошла и поцѣловала его; онъ, не нагибаясь и не смотря, поднялъ ея руку и тихонько, одинъ за другимъ перецѣловалъ всѣ ея пальцы.

Пожилая дама высокаго роста, вся въ черномъ, показалась скоро въ другомъ концѣ комнаты.

— Сестра моя, баронесса К.; Владиміръ Сергѣевичъ Горновъ, представилъ генералъ.

Черезъ минуту, топоча ножками, вошла маленькая Соня. Я протянулъ ей руку, она подала мнѣ обѣ свои, которыя у нея были особенно изящны, и которыя она держала немного впереди, и подавала съ нѣкоторою важностью. Съ нею была полная брюнетка лѣтъ двадцати двухъ, гувернантка, какъ я узналъ послѣ. Алеша, младшій сынъ, круглолицый, подъ гребенку выстриженный, необыкновенной груди и силы мальчикъ, вбѣжалъ за ними и шаркнулъ мнѣ. Въ рукахъ у него была, кажется, ногайка; мать тихо высвободила ее изъ его рукъ и положила подлѣ себя.

— Гдѣ Нелли, спросилъ генералъ, — Тоничка?

— Гдѣ же она?

Нелли стояла въ дверяхъ. Я взглянулъ и чуть не вскрикнулъ. Это была она, моя хорешенькая незнакомка, но мнѣ показалась теперь совсѣмъ другою. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она остановилась, посмотрѣла прямо на меня, и поклонилась-не-поклонилась, а кивнула слегка головкой, чуть-чуть передвинувъ при этомъ ногу. Теперь только могъ я рассмотреть ее. Тонкое личико, густые бѣлокурые, зачесанные назадъ à l'oiseau royal волосы, какого-то рѣдкаго серебристаго отлива, глаза зеленоватые и глубокіе, стройная грудка, крошечныя ноги. На ней было баржевое платье, патриотка съ пунцовою тесьмой и бархатная ленточка на шеѣ. Тонкая и стройная, она держалась прямо, какъ будто гордо, вскинувъ немного голову. Я не отрывалъ отъ нея глазъ, забывъ совсѣмъ, что взглядъ мой могъ показаться неумѣстнымъ. Не граціей только, а какимъ-то высокимъ, гордымъ и чистымъ изяществомъ дышала вся фигура ея.

«Чудная дѣвушка! думалъ я, все не спуская глазъ: — да не держись такъ холодно и прямо, да взгляни же сюда! Или робка ты? или горда?» Она улыбнулась кому-то тамъ, въ сторону, потомъ наклонилась къ брату; и нисколько ни о комъ изъ насъ бѣдныхъ не заботясь, начала отогрѣвать на рукѣ какую-то мушку.

Столъ, накрытый въ смежной комнатѣ, былъ хорошо сервированъ; скатерть—необыкновенной нѣжной бѣлизны и чистоты. Я сидѣлъ подлѣ хозяйки; съ другой стороны стола, напротивъ меня, рядомъ съ генераломъ, помѣщалась только что выпущенный изъ корпуса офицеръ, котораго повидимому особенно ласкали на первыхъ порахъ; дамы сидѣли съ моей стороны, сынъ и офицеры съ другой.

Разговоръ зашелъ сначала о военномъ, кажется—о разныхъ снарядахъ. Помню, что мой визави что-то сильно финтилъ, опровергалъ, трактовалъ: «я-де изъ такого-то специальнаго.» Но баронъ былъ добръ; онъ снисходительно выслушивалъ и спокойно возражалъ. Во время одного монолога офицера, Антонина Александровна встала, подошла къ нему, сама положила ему мороженого, прибавивъ тихонько: «Ну, кушайте, кушайте, Мг Ошевъ.» Генералъ взглядомъ поблагодарилъ жену; та ясно улыбнулась въ отвѣтъ.

Заговорили объ охотѣ. Я узналъ, что Александръ Павловичъ страстный и старый охотникъ; онъ приглашалъ меня съ собою, хвалилъ своихъ собакъ, между прочимъ указалъ на сына. «Онъ у меня десять верстъ дѣлаетъ верхомъ какъ ни по чемъ.» — «Ахъ, папаша, да что ты это? я гораздо больше дѣлаю», отозвался тотъ. Дѣйствительно, мальчикъ былъ крѣпокъ, плотенъ, силенъ, румянъ. По этому поводу, мать вдругъ вспомнила о старшемъ сынѣ и грустно взглянула на мужа. Александръ Павловичъ налилъ полрюмки вина, передалъ женѣ и, чокнувшись своею рюмкой: «За здоровье Тедди, Тоничка,» выпилъ.

— Вы, мсье Горновъ, не знаете нашего старшаго сына? обратилась ко мнѣ Антонина Александровна.—Шестнадцать лѣтъ уже! вздохнула она.—Un artiste, monsieur. Въ прошедшую среду уѣхалъ, бѣдняжка, въ Петербургъ и не прѣдетъ, вѣроятно, до Рождества.

— Кажется, я видѣлъ его, мелькомъ, на нашей большой дорогѣ, отвѣчалъ я;—если не ошибаюсь, онъ вмѣстѣ съ Александромъ Павловичемъ возвращался тогда съ охоты.

— Ахъ! когда это было? не въ субботу ли?..

— Кажется.

— Да, да! Значить, вы знаете нашего Теддю? Вотъ что! Слышишь, Александръ? мсье Горновъ знаетъ нашего Теддю! Онъ видѣлъ васъ на охотѣ.... Такъ заходите же къ намъ по

чаще, пожалуйста, мсье Горновъ. Я вижу уже, что мы будемъ большими друзьями...

Обѣдъ прошелъ тихо и кончился немножко чинно. Нелли тотчасъ же ушла, вопросительно взглянувъ прежде на мать; съ нею ушла и баронесса-сестра. Перешли въ гостиную. Александръ Павловичъ отворилъ окно и закурилъ сигару; къ нему тихо подошла Антонина Александровна, приподнялась на носки и обвила руками его шею; тотъ взялъ ее за плечи, слегка покачнулъ туда-сюда, вправо-влѣво, посмотрѣлъ ласково въ оба глаза, и осторожно поцѣловалъ сначала одинъ, потомъ другой.

Я входилъ въ это время.

— Pardon, мсье Горновъ, сконфузилась немного Антонина Александровна.

Генералъ улыбнулся.

— Хорошая жена, закончически замѣтилъ онъ мнѣ.

— Вижу, вижу.

Когда разносили кофе, я подошелъ къ Сонѣ, сидѣвшей съ куклками на диванѣ.

— Славныя у васъ куклки, Соня.

— Ага! сказала она, едва шевеля губами своего крошечнаго ротика.

— Ваши?

— Не мои-съ.

— Чьи-съ?

— Неллины.

— Кто это?

— Нелли? удивилась она. — Да сестра моя.

— Такъ это ея куклы?

— Да; вѣдь я сказала.

«О! проблески характера, силы,» думалъ я, смотря на маленькую дѣвочку и не отходя отъ нея. Антонина Александровна подошла къ намъ.

— Вотъ, Mlle Sophie увѣряетъ меня, что куклы эти не ея, а старшей сестры.

— Ну да! отвѣтила съ живостію мать. — Нелли до сихъ поръ играетъ съ ними, хотя ей скоро и минетъ пятнадцать лѣтъ. Дурнаготуть, право, ничего нѣтъ. Вотъ и я, до восемнадцати лѣтъ занималась куклами и нисколько потомъ на себя за это не пеняла, и не пеняю.

Когда я сталъ прощаться, она захотѣла непременно проводить меня; я благодарилъ, отказывался. Digitized by Google Антонина Александровна

дровна живо накинула голубой платочекъ на голову, взяла зонтикъ и подала мнѣ руку; генераль съ младшимъ сыномъ пошли сзати насъ.

За селомъ, у мостика черезъ нашу Смолку, мы разетались. Сдѣлавъ двадцать шаговъ, я оглянулся; они стоятъ, смотрятъ; я снялъ шляпу, они закивали головами. Черезъ нѣсколько шаговъ, я опять оглянулся,—ко мнѣ мчится Алеша.

— Папаша и мамаша; кричалъ онъ,—просятъ васъ не забывать насъ!

Я пожалъ ему руку, сказалъ: «ни за что», и оглянулся еще разъ. У крайняго дома мелькнулъ голубой платочекъ, разъ, другой, третій, и исчезъ за ближнимъ угломъ.

Черезъ день Александръ Павловичъ былъ у меня, много говорилъ, и все такъ же разумно, ясно, спокойно. Дня черезъ два я зашелъ въ Старополье, и провелъ у нихъ вечеръ.

Погода стояла прекрасная. Входя на крыльцо, я остановился на минуту; изъ сада несется свѣжій запахъ спѣлаго яблока, шиповника, прѣлаго яста; по дорожкѣ, своими маленькими ножками шаркаетъ Соня. На лѣстницѣ, знакомые звуки известной сонаты-фантазїи Моцарта дошли до меня. Я нашелъ въ гостиной Антонину Александровну за роялемъ, сестру — въ креслѣ у окна, съ шитьемъ въ рукахъ, и одного пожилаго господина, повидимому помѣщика.

— Ахъ, мсье Горновъ, наконецъ-то! встрѣтила меня хозяйка.— Я уже собиралась послать къ вамъ; ну, право! Садитесь вотъ тутъ, показала она мнѣ на стулъ подлѣ.— Хотите, я повторю еще разъ сонату? И она мастерски сыграла ее.

«Милая, простая, безъ всякой жеманности, безъ обычныхъ и надобъвшихъ вопросовъ о любви къ музыкѣ...» думалъ я.

Она сыграла еще нѣсколько піесъ Шуберта, котораго, какъ говорила, очень любила и хорошо знала лично, потомъ пересѣла на свой угловой диванчикъ, и заговорила съ помѣщикомъ. Сестра-баронесса обратилась ко мнѣ съ какимъ-то вопросомъ; въ то время какъ я говорилъ съ ней, на лѣстницѣ послышалось чье-то бойкое пѣніе, и черезъ минуту, гувернантка, зарумянившаяся, веселая, припрыгивая, показалась въ дверяхъ.

— Bonjour, chère madame!

— Bonsoir, Lydie, сказала тихо Антонина Александровна.

Та тотчасъ же спохватилась, осмотрѣлась, увидѣла насъ, и спокойно подошла къ хозяйкѣ. Я слышалъ тихое: «Merci, madame,» потомъ: «Pas de quoi, mon amie,» и—поцѣлуй.

— Гдѣ же Нелли? спросила Антонина Александровна.

— Она сейчасъ будетъ; она устала и отстала немного.

Дѣйствительно, когда вошла Нелли, удивительное личико ея было замѣтно блѣдно. Можно было ожидать: «Ахъ, какъ я устала», лѣцливой и интересной походки. Ничего этого не было: стройная красавица поклонилась намъ все тѣмъ же оригинальнымъ своимъ поклономъ, прямо и просто подошла къ матери, и сѣла.

Скоро пріѣхалъ генералъ съ сыномъ. Онъ возвратился съ какихъ-то маневровъ, весь въ пыли. Жена бросилась ему навстрѣчу, и поцѣловала его въ лобъ.

Къ чаю прібыло нѣсколько новыхъ лицъ. Александръ Павловичъ говорилъ о предстоящей своей охотѣ. Кто-то старался острить въ другомъ концѣ стола, разказывалъ, какъ его пріятель бьетъ все кроликовъ, вмѣсто зайцевъ что-ли, потому нерешалъ, почему-то, къ русской натурѣ.

— Натура широкая-съ, но, приеяться, безалаберная. Хоть бы насчетъ этихъ охотъ, особенно въ прежнее время; дворъ полонъ всякихъ псарей, ловчихъ, борзятниковъ, добъжачихъ, стреманныхъ, а въ полѣ никого. Даже и пословица сложилась: «семеро на зайца, одинъ молотить». У другихъ это не такъ; вотъ у васъ, въ Остзейскомъ краѣ, напримѣръ; тамъ и любятъ охоту, но ужь совсѣмъ другое.

— Гм... отивтилъ на все это Александръ Павловичъ.

Маленькой Соннѣ не было за часемъ; я догадывался, что она ушла уже спать. Въ десять часовъ поднялась и Нелли, поцѣловала руку у отца, потомъ у матери, поклонилась намъ, и ушла, какъ всегда, спокойная, прямая, какъ будто спѣсвая.

Меня начинала раздражать немного эта манера ея держать себя. Не слушая шедшихъ толковъ, я допивалъ свой чай и думалъ о ней, когда горничная подошла къ Антонинѣ Александровнѣ:

— Элеонора Александровна просить васъ.

— Ахъ, pardon Владиміръ Сергѣичъ, извинилась хозяйка; — нужно благословить; я сейчасъ буду.

Какъ я узналъ послѣ, «холодная и спѣсвая» Нелли никогда не засыпала безъ этого.

Въ одиннадцать часовъ мы простились. Неторопливо шель я домой, и, думая объ этихъ не рациональныхъ и милыхъ людяхъ, чувствовалъ, что всѣ ихъ маленькія сцены, исполненныя прелести простаго, тихаго семейнаго счастья, начинаютъ сильно волновать меня.

III.

Расположеніе мое къ новымъ знакомымъ все расло; посѣщенія становились чаще.

Обыкновенно, поработавъ нѣсколько часовъ, я, болѣе или менѣе довольный собою, отдыхалъ немного, и потомъ отправлялся въ нашу рошницу, откуда, при всѣхъ удобныхъ случаяхъ, пробирался въ Старополье; братъ, занятый все время въ городѣ, рѣдко заходилъ со мною. На меня смотрѣли уже какъ на короткаго знакомаго, какъ на своего. Чаще бывая, и я съ своей стороны ближе узналъ семейство генерала.

Александръ Павловичъ былъ, прежде всего, идеалистъ, человѣкъ искренне-религіозный, потомъ—немного консерваторъ...

Отъ Нѣмцевъ его круга двѣ черты рѣзко отличали его: онъ считалъ Русскихъ народомъ необыкновенно даровитымъ, и былъ мало практиченъ въ дѣлахъ личнаго интереса. О послѣднемъ говорила всѣ, хорошо зная его пріемки и сдачи. Многіе жалѣли его, а онъ оставался спокоенъ, доволенъ, честенъ и гордъ, и жилъ гораздо скромнѣе чѣмъ бы могъ.

Замѣчательно, до какой щекотливости доходила его честность и правдивость. Помню, какъ однажды штабъ-офицеръ разказывалъ о нѣкоторыхъ воинскихъ подвигахъ *былао*. У одного ротнаго командира, любившаго поиграть на солдатскія деньги, осталось разъ пять рублей всего изъ всей ротной суммы. «Оставить ли ихъ, думаетъ нашъ командиръ, или идти отыгрываться?» Думалъ онъ, думалъ, и созвалъ роту. «Вотъ, говорить, ребята, такъ и такъ: проигралъ я ваши деньги, осталось всего пять рублей. Отдать ли ихъ вамъ, или идти отыгрываться?» Выслушали солдатыки, подивились было, ну да ничего, и похуже бываетъ. «Что жъ, говорить, ваше высокоблагородіе, пять рублей ужъ не важныя деньги; лучше идти отыгрываться.» Капитанъ тутъ же спустилъ и остальные. Тонъ разказа заставилъ нѣкоторыхъ улыбнуться; Александръ Павловичъ сидѣлъ насупившись.

— Воръ! проговорилъ онъ выразительно, вздрогнувъ весь

При всей суровой наружности и нѣсколько холодномъ обращеніи, генералъ былъ удивительно добръ, часто донельзя хлопоталъ о людяхъ совершенно постороннихъ, и сочувствовалъ самымъ чистосердечнымъ образомъ всякой чужой бѣдѣ.

Случалось заболѣть кому-нибудь, придетъ Антонина Александровна вся взволнованная.

— Ахъ, Александръ, слышалъ ты, что случилось?

— Что такое?

— Луцкій захворалъ вчера вечеромъ; простудился, горло у бѣдняжки болитъ.

— Хорошо, я съѣзжу, отвѣтитъ Александръ Павловичъ.— Ты, Тоничка, приготовь только примочки, и все что нужно. (Онъ былъ преданнѣйшій гидропатъ.)

— Такъ я пойду готовить, скажетъ жена, и пойдетъ.

— Тоничка, остановить онъ насупясь немножко:—ты бы... того... поторопилась, ночь прошла, и знаешь..

Онъ не кончатъ, а Тоничка уже бѣжить, хлопочетъ. И Александръ Павловичъ непремѣнно отыскивалъ подпоручика Луцкаго, гдѣ бы тотъ ни жилъ.

Онъ владелъ еще замѣчательнымъ свойствомъ являться къ вамъ всегда въ самыя трудныя и нужныя минуты. Думаешь: «Эка неудача! Нѣтъ порядочнаго друга, а людямъ все равно, не до тебя.» Вдругъ является Александръ Павловичъ, суровъ и холоденъ, повидимому, какъ всегда; а всмотришься: его сѣрые глаза смотрятъ ласково и сочувственно, а черты лица полны какой-то особой идеальной доброты.

Дальнѣй племянникъ Александра Павловича разказывалъ мнѣ, какъ онъ получилъ однажды письмо отъ него. Стоялъ онъ въ страшной глуши, жилъ одинъ и, убѣгая скуки, что ли, спалъ часа три утромъ послѣ чаю, часа четыре послѣ обѣда до чаю, и всю ночь до утра. Разъ, во время послѣобѣденнаго почиванія, доньчикъ будитъ его: «Ваше благородіе!»

— Что тамъ?

— Вставайте, ваше благородіе!

— Ужь не пожаръ ли?

— Не пожаръ, ваше благородіе, а письмо.

— Письмо?

Доньчикъ, не терпя лишнихъ словъ, подаетъ обѣими руками письмо. Конвертъ щегольской, сургучъ какъ кораллъ, печать важная. «Отъ кого бы это?» Распечатываетъ: пишетъ Александръ Павловичъ, пеняетъ за молчаніе, назы-

ваетъ гордецомъ, приглашаетъ прѣѣхать, чтобы переговорить... «Я гордецъ? думаетъ онъ: вотъ отлично-то!» Шагаетъ, хохочетъ. Чтò съ поручикомъ? недоумѣваетъ между тѣмъ деньщикъ. «Илья!.. Подаемъ въ отпускъ!..»

Помню, какъ нравился мнѣ сжатая, умныя рѣчи Александра Павловича. Оно хорошо владѣлъ языкомъ, говорилъ правильно, и лишь одну остзейскую, и то вѣроятно случайную ошибку замѣтилъ я у него. «Въ такомъ то вотъ походѣ, крестьяне бывало вѣзали къ намъ и сѣно продали (вмѣсто продавали),» разказывалъ онъ. Вообще же, какъ онъ, такъ и все семейство, къ моему большому удовольствію, говорило правильно, развѣ маленькая Соня вмѣсто «тѣсно», скажетъ нечаянно: «узко».

Чтò до супружескихъ отношеній Александра Павловича, то обращеніе его съ женой было мягкое, ровное, я сказалъ бы—снисходительное, еслибы не зналъ, что онъ, во многихъ семейныхъ вопросахъ, отдавалъ полное первенство женѣ. Антонина Александровна съ своей стороны, по закону Божію, по совѣсти и по любви, спрашивала у него согласія на все, какъ относительно дѣтей, такъ и всѣхъ, сколько-нибудь важныхъ домашнихъ распоряженій.

Я слышалъ, что у нея хранится цѣлый мѣшокъ писемъ и «композицій» въ честь ея, писанныхъ мужемъ, когда онъ былъ еще женихомъ, а она наивною, скромною сироткой-Нѣмочкой. Женихомъ Александръ Павловичъ былъ шесть лѣтъ, съ двадцати двухъ до двадцати восьми. Невольно вспоминались тутъ наши гуртовые столичныя брава...

Антонина Александровна была очень религіозна. Необходимыя въ жизни каждаго горести и непріятности она переносила твердо, молясь и надѣясь, что онѣ должны пройти, какъ проходитъ ненастье, смѣняющееся, наконецъ, хорошею погодой. У нея были и кое-какія мистическія привычки. Между прочимъ, она не пропускала ни одного вечера, чтобы не прочесть передъ сномъ, въ спальнѣ, нѣсколькихъ мѣстъ изъ Лютера, Аридта, Стоппа... Она разказывала мнѣ сама, какъ Александръ Павловичъ, усталый, заснетъ, часто въ самомъ началѣ чтенія. Она будитъ его: «Слушай, Александръ!»

— Ахъ, Тоничка; да я ничего не понимаю!

— Нѣтъ, слушай; поймешь.

Онъ опять заснетъ; она опять его разбудитъ, и все читаетъ, старательно, внятно, съ чувствомъ.

Антонина Александровна часто показывала вистивній надг

ея постелью, подъ распятіемъ, портретъ молодаго задумчиваго офицера, съ эксельбантами и серебрянымъ шитьемъ.

— Узнаете? спросить.

— Нѣтъ, скажешь нарочно.

— Какже! не повѣрить и улыбнется она.—Это, видите ли, портретъ ея, послѣ выхода изъ академіи.

Службѣ мужа Антонина Александровна сочувствовала всею душой; во время разныхъ смотровъ, парадовъ, маневровъ, поспещеній, дрожала и молилась за успѣхъ. На простыхъ ученыхъ она сама подѣбжала къ рядамъ, съ боку какъ-нибудь, и здоровалась съ солдатами. Она знала всѣхъ офицеровъ, часто—ихъ обстоятельства; на сиротъ, хотя бы тридцатилѣтнихъ, смотрѣла задумчиво, и ласково разспрашивала. Иногда ей представлять какого-нибудь солдата.

— Вотъ онъ, ваше превосходительство, умѣть часы дѣлать; у часоваго мастера жилъ.

— А-а!..

Соберется все семейство; станутъ удивляться, смотрѣть, какой онъ; Соня внимательно заглянетъ въ лицо, а солдатикъ стоитъ и ужасно радъ.

Ласково и гуманно обращалась Антонина Александровна и съ своею прислугой. Хорошо помню, какъ разъ одинъ изъ старшихъ лакеевъ, разносившій кушанье, отказался нести блюдо въ комнату горничныхъ. Антонина Александровна встала изъ-за стола, сама взяла и понесла. «Видишь, мнѣ не стыдно, а тебѣ стыдно.» Тотъ поворчалъ, но потомъ умилился, и пришелъ просить прощенія, хотѣлъ даже стать на коѣвни. Она только покачала головой, но болѣе это уже не повторялось. Бабы часто приходили къ ней съ просьбами, за совѣтами и пр. Которая-нибудь станеть разказывать, какъ испортили ея сына, какъ она уже и на богоявленскую воду шептала, и съ уголька спрыскивала ит. д. Антонина Александровна не засмѣется оскорбительно.

— Ты бы лучше Богу помолилась, скажетъ,—да доктора нашего спросила. И пошлетъ отъ себя доктора.

Разумно и гуманно обходилась Антонина Александровна со всѣми и, главное, съ своими дѣтьми. Она наказывала ихъ болѣе взглядомъ; посмотреть, какъ будто въ душу заглянетъ, и покачаетъ головой, вотъ и все. Нелли она сообщала всѣ свои радости и печали, и этымъ, кажется, думала лучше всего развить и приготовить къ жизни свою дочь. Гувернантка, Miss Lydie, лозаннская уроженка, дѣвушка умная, права ровнаго,

кроткаго и довольнаго, не имѣла особеннаго вліянія на воспитаніе Нелли; она болѣе занималась съ нею такъ-называемыми «сочиненіями». Баронесса тетка читала съ Нелли популярныя научныя книжки; музыкѣ учила сама мать, книги для «пріятнаго» чтенія выбирала она же.

Я былъ увѣренъ, что мать никогда не говорила Нелли о ея красотѣ, старалась даже не придавать большаго значенія красотѣ вообще, но впечатлѣніе, производимое дѣвушкой, не могло быть не замѣчено ею самою. Какъ у пятнадцатилѣтней дѣвушки, у нея были еще худенькія руки, несформированныя плечи и грудь, и красота ея поражала васъ другимъ, какою-то особою гордою яствѣнчивостію, чистотою души, которая во всемъ высказывалась. Въ будущемъ Нелли обѣщала быть рѣдкою красавицей.

Интересно было видѣть, какъ старыя товарищи генерала выражали свои впечатлѣнія при видѣ Нелли.

— Александръ Павловичъ!

— Ну?

— Помилуй!

— Чтò такое?

— Какъ чтò? Вѣдь у тебя дочь раскрасавица!

— Ну, какая это красота, отвѣтитъ Александръ Павловичъ, а самъ радъ, разумѣется, что такая...

— Да ты взгляни хоты!

— Куда это?

— Неужели не видишь?

— Нѣтъ.

— Дочка-то, дочка! Такихъ красавицъ нѣту вѣдь! Неужели не замѣчаешь?

— Глазъ присмотрѣлся, скажетъ генералъ, хмуря брови, чтобы скрыть улыбку.

— Молодецъ ты, однако, Александръ! нечего сказать.

— Чѣмъ это?

— Какъ чѣмъ? а дочка-то какая хорошенькая!

— Да я тутъ, право, ничѣмъ не виновать, начнетъ отговариваться Александръ Павловичъ.

— Ну, братъ, говорилъ я съ твоею Нелли. Знаешь, я долженъ тебѣ серьезно сказать...

— Чтò такое? удивится Александръ Павловичъ: — она кажется ничего, добрая дѣвушка...

— Не добрая! она ангелъ! Тебѣ ее самъ Богъ послалъ!

— Ну полно, полно, кончить генералъ:—молода еще...

Жена знала объ этихъ замѣчаніяхъ, потому что мужъ не вытерпитъ иногда, и вечеркомъ, какъ будго нечаянно, скажетъ ей: «Вотъ люди находятъ, что наша Нелли не слишкомъ ужъ чтобы дурна...»—«Еще бы, Александръ!»

Нелли же, безъ сомнѣнія, не знала объ этихъ рѣчахъ, однако не могла же не сознавать произведеннаго ею впечатлѣнія. Но это несколько не вредило ея характеру; примѣръ матери вліялъ на нее ожеминутно. Мнѣ не пришлось до этого видѣть ее съ подругами, но что до горничныхъ, то она обращалась съ ними необыкновенно ласково, какъ и со всѣми ниже себя по положенію.

Я помню, какъ засталъ ее разъ въ саду съ бѣдною и довольно оборванною крестьянскою дѣвушкой. Нелли взяла ее за объ руки и, живо произнося слова, немного путаясь, спрашивала: «Милая Миреша, слушай, вѣдь такъ: сначала Петровки, потомъ страда, потомъ Кузминики...»—«Ай, нѣтъ, барышня, не такъ, перебивала ее дѣвушка:—страда, потомъ Спажинки, потомъ Кузминики...»—«Да, да! вотъ у тебя, Миреша, память лучше.» И Нелли, не выпуская Мирешины рукъ, начала снова:—«Петровки, страда, Спажинки, Кузминики, Филиповки...». Она услышала, вѣроятно, въ это время звукъ шаговъ, остановилась, быстро обняла и поцѣловала Мирешу, оглянулась и, увидѣвъ меня, поклонилась своимъ обычнымъ гордымъ поклономъ...

Съ своимъ братомъ Алешей, мальчикомъ веселымъ, рѣзвымъ и очень бойкимъ, Нелли бывала не часто; тотъ вѣдилъ всюду съ отцомъ, охотился, удилъ и проводилъ почти весь день въ полѣ. Когда же Нелли приходилось оставаться съ Алешей, то она, какъ водится, ссорилась немного съ нимъ, но какъ-то спокойно, съ достоинствомъ; часто уступить, не взглянувъ даже. Съ своею же маленькою сестрой, она жила въ совершенной дружбѣ и полномъ согласіи. Соня, надо сказать, держала себя какъ будто слишкомъ серьезно и важно для своихъ четырехъ лѣтъ.

IV.

Два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ Александромъ Павловичемъ и его семействомъ. Они собирались уже въ городъ, я—за границу. Помню одинъ сентябрьскій день, проведенный нами вмѣстѣ, незадолго до отъѣзда.

Погода стояла пасмурная; къ дождю, хмурилось сѣрое небо. Смеркалось. Я засталъ всѣхъ въ гостиной. Антонина Александровна сидѣла съ работой въ своемъ уютномъ уголкѣ; Александръ Павловичъ разговаривалъ съ однимъ офицеромъ у окна; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, баронесса-сестра, вышивая что-то, слушала, какъ подлѣ читала гувернантка; склонившись надъ столикомъ, сидѣли тутъ же двѣ сестры, — Соня, рисуя какой-то домикъ съ дымомъ, пѣтухами и собакой, и Нелли, вырѣзывая кругленькія дырочки въ маленькомъ воротничкѣ. На всѣ лица, вторя погодѣ, легла какая-то исполненная тихой грусти думка.

Антонина Александровна, по обыкновенію, обрадовалась, увидѣвъ меня.

— Вотъ, grand merci, Владиміръ Сѣргѣичъ. Кажется, по дождю пришли; это по-рыцарски любезно, — и она протянула мнѣ руку.

— Дождя еще нѣтъ, нѣтъ и подвига.

— Но дождь сейчасъ будетъ, возразила она.

— Кажется.

— Слѣдовательно, вашъ подвигъ остается подвигомъ; вы должны же были ожидать дождя съ минуты на минуту. Чтѣ, а?.. любезничала милая хозяйка.

Я поздоровался съ другими, и узналъ въ офицерѣ, который говорилъ съ Александромъ Павловичемъ, нѣкоего Ходича, бывшаго прежде адъютантомъ. Съ нимъ я встрѣчался довольно часто: это былъ брюнетъ, лѣтъ двадцати-трехъ, съ пригожимъ лицомъ и англійскимъ проборомъ на головѣ, вѣжливый, не слишкомъ глупый, читавшій кое-что и говорившій складно, — новый типикъ, совершенная противоположность какъ былымъ военнымъ Донъ-Жуанамъ съ красными руками, зачинщикамъ разныхъ «ферлакуриваній» и потѣхъ съ мѣстными «мадемазе», такъ и кавалерамъ-адъютантамъ, «друзьямъ дома» генеральскаго. Ходичъ былъ на видъ очень приличенъ, и хотѣлъ бы казаться даже серіознымъ.

— Ахъ, Александръ, ты все о военномъ; мсье Ходичу вѣдь надобѣсть наконецъ. Если не для меня, то хоть для мсье Горнова оставь, обратилась Антонина Александровна къ мужу. Александръ Павловичъ зналъ, что жена шутитъ.

— Для мсье Горнова, но никакъ уже не для тебя, пошутить онъ самъ.

Антонина Александровна глазами указала ему, на стулъ подлѣ себя.

— Лиди, продолжала она;—довольно читать. мсье Горноувъ не любитъ, когда у Русскихъ читають французскіе романы.

— Какъ вы это знаете? удивился я.

— Знаю, отвѣтила она.—Впрочемъ это хорошій романъ, такой, что можно всемъ читать.—Ахъ! обратилась она съ живостью ко мнѣ, — прочтите же намъ *Всадника*; вы прошлый разъ начали, и не кончили. Вы такъ хорошо читаете. Это васъ не затруднить? нѣтъ, нѣтъ, ну да, право, нѣтъ?

Я часто читалъ имъ русскія вещи, отрывки изъ Пушкина, нѣкоторыя повѣсти, народныя пѣсни, не могъ отказаться и теперь. Все они были всегда очень довольны, особенно же Александръ Павловичъ и Нелли; Алеша зналъ десятки страницъ изъ Пушкина и Лермонтова наизусть.

Нелли встала, ушла на минуту, и возвратилась съ томомъ Пушкина, подала мнѣ его. Я всегда вздрагивалъ, когда она близко подходила ко мнѣ; она дѣлала это рѣдко, и, когда приходилось подойти и взглянуть, быстро поворачивала глаза въ сторону, чуть чуть шевельнувъ бровями. Я припоминалъ нашу лѣсную встрѣчу, и этимъ хотѣлъ объяснить себѣ все....

Чтеніе какъ-то не удалось въ этотъ день. Они слушали вѣжливо, но едва ли внимательно. Было что-то тяжелое въ воздухѣ. Когда я кончилъ, они поблагодарили меня, и на нѣсколько минутъ воцарилось молчаніе.

— Какія удивительныя мѣста есть у Жоржъ-Санда, начала вдругъ Антонина Александровна.

— Grande femme, femme de génie, что бы ни говорили, замѣтила сестра.

Александръ Павловичъ молчалъ.

— Есть у нея такія мѣста, которыя я всегда прочту дочери, продолжала Антонина Александровна, и она поторопилась подтвердить это: вынула изъ своего столика книжку, поискала, нашла, и прочла что-то о поэзіи и счастіи, въ родѣ того, что, можетъ-быть, поэзія станеть въ будущемъ краткимъ, благодѣтельнымъ ангеломъ-хранителемъ бѣдныхъ, и что въ какомъ-нибудь новомъ кодексѣ нравственности, скука, сомнѣніе и разочарованіе будутъ считаться пороками, между тѣмъ какъ любовь, надежда и восторгъ—добродѣтелями.

Все улыбнулись; улыбнулась, взглянувъ на мать, и Нелли, сидѣвшая поодаль.

— Гм... да, заговорилъ вдругъ Ходичъ, съ замѣтнымъ желаніемъ «поразить»:—вотъ однако люди увѣряютъ, que... que, dans ce temps-ci, la vertu n'a plus de chances...

— Monsieur! упрекнула его Антонина Александровна.

— On le dit, madame, et on ajoute encore: «Glissez, mortels, p'arpuyez trop...»

— Легче поскользнуться, по-русски сострилъ Александръ Павловичъ, и замолчалъ. Антонина Александровна опустила глаза на работу; замолкъ на минуту и Ходичъ.

— Жоржъ-Сандъ и многіе другіе говорятъ часто о счастьи, начала тихо баронесса-сестра:—слѣдовало бы опредѣлить, что это такое.

— Чтобы опредѣлить, что это такое, нужно опредѣлить прежде, что за цѣль жизни, вышлася опять Ходичъ.

— Ah.. сдѣлалъ Александръ Павловичъ.—Что же за цѣль жизни? спросилъ онъ будто серьезно.

— По словамъ Гете... der Zweck des Lebens ist das Leben selbst, отвѣчалъ Ходичъ.

Александръ Павловичъ вслушался, подумалъ.

— Шалите, улыбнулся онъ; — смотрите, а матушкѣ напишу, погрозилъ онъ шутиливо.

Ходичъ сконфузился немного.

— Гете говорилъ много подобныхъ вещей; еслибъ это сказалъ Шиллеръ, тогда другое дѣло, замѣтила сестра.

Я воспользовался случаемъ и обратился къ Нелли.

— Вы, вѣроятно, знакомы и съ Шиллеромъ и съ Гете?

Она подыала на меня глаза, какъ будто немного удивилась, но отвѣтила просто:

— Немного.

— Кто же изъ нихъ вамъ болѣе нравится?

— Шиллеръ.

— Отчего же?

Она подумала.

— Понятнѣе, отвѣтила.

Отвѣтъ этотъ почему-то очень понравился мнѣ.

— Шиллеръ уважалъ въ людяхъ сердце, характеръ; для Гете довольно было таланта, замѣтилъ громко Александръ Павловичъ, такъ что всѣ могли слышать. Слышала безъ сомнѣнія и Нелли.

— Что же это мы, однако, оставили наше счастье, напомнила смѣясь сестра.

— Да! Ну, продолжайте, мсье Ходичъ...

— Говорять, началъ онъ: — говорятъ, что...

— Говорять, перебилъ шутиливо Александръ Павловичъ, — что умничающіе о счастіи, какъ и живущіе однимъ умомъ, не бываютъ счастливы...

— Александръ, ты и самъ умничаешь, шепнула ему Антонина Александровна. — Счастіе въ томъ... въ томъ... въ томъ, чтобы жить для другихъ, для тѣхъ...

— А сама развѣ теперь не умничаешь? спросилъ Александръ Павловичъ.

— Ахъ, Александръ! можно подумать, что ты не согласенъ со мной.

— И не согласенъ, шутилъ Александръ Павловичъ.

— Значить ты не хочешь, чтобы я жила для тебя?

— Нѣтъ, отказался онъ.

— Ну, такъ я же хочу, сама хочу; вотъ тебѣ.

И Тоничка съ нѣкоторымъ волненіемъ поцѣловала его въ плечо.

«Дружба ли это только?» подумалъ я.

А Александръ Павловичъ продолжалъ шутить:

— Не надо мнѣ.

— Александръ! начала уже огорчаться Антонина Александровна—За что же это?..

Тутъ я нарочно вмѣшался въ разговоръ.

— Многіе думаютъ, началъ тихонько я, — будто супружеская любовь должна смѣняться, въ пзвѣстное время.. супружескою дружбой... — и взглянулъ.

Александръ Павловичъ такъ и поднялся.

— Ни-ког-да, Владиміръ Сергѣичъ, выразительно произнесъ онъ, смотря мнѣ прямо въ глаза:—ни-ког-да!..

— Дружбой, продолжалъ нарочно я, какъ бы утѣшая: — дочерью, а не вдовой любви... — И что будто переходъ отъ первой къ послѣдней самое опасное время для семейнаго счастія.

— Такого перехода нѣтъ! Это не любовь, что смѣняется дружбой! Я не могъ бы уважать себя въ подобномъ случаѣ... не могъ бы! громко, съ краской въ лицѣ и сильною дрожью въ голосѣ, подтвердилъ генералъ.

«Можетъ-быть, думалъ я, слѣдовало бы прежде условиться въ терминахъ; но это невозможно...»

А Антонина Александровна припала уже къ рукѣ мужа и цѣловала ее крѣпко, безъ звука. Глотая слезу сидѣла сестра; Лиди опустила голову; покраснѣвъ немного, смотрѣла въ сторону красавица дочь, которая видѣла и слышала все, и если не понимала, то навѣрное запоминала...

Послѣ этого, какъ будто легче сталъ воздухъ, свѣтлѣе лица; прошелъ дождь, открыли окна. Разговоръ оживился.

Скоро подали чай. Явился Алеша, увѣзжавшій на весь день къ какому-то помѣщику, и сталъ разказывать о штуцерахъ, пистолетахъ, обнаруживая уже въ себѣ порядочнаго знатока. Я съ удовольствіемъ глядѣлъ на полнаго, здороваго и сильнаго мальчика. Соня, выпивъ свою чашку, ушла. Черезъ нѣсколько минутъ поднялась Нелли, и подошла къ отцу проститься. Я сидѣлъ подлѣ и смотрѣлъ на нее: все та же стройная, изящная, какъ будто строгая. Но Александръ Павловичъ былъ, въ этотъ разъ, въ особенномъ расположеніи. Въ то время какъ Нелли, поцѣловавъ его руку, хотѣла отойти, онъ вдругъ приподнялся, нагнулся къ ней, охватилъ ея личико большими и средними пальцами, а указательнымъ прижалъ носикъ.

— Папа! чтò ты это, право? шепнула съ удивленіемъ она.

А онъ взялъ, и опять пожалъ.

— Спустишь съ ходуль, гордая.

Зарумяненная, простилась она съ матерью, потомъ поклонилась намъ, и вышла, такъ же какъ всегда. Послѣ нея ушелъ и Алеша.

— Скажите, Владиміръ Сергѣичъ, когда вы собираетесь ѣхать? обратился ко мнѣ Александръ Павловичъ.

— Дней черезъ десять, отвѣчалъ я.

— Не забывайте, Владиміръ Сергѣичъ, что вы обѣщали непременно писать намъ, замѣтила Антонина Александровна.

— А куда вы ѣдете? спросила гувернантка.

— Въ Англію.

— Я думала, не въ наши ли *cari longi*, не въ Швейцарію ли?

— Бывалъ уже.

— Бывали, значить, въ Женевѣ, а потому и въ Фернетъ? воспользовался тотчасъ же Ходичъ.

— Былъ, былъ, отвѣчалъ я, стараясь не улыбнуться.

— Кланялись праху... Вольтера?

— Ахъ, ужъ этотъ Вольтеръ, вздохнула вдругъ Антонина Александровна.

— Что же? обратился къ ней Ходичъ.—Объ его умѣ, надѣюсь, нечего и говорить. Развѣ... развѣ объ его отношеніяхъ къ разнымъ... какъ ихъ?.. *dieux honoraiges et inutiles...*

— Такихъ не было, — тогда, по крайней мѣрѣ, вѣдалась сестра:—и нѣтъ!

— *Que sais-je?..* можетъ-быть другихъ нѣтъ, проговорился Ходичъ.

Антонина Александровна испугалась.

— Какъ? что вы говорите? вскрикнула она, блѣднѣя.

Я быстро взглянулъ на генерала; мнѣ было тѣмъ интереснѣе видѣть, какъ онъ приметъ это, что я самъ, признаюсь, въ припадкахъ «раціональности», думалъ при случаѣ попробовать нарочно то же самое.

Александръ Павловичъ даже и головы не повернулъ.

— Гм... крикнулъ онъ спокойно:—скажите! и поцѣловалъ, при этомъ, тихонько и успокоительно, свою Тоничку.

Ходичъ замаялся, но не очень замѣтно, и тотчасъ же довольно ловко началъ говорить о другомъ.

— Ха! Знаете, Владиміръ Сергѣичъ, сколько счастливыхъ браковъ? обратился онъ ко мнѣ, такъ чтобъ Антонина Александровна могла слышать и заинтересоваться.—Недавно, я прочелъ прелюбопытный статистическій выводъ объ этомъ. Изъ всѣхъ лишь пять процентовъ; яснѣе—одна двадцатая доля счастливыхъ! Каково? каково?..

Но Александръ Павловичъ рѣшился почему-то продолжать прежній разговоръ.

— Позвольте. Если нѣтъ одного, то и другаго ничего нѣтъ. Что же выйдетъ изъ васъ... изъ насъ потомъ?

— Если хотите, сдерживалъ себя тотъ,—если хотите, выйдетъ хорошенькая травка...

Я удивился. Антонина Александровна теперь не обратила даже вниманія на его слово, Александръ же Павловичъ улыбнулся по своему, и проговорилъ неохотно:

— Мало.

За Антониной Александровной пришла, между-тѣмъ, горничная отъ Нелли. Ходичъ началъ откланиваться, и скоро ушелъ. Я думалъ, что Александръ Павловичъ скажетъ что-нибудь о немъ; онъ не сказалъ ни слова, ни вслѣдъ ему, ни послѣ его ухода, и заговорилъ о совершенно-постороннемъ.

Антонина Александровна возвратилась уже спокойная и ясная.

— Знаете, Владиміръ Сергѣичъ, обратилась она ко мнѣ:—
Нелли спрашиваетъ, когда и куда вы ѣдете.

— Да? удивился и неволью обрадовался я.

— Да. А знаете, что она отвѣтила мнѣ, когда я спросила,
куда бы она поѣхала?

— Пожалуста, скажите.

— Вообразите!.. Въ Іерусалимъ!

— А!

— Она, кажется, объ этомъ и прежде думала, продолжала
Антонина Александровна: — и маленькій проектъ, вмѣсто со-
чиненія, для Лиди, написала.

Я вспомнилъ тутъ, что Антонина Александровна давно уже
общала прочесть мнѣ какія-то собственные сочиненія, сти-
хотворенія что ли, писанныя ею прежде, и потому попро-
силъ показать мнѣ ихъ теперь. Она ушла, и черезъ нѣсколько
минуть принесла мнѣ книжку исписанную стихами. То были
небольшіе и гладенькіе куплетцы, съ довольно-удачнымъ рит-
момъ и очень наивнымъ содержаніемъ, въ родѣ того, что два
существа крѣпко любившія другъ друга на землѣ сольются,
по словамъ Сведенборга, послѣ смерти и составятъ одну душу.
Одно, помнится, толковало о томъ, сдѣлалъ ли Богъ бѣдныхъ
затѣмъ, чтобы были люди, которымъ богатые могли бы пода-
вать милостыню, или нѣтъ? и это послѣднее, если не оши-
баюсь, было еще самое объективное, социальное и рациональное
изъ всѣхъ...

«Господи, гдѣ мы?..»

V.

«Забавныя картинки, милыя сцены, ха, ха! вамъ ли увлечь
меня? Переубѣдите ли вы кого, подобранныя одна къ другой
нѣмецкія фигурки, годныя для какой-нибудь повѣсти бла-
женной памяти, а не для новой жизни, какою понимаетъ ее
созрѣвшій гражданскій и экономическій смыслъ современныхъ
людей!..»

«Да не переубѣдите, повидимому, и васъ уже! Вы счаст-
ливы въ своей филистерской тиши; старикъ нашелъ въ ней
даже покойную пристань отъ злыхъ сомнѣній, что тревожатъ
такъ другихъ людей. Отходите же къ своимъ, къ несправи-

мымъ идеалистамъ, къ людямъ иллюзіи и преданій; новыя, передовые и рациональные проводятъ васъ безъ сожалѣнія!

«Вы нравитесь однако, добрые люди! Чѣмъ же это? Ты, голубка-Тоничка, исполнила ли свой первый долгъ, воспитала ли какъ слѣдуетъ дѣтей? Что это у тебя за иммакулованная куколка, съ заученною походкой и гордымъ поклонцемъ? Одиннадцатилѣтній сынъ проводитъ у тебя десять часовъ въ день между лошадьми и собаками! Зачѣмъ также, нѣжная мать, согласилась ты отдать своего дорогаго Теддю, его, блѣднаго и задумчиваго артиста, въ какую-то военную школу? И сама ты, чувствительная Нѣмочка, способна ли на дѣйствительный подвигъ, на какую бы ни было серьезную борьбу? Смѣши ли твою тепленькую обстановку, взволнувшей бурей счастливую тишь твою, ты заплачешь—и только... Скажи наконецъ ты, старикъ ге-не-ралъ, есть ли у тебя струна народности, священнѣйшая изъ всѣхъ? скажи, звучитъ ли она когда? Какому учить патриотизму?..

«И чего волнуются, чего ищутъ въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ я, въ этой чинной ихъ дочкѣ? Она, съ своимъ Иерусалимомъ въ головѣ, способна ли внять рациональному слову? Того ли желалъ я? ха! Вотъ, кто станетъ говорить о нравственно-удѣльномъ вѣсѣ, о духовно-химическомъ средствѣ, тотъ откажется отъ всѣхъ преданій!.. Она, вонъ, мечтаетъ вѣрно о какомъ-нибудь сентиментальномъ Нѣмцѣ, или о вычитанномъ изъ французской книжки сладкомъ баринѣ à la main blanche, au parler doucegeux смѣшномъ и несовременномъ! Самое рациональное, что можетъ изъ нея выйти, это—простенькая жанъ-повелевская домоводка, Ленетта... Явись къ такой невѣстѣ новый человекъ, и потрясъ не дюжиннаго рѣшенія,—она убѣжитъ; приди просто Русскій, съ сильною и развитою личностію, съ любовью страстною и безпорядочною, а не солидною и приличною,—она испугается; приди загнанный бѣднякъ,—она откажется...»

То былъ старый кошмарный припадокъ, что-то въ родѣ протеста противъ чувства, во имя «рациональнаго» идеала, вычурнаго и нелѣпаго, какъ самый этотъ протестъ; разсудокъ требовалъ приложенія какого-то строгаго метода, анализа, повѣрокъ.... чортъ знаетъ чего! Знаю только, что когда я проснулся утромъ, у меня сильно болѣла голова.

Это было за день моего отъѣзда, и я поторопился встать. Во время утренней прогулки, пріѣхалъ отъ генерала нѣкто

Гонченко, офицеръ стараго поколѣнія и склада, фаворитъ и завѣдывавшій фурштатомъ, что не мѣшало ему быть отличнымъ малымъ. Онъ привезъ мнѣ книги и согласился, по моей просьбѣ, остаться позавтракать у меня. Разговоръ сначала не вязался; только когда я упомянулъ о крымской кампаніи, Гонченко оживился. Я сталъ, безъ сомнѣнія, спрашивать его; онъ не зналъ съ чего начать, и началъ, наконецъ, съ прихода дивизіи въ Крымъ и первыхъ ночевокъ въ полѣ, въ грязи и на морозѣ. Разказывалъ онъ объ альмескомъ дѣлѣ и о мостикѣ, что столько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, о походѣ къ Севастополю, потомъ объ Инкерманѣ, Черной, штурмѣ 6-го юня, о Хрулевѣ съ горетью удалыхъ у рогатокъ и пр. и пр. О мѣстности, понятно, онъ почти не говорилъ; по своему, какъ-то, слегка упоминалъ о быстрой Качѣ, о прекрасной Бельбекской долинѣ съ ея историческими каштанами и пирамидальными тополями, и останавливался болѣе на удалыхъ фуражировкахъ, покосахъ, охотахъ на козъ и татарскихъ лошадей.

О генералѣ онъ сначала упоминалъ почти на каждомъ шагѣ, дивясь ему съ такимъ оригинальнымъ и чистосердечнымъ умиленіемъ, что мнѣ становилось стыдно за мое негодованіе, вопросы и упреки. Въ битвѣ при Черной Александръ Павловичъ потерялъ своего лучшаго друга, В-на, и захворалъ сильно самъ; съ этихъ поръ Гонченко говорилъ о немъ рѣже, кратко разказалъ о пріѣздѣ жены, объ ужасномъ житіи ихъ, и путешествіи въ Россію. Но я останавливалъ его на всѣхъ интересныхъ мѣстахъ, и спрашивалъ; онъ сморкался громко и усиленно, чтобы скрыть, должно-быть, волненіе и, нечего дѣлать, разказывалъ подробности.

Отъ него узналъ я объ Антонинѣ Александровнѣ чуть не чудеса.

Чудеса эти были въ отчаянномъ путешествіи ея изъ Петербурга въ Севастополь, ужасною весной 1855 года. Она пріѣзжаетъ изнуренная, исхудалая, постарѣвшая, чтобы ходить за мужемъ, а онъ, въ страшной горячкѣ, уже не узнаетъ ея; доктора говорятъ, что нѣтъ надежды. Грязная изба съ просвѣтомъ вверху; спертый воздухъ; съ боку, за перегородкой, лежитъ больной старый Татаринъ. Жена не отходитъ цѣлый день отъ постели мужа, ночью лишь осторожно присядеть на стулъ. Вдругъ войдетъ Татаринъ; мужъ подымается блѣд-

ный, опухшій, съ страшными глазами. «Кто тамъ? Вонъ, вонъ! ай!..»

Она бросается по его указанію, успокоиваетъ больного и поскорѣй возвращается, думая: «не прошло ли, не легъ ли онъ?» а онъ уже сидитъ, и смотритъ неподвижно на дверь. «Кто ты? поди, поди, прочь отъ меня!.. о-охъ!» Вѣтеръ изъ двери шелеститъ какими-то листьями; она къ Евангелію...

Утромъ придуть доктора, офицеры; онъ лежитъ въ безпамятствѣ, она подлѣ на стулѣ, съ опухшими глазами, съ впавшею грудью, едва дремлетъ. Подойдутъ,—она ужъ проснулась. «Что, что такое? ужъ я сама, сама все сдѣлаю, не мѣшайте, не просите, ради Бога!» и заплачетъ...

Затѣмъ получается отпускъ. Мужу немного лучше. Начинается путешествіе изъ Крыма. Гонченко провожаетъ ихъ на нѣсколько переѣздовъ. Дорога по степи—въ версту ширинной, грязь до ступицъ, лошади еле дышатъ и еле двигаются. На третьей верстѣ отъ одной изъ станцій, падаетъ коренная; ее стали отпрягать—объ пристяжныя легли. Послали человѣка за лошадьми, и ждутъ часъ, другой, третій; на станціи нѣтъ лошадей,—курьерамъ едва хватаетъ. Мужъ проситъ чего-то, что доктора настрого запретили; Антонина Александровна готова плакать, но молится, и не даетъ. Онъ сердится, кричитъ; ему становится хуже. А кругомъ голая степь, безконечная и унылая, тускло-сѣрое безнадежное небо, ни жилья, ни души живой; лишь гдѣ-то впереди слышенъ пронзительный крикъ ворона, что подвигается все ближе, ближе, вотъ ужъ у самой кибитки—и стая!.. Всѣ вздрагиваютъ.

Вдругъ топотъ сзади; лошади, слава Богу!—«Скорѣй вели!» приказываетъ раздражительный мужъ. Антонина Александровна хочетъ выглянуть, какъ надъ самымъ ея ухомъ раздается чей-то страшный ревъ. Она назадъ; въ кибитку глянула чудовищная мохнатая голова, и исчезла. «Боже!» стонетъ она въ испугѣ. «Кто это?» едва владея языкомъ спрашиваетъ больной. Является Гонченко, кучеръ, объясняютъ, что это верблюдъ, но что лошадей не видно.

Мужу съ каждою станціей все хуже да хуже. Снова начинаютъ отчаиваться всѣ; одна жена не отчаивается, молится, ухаживаетъ, борется съ безчисленными мелкими станціонными несприятностями, и довозитъ наконецъ мужа до Петербурга. Какъ довезла она его, какъ не померла сама въ это время?—непостижимо!

И эта героиня—наша Антонина Александровна, маленькая изящная дама, сентиментальная Нѣмочка, что цѣлуется и воркуетъ у себя такъ мило и граціозно?..

Гонченко извинился, что ему пора ѣхать. Я не смѣлъ болѣе удерживать его, благодарилъ очень за разговоръ, и просилъ передать генералу и Антонинѣ Александровнѣ, что непременно заверну къ нимъ сегодня вечеромъ, хоть на минуту.

Отправляясь къ нимъ послѣ обѣда, я засталъ всѣхъ въ гостиной; они какъ будто уже ждали меня. Антонина Александровна сидѣла, по обыкновенію, на своемъ диванчикѣ въ углу; при моемъ появленіи она встала, сама подошла ко мнѣ, и протянула обѣ руки. Я не могъ не взглянуть на нее пристальнѣе чѣмъ всегда, потому что утренній разговоръ не выходилъ у меня изъ головы. Тоничка, Тоничка! думалъ я: такъ вотъ ты что за «хорошая жена»!

— Вамъ, вѣрнo, неприятно уѣзжать, Владиміръ Сергѣичъ, сказала тихо она.—Намъ всѣмъ, повѣрьте, очень грустно разставаться съ вами. Мы вѣдь васъ полюбили, Владиміръ Сергѣичъ.

Я благодарилъ, удивлялся:—За что же это? и былъ ужасно доволенъ. Мнѣ нужно было кончить дома кое-какія дорожныя приготовленія, и я зашелъ всего на нѣсколько минутъ, но не могъ не заговорить, однако, о крымскомъ походѣ.

— А какимъ образомъ вы знаете, что я ѣдила туда? спросила Антонина Александровна.—Кто вамъ это сказалъ, а?

Я отвѣтилъ ей, и удивился, какъ, говоря такъ часто о Севастополѣ, она ни разу не упомянула о себѣ.

— Не приходилось, просто сказала она.—Когда-нибудь... когда-нибудь... начала было она.—Да, когда-нибудь, если мы встрѣтимся. Знаете, Владиміръ Сергѣичъ, мы празднуемъ и день перелома болѣзни Александра, и день полученія отпуска, и день пріѣзда въ Петербургъ...

— И день вашего пріѣзда къ нему, прежде всего, я думаю.

Она не приняла этого за комплиментъ, но безъ притворной скромности поблагодарила меня пріятливымъ взглядомъ.

— Гонченко... вѣдь чуть не плакалъ рассказывая, тихо замѣтилъ я ей.

— Гм... онъ такой добрый. Впрочемъ онъ не много могъ видѣть. Труднѣе всего то, чего мушьяна не можетъ видѣть и знать, прибавила она неохотно,—что женщина терпитъ какъ

женщина; тутъ иногда тяжело... да, Владиміръ Сергѣичъ! поспѣшила она кончить.

Александръ Павловичъ подошелъ тутъ къ намъ, посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и обнялъ. Черезъ нѣсколько минутъ все семейство, не исключая даже маленькой Сони, отправилось провожать меня. Мы вышли изъ села на большую дорогу, и такъ какъ солнце стояло еще довольно высоко, то перешли мостикъ черезъ Смолку, и очутились у нашей рощи, той самой, въ береговой чащѣ которой я впервые увидѣлъ красавицу Недю. Мнѣ показалось, что она была въ этотъ день въ томъ же голубенькомъ платьѣ, какъ и тогда, въ той же шляпѣ, и съ томъ же бархатною ленточкой на шеѣ; мнѣ показалось также, или вообразилось, можетъ-быть, будто ея личико на этотъ разъ особенно подвижно. Прощаясь послѣ другихъ, она, вмѣсто своего «заученнаго гордаго поклонца», подала мнѣ руку... и осталась у опушки съ теткой, гувернанткой и Соней. Александръ Павловичъ, Антонина Александровна и Алеша проводили меня еще на полверсты.

Вечеромъ, собираясь уже ложиться, получилъ я отъ Антонины Александровны забытую мною у нихъ книгу маленькое письмецо, въ которомъ она называла по именамъ всѣхъ кланяющихся мнѣ, говорила, что будетъ непрестанно молиться объ успѣхѣ моего путешествія, что и я самъ долженъ почаще молиться, и что тогда Богъ навѣрно не оставитъ меня.

Перечитывая въ десятый разъ эти наивныя и дорогія строчки, заснулъ я, и, на смѣхъ всѣмъ рациональнымъ свойствамъ моей мозговой системы, странный, смутно-розовый, фантастическій сонъ приснился мнѣ.

Посреди голубаго моря, въ океанѣ свѣтлой лазури, стоитъ, на чудномъ островѣ, роща изъ миртъ съ бѣломраморнымъ храмомъ на возвышеніи, снилось мнѣ.— Тѣни въ бѣлыхъ одеждахъ наполняютъ ее; то тѣни классическихъ женъ, высокихъ типовъ вѣрности и преданности, тѣни Пенелопы, Андромахи, Альцесты, Порціи, Корнелии...

И вотъ на берегу является вдругъ новый женскій образъ, и тихо-тихо направляется къ храму. Но уходить въ даль деревья, блѣднѣютъ тѣни, исчезаетъ роща; мраморный храмъ смѣняется высокимъ дубомъ... Гостя остановилась. Вѣтеръ играетъ ея лентами; она ждетъ кого-то, смотреть. Вдали очерчивается высокая фигура всадника... Я всматриваюсь въ лица: то—Тошничка, то—Александръ Павловичъ, молодой

И снова начинаютъ исчезать образы, блѣднѣя въ сумракѣ тумана, теряясь въ волнахъ голубаго потока... Запахъ русской зелени доходитъ до меня, горькій и чудный запахъ полыни, хмѣля, зорника. Вмѣсто голубаго моря—желтое море жнивья, съ маленькою рѣчкой густо поросшею травой; вмѣсто миртовой рощи—березовая... И вдругъ изъ поросля береговыхъ кустовъ вырастаетъ фигура стройной дѣвушки... Она уходитъ въ зелень чащи, теряется тамъ, и черезъ минуту является опять, уже между стволами высокихъ березъ, въ ароматѣ фіалки и черемухи... съ розой невѣсты въ волосахъ!.. Она ждетъ... Вотъ кто-то, смущенный и счастливый, спѣшитъ къ ней... Снова всматриваюсь я въ лица, и узнаю въ стройной дѣвушкѣ—красавицу Нелли, а въ немъ, смущенномъ и счастливомъ... кого же?.. себя!

Я проснулся тутъ и, безъ сомнѣнія, захохоталъ.

Владиміръ Сергѣевичъ улыбнулся, и остановился.

— Ну, послѣ этого риторическаго мѣста, проговорилъ онъ полушутливо:—позволь мнѣ, пожалуста, перевести духъ.

VI.

Черезъ три года возвратился я въ Петербургъ, продолжалъ Владиміръ Сергѣевичъ.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ моихъ, понятно, было справиться, гдѣ живетъ генералъ. Что онъ служитъ теперь въ Петербургѣ, я узналъ еще за границей изъ хорошенькаго маленькаго письма, полученнаго мною отъ Антонины Александровны въ poste restante лондонскаго Post Office. Оказалось, что Александръ Павловичъ занимаетъ большую квартиру въ казенномъ домѣ по такой-то набережной, у такого-то моста.

Помню, какъ я собрался къ нему въ одинъ изъ ясныхъ сентябрьскихъ дней. Рой вопросовъ подымался у меня въ головѣ. Я зналъ, что у генерала большое родство, и что родствомъ этимъ онъ граничитъ съ міромъ нѣмецкихъ тузовъ, людей превысокихъ и преважныхъ, стоящихъ на разныхъ крупныхъ ступеняхъ. Каковы они въ этомъ обществѣ? думалъ я. Не пережвнились ли? Какъ покоряются уставамъ свѣта

на сколько принимаютъ къ сердцу его сужденія? Поддѣстрога ли на нихъ зараза тщесавія, живутъ ли выше состоянія?.. Я поднимался уже на лѣстницу, когда вопросъ; не смѣняется ли уже ихъ любовь дружбой? пришелъ мнѣ въ голову.

Звоню. — Дома генераль? — «Его, превосходительство изволятъ уѣхать.» — А Антонина Александровна? — «Баронесса дома.» — «Важно», думаю. Вхожу въ переднюю; на столахъ лежатъ докладные портфели, ходятъ вѣстовые...

Въ то время какъ лѣжей пошелъ докладывать Антонинъ Александровнѣ, я осмотрѣлся въ задѣ. Нѣтъ претензій ни на монументальность, ни на артистическое изящество, какъ въ нѣкоторыхъ тщеславныхъ подубогатыхъ домахъ, но зада велика, убрана порядочно, паркетъ, зеркала, двойныя тяжелыя драпировки на окнахъ и дверяхъ, прекрасная бронза. Лѣжей воротился и объявилъ, что сейчасъ выйдуть.

Прошла минута-другая; гдѣ-то отворилась дверь, зашуршало платье, и въ дверяхъ, напротивъ меня, явилась Антонина Александровна совершенно та же, съ задумчивымъ взглядомъ и кроткою улыбкой на маленькомъ выразительномъ личикѣ, которое хотѣлось бы видѣть цѣлый вѣкъ.

— Est-ce bien vous, Владиміръ Сергѣичъ? спросила она, смѣясь и протягивая руку.

Я поклонился, тоже смѣясь отъ радости.

— Наконецъ-то, слава Богу! Ну пойдете, Владиміръ Сергѣичъ.

Мы прошли въ гостиную; все изящно, мило. На одной стѣнѣ, надъ козеткой, я замѣтилъ тѣ же завѣтные ландшафты, что были въ Старопольѣ.

Антонина Александровна, какъ говорится, закидала меня вопросами. Отвѣчая и осведомляясь о другихъ, я невольно всматривался въ нее. Она мало перемѣнилась; у окончательно-стей глазъ появились лишь тонкія, едва замѣтныя морщинки, подбородокъ чуть-чуть сдвинулся, да ямки на немъ стали, какъ будто поглубже.

— Пріѣжайте же къ намъ завтра, къ чаю, говоритъ Антонина Александровна. — Сегодня, къ сожалѣнію, никого, нѣтъ дома: Александръ и Теддя на службѣ, та belle soeur съ Лиди и съ Сонечкой уѣхали гулять. Недли, прибавила она, — также уѣхала съ ними.

— Какъ выросла, я думаю? тихо спросилъ я.

— On a une robe longue, да! отвѣтила Антонина Александровна.—Вотъ увидите.

— Похорошѣла, разумѣется?

— Не знаю; увидите.

— Много у васъ бываетъ? много молодыхъ людей? не совсемъ рѣшительно спросилъ я.

Она поняла, слегка улыбнулась.

— Похвастаю. Oui, elle plait, même on l'aime, проговорила она лукаво:—mais on l'aime comme un ange. Il n'y a pas de danger, n'est ce pas?

«Такъ ли? всѣ ли?» подумалъ я.

Когда я уходилъ, Антонина Александровна просила заходить всегда, когда некуда будетъ дѣтъ вечера, объявила, что у нихъ нѣтъ назначеннаго дня, что они стараются вообще поменьше выѣзжать, и взяла съ меня слово быть непремѣнно на дняхъ.

Для черезъ три я отправился туда вечеромъ, и засталъ все семейство за патриархальнымъ чайнымъ столомъ; небыло одной Нелли. Съ Александромъ Павловичемъ мы попросту обнялись. Я нашелъ, что онъ также мало перемѣнился; желѣзъ его былъ причесанъ потщательнѣе, да усы какъ будто посѣдѣли,—и только; онъ держался какъ прежде, какъ прежде и говорилъ. Старшій сынъ былъ уже въ офицерскомъ мундирѣ; онъ значительно выросъ и поодорожалъ. Выросъ и растолговѣлъ Алеша. Поднялась маленькая Сонечка; замѣтно увеличилась ротикъ и носикъ ея; ручки стали подлиннѣе. По-прежнему ясно, пріятно и умно смотреть Лиди; все такъ же спокойна и добра сестра.

Поговоривъ съ Александромъ Павловичемъ, я пересѣлъ къ Антонинѣ Александровнѣ.

— Всѣ ли у васъ здоровы? напомнулъ я на отсутствіе Нелли.

— On est un peu souffrante, monsieur, отвѣтила она.—On va venir pourtant.

Разговаривая съ Антониной Александровной, я прислушивался къ разговору Александра Павловича и осматривалъ въ то же время гостей. Подлѣ Александра Павловича сидѣлъ молодой генералъ,—плоское лицо, курчавые волосы, золотые погоны, красный воротникъ; два штабъ-офицера, какой-то штабскій съ тонкимъ и правильнымъ профилемъ, обобенною принадлежностью остзейскихъ дворянъ. Говорили, кажется, о политикѣ, объ Италіи.

— Tutto compunto, дошло до меня.

— Да, но помилуйте, какъ же согласить принцивъ народнаго избранія съ... и пр.

— Was wirklich ist, ist vernünftig, сострилъ кто-то, похвасть кстати Гегелемъ.

— Э! да вы на-двое, поймалъ его Александръ Павловичъ. Остзейскій профиль засмѣялся.

Насупротивъ меня сидѣло нѣсколько дамъ. Одна—лѣтъ со-рока, повидимому изъ великосвѣтскихъ, пышная и худая, съ чуть-чуть-прищуренными глазами, медленнымъ отвѣтомъ на чужіе вопросы. Подлѣ—небольшая старушка,—сѣдые бубли, большой чепецъ; въ тонкихъ, плотно сомкнутыхъ губахъ ея, какъ будто много воли, сѣрые глазки пронизательны; по временамъ она улыбается улыбкой опытной женщины, умнаго знатока, которая то расположить, то одобрить, то намекнуть и сдержитъ. Я узналъ потомъ, что это старшая сестра Александра Павловича, графиня С., очень уважаемая имъ. Съ нею разговаривала полная, крупныхъ размѣровъ барыня, просто одѣтая и повидимому очень не глухая; она говорила по нѣмецки, но употребляла часто какія-то энергическія русскія присловья. «Тутъ нуженъ умъ, да умокъ, да третій разумокъ», дошло разъ до меня; другой разъ вдругъ: «Варвара мнѣ теткась, а правда мнѣ мать,» и въ этомъ же родѣ. Около нея сидѣла высокая и худая брюнетка лѣтъ девятнадцати,—большіе глаза, хорошо очерченныя, и словно фарфоровый, носикъ, нитка коралловъ на шеѣ, черное шелковое платье съ золотымъ кушакомъ.

Въ противоположномъ концѣ стола помѣщалось еще двоетрое. Я замѣтилъ одного молодого человѣка, на видъ что-называется совершеннаго джентльмена, съ крупнымъ выразительнымъ профилемъ, съ большими бакенбардами, съ круглыми и мягкими движеніями, приличнаго и необыкновенно вѣжливаго, съ рѣчью спокойною и обдуманною. Онъ чаще другихъ говорилъ съ Антониной Александровной, и не могъ не броситься въ глаза.

«Что же это наша Нелли заставляетъ себя ждать?» думалъ я.

Черезъ нѣсколько минутъ явилась и она, наша Нелли.

— Ты думаешь, обратился ко мнѣ, смѣясь, Владиміръ Сергѣевичъ, что я сейчасъ впаду въ паеосъ, и въ припадкѣ его заговорю торжественнымъ и витіеватымъ слогомъ? Ни, ни.

Нелли была красавица, душечка, и... душечка еще разъ,— вотъ и все. Мнѣ бросились прежде всего въ глаза ея густые взбитые кверху волосы, и безъ всякаго пробора, два локона опущенные прямо на кругленькую шейку, да длинное шелковое платье съ большимъ кринолиномъ, который своею величиной именно и не понравился мнѣ.

Она поклонилась слегка, разъ—всѣмъ, другой—мнѣ, и сѣла въ дальнемъ углу стола, между молодою брюнеткой съ большими глазами и какимъ-то господиномъ. Антонина Александровна окинула дочь взглядомъ; Александръ Павловичъ покосился на кого то по близости меня, моргнувъ широко, и пригнулся къ столу, стараясь скрыть непрошеную улыбку. Я замѣтилъ теперь, что Нелли пополнѣла; тонкое и продолговатое личико ея стало круглѣе, волнистая линия подбородка обѣщала въ будущемъ такія же ямки, какъ у матери; полнѣли губки, станъ значительно сформировался.

Она заговорила сначала съ своею сосѣдкой, потомъ съ господиномъ, сидѣвшимъ олъва, и какъ-то весело и фамилярно, чего прежде не бывало. «И это къ лучшему,» подумалъ я, и посмотрѣлъ внимательнѣе на ея собесѣдника. То былъ чловѣкъ лѣтъ тридцати, довольно странной наружности, съ красноватымъ и смуглымъ лицомъ, большими морщинами на лбу и у рта, съ волосами выстриженными попрежнему въ кружокъ; онъ сидѣлъ согнувшись, часто мягалъ глазами и держалъ руки между колѣнъ.

— Кто это? тихо спросилъ я Антонину Александровну.

— Это мсье Петровъ, отвѣтила она.—Превосходный чловѣкъ; мы очень любимъ его. Если хотите, я васъ познакомлю потомъ.

— Пожалуста, попросилъ я.

Между тѣмъ встали отъ стола и перешли въ гостиную. Нелли, взявъ подъ руку свою сосѣдку-подругу, отправилась гулять въ залу. Изъ гостиной, сквозь портьеру, я видѣлъ, какъ волновался плавно и граціозно ея кринолинъ и какъ подлѣ него обрисовывались, повременамъ, двѣ мужскія ноги съ большими сапогами и выдавшимися колѣнками. «Это все тотъ же Петровъ,» думалъ я, съ нѣкоторымъ волненіемъ.

Скоро подруга брюнетка уѣхала вмѣстѣ съ худою и пышною дамой; за нею уѣхала и графиня-сестра. Я остался съ Антониной Александровной и старшимъ сыномъ; Александръ

Павловичъ ушелъ на минуту, съ своими военными, въ кабинетъ; господинъ съ остзейскимъ профилемъ заговорилъ съ Соней.

— Ну, Соня, спрашивалъ онъ:— скажите мнѣ, который городъ лучше: Петербургъ, или тотъ, гдѣ вы были прежде?

— Петербургъ городъ важный, а тотъ городъ маленький, отвѣчала серьезно дѣвочка.

— Такъ который же лучше?

— Въ Петербургѣ важничаютъ.

— А тамъ будто не важничаютъ?

— И тамъ любятъ поважничать.

— Значить, Петербургъ, во всякомъ случаѣ, лучше?

— Лучше... Чтò значить «лучше?» спросила взмахнувъ головкой умная дѣвочка.— Нѣтъ, не лучше.

Мы всѣ засмѣялись.

Недѣля вошла съ отцомъ и сѣла поодаль, продолжая разговаривать съ Петровымъ и Лиди. Только когда Александръ Павловичъ обращался ко мнѣ съ какимъ-нибудь торжественнымъ вопросомъ о Римѣ, Лондонѣ, красавица прерывала свой разговоръ и слушала мой отвѣтъ, направляя свое крошечное ухо въ мою сторону.

Около десяти часовъ, Соня начала прощаться, какъ прежде: поцѣловала руку отцу и матери, потомъ подала мнѣ свою, и ушла. За нею скоро явилась еще дѣвочка, смуглая, съ живыми черными глазами, повидимому, однихъ лѣтъ съ Соней, и также подошла проститься къ Антонинѣ Александровнѣ.

— Въ Старопольѣ, кажется, я не видѣлъ ея у васъ, спросилъ я Тоничку, по ея уходѣ.

— Да, она не такъ давно у насъ; это наша родственница; мы взяли ее, чтобы воспитывать съ Сонечкой.

Черезъ минуту, вдругъ, рыженькій мальчикъ, лѣтъ восьми, въ черной курточкѣ, показался въ дверяхъ, постоялъ въ нихъ, потомъ бочкомъ подошелъ къ рукѣ хозяйки, и живо убѣжалъ.

— Вы его также, кажется, не видѣли въ Старопольѣ? сказала Антонина Александровна.— Это сиротка, сынъ нашего бывшего русскаго священника. Мы его отдали въ школу, и, знаете, беремъ къ себѣ по праздникамъ.

Вдругъ, опять мальчикъ толстенный, пузатый, бѣлокурый, лѣтъ пяти, выскочилъ изъ двери. Увидѣвъ гостей, онъ испугался и попятился назадъ.

— Ну, подойди, подойди, Костя; ничего, ободрала его Тоничка.

— А это кто? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Этого, Владиміръ Сергѣичъ, вы видѣли! Помните, въ Старопольѣ нашего старшаго лакея, Семѣна? такъ это сынъ его! Отецъ тамъ остался и просилъ насъ очень взять сына сюда; мы взяли, и хлопочемъ теперь какъ бы пристроить бѣдняжку.

— А!

— Дѣвочка всѣ дѣти, прибавила спокойно Антонина Александровна.— Жалко, что мы не можемъ много сдѣлать для нихъ.

Въ это время господинъ съ остзейскимъ профилемъ обратился къ пузатому мальчику.

— Nun, lieber Kosti, спросилъ онъ,— was wirst du werden?

— Буду русскимъ а-гро-гро-номомъ, отвѣтилъ мальчикъ по-русски.

— Кто это его научилъ? спросилъ тутъ я.

— Это Григорій Карпычъ; вотъ онъ, отвѣтилъ мальчикъ, поворачиваясь къ Петрову.

— Да-съ, это я, тихонько отозвался съ своего стула Петровъ.

Я не могъ не улыбнуться, и помню, какі мои, часто во что бы то ни стало, наклонная къ синтезу, голова уже искала тутъ примиренія Нѣмцевъ и Русскихъ... и пр. и проч.

Петровъ, между тѣмъ, покраснѣлъ немного, а Нелли посмотрѣла на него съ такою лаской и добротой, что за этотъ взглядъ я отдалъ бы не знаю что.

Передъ моимъ уходомъ Антонина Александровна вспомнила, что общала познакомить меня съ Петровымъ.

— Господинъ Горновъ. Господинъ Петровъ, представила она коротко, не прибавляя ничего, и тѣмъ не стѣсняя никого изъ насъ.

Я поклонился ему, онъ—мнѣ, проговоривъ, при этомъ, недѣлчиво и сухо: «Очень радъ-съ.»

Мнѣ показалось, что покрой моего платья и нѣкоторая развѣзанность не понравились ему. «Изъ тѣхъ, какъ будто подумалъ онъ,—изъ милыхъ нестрадавшихъ пустодовольныхъ.»

Я заговорилъ съ нимъ самымъ дружескимъ тономъ; онъ все остерегался, не поддавался и отвѣчалъ коротко: «Да-съ», «ничего-съ», «не могу я этого знать.»

Онъ однако очень понравился мнѣ, и, оставляя его, я рѣшилъ непременно сблизиться съ нимъ.

Скоро разѣхались остальные гости; съ другими ушелъ и Петровъ. Я сталъ прощаться. Александръ Павловичъ, его жена, Нелли, Тедди и Алеша, по старому, окружили меня, проводили до дверей, и остановились тутъ. Я смотрѣлъ на дорогое семейство съ удовольствіемъ, какого мнѣ не доставляла ни одна картина.

Александръ Павловичъ, мощный, сѣдой генералъ, стоялъ по срединѣ, прямо противъ меня; на правую его руку облокотилась жена; лѣвою рукой онъ обхватилъ красавицу Нелли, которой густая пепельная коса упала на серебряный погонъ отца. Справа Тедди, переросшій мать на полъ-аршина, склонилъ свою бѣлокурую голову къ ея рукъ; съ другой стороны, поддерживая плечомъ локоть сестры, стоялъ Алеша, маленький Геркулесъ, въ короткой русской рубашкѣ, низко перетянутой поясомъ, крѣпкій толстякъ, толстоты мускулистой и упругой, съ грудью — словно диванная подушка.

Александръ Павловичъ улыбался изъ-подъ сѣдыхъ своихъ бровей. Съ сердечною улыбкой глядѣлъ и я на него. «Только и есть», отвѣтилъ онъ мнѣ глазами, посмотрѣвъ направо и налево.

«Мало, небось!..»

VIII.

Этотъ день былъ какъ-то торжественъ и неудаченъ. Я не могъ поговорить хорошенько съ Антониной Александровной, не могъ сойтись съ Петровымъ, который сильно занялъ меня; гости отняли Нелли на цѣлые полвечера. На слѣдующей недѣлѣ я снова собрался къ нимъ.

Было уже десять часовъ; они отпили чай, и сидѣли въ гостиной, размѣстившись на нѣсколько группъ. На диванѣ, подъ завѣтными ландшафтами, помѣщались двѣ дамы: одна—полная барыня, которую я видѣлъ уже въ прошлый разъ, другая—молодая, хорошенькая и мило одѣтая; съ ними сидѣли Антонина Александровна и старшій сынъ. Въ другомъ концѣ, у каминна, нарядная и развязная барыня лѣтъ тридцати-двухъ, громко разговаривала съ какимъ-то высокимъ франтомъ; тутъ же сидѣлъ знакомый уже мнѣ господинъ съ остзейскимъ профилемъ. Налево, въ углу, уставленномъ цвѣтами, располо-

жила съ Нелли съ гувернанткой, джентльменомъ и Петровымъ, сидѣвшимъ на стулѣ рядомъ съ нею. Сонечка съ своею подругой расхаживала по залѣ; Александра Павловича и Алёши не было дома.

Я присѣлъ къ Антонинѣ Александровнѣ, и засталъ ее въ очень-горячемъ и оригинальномъ спорѣ съ двумя дамами. Сначала я не могъ понять, о чемъ онѣ спорятъ; но слыша часто имена «Саломія», «Христоръ», догадался, что дѣло идетъ о чемъ-то изъ Евангелія. Оказалось, что кто-то утверждалъ, будто Саломіи не было въ числѣ приходившихъ къ тѣлу умершаго Христа, другія утверждали, что была. Антонина Александровна послала за Евангеліемъ. Принесли, стали искать; сынъ нашель, что у Ев. Марка въ главѣ 16, дѣйствительно упоминается Саломія.

Я молчалъ и, признаюсь, удивлялся.

Антонина Александровна поднялась, очень довольная побѣдой, и пошла сама отнести Евангеліе на мѣсто.

Между тѣмъ, какія-то свѣтскія стереотипныя фразы, прерываемыя маленькимъ смѣхомъ, слышались въ сторонѣ каміна. Говорилъ все высокій франтъ; смѣялась, преимущественно, нарядная и довольная дама; остзейскій профиль молчалъ и, повременамъ, лишь величаво улыбался.

— Ah, madame! острилъ франтъ, покачиваясь на креслѣ:— Vous ne voulez pas me croire? Mais, n'est ce pas bien sûr que les petites mains sont faites pour dépenser, les grandes pour travailler...

— Ха, ха! забавлялась дама.—Ну, полноте; vous faites des mots, острите.

— Du tout, madame.

— Si.

— Tenez: si tout le monde fabriquait, qui donc consommerait? Est-ce clair? Est-ce clair? повторилъ онъ, обратившись къ остзейскому профилю.

Тотъ улыбнулся, но вѣроятно не совсѣмъ одобрительно, потому что вслѣдъ за тѣмъ я увидѣлъ, какъ франтъ приподнялъ плечи, покосился на свою барыню, и засмѣялся съ гримасой.

Невольно взглянулъ я въ уголъ, гдѣ сидѣла Нелли. Она спокойно разговаривала съ своимъ сосѣдомъ, словно не слыша ничего; гувернантка занята была работой; Петровъ, сгорбившись по обыкновенію, и придерживаясь руками за колѣни,

мигалъ какъ будто чаще глазами, но не смотрѣлъ ни на Франтъ, ни на кого.

Полная барыня вздохнула, въ это время, подлѣ меня: «О, охъ! толкуй, толкуй, Богу на славу, людямъ на радость.» Я оглянулся. Соня подходила къ другой сосѣдкѣ.

— Гдѣ папа? спросила ее та.

— Папаша уѣхалъ по разнымъ дѣламъ, отвѣчала дѣвочка, съ своимъ важнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Вотъ какъ? Ну, ты скучаешь безъ него?

— Скучаю, но... вотъ мамаша больше скучаетъ.

— Да?

— Да. Посмотрите: позвонить кто-нибудь, мамаша сейчасъ встаетъ. Я тоже утѣшала сегодня мамашу. Ты, мамаша, говорю, возьми папашинъ портретъ и гляди на него; а когда тебѣ очень захочется видѣть живаго папашу, ты возьми и поцѣлуй.

— Ah! que c'est gentil! удивилась громко у каминна нарядная барыня, слышавшая вѣроятно отвѣтъ маленькой Соня.— Charmant enfant!

— Un phenomène, un vrai phenomène, протянулъ Франтъ.

«Такъ вотъ же Тоничка въ настоящемъ петербургскомъ обществѣ, думалъ я,—и даже очень разнообразномъ.»

Антонина Александровна вошла, между тѣмъ, съ какими-то фотографическимъ портретомъ въ рукахъ, и подошла къ намъ показывать его.

— Знаете, кто это?

— Нѣтъ.

— И вы не знаете?

— Нѣтъ.

— И вы?

— Нѣтъ.

— Это Р., пасторъ, что конфирмовалъ Нелли.—Voyez, какое удивительное лицо?

Лицо было довольно полно и довольно обыкновенно.

— Нѣтъ, вы всмотритесь, продолжала Антонина Александровна.—Умное какое, доброе какое!

Она пошла потомъ показать его нарядной дамѣ; Франтъ пригнулся также къ портрету, поморщился и сталъ осматривать его съ обѣихъ сторонъ и по краямъ.

— Qu'est ce, madame? сказалъ онъ.

— C'est le bon M. R. qui a préparé Nelly...

— Скажите, пожалуйста!.. преувеличенно удивился онъ.

— *Bel homme*, замѣтила съ легкой ироніей дама.

— *Un homme de coeur, madame*, тихонько, едва слышно отвѣтила ей хозяйка, и, какъ бы не желая ни замѣчать, ни возражать, прошла дальше.

Остзейскій профиль улыбнулся съ достоинствомъ.

Признаюсь, мнѣ было неприятно, когда Антонина Александровна подошла съ портретомъ къ дамѣ и франту.

« Рискуетъ, думалъ я; вѣдь они засмѣются. »

Такъ и случилось. Но это спокойное отношеніе Антонины Александровны къ свѣтской кумушкѣ, это нежеланіе замѣчать выходки, препираться по-свѣтски и побуждать, очень понравилось мнѣ.

Франтъ по прежнему продолжалъ разговаривать съ своею дамой. До насъ долетали отрывки французскихъ фразъ.

— *Il y a, madame, pudeur et pudeur*, распѣвалъ онъ, между прочимъ;—*il y a pudeur atmosphérique, celle, qui nous fait mettre ce tas...* и такъ далѣе, что-то въ этомъ же родѣ. Невольно обратилъ я глаза на Петрова, и по краснотѣ его догадался, что онъ слышитъ и понимаетъ франта. Франтъ успокоился только тогда, когда пріѣхалъ Александръ Павловичъ и сѣлъ подлѣ его дамы. Антонина Александровна встрѣтила мужа совершенно такъ же какъ и прежде, такъ же кинулась къ нему на шею, такъ же поцѣловала, не обращая ни малѣйшаго вниманія на другихъ.

Франтъ перешелъ скоро въ уголъ, и съ низкимъ поклономъ заговорилъ съ Нелли; остзейскій профиль подошелъ къ намъ.

— Философская голова, замѣтилъ онъ, съ усмѣшкой косясь на франта.

Антонина Александровна не сказала ни слова, даже не улыбнулась; мнѣ вспомнился Александръ Павловичъ съ Ходичемъ въ Старопольѣ.

Нелли разговаривала въ это время съ франтомъ, спокойно, вѣжливо и сухо, повидимому нисколько не смущаясь, какъ взрослая и опытная дѣвушка; гувернантка, сидѣвшая подлѣ, лишь изрѣдка вмѣшивалась въ ихъ разговоръ.

— Я часто оставляю ее съ мужчинами, замѣтила мнѣ Антонина Александровна:—разговоръ мужчинъ ее развиваетъ.—И знаете, прибавила она успокоивая меня,—ее невольно чтутъ и даже боятся всѣ.

Я былъ увѣренъ въ этомъ. Но черезъ минуту, мать, не выдержавъ вѣроятно, встала и все-таки подошла къ Нелли.

Петрова уже не было подлѣ; когда прицель франтъ, онъ отодвинулся на нѣсколько шаговъ въ сторону, а потомъ пересѣлъ еще дальше, къ зальной двери.

Я воспользовался случаемъ, и подошелъ къ нему. Онъ поздоровался со мной не такъ холодно какъ въ прошлый разъ, но все такъ же нелюбезно смотрѣлъ въ сторону.

— Вы не знаете, кто это? спросилъ я его, указывая глазами на франта.

— Нѣтъ-съ; видѣлъ разъ здѣсь.

— Кричить, смѣется, чортъ знаетъ что говорить, продолжалъ я.

— Что же? доволенъ собой.

— Но знаете, можетъ имѣть вліяніе...

— Нѣтъ-съ; такому никого не испортить...

— Все же, знаете, лучше бы не приглашать.

— Не приглашать-съ. Гм... отчего-же? срѣзалъ онъ меня.

— Однакоже,—дочь... и все...

— Ничего-съ, подтвердилъ онъ.—Такому господину не испортить. А не принимать зачѣмъ же? Рождественникъ, можетъ, какой. Иной разъ и не просить, да прїѣдетъ; да съ, проговорилъ онъ, все продолжая смотрѣть куда-то въ сторону.

Нелли не долго разговаривала съ франтомъ. Сонечка съ своею подругой подошла къ ней, спросила что-то, и съ озабоченнымъ видомъ увела ее въ залу. Александръ Павловичъ позвалъ Антонину Александровну; проходя мимо насъ, она протянула намъ каждому по рукѣ.

— Какіе люди! замѣтилъ тихо я.

Петровъ молчалъ, недовольный, вѣрно, моею навязчивостью.

— Прекрасные люди, повторилъ я.

— Хорошіе люди-съ, согласился онъ наконецъ, прислушиваясь между тѣмъ къ чему-то.

Въ залѣ, за дверью, шелъ въ это время разговоръ между Нелли и Сонечкой. Я сталъ также слушать. Тоненькій голосъ, нараспѣвъ, важно и настойчиво, продолжалъ начатые прежде вопросы:

— Скажи же ты мнѣ, Нелли, скажи ты мнѣ, пожалуста, что же, «она» хотѣла жениться на Іосифѣ?

— Ахъ, Сонечка, ахъ! вѣдь женщины замужъ выходятъ, а не женятся, поправила Нелли.

— Ну хорошо; такъ она, значить, хотѣла замужъ за Іосифа выйдти?

— Ахъ, Сонечка; ну, само собою разумѣется.

— Хорошо; такъ отчего же Іосифъ не хотѣлъ?

— Какая же ты, право! Вѣдь онъ ей сказалъ, что она уже замужемъ.

— Хорошо; такъ отчего же она, когда была замужемъ, хотѣла опять выйти замужь?

— Ну, не знала навѣрно, можно ли.

— Хорошо; такъ отчего же она, когда не знала навѣрно, можно ли, не спросила своего мужа?..

— Ну вотъ это то и дурно, зачѣмъ она не спросила своего мужа, отвѣтила серьезно Нелли. Сонечка, опустивъ задумчиво голову и взявъ за руку свою подругу, маленькими шагами направилась къ другому конду залы.

Петровъ не выдержалъ.

— Это-съ... оазисъ! выразительно произнесъ онъ, увлекшись — Это-съ!.. началъ онъ, смотря мнѣ въ глаза:—это-съ!..

Но тутъ Нелли показалась въ дверяхъ, подошла къ намъ, и опустилась на стулъ подлѣ Петрова. «За что же ему такая честь?» А онъ сидѣлъ, опустивъ глаза, не произнося ни слова; только стулъ замѣтно дрожалъ подъ нимъ.

Я заговорилъ съ Нелли и говорилъ съ ней почти часъ, дивясь и радуясь уму и такту дѣвушки, которая за минуту такъ наивно объясняла приключеніе съ библейскимъ Іосифомъ.

Когда начали развѣзжаться, я сталъ слѣдить за Петровымъ, думая выйти вмѣстѣ съ нимъ, чтобы поддержать завязавшееся знакомство. Но онъ исчезъ совершенно незамѣтно, и послѣ этого мнѣ не пришлось видѣть его болѣе двухъ недѣль.

У Александра Павловича, въ концѣ октября, устроился, по какому-то случаю, маленький вечеръ. Я отправился туда, съ тѣмъ чтобы видѣть какова Нелли въ бальномъ нарядѣ. Вообще, я не терплю баловъ и бальныхъ костюмовъ; для меня нѣтъ женщины, которая не потеряла бы въ нихъ. Тѣмъ интереснѣе было видѣть Нелли.

Я засталъ толпу гостей, разряженныхъ гораздо болѣе чѣмъ ожидалъ. Нѣсколько знакомыхъ лицъ мелькнуло мимо. Между другими, я замѣтилъ и ту высокую, блѣдную даму, въ великолѣпной кружевной бертѣ. Антонина Александровна въ черномъ легкомъ платьѣ съ высокимъ лифомъ, прикрывавшимъ на половину ея плечи, прошла также; я раскланялся съ ней безъ обычныхъ комплиментовъ; она глядѣла кротко и весело.

Черезъ минуту явилась и наша красавица. Съ одной сто-

роны ея шла брюнетка съ большими глазами, которую видѣлъ я въ первый разъ, съ другой — какая-то полная блондура-дѣвушка, обѣ были роскошно одѣты. На Нелли же было блое, довольно пышное платье, съ букетомъ приколотыхъ на груди розъ, и только. Не было алмазныхъ *rivèges*, почти не было даже золота, вѣроятно потому, что оно не стоило мѣста, которое бы закрыло. Густая блондура, будто подъ серебряною пудрой, коса (извини за сравненіе), вмѣстѣ съ гребнемъ, какъ корона, гнула ея удивительную головку. Нелли была такъ бѣла, что лица и шеи бывшихъ съ нею подруги казались смуглыми, сѣроватыми и грубыми подлѣ ея лица и шейки.

Полюбовавшись на Нелли, я скоро отправился домой. Выйдя на набережную и поворачивая уже къ себѣ, я замѣтилъ на углу небольшого человѣчка въ фуражкѣ и коротенькой бекешѣ, который, увидѣвъ меня, ускорилъ свой шагъ. Я живо догналъ его, взглянулъ и узналъ Петрова.

— Ба! здравствуйте. Чтò вы тутъ дѣлаете?

— А ничего-съ; такъ, отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Ну, полноте, поджидали кого-нибудь.

— Когда же поджидать-съ... А ваша милость, отсюда? спросилъ онъ тихо и ласково.

— Оттуда.

— Ну-съ? Танцуютъ, веселятся?

— Какже! Чтò же вы туда не пойдете?

— Не зачѣмъ мнѣ съ. Чтò стану дѣлать?

— Посмотрѣли бы.

— Нѣтъ-съ, куда мнѣ, отвѣтилъ онъ и замолчалъ.

Я шелъ подлѣ него и такъже молчалъ, вида, что онъ собирается спросить меня о чемъ-то.

— А чтò, — извините, началъ вдругъ онъ: — хороши? лучше всѣхъ, полагаю, а?

— Кто это? сказалъ я, какъ будто не понимая.

— Ахъ, да-съ! виновать, сконфузился онъ, и снова замолчалъ.

Мнѣ не хотѣлось пропустить такого удобнаго случая для сближенія съ нимъ, и я сталъ просить его, пройдтись со мной. Мы дошли незамѣтно до дома, въ которомъ я жилъ, онъ вошелъ на подлѣздъ, я упросилъ его подняться, и наконецъ зашелъ къ себѣ.

Цѣлый вечеръ, до поздняго часа, проговорили мы, и тутъ-то я дѣйствительно познакомился съ нимъ.

VIII.

Петровъ былъ личность довольно замѣчательная. После этого вечера я часто видѣлся съ нимъ и очень сблизился. Онъ принадлежалъ, повидимому, къ тому разряду столичнаго наседанія, который состоитъ изъ бѣдныхъ голяковъ и крѣпачковъ, нращихъ обыкновенное «сивильное» платье, зимой—бекедицу, но имѣющихъ въ карманѣ меньше чѣмъ простой мужикъ. Преимущественно это отставные мелкіе чиновники, которымъ не удалась служба и ничто не везетъ въ жизни. Изъ нихъ многіе рады бы хоть что угодно работать, да обыкновенно имъ ничего не даютъ. И вотъ, толкуются они весь день съ ранняго утра до поздняго вечера на гладкихъ улицахъ; заходятъ въ сѣренкія кондитерскія, чтобы почитать газеты, не спросивъ себѣ ничего; обѣдаютъ часто въ Апраксиномъ, съ лотка, или просто—саечкой, ночуютъ по разнымъ угламъ. Всѣ они, большею частію, сердиты на людей, но особенно жестоко и выразительно бранятъ нескоропроспектныхъ франтовъ и франтихъ. Между ними есть честнѣйшіе люди, вся жизнь которыхъ — неудача. Петровъ былъ изъ послѣднихъ.

Его отецъ служилъ въ полиціи одного губернскаго города, и умеръ пятнадцать лѣтъ тому назадъ; матерн своей онъ не помнилъ. Самъ онъ воспитывался сначала въ одномъ духовномъ пріютѣ, потомъ въ какой-то провинціальной гимназіи. Служилъ, какъ водится; кричали на него много, за нравъ что-ли,—вышелъ изъ службы. Приѣхалъ въ Петербургъ, служилъ опять, и опять вышелъ. Тутъ уже не стали и принимать нигда. «Просидѣлъ у одного господина мѣста,—пьете, прямо говорить,—и по лицу видно.» А жить надо чѣмъ-нибудь; въ долгъ рѣшительно не у кого взять, никто и не далъ бы; лавочникъ, и тотъ насилу одолжить впередъ студію или полу-блага. Онъ сталъ заниматься кой-какою перепиской, получалъ за это самую ничтожную плату, и пилъ въ тяжелыя минуты. Скептикъ и песимистъ, давно уже онъ все болѣе и болѣе ожесточался противъ людей; вѣчно-желчное раздраженіе, заставляло его бранить все и всѣхъ. Прежде онъ читалъ очень много и съ жаромъ, стараясь всѣми силами добыть ум-

ный журналъ или замѣчательную книгу; теперь, не читая, бранилъ всё журналы и книги. Трудно ему было жить и съ окружающими. «Одну брань на людей отъ него, бывало, весь день и слышишь,» говорила мнѣ его хозяйка, мѣщанка, когда я зашелъ къ нему однажды, въ его отсутствіе. — «Что ни спросишь, что ни скажешь, все ругаетъ, и тошно оно станетъ, знаете, и при немъ ни на кого глядѣть даже не хочется.»

Петровъ, однако, былъ выше обыкновенныхъ загнанныхъ бѣдняковъ; онъ былъ серьезенъ, въ немъ было много силы, много ума. Онъ ясно понималъ вещи и не забавлялъ себя, напримѣръ, старенькими и хорошенькими рѣчами: «стану работать, составлю себѣ карьеру, состояніе» и пр. и пр. Онъ зналъ, что, въ его положеніи, для этого мало смысла и воли, а нужны еще разныя другія обстоятельства, или же гибкія убѣжденія да не щекотливая совѣсть. Потому-то онъ и не просилъ у жизни многого, а искалъ лишь простаго, сколько-нибудь обезпечивающаго занятія, да къ тому еще искалъ добрыхъ людей, какое-нибудь семейство, въ которомъ могъ бы проводить часть-другой послѣ труда.

Но долго не находилось ни занятія, ни знакомства. Лишенный мистическихъ утѣшеній, онъ впадалъ уже въ какое-то апатическое отчаяніе, какъ вдругъ, словно съ неба, упало и мѣсто, и добрые люди.

«Познакомился я съ генераломъ, черезъ одного чиновника, что тутъ вотъ-съ, за перегородкой, на моемъ теперешнемъ мѣстѣ, жилъ, разказывалъ мнѣ Степанъ Карнычъ. — Генералъ нашелъ ему мѣсто гдѣ-то въ провинціи-съ; изъ завадныхъ былъ. Утѣшая-съ, сосѣдь очень просилъ меня отнести какія-то бумаги генералу; послать не кого, пошелъ самъ. Хотѣлъ было отдать человѣку; нѣтъ, къ генералу пожалуйте. Стали мы говорить; онъ разспрашиваетъ, жену позвалъ. Черезъ нѣсколько дней узналъ-съ, что мѣсто того чиновника мнѣ досталось. А тамъ, подъ вечеръ разъ, вдругъ самъ генералъ сюда-съ пожаловалъ. «Какъ поживаете, говорить; жена безпокоится, спрашиваетъ за что это вы на насъ сердитесь, отчего не приходите. Мы васъ просили тогда приходите, а теперь я еще разъ прошу,» Да и взялъ меня съ собой. Тутъ сталъ я къ нимъ иногда навѣдываться, а они-съ, Нѣмцы и аристократы, ей Богу-съ, обласкали, согрѣли, полюбили меня, забитаго и грязнаго голика! Да-съ! И съ тѣхъ поръ вотъ, какъ вижу ихъ,

счастливъ-сь, не ругаюсь, работаю спокойно-сь, съ людьми мирюсь, да-сь, да-сь!» кончалъ онъ съ глубокимъ волненіемъ.

Мнѣ казалось сначала, что онъ употреблялъ частицу «съ» и слово «да-сь», изъ желчи; но я увидѣлъ потомъ, что онъ тѣмъ чаще прибѣгалъ къ нимъ чѣмъ сильнѣе волновался.

«А трудноми было-сь сначаласойдтись съ ними, трудно-сь. У нихъ и экипажи какіе, и лошадей сколько, и бароны они-сь, и генералы-сь, одно слово—тузы. А я плевать всегда на этотъ людъ хотѣлъ, да-сь, и не того вовсе искалъ. И Нѣмцы они также, да еще въ чинахъ, а у меня къ такимъ сердце никогда не лежало-сь...»

Замѣчательно, что Степанъ Карпычъ, будучи большимъ скептикомъ и пессимистомъ, твердо держался за почву, на которой родился, вѣрилъ въ особенную будущность славяно-православнаго міра и, при этомъ, не любилъ почему-то Нѣмцевъ.

«Душою, благодушіемъ только и веяли, да-сь! Такъ обласкали, что не могу вамъ сказать. И не стыдятся они меня теперь и при гостяхъ своихъ. Для нихъ, что я, что весь ихъ «бо-мондъ»—все равно. Уши и деликатны такъ-сь, что не обращаютъ на меня болѣе чѣмъ на другихъ вниманія-сь, соболѣзнуютъ публично-сь; а это-то главное. И такіе они люди-сь, что не засмѣются никогда надъ дуракомъ или некрасивымъ, какъ не засмѣются надъ бѣднымъ или уродомъ... И скажите, пожалуста, спрашивалъ онъ, подымая на меня глаза: — за что же эта божественная дѣвушка-сь, этотъ ангелъ съ небеси, за которую ухаживаютъ десятки тузовъ и которой подобной нѣту въ мірѣ, ласкаетъ меня, меня-сь, корявую рожу этакую, —и Петровъ, дрожа весь, сильно замигалъ глазами, и едва-едва не заплакалъ. — За что-сь, скажите, за что-сь? Я вѣдь смѣшонъ, смѣшонъ не смѣша, и долженъ бы, значить, пропасть для молодой дѣвушки, да-сь! И вѣрите, Владиміръ Сергѣичъ, не ради кокетства, не ради того чтобы насмѣяться надъ другими, ласкаетъ она меня, урода, нѣтъ-сь! Душа ужъ такая! Она-сь, скажу вамъ, въ кокетствѣ столько понимаетъ, что недавно спросила мать, что значить «глазки дѣлать»; услышала, какъ про какую-то сказали это, и не поняла! Самъ слышалъ, да-сь, какъ у матери спрашивала!... Да вы знаете ли, началъ онъ разъ съ особеннымъ жаромъ; что я недавно видѣлъ-сь? Помните, какъ Антонина Александровна портретъ-то вечеромъ показывала? Еще этотъ «хло-

пай» у каминна...—забрался онъ вдругъ,— смѣяться стали. А Антонина Александровна не обидѣлась, простила, помните?..

— Какже, Степанъ Карпычъ, помню, помню, отвѣчалъ я, удивляясь его вниманію.

— Ну, такъ это былъ вѣдь портретъ ихъ пастора-съ, что конфирмоваль Элеонору Александровну. Пасторъ этотъ, видите ли, сказалъ ей, чтобъ она написала какое-то тамъ исповѣдное письмо-съ. Слышите ли? Она и написала. Отецъ и мать какъ стали его читать-съ, такъ и заплакали... Передаютъ письмо другъ другу, хотять читать, и не могутъ-съ! да-съ! и плачутъ, добрые люди, плачутъ-съ!..

Однажды я заговорилъ съ Степаномъ Карпычемъ о литературѣ и нашихъ изящно-литературныхъ писателяхъ. Онъ судилъ необыкновенно жѣтко. «Не люблю-съ, замѣтилъ онъ, вотъ тѣхъ, что, не зная народа да народной рѣчи, безъ всякой также, значить, связи съ нимъ, выдумываютъ народныя повѣстцы-съ, да уродуютъ народную рѣчь. Къ чему? Писали бы то, что знаютъ. Да-съ!» Онъ разказалъ мнѣ тутъ, какъ читалъ однажды что-то русское Нелли.

«Отецъ и мать не обидѣли меня; довѣрили и позволили-съ. Помню хорошо, какъ читалъ я ей комедію одну. Другое теперь время, говорится тамъ-съ, а все то же. Прежде нужда,— «удрученъ многочисленнымъ семействомъ, семеро дѣтей», а теперь: «жена деликатная дама-съ, пожалуйста шляпку.» Такъ повѣрите ли, не засмѣялась; сидитъ тихо, глаза помутнились. Скажу вамъ еще. Вотъ, недавно досталъ я у товарища книжку, и сталъ читать о жизни нашего простонародья. Читалъ я ей, какъ одинъ умный ищущинъ странника съ веригами, за лѣнь, совѣсти учить: «Вонъ, говоритъ, бурлаченька святой надвѣнетъ иногда лямку на плечи въ Хвалынѣ (объяснилъ ей тутъ-съ), а сниметъ въ Рыбинскомъ; бьется всю путину въ кровавомъ потѣ, а выработаетъ только на соль, да еще кепѣчку бѣдному человѣку подастъ: это вотъ—святой». Такъ вы тутъ, Владиміръ Сергѣичъ, на лицо ихъ посмотрѣли бы; и какъ грустно было оно-съ и какъ хорошо!»

И вотъ, думалъ я, слушая его: сходные въ нѣкоторыхъ предразсудкахъ, построенныхъ обонми во имя разныхъ странныхъ идеаловъ, сошлись мы съ Степаномъ Карпычемъ въ самомъ глубокомъ уваженіи къ этимъ «не нашимъ», во многихъ отношеніяхъ, людямъ... Припоминая себѣ тутъ начало моего и его знакомства съ ними, я признавался, что поддался, прежде всего, впечатлѣнію вѣшной красоты, онъ — души.

«Хороша она, дивно хороша-сь, да это что-сь?» говорилъ Петровъ. — Ступайте на Проспектъ, увидите дѣвокъ въ коласкахъ; хороши-сь, да чтѣ въ нихъ? души нѣтъ! Случается правда, да часто ли? А въ Леонорѣ Александровнѣ душа чиста и хороша, и этимъ она и нравится мнѣ». И я вѣрилъ ему вполне.

Не забуду, какъ разъ, по какому-то случаю, кажется по поводу дороговизны и роскоши, онъ разказалъ мнѣ одинъ изъ своихъ разговоровъ съ Антониной Александровной.

«— Боже упаси отъ роскоши, Степанъ Карпычъ, говорить мнѣ-сь Антонина Александровна: я знаю, говорить, что моя Нелли въ состояніи будетъ, говорить, жить очень скромно. А я, дуракъ, и взгляни тутъ нечаянно на Леонору Александровну. Вы думаете, говорить Антонина Александровна, что у нея дорогія платья?—нѣтъ. Вы думаете, что ихъ много?—нѣтъ. Я, говорить, могу пересчитать ихъ вамъ. И пересчитала-сь, Владиміръ Сергѣичъ, ей-ей пересчитала, передо мной; вышло мало, — не скажу сколько-сь, а мало! Такъ не живутъ же они, значить, какъ вонъ направо да налѣво, выше состоянія, не бросаютъ не овыми деньгами пыли въ глаза, да-сь!»

— Хорошіе люди, проговорилъ я съ улыбкой, вспомнивъ его первое опредѣленіе.

Степанъ Карпычъ заговорилъ потомъ какъ-то особенно серьезно.

— Вонъ холостые, слышно, множатся-сь; а повѣрите ли, Владиміръ Сергѣичъ, только въ тихой семейной жизни и есть счастье да спасеніе. Право такъ!..

— Чтѣ же вы не женитесь? спросилъ я, желая видѣть на сколько согласитъ онъ слово съ дѣломъ.

— И хотѣлъ бы, да нѣтъ... и онъ замолчалъ грустно.—А вы? спросилъ онъ меня черезъ минуту.

— Гм... собираюсь, отвѣтилъ я.

Степанъ Карпычъ почему-то перешелъ тутъ къ Нелли.

— А кому же-сь, кому отдадутъ они это сокровище? Чтѣ будетъ, думаю, если дѣвушка разойдется во вкусахъ съ родителями? Не разойдется! Ну, а если?.. Подчинится ли?.. Тверда она, кажется, серьезна. Не изъ тѣхъ, чтѣ финтатъ эманципированными фразами-сь: «люблю молъ васъ больше чѣмъ честь мою,» не изъ тѣхъ она; а полюбить, такъ ой! крѣпко полюбить! Ей не модный мужъ нуженъ, чтѣ поиграеть годка два, этакъ, въ любяшь-не-любяшь, да и оставить спокой-

но-сь, къ другимъ обратится, «любовь, значить, смѣнялась дружкой.» Нѣтъ! Да и всѣ новые ваши, современные люди не стѣять ея; да-сь! Она, нѣжная душа, станетъ тосковать по немъ, а онъ приткнулся себѣ за дѣломъ, сидитъ отъ такого-то до такого-то часу холодный, безстрастный и очень довольный собою-сь: «я-де работаю; полезенъ обществу и себѣ...»

Какъ-то совершенно невольно перенесся я здѣсь мыслию на себя...

Х.

Минулъ мѣсяцъ; приближалось Рождество.

Я часто бывалъ у Александра Павловича, и почти всегда встрѣчалъ тамъ Петрова. Иногда послѣдній заходилъ ко мнѣ; иногда я, отправляясь куда-нибудь, заходилъ къ нему, чтобы взять его съ собою. Онъ, кажется, привязался ко мнѣ, держалъ себя и говорилъ такъ же, какъ и прежде; былъ спокоенъ.

На третій день Рождества зашелъ я къ генералу; Петрова не было. Я сталъ спрашивать о немъ, и, по нелюпымъ вопросамъ и кое-какимъ намекамъ, тотчасъ же догадался, что случилось что-то особенное съ нашимъ Степаномъ Карпычемъ.

Часу въ одиннадцатомъ я отправился къ нему.

У самыхъ дверей Степанъ Карпычъ кинулся ко мнѣ.

— Батюшка, Владимиръ Сергѣичъ! Чтò я надѣлалъ-сь! чтò я такое надѣлалъ!

Я взглянулъ: лицо его очень красновато и необыкновенно радостно. У меня отлегло отъ сердца.

— Чтò же вы надѣлали, Степанъ Карпычъ? Хорошее что-нибудь навѣрное?

— Насамодурствовалъ, надурить-сь и ужасъ какъ! ужасъ, просто ужасъ! кричалъ онъ.

«Чтò же бы это? Не сдѣлалъ ли онъ предложеніи Элеонорѣ Александровнѣ?» пришло мнѣ въ голову.

Нѣтъ. Все дѣло было въ томъ, что Степанъ Карпычъ, въ первый день праздника, попросилъ ея портрета. Онъ разказалъ мнѣ со всѣми подробностями свою исторію.

Захотѣлось ему, да захотѣлось непременно, достать портретъ Нелли. Узналъ онъ всѣхъ фотографовъ, у которыхъ она снималась, и ходилъ просить продать копію; не даютъ,

не имѣютъ, говорятъ, права безъ позволенія матери. Долго не рѣшался онъ просить объ этомъ Антонину Александровну. Наконецъ, въ первый день праздника, не говоря ни слова ни мнѣ и никому, собрался онъ съ духомъ, и пораньше отправился туда. Гостей не было еще; не было и Нелли. Александръ Павловичъ занимался въ своемъ кабинетѣ. Въ гостиную вышла Антонина Александровна съ Соней.

Степанъ Карпычъ подошелъ къ Антонинѣ Александровнѣ, поцѣловалъ ей руку, посмотрѣлъ въ ея свѣтлые глаза и рѣшился говорить.

«— Антонина Александровна! Пришелъ я къ вамъ съ просьбой, съ большою просьбой-съ.

«Она, добрая душечка-съ, покраснѣла не много;—«не за деньгами-ли, въ праздникъ, бѣдняга», подумала вѣрно, ей-Богу такъ; но боится, знаете, и посмотрѣть на меня, опасается сконфузить.

«Выслала дочку.

«— Говорите, говорите, Степанъ Карпычъ, пожалуста. Не стѣснитесь нисколько.

«— Велика просьба-съ, Антонина Александровна.

«— Ничего, ничего. Если вы любите насъ, Степанъ Карпычъ, то говорите смѣло.

«— Антонина Александровна!... Знаете-съ, такое это щекотливое дѣло.

«— Ахъ, говорите же, милый Степанъ Карпычъ, если вы къ намъ сколько-нибудь расположены! Слышите, Степанъ Карпычъ...

«Не могъ тутъ болѣе выдержать; посмотрѣлъ опять въ ея глаза-съ, и говорю:

«— Дочери вашей дѣло касается, Леоноры Александровны-съ... и замолчалъ, сию бѣднѣй-съ.

«Она ничего; удивилась только немного, посмотрѣла на меня, и говорить тихонько:

«— Хорошо, Степанъ Карпычъ. Чтò же именно? говорите.

«А я мигаю только-съ, по глупой по своей привычкѣ, и не могу слова вымолвить.

«— Чтò же? повторила тихонько, и смотреть все внизъ.

«Вижу, что тяжело и ей; началъ, да вдругъ голосъ оборвался, и опять-съ сидимъ да молчимъ.

«— Степанъ Карпычъ! Что же такое, Бога ради! спрашиваетъ.

«Тутъ я со всего духу и брякнулъ-съ:

«— Портретикиъ Леоноры Александровны хотѣлось бы имѣть позвольте у фотографа какого-нибудь взять; не сердитесь, Антонина Александровна!

«Она молчитъ-съ, не подымаетъ глазъ, шевелится только кожа на лбу, думаетъ; я сижу; легче стало, что высказался, а все и колѣни дрожать, и руки ходить.

«Помолчала немного Антонина Александровна, и говорить мнѣ, наконецъ, кратко такъ, нѣжно-съ:

«— Вы знаете, говорить,—что я васъ очень уважаю и люблю. Но здѣсь ничего отъ меня не зависитъ, все—отъ дочери. Я бы и желала, да не смѣю; не смѣю безъ нея, не смѣю рѣшительно ничего сдѣлать. Ужь вы извините меня, Степанъ Карпычъ, любезный Степанъ Карпычъ,—и просить, знаете, будто Богъ знаетъ что-съ, и руку мнѣ протягиваетъ.

«— Такъ-съ, такъ-съ, говорю, и больше ничего не могу сказать, только къ ручкѣ припалъ, да слезами закапалъ.

«— Хотите, начала она тихонько,—чтобъ я сказала о вашей просьбѣ мужу? Тогда мы, вмѣстѣ съ нимъ, пойдемъ просить дочь...

«— Вы слишкомъ добры ко мнѣ-съ, Антонина Александровна, говорю.—Дѣлайте чтó хотите-съ.

«— Нѣтъ, позволяете ли вы, Степанъ Карпычъ, сказать мужу? спрашиваетъ опять. — Можетъ-быть, вамъ это неприятно будетъ?

«— Да-съ, Антонина Александровна, да-съ, бормочу.

«— Приятно ли вамъ это будетъ? Говорите прямо, Степанъ Карпычъ.

«— Да, говорю, Антонина Александровна.

«Она встала и послала за мужемъ. Александръ Павловичъ застучалъ по залу, идетъ... я сижу, голову опустивши.

«Антонина Александровна видитъ, что тяжело мнѣ объясняться, и сама тихонько передала Александру Павловичу мою просьбу-съ.

«Тотъ также ничего; насунился, знаете, по ихнему, сѣдые брови опустилъ. Потомъ подходитъ ко мнѣ; я ни живъ, ни мертвъ, и въ полъ смотрю.

«— Любезный, Степанъ Карпычъ, началъ...

«Я всталъ, посмотрѣлъ мелькомъ-съ на него; лобъ насупленный, а глаза влажные...

«— Любезный, Степанъ Карпычъ, говорить:—и я, и жена моя также, вѣроятно, съ удовольствіемъ исполнили бы вашу

просьбу, еслибъ это отъ насъ зависѣло. Но скажу вамъ прямо, дочь едва ли согласится. Она отказывала многимъ. Она знаетъ, что дѣлаетъ, и сама тутъ распоряжается.

«— Ничего-съ, говорю,— ничего-съ, Александръ Павловичъ.

«А онъ взялъ меня за руку, и все говоритъ:—Не сердитесь, говоритъ, Степанъ Карпычъ; вы честный человѣкъ, и понимаете, можемъ ли мы распорядиться не своимъ, чужимъ, чужою святыней,—а голосъ, знаете, притихъ, задрожалъ-съ...—А дочь, извините, Степанъ Карпычъ, откажетъ, если ее просить, навѣрное откажетъ. Щекотлива она въ такихъ вещахъ; такъ уже воспитана.

«Молчу-съ, а Александръ Павловичъ все мою руку изъ своей не выпускаетъ. Тутъ Антонина Александровна по-нѣмецки стала ему говорить: *Vielleicht, vielleicht.. sehr bitten...*

«И зачѣмъ это они беспокоятся, думаю; сказали бы просто: ступай, ступай, нельзя, и кончено; такъ нѣтъ! И какъ уходить я сталъ, они все руки мнѣ жмутъ, да утѣшаютъ. Я уже за дверь въ переднюю вышелъ, а Антонина Александровна изъ-за двери говоритъ:

«— Попрошимъ ее, очень, очень будемъ просить, Степанъ Карпычъ.

«Мнѣ бы отказаться, попросить ихъ не беспокоиться; а я, дуракъ, только глазами хлопаю и ни слова не говорю-съ. Или это не смѣлъ я рта открыть, или портретика слишкомъ захотѣлось, не знаю...

«И вотъ, Владиміръ Сергѣичъ, собирался вчера къ нимъ, да не пошелъ, собирался и сегодня, да нѣтъ; быть-можетъ, завтра рѣшусь.»

Я проговорилъ съ Степаномъ Карпычемъ до двухъ часовъ, успокаивалъ, разказывалъ обо всемъ, что его занимало, но насчетъ отвѣта Нелли молчалъ

— Такъ вы, Степанъ Карпычъ, идете завтра? спросилъ я уходя.

— Кажется, что пойду-съ, Владиміръ Сергѣичъ, отвѣчалъ онъ нетвердымъ голосомъ.—Что же-съ, не большая ужъ бѣда; еще благая пріяхомъ, злыхъ ли не стерпимъ? Ничего-съ.

Странно, я не могъ заснуть въ эту ночь. Образъ чудной дѣвушки, и доброй и гордой, и робкой и сильной, возставалъ передо мною ежеминутно. Всѣ встрѣчи съ нею, всѣ сцены и разговоры въ Старопольѣ, пришли мнѣ на память, за ними Петербургъ, вечеръ, балъ... Вспомнился вопросъ восемнадцати-

лѣтней дѣвочки: что значитъ дѣлать глазки? вспомнилась портретъ пастора и счетъ платьевъ; вспомнилось исповѣдное письмо, надъ которымъ заливаются въ слезахъ отецъ и мать, и это послѣднее преклоненіе передъ свободой и смысломъ дочери... И ясно было, что Нелли-дитя, Нелли принесетъ съ собою мужу столько же счастья, сколько принесла Антонина Александровна, что Нелли, женщина въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни будетъ способна на то же, на что была способна въ Крыму ея мать. Да! но кто только стоитъ тебя, дивная? думалъ я. И въ смутной дремотѣ, мнѣ слышалось, или казалось, что слышится: «Да каждый, кто захочетъ стоять!..»

На другой день, я ждалъ Степана Карпыча у него на квартирѣ, съ десяти часовъ утра. Онъ явился около двѣнадцати, самъ не свой, бросился на постель лицомъ въ подушку, и пролежалъ такъ нѣсколько минутъ.

— Ну же, Степанъ Карпычъ, что случилось?..

— Кроткая ты моя... нѣжная ты моя!.. Ангелъ, свѣгурочка хорошенькая! не ясно проговорилъ онъ, должно-быть отъ избытка чувства.

— Да встаньте же, и расскажите. Я уже два часа жду васъ здѣсь, Степанъ Карпычъ!

Онъ поднялся, вытеръ глаза, потомъ вынулъ изъ кармана маленькую, завернутую въ бумагу, карточку, и показалъ мнѣ: то былъ портретъ Нелли.

Признаюсь, я былъ удивленъ, потому что раздѣлялъ вполнѣ сомнѣнія отца; я думалъ и о томъ, что все общество, всѣ знакомые узнаютъ объ этомъ...

— Какъ же все это сдѣлалось? спросилъ я опять.

— Просто-съ, Владиміръ Сергѣичъ, очень просто. Пришелъ я къ нимъ сегодня, какъ тогда, пораньше; раскланялся со всѣми, не смотря въ глаза-съ, и сѣлъ, знаете, подальше, у двери въ залу. Вдругъ слышу сзади: «Степанъ Карпычъ, подите сюда.» Вскочилъ-съ, и иду на голосъ. Передо мною Леонора Александровна стоитъ, глаза опустила.

«— Вотъ вамъ, тихо говорить.—Вы просили. Не знаю только, зачѣмъ вамъ.»

«А я стою и не беру.»

«— Что же вы? спрашиваетъ, и подняла глаза. Я схватилъ, дуракъ, такъ, что руку ихъ оцарапалъ, да тутъ же чуть и не свалился.»

«— Вы присядьте, говорятъ, и слушайте, что я вамъ ска-

жу: когда вы женитесь, Степанъ Карпычъ, пришлите мнѣ непременно назадъ эту карточку.—А я все не сажусь, и стою какъ истуканъ.

«— Слышите? спрашиваетъ опять.

«— Леонора Александровна! никогда я не женюсь! проговорилъ-съ ей.

«— Отчего же? спрашиваютъ. Я молчу-съ; къ сердцу прихлынуло. Она взглянула на меня, покраснѣла будто немного, и говорить чуть слышно: Ищите, знакомьтесь.

«— Ахъ, Леонора Александровна! говорю и только съ, а она тихонько продолжаетъ: — Узнайте хорошенько ту, которую захотите выбрать. Моя тата... любила нѣсколько лѣтъ, не выходя замужъ; все узнавала; такъ... и я сдѣлаю...»

«Вотъ что!» подумалъ я. Степанъ Карпычъ продолжалъ:

«— Леонора Александровна, спрашиваю:—а вы...

«Она ничего, ничего не сказала-съ, не кивнула головой, но няско опустила ее-съ.

«Я замолчалъ тутъ, какъ ни непонятливъ... и сталъ глядѣть на портретикъ.

«— Ну, Степанъ Карпычъ, говорить тихо,—не смотрите, мой другъ, все; довольно.

«Въ послѣдній разъ поглядѣлъ я еще, да и не вытерпѣлъ.

«— Вы, говорю, Леонора Александровна,—красавицы!

«Они глядятъ на меня внимательно и строго-строго такъ.

«— Къ чему вы это говорите, Степанъ Карпычъ? спросила.— Или вы шутите?

«— Не шучу я-съ, Леонора Александровна, говорю, — ей-Богу, не шучу-съ!—да какъ зарыдалъ-съ!..—Вы, говорю, вы... с-славная дѣвушка!—и реву ужасно-съ.

«Она встала быстро, подала мнѣ руку, — вотъ такъ, и исчезла, исчезла-съ...»

Степанъ Карпычъ упалъ опять лицомъ въ подушку, но черезъ нѣсколько минутъ всталъ, какъ будто успокоившись.

— Чтò же, скажите, Антонина Александровна и Александръ Павловичъ? спросилъ я.

— Рады были очень, отвѣчалъ онъ.

— Ну, чтò же вы станете дѣлать съ портретикомъ?

— Гм... Спрячу, и во всѣ трудныя минуты-съ буду вынимать и смотрѣть, и всякое зло, и всякую зависть, и всякое горе забуду, и умру глядя на него-съ, умру твердо, да-съ, да-съ!

Пристально посмотрѣлъ я на Степана Карпыча, и задумался.

« Воскресли къ жизни человѣка, думалъ я: возвратили обществу честнаго слугу, полезнаго члена... Развѣ мало заслуги?.. Да и не одного, а многихъ... Какъ часто, когда тяжело станеть на сердцѣ, когда тщеславіе отравитъ душу, идешь къ нимъ успокоиться, и учишься истинной любви, что не смѣняется дружбой, учишься наукѣ тихаго семейнаго счастья... Развѣ это счастье, эта любовь, эта нравственность ихъ—не лучшія, не истинныя? Счастіе!.. Истинное счастье то, которое основывается на простыхъ, ясныхъ, общедоступныхъ идеяхъ любви и справедливости, а не на... »

Я прервалъ здѣсь любезнаго Владиміра Сергѣевича, замѣтивъ, что онъ кончилъ свой разказъ и что, дѣлая заключенія, рискуеть впасть въ свой прежній грѣхъ—влиятельный и наставительный тонъ.

— Такъ, такъ! проговорилъ я живо.—Но скажи лучше, что сталося съ Степаномъ Карпычемъ? Гдѣ онъ теперь?

— Степанъ Карпычъ? улыбнулся Владиміръ Сергѣевичъ.— Онъ получилъ, братъ, мѣсто управляющаго у одного помѣщика С—лой губерніи. Сначала былъ вторымъ, помощникомъ что ли, а теперь уже настоящій управляющій. Жалованье не слишкомъ большое, да человѣкъ попался порядочный. Говорять, работаетъ какъ волъ; мужикамъ своими руками подсобляетъ, растолстѣлъ и бороду отростилъ. Пишетъ мнѣ почти каждый мѣсяцъ. Въ последнемъ письмѣ разказываетъ, какъ крестьянамъ «Положеніе» объясняетъ по вечерамъ. «Сяду на окно въ избѣ старосты, сниму шапку, поклонюсь міру въ поясъ...» ну, и такъ далѣе.

— И тѣмъ пишетъ? спросилъ я.

— Какже, какже! еще чаще чѣмъ мнѣ. Въ письмахъ, не повѣришь, какъ уменъ и развязенъ! Того маленькаго, пузатаго приемыша, что хотѣлъ быть «русскимъ а-гро-гро-номомъ», зоветъ къ себѣ.

— Ну, а портретъ что дѣлаетъ?

— Виситъ у него вмѣсто иконы.

— Скажи же, теперь, пожалуста, продолжалъ, глядя съ улыбкой на Владиміра Сергѣевича:—самъ ты что подѣлываешь?

— Да вотъ, послѣ поѣздки, за одно практическое заводское дѣло принимаюсь.

— И работаешь попрежнему?

— Еще бы!

— А особа не сердится, что сидишь за дѣломъ отъ такого-то до такого-то часу?

— Напротивъ, требуетъ этого... Да о комъ ты это говоришь? вдругъ спохватился Владиміръ Сергѣевичъ. — Какая особа?

— Ну, братъ, проговорился! Чтò же, черезъ сколько времени кончится или, если хочешь, начнется?..

— Полно, пожалуста! упрекнулъ меня Владиміръ Сергѣевичъ. — Можно ли о такихъ вещахъ говорить навѣрное!

— Отчего же? Наконецъ, если и дѣйствительно нельзя навѣрное говорить, то можно молчать...

— Ну, это другое дѣло, усмѣхнулся онъ.

— И ты?...

— Мечтаю, мечтаю...

— О чемъ же именно? допрашивалъ я.

— Гм... Ну, хоть и о томъ, на примѣръ, какъ у Александра Павловича и Антонины Александровны будутъ внуки да внучки.

— Прежде, однако, чѣмъ о внучатахъ, надо подумать о...

— Понятно!.. перебилъ онъ.

— Такъ вотъ объ этомъ разкажи.

Владиміръ Сергѣевичъ улыбнулся и засмѣялся.

— Чтò же разказывать? Вотъ развѣ чтò приходитъ въ голову, когда, этакъ, отдыхаешь послѣ обѣда, да дремлешь немножко? проговорилъ онъ. Но вѣдь это все мечты дремотныя...

— Ну, послѣдній вопросъ: проектъ-то что?

— Жизнь, дѣйствительная жизнь, осмѣяла, братъ; слишкомъ теоретично да схоластично рационаленъ былъ!

Волгонскій.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЧАСТЬ

ФЛОРЕНТИНСКОЙ ВЫСТАВКИ

Я посѣтилъ флорентинскую выставку съ исключительною цѣлью покороче ознакомиться съ произведеніями живописи, которыхъ случилось очень много, противъ всякаго ожиданія, и между которыми очень не мало произведеній дѣйствительно замѣчательныхъ. Я спѣшу подѣлиться моими впечатлѣніями съ читателями, тѣмъ болѣе что этимъ я вовсе не выхожу изъ своей программы: въ картинныхъ галереяхъ этой выставки, какъ и вообще въ циклѣ италіянскихъ провинцій стремящихся къ полному слитію, первенствуютъ Неаполь и Тоскана, представляющія собою два противоположныя одно другому начала.

Выставка эта, очень богатая и хорошо устроенная, имѣетъ только тотъ недостатокъ, что посѣтившіе ее даже нѣсколько разъ сряду, обративъ всю силу вниманія на особенно-интересныя изъ выставленныхъ предметовъ и выходя потомъ, невольно теряются въ разнообразія вынесенныхъ впечатлѣній, которыя съ большимъ трудомъ удается привести въ нѣкоторую систему. Мнѣ кажется, что главною виною того не богатство матеріаловъ, а нѣсколько неправильное, совсѣмъ не систематическое размѣщеніе ихъ. Я по крайней мѣрѣ никакъ не могу угадать и до сихъ поръ что имѣли въ виду подобные распорядители, ставя то тамъ, то здѣсь, какую-нибудь земледѣльческую машину или хитросплетенную изъ раскрашенной соломы штору, или

что-либо другое въ этомъ родѣ. Главная цѣль этой выставки, положимъ, была политическая: угадать не трудно, а многочисленныя толки по этому поводу, предшествовавшіе ей, совершенно избавляютъ отъ труда угадывать. Брошюры и журналы всѣхъ партій, глубокіе политики и поверхностная молодежь — всѣ, устно и письменно, толковали, разбирали, каждый съ своей точки зрѣнія, а г. Каррега, главный распорядитель, дѣйствуя какъ будто заодно съ ними, откладываетъ со дня на день открытіе. Яснѣе всѣхъ поняла эту цѣль какая-то толстая героиня фруктоваго рынка въ Сіенѣ, и высказала ее очень внимательно слушавшей толпѣ, ожидавшей какъ-то вечеромъ, открытія почты и раздачи писемъ, привезенныхъ вечернимъ поѣздомъ желѣзной дороги изъ Флоренціи.

— Счастливы эти бестіи, флорентинскіе работники, говорила она:—не было у нихъ заработковъ ни на грошъ, а хлѣбъ по двѣ граціи за фунтъ. Вотъ они кричали, кричали да и докричались до выставки. То-то, я думаю, найдеть къ нимъ *форестьеровъ* (иностранцевъ)! А мы... ну да что и говорить!

Говорить дѣйствительно было нечего: слушатели по большей части были сами работники, хлѣбъ въ Сіенѣ не дешевле флорентинскаго; они и поняли все сразу.

Но флорентинскіе работники, несмотря ни на какія выставки, не считаютъ все-таки завидною свою участь. «Вотъ посмотрите на Неаполь,» говорятъ они: «тамъ дождемъ сыплются преимущества и карлины; тамъ правительство само навязываетъ работу, а мы надѣмся на *форестьеровъ*. Да и какіе *форестьеры* теперь!» А Неаполитанцы? Тѣ все же нейдутъ работать и твердятъ старый припѣвъ: хлѣба и зрѣлищъ. За зрѣлищами у нихъ и нѣтъ остановки; но хлѣбъ вездѣ очень вздорожалъ въ послѣднее время.

Между тѣмъ жизнь Флоренціи такъ радикально измѣнилась предшествовавшіе три мѣсяца, что ее буквально узнать было нельзя. Куда дѣлись миръ и тишина, манившіе туда всѣхъ, склонныхъ къ созерцательной жизни? Шумъ и трескотня на улицахъ, наново-написанныя и раззолоченныя вывѣски магазиновъ, щегольскіе джентльмены изъ всѣхъ странъ свѣта, нарядныя дамы, кровныя лошади—вотъ что замелькало передъ моими глазами, когда я очутился на хорошо-знакомой мнѣ, но показавшейся новою, площади Santa Trinità.

На мѣстѣ прежняго воксала ливорнской желѣзной дороги,

теперь дворецъ выставки. Старое зданіе перестроено и украшено, обнесено рѣшетками, обстроено вокругъ такъ, что не только самаго воксала, но даже площади нельзя узнать вовсе.

У подъѣзда встрѣтилъ меня не то швейцаръ, не то капельдинеръ; онъ, съ несвойственною Итальянцамъ, лакейскою ловкостью, откинулъ дверцу моей наемной кареты и не потребовалъ за это *la biopa тако* (на водку).

Подъ доснящеюся трехуголкой, окаймленною новыми галунами, я сразу узналъ своего стараго знакома Микеле; я никогда не видалъ его не въ лохмотьяхъ, но лицо его было также знакомо мнѣ, какъ силуэтъ колокольни собора. Микеле тоже узналъ меня.

— *Siamo poi*, сказалъ онъ, окидывая снисходительнымъ взоромъ свою нарядную ливрею.— Да потрудитесь бросить вашу сигарку, прибавилъ онъ нѣсколько покровительственнымъ тономъ. Тутъ уже курить мы не позволяемъ. Жалко бы было, *per dio Vascio*, еслибы сгорѣла эта славная выставка.

Но независимо ни отъ какихъ случайностей, всякая выставка должна же имѣть въ виду дать посѣтителямъ возможность познакомиться съ выставленными предметами и вынести о ней какое-нибудь опредѣленное воспоминаніе. Кажется, флорентинскіе распорядители именно это-то и забыли. Въ залахъ свѣтло и просторно, ко всему можно подойти со всѣхъ сторонъ и даже очень близко. Но вѣдь всякаго посѣтителя особенно интересуеть одинъ какой-либо отдѣлъ. Механику, конечно, было бы очень выгодно сравнить двѣ или три машины различно устроенныя для одного того же назначенія: слѣдовало бы поставить ихъ рядомъ; а тутъ, чтобы добратъся отъ одного типографскаго станка до другаго, приходится перейти цѣлую галлерей, уставленную то блестящими хрустальными издѣліями, на которыя нельзя не заглядѣться, то чудными искусственными цвѣтами, то мягкими и пушистыми тканями, которыя невольно бы погладилъ рукой, еслибы не грозная надпись колоссальнымъ шрифтомъ: *e proibito di toccare agli oggetti esposti*. Какъ тутъ не забыть и типографскіе станки, и механику!

Тутъ же въ нижнихъ галлерейхъ развѣшаны копіи со старыхъ картинъ; многія въ очень невыгодномъ свѣтѣ, но онѣ отъ этого вовсе не теряютъ ничего. Бѣольшая часть ихъ—произведенія флорентинскихъ копистовъ. Этотъ родъ искусства здѣсь одна изъ главныхъ отраслей промышленности. Флоренція поставляетъ копіи съ древнихъ мастеровъ на бѣль-

шую часть Италиі, Англию, Америку и Россію. Въ таможенномъ уставѣ, на вывозъ ихъ наложена пошлина, также какъ на мраморныя статуи и статуэтки, тогда какъ за оригинальныя произведенія ничего не платится ни при ввозѣ, ни при вывозѣ. Между тѣмъ нельзя сказать чтобы здѣсь особенно процвѣталъ этотъ родъ живописи. Въ Венеціи, напримѣръ, несравненно болѣе хорошихъ копій чѣмъ во Флоренціи, хотя тамъ не такъ много картинныхъ магазиновъ, да и тѣ немногіе наполнены вовсе непо-флорентински. Не потому ли это, что въ Венеціи лучше понимаютъ смыслъ своихъ старыхъ мастеровъ?

Есть тому еще и другая причина. Въ Венеціи не существуетъ цеха *копистовъ*; перспективная живопись составляетъ самую существенную часть ея картинной промышленности; копіями занимаются или ученики, или профессора за неизмѣнимъ другой работы. Во Флоренціи живописцы-художники мало занимаются копіями, и то только въ особенныхъ случаяхъ: или по заказу, или по крайности. Работы ихъ рѣдко попадаютъ въ магазиныхъ. Каждый сколько-нибудь значительный магазинъ имѣетъ во Флоренціи своихъ копистовъ, съ которыми заключается форменное условіе. Въ большей части случаевъ, кописты эти получаютъ отъ магазина мѣсячное жалованье, и обязываются никому не продавать своихъ картинъ, кромѣ своихъ патроновъ. Число часовъ, которое они должны проработать каждый день, а также *минимумъ* того, что они должны сдѣлать въ теченіи мѣсяца, опредѣляется условіемъ. Каждый изъ этихъ художниковъ выбираетъ себѣ двѣ или три картины одного мастера или одной школы. Патронъ часто обязывается не покупать ни у кого другаго копій съ этихъ картинъ. Весь смыслъ свободнаго творчества теряется отъ этого, а для того чтобы сдѣлать хорошую копію часто болѣе бываетъ нужно этого дара нежели для того чтобы написать картину. Копистъ вовсе не заботится о томъ, чтобы передать смыслъ картины; онъ часто исправляетъ и пополняетъ оригиналъ, пропускаетъ въ немъ многое, что можетъ придтись не по вкусу массѣ покупателей. Скопировавъ нѣсколько разъ сряду одну и ту же картину, онъ непремѣнно создаетъ себѣ свою особенную манеру, изъ которой потомъ уже не въ силахъ выбраться; всѣ работы его получаютъ какой-то мертвый, машинный характеръ. Распорядителямъ выставки надо отдать полную справедливость хотя въ томъ, что они не помѣстили этихъ копій въ залахъ свободныхъ искусствъ.

Залы эти, гдѣ собрано нѣсколько сотъ картинъ новой школы, почти все итальянскихъ художниковъ (собрано какъ и остальное, безъ всякой системы, безъ всякой господствующей мысли), помѣщаются въ верхнемъ этажѣ, по обѣимъ сторонамъ центральной галлерей. Тутъ же рядомъ самая полная коллекція всевозможныхъ вареній, консервовъ, колбасъ, винъ, ликеровъ и пр., въ стеклянкахъ, въ банкахъ, въ горшкахъ, въ коробкахъ или просто во всемъ безобразіи наготы.

Долгомъ считаю предупредить читателей, что они не найдутъ здѣсь перечня всѣхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ картинъ этой выставки, съ ихъ критическимъ разборомъ, исторіей и біографіей авторовъ. Ихъ слишкомъ здѣсь много; больше чѣмъ половину ихъ я уже успѣлъ совершенно потерять изъ памяти, о чемъ сильно жалѣю, такъ какъ между ними есть много очень и очень достойнаго вниманія. Но и то, что я помню, передамъ я такъ, какъ помню; если въ этомъ не будетъ строгой связи, то да падутъ воѣ нареканія на г. Карегу и на его совѣтниковъ, — я же право не принималъ никакого участія въ устройствѣ этой выставки.

Въ первой маленькой залѣ, налѣво отъ входа, собраны акварели, пастели и рисунки карандашомъ. Нѣсколько перспективныхъ видовъ обращаютъ на себя вниманіе публики тщательною и изящною отдѣлкой деталей. Акварели эти, какъ бы послѣднее слово, или скорѣе загробный голосъ *условнаго* рода живописи. Онѣ особенно были въ модѣ въ то переходное время, когда глаза публики и самихъ художниковъ стали какъ-то неприятно поражаться вычурностью позъ, отсутствіемъ правды и красокъ. Выходъ еще не былъ указанъ, а потому и помирились на *telles termes*. Взались за акварель; небольшіе размѣры, бѣдность матеріаловъ, служили извиненіемъ художнику; нѣжность и мягкость тщательной и копотливой отдѣлки нравились зрителямъ. Миниатюры на кости, маленькіе портреты, перспективные виды раскрашенные со вкусомъ, наполнили собою картинные магазины, студіи и салоны. Въ послѣдствіи, фотографія подорвала ихъ успѣхъ. Акварелисты очень долго удерживались отъ новаго направленія. Деларошъ, Вернетъ, нашъ Брюловъ, указали однакоже этому роду живописи новую дорогу, но мало кто за ними послѣдовалъ; сами они тоже не знали всѣхъ ресурсовъ акварели, и употребляли ее только какъ вспомогательное средство для маленькихъ эскизовъ и альбомныхъ рисунковъ. Эженъ Деланъ (Декавр)

первый сталъ писать акварели въ видѣ оконченныхъ картинъ, и достигъ замѣчательной степени совершенства въ этомъ родѣ; онъ творилъ чудеса: передавалъ силу свѣта африканскаго солнца, яркость восточныхъ тканей.

Но настоящее отечество современной акварельной живописи—Англія. Тамоншій фабрикантъ красокъ, Ньюманъ, оказалъ ей громадную услугу изобрѣтеніемъ своихъ жидкихъ водяныхъ красокъ (*moist water colours*), съ помощію которыхъ искусныя живописцы достигаютъ силы и прозрачности масляныхъ красокъ.

Но въ Італіи не привился этотъ новый видъ акварельной живописи. Одинъ только Корроді въ Римѣ смѣло соперничаетъ съ англійскими и французскими акварелистами; а между тѣмъ въ акварельныхъ рисункахъ недостатка нѣтъ; ими даже съ особенною любовью занимаются художники-окусники, которыхъ тутъ не мало.

Впрочемъ, на настоящей выставкѣ, всѣхъ ихъ перещеголялъ падуанскій профессоръ Газотто, выставившій три большіе рисунка перомъ: Адъ, Чистилище и Рай, изъ Данта. Никогда еще барокко не доходило до такого полнаго проявленія. Впечатлѣніе, производимое этими рисунками, такъ странно, такъ ново и оригинально, что передъ ними немалое останавливается всякій, какъ бы ни мало интересовала кого живопись. Достоинства и недостатки ихъ опредѣлить нѣтъ никакой возможности; художники-пуристы презрительно улыбаются, глядя на нихъ; а между тѣмъ въ нихъ есть что-то действительно-творческое, не недостойное искусства.

Вообще Венеція на этой выставкѣ *fa una tristissima figura*, по италіянскому выраженію. Газотто болѣе другихъ обратилъ на себя вниманіе. Искусство далеко не въ блестящемъ положеніи въ древней царствѣ морей; академія въ рукахъ нѣмецкихъ профессоровъ чувствуетъ со дня на день. Независимо отъ академій, есть тамъ отдѣльная корпорація комнатныхъ или декоративныхъ живописцевъ, продолжающихъ, хотя и не съ особеннымъ успѣхомъ, преданія прежнихъ вѣковъ. Многія изъ ихъ самодѣльныхъ произведеній сохранили прелесть колорита и грацію постановки; но большинство почерпаетъ вдохновеніе изъ раскрашенныхъ французскихъ литографій; рисунки страдаютъ по преимуществу.

Живописцемъ-лауреатомъ, истиннымъ героемъ выставки, является Флорентинецъ Усси, котораго большая картина «Игна-

нѣ изъ Флоренціи герцога Лантинскаго» встрѣтила большое сочувствіе въ Римѣ, что означаетъ, что во всякой другой странѣ, а въ особенности въ Парижѣ, она надѣлала бы нескончаемаго шума, и она вполне заслуживаетъ этого, хотя въ Италиі она не вызвала даже ни одной фельетонной статейки.

Это одно изъ тѣхъ рѣдкихъ произведеній, въ которыхъ, въ полной силѣ и красотѣ своего развитія, является всѣ начала характеризующія направленіе какой-либо эпохи. Картина Усси произведение современной намъ эпохи, и это чувствуется почти въ каждомъ ударѣ кисти. Ничего условнаго ни въ выполненіи, ни въ композиціи; жизнь и правда во всемъ.

Вышнія совершенства техники теряются въ общей гармоніи цѣлага и доведены до той высшей степени, гдѣ уже исчезаетъ вся ложная, *кажущаяся*, сторона искусства. Художникъ угадалъ и уловилъ жизнь, и задержалъ ее во всей ея гармонической полнотѣ. Зритель, пораженный красотой картины, не заботится о процессѣ, посредствомъ котораго художнику удалось совершить чудо; ему все кажется такъ естественно и просто, что онъ забываетъ, что именно эта-то естественность и простота и требуютъ самыхъ большихъ усилій, и что до нея могутъ дойти только рѣдкія избранныя натуры. Личность художника забыта: она исчезла въ его произведеніи.

Эта современная картина представляетъ сцену очень отдаленной отъ насъ эпохи начала XIV вѣка; но въ этой одной сценѣ цѣлая драма, вся жизнь того времени, со всею правдой подробностей и мелочей, тогда какъ въ самой картинѣ вовсе не бросаются въ глаза эти мелочи и подробности; художникъ сумѣлъ быть очень умереннымъ въ ихъ выборѣ и размѣщеніи. Архитектура, костюмы, разучены со всею строгостью и добросовѣстностью; Усси, художникъ скромный, не позволилъ себѣ ни одной поэтической вольности, ни одного анахронизма, которые въ большомъ ходу между художниками, не совѣтъ осмотрительно отдающимся вдохновенію.

Сюжетъ выбранный Усси—одно изъ событій, очень часто повторявшихся въ исторіи Флоренціи въ средніе вѣка, и характеризующихъ жизнь итальянскихъ общинъ того времени.

Когда вся Европа начинала новую жизнь и стремилась къ вышнему могуществу, Италиа раздробленная на мелкія республики добивалась внутренняго гражданскаго развитія, жизни личной, которая очень рѣзко противорѣчила жизни всѣхъ остальныхъ европейскихъ государствъ. Тѣ сознательно выраба-

тывали принципъ абсолютизма, неограниченной монархіи, который оди́нъ могъ доставить имъ возможность окрѣпить и добиться предположенной цѣли; Италия развивала городскую общину, *municipio*, сосредоточивала въ ней всю политическую и административную власть. Первою формою этого общиннаго правленія было владычество оптиматовъ, аристократическихъ семействъ. Община народная появилась уже позднѣе, и съ самаго начала своего существованія вступила въ открытую борьбу съ олигархическою общиною. Та уступила не разомъ и, потерявъ наконецъ надежду взять силою, принялась за хитрость. То одна, то другая изъ олигархическихъ семействъ принимали подъ отеческую свою опеку доверчивый народъ и прямымъ, или косвеннымъ образомъ прибирали власть въ свои руки, изъ трибуновъ народныхъ становились тиранами, деспотами, пока народъ не выходилъ изъ терпѣнія и не свергалъ ненавистнаго ига, чаще всего для того только чтобы снова подпасть подъ другое. Медичи, прочнѣе всѣхъ другихъ забравшіе Флоренцію въ свои руки, были изгоняемы оттуда шесть разъ, пока наконецъ незаконный сынъ папы Климента, Александръ Медичи, съ помощію императорскихъ и папскихъ войскъ, не взялъ ея съ бою послѣ долговременной осады, и не сломалъ окончательно ея вольную муниципальную конституцію.

Изгнанія эти—подвиги пробужденія народнаго—представляютъ цѣлый рядъ весьма выгодныхъ для историческаго живописца сюжетовъ, тѣмъ болѣе еще, что совершались они не грубою матеріальною силою, а геройскимъ увлеченіемъ или всей массы, или отдѣльныхъ личностей.

Усся выбралъ первое по времени изгнаніе Готье де-Бриена, герцога Авинскаго. Я предполагаю, что читателямъ достаточно извѣстны своевольные и коварные подвиги этого пришельца, успѣвшаго сперва льстивыми обѣщаніями обмануть народъ и пріобрѣсти его довѣріе, потомъ довести его до отчаянія, и наконецъ до полнаго признанія собственнаго достоинства и силы. Народъ однакоже не сталъ вымещать на особѣ угѣснителя свои страданія и угнетенія.

Блѣдный, разстроенный герцогъ сидитъ въ торжественной одеждѣ въ залѣ Palazzo Vecchio у стола, на которомъ лежитъ не подписанный еще имъ актъ его отреченія. Пера дрожитъ въ его рукѣ; смущенные взоры блуждаютъ по сторонамъ. Ему жаль, однимъ почеркомъ пера, уничтожить плодъ столькихъ лѣтъ тяжелаго труда, черныхъ дѣлъ и козней. Передъ

нимъ молчаливые, спокойные какъ судьи, но грозные своимъ спокойствіемъ депутаты отъ тѣхъ гражданъ, которыми такъ недавно еще игралъ онъ и которыхъ подчинялъ всѣмъ причудливостямъ своего буйнаго нрава.

«Зачѣмъ въ нихъ это холодное, строгое спокойствіе?» лепечуть посинѣвшія его губы: «будь это шумный порывъ энтузіазма—была бы надежда.»

Но павшему тирану нѣтъ больше надежды! Онъ уже не смотритъ на позеленѣвшее, искаженное самымъ отвратительнымъ страхомъ лице своего секретаря. Въ благополучные для нихъ обоихъ дни праздниковъ и угнетеній, изворотливый умъ паразита находилъ тмы хитросплетеній, которыми упрочивалось ихъ жадное владычество; но во дни гнѣва и бури, конечно не его ехидная душа удержится въ тощемъ тѣлѣ: эта кровавая игра не по секретарскому характеру—тутъ проигрывается все, а выиграть можно только ударъ камнемъ въ голову. Одинъ изъ герцогскихъ кондотьеровъ—тощій изегримъ, позволившій себѣ по старой привычкѣ какую-то вольность съ взволновавшимся на площади народомъ, съ окровавленной головой и безъ оружія, съ яростью въ сердцѣ, торопитъ своего растерявшагося хозяина:

«Подписывай, герцогъ. Ты медлишь, а посмотри какъ тамъ кипитъ это бѣшеное стадо. Нѣтъ, герцогъ, дали мы промахъ—не бараны они.»

Солдаты потеряли и тѣнь грубаго своего нахальства; со страхомъ смотрятъ они по направленію руки кондотьера. А тамъ поучительное для нихъ зрѣлище.

Масса, недовольная промедленіемъ, беспокойная насчетъ участи своихъ представителей, волнуется и кипитъ на площади. Нѣсколько камней, брошенныхъ ловкими руками, побили стекла герцогской залы. Доминиканскій монахъ, будущій миссіонеръ, Савонарола, едва можетъ удержать своимъ строгимъ видомъ и разумною рѣчью волненіе.

Но герцогъ ничего не видитъ и не слышитъ. Сына его уводитъ стража; бѣдный юноша, которому можетъ быть придется заплатить за подвиги отца, бросаетъ на него взглядъ, полный самаго нѣжнаго участія; но отецъ не замѣчаетъ его. Необузданная жажда власти и страхъ передъ грозой наполняютъ умъ и душу герцога. Какъ пойманный звѣрекъ, онъ смутно смотритъ по сторонамъ: да нѣтъ-ли гдѣ лазейки?

Все это несравненно лучше меня разказалъ г. Усси, въ

награду за что и получил уже от флорентинской городской общины 2000 скудъ.

Строгие цѣнители и знатоки изящныхъ произведеній находить, что въ картинѣ Усси и колоритъ и рисунокъ въ исправности. Глядя на его картину, я видѣлъ живыхъ людей, во мнѣ возбуждала сильное участіе горькая доля герцогскаго сына и его молодое, благородное лицо.

«Бѣдный герцогъ, думалъ я, оставался бы ты въ Аэинахъ: тамъ и Акрополь, и Пропилеи, и оливы растутъ въ изобиліи!»

Усси, какъ я сказалъ уже, Флорентинецъ; питомецъ Тосканскаго общества поощренія изящныхъ искусствъ. Художественное свое образованіе онъ окончилъ въ Римѣ, гдѣ содержался на счетъ Общества. Онъ еще не дожилъ до тридцати лѣтъ, и эта картина—первое замѣчательное его произведеніе. Она написана имъ въ Римѣ, и куплена два года тому назадъ флорентинскимъ городскимъ обществомъ; этою зимой онъ оканчиваетъ ее, и только по воскресеньямъ публикѣ былъ открытъ доступъ къ ней.

Вся Флоренція считала долгомъ перебывать въ его студіи, но художникъ мало возгордился своимъ успѣхомъ.

Въ художническомъ кварталѣ Флоренціи, у площади Барбано, въ подвальномъ этажѣ какого-то престарѣлаго зданія, помѣщается маленькая таверна *падроне Стефано*, гдѣ за очень-умѣренную плату и при всѣхъ возможныхъ неудобствахъ, съ которыми только художники и люди съ очень-нестуго-набитыми кошельками могутъ примириться,—подають очень плохой обѣдъ и лучшее во всей Флоренціи вино. Таверна эта нѣчто въ родѣ художническаго клуба. Знаменитости и незнаменитости тосканскаго художническаго міра, живописцы, скульпторы, граверы, хористы, балетные компарсы, геркулесы и цирцеи проѣзжей труппы вольтижеровъ, между 3 или 5 часами пополудни, непременно засѣдаютъ на некрашенныхъ лавкахъ *заведенія*.

Тамъ часто встрѣчалъ я человѣка среднихъ лѣтъ, бѣдно одѣтаго, блѣднаго, лысаго, съ большими черными глазами, съ темно-русою бородой. Онъ приходилъ всегда молча, садился въ какомъ-нибудь темномъ уголкѣ, много ѣлъ, мало пилъ, говорилъ еще меньше; словомъ, по всему отличался отъ обыкновенныхъ гостей падроне Стефано. Я зналъ, что онъ Флорентинецъ и живописецъ, но не зналъ ни имени, ни прозвища этого таинственнаго незнакомца. Впрочемъ фигура его мало возбуждала любо-

нытства: она не носила въ себѣ никакого особеннаго отпечатка чловѣка, погруженнаго въ самого себя; онъ не избѣгалъ слушая вступить въ разговоръ, и если больше молчалъ, то казалось потому, что ему нечего было сказать, можетъ-быть еще и по такому соображенію: нужно же, чтобы въ такомъ многочисленномъ обществѣ хотя кто-нибудь слушалъ. Но неоднократно, вынужденный необходимостью, онъ вступалъ въ общіе толки и споры объ искусствѣ; важно выслушивалъ заносчивые толки какого-нибудь длинноволосаго Рафаэля, въ ожиданіи періода своей будущей славы писавшаго вывѣски для табачныхъ лавокъ; возражалъ на нихъ очень спокойно, безъ малѣйшаго увлеченія, и высказывалъ собственные свои взгляды, стоящіе тѣхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Живописецъ этотъ былъ Усси. Но что это за черты въ его характерѣ? Недовѣріе ли къ себѣ, презрѣніе ли къ окружающимъ, или и на этотъ разъ Усси—исключительная натура: среди многочисленнаго собранія людей, изъ которыхъ всякій болѣе или менѣе прекрасно говорить объ искусствѣ, которому плохо служить, онъ, его достойный жрецъ, совсѣмъ не умѣетъ говорить о томъ, что такъ хорошо выражаетъ кистью?

Между тосканскими художниками, выставившими въ этомъ году свои произведенія, нѣтъ ни одного молодаго дарованія, которое, созрѣвши и разившись, могло бы стать на ряду съ Усси. Всѣ картины этой школы отличаются очень строгимъ изученіемъ и оконченностью; многія изъ нихъ очень хороши, но невольно чувствуется, что это уже послѣднее слово; художникъ можетъ удержаться на той же высотѣ, но онъ уже не пойдетъ далѣе.

Французы увѣрены, что пластическія искусства измѣнили своему отечеству, Италия, и покорныя общему движенію вѣка, эмигрировали въ Парижъ. Они такъ твердо убѣждены въ этомъ, что и другіе повѣрили имъ тутъ же на слово. Я не стану отрицать достоинство французскихъ живописцевъ; но смѣло могу увѣрить и ихъ и cadaго, что искусство въ Италиі живеть не только въ музеяхъ и пинакотекахъ, — оно здѣсь перешло въ жизнь, а потому и не умреть никогда, пока въ Италиі будутъ холстъ и краски. На немъ лежатъ преданія старыхъ вѣковъ, хотя порой они и даютъ его; но вѣдь искусство, красота, гармонія, жизнь, никогда не умрутъ и никогда не состарятся. Если въ Венеціи искусство, какъ нѣжный цвѣтокъ, боится распу-

отиться, чтобы не попасть подъ тяжелый каблукъ тирольскаго егеря, если Болонья со времени Караваджіо болѣе славится колбасами чѣмъ картинами, то не въ нихъ вѣдь вся Италия: есть Тоскана, гдѣ оно гордо и свободно поднимало голову въ тяжелые годы владычества австрійскихъ гренадеръ, есть Неаполь, гдѣ оно ловко пряталось въ чердакахъ квартала dei studj, пока наконецъ ему не открылся свободный выходъ на свѣтъ Божій.

Тосканская, или правильнѣе флорентинская, школа живописи самая древняя изъ существующихъ въ настоящее время итальянскихъ школъ. Она одна можетъ-быть изъ всѣхъ шла не перерываясь со времени возрожденія. Микель-Анджело Буонаротти умѣлъ сдѣлать во Флоренціи живопись дѣломъ государственнымъ. Герцоги покровительствовали художникамъ, всегда съ одинаковымъ стремленіемъ подражать Лаврентію Медичи, надѣясь, что однимъ этимъ святымъ покровительствомъ они станутъ на ряду съ этимъ уважаемымъ соотечественниками, хотя и развратнымъ монархомъ.

Медичи оставили Флоренціи великолѣпныя картинныя галереи, доступъ въ которыя очень легокъ всѣмъ и каждому. На площадяхъ и улицахъ встрѣчаются повсюду знаменитыя произведенія искусствъ; во многихъ семействахъ сохранились преданія о жизни художниковъ въ давноминувшіе вѣка; все это вѣдетъ развиваетъ эстетическій вкусъ во всѣхъ классахъ городского населенія, внушаетъ молодымъ людямъ горячую привязанность къ искусству, въ которомъ они видятъ славу своей родины и средство выйти изъ ничтожнаго положенія, для того чтобы стать, можетъ-быть, на ряду съ великими дѣятелями флорентинской независимости, народными героями. Множество общественныхъ и частныхъ рисовальныхъ школъ и художническихъ студій облегчаютъ имъ исполненіе ихъ плановъ.

Флорентинскую школу обвиняютъ въ томъ, что она слишкомъ твердо придерживается преданій старыхъ временъ и мало поддается влиянію современнаго духа. Не говоря уже о дарованіяхъ средней руки, которыя, поставивъ себя кумиромъ кого-либо изъ знаменитыхъ живописцевъ эпохи возрожденія, слѣпо подражаютъ ему и не имѣютъ ни глазъ, ни ушей ко всему остальному, даже лучшіе здѣшніе художники отличаются слишкомъ серіознымъ, научнымъ направленіемъ, напоминающимъ Микель-Анджело.

Эти недостатки очень замѣчаются въ лучшей изъ выставленныхъ флорентинскими художниками (Усси художникъ всемирный, и о немъ здѣсь не можетъ быть рѣчи) картинахъ «Сцена изъ исторіи инквизиціи», молодого еще художника Гвиччолі.

Строгость рисунка, глубокое пониманіе ракурсовъ и свѣтотѣни, оконченность работы, дѣлають ее произведеніемъ весьма замѣчательнымъ. Но несмотря на всѣ эти неоспоримыя достоинства, въ ней есть что-то сухое, безцвѣтное, производящее весьма непріятное впечатлѣніе, какая-то неживописная грубость формъ, несмотря на маленькіе размѣры. Картина эта—не мертвое, холодное произведеніе признанной бедарности: въ ней есть жизнь, но жизнь какая-то тяжелая, не возбуждающая уастиа.

Присяжные наградили художника золотой медалью, и поступили вполне основательно: въ художникѣ есть все, что можетъ быть даже самымъ добросовѣстнымъ и внимательнымъ изученіемъ, даже больше: въ немъ выражается духъ и сущность всей школы, хотя, разумеется, и не въ такихъ колоссальныхъ и полныхъ формахъ, какъ въ соотечественникѣ его Микель-Анджело. Всѣ остальные произведенія этой школы отличаются въ большей или меньшей степени тѣми же недостатками и тѣми же совершенствами, за исключеніемъ развѣ преемниковъ братьевъ Муссини, на которыхъ особенно живо чувствуется вліяніе Пигу, Монена и другихъ парижскихъ корней.

Разсмотрѣвая всѣ эти произведенія, собранныя вмѣстѣ, зная отчасти закулисную жизнь ихъ авторовъ, я съ трудомъ вѣрю тому, чтобы это направленіе было исключительно результатомъ прошедшаго, лежащаго, какъ полагають, тяжелымъ грузомъ на плечахъ всякаго Тосканца. Во Флоренціи искусство меньше всего могло бы оставаться въ условной рамкѣ преданій. Тамъ оно пошевелѣть идетъ рядомъ съ жизнью, которую уже успѣло проникнуть всю цѣлыми вѣками успѣховъ.

Гейне въ своихъ *Флорентинскихъ Ночахъ* говоритъ очень остроумно, по своему обыкновенію, что во Флоренціи жизнь поступила съ искусствомъ, какъ жадный ростовщикъ. Въ тѣпцахъ уличныхъ торговцевъ и цвѣточницъ онъ видитъ, какую лихвой заставила она заплатить за тѣ граціозныя модели, которыя когда-то поставляла она вдохновеннымъ художникамъ.

Дѣйствительно и мнѣ не разъ случалось встрѣчаться между

дѣтами, играющими на площадкѣ у Ponte alla Sarta жа оживленными ангеловъ съ картинокъ Фра-Беато Анджелико. Михель-анджеловскіи паркы и теперь еще возсѣдаютъ на всѣхъ перекресткахъ за лотками съ жареными каштанами, или классическими *ravi perati*. Но мадонны Андреа дель Сарто, полныя женственной граціи и нѣги, куда же дѣвались онѣ?

Флорентинки между всѣми Италіянками составляютъ совершенно особенный типъ. Онѣ превосходятъ Неаполитанокъ и сѣверныхъ Италіянокъ правильностію чертъ и формъ, но далеко остаются позади ихъ въ роскоши колорита и по нѣжной округлости линий. Можетъ-быть низменный и сырой климатъ Флоренціи отчасти виной ихъ сухости и блѣдности. Имѣя постоянно у себя передъ глазами этихъ натурщицъ, художникъ невольно привыкаетъ къ мужественнымъ и угловатымъ формамъ, часто грубымъ и тяжелымъ.

Съ декоративной точки зрѣнія, Флоренція представляетъ много очень живописныхъ портиковъ и галлерей старинной постройки, церковныхъ папертей, монастырскихъ дворовъ и открытыхъ залъ (*loggie*); но собственно пейзажъ открывается только въ загородномъ паркѣ, да и тотъ не представляетъ богатства красотъ. Природа дѣйствуетъ заодно съ древними мастерами, и развиваетъ въ художникахъ тѣ качества, которыя исключительно приписываются вліянію старыхъ школъ.

Подъ знойнымъ, золотистымъ солнцемъ Неполя, все принимаетъ совершенно иной, чарующій видъ. Округлыя груди Соррентинокъ, живой, горячій цвѣтъ ихъ лицъ, рѣзко отдѣляющійся отъ бѣлаго *mezzago*, волшебная прозрачность воздуха и вода Санта-Лучіи, волнующаяся мягкая линія горъ, теряющихся вдаль, сладострастные фрески Помпеи — манятъ воображеніе молодого художника очень далеко за сферу академическихъ совершенствъ, опредѣленности и отчетливости рисунка. Онъ едва смѣетъ легкою, какъ паутина, чертой обозначить на холстѣ неудовимую, чарующую своею воздушностію черту; онъ терлется въ упительной игрѣ красокъ, прекрасныхъ своею чистотой.

Академическое изученіе въ Неаполѣ всегда было въ самомъ жалкомъ состояніи. Профессоры очень много заботились о нравственности, и очень мало о техническомъ совершенствѣ своихъ учениковъ. Изученіе нагаго тѣла было исключительною привилегіей герцога Сиракузскаго, и то еще натурщица должна была предварительно получить разрѣшеніе отъ своего

исповѣдника. Лучшія залы музея, подъ названіемъ секретныхъ, были заперты для публики, и въ особенности для художниковъ, не имѣвшихъ возможности подкупать неподкупныхъ ничѣмъ, кромѣ денегъ, сторожей этихъ сокровищъ.

Большая часть художниковъ вынуждены были приняться за пейзажъ, родъ живописи не требующій столь тщательнаго изученія формъ и рисунка. Неаполитанскіе декораторы приобряли общеевропейскую извѣстность, которою они исключительно обязаны своимъ природнымъ дарованіямъ и роскоши природы, ихъ окружавшей. Не многимъ удалось отдѣлаться отъ массы; за то эти не многіе достигли мало кому доступной степени совершенства. Братья Палицци (Pallizzi) еще юношескими своими произведеніями обратили на себя всеобщее вниманіе на парижской выставкѣ. Меньшой изъ нихъ не имѣетъ себѣ соперниковъ въ рисованіи животныхъ. Не знаю, что именно доставило ему покровительство бывшаго неаполитанскаго короля, котораго онъ остался и до сихъ поръ такимъ ревностнымъ приверженцемъ, что въ настоящемъ году не захотѣлъ ничего прислать на италіанскую выставку, гдѣ ему по праву должно бы принадлежать одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

Соотечественникъ его, пейзажистъ Вертуни, живущій въ Римѣ, вопреки запрещенію папскаго правительства, выставилъ два вида изъ окрестностей Рима—новыя доказательства того, что имъ вполне заслужена слава, которою онъ пользуется въ ряду современныхъ пейзажистовъ. Небо и ровная, уходящая въ безконечную даль низкая мѣстность—вотъ изъ чего Вертуни сумѣлъ сдѣлать двѣ прекрасныя и довольно большія картины, два задушевные лирическія стихотворенія.

Въ Неаполѣ мало такъ-называемыхъ историческихъ живописцевъ, которые въ Италиі пользуются еще, по старой памяти, именемъ *живописцевъ строгаго стиля*.

Событія прошлаго года, подвиги Гарибальди и его удалыхъ сподвижниковъ послужили матеріаломъ для нѣсколькихъ очень маленькихъ произведеній батальныхъ и такъ-называемаго *genre*,—отрывочныхъ страничекъ изъ всемірной современной лѣтописи. Неаполитанцы начинаютъ приобрѣтать большую извѣстность въ этомъ родѣ живописи. Живописность тамошнихъ костюмовъ, красота природы представляютъ богатое поприще ихъ живымъ и наблюдательнымъ дарованіямъ.

Пальму первенства между всеми заслужил Морелли, давний любимецъ неаполитанской публики и всѣхъ хороше знакомыхъ съ Неаполемъ иностранцевъ. Морелли изъ тѣхъ исключительныхъ дарованій, которыя развиваются наперекоръ всякимъ случайностямъ и обстоятельствамъ; и онъ развивлся тѣмъ полнѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ рѣзче противорѣчило ему все его окружающее.

Очень молодымъ еще Морелли добился замѣчательной степени технического совершенства и славился какъ портретный живописецъ. Онъ однако не удовольствовался этимъ успѣхомъ и занялся болѣе серьезнымъ и строгимъ изученіемъ. Первые его картины отличаются уже блестящими достоинствами колорита, живостію общаго впечатлѣнія, заставлявшими забывать неудовлетворительность рисунка. Выставленная нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Неаполѣ картина его: «Эпизодъ изъ Сицилійской вечерни», доказываетъ большія улучшенія въ его манерѣ рисовать. Шелковыя ткани и металлическія украшенія написаны съ поразительною правдой, блескомъ и силою красокъ. Картина эта имѣла очень большой успѣхъ; съ нея тотчасъ же были сняты литографіи и фотографіи, которыя и теперь еще продаются во всѣхъ эстампныхъ магазинахъ Италіи.

Вслѣдъ за тѣмъ, Морелли получилъ заказъ на парадную занавѣсъ для театра Санъ-Карло. Онъ изобразилъ на ней Олимпъ, на который музы взводятъ всякаго рода неаполитанскихъ знаменитостей. Работа эта въ очень-большихъ размѣрахъ, и требовала строгихъ изученій и всѣхъ средствъ живописи. Приготовляясь къ ней, Морелли сдѣлалъ еще шагъ впередъ, и принялся за историческую живопись. Выставленная имъ въ этомъ году картина «Иконоборцы» превосходить всѣ предыдущія его работы смѣлостію удачной композиціи и красотою выполненія. Только мнѣ все же кажется, что не этотъ родъ живописи настоящая область таланта Морелли. Его средневѣковыя битвы, далеко не такъ оконченныя, производятъ однако болѣе сильное впечатлѣніе: сила свѣта, живость движенія, мастерское расположеніе группъ, удовлетворяютъ самымъ взыскательнымъ требованіямъ.

Но задушевное его произведеніе, и потому болѣе всего возбуждающее сочувствіе — это «Внутренность помпейскихъ бань». Разказать содержаніе этой картины, такъ чтобы чита-

тели могли себѣ составить хотя какое-либо о ней понятіе, я не берусь.

Сициліянци прислали большое количество пейзажей и маленьких живописныхъ сценъ изъ ихъ простой, но симпатической жизни. Пейзажи эти—свѣтлыя и юныя произведенія недоразвившихся еще талантовъ; въ нихъ болѣе дѣйствительнаго пониманія красота и гармонія природы нежели художественныхъ достоинствъ; но я предпочитаю ихъ какъ-то болѣзненно-ученымъ произведеніямъ Малатесты изъ Модены, хотя онъ и кавалеръ и къ тому же еще потомокъ очень аристократической фамиліи, чуть ли не того Малатесты Бальйоне, который продалъ императору Флорентинскую республику.

Пока я писалъ эти отрывочныя строки, выставку уже закрыли, а потому если кто изъ моихъ читателей возымѣлъ желаніе видѣть собственными глазами то, о чемъ я передаю мои не систематическія впечатлѣнія, ему придется подождать, пока въ другой разъ сдѣлаютъ единство Италіи (тогда это можетъ-быть уже будетъ и не на шутку) и откроютъ снова, или во Флоренціи, или въ другомъ какомъ-либо городѣ, всемірную италіанскую выставку.

Л. М.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ЧЕЛОВѢКА

ЕДИНСТВО РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ¹.

VII. ТЕОРИИ ПОЛИГЕНИСТОВЪ.

Общая возраженія. Скрещеніе человѣческихъ группъ.

Совокупность фактовъ, изложенныхъ въ предыдущихъ изслѣдованіяхъ нашихъ, ведетъ къ двумъ слѣдующимъ утвержденіямъ: что видъ есть нѣчто дѣйствительное, и что человѣческій видъ одинъ. Видъ оказался какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ тѣмъ-то основнымъ, существеннымъ въ теперешней органической природѣ. Измѣняясь въ предѣлахъ гораздо болѣе обширныхъ тѣмъ это обыкновенно допускаютъ, онъ можетъ произвести неопредѣленное число *породъ*, повинная условіямъ, большею частью еще не опредѣленнымъ, но всегда зависящимъ отъ среды. Эти *породы* могутъ различествовать между собою столько же, сколько отличаются одинъ отъ другаго *виды* сосѣдственныхъ родовъ. «Но, говоритъ г. Исидоръ Жофруа, какое бы ни существовало различіе между органическими существами въ природѣ, однакожъ тѣ изъ нихъ, которыя тѣсно соединены между со-

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 5, 7, 8, 10 и 11.

бою, принадлежать всё къ одному и тому же виду точно, такъ же какъ вѣтви дерева, болѣе или менѣе близкія къ стволу, составляютъ въ совокупности одно и то же дерево. И какъ деревья, сколько бы сходны и близки другъ къ другу ни были, несмотря на то, остаются существенно различными между собою, такъ и всякое естественно образовавшееся собраніе особей, хотя бы оно было очень ограничено и представляло различія лишь весьма легкія, есть особенный видъ, коль скоро этихъ различій достаточно для того, чтобъ отличить его отъ всякой другой купы особей ¹. Притомъ породы и видъ отличаются другъ отъ друга двоякаго рода фактами. Отъ одного вида къ другому никогда не бываетъ тѣхъ постепенныхъ переходовъ, о которыхъ говорить Исидоръ Жофруа; напротивъ, отъ одной породы къ другой эти переходы существуютъ даже въ видахъ, представляющихъ наиболѣе видоизмѣненій и разнообразія. Всѣ перекрестныя совокупленія *между видами* сопровождаются въ разной степени явленіями гибридаціи; а *между породами* тѣ же совокупленія ведутъ къ явленіямъ метисаціи.

Между разными человѣческими группами, мы находимъ всѣ возможные постепенные переходы, и совокупленіе между человѣческими группами представляетъ въ высшей степени всѣ признаки помѣси. Слѣдственно эти группы суть породы одного и того же вида. Подобно всѣмъ видамъ растительнаго и животнаго царства, и этотъ видъ измѣнчивъ: на него имѣетъ вліяніе и его преобразовываетъ среда. Это дѣйствіе совершается у насъ передъ глазами въ породахъ, которыя только еще образуются; въ породахъ уже установившихся оно еще замѣтнѣе; но однакожь измѣненія въ челоуѣкѣ никогда не доходятъ до крайнихъ предѣловъ, до которыхъ они, какъ дознано, простираются у растеній и животныхъ, ибо челоуѣкъ, благодаря своему уму, всегда болѣе или менѣе умѣетъ отбійтаться отъ вліянія среды.

Таково рѣшеніе, даваемое моногенизмомъ на задачу, указан-

¹ Я не могъ лучше выразить мои собственныя понятія, какъ занимствовавъ это мѣсто изъ книги г. Исидора Жофруа. Очевидно, что въ общихъ выводахъ совпаденіе между нимъ и мною простирается даже до формы, въ какой выводы эти изложены. Конечно вѣтъ сомнѣнія, что оба мы, безъ вѣдома другъ друга, сравнили видъ съ древеснымъ стволомъ, а породы съ древесными вѣтвями; г. Жофруа привелъ это сравненіе въ своей книгѣ, и вѣроятно приводилъ его при изустномъ преподаваніи, также какъ и я на лекціяхъ моего курса.

ную въ началѣ настоящаго нашего труда. Чтобы достигнуть этого рѣшенія, моногенизмъ ограничивается только тщательнымъ изученіемъ фактовъ, группированіемъ ихъ, и объясненіемъ сообразно съ законами общей физиологіи. Можно ли утверждать, чтобъ ученіе это устраняло всѣ трудности, чтобъ оно неоспоримо опровергало всѣ возраженія? Конечно, нельзя; но эти трудности чрезмѣрно преувеличены, эти возраженія рѣдко бываютъ серіозны, часто между ними попадаются такіа, которыя только обнаруживаютъ неосновательность полигенистическихъ ученій. Наше изслѣдованіе было бы неполно, еслибы мы не вошли по этому предмету въ нѣкоторыя подробности. Подвергнемъ же пересмотру главные доводы, на которые опираются противники мысли нами защищаемой.

Прежде всего устранимъ нѣкоторыя упреки, которые, по правдѣ, не составляютъ возраженій, и которыя, къ удивленію нашему, постоянно и у всѣхъ являются въ одной и той же формѣ. Съ тѣхъ поръ какъ начали обсуждать эти вопросы, на всякаго кто заговоритъ о дѣйствительности и постоянствѣ видовъ, а тѣмъ болѣе если выскажетъ увѣренность въ единствѣ человѣческаго рода, непремѣнно посылаются насмѣшки, сарказмы, даже ругательства. Очень жаль, что полигенисты и въ наше еще время прибѣгаютъ къ такому неблагоприятному оружію. Отъ этого упрека не свободна и американская школа, какъ всякая другая. Для нея моногенизмъ есть, по меньшей мѣрѣ, устарѣлая, отсталая гипотеза, основанная единственно на наследственныхъ предразсудкахъ, и на духѣ сектъ, недостойномъ XIX столѣтія; это, говорятъ, догматъ, а не ученая теорія; разумъ, окрыленный наукою, долженъ умѣть возноситься выше. Эту-то очень избитую тему американская школа приправляетъ иногда остроумными шутками, а иногда довольно тяжелыми возгласами. Послѣ такихъ знаковъ пренебреженія, послѣ столь гордыхъ объявленій, естественно было ожидать, что сами полигенисты не выйдутъ изъ предѣловъ поприща научнаго, и предоставятъ Моисеевы книги богословамъ, которыхъ они трактуютъ такъ сурово. Но вышло совсѣмъ не то! Чѣмъ болѣе полигенисты нападаютъ на догматъ, противорѣчащій ихъ теоріямъ, тѣмъ болѣе, кажется, они чувствуютъ, по временамъ, потребность согласовать эти теоріи съ Библіей. Отличнѣйшіе представители этой школы въ Америкѣ, слѣдуя путемъ открытымъ Пейрерою, издали въ этомъ

духъ нѣсколько большихъ сочиненій¹, и судя по отчетамъ о засѣданіяхъ нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ или *минимютовъ*, полигенисты не менѣе противниковъ своихъ смѣшиваютъ богословіе съ антропологіей. Зачѣмъ же они оказываютъ такъ много строгости къ этимъ противникамъ, и съ такою суровостью ставятъ имъ въ укоръ именно то, къ чему они сами всегда готовы прибѣгать?

Европейскіе полигенисты рѣже впадаютъ въ противорѣчіе, за которое мы указали. Но развѣ это даетъ имъ право говорить тѣмъ же тономъ, какъ американскіе, и отказываться принимать ученіе моногенистовъ подѣ тѣмъ предлогомъ, что оно согласовано съ какимъ-нибудь догматомъ? Очевидно, не даетъ. Есть два способа быть рабомъ какой-нибудь книги или какого-нибудь вѣрованія. Тотъ, кто вездѣ и всегда *отрицаетъ* все что находитъ или думаетъ находить въ книгѣ и вѣрованіи, столько же несвободенъ отъ предразсудковъ, сколько и тотъ, кто слѣпо стоитъ за то и другое. Ищите ли вы въ Библии доводовъ въ пользу или противъ какого-либо вопроса естественной исторіи, или порочите рѣшеніе этого вопроса за то, что оно согласно съ догматомъ истиннымъ или ложнымъ, во всякомъ случаѣ вы примѣшиваете къ наукѣ чуждыя ей соображенія. Разницы нѣтъ въ томъ, что вы берете за исходную точку, утвержденіе или отрицаніе. Богословіе вывороченное на изнанку остается тѣмъ же богословіемъ. А потому тѣмъ, кто говоритъ лишь отъ имени науки, полигенисты должны отвѣчать доводами исключительно заимствованными изъ того же источника, иначе они сами заслужатъ тѣ удрѣки, которыми такъ щедро осыпаютъ другихъ.

«Но, отвѣчаютъ намъ, всѣ моногенисты очень дурно дѣлали и продолжаютъ дѣлать, что для поддержанія своихъ идей ссылаются на такіе авторитеты, противъ которыхъ не дозволено спорить².» Это возраженіе, по меньшей мѣрѣ, странно. Хотя моногенизмъ, подобно полигенизму, но никакъ не болѣе его, въ рядахъ своихъ приверженцевъ имѣетъ богослововъ, за то у него гораздо болѣе чѣмъ у его противника такихъ послѣдователей, которые никогда не уклонялись съ почвы естественныхъ наукъ. Укажемъ только на трехъ: Брюссонъ, Мил-

¹ См. преимущественно *Types of Mankind*.

² *De la pluralité des races humaines*, par George Pouchet.

леръ и Гумбольдтъ ужъ вѣрно ни откуда кромѣ науки не почерпали своихъ убѣжденій. Пусть же раскроютъ *Естественную исторію (Histoire naturelle)*, *Руководство къ физиологii (Manuel de physiologie)* или *Космосъ*; ни въ одной изъ этихъ книгъ не найдутъ они доводовъ извлеченныхъ изъ Библии, а между тѣмъ найдутъ мнѣнія вполнѣ согласныя съ нашими, выводы подобныя нашимъ выводамъ. Правду сказать, мы только слѣдовали по пути проложенному этими великими учеными, и читатели сами рѣшатъ, прибѣгали ли мы къ авторитетамъ сверхъестественнымъ. Оставимъ же въ сторонѣ эти неосновательныя и неточныя возраженія, не станемъ оспаривать ничьихъ религиозныхъ или философскихъ вѣрованій, и обратимся исключительно къ тѣмъ однимъ возраженіямъ, которыя заслуживаютъ того, чтобъ ими заняться, къ возраженіямъ, предъявляемымъ отъ имени самой науки.

Конечно, мы не можемъ почестъ серьезными тѣ возраженія, которыя основываются только на сомнительности нѣкоторыхъ результатовъ обыденной практики. Совершенно справедливо, что между ботаниками и зоологами не безъ труда устанавливается соглашеніе относительно нѣкоторыхъ видовыхъ разграниченій, и что нерѣдко одни изъ нихъ почитаютъ отдѣльными видами то, въ чемъ другіе видятъ породу или простую разновидность; но число этихъ разногласій во мнѣніяхъ излишне преувеличено. Говоря языкомъ классификаторовъ, мы скажемъ, что на каждый *сомнительный видъ* найдется сотня *очень точно определенныхъ*, относительно которыхъ всѣ согласны между собою. Подвергать сомнѣнію дѣйствительность вида на основаніи встрѣчающейся иногда трудности примѣнить понятіе къ отдѣльному случаю, значить почти то же, что отрицать существованіе астрономическихъ законовъ на томъ только основаніи, что результаты наблюденій надъ свѣтилками не совпадаютъ точь-въ-точь съ вычисленіемъ, что результаты полученные двумя равно искусными наблюдателями не всегда бываютъ тождественны, и что между самими математиками является иногда большое разнорѣчіе во мнѣніяхъ, относительно нѣкоторыхъ частныхъ теорій. Тѣмъ не менѣе это возраженіе чаще другихъ противопоставляется людямъ, которые даютъ виду, въ современномъ общемъ порядкѣ вещей, то мѣсто, какое приписываемъ ему и мы. Правда, что такъ возражаютъ люди незнакомые съ ботаникой и зоологіей, слѣдственно никогда не занимавшіеся видовыми опредѣленіями,

люди, которые поэтому легко впадаютъ въ преувеличенное понятіе о числѣ и важности нѣкоторыхъ разногласій во мнѣніяхъ, нѣкоторыхъ невѣрностей, неизбѣжныхъ во всякомъ практическомъ примѣненіи какой бы то ни было науки.

Во всякомъ случаѣ, изъ числа палеонтологовъ нѣсколько человекъ, истинно ученыхъ, были такъ поражены этими разногласіями и невѣрностями, что и сами усомнились въ дѣйствительности вида. Г. Омалиусъ д'Аллау, котораго Институтъ давно принималъ въ свои члены, какъ одного изъ отличнѣйшихъ европейскихъ геологовъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ настаивалъ на этомъ пунктѣ при одномъ торжественномъ случаѣ, и какъ человекъ болѣе прямодушный чѣмъ большая часть тѣхъ, которыхъ онъ поддержалъ своимъ справедливо уважаемымъ именемъ, высказалъ нѣкоторыя заключенія ¹. По его мнѣнію, «видъ не есть что-нибудь болѣе ясно очерченное чѣмъ прочія дознанныя наукою измѣненія въ произведеніяхъ естественныхъ силъ.» Это, по его словамъ, не иное что какъ искусственная группа, почти такая же какъ *родъ, племя, семья*. Думаемъ, что мы уже заранѣе дали отвѣтъ на это мнѣніе знаменитаго бельгійскаго геолога, и безъ особеннаго труда понимаемъ, какимъ образомъ оно постепенно развилось у него самого и у другихъ ученыхъ, занимавшихся тѣмъ же предметомъ. Дабы судить о сродствахъ, палеонтологъ можетъ руководствоваться только матеріальными сходствами и различіями; онъ не занимается физиологіей; у него передъ глазами только неполныя, преимущественно же мертвыя существа. Между ископаемыми нѣтъ ни отцовъ, ни матерей, ни дѣтей; мысль о физиологической семьѣ, тѣмъ болѣе о послѣдовательномъ рядѣ (филиаціи) подобныхъ семей, никогда не можетъ быть ему внушена его собственными наблюденіями. Въ дѣйствительности онъ изучаетъ только особи. Итакъ въ понятіи, какое палеонтологъ составляетъ себѣ о видѣ, всегда будетъ болѣе или менѣе изглажено одно изъ представленій, которыя, какъ мы уже видѣли, необходимы для того чтобы получить о видѣ точное понятіе. Отъ этого становится невозможнымъ ясно отличать породу отъ вида, и они неизбѣжно смѣшиваются. А отсюда уже не далеко до того, чтобы усомниться въ дѣй-

¹ Речь о видѣ, произнесенная г. Омалиусомъ д'Аллау въ публичномъ засѣданіи отдѣленія наукъ Бельгійской королевской академіи наукъ, литературы и искусствъ.

ствительности различіи видовъ, и счесть ихъ условными группами. Слѣдственно, высказывая свои заключенія, г. Омаіуэсъ поступилъ совершенно логично.

Люди изучившіе живую природу пришли къ выводамъ совсѣмъ другимъ. Кто же правъ? Мы старались доказать это, и съ удовольствіемъ можемъ поставить, на ряду съ прямыми доказательствами, изложенными въ нашихъ статьяхъ, то доказательство, которое вытекаетъ изъ *единодушнаго* согласія между натуралистами, столь различными по умственнымъ качествамъ и направленію. И здѣсь, вмѣсто того чтобы говорить отъ собственного имени, мы предпочитаемъ привести буквально слова зоолога, которому всѣ его сочиненія, особенно же послѣднія, даютъ безспорное право стоять во главѣ французской философской школы. Тотчасъ послѣ приведеннаго уже нами сравненія, г. Исидоръ Жофруа говоритъ: «Въ этомъ состоитъ видъ, и въ этомъ состоитъ порода, не только по мнѣнію какой-либо одной изъ школъ, на которыя раздѣлились натуралисты, но по мнѣнію всѣхъ ихъ, ибо какъ ни важны ихъ несогласія относительно происхожденія и предварительныхъ фазисовъ существованія видовъ, это не пренатస్తుуетъ имъ всѣмъ одинаково стараться о различеніи и опредѣленіи вида и породы. Пока дѣло идетъ только о теперешнемъ состояніи органическихъ существъ, всѣ натуралисты держатся одинаковаго мнѣнія (и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что такое согласіе господствуетъ лишь въ этомъ одномъ отношеніи), или по крайней мѣрѣ такъ дѣйствуютъ, что кажется, будто они совершенно одного мнѣнія... Итакъ, отъ Кювье до самаго Ламарка, всѣ имѣютъ одинакое понятіе о видѣ, съ точки зрѣнія *таксономической* ¹.» Конечно, нуженъ былъ очень сильный авторитетъ, чтобы вынудить теоріи всѣхъ школъ слиться въ одно при рѣшеніи вопроса столь общаго и важнаго; а въ чемъ можетъ состоять этотъ авторитетъ, если не въ истинѣ, обнаружившейся такъ явно, что невозможно отрицать ея?

Это согласіе, столь громко провозглашенное людьми наиболѣе пользующимися довѣріемъ, должно вразумить антропологовъ, которые, будучи болѣе или менѣе не знакомы съ есте-

¹ Послѣ этого столь рѣшительнаго свидѣтельства, подтвержденнаго въ сочиненіи г. Жофруа всѣми нужными доказательствами, что должно думать объ увѣреніи полигенистовъ, будто между натуралистами существуетъ въ этомъ отношеніи совершенный разладъ?

ственными науками, и не занимавшись труженически, какъ говорить г. Годронъ, *исследовавши ея*, съ необъясненною самоувѣренностью приступаютъ къ этой многосложной задачѣ, и рѣшаютъ ее въ смыслъ противномъ *всѣмъ натуралистамъ*. Не привыкли судить со словъ какого-нибудь наставника, мы никогда не требовали этого и отъ другихъ. Тѣмъ не менѣе, какъ скоро дѣло идетъ о вопросѣ специальномъ, кажется намъ, тотъ болѣе заслуживаетъ довѣрія, кто болѣе занимался этимъ вопросомъ, и какъ скоро эти естественные судьи, несогласные между собою во множествѣ другихъ предметовъ, выражаютъ объ этомъ вопросѣ совершенно одинаковое мнѣніе, то трудно увѣрить насъ, что они не правы. По крайней мѣрѣ, мы сочтемъ своею обязанностью тщательно пересмотрѣть и обсудить всѣ документы, прежде чѣмъ станемъ протестовать противъ рѣшенія такихъ судей. Поэтому, думаемъ, что не выкажемъ чрезмѣрной требовательности, если попросимъ антропологовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, чтобъ они серьезно занялись *еядами*, прежде чѣмъ рѣшали, что *еяды вообще* не есть то, что въ немъ видѣли школы и философская и положительная,—Дамаркъ также какъ и Кювье.

Но, скажете вы, согласіе, о которомъ вы говорите, существуетъ только въ отношеніи къ теперешнему порядку вещей. Между натуралистами согласіе тотчасъ прекращается, какъ скоро они хотятъ стать выше факта господствующаго надъ ними и тѣснѣщаго ихъ, какъ скоро они хотятъ добраться до источниковъ; тогда миръ у нихъ замѣняется войною. Это правда, и въ этомъ-то заключается оправданіе метода принятаго при подобныхъ изысканіяхъ. Насъ винили въ робости; мы думаемъ, что мы были только осторожны. Мы знаемъ по опыту то сильное любопытство, тѣ бурные порывы ума, которые и самаго благоразумнаго челоуѣка уносятъ за предѣлы времени и пространства. Подобно всѣмъ разыскивающимъ тайны природы, мы по временамъ раздражались, возмущались противъ этихъ тайнъ. Наскуча словами: «что жъ я знаю?» или: «я ничего не знаю», которыя ученымъ людямъ частенько приходится повторять, мы не разъ покидали поприще дѣйствительности, и блуждали мыслию въ мірѣ возможностей. Мы сочиняли сами себѣ разные романы, которые находили прекрасными; но удобство, съ какимъ мы дѣлали разные перемѣны въ этихъ романахъ, вразумило насъ, что такое за вещь романъ, и вотъ почему, какъ скоро дѣло идетъ объ *истинной наукѣ*, мы проворно возвращаемся къ тѣмъ

временамъ и мѣстамъ, которыя могутъ быть доступны опыту, наблюденію, то-есть къ теперешнему періоду, къ известной намъ природѣ.

« Всею на свѣтѣ предшествуетъ періодъ образованія, котораго довольно вѣрнымъ изображеніемъ можетъ служить жизнь зародыша. » Это справедливо, по крайней мѣрѣ на нашемъ шарѣ. Наша планета, со всѣмъ къ ней принадлежащимъ, съ безжизненными тѣлами и съ существами органическими подвергалась переворотамъ, пережила разные состоянія: объ этомъ свидѣтельствуетъ геологія. Въ эти первоначальныя времена, общія условія были совсѣмъ не такія какъ теперь. А потому *возможно*, что проявленія жизни были тогда иные чѣмъ теперь; *возможно*, что сродство, совокупленіе, плодородность животныхъ не были замкнуты въ теперешнихъ предѣлахъ; *возможно*, что тогдашніе виды были измѣнчивѣе нежели въ настоящее время, хотя этого ни по чему не видно; *возможно*, что гибридация была тогда столь же легка какъ метисация въ настоящее время, и что изъ гибридовъ образовывались промежуточные, средніе виды, хотя и объ этомъ ничего не обнаруживаетъ палеонтологія; *возможно* наконецъ, « что теперь виды перестали измѣняться, потому что они уже измѣнялись, сколько могли. » Но къ чему могутъ вести всѣ эти *возможности* и еще многія другія, которыми желаютъ, кажется, доказать, что и *при теперешнемъ порядкѣ вещей* нѣтъ нужды различать видъ отъ породы, а слѣдственно и признавать видъ дѣйствительно существующимъ? Развѣ по тому одному, что въ древніе вѣка міра естественныя явленія были не тѣ, какія свойственны нашему вѣку, слѣдуетъ подвергать сомнѣнію то, о чемъ доказано, что оно существуетъ теперь? Очевидно нѣтъ; и точно такимъ же образомъ несходство во мнѣніяхъ натуралистовъ о *зародышномъ періодѣ* міра не разрушаетъ ихъ единодушнаго мнѣнія о томъ, « какъ должно понимать видъ съ точки зрѣнія таксономической » въ настоящее время. Какая цѣль нашихъ изысканій? Не надобно забывать, что мы стараемся рѣшить, къ отдѣльнымъ ли видамъ, или къ породамъ одного и того же вида принадлежать человѣческія группы, въ *настоящее время* разбѣяныя на поверхности земнаго шара. Слѣдовательно, весь вопросъ относится къ *теперешнему времени*, и весь касается таксономіи¹; а слѣдственно,

¹ *Таксономія*—та отрасль естественныхъ наукъ, которая занимается опредѣленіемъ и классификаціею видовъ.

согласіе между разными школами, на которое указываемъ мы вмѣстѣ съ г. Жошеруэ, сохраняетъ все свое значеніе.

Изъ всего предыдущаго истекаетъ, что, прежде чѣмъ обсуждать антропологическіе вопросы, необходимо нужно составить себѣ ясное понятіе о *видѣ* и *породѣ*. Необходимо, по крайней мѣрѣ, опредѣлять значеніе словъ, на которыхъ держится весь споръ. Сообразуются ли полигенисты съ этими основными условіями всякаго серьезнаго пренія? Нисколько. Огромнѣйшее большинство ихъ ограничивается только тѣмъ, что критически разбираетъ опредѣленіе вида, какъ оно было предложено, или какъ было, по ихъ мнѣнію, формулировано тѣми, на кого они нападаютъ; но сами они не предлагаютъ своего опредѣленія, не говорятъ о *породѣ*. Многіе изъ нихъ даже явно смѣшиваютъ видъ съ *породой*. Вотъ, напримѣръ, какъ выражается въ предисловіи къ своему сочиненію г. Пуше: «заключеніе, къ которому мы приходимъ, именно *многочисленность первобытныхъ породъ*, иначе говоря—*многочисленность видовъ* человеческого рода, можетъ показаться натянутымъ...» Есть даже такіе полигенисты, напримѣръ Ноксъ, которые просто объявляютъ, что въ ихъ глазахъ слова: *видъ*, *порода*, *разновидность*, не имѣютъ никакой важности, что они понятны, хотя и не могутъ быть опредѣлены. Какъ придти къ соглашенію, или лучше сказать, какъ спорить съ подобными противниками, которые не открываютъ вамъ даже смысла употребляемыхъ ими словъ, не объясняютъ опредѣлительно того, о чемъ идетъ рѣчь, смѣшиваютъ такимъ образомъ два предмета, различаемые всѣми натуралистами, и тѣмъ не менѣе, во имя науки и философіи¹, утверждаютъ, что вы побѣждены?

Вожди американской школы хотя не заслуживаютъ въ такой же степени этого упрека, важность котораго читатель можетъ теперь понять, однакожъ и они заложили свое ученіе далеко не съ тою ясностью, какой требуетъ ученый споръ. Мортонъ, Ноттъ, Гландонъ ничего не говорятъ о *породѣ*, и ограничиваются только опредѣленіемъ вида. Эти опредѣленія у нихъ такъ не ясны, что точное приложеніе ихъ сопряжено съ

¹ Слово *философія* чаще всѣхъ другихъ встрѣчается въ сочиненіяхъ полигенистовъ. Изъ того какъ оно иногда примѣняется ими, можно заключить, что въ глазахъ полигенистовъ ни Бюссонъ, ни Жошеруэ Сентъ-Илеръ, ни самъ Ламаркъ не заслуживаютъ названія философовъ-натуралистовъ.

Большими трудностями. Вотъ Мортонново опредѣленіе: «видъ есть первобытная органическая форма.» Ноттъ говоритъ, что видъ «есть типъ или постоянная органическая форма, которая въ теченіе вѣковъ, подъ противоположными вліаніями климата, не подверглась никакой перемѣнѣ.» Ясно, что эти опредѣленія имѣютъ въ виду только форму и матеріальные признаки; физиологическая идея филіаціи тутъ нисколько не замѣшана, такъ что, если судить съ этой точки зрѣнія, слѣдовало бы мошанскихъ и анконскихъ овецъ, столь не сходныхъ съ своими отцами и матерями, признавать отдѣльнымъ овечьимъ *видомъ*, или составить новый *видъ* бычьей породы изъ дургамскихъ быковъ.

Американскіе полигенисты, очевидно, сами понимали, сколько эти опредѣленія не полны и не точны. Они пытались сдѣлать ихъ болѣе раціональными, допустивши, что существуютъ многіе *сорты видовъ*¹. Только тогда они приняли во вниманіе филіацію; но тогда же строгая логика фактовъ привела ихъ такъ близко ко всѣмъ натуралистамъ, что, сдѣлавъ еще шагъ впередъ, они пришли бы къ тѣмъ же выводамъ, какъ и всѣ натуралисты. Мортонъ принимаетъ три *вида видовъ*: «*виды отдаленные* (remote species), между которыми никогда не бываетъ гибридовъ; *виды союзные* (allied species), которые производятъ гибридовъ, но эти гибриды не плодотворны; *близкіе виды* (proximate species), которыхъ гибриды плодотворны.» Ноттъ и Глиддонъ, принявъ три рода видовъ, придуманные Мортонномъ, присоединяютъ къ нимъ еще *группу*, которую опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ: «подъ этимъ названіемъ мы разумѣемъ всѣ близкія *породы* или *виды*, которые наиболѣе сходствуютъ по своему типу, и принадлежатъ по географическому распредѣленію къ извѣстнымъ зоологическимъ областямъ, напримѣръ группа американскихъ туземцевъ, группы Монголовъ, Малайцевъ, негровъ и т. д.» Мы сочли нужнымъ перевести эти два мѣста буквально: достаточно будетъ немногихъ словъ, чтобы показать, какія изъ этого вытекаютъ слѣдствія.

Замѣтимъ во первыхъ, что гг. Ноттъ и Глиддонъ не ставятъ никакого различія между словами *порода* и *видъ*. Въ

¹ Очевидно, что мысль о многихъ *видахъ видовъ* никогда не могла бы придти въ голову натуралисту; занимался ли бы онъ ботаникой, или геологіей.

Европѣ, отъ Линнея до Декандоля, отъ Бюффона и Кювье до Жоффуа Сентъ-Илера, всѣ ботанисты, всѣ зоологи употребляли эти слова для обозначенія предметовъ совершенно различныхъ. Хотя нѣкоторые называли породу *наслѣдственною разновидностью*, однакожь такое различіе въ словахъ нисколько не касалось понятій; различіе существующее въ фактахъ переводимо было всегда на слова. Объ этомъ-то различіи американская школа, повидимому, совершенно забыла. Для нея въ природѣ нѣтъ *породъ, разновидностей*, а существуютъ только *виды*. Однакожь, несмотря на какую бы то ни было зрѣнѣ усвоенную систему, нѣкоторые факты нѣтъ никакой возможности отрицать. Поэтому Мортонъ былъ вынужденъ установить *категоріи видовъ*, и гдѣ же онъ сталъ искать средствъ къ ихъ различенію? Въ скрещиваніяхъ, въ большемъ или меньшемъ плодородіи, которыми они сопровождаются, то-есть поступилъ совершенно такъ же, какъ натуралисты, которыхъ труды за минуту передъ тѣмъ были имъ забыты.

Но подумала ли американская школа, ступивъ разъ на эту почву, которую ученая Европа такъ тщательно разрабатываетъ со временъ Линнея и Бюффона, обратить вниманіе на пріобрѣтенные уже результаты, съ тѣмъ чтобъ ихъ усвоить, или опровергнуть? Нѣтъ. Она различаетъ виды, между которыми скрещеніе невозможно, тѣ, которые даютъ лишь безплодныхъ гибридовъ, но смѣшиваетъ въ одну категорію всѣ тѣ, отъ скрещенія которыхъ можетъ родиться животное плодородное до извѣстной степени. Такимъ образомъ плодородіе, ограничивающееся только двумя или тремя поколѣніями, само собою прекращающееся, или возвращающее потомковъ къ типу предковъ, не отличено Мортонъ и его послѣдователями отъ непрерывной, безусловной производительности, которая связываетъ и сливаетъ группы самыя несходныя на взглядъ, посредствомъ безконечнаго множества промежуточныхъ группъ. Всѣ эти столь точные опыты, произведенные Кельрейтеромъ, Гертнеромъ, Найтомъ, Вигманномъ надъ растениями, Бюффономъ, Фридерикомъ Кювье, Жоффуа Сентъ-Илеромъ, Флурансомъ, Исидоромъ Жоффуа—надъ животными, всѣ эти факты, которые такъ легко подмѣтить въ нашихъ садахъ, въ нашихъ птичныхъ и скотныхъ дворахъ, для полигенистовъ какъ будто не существуютъ. Скажите по совѣсти, можно ли такъ дѣйствовать нешутя? и американская школа, поступая подобнымъ образомъ, заслуживаетъ ли тѣхъ шумныхъ похвалъ, которыми

такъ щедро осыпають ее нѣкоторые антропологи, утверждающіе, будто наука въ Европѣ, особенно же во Франціи, еще находится подъ гнетомъ достойныхъ сожалѣнія предрасудковъ, будто она есть что-то въ родѣ невольницы, которая только въ Америкѣ и можетъ приобрести нужную ей свободу?¹

Но забывая о трудахъ своихъ предшественниковъ, достигаютъ ли американскіе антропологи, по крайней мѣрѣ, до выводовъ дѣйствительно иныхъ? Нѣтъ. Мы вынуждены опять повторить: факты говорятъ слишкомъ громко, и кто нѣсколько глубже станетъ изучать и анализировать ихъ, тотъ неминуемо встрѣтится съ моногенистами, даже и не подозревая того. Ноттъ, принявъ въ первомъ сочиненіи, которое составилъ обще съ Гляддономъ, всѣ идеи своего учителя, посвятилъ особенную главу, самимъ имъ написанную, изслѣдованію о животной гибридаціи, разсматриваемой въ ея отношеніи къ изученію человѣка. Мортонъ уже допустилъ разные *виды видовъ*; онъ допускаетъ теперь разныя степени гибридаціи, различающіяся большею или меньшею плодородностію гибридовъ. Плодородность четвертой и послѣдней степени у него названа *неограниченною* (unlimited); о ней сказано, что она замѣчается только между видами крайне близкими другъ къ другу (closely proximate species). Не очевидно ли, эти виды, столь близкіе между собою, что отъ скрещенія ихъ происходитъ потомство безконечно плодотворное, суть не что иное какъ тѣ же наши породы, носяція же названіе и у всѣхъ ботанистовъ и зоологовъ Европы? Это такъ справедливо, что авторъ, желая привести примѣры *видовъ*, у которыхъ способна происходить подобнаго рода *гибридація*, не находитъ ничего, кромѣ тѣхъ самыхъ группъ, на которыя мы такъ часто указывали, говоря, что онѣ представляютъ явленія *метисаціи*, то есть ничего, кромѣ домашнихъ животныхъ и самого человѣка. Не содержится ли въ этомъ многознаменательномъ сближеніи новое доказательство, что, дойдя какимъ бы то ни было путемъ, и даже безъ собственнаго вѣдома, до понятія о *породѣ*, нельзя не причислить и человѣческія группы именно къ породамъ? Но ученикъ Мортонъ тщательно уклонился отъ употребленія словъ *порода* и *метисація*, или другихъ однозначительныхъ словъ;

¹ Эти увѣренія нѣкоторыхъ полигенистовъ тѣмъ болѣе странны, что, не восходя даже до Пейреры, можно доказать, что всѣ ихъ собственныя теоріи родились во Франціи.

онъ удержалъ слова *сидъ* и *гибридація*, и подъ щитомъ неясности, проницающей отъ того въ языкъ, продолжаетъ споръ, поддерживая его тѣмъ съ большею развязностію, что уже не стѣсняется болѣе своею собственною классификаціей разныхъ степеней гибридаціи.

До тѣхъ поръ пока рѣчь идетъ о животныхъ, и именно о степени, въ какой можетъ продолжаться ихъ плодородіе, Ноттъ преувеличиваетъ, даже искажаетъ значеніе фактовъ, которые какъ нельзя легче допускаются самыми рѣшительными моногенистами. Такъ, напримѣръ, описавъ опытъ, неполный и вмѣстѣ сомнительный, произведенный Гелленіусомъ, онъ говоритъ въ заключеніе: «ясно, что можно скоро получать и увѣковѣчить смѣшанную козье-овечью породу, скрестивъ вдругъ нѣсколько паръ барановъ и козъ ¹.» Напротивъ, какъ скоро дѣло коснется человѣка, онъ всѣми силами старается доказать, что между нѣкоторыми группами совокупленіе затруднительно, мало плодородно, или вовсе непроизводительно, и что потомство ихъ не поддерживается. Факты приводимые имъ въ доказательство этого заслуживаютъ подробнаго обсуждения, тѣмъ болѣе что нѣкоторые европейскіе полигенисты приняли ихъ со всѣмъ значеніемъ, какое старался имъ придать Ноттъ. Поговоримъ сперва о скрещиваніи Европейцевъ съ жителями Новой Голландіи.

Ноттъ выписываетъ слово въ слово слѣдующее мѣсто изъ сочиненія г. Жакино, полигениста весьма рѣшительнаго: «Нѣкоторые племена, живущія въ крестностяхъ Портъ-Джаксона, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убываютъ въ числѣ, и между ними можно указать лишь весьма немногихъ метисовъ, происходящихъ отъ смѣшенія австралійской и европейской крови. Такое отсутствіе метисовъ въ странѣ, гдѣ оба народа находятся въ постоянномъ соприкосновеніи, неоспоримо доказываетъ, что эти народы принадлежатъ къ разнымъ видамъ ².» Вотъ свидѣтельство весьма опредѣленное; будучи заявлено путешественникомъ, который въ этомъ случаѣ

¹ Въ одной изъ предыдущихъ статей нашихъ мы доказали, что опытъ Гелленіуса совершенно подобенъ опытамъ Кельрейтера и многихъ другихъ ботанистовъ надъ гибридаціею растительныхъ видовъ, рѣшительно неспособныхъ доставить гибридные породы.

² *Considerations générales sur l'anthropologie, suivies d'Observations sur les races humaines de l'Amérique méridionale et de l'Océanie*, par Honoré Jacquinot. Это сочиненіе входитъ въ составъ Дюмонъ-Дюрвилева *Путешествія къ южному полюсу*.

описываетъ, повидимому, только свои личные наблюденія, оно должно казаться весьма важнымъ; но нѣсколько далѣе самъ г. Жакино извѣщаетъ насъ, чѣмъ ограничили его наблюденія. Здѣсь мы въ свою очередь приведемъ изъ того же сочиненія нѣсколько мѣстъ, о которыхъ не упоминаютъ ни Ноттъ, ни другіе педигонясты, усвоившіе себѣ его мнѣнія. «Мы посѣщали, говорить г. Жакино, ново-голландскихъ туземцевъ только въ *одномъ мѣстѣ*, у Рафльской бухты, почти подъ 9 градусомъ южной широты; но описаніе, которое представляемъ о нихъ, можетъ относиться ко всемъ вообще туземнымъ жителямъ Новой Голландіи, ибо они повсюду одинаковы ¹... Мы видѣли у Рафльской бухты около двадцати человекъ... Мы не видали женщинъ; ихъ тщательно прячутъ.» Слѣдственно, г. Жакино, посмотрѣвъ только на двадцать человекъ, произнесъ приговоръ о цѣломъ населеніи огромнаго острова, который величиною равняется почти всей части Африки лежащей южнѣе экватора! Судя по этому-то образцу, онъ выводитъ положительное заключеніе почти о совершенномъ отсутствіи метисовъ и о различіи видовъ. Предоставляемъ это на судъ читателя.

Впрочемъ, совершенно справедливо, что вблизи первоначальныхъ колоній въ Новой Голландіи метисы не могли быть многочисленны. Извѣстно, какъ составились эти колоніи, и каковы были первые поселенцы: сюда высылались люди, которыхъ англійское общество изгоняло изъ своей среды; эти люди искали земель подъ пашни и луговъ для стадъ. Углубясь немного во внутренность страны, они встрѣтились съ народомъ, который, по самому свойству произведеній своей страны, былъ вынужденъ жить звѣроловствомъ. Надобно было отнять землю у этого народа. Извѣстно, какъ поступаютъ въ такихъ случаяхъ: Австраійцевъ истребляли желѣзомъ и огнемъ; ихъ травили, какъ въ Европѣ травятъ дикихъ звѣрей, и мѣстные присяжные нисколько не считали непозволительнымъ передъ казнію подвергать этихъ мнимыхъ людоедовъ пыткамъ ². Ужели это значить «жить въ соприкосновеніи на

¹ Нѣсколько далѣе авторъ прибавляетъ: «описать одно изъ этихъ племенъ, значить описать ихъ всѣ.» Мы уже видѣли, что должно думать объ этой мнимой тождественности.

² Свидѣтелемъ подобнаго происшествія былъ адмиралъ Дю-Пти-Туаръ, во время своего пребыванія въ Сидней. *Voyage autour du monde sur la frigate la Venus.*

одной и той же землѣ, какъ говорить г. Жаминно? Слѣдствіемъ этой страшной войны было удаленіе или истребленіе туземцевъ; лишь небольшое число ихъ осталось съ бѣлыми, которые приучили ихъ ко многимъ жалкимъ потребностямъ. Для удовлетворенія такихъ потребностей эти развращенные дикари прибѣгали къ средствамъ всякаго рода, между прочимъ къ проституціи своихъ женщинъ. Но кому неизвѣстно, какія слѣдствія проституція имѣетъ даже въ нашихъ большихъ городахъ? Удивительно ли, что путешественники встрѣтили въ населенныхъ мѣстахъ Новой Голландіи то же, что съ такою достовѣрностію засвидѣтельствовано г-мъ Паранъ-дю-Шатле о Парижѣ? Слѣдственно, обстоятельство, что отъ подобныхъ совокупленій происходило мало дѣтей, не должно никого удивлять. Прибавимъ однакожь, что эти совокупленія, и въ Австраліи какъ въ Европѣ, не всегда бываютъ безплодны; но австралійскіе мужья обыкновенно убиваютъ родящихся мулатовъ. Нѣкоторые полигенисты сомнѣвались въ вѣрности этого факта, или рѣшительно отрицали его, а въ новѣйшее время даже называли народною сказкой; но онъ подтверждается путешественниками жившими по нѣскольку лѣтъ среди этихъ туземцевъ, именно Коннингамомъ и Макензи¹; и пусть опять самъ читатель разсудитъ, которому свидѣтельству можно болѣе довѣрять.

Кромѣ того, дѣтоубійство вообще въ обычаѣ у многихъ самыхъ бѣдныхъ племенъ Австраліи. Если родятся двойни, одинъ изъ новорожденныхъ уже заранѣе осужденъ на гибель. У этихъ племенъ водится также, что если мать умираетъ, то зарываютъ вмѣстѣ съ нею въ могилу и груднаго ея ребенка; разказываютъ, что въ такомъ варварскомъ поступкѣ оказался виновнымъ Бенилангъ, дикарь, который, проживъ долгое время по-европейски въ Сиднеѣ и Англии, потомъ опять обратился къ кочевой жизни. Тѣмъ, кто выговаривалъ ему за это, онъ отвѣчалъ, что такъ какъ мать умерла, и никакая другая женщина не могла взяться за вскармленіе его сына, то, зарывъ малютку, онъ избавилъ его отъ смерти гораздо болѣе мучительной. Къ этимъ жестокимъ обычаямъ вынуждаетъ слѣдственно голодъ, и не удивительно, что Австраліецъ еще строже держится тѣхъ же обычаевъ въ отношеніи къ дѣтямъ, которыхъ чуждое происхожденіе доказывается ихъ цвѣтомъ. Но въ Австраліи есть округа, гдѣ пропитаніе жителей лучше обезпечено, гдѣ мать

¹ *Ten years in Australia.*

болѣе поспѣть внимать голосу природы, а названный отецъ—состраданію. Вотъ почему на берегахъ Моромбиджи и Моррей въ каждомъ племени можно найти очень много метисовъ. Это совершенно согласно показываютъ Вулверъ Эрпъ и Максонъ. Оба они приводятъ этотъ фактъ въ доказательство того, что Австраійки не очень цѣломудренны; слѣдственно оба они, не подозревая даже къ чему могли повести ихъ слова, свидѣлствуютъ, что показанія Жакино весьма не точны, и что онъ не въ правѣ ссылаться на нихъ для защиты полигенистическихъ ученій. «Въ Гобартъ-тоуэ, прибавляетъ г. Жакино, и во всей Тасманіи тоже нѣтъ метисовъ,» и эти слова, столь же утвердительно высказанныя, какъ и предыдущія, равнымъ образомъ выписаны Ноттомъ, и приводятся многими другими полигенистами. Но по крайней мѣрѣ на этотъ разъ никто изъ нихъ не прибавляетъ, чтобы черные и бѣлые жили на этомъ островѣ въ *соприкосновеніи*. Известно, какъ тамъ происходили дѣла. Въ 1803 году отправилось изъ Портъ-Джаксона, и попыталось водвориться на этой землѣ первое зерно колоніи, образовавшееся изъ солдатъ, поселенцевъ и англійскихъ *ссылныхъ преступниковъ*. Двадцать семь лѣтъ спустя, весь островъ уже былъ занятъ. Огромное большинство туземнаго чернаго населенія погребло; но и немногіе еще уцѣлѣвшіе были въ тягость пришельцамъ. Провозглашена военный законъ и устроили истинную *облаву*, которую Дарвинъ справедливо сравнилъ съ облавою употребляемою въ большихъ ость-индскихъ бойняхъ ¹. На это предпріятіе колонія выставляла по волонтеру съ каждыхъ шести человекъ населенія, и недержала 700.000 франковъ денегъ ²; но за то вся черная порода скоро была истреблена, или вынуждена покориться. Этимъ уцѣлѣвшимъ назначили земли сперва въ Гретъ-Айландъ, но въ 1835 году ихъ всѣхъ перевезли на островъ Флиндерсъ. Въ это время, по увѣренію графа Стрѣлецкаго, ихъ было только 210 человекъ; въ 1838, изъ нихъ осталось 82, а въ 1842—44 человекъ; дѣтей, со времени переселенія, у нихъ родилось не болѣе 14 человекъ ³; наконецъ въ 1852 году, дѣторожденіе совсѣмъ прекратилось, и остались

¹ *Journal of Researches into the natural history and geology.*

² Г. Блосвиль.

³ Это ослабленіе плодородія тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ прежнее время Перонъ былъ пораженъ многочисленностью дѣтей у этого народа.

въ живыхъ лишь немногіе старики ¹. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что теперь отъ этой породы остались только бѣсты привезенные г. Дюмутье, и хранящіеся въ коллекціяхъ Музея ². Конечно, когда между завоевателями и покоренными существуютъ подобныя отношенія, то нечего удивляться малочисленности скрещиваній, а слѣдственно и метисовъ. Однакожъ г. Блосвиль, болѣе всѣхъ другихъ писателей учававшій колоніи англійскихъ ссыльныхъ поселенцевъ, свидѣтельствуетъ, что сначала въ Тасманіи было больше метисовъ чѣмъ въ Сидней, и говоритъ, что послѣдніе изгнанники, стѣнные и распространявшіеся вокругъ хлѣбопашествомъ, и поголовнымъ ополченіемъ бѣлыхъ, были еще метисы. Это свидѣтельство тѣмъ болѣе достовѣрно, что оно почти невольно сообщено такимъ писателемъ, котораго антропологическій вопросъ нисколько не интересовалъ, и который лишь мимоходомъ упоминаетъ о томъ, что онъ видѣлъ, занимаясь собою другимъ дѣломъ. Въ виду такихъ фактовъ, я думаю, политенисты перестанутъ отыскивать въ Австраліи и на Ванъ-Дименовой Землѣ образцы бесплодныхъ скрещиваній между человѣческими группами.

По крайней мѣрѣ самые метисы, проходящіе отъ этихъ совокушеній, не доставятъ ли полигенистамъ действительныхъ доводовъ? Въ особенности мулаты, дѣти африканскихъ негровъ и Европейцевъ, отличаются ли они признаками, которые мы признаемъ принадлежностью гибридовъ? Такъ ли они мало плодородны при совокушеніяхъ между собою, чтобы мулатское населеніе, если оно не смѣшивается съ другими породами, необходимо должно было въ короткое время пресѣчься? И здѣсь сошлемся на свидѣтельство фактовъ. Безспорно самые важные изъ нихъ, и именно тѣ, на которые полигенисты всего болѣе настаиваютъ, собраны докторомъ Лонгомъ на островѣ Ямаикѣ, и самимъ Ноттомъ въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ Американскаго Союза. По увѣ-

¹ Г. Блосвиль.

² Такое полное истребленіе цѣлой человѣческой породы, которой исключительныя особенности обратили на себя вниманіе всѣхъ путешественниковъ, которая имѣла свой собственный языкъ, по счастью сохраненный отчасти для науки (латамъ),—такое истребленіе составляетъ фактъ, объясняющій, какимъ образомъ, въ постепенномъ ряду человѣческихъ породъ, могли оказаться пробѣлы, замѣтные частью съ физическою точки зрѣнія, частью съ лингвистической.

решію доктора Лонга, браки между лнэйскими мулатами болъшею частью почти совершенно безплоды, и никогда не случалось ему слышать, чтобы дѣти родившіяся отъ подобныхъ браковъ доживали до совершеннолѣтія. Люизъ прямо отрицаетъ безплодность мулатовъ, но, повидимому, во второмъ увѣреніи соглашается съ Лонгомъ, ибо прибавляетъ, что дѣти у мулатовъ мало живутъ ¹. Что касается до Нотта, то вотъ нѣсколько предположеній, которыя онъ высказываетъ въ началѣ своего сочиненія, выдавая ихъ за результатъ своихъ мысленнй и медицинскои практикн: «Изъ всѣхъ чловѣческихъ породъ наименѣе долговѣчны мулаты; мулатки до крайности нѣжны: онѣ плохія воспроизводительницы, плохія кормилицы, онѣ подвержены выкидыванію, и дѣти у нихъ вообще умираютъ въ первомъ возрастѣ. Когда мулаты женятся между собою, они бываютъ менѣе плодородны чѣмъ когда совокупаются съ особами одной изъ первоначальныхъ породъ.»

Въ отвѣтъ на эти увѣренія, столь оцредѣленные, мы могли бы сослаться на свидѣтельство весьма многихъ путешественниковъ, которые именно утверждаютъ, что мулатки очень плодородны. Мы выберемъ свидѣтельство г. Гомброна: это сотрудникъ г. Жакино, и столь же рѣшительный полигенистъ, какъ и самъ Ноттъ. Вотъ что онъ говоритъ: ² «Въ продолженіе четырехъ-лѣтняго пребыванія моего въ Бразиліи, Чили и Перу, я забавлялся, наблюдая странное смѣшеніе негровъ съ туземцами; я велъ вѣрный счетъ дѣтямъ, которые во многихъ семействахъ рождались отъ браковъ бѣлыхъ съ негритянками, или съ Американками, негровъ съ Чилиянками или Перувианками, Американцевъ съ ихъ соотечественницами, и наконецъ негритянокъ съ неграми. Могу утверждать, что отъ браковъ бѣлыхъ съ Американками рождалось, среднимъ числомъ, наиболѣе дѣтей; за ними слѣдовали браки негровъ съ негритянками, а наконецъ негровъ съ Американками. ³ Въ нашихъ колоніяхъ связи между негритянками и бѣлыми бы-

¹ Всѣ эти подробности заимствованы мною изъ книги г. Брока, потому что я не могъ добыть ни Лонгово, ни Люизово сочиненіе.

² *De l'homme dans ses rapports avec la creation. (Voyage au pól sud.)*

³ Такимъ образомъ изъ трехъ сортовъ совокупленій доставляющихъ среднимъ числомъ наиболѣе дѣтей, два сорта принадлежали, по ученію полигенистовъ, къ совокупленію *ибридоовъ*, а совокупленіе между особами одного *вида* оказалось менѣе плодороднымъ, нежели между особами двухъ разныхъ *видовъ*, бѣлаго и краснаго.

звать малепроизводительны; но чрезвычайно плодородны связи между мулатками и бѣлыми, а также между мулатами и мулатками. Слабая степень производительности при связяхъ Американцевъ съ Американками, зависитъ вѣроятно отъ недостатка взаимной пылкости.» Слѣдственно, по свидѣтельству г. Гомбрана, связи между мулатами не только не уступаютъ въ производительности прямымъ связямъ черныкъ съ бѣлыми, но еще превосходятъ ихъ. Сверхъ того въ этой постепенной лѣстницѣ, *представляемой полигенностью, высшая степень плодородности является въ бракахъ между особями, которыя, по ученію полигенистовъ, суть гибриды, а меньшая степень—въ бракахъ особей одною и того же вида.* Не очевидно ли, что эта мнимая гибридація не иное что какъ метисація? Мало того, плодородность *вида* слабо-производительнаго даже усиливается, когда видъ скрещивается съ бѣлымъ или съ негромъ. Не ясно ли тутъ видны признаки *метисаціи*, самые разительные изъ всѣхъ, которыя нами были указаны?

Впрочемъ, дабы опровергнуть увѣренія Нотта, не захѣтъ искать фактовъ помимо его собственнаго сочиненія. Читатели видѣли, какъ общи и безусловны его положенія. И что же! Черезъ нѣсколько строкъ, по собственнымъ его словамъ, оказывается, что все это относится только къ Южной Каролинѣ. Въ разныхъ мѣстахъ своей записки онъ признаетъ, что въ Новомъ Орлеанѣ, Мобилѣ, Пенсаколѣ, то-есть въ штатахъ Луизианѣ, Флоридѣ и Алабамѣ, встрѣчаются мулаты крѣпко сложенные, очень долговѣчные, мулатки весьма плодородныя и хорошо выкармливающія дѣтей своимъ молокомъ, и проч. Тогда онъ припоминаетъ, что южные штаты были исключительно населены Французами и Испанцами, у которыхъ у всѣхъ болѣе или менѣе примѣшано баскской крови. А какъ по мнѣнію, которое увидимъ въ послѣдствіи, всѣ эти породы принадлежатъ къ различнымъ между собою *видамъ*, и преимущественно весьма отличнымъ отъ *единственнаго истинно-бѣлаго* вида, тевтонскаго или англо-саксонскаго ¹: то онъ находить стало-быть весьма естественнымъ, что эти *виды* темно-кожіе, слѣдственно менѣе бѣлыхъ далекіе отъ негровъ, скрещиваются легче съ неграми, и даютъ потомство крѣпче сложенное и болѣе производительное. Г. Брока хотя выра-

¹ Strictly white-roce (i. e. the Anglo-saxon or Tewton).

жаются нѣсколько осторожнѣе, приходитъ однако къ тѣмъ же самымъ заключеніямъ, и также допускаетъ, что отъ скрещиванія англо-саксонской породы съ негритянскою происходятъ метисы менѣе плодородные чѣмъ метисы отъ породъ кавказскихъ, болѣе или менѣе темно-цвѣтныхъ.

Еслибы даже всѣ эти факты были совершенно вѣрны, какой доводъ могутъ полигенисты извлечь изъ нихъ въ пользу своего ученія? Развѣ мы не видимъ ежедневно, что нѣкоторыя породы домашнихъ животныхъ не съ одинакою легкостью скрещиваются между собою, и даютъ потомство не въ равной степени хорошее? Этотъ фактъ извѣстенъ всѣмъ скотоводамъ, и сверхъ того онъ объясняется общими началами, на которыхъ зиждется образованіе породъ. Слѣдственно даже и въ такомъ случаѣ, еслибы негръ былъ болѣе способенъ скрещиваться съ Испанцемъ или Французомъ чѣмъ съ Англо-Саксомъ, нисколько не слѣдовало бы, что эти три группы образуютъ три *вида*. Но самый этотъ фактъ не точенъ; при *условіяхъ благоприятныхъ*, Англичанинъ производитъ крѣпко-сложенныхъ мулатовъ, точно также какъ народы южной Европы. Доказательства на это доставляетъ самъ Ноттъ.

Дѣйствительно, если колонія въ Луизианѣ были заведены латинскимъ племенемъ, если этому племени можно приписать, правда не заслуженно, происхожденіе всѣхъ здоровыхъ мулатовъ, живущихъ теперь въ этомъ штатѣ, во всякомъ случаѣ нельзя того же сказать о Флоридѣ и Алабамѣ. Извѣстно, что Флорида всегда была испанскою колоніей только по имени. Путешествія Бертрама свидѣтельствуютъ о положеніи, въ какомъ находилась эта страна черезъ десять лѣтъ послѣ уступки ея Англичанамъ.¹ Повсюду она была занята и заселена туземцами, среди которыхъ лишь кое-гдѣ появлялись немногіе торговцы *англійскаго племени*. Къ тому же народу принадлежали и санъ-жуанскіе колонисты; наконецъ, именно на *англійскомъ* языкѣ приветствовали Индѣйцы путешественника, по прибытіи его въ Талагасохту. Слѣдственно очевидно, что Флориду колонизовала и заселяла бѣлыми англо-

¹ Испанія уступила Флориду Англіи въ 1763; потомъ она опять приобрѣла ее на нѣсколько лѣтъ, но не озаботилась даже возстановить крѣпости, которыя были у нея прежде въ этой странѣ и которыхъ остатки видѣлъ Бертрамъ, начавшій свои путешествія въ 1774 г. *ogleg*

саксонская порода: этого отрицать нельзя. То же слѣдуетъ замѣтить и объ Алабамѣ, древнемъ отечествѣ Верхнихъ Криковъ. Бѣлое населеніе этой страны все прибыло изъ Соединенныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ, мулаты во Флоридѣ и Алабамѣ по крайней мѣрѣ столько же состоятъ въ родствѣ съ англо-саксонскою породой, сколько луизианскіе мулаты съ французскою, а мы уже видѣли, что самъ Ноттъ приписываетъ имъ одинакую степень долговѣчности и плодородности. Слѣдственно, по его собственному свидѣтельству, оказывается, что развитіе этихъ качествъ у мулатовъ не имѣетъ никакого действительнаго отношенія къ разницѣ бѣлыхъ племенъ, отъ которыхъ мулаты произошли.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что мы хотимъ отрицать показанія Нотта относительно Южной Каролины? Нисколько. Пропротивоположность, которая оказывается чрезъ это въ фактахъ имъ сообщаемыхъ, лишь подтверждаетъ то, что мы говорили въ другомъ мѣстѣ. ¹ Мы уже говорили о наблюденіяхъ Этвика и Лонга на островѣ Ямайкѣ, о замѣчаніяхъ доктора Айвона, изъ которыхъ оказывается, что на островѣ Явъ метисы отъ Голландцевъ и Малайцевъ не имѣютъ потомства далѣе третьяго поколѣнія; но тотъ же наблюдатель говоритъ, что въ другихъ голландскихъ колоніяхъ отъ смѣшенія тѣхъ же самыхъ породъ происходитъ потомство неограниченно плодородное. Эти неправильности не могутъ быть приписаны ничему иному кромѣ мѣстныхъ вліяній, то-есть *вліяній среды*. Мы можемъ только повторить, что говорили тогда, и наше воззрѣніе вполне подтверждается любопытными, неожиданными результатами, къ которымъ повело г. Будена ² подробное изученіе болѣзней, свойственныхъ разнымъ человѣческимъ породамъ, разсѣяннымъ по всей поверхности земнаго шара. Если факты такого же рода проявляются въ Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ или Панамѣ, въ этомъ нѣтъ ничего чрезвычайнаго, особенно же нѣтъ ничего служащаго къ подтвержденію полигенистическихъ ученій. Исторія нашихъ домашнихъ животныхъ можетъ доставить точно та-

¹ *Русскій Вѣстникъ* окт. 1861.

² *Traité de Géographie et de Statistique médicales*, par. M. I. Ch. Boudin, médecin en chef de l'hôpital militaire du Ronle. См. также записки того же врача, читанныя въ Парижскомъ антропологическомъ обществѣ.

да примѣры. Вѣсть сковаодакъ извѣстно, что скрещеніе англійской дургамской бычьей породы съ французскою не вездѣ происходитъ одинаково удачно. Можно ли поэтому считать означенныя породы особенными *сидами*, и думать, что самая дургамская порода, которой происхожденіе хорошо извѣстно, составляетъ отдѣльный *сидъ*? Нѣтъ, надобно будетъ принять, что среда имѣетъ вліяніе, хотя полигенезы всѣми силами отвергаютъ его, зная что этого нельзя допустить, не поколебавъ ихъ ученія въ самомъ основаніи ¹. Здѣсь мы приходимъ въ соприкосновеніе съ вопросомъ объ акклиматизаціи, и должны остановиться.

Такимъ образомъ, сколько бы ни была человѣческія породы несходны между собою, потомство отъ нихъ совокупленія всегда плодородно, и человѣческіе метисы постоянно имѣютъ дѣтей, если только этому не препятствуютъ вліянія мѣстной среды ². Теперь спросить можетъ-быть: образуются ли между человѣческими группами породы метисовъ? Мы уже отвѣчали на этотъ вопросъ, представивъ общій фактъ, совершающійся между тремя такими группами, взятыми изъ трехъ частей свѣта, и на двухъ материкахъ. Мы могли бы этимъ ограничиться; но однакожъ, въ виду нѣкоторыхъ утверженій и самоувѣренности, съ какою они предъявлены, считаемъ нужнымъ воротиться къ этому вопросу. Притомъ, важное значеніе метисаціи между разными человѣческими породами уже само по себѣ заставило бы насъ остановиться на этомъ предметѣ.

Не правдѣ сказать, никто не смѣетъ отрицать существованіе населеній происходящихъ отъ скрещиванія людей, которые отлчаются признаками самыми несходными и разнообразными. Фактъ слишкомъ явно господствуетъ надъ теоріями; но часто

¹ Въ послѣдней статьѣ моей, говоря о незатруднительности и всеобщности метисаціи, я не сдѣлалъ никакой оговорки относительно *вліяній среды*. Читатель легко дополнитъ опущенное мною. Ясно, что, приписывая этимъ вліяніямъ силу *облегчающую гибридацію*, какъ мною это неоднократно выказано, я не могъ отрицать, что они имѣютъ силу и *затруднять метисацію*. Относительно чловѣка въ особенности, я только пополнилъ то, что уже и прежде высказалъ очень ясно.

² Въ частности, нерѣдко упоминаемый фактъ о мнимой бесплодности мамелюковъ, вполне принадлежитъ къ этому разряду вопросовъ; это очень хорошо понялъ Воллсей, о забытыхъ замѣчаніяхъ котораго напомнилъ г. Брока.

старается ослабить значеніе факта, выдвинувъ на видъ неосуществимости, на которыя очень трудно отвѣчать, ибо всевозможнаго въ сущности нѣтъ почти ничего. Одинъ только Нюксъ логически слѣдуетъ до конца по своему пути, и объявляетъ, что онъ не вѣритъ въ существованіе смѣшанныхъ человѣческихъ породъ. Онъ признаетъ, что есть метисы въ Америкѣ, но, по его мнѣнію, эти метисы происходятъ почти исключительно отъ непосредственныхъ скрещиваній, и ихъ не будетъ, какъ скоро породы бѣлая, красная и черная перестанутъ совокупляться между собою. Подтверждаетъ ли онъ это мнѣніе какимъ-нибудь доказательствомъ? Никакимъ. Посмотришь, свидѣтельствуютъ ли факты въ его пользу.

Въ послѣднемъ изданіи своего сочиненія *Éléments d'ethnologie*, г. Омалиусъ д'Аллауа вычисляетъ, что все населеніе земнаго шара состоитъ изъ тысячи миллионѣвъ человѣкъ, а число метисовъ простирается до 12.340.000. ¹ Это круглымъ числомъ составляетъ $\frac{1}{8}$ долю всего населенія земли. Авторъ включилъ въ это число только потомковъ происшедшихъ отъ скрещиванія самыхъ разныхъ породъ, каковы мулаты, самбои и пр., то-есть племена, которыя могли образоваться лишь послѣ великихъ географическихъ открытій, и въ мѣстахъ, гдѣ сошлись породы бѣлая, черная и красная. Но въ Европѣ эти условія почти вовсе не встрѣчаются; а потому въ ней по необходимости весьма рѣдки соединенія, о которыхъ мы говоримъ. Здѣсь повсюду одинъ бѣлый разбавляетъ возрождающую кровь. Въ Азіи и Африкѣ бѣлый встрѣчаетъ цвѣтныя породы только на морскомъ берегу и въ нѣкоторыхъ особенныхъ странахъ. Въ одной лишь Америкѣ, преимущественно въ южной части ея, въ областяхъ нѣкогда испанскихъ и португальскихъ, смѣсь породъ такъ часто случалась и случается, что стала дѣло обыкновеннымъ, и смѣшанное племя чрезвычайно умножилось. Изъ документовъ, на которые указываетъ Причардъ, оказывается, что въ числѣ 16.046.100 человѣкъ, составляющихъ общее населеніе Мексики, Гватемалы, Колумбіи, Ла-Платы и Бразиліи, находится 3.333.000 метисовъ, то-есть они составляютъ болѣе пятой доли населенія. Сверхъ того, въ Мексикѣ метисовъ ровно столько же, сколько бѣлыхъ; въ Колумбіи метисы составляютъ весьма

¹ Эта цифра необходимо ниже истинной, ибо мы рѣшительно не имѣемъ никакихъ статистическихъ свѣдѣній о весьма-многихъ мѣстахъ, гдѣ смѣшеніе породъ совершается ежедневно.

замѣтное большинство, а въ Гватемалѣ ихъ вдвое болѣе чѣмъ въ Мексикѣ¹.

Чтобы оцѣнить все значеніе этихъ результатовъ, доставлен- ныхъ скрещиваніемъ, надобно принять въ расчетъ, сколько времени нужно было для того, чтобы они могли осуществиться, и какими обстоятельствами сопровождалось ихъ развитіе. Америка открыта въ 1492 году, Бразилія въ 1500; но смѣше- ніе породъ началось не съ того времени. Экспедиція Кортеса послѣдовала въ 1519 году; колонизація Бразиліи, начатая въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ пунктахъ Португальцами и Фран- цузами, двинута впередъ кратковременнымъ занятіемъ Гел- ландцевъ въ 1624, настоящимъ образомъ развилась уже го- раздо позднѣе. Вообще можно сказать, что взаимное смѣ- шеніе породъ на американской почвѣ началось не далѣе какъ за триста, много что за триста пятьдесятъ лѣтъ. Въ этотъ періодъ включены все починны завоеваній и смѣшенія, а уже тамъ болѣе пятой части населенія состоитъ изъ смѣшан- ной породы! Что же будетъ еще черезъ три столѣтія, что далѣе? Не очевидно ли, что, по прѣшествіи времени бо- лѣе или менѣе продолжительнаго, половина американскаго ма- терика будетъ заселена метисами? Противъ этого полигени- сты, конечно, станутъ спорить; они отрицаютъ даже суще- ствованіе породы происшедшей отъ скрещиванія Англо-Саксовъ съ Кельтами или Славянами, Чеховъ съ Германцами²; но можно полагать, что факты вѣрнѣихъ временъ и теперешніе достаточно въ настоящемъ случаѣ ручаются за факты будущіе.

Не заходя такъ далеко какъ Ноксъ, многіе полигенисты повсюду находятъ образцы *мбридныхъ породъ*, пока дѣло идетъ о животныхъ, но объявляютъ, что имъ не извѣстно ни одного примѣра смѣшанной человѣческой породы. Нѣкоторые изъ нихъ прямо говорятъ, что порода средняя между двумя другими можетъ имѣть существованіе лишь ограниченное и непрочное. Другіе видятъ въ американскихъ метисахъ лишь «безпорядоч- ное смѣшеніе крови, совершившееся въ обширномъ размѣрѣ; бесполезно отыскивать тутъ новую породу.» Трудно дать отчетъ въ притязаніяхъ, предъявляемыхъ этими писателями. На- добно ли для убѣжденія ихъ, чтобы существовалъ цѣлый на- родъ, исключительно средній между двумя другими? Но когда

¹ Эти документы относятся къ годамъ 1824 и 1830.

² Ноксъ, *Человѣческія породы*.

дѣло идетъ о животныхъ, ни одинъ скотоводъ не требуетъ такъ много. Надобно ли, чтобъ американскіе метисы теперь же: составили породу уже установившуюся и опредѣленную? Но эта порода только еще образуется, между этими метисами и тремя произведшими ихъ породами происходитъ непрерывное смѣшеніе. Какъ могло бы установиться это однообразіе котораго, повидимому, требуютъ, когда оно и у нашихъ домашнихъ животныхъ существуетъ только въ стадахъ подвергнутыхъ строжайшему надзору и тщательной *сортировкѣ*?

Во всякомъ случаѣ то, что не могло еще совершиться на обширномъ материкѣ, между миллионами людей, уже совершилось въ нѣкоторыхъ небольшихъ общинахъ. Существуютъ смѣшанныя породы, вполне установившіяся, на пространствахъ болѣе или менѣе обширныхъ; эти породы произошли отъ скрещиванія двухъ породъ, на которыя полигенисты смотрятъ какъ на два вида совершенно различныя, а иногда какъ на виды самыя противоположныя другъ другу. Это фактъ безспорный, подтверждаемый путешественниками, которые разказываютъ просто то, что они видѣли. Именно, гг. Куа, Геймаръ, Лессонъ находятъ это въ *Папуасахъ*, которые впервые описаны Дампьеромъ, и живутъ на сѣверномъ берегу Новой Гвинееи, а также на нѣсколькихъ сосѣдственныхъ островахъ; гг. Спаясъ и Марціусъ ¹—въ *Кабузасахъ* тарамасскихъ дѣсовъ въ Бразиліи; многочисленныя путешественники и миссіонеры—въ капскихъ *Гриквасахъ*. На эти примѣры ссылался Причардъ, а вмѣстѣ съ нимъ и большая часть моногенистовъ. Разумѣется, полигенисты оспаривали эти примѣры и, по обмывовенію, къ доводамъ своимъ примѣшивали шутки, часто брошенныя наудачу. Строго говоря, это отрицаніе понятно, когда рѣчь идетъ о Дампьеровыхъ *Папуасахъ*. Правда, судя по описаніямъ, эти *Папуасы* обнаруживаютъ всѣ признаки породы происходящей отъ смѣшенія негровъ Океаніи съ Малайцами; даже замѣчаемое между ними различіе въ ростѣ, силѣ, крѣпости, заставляетъ думать, что къ нимъ перешли особенности двухъ главныхъ черныхъ породъ, существующихъ на Востока. ² Темъ не менѣе, историческихъ данныхъ о нихъ

¹ Г. Марціусъ, корреспондентъ Института, принадлежитъ къ отличнѣйшимъ ботаникамъ Германіи. Притомъ онъ полигенистъ, а это обстоятельство придаетъ двойную цѣну его свидѣтельству.

² Эти различія, столь хорошо подтверждающія мнѣніе французскихъ путешественниковъ, были указаны въ видѣ возраженій.

присхожденіи не существуетъ, а потому логично будетъ, если поступить съ ними такъ же, какъ и со всеми другими породами, которыхъ происхожденіе терлется во мракѣ временъ. Но нельзя такъ поступить относительно *Кабузосовъ* и *Грикесосовъ*. Эти два народа образовались въ наши времена, и происхожденіе ихъ извѣстно. Первые не иное что какъ метисы Индѣйцевъ и негровъ, которые бѣжали изъ европейскихъ заведеній, и искали свободы въ заселяемыхъ ими теперь пустынныхъ равнинахъ лѣса Тарамасскаго. Судя по описаніямъ и рисункамъ, какіе мы имѣемъ, типъ этихъ метисовъ, подъ благотворнымъ вліяніемъ свободы, нѣсколько измѣнился и даже улучшился. Что же касается до *Грикесосовъ*, то Причардъ ошибся, почитая ихъ однихъ представителями всего племени *Бастардосовъ* или *Бастерсосовъ*, образовавшагося отъ смѣшенія породы голландской съ готтентотскою. Противники его впади въ ту же ошибку. Все это повело къ путаницѣ, которая могла сообщить доводамъ полигенистовъ нѣкоторый видъ основательности, но которую не трудно распутать, если сведемъ всѣ главныя свѣдѣнія, сообщенныя разными путешественниками ¹.

По увѣренію Нотта, гг. Гомбронъ и Жакينو будто бы полагали, что отъ совокупленія бѣлой породы съ готтентотскою дѣтей не можетъ быть. Мы бесполезно искали подобнаго отзыва въ сочиненіяхъ нашихъ соотечественниковъ. Во всякомъ случаѣ, примѣръ былъ бы выбранъ неудачно. Левальянъ, нѣсколько не обращающій вниманія на вопросъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, говорятъ объ этомъ предметѣ слѣдующее: «Отъ своихъ мужьевъ Готтентотки рожаютъ только трехъ или четырехъ дѣтей,—никакъ не болѣе. Но отъ негровъ онѣ рожаютъ втрое противъ этого числа, а отъ бѣлыхъ еще болѣе.» Итакъ, на мнѣе Доброй Надежды мы находимъ то же, что г. Гомбронъ замѣтилъ въ Америкѣ. Плодородность мѣстныхъ породъ не только не уменьшается, но еще увеличивается отъ скрещиванія съ иноземными породами. И тамъ, какъ во всѣхъ старыхъ колоніяхъ, бѣлые отъсылали дѣтей своихъ, прижитыхъ съ туземками, въ послѣдніе ряды общества. Однимъ изъ тамошнихъ

¹ Между прочимъ, Кольбомъ, Левальяномъ, Буршеллемъ, Томсономъ, Моа, Ливингстономъ, Арбуссе, Дома и г. Казалисомъ, который сообщилъ намъ нѣсколько весьма точныхъ свѣдѣній, которыя еще не были нигдѣ обнаружены.

законовъ запрещено иностранцамъ вступать въ законный бракъ съ туземцами ¹; Бастардовъ даже не крестили. «Эта порода, прибавляетъ Левальянъ, сильно расплождается.» Онъ же полагаетъ, что эти метисы составляютъ почти *всюду* долю гентототскаго населенія ². Будучи дѣятельнѣе и удалѣе Гентототовъ, они внушили опасенія Европейцамъ, почему послѣдніе отгѣснили ихъ, сколько можно было дагѣ, во внутренность страны. Многіе изъ нихъ перебрались черезъ степи, поселились по ту сторону Оранжевой рѣки, и тамъ, вступивъ въ борьбу съ обѣими породами, отъ которыхъ произѣшли, предалися необузданному разбойничеству, и сдѣлались весьма опасными. Въ 1799 году, нѣкоторые миссіонеры впервые попытались обратитъ ихъ къ другому роду жизни, но не успѣли. Въ 1803 году, два другихъ миссіонера, Андерсонъ и Крамеръ, предприняли новую попытку. Они присоединились къ кочующимъ ордамъ метисовъ, и слѣдовали за ними въ продолженіе пяти лѣтъ. Эти постоянныя усилія не остались безплодны; нѣсколько Бастардовъ приняли христіанство, и поселились на житье въ Кларнваттеръ. Чтобы отличить себя отъ тѣхъ, которые еще продолжали вести кочевую жизнь, и избавиться отъ презрѣнія внушаемаго ихъ прежнимъ именемъ, они назвали себя Гриквасами ³, а столицу свою—Грикватоуномъ, и выбрали себѣ начальниковъ, давъ преимущественное право на это одной только землѣ Коковъ.

Вскорѣ Гриквасы начали очень быстро усиливаться, въ слѣдствіе присоединенія къ нимъ весьма большаго числа Бастардовъ, и еще большаго числа Кераносовъ, Наманусовъ и даже Бошнменовъ, которые приняли христіанство, или пришли искать поддержки доставляемой миссіонерами. Капское правительство встревожилось успѣхами этой вновь основанной колоніи. Въ 1819 году, въ Грикватоунъ былъ посланъ офиціальный агентъ, г. Джонъ Мельвилъ. Въ слѣдствіе нѣкоторыхъ беспорядковъ, народъ передалъ власть избранному имъ Андрею Ватербоору,

¹ Арбуссе и Дома.

² Капская колонія основана въ 1650 году; Левальянъ путешествовалъ въ 1783 г. слѣдственно число метисовъ достигло упомянутого размѣра не болѣе какъ только въ 130 лѣтъ.

³ Этимологія этого слова подала поводъ ко многимъ спорамъ, которые не повели, повидимому, ни къ какому опредѣленному результату.

человѣку истинно-замѣчательному, который, исправляя первоначально скромную должность учителя, сумѣлъ послѣ того, въ продолженіе тридцати лѣтъ, съ твердостью и благоразуміемъ управлять подданными, подчинившимися ему по своей доброй волѣ, и жить въ самыя дружескія отношенія съ подозрительными капюкскими властями. Но Ватербоэръ замѣтилъ семейство Кока, которое нѣкогда своихъ приверженцевъ; но въ жилахъ Ватербоэра текла отчасти и кровь Бошисменовъ¹; но онъ, съ непоколебимою твердостью, поддерживалъ водворенные по его внушенію законы противъ разбойничества и противъ ввоза спиртныхъ напитковъ: онъ оскорблялъ, въ одно и то же время, и интересы, и предрассудки, и страсти. Поэтому, отъ него отступилась часть народа, и, подъ начальствомъ Адама Кока, основала въ другомъ болѣе удобномъ мѣстѣ городъ Филиппополю, который вскорѣ взялъ верхъ надъ Грива-теуномъ.

Такимъ образомъ, Гривасы произошли отъ смѣси метисовъ разныхъ степеней, и при безспорномъ преобладаніи туземной крови; но они не одни состоятъ представителями потомства, образовавшагося отъ скрещиваній происходившихъ намысь Доброй-Надежды. Гривасы—*народъ устроенный и при-мѣшій особенное названіе*; но они не порода. Это такъ вѣрно, что Гривасы до сихъ поръ отличны отъ Бастардовъ собственно такъ-называемыхъ. Последніе также имѣютъ свои деревни, между прочимъ Новый Платбергъ, основанный вселенскими миссіонерами. Принадлежа къ породѣ менѣ смѣшанной, они имѣютъ волосы не такъ курчавые; цвѣтъ кожи болѣе свѣтлый; черты менѣ рѣзкія; однако и здѣсь семь очень многолюдны. Впрочемъ Гривасы и Бастарды, хотя не въ одинакой степени, удерживаютъ въ себѣ признаки обѣихъ первоначальныхъ породъ. Всѣ путешественники въ этомъ совершенно согласны, и только подтверждаютъ, въ словахъ болѣе или менѣ краткихъ, весьма точныя свѣдѣнія доставленные Левальномъ².

¹ Бошисменовъ презираютъ и ненавидятъ всѣ прочія готтентотскія и каерскія племена. Избраніе Ватербоэра, происходившаго частью отъ Бошисменовъ, не только не было, какъ полагали, признакомъ торжества національности, но истинною побѣдой одержанною надъ предрассудкомъ; это засвидѣтельствовано всеми путешественниками.

² И въ этомъ случаѣ, какъ во всемъ другомъ, самыя новѣйшія свѣдѣтельства доказываютъ неосновательность возраженій, которыя дѣлаемы

Гриквасы, вопреки преобладанію африканской крови, не отдѣлились опять, какъ утверждали, ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ отношеніи почти чистою африканскою породой. Теперь Гриквасы образуютъ населеніе въ 10.000 или 12.000 душъ, съ правильнымъ, почти независимымъ управленіемъ; они бросили кочевую, пастушескую жизнь своихъ черныхъ предковъ, и занялись земледѣліемъ; воспитываютъ по-европейски стада мериносовъ отъ 1000 до 1500 головъ; строятъ себѣ дома, и начальникъ ихъ, Адамъ Кокъ, имѣетъ мельницу, которая стоила ему 10.000 франковъ. Всѣ, въ этомъ народцѣ, понимаютъ важность образованности; въ Филипполисѣ школьный учитель получаетъ содержаніе отъ города, и всѣ тамошнія дѣти умѣютъ читать и писать ¹. Такимъ образомъ, по всему надобно ожидать, что если не помѣшаетъ англійская политика ², то въ обширномъ бассейнѣ Оранжевой рѣки образуется современнѣйшій большой народъ, съ своими отличительными признаками, народъ родившійся на глазахъ теперешняго поколѣнія.

Ясно, что, принимая въ соображеніе факты происходящіе въ Африкѣ, но принимая гораздо болѣе нежели сдѣлалъ это Причардъ, мы приходимъ къ тѣмъ же, какъ и онъ, выводамъ. Безъ сомнѣнія, полигенисты противопоставятъ намъ свое обыкновенное возраженіе. Метисское населеніе, скажутъ они, и на мысѣ Доброй Надежды пополнилось, какъ и вездѣ, да и теперь еще пополняется дѣтьми отъ прямыхъ скрещиваній; олддественно этотъ примѣръ ничего не доказываетъ. Мы могли бы предоставить читателю самому пренебречь судъ объ этомъ возраженіи, не приводя новыхъ доказательствъ; для него, безъ сомнѣнія, было бы достаточно того, что мы уже сообщили; но

были этому путешественнику, прослышшему у современниковъ своихъ почти за романиста. Впрочемъ, Валькнеръ отдалъ ему полную справедливость въ предисловіи къ своей *Всеобщей исторіи путешествій*.

¹ Эти подробности заимствованы мною изъ письма, писаннаго ко мнѣ въ 1857 году г. Казанскомъ, прожившимъ двадцать три года среди туземцевъ южной Африки.

² Эта политика уже выказалась въ предписаніи, по которому воспрещается продавать Гриквасамъ, и ихъ сосѣдямъ и союзникамъ Бечуанамъ, порохъ и оружіе, нужные имъ для защиты себя отъ окрестныхъ дикихъ племенъ. Ливингстонъ, имѣя надобность проѣхать черезъ эту страну во внутренность южной Африки, которую онъ первый всю осмотрѣлъ, не могъ выпросить на дорогу болѣе десяти фунтовъ пороха: такъ боятся, чтобы невзначай какъ-нибудь не снабдить Бечуановъ боевыми снарядами!...

не мѣшаетъ отнять у полигенистовъ и послѣднiя средства къ возраженiю. Итакъ, представимъ еще примѣръ, противъ котораго нельзя возразить ничѣмъ подобнымъ.

Большая часть полигенистовъ, особенно же вся американская школа, почитаетъ Полинезцевъ особеннымъ *видомъ*, совершенно отличнымъ отъ бѣлаго европейскаго ¹. Но эти два мнiмые *сиды* совокупляются между собою совершенно плодотворно, и ихъ потомство быстро умножается, не имѣя надобности подкрѣплять себя новыми сокупленiями съ первоначальными породами. Вотъ фактъ доказывающiй это. Въ 1787 году, командиръ корабля *Баунти*, лейтенантъ Блейгъ, былъ отправленъ къ острову Таити, съ порученiемъ взять тамъ назначаемыя для англiйскихъ колонiй хлѣбныя деревья. Этотъ офицеръ былъ, какъ видно, человекъ не очень обходительный. Весь экипажъ возненавидѣлъ его, и въ 1789 году, когда онъ возвращался, исполнивъ возложенное на него порученiе, на кораблѣ вспыхнулъ бунтъ. Блейга и людей оставшихся ему вѣрными посадили въ шлюпку и пустили въ открытое море. Мятежники же воротились къ Таити, выбрали тамъ себѣ женъ, и захватили нѣсколько туземцевъ. Попытавшiеся тщетно поселиться на островѣ Тобуэ, они раздѣлились на двѣ партiи: одни воротились на Таити, остальные, въ числѣ девяти бѣлыхъ, шести Полинезцевъ и пятнадцати женщинъ, поплыли къ незаселенному, едва приступному островку Питкерну, лежащему въ сторонѣ отъ пути, по которому ходитъ большая часть кораблей плавающихъ въ Южномъ морѣ; здѣсь мятежники надѣялись быть безопасными отъ поисковъ англiйскаго правительства.

Эта маленькая колонiя водворилась на Питкернѣ въ январѣ 1790 года; но она не долго пользовалась спокойствiемъ. Деспотизмъ бѣлыхъ, наконецъ, вывелъ изъ терпѣнiя Полинезцевъ; они, при помощи нѣкоторыхъ женщинъ, своихъ землячекъ, умертвили пятерыхъ изъ бѣлыхъ. Потомъ они стали драться между собою, а наконецъ жены убитыхъ бѣлыхъ отместили за своихъ мужьевъ, избивъ остальныхъ Полинезцевъ. Въ 1793 году на островѣ Питкернѣ оставалось только четверо Евро-

¹ По моему мнѣнiю, Полинезцы порода метисская, происходящая отъ смѣси породъ черной и желтой, съ придаткомъ бѣлаго начала, которое иногда проявляется очень замѣтно. Разумѣется, я не могу изложить здѣсь всѣ факты, которые привели меня къ этому воззрѣнiю.

пейцевъ, десять подвезскихъ женщинъ и нѣсколько дѣтей. У нихъ существовало, въ полномъ смыслѣ слова, многоженство. Наконецъ, въ 1799 году, въ живыхъ остался только Юнгъ и Адамсъ, ибо одинъ изъ четырехъ Европейцевъ погибъ отъ собственной вины, а другой былъ убитъ двумя товарищами своими, которыми онъ безпрестанно дѣлалъ разные угрозы. Юнгъ и Адамсъ воспользовались страшными уроками минувшаго времени, стали жить мирно, и постарались воспитать въ добрыхъ нравахъ это общество, зачавшееся при такихъ кровавыхъ предзнаменованіяхъ. Вскорѣ Юнгъ занемогъ и умеръ, и Адамсъ одинъ съ усердіемъ продолжалъ заниматься дѣломъ, за которое взялся. Успѣхъ его былъ такъ великъ, что удивилъ и очень порадовалъ капитана Бичей, приходившаго къ Питкерна въ 1825 году.

Мы не имѣемъ надобности обращать особенное вниманіе на нравственныя качества этого населенія; однакожь замѣтимъ, что именно этими качествами былъ сильно пораженъ англійскій мореходецъ. Этимъ опровергаются увѣренія писателей, которые, не принимая во вниманіе того, среди какихъ обстоятельствъ образуются смѣшанныя породы, утверждаютъ, что скрещиваніе само по себѣ уже есть поводъ къ безнравственности. Кромѣ того Бичей пишетъ, что Питкерицы отличаются прекраснымъ пропорціональнымъ сложеніемъ, силою мышцъ и необычайною легкостью, очень крѣпкимъ здоровьемъ, живымъ, быстрымъ умомъ и пламенною любовательностію. Стало-быть это смѣшанное племя не выродилось. А о степени его плодородія можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Въ 1790 году поселенцевъ, какъ мы видѣли, было 30 человекъ; ихъ было уже 66, когда посѣтилъ ихъ капитанъ Бичей въ 1855, а въ 1856 — 189, въ томъ числѣ 96 мужчинъ и 93 женщины¹. Нигдѣ не упоминается, чтобы

¹ Въ это время островъ уже не могъ прокормить всего этого населенія, а потому былъ присланъ корабль, на которомъ эти потомки бунтовщиковъ корабля *Баунти* были перевезены сначала на островъ Таити, а потомъ на островъ Норфолкъ. Цифра мною приведенная показана въ англійскихъ журналахъ, и перепечатана во французскихъ. Г. Блосвилъ говоритъ, что 170 человекъ изъ нихъ изъявили желаніе замѣнить собою на островѣ Норфолкъ преступниковъ, которыхъ туда препровождали. Очень можетъ-быть, что нѣсколькимъ Питкерицамъ понравилась цивилизація таитская, и они остались въ Таити; этогымъ болѣе вѣроятно, что, судя по нѣкоторымъ подробностямъ, которыя сообщаетъ г. Блосвилъ,

къ нимъ присоединялся еще кто-нибудь кромѣ только одного человѣка; во всякомъ случаѣ, соразмѣрность между мужскимъ и женскимъ населеніемъ доказываетъ, что такихъ присоединеній много и быть не могло. Итакъ, въ первыя тридцать пять лѣтъ, населеніе Питкерна болѣе чѣмъ удвоилось, несмотря на необузданный развратъ, какому бунтовщики корабля *Баунти* предавались сначала, несмотря на убійства и несчастные случаи, по причинѣ которыхъ число взрослыхъ жителей острова уменьшилось до 14 человѣкъ. Во второй періодъ, въ продолженіе тридцати одного года, населеніе почти утроилось! Можно ли же, въ виду такихъ результатовъ, еще говорить о *гибридаціи*? Что могли бы тутъ сдѣлать сами Мортонъ и Ноттъ? Только развѣ вставить породы *истинную бѣлую и полумелескую* въ свою категорію видовъ *крайне-близкихъ* (*closely proximate*)! Но за то, какой натуралистъ или физиологъ не сознается, что въ фактахъ нами изложенныхъ являются на противъ всѣ признаки простой *метисаціи*, а слѣдовательно и доказательство, что Саксъ и Таитянинъ суть представители *только двухъ породъ одного и того же вида?*

Во всѣхъ наукахъ наблюденія въ маломъ размѣрѣ, опыты *лабораторные*, служатъ къ тому, чтобы человѣкъ могъ уразумѣть причины явленій, представляемыхъ природою въ обширномъ размѣрѣ. Франклинъ, изучая въ своемъ кабинетѣ электричество, понялъ, что такое молнія; основываясь на результатахъ добытыхъ плавильными трубками и тиглями, гг. Добре, Эбельменъ, Дюроше, объяснили образованіе минераловъ, обрабатываемыхъ промышленностію. Можно сказать, что событія совершившіяся на островѣ Питкернѣ представляютъ опытъ подобнаго же рода. Благодаря удаленію отъ остальнаго міра и малочисленности дѣйствовавшихъ элементовъ, тамъ находимъ основныя явленія скрещиванія человѣческихъ породъ безъ всякаго посторонняго осложненія; на нихъ полезно будетъ указать. На этомъ островѣ сошлись, при самыхъ неблагоприятныхъ предзнаменованіяхъ, представители двухъ человѣческихъ группъ. Матросы, избѣгающіе своихъ соотечественниковъ, чтобы укрыться отъ законовъ своего отечества, привезли съ собою людей, которыхъ разчитывали держать въ рабствѣ, и женщинъ, которымъ нельзя дать названія жентъ; но общество, какъ бы

на Питкернѣ уже были извѣстны деньги, и прежнее равенство, существовавшее тамъ даже въ 1835 г., уже прекратилось.

ни было оно ограничено, не может устроиться на такихъ основаніяхъ. Буйныя наклонности бѣлыхъ, временно удовлетворенныя, вскорѣ повели къ мятежу, убійству, и почти совершенному сокрушенію только-что зараждавшагося общества. Мало-по-малу, сперва вслѣдствіе утомленія, а потомъ по внушенію разсудка, спокойствіе и порядокъ возстановились, и населеніе стало возрастать. Наконецъ, подъ вліаніемъ одного изъ матросовъ, котораго преобразовали дѣта и опытъ, маленькое общество установилось и устроилось такъ, что поразило удивленіемъ одного изъ самыхъ образованныхъ людей. Въ заключеніе оказывается, что порода метисовъ, изъ которой *одна* составилось это общество, стоитъ безспорно на высшей ступени, чѣмъ тѣ первоначальныя породы, отъ которыхъ она произошла, по крайней мѣрѣ на высшей, чѣмъ весьма значительное большинство ихъ.

Этотъ результатъ можетъ нѣсколько успокоить людей, которые тревожатся будущію человѣчества. Породы состоящія изъ метисовъ мало обращали на себя вниманіе антропологовъ прошлаго столѣтія. Бюффонъ, Blumenбахъ говорятъ о нихъ только мимоходомъ, и лишь съ физиологической точки зрѣнія. Самъ Причардъ не могъ имѣть побужденій къ тому, чтобы серіознѣе заняться этимъ предметомъ, хотя писалъ уже въ началѣ текущаго столѣтія. Но теперь, когда, благодаря примѣненіямъ пара, смѣшеніе идетъ съ каждымъ днемъ быстрѣе, не возможно не предложить себѣ вопроса, что станетъ съ человѣческимъ родомъ, когда смѣшается кровь всѣхъ его породъ самыхъ противоположныхъ, и когда цѣлыя матеріи будутъ заселены потомками происшедшими отъ скрещиванія теперешнихъ населеній? При этой мысли, взоры боязливо обращаются къ странамъ, гдѣ смѣшеніе, начавшееся слишкомъ три столѣтія тому назадъ, болѣе распространилось, и встрѣчаются тамъ съ зрѣлищемъ грустнымъ на первый взглядъ. Отсюда-то происходятъ тѣ мрачныя предвѣщанія, тѣ безотрадныя ученія, которыя нашли пламеннаго проповѣдника въ г. Гобино, которыя, повидимому, весьма охотно усвоятся амеріканскою школой, и которыя были уже опровергаемы въ настоящей статьѣ. Это впечатлѣніе понятно въ томъ, кто смотритъ только на настоящее; но пусть писатели, о которыхъ мы говоримъ, не измѣряютъ жизни народовъ и человѣческихъ породъ жизнію частныхъ людей; пусть припомянутъ они о томъ, чѣмъ была нѣкогда Европа, что случилось на островѣ Питкернѣ, и они

успокоятся. То что было во Франціи во времена *Boisya* мира (*trêve de Dieu*) и *королевской сорокодецины* (*quarantaine du roi*) не лучше того, что въ наше время существуетъ въ Америкѣ, а мы ушли далеко отъ тѣхъ временъ. На островѣ Питкернѣ были также своего рода средніе вѣка, продолжавшіеся три или четыре года: ихъ продолжительность ообразилась съ количествомъ элементовъ, которые слѣдовало сплавить или извергнуть. Въ Европѣ на это нужны были вѣка; вѣка понадобятся можетъ-быть и въ Америкѣ. Питкернѣ однако имѣлъ и свой періодъ возрожденія, какъ имѣла его Европа, какъ будетъ имѣть Новый Свѣтъ, и нѣтъ сомнѣнія, будущія породы превзойдутъ насъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ мы превзошли въ другихъ отношеніяхъ породы асирійскую, греческую, римскую.

Возвратимся къ главному вопросу, и повторимъ въ короткихъ словахъ всѣ вышележенныя соображенія. Мы подвергли пересмотру всѣ возраженія, дѣлаемыя полигенистами моногенистамъ; въ послѣдней статьѣ мы продолжимъ этотъ пересмотръ; но уже теперь ясно, на чемъ основывается большая часть доводовъ представляемыхъ нашими противниками; въ числѣ этихъ доводовъ важную роль играетъ *возможное*, а это—жалкая опора для истиннаго ученаго. Не придерживаясь временъ и мѣстъ, которыя могутъ быть обняты опытомъ и наблюденіемъ, явленій, объясняемыхъ *теперешнею* физиологіей, полигенисты любятъ восходить къ первоначальному происхожденію, и если кто откажется слѣдовать за ними на эту ненадежную почву, о томъ они сейчасъ отзываются, что это человекъ окованный предразсудками другаго вѣка, или по крайней мѣрѣ, вовсе не философъ. Американская школа, хотя и она дѣйствуетъ очень часто такъ же, серьезно по крайней мѣрѣ пыталась основать свои вѣрованія на болѣе-прочныхъ основахъ; но въ замѣнъ того, заслужила много другихъ упрековъ. Весь споръ касался двоякаго рода фактовъ, весьма различныхъ между собой и существенно подлежащихъ вѣдѣнію естественныхъ наукъ, фактовъ, которые отличены у всѣхъ натуралистовъ, и названы двумя разными словами: *видъ* и *порода*. Что же сдѣлала американская школа? Она иногда вовсе отбывала одно изъ этихъ словъ, иногда безразлично употребляла и то и другое. Такимъ образомъ, въ глазахъ людей мало знакомыхъ съ естественными науками, она смѣшивала предметы, опутывала понятія. Не когда она, забывъ труды своихъ предшественниковъ, вздумала,

даже среди тумана ея порожденнаго, пойдти нѣсколько далѣе въ изученіи явленій, тогда съ нею случилось то же, что и съ европейскими школами, совершенно противоположными между собой въ теоріи. Повинуясь убѣдительному свидѣтельству фактовъ, европейскія школы сошлись между собою въ практикѣ; повинуясь тѣмъ же фактамъ, и американская школа сошлась со всеми европейскими на томъ же поприщѣ. Между своими *сидами сидовъ*, она принуждена была придумать особенную категорію ихъ для помѣщенія въ ней того, что *есть европейскіе натуралисты* назвали *породою*; подобно тѣмъ же натуралистамъ, она объявила, что эти виды, самые близкіе между собою (*породы*), отличаются отъ другихъ особенно плодородіемъ своихъ совокупленій и неограченнымъ размноженіемъ метисовъ. Но стоило ли изъ-за этого *забывать* труды столь многихъ знаменитыхъ предшественниковъ!

Къ несчастію, американская школа была введена въ заблужденіе путаницею выраженій ея употребляемыхъ. Находя повсюду лишь *сиды* и признавая между ними разныя степени *гибридаціи*, она думала, что можно выставить одинаковыми явленія скрещиванія, происходятъ ли они у животныхъ, или у человѣка. Отсюда вышли два преувеличенія въ противоположномъ смыслѣ. Пока дѣло идетъ о животныхъ, французскіе и американскіе ученики Мортонна стараются представить, что виды ли смѣшиваются между собою, или гибриды, плодородіе тѣхъ и другихъ гораздо обширнѣе, общѣе и постояннѣе, нежели какъ это есть въ самомъ дѣлѣ. А какъ скоро они занимаютъя человѣческими группами, то всячески уславляются представить результаты скрещиванія въ уменьшенномъ видѣ. Мы подвергли изслѣдованію каждый изъ примѣровъ, на которые полигенисты наиболѣе растаиваютъ, и показали истинное значеніе cadaго.

Предшествующіе отдѣлы нашего труда были посвящены въ особенности растеніямъ и животнымъ; въ настоящемъ, мы занимались преимущественно человѣкомъ. Чаше всего мы искали доказательствъ для нашихъ мнѣній не у писателей съ нами единомысленныхъ, а у путешественниковъ, нѣсколько не участвовавшихъ въ спорѣ, или же у полигенистовъ, не менѣе рѣшительныхъ чѣмъ сама вожди американской школы, и даже у самихъ этихъ вождей. Съ помощью этихъ-то свидѣтельствъ, нѣсколько не подозрительныхъ, мы показали, не только можно вѣрять мнѣній неплородности совокупленій

какъ между особями, принадлежащими къ раз личнымъ чело вѣческимъ группамъ, такъ и между метисами отсюда проис шедшими. Мы не нашли здѣсь никакихъ признаковъ истин ной *гибридаціи*, а напротивъ вездѣ встрѣчали самые очевид ные признаки *метисаціи*. Такимъ образомъ, все принуждаетъ насъ признать *единство вида и множественность породъ*.

VIII. ТЕОРІЯ ПОЛИГЕНИСТОВЪ.

Вліяніе среды, Агасизова теорія.

Съ самыхъ первыхъ строкъ нашего труда, мы поста новили различіе между *видами, породою и разновидностію*, какъ дѣлаютъ теперь почти все современные зоологи и бота нисты. Странное дѣло: натуралистамъ поставлено было это въ упрекъ! О нихъ говорили, будто, вопреки началамъ естественной методы, они основали различеніе видовъ на единственномъ признакъ, произвольно избранномъ, — имен но на невозможности или крайней трудности скрещива нія; послѣ того очень понятно, говорятъ полигенисты, что группы признанныя моногенистами за виды не будутъ сливаться между собою, ибо группы эти распределены по правилу уже заранѣе установленному. Этимъ полигени сты и пытались объяснить, почему ученіе основываю щееся на упомянутомъ различіи согласуется съ подмѣченны ми фактами. Но это возраженіе опирается лишь на истори ческую ошибку. Не а ргіогі натуралисты *всѣхъ школъ* распре дѣлили живыя существа на *виды, породы и разновидности*, — а руководствуясь наблюденіемъ и опытомъ. Они прежде отыскали *предметы*, а потому уже обозначили ихъ *словами*. Слѣдовательно, мы, которые пользуемся трудами нашихъ предшественниковъ, мы можемъ, даже *должны*, особенно въ спорѣ, который весь основывается на этомъ распределеніи, сказать ясно съ са маго начала, что означается тѣми терминами, которые придется намъ употреблять: именно такъ мы и поступили. Полигени сты, напротивъ, дважды неправы: во первыхъ, они забыли о предметахъ, а во вторыхъ, одни слова приняли за другія. Вотъ отчего въ ихъ сочиненіяхъ и въ ихъ понятіяхъ обна руживается сбивчивость, образцы которой были нами указаны

въ предыдущей статьѣ, и которая найдется почти во всѣхъ ихъ доводахъ.

Есть, сверхъ того, другое общее понятіе, въ которомъ также ошибаются противники моногеннама,—понятіе о *дѣйствіи среды*. Полигенисты обыкновенно стараются прикнудить къ натуралистамъ философской школы ¹; имена Ламарка и Жоэфруа Сентъ-Илера они произносятъ не иначе какъ съ благоговѣніемъ; но какъ скоро дѣло идетъ о *средѣ*, они забываютъ наиболее характеристическія теоріи этой школы, ученіе наиболее проповѣдуемое тѣми, кого они провозглашаютъ своими учителями. Тутъ они обращаются къ противнымъ школамъ и заходятъ даже гораздо далѣе учениковъ Кювье или самого Бленвиля. Последніе, вопреки своимъ безусловнымъ теоріямъ, признавали, по крайней мѣрѣ на практикѣ, измѣняющую силу внѣшнихъ вліяній, и поэтому, съ опасеніемъ даже сойдтись съ *натуралистами-философами*, согласовали свое ученіе съ фактами, и наряду съ *видомъ* признавали *породу*. Полигенисты, напротивъ, рѣшительно отрицаютъ это вліяніе внѣшняго міра, или стараются выставить въ самомъ незначительномъ видѣ его результаты наиболее очевидные. По ихъ мнѣнію, среда почти вовсе не имѣетъ вліянія, и во всякомъ случаѣ не можетъ произвести сильныхъ измѣненій не только въ начальной формѣ, но даже въ самомъ цвѣтѣ. Такимъ образомъ, и здѣсь полигенисты состоятъ въ противорѣчій со *всѣми натуралистами*, а особенно съ *натуралистами-философами* ¹.

¹ Впрочемъ не ко всѣмъ: замѣчательно, что полигенисты наиболее превозносящіе Ламарка и Жоэфруа Сентъ-Илера никогда не упоминаютъ о Бюфонѣ; можно подумать, что они не причисляютъ его къ *натуралистамъ-философамъ*.

Чтобы точность нашихъ словъ не подверглась сомнѣнію, мы позволимъ себѣ указать на седьмую главу *Зоологической Философіи* Ламарка. Надписаніе этой главы такое: *О вліяніи обстоятельствъ на дѣйствіе и привычки животныхъ, и о вліяніи, какое имѣютъ дѣйствіе и привычки этихъ животныхъ тѣло на измѣненія, происходящія въ ихъ организаціи и въ частяхъ ихъ тѣла*. Одно это заглавіе достаточно свидѣтельствуешь, что Ламаркъ сталъ бы на нашу сторону, противъ своихъ странныхъ поклонниковъ. Что касается до Жоэфруа Сентъ-Илера, то довольно припомнить его споры съ Кювье о вліяніи *окружающей среды*, и мы убѣдимся, что онъ скорѣе насъ призналъ бы за своихъ учениковъ чѣмъ полигенистовъ. Дѣйствительно, въ этомъ спорѣ Жоэфруа показалъ себя болѣе физиологомъ чѣмъ его великій противникъ.

Только отрицаніемъ вліянія среды, сбивчивыми и неполными понятіями о видѣ и породѣ можно объяснить нѣкоторые изъ возраженій, съ такою самоувѣренностію противопоставляемыхъ моногенизму. Ноттъ и Глиддонъ посвятили длинную и весьма занимательную главу физической исторіи Евреевъ, основанную на наблюденіяхъ, произведенныхъ въ разныхъ странахъ міра. Они стараются доказать, что Евреи повсюду остались одинаковы. Но въ доказательство противнаго, вѣтъ даже надобности ссылаться на какія-нибудь свидѣтельства, помимо тѣхъ, которыя представлены самими авторами. Одинъ изъ ихъ корреспондентовъ объявляетъ, что между сѣверными и южными Евреями, существуетъ много разницы въ цвѣтѣ глазъ и кожи, и что сѣверные Евреи столько же отличаются отъ южныхъ, сколько англійскія семейства оставшіяся въ Англіи отъ потомства семействъ переселившихся въ Америку. Подобно намъ, корреспондентъ приписываетъ эти измѣненія вліянію климата³. Другой корреспондентъ, стараясь показать отличіе *черныхъ Евреевъ* отъ *блѣлыхъ* кохинхинскихъ, говорить, что цвѣтъ послѣднихъ весьма темный, однакожь несовѣтъ черный. Но въ сущности, къ чему же приводить разсужденія Нотта и Глиддона, если допустить выставляемые ими факты всѣ безъ изыятія? Къ двумъ совершенно разнымъ заключеніямъ: вопервыхъ, что Евреи не похожи другъ на друга, что они «подобно Кавказцамъ, перевезеннымъ нѣсколько поколѣній тому назадъ въ другой климатъ⁴, подверглись вліянію среды, въ которой жили (а это вовсе несогласно съ теоріями полигенистовъ); и вовторыхъ, что, несмотря на десятилѣтнее пребываніе въ Индіи, они не преобразовались въ истин-

³ Читая это письмо, не можешь понять, какъ могли Ноттъ и Глиддонъ сослаться на него въ опору своихъ мнѣній. Это можно объяснить только тѣмъ, что въ началѣ письма стоитъ фраза, въ которой корреспондентъ говоритъ, что у всѣхъ Евреевъ *есть черты одинакія*. Въ чемъ состоятъ эти характеристическія черты? Это, разумѣется, не объяснено, да правду сказать, и объяснить трудно. Камперъ, извѣстный за весьма искуснаго рисовальщика, занимавшійся всю свою жизнь вопросами этого рода, увѣряетъ, что онъ бесполезно пытался съ точностію опредѣлить характеръ еврейской головы. При моихъ неоднократныхъ поѣздкахъ въ Альбасъ, я имѣлъ не болѣе удачи чѣмъ Камперъ и не болѣе чѣмъ Пиккерингъ, который въ еврейскомъ населеніи Бомбея нашелъ неожиданную разновидность въ чертахъ лица, цвѣтѣ кожи и костюмахъ.

⁴ Выраженіе одного изъ корреспондентовъ Нотта и Глиддона.

ныхъ Индусовъ, чему мы охотно вѣримъ. Правда, Ноттъ и Глиддонъ находятъ въ этомъ доказательство въ пользу многочисленности видовъ; но такой доводъ сходенъ съ возраженіемъ, которое намъ самимъ представляли, и которое можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ: «Вотъ уже три столѣтія, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ живутъ вмѣстѣ бѣлые и негры, подъ одними и тѣми же вліяніями среды, однакожь они не сдѣлались похожи другъ на друга; притомъ, ни тѣ, ни другіе не преобразовались въ *краснокожихъ*, и этого преобразования никогда не будетъ.» На эти два возраженія отвѣчать очень легко.

Замѣтимъ воцервыхъ, что не таково мнѣніе г. Реклю, по крайней мѣрѣ относительно цвѣта кожи. Въ описаніи своего путешествія, на которое мы уже указывали, онъ, не занимаясь никакими спорами, и передавая только свои впечатлѣнія, говоритъ слѣдующее: «Еслибы вліяніямъ климата не противодѣйствовали другія вліянія, то можетъ-быть, по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, Американцы, откуда бы ни пріѣхали ихъ предки—изъ Ирландіи, Франціи или Конго, всё получили бы цвѣтъ туземцевъ.» Будетъ ли дѣйствительно такъ? Мы не можемъ еще отвѣчать на это; намъ кажется, что даже и въ цвѣтѣ кожи трудно предположить такое превращеніе, чтобы негръ и бѣлый стали совершенно одинаковы; подобное же превращеніе всѣхъ отличительныхъ признаковъ, въ ихъ совокупности, по всѣмъ вѣроятностямъ, просто невозможно. Безъ помощи сврещиванія, и вслѣдствіе одного вліянія среды, бѣлый никогда не сдѣлается негромъ, негръ никогда не преобразится въ бѣлаго: въ этомъ пунктѣ мы совершенно согласны съ полигенистами. Но они выводятъ изъ этого факта заключеніе, что бѣлые и черные люди принадлежатъ къ разнымъ видамъ: этого мы не допускаемъ. Чтобы рѣшить кто изъ насъ правъ, нужно вспомнить о заключеніяхъ, къ какимъ приводитъ наблюденіе надъ породами домашнихъ животныхъ.

Когда англійскіе скотоводы старались измѣнить породы лейчестерскую и тисскую, были ли получены ими одни и тѣ же результаты, хотя были употреблены одни и тѣ же средства, и часто даже—одними и тѣми же лицами, и всегда съ одною и тою же цѣлію? Нѣтъ, лейчестерская порода преобразовалась въ диншлейскую, тисватерская въ дургамскую, и никогда скотоводъ не смѣшаетъ этихъ двухъ породъ, одной съ другою. Мы уже поставляли на видъ слѣдствіе проистекающее изъ этого факта

и другихъ подобныхъ: новая порода никогда не бываетъ простымъ продуктомъ; говоря языкомъ математиковъ, она всегда есть *сумма* двухъ *слагаемыхъ* частей: первобытной породы и свойства среды. Измѣнится одна изъ этихъ стихій, тогда переизмѣнится и результатъ, какъ измѣняется сумма при измѣненіи одной изъ слагаемыхъ частей. Такимъ образомъ, чело-вѣкъ арійской породы и чело-вѣкъ породы семитической, оба измѣненные индѣйскимъ климатомъ, не произведутъ одного и того же чело-вѣка и одной и той же породы, сколько бы ни прошло времени. Поэтому-то, черезъ четыре тысячи лѣтъ, кохинхинскій Еврей еще отличается отъ настоящаго Индуса; поэтому-то и негръ съ Англо-Саксонцемъ, въ Америкѣ, хотя и получаютъ какіе-нибудь общіе признаки, никогда однакожь не потеряютъ отличій между собою. Поэтому также негръ перевезенный въ Европу никакъ не сдѣлается истиннымъ Кавказцемъ, хотя бы даже цвѣтъ его кожи побѣлѣлъ, а равно и Европеецъ никакъ не сдѣлается истиннымъ негромъ, хотя бы даже цвѣтъ кожи его почернѣлъ. Породы происходящія отъ разныхъ корней могутъ состоять подъ одинаковыми вліяніями, сближаться между собою, пріобрѣтать нѣкоторые общіе признаки, сообщаемые имъ средою; но онѣ всегда будутъ представлять нѣсколько замѣтныхъ различій, которыя зависятъ отъ ихъ первобытной природы, и которыя для каждой изъ нихъ служатъ нѣкотораго рода свидѣтельствомъ о происхожденіи. Вотъ что замѣчено у животныхъ, что оказывается у дикихъ собакъ въ Америкѣ, и что очень просто объясняется началами, изложенными въ нашихъ предыдущихъ статьяхъ. Итакъ, факты указанные выше, и самыя гипотезы того же свойства, противопоставляемыя моногенистамъ, не только не противорѣчатъ ученіямъ послѣднихъ, но еще болѣе придаютъ очевидности полному согласію этихъ ученій съ результатами опыта и наблюденія.

Въ настоящее время, до такой степени невозможно отрицать глубокихъ и сильныхъ измѣненій, производимыхъ средою, что нѣкоторые изъ полигенистовъ уже не спорятъ противъ нихъ; только они не хотятъ видѣть въ этомъ ничего кромѣ признаковъ вырожденія и смерти; по ихъ словамъ, вліяніе среды имѣетъ силу лишь убивать. Особенно прямо утверждаетъ это Ноксъ. Болѣе откровенный, или болѣе логичный нежели большая часть полигенистовъ, онъ, въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, безусловно принялъ послѣдствія своихъ общихъ теорій. По его мнѣнію, какъ по

мнѣнію и всей американской школы, каждый видъ людей есть произведеніе мѣстности. Отсюда онъ заключаетъ, что никакой видъ людей не можетъ жить внѣ почвы и климата, которые произвели его. Онъ не можетъ отрицать ни перемѣнъ, какимъ подверглись *янки*, столь мало въ настоящее время похожіе на своихъ англо-саксонскихъ предковъ, ни измѣненій, почти столь же замѣтныхъ, какія произошли съ кельтійскою породой, со времени ея переселенія въ Канаду¹; но въ особенностяхъ, которыя являются у этого потомства Европейцевъ, онъ не только не видитъ признаковъ образованія новыхъ породъ, напротивъ находитъ въ нихъ только доказательства физическаго и нравственнаго упадка, и признаки близкаго разрушенія.

Въ отвѣтъ на эти странныя объясненія приведемъ лишь нѣсколько фактовъ и цифръ. Изъ этихъ-то «выродковъ, пигмеевъ умомъ и тѣломъ», образуются въ Канадѣ тѣ *льсоходы*, тѣ *скитальцы*, которые, попеременно занимаясь то плаваніемъ по рѣкамъ и озерамъ, то звѣроловствомъ и рубкою деревьевъ, живя въ лѣсахъ и пустыняхъ, въ безпрестанной борьбѣ то съ природою, то съ людьми, служатъ почти единственными посредниками между туземцами и англійскими конторами. Они то поддерживаютъ въ Квебекѣ и Монреалѣ вкусъ къ литературѣ и къ искусствамъ, и во имя высшихъ умственныхъ интересовъ ведутъ борьбу противъ направленія англійскихъ колонистовъ, почти исключительно утилитарнаго. Наконецъ, эти самые люди, эти переселившіеся Кельты, долго составлявшіе весьма значительное большинство канадскихъ жителей, и до сихъ поръ—хотя со времени присоединенія Канады къ англійскимъ владѣніямъ, и не пополняются уже новыми переселенцами изъ ихъ первобытнаго отечества,—составляютъ еще болѣе трети населенія, и распложаются съ весьма-замѣчательною быстротою. Въ 1763 году, когда былъ заключенъ роковой трактатъ объ уступкѣ Канады, въ этой области считалось 70.000 жителей; въ 1814 году общая масса населенія воз-

¹ Вслѣдствіе долговременнаго пребыванія въ Америкѣ, канадскіе греолы утратили свой яркій румянецъ. Цвѣтъ лица принялъ у нихъ оттѣнокъ темносѣрый; волосы у нихъ черные, и гладко лежатъ на вискахъ, какъ у Индѣйцевъ. Въ этихъ людяхъ не замѣтно уже европейскаго, особенно же галльскаго типа. Th. Pavie, *Revue des Deux Mondes*, 15-го, декабря 1850.

расла до 335.000 душъ, и въ томъ числѣ было 275.000 Французовъ. По переписи 1851 года, оказывается 1.842.265 Канадцевъ, и въ числѣ ихъ 695.945 Французовъ. Слѣдственно, въ пятьдесятъ-одинъ годъ это племя увеличилось почти четверо, несмотря на борьбу слѣдовавшую за покореніемъ, и возрасло почти вдесатеро въ продолженіе восьмидесяти восьми лѣтъ. Конечно, нельзя противъ увѣреній Нокса представить опроверженія болѣе рѣшительнаго ¹.

Не касаясь здѣсь всей совокупности весьма сложнаго вопроса объ акклиматизаціи, не можемъ, однакожь, не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ, по случаю доводовъ извлекаемыхъ полигенистами изъ того обстоятельства, что въ нѣкоторыхъ странахъ съ трудомъ могутъ процвѣтать породы чуждыя почвѣ. Совершенная правда, что бѣлый Европейецъ переселенный изъ Европы подъ экваторъ или въ между-тропическую полосу томится и часто умираетъ безъ потомковъ; или оставляетъ такое потомство, которое угасаетъ черезъ нѣсколько поколѣній. Правда, что африканскій негръ, по переселеніи въ Европу, часто умираетъ отъ чахотки. Правда также, что въ алжирской колоніи смертность между молодыми людьми, особенно же между дѣтьми, гораздо значительнѣе нежели во Франціи. Но какими образомъ эти факты могутъ свидѣтельствовать въ пользу полигенизма? Породы, мы уже видѣли, прежде всего есть произведеніе среды. Образовавшись подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ, постоянно господствующихъ условій бытія, и *вдругъ* подпавъ новымъ условіямъ существованія, она естественно страдаетъ, и иногда не выноситъ борьбы, возникающей между организмомъ и внѣшнимъ міромъ. Немедленная акклиматизація при подобныхъ условіяхъ, напротивъ, именно и не была бы объяснима теоріею, которую мы защищаемъ!

Что бы ни говорили Ноксъ и полигенисты, усвоившіе себѣ

¹ Населеніе Акадіи представляетъ фактъ можетъ-быть еще болѣе развитый. Весьма значительное большинство Акадійцевъ, по словамъ Рамо—болѣе трехъ четвертей населенія, происходитъ, какъ значитса по ревизіи 1671, отъ 47 французскихъ семействъ, состоявшихъ изъ 400 лицъ. Въ 1755 это число возрасло уже до 18.000. Известно, что въ это время жители насильственно были разсѣяны Англичанами: 6000 Акадійцевъ были выселены; 1.500 переселились въ Канаду; 2.500 пропали безъ вѣсти. Слѣдственно оставалось лишь около 8000; но теперь ихъ 95.000. Эти цифры собраны въ неизданномъ еще сочиненіи г. Будена, который и сообщилъ ихъ Антропологическому Обществу.

его понятія въ формѣ болѣе или менѣе смягченной, Европейецъ благоденствуетъ и расплождается во всякой странѣ, гдѣ не встрѣчается условій слишкомъ далеко несогласныхъ съ кровью переданною ему предками. Отдаленность края и несходство туземныхъ породъ съ Европейцами не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на этотъ результатъ. Это можно доказать разительными примѣрами. На мысѣ Доброй Надежды и въ Новой Голландіи живутъ двѣ породы людей, которыя всегда почитались самыми несходными съ европейскимъ человѣкомъ и были даже уподобляемы обезьянамъ; обѣ эти страны очень далеко отстоятъ отъ насъ, и жители одной изъ нихъ—наши антиподы. Однакожъ, именно эти два пункта земнаго шара, повидимому, наиболѣе и годны для поселенія бѣлыхъ породъ. На мысѣ Доброй Надежды, напримѣръ, Французъ, изгнанный изъ Франціи нантскимъ эдиктомъ, Голландецъ, Англичанинъ, привлеченные надеждою на благосостояніе, котораго не могли добиться у себя дома, — всѣ равно размножились, и таблицы составленныя по свѣдѣніямъ, которыя собралъ г. Буденъ, доказываютъ, что въ англійскихъ войскахъ, расположенныхъ на мысѣ Доброй Надежды, умираетъ ежегодно нѣсколько менѣе людей нежели въ самой Англій, и притомъ въ войскахъ пользующихся наиболѣе выгоднымъ положеніемъ ¹.

Занимаемъ у г. Будена еще нѣсколько сообщаемыхъ имъ фактовъ. Говорили, что бѣлый не можетъ жить въ жаркихъ краяхъ. Г. Буденъ доказываетъ, что на южномъ полушаріи, даже при неблагопріятныхъ повидимому условіяхъ, самый сильный жаръ не имѣетъ такого дѣйствія, какъ на сѣверномъ полушаріи. Напримѣръ, на островахъ Южнаго моря, а также въ Южной Америкѣ и Африкѣ, бѣлые могутъ, повидимому, безопасно переносить тропическій жаръ, и жить въ сосѣдствѣ съ болотами, которыхъ испаренія были бы для нихъ неминуемо смертельны на сѣверномъ полушаріи ¹. Говорили

¹ Въ продолженіе семи лѣтъ, смертность между ста человѣками лейб-кавалеріи простиралась до 14,5; между гвардейскими драгунами 15,3; между гвардейскою и линейною пѣхотой до 15,5. Но на мысѣ Доброй Надежды, въ продолженіи осмынадцати лѣтъ смертность между войсками простиралась только до 14,1 изъ 1000. — *Traité de Géographie et de Statistique médicales.*

¹ Г. Буденъ особенно настаиваетъ на этомъ неожиданномъ результатѣ въ сообщеніяхъ своихъ Антропологическому Обществу. Эту безвредность южнаго полушарія онъ приписываетъ преимущественно почти совершенному отсутствію болотныхъ лихорадокъ, отсутствію,

также, будто негръ распложается и благоденствуетъ повсюду, гдѣ находятъ высокую температуру своего отечества. Г. Буденъ доказываетъ цифрами, что на островахъ Мексиканскаго залива негритянская порода видимо изсыкаетъ; онъ повторяетъ слѣдующее предвѣщаніе полковника Туллоха: «не пройдетъ ста лѣтъ, и негритянская порода почти перестанетъ существовать въ англійскихъ вестъ-индскихъ колоніяхъ.» Но изъ его словъ видно, что на Барбадосѣ, въ то же время, не оказывается никакихъ признаковъ, «чтобы эта порода со временемъ пресѣклась; на островѣ Мартиникѣ, по его словамъ, ежегодно родится негровъ почти двумя тысячами больше чѣмъ умираетъ, тогда какъ на Гваделупѣ умираетъ замѣтно болѣе чѣмъ родится. Такимъ образомъ, изысканіями г. Будена, предпринятыми исключительно съ медицинскою цѣлью, и опирающимися на достовѣрнѣйшіе офиціальныя документы, опровергаются нѣкоторыя изъ самыхъ положительныхъ увѣреній полигенистовъ, и подтверждается все сказанное нами о *мѣстныхъ* вліяніяхъ среды, объ этомъ элементѣ, о которомъ такъ легко забываютъ въ вопросахъ относящихся къ породамъ.

Многіе писатели-полигенисты утверждали, будто негры совершенно недоступны вліянію нѣкоторыхъ испареній, смертельно дѣйствующихъ на бѣлыхъ; въ этой невредимости, которую представляли безусловною, они готовы были видѣть специфическое свойство, пригодное для отличенія негровъ отъ бѣлыхъ. И здѣсь полигенисты страннымъ образомъ преувеличили важность и значеніе нѣкоторыхъ подлинныхъ фактовъ. Изслѣдованія, на мѣстѣ произведенныя въ продолженіи многихъ лѣтъ докторомъ Винтерботтомомъ, свидѣтельствуютъ, что сіерра-леонскіе туземцы часто подвергаются перемежающимся лихорадкамъ, и «лихорадки эти сопровождаются у нихъ точно тѣми же признаками, какъ и у акклиматизированныхъ бѣлыхъ»¹. Цифры собранныя г-мъ Буденомъ доказываютъ очевиднымъ образомъ, что хотя негры лучше всѣхъ другихъ людей выносятъ болотныя лихорадки, однакожъ

которое само по себѣ уже есть фактъ очень странный, ибо въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Новой Каледоніи, въ области рѣшительно тропической, соединены, повидимому, всѣ условія, содѣйствующія у насъ появленію этихъ лихорадокъ.

¹ Причардъ, *Researches into the physical History of Mankind*.

страдаютъ отъ нихъ и умираютъ также какъ и бѣлые. Но между этими двумя крайними породами есть еще промежуточные². Какой же натуралистъ сочтетъ отличительнымъ специфическимъ признакомъ какую-нибудь особенность общую многимъ группамъ растений или животныхъ, которая обнаруживается хотя не во всѣхъ особяхъ входящихъ въ составъ одной изъ этихъ группъ, но во всѣхъ обнаруживается съ одними и тѣми же признаками и только въ нѣкоторыхъ рѣже, въ другихъ чаще?

Впрочемъ вотъ лучшее доказательство, что эта невредимость, которою болѣе или менѣе пользуется порода негровъ, не только не есть *признакъ вида*, напротивъ самымъ очевиднымъ образомъ принадлежитъ къ *признакамъ породы*. Во время экспедиціи Англичанъ по Нигеру въ 1841-мъ году, почти всѣ бѣлые сильно страдали отъ лихорадокъ; напротивъ почти всѣ черные избѣгли этого бича тропической Африки. Было однакожь одиннадцать негровъ, которые занемогли лихорадкою; всѣ они много лѣтъ жили въ Англіи, и можетъ-быть вслѣдствіе этого обстоятельства утратили отчасти свою невредимость¹. Уже Винтерботтомъ замѣтилъ, что лихорадкамъ очень часто подвергаются негры привозимые изъ Новой Шотландіи въ Сіерра-Леоне, а Причардъ, указывая на этотъ фактъ, приписалъ его той же причинѣ, которой и г. Буденъ. Слѣдственно люди негритянской породы, вывезенные изъ Африки, *отвыкаютъ*, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой сте-

² Вотъ, по свидѣтельству г. Будена, какая смертность отъ лихорадокъ приходится на 1000 въ войскѣ изъ пяти разныхъ племенъ, которое Англія содержитъ на островѣ Цейланѣ:

Негровъ.	1, 1.
Туземныхъ Индѣйцевъ.	4, 5.
Малайцевъ.	6, 7.
Цейланскихъ туземцевъ.	7, 9.
Англичанъ.	24, 6.

Читатели замѣтятъ, что цейланскіе туземцы стоятъ въ этой таблицѣ лишь на четвертомъ мѣстѣ, и слѣдственно болѣе страдаютъ отъ своего отечественнаго климата нежели нѣкоторые переселенцы. Одного этого факта достаточно, чтобъ опровергнуть теорію Нокса и его послѣдователей.

¹ Это замѣчаніе г. Будена тѣмъ болѣе имѣетъ вѣса, что авторъ производилъ, да и теперь еще производитъ, спеціальныя изслѣдованія о способности свойственной разнымъ человѣческимъ породамъ противостоять той или другой болѣзни.

пени, отъ климата своей первоначальной родины. Въ замѣнъ этого, прибывъ въ другія среды, *акклиматизируясь* къ инымъ странамъ, эта порода приобретаетъ способность выходить безвредно изъ другихъ опасностей для здоровья. Известно, что черные гораздо менѣ бѣлыхъ подвергаются желтой лихорадкѣ. Они передаютъ эту драгоценную способность мулатамъ, и Ноттъ говоритъ даже, что, по его мнѣнію, четвертая доля негритянской крови служитъ столь же вѣрнымъ предохранительнымъ средствомъ противъ желтой лихорадки, какъ коровья оспа противъ натуральной ². Но до прибытія своего изъ Африки, негры не пользовались этимъ преимуществомъ. По крайней мѣрѣ докторъ Клеркъ, въ своемъ описаніи эпидеміи, свирѣпствовавшей съ 1793-го года по 1796-й на островъ Санъ-Доминго, увѣряетъ, что *если* негры, недавно привезенные изъ Африки подверглись заразѣ, тогда какъ жившіе давно на островѣ избѣгли ея. Послѣ подобныхъ примѣровъ можно ли находить *признаки* *вмѣда* въ упомянутой способности болѣе или менѣ полно противостоять болѣзнетворнымъ вліяніямъ? Можно ли не признать, что среда оказываетъ сильное дѣйствіе на самыя существенныя свойства человѣческаго организма?

Еслибъ испытываемое какимъ-нибудь человѣкомъ затрудненіе жить и распложаться въ той или другой странѣ служило доказательствомъ, что этотъ человѣкъ принадлежитъ не къ тому виду человѣческаго рода, къ которому прочіе жители той же страны, то за образцами множественности человѣческихъ *видовъ*, не было бы надобности ѣздить въ Африку, Азію или Америку. Ихъ можно бы найдти не выѣзжая изъ Франціи. Домба, плоская возвышенность, усѣянная прудами, Домба, которой печальную и любопытную исторію разказалъ г. Лавернь ³,

² Если это такъ, то можно видѣть, какая будущность обезпечивается мулатамъ на югѣ Соединенныхъ Штатовъ и во всей Южной Америкѣ этою ихъ невредимостью. И въ этомъ случаѣ также оказывается, что переселенная порода выше туземной, ибо въ туземныхъ американскихъ племенахъ желтая лихорадка часто похищала цѣлую десятую часть населенія. Гумбольдтъ полагаетъ, что нѣкотораго рода чума свирѣпствовавшая въ имперіи Ацтековъ передъ вторженіемъ въ нее Испанцевъ, и упоминаемая въ лѣтописяхъ этой имперіи подъ названіемъ *матлацацутль*, была не иное что какъ эпидемія подобнаго свойства.

³ *Revue des Deux Mondes* 15-го января 1860 г.

почти также смертоносна для сосѣдственныхъ съ нею горцевъ, какъ берега Сенегала для европейскихъ переселенцевъ, и конечно смертоноснѣе равнинъ Буэносъ-Айреса или Монтевидео. Въ Домбѣ жителей очень мало; всѣ они ослаблены болѣзнями, ростъ ихъ гораздо менѣе, и средняя продолжительность жизни замѣтно короче, чѣмъ у сосѣднихъ жителей²; но мало-помалу подчинивъ себя исключительнымъ условіямъ существованія, населеніе Домбы выносить ихъ и противостоятъ ихъ разрушительнымъ вліяніямъ лучше нежели крѣпко сложенные горцы Юры и Бюже. «Часто, говоритъ г. Герве-Мангонъ, мужчины и женщины, привлеченные выгоднымъ бракомъ, переселяются въ Домбу, надѣясь, что мужъ или жена скоро умретъ, и оставитъ имъ наследство, съ которымъ они воротятся опять на родину; но часто случается, что смерть обманываетъ эти грустные разчеты, и туземець, повидимому слабый, болѣзненный, переживаетъ крѣпкаго, здороваго пришельца. Поденщики, нанимающіеся изъ другихъ сторонъ въ Домбу, проживаютъ въ этой нездоровой мѣстности не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ, а временные рабочіе, нанимаемые только для жатвы, какъ кажется, не соглашаются подвергаться два лѣта сряду вліяніямъ, которыхъ страшную силу они поняли.» Итакъ, въ размѣрѣ нѣсколько уменьшенномъ, все происходитъ въ Домбѣ точно такъ же, какъ въ Сенегалѣ или Габонѣ. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что уроженецъ Домбы принадлежитъ не къ тому *виду* людей, къ которому сосѣдніе съ нимъ горцы? Ноксъ не усомнился бы отвѣчать утвердительно, и вотъ гдѣ особенно умѣстно будетъ выставить на видъ одно изъ самыхъ странныхъ слѣдствій, къ которымъ вѣрованія полигенистовъ приводятъ своихъ приверженцевъ.

Когда Вирей, который первый сообщилъ полигенизму ученую форму, обнарудовалъ свою классификацію, онъ при-

² *Rappott à M. le ministre de l'agriculture et du commerce sur l'amélioration sanitaire et agricole de la Dombes*, г. Герве-Мангона. Этотъ печальный порядокъ вещей зависитъ впрочемъ единственно отъ употребленія, на которое въ Домбѣ обратили почву. Г. Лавернь полагаетъ, что Домба была населена гораздо болѣе, когда тамъ еще не промышляли въ такихъ обширныхъ размѣрахъ рыбными садками; онъ говоритъ также, что, вслѣдствіе улучшеній уже сдѣланныхъ въ этой мѣстности, средняя продолжительность жизни и здѣсь болѣе и болѣе приближается къ цифрѣ, на которой она стоитъ въ остальной Франціи. (Неизданная записка г. Лаверня.)

зналъ лишь два вида людей ¹; но онъ положилъ начало, и слѣдствія не могли не обнаружиться рано или поздно. Какъ скоро на человѣческія группы стали смотрѣть не какъ на *породы*, а начали распределять ихъ по *видамъ*, то пришлось по необходимости умножать число видовъ. Тѣмъ не менѣе, Бори Сейн-Венсанъ допустилъ только пятнадцать видовъ людей ²; а Демуленъ прибавилъ къ этому числу лишь одинъ видъ ³; но толчокъ былъ уже данъ, и остановиться не могли. Жерди принялъ, что *родъ* человѣческій одинъ, но раздѣленъ на четыре родовые *отдѣла* (*sous-genres*), и въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ заключается нѣсколько разновидностей, изъ которыхъ онъ поименовалъ только главныя. Притомъ, по его мнѣнію, эти разновидности могли производиться отъ смѣси также неопредѣленнаго числа *видовъ*, которые уже не существуютъ въ чистомъ состояніи, и потому ихъ почти невозможно разузнать ⁴. Ясно, что онъ пошелъ уже гораздо далѣе Бори и Демулена; но ясно также, что неопредѣленность понятій увеличивается по мѣрѣ того какъ умножается число *видовъ* *человѣческихъ*. Начинаетъ являться невозможность охарактеризовать эти виды, разграничить ихъ.

Это соображеніе не остановило американской школы: она оставила далеко позади себя робкія попытки европейскихъ полигенистовъ. Глава ея, Мортонъ, раздѣлилъ человѣческія группы на тридцать два *семейства*, подраздѣлилъ каждое еще на нѣсколько *видовъ*. Въ свою очередь Глиддонъ увеличилъ число *семействъ* до ста пятидесяти, а наконецъ американскіе полигенисты предположили даже, что люди были создаваемы цѣлыми *націями* вдругъ. На этотъ разъ уже нѣтъ никакой возможности идти далѣе, ибо каждое самаѣйшее племя американскихъ лѣсовъ, или индѣйскихъ джонгловъ, отличающееся хоть сколько-нибудь отъ своихъ сосѣдей чертами лица, цвѣтомъ кожи или языкомъ, есть уже *нація*, по мнѣнію антропологовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и слѣдственно—*особый видъ*. Тому же правилу подчинены и европейскія по-

¹ *Histoire naturelle du genre humain* (1801). Вирей отличаетъ эти два вида по величинѣ ихъ лицеваго угла. Каждый дѣлится у него на три породы.

² *Dictionnaire classique d'Histoire naturelle* (1825), статья: *Человѣкъ*.

³ *Histoire naturelle des races humaines* (1826).

⁴ *Physiologie médicale* (1832).

роды. Ноксъ, который, кажется, прежде всѣхъ другихъ явно проповѣдывалъ въ новѣйшія времена, что всѣ человѣческія группы сотворены на извѣстныхъ отдѣльныхъ мѣстахъ, ставить въ своей книгѣ силуэтъ Грека-горца на-ряду съ силуэтомъ русскаго мужика. Противопоставивъ такимъ образомъ рѣзкія черты и изогнутый носъ перваго плоскому лицу и сплюснутому носу послѣдняго, онъ надписалъ внизу: «Оба они бѣлой породы: смотрите, много ли между ними сходства!» Тотъ же авторъ говоритъ: «цѣль моего сочиненія—доказать, что такъ-называемыя европейскія породы имѣютъ между собою столь же совершенное различіе, какъ различіе Негръ отъ Бошимена, Каоръ отъ Готтентота, краснокожій Индѣецъ отъ Эскимоса, Эскимось отъ Баска.» Затѣмъ, всѣ эти группы Ноксъ почитаетъ отдѣльными *видами*.

Многіе читатели, конечно, будутъ удивлены этимъ заключеніемъ. Имъ покажется страннымъ, чтобы можно было допустить между Англичаниномъ и Шотландцемъ, между Ирландцемъ и Валлисцемъ, между Французомъ и Нѣмцемъ, между Нѣмцемъ и Чехомъ различіе столь же рѣзкое, различіе въ томъ же родѣ, какъ различается осель отъ лошади и лошадь отъ зебра¹. Однакожь это заключеніе весьма логично. Оно неизбежно для всякаго, кто, забывъ различіе между *породой* и *видомъ*, и отрицая вліянія среды, то-есть отбрасывая въ сторону всѣ *физиологическія указанія*, примѣнимыя къ настоящему вопросу, руководствуется при обсужденіи фактовъ только соображеніями, заимствованными исключительно отъ формы. А въ сущности, всѣ полигенисты именно такъ и поступаютъ. *Различіе формъ*,—вотъ на что они указываютъ постоянно, въ видѣ ли прямаго доказательства для своихъ мнѣній, или въ видѣ возраженій на ученіе противниковъ. На этой почвѣ, силуэты Нокса и его восклицаніе: «смотрите, похожи ли они другъ на друга!» дѣйствительно составляютъ доказательство; но кто не знаетъ какаго-нибудь семейства, о которомъ, при помощи тѣхъ же доводовъ, можно было бы доказывать, что два родные брата, или двѣ сестры принадлежать къ *различнымъ видамъ* людей? И какъ,

¹ Родъ называемый *конскими*, есть одинъ изъ наиболѣе естественныхъ въ классѣ млекопитающихъ, и всѣ три животныя мною упомянутыя составляютъ *виды* этого *рода*.

послѣ всего изложеннаго выше, допустить начало, неминуемо приводящее къ подобнымъ послѣдствіямъ?

Мы изложили, сколько можно было лучше, тѣ изъ доводовъ, противопоставляемыхъ моногенизму, которые болѣе другихъ имѣютъ видъ основательности, изложили нисколько не стараясь уменьшать ихъ значеніе. Кажется, мы вполне опровергли эти доводы, и читатель долженъ рѣшить, основательны ли наши отвѣты. Теперь намъ слѣдуетъ приступить къ обсужденію особеннаго ученія, недавно возникшаго въ Америкѣ; оно занимаетъ нѣкоторымъ образомъ средину между моногенизмомъ и полигенизмомъ (какъ это повидимому ни трудно), и провозглашенное отличнымъ натуралистомъ, Агасизомъ, имѣетъ въ настоящее время, особенно въ Германіи, весьма многихъ послѣдователей. По этому ученію, люди принадлежатъ къ одному и тому же *виду*, но этотъ видъ получилъ самое начало свое, вдругъ или постепенно, на разныхъ точкахъ земнаго шара, и различныя *породы* человѣка вполне образовались съ самаго начала, со всѣми особенностями, которыми онѣ и теперь отличаются одна отъ другой. Ясно, что это ученіе въ сущности принадлежитъ Пейреру¹. Свойство его нисколько не измѣнилось отъ того, что къ библейскимъ доводамъ, на которые почти исключительно опирался богословъ-дворянинъ, прибавлены всѣ доводы, какіе, съ нѣкоторою вѣроятностію, можно было заимствовать у новѣйшей науки. Безспорно, къ числу самыхъ куріозныхъ результатовъ порожденныхъ антропологическими преніями, принадлежитъ и то, что послѣ трехсотлѣтнихъ трудовъ по естественнымъ наукамъ¹ пренія эти побудили ученыхъ людей съ неоспоримыми достоинствами, влюбленныхъ въ философію и прогрессъ, возвратиться къ мнѣніямъ, которыя высказалъ богословъ XVII вѣка. Но быть правымъ можно во всѣ времена, и мнѣніе, какое бы ни было оно, когда оно восстанавливается и поддерживается такимъ натуралистомъ, каковъ Агасизъ, во всякомъ случаѣ достойно серьезнаго обсуждения.

Если смотрѣть съ ученой точки зрѣнія, на которой мы стоимъ, ученіе Пейрера съ перваго раза можетъ показаться весьма

¹ Пейрера не могъ, правда, употреблять словъ *порода* и *виды*. Это различіе постановлено натуралистами гораздо послѣ него; но кто читалъ его книгу, легко пойметъ, что его мысль была та же самая.

¹ Сочиненіе Пейрера вышло въ 1855 году.

заманчивымъ. Посредствомъ его очень естественно объединяется разнообразіе человѣческихъ группъ; въ немъ нѣтъ ничего противорѣчащаго фактамъ, нами изложеннымъ; въ немъ нѣтъ ничего несогласнаго съ общою физиологіей, которая служитъ намъ главною руководительницею во всемъ этомъ спорѣ. Изъ наблюдений, изъ опытовъ мы не можемъ дознаться ничего о *фактъ* существованія одной или многихъ первобытныхъ паръ. Слѣдственно, въ научномъ омыслѣ, и то и другое предположеніе равно оказывается возможнымъ. Предположимъ, что явилось вдругъ нѣсколько паръ: эти пары могли быть совершенно подобны, или же различаться только тѣми особенностями, которыя мы замѣчаемъ между породами. При этомъ послѣднемъ предположеніи, отличительные признаки породы и вида, въ томъ самомъ смыслѣ, какой опредѣленъ настоящею нашею статьею, были и въ этихъ первобытныхъ группахъ. Вопросъ очевидно, остается тотъ же, будемъ ли мы думать, что группы человѣческія появились совокупно въ какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ земнаго шара, или что онѣ возникли въ разныхъ странахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ одна отъ другой, болѣе или менѣе многочисленныхъ. Слѣдственно, тутъ уже ни къ чему не служатъ соображенія, которыми мы руководствовались до сихъ поръ, и для того чтобы рѣшить задачу, предъявленную гипотезой Пейреры, надобно прибѣгнуть къ понятіямъ совершенно другаго разряда. Такъ и сдѣлалъ Агасизъ. Возвратясь къ идеямъ своего предшественника, или, что вѣроятнѣе, дойдя до тѣхъ же убѣжденій совершенно инымъ путемъ, онъ основалъ свою теорію на *зоологической географіи*.

Эта теорія поставила знаменитаго натуралиста въ положеніе довольно странное. Агасизъ провозглашаетъ во всеуслышаніе, что по его мнѣнію существуетъ только одинъ видъ людей: поэтому слѣдовало бы думать, что его теорія будетъ одобрена всѣми приверженцами ученія о единствѣ человѣческаго: рода, и очень дурно принята защитниками множественности видовъ. Однакожь случилось совсѣмъ наоборотъ. Полигенисты съ восторгомъ превозносятъ Агасиза, а моногенисты запальчиво нападаютъ на него. Послѣдніе прямо называютъ Агасиза переметчикомъ, и даютъ весьма ясно разумѣть, что, для того чтобы добиться высокаго положенія, занимаемаго имъ столько лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ отступился отъ мнѣній, которымъ слѣдовалъ въ Европѣ, по край-

ной мѣрѣ, при помощи нѣкотораго рода увертки, онъ хотѣлъ, по ихъ словамъ, оказать поблажку страстямъ тѣмъ болѣе притязательнымъ, что онъ опирается на весьма-положительные интересы. Мы съ своей стороны объявляемъ всѣ подобныя обвиненія рѣшительно неосновательными. Они опровергаются всею жизнью Агасиза. Въ Европѣ онъ дѣлалъ для науки матеріальныя пожертванія, столь большія, что друзья его не могли ихъ одобрить; еще очень недавно онъ отказался отъ мѣста въ Музеѣ, хотя французское правительство безъ сомнѣнія не преминуло бы поставить его въ высокое положеніе, еслибъ онъ согласился принять сдѣланное предложеніе. Итакъ мы вполне убѣждены, что корыстные разчеты не имѣли ни малѣйшаго вліянія на мнѣнія проповѣдуемыя нашимъ собратомъ, столь же почтеннымъ, сколь справедливо прославленнымъ. Притомъ, если уже становиться на эту точку зрѣнія, — чего могъ бы лишиться Агасизъ, защищая самый чистый моногенизмъ, еслибы таковы были его убѣжденія? Профессорскаго мѣста въ невольничьихъ штатахъ? Но ему тотчасъ дали бы другое мѣсто въ какомъ-нибудь университетѣ вольныхъ штатовъ, и нѣтъ сомнѣнія, эти штаты сочли бы за счастье приютить у себя и вознаградить знаменитаго ученаго, который своими сочиненіями и своимъ словомъ распространилъ въ Соединенныхъ Штатахъ охоту, можно даже сказать страсть къ естественнымъ наукамъ.

Нельзя однакожъ не сознаться, что теорія признающая единство человѣческаго вида, должна по крайней мѣрѣ содержать въ себѣ довольно много темноты и противорѣчій, когда она съ восторгомъ принимается полигенистами и очень запальчиво подчасъ отвергается моногенистами. Дѣйствительно, въ ней есть и то и другое, и для того чтобъ уразумѣть, какимъ образомъ подобные недостатки могли закрѣпиться въ систему придуманную человѣкомъ столь высоко стоящимъ въ наукѣ, необходимо обратиться къ предшествовавшимъ трудамъ Агасиза. Изъ нихъ только удостовѣряешься, что Агасизъ никогда не отдавалъ себѣ точнаго отчета о томъ, что такое *видъ*, *порода*, *разновидность*. Этотъ естествоиспытатель началъ съ того, на чемъ кончилъ Кювье, — съ палеонтологіи, и въ тѣхъ его сочиненіяхъ, которыя имѣютъ цѣлью изученіе живыхъ тварей, всегда найдешь что-нибудь уцѣлѣвшее отъ первыхъ впечатлѣній, оставленныхъ животными вымершими. Здѣсь, безъ всякаго сомнѣнія, заключается первоначальный источникъ

всего, въ чемъ можно упренуть антропологическія сочиненія Агасиза. Это общее замѣчаніе можетъ быть доказано въ немногихъ словахъ.

Въ 1840 году, издавъ свои *Начала Зоологіи* (*Principes de Zoologie*), Агасизъ говоритъ, что видъ есть «последній терминъ классификаціи, на которомъ останавливаются натуралисты.» Нѣтъ сомнѣнія, что такого опредѣленія не приметъ ни одинъ ботаникъ или зоологъ, занимавшійся *жизельмъ ендомъ*. Авторъ принимаетъ здѣсь слѣдствіе за причину: видъ существовалъ прежде чѣмъ натуралисты остановились на немъ. Классификаторъ останавливается на видѣ, когда встрѣчаетъ его, но онъ его не создаетъ. А изъ выраженій употребленныхъ Агасизомъ выходило бы, напротивъ, что видъ есть только слѣдствіе классификаціи, группа условная, основанная единственно на незначительныхъ морфологическихъ различіяхъ. Мы находимъ здѣсь вновь всё понятіе вложенныя въ *Ръчи* г. Омалиуса д'Аллау, выводы котораго также напоминаютъ палеонтолога ¹. Въ томъ же самомъ сочиненіи Агасизъ говоритъ, что, по его мнѣнію, люди принадлежатъ къ одному и тому же *виду*; но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ *породы*, отличающіяся другъ отъ друга легкими *первобытными особенностями*, которыя становятся болѣе и болѣе замѣтны вслѣдствіе вліянія различной пищи, различнаго климата, привычекъ и проч. Для человѣка склоннаго почитать видъ только за группу почти искусственную, зиждущуюся единственно на формѣ, что могли значить эти породы, отличенныя первобытными несходствами, какъ не *виды видовъ*? Уже изъ этого можно бы заключить, что Агасизъ колеблется между моногенизмомъ и полигенизмомъ, и силится слить оба эти ученія, взаимно исключаящія другъ друга.

Это усиліе становится очевиднымъ въ *Замѣткѣ о Географіи Животныхъ* (*Notice sur la Géographie des animaux*), обнародованной въ 1845 году ². «Всѣ твари, говоритъ въ ней Агасизъ, имѣютъ отечество; только человѣкъ разсѣянъ по всей поверх-

¹ Въ другихъ мѣстахъ своей книги, Агасизъ перемѣщаетъ нѣкоторымъ образомъ понятіе о видѣ въ область метафизики, и постоянную передачу изъ поколѣнія въ поколѣніе отличительныхъ особенностей приписываетъ *невещественному началу, которымъ одарено всякое животное*. Считаемо не пужнымъ распространяться, какія важныя возраженія вызываетъ этотъ вопросъ.

² См. *Revue Suisse*, журналъ, издаваемый въ Невшателѣ.

нести земли.» Это правда. Животныя, равно какъ и растенія, будто прикованы къ опредѣленнымъ областямъ, тогда какъ человѣкъ живетъ во всѣхъ климатахъ. Совокупность растений или животныхъ, живущахъ въ одной изъ такихъ областей, обозначается словами *флора* и *фауна*. Итакъ Агасизъ уже тогда находилъ возможнымъ утверждать, что существуетъ нѣкоторое совпаденіе между предѣлами фаунъ и пространствами, которыя заняты разными человѣческими группами; онъ уже приписывалъ одной и той же первобытной причинѣ, почему распредѣлились на одной данной территоріи животныя по *семьямъ*, и человечество по *породамъ*, и такимъ образомъ тѣсно связывалъ различіе человѣческихъ племенъ съ различіемъ фаунъ. «Но, прибавлялъ онъ, имѣетъ ли это разнообразіе, простирающееся изъ одного и того же источника, то же самое значеніе для человѣка, какъ для животныхъ? Очевидно нѣтъ. Между тѣмъ какъ животныя образуютъ разные виды въ разныхъ зоологическихъ областяхъ, ими заселенныхъ, человѣкъ, несмотря на разнообразіе своихъ породъ, принадлежитъ къ одному и тому же виду на всей поверхности земнаго шара. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, человѣкъ является какъ бы исключительнымъ существомъ въ твореніи, котораго онъ, вмѣстѣ, есть и цѣль и предѣлъ.» Такимъ образомъ авторъ, еще яснѣе чѣмъ прежде, утверждаетъ два противоположныя понятія, которыя онъ силится соединить. Но именно отъ этого противорѣчіе выступаетъ еще сильнѣе, и для примиренія своей системы съ фактами, Агасизъ уже вынужденъ допустить, что человѣкъ есть существо *исключительное*, тогда какъ весь вопросъ принадлежитъ къ естественной исторіи и физиологіи.

Это сочиненіе, *писанное въ Европѣ*, содержитъ въ зародышѣ всю теорію, которую Агасизъ развилъ послѣ того въ Америкѣ, сперва въ засѣданіяхъ академій и разныхъ съѣздовъ, гдѣ она произвела глубокое впечатлѣніе и встрѣтила сильныя возраженія съ различныхъ точекъ зрѣнія ¹, а напоследокъ—въ особенной запискѣ, которую мы сейчасъ обсудимъ. Содержаніе ея можетъ быть изложено въ немногихъ словахъ. Агасизъ предполагаетъ, что всѣ виды животныхъ получили на-

¹ *The Unity of the human races proved to be the doctrine of Scripture, reason and science, by Thomas Smith.*

чало же на одномъ и томъ же мѣстѣ земнаго шара, что животныя были созданы въ разныхъ мѣстахъ, и что виды, распространяясь вокругъ этихъ *центровъ*, сообщали теперешней фаунѣ ея характеристическія черты. Доселѣ Агасизъ принимаетъ только ученіе, существенно французское, усвоенное всѣми новѣйшими зоологами, о *центрахъ созданія* ¹. Ему собственно принадлежитъ лишь примѣненіе къ человѣку того понятія, которое до того примѣнялось къ однимъ животнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, Агасизъ все еще говоритъ, что на свѣтѣ существуетъ только одинъ видъ человѣка, но утверждаетъ, что породы, со всѣми ихъ особенностями, существуютъ споконъ вѣка, что онѣ были созданы отдѣльно, каждая въ своемъ собственномъ отечествѣ, и что каждое такое отечество всегда совпадаетъ съ какимъ-нибудь зоологическимъ округомъ. Такимъ образомъ онъ связуетъ каждую особенную группу людей съ какою-нибудь фауной, и почти можно сказать—каждую человѣческую породу съ тѣмъ или другимъ видомъ какихъ-нибудь животныхъ. И въ самомъ дѣлѣ Агасизъ, совершенно согласный въ этомъ случаѣ съ Ноксомъ, полагаетъ, что человѣческій родъ былъ созданъ *по націямъ*, и старается установить соотношенія съ одной стороны между человѣкомъ и съ другой въ особенности съ обезьянами, склоняясь, повидимому, къ тому выводу, что всегда какой-нибудь видъ обезьянъ и какая-нибудь изъ этихъ первобытныхъ націй встрѣчаются въ одномъ мѣстѣ, какъ разнообразныя проявленія одной и той же мѣстной силы.

Скажемъ снова: въ этомъ простомъ видѣ, теорія чарльстоукаго профессора не представляла бы ничего несогласнаго съ понятіями о породѣ и видѣ, которыя высказаны нами. Еслибъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она была согласна съ данными почерпаемыми изъ наблюденія и опыта, мы смотрѣли бы на нее только какъ на остроумную гипотезу, которую, конечно очень трудно доказать, за то не менѣе трудно и опровергнуть. Но, съ одной стороны, этого согласія не существуетъ, мнѣнія Агасиза состоятъ въ явномъ противорѣчій съ законами той именно части науки, на которую онъ хочетъ

¹ Эта теорія, поверхностно наложенная Демуленемъ, была развита, и обобщена Мильномъ-Эдвардсомъ, который сдѣлалъ изъ нея замѣчательное приложение къ естественной исторіи разнообразныхъ животныхъ.

опереться, то-есть съ законами *зоологической географіи*. А съ другой стороны, по способу, какимъ онъ налагаетъ совокупность своихъ мнѣній, по доводамъ, какіе онъ употребляетъ для доказательства этихъ мнѣній, его теорія есть истинный полигенизмъ, едва прикрытый противорѣчіемъ, которое, какъ мы видѣли, начинало выступать, и которое теперь становится разительнымъ. Въ Америкѣ никто не ошибся относительно смысла этой теоріи, а ученики Мортонъ и подавно. Поэтому-то Ноттъ и Глэддонъ съ отверстыми объятіями приняли явившагося къ нимъ сильнаго сподвижника. Агасизовой запискѣ дано почетное мѣсто, во главѣ обширнаго сочиненія, на которое мы такъ часто указывали, и съ которымъ такъ часто спорили ¹. Одного этого обстоятельства достаточно для объясненія, почему, вопреки многократно повтореннымъ объявленіямъ своимъ, Агасизъ находится въ разладѣ съ моногенистами, и почему мы вынуждены, къ величайшему нашему сожалѣнію, ратовать противъ собрата, которому его труды даютъ одно изъ первыхъ мѣстъ между новѣйшими натуралистами, и который оставилъ намъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, самыя пріятныя воспоминанія.

Прежде всего замѣтимъ, что въ запискѣ г. Агасиза есть недостатокъ, котораго и слѣдовало ожидать, именно—отсутствіе точныхъ понятій о *видѣ*, *породѣ* и *разновидности*. Авторъ ставитъ этотъ вопросъ, и притомъ очень прямо, но то, что у него слѣдуетъ за этимъ, и весьма неопредѣленно, и очень мало согласуется съ наукою въ теперешнемъ ея состояніи. Агасизъ рѣшительно устраняетъ изъ опредѣленія вида всякое понятіе о воспроизводительности. Такъ, онъ опускаетъ изъ вниманія или откидываетъ въ сторону понятіе о *преемственной связи существъ*, важность котораго была понята всѣми великими умами, отъ Линнея до Бюффона. Онъ не отличаетъ даже *метисовъ* отъ *субридовъ*, и разсуждая о послѣднихъ, говорить вотъ что: «для этого вопроса нѣтъ ни малѣйшей важности въ

¹ *Types of Mankind*. Записка Агасиза озаглавлена слѣдующимъ образомъ: *Sketch of the natural provinces of the animal world and their relation to the different types of man*. Къ запискѣ приложена карта, изображающая области, о которыхъ идетъ рѣчь, и иконографическая таблица, представляющая родъ человѣческой и главные виды животныхъ и растений, которыми характеризуется, по мнѣнію автора, каждое изъ его восьми *зоологическихъ царствъ*.

томъ, будутъ ли совокупленія гибридовъ между собою постоянно плодородны, или нѣтъ.» Но со времени Бюффона до Мюллера и Шеврера, всѣ зоологи, всѣ физиологи, всѣ мыслители, касавшіеся этихъ вопросовъ, единодушно почитали однимъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ рѣшеніе вопроса продолжается ли эта плодородность неограниченно, или нѣтъ. Выкинувъ такимъ образомъ изъ идеи о видѣ понятія о времени, о филиаціи, о степеняхъ плодородія, Агасизъ отказывается отъ своего прежняго опредѣленія, и принимаетъ Мортонovo, только развивая его въ слѣдующихъ словахъ: «итакъ *виды* суть отдѣльныя формы органической жизни, которыхъ происхожденіе восходитъ къ первоначальному установленію теперешняго порядка вещей, а *разновидности* суть измѣненія видовъ, могущія, вслѣдствіе временныхъ вліяній, возвращаться къ типической формѣ.» Ясно, что въ глазахъ Агасиза *виды* есть *железо форма, теперешняя форма*. Во всей этой части своего сочиненія авторъ говоритъ какъ самый рѣшительный полигенистъ, и навлекаетъ на себя точно тѣ же упреки, какихъ заслуживаютъ и другіе полигенисты.

Но можетъ-быть еще гораздо важнѣе здѣсь вотъ что: Агасизъ поставяетъ вопросъ: что такое *порода*? но самъ не отвѣчаетъ на него. Подобно всѣмъ полигенистамъ, о которыхъ мы уже говорили, онъ не опредѣляетъ этого слова, на которомъ вращается весь споръ, а между тѣмъ изъявляетъ готовность доказать, что «различія между человѣческими *породами* суть тѣ же самыя, какія существуютъ между *семействами, родами* и *видами* обезьянъ и другихъ животныхъ.» Развивая эту мысль, онъ прибавляетъ: «обезьяны шимпанзе и горилла не болѣе отличаются одна отъ другой чѣмъ Мандингъ отъ гвинейскаго негра; и та и другая не болѣе отличаются отъ орангъ-утанга чѣмъ Малаецъ или бѣлый отъ негра.» Въ устахъ *натуралиста*, и когда этотъ натуралистъ низвелъ понятіе о видѣ на степень вопроса о формѣ, подобный образъ выраженій слишкомъ ясенъ. Не очевидно ли, что эти *человѣческія породы* не иное что, какъ *виды*, и что остается лишь раздѣлять чело-вѣчество на *семейства* и *роды*, подобно тому какъ раздѣлены обезьяны, такъ какъ послѣднія именно столько же различаются между собою и въ томъ же самомъ отношеніи? Однакожъ, выходитъ не то! Агасизъ опять объявляетъ, что, вопреки всѣмъ этимъ различіямъ, люди принадлежатъ къ одному виду; но отъ этого объявленія, состоящаго въ полномъ противорѣчій со

вошь предшествовавшимъ, записка автора, очевидно, не теряетъ своего существенно полигонистическаго значенія; а съ этой точки зрѣнія, она, очевидно, подпадаетъ вошь упрекамъ, какіе можно сдѣлать и другимъ сочиненіямъ написаннымъ въ этомъ смыслѣ. Станемъ однако на почву избранную Агасизомъ, допустимъ на минуту всё его идеи, сколько бы ни содержалось въ нихъ противорѣчій: можно ли, по крайней мѣрѣ, въ такомъ случаѣ согласовать эти идеи съ результатами добытыми наукою, не ослабляя себя никакими антропологическими предубѣжденіями? Нельзя и тогда: чтобы доказать это, мы и займемся географическимъ вопросомъ.

Агасизъ, какъ мы видѣли, основалъ свою теорію на томъ, что приложилъ къ человѣку ученіе о *центрахъ творенія*. Наравнѣ съ нимъ эту теорію принимаемъ и мы. Дѣйствительно, каждый, кто станетъ внѣ всякихъ соображеній чуждыхъ наукъ, кто будетъ держаться лишь того, чему научаютъ наблюденіе и опытъ, тотъ убѣдится, что всё животныя и растенія существующія въ мірѣ не могли возникнуть въ одномъ только мѣстѣ земнаго шара. Наблюденія доказываютъ, что каждая обширная страна имѣетъ свои особенныя виды, роды, типы, и опытъ ежедневно убѣждаетъ насъ, что нѣкоторые виды могутъ быть перемѣщаемы изъ одной страны въ другую, жить въ ней и процвѣтать. Стало-быть этимъ видамъ животныхъ или растеній пригодны условія существованія свойственныя ихъ новому отечеству, и человекъ не находилъ тутъ означенныхъ видовъ только потому, что прежде они никогда не существовали въ этой странѣ. Чтобы объяснить теперешнее распредѣленіе животныхъ, если они были созданы въ одномъ только мѣстѣ или центрѣ, надобно прибѣгнуть къ которой-нибудь изъ двухъ слѣдующихъ гипотезъ, равно несостоятельныхъ съ научной точки зрѣнія: или надобно допустить, что первобытныя виды преобразовались, и новыя виды развились при теперешнихъ условіяхъ бытія,—ко такъ далеко не заходитъ даже и самъ Дарвинъ; или надобно предположить, что со времени творенія исчезло съ лица земли множество видовъ,—а этой мысли формально противорѣчить палеонтологія. Наконецъ, и физиологія и опытъ убѣждаютъ насъ, что виды обитающіе въ полярныхъ странахъ не могутъ, даже ни на минуту жить вмѣстѣ съ экваторіальными, а тѣмъ болѣе столь долгое время, какое нужно для рав-

лученія видовъ и для размѣщенія каждаго въ свойственной ему мѣстности.

Слѣдовательно все доказываетъ, что животныя, съ самаго начала теперешняго періода времени, возникли въ разныхъ мѣстахъ, во многихъ *центрахъ творенія*, и мы думаемъ, что такъ и было; именно потому мы принимаемъ эту теорію, что ее подтверждаютъ не подлежащіе спору результаты собранные натуралистами, которые, нисколько не думая о человѣкѣ, положили основаніе зоологической географіи изслѣдованіями, относящимися ко многимъ главнымъ отдѣламъ животнаго царства. Число этихъ натуралистовъ и ихъ сочиненій очень велико. На первомъ мѣстѣ между ними находимъ все-таки Бюффона, съ его прекрасными изысканіями о млекопитающихъ, изысканіями, которыя распространены и подтверждены изслѣдованіями Жоэфруа Сентъ-Илера, Демаре, Исидора-Жоэфруа, и проч. За ними слѣдуютъ гг. Дюмериль и Бибронъ, учитель и ученикъ, изучавшіе съ той же точки зрѣнія пресмыкающихся; Фабриціусъ и Латрель, эти два знаменитые энтомолога; Маклей, Спенсъ, Кирби, Лакордеръ, подвергавшіе такимъ же изслѣдованіямъ насекомыхъ; М. Эдвардсъ, котораго книга о географическомъ распредѣленіи черепакожихъ есть твореніе истинно образцовое; и множество другихъ ученыхъ, занимавшихся менѣе обширными группами. Изъ совокупности этихъ изысканій истекаетъ нѣсколько общихъ фактовъ или законовъ, съ которыми, очевидно, должна согласоваться теорія Агасиза, если она вѣрна. Но этого не только нѣтъ, а напротивъ легко доказать, что его теорія состоитъ въ совершенномъ разладѣ съ упомянутыми законами.

Вопервыхъ, Агасизъ принялъ самые центры творенія за что-то рѣшительно безусловное. По его мнѣнію, эти центры имѣютъ всеобщее вліяніе, простирающееся на все произведенія той или другой страны и водворяющее между ними тѣсную связь, несмотря на то, принадлежатъ ли они твердой землѣ, или рѣкамъ, или берегамъ моря. По его понятіямъ, люди, растенія, птицы, млекопитающія, насекомыя, рыбы, черепакожія морскія или рѣчныя, и проч., все родня между собою въ томъ смыслѣ, что они дѣти одной и той же почвы. Кажется, онъ почитаетъ формы человѣческія, животныя или растительныя, произведеніемъ единой мѣстной силы, напечатлѣвающей на всѣхъ существахъ нѣкотораго рода клеймо, которое служить свидѣтельствомъ ихъ общаго происхожденія. Но это мнѣ-

ніе не основательно. Хотя оно, повидимому, оправдывается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земнаго шара, при сравненіи только *небольшаго* числа группъ, но оно сейчасъ опровергается какъ скоро приложить его ко *всѣмъ*. Напримѣръ, Новая Голландія, которой млекопитающія такъ рѣзко отличаются отъ находящихся во всѣхъ другихъ странахъ, если ее разсматривать съ этой точки зрѣнія, образуетъ съ нѣкоторыми близко къ ней лежащими островками особенную страну; но она утратитъ этотъ характеръ, какъ скоро мы сравнимъ ея насѣкомыхъ съ насѣкомыми Новой Зеландіи и Новой Каледоніи. Съ точки зрѣнія маммологіи (науки о млекопитающихъ), она составляетъ центръ совершенно особенный, отдѣльный; а съ точки зрѣнія энтомологіи, г. Лакордеръ присоединяетъ ее къ архипелагу, на который мы указали¹. Факты становятся еще поразительнѣе, когда мы сравнимъ тварей живущихъ въ воздухѣ съ тѣми, которыя живутъ въ водѣ, или даже послѣднихъ между собою, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ два разныя моря отдѣлены другъ отъ друга небольшимъ пространствомъ земли. На Суэзскомъ перешейкѣ животныя въ воздухѣ живущія почти одни и тѣ же у береговъ морей Чермнаго и Средиземнаго; а животныя живущія близъ береговъ того и другаго моря совершенно различны между собою: г. Эдвардсъ не нашелъ ни одного черепокожаго общаго тому и другому прибрежью. Обсуждаемая такимъ образомъ на основаніи фактовъ замѣчаемыхъ даже на однихъ животныхъ, основная идея Агасизовой теоріи опровергается результатами наблюденія. Посмотримъ, чѣмъ она становится, когда вздумаемъ примѣниться къ исторіи человѣка.

Къ числу общихъ фактовъ, наиболѣе безспорныхъ въ зоологической географіи, фактовъ, о которыхъ напоминаетъ самъ Агасизъ въ своей запискѣ, принадлежатъ два слѣдующіе: всѣ большіе центры творенія охарактеризованы нѣсколькими *типами*, которые заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе значительное число видовъ и родовъ, типами исключительно свойственными этимъ центрамъ, или имѣющими лишь весьма немногихъ представителей въ другихъ центрахъ. Такъ, напримѣръ, Новая Голландія есть

¹ Этотъ результатъ знаменателенъ особенно потому, что г. Лакордеръ принимаетъ еще большее число зоологическихъ странъ чѣмъ Агасизъ.

существенное отечество *двуутробокъ*, Америка—*беззубыхъ*¹. У *двухъ* центровъ творенія истинно различныхъ, не бываетъ или почти не бываетъ общихъ родовъ, а еще менѣе бываетъ общихъ видовъ, и эти характеристическія различія выступаютъ рѣзче и рѣзче, по мѣрѣ того какъ начинаешь вслѣдовать группы болѣе высшаго разряда. Такъ, напримѣръ, если возьмемъ весь материкъ Стараго и весь материкъ Новаго Свѣта, мы, очевидно, получимъ двѣ самыя обширныя страны, какія только можно сравнивать. Но въ этихъ двухъ странахъ общіе той и другой *роды* летучихъ мышей встрѣчаются не болѣе какъ въ числѣ пяти или шести, а *видъ* всего только одинъ; обезьянъ одинаковаго *рода* тамъ и здѣсь, а *тѣмъ* болѣе одинаковаго *вида*, не встрѣчается вовсе. Новая Голландія состоитъ съ этими двумя странами въ противоположности еще болѣе рѣзкой.

Но люди однако есть и въ Америкѣ, и въ Австраліи, такъ же какъ въ Азіи, Африкѣ и Европѣ. Эти люди, по мнѣнію полигенистовъ, образуютъ *родъ* состоящій изъ нѣсколькихъ *видовъ*. Еслибъ это мнѣніе было основательно, то вышло бы, что *родъ*, или, лучше сказать, *типъ* наиболѣе отличный, проявился во *всѣхъ* центрахъ творенія, а не въ одномъ, какъ беззубыя и двуутробки. По мнѣнію Агасиза, *видъ* челоуѣка только одинъ, но *многочисленныя породы* его получали начало на *всѣхъ* пунктахъ земнаго шара. Если Агасизъ правъ, то значить, этотъ *видъ*, самый исключительный изъ *всѣхъ*, какіе представляетъ органическая природа, явился въ зоологическихъ областяхъ наиболѣе рѣзко отличенныхъ одна отъ другой, на материкахъ старомъ и новомъ, у которыхъ нѣтъ ни одной одинаковой обезьяны, и въ Австраліи, гдѣ даже вовсе нѣтъ обезьянъ! Это никакъ не ладится съ самыми общими законами зоологической географіи. Слѣдственно, полигенизмъ, и *чистый*—Демулена, Мортонъ и прочихъ, и *смятенный* Агасизомъ, противорѣчатъ зоологической географіи точно такъ же, какъ противорѣчатъ онъ зоологіи собственно такъ-называемой, и физиологіи.

¹ *Двуутробки*—такія млекопитающія, у которыхъ дѣти рождаются на свѣтъ не въ совершенномъ видѣ, и первоначально помѣщаются въ мѣшки, находящемся на брюхѣ матери, гдѣ они и остаются пока довершится ихъ развитіе. *Беззубыя* называются такъ потому, что не имѣютъ рѣзцовъ. Эти двѣ группы, особенно первая, чрезвычайно характеристичны.

Очевидно, что идеи нами опровергаемы возникли вследствие впечатлѣній произведенныхъ нѣсколькими совпаденіями, которыя, конечно, могутъ случаться. У большихъ центровъ творенія, среды вообще не менѣе характеристичны чѣмъ ихъ фауны или флоры. Не удивительно, что человѣческій родъ, развиваясь подѣ влияніемъ среды, отпечатлѣвается въ каждомъ центрѣ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Въ этомъ смыслѣ, такой отпечатокъ есть произведеніе мѣстной силы; но, какъ мы уже видѣли, изъ него нельзя дѣлать выводовъ относительно происхожденія. Оказывающееся въ нѣкоторыхъ случаяхъ совпаденіе округовъ фауны и флоры съ округами человѣческихъ породъ объясняется, такимъ образомъ, весьма естественно этимъ влияніемъ среды, съ которымъ повсюду встрѣчаемся въ антропологіи, несмотря на то что оно очень не нравится полигенистамъ.

Впрочемъ, совпаденія, которыя ввели въ ошибку Агасиза и служатъ ему почти единственнымъ доводомъ, далеко не имѣютъ той общности и полноты, какую имъ приписываетъ нашъ ученый собратъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стѣбитъ только взглянуть взоромъ зоолога на карту и на иконографическую таблицу, которыя приложены къ запискѣ Агасиза. Онъ признаетъ восемь главныхъ центровъ творенія, называя ихъ зоологическими царствами. Царства эти слѣдующія: арктическое, монгольское, европейское, американское, негритянское, готтентотское, малайское, австралийское. Конечно, это распределеніе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, произвольно; но примемъ его въ томъ видѣ, какъ оно постановлено авторомъ, становясь такимъ образомъ вполнѣ на ту почву, которую онъ самъ избралъ для себя. Выходитъ, что американское царство объемлетъ весь материкъ Новаго Свѣта, и *краскокожій человекъ* Соединенныхъ Штатовъ, по мнѣнію автора, есть типическій человекъ этой страны. Но вѣдь Америка, по мнѣнію всѣхъ зоологовъ и всѣхъ ботаниковъ, заключаетъ въ себя два большіе центра творенія, совершенно несходные другъ съ другомъ. Натуралисты постановившіе это раздѣленіе, на основаніи изученія животныхъ и растений, безъ сомнѣнія вовсе не заботились о томъ, чтобы результаты ихъ изслѣдованій когда-нибудь послужили доводомъ противъ теоріи, которой тогда еще не существовало. Слѣдовательно и здѣсь эта теорія опять противорѣчатъ самымъ неоспоримымъ результатамъ, добытымъ наукою.

Правда, Агасизъ раздѣляетъ свои царства на зоологическія области, а послѣднія и еще подраздѣляетъ, какъ дѣлаютъ впрочемъ и всѣ вообще натуралисты, въ отношеніи къ большимъ центрамъ творенія. Во всей своей запискѣ, особенно же въ слѣдовавшихъ за нею сочиненіяхъ, Агасизъ основательно признаетъ, что *американскій человекъ* представляетъ многочисленныя измѣненія; каждое изъ такихъ измѣненій есть по его мнѣнію, признакъ одной изъ тѣхъ *породъ*, которыя онъ постарался сдѣлать сколько возможно похожими на *сиды*. Пусть такъ! но если эти породы созданы на мѣстѣ, если онѣ суть произведеніе той же мѣстной силы, которая произвела и животныхъ этой страны, то, чтобъ остаться вѣрными законамъ зоологической географіи, человѣческія породы должны бы представлять точно тѣ же отношенія къ породамъ другихъ центровъ творенія, какія существуютъ между видами животныхъ. Но замѣчается именно противное, и притомъ въ самой Америкѣ, странѣ, гдѣ родилось ученіе нами опровергаемое.

Дѣйствительно, что сообщаютъ намъ зоологи, которые изучали распредѣленіе животныхъ, не увлекаясь никакою заранѣе составленною теоріей? Всѣ они единодушно объявляютъ, что на материкахъ и Старого и Нового Свѣта, не только въ странахъ полярныхъ, но и въ умѣренныхъ поясахъ, зоологическое населеніе оказывается поразительно сходнымъ. Въ Сѣверной Америкѣ весьма многіе роды, даже виды, тѣ же что въ Европѣ и въ Азіи; въ Сѣверной Америкѣ, также какъ въ Европѣ и Азіи, почти постоянно попадаются одинакіе типы, и притомъ даже у млекопитающихъ, то-есть у класса имѣющаго высшую организацію. Напротивъ, Южная Америка, если ее сравнить съ Азіей или съ Африкою, принадлежитъ въ зоологическомъ отношеніи къ числу центровъ самыхъ обильныхъ особенностями. И тамъ и здѣсь являются характеристическіе типы; общихъ этимъ странамъ родовъ очень мало, а общихъ видовъ почти вовсе нѣтъ. Такимъ образомъ, Сѣверная Америка, какъ центръ *созданія животныхъ*, почти сливается съ Европой и Азіей, а Южная Америка, между тѣмъ, вполне отдѣляется отъ Европы и Азіи, также какъ и отъ Африки.

Если же смотрѣть на обѣ половины Америки, на сѣверную и южную, какъ на центры *созданія человека*, то замѣчаемъ противное. Хотя *краснокожій человекъ* Соединенныхъ Штатовъ гораздо менѣе отличенъ отъ другихъ *породъ* нежели

полигенисты вообще полагаютъ, однакожь онъ остается самымъ характеристическимъ человѣческимъ типомъ на материкѣ Новаго Свѣта, и потому именно Агасизъ выставилъ его представителемъ населенія въ своемъ американскомъ зоологическомъ царствѣ. Что же однако? Краснокожій живетъ именно въ той части Сѣверной Америки¹, гдѣ живетъ европейская лисица и европейскій бобръ, и гдѣ обрѣтаются почти всѣ главные роды нашихъ плотоядныхъ. Напротивъ, въ Южной Америкѣ много людей желтоцвѣтныхъ, съ высунувшимися скуловыми костями, съ глазами узкими, косвенно расположенными, людей столь похожихъ на Азіятцевъ, что они сами признаютъ это сходство, и при первомъ взглядѣ на Китайца называютъ его своимъ дядею. На той же землѣ живутъ и другія націи, хотя не столь бѣлыя какъ Англичане или Нѣмцы, но «у которыхъ цвѣтъ кожи нѣсколько свѣтлѣе нежели вообще у Испанцевъ и Италіянцевъ²». Такимъ образомъ, разсматриваемая какъ центръ *созданія человека*, а не какъ центръ *созданія животныхъ*, Сѣверная Америка отдѣляется отъ Азіи и отъ Европы; а Южная Америка, напротивъ, почти сливается съ Азіей, и даже приближается къ Европѣ. Слѣдовательно, люди и животныя на материкѣ Новаго Свѣта стоятъ въ совершенно-обратныхъ географическихъ отношеніяхъ къ людямъ и животнымъ Старога Свѣта.

Итакъ, опровергаемая нами теорія, во всѣхъ своихъ существенныхъ началахъ, состоитъ въ разладѣ съ фактами. Мы могли бы ограничиться этимъ, но, чтобы лучше доказать слабость этой теоріи, находимъ не лишнимъ при-смотреться, по крайней мѣрѣ, хоть къ одному изъ ея примѣненій. Мы видѣли, что Агасизъ раздѣляетъ земной шаръ на восемь зоологическихъ царствъ, и что на первомъ мѣстѣ, между этими главными отдѣлами поставлено *арктическое царство*. Это царство объемлетъ всѣ пустыни (*barren lands*), которыя на материкахъ Старога и Новаго Свѣта помѣщены за предѣлами лѣсовъ. Къ югу оно ограничено волнообразною линіей, которая идетъ почти между 60 и 65 граду-

¹ Притомъ, въ Сѣверной Америкѣ живутъ не одни краснокожіе. И здѣсь, какъ повсюду, есть смѣшанныя породы.

² Д'Азара, на котораго ссылается Причардъ. Сверхъ того Гумбольдтъ упоминаетъ о бѣлыхъ людяхъ съ бѣлокурыми волосами, которыхъ видѣли въ Южной Америкѣ первые посѣтившіе ее мореходцы.

сами широты. Нѣтъ сомнѣній, что нельзя найти страны болѣе соответствующей видамъ Агасиза; общія условія почти вездѣ одинаковы на всемъ протяженіи этого обширнаго пространства, и между ними есть одно надъ всеми преобладающее—стужа. Однакожъ и въ этой странѣ, такъ же какъ во всякой другой, обѣщанія Агасизовой теоріи не осуществляются. Агасизъ поставляетъ отличительною чертой этого царства присутствіе пяти млекопитающихъ и одной птицы, которыхъ слѣдственно онъ считаетъ зоологическими терминами, соответствующими Эскимосу, принятому за типъ полярнаго чело-вѣка. Эскимосы и породы живущія съ ними наиболѣе общаго сходства, дѣйствительно, почти отгѣснены въ границы назначенныя Агасизомъ; но кто, подобно намъ, приметъ въ расчетъ однообразное и сильное вліяніе, какое долженъ имѣть на чело-вѣка полярный климатъ, тотъ пойметъ, что иначе и быть не могло. Этотъ климатъ дѣйствуетъ не только непосредственно своею температурой, но сверхъ того навязываетъ всѣмъ жителямъ нравы, привычки, родъ жизни, пищу, почти совершенно сходные. Во всемъ онъ, такъ-сказать, однообразитъ среду. Чтò жъ удивительнаго, что жители этихъ странъ сходны между собою? ¹ Но слѣдуетъ ли отсюда, что они имѣютъ тѣсную связь съ животными ихъ окружающими? Нѣтъ!

Изъ видовъ млекопитающихъ, которыхъ Агасизъ выбралъ какъ наиболѣе способныхъ быть представителями полярной фауны, только два—бѣлый медвѣдь и моржъ—дѣйствительно принадлежатъ, какъ типы и виды, этой ледяной странѣ. Какъ видъ, къ нимъ принадлежитъ также и гренландскій тюлень, но родъ, къ которому онъ принадлежитъ, распространенъ во всѣхъ моряхъ Европы, а типъ находится во всемъ свѣтѣ.

Сѣверный олень и обыкновенный гренландскій китъ вы-бравы еще неудачнѣе. Китъ этотъ принадлежитъ къ роду живущему непосредственныхъ представителей почти во всѣхъ моряхъ, и въ средніе вѣка часто появлялся у береговъ Франціи. Теперь тотъ же китъ живетъ только въ полярныхъ моряхъ, но единственно по той причинѣ, что изъ другихъ мѣстъ отовсюду его выгнали. То же самое слѣдуетъ сказать и о сѣверномъ оленѣ: во времена Цезаря онъ жилъ въ лѣсахъ Германіи,

¹ Далѣе читатели увидятъ, что даже сходство это далеко не полное, и что на ряду съ Эскимосами живутъ люди отличающіеся отъ нихъ почти во всѣхъ отношеніяхъ.

да и теперь еще кое-где сохранился въ мѣстахъ лежащихъ болѣе чѣмъ на 20 градусовъ южнѣ предѣловъ, которые назначены оспариваемою нами теоріей ¹. Что касается до гакуна (Eider), котораго Агасизъ выдаетъ за представителя полярныхъ птицъ, то онъ ежегодно вѣтъ гнѣзда въ Даніи, на 12 или 15 градусовъ южнѣ полярнаго круга. Такимъ образомъ, въ шести видовъ животныхъ показанныхъ въ таблицѣ Агасиза, и служащихъ, по его мнѣнію, самыми вѣрными представителями фауны арктическаго царства, три по крайней мѣрѣ могутъ быть почитаемы принадлежащими, почти въ равной степени, и къ той области, которую авторъ называетъ европейскимъ царствомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Агасизъ выбиралъ примѣры наиболее способные оправдать его теорію, и никто не могъ произвести этого выбора съ такимъ знаніемъ дѣла какъ онъ. Стало-быть, это дѣло невозможное, когда и такому отличному натуралисту оно не удалось! Дѣйствительно, несмотря на небольшое число особенностей, какія можно вездѣ найти, куда ни помотришь, очевидно, что фауна полярныхъ странъ есть лишь распространеніе фауны, свойственныхъ тѣмъ большимъ центрамъ, которые соприкасаются съ полярными странами въ Европѣ, Азій и Америкѣ ². Вопреки нѣкоторому кажущемуся совпаденію, почти совершенно мѣстному, нѣтъ ни у полюсовъ, ни подъ экваторомъ дѣйствительнаго соответствія между географическимъ распредѣленіемъ животныхъ и распредѣленіемъ человѣческихъ породъ.

Агасизъ не удовольствовался одними этими доводами для

¹ Сѣверный олень, спускаясь по Уральскому хребту, доходить до береговъ Кума, гораздо южнѣ Астрахани, и почти къ подошвѣ Кавказа. Не проходитъ ни одной зимы, чтобы жители этихъ мѣстъ не убилъ нѣсколькихъ оленей. (*Dictionnaire universel d'Histoire naturelle.*)

² Изученіе насѣкомыхъ ведетъ рѣшительно къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ изученіе млекопитающихъ животныхъ. Вотъ что г. Лакордеръ говоритъ объ изслѣдованныхъ имъ фактахъ географической энтомологіи: «Такимъ образомъ, полярная область отличается не столько особенностью своихъ энтомологическихъ произведеній, сколько ихъ малочисленностью.» (*Введеніе къ Энтомологіи.*) А между тѣмъ г. Лакордеръ принялъ за предѣлъ этой области самый полярный кругъ, слѣдственно значительно стѣснилъ ея пространство въ сравненіи съ тѣмъ, какое ей дано Агасизомъ, отчего ему было легче охарактеризовать область въ зоологическомъ отношеніи.

поддержанія своей теоріи; онъ прибѣгнулъ и ко многимъ другимъ, основаннымъ, по прежнему, на сопадѣніи нѣкоторыхъ молочей, и еще легче опровергаемымъ. Здѣсь представляется намъ нѣкоторое затрудненіе. Въ предисловіи къ одному изъ своихъ послѣднихъ сочиненій, недавно изданному въ Лондонѣ¹, Агасизъ предупреждаетъ *европейскихъ читателей*, «что его книга писана въ Америкѣ, специально для Американцевъ, и что населеніе, для котораго она исключительно назначалась, имѣетъ потребности совсѣмъ иныя, нежели читающая публика въ Европѣ. Я ожидалъ, прибавляетъ онъ, что мою книгу стануть читать люди рабочіе, рыболовы, фермеры, такъ же какъ студенты и ученые профессеры, и потому долженъ былъ усиленно стараться, чтобы меня всѣ поняли.» Мы согласны, что это необходимо; но можетъ-быть, состоя годъ въліяніемъ такой исключительной заботы, Агасизъ думалъ болѣе о томъ, чтобы сильнѣе поразить нежели вѣрно попасть въ цѣль; можетъ-быть онъ увлекся до того, что употребилъ такіе доводы, которыхъ сталъ бы тщательно избѣгать, еслибы писалъ для иной публики. Только этимъ родомъ увѣченія можетъ быть объяснено, почему натуралистъ, безспорно, весьма свѣдущій и очень просвѣщенный рѣшился поддерживать теорію, какова бы она ни была, доводами подобными тѣмъ, на которые онъ ссылается въ письмѣ своемъ къ авторамъ книги *Types of Mankind*.

По примѣру почти всѣхъ полигенистовъ, Агасизъ ссылается съ одной стороны на сомнѣнія еще господствующія въ наукѣ относительно опредѣленія нѣкоторыхъ видовъ обезьянъ, съ другой—на различіе существующее между нѣкоторыми человѣческими породами. Мы уже отвѣчали на эти возраженія, которыя тысячекратно были противопоставляемы моногенистамъ, и не будемъ снова толковать объ нихъ. Но сверхъ того, Агасизъ, кажется, хочетъ увѣрить, что Малаецъ одного происхожденія съ орангъ-утангомъ, а негритто—съ нѣкоторыми длинно-рукими обезьянами (*gibbons*), и основываетъ это на сходствѣ, которое, по его словамъ, существуетъ между цвѣтомъ кожи у этихъ человѣческихъ породъ и цвѣтомъ шерсти у этихъ обезьянъ. Впрочемъ, онъ не очень настаиваетъ на этомъ доводѣ, и мы послѣдуемъ его примѣру. Читатель можетъ легко составить себѣ объ этомъ предметѣ

¹ *An Essay on Classification, 1859.*

личное мнѣніе, если прочтеть то, что сообщаютъ путешественники о Малайцахъ, негриттосахъ и другихъ народахъ, живущихъ въ полесѣ обитаемой четверорукими. Читатель можетъ также, съ этою цѣлю, посѣтить галереи Музея; онъ найдетъ тамъ орангъ-утанговъ, длинно-рукихъ (gibbons) и много другихъ обезьянъ, и самъ рѣшить, возможно ли хоть сколько-нибудь приравнивать цвѣтъ кожи однихъ къ цвѣту персти другихъ. Впрочемъ, людямъ, которыхъ могутъ сколько-нибудь интересовать эти неожиданныя обличія, мы посоветуемъ только обратиться къ натуралисту, котораго свидѣтельство не можетъ быть заподозрено, именно къ рѣшительному полигенисту, г. Демулену; въ той главѣ Демуленовой книги, которая озаглавлена: «О зоологическихъ отношеніяхъ людей къ обезьянамъ», заранѣе опровергнута теорія, которая повидимому хочетъ основаться на этихъ обличіяхъ.

Но вотъ доводъ можетъ-быть еще болѣе странный, который нельзя такъ легко обойти, ибо онъ клонится къ тому, чтобы заподозрить цѣлую науку, хотя и новую, но которая однакожь доставила и ежедневно доставляетъ для исторіи человечества выводы столь же важные, сколько любопытные. Агасизъ отрицаетъ пользу, или лучше сказать действительное существованіе сравнительной лингвистики. Въ этомъ онъ логиченъ. Действительно, понятіе, какое новѣйшіе филологи имѣютъ о взаимной связи языковъ; отношенія ежедневно открываемыя ими между нарѣчіями одного и того же языка, и между языками, на которыхъ говорятъ народы самые отдаленные другъ отъ друга; слѣдствія единогласно извлекаемыя изъ этихъ результатовъ, относительно родства человѣческихъ породъ, — все это состоитъ въ явномъ противорѣчіи съ теоріей Агасиза и со всѣми ученіями американской школы. Эта теорія, эти ученія утверждаютъ, что человѣкъ созданъ по націямъ, что каждая нація возникла вмѣстѣ съ своимъ языкомъ, какъ животное съ своимъ особеннымъ крикомъ. Агасизъ, не колеблясь, уподобляетъ крику животныхъ человѣческую рѣчь. Здѣсь необходимо привести собственныя слова автора, чтобы намъ не приписали намѣренія исказить его идеи.

Въ *первой* своей запискѣ Агасизъ уже сказалъ: «почерпаемое въ сродствѣ языковъ разныхъ націй доказательство общаго происхожденія этихъ націй не имѣетъ основанія, ибо мы знаемъ, что между животными одаренными голосомъ каждый видъ имѣетъ свои особенныя интонаціи, и что звуки

издаваемые различными видами одного и того же семейства столь же близки одинъ къ другому, и образуютъ столь же естественно сочетаемыя группы, какъ и тѣ, которые могутъ оказываться при взаимномъ сравненіи языковъ называемыхъ индо-германскими. Различные виды дровозовъ, живущіе въ разныхъ частяхъ свѣта, поютъ очень сходно. Никто не выведетъ изъ подобнаго факта того заключенія, что всѣ виды этихъ птицъ имѣютъ общее происхожденіе; но однакожъ, когда рѣчь идетъ о человѣкѣ и его породахъ, философы почитаютъ средство языковъ прямымъ доказательствомъ общаго происхожденія.»

Въ письмѣ своемъ къ Нотту и Глиддону, Агасизъ выражается еще яснѣе. «Тѣ, которые ратуютъ за первобытное единство рода человѣческаго, говорятъ онъ, приписывать очень много важности средству языковъ, которое, по ихъ мнѣнію, доказываетъ, что всѣ люди необходимо состоятъ въ непосредственномъ родствѣ между собою. Но то же самое можно доказать о любомъ семействѣ животныхъ, — даже такомъ, которое содержитъ значительное число особенныхъ видовъ и родовъ. Прослѣдите по картѣ географическое распредѣленіе медвѣдей, кошекъ, поло-рогихъ отпрыгающихъ жвачку, куръ, утокъ и всякаго другаго семейства ¹: можно доказать съ не меншею очевидностью чѣмъ это дѣлается въ любомъ филологическомъ изслѣдованіи относительно человѣческихъ языковъ, что рычанье камчатскихъ медвѣдей родственно рычанью медвѣдей живущихъ въ Тибетѣ, Остъ-Индіи, на Зондскихъ островахъ, въ Непалѣ, Сирин, Европѣ, Сибири, Соединенныхъ Штатахъ, на Скалистыхъ и Андскихъ горахъ. Однакожъ всѣ эти медвѣдя почитаются видами совершенно различными, никакъ не наследовавшими голосъ одинъ отъ другаго. Такъ же точно, и разные человѣческія породы не наследовали одна отъ другой своей рѣчи. То же самое можно сказать о рычаньи и мяуканьи кошекъ европейскіихъ, азиатскихъ, африканскихъ или американскихъ ², и о реванъ быковъ, которыхъ породы въ такомъ обиліи разсыяны по всему земному шару.

¹ Всѣ эти названія имѣютъ здѣсь общее значеніе, какое придаютъ имъ въ зоологій. Каждая изъ группъ указанныхъ Агасизомъ содержитъ множество родовъ и видовъ.

² Группа кошекъ, о которой говоритъ Агасизъ, заключаетъ львовъ, тигровъ, ягуаровъ и проч.

Все сказанное справедливо и въ отношеніи къ кудахтанью куръ¹, кваканью утокъ, также какъ и къ пѣнію дроздовъ, которые издають гармоническіе и веселые звуки, каждый на своемъ нарѣчій, не происходящемъ и не наслѣдованномъ отъ другаго, хотя всѣ дрозды поютъ *не-дроздиному*. Пусть филологи вникнуть въ эти факты, пусть уразумѣютъ, сколько независимы другъ отъ друга животныя употребляющія систему звуковъ такъ близко родственныхъ между собою; и если эти господа не совершенно не способны понять значеніе аналогій въ природѣ, то сами они усомнятся въ возможности довѣрять филологическимъ доводамъ, когда ихъ приводятъ въ доказательство генетическаго происхожденія.»

Покорятся ли лингвисты приговору, который Агасизъ произнесъ отъ имени ученія утверждающаго, что люди созданы по націямъ? На это отвѣчать слѣдуетъ имъ самимъ, и отвѣтъ легко предвидѣть. Нечего и говорить, что мы съ своей стороны протестуемъ противъ такого уподобленія человѣческой рѣчи звукамъ издаваемымъ животными. Хотя, какъ мы уже сказали въ началѣ нашего труда, нельзя не сознаться, что животныя выражаютъ этими звуками свои впечатлѣнія и чувства, однакожь здѣсь не слѣдуетъ забывать, какъ несовершенны и малосложны средства данныя имъ для этого природой. Крики ихъ могутъ быть сравнены только развѣ съ восклицаніями, которыя вырываются у всякаго человѣка, вслѣдствіе чувства внезапной радости или ужаса, удовольствія или отчаянія, любви или бышенства, съ восклицаніями довольно сходными почти у всѣхъ народовъ; они уподобляются сигналамъ, состоящимъ въ простыхъ звукахъ, понятныхъ тѣмъ, до кого они относятся. Звуки издаваемые животными не имѣютъ никакого соотношенія съ *членораздѣльными* *голосомъ*, съ *словомъ*, которое, со временъ Аристотеля, справедливо почитается однимъ изъ преимуществъ человѣка. Съ даромъ слова и съ высшими умственными способностями, необходимыми для владѣнія такимъ орудіемъ, связаны всѣ человѣческіе языки, какъ самые совершенные, такъ и самые простые, ибо всѣ они имѣютъ словарь и грамматику. Вся цѣпь Агасизовыхъ доводовъ рассыпается передъ однимъ этимъ фактомъ. А потому мы не станемъ долѣе распространяться объ идеяхъ этого рода; достаточно было показать, до чего могъ

¹ Этотъ классъ птицъ содержитъ куръ, фазановъ, и проч.

дойти человѣкъ съ такимъ умомъ, съ такою разсудительностію, съ такимъ множествомъ основательныхъ свѣдѣній, оттого что держался ученія, исходная точка котораго—признаніе множественности человѣческаго происхожденія.

Зоологія и физиологія доказали единство человѣческаго рода; зоологическая географія въ свою очередь не только не помогла полигенистамъ, напротивъ засвидѣтельствовала, что родъ человѣческій не могъ возникнуть во всѣхъ центрахъ творенія, а возникъ необходимо въ одномъ изъ нихъ. И въ этомъ отношеніи человѣкъ подчиненъ общимъ законамъ, господствующимъ надъ всеми живыми тварями. Всѣ большіе центры творенія охарактеризованы, какъ мы уже видѣли, какимъ-нибудь спеціальнымъ типомъ. Зоологическія области, и даже самыя второстепенныя центры имѣютъ свои роды, свои виды, исключительно имъ свойственныя. Могъ ли же возникнуть вдругъ повсюду человѣкъ, этотъ совершенно особый типъ, этотъ видъ, привилегированный между всеми, даже и въ томъ случаѣ, если видѣть въ немъ простое физическое существо? Нѣтъ,—или онъ составилъ бы единственное исключеніе, которому образца мы до сихъ поръ не знаемъ. Вотъ почему, сказавъ: «всѣ люди принадлежать только къ одному виду», мы прибавимъ: «этотъ видъ получилъ начало въ одной только странѣ міра, и странѣ, *впрямую*, по соразмѣрности не очень обширной.» Гдѣ этотъ уголокъ земли, откуда вышло существо, которому было суждено поработить воѣ другія твари и обратитъ на службу себѣ даже грубыя силы неодушевленной матеріи? Здѣсь не мѣсто подробно обождавать этотъ вопросъ. Скажемъ только, что, судя по всему, надобно почитать Среднюю Азію колыбелью человѣка, тою точкой, откуда племена человѣческія, распространяясь во всѣ стороны, отправлялись для населенія краевъ самыхъ отдаленныхъ.

Это мнѣніе хотя строго выведено изъ фактовъ и законовъ основанныхъ исключительно на научныхъ изысканіяхъ, тѣмъ не менѣе подверглось нападкамъ со стороны полигенистовъ. Они отрицали возможность такихъ переселеній, утверждая, что движенію первыхъ людей въ разныя стороны и ихъ распространенію должны были представляться неодолимыя препятствія отъ болотъ и горъ, лѣсовъ и степей. Сознаемся чистосердечно, это возраженіе всегда насъ удивляло. Совершается ли путешествіе толпою, или въ одиночку, до тѣхъ поръ пока человѣкъ на твердой землѣ, ему приходится преимущественно пре-

одолевать не тѣ препятствія, которыя представляетъ природа. Въ действительности, его задерживаютъ на пути только ему подобныя существа. Еслибы не было Тугариновъ, караваны ходили бы безпрепятственно между Алжиріей и Сенегаломъ; *человѣкъ погубилъ етоль же много путешественниковъ, сколько и климатъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ пребываніе продолжалось вслѣдствіе препятствій противоположаемыхъ опять *человѣкомъ же**: Итакъ, прежде чѣмъ челоѣкъ появился въ тѣхъ или другихъ странахъ, кто же могъ бы остановить орды, семейства, когда они поддигались постепенно, съ остановками болѣе или менѣе продолжительными, поселяясь на земляхъ, которыхъ у нихъ никто не оспаривалъ, и предоставляли слѣдующимъ поколѣніямъ привыкнуть къ условіямъ бытія, хотя новымъ, но каждый разъ не очень различнымъ отъ предшествовавшихъ, а эти поколѣнія, въ свой урочный часъ, опять начинали завоеваніе, требовавшее войны только съ *пещерою и дикими звѣрями*? ¹ Мы съ своей стороны находимъ не только не труднымъ распространеніе челоѣчества рода, но думаемъ, что иначе и не могло быть при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь; способъ, какъ распространился колоніи въ новѣйшія времена, служить вѣрнымъ ручательствомъ, что дѣло именно такъ должно было происходить.

Намъ указываютъ на моря, на океанъ; особенно же отрицаютъ возможность переселеній въ Полинезію и въ Америку. Прежде это возраженіе могло казаться основательнымъ; но странно приписывать ему какую-либо цѣну теперь, имѣя въ виду свидѣнія собранныя въ наше время, факты, которыхъ слѣды отысканы, или которые еще до сихъ поръ видимы. Однакожь, такъ какъ это возраженіе приводимо было упорно и многократно, и подчасъ людьми съ неоспоримымъ достоинствомъ, и такъ какъ оно можетъ бросаться въ глаза людямъ незнакомымъ съ изысканіями этого рода, то мы будемъ отвѣчать на него съ нѣкоторою подробностію.

Не станемъ распространяться о Полинезіи. Достаточно прочесть разказы путешественниковъ, какъ древнихъ, такъ и но-

¹ Этимъ постепеннымъ, медленнымъ движеніемъ объясняется присутствіе челоѣка повсюду и его привычка ко всѣмъ климатамъ. *Акклиматизація* производится теперь совсѣмъ иначе нежели происходила она всюду въ первоначальныя времена; иначе она была бы дѣломъ убійственнымъ, иногда *можетъ-быть* и невозможнымъ. Digitized by Google

выхъ, чтобъ убѣдиться, что это обширное пространство моря, усеянное одиночными островами и архипелагами, заселено людьми одного племени. Всѣ они отяцтаются почти одинакими физическими особенностями, всѣ говорятъ нарѣчьими принадлежащими къ одному и тому же языку. Известно, съ какою смѣлостью эти люди пускаются въ океанъ на судахъ, изъ которыхъ многія очень хорошо приноврелены къ отдаленнымъ побѣдамъ по морю. Известно, что при помощи этого перевозочнаго средства жители не только отдаленныхъ острововъ, но и цѣлыхъ архипелаговъ, веди между собою кровопролитныя войны, и что, подобно материкамъ, эти моря подвергались вражескимъ нашествіямъ, за которыми слѣдовали переселенія цѣлыми массами. Кто не знаетъ, что жители этихъ острововъ, повидимому совершенно отчужденны другъ отъ друга, имѣютъ точныя географическія свѣдѣнія о всей Полинезій, и что Маг, Таятинъ сопровождавшій Кука, сумѣлъ даже составить карту Полинезій, отличающуюся въ цѣломъ замѣчательною точностью? Кроме этихъ общихъ фактовъ, укажемъ еще на многіе частныя, о которыхъ сообщаютъ почти всѣ великіе мореплаватели, и которыми свидѣтельствуется, что непредвидѣнныя бури, нарушивъ однообразіе вѣтровъ, на которое разчитывали люди пуславшіеся въ море, способствовали переселенію многихъ островитянъ иногда въ мѣста чрезвычайно отдаленныя отъ ихъ жилищъ. Маг нашолъ въ Новой Зеландіи трехъ своихъ соотечественниковъ, которые именно подобнымъ образомъ, лѣтъ за двѣнадцать передъ тѣмъ, были увезены бурей. Бичей свидѣтельствуется о такомъ же происшествіи. Слѣдовательно не подлежитъ сомнѣнію, что Полинезій могла наполниться жителями вслѣдствіе переселеній. Этотъ фактъ принять безспорно даже въ Америкѣ, людьми чуждыми полигонистическихъ преувеличеній. Спутникъ капитана Вильяса, г. Галь, опредѣлялъ даже приблизительно время этихъ переселеній, и составилъ карту, которая, по крайней мѣрѣ въ цѣломъ, представляетъ существенныя ручательства за вѣрность.

Этнологическая исторія Америки гораздо сложнѣе чѣмъ та же исторія Океаніи. Этотъ обширный материкъ заселенъ не одною породой; онъ содержитъ, напротивъ, множество разныхъ племенъ. У большей части этихъ племенъ оказываются признаки самымъ яснымъ образомъ свидѣтельствующіе, что это *породы смѣшанныя*, возникшія отъ скрещиванія глав-

ныхъ типовъ, замѣченныхъ на материкѣ Старога Свѣта. Сверхъ того, признаки, которые почитались существеннѣйшими образомъ свойственными туземцамъ Америки; вовсе не составляютъ ихъ общаго достоинства; наконецъ, тѣ же самые признаки замѣчаются у нѣкоторыхъ народовъ Старога Свѣта. Напримеръ, красный или мѣдиовидный цвѣтъ кожи у племени живущихъ въ Южной Америкѣ встречается какъ явление исключительное. Это замѣтилъ уже Гумбольдтъ; но особенно Альвидъ д'Орбильи доказалъ, что во всей этой обширной странѣ цвѣтъ кожи у туземцевъ вообще или желтый или темно-оливковый, и что смѣсь этихъ двухъ цветовъ объясняется различіемъ, на которыхъ указываютъ путешественники. За то, наоборотъ, цвѣтъ кожи болѣе или менѣе мѣдиокрасный попадаетъ на восточномъ берегу Азіи, на полуостровѣ Корей, въ южной Азіи у разныхъ малайскихъ народовъ, въ Африкѣ у Абиссинцевъ; у многихъ сибирскихъ племенъ, живущихъ въ Суданѣ, отъ Абиссиніи до Сенегала и Верхней Гвинеи.

Итакъ, изученіе описанныхъ признаковъ приводитъ къ заключенію, что Америка была заселена выходцами изъ Старога Свѣта, принадлежавшими болѣе или менѣе близко къ тремъ главнымъ породамъ заселяющимъ Старый Свѣтъ: бѣлой, желтой и черной. Такъ ли невозможны подобныя переселенія, какъ утверждаютъ полигенисты? Чтобы утѣряться въ противномъ, достаточно взглянуть на карту. Уже въ восемнадцатомъ столѣтіи, Бюффонъ вполне полагалъ какъ легка могла быть переправа въ Америку изъ Азіи, черезъ Беринговъ проливъ. Свѣдѣнія болѣе полныя объ этихъ моряхъ, и о племенахъ населяющихъ ихъ побережье, подтверждали до очевидности эту мысль, которая при жизни Бюффона могла казаться смѣлою. Пиккерингъ, одинъ изъ членовъ ученой комиссіи, сопровождавшей экспедицію снаряженную Соединенными Штатами подъ начальствомъ капитана Вилькса, задаетъ себѣ вопросъ, гдѣ начинаются и гдѣ оканчиваются Азія и Америка? И действительно, мореходецъ плывущій между Алеутскихъ острововъ, изъ Камчатки къ полуострову Аляскѣ, найдетъ очень много затрудненій, если вздумаетъ опредѣлить границы обоихъ материковъ. Слѣдовательно заселеніе Америки съ сѣверо-запада могло совершиться очень легко. А на сѣверо-востокъ, переселенія въ Америку изъ Европы также безъ труда могли происходить, черезъ Исландію и Гренландію.

Но не этими только двумя путями могло и должно было совершиться заселеніе Нового Свѣта. Теперь извѣстно гораздо лучше нежели нѣсколько лѣтъ назадъ направленіе атмосферическихъ и морскихъ теченій. Гдѣ наши предшественники видѣли только большой экваторіальный потокъ стремящійся однообразно съ востока на западъ, такъ существуютъ, какъ намъ уже извѣстно, теченія направляющіяся въ сторону совершенно противоположную. Наши мореходцы отырыли новыя *рѣки*, текущія въ нѣдрахъ морей, особенно же въ Тихомъ Океанѣ они отыскали второй *гольфъ-стримъ* (gulf stream), который, проходя къ югу отъ Японіи, направляется къ Америкѣ, подобно тому какъ атлантическій идетъ отъ Нью-Фаунленда къ берегамъ Старога Свѣта. *Тессановъ* *потокъ*¹ пригонялъ къ берегамъ Калифорніи покинутыя джонки², точно такъ же какъ атлантическій гольфъ-стримъ выкидывалъ на берега Аворскихъ острововъ плоды, обтеанные древесныя балии, опрокинутыя челноки, которые, какъ увѣряютъ, убѣдили Колумба въ существованіи другаго міра. Этотъ потокъ, если онъ былъ извѣстенъ какому-нибудь мореходному народу, могъ и долженъ былъ привести флоты Азіи въ Америку, а равнымъ образомъ могъ и долженъ былъ увлечь къ Калифорніи грубыя суда народовъ менѣе искусившихся въ борьбѣ съ моремъ. Наконецъ, большое экваторіальное атлантическое теченіе могло также загнать въ Южную Америку и въ Меконканскій заливъ нѣсколькихъ человекъ съ африканскаго берега. Последнее, впрочемъ, во всякомъ случаѣ могло быть гораздо рѣже, ибо африканскіе прибрежные жители, кажется, очень мало занимались мореплаваніемъ.

Изъ совокупности соображеній, на которыя мы могли только намекнуть здѣсь³, оказывается, что Америка могла

¹ Этотъ великій потокъ справедливо назвать *Тессановымъ*, по имени ученаго гидрографа, который открылъ его во время путешествія, совершеннаго подъ управленіемъ капитана Дюперрей и принесшаго науки очень много пользы.

² Гамильтонъ Смитъ, Мортонъ и Пиккерингъ доказываютъ это примѣрами.

³ О всѣхъ вопросахъ касающихся законовъ, которымъ подчинены вѣтры и морскія теченія, читатель съ пользою и удовольствіемъ можетъ справиться въ книгѣ флотскаго лейтенанта, г. Феликса Жюльена, который въ сочиненіи своемъ соединилъ все, что объ этихъ предметахъ сообщилъ занимавшійся ихъ изслѣдованіемъ г. Морн, и все

населиться людьми прибывавшими извне; что эти люди *должны* были преимущественно принадлежать къ азіатскимъ племенамъ, и именно къ тѣмъ, которыя занимали берега Китая, Японіи и земель простирающихся до Берингова пролива; что также и бѣлыя европейскія племена *могли* проникнуть въ Америку, но съ бѣльшимъ затрудненіемъ, а слѣдовательно и въ меньшемъ числѣ; что наконецъ и уроженцы Африки также *могли* прибывать въ Америку въ нѣкоторомъ числѣ, но въ числѣ, по необходимости весьма незначительномъ, и притомъ всегда, безъ сомнѣнія, невольнѣ. Согласуются ли факты съ этими *возможностями*, въ которыхъ убѣждаетъ первый взглядъ на любую географическую карту, особенно на прекрасныя карты г. Кергалле? ¹ Это мы постараемся обсудить.

Вопервыхъ, относительно Берингова пролива и цѣпи Алеутскихъ острововъ, мы можемъ указать на фактъ, составляющій разительное доказательство легкости сообщеній черезъ этотъ проливъ и острова. Чукчи, народъ столь несходный со всѣми другими племенами живущими въ такомъ же какъ они сосѣдствѣ съ полюсомъ, кочевали въ прежнія времена и въ Азіи и въ Америкѣ; они и теперь еще занимаютъ отчасти оба берега пролива ². Стало-быть они перешли съ одного берега на другой. Иногда и въ настоящее время они взаимно посѣщаютъ другъ друга для разныхъ сдѣлокъ. Одного этого примѣра было бы достаточно, чтобы показать, какъ материкъ Стараго Свѣта могъ передать Новому часть своего населенія. Но азіатскіе острова и берега, о которыхъ идетъ рѣчь, заселены племенами далеко не однородными. Тутъ, наряду съ племенами монгольскими, преобладающими въ числѣ, встрѣчаются другія племена, вполнѣ или почти вполнѣ бѣлыя ³. Въ тѣхъ же мѣ-

что дозволено новѣйшими изысканіями относительно общей физики земнаго шара (*Contours et révolutions de l'atmosphère et de la mer*).

¹ Особенно полезно справиться съ обѣими картами, помѣщенными въ *Considérations générales sur l'Océan-Pacifique*.

² Азіатскіе Чукчи двинулись въ послѣдствіи даже на сѣверъ, и теперь занимаютъ западное побережье Берингова пролива, котораго прежнихъ обитателей они частію прогнали, частію истребили.

³ Высшія японскія сословія, принадлежащія, какъ надобно полагать, къ потомству завоевателей этой страны, отличаются, въ значительной степени, всѣми особенностями нѣкоторыхъ бѣлыхъ породъ. Странно, что сами Чукчи напоминаютъ собою, въ одно и то же время, и бѣлыя племена и краснокожихъ живущихъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

стать живеть еще племя Айносовъ, болѣе весть обросшее волосами, самое мажнотое, какое есть на свѣтѣ. Эта порода столько же замѣчательна своими умственными и нравственными качествами, какъ и физическими особенностями¹; они поклоняются морю и свѣтиламъ небеснымъ, и этимъ напоминають религіозныя вѣрованія нѣкоторыхъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ американскихъ народовъ; отъ буддизма они заимали только ученіе самой чистой и возвышенной его секты. Изъ этихъ фактовъ и многихъ другихъ оказывается, что, почти не удалясь отъ этой страны, можемъ, пожалуй, объяснить все повѣствуемое въ американскихъ преданіяхъ о происхожденіи главныхъ націй этого материка, все, съ чѣмъ знакомятъ насъ терпѣливыя изысканія людей, хотя весьма немногочисленныхъ, серьезно изучавшихъ таинственную исторію этихъ народовъ.

Мы сказали, что Азія могла имѣть сообщенія съ Америкой и другими путями, и хотимъ доказать, что такъ дѣйствительно и было. Въ сѣверо-западной части Америки только въ одной Калифорніи туземное населеніе имѣетъ цвѣтъ кожи почти черный. Вотъ обстоятельство, которое недавно еще могло казаться необычнымъ, но оно объясняется очень естественно существованіемъ Тессанова потока, который могъ увлечь къ этимъ отдаленнымъ берегамъ лодки съ океанійскими неграми, точно такъ же, какъ увлекаетъ онъ покинутыя суда, о чемъ мы уже говорили. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, именно онъ облегчалъ сообщенія между Америкой и Азіей, о которыхъ гг. де-Глинь и Паравей нашли нѣсколько свѣдѣній въ китайскихъ книгахъ. Выводы, относительно этого пункта, къ которымъ пришли упомянутые ученые Французы, подали поводъ къ сильному спору; но вѣрности этихъ выводовъ никакъ нельзя опровергать, ни въ предѣлахъ совершенно ясное свидѣтельство Гомары. Этотъ вѣрный спутникъ Кортеса, повѣствуя объ экспедиціи Васкеса-де-Коронадо, который доходилъ до 37 градуса сѣверной широты, то-есть почти до Монтерея, раз-

¹ Ла-Перузъ, разказывая о ихъ умственныхъ способностяхъ, достоинствѣ обращенія, благородныхъ глѣдывженіяхъ, прибавляетъ: «если бы они были народъ пастушескій, имѣли многочисленныя стада, то я не иначе какъ въ ихъ видѣ представлялъ бы себѣ патриархатъ.» Къ несчастію, это столь интересное племя, о которомъ и китайскіе глѣтписцы упоминають, называлъ племенемъ *волосатыхъ сарваровъ*, теперь быстро переводится. Это одно изъ тѣхъ племенъ, о которыхъ надобно какъ можно скорѣе собирать всѣ свѣдѣнія, чтобы не опоздать.

казываетъ, что Испанцы нашли у морскаго берега корабли съ позолоченными кормами и съ высеребристыми реями¹, нагруженные товарами. Люди находившіеся на этихъ корабляхъ объявили знаками, что они были въ морѣ тридцать дней. Изъ этого Испанцы заключили, что корабли эти пришли изъ Китая или Японіи; такъ думаемъ и мы.

Еще очевиднѣе дознамо, что бѣлый европейскій элементъ проникъ прямо въ Америку. Не упоминая уже о притязаніяхъ представляемыхъ во имя Галловъ и Басковъ, замѣтимъ только, что права Скандинавовъ на открытіе Америки, въ настоящее время, всѣми признаны за достовѣрныя. Любопытными учеными изысканіями Рафна доказано, что еще прежде 1000 года по Р. Х. Гренландія была заселена потомками скандинавскихъ вождей, бѣжавшихъ въ Исландію отъ тираніи Гаральда Златовласаго². Братья Норманновъ, такъ неудержимо стремившихся въ южную Европу, не могли заключиться въ Гренландію, которая хотя и заслужила въ то время названіе *зеленой страны*, однакожъ въ ней и тогда зимы, вѣроятно, были не менѣе жестоки чѣмъ теперь. Гренландскіе поселенцы разумѣется спускались къ югу; извѣстно, что даже около XIV вѣка между ними и нижнею Канадой существовали частыя сношенія; но въ 1408 году льды пресѣкли сообщенія Исландіи съ Гренландіей. Что сталося потомъ съ населеніемъ этой полярной, населеніемъ, которое, судя по днешнимъ до насъ свѣдѣніямъ, было довольно многочисленно?³ Можно ли предполагать, что оно сполна было истреблено Эскимосами, этими *скреллингами*, которые неоднократно опустошали

¹ Это сказаніе о *вызолоченныхъ кормахъ* конечно напоминаетъ привычки того времени, въ которое жилъ Гомера, и можетъ-быть выдуманно, только оно не уменьшаетъ достовѣрности самаго факта, разсказаннаго съ величайшею простотою.

² Г. Фредерикъ Лакруа въ своей *Histoire des Régions circumpolaires* приводитъ буллу папы Григорія IV, посланную въ 835 году на имя Ансгаріуса; въ ней говорится о миссіяхъ въ Исландію и Гренландію. Тотъ же авторъ напоминаетъ, что Ла-Пейрера указывалъ на другую буллу, изданную ранѣе 900 года, въ которой также рѣчь идетъ объ Исландіи и Гренландіи.

³ Гренландія составляла два округа, раздѣленные значительнымъ пространствомъ необитаемой земли. Въ восточномъ округѣ (Osterbygd) считалось два города—Гарда и Альба, одинъ соборный храмъ, одиннадцать церквей, три или четыре монастыря, три дворца, и проч. Это, сколько извѣстно, были весьма цвѣтущія колоніи. Digitized by Google

неландскія колонія? Не очевидно ли, что эти отважныя мореходцы, не получая изъ метрополіи ни помощи, ни даже извѣстій, большею частію сѣли на суда, и послѣдовали за опередившими ихъ братьями, а можетъ-быть прошли еще дальше ихъ на югъ? Этимъ объясняется, отчего, почти черезъ два столѣтія, первые испанскіе завоеватели встрѣчали ивстаниа; въ Америкѣ людей столь же бѣлыхъ, даже болѣе бѣлыхъ чѣмъ сами Испанцы. Но часть скандинавскихъ поселенцевъ не захотѣла покинуть *зеленую землю*, и потомки ихъ еще живутъ тамъ. Хотя они и забыли языкъ и религію своихъ предковъ, однакожъ ихъ-то, кажется, капитанъ Грейтъ отыскалъ въ 1829 году, близъ однихъ развалинъ въ Остербигдѣ. Это были люди высокаго роста, тонкіе и стройные; цвѣтъ кожи у нихъ бѣлый, волосы свѣтлорусые; ихъ присутствіе въ Гренландіи составляетъ самое положительное опроверженіе всѣхъ теорій американской школы ¹.

Присутствіе въ Америкѣ африканскихъ элементовъ населенія такъ же нетрудно доказать, какъ присутствіе азіатскихъ или европейскихъ. Физическія особенности американскихъ туземцевъ, замѣчательныя первыми людьми открывшими эту часть свѣта, кажется, достаточно пополняютъ скудость историческихъ свидѣній. Когда Христофоръ Колумбъ высадился въ Санъ-Сальвадоръ, племя, которое онъ увидѣлъ тамъ передъ собою, не представило для него ничего замѣчательнаго. Онъ сравниваетъ этихъ туземцевъ съ загорѣвшими отъ солнца Иццианцами и съ жителями Канарскихъ острововъ, которыхъ онъ видѣлъ такъ недавно. Племя столь же сходное съ Канарійцами, называющееся *Харазанисъ*, и теперь живетъ въ Перу. Оно отлично отъ всѣхъ другихъ племенъ и породъ живущихъ въ соседствѣ съ нимъ, и уклоняется отъ смѣшенія съ этими племенами. Равнымъ образомъ оно не мѣшается и съ бѣлыми ². Не всему надобно думать, что африканская бѣлая порода зашла въ Америку вслѣдствіе какого-нибудь приключенія на морѣ. Что же касается черной породы, то мы можемъ сослаться на показанія Пьерра Мартира ³ и Гомары, которые оба свидѣтель-

¹ Въ этомъ случаѣ мы вполне раздѣляемъ мнѣніе, высказанное г-мъ Лакруа.

² Эти свидѣнія сообщены мнѣ бывшимъ французскимъ консуломъ въ Перу, г-мъ Анграндомъ.

³ На котораго ссылается Гамильтонъ Смитъ. Digitized by Google

скажутъ, что Васко Нунесу де-Бальбоа, при переходѣ его черезъ Даріенскій перешеекъ въ горы, съ которыхъ онъ впервые увидѣлъ Тихій океанъ, попалъ на пути настоящие негры¹. Такимъ образомъ объясняется присутствіе на островѣ Санъ-Винцентъ черныхъ *Караибовъ*, которыхъ производили отъ негровъ-невольниковъ, освободившихся будто вслѣдствіе крушенія корабля, на которомъ ихъ возилъ, а между тѣмъ уже первые европейскіе колонисты нашли ихъ на этомъ островѣ, въ борьбѣ съ красными *Караибами*. Тѣмъ же самымъ объясняется почти черный цвѣтъ флоридскихъ *Ямасиссовъ*, которые лучше согласились погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ чѣмъ покориться *Криссеми*, а также не менѣ темный цвѣтъ *Чарруссовъ*, теперь почти совершенно истребленныхъ.

Итакъ, географія и общія очертанія земнаго шара доказываютъ возможность переселеній въ Америку; исторія свидѣтельствуетъ о действительности нѣкоторыхъ фактовъ этого рода, а другіе факты подтверждаются эмпирическими свѣдѣніями нѣкоторыхъ особенныхъ племенъ найденныхъ въ Америкѣ. Все это содержитъ слишкомъ достаточные отвѣты на узрѣнія колониатовъ, будто Америка никакъ не могла быть населена извнѣ. Америка не доставляетъ никакого доказательства въ пользу теорій нашихъ опровергаемыхъ. Сверхъ того, этия теоріи не могутъ быть обрѣзаны странными социальными явлениями, которыя представилъ этотъ материкъ, когда окончателно разоблачена вера въ теоріи Европейцевъ. Напротивъ, принося монгольское ученіе и заселеніе Америки выходцами изъ другихъ странъ, объяснимъ самымъ простымъ образомъ и малочисленность жителей Америки, и недостаточную вообще развитость ихъ общественнаго быта, и то, что, по мѣстамъ, найдены тамъ цивилизаціи почти чуждыя одна другой, цивилизаціи, каждая изъ которыхъ имѣла свой особенный характеръ, и каждая содержала зародыши извнѣ занесенные; притомъ ни одна не могла показаться, хотя приблизительно, такою же древностью, какъ цивилизація древнихъ азіатовъ или европейскихъ об-

¹ Гомера выражается самымъ опредѣленнымъ образомъ. Онъ замѣчаетъ, что это были первые негры найденные въ Индіи (западной), и что другихъ, какъ онъ полагаетъ, въ ней еще не встрѣчали. А какъ Испанцы очень хорошо знали негровъ, которыхъ нѣсколько лѣтъ спустя они стали ввозить въ свои колоніи, то это свидѣтельство можетъ быть вѣнано весьма опредѣлительнымъ.

щество. Здѣсь опять, во всемъ и повсюду, политеннизмъ или притворяться фактамъ или бесцельно объяснить ихъ, тогда какъ моногеннизмъ вполне согласуется съ фактами и безъ труда объясняетъ ихъ.

Кончивъ нашъ трудъ, бросивъ бѣглый взглядъ на все, что было его предметомъ. Дѣйствуя по способу классификаторовъ всѣхъ школъ, по способу Линнея и Ламарка, мы отличили человека отъ всѣхъ другихъ существъ, особенно же отъ органическихъ, потому что, кромѣ явленій общихъ ему съ прочими органическими созданиями, въ немъ замѣчаются явленія и совершенно иного рода. Факты нравственности, и религіозности, иррицилы, изъ которыхъ эти факты происходятъ, признаны нами за особенность свойственную только человечеству, отличающую человека отъ животныхъ, точно такъ же какъ факты жизни, и иррицилы, которые производятъ ихъ, признаются всеми натуралистами за особенность свойственную растениямъ, которою отличаются они отъ минераловъ.

Изучая человека, это исключительное существо, мы задавали себѣ вопросъ, принадлежитъ ли онъ къ одному виду или ко многимъ. Но нѣтъ возможности посредствомъ изслѣданія надъ самимъ человекомъ рѣшить задачу къ человеку относящуюся, мы были вынуждены обратиться къ растениямъ, у которыхъ всѣ натуралисты застѣли существованіе разныхъ видовъ; мы должны были спросить у нихъ, что слѣдуетъ рѣшить подъ этимъ словомъ (то-есть видъ), и какъ узнать его на дѣлѣ. Мы спрашивали поочередно и ботанику, и зоологію: та и другая дали одинъ и тотъ же отвѣтъ. Мы доказали, что въ этомъ вопросѣ по растениямъ можно заключать и о животныхъ, а отсюда вывели, что, судя по растениямъ и животнымъ, можно заключать и о человекѣ, ибо всѣ они равно существа органическія и живыя, а слѣдовательно одинаково подчинены законамъ, которыми управляетъ организація и жизнь, то-есть общей физиологіи. Подвергая человека изслѣдованію съ этой точки зрѣнія, мы видѣли, что человекъ повсюду представляетъ явленія, свойственныя одному и тому же виду. Итакъ, изслѣдованіе прямо привело насъ къ заключенію, что видъ человека одинъ.

Уже изъ этого самаго необходимо истекало, что всѣ теоріи основанныя на признаніи многихъ видовъ человека

не могут быть вѣрны. Но приверженцы этихъ теорій противопоставили нашему выводу множество равнаго рода возраженій. Мы перебрали эти возраженія одно за другимъ, слѣчили, свѣрили ихъ съ фактами, съ законами, которые, какъ навѣрное доснано, существуютъ во всѣхъ живыхъ существахъ, не говоря о человекѣ: вездѣ мы видѣли, что упомянутыя теоріи состоятъ въ противорѣчій и съ этими фактами и съ этими законами. Этотъ результатъ послужилъ новымъ, хотя косвеннымъ, однакожь тѣмъ не менѣе существеннымъ доказательствомъ истинны нашего ученія.

Во все продолженіе нашего труда, кажется, мы ни на минуту не уклонились отъ пути, который начертали себѣ съ самаго начала. Принадлежа къ числу ученыхъ, мы только у науки требовали доводовъ для защиты того, что почитаемъ истиной. Главные доводы мы почерпнули изъ ботаники, зоологій, физиологій, врачебной статистики, зоологической географіи; отвѣчая на послѣднія возраженія, мы были вынуждены прибѣгнуть къ обыкновенной географіи, къ общей физикѣ земнаго шара, къ исторіи; но мы ни однажды не искали пособія въ соображеніяхъ почерпнутыхъ изъ нравственности, религіи, философіи. Не надобно изъ этого заключать, чтобы мы не понимали, какъ близко теперешній споръ касается всѣхъ тѣхъ споровъ, которымъ посвящаютъ себя благородныя науки, родственныя естественнымъ. Напротивъ, очень часто, въ виду выводовъ всякаго рода, представлявшихся нашему уму, мы съ трудомъ противостояли желанію высказать ихъ; не рѣдко мы должны были вымарывать слова, цѣлыя фразы, невольно вырвавшіяся. Дѣло въ томъ, что съ этой стороны было трудно, да вѣроятно и невозможно приступить къ вопросу, не расшевеливая предрасудковъ и страстей, которыми онъ слишкомъ часто былъ затемняемъ. Обсуждая предметъ преимущественно принадлежащій къ области естественныхъ наукъ, мы хотѣли оставаться исключительно натуралистами, дабы имѣть право смѣло высказать свое мнѣніе всему свѣту, и дабы всѣхъ, хотя бы держались они самыхъ противоположныхъ ученій, поставить на такую почву, противъ которой въ наше время никто, каковы бы ни были его инстинкты или вѣрованія, не имѣетъ права возражать, и на которой, какъ намъ кажется, нельзя не придти къ соглашенію.

Удалось ли намъ достигнуть нашей цѣли? Внесли ли мы

убѣжденіе насъ одушевляющее въ умы нѣкоторыхъ изъ нашихъ старинныхъ противниковъ? Мы желаемъ этого болѣе чѣмъ смѣемъ надѣяться; но по крайней мѣрѣ, намъ позволительно ожидать, что сами тѣ, чьи мнѣнія наиболѣе несогласны съ нашими, будутъ вынуждены сознаться, что монотенизмъ есть мнѣніе разсудительное, опирающееся не на такія основы, которыя приписываются въ наукъ собственно такъ называемыхъ. Особенно же намъ позволительно полагать, что люди безпристрастные, чуждые предразсудковъ, еще лучше поймутъ истину нами доказанную, и, не колеблясь, вмѣстѣ съ нами станутъ подъ знамя вѣдруженное Лавинемъ, Брефеномъ, Кювье, Моллеромъ, Гумбольдтомъ.

А. КАТРОЛЖЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

МОСКОВСКОМЪ КОММЕРЧЕСКОМЪ УЧИЛИЩѢ 1831—1838 ГОДОВЪ

(Посвящается моимъ однокашникамъ.)

Прочтя въ *Современникъ* весьма интересную статью *Воспоминанія о воспитаніи въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ 1815—1822 г.*, я нашелъ ее гораздо занимательнѣе чѣмъ иная повѣсть, или описаніе заграничнаго путешествія. Статья понравилась мнѣ, быть-можетъ потому въ особенности, что многое подобное описанному въ ней я испыталъ на себѣ, когда былъ воспитанникомъ въ Московскомъ Коммерческомъ училищѣ; но только мои воспоминанія относятся къ гораздо-позднѣйшему времени, а именно уже къ концу тридцатыхъ годовъ. Какъ бы то ни было, рѣшаюсь и я обратиться къ своимъ воспоминаніямъ, имѣя въ виду, въ особенности, моихъ бывшихъ однокашниковъ; ихъ довольное число, и многіе изъ нихъ занимаютъ, въ настоящее время, не маловажную роль въ коммерческомъ мірѣ; можетъ-быть они не безъ удовольствія припомнятъ, вмѣстѣ со мною, свои дѣтскіе годы.

О первоначальномъ моемъ воспитаніи сказать мнѣ многого нечего. Отецъ мой, человекъ, по тогдашнему времени, очень образованный (онъ получилъ воспитаніе въ Московской Практической Коммерческой Академіи), и вдобавокъ, человекъ характера весьма справедливаго, но строгаго, не жалѣлъ денегъ на наше воспитаніе. Намъ было у него двѣнадцать человекъ дѣтей: шесть сыновей и шесть дочерей, и всѣмъ онъ старался доставить образованіе; траты на это, по тогдашнему его состоянію, выходили довольно значительныя; но за то отецъ требовалъ, и строго требовалъ, чтобы не даромъ пропадали его рубли.

Первоначально учился я, вмѣстѣ съ сестрами, у гувернантокъ, которыхъ у насъ, въ купеческихъ домахъ, по тогдашнему обыкновенію, называли мамзелями. Это были дѣвушки не очень молодыя и не очень старыя, но вообще невзрачныя, по большей части изъ институтокъ, и мѣнялись довольно часто. Во время классовъ, передъ каждою изъ нихъ обыкновенно лежала изукрашенная плетка. Почему такъ завелось, по ихъ ли собственному желанію, или по волѣ родителей, объяснить не могу, только, къ чести нашихъ воспитательницъ, долженъ сказать, что плетка употреблялась ими въ дѣйствіе очень рѣдко; напротивъ, насъ, мальчиковъ, если мы знали хорошо, или даже только сносно урокъ, онъ довольно часто награждали даже жаркими поцѣлуями. Вообще, гувернантки были гораздо милостивѣе къ намъ нежели къ сестрамъ, и даже къ шалостямъ нашимъ гораздо снисходительнѣе,—потому ли, что отъ дѣвочекъ естественно должно было требовать гораздо большей скромности чѣмъ отъ мальчиковъ, или и по другой какой причинѣ, предоставляю рѣшить читателю.

Въ послѣдствіи, меня съ братомъ отдали въ пансіонъ Лехнера, довольно неважный и небольшой; пансіонеровъ было въ немъ отъ 20 до 30 человекъ, но все дворяне, были даже и незначительныя князьки. На насъ, какъ на купцовъ, смотрѣли они свысока, и безпрестанно обращались къ намъ съ подобными шуточками: «ну, ты купецъ, на спинѣ рубецъ!» Мы отвѣчали на это своимъ: «а ты—князь, да по колѣна грязь». Отсюда происходили между нами споры и драки: онъ гордился своимъ родомъ, мы богатствомъ; онъ крестьянами (при немъ, даже въ пансіонѣ, былъ крѣпостной слуга), мы своими рысаками и богатыми экипажами, которые присылались за нами по субботамъ. Но увы, собственно мы съ братомъ укатывали на своихъ рыса-

какъ не болѣе какъ разъ въ мѣсяцъ; отецъ полагалъ, что дома мы можемъ избаловаться, и потому старался брать насъ домой какъ можно рѣже. Но наши товарищи-дворяне отправлялись обыкновенно каждую недѣлю. Содержатель пансіона, разчитывавшій каждую копѣйку, естественно былъ недоволенъ тѣмъ, что насъ рѣдко брали, а потому очень недоволенъ и нами, и дѣлалъ намъ всевозможныя придирки. Вѣрно вы дома, говоритъ онъ обыкновенно, ведете себя очень дурно, что родители такъ рѣдко васъ берутъ. Мы не были въ любви у содержателя и потому, что отецъ, платя съ необыкновенною аккуратностію что слѣдовало за насъ, никогда не прибавлялъ, сверхъ того, особымъ подаркомъ содержателю, что между тѣмъ всеми принято было за правило. Несмотря на частыя убѣжденія матери, отецъ никакъ не соглашался слѣдовать въ этомъ случаѣ общему примѣру, полагая, что подарками можно заставить содержателя только баловать насъ и потворствовать намъ; а этого онъ боялся пуще всего.

Словомъ сказать, жить въ пансіонѣ до того было намъ не весело, что, когда отецъ задумалъ отдать насъ въ Коммерческое училище, я сильно боялся, чтобъ онъ, вслѣдствіе настояній матери, не отказался отъ своего намѣренія. О казенныхъ заведеніяхъ молва ходила у насъ вообще неблагопріятная; мать наша боялась и худой тамошней пищи, и обязанности ранняго вставанья, и казеннаго некрасиваго платья, и грубаго обращенія, и проч. и проч. Сильно упрашивала она отца, чтобы насъ отдали лучше въ извѣстный пансіонъ Чермака. Нашего мнѣнія, разумѣется, тогда и не спрашивали. Но мое желаніе исполнилось; отецъ мой былъ, что называется, полнымъ хозяиномъ въ домѣ, и настоялъ на своемъ.

Въ это время Московское Коммерческое училище было въ полной славѣ. Директоромъ тогда былъ Титъ Алексѣевичъ К—ій, компиляторъ всеобщей географіи, имѣвшей безчисленное множество изданій, благодаря впрочемъ тому единственному обстоятельству, что авторъ былъ директоромъ въ Коммерческомъ училищѣ. Это былъ человекъ чрезвычайно искательный, хитрый и вкрадчивый; лицо у него было довольно пріятное, фигура презентабельная, манеры ловкія, à la Чичиковъ. Вообще я долженъ сказать, что когда я хочу олицетворить въ моемъ воображеніи фигуру Чичикова, мнѣ всегда такъ и представляется К—ій. Наконецъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ московскихъ генераловъ, которыхъ, въ тогдашнія времена, поставляли офи-

ціянты на балы и парадные праздники, въ богатые купеческіе дома, вмѣстѣ съ обѣденнымъ столомъ ¹.

Директоръ былъ знакомъ почти со всѣмъ извѣстнымъ московскимъ купечествомъ, и потому дѣти купцовъ, въ его время, большею частію воспитывались въ Коммерческомъ училищѣ.

До поступления въ директоры, К—ій былъ адъюнктъ-профессоромъ статистики въ Московскомъ университетѣ (впрочемъ, увѣренно объ этомъ ничего сказать не могу); но вообще образованія онъ былъ весьма недалекаго, особенно для занимаемаго имъ мѣста. Языковъ онъ почти совсѣмъ не зналъ. По-нѣмецки онъ еще могъ говорить, и то только для посѣщенія воспитанниковъ; по-французски, по нашему школьному выраженію, не могъ онъ ни въ зубъ толконуть, а по-англійски, вѣроятно, не зналъ и азбуки. Вслѣдствіе этого, по пословицѣ: «каковъ попъ, таковъ и приходъ», и въ школѣ у насъ нисколько не обращали вниманія на практическое изученіе иностранныхъ языковъ. Воспитанники сочиняли на иностран-

¹ Для незнающихъ разкажу, что значилъ обѣдъ съ генераломъ.

У какого-нибудь богатаго и извѣстнаго купца именинница жена. Онъ хочетъ задать пиръ; призываетъ официанта, заказываетъ ему обѣдъ, называетъ блюда и число слугителей.

— А не угодно ли, Иванъ Терентьевичъ, говоритъ официантъ, — я вамъ могу предоставить на вечеръ и генерала; только это будетъ стоить сто рублей дороже. Впрочемъ, можетъ-быть у васъ и безъ того приглашены генералы, прибавляетъ онъ, разумѣется зная напередъ, что генерала ни одного не будетъ, и разчитывая на честолюбіе Ивана Терентьевича.

— Акулина Савишна, а, Акулина Савишна! обращается Иванъ Терентьевичъ къ своей непрекрасной, но толстой половинѣ. — Хощь, задамъ для твоего ангела обѣдъ съ генераломъ?

— Вѣстимо, хочу; вотъ и у Марьи Терентьевны, въ послѣдній разъ, было даже два генерала.

— Какже, сударыня, я имъ ихъ и предоставилъ, говоритъ официантъ.

— Ну, валяй, съ генераломъ, такъ съ генераломъ!

И тутъ ужъ у нихъ начинается обычный торгъ.

За что официантъ накладывалъ 100 рублей, не знаю; пользовался ли онъ просто глупою слѣзью купцовъ, или же соображалъ, что, ради генеральскаго присутствія, надобно и кушанье приготовить повязавше чѣмъ для прочихъ смертныхъ, — не могу сказать. Но рѣшительно могу утвердить, что генералы въ такихъ случаяхъ ѣздили обыкновенно даромъ, чтобы хорошенько покушать, и денегъ за это не брали. К—му я этого даже не ставлю въ слишкомъ-большую вину; по занимаемому имъ мѣсту, ему необходимо было облизаться съ купеческимъ обществомъ.

ныхъ языкахъ серіозныя рѣчи, напримѣръ, разсужденія о французской литературѣ, о пользѣ химіи и тому подобное, а не могли вести самаго ничтожнаго разговора, даже на общеупотребительномъ французскомъ языкѣ, не говоря уже объ англійскомъ.

Здѣсь кетати разкажу одно происшествіе.

Разъ, при посѣщеніи нашего училища одною высокою особой, посѣтитель обратился къ стоявшему впереди воспитаннику нашего класса съ вопросомъ:

— Parles-tu français?

— Non-съ, отвѣчалъ тотъ съ робостію.

— Вотъ тебѣ, К—ій, и нось, произнесъ посѣтитель улыбаясь.

Въ послѣдствіи, при повтореніи подобныхъ посѣщеній, во избѣжаніе скандала, К—ій выставлялъ во всѣхъ классахъ въ первую шеренгу уже только тѣхъ, которые нѣсколько говорили по-французски. Въ число этихъ счастливцевъ попадалъ обыкновенно и я, потому что еще въ пансіонѣ учился французскому языку, а потомъ практиковался въ немъ и дома.

Я сказалъ уже выше о чрезвычайной искательности и вкрадчивости К—аго. Съ помощію этихъ качествъ, онъ прибрѣлъ себѣ много доброжелателей. Стѣбитъ разказать, какіе маневры онъ для этого употреблялъ. Нужно заискать расположеніе какого-нибудь сановнаго человѣка, — К—ій задаетъ ему бывало великолѣпный обѣдъ; а если съ нимъ совсѣмъ еще незнакомъ, то начинаетъ издалека, знакомится сперва съ какимъ-нибудь родственникомъ сановнаго человѣка, и задаетъ обѣдъ ему. На этихъ обѣдахъ, воспитанники училища занимали важныя роли: воспитанники-пѣвчіе поютъ, съ аккомпаниментомъ большаго оркестра; тѣ изъ воспитанниковъ, которые сами хорошо играютъ на какомъ-нибудь инструментѣ (а такіе у насъ не переводились), играютъ, тоже съ аккомпаниментомъ оркестра; наконецъ являлись декламаторы, и показывали свое искусство въ чтеніи стиховъ. Такъ, разъ братъ мой декламировалъ предъ И. И. Дмитріевымъ его басню «Чижикъ», и на другой день получилъ отъ знаменитаго старца въ подарокъ собраніе его басень, съ собственноручною надписью: «за прекрасную декламацію». Случалось, нѣкоторые декламировали стихи даже собственнаго издѣлія. Доходило до того, что призывали иногда воспитанниковъ танцовать характерныя танцы, поставленныя въ то время знаменитымъ въ Москвѣ

нашихъ учителей Іогелемъ. Конечно, шампанское, лившееся въ то время рѣкою, представляло все это въ цвѣтѣ еще болѣе розовомъ, и рукоплесканія не умолкали.

Разъ, когда ждали въ Москву одного петербургскаго савоиника, К—ій встрѣтилъ его съ хлѣбомъ-солью, да гдѣ?.. на первой станціи отъ Москвы, въ Черной Грязи, за тридцать верстъ, а тогда желѣзныхъ дорогъ еще не было! Ну, чье сердце не тронется отъ такого вниманія?

Въ дни именинъ или рожденія начальствующихъ лицъ, напримѣръ начальника учебнаго округа, обыкновенно отправлялась къ нимъ, съ директоромъ во главѣ, депутація изъ нашего училища, состоявшая человекъ изъ десяти или двадцати воспитанниковъ, и при этомъ удобномъ случаѣ, нашими училищнымъ пѣтуомъ произносились стихи собственнаго сочиненія, которые иногда послѣ печатались въ какой-нибудь газетѣ. Такъ, въ *Молель* были помѣщены стихи воспитанника Маркова, на день именинъ покойнаго князя Сергѣя Михайловича Голицына, за которые онъ получилъ отъ князя золотые часы. Наконецъ, даже на похороны извѣстныхъ купцовъ, въ особенности же если они были, хотя бы и задолго до того, членами училищнаго совѣта, отправлялась тоже депутація отъ воспитанниковъ; само собою разумѣется, частехонько воспитанники живымъ и въ глаза не видывали того, на чьи похороны они отправлялись. При погребеніи Михайла Ивановича Титова, бывшаго лѣтъ за десять, а можетъ и болѣе, до кончины, градскимъ головою, человекъ впрочемъ дѣйствительно почтеннаго, не только присутствовала наша депутація, но даже наши воспитанники-пѣвчіе пѣли на лѣвомъ клиросѣ. (Отпѣваніе происходило въ Донскомъ монастырѣ, и замѣчательно, что архимандритъ Теофанъ, говорившій проповѣдь надъ тѣломъ усопшаго, высказалъ похвалы, и даже не очень косвенно, нашему директору. Высчитывая заслуги покойнаго, онъ между прочимъ упомянулъ, что когда былъ назначенъ въ Коммерческое училище директоромъ Кронебергъ, извѣстный ученый (въ послѣдствіи ректоръ Харьковскаго университета), М. И. Титовъ, бывшій въ то время градскимъ головою, обратился будто бы къ императрицѣ, которой былъ лично извѣстенъ, и рекомендовалъ ей *достойнѣйшаго*: при этихъ словахъ, проповѣдникъ указалъ перстомъ на стоявшаго впереди К—го. Признаюсь, хотя я въ то время былъ очень молодъ, но мнѣ, да и всѣмъ прочимъ воспитанникамъ, это указаніе не понравилось.

Когда предстало училищу посвященіе высокихъ особъ, К—ий узнавалъ объ этомъ всегда заблаговременно. Разумѣется, къ такимъ посвященіямъ училище являлось всегда готовымъ: воспитанники одѣты въ новые мундиры, стѣны выкрашены, полы натерты, какъ зеркало, словомъ все было вычищено до неимоверности. И тутъ-то бывало бѣда, если кто замазаетъ стѣну, или капнетъ чернилами на полъ: виновныхъ подвергали самому строгому наказанію. Разъ, въ ожиданіи подобнаго посвященія, мы даже въ теченіи цѣлыхъ трехъ дней не учились, и преспокойно прогуливались въ столовой; а наверху, въ классахъ, въ это время, все красили, мыли, чистили, натерли воскомъ; насъ же, вмѣсто всякихъ наукъ, по-классно учили только провѣсывать хоромъ и звучно шривѣтывать ожидаемому посѣтителю. Случилось на этотъ разъ, что у одного воспитанника, несмотря на выданный приказъ объ особенной чистоплетности, была не совѣтъ чиста шея. Никто конечно, во время посвященія, этого не замѣтилъ. Но не укрылось: это отъ глазъ надзирателя, Андрея Ивановича Р., правой руки нашего директора. Въ наказаніе провинившемуся мальчику, Р. велѣлъ дядѣ принести въ классъ воды и песку, и ради общаго назиданія, при всѣхъ воспитанникахъ, началъ чистить бѣднягъ шею такъ, какъ обыкновенно чистятъ мѣдные замки у дверей. Эта операція продолжалась дотолѣ, пока не показалась кровь. Въ послѣдствіи слѣды этой чистки на шеѣ у мальчика сохранились недѣли, если не мѣсяцы.

Однако я отвлеченъ воспоминаніемъ объ этой оригинальной чисткѣ и не досказалъ о самомъ посвященіи. Такимъ-то манеромъ сидѣніи мы уже третій день въ столовой, очень довольные тѣмъ, что насъ не заставляютъ учиться, а позволяютъ бить баклуши, и пересыпать изъ пустаго въ порожнее. Вдругъ, часа въ два или въ три раздался звонъ колокольчика; мы всѣ, толкая другъ друга, кинулись наверхъ, въ классы. Мы едва узнали знакомыя свои классныя комнаты. Стѣны вновь перекрашены; ни одного пятнышка; полы такъ натерты, что поскользнуться можно; огромныя мѣдныя чернилицы такъ и сияютъ; въ комнатахъ накурено уже сомнѣ съ мятой. Мы въ самыхъ новыхъ мундирахъ; всѣ осмотрѣны надзирателями, просто—преlestь. Понятно, что посѣтителю должны были остаться довольны такимъ опрятнымъ содержаніемъ классныхъ комнатъ, и тѣмъ болѣе, что комнаты были небольшія, окна въ три, а въ нихъ постоянно помѣщалось до тридцати и болѣе

маленькихъ шалуновъ. Надобно еще сказать, что намъ строго-настрого было приказано всѣмъ имѣть веселыя физиономіи.

— Я слышалъ, К—ій, сказала главный пѣсѣтитель, — у тебя воспитанники хорошо поютъ; собери ихъ въ залу.

Мы тотчасъ были собраны, и вотъ, въ числѣ ста пятидесяти человекъ, всѣ мы весьма стройно запѣли хоромъ молитву. Но говорю уже о директорѣ, но даже надзиратели, всѣ иностранцы, должны были предварительно выучить эту молитву, и если не пѣли, то по крайней мѣрѣ шевелили губами. Въ данный моментъ, всѣ бывшіе въ залѣ, точно по какому-то маневренію, слѣдуя примѣру директора, сдѣлали крестное знаменіе. Послѣ того отдѣлялись воспитанники пѣвчіе, и тоже очень хорошо пропѣли разное нотное пѣніе. Резонансъ у насъ въ залѣ была превосходный, мы тоже пѣли очень хорошо. Это была страсть нашего директора; воспитанники, у которыхъ былъ хорошій голосъ, или тѣ, которые хорошо пѣли, были любимцами директора; онъ прощалъ имъ не только лѣность, на чтѣ еще смотрѣли у насъ снисходительно, но даже рѣвность и шалости, чтѣ у насъ обыкновенно не прощались; надобно замѣтить, притомъ, что у насъ постоянно бывали воспитанники изъ Малороссовъ, отличающихся, какъ извѣстно, хорошими голосами.

Вообще, все вниманіе нашего директора было обращено на внѣшнее, а никакъ не на внутреннее благоустройство. Успѣвавшіе въ искусствахъ, не только въ пѣніи, любимой охотѣ К—го, но и въ рисованіи, каллиграфіи, декламации и даже въ танцахъ, пользовались бѣльшимъ расположеніемъ директора нежели тѣ, которые успѣвали въ серьезныхъ наукахъ: знаніями воспитанниковъ блеснуть онъ не могъ, а эти таланты всегда могъ поставить на видъ. Стѣны нашихъ залъ были увѣшаны картинами и прописями воспитанниковъ. Случалось, что, благодаря этому, иные (собственно казенные) воспитанники даже пристращались къ искусствамъ. Нужно отдать имъ справедливость, нѣкоторые изъ нихъ, въ послѣдствіи, поступивъ въ Академію Художествъ, достигли даже до званія свободнаго художника; но вѣдь не къ этому назначенію должно было готовить наше училище. Знаю, что въ настоящее время, когда многіе отрицаютъ нужду въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, замѣчаніе мое покажется отсталымъ; но я стою при своемъ и думаю, что специальные заведенія необходимы. Если же изъ нашего заведенія, вмѣсто хорошихъ купцовъ, выходила довольно плохіе рисовальщики, без-

дарные актеры и пѣвцы, причиною тому, повторяю, былъ особенный вкусъ нашего директора. На лучшаго, или какъ у насъ называлось, на перваго ученика бухгалтеріи и коммерческихъ свѣдѣній, онъ обращалъ гораздо менѣе вниманія нежели на перваго рисовальщика, декламатора и пѣвца. Естественно, что просто вслѣдствіе одного этого предпочтенія, а не по другимъ причинамъ, и тѣмъ менѣе по внутреннему побужденію, воспитанники переставали осеріозно заниматься специальными предметами, и съ большою ревностью начинали заниматься искусствами.

Какъ администратору, или точнѣе, какъ блюстителю порядка въ училищѣ, К—му должно отдать полную справедливость. Ему и приличествовало бы собственное званіе смотрителя за порядкомъ, какого званія, впрочемъ, кажется, нѣтъ ни въ одномъ заведеніи. Въ другихъ заведеніяхъ существуютъ инспекторы классовъ, но у насъ ихъ, къ несчастію, не было; а потому, такъ какъ самъ директоръ, при извѣстныхъ своихъ наклонностяхъ, на ученіе не обращалъ никакого вниманія, не обращалъ на него вниманія и никто другой. Учился тотъ только, кто хотѣлъ; за лѣность почти никогда не наказывали или наказывали несравненно слабѣе, чѣмъ за самыя незначительныя шалости. За то и бывало у насъ, что въ послѣднемъ, высшемъ классѣ, гдѣ по программѣ слѣдовало бы проходить исторію французской литературы, попадались воспитанники, которые, безъ преувеличеній говоря, не знали, или лучше сказать, совершенно забыли французскую азбуку. По русской словесности задавали намъ писать философскія разсужденія о безсмертіи души и т. п., а многіе изъ насъ дѣлали грубыя ошибки даже въ правописаніи. Намъ преподавали статистику Австраліи, а нѣкоторые изъ насъ не знали, напримѣръ, что Мадридъ столица Испаніи, а Лиссабонъ — Португаліи, и даже не могли отвѣчать на географическіе вопросы еще болѣе легкіе; болшею частію это были все ученики отличавшіеся въ пѣніи и рисованіи. Разкажу, для примѣра, случай бывшій съ однимъ изъ нашихъ пѣвцовъ-воспитанниковъ. (Этотъ воспитанникъ одинъ только и занимаетъ теперь довольно значительное мѣсто въ русской оперѣ, но впрочемъ обязанъ этимъ все-таки не Коммерческому училищу, а дальнѣйшему своему заграничному образованію.)

Разъ передъ экзаменомъ, учитель алгебры и геометріи, добрейшій малый, выставялъ баллы въ мѣсячномъ рапортѣ.

— Ну, что же, Г., я тебя поставлю? сказалъ онъ, обращаясь къ нашему пѣвцу:—вѣдь ты на экзаменѣ ничего не можешь отвѣтить.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, поставьте Я (то-есть средственно); а на экзаменѣ спросите, что есть алгебра.

— Ну, а что есть алгебра?

— Да теперь-то я не знаю, а къ экзамену вотъ-какъ вы-долблю! вы только ужъ не забудьте.

Учитель исполнилъ и то и другое.

А надобно прибавить, что въ это время мы уже проходили тригонометрію.

Если въ наукахъ мы не уходили далеко, за то частота и опрятность у насъ наблюдались съ самою строгою възыскательностію; и притомъ не только въ ожиданіи какого-нибудь посѣщенія, но и во всякое время. Бѣлье мы мѣняли по два раза въ недѣлю; по субботамъ, черезъ двѣ недѣли, мы ходили въ устроенную при училищѣ баню; за этимъ тоже строго наблюдалось; но бѣлье часто, или вѣрнѣе, почти всегда надѣвалось на насъ мокрые. При всей любви къ опрятности, мы предпочли бы лучше проносить наше бѣлье лишніе дни, нежели просушивать его на своемъ тѣлѣ; но за такое ослупчаніе строго възыскивалось.

Спальни, можно сказать—роскошь училища, у насъ были раздѣлены по классамъ. Воспитанники низшихъ классовъ не смѣли входить ни въ классы, ни въ спальныя комнаты высшихъ. Надзиратели ночью не дежурили, но къ видѣ надзирателей, въ комнаты низшихъ классовъ, назначались директоромъ, на весь курсъ, благонравнѣйшіе изъ воспитанниковъ послѣдняго, четвертаго класса; имъ даваема была и надзирательская власть надъ воспитанниками, они могли наказывать своихъ подчиненныхъ. Если, послѣ вечерней молитвы, во время раздѣванія, кто сказалъ слово, старшему воспитаннику довольно закричать: «Федоровъ (напримѣръ) завтра—къ столбу», а Федоровъ завтра утромъ, когда всѣ пойдутъ къ чаю, долженъ былъ безпрекословно отправиться къ весьма-объемистому четырехугольному столбу, поддерживавшему сводъ нашей огромной столовой, и оставаться безъ чаю. Противъ этого не могло быть никакихъ возраженій; развѣ только младшій воспитанникъ успѣетъ утромъ вымолить прощеніе; но оно доставалось трудно: понятно, что сердце юнаго надзирателя жестокало,

потому что онъ самъ находился тоже подъ жестокимъ надзоромъ.

Старшіе воспитанники должны были отвѣчать за безпорядки подчиненныхъ, и за это съ нихъ строго взыскивалось. Напримеръ, когда директоръ, возвратясь домой поздно вечеромъ, отъ нечего дѣлать, вздумаетъ пройтись по спальнямъ, и найдетъ, что у кого-нибудь изъ воспитанниковъ платье лежитъ не въ совершенномъ порядкѣ, то и воспитаннику самому наказаніе, да и надзирателю изъ старшихъ воспитанниковъ достаточный нагоняй. Порядокъ этотъ заключался въ томъ, чтобы на табуретѣ лежалъ внизу фракъ, на немъ жилеть, далѣе галстухъ, потомъ помочи, и такъ далѣе; хотя бы платье и въ порядкѣ было уложено, да не въ такой послѣдовательности, у насъ это считалось все-таки за безпорядокъ.

Въ четвертый классъ, въ видѣ надзирателя избирался изъ того же класса, обыкновенно, первый ученикъ по поведенію. Само собою понятно, что чѣмъ выше классъ, тѣмъ снисходительнѣе были эти импровизированные надзиратели. Въ послѣднемъ курсѣ я самъ былъ такимъ надзирателемъ. Избраніе обыкновенно происходило послѣ вакаціи, при переходѣ съ одного двухгодичнаго курса на другой. Съ особенною торжественностію являлся главный надзиратель, и обращался къ старшимъ воспитанникамъ: — Такой-то назначенъ надзирателемъ въ первое отдѣленіе перваго класса (по многочисленности поступающихъ воспитанниковъ въ училище, у насъ было два отдѣленія перваго класса); а вы, г. С., сказали надзирателемъ во второе отдѣленіе перваго класса! Хотя ваше поведеніе не совсѣмъ безукоризненно, но его превосходительство удостоиваетъ васъ этой чести, въ уваженіе вашего прилежанія въ наукахъ, и въ предположеніи, что подобное возвышеніе поощритъ васъ на дѣлѣ оправдать оказываемое вамъ довѣріе. Б—ръ хотя былъ иностранецъ, но любилъ витіеватую рѣчь. Дернуло меня сказать на это: оложите господину директору, Адольфу Фадоровичу, что я благодарю весьма за сдѣланную мнѣ честь, но я бы лучше желалъ спать съ моими товарищами.

Говоря это, я имѣлъ въ виду, что надзирателю за младшимъ классомъ приходилось вставать всегда аккуратно въ шесть часовъ, будить маленькихъ мальчиковъ, отвѣчать за ихъ провинности, и слушать за это выговоры отъ настоящихъ

надзирателей, а иногда и отъ директора; между тѣмъ какъ въ спальнѣ 4-го класса можно было свободно поужинаться до 6¹/₄, а въ дежурства болѣе снисходительныхъ надзирателей, и до 6¹/₂ часовъ, ибо они приходили только къ молитвѣ и начинали съ 1-го класса, а этого времени, то есть чтенія молитвъ въ первыхъ трехъ спальняхъ, было достаточно, чтобы намъ умыться и одѣться.

До сихъ поръ я не забылъ, какая буря поднялась на меня со стороны Б—ра, который былъ тогда главнымъ надзирателемъ. Онъ меня называлъ и неблагодарнымъ, и революционеромъ, и волтерьянцемъ, и Богъ знаетъ чего онъ мнѣ не наговорилъ...

Я спѣшилъ отвѣчать, что сказалъ только такъ, а впрочемъ я весьма благодаренъ его превосходительству за такое высокое назначеніе. Онъ унялся, даже не донесъ объ этомъ директору. Въ послѣдствіи я узналъ, что, по его настоянію, я и назначенъ былъ надзирателемъ. Вообще Б—ръ совершенно безкорыстно всегда питалъ ко мнѣ какую-то симпатію. Бывало и прежде, если директора дома нѣтъ, онъ уходитъ къ себѣ на квартиру (что дѣлали въ такихъ случаяхъ и всѣ надзиратели), а меня назначаетъ занять его мѣсто въ которомъ-либо изъ низшихъ классовъ. Къ Б—ру я уже не возвращусь болѣе; потому спѣшу прибавить, что это былъ красивый мужчина лѣтъ сорока, очень учтивый въ обхожденіи, но горячъ такъ, что подобныхъ людей до сихъ поръ я не встрѣчалъ. Къ счастью, гнѣвъ его скоро проходилъ. Когда разгорячится, онъ, бывало, въ полномъ смыслѣ слова, кричитъ какъ сумашедшій, органъ же у него былъ весьма звучный.

Возвращаюсь къ спальнямъ.

Кровати у насъ были желѣзныя, покрытыя бѣлыми холщевыми чохлами, на кроватяхъ тюфяки; для одѣванія фризовыя одѣла, подбитыя бѣлыми простынями; а сверху, во время дня, для красоты клались тканевыя покрывала. Все это: постельное бѣлье, чохлы, покрывала и даже подкладки подъ одѣлами, мѣнялось весьма часто, и содержалось въ величайшей чистотѣ. О какихъ-нибудь насѣкомыхъ мы и понятія не имѣли, хотя тогда еще не было извѣстно свойство персидскаго порошка. За то наши спальни были гордостью директора, и если случалось, что наше заведеніе посѣщала какая-нибудь довольно значительная особа, то директоръ, проведя посѣтеля по классамъ довольно быстро, спѣшилъ скорѣе въ спаль-

ни, которыя занимали очень пространное мѣсто, и содержались всегда въ величайшемъ порядкѣ.

Спальни наши показывалъ директоръ и своимъ знакомымъ дамамъ. Но вотъ былъ случай, который могъ быть допущенъ человѣкомъ или только полусумашедшимъ, или сильно подпившимъ, или же, наконецъ, чрезвычайно влюбленнымъ. Вѣроятно, было или второе или послѣднее.

Я уже сказалъ, что воспитанники наши хорошо пѣли; это было извѣстно всей Москвѣ, а потому въ нашу маленькую церковь собиралось всегда много публики. Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей былъ вдовый купецъ Т. и его двѣ дочери; старшая, молодая вдова, лѣтъ двадцати двухъ, считалась въ то время одною изъ первыхъ московскихъ красавицъ, другая была молоденькая дѣвушка лѣтъ четырнадцати, тоже очень не дуренькая. Директоръ нашъ, вообще любитель прекраснаго пола, сильно ухаживалъ за вдовушкой, и слышно было не прочь былъ даже предложить ей руку и сердце.

Разъ въ субботу, послѣ всенощной, купецъ Т. вмѣстѣ съ дочерьми прошелъ изъ церкви черезъ классы къ директору пить чай; мы, по обыкновенію, отправились спать. Такъ какъ отъ насъ требовалось, чтобы мы какъ можно скорѣе раздѣвались, ложились и даже засыпали, то не прошло получаса, какъ уже почти всѣ полегли, и я въ числѣ прочихъ; только вдругъ, слышу я, дверь спальни, гдѣ я былъ надзирателемъ, отворяется, и входятъ двѣ дамы и двое мушкетъ: это были наша прекрасная вдовушка съ сестрой, и директоръ съ ихъ отцомъ. Они восхищаются порядкомъ, чистотой, проходятъ нѣсколько комнатъ; но, о ужасъ!—въ спальнѣ 3-го класса, злобастный воспитанникъ С., въ то время какъ младшая дочь отворила дверь, стоялъ въ натурѣ; помня день субботній, онъ перемѣнилъ бѣлье, и какъ въ этихъ классахъ воспитанники-надзиратели были менѣе взыскательны чѣмъ въ низшихъ (о чемъ я уже говорилъ), то онъ и позамѣшкался. При видѣ этого неожиданнаго зрѣлища, дамы, съ крикомъ ужаса, бросились бѣгомъ назадъ, а директоръ, пронзивъ глазами и окаменивъ воспитанника на мѣстѣ, съ скрежетомъ зубовъ, скорыми шагами обратился тоже назадъ, догонять испуганныхъ дамъ. На другой день, воспитаннику С. дана была приличная нотация, воспитанника-надзирателя смѣнили. Но черезъ нѣсколько дней, директоръ, привязавшись къ какой-то незначительной провинности воспитанника С., сильно выскѣкъ его, да еще изъ соб-

ственныхъ превосходительныхъ рукъ; при этомъ не удержался онъ нѣсколько разъ повторить и о субботнемъ пассажѣ, и какъ разказывалъ С., тутъ удары его превосходительства были еще сильнѣе и чаще нежеди при напомниманіи о винѣ, за которую будто главнымъ образомъ его наказывали.

Хотя всѣмъ намъ, особенно въ старшихъ классахъ, извѣстна была слабость директора къ прекрасной вдовушкѣ, тѣмъ не менѣе многіе воспитанники старались ухаживать за нею. Разумѣется, это ухаживанье могло ограничиваться только разговоромъ посредствомъ глазъ. Но вдовушка была кокетка: она и сама иногда отвѣчала нѣжными взглядами, и тѣмъ поощрала своихъ поклонниковъ. Какъ однако опасно было для воспитанниковъ это любовничанье, можетъ показать слѣдующій случай.

Воспитанникъ третьяго класса К. былъ однимъ изъ первыхъ по ученію; по понятію нашего начальства, онъ былъ и лучшимъ по поведенію; онъ обладалъ всѣми молчаливскими качествами, и притомъ былъ первѣйшимъ донощикомъ. Расположеніе къ нему К—го было совершенное; К—ій даже называлъ его не по фамиліи, а просто Ваничкой. Къ несчастію, закралась въ сердце этого юноши искра любви къ прекрасной вдовушкѣ; та изъ кокетства отвѣчала ему, хотя только глазами; дѣло не доходило даже до словъ, но это погубило бѣднягу. Самъ ли К—ій замѣтилъ, или донесъ ему кто объ этомъ, только расположеніе его къ Ваничкѣ тотчасъ перешло въ самое несправедливое и тиранническое гоненіе. Примѣру директора, по обыкновенію, послѣдовали и подчиненные; нашъ Ваничка изъ первыхъ учениковъ сталъ спускаться все ниже и ниже; подъ вліяніемъ этого, сталъ онъ потомъ, мало-помалу, дѣйствительно лѣниться, и наконецъ, во избѣжаніе гоненія, притворился больнымъ и отправился въ лазаретъ. Директоръ очень хорошо видѣлъ, что болѣзнь эта была притворная, но сумѣлъ ею по своему воспользоваться. По приказанію его, докторъ подалъ рапортъ, что у К. чахотка. Директоръ представилъ предложеніе въ совѣтъ, что такой-то казенный воспитанникъ К. впалъ въ чахотку, и, слѣдовательно, къ ученію не епособенъ, а потому долженъ быть исключенъ изъ училища. Совѣтъ, состоявшій изъ оберъ-директора, человека прекраснаго и весьма образованнаго, но совершенно вѣрившаго К—ому, изъ градскаго главы и нѣсколькихъ членовъ-купцовъ, конечно согласился на предложеніе директора, и исключеніе К. изъ училища состоялось. К., съ своей сто-

роны, былъ тоже доволенъ. Но тѣмъ не менѣе, ожесточился вообще противъ властей; сталъ пить, на одномъ гулянѣ подъ Новинскимъ, пьяный, какъ-то повздорилъ съ кварталнымъ надзирателемъ, далъ ему плюху, и, какъ мѣщанинъ, угодилъ въ солдаты.

Мы сейчасъ сказали, что когда директоръ начиналъ гнать кого-нибудь, его примѣру обыкновенно слѣдовали и низшія власти, то-есть надзиратели и учителя. Дѣйствительно, это своего рода подчиненіе, или лучше, раболѣпство доходило у насъ даже до подлости. Довольно, напримѣръ, было директору только подойти къ ученику, погладить его по головѣ, или потрепать по щекѣ и сказать: «что же это ты, Ивановъ, лѣнишься? вотъ Карлъ Ивановичъ тебѣ въ прошломъ рапортѣ поставилъ плохой баллъ; старайся, старайся!»—будьте увѣрены, въ слѣдующемъ мѣсячномъ рапортѣ учитель выставлялъ ему уже хорошій баллъ, хотя бы усѣхъ были даже хуже прежнихъ. Равнымъ образомъ и наоборотъ: кого не любилъ директоръ, тому и баллы не могли выставляться хорошіе.

Чтобы довершить описаніе личности нашего директора, я долженъ прибавить, что онъ имѣлъ особенную слабость держать во всякомъ классѣ фискаловъ, то-есть донощиковъ. Воспитанники, разумѣется, вообще ихъ терпѣть не могли, но тѣмъ не менѣе боялись ихъ, а нѣкоторые даже и подличали передъ ними. Тѣ же, которые показывали имъ свое отвращеніе, естественно подвергались доносамъ болѣе частымъ нежели прочіе. Скажу болѣе, директорскихъ шпионовъ у насъ боялись даже наши надзиратели (гувернеры), особенно которые были слабѣе, или лучше сказать, добрѣе характеромъ; они иногда доносили о нашихъ шалостяхъ директору, единственно изъ опасенія какъ бы онъ не узналъ о нихъ стороною, черезъ своихъ фискаловъ.

Форменностью наше училище, я полагаю, превосходило всякое военно-учебное. Положимъ, что для купца дѣйствительно нужна аккуратность, но ставить ее выше всего, за уклоненіе отъ нея выскидывать строжечѣмъ за дурную нравственность или плохое ученіе, это изъ рукъ вонъ. А у насъ строжайшее вниманіе обращалось на всякую мелочь. Такъ напримѣръ, въ спальнѣ у насъ стояли подлѣ всякой кровати маленькіе ящики съ крышками, которые назывались табуретами; въ нихъ лежали новые мундиры, шинель, картузь и прочее. Отъ насъ требовалось, чтобы все это было уложено не только аккуратно, но

именно въ предписанной послѣдовательности, какая вещь должна лежать внизу, и какая далѣе, до самаго верха; живо помню, что всю поклажу увѣчивалъ у насъ картузъ. Воспитанники-надзиратели обязаны были строго наблюдать за этимъ порядкомъ; а директоръ часто, проходя по спальнѣ, производилъ повѣрку, то-есть отирывалъ навыворотъ два-три табурета, и Боже сохрани, если находилъ отступленіе отъ предписаннаго порядка!

Но самымъ высшимъ преувеличеніемъ царствовавшаго у насъ формализма, по всей справедливости, долженъ быть признанъ порядокъ, который наблюдался въ нашихъ молитвахъ; можно сказать, что мы и молились, и притомъ даже въ церкви, не иначе какъ по командѣ. Правда, отправленіе наше въ церковь было единственнымъ случаемъ, когда не обращалось вниманія на различіе классовъ, къ которымъ принадлежали воспитанники. Впрочемъ это было вовсе не потому, что передъ Богомъ всѣ равны, и отсюда вовсе не слѣдовало, чтобы могли идти въ церковь какъ попало, и кто съ кѣмъ хотѣлъ. Напротивъ, отступленіе отъ обычнаго размѣщенія воспитанниковъ по классамъ допускаемо было въ видахъ еще большей аккуратности и порядка: насъ подгоняли одного къ другому по росту, и притомъ такъ, чтобы меньшіе ростомъ были впереди, а болѣе крупные позади. Оттого-то и случалось иногда третьекласснику идти въ парѣ съ воспитанникомъ перваго класса. Надобно замѣтить однако, что это смѣшеніе крайне оскорбляло старшихъ воспитанниковъ, которымъ приходилось идти наравнѣ съ младшими. Подгонка одного воспитанника къ другому предъ службой продолжалась обыкновенно у насъ ретивыми надзирателями довольно долго, иногда до четверти часа; они смотрѣли внимательно, не возвышается ли у кого-нибудь голова хоть на осьмушку вершка противъ стоящаго впереди сосѣда. Въ такомъ случаѣ надзиратель тотчасъ подбѣгалъ къ этой парѣ, ставилъ задняго впереди, а передняго назадъ. Отдаваясь нѣсколько, съ глубокомыслиемъ наблюдалъ онъ снова, не сдѣлано ли ошибки, и дѣйствительно, часто случалось снова подбѣгать и дѣлать новыя перестановки; иногда одну и ту же пару перестанавливали такъ и иначе, и опять по прежнему, разъ до четырехъ и болѣе. При этомъ воспитанники употребляли не рѣдко извѣстные фокусы: становились на носки, и тѣмъ приводили въ недоумѣніе надзирателя. Наконецъ, когда установка дости-

галасъ сколько возможно совершенная, все мы подъ предводительствомъ надзирателя отправлялись поперво изъ залы въ церковь, и потѣмъ становились, какъ уже сказано, меньшіе ростомъ впереди, великорослыя назадъ, не разбирая классовъ. Затѣмъ, у насъ въ самой молитвѣ соблюдался опредѣленный, искони заведенный порядокъ. При поступленіи въ училище, каждому воспитаннику давали тетрадь; такъ объяснилось ему, когда именно онъ долженъ былъ въ церкви дѣлать поклоны, когда земной и такъ далѣе. Напримѣръ, во время экumenіи, когда пѣвчіе поютъ «Господи помилуй», все обязаны были разомъ отвѣтить на поклоны; но строго выскансилось бы, еслибы кто, не уясняя назначеннаго поклона, вздумалъ поклониться, сверхъ того, и тогда, когда клиръ поетъ «Тебѣ Господи»; за эту непростительную разсѣянность наказывали бы послѣ службы голову, или даже подвергли бы наказанію болѣе чувствительному. Словомъ, и поленные и земные поклоны головы, и поднятіе головы, все это до послѣдней мелочи единожды навсегда намъ предписано было въ правилѣхъ съ точнью подробностей. Естественное послѣ того, что мы молились, такъ-сказать, механически; кто не твердо зналъ эту механику молитвы или забывалъ, тотъ старался слѣдить за дѣйствіями директора, и не могъ никогда попасть впросакъ. Могла ли быть, при такой обстановкѣ, искренняя молитва,—предоставляю судить читателю. Вѣдь у насъ выскансилось не только съ тѣхъ, кто не пожелалъ назначеннаго поклона, но и съ тѣхъ, кто перекрестился или поклонился *лишній* разъ.

Опишу теперь обычный порядокъ нашего ежедневнаго времяпровожденія.

Ровно въ шесть часовъ раздавался обыкновенно звонъ небольшого колокола, вѣшаннаго на дверь, на нарочно-устроенной высокой самшиткѣ; звукъ этого колокола былъ слышенъ во всемъ домѣ, и онъ давалъ намъ сигналъ обо всемъ: о вставаньи, началѣ и концѣ каждаго класса, обѣдѣ, ужинѣ, чаѣ и проч. Онъ же замѣнялъ должность и церковнаго колокола передъ службой, но тогда звонили въ него совсѣмъ иначе. Итакъ, ровно въ шесть часовъ, по звукамъ этого колокола, все вставали; старшіе воспитанники-надзиратели будили своихъ подчиненныхъ; затѣмъ все отправлялось въ общую умывальную. Здѣсь стояли, по числу классовъ, четыре огромныхъ медныхъ умывальника, то-есть по особому умывальнику для каждаго класса. Около каждаго умывальника могли помѣститься

только по три воспитанника, а потому въ комнатѣ было довольно шумно и оживленно. Какъ я замѣтилъ выше, воспитанники вышнихъ классовъ позволяли себѣ иногда нѣсколько долѣе поужинаться, поэтому умывальники 3-го и 4-го класса часто стояли порожними, пока воспитанники вышнихъ классовъ тѣшились около своихъ умывальниковъ. Изъ умывальникамъ старшихъ классовъ подходить они не дерзали. Если и были иногда смѣльчаки позволявшие себѣ такіе самовольные поступки, то это имъ не всегда проходило даромъ: бѣда, бывало, если войдетъ въ это время какой-нибудь четырехклассникъ, особенно строптиваго характера! Онъ такъ крикнетъ на дерзкаго, что мальчикъ стремглавъ бѣжитъ, не окончивъ своей операціи. Вообще, у насъ сами воспитанники обращали самое строгое вниманіе на чистъ классовъ. Воспитанникъ 2-го класса гордо держалъ себя передъ воспитанникомъ 4-го, и такъ далѣе. Еслибы кто сталъ дикаться съ младшими, тотъ рисковалъ бы возбудить къ себѣ презрѣніе отъ всѣхъ своихъ сослассниковъ.

Послѣ умыванья, то-есть около половины седьмого, приходилъ надзиратель, и мы поклассно собирались на молитву, гдѣ одинъ воспитанникъ вслухъ, очень скоро, а иногда съ большими пропусками читалъ молитвы. Нѣкоторые смѣльчаки доходили до того, что укорачивали такъ: Отче нашъ... но избави насъ отъ лукаваго. Надзиратели изъ иностранцевъ ничего не понимали, а потому эти уклоненія отъ порядка болѣею частью проходили даромъ. Но во всякомъ случаѣ, ничего подобнаго не позволяли себѣ воспитанники, когда дежурилъ надзиратель Р—, о которомъ я скажу въ своемъ мѣстѣ подробно; хотя и онъ тоже не понималъ ничего, тѣмъ не менѣе воспитанники читали при немъ молитвы не только вполнѣ, но особенно внятно, и даже съ нѣкоторыми притворными умаленіями.

Послѣ молитвы ученики поварно отирались въ столовую, пить чай. Впередѣ каждого класса шло ученикъ, занимающій должность спальнаго надзирателя, за нимъ шли воспитанники перваго класса, менѣею ростомъ впередѣ; потомъ опять спальный надзиратель, и воспитанники втораго класса и т. д. Тотъ же порядокъ былъ соблюденъ, когда мы должны были обѣдать, ужинать и вечеромъ спать. Заутракъ нашу состоялъ изъ порядочной кружки довольно сѣвернаго чаю и половины довольно большаго ситника. Очень не рѣдкіе, особенно въ весной, чай отащивался навозомъ, а въ ситникахъ иногда попадались

запеченные мухи и тараканы. Но до жалобъ доходило рѣдко; развѣ уже всѣ до одного воспитанника найдутъ чай не хорошимъ, что бывало обыкновенно только тогда, когда чай во-нялъ просто до невозможности пить. Въ противномъ же случаѣ недовольные боялись роптать: надзиратели обыкновенно брали сторону помощника эконома, оттого что онъ и имъ также поставлялъ казенную пищу. «Вотъ вы, человекъ десять, находите чай нехорошимъ, а между тѣмъ видите—цѣлые сто человекъ пьютъ его съ наслажденіемъ.» Если случалось, что они доносили о нашемъ будто бы бунтѣ директору, тотъ сильно за это взыскивалъ, особенно же если въ числѣ недовольныхъ бывалъ казенный воспитанникъ. «Ахъ ты негодий! говорилъ онъ тогда: да ты благодари Бога, что попалъ сюда; а онъ еще рассуждаетъ, что чай не хорошъ! Вѣдь понимаешь ли ты, тебя даромъ кормятъ да еще даютъ образованіе, ты долженъ быть всѣмъ доволенъ. Ты вотъ посмотри, NN, SS—тебѣ ли чета? изъ какихъ богатыхъ семействъ! да и то не брезгаютъ, а ты, нищій, смѣешь... Смѣй это въ другой разъ, я тебя сейчасъ выключу... Ты долженъ знать, что на твое мѣсто сейчасъ ето охотниковъ.» Въ нѣкоторое подтвержденіе словъ K—го, не могу здѣсь не сказать кстати, что одинъ своекоштный воспитанникъ А., сынъ известнаго богача, у котораго, какъ говорили, было до тридцати милліоновъ (на ассигнаціи), дѣйствительно, не только не брезгалъ хлѣбомъ съ запеченными мухами, но даже по доброй волѣ соглашался за полситника глотать десять мухъ, и притомъ живыхъ; иногда же и даромъ дѣлалъ это, просто чтобы показать свою небрежливость, или же вызвать улыбку старшаго воспитанника, котораго вниманіемъ дорожилъ. Но это былъ уже особенный вкусъ. Итакъ, во избѣжаніе директорскихъ выговоровъ, мы не охотно жаловались на неблагоприятный запахъ чая, а ограничивались бывало только тѣмъ, что передавали тайкомъ кружки тѣмъ изъ воспитанниковъ, которыхъ обонаніе было не такъ чувствительно. Помню впрочемъ, что нѣсколько разъ, и притомъ именно всегда въ дежурство надзирателя P—я, когда ситники оказывались съ пескомъ или отзывались вкусомъ известки, насъ и удовлетворяли, и притомъ довольно пріятнымъ образомъ. P—ъ тотчасъ же призывалъ къ себѣ помощника эконома, и распорядился, чтобъ онъ возвратилъ ситники поставщику, а на его счетъ подаль намъ калачей; это обыкновенно исполнялось

менше чѣмъ чрезъ полчаса, и вмѣсто скверныхъ ситниковъ мы получали отличные десяти-копѣечные (на ассигнаціи) калачи.

Послѣ чаю мы тотчасъ отправлялись въ классы; до восьми часовъ здѣсь иной приготовлялъ уроки, другой билъ баблужи. Въ восемь часовъ звонъ колокола; всѣ садятся по мѣстамъ, но не по степени знанія, что много бы способствовало преподаванію, а по росту, меньшіе впереди, старшіе позади. Если директоръ, войдя въ классъ, замѣтитъ, что одинъ воспитанникъ переросъ другаго, тотчасъ дѣлается пересадка. Надобно замѣтить, что на это у нашего директора былъ удивительный глазъ: сразу онъ увидитъ переѣмъ въ ростѣ. Онъ вызоветъ потомъ бывало обоихъ воспитанниковъ, и для большаго удовольствія, поставитъ ихъ одного подѣ другаго. Но увы, тутъ уже нельзя было, для прибавленія себѣ роста, встать на баблужи; К—ій зналъ эту продѣлку, и потому всегда ощупывалъ носкомъ своего сапога, не приподнимается ли кто нарочно.

Классы должны были начинаться собственно въ восемь часовъ, но это никѣмъ изъ учителей не соблюдалось; самыя аккуратныя являлись не ранѣе какъ въ восемь съ половиною часовъ; другіе же постоянно приходили въ девять, а нѣкоторые даже въ девять съ четвертью, или какъ у насъ говорилось, за три четверти до окончанія класса (каждый классъ продолжался по два часа); естественно, этихъ послѣднихъ учителей мы особенно любили. Нѣкоторые учителя приходили даже и за четверть часа до конца класса, а многіе совсѣмъ не приходили, иногда даже по цѣлому мѣсяцу, но о нихъ скажемъ послѣ. Въ десять часовъ былъ опять звонокъ, и давалось четверть часа отдыха; тутъ классы начинались уже аккуратнѣе; большая часть учителей были уже на-лицо, и нитъ стоило только перейти изъ одного класса въ другой. Въ двѣнадцать часовъ снова былъ благодѣтельный звонокъ; на этотъ разъ онъ призывалъ въ столовую; мы строились въ пары и отправлялись обѣдать. Передъ обѣдомъ (равно какъ передъ чаемъ и предъ ужиномъ) воспитанники пѣли хоромъ «Отче нашъ»; если случался дванадесятый праздникъ, то какъ въ этотъ день, такъ и послѣ, во все время до отданія праздника, вмѣсто «Отче нашъ» пѣлся тропарь въ честь праздника. Послѣ молитвы, на обоихъ концахъ четырехъ длинныхъ-предѣльныхъ столовъ, являлись тотчасъ дядьки съ огромными мисками, и начиналась работа; только я слышалъ былъ стукъ посуды; посуда, мимоходомъ скажемъ, была у насъ оловянная и, какъ

все въ заведеніи, одержалась въ безукорызненной чистотѣ. Разговаривать во время стола строгойше запрещалось. Ближайшіе къ дядкѣ воспитанники подавали ему тарелки, онъ наливалъ супъ или клалъ другое кушанье, а тѣ передавали своему собѣду, и такъ далѣе до самыхъ тѣхъ, которые сидѣли на срединѣ; все это дѣлалось весьма ловко, проворно и, что въ особенности было важно, довольно красиво для глазъ посторонняго зрителя.

Обѣдъ состоялъ обыкновенно изъ трехъ блюдъ, всего чаще вкусныхъ щей или какой-либо похлебки, сколько припомню, кашею, съ говядиной, потомъ говядины съ толченымъ хрѣномъ, и пашецеъ, ежедневне, изъ достаточно-жирно-намасленной кашки, рѣдко изъ розмарины, которую мы впрочемъ и не очень жаловали. Итакъ, въ теченіи восьми лѣтъ каждый день мы ѣли гречневую кашу, и, удивительно, она намъ нисколько не приеживалась; покажите мнѣ кушанье изъ французской или другой иностранной кухни, которое выдержало бы такой опытъ? По воскресеньямъ, къ обыкновенному столу прибавлялись пироги съ говядиной, съ капустой или оладкіе съ черникой. Вообще скажу, что скромный обѣдъ былъ у насъ очень здоровъ и вкусенъ; но не могу того же сказать о постномъ; рыба часто или почти всегда подгуливала, и я всегда тайкомъ перекладывалъ ее на тарелку сосѣдей; а надобно замѣтить, что мы постъ держали аккуратно, постылись воѣ среды и пятницы. Прокраснаго чернаго хлѣба давалось намъ волюе; запрещалось только брать его съ собою въ акасъ, что впрочемъ тайкомъ частенько удавалось дѣлать. Для питья былъ квасъ, иногда очень вкусный, иногда черезчуръ плохой. Вообще, надобно отдать справедливость, насъ кормили весьма сносно, и этимъ мы обязаны были нашему эконому, въ должности котораго состоялъ богатый купецъ Дм. Хр. Сп—овъ. Несмотря на свои коммерческія занятія, этотъ почтенный человекъ исправлялъ принятую на себя должность рачительно; ежедневно онъ прѣзжалъ въ училище и каждый разъ непременно бывалъ въ кухнѣ. Впрочемъ, надобно и то сказать, эта довольно легкая обязанность избавляла нашего эконома отъ службы по выбору, да сверхъ того, онъ, кажется, былъ награжденъ за нее даже знакомъ отличія. Несмотря на его ежедневныя посвященія, злоупотребленія бывали, и главною причиною ихъ было то обстоятельство, что помощниками у него бывали всегда дальніе родственники. Вступая въ должность людьми весьма блѣ-

ныши, они оставали потому ее уже съ порадочнымъ капиталомъ. Но и то сказать, гдѣ же этого не бываетъ?

По окончаніи обѣда, по звонку надзирателя всѣ вставали изъ за спансеокъ; одинъ изъ учениковъ, обладавшій, звучнымъ голосомъ, читалъ молитву: «Благодарю Тя, Христе Боже», потомъ всѣмъ хороше пѣли троюратно: «многая лѣта», разумѣется, крестясь въ предписанный отъ директора моментъ, и прежнимъ порядкомъ возвращались въ классы. Здѣсь до трехъ часовъ давался отдыхъ; затѣмъ, снова начинался классъ и продолжался до пяти часовъ, въ томъ же точно порядкѣ какъ и утромъ. Въ пять часовъ, по окончаніи классовъ, имъ отправлялись въ столовую прежнимъ порядкомъ, и получали на полулитнику на брата¹. Это брало времени не болѣе четверти часа. Затѣмъ, снова классъ до семи часовъ; въ семь часовъ ужина, состоявшій изъ двухъ блюдъ: щей или какой поклосецъ, и неизбѣжной, но всегда пріятной для насъ кашки; послѣ ужина опять прогулка въ классы, и опять отдыхъ, такой же, какъ и прежній; и наконецъ въ девять часовъ отправлялись спать. Тутъ читалось тѣ же самыя ерменныя молитвы; но на этотъ разъ позволялось намъ и небольшая вольность: послѣ общей молитвы, воспитанникъ имѣлъ право, своя на койникъ, да и то впрочемъ не иначе какъ на постели, сдѣлать нѣсколько простыныхъ знаменій. Впрочемъ, еслибы какому-нибудь Иванову вздумалось нѣсколько увлечься при этомъ, старшій воспитанникъ-надзиратель не замедлитъ закричать: «Ивановъ ложись спать!» и тотъ долженъ былъ безпрекословно исполнить приказаніе, иначе могъ подвергнуться наказанію.

¹ Въ послѣдствіи, вечеромъ къ полулитнику прибавлялось намъ по кружкѣ чая, сколько помнится—по настоянію Андрея Петровича Шестова, который выбранъ былъ тогда въ градскіе головы. О заслугахъ этого человѣка я надѣюсь поговорить въ особой статьѣ. Это былъ человѣкъ дѣйствительно весьма замѣчательный; избранный отъ купечества представителемъ общества, онъ забылъ о своихъ частныхъ дѣлахъ, тогда какъ велъ огромную торговлю чаемъ, производя до 6 милліоновъ въ годъ оборота. Послѣ выбора въ градскіе головы, онъ передалъ свои дѣла въ руки брату, и они до того запутались, что послѣдовало банкротство; дѣти оставшіеся по смерти Андрея Петровича находились не въ очень-цвѣтущемъ положеніи. Должно жалѣть, что до сихъ поръ у насъ не воздано надлежащей благодарности этому почтенному гражданину. При этомъ припоминаю изреченіе одного извѣстнаго въ Москвѣ остряка: когда выбрали Шестова въ градскіе головы, онъ сказалъ въ одномъ обществѣ: «вотъ въ Москвѣ было пять пустыхъ градскихъ головъ, выбрали Шестова, что-то будетъ?»

Познакомивъ нѣсколько читателей съ личностію нашего директора; съ которыми будемъ еще часто встрѣчаться, и описавъ подробно порядокъ нашего дневнаго существованія или, лучше сказать, прозябанія, обращаюсь къ надзирателямъ.

Надзирателей у насъ было постоянно четверо. Одинъ изъ нихъ дежурилъ (во всѣхъ классахъ) съ шести часовъ утра до часу по-полудни; въ часъ пережѣнялъ его другой, и дежурилъ до девяти часовъ вечера. На второй день чередовалась другая пара надзирателей. Скучно было бы описывать подробно всѣхъ надзирателей, какіе перебивали у насъ во время существованія моего въ училищѣ; ограничусь личностями наиболее типичными. Я увѣренъ что какъ всюду, такъ и въ Коммерческомъ училищѣ все идетъ къ лучшему; жизнь его въ настоящее время, вѣроятно, нѣсколько не походитъ на ту, какую я въ нейъ засталъ. Полагаю, нынѣшнее поколѣніе училища съ трудомъ можетъ и представить то, что мы вытерпѣвали во время оно. Но по тому-то самому я и считаю нужнымъ начать описаніе надзирателей съ личности, подобная которой едва ли уже встрѣчается. Самъ Н—ій, котораго, кажется, нельзя было унркнуть въ слишкомъ нѣжной внимательности или деликатности въ отношеніи къ воспитанникамъ, скоро сдѣлалъ надзирателя, о которомъ я веду рѣчь.

Въ самомъ дѣлѣ, надзиратель Гр—съ былъ не человекъ, а зверь. Давать намъ ученикамъ было его наслажденіе, особенно когда онъ былъ подвыпивши, а это съ нимъ было почти постоянно. Вѣроятно, не все читатели знаютъ, что такое палъ, но конечно великій ученикъ Коммерческаго училища старыхъ временъ слишкомъ хорошо о нихъ помнитъ. Палъ, это—ударъ линейкой по ладони руки. Но боль отъ этого удара можетъ быть различная, иногда очень слабая, а иногда до того сильная, что ученикъ невольно даже вскрикиваетъ при каждомъ ударѣ. Надобно отдать справедливость искусству Гр—са въ этомъ упражненіи: такъ больно, какъ онъ, никто не давалъ этихъ палей. Онъ какъ-то особенно искусно бралъ въ руки пальцы виновнаго, и такъ выворачивалъ вверхъ ладонь, что удары происходили сильные и громкіе; они слышались обыкновенно даже въ другой комнатѣ. Каждый разъ какъ присту- палъ онъ къ этой операціи, глаза его блистали удовольствіемъ, и тѣмъ болѣе давалъ онъ ихъ, тѣмъ болѣе глаза его разгорались, и тѣмъ сильнѣе сыпались удары. Число палей доходило иногда до тридцати на каждую руку, такъ что не только ла-

дони пухля, но иногда даже показывалась кровь. Словомъ, это была настоящая пытка. Кто больше кричалъ, тотъ больше доставлялъ Гр—су наслажденія; кто послѣ первыхъ двухъ палъ, потирая руками о колѣна, кодебался снова протянуть руку, тому число палъ прибавлялось. У одного изъ воспитанниковъ руки были весьма сухія; пали вслѣдствіе того, были для него больнѣе чѣмъ кому-нибудь; во все дежурство Гр—са несчастный трясся бывало какъ въ лихорадкѣ; Гр—съ, а за нимъ и мы, даже прозвали его трясункою: его-то наказывать палами было для Гр—са особенное удовольствіе, Гр—съ, будучи надзирателемъ, въ то же время преподавалъ у насъ въ первомъ классѣ уроки французскаго языка; но познанія его въ этомъ языкѣ были весьма слабы; даже я, десятилѣтній мальчикъ, могъ это замѣтить; самыя спряженія глаголовъ спрашивалъ онъ не иначе какъ съ грамматикой Домонда въ рукахъ. Въ эти-то минуты и было для него главное раздолье раздавать пали. Входить онъ бывало, щипля бакенбарду, — признакъ, что онъ не въ духѣ. Положимъ, урокъ—спраженіе глаголовъ. Длинныхъ онъ зналъ, и тотчасъ начинаетъ ихъ выкликать: «Эй ты, трясунка, ночью бессмертный, сурокъ (почти каждому у него было дано прозвище), ну, спрягай *le present d'aimez*.» Тотъ, плахе виза, а еще болѣе, задуганный, вретъ что понало, второй слѣдуетъ его примѣру, и третій тоже. Глаза Гр—са сверкаютъ, а онъ начинаетъ, смотря въ раскрытую грамматику, такъ *j'aime*, и первому палъ, *tu aimes*—палъ, *il aime*—третьему палъ. Множественное число идетъ тѣмъ же порядкомъ, и такимъ образомъ, съ палами, онъ спрягалъ весь глаголъ, во всѣхъ склоненіяхъ. Классы Гр—са почти всѣ приходились въ 3 часа пополудни, а онъ, обѣдая въ часъ, имѣлъ обыкновеніе соснуть послѣ обѣда. Для воспитанниковъ очень важно было, чтобъ Гр—съ соснулъ хорошенько, и вообще пришелъ въ добромъ расположеніи духа. По своему славію надзирателю, онъ жилъ въ самомъ уединенномъ домѣ, на западной квартирѣ, и у него, колостика лѣтъ надъ пятьдесятъ, но еще очень бодрого, была въ услуженіи ключница, и возилъ чѣмъ угодно, не болѣе какъ двадцатилѣтняя, очень смазливая дѣвочка, которую, какъ доехавъ помню, звали Фенькой. Къ этой-то Фенькѣ обыкновенно обращался воспитанникъ съ просьбою, чтобъ она была какъ можно любезнѣе съ Гр—сомъ предъ нашимъ классомъ. «Экая Фенька, говорили мы, когда Гр—съ приходилъ очень зодъ: какъ она его рассердила, не умѣла

хорошо разбудитъ!» А мы очень хорошо умѣли различать, въ какомъ онъ расположеніи духа. Если онъ вызывалъ шестерыхъ учениковъ: это было признакомъ, что онъ еще не совсемъ сердатъ; единственное и множественное числа раздѣлялись тогда не между тронки, а между шестерыми учениками, и следовательно, каждому доставалось только по одной палѣ. Не бывали случаи,—и это значило, что онъ въ самомъ дурномъ расположеніи,—на все сбирженіе вызывался всего одинъ ученикъ, и все муки выпадали на него одного; въ такихъ случаяхъ, хотя бы воспитанникъ и зналъ кое-что, но уже и отъ одного испуга, что вызванъ одинъ, и отъ страшнаго ожиданія, онъ совершенно терялся, и разувѣлся, получая предначинанную порцію. Наконецъ, если Гр—съ былъ совершенно доволенъ своею Фенькой, онъ вызывалъ лучшихъ учениковъ. Вообще, все воспитанники оказывали особенное уваженіе Фенькѣ, болѣе взрослые даже строили ей куры. Не долго впрочемъ продолжалось наше мученіе. К—ій, нѣкоторые говорятъ—по приказанію оберъ-директора, увелъ его отъ службы.

Не припомню, чуть ли не на иждѣ Гр—са поступилъ къ намъ надирателемъ Андрей Ивановичъ Р—ъ; если это дѣйствительно было такъ, то можно сказать, что мы проиблили кукушку на ястреба. Если Гр—са можно сравнить съ тигромъ яростно нападающимъ на человѣка, то Р—я должно сравнить съ красною, но самую ядовитую змѣю, которая тихонько къ вамъ подкрадывается. Эта разница ихъ характеровъ выразалась и въ способахъ наказаній, которые они употребляли. Гр—съ разилъ оруду, но Р—ъ умѣлъ придумывать такіа наказанія, которыа на видъ были не столь жестоки, но на дѣлѣ гораздо мучительнѣе. Даже самая физиономія первая, съ его кровавыми глазами, сейчасъ показывала тирана, между тѣмъ какъ у Р—я была физиономія очень благовидная, манеры чрезвычайно пріятныя; въ разговорахъ съ воспитанникомъ онъ былъ скорѣе сладокъ нежели суровъ, даже и въ томъ случаѣ, когда онъ допрашивалъ свою жертву уже заподозрѣнную въ какой либо пакости, и мысленно обреченную наказанію. Прежде всего скажу, что Р—ъ самъ воспитывался въ школѣ іезуитской, а потому ввелъ и у насъ ту же систему. А кому неизвѣстно, до какой степени она безнравственна? Шпіоновъ между воспитанниками онъ развелъ безчисленное множество. Къ директору же умѣлъ такъ вкрасться въ довѣренность, что сдѣлался совершенно его правою рукой. Его стали бояться не только

воинскими, но даже его товарищи-надзиратели: Сиданинъ, Подожкинъ, какой-либо проступокъ въ дежурство извѣстнаго надзирателя, и сошлѣть благополучно съ рукъ; въ прежнее время, дѣло въ такомъ случаѣ считалось конченнымъ. Но при Р.—ѣ нешло не такъ; если онъ узнавалъ о такомъ происшествіи, хотя бы оно случилось и не въ это дежурство, онъ непременно начиналъ перенаслаждение. Какъ теперь помню не совсемъ пріятный казусъ въ этомъ родѣ, случившійся со мной самимъ. Это было въ третьемъ классѣ. Помещалъ близостью класснаго помещенія съ такъ-называемою публичною библиотекой (критіи классъ былъ рядомъ съ нею), человекъ шесть воинтанниковъ, и въ томъ числѣ я, итѣмъ обыкновеніе вечеромъ, въ то время, когда ученики передъ отходомъ въ спальню становились въ пары, раза три пробѣжать въ потымакъ по этой залѣ, и къ концу прокатиться на ногахъ по окошко-на-тертому паркету. Это у насъ называлось «лѣзть на пожаръ». Однажды, во время такого катанья, несчастному воинтаннику Г. ¹ случилось упасть и разбить себѣ носъ. На другой день утромъ былъ дежурнымъ надзирателемъ К. Н. Фр.—нъ, добрый человѣкъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Увидѣвъ обоимъ обремененную фигуру мальчика, Фр.—нъ подбѣжалъ къ нему.

— Г., что это такое?

— Ушибся, Карлы Ивановичъ, вчера; вѣдь это не въ ваше дежурство.

— А, нѣ въ мое! сказала Фр.—нъ, и ушелъ, успокоенный отъѣздомъ.

Но къ несчастію, послѣ обѣда дежурнымъ былъ Р.—ъ, и какъ Г. ни укрывался, проникательный взоръ надзирателя замѣтилъ слѣды преступленія. Началось следствие; Г. долженъ былъ во всемъ сознаться, да иначе и нельзя было; и вотъ последовала резолюція: чтобы все мы шесть человекъ пожарныхъ, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, во все рекреационное время, стояли на кофѣяхъ по двое, обрѣтась лѣвомъ къ двумъ заламъ, по которой бѣгали, и чтобы въ насъ шестерыхъ, каждая пара смѣняла другую черезъ часъ. Смерть того, во все это время насъ не пустили домой; воскресенья и праздники мы должны были также попеременно дежурить на кофѣяхъ попарно. Не правда ли, наказаніе не слишкомъ легкое за та-

¹ Въ послѣдствіи былъ въ Московскомъ университетѣ; нынѣ отгущикъ.

кую невинную шалость? Мы бы всё простили не только пани Гр—са, но даже розги.

Наблюдая, чтобы ученики не грызли ногти, Р—ь часто осматривалъ у воспитанниковъ руки. Если онъ замѣчалъ при этомъ, что ногти были срызаны, а въ особенности, если ловилъ кого на дѣлѣ, онъ подзывалъ тогда воспитанника къ себѣ, бралъ его руку, складывалъ висотъ концы пальцевъ и сильно ударялъ нѣсколько разъ то по одной, то по другой рукѣ линейкой. Хотя я этого, благодаря Бога, на себѣ не испытывалъ, но, по словамъ ненаглядника, боля отъ этого наказания, была столь сильна, что даже пани Гр—са въ сравненіи съ нею были ничто. Да и можно вѣрить такому отзыву, судя по тому крику, какой издавала наказываемая, и по тѣмъ унижительнымъ просьбамъ о пощадѣ, которыми они старались умалостивить жестокаго надзирателя. У насъ были ученики, которые и подъ разгами не издавали звука раскаянія, но молчали, закусивъ зубами педунку, за что, конечно, наказывались вѣснѣе и продолжительнѣе; но тутъ даже и эти герои насрадали и просили о пощадѣ; и также терзались за то, что грызли ногти!

Жестоко это наказаніе было въ физическомъ отношеніи, но чуть ли не жесточе наказаніе придумалъ Р—ь въ моральномъ отношеніи, хотя оно съ виду кажется и довольно деснымъ. Случилось, напримеръ, при общей тишинѣ въ столовой, кому-нибудь махнууть кончикомъ; Р—ь, въ наказаніе, посадилъ этого воспитанника изъ низшаго класса, въ которомъ онъ числится, въ старшій мѣсяца на два и даже на шесть. Это означало, что по окончаніи классовъ, каждый разъ, воспитанникъ долженъ былъ отправляться въ старшій классъ; а я уже говорю, какое отношеніе у насъ было между классами. Словомъ, это значило осудить воспитанника, въ теченіи всего рекреационнаго времени, на созерцательное молчаніе и вѣднѣе на одномъ назначенномъ мѣстѣ. Въ послѣдствіи, Р—ь сталъ дѣлать даже наоборотъ, то-есть воспитанниковъ высшаго класса сажалъ въ вѣнчикъ; для учениковъ это наказаніе было самое унижительное. Я увѣренъ, что всякій согласился бы лучше десять разъ быть высѣченнымъ. Чтобы вполнѣ обрисовать личность Р—я, разкажу послѣдній анекдотъ, въ которомъ выражается его сладкорѣчивость, соединенная съ жестокостью. Состоя надзирателемъ, онъ въ то же время училъ насъ нѣмецкому языку. Одинъ разъ, объясняя намъ склоненіе

нѣ, онъ писалъ смончанимъ падежей мѣломъ на большой деревянной доскѣ, какія существуютъ во всѣхъ заведеніяхъ, и всѣмъ извѣстны. Окончивъ это, онъ обратился къ воспитанникамъ:

— Ну, дѣти, поняли?

Мы все хорошо отвѣчали: «поняли-сь, Андрей Ивановичъ», хотя я увѣренъ, большая половина не поняла.

— А если кто изъ васъ, дѣти, не понялъ; продолжайте онъ своими недоточивымъ голосомъ, — то лучше скажите, я еще разъ объясню.

Вдругъ встаетъ одинъ ученикъ, Сухаревъ, которому, впрочемъ, и дѣла-то мало было до нѣмецкой грамоты, но впрямую онъ не смѣлъ подслужиться, тѣмъ болѣе что передъ самыми классомъ Р—ъ откинулъ его ладонью по пальцамъ за грязныя ногти.

— Я не понялъ, Андрей Ивановичъ, сказалъ Сухаревъ.

— Ну, иди сюда, мой другъ.

Тотъ подходитъ къ доскѣ.

— Какъ же ты, мой милый, не понялъ, говоритъ Р—ъ, — когда все другіе поняли? вѣдь вы, дѣти, поняли? — Беретъ его за волосы и начинаетъ: «Nominatif—е», в бухъ лѣвомъ о доску, «Genetif—е», бухъ вторично, и такъ далѣе; проклоняетъ до конца, онъ спросилъ: «ну, что, теперь поняли?»

— Понял-сь, отвѣчалъ мальчикъ сивомъ слезы.

— Ну, садись, мой любимый на мѣсто, да впередъ будь внимательнѣе, а то вѣдь изъ-за тебя задерживаются весь классъ. Ну, теперь все поняли?

— Какже, поняли-сь, еще съ большою увѣренностію крикнули мы хорошо.

Отдана же ему въ свою очередь должная благодарность и воспитанникамъ.

Года черезъ три, забравъ въ свои руки полную власть и сдѣлавшись уже не надираторомъ, а каменъ-те инспекторомъ, чего у насъ не предполагалось, Р—ъ занемогъ опасною и продолжительною болѣзнію. Еслибъ онъ зналъ, съ какою участіемъ ученики слѣдили за ходомъ его болѣзни! Когда доходилъ до насъ слухъ, что Р—ю лучше, все лица дѣлались сумрачными, даже у его любимцевъ; когда говорили, что Р—ю опять хуже, все лица опять прояснялись; а кризисъ этотъ возобновлялся раза четыре. Наконецъ, когда мы узнали черезъ рабочаго Савку, что Р—ъ умеръ, мы сначала не повѣ-

рши,—такъ велика была радость, такъ велика была боязнь, что снова появится между нами жестокой надзиратель!

Перейдемъ теперь къ болѣе-свѣтлымъ личностямъ.

Былъ у насъ надзиратель Густавъ Андреевичъ Ш—ръ. Онъ выдавалъ себя за роднаго брата одного извѣстнаго генерала. Если это и справедливо, то, во всякомъ случаѣ, умомъ онъ нисколько не походилъ на своего брата, потому что былъ весьма ограниченъ. Характеромъ онъ былъ хотя не злой, но весьма взбалмошный, что стоитъ одно другаго; наконецъ, онъ былъ почти всегда навеселѣ, а по праздникамъ, и особенно послѣ обѣда, приходилъ даже просто полупьяный. Страсть его была разсказывать анекдоты, которыхъ у него было штукъ пятьдесятъ, и которыми онъ насъ подчивалъ въ теченіи восьми лѣтъ, и, несмотря на общезвѣстность этихъ анекдотовъ, онъ всегда увѣрялъ, что они случались именно съ нимъ. Така, напримѣръ, разсказывалъ онъ: «Когда я былъ въ Лиоландіи у одного богатаго барона гувернеромъ при его сынѣ, этотъ мальчикъ имѣлъ привычку сначала запирается въ своихъ претупкахъ, а потомъ, когда на него прикрикнешь, онъ тотчасъ сознавался. Однажды спрашивалъ я его: Кто содала мѣръ?— Не я, отвѣчалъ онъ.— Какъ не ты? закричалъ я на него.— Виновать, я, я.— Ха, ха, ха! отвѣчали на это мы всѣ херомъ, хохоча сколько было силъ и возможности, несмотря на то, что анекдотъ этотъ уже прежде былъ читанъ нами, а потомъ въ теченіи курса навѣрно до эта разъ слышать отъ сего Ш—ра. Смѣхъ нашъ доставлялъ Ш—ру большое удовольствіе. Разсказавъ анекдотъ одному классу, онъ вставалъ съ лавки и отправлялся словеснымъ шагомъ въ слѣдующій классъ. Хитрые шалуны тамъ его уже ожидали въ дверяхъ.

— Чѣмъ это вы, Густавъ Андреевичъ, разсказывали въ третьемъ классѣ? Разскажите и намъ.

Та же потеря вновь ни съ удовольствіемъ повторилась, а потомъ повторилась и въ слѣдующемъ классѣ. Между тѣмъ въ прочихъ классахъ, ученики, зная, что Ш—ръ занятъ разсказами, дѣлали что хотѣли; въ его-то дежурствѣ болѣе всего мы и проневодили наши поѣздки въ залъ на немаръ, окочившіяся столь плачевнымъ образомъ.

Вообще, лучшіе баллы въ переводеніи ставилъ онъ тѣмъ, кто чаще са-шалъ его анекдоты.

Однажды, приготовляя какой-то урокъ, я не подумалъ къ нему; въ то время какъ онъ разсказывалъ, а напротивъ, силъ

нарочно въ отдаленіи отъ прочихъ его слушателей. III—ръ, окончивъ разказъ, обратился ко мнѣ и говорить:

— С., а вѣдь ты на меня сердисься?

— Что вы, Густавъ Андреевичъ, изъ чего вы это заключаете?

— Да ты не слушаешь моихъ анекдотовъ.

И въ мѣсячномъ рапортѣ выставилъ мнѣ въ поведеніи 3, то-есть хорошо; тогда какъ обыкновенно ставилъ 4—очень хорошо.

За то я сдѣлался осторожнѣе. Разъ тоже мнѣ никакъ нельзя было слушать его разказней, и я сидѣлъ весьма далеко отъ толпы, занимаясь приготовленіемъ урока. Когда толпа, окружавшая его, разразилась хохотомъ, я, ничего не слыжавъ, заржалъ въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ что онъ это замѣтилъ и обратился ко мнѣ:

— Ты, С., чему смѣешься?

— Да ужь больно смѣшно, Густавъ Андреевичъ, разказываете.

— Да развѣ тамъ слышно?

— Еще бы! отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, ты поди-ка сюда, я тебѣ разкажу случай бывшій со мною—еще забавите.

И онъ началъ, въ особенности обращаясь ко мнѣ, новый анекдотъ, по окончаніи котораго мы опять разразились хохотомъ, и онъ, очень довольный, отправился съ этими разказами въ другой классъ.

Иногда, проводя за этимъ время, онъ не успѣвалъ наблюдать за поведеніемъ воспитанниковъ. Тѣмъ не менѣе, иногда, вслѣдствіе своего забавнаго характера, особенно когда былъ навеселѣ, онъ придирался къ самымъ ничтожнымъ бездѣлицамъ и строго наказывалъ, крича во все горло: «я-те, свинюпаса въ мордасамъ, я-те морду заматнаю,» и употребляя другія; столь же извѣстные выраженія.

Немучаясь въ подробностяхъ о другихъ надзирателяхъ, скажу только слово о нихъ вообще. Нѣкоторые изъ нихъ приходили на насъ на дежурствѣ съ занимательною книжкой, усаживались въ первомъ классѣ, и не дѣлали шагу въ другіе. Воспитанники въ этихъ послѣднихъ классахъ дѣлали, что хотѣли; но къ чести нашего старшаго директора, боясь его безотчетно какъ огня, ни особенныхъ палостей не дѣлали; развѣ кто пустилъ шайворокъ изъ канифоли, или выкурить

свернутую безъ табаку бумагу (тогда папиросы еще не существовали), или произойдетъ кулачный поединокъ, при чемъ двое, а иногда болѣе воспитанниковъ передорутся въ кровь.

Оканчивая свою разказъ о надзирателяхъ относителю лично сти Карла Ивановича Фр—на. Ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ; онъ былъ почти совсѣмъ лысый; лицомъ, нельзя сказать чтобы красивъ, но до такой степени эмпионами его дышала добротой, что всякаго къ нему располагала. Человеку онъ былъ ослеп и не умный, то весьма начитанный; никакая наука не была ему совершенно чужда. Онъ любилъ по разнымъ вопросамъ заводить съ лучшими учениками пренія, и когда спорщики не соглашались, отсылалъ ихъ за окончательнымъ разрѣшеніемъ къ старшему учителю того предмета, котораго касался споръ. Нѣмецкій языкъ онъ зналъ основательно и преподавалъ его первоначально во второмъ и третьемъ классѣ, а потомъ и въ четвертомъ, по методу, которая была бы весьма хороша, еслибы вмѣстѣ съ этимъ, въ классовъ, ученики, хотя въ некоторые дни, были обязаны говорить по-нѣмецки. Въ свое дежурство, онъ действительно требовалъ, чтобы мы занимались нѣмецкимъ разговоромъ, и съ удивительнымъ разговаривалъ съ тѣми, которые къ нему подходили. Но какой разговоръ можетъ быть непринужденнымъ между надзирателемъ и воспитанникомъ? Къ нему подходили болѣе передъ всѣми рапортныя тѣ изъ воспитанниковъ, которые желали выслушаться, и правое время приготовить ораторы; при выслушаніи баловство, дѣйствительно, они и выигрывали. Вотъ какъ это происходило. Фр—нъ съ воспитанникомъ ходилъ назадъ и впередъ, рассуждая на нѣмецкомъ діалектѣ; какой-нибудь шалуунъ подерогается озади, вылетѣть у Фр—на изъ заднего кармана и лезетъ, и потомъ подбѣгаетъ:

— Карлъ Ивановичъ, Ihre Taschenbuch.

— Ich danke Ihnen sehr, отвѣчаетъ Фр—нъ;—и не догадываясь о проделкѣ, кладетъ платокъ въ карманъ.

Иногда ата проделка черезъ полчаса повторилась опять, и даже тѣмъ же самымъ воспитанникомъ.

— Ну, Иванова, говорили бывало тому изъ воспитанниковъ, который разговаривалъ съ Фр—нъ, что взять? выплъ какая: вахотчи! А вы, братъ, и сами говорили по-нѣмецки съ Карломъ Ивановичемъ.

Фр—нъ болелъ, болѣе нежели воспитанники, не только К—го, который очень часто замѣчалъ ему, что онъ ошибкомъ добръ

что воспитанники этого не чувствуютъ (это было отчасти справедливо), и что съ нами должно обращаться какъ можно строже; но боялся и даже болѣе чѣмъ сами воспитанники надзирателя Р—я, несмотря на свое старшинство передъ нимъ (Фр—нъ долѣе его занималъ должность надзирателя, и сверхъ того былъ старшимъ учителемъ нѣмецкаго языка, тогда какъ Р—ъ былъ младшимъ).

Когда подходилъ къ Фр—ну какой-нибудь воспитанникъ съ жалобой на другаго, онъ подымалъ виновнаго (или чаще, виновный самъ тотчасъ надбѣгалъ къ нему); начинался, разумѣется, оправданіе, и обратныя жалобы на того, кто жаловался. Фр—нъ всегда старался помирить поссорившихся, если была какая-нибудь изъ тому возможность, и разсудить всегда справедливо, говорилъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ:

— Оставь его, звончика!

По всеобщему расположенію къ нему, дѣло болѣею частью и оканчивалось этимъ.

Взысканія его, вообще, были весьма слабы въ сравненіи съ тѣми, какія употреблялись другими надзирателями, такъ что Р—ъ, часто узнавъ степеню, въ чемъ было дѣло, пользовался своимъ дежурствомъ, чтобы вторично, наказавъ воспитанника, на котораго уже было положено взысканіе Фр—номъ.

Когда Фр—нъ замѣчалъ у кого-нибудь изъ воспитанниковъ смѣять подъ глазами, шипку на лбу, или что подобное, стоило только сказать, что шалость случилась не въ его дежурствѣ, и онъ оспокойно отходилъ. Въ послѣдствіи мы такъ привыкли къ его трусливому вопросу: «а въ чье дежурствѣ это было?» что не давая и спросить, тотчасъ радовали его отвѣтомъ: «это не въ ваше дежурствѣ.» Старался спрятаться въ другія дежурства, воспитанники, съ разными «знаками стѣнкі», при этомъ не боялись быть на первомъ планѣ. Директоръ это зналъ, и часто говорилъ Фр—ну: «если вы замѣтите какого-нибудь шалуна-воспитанника, ведите его тотчасъ ко мнѣ, и съ нимъ расправлюсь.» Сначала, этого мы весьма боялись, на очень простой причинѣ: кромѣ директора, насъ никто не имѣлъ права наказывать розгами, директоръ же почти каждый разъ подвергалъ воспитанника этому наказанію, какъ скоро котораго-нибудь приводилъ къ нему надзиратель; да и точно, къ директору прочіе надзиратели водили только за большіе проступки, особенно за грубость. Итакъ Фр—нъ, пользуясь сѣткою директора, казнилъ бывало какого-нибудь шалуна за воротнички

фрака, и тащилъ въ квартиру директора. Но у самыхъ дверей, имъ самимъ овладѣвалъ какой-то паническій страхъ, а можетъ-быть и по добротѣ сердца онъ останавливался: «Ну что, хочешь попробовать березовой каши?»

— Карлъ Ивановичъ, простите, никогда не буду.

— То-то же, швинья, говорилъ онъ, и съ видомъ побѣдителя отпускалъ воспитанника.

Не долго однакожь продолжалась эта комедія. Мы скоро смекнули, что Ф—нъ самъ, болѣе насъ, боится переступить за двери директорской квартиры. Потому, въ послѣдствіи, когда онъ схватывалъ насъ зашиворотъ и тащилъ къ директору, мы ужъ не упирались, а шли свободно. Онъ все-таки подводилъ къ самымъ дверямъ, и спрашивалъ по своему обыкновенію: «Ну что, хочешь отворю?»—Какъ вамъ угодно, вѣдь я совершенно правъ.—«Ну, смотри извоцки, на первый разъ тебя прощаю.»

Разъ такимъ образомъ Ф—нъ тащилъ какого-то воспитанника; только что приближается къ дверямъ, вдругъ изъ дверей самъ директоръ; Ф—нъ принужденъ былъ объяснить въ чемъ дѣло, и его прѣвосходительство возвратился, спросилъ розги, и наказалъ вѣсьма сильно воспитанника. Съ тѣхъ поръ храбрость наша нѣсколько поуменьшилась. Но что же вы думаете, Ф—нъ? возгордился своимъ торжествомъ? Нѣтъ, упалъ духомъ; долго не хватался за воротникъ фрака, а передъ наказаннымъ воспитанникомъ заносивалъ.

Онъ же былъ у насъ, какъ я сказалъ, со второго класса учителемъ нѣмецкаго языка.

Разъ какъ-то, когда одинъ воспитанникъ читалъ вслухъ нѣмецкую христоматію и переводилъ, а мы всѣ остальные должны были слѣдовать за нимъ по открытой передъ каждымъ христоматіи, занятіе это мнѣ показалось скучнымъ. Отворивъ ящикъ, я положилъ въ немъ только что вышедшій въ то время романъ Свиньина *Шемакинъ судъ*, и такъ углубился въ чтеніе, что не замѣтилъ какъ Ф—нъ подкрался ко мнѣ съ грозными словами.

— А, такъ-то ты слѣдуешь, швинья!

Ф—нъ схватилъ книгу, и положилъ ее на каеэдру, а меня поставилъ на колѣни. Къ несчастію, въ этотъ классъ приходилъ директоръ; Ф—нъ поневолѣ долженъ былъ разказать въ чемъ дѣло, и директоръ, осмотрѣвъ мой ящикъ, досталъ и остальные

три части этого романа, прехладнокровно взялъ ихъ себѣ, и съ тѣхъ поръ о нихъ ни слуху, ни духу. Вѣроятно, онъ ими увеличилъ свою бібліотеку, а между тѣмъ я долженъ былъ за нихъ заплатить въ бібліотеку для чтенія пятнадцать рублей ассигнаціями, что составляло весь мой капиталъ, и потому наказаніе было для меня весьма чувствительно. Я хорошо зналъ и тогда, что Ф—нъ не съ умысломъ подвелъ меня, но все-таки нѣсколько времени школьнически ему мстилъ. Раскрою нарочно какую-нибудь книгу, а въ ящикъ положу нѣмецкую хрестоматию, и углублюсь въ нее. Сосѣдъ, между тѣмъ, долженъ былъ меня толкать ногой въ то время какъ Ф—нъ на меня будетъ смотрѣть. При этомъ я, съ притворнымъ испугомъ, затворялъ ящикъ, и смотрѣлъ въ открытую предо мною книгу. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ эволюцій, хитрость моя удалась. Ф—нъ приблизился на цыпочкахъ къ нашему столу, кинулся ко мнѣ въ ящикъ, какъ ястребъ на свою добычу.

— А, ты опять читаешь запрещенныя книги?—Онъ схватилъ нѣмецкую книгу, и, сковѣженный, кинулъ ее мнѣ обратно, говоря съ сердцемъ:

— О, швинья, извощикъ!

Конечно, весь классъ, видя его неудачу, разразился хохотомъ.

Упражненія, которые задавалъ, намъ Ф—нъ, на неправильные глаголы, начинались съ глагола *breppen* жечь, фразой: «я сжегъ эти безполезныя бумаги».

Однажды, приходитъ Ф—нъ въ классъ и говоритъ: «ну, госнода, сегодня мы займемся упражненіями на неправильные глаголы». Я встаю и очень хладнокровно говорю:

— Карлъ Ивановичъ, я сжегъ эти безполезныя бумаги.

— Что? спрашиваетъ онъ.

— Я сжегъ эти безполезныя бумаги, отвѣчалъ я съ тѣмъ же хладнокровіемъ.

— Швинья, извощикъ, закричалъ онъ такъ что въ сосѣднихъ классахъ было слышно.

— Что же вы, Карлъ Ивановичъ, бранитесь, отвѣчалъ я ему обиженнымъ тономъ,—я спрашиваю васъ о тѣхъ упражненіяхъ, которые начинаются фразой: «я сжегъ эти безполезныя бумаги.»

— Ну, да, отвѣчалъ онъ, скрежеща зубами, и прошепталъ:—негодяй, лѣнтяй!

Торжество мое было совершенное. Какъ же, вы думаете, отсталъ мнѣ Ф — нъ? въ мѣсячномъ рапортѣ поставилъ четыре съ крестомъ, что у насъ ставилось только двоимъ первымъ ученикамъ; а онъ могъ бы поставить мнѣ и единицу, противъ чего мы не имѣли права дѣлать возраженій.

Наконецъ разкажу еще забавное происшествіе.

Одинъ изъ воспитанниковъ попался такимъ же образомъ, какъ и я, съ романомъ Поль-де-Кока.

— О, я съ тобою много разговаривать не буду. Становись на колѣни, а книгу я передамъ его превосходительству. (К—ій въ то время былъ только статскимъ совѣтникомъ, но несмотря на это, всѣ, какъ воспитанники, такъ и учителя, величали его превосходительнымъ.) Былъ уже послѣдній вечерній классъ; директоръ въ теченіи цѣлаго дня не являлся; поэтому надобно было непременно ожидать его прихода. Воспитаникъ сильно струсиль. Но мы, нѣсколько человекъ, подошли къ каедрѣ, какъ будто желали разрѣшить между нами споръ на счетъ какого-то вопроса, изъ нѣмецкой грамматики, и когда Ф—нъ съ жаромъ сталъ намъ объяснять, одинъ изъ воспитанниковъ стянулъ книгу *Монфермельская молочница*, а на мѣсто ея положилъ катихизисъ Филарета. Входитъ директоръ, и видитъ, что одинъ изъ воспитанниковъ, и притомъ его любимецъ, потому что это былъ отличный пѣвчій, стоитъ на колѣняхъ.

— Карлъ Ивановичъ, что это онъ сдѣлалъ?

Карлъ Ивановичъ, довольный что директоръ не будетъ упрекать его въ излишней мягкости характера, съ достоинствомъ отвѣчаетъ ему:

— А вотъ извольте посмотреть, ваше превосходительство, чѣмъ занимается онъ въ классѣ нѣмецкаго языка.

Но каково же было удивленіе Ф — на, когда директоръ развернувъ книгу, сказалъ:

— Г., вѣдь всему есть время; развѣ ты не знаешь, что во время нѣмецкаго языка этимъ не занимаются? и отдалъ ему книгу.

— Впрочемъ, на первый случай вы его простите, а въ другой разъ онъ этого дѣлать не будетъ. Вѣдь ты этого дѣлать не будешь?

— Никогда не буду, ваше превосходительство, отвѣчалъ вставая съ колѣней Г., боясь разразиться хохотомъ.

Ф—нъ остолбенѣлъ, не догадываясь въ чемъ дѣло, а результатомъ этого было, что съ тѣхъ поръ Ф—нъ въ мѣсяч-

ныхъ рапортахъ этому воспитаннику, вмѣсто единицы, какъ прежде ставилъ, въ первомъ же послѣ этого происшествія рапортѣ поставилъ три, а въ послѣдствіи сталъ ставить по четыре, уже совершенно незаслуженно, ибо воспитанникъ пересталъ совсѣмъ учиться. А директоръ былъ весьма доволенъ, что навелъ юношу на путь прилежанія въ нѣмецкомъ языкѣ.

Съ тѣхъ поръ Ф—нъ уже пересталъ отбирать у насъ книги.

Теперь слѣдовало бы сказать мнѣ о нашихъ учителяхъ; но отлагаю разказъ до другаго раза.

С—въ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

НОВЫЯ РУССКІЯ ХРИСТОМАТІИ.

- 1) *Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ*, составлена Ф. И. Буслаевымъ. Москва, 1861.
- 2) *Историческая христоматія новаго періода русской словесности*, составлена А. Д. Галаховымъ. Томъ I. Спбургъ, 1861.
- 3) *Для чтенія и разказа, христоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка*, составлена П. Е. Басистовымъ. Москва, 1862.

Міръ христоматій такъ же почти старъ, какъ и печатный міръ. И въ нашей бѣдной педагогической литературѣ, христоматіи ежегодно сыпались на насъ какъ снѣгъ. Но что это были за христоматіи? Произвольный выборъ, или, вѣрнѣе, наборъ отрывковъ, безъ связи, безъ внутренней мысли, безъ всякой системы. Правда, отрывки эти располагались въ извѣстномъ порядкѣ, по извѣстнымъ отдѣламъ, снабжались примѣчаніями и библиографическими указаніями; но въ самомъ выборѣ отрывковъ читатель не видѣлъ ничего постояннаго, не замѣчалъ никакого критеріума, никакой руководящей идеи. Все зависѣло отъ личнаго вкуса составителя, и читателю часто навязывалось чтеніе, которое приходилось ему не по душѣ; ему рекомендовались вещи, которыя только съ совершенно-исключительной точки зрѣнія могли казаться или изящными, или имѣющими какое бы то ни было значеніе. Ни объ историческомъ ходѣ нашей литературы, ни о самихъ писателяхъ, такія христоматіи не давали ни малѣйшаго понятія. Кончилось тѣмъ, что самое имя *христоматія* опошлалось, и намъ, откровенно говоря, не совсѣмъ даже пріятно видѣть это заглавіе на почтенныхъ трудахъ гг. Галахова и Буслаева. А между тѣмъ, книги эти представляютъ собою явленіе совершенно особое, не бывалое въ нашей литературѣ. Онѣ представляютъ собою какъ бы лѣтопись русскаго языка и словесности въ ихъ историческомъ развитіи. Богатыя примѣчанія и объясненія, которыми снабжены всѣ приведенные въ христоматіяхъ отрывки проливаютъ яркій свѣтъ на памятники русскаго слова и даютъ читателю полную возможность слѣдить за постепеннымъ измѣненіемъ формъ языка (въ христоматіи г. Буслаева), или за постепеннымъ развитіемъ мысли и изящнаго вкуса у русскихъ писателей (въ христоматіи г. Галахова). Это уже не христоматія, не

выборъ пиесъ для чтенія юношеству, но сводъ всѣхъ памятниковъ русскаго слова въ хронологическомъ порядкѣ, историческая картина всей нашей письменности.

Чѣмъ же обуславливается такое важное значеніе этихъ трудовъ, чѣмъ объяснить его?—необыкновенною полнотою. Составители заботились о томъ, чтобы не обойти ни одного памятника, ни одного явленія русской литературы, имѣвшаго для современниковъ какое бы то ни было, хотя бы и преходящее значеніе. Безъ сомнѣнія, буквально *все* не могло войти въ эти сборники. Они даютъ намъ все-таки отрывки, но по возможности большіе; памятники помѣщаются «цѣлыми статьями». Но и самые отрывки не могли быть взяты изъ всѣхъ безъ исключенія памятниковъ русскаго слова, а только изъ главнѣйшихъ произведеній всѣхъ русскихъ сочинителей, переводчиковъ, издателей и собирателей, не говоря уже о томъ, что многое въ нашей письменности или погибло безвозвратно, или еще не найдено, не открыто и глѣзетъ гдѣ-нибудь въ частныхъ хранилищахъ или во мракѣ монастырскихъ стѣнъ. За то ни одно имя не обойдено, ни одинъ извѣстный сборникъ, ни одно безыменное сочиненіе, не оставлены безъ вниманія и нашли себѣ, цѣликомъ или частями, соответствующее мѣсто въ хрестоматіяхъ гг. Буслаева и Галахова. Передъ этимъ была уже со стороны послѣдняго попытка замѣнить безжизненный и слишкомъ произвольный порядокъ расположенія отрывковъ по родамъ и видамъ порядкомъ хронологическимъ: издана была г. Галаховымъ первая *историческая* хрестоматія русской словесности, вмѣщавшая въ себѣ часть тѣхъ матеріаловъ, которые вошли въ составъ нынѣшней хрестоматіи г. Буслаева и въ составъ перваго отдѣла хрестоматіи г. Галахова, до Ломоносова, то-есть до начала собственно искусственной словесности въ Россіи; но составитель далеко не пользовался тогда всѣми тѣми средствами, какими могъ онъ располагать теперь, и трудъ его, во всякомъ случаѣ весьма почтенный, прошелъ почти незамѣтно въ нашей литературѣ; онъ не былъ снабженъ примѣчаніями, и выборъ статей былъ довольно скуденъ. Не то представляютъ собою нынѣшніе труды почтенныхъ нашихъ педагоговъ. Мы знаемъ въ европейской литературѣ одинъ только примѣръ такой полноты и богатства собранныхъ образцовъ, а именно *Энциклопедію швейцарской литературы*, Р. Чамберса ¹. Въ двухъ громадныхъ томахъ (1628

¹ *Cyclopaedia of English Literature. A history critical and biographical of british authors, from the earliest to the present times.* Edited by Robert Chambers. In two volumes. London. 1858.

страницъ въ обѣихъ), самаго мелкаго, убористаго шрифта, въ два столбца, собраны все богатства англійской словесности. Образцы расположены въ хронологическомъ порядкѣ, по авторамъ; каждая статья озаглавлена именемъ того или другаго писателя; біографическія и бібліографическія замѣтки о немъ и о его сочиненіяхъ, часто очень обширныя, предшествуютъ отрывкамъ, такъ что весь трудъ представляетъ собою какъ бы полную исторію англійской словесности, подкрѣпленную и объясненную хрестоматіей; ко всему этому сочиненіе снабжено множествомъ красивыхъ полнѣшаго формата портретовъ). Безъ малѣйшаго сомнѣнія, роскошь изданія есть дѣло второстепенное въ книгѣ, и зависитъ отъ успѣховъ типографскаго дѣла, находящихся въ воли писателя; богатство же содержанія и обширный объемъ Чамберсоваго труда прямо объясняется богатствомъ самой литературы. За то, съ другой стороны, есть пунктъ, на которомъ трудъ русскихъ писателей имѣетъ значительное преимущество предъ *Энциклопедіей англійской литературы*: хрестоматіи гг. Буслаева и Галахова составляютъ вмѣстѣ полную и стройную картину исторіи русскаго языка и словесности, между тѣмъ какъ англійскій ученый оставилъ безъ вниманія въ своей хрестоматіи исторію языка, и занялся только исторіей литературы, и притомъ литературы искусственной, оставляя очень незначительное мѣсто народной, безыскусственной поэзіи. Въ то время какъ цѣлый томъ г. Буслаева въ 816 стр. ¹ посвященъ одному древнему періоду русской словесности (до Петра), и представляетъ интересъ литературно-филологическій, у Чамберса древнему періоду уступлены только первыя 37 страницъ, а для изученія развитія языка дано всего на-все шесть страницъ, и книга его имѣетъ интересъ исключительно литературный.

Относительно собственно выбора статей, положеніе г. Буслаева гораздо выгоднѣе положенія г. Галахова: ему легче было стремиться къ завѣтному идеалу полноты; онъ дѣйствительно могъ представить образцы *всѣхъ* извѣстныхъ наукъ памятниковъ древней русской письменности, печатныхъ ли и изданныхъ въ свѣтъ или же рукописныхъ и хранящихся въ доступныхъ публикѣ бібліотекахъ. И почтенный профессоръ сдѣлалъ все что могъ. Хрестоматія г. Буслаева расположена въ хронологическомъ порядкѣ самихъ рукописей, а не сочиненій. Такимъ образомъ, говоритъ самъ составитель, *Лѣтопись Нестора* (XI—XII в.) от-

¹ Не смотря на эту цѣну, книга г. Буслаева гораздо меньше объемомъ одного изъ томовъ сочиненія Р. Чамберса, потому что меньше форматомъ и далеко не такъ убориста шрифтомъ.

несена къ XIV столѣтію, по Лаврентьевскому списку 1377 года; *Русская Правда*—къ XIII в., по синодальному списку Кормчей 1282 г.; сочиненія XII в.: *Слова и сказанія Кирилла Туровскаго*—къ XIII и XIV вв., *Хожденіе ижемена Данила, Слово о Даниилъ Заточникъ, Слово о Полку Игоревъ*—къ XV в. Мы согласны съ г. Буслаевымъ, что эта система удобна въ размѣщеніи статей, которая относительно времени своего первоначальнаго происхожденія еще не опредѣлены (какъ напримѣръ слова русскаго сочиненія въ *Златой Цѣпи*); но не можемъ не замѣтить, что благодаря этой же системѣ, литературный характеръ хрестоматіи принесенъ въ жертву филологическому ея характеру, и исторія языка преобладаетъ въ ней надъ исторіей собственно литературы древняго періода, тогда какъ многіе памятники древней русской письменности имѣютъ въ себѣ живой литературный или общественный интересъ, и этого интереса не лишены даже древнѣйшіе списки книгъ св. писанія, потому что какъ нельзя болѣе любопытенъ вопросъ о томъ какъ относился переводчикъ къ какому-либо тексту, часто спорному еще и до сихъ поръ. Между тѣмъ издатель, въ выборѣ образцовъ изъ Св. Писанія, очевидно руководствовался одними только филологическими соображеніями, а вовсе не литературными: изъ книги Бытія приведено, сравнительно, очень мало отрывковъ, и отрывки эти болѣею частью блѣдны, безцвѣтны и не снабжены, подобно всѣмъ отрывкамъ изъ Библіи, никакими собственно литературными примѣчаніями.

«За статьями, говоритъ г. Буслаевъ въ своемъ предисловіи, слѣдуютъ примѣчанія двоякаго рода: историческія, для изученія памятника *въ литературномъ* отношеніи, и грамматическія, для изученія исторіи языка. Въ примѣчаніяхъ не только объясняется неудобопонятное, но и указывается на важнѣйшее въ историческомъ изученіи языка и *литературы*. Такимъ образомъ, совокупность всѣхъ примѣчаній, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ памятниковъ, составляетъ какъ бы исторію языка и *письменности*, въ практическомъ изложеніи.» Или въ другомъ мѣстѣ: «Историческая хрестоматія церковнославянскаго и древне-русскаго языковъ имѣетъ двоякое назначеніе: во-первыхъ, служить руководствомъ къ изученію этихъ языковъ, и, во-вторыхъ, предлагаетъ образцы для древняго періода исторіи нашей *словесности*. Въ первомъ отношеніи эта хрестоматія состоитъ въ связи съ опытомъ исторической грамматики русскаго языка, во второмъ—съ исторіей русской литературы, г. Галахова.» Изъ всего этого видно желаніе составителя обращать вниманіе и на литературное значеніе приводимыхъ памятниковъ; но, къ сожалѣнію, историко-литературныя примѣчанія въ его

христоматіи вообще довольно скудны, что впрочемъ объясняется тѣмъ, что христоматія составлялась по порученію штаба военно-учебныхъ заведеній для юношества кадетскихъ корпусовъ. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, потому что своимъ почтеннымъ содержаниемъ, богатствомъ матеріаловъ, филологическими примѣчаніями и многими другими капитальными достоинствами, книга приобрѣла неоспоримо ученый характеръ. Критическія замѣчанія на такой превосходный ученый трудъ поневолѣ будутъ придирчивы, и чтобы покончить съ этими замѣчаніями, укажемъ на нѣсколько недосмотровъ въ его собственно филологическихъ примѣчаніяхъ. Почтенный составитель иногда объясняетъ такія слова и реченія, которыя понятны и безъ объясненія, и наоборотъ, оставляетъ необъясненными выраженія совершенно неудобопонятныя. Такъ, въ примѣчаніяхъ къ знаменитому памятнику русскаго самороднаго эпоса — къ *Слову о полку Игоревѣ*, г. Буслаевъ считаетъ нужнымъ объяснить, что *Куряни* значить жители Курска, или что *мркнетъ*, *мркнеть* значить *меркнетъ*, а такія слова, какъ *орытма*, или *японица*¹, оставляетъ безъ объясненія. А между тѣмъ слова эти затруднительны не только для учащихся дѣтей и юношей, но, можетъ-быть, и для многихъ изъ людей, специально занимающихся предметомъ: если не г. Буслаевъ, то кто же истолкуетъ намъ подобныя реченія? Или въ *Словѣ Данила Заточника*, что значать выраженія *сарави* въ моніастъ (618. 30), *моклокъ* (623. 18), *на виспари* (623. 25), *лыста* (624.19)? Или, что это за птица *рявъ* (622, 25 и 27), которая собираетъ птенцовъ, не только своихъ, но и отъ чужихъ гнѣздъ приноситъ яйца, и пѣніемъ созываетъ птенцовъ, которыхъ родилъ и которыхъ не родилъ? Ужь не *рявъ* ли, то-есть куропатка? Кстати замѣтимъ, что г. Буслаевъ напрасно, кажется, форму *птенца* (*рявъ* собираетъ птенца, *рявъ* созоветъ птенца) объясняетъ винительнымъ падежомъ *единственнаго* числа: по естественному смыслу всего предложенія и обратительному значенію употребленныхъ въ немъ сказуемыхъ—*созоветъ*, *збираетъ*—слово *птенца* очевидно употреблено въ винительномъ падежѣ *множественнаго* числа. Тутъ же встрѣтили мы опечатку, не оговоренную издателемъ, но очень важную въ такомъ трудѣ, а именно: на 622 столбцѣ, строка 27, напечатано подъ титломъ *ж* вмѣсто очевидно слѣдующаго тутъ *х*: «*рявъ* созоветъ птенца *ихъ-же* (на печатано *жже*) роди, *ихъ-же* (напечатано правильно *ихже*) не роди.» Эта

¹ Столбецъ 535, строка 1. Въ христоматіи г. Буслаева нумерація ведется по столбцамъ, а не по страницамъ; всѣхъ столбцовъ 1632.

форма *ихъ-же* еще разъ убѣждаетъ насъ, что форма *итенца* поставлена здѣсь въ множественномъ числѣ.

Образцы внесены въ христоматию г. Буслаева, какъ мы и сказали уже это выше, по возможности цѣлыми статьями: *Слово о полку Юрєевъ*, *Слово Данила Заточника*, *Сказаніе о Мамаевомъ побойцѣ*, *Поученіе Владиміра Мономаха*, и многое другое напечатано цѣликомъ, съ весьма незначительными пропусками. Въ христоматіи находите также, какъ и должно было ожидать, множество прекрасныхъ древнихъ народныхъ пѣсень и сказокъ, которыя, по системѣ составителя — слѣдовать времени списка, а не самаго памятника, помѣщены въ самомъ концѣ книги, въ видѣ особаго приложенія, и названы *Памятниками народной словесности XVIII вѣка*. Сюда же, въ приложеніи, отнесены и образцы современной народной словесности, по нарѣчіямъ великорусскому, белорусскому и малорусскому. Тексты, взятые прямо изъ рукописей, напечатаны съ удержаніемъ всѣхъ особенностей древняго правописанія; взятые же изъ печатныхъ изданій напечатаны такъ, какъ были изданы. Къ нѣкоторымъ статьямъ приложены важнѣйшіе варианты. Такъ *Слово Данила Заточника* напечатано вдвойнѣ, по двумъ разнымъ спискамъ, г. Калайдовича и г. Ундольскаго. Для изученія церковнаго языка особенно важны варианты изъ Остромирова списка, при текстахъ изъ прочихъ списковъ Евангелія.

Мы сказали, что г. Галахову предстояло особенно трудное дѣло при составленіи христоматіи, такъ какъ ему часто нужно было выбирать небольшое существенное изъ многого несущественнаго и при этомъ не впасть въ произволъ личной прихоти и вкуса. Почтенный литераторъ съ честью вышелъ изъ своего затруднительнаго положенія. Онъ взялъ себѣ критериумомъ историческое значеніе литературныхъ памятниковъ и ихъ вліаніе на современниковъ. Для исторіи литературы, говоритъ составитель въ своемъ предисловіи, имѣющей дѣло съ прошедшимъ, весьма важно обозначить то дѣйствіе, которое писатель производилъ на своихъ современниковъ. Многіе приговоры ихъ о достоинствѣ или недостаткахъ сочиненій отличаются замѣчательною вѣрностью. Если наука не всегда видитъ въ ихъ отзывѣ сознательное опредѣленіе литературнаго факта, то этотъ отзывъ всегда уважителенъ, какъ свидѣтельство впечатлѣнія произведеннаго фактомъ. Ни исторія литературы, ни христоматія не имѣютъ права пренебрегать имъ... Не только голосъ людей, стоявшихъ близко къ литературному памятнику, но и возвращенія на него послѣдующихъ эпохъ, христоматія обязана принимать къ свѣдѣнію, ибо одинъ и тотъ-же памятникъ для разныхъ поколѣній представляетъ разный интересъ. Современная обстановка сочинен-

нѣ часто теряетъ свою прелесть и даже смыслъ въ дальнѣйшее время. Политическія и общественныя отношенія, среди которыхъ оно выросло и которыя въ немъ отразились, становятся на второй планъ или и совсѣмъ скрываются изъ виду, такъ что для точнаго ихъ уразумѣнія оказывается нужда въ комментаріи. » Взглядъ совершенно вѣрный. Отправляясь отъ этой точки зрѣнія, г. Галаховъ, въ своемъ сборникѣ, представилъ намъ неслыханныя доселѣ роскошь и богатство внутренняго значенія нашей литературы. Его хрестоматія вполнѣ почти можетъ замѣнить исторію литературы для тѣхъ, кто захочетъ серьезно заняться собранными въ книгѣ образцами. Шагъ за шагомъ развертывается передъ вами исторія русской мысли и чувства, постепенное развитіе и прогрессъ духа русскаго общества и народа, внутренняя глухая борьба невѣжества съ просвѣщеніемъ, грубыхъ страстей съ требованіями разума, честныхъ помысловъ съ враждебнымъ давленіемъ извнѣ. Помѣщеніемъ многихъ, никогда еще неизданныхъ, или же мало извѣстныхъ сочиненій, а равно и помѣщеніемъ частныхъ писемъ и записокъ, составитель вводитъ насъ во внутренній, душевный міръ писателей и общественныхъ дѣятелей Россіи, и тѣмъ самымъ проливаетъ яркій свѣтъ на многія темныя стороны въ исторіи нашей литературы. Намъ кажется, что цѣлью издателя при его трудѣ именно и было объяснить законы развитія и внутреннее, существенное значеніе нашей словесности изъ нея же самой и изъ ея социальныхъ отношеній. И если такъ, если мы не ошибаемся, то тѣмъ болѣе жаль, что кое-чего, особенно интереснаго изъ прошедшихъ явленій нашей литературы, мы не встрѣчаемъ и у г. Галахова: такъ, нѣтъ въ его хрестоматіи ни одного отрывка изъ книги Радищева *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву* и даже самое имя ея автора не упомянуто; нѣтъ также и лучшихъ стотей изъ *Жизнописца* Новикова; нѣтъ многоаго, наиболѣе интереснаго изъ мемуаровъ и корреспонденціи Екатерины II. Если это произошло оттого, что книга предназначалась для юношества военно-учебныхъ заведеній, то нельзя не пожалѣть, что постороннія соображенія причиняютъ ущербъ ученымъ достоинствамъ такого рода сочиненій. Еще замѣчаніе: желательно было бы, чтобы біографическія и бібліографическія примѣчанія г. Галахова были поподробнѣе и не такъ сухи. Впрочемъ, говорить о содержаніи этой хрестоматіи значило бы говорить и вообще объ исторіи русской литературы, а потому мы подождемъ выхода въ свѣтъ 2 тома хрестоматіи (первый томъ обнимаетъ собою пространство времени отъ Петра до Карамзина) и обширнаго курса исторіи русской литературы.

Подобно г. Буслаеву, г. Галаховъ присоединилъ къ образцамъ ихъ

варианты, но только отнесъ ихъ въ примѣчанія. « Каково бы ни было значеніе этихъ вариантовъ, — совершенно справедливо замѣчаетъ самъ составитель, — ограничиваются ли они маловажными поправками словъ и выраженій, какъ у Ломоносова и Карамзина, заботившихся о тщательной отдѣлкѣ своихъ сочиненій, или представляютъ далекія отклоненія отъ начальнаго вида, какъ въ иныхъ пьесахъ Сумарокова, любившаго торопливую работу; выигрываетъ ли отъ нихъ сочиненіе во внутренней цѣнности, какъ у Жуковскаго и Пушкина, или, напротивъ, проигрываетъ, какъ у Гоголя: — они всегда любопытны, свидѣтельствуя о постепенно мужавшемъ искусствѣ автора, о поворотѣ въ образѣ его мыслей, или о новыхъ требованіяхъ со стороны общества. Исторія литературы обязана раскрыть побужденія, вольныя и невольныя, заставившія автора рѣшиться на перемѣны, которыя иногда такъ значительны, что могутъ быть названы передѣлкой или преобразованиемъ. » Эти прекрасныя слова могутъ служить читателю мѣрой серьезности, съ какою г. Галаховъ принялся за свой нелегкій трудъ.

Въ заключеніе должно замѣтить еще разъ, что оба составителя прекрасно поняли свою задачу и вполне овладѣли ею, и что ихъ труды совершенно подходятъ подъ тѣ требованія, которыя г. Галаховъ изложилъ въ началѣ своего предисловія: « Хрестоматія сообщаетъ (т. е. должна сообщать) учащемуся тотъ необходимый и по возможности полный матеріалъ, безъ котораго нельзя имѣть опредѣленнаго понятія ни о характерѣ сочиненій того или другаго писателя, ни о сущности того или другаго литературнаго направленія. » Почтенные труды гг. Буслаева и Галахова не имѣютъ, повторяемъ, ничего общаго съ цѣлою тучею прежнихъ изданій, носившихъ то же заглавіе.

О книжкѣ г. Басистова нельзя сказать многого, тѣмъ болѣе что она не пущена даже въ продажу, а напечатана только для воспитанниковъ московскаго мѣщанскаго училища. Составлена она старательно, и своей исключительно педагогической цѣли достигнуть можетъ съ успѣхомъ, но на ученое или литературное значеніе оно не предъявляетъ претензій.

Н. Н.

ОТВѢТЪ НА ЗАМѢТКУ Г. СОЛОВЬЕВА.

Сочиненіе мое *Чтеніе изъ Русской Исторіи* удостоилось рецензіи профессора Соловьева. Говорю—удостоилось, потому что высоко уважаю труды почтеннаго профессора, и обязательные отзывы его обо мнѣ считаю лестными; тѣмъ не менѣе не могу согласиться со многими изъ его замѣчаній, и противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ считаю себя обязаннымъ возразить.

Г. Соловьевъ смотритъ на задачу, которую я принялъ, иначе нежели я. Мнѣ хотѣлось написать книгу, которая пополнила бы учебники, изображая въ оживленномъ, по возможности занимательномъ разказѣ все, что не входитъ, да едва ли и можетъ войти въ учебники, то-есть характеристику историческихъ лицъ, обычаи, образъ жизни, понятія народа, колоритъ мѣстности и духъ времени. Г. Соловьевъ замѣчаетъ, что все это должно непременно имѣть мѣсто и въ хорошемъ учебникѣ, и дѣйствительно находится въ учебникахъ какъ моего почтеннаго рецензента, такъ и г. Иловайскаго, но въ видѣ отдѣльныхъ главъ и подъ особенными рубриками: изложивъ ходъ событій въ данную эпоху, они дѣлаютъ потомъ описаніе одежды и образа жизни, торговли и промышленности, искусства и науки, законодательства и проч.

Критика признаетъ эти «внутреннія обзорнія» весьма полезными, и дѣйствительно, безъ нихъ учебники были бы совершенно односторонни, касались бы только одной внѣшней стороны исторіи. Между тѣмъ внутреннія обзорнія менѣе всего интересуютъ дѣтей; описаніе какого-нибудь сраженія, хотя и краткое, несравненно сильнѣе привлекаетъ ихъ вниманіе: это фактъ, противъ котораго едва ли возражать возможно, и фактъ очень естественный, въ чемъ каждый легко убѣдится, сличивъ напримѣръ въ книгѣ г. Иловайскаго описаніе Стрѣлецкихъ бунтовъ, и описаніе подъ рубрикой «сословія».

«Утромъ, 15 мая 1682 года, сообщивши царевны присакали въ Стрѣлецкую слободу съ извѣстіемъ, что Нарышкины задушили царевича Іоанна. При звукѣ набатныхъ колоколовъ, собрались стрѣлецкіе полки, числомъ около 15.000 человекъ, и немедленно бросились въ Кремль. Подступая ко дворцу, они громко требовали выдачи Нарышкиныхъ погубившихъ царевича. Наталья Кирилловна вывела на Красное крыльцо обоихъ братьевъ...

Теперь возьмемъ описаніе, помѣщенное нѣсколько страницъ выше; вотъ что мы читаемъ:

«Господствующее сословіе въ государствѣ было служилое, которое образовалось изъ прежней княжеской дружины, и раздѣлялось на разныя ступени. Верхнюю ступень составляла родовая боярская аристократія, сильная своимъ числомъ и значеніемъ. Въ составъ ея, кромѣ древнихъ боярскихъ родовъ, вошли потомки удѣльныхъ князей, вступившихъ въ службу московскихъ государей; они сохранили свой княжескій титулъ. Далѣе, значительная часть нашихъ боярскихъ фамилій вела свое происхожденіе отъ иностранныхъ выходцевъ, именно: литовскихъ, вѣмецкихъ, и болѣе всего — отъ татарскихъ муръзъ и царевичей.»

Довольно. Спросимъ теперь, который изъ двухъ отрывковъ болѣе заинтересуетъ ученика, который глубже заляжетъ въ его памяти? Отвѣтъ, кажется, не можетъ быть сомнителенъ. Стрѣлецкій бунтъ со всеми его подробностями сразу будетъ схваченъ живымъ и бойкимъ мальчикомъ; между тѣмъ какъ статья о сословіяхъ промелькнетъ въ его памяти, не оставивъ въ умѣ никакого слѣда; онъ долженъ будетъ затверживать, зазубривать его, чтобъ отвѣтить учителю, и затвердивши, никакъ не дастъ себѣ отчета въ свойствахъ русской аристократіи, въ ея существенныхъ отличіяхъ отъ аристократіи западной, въ значеніи, которое имѣетъ замкнутость сословій (о которой авторъ упоминаетъ далѣе), и т. д. «Бояре, не занятые войною или службою въ городахъ, говорятъ тутъ же г. Иловайскій, постоянно жили въ Москвѣ и каждый день съѣзжались на поклонъ къ государю. Въ грамотахъ писались они государевыми холопами, и называли себя уменьшительными именами. «Прекрасно и совершенно справедливо; но удержится ли это въ памяти ребенка,—а удержать было бы полезно! Мнѣ кажется, что обыкновенный ребенокъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ прочтетъ это мѣсто, точно также какъ извѣстіе о происхожденіи многихъ русскихъ фамилій изъ Литвы, между тѣмъ какъ то и другое имѣютъ весьма важное значеніе.

Какъ же объяснить ему ихъ важность? Не иначе какъ въ живомъ разказѣ, въ болѣе или менѣе драматической формѣ. Сблизьте Оедьку Щегловитаго съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ, представьте ихъ пользующимися равною довѣренностію царевны-правительницы; представьте съ другой стороны примѣръ строгаго почитанія генеалогіи на западѣ, и — главные черты вопроса объяснены; ребенокъ самъ выведетъ заключеніе; а если вы полагаете, что заключеніе онъ не въ состояніи вывести самъ,—помогите ему, наведите его на правильный выводъ, приведите отрывокъ изъ какого-нибудь письма къ царю хоть того же самаго Голицына, гдѣ онъ называетъ себя «Ваською» и «холопомъ», и впечатлѣніе на умъ ребенка произведено. Разкажите нѣсколько случаевъ мѣстническихъ споровъ и ихъ послѣдствія—драку за царскимъ столомъ, на примѣръ, и выдачу виновнаго челоуѣка, и мудреный вопросъ о мѣстничествѣ выяснится если не вполне, то достаточно на первый разъ: въ

разказъ, то-есть въ формѣ, оставляющей автору довольно свободы, можно, при случаѣ, и возвратиться къ развитію мѣстническихъ понятій. Та же свобода формы даетъ автору возможность отважиться и на разсужденія съ своимъ читателемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда драматическая форма невозможна. Такъ я старался объяснить въ книгѣ моей основныя понятія о торговлѣ и промышленности, объ условіяхъ ихъ процвѣтанія, о пользѣ приносимой ими странѣ; такъ сдѣлалъ я приступъ къ основаніямъ публичнаго права, и желалъ бы, при дальнѣйшемъ изложеніи судьбы нашего отечества, развить въ нѣкоторой мѣрѣ главнѣйшія изъ тѣхъ понятій, на которыхъ заждутся гражданскія общества.

А можетъ ли такой способъ изложенія исторіи найти мѣсто въ учебникѣ? Рецензентъ *Современника*, писавшій о моей книгѣ, полагаетъ это возможнымъ; онъ думаетъ, что книга моя можетъ замѣнить учебникъ. Я сомнѣваюсь ужь по тому одному, что моя или подобная ей книга необходимо выйдетъ слишкомъ объемистою. Царствованіе Петра будетъ заключаться, по моему предположенію, въ трехъ выпускахъ,¹ которые вмѣстѣ будутъ объемистѣ всего учебника г. Иловайскаго.

Назначеніе, которое я даю моему сочиненію, скромнѣе: оно должно замѣнить для ученика живой разказъ учителя, иначе—служить пополненіемъ, развитіемъ, оживленіемъ учебниковъ, какъ это и сказано въ моемъ предисловіи. 13—15лѣтній ученикъ, особенно если онъ не особенно развитъ, вѣроятно затруднится извлечь изъ довольно объемистаго сочиненія существенныя, важнѣйшія черты; онѣ должны быть ему указаны въ учебникѣ; осмыслить же ихъ, оживить, дать имъ интересъ, и врѣзать въ его память должна моя книга.

Что же говорить объ этомъ г. Соловьевъ? Впервыхъ, онъ не соглашается, чтобъ учебники имѣли нужду въ подобныхъ постороннихъ пополненіяхъ. «Главное достоинство учебника, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что г. Щербальскій называетъ историческою мыслию; безъ нея учебникъ есть сборникъ фактовъ, предназначенный только для упражненія памяти.»

Совершенная правда... только гораздо, легче сказать это нежели исполнить. Историческая мысль.. Она заключается въ самыхъ событіяхъ; надъ покореніемъ Новгорода Іоанномъ, надъ появленіемъ раскола, надъ происшествіями относительно маловажными, напримѣръ надъ казнію князя Хованскаго, о которой упоминаетъ мой рецензентъ, можно и должно задуматься; но задумается ли всякій? Задумается ли ребенокъ? То ли заключеніе выведетъ онъ,

¹ Третій будетъ печататься въ январѣ.

какое было бы желательно?—Вотъ вопросъ. Автору учебника нѣкогда заниматься философіей исторіи, да онъ едва ли и въ правѣ это дѣлать, потому что его книга—учебникъ, и слѣдовательно можетъ быть *принята* или даже *указана* для преподаванія, слѣдовательно становится почти догматомъ. А кто же возьметъ на себя сказать ребенку, да и учителю его вмѣстѣ: вотъ фактъ, о немъ надо рассуждать такъ, а не иначе, подъ опасеніемъ не-православія въ дѣлѣ науки! Совсѣмъ въ другомъ отношеніи къ ученику находится книга для чтенія; она не носитъ на себѣ характера обязательнаго, по ней не учатся, и ее не затверживаютъ, а только читаютъ; учитель и *принятый* учебникъ могутъ представить извѣстный фактъ въ совершенно другомъ освѣщеніи нежели книга для чтенія. Г. Соловьевъ говоритъ, что учебникъ не освѣщенный историческою мыслию, годенъ только для упражненія памяти. Пусть, но мысль эта такъ скрыта въ немъ, благодаря неизбѣжной сжатости изложенія, что ея не дощется ребенокъ; ссылаюсь опять-таки на отрывокъ о сословіяхъ изъ учебника г. Иловайскаго, а еще учебникъ этотъ очень хорошъ. Возьмемъ потомъ учебникъ самого г. Соловьева, хоть напримѣръ мѣсто о казни князя Хованскаго, на которое онъ указываетъ въ моемъ сочиненіи: «Вотъ какъ говоритъ онъ объ этомъ происшествіи:

„Хованскій, вмѣстѣ съ сыномъ, былъ схваченъ на дорогѣ къ Троицѣ, куда ѣхалъ по приглашенію Софіи, и привезенъ въ село Воздвиженское. Тщетно обвиненные требовали суда: обомъ, отцу и сыну, отсѣкли головы.“

Гораздо болѣе можетъ сказать книга для чтенія; вотъ что можетъ она сказать:

„Это происшествіе произвело большое впечатлѣніе. Всякій видѣлъ, что Хованскіе мучили Москву, что этого безпокойнаго человѣка необходимо удалить, даже наказать, отнять у него охоту смущать народъ; но когда услышали о его казни, о казни безъ суда, сдѣланной съ такою поспѣшностію, какъ будто тайкомъ; когда вспомнили, что и Никита-расплющъ потерялъ голову безъ суда же, многіе печально опускали головы. Что же это за турецкое правосудіе! говорили нѣкоторые изъ дворянъ, спѣшившихъ къ Троицкому монастырю. Но такихъ было впрочемъ не много, большая часть одобряла правительницу, хвалили ея энергію, справедливо порицали Хованскаго, не обращали вниманія на то, что никакая вина не должна быть наказываема безъ внимательнаго разсмотрѣнія, и безъ доставленія обвиняемому средствъ оправдаться, если онъ можетъ.“

Г-ну Соловьеву не нравится такой способъ изложенія; его поражаетъ то, что «русскіе люди XVII вѣка толкуютъ о турецкомъ правосудіи»; онъ надѣется, что благоразумный учитель зачеркнетъ это мѣсто. Могли ли не могли русскіе люди XVII вѣка считать турецкое правосудіе синонимомъ неправосудія, объ этомъ я спорить не стану, хотя и замѣчу, что Посошковъ, на котораго указываетъ мой рецензентъ, не восхищался турец-

кою юстиціей, а только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно относительно быстроты рѣшенія, приводилъ ее въ примѣръ. Но если эта черта и не имѣетъ строгой исторической вѣрности, какаа, какъ сказано въ предисловіи моей книги, требуется отъ серьезнаго историческаго сочиненія, и если очень можетъ быть, что дворяне, сплывшіе въ Троицкій монастырь, ничего между собою не говорили или говорили о сѣнокосяхъ: то развивая мысль о беззаконности казни Хованскаго и о правахъ каждаго на защиту передъ судомъ, я, надѣюсь, положилъ въ памяти молодаго читателя черту, которую считаю полезною, и которой, между тѣмъ, я не нахожу въ учебникахъ. Въ этомъ и состоитъ различіе между учебникомъ и книгою для чтенія.

Итакъ, въ противнѣсть мнѣнію, высказанному г. Соловьевымъ, а равно и рецензентомъ *Современника*, я полагаю, что книга для чтенія полезна преимущественно какъ пополненіе учебника. Мы думаемъ, говоритъ мой рецензентъ, что книга подобная книгѣ г. Щербальскаго должна имѣть самостоятельное значеніе, не связываться такъ неразрывно съ учебниками, и не ограничиваться возрастами отъ 13 до 18 лѣтъ, а удовлетворять и взрослымъ людямъ, дилеттантамъ по русской исторіи. — Написать такую всеобщую книгу слишкомъ трудно, даже невозможно. Еслибы взрослый дилеттантъ и не болѣе знакомъ былъ съ исторіей Россіи чѣмъ 15лѣтній мальчикъ, и нашелъ бы въ книгѣ моей столько же новаго для себя какъ и ребенокъ, то относиться одинаково къ этимъ двумъ категоріямъ читателей невозможно. Я считаю полезнымъ, какъ сказано выше, знакомить молодыхъ читателей моихъ съ главными основаніями гражданской жизни человѣческихъ обществъ, съ постепеннымъ развитіемъ и научнаго знанія, и художественнаго чувства въ русскомъ обществѣ; я предполагаю, что юные читатели найдутъ во всемъ этомъ много для себя новаго; но могу ли позволить себѣ думать то же о людяхъ совершеннолѣтнихъ, которые, положимъ, всѣ очень мало знакомы съ исторіей, однако могутъ быть специалистами по политическаго знанію, праву, искусствамъ и проч.?

Продолжая смотрѣть на сочиненіе мое съ своей точки зрѣнія, почтенный профессоръ возмущается противъ неточностей, полученныхъ замѣченной мнѣ въ рассужденіяхъ о смерти Хованскаго, и находитъ въ этомъ неуваженіе къ наукѣ. Откровенно скажу г. Соловьеву: учителя, который вздумалъ бы зачеркнуть фразу о турецкомъ правосудіи, на томъ основаніи, что она даетъ ребенку ложное понятіе объ относительномъ достоинствѣ турецкой и русской юстиціи въ XVII вѣкѣ, я счелъ бы немножко подантомъ. Нѣкоторыя изъ другихъ замѣчаній моего рецензента мнѣ кажутся еще менѣе значительными. Касательно наружности царевны

Соѣин, напримѣръ, онъ склоняется къ мнѣнію г. Устрялова, основанному на описаніи La Neuville и на одномъ изъ портретовъ ея. Но описаніе портрета сдѣлано въ послѣдній годъ правленія царевны, а много есть другихъ отзывовъ, превозносящихъ ея красоту, да существуютъ и портреты (въ Романовской галлерей и въ бібліотекѣ Академіи Наукъ), на которыхъ она изображена молодою и по крайней мѣрѣ не дурною, въ нарядѣ, который близокъ къ сдѣланному мною описанію. Когда она увѣщевала народъ не дѣлать смуть, никто, сказано въ моей книгѣ, не удивлялся, видя власть въ рукахъ молодой женщины. «Неужели *лишь* не былъ удивленъ?» спрашиваетъ г. Соловьевъ. Чтò отвѣчать на это? А подобныхъ замѣчаній не мало. Г. Соловьевъ, между прочимъ, ставитъ мнѣ въ упрекъ, что вмѣсто того чтобы просто сказать: умерла царица Марья Ильинишна, скончался царь Феодоръ, я говорю: «разнеслись на всю Москву рѣзкіе, печальные удары колокола», и что потомъ, въ другомъ мѣстѣ, повторяю почти ту же фразу, хотя это повтореніе слѣдуетъ не очень близко. Г. Соловьевъ находитъ неточность въ выраженіи: «Россія при царѣ Алексѣѣ, была государство огромное, но безобразно растянутое отъ запада къ востоку», и противопоставляетъ этимъ словамъ отысканное черезъ 90 страницъ замѣчаніе о разнообразіи русской земли и русскаго народа, хотя здѣсь ни противорѣчій, ни натянутости, сколько я понимаю, нѣтъ. Не перебираю другихъ замѣчаній г. Соловьева, между которыми есть и справедливыя, но замѣчу вотъ чтò: отличительною чертой его изложенія я считаю точность и опредѣлительность, а между тѣмъ, въ какихъ-нибудь 50 строкахъ (стр. 338 — 339) его учебника, — замѣйте, учебника, — сколько можно было бы отыскать предложений къ совершенно подобнымъ замѣчаніямъ! Они (стрѣльцы) во время управленія ими Хованскимъ *чувствовали свою силу* (на какихъ источникахъ это основано?), *знали* (точно ли знали?), что бояре и *все* лучшіе люди ненавидятъ ихъ (неужели *все*?... *Современники* говорятъ, что донесъ этотъ (на князя Хованскаго) былъ выдуманъ бояриномъ Милославскимъ (правильнѣе было бы сказать: *некоторые современники*, потому что ни Медвѣдевъ, ни Желябужскій этого не говорятъ).» Такъ могли бы мы пробѣжать всю книгу учащаго профессора и надѣлать множество вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ, но едва ли это принесло бы пользу дѣлу.

Если не ошибаюсь, рецензентъ недоумеетъ не моею книгой, а тѣмъ вообще родомъ исторической литературы, къ которому она принадлежитъ.

Вотъ чтò говоритъ онъ между прочимъ.

«Нельзя не сочувствовать стремленію дѣлать науку доступною для дѣтскаго возраста и для массы людей, не имѣвшихъ возможности получить научное

образованіе; но здѣсь надо поступать съ величайшею осторожностію; приближайте науку къ ребенку, къ простолюдину, но берегитесь исказить ея серьезную, величественную красоту, ибо этимъ вы одинаково нарушите уваженіе и къ наукѣ, и къ меньшимъ братьямъ.. Вы хотите учить дѣтей, развѣшивать ихъ; но сдѣлаете ли вы это съ помощію такихъ чертъ, какихъ чисте серьезный трудъ допустить не можетъ? Мы вовсе не думаемъ возложить всю отвѣтственность за эти стремленія на даровитаго автора *Чтенія изъ русской исторіи*; это стремленіе, по несчастію, ощутительно всюду, и служить признакомъ незрѣлости педагогическихъ понятій.-

Итакъ г. Соловьевъ не столько недоволенъ авторомъ *Чтенія*, сколько тою частію исторической литературы, которая ставитъ себя задачею популяризовать науку, и дѣлаетъ это безъ должной строгости. Пока мой уважаемый рецензентъ находится, какъ говорятъ Французы, dans les généralités, нельзя съ нимъ не согласиться. Исторія—не дѣтская сказка; разкавать ее дѣтямъ или взрослымъ, но не приготовленнымъ читателямъ, есть дѣло требующее большаго знанія, большаго обдуманности, большаго таланта, и я конечно не воображаю, чтобы хоть сколько-нибудь приближился къ идеалу, тѣмъ болѣе что по части русской исторіи образцовъ не имѣю, и что наша древняя исторія (къ которой отчасти относится первый выпускъ *Чтенія*), какъ замѣчаетъ и самъ г. Соловьевъ, суха, сравнительно съ исторіей другихъ народовъ. Но гдѣ же образцы и въ другихъ историческихъ литературахъ? Кто разрѣшилъ задачу, весьма впрочемъ справедливо постановляемую нашимъ ученымъ профессоромъ? Онъ эгихъ мастеровъ не называетъ, и я ихъ не знаю. Возьмите исторію Англіи, разказанную Диккенсомъ для дѣтей: онъ далеко не удовлетворяетъ идеалу строгой и величавой красоты исторической науки; возьмите прекрасную книжку Вильгельма Вегнера о Греціи (*Hellas*): она мѣстами суха, скучна, тяжела; я не упоминаю уже о книгахъ Ламе-Флѣри. Но г. Соловьевъ говоритъ не объ однихъ дѣтскихъ книгахъ: онъ имѣетъ въ виду всю историческую литературу, и совѣтуетъ ей ближе, точнѣ держаться источниковъ, не допускать чертъ произвольныхъ, не достаточно обдуманныхъ. Опять совершенная, святая правда. Но г. Соловьеву извѣстно, что вся историческая критика, и притомъ не съ нынѣшняго дня, вертится на двухъ главнѣйшихъ упрекахъ: или на сухости соединенной съ научною вѣрностію, или на художественности страдающей неточностями; ему извѣстно, что въ томъ или въ другомъ критика упрекала людей не дюжинныхъ; что еще недавно было воздвигнуто суровое порицаніе на знаменитаго Маколея, за то, что онъ жертвуетъ точностію либо произвольно имъ понимаемой и лично ему принадлежащей «исторической мысли», либо художественному увлеченію. Почтенному рецензенту моему извѣстно, что многіе упрекаютъ его самого въ противопо-

ложномъ недостаткѣ... Какъ же провести свою барку между этими Сциллою и Харибдой? Гдѣ найти челоуѣка, который бы совмѣстилъ Маколея и Соловьева? Конечно, всякій писатель, уважающій и себя и свое дѣло, долженъ избѣгать малѣйшаго замѣдомаго отступленія отъ строгой точности исторической; желательно, чтобы сочиненіе историка все, съ мельчайшею подробностію, до цвѣта послѣдняго волоска въ бородѣ каждаго выведеннаго на сцену лица, было основано на несомнѣнныхъ документахъ: но находимъ ли мы это даже у Маколея, у Тьерри? А между тѣмъ, неужели они не принесли пользы, безусловной пользы, и не только они, эти корифеи исторической литературы, но и люди въ тысячу разъ менѣе ихъ вѣтующіе право на званіе историковъ? Наконецъ г. Соловьевъ не можетъ не знать, что талантъ знаменитаго автора *Исторіи завоеванія Англіи Норманами* получилъ направленіе отъ чтенія... романовъ Вальтеръ-Скотта! Что же касается сухости древней исторіи нашей, то не отвергая справедливости этого замѣчанія, можно полагать, кажется, что великій, но именно великій, художникъ былъ бы въ состояніи представить ее въ болѣе привлекательномъ видѣ, и слѣдовательно сдѣлать ее болѣе популярною. Не накинулъ ли знаменитый шотландскій романистъ много новой прелести, почерпнутой въ его великомъ дарованіи, на исторію своего отечества и на средніе вѣка? Не обязана ли исторія казачества частію своей позвѣи таланту Гоголя? Вотъ вопросы, на которые стоить обратить вниманіе.

Впрочемъ, какъ я уже сказалъ, я не отрицаю справедливости и важности замѣчанія г. Соловьева о необходимости удерживать свое воображеніе въ границахъ; я вмѣстѣ съ нимъ опечалился бы, еслибъ у насъ появилось что-нибудь въ родѣ *Исторіи Лубовска XIV*, соч. Дюма. Относительно же себя лично, увѣряю искренно почтеннаго моего рецензента, что я внимательно прочелъ его замѣчанія, и нѣкоторыми изъ нихъ воспользуюсь, если *Чтеніе изъ русской исторіи* доживетъ до новаго изданія.

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

18 декабря.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ

КОММИССИИ О СОЧИНЕНИИ ПРОЕКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ.

(1767—1774).

Напечатанныя недавно С. В. Соловьевымъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1861, октябрь, стр. 103—340.), свидѣнія объ Екатерининской комиссіи побуждаютъ насъ издать въ свѣтъ любопытный документъ, относящійся къ тому же предмету, и достойный особаго вниманія всѣхъ занимающихся отечественною исторіею.

Предлагаемый списокъ депутатамъ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, собранной въ 1767 году и всѣ примѣчанія къ нему, составлены Н. С. Киселевымъ, который много трудился надъ разработкой матеріаловъ для исторіи этой комиссіи. Настоящій трудъ его есть сводъ двухъ печатныхъ депутатскихъ списковъ, напечатанныхъ въ то время. Оба изданія составляютъ величайшую библиографическую рѣдкость. Первое находится въ библіотекѣ составителя, а второе въ библіотекѣ пишущаго эти строки.

Первое изданіе списка депутатовъ показано у Сопикова, (ч. IV, № 11.182). Вотъ заглавіе перваго изданія: «Имянной списокъ господамъ депутатамъ, выбраннымъ въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія, кто изъ когорога мѣста избраны, и кто кому именно сдали, также въ разныя учрежден-

ныя отъ большаго собранія частныя комиссіи опредѣлены и нынѣ дѣйствительно находятся, генваря по 1-е число 1768 году. Печатанъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. (Форматъ малая осьмушка; число страницъ, кромѣ заглавнаго листка 61.)

Вотъ заглавіе втораго изданія не показаннаго у Сопикова: «Именный списокъ господамъ депутатамъ, находящимся въ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, съ показаніемъ, кто изъ оныхъ въ разныя отъ большаго собранія, учрежденныя частныя комиссіи членами и кандидатами опредѣлены, и нынѣ дѣйствительно находятся. Февраля по 24-е число 1769 года. Печатанъ въ Санктпетербургѣ при сенатѣ.» (Форматъ малая осьмушка; число страницъ, кромѣ заглавнаго листка, 97.) Должно замѣтить, что между выходомъ перваго и втораго изданія общее собраніе комиссіи было расущено.

Печатавъ депутатскій списокъ, мы считаемъ необходимымъ сказать предварительно нѣсколько словъ, которыя послужатъ ему нѣкоторымъ объясненіемъ и укажутъ на нѣкоторыя его особенности, а также возобновятъ въ памяти читателя факты и преданія, касающіяся этого событія въ нашей исторіи, о которомъ къ сожалѣнію уцѣлѣло или обнаружено такъ мало свидѣтельствъ.

Извѣстно, что составленіе уложенія было предметомъ тщетной заботливости правительства со временъ Петра I. Съ этою цѣлью были учреждаемы особыя комиссіи въ 1700, 1714, 1720, 1728, 1730, 1754 и 1760 годахъ. Въ нихъ были испытаны разные опыты методовъ работъ и различные роды образованія самихъ комиссій. Наконецъ Екатерина II, принимая въ соображеніе недостатокъ законовъ на многіе случаи, смѣшеніе понятій о законахъ и временныхъ постановленіяхъ, путаницу въ нихъ происшедшую отъ отмізъ, добавленій и толкованій, наконецъ несообразность многихъ законоположеній съ духомъ времени, издала манифестъ 14 декабря 1766 года, которымъ созывались депутаты со всей Россіи для сочиненія новаго уложенія въ самомъ обширномъ его смыслѣ. Въ тотъ же день изданы были: 1) указъ сенату и 2) указъ губернаторамъ всѣхъ тогдашнихъ 20 губерній, о томъ же предметѣ. Къ первому приложены были: 1) Положеніе о томъ откуда прислать депутатовъ и 2) Обряды выбора депутатовъ. Депутатамъ даны были слѣдующія права: они избавлялись навсегда отъ смертной казни, пытокъ и телесныхъ наказаній; обиды ихъ наказывалась двойнымъ штрафомъ. Всѣ они получали особую золотую медаль или знакъ, для носенія на золотой цѣпочкѣ.

Депутаты собрались въ Москвѣ лѣтомъ 1767 года. 30 июля

было молебствіе и открытіе комиссій въ граневитой палатѣ, государыня, которая вручила собранію написанный ею знаменитый «наказъ» и «обрядъ для комиссій.» 31 іюля выбранъ, а 2 августа утверждёнъ маршаломъ собранія славный патріотъ и военачальникъ Александръ Ильичъ Библиковъ. 21 августа комиссія поднесла императрицѣ титула: «великой, премудрой и матери отечества», отъ которыхъ она отказалась. Послѣ того начались настоящія работы общаго собранія и 19 частныхъ его комиссій. Комиссія засѣдала до 14 декабря 1767 года; въ Москвѣ; 18 февраля 1768 въ Петербургѣ, въ зимнемъ дворцѣ опять открыты ея засѣданія. 17 декабря 1768 года общее ея собраніе было распущено впредь до повелѣнія, что и исполнено 12 февраля 1769 г. Остались на лицо только отдѣльныя комиссіи, въ уменьшенномъ составѣ. Въ 1774 году учрежденіе это было совершенно упразднено, и оставлена только канцеларія для справокъ.

Издаваемый нынѣ списокъ депутатовъ наглядно знакомитъ съ тѣмъ административнымъ устройствомъ и территориальнымъ дѣленіемъ, на основаніи котораго были выбраны въ числѣ 565 представителей правительственныхъ мѣстъ, уѣздовъ и прочихъ участковъ 20-ти тогдашнихъ губерній, и представляетъ свѣдѣнія о томъ кто изъ депутатовъ состоялъ и въ какой именно изъ 19 частныхъ комиссій, оставленныхъ по распущеніи общаго собранія. Тутъ находятся имена знатныхъ вельможъ, какъ князь М. Н. Волконскій, А. П. Мельгуновъ, графъ Э. Г. Чернышевъ, А. И. Библиковъ, графъ Я. А. Брюсъ, графъ П. И. Панинъ, Д. В. Волковъ, графъ А. С. Строгановъ, князь А. М. Голицынъ, графы Г. Г. и Ф. Г. Орловы, графъ Р. Л. Воронцовъ, Л. А. Нарышкинъ, князь А. А. Вяземскій; ученыхъ и литераторовъ, какъ А. А. Нартовъ, Г. Ф. Миллеръ, Г. В. Козицкій, князь М. М. Щербатовъ, И. П. Елагинъ, графъ А. П. Шуваловъ, А. В. Одоевцовъ, А. А. Ржевскій, А. В. и С. В. Нарышкины. Кроме названныхъ нами лицъ, мы имѣемъ мало свѣдѣній объ остальныхъ депутатахъ, изъ которыхъ многіе, судя по фамиліямъ ихъ, принадлежали къ образованнѣйшей части дворянства. Другіе принадлежали къ именитому купечеству, къ сословію чиновниковъ (въ небольшомъ числѣ) и къ прочимъ сословіямъ государства. Намъ извѣстна дальнѣйшая судьба только немногихъ изъ нихъ. Одинъ С. И. Анничковъ (№ 514), былъ первымъ поощрителемъ страсти къ чтенію и занятіямъ С. Т. Аксакова въ дѣтствѣ его (*Дѣтскіе годы Багрова внука* стр. 20). Другой, знаменитый Падуровъ (№ 521), въ послѣдствіи одинъ изъ главныхъ сообщниковъ Пугачева, былъ казненъ вмѣстѣ съ нимъ, не смотря на то, что по манифесту 14-го декабря 1766 былъ освобожденъ навсегда отъ смертной

казни. (Библ. Записки 1859, № 6.) О нѣкоторыхъ другихъ есть замѣтки Н. С. Киселева въ самомъ спискѣ. Между тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что очень многіе изъ депутатовъ были люди замѣчательные.

Вслѣдствіе недоступности документовъ касающихся комиссіи 1767 года, равнодушія нашего къ историческимъ событіямъ, умышленнаго, а иногда и невольнаго искаженія истины, объ этой комиссіи составилось совершенно смутное понятіе, которое однако, по весьма достаточному основанію, должно признать совершенно несправедливымъ. Такъ-называемыя историческія сочиненія объ Екатерининской эпохѣ—Вейдемейера, Сумарокова, Лесфорта и многіе другіе источники того же разряда, или прямо говорятъ, или намекаютъ на то, что комиссію занималась одними панегириками, но въ сущности ничего не сдѣлала и немогла сдѣлать, почему и была распущена. Въ глазахъ такихъ историковъ она имѣла значеніе не сама по себѣ, а единственно какъ памятникъ мудрости и величія Екатерины, написавшей для нея знаменитый «Наказъ» и возымѣвшей величественную мысль собрать представителей всѣхъ сословій и народностей Россіи для исполненія дѣла славнаго и мудраго. Но исполнители не стояли на высотѣ своего призванія, *не сообразили*, какъ говорить теперь, и дѣло, имъ порученное, стало въ послѣдствіи совершаться почастіямъ не ими, а посредствомъ другаго рода законодательныхъ органовъ и работъ. Съ такимъ возрѣніемъ, прокраившимся и въ серіозныя произведенія, напримѣръ въ *Энциклопедію Законодательнѣя Неволнина* (ч. II. стр. 488), нельзя согласиться. Геній и величіе дѣла Екатерины такъ несомнѣнны, что для прославленія ихъ вовсе не нужно скрывать достоинства скромныхъ, но полезныхъ слугъ отечества, которые на самомъ дѣлѣ оказываются не *несообразившими*, а напротивъ достаточно приготовленными къ дѣлу, имъ порученному. Даже среди самыхъ неблагопріятныхъ для нихъ отзывовъ, сохранились преданія свидѣтельствующія о томъ, что въ депутатской комиссіи 1767 года затронуты были вопросы первой важности; напримѣръ о разныхъ злоупотребленіяхъ администраціи, о крѣпостномъ правѣ и пр. (*Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова*; стр. 113—132.) Можно съ основательностію предполагать, что признаніе такихъ вопросовъ несвоевременными, а вовсе не неспособность, было главною причиною того, что общее собраніе комиссіи было распущено подъ предлогомъ заботъ по начинавшейся турецкой войнѣ, а въ послѣдствіи и самыя уже уменьшенныя въ числѣ членовъ частныя комиссіи, продолжавшія нѣкоторыя работы, были по окончаніи ихъ закрыты. Воспоминаніе С. Т. Аксакова о С. И. Анничковѣ доказываетъ, что въ комиссіи были не одни

только люди, умѣющіе лишь расточать похвалы, и по возникающимъ вопросамъ отвѣчать только: «какъ угодно, какъ прикажете», а были напротивъ личности готовыя работать, способныя и самостоятельныя, но встрѣчавшія безпрестанныя къ тому препятствія. И странно было бы предполагать, что въ той землѣ, гдѣ въ половинѣ XVII вѣка нашлись люди, сочинившіе *Уложение*, до сихъ поръ еще не вполне утратившее своего значенія, не отыскалось черезъ сто сляшкомъ лѣтъ людей способныхъ на подобное же дѣло, согласно съ новыми современными требованіями.

Время и обстоятельства дадутъ возможность разъяснить подробно дѣятельность комиссіи 1767 года, о которой подробности скрыты подъ спудомъ, что и дало возможность представлять ее въ превратномъ видѣ, которому беззаботность и легкомысліе придавали долгое время не только вѣроятіе, но и несомнѣнность. До тѣхъ поръ мы ограничимся только упоминаемъ, что есть свидѣтельство совершенно непристрастное, несомнѣнно правдивое и основанное на подробнѣйшемъ знакомствѣ съ дѣломъ. Оно говоритъ вполне въ пользу общаго собранія и частныхъ комиссій за время ихъ существованія съ 1767 по 1774 годъ. Люди, принимавшіе въ нихъ участіе, не попусгу тратили время, а начертали проекты тѣхъ законоположеній, которыми болѣе всего прославилось царствованіе Екатерины, и ознаменовались въ Россіи семидесятые и осьмидесятые года прошедшаго вѣка, до которыхъ при Екатеринѣ не появлялось ни одного подобнаго памятника законодательства. Законоположенія эти и до сихъ поръ служатъ красугольнымъ камнемъ внутренняго устройства и мѣстнаго управленія въ имперіи. Проекты ихъ, по окончаніи первой турецкой войны въ 1774 году, были мало-по-малу извлекаемы изъ архива комиссіи, и до обнародованія своего подвергались только пересмотру, вслѣдствіе котораго дѣлались въ нихъ нѣкоторыя частныя измѣненія или дополненія и исправленія редакціи, а затѣмъ просто принимались мѣры къ приведенію ихъ въ исполненіе. Таковы: *Учрежденіе для управленія губерній* (6 ноября 1775), *Уставъ благочинія* (8 апрѣля 1782), *Указъ Объ учрежденіи народныхъ училищъ* (7 сентября 1782), *Дворянская грамота* (21 апрѣля 1785), *Городовое положеніе* (21 апрѣля 1785) и др. Изъ этого можно заключить достойны ли признательности люди, которымъ Россія обязана совершеніемъ подобныхъ трудовъ, относимыхъ по незнанію къ безраздѣльной чести другихъ лицъ, которыя въ сущности только приводили ихъ въ исполненіе, между тѣмъ какъ истинные дѣятели преданы забвенію и даже подвергались ироническимъ намекамъ и выходкамъ. Чтобъ еще болѣе оцѣнить ихъ заслуги, вспомнимъ, что труды эти совершены почти за

сто лѣтъ тому назадъ, лицами избранными въ такое время, когда, въ образованнѣйшемъ сословіи, изъ костромскихъ дворянъ третья часть не знала грамоты (*Записки о жизни и службѣ А. И. Вибикова*, стр. 123). Это не помѣщало общему ихъ голосу избрать въ депутаты знаменитаго Александра Ильича Вибикова, избраннаго потомъ и въ маршалы (предсѣдателя) общаго собранія депутатовъ, на что имѣлъ полное право этотъ истинный патриотъ, прославившійся и умомъ, и дарованіями, и неустрашимостію, и независимостію своего характера.

Ознакомленіе потомковъ съ полезными и частными общественными дѣятелями прошлаго времени составляетъ священную обязанность первыхъ и есть неотъемлемое право послѣднихъ—лучшая награда, которую имѣеть въ виду и скромный труженникъ подкрѣпляемый мыслию, что не только и его капля меду принесетъ свою пользу, но что и имя его не пропадетъ въ безднѣ равнодушія или забвенія будущихъ поколѣній. Смѣемъ надѣяться, что извлекая изъ нея на первый разъ хоть одни имена людей сослужившихъ честную службу отечеству, мы подадимъ этимъ первый поводъ къ обнаруженію документовъ оиціальныхъ и семейныхъ, относящихся къ обстоятельствамъ давно-забытымъ. Такимъ образомъ мало-по-малу отдастся, можетъ-быть, должное памяти людей, принимавшихъ участіе въ событіи столь знаменательномъ, что Екатерина, въ манифестѣ 14 декабря 1766 года, хотѣла увѣковѣчить его внесеніемъ въ ихъ гербы изображенія ихъ депутатскихъ знаковъ, дабы потомки узнали молли какому великому дѣлу они участниками были.

Михаилъ Лонгиновъ.

СПИСОКЪ ГОСПОДАМЪ ДЕПУТАТАМЪ. *

№	ОТКУДА ИЗБРАНН.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явился.	Въ которыхъ комиссiяхъ присутвуютъ.	Гдѣ при отправленiи съезду поименованъ въ спискѣ поименованъ въ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНIЯ.
1	Отъ святаѣшаго синода.	Преосвященный митрополитъ <i>Димитрiй Новгородскiй</i> . Умре 14 декабря, 1767 года. <i>Гавриилъ</i> епископъ Тверскiй и Кашинскiй.		Въ дирекцiонной членомъ. Въ дирекцiонной членомъ.		
2	Отъ правительствующаго сената.	Генералъ — аншефъ, сенаторъ и кавалеръ, князь <i>Михайло Волконской</i> .		Въ экспедицiонной членомъ.		См. № 29.
<i>Отъ коллегiй:</i>						
3	Иностранной.	Тайный совѣтникъ, сенаторъ, и кавалеръ <i>Михайло Собакинъ</i> .	1767 Юня 14.		Въ Москвѣ.	
4	Военной.	Генералъ-майоръ князь <i>Федоръ Щербатовъ</i> .	Юля 2.	Оба въ комиссiи, для остеререженiя противорѣчiя между воинскими и гражданскими законами, членами.		
5	Адмиралтейской.	Вице-адмиралъ и кавалеръ <i>Алексiй Нагавъ</i> .	13.			

* Тамъ, гдѣ подъ однимъ № показано два лица, второе обозначаетъ заступившаго мѣсто перваго.

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	Чины, имена и фамилии.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ.	Гдѣ при исправленіи своихъ должностей находились 24 февраля 1789 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
6	Правительствующаго герольдмейстерской конторы.	Коллежскій совѣтникъ и герольдмейстерскій товарищъ <i>Михайло Приклонской.</i>	Мая 1	Въ экспедиціонной членомъ.		
<i>Отъ коллегій:</i>						
7	Камеръ.	Генералъ - поручикъ, сенаторъ и кавалеръ <i>Алексій Мольгуновъ.</i>	Юля 16		въ Мо-	См. № 34.
8	Юстицъ.	Полковникъ <i>Иванъ Олсуфьевъ.</i>	5		сквѣ.	Въ петербургскомъ изданіи: статскій совѣтникъ.
9	Юстицъ-лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ:	Вице-президен. статскій совѣтникъ <i>Тимовей фонъ-Климентъ.</i>	Юня 19	Въ комиссіи о училищахъ и призерніяхъ требующихъ членомъ.		
10	Вотчинной.	Тайный совѣтникъ и кавалеръ <i>Михайло Лукинъ.</i>	20	Въ комиссіи о имѣніяхъ членомъ.	въ Мо-	
11	Ревизионъ.	Статскій совѣтникъ <i>Андрей Карташовъ.</i>	19		сквѣ.	
12	Коммерцъ.	Статскій совѣтникъ <i>Сергій Меженниковъ.</i>	Марта 21		При пошашныхъ звондахъ	
13	Бергъ.	Ассессоръ <i>Яковъ Родъ.</i>	Юня 2	Въ комиссіи о рудокопаніи и коммерціи канда.		Въ петербургскомъ изданіи: ваворный совѣтникъ.
14	Бергъ-коллегии монетнаго департамента.	Артиллеріи подполковникъ <i>Андрей Партовъ.</i>	Апрѣля 6	Въ комиссіи о полиціи членомъ.		
15	Мануфактуръ.	Вице-президентъ <i>Осдоръ Сукинъ.</i>	6		въ Мо-	
16	Экономіи.	Статскій совѣтникъ <i>Алексій Ермоловъ.</i>	Юля 23		сквѣ.	
17	Медицинской.	Коллежскій совѣтникъ и арміи генеральный штабъ - докторъ баронъ <i>Георгъ Ашъ.</i>	Юня 14		При арміи.	
18	Малороссійской.	Коллежскій совѣтникъ <i>Дмитрій Натальинъ.</i>	Августа 11	Въ комиссіи о раз-		

ОТКУДА ИЗ- БРАННЫ.	ЧИННЫ, ИМЕНА И ФАМИ- ЛИИ.	Когда яви- лись.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутству- ють.	Гдѣ при исправле- ніи своихъ должно- стей находятся въ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧА- НІЯ.
9 Главнаго ма- гистрата.	Коллежскій совѣтникъ <i>Николай Дурасовъ.</i>	Юня 22	множен. на- рода, земле- дѣлія, домо- строитель- ства и пр. членомъ. Въ комис- сіи о имѣ- ніяхъ чле- номъ.		
10 <i>въ канцеляріи:</i>					
0 Главной поли- цеймейстер- ской.	Бригадиръ и оберъ- полицеймейстеръ <i>Ми- хайло Зыбинъ.</i>	Юля 9	Въ комис- сіи о полиціи членомъ.		
1 Ямской.	Главнаго крѣгсъ-ком- миссаріата прокуроръ <i>Иванъ Веллидовъ.</i>	18			
2 Академіи На- укъ.	Коллежскій совѣтникъ <i>Герардъ Фридрихъ Мил- леръ.</i>	Юля 18		въ Мо- сквѣ.	
3 Конфискаціи.	Надворный совѣтникъ <i>Федоръ Лодыженской.</i>	Юля 25			
4 Строенія го- сударствен- ныхъ дорогъ.	Полковн. <i>Александръ Волковъ.</i>	Юля 4	Въ комис- сіи о поч- тахъ и го- стиницахъ членомъ.		
5 Главной надъ таможенными сборами.	Дѣйствительный тай- ный совѣтникъ и кавал- еръ: <i>графъ Эрнстъ фонъ- Минихъ.</i>	Юля 23	Въ комис- сіи о сред- немъ родѣ членомъ.		
6 Опекунства иностранныхъ.	Статскій совѣтникъ <i>Василій Баскаковъ</i> ; 13 августа 1767 г. сдалъ коллежскому совѣтнику <i>Григорію Козицкому.</i>	Апрѣ- ля 14	Въ экспе- диціонной членомъ.		
7 Камеръ - кон- торы лифлянд- скихъ, эст- ляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ.	Коллежскій совѣтникъ <i>Артемій Шишковъ.</i>	Нояб- ря 6	Въ комис- сіи о имѣ- ніяхъ кан- дидатомъ.		
8 Суднаго при- каза.	Главный судья, стат- скій совѣтникъ <i>Аванасій Афросимовъ.</i>	Юля 5		въ Мо- сквѣ.	

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явилась.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовать.	Гдѣ при исправленіи своихъ должностей находились 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧЕНІЯ.
---	-----------------	------------------------	----------------	--	---	-------------

Московской губерніи отъ дворянства.

Узловъ:						
29	Боровскаго.	Генералъ-аншефъ, сенаторъ и кавалеръ <i>князь Михайло Волконской</i> ; 8 августа 1767 г. сдалъ лейбъ-гвардіи коннаго полка секундъ-ротмистру <i>Павлу Голохвастову</i> .	Марта 16	Въ экспедиціонной комиссіи членомъ. Въ комиссіи для остереженія противорѣчій между воинскими и гражданскими закон. кандиатамъ.		См. № 2.
30	Волоколамскаго.	Генералъ-аншефъ и кавалеръ <i>графъ Захаръ Чернышевъ</i> .	19	Въ дирекціонной комиссіи членомъ.		
31	Костромскаго.	Генералъ-поручикъ и кавалеръ <i>Александръ Бибиковъ</i> .	21	Депутатомъ маршаламъ.		См. № 41.
32	Клинскаго.	Надворный совѣтникъ <i>Ицаръ Орловъ</i> .	22	Въ комиссіи о разборѣ наказовъ членомъ.		
33	Козельскаго.	Генералъ-поручикъ и кавалеръ <i>графъ Яковъ Брюсъ</i> .	30		При арміи.	
34	Михайловскаго.	Генералъ-поручикъ, сенаторъ и кавалеръ <i>Алексій Мельниковъ</i> ; 4 сентября 1767 г. сдалъ сенатскому экзекутору <i>Семѣю Нарышкину</i> .	апр. 1	Въ комиссіи о среднѣмъ родѣ членомъ.		См. № 7.
35	Судиславскаго и Буйскаго.	Вице-президентъ <i>Василій Баскаковъ</i> .	12	Въ духовно-гражданской комиссіи членомъ.		См. № 28
36	Калужскаго и Мѣдвѣнскаго.	Отставной флота адмиралъ и кавалеръ <i>князь Борисъ Голицынъ</i> ; 8 августа 1767 г. сдалъ под-	16	Въ комиссіи о образѣ		Въ петербургскомъ

ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЪ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовать.	Гдѣ при исправленіи своихъ должностей находится къ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
	полковнику князю <i>Ивану Тюфякину</i> .		сборовъ и образъ расходовъ членомъ.		изданіи: прокуроръ.
Любимскаго.	Отставной секунд-майоръ <i>Никифоръ Толмачевъ</i> .	18	Въ комиссіи о обязательствахъ членомъ.		
Ярославскаго.	Камёръ-юнкеръ князь <i>Михайло Щербатовъ</i> .	20	Въ комиссіи о среднемъ родѣ членомъ и въ дирекціонной кандидатомъ.		
Русскаго.	Тайный совѣтникъ и сенаторъ <i>Дмитрій Волковъ</i> .	25	Въ дирекціонной членомъ.		
Юрьевскаго-Польскаго.	Отставной капитанъ <i>Павелъ Отлевъ</i> . Подпоручикъ <i>Иванъ Отлевъ</i> .	—		при арміи.	
Мало-ярославецкаго.	Полковн. <i>Александръ Ермолинъ</i> ; 14 августа 1767 г. сдалъ подполковнику <i>Ивану Познякову</i> .	30		при арміи	Въ петерб. изд.: оберъ-кригсъ-коммиссаръ.
Коломенскаго.	Оберъ - гофмейстеръ, сенаторъ и кавалеръ <i>графъ Мартынъ Скворонской</i> .	мая 4	Въ комиссіи для остереженія противурѣчія между воинскими и гражданскими законами членомъ.		
Вѣневскаго.	Генералъ - поручикъ, сенаторъ и кавалеръ князь <i>Алексій Козловской</i> , 13 августа 1767 г. сдалъ сыну своему лейб-гвардіи капитанъ-поручику князю <i>Петру Козловскому</i> .	7			См. № 71.
Зарайскаго.	Отставной капитанъ <i>Михайло Кондыревъ</i> ; 14 августа 1768 г. сдалъ на время капитану <i>Осипу Смирнову</i> .	23		при арміи	Въ петерб. изд.: лейб-гвардіи капитанъ.

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ.	Гдѣ при исправленіи словъ дописанъ отъ находится № 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧЕНІЯ.
45	Переславскаго Рязанскаго.	Подполковникъ <i>Матвей Реткинъ</i> . Военной коллегіи эскваторъ <i>Александръ Вельяминовъ</i> .	Юня 11	Въ комиссіи о почтахъ и гостиницахъ чл. помъ.		
46	Кадуйскаго.	Секундъ-майоръ <i>Максимъ Захаровъ</i> .	14	Въ комиссіи о обязательствахъ кандидатомъ		
47	Московского.	Генералъ-аншефъ, сенаторъ и кавалеръ <i>графъ Петръ Панинъ</i> .	15	Въ комиссіи о право. судіи вообще и въ дирекціонной кандидатомъ.		
48	Ростовскаго	Поручикъ <i>Федоръ Языковъ</i> .	18	Въ комиссіи о почтахъ и гостиницахъ членомъ.		
49	Тарусскаго, Серпуховскаго и Оболенскаго.	Генералъ-майоръ <i>князь Алексій Волконской</i> . Лейбъ-гвардіи капитанъ <i>Иванъ Беклемішевъ</i> .	—	Въ духовно-гражданской комиссіи кандид.		
50	Верейскаго.	Отставной ротмистръ <i>Ипполитъ Степановъ</i> . Капитанъ <i>Петръ Степановъ</i> .	19		при арміи въ Москвѣ	См. №
51	Бѣжецкаго.	Генер.-майоръ <i>Марко Рыкачевъ</i> .	20			
52	Пронскаго.	Секундъ-майоръ <i>Яковъ Тютчевъ</i> . Поручикъ <i>Михайло Загряской</i> .	25		при арміи	
53	Шуйскаго.	Секундъ-майоръ <i>князь Михайло Оболенской</i> .	—	Въ комиссіи для остереженія противорѣчія между воинскими и гражданскими законами кандид.		

ОТКУДА ИЗВРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ.	Гдѣ при вступленіи оныхъ полковъ находился въ 26 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Тульского.	Секундъ-майоръ <i>Александръ Ивашкинъ</i> ; 23-го июля 1768 года сдалъ на время ассессору <i>Петру Сурмину</i> .	25			Въ сенатскомъ указѣ, отъ 5-го генваря 1784 г., названъ <i>Александромъ Ивашкинымъ</i> ; 25-го июня 1769 г. просилъ комиссію о возвращеніи ему депутатскаго достоинства (И. С. З. 15903).
Кинешемскаго.	Секундъ-майоръ <i>Степанъ Скрыницынъ</i> . Полковникъ <i>Василій Скрыницынъ</i> .	—	Въ комиссіи о обязательствахъ кандид.		
Пошеховскаго.	Лейбъ-гвардіи капитанъ-поручикъ <i>Василій Голенищевъ - Кутузовъ</i> .	26	Въ комиссіи о обязательствахъ членомъ.		
Перемышльскаго и Воротынскаго.	Секундъ-майоръ <i>Александръ Курьевской</i> ; 3-го сентября 1767 года сдалъ штабмейстеру и кавалеру <i>Льву Нарышкину</i>	—	Въ комиссіи о полиціи членомъ.		
Кашинскаго.	Отставной лейбъ-гвардіи капитанъ - поручикъ <i>Осипъ Кожинъ</i> . Артиллеріи подпоручикъ <i>Иванъ Кожинъ</i> .	30			
Лизвинскаго.	Генераль-кригсъ комиссаръ и кавалеръ <i>Александръ Глѣбовъ</i> .	—	Въ комиссіи о городахъ членомъ.		
Епифанскаго.	Прокуроръ <i>Федоръ Хвоцинской</i>	іюля 2		въ Москвѣ	
Романовскаго, гдѣ на Волгѣ.	Лейбъ-гвардіи капитанъ-поручикъ князь <i>Николай Давыдовъ</i> .	9			
Гороховецкаго.	Дѣйствительный статскій совѣтникъ <i>Никита Каковинской</i> ; 3-го декабря 1767 года сдалъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка поручику <i>Александрю Протасову</i> .	—	Въ комиссіи о лицахъ членомъ.		Въ петерб. изд.: капитанъ-поручикъ.
Углицкаго.	Генераль-майоръ <i>Александръ Опачининъ</i> .	40		при арміи	
Гуховскаго.	Надворный совѣтникъ <i>Алексій Карташевъ</i> ; 28-го августа 1768 года сдалъ провіантской кан-	—			

№	ОТКУДА ИЗ-БРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явилась.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовали.	Гдѣ при исправленіи своихъ должностей находились 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧЕНІЯ.
65	Каширскаго.	целяри экзекутору <i>Василью Якову</i> . Полковникъ <i>Иванъ Масловъ</i> ; 9 августа 1767 года сдалъ сенатскому экзекутору <i>Николаю Маслову</i> .	11	Въ комиссіи о образѣ сборовъ и расходовъ членомъ.		
66	Одоевскаго.	Майоръ <i>Михайла Таракановъ</i> ; 24-го сентября 1767 года сдалъ ея императорскаго величества ординарцу, майору <i>Никитѣ Жилину</i> .	12	Въ комиссіи о почтахъ и гостиницахъ временно.		Въ пербургскихъ издаваніяхъ куваль-оръ.
67	Переславскаго-Залѣскаго.	Генераль-майоръ <i>Алексѣй Ступининъ</i> ; 17-го сентября 1767 г. сдалъ подполковн. <i>Егору Ступинину</i> .	16		при армін	
68	Дмитровскаго.	Тайный совѣтникъ и сенаторъ князь <i>Иванъ Вяземскій</i> .	17	Въ комиссіи о среднемъ родѣ членомъ.		
69	Муромскаго.	Отставной гвардіи капитанъ <i>Иванъ Чадаевъ</i> .	24	Въ комиссіи о личномъ правѣ членомъ.		
70	Серпѣйскаго.	Генераль-майоръ <i>Марко Рыкачевъ</i> ; 8-го августа 1767 г. сдалъ дѣйствительному камергеру и кавалеру графу <i>Александру Строганову</i> .	26	Въ комиссіи о разборѣ наказовъ и проектовъ членомъ.		См. №
71	Мѣщовскаго.	Генераль - поручикъ, сенаторъ и кавалеръ князь <i>Алексѣй Козловскій</i> .	Мая 7		въ Москвѣ	См. №
72	Дедюловскаго.	Секундъ-майоръ <i>Федоръ Сухотинъ</i> . Лейбгвардіи прапорщ. <i>Иванъ Кокошкинъ</i> .	Августа. 2			
73	Суздальскаго.	Коллежскій совѣтникъ графъ <i>Андрей Толстой</i> .	4	Въ комиссіи о образѣ сборовъ и расходовъ членомъ.		

ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЪ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ.	Гдѣ при назначеніи оныхъ должностей находились въ началѣ 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Алексинскаго	Генералъ-аншефъ, сенаторъ и кавалеръ <i>Иванъ Гльбовъ</i> . Артиллерій подполковникъ <i>Сергій Гльбовъ</i> .	-27	Въ комиссіи о размноженіи народа и проч. членомъ и въ экспедиціонной кандидатомъ.		
Можайскаго.	Тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ <i>Никита Желдубужской</i> . Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка адъютантъ <i>Дмитрій Камининъ</i> .	—	Въ комиссіи о училищахъ кандидатомъ.		
Володимірскаго.	Тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ князь <i>Петръ Трубецкой</i> .	—	Въ комиссіи о имѣніяхъ членомъ.		См. № 555.
Крапивинскаго.	Сенатскій оберъ-секретарь <i>Анисимъ Клавевъ</i> .	Сент. 7	Въ комиссіи о обязательствахъ членомъ.		

Отъ гражданства.

Городовъ:				
3 Малаго Ярославца.	Купецъ <i>Григорій Гадриловъ</i> .	Мая 3		
3 Дмитрова.	Купецъ <i>Алексій Толченовъ</i> .	4		
1 Тулы.	Купецъ <i>Иванъ Злбровъ</i> .	16		
1 Москвы.	Генералъ - аншефъ и кавалеръ князь <i>Александръ Голицынъ</i> .	21	Въ комиссіи о разборѣ родовъ членомъ.	при арміи
3 Коломны.	Купецъ <i>Иванъ Мицаниновъ</i> . Купецъ <i>Пантелей Добычинъ</i> .	30	Въ комиссіи о разборѣ наиковъ членомъ.	
3 Воротынска.	Купецъ <i>Аванасій Карасевъ</i> . Камеръ-юнкеръ <i>Алексій Ржевской</i> .	Юня 4	Въ комиссіи о полиціи членомъ.	

№ ОТКУДА ИЗ БРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явилась.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовать.	Гдѣ при копированіи оныхъ делъ оной выданы къ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧЕНІЯ.
84 Перемышля.	Куп. <i>Иванъ Химинъ</i> .	7			
85 Костромы.	Полотняной фабрики содержатель купецъ <i>Василій Стригалевъ</i> .	13			
86 Боровска.	Купецъ <i>Лука Щукинъ</i> .	15			
87 Серпухова.	Купецъ <i>Александръ Плотниковъ</i>	22			
88 Любима.	Куп. <i>Иванъ Никулнъ</i> .	25			
89 Гжатской пристани.	Купецъ <i>Федоръ Коптевъ</i> .	—			
90 Венева.	Купецъ <i>Михайла Степановъ</i> .	26	Въ комиссіи о среднемъ родѣ членомъ.		
91 Верей.	Купецъ <i>Иванъ Самойловъ</i> ; 20-го іюня 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Аванасью Глушкову</i> .	іюля 2			
92 Переславля Рязанскаго.	Духовнаго правленія канцеляристъ <i>Иванъ Протопоповъ</i> .	—		оваго города въ консисторіи	
93 Тульской оружейной слободы.	Станочной мастеръ <i>Иванъ Полинъ</i> ; 25-го сентября 1767 г. сдалъ канцеляристу <i>Акиму Крыжову</i> . Канцеляристъ <i>Акимъ Денисовъ</i> .	—			
94 Норской слободы.	Купецъ <i>Иванъ Урюмовъ</i> .	3	Въ комиссіи о разборѣ наказовъ кандидатомъ		
95 Алексина.	Купецъ <i>Тимофей Золотаревъ</i> ; 3-го августа 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Григорью Владисову</i> .	5			
96 Козельска.	Купецъ <i>Федоръ Гурьяновъ</i> .	6			
97 Кадуя.	Купецъ <i>Семенъ Некрасовъ</i> .	—			
98 Судиславля.	Купецъ <i>Григорій Бардинъ</i> .	—			
99 Ярославля.	Директоръ <i>Алексій Ярославцевъ</i> .	9	Въ комиссіи о имѣніяхъ членомъ		Въ вестн. бургскомъ издаши: 7 пецъ.

№ ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИННЫ, ИМЕНА И ФАМИЛІИ.	Когда явилось.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовать	Гдѣ при вправленіи своихъ должностей находится въ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
100	Ростова. Купецъ <i>Михайла Се-ребренниковъ.</i>	Юля 9			
101	Шуи. Купецъ <i>Дмитрій Воиновъ.</i>	—			
102	Рузы. Купецъ <i>Иванъ Смирновъ.</i>	10			
103	Можайска. Купецъ <i>Григорей Непудовъ.</i>	—			
104	Луха. Купецъ <i>Сила Мельниковъ.</i>	11			
105	Юрьева-польскаго. Купецъ <i>Михайла Овчинниковъ.</i>	—			
106	Романова, что на Волгѣ. Купецъ <i>Иванъ Юринъ;</i> 11 октября 1767 г. сдалъ купцу <i>Ивану Гордону.</i>	—			
107	Владимирской провинціи Вязниковской слободы. Купецъ <i>Петръ Москвинъ.</i>	12			
108	Зарайска. Купецъ <i>Иванъ Иконниковъ;</i> 9-го октября 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Даниль Татарикову.</i>	—			
109	Каширы. Купецъ <i>Николай Коростелевъ.</i>	—			
110	Кашина. Купецъ <i>Василей Осекинъ;</i> 18-го апрѣля 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Тимовею Погребову.</i>	—			По смерти Осекина, избранъ <i>Андрей Агакинъ</i> (П. С. З. 13.903).
111	Звенигорода. Купецъ <i>Андрей Стариченковъ.</i>	13			
112	Красивны. Съ приписью подъячей <i>Иванъ Тычкинъ.</i>	—		При своей должности.	Въ петербургскомъ изданіи: канцеляристь.
113	Одоева. Купецъ <i>Василей Зеленой.</i>	16			
114	Пригорода Нерехты. Купецъ <i>Андрей Третьяковъ.</i>	17			
115	Буя. Купецъ <i>Михайло Дружининъ;</i>	18			
116	Владимира. Бургомистръ <i>Дмитрій Докукинъ.</i>	19			
117	Углича. Духовнаго правленія канцеляристь <i>Иванъ Сухопрудскій.</i>	—	Въ духовно-гражданской членомъ.		

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИННЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явилась.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ.	Губ при исправленіи оныхъ должностей вводится въ 24 февраля 1769 г.	ПРИМЕЧАНИЯ.
118	Епифани.	Публичной нотаріусъ <i>Александръ Светушкинъ</i> .	Юля 20	Въ комиссіи о разборѣ родовъ кандидатамъ и временно въ ней присутствуетъ.		
119	Суздаля.	Купецъ <i>Матвей Бибановъ</i> .	23			
120	Мосальска.	Купецъ <i>Василей Богдамовъ</i> ; 22-го апрѣля 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Петру Клементьеву</i> .	—	Въ духовно-гражданской комиссіи кандидатамъ.		
121	Костромскаго уѣзда, посада Солибольшой.	Купецъ <i>Осипъ Сорокинъ</i> ; 27-го ноября 1767 г. сдалъ купцу <i>Михайль Коншину</i> .	24			
122	Бѣжецкаго верьха.	Канцеляристъ <i>Иванъ Лыскиховъ</i> .	25			При своей должности въ Бѣжецкѣ
123	Волоколамска.	Купецъ <i>Сергей Устиновъ</i> .	26			
124	Углицкой провинціи, посада Мологи.	Купецъ <i>Федоръ Поповъ</i> .	—			
125	Мурома.	Купецъ <i>Иванъ Лихонинъ</i> . Купецъ <i>Федоръ Лихонинъ</i> .	27			
126	Лихвина.	Купецъ <i>Илья Осиповъ</i> .	29			
127	Калуги.	Купецъ <i>Иванъ Юдинъ</i> .	30	Въ комиссіи о полиціи кандидатамъ.		
128	Мещовска.	Купецъ <i>Михайла Пашинъ</i> .	августа 2			
129	Кинешмы.	Купецъ <i>Федоръ Потаповъ</i> .	—			
130	Посада Рыбной слободы.	Купецъ <i>Алексей Поповъ</i> ; 22-го апрѣля 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Федору Барзунискому</i> .	6			

МАТЕРІАЛЫ.

ОТКУДА ИЗ-БРАНЫ	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	КОГДА ЯВИЛИСЬ.	ВЪ КОТОРЫХЪ КОМИССІЯХЪ ПРИСУТСТВУЮТЬ.	Гдѣ при изправленіи оныхъ делъ оныя выходятъ въ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
1 Михайлова.	Купецъ <i>Егоръ Батраковъ.</i>	Августа 7			
2 Переславля-Залѣскаго.	Ассессоръ <i>Александръ Урюмовъ.</i> Ассессоръ <i>Ефимъ Разнотовской.</i>	23	Въ комиссіи о общемъ правѣ кандидатомъ.		
3 Серпейска.	Купецъ <i>Родионъ Глинковъ.</i>	24			
4 Борисоглѣбской слободы	Купецъ <i>Семень Ебодимъ.</i>	октября 30			
5 Гороховца.	Купецъ <i>Иванъ Моллявинской.</i>				

ОТЪ ОДНОДВОРЦЕВЪ.

Провинцій:

3 Калужской.	<i>Федоръ Давы.</i> Коллежскій совѣтникъ <i>Николай Алфимовъ.</i>	іюня 2	Въ комиссіи о правосудіи членомъ.		
7 Тульской.	<i>Леонтей Шиловъ.</i>	6			

ОТЪ ПАХОТНЫХЪ СОЛДАТЪ.

въ провинцій:

3 Тульской.	<i>Петръ Венюковъ.</i>	іюня 4			
5 Переяславск. Рязанскаго.	<i>Семень Авдѣевъ.</i>	14			
6 Калужской отъ Застѣкскихъ сторожей.	<i>Василій Долговъ;</i> 14 декабря 1767 г. сдалъ канцеляристу <i>Андрею Лужовникову.</i>	іюля 2	Въ комиссіи о образѣ сборовъ кандидатомъ.		
Московской старыхъ служебъ отъ служилыхъ людей.	<i>Тимовой Завьяловъ.</i>	20			

Кіевской губерніи.

Города Кіева отъ жителей.	Бургомистръ <i>Іосифъ Гудымъ.</i>	іюля 9	Въ комиссіи о среднемъ родѣ кандидатомъ.		
Отъ расколническихъ слободъ.	Войсковой обыватель <i>Иванъ Шаповъ.</i>	9			

№ ОТКУДА ИЗБРАНЫ	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явилась.	Въ которыхъ комиссияхъ присутствуютъ.	Гдѣ при составленіи оной должны были находиться въ оной. изданаго въ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
------------------	------------------------	----------------	---------------------------------------	---	-------------

С.-Петербургской губерніи отъ дворянства.

<i>Уѣздовъ:</i>					
144	Копорскаго. Генераль - фельдцейхмейстеръ и кавалеръ, <i>графъ Григорій Орловъ.</i>	марта 19	Въ экспедиціонной комиссіи членомъ.		См № 488.
145	Шлиссельбургскаго. Генераль-аншефъ, сенаторъ и кавалеръ, <i>графъ Романъ Воронцовъ.</i>	—	Въ комиссіи о разборѣ наказовъ и проектовъ членомъ.		
146	Ямбургскаго. Майоръ <i>Баронъ Эдмундъ фонъ-Вульфъ.</i>	июня 18	Въ комиссіи о равномъженіи народа членомъ.		

Отъ гражданства.

<i>Городовъ:</i>					
147	С. - Петербурга. Генераль-поручикъ и кавалеръ <i>графъ Алексій Орловъ.</i> Генераль-майоръ <i>Данило Мерлинъ.</i>	апр. 18	Въ комиссіи о имѣніяхъ членомъ.		
148	Кронштата. Купецъ <i>Иванъ Рыбниковъ.</i>	июня 25	Въ комиссіи для остереженія противорѣчія членомъ.		
149	Шлиссельбургга. Купецъ <i>Матвій Блосеровъ.</i>	—			

Новгородской губерніи отъ дворянства.

<i>Уѣздовъ:</i>					
150	Новгородскаго, Вотской пятины. Генераль - инженеръ, сенаторъ и кавалеръ <i>Николай Муравьевъ</i> ; 31-го іюля 1768 г. сдалъ на время артиллеріи полковнику <i>Михайль Мордвинову.</i>	марта 21	Въ дирекціонной членомъ. Въ оной же членомъ.	Уволенъ въ чужіе края.	

№ ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ.	Гдѣ при исправленіи оныхъ коллежскихъ вѣдомствъ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
51 Онаго жь уѣзда, Деревской пятины.	Военной коллегіи прокуроръ <i>Федотъ Верининъ</i> .	Марта 29	Въ комиссіи о общемъ правѣ членомъ.		
52 Опочецкаго.	Генераль-майоръ <i>Александръ Невдомской</i> ; 5-го декабря 1767 г. сдалъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка отъ бомбардиръ капитану-поручику <i>Егору Фаминцуну</i> .	апр. 17	Въ комиссіи о рудокопаніи и коммерціи членомъ.		Въ петербург. изданіи: полковникъ.
53 Островскаго.	Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручикъ <i>Петръ Валувъ</i> .	—	Въ комиссіи о разборѣ наказовъ кандидатомъ.		
54 Ржеволодмирскаго.	Статскій совѣтникъ <i>Иванъ Игнатьевъ</i> .	30		въ Москвѣ.	
55 Бѣлозерскаго.	Отставной лейбъ-гвардіи коннаго полка ротмистръ <i>Иванъ Федотьевъ</i> .	мая 10			
56 Пусторжевскаго	Тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ <i>Иванъ Елазинъ</i> .	21	Въ экспедиціонной членомъ.		
57 Зубцовскаго.	Прокуроръ князь <i>Александръ Путятинъ</i> .	25		въ Москвѣ.	
58 Устюжскаго Желѣзо-Польскаго.	Надворный совѣтникъ <i>Левъ Ватюшковъ</i> ; 18-го августа 1767 г. сдалъ морскаго солдатскаго баталіона капитану <i>Ивану Трусову</i> .	іюня 1			При полку.
59 Старицкаго	Подполковникъ <i>Петръ Амичковъ</i> . Камеръ-юнкеръ <i>Александръ Нарышкинъ</i> .	11	Въ комиссіи о общемъ правѣ членомъ.		
60 Тверскаго.	Лейбъ-гвардіи подпоручикъ <i>Василій Неклюдовъ</i> .	21	Въ комиссіи о лицахъ членомъ.		
61 Новгородскаго, Обонежской пятины	Генераль-аншефъ и кавалеръ <i>Яковъ Мордвилловъ</i> . Бригадиръ <i>Исакъ Пустошкинъ</i> .	25			
62 Онаго жь уѣзда, Шелонской пятины.	Полковникъ <i>Иванъ Картамазовъ</i> .	—		въ Москвѣ.	

№ ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явилась.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствують.	Гдѣ при отправленіи своихъ должностей наказанъ и въ какомъ мѣсяцѣ 1769 г.	ПРИМѢЧЕНІЯ.
163 Оная жь уѣзда, Бѣжецкой пятины.	Отставной лейбъ-гвардіи секундъ-майоръ <i>Иванъ Высленевъ</i> .	Іюня 25	Въ комиссіи о правосудіи кандидатомъ.		
164 Новоторжскаго.	Стат. совѣт. <i>Петръ Лавашевъ</i> ; 8-го декабря 1768 г. сдалъ на время лейбъ-гвардіи секретарю <i>Петру Неклюдову</i> .	—	Присутствуетъ на время въ комиссіи о личномъ правѣ.		
165 Великолуцкаго.	Подполковникъ <i>Иванъ Раздеришинъ</i> ; 12-го мая 1768 г. сдалъ на время ассессору <i>Михайль Филисову</i> .	іюля 13	Въ комиссіи о разборѣ наказовъ членомъ.		
166 Псковскаго.	Генераль-майоръ и кавалеръ <i>Евдокимъ Щербининъ</i> .	сентября 7		Въ Слоб. Украинск. губер.	
167 Торонецкаго и Холмскаго.	Флота генераль-интендантъ <i>Иванъ Голенищевъ-Кутузовъ</i> .	19	Въ комиссіи о размноженіи народа и пр. членомъ.		

Отъ гражданства.

Городовъ:

168 Погорьлаго Городища.	Бургомистръ <i>Алексей Голениевъ</i> .	апрѣля 18.			
169 Новой Ладоги.	Купецъ <i>Иванъ Кобацкой</i> .	мая 31			
170 Бѣлозера.	Провинціальный президентъ <i>Дмитрій Шолениновъ</i> .	іюня 13			
171 Старой Русы.	Купецъ <i>Федоръ Суссельниковъ</i> .	—			
172 Опочекъ.	Купецъ <i>Аванасій Борзовъ</i> ; 20-го іюня 1768 г. сдалъ на время морскаго 4-го бата іюна поручику <i>Егору Борзову</i> .	14		При своей должности.	

№ ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ.	Гдѣ при отправленіи оныхъ должностей находится въ 24 февраля 1768 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
173 Порхова.	Купецъ <i>Сава Аванасьевъ</i> .	Юня 20			30-го іюля 1774 г. новгородская губернская канцелярія донесла комиссіи, что ею определено: «о порокахъ Аванасьева для поступленія съ нимъ по законамъ, и объ отставкѣ его изъ депутатовъ, куда надлежитъ, представить.» (П. З. 15. 903. С.
174 Зубцова.	Купецъ <i>Гасрила Некрасовъ</i> .	іюля 2			
175 Старицы.	Купецъ <i>Василей Золотарской</i> .	—			
176 Тихояна.	Купецъ <i>Самойла Солодовниковъ</i> .	9			
177 Торжка.	Купецъ <i>Андрей Елизаровъ</i> .	11			
178 Великихъ Лукъ.	Купецъ <i>Яковъ Ломакинъ</i> ; 18-го августа 1768 г. сдалъ на время отставному подпоручику <i>Александру Полонскому</i>	13			
179 Торопца.	Купецъ <i>Федоръ Гундоровъ</i> .	16			
180 Пскова.	Купецъ <i>Семенъ Трубинской</i> ; 22-го апрѣля 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Петру Трубинскому</i> .	—			
181 Ржевы-Володимеровой.	Купецъ <i>Дмитрей Филатовъ</i> .	—			
182 Каргополя.	Купецъ <i>Иванъ Блюсовъ</i> . Купецъ <i>Иванъ Марковъ</i> .	—	Въ комиссіи о рудопаніи и коммерціи членомъ.		
183 Твери.	Купецъ <i>Михайла Васильевъ</i> .	30	Въ комиссіи о полиціи членомъ.		

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЪ, ИМЕНА И ФАМИЛІИ.	Когда явилось.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ.	Гдѣ при истребленіи оныхъ доложено оныхъ накомитовъ къ 24 сентября 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
184	Осташкова.	Купецъ <i>Козьма Рязвои</i> .	Августа 14			
185	Устюжны-Желтопольской.	Купецъ <i>Иванъ Серебряковъ</i> ; 3-го сентября 1767 г. сдалъ купцу <i>Ивану Красильникову</i> .	27			
186	Олонца.	Куп. <i>Феофантъ Поповъ</i> .		Присутствуетъ на время въ комиссіи о городахъ.		
187	Новгорода.	Дѣйствительной статскій совѣт. <i>Александръ Дебресанъ</i> .		Въ комиссіи о размноженіи народа кандидатомъ.		
188	Тверской провинціи отъ пахотныхъ солдатъ и стар. служебъ служил. людей.	<i>Пахомъ Бѣлевъ</i> ,	28			
189	Псковск. провинціи отъ наслѣдниковъ Псковскихъ и Себенѣжск. Сибенѣжск. и Красногород. солдатъ.	Коллежскій регистраторъ <i>Аванасій Третьяковъ</i> ; 25 октября 1767 г. сдалъ грузинскаго гусарскаго полка аудиторю <i>Михайлъ Никифорову</i> .	іюня 26		При арміи.	

Отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ.

Уездовъ:					
190	Олонцакаго.	Крестьянинъ <i>Савастіанъ Воифантьевъ</i> .	іюля 3		
191	Каргопольск.	Крестьянинъ <i>Василей Бѣлкинъ</i> ; 24-го августа 1767 г. сдалъ академіи художествъ отставному рѣщику <i>Федору Титову</i> .	16		

ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явилось.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутвуютъ.	Гдѣ при отправленіи бумагъ доложено находиться въ 24 февраля 1768 г.	ПРИМѢЧАНІА.
-----------------	------------------------	----------------	-------------------------------------	--	-------------

Казанской губерніи отъ дворянства.

<i>Уѣздовъ:</i>					
92 Саранскаго.	Коллежской совѣтникъ <i>Захаръ Евлашевъ.</i>	апрѣля 2.		Въ Москвѣ.	
93 Симбирскаго.	Прокуроръ <i>Павелъ Обуховъ.</i>	іюля 2	Въ комиссіи коммерціи и рудопромышленности.		
94 Пензенскаго.	Коллежской совѣтникъ <i>Аванасей Зубовъ.</i>	9		Въ Саратовѣ.	
95 Казанскаго.	Губернскій прокуроръ <i>Петръ Есиповъ.</i>	18		Въ Казани.	
96 Свияжскаго.	Секретарь <i>Федоръ Горемыкинъ.</i>			Въ Свияжск. провинціи	

Отъ гражданства.

<i>Городовъ:</i>					
97 Самары.	Купецъ <i>Данила Рукавникъ</i> ; 18 іюня 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Якову Ситовскому.</i>	іюня 12			Въ 1772 г., января 21, сенатъ сообщилъ комиссіи о включеніи Рукавника изъ числа депутатовъ, по причинѣ накопившейся на немъ недоимки (П. С. С. 15.903).
98 Пензы.	Купецъ <i>Степанъ Любавцовъ</i> ; 18 августа 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Ивану Ерюгинскому.</i>	іюля 2			
99 Василя.	Куп. <i>Максимъ Тельновъ</i> ; 4 августа 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Андрею Мъхову.</i>	16			

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИННЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явилась.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ.	Гдѣ при составленіи оныхъ дознанъ былъ походка въ 22 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
200	Кузьмодемьянска.	Купецъ <i>Аванасей Замятинъ</i> ; 28 июля 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Ефрему Пчелину</i> .	16			
201	Слободскаго.	Куп. <i>Леонтей Песьяковъ</i> ; 6 ноября 1767 г. сдалъ купцу <i>Петру Морли(к)ину</i> .	27			
202	Цивильска.	Купецъ <i>Федоръ Полстоваловъ</i> ; 17-го апрѣля 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Ивану Полстовалову</i> .	августа 4.			
203	Казани.	Купецъ <i>Иванъ Кобелевъ</i> ; 11 апрѣля 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Якову Рьдозубову</i> .	7			
204	Кунгура.	Купецъ <i>Егоръ Южневъ</i> ; 22 ноября 1767 г. сдалъ московск. купцу <i>Ивану Попову</i> .	—			
205	Соликамска.	Купецъ <i>Иванъ Евдокимовъ</i> .	18			
206	Симбирска.	Купецъ <i>Аванасій Ларионовъ</i> .	14			
207	Яранска.	Купецъ <i>Иванъ Антоновъ</i> .	23			
208	Свияжска.	Коллежскій регистраторъ <i>Петръ Аванасьевъ</i> .	27			
209	Хлынова.	Купецъ <i>Петръ Злыгостевъ</i> ; 4 декабря 1767 г. сдалъ яранской воеводской канцеляріи съ приписью подъячому <i>Петру Корякину</i> .	сентября 5.	Въ комиссіи о обязательствахъ членомъ.		
210	Чебоксара.	Купецъ <i>Евдокимъ Ядрищевъ</i> .	—			
211	Сызрана.	Купецъ <i>Петръ Поповъ</i> . Купецъ <i>Иосафъ Поповъ</i> .	11			
212	Саранска.	Купецъ <i>Иванъ Котельниковъ</i> ; 2 июня 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Ивану Сакину</i> .	19			

№	ОТКУДА ИЗ- БРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИ- ЛИИ.	Когда яви- лись.	Въ которыхъ комmissiяхъ присутству- ють.	Гдѣ при управле- ніи своихъ должнос- тей находился въ свои времена 1793 г.	ПРИМѢЧА- НІЯ.
---	----------------------	-----------------------------	---------------------	---	---	------------------

Отъ однопорцевъ.

<i>Провинцій:</i>					
213 Свияжской.	<i>Ефимъ Никитинъ.</i>	юля	11		
214 Пензенской.	<i>Иванъ Песлуковъ.</i>		12		
215 Казанской.	<i>Василій Кипиленко.</i>		23		
216 Симбирской.	<i>Иванъ Ребровской.</i>	авгу-	ста 7		
217 Города Свияжска отъ содержащихъ ландмилицію немѣющ. пашенныхъ земель.	<i>Григорій Шевелевъ.</i>				

Отъ пахотныхъ солдатъ и старыхъ служебъ.

<i>Провинцій:</i>					
218 Пензенской.	<i>Егоръ Селивановъ.</i>	юля	12		
219 Казанской.	<i>Авдасей Тамбовцовъ.</i>		25		Въ сенатскомъ указѣ, отъ 5 января 1784 г., депутатомъ отъ пахотныхъ солдатъ Казанской провинціи названъ Авдасей Якимовъ (П. С. З. 15 903).
220 Симбирской.	<i>Ефимъ Петурахинъ.</i>	авгу-	ста 7		
221 Вятской.	<i>Никита Буторинъ. Иванъ Деминъ.</i>	юля	27		См. № 233. Въ одномъ изъ списковъ имя не на мѣстѣ.

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явилась.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовали.	Гдѣ при назначеніи оныхъ состояли напередъ и до 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
---	-----------------	------------------------	----------------	--	--	-------------

ОТЪ РАЗНЫХЪ ИНОВѢРЦОВЪ.

Провинцій:						
222	Пермской отъ Татаръ.	Татаринъ мурза <i>Аюкъ Еникеевъ.</i>	іюня 21			
223	Кунгурскаго уѣзда, отъ Черемисовъ.	Черемисинъ <i>Телекъ Делисовъ.</i>	іюля 2			Выбрали опекуновъ.
224	Пермской отъ Татаръ.	Татаринъ <i>Колмакъ Иштерляковъ.</i>	—			
225	Казанской отъ Вотяковъ.	Вотякъ <i>Бекчектай Байтугановъ.</i>	23			
226	Казанской отъ ясашныхъ Татаръ.	Татаринъ <i>Абрешитъ Сеитовъ.</i>	25			
227	Вятской отъ приписныхъ къ адмиралтействъ Татаръ.	Татаринъ <i>Ярмакъ Араслановъ.</i>	—			
228	Казанской отъ некрещеныхъ Чувашъ.	Чувашенинъ <i>Алюкъ Ишглимъ.</i>	—			
229	Свияжской отъ ясашныхъ Татаръ.	Татаринъ <i>Ярмакъ Давыдовъ.</i>	27			
230	Оной же провинціи отъ приписныхъ къ адмиралтейству служимыхъ Татаръ.	Татаринъ <i>Мустафа Юсуповъ.</i>	—			
231	Оной же провинціи отъ ясашныхъ Черемисовъ.	Черемисинъ <i>Чемекей Ишпаевъ.</i>	августа 3			
232	Сибирской отъ служивыхъ Татаръ.	<i>Бахтій Мурза князь Идербетовъ.</i>	7			Въ сенатскомъ указѣ отъ 5 января 1784 г. депутатомъ отъ служивыхъ ясашныхъ Татаръ Сибирской провинціи названъ <i>Бугаретимъ</i> (П. С. 3 15.903).

№ ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИННЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ.	Гдѣ при исправленіи оныхъ должностей выданы взысканія 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
233 Казанской, Старой и Новой слободъ отъ служилыхъ мурзъ и Татаръ.	Татаринъ <i>Самтъ Халфинъ</i> .	Августа 7	Въ комиссіи о рудопромышленности и коммерціи кандидатомъ.		
234 Казанскаго уѣзда Нагайской, Зюрейской, Арской, Алацкой и Галицкой дорогъ отъ приписныхъ къ адмиралтейству служилыхъ Татаръ.	Татаринъ <i>Рахманкула Алкинъ Бакей Абитовъ</i> .	—			Сенатъ увѣдомилъ комиссію о смерти Алкина, 24 декабря 1775 г. (П. С. З. 15.903).

ОТЪ НОВОКРЕЩЕННЫХЪ И ЯСАШНЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Провинціи:					
235 Пензенской.	<i>Федоръ Саравъ</i> .	іюня 12			
236 Свияжской изъ Чувашъ.	<i>Екимъ Ишуть</i> .	іюля 11		Выбралъ опекуна.	
237 Оной же провинціи отъ ясашныхъ.	Василій Андреевъ; 16 ноября 1767 г. сдалъ оной же провинціи патхотному солдату <i>Сергію Новикову</i> .			Выбрали опекуновъ.	
238 Казанской изъ Вотяковъ.	<i>Борисъ Ивановъ</i> .	23			
239 Казанской изъ Мордвы.	<i>Василей Семеновъ</i> .	25			
240 Казанской изъ Чувашъ.	<i>Иванъ Якушка</i> .	—			
					Въ сенатскомъ указѣ, отъ 5 января 1784 г., названъ Ивановъ Яргункой; въ 1771 г. найденъ въ рѣкѣ убитымъ (П. С. З. 15.903).

№	ОТКУДА ИЗВРАНЫ.	ЧИННЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	КОГДА ЯВИЛИСЬ.	ВЪ КОТОРЫХЪ КОМПИСІЯХЪ ПРИСУТСТВУЮТЬ.	Гдѣ при исправленіи счетовъ доложено оной издателя къ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
241	Казанской отъ ясашвыхъ.	<i>Иванъ Ковалевъ. — Иванъ Барцецовъ.</i>	Іюля 25		Выбрали опекун.	
242	Казанской изъ Черемисовъ.	<i>Петръ Ивановъ.</i>	августа 3.			
243	Казанской изъ Татаръ отъ старокрещеныхъ.	<i>Иванъ Алексеевъ.</i>	—			
244	Вятской изъ Вотяковъ.	<i>Прохоръ Тронинъ.</i>	—			
245	Пензенской отъ ясашныхъ.	<i>Александръ Александровъ.</i>	27			
246	Синбирской отъ ясашныхъ.	<i>Тимовой Зотовъ. Канцеляристъ Иванъ Пашутинъ.</i>	7			
247	Синбирской отъ новокрещенъ и Чувашь.	<i>Трофимъ Васильевъ.</i>	—			
248	Синбирской изъ Мордвы отъ новокрещенъ.	<i>Федоръ Алексеевъ; 21 сентября 1767 г. сдалъ Трифону Алексееву.</i>	—			

Отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ.

Провинцій:

249	Пермской отъ приписныхъ къ заводамъ.	<i>Федоръ Полежаевъ.</i>	іюля 3		
250	Казанской отъ приписныхъ къ казеннымъ мѣднымъ заводамъ.	<i>Прокофій Андреевъ.</i>	23		
251	Оной же провинціи отъ приписныхъ къ казеннымъ желѣзнымъ заводамъ.	<i>Степанъ Кандакинъ.</i>	—		
252	Отъ приписныхъ къ Демидовымъ заводамъ.	<i>Козма Якушинъ.</i>	—		

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	КОГДА ЯВИЛИСЬ.	ВЪ КОТОРЫХЪ КОМИССІЯХЪ ПРИСУТСТВУЮТЬ.	Гдѣ при исправленіи оныхъ должно быть выдана и 24 февраля 1768 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
253	Вятской отъ черносошныхъ и старыхъ служебъ.	<i>Иванъ Деминъ. Никита Буторинъ.</i>	Іюля 23			См. № 221.

Астраханской губерніи :

Городовъ:				
254	Астрахани отъ жителей, служивыхъ мурзъ и табунныхъ головъ.	<i>Би мурза князь Урусовъ.</i>	іюля 11	Выбралъ опекуна.

Отъ гражданства.

255	Кизляра отъ Армянъ, также и отъ отставныхъ драгунъ армянскаго и грузинскаго эскадроновъ.	Армянинъ <i>Марковъ Ростомовъ.</i>	мая 11		Тожь
256	Кизляра отъ Татаръ.	Татаринъ <i>Сахандикъ Базневъ.</i>	—		Тожь
257	Чернаго Яра.	Купецъ <i>Семень Серезниковъ</i> ; 4-го августа 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Алексю Ротикову.</i>	12		
258	Астрахани.	Купецъ <i>Петръ Самарской.</i>	—	Въ городской комиссіи членомъ.	Въ петербургскомъ изданіи: ратманъ.
259	Краснаго Яра.	Бургомистръ <i>Илья Займицковъ</i> ; 28-го іюля 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Ивану Свирюжку.</i>	30		
260	Дмитріевска, что на Камышевкѣ.	Бургомистръ <i>Егоръ Горбуновъ.</i>	—	Въ комиссіи обществъ правъ кандидатомъ.	

№	ОТКУДА ИЗБРАННЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	КОГДА ЯВИЛИСЬ.	ВЪ КОТОРЫХЪ КОМИССІЯХЪ ПРИСУТСТВУЮТЬ.	Гдѣ при исправленіи оныхъ должностей находится съ 24 февраля 1768 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
261	Астрахани отъ Армянъ и Католиковъ.	Купецъ <i>Мартынъ Макаровъ</i> .	юня 4			
262	Царицына.	Бургомистръ <i>Аванасей Оловянишниковъ</i> ; 23 юня 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Петру Хльбникову</i> .	11			
263	Саратова.	Купецъ <i>Иванъ Портковъ</i> .	13			
264	Астрахани отъ Татаръ Бухарскаго, Гилянскаго и Агрыжанскаго дворовъ.	Татаринъ <i>Абдулла Абдулжалыловъ</i> .	21			
265	Города Астрахани, Казанской слободы отъ Татаръ.	Татаринъ <i>Сулейманъ Телмеевъ</i> .	декабря 3			Выбрали опекуновъ.

ОТЪ КАЗАЦКИХЪ ВОЙСКЪ:

266	Астраханскаго казацкаго полку.	Сотникъ <i>Василей Горской</i> .	мая 2	Въ комиссіи о почтахъ кандидатомъ.		
267	Кизлярской крѣпости отъ Терскаго войска.	Ротмистръ <i>Василій Черкесовъ</i> .	11			
268	Отъ Гребенскаго войска.	Козакъ <i>Козма Біалкинъ</i> .	—			
269	Отъ Гребенскаго жь войска.	Козакъ <i>Лаврентій Андреевъ</i> .	—			
270	Отъ Терскаго семейнаго войска.	Семейный войсковой атаманъ <i>Павелъ Татаринцовъ</i> .	—			
271	— — —	Козакъ <i>Никита Мироновъ</i> .	—			
272	Отъ Вольскаго войска.	Походный атаманъ <i>Осипъ Тереккой</i> .	14			
273	— — —	Походный атаманъ <i>Андрей Дьяченковъ</i> .	—			
274	— — —	Походный атаманъ <i>Василій Винеровской</i> .	—			

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовали.	Гдѣ при исправленіи оныхъ доложены оныя заходы и отъ февраля 1789 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
75	Города Саратова отъ пахотныхъ солдатъ.	Походный атаманъ <i>Михайла Моченцовъ.</i>	іюля 27			
76	Онаго жъ города отъ казакъ.	Казакъ <i>Максимъ Курдюцовъ.</i>	—			
77	Отъ черносошныхъ крестьянъ.	Крестьянинъ <i>Матвей Смирновъ.</i>	—			

Сибирской губерніи отъ гражданства.

Городовъ:						
78	Тары.	Купецъ <i>Аванасей Бекішевъ.</i>	іюля 24			
79	Томска.	Купецъ <i>Степанъ Оомиръ.</i>	—			
80	Екатеринбурга.	Купецъ <i>Иванъ Дубровинъ</i> ; 21-го мая 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Дементію Тихонову.</i>	—			7 февраля 1778 г. сенатъ уведомилъ комиссію о смерти <i>Дубровина</i> . (П. С. З. 15.903).
81	Туринска.	Купецъ <i>Иванъ Коряковъ</i> ; 13-го іюня 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Гавриилъ Иванову.</i>	—			
82	Тюмени.	Купецъ <i>Петръ Серебряниковъ</i> ; 8-го октября 1767 г. сдалъ купцу <i>Осипу Буренину.</i>	—			
83	Верхотурья.	Купецъ <i>Андрей Глазуновъ.</i>	—			По смерти <i>Глазунова</i> избранъ городской голова <i>Петръ Ентальцовъ</i> (П. С. З. 15.903).
84	Посада, именуемаго Барнаульскаго завода.	Купецъ <i>Иванъ Карышевъ.</i>	—			
85	Красноярска.	Купецъ <i>Иванъ Ерлыковъ.</i>	—			
86.	Енисейска.	Купецъ <i>Степанъ Самойловъ.</i>	27	Въ комиссіи о городахъ членомъ.		
87	Тобольска.	Купецъ <i>Яковъ Медвѣдевъ</i> ; 23-го іюня 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Захару Гуттуеву.</i>	августа 20			

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ.	Гдѣ при изрѣчаніи оныхъ, болѣе или менѣе, состояли въ теченіи 1769 г.	Примѣч. нія.
---	-----------------	------------------------	----------------	---------------------------------------	---	--------------

Отъ казацкихъ войскъ:

288	Кузнецкой и Кольванской линій, отъ крѣпостныхъ старшинъ и козаковъ.	Сотникъ <i>Федоръ Мартыновъ.</i>	августа 7			
289	Четырехъ линій (Иртышской, Новотарской, Ишимской и Тобольской).	Атаманъ <i>Федоръ Анцыферовъ.</i>	—			

Отъ иновѣрцовъ:

290	Отъ служилыхъ ясащныхъ Татаръ.	Бухарець <i>Исхельминъ Хансвитовъ.</i>	іюля 27			
291	Отъ Бухарцовъ.	<i>Абдулафаръ Абраимовъ;</i> 9-го октября 1767 г. умеръ. <i>Иса Абдрахмановъ.</i>	—			
292	Отъ ясащныхъ новокрепцень.	<i>Князецъ Гаврило Кулчегаловъ. Гаврило Улчегачевъ.</i>	—			Выбралъ опекуна.

Отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ:

Провинцій:						
293	Тобольской.	<i>Аванасей Бархатовъ.</i>	іюля 27			
294	Енисейской.	<i>Петръ Бяковъ.</i>	—			
295	Отъ приписанныхъ къ заводамъ Екатеринбургскаго вѣдомства.	<i>Федоръ Ермаковъ. Аванасей Потокинъ.</i>	— 9			

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	КОГДА ЯВИЛИСЬ.	ВЪ КОТОРЫХЪ КОМИССІЯХЪ ПРИСУТСТВУЮТЪ.	Годъ при управленіи сполкъ. Деленіе оубъ наслѣдствъ. 24 февраля 1768 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
---	-----------------	------------------------	----------------	---------------------------------------	---	-------------

Иркутской губерніи отъ гражданства.

Городовъ:

296	Иркутска.	Купецъ <i>Алексѣй</i> меншей <i>Сибиряковъ</i> .	сент. 13.	Въ комиссіи о почтахъ и гостиницахъ членомъ.		
297	Кяхтинскаго форпоста.	Купецъ <i>Антонъ</i> <i>Овсякинъ</i> .	октябръ 11	Въ комиссіи о почтахъ кандидатомъ.		
298	Якутска.	Прапорщикъ <i>Алексѣй</i> <i>Даниловъ</i> .		Въ комиссіи о почтахъ кандидатомъ.		
299	Нерчинска.	<i>Князь</i> <i>Павелъ</i> <i>Гантимуровъ</i> .				
300	Селенгинска отъ жителей.	Купецъ <i>Иванъ</i> <i>Фридрихъ</i> .		Въ комиссіи о рудопромышленности и коммерціи членомъ.		
301	Нерчинска отъ живущихъ Хоринскихъ родовъ Братскихъ.	<i>Ерещей</i> <i>Аюшинъ</i> .				
302	Селенгинска отъ Братскихъ.	<i>Лама</i> <i>Бандедъ</i> <i>Комбо</i> ; 3-го ноября 1768 г. сдалъ толмачу <i>Намжалу</i> <i>Дармоннаеву</i> .				
303	Иркутской провинціи отъ государственныхъ крестьянъ.	Купецъ <i>Андрей</i> <i>Александръ</i> .				
304	Якутскаго вѣдомства отъ пяти подгородныхъ кочевныхъ якутскихъ улусовъ.	<i>Князецъ</i> <i>Сафронъ</i> <i>Сырановъ</i> .				

№	ОТКУДА ИЗ-БРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явилась.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовать.	ПРИМѢЧАНІЯ.
---	------------------	------------------------	----------------	--	-------------

Смоленской губерніи отъ дворянства.

<i>Уѣздовъ:</i>					
305 Бѣльскаго.	Смоленской шляхты Полковникъ <i>Богданъ Потемкинъ</i> ; 25-го сентября 1768 г. сдалъ на время оберъ-аудитору <i>Герасиму Асорину</i>	марта 30	Въ духовно-гражданской комиссіи кандидатомъ.		
306 Смоленскаго.	Надворный Совѣтникъ <i>Петръ Гурко-Рамейко</i> .	—		При своей должности въ Смоленской губ.	
307 Рославльскаго.	Отставной поручикъ <i>Антонъ Шыковской</i> ; 23 іюня 1768 сдалъ на время лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подпоручику <i>Федору Шыковскому</i>	апрѣля 16	Въ комиссіи о почтахъ кандидатомъ.		
308 Дорогобужскаго.	Смоленской шляхты Полковникъ <i>Илья Радванской</i> .	мая 18	Въ комиссіи о раздѣленіи родовъ государственныхъ жителей членомъ.		
309 Вяземскаго.	Лейбъ-гвардіи капитанъ <i>графъ Иванъ Орловъ</i> .	іюня 18	Въ дирекціонной членомъ.		

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явилось.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовать.	Гдѣ при исправленіи своихъ делъ или когда въ 24 февраля 1768 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
---	-----------------	------------------------	----------------	--	---	-------------

Отъ гражданства.

Городовъ:

310 Смоленска.	Первостатейный мѣщанинъ <i>Иванъ Пискаревъ.</i>	марта 29	Въ комиссіи о разборѣ наказовъ и проектовъ членомъ.		
311 Бѣлой.	Купецъ <i>Федоръ Зеленой.</i>	30			
312 Рославля.	Купецъ <i>Григорей Швердинъ.</i>	—			
313 Вязьмы.	Купецъ <i>Федоръ Юдичевъ</i> ; 17-го марта 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Антону Кукину.</i>	—		Присутствуетъ на время въ комиссіи о разборѣ наказовъ членомъ.	
314 Дорогобужа.	Бургомістръ <i>Петръ Кладухинъ.</i>	—		При своей должности въ городѣ Вязьмѣ.	
315 Отъ однодворцовъ.	Однодворецъ <i>Антонъ Жогаловъ.</i>	—			

Эстляндской губерніи отъ дворянства:

Крейсовъ:

316 Ярвскаго.	Майоръ баронъ <i>Филиппъ фонъ-Залца.</i>	іюля 12	Въ комиссіи о лицахъ членомъ.		
317 Вискскаго.	<i>Лудвигъ баронъ фонъ-Уиернъ-Штернбергъ.</i>	—	Въ комиссіи о обязательствахъ членомъ.		
318 Варскаго.	Генералъ-поручикъ и кавалеръ <i>Дидрихъ фонъ-Ренненкамфъ.</i>	—		При арміи	

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовать.	Гдѣ при коралле-инъ оловъ, коллоидъ, находило къ 24 февраля 1768 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
319	Гарскаго.	Дѣйствительной камергеръ и кавалеръ <i>Рейнгольдъ-Вильгельмъ фонъ-Полманъ.</i>	Августа 21	Въ комиссіи о рудопаніи членомъ.		

Отъ гражданства:

Городовъ:					
320	Нарвы.	Ратсгеръ <i>Лоренсъ Штралборнъ.</i>	іюня 13	Въ городской комиссіи членомъ.	
321	Ревеля.	Синдикъ <i>Адріанъ Генрихъ Фрейзе.</i>	іюля 26	Въ комиссіи о имѣніяхъ бандидатомъ.	

Лифляндской губерніи отъ дворянства:

Дистриктовъ:					
322	Эзельскаго.	Ландратъ <i>Германъ Густавъ фонъ-Веймарнъ.</i>	іюля 20	Въ комиссіи о образѣ сборовъ кандидатомъ	
323	Эстницкаго.	Генералъ-фельдцейхмейстеръ и кавалеръ <i>Александръ Вилбоа.</i> — Ассессоръ <i>Герардъ Фридрихъ Левенгольдъ.</i>	27	Въ комиссіи о общемъ правѣ членомъ.	Баронъ (С.-Петербургскія Вѣдомости 1768 г. № 47).
324	Летскаго.	Ландратъ баронъ <i>Іоаннъ Адольфъ фонъ Унтерн-Штернбергъ.</i>	—	Въ комиссіи о раздѣленіи родовъ членомъ.	
325	Лифляндскаго земства четьрехъ крейзовъ.	Майоръ <i>Герардъ Вильгельмъ фонъ-Блуменъ.</i>	октябрю 17		

№	ОТКУДА ИЗ- БРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИ- ЛИ.	Когда яви- лись.	Въ которыхъ коммиссіяхъ присутству- ютъ.	Гдѣ при исправ- леніи своихъ долговъ оной находится къ 24 февраля 1768 г.	ПРИМѢЧА- НІЯ.
---	----------------------	----------------------------	---------------------	---	--	------------------

Отъ гражданства.

<i>Городовъ:</i>						
226	Ряги.	Ратсгеръ <i>Іоанъ Хри- стофоръ Шварцъ.</i>	іюля 13	Въ юстиц- кой комис- сіи членомъ.		
327	Дерпта.	Синдикъ <i>Фридрихъ Гадебушъ</i> ; 6-го ноября 1767 г. сдалъ профессору <i>Якову Урзинусу.</i>	авгу- ста 5	Въ комис- сіи о имѣ- ніяхъ чле- номъ. Въ комис- сіи о учили- щахъ чле- номъ.		
328	Пернова.	Мѣщанинъ <i>Іоанъ Фридрихъ Ганфъ.</i>	8	Въ комис- сіи о учили- щахъ канди- датомъ.		
329	Вендена.	Ратсгеръ <i>Валтеръ Эрнстъ Гассинъ.</i>	17			

Выборгской губерніи отъ дворянства:

330	Выборгскаго уѣзда.	Генераль - поручикъ и кавалеръ <i>графъ Иванъ Чернышевъ</i> ; 28-го сеп- тября 1767 г. сдалъ стат- скому совѣтнику <i>графу Ивану Головкину.</i>	іюня 18	Въ комис- сіи о общемъ правѣ чле- номъ.		
-----	-----------------------	---	------------	--	--	--

Отъ гражданства:

<i>Городовъ.</i>						
331	Выборга.	Губернской секретарь <i>Карлъ Торкель.</i>	іюня 18		При своей долж- ности.	Въ петерб. изданіи: пол- лежскій сек- ретарь.
332	Сердоболя.	Мѣщанинъ <i>Гекрихъ Рихтеръ.</i>	—			
333	Фридрихсгама	Ассессоръ <i>Антонъ Вулфертъ.</i> Купецъ <i>Ан- тонъ Намъ.</i>	—	Въ комис- сіи о горо- дахъ канди- датомъ.		
334	Керсгольма.	Мѣщанинъ <i>Гекрихъ Алломиъ.</i>	—			

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	КОГДА ЯВИЛИСЬ.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
---	-----------------	------------------------	----------------	---------------------------------------	-------------

Гдѣ при исправленіи своихъ должностей находились 24 февраля 1769 г.

Отъ государственныхъ крестьянъ:

335	Кюменегорской провинціи Валкялскаго кирхшпиля.	<i>Эрикс Коперинъ.</i>	іюля 27		
336	Кегсгольмск. провинціи кирхшпиля Кроноборгскаго.	<i>Петръ Ланниковъ.</i>	—		
337	Суйстамскаго.	<i>Ермолай Федоровъ.</i>	—		
338	Выборгской провинціи (Бълозерскаго) Березоостровскаго кирхшпиля.	<i>Павелъ Куре(ми)нъ.</i>	—		

Нижегородской губерніи отъ дворянства:

Ульдовъ:

339	Нижегородскаго.	Отставной прокуроръ <i>Федоръ Радилловъ</i> ; 11-го декабря. 1767 г. сдалъ секундъ-майору (Федору) <i>Василью Радилову</i> .	мая 11		
340	Арзамасскаго.	Подполковникъ <i>Михайла Жуковъ</i> .	іюня 30		Увѣренныхъ казенныхъ заводовъ.
341	Алаторскаго.	Подполковникъ князь <i>Иванъ Бабичевъ</i> ; 1-го мая 1768 г. сдалъ на время брату своему князю <i>Григорью абичеву</i> .	августа 3	Въ комиссіи о разборѣ родовъ кандидатомъ и временно присутствуетъ въ комиссіи о почтахъ и го-стинницахъ.	

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовали.	Гдѣ при вступленіи словесъ должностной власти въ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
342	Курмышскаго	Полковой квартирмейстеръ <i>Алексій Алфи-мовъ.</i>	августа 17			При арміи

Отъ гражданства.

Городовъ:

343	Юрьевца Повольскаго.	Купецъ <i>Петръ Неустровъ.</i>	апрѣля 19			
344	Балахны.	Купецъ <i>Сидоръ Щепильниковъ.</i>	іюня 26			
345	Нижняго Новгорода.	Купецъ <i>Григорей Бедаревъ</i> ; 5-го октября 1767 г. сдалъ купцу <i>Тимовею Макарову.</i>	іюля 11			По смерти Макарова, избранъ нижегородскій купецъ <i>Василій Брызгаловъ.</i> (И. С. З. 15 903).
346	Арзамаса.	Купецъ <i>Борисъ Корниловъ.</i>	16			
347	Алаторя.	Купецъ <i>Филиппъ Володимировъ.</i> Купецъ <i>Филатъ Володимировъ.</i>	24			
348	Курмыша.	Купецъ <i>Иванъ Малютинъ.</i>	августа 13			
349	Ядрива.	Купецъ <i>Андрей Овчинниковъ.</i>	14			
350	Алаторской провинціи отъ иновѣрцовъ вѣдомства Казанской Адмиралтейской конторы.	<i>Мурза Якубъ Мантушевъ.</i>	іюля 16			
351	Алаторской провинціи изъ Чувашъ отъ новокрещенъ.	<i>Василій Семеновъ.</i>	августа 14			Выбрагъ опекуна.

№	ОТКУДА ИЗ-БРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствують.	Гдѣ при неправлѣніи войскъ коллежскій секретарь въ отъѣздѣ отъ 24 февраля 1768 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
---	------------------	------------------------	----------------	---------------------------------------	---	-------------

ОТЪ ПАХОТНЫХЪ СОЛДАТЪ:

Провинцій:					
352	Нижегородской.	<i>Иванъ Жеребцовъ.</i>	іюля 16	Въ комиссіи о размноженіи народа кандидатомъ.	
353	Алаторской.	<i>Дмитрій Старцовъ.</i>	24		
354	Оной же провинціи отъ чернососновыхъ крестьянъ.	<i>Крестьянинъ Андрей Блаженной; 14-го декабря сдалъ главнаго комиссаріата писарю Василию Голенбавскому.</i>	31		

Малороссійской губерніи отъ шляхетства:

355	Повѣту Глуховскаго, полковъ Черниговскаго и Прилуцкаго города Глухова отъ жителей, изъ коихъ три послѣдніа сдалъ другимъ.	Генеральной войсковой эсаулъ <i>Иванъ Скоропадской; 7-го іюня 1768. г. сдалъ на время коллегіи иностранныхъ дѣлъ переводчику Павлу Римши.</i>	іюля 31			См. №№ 364 365 и 375.
356	Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ отъ шляхетства.	Земской судья <i>Лаврентій Селецкой; 25-го сентября 1767 г. сдалъ ротмистру Гаврилу Божичу.</i>	августа 10			При арміи
357	Полку Переяславскаго.	Полковникъ <i>Захарій Забела; 7-го іюня 1768 г. сдалъ на время полковому хорунжему Григорью Моцоку.</i>	10			
358	Мѣстечекъ Кременчука и Власовки отъ шляхетства, козаковъ и посполитыхъ.	Значковый товарищъ <i>Павелъ Денисовъ.</i>				

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явилось.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ.	Гдѣ при исправленіи оныхъ делъ состоялъ въ какому гдѣ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
359	Лубенскаго полку.	Надворный Совѣтникъ <i>Григорей Полетика.</i>	августа 20	Въ комиссіи о образѣ сборовъ и расходовъ членомъ, и въ экспедиціонной кандидатомъ.		
360	Малороссійскаго Кіевскаго полку повѣтовъ Козелецкаго и Остерскаго.	Подкоморій <i>Андрей Митковичъ</i> ; 13-го декабря 1767 г. сдалъ штапта генерала и кавалера графа Панина секретарю <i>Владимиру Золотницкому.</i>	—	Въ комиссіи о училищахъ членомъ.		Въ петерб. изд: обер-аудиторъ.
361	Стародубскаго полку.	Бунчуковой товарищъ <i>Василей Дунинъ-Бурковский.</i>	23	Въ комиссіи о правосудіи членомъ.		См. № 363.
362	Стародубскаго полку повѣту Погарскаго.	Бунчуковой же товарищъ <i>Василей Губчицъ.</i>	28	Въ комиссіи о правосудіи кандидатомъ.		
363	Полтавскаго , Гадяцкаго и Миргородскаго полковъ.	Бунчуков ой товарищъ <i>Василей Дунинъ Бурковский</i> ; 28-го августа 1767 г. сдалъ надворному совѣтнику <i>Николаю Мотокису.</i>	—	Въ комиссіи о имѣніяхъ членомъ.		См. № 361.
364	Прилуцкаго полку.	Бунчужный генеральный <i>Яковъ Гарнаевскій.</i>	октября 18			См. № 355.
365	Черниговскаго полку.	Подкоморій <i>Яковъ Дунинъ-Бурковский.</i>	ноября 5	Въ комиссіи о полиціи кандидатомъ.		См. № 355.

Отъ гражданства.

Городовъ:

366	Переяславля.	Значковыхъ товарищей атаманъ <i>Сергій Семеновичъ.</i>	іюля 29	Въ комиссіи о образѣ сборовъ кандидатомъ.		
367	Полтавы.	Полтавскаго магистрата писарь <i>Григорей Розуля.</i>	30			

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИННЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовали.	Гдѣ при исправленіи своихъ должностей находились 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧЕНІЯ.
368	Нѣжина.	Нѣжинскаго магистрата писарь <i>Иванъ Костевичъ</i> .	августа 10	Въ комиссіи о городахъ кандидатомъ.		
369	Сѣверскаго Новгородка.	Бургомистръ <i>Иванъ Михайловскій</i> .	17			
370	Погара.	Райца <i>Иванъ Грабаръ</i> ; 16-го октября 1768 г. сдалъ на время камеръ-кварты лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ въ должности протоколиста прапорщику <i>Ивану Хоминскому</i> .	—	Въ комиссіи о училищахъ кандидатомъ.		
371	Стародуба.	Бургомистръ <i>Даниилъ Род(о)вскій</i> .	—			
372	Остра.	Писарь <i>Иванъ Пенской</i> ; 17-го августа 1768 г. сдалъ на время коллегии иностранныхъ дѣлъ переводчику <i>Василью Пастушкову</i> .	—			
373	Козельца.	Полковой писарь <i>Семенъ Котериничъ</i> ; 24-го сентября 1767-го сдалъ войсковому канцеляристу <i>Степану Словицкому</i> .	—		Въ Малороссіи при должности.	
374	Чернигова.	Бургомистръ <i>Иванъ Крутеня</i> .	20			
375	Глухова.	Войск. канцеляристъ <i>Василей Рословицъ</i> .	октяб- бря 5		Въ Малороссіи при должности.	См. № 355.

Отъ Запорожскаго войска:

376	Старшина, войсковой судья <i>Павель Головатой</i> .	сен- тября 3			
377	Курейной атаманъ <i>Моисей Скапа</i> .	—			

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ.	Гдѣ при управленіи своихъ дѣловъ находились 24 февраля 1768 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
---	-----------------	------------------------	----------------	---------------------------------------	--	-------------

ОТЪ КАЗАКОВЪ.

<i>Полковъ:</i>						
378	Черниговскаго.	Казакъ <i>Алексѣй Луневскій.</i>	юля 23			
379	Прилуцкаго.	Казакъ <i>Петръ Романовичъ</i> ; 24-го сентября 1768 г. сдалъ на время Нѣжинскаго полку канцеляристу <i>Льву Новонорулевичу.</i>	29			
380	Нѣжинскаго.	Казакъ <i>Захарій Карташевскій.</i>	30			
381	Лубенскаго.	Казакъ <i>Павелъ Мищенко.</i>	августа 7			
382	Гадяцкаго и Полтавскаго.	Казакъ <i>Степанъ Ивановъ</i> ; 23-го сентября 1768 г. сдалъ на время нѣжинскаго суда писарю <i>Семену Панютю.</i>	23			
383	Кіевскаго.	Казакъ <i>Павелъ Яковлевъ.</i>	—			
384	Миргородскаго.	Обозной <i>Максимъ Тимошеевъ.</i>	—			
385	Стародубскаго.	Казакъ <i>Яковъ Лисенко.</i>	сент. 17			
386	Переяславскаго.	Казакъ <i>Дмитрей Исаенко.</i>	—			

Слободскоѣ украинскоѣ губерніи отъ дворянства.

387	Ахтырской провинціи.	Полковой обозной <i>Василей Боларской.</i>	юня 26	Въ комиссіи о полиціи кандидатомъ.		
388	Харковской.	Полковникъ <i>Матвей Куликовской.</i>	юля 9	Въ комиссіи о разборѣ родовъ кандидатомъ		
389	Сумской.	Поруч. <i>Андрей Кондратьевъ</i> ; 27-го ноября 1767 г. сдалъ новгородскаго полку поручнику <i>Сергію Домашнееву.</i>	—	Въ комиссіи о размноженіи народа и проч. членомъ.	Въ петербургскомъ изданіи: капитанъ.	

№ ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовать.	Гдѣ при назначеніи оныхъ состояли напередъ въ 24 февраля 1766 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
390 Острогжской.	Полковникъ <i>Степанъ Тевлицевъ.</i>	іюля 12		Въ Слободской украинской губ.	
391 Изюмской.	Секундъ-майоръ <i>Иванъ Зарудневъ.</i> Дворянинъ <i>Александръ Демидовъ.</i>	30	Въ комиссіи о рудокопаніи и коммерціи кандид.		

ОТЪ ГРАЖДАНСТВА.

Городовъ:

392 Изюма.	Житель <i>Иванъ Веприцкой.</i> <i>Иванъ Веприцкой.</i>	іюня 8			
393 Ахтырки.	Каптенармусъ <i>Иванъ Дзюбинъ.</i>	26			
394 Харкова.	Сотникъ <i>Илья Черкасъ;</i> 23-го іюня 1768 г. сдалъ на время козаку <i>Федору Кирилоу.</i>	іюля 2			
395 Сумъ.	Войсковой обыватель <i>Степанъ Перекрестовъ.</i>	14			
396 Острогжска.	Сотникъ <i>Дмитрей Синельниковъ;</i> 13-го іюня 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Ивану Чебланову.</i>	17			

ОТЪ ВОЙСКОВЫХЪ ОБЫВАТЕЛЕЙ.

397 Изюмской провинціи.	<i>Семенъ Попадичевъ.</i>	іюня 8			
398 Сумской.	<i>Федоръ Никифоровъ.</i>	22			
399 Ахтырской.	<i>Михайла Бондаревъ.</i>	26			
400 Харьковской.	Казенный обыватель <i>Тимофей Капиновъ.</i>	іюля 2			
401 Острогжской.	Казенный обыватель <i>Иванъ Водарской.</i>	16			

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутвуютъ.	Гдѣ при назначеніи оныхъ должностей находились 24 апрѣля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
---	-----------------	------------------------	----------------	-------------------------------------	--	-------------

Воронежской губерніи отъ дворянства.

Уѣздовъ:						
402 Кадомскаго.	Оберъ-прокуроръ <i>Всеволодъ Всеволожской</i> .	мая 8	Въ комиссіи о правосудіи членомъ и въ экспедиціонной кандидатомъ.		Въ петербургскомъ изданіи: дѣйствительный камергеръ и кавалеръ.	
403 Тамбовскаго.	Отстав. лейбъ-гвардіи секунд.-майоръ <i>Николай Заирскій</i> ; 18-го декабря 1767 г. сдалъ лейбъ-гвардіи коннзго полку поручику <i>Борису Заирскому</i> . Камеръ-юнкеръ <i>Степанъ Лопухинъ</i> .	18	Въ комиссіи о образѣ сборовъ и расходовъ членомъ.	При арміи		
404 Данковскаго.	Поручикъ <i>Василей Илюхово</i> ; 24-го апрѣля 1768 г. сдалъ на время поруч. <i>Михайль Опочинину</i> .	21	Въ комиссіи о разборѣ родовъ членомъ.	При арміи		
405 Воронежскаго.	Подполковникъ <i>Степанъ Титовъ</i> .	29	Въ комиссіи о разборѣ родовъ членомъ.	При арміи		
406 Усманскаго.	Отставной секундъ-майоръ <i>Никифоръ Черновъ</i> .	31		При арміи		
407 Ряскаго.	Секундъ-майоръ <i>Дмитрей Лихаревъ</i> ; 28-го февраля 1768 г. сдалъ на время гвардіи поручику князю <i>Василію Ентальчеву</i> .	—	Временно присутствуетъ въ комиссіи о обязательствѣ.	При арміи		
408 Ливенскаго.	Отставной капитанъ <i>Егоръ Афросимовъ</i> ; 6-го мая 1768 г. сдалъ на время гвардіи Преображенскаго полку аудиторю <i>Алексію Анненкову</i> .	іюня 1	Въ комиссіи о разборѣ родовъ членомъ.	При арміи		

№ ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явилась.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствують.	Гдѣ при отправленіи оному должностя находился въ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
409 Козловскаго.	Капитанъ <i>Семенъ Муравьевъ</i> . — Артиллеріи поручикъ <i>Григорій Коробьинъ</i> ; 6-го ноября 1768 г. сдалъ на время артиллеріи поручику <i>Василью Родионову</i> .	іюня 11		При арміи	
410 Инсарскаго.	Капитанъ <i>Иванъ Губаревъ</i> .	19	Въ комиссіи о личномъ правѣ кандидатомъ и временно въ ней присутствуетъ.		
411 Нижнеомовскаго.	Секундъ-майоръ <i>Левъ Евсюковъ</i> .	25	Въ комиссіи о городахъ кандидатомъ.		
412 Верхнеомовскаго.	Ассессоръ <i>Никифоръ Хомяковъ</i> ; 20-го марта 1768 г. сдалъ на время артиллеріи капитану <i>Михайль Лопатину</i> .	—		При арміи	Былъ убитъ отъ Пугачева (И. С. 3 15.903).
413 Керенскаго.	Ротмистръ <i>Гаврила Ломоносовъ</i> ; 5-го октября 1767 г. сдалъ оберъ-провіантмейстеру <i>Николаю Бутурлину</i> .	іюля 2		При арміи.	
414 Касимовскаго.	Полковникъ <i>Платонъ Оболдуевъ</i> ; 4-го декабря 1767 г. сдалъ лейбъ-гвардіи коннаго полку ротмистру <i>Ивану Поливанову</i> .	—	Въ комиссіи о личномъ правѣ кандидатомъ и временно въ ней присутствуетъ.		
415 Темниковскаго.	Отставной гвардіи капралъ князь <i>Илья Еникеевъ</i> .	6			Въ сенатскомъ указѣ отъ 5-го января 1784 г. названъ князь <i>Илья Еникеевъ</i> былъ убитъ во время Пугачевщины (И. С. 3 15.903).

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	КОГДА ЯВИЛИСЬ.	ВЪ КОТОРЫХЪ КОМИССИЯХЪ ПРИСУТСТВУЮТЪ.	ГДѢ ПРЯ ИСПРАВИЛИ СЛОВА ДОБРОГО ИЛИ ПЛОХОГО. КЪ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
146	Щацкаго.	Полковникъ <i>Иванъ Богдаковъ</i> ; 28-го апрѣля 1768 г. сдалъ на время подпоручику и кавалеру <i>Григорью Фатьялову</i> .	іюля 6			
147	Еремовскаго.	Титулярный совѣтникъ <i>Ододръ Бизинъ</i> .	16	Въ комиссіи о разборѣ наказовъ и проектовъ кандид. Депутатскимъ маршаломъ.		
148	Елецкаго.	Генераль-поручикъ и кавалеръ <i>Александръ Бибиковъ</i> ; 14-го августа 1767 г. сдалъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитану <i>Василью Бибикову</i> .	27	Въ комиссіи о юстиціи членомъ.	Въ Екатеринбургѣ	См. № 31. Въ Петербургскомъ изданіи: полковникъ и екатеринбургскихъ заводовъ главный командиръ.

Отъ гражданства:

Городовъ:						
149	Елатмы.	Купецъ <i>Иванъ Щукинъ</i> ; 13-го августа 1767 г. сдалъ купцу <i>Петру Хлебникову</i> .	мая 24			
150	Крѣпости Святаго Димитрія.	Ротманъ <i>Антонъ Никитинъ</i> ; 23-го іюня сдалъ на время санктпетербургскому купцу <i>Василью Седову</i> .	29			4-го іюня 1769 г. Никитинъ просилъ комиссію о возвращеніи ему депутатскаго достоинства (П. С. З 15.903)
151	Павловской крѣпости.	Купецъ <i>Петръ Качниковъ</i> .	іюня 8			
152	Касимова.	Купецъ <i>Иванъ Поповъ-Молчановъ</i> .	13			21-го сентября 1774 г., касимовскій магистратъ рапортовалъ комиссіи,

№ ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	КОГДА ЯВИЛИСЬ.	ВЪ КОТОРЫХЪ КОМИССІЯХЪ ПРИСУТСТВУЮТЪ.	ГДѢ ПОДЪ КОМПАНИИ СМЕРТЪ ДОСТАВЛЕНА ИЛИ ВЫХОДИТЪ ИЗЪ 28 севрля 1768 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
423 Воронежъ.	Бургомистръ <i>Семенъ Савастьяновъ</i> ; 12-го 1768 г. сдалъ на время тульскому купцу <i>Давыду Чекрышину</i> .	юня 15			что, по смерти <i>Попова Молчанова</i> , избранъ публичной нотариусъ <i>Михайла Школевъ</i> . (П. С. З. 15.903). 5-го августа 1769 г., <i>Савастьяновъ</i> просилъ о возвращеніи ему депутатскаго достоинства (П. С. З. 15.903).
424 Тамбова.	Купецъ <i>Савелой Дмитревъ</i> .	юля 2			Осмерти <i>Еремьева</i> сенатъ увѣдомилъ комиссію, 19-го марта 1776 г. (П. С. З. 15.903).
425 Рязска.	Купецъ <i>Иванъ</i> большой <i>Елфимовъ</i> .	—			
426 Темникова.	Купецъ <i>Михайла Таракановъ</i> .	4			1-го сентября 1782 г. сенатъ увѣдомилъ комиссію, что <i>Таракановъ</i> , за убійство поручика <i>Рубинина</i> , посланъ въ Сибирь. (П. С. З. 15.903.)
427 Козлова.	Купецъ <i>Федоръ Баженовъ</i> ; 28-го августа 1767 г. сдалъ купцу <i>Василью Ичаловскому</i> .	9			
428 Ельца.	Купецъ <i>Григорій Ростовцовъ</i> .	11			
429 Романова.	Купецъ <i>Семенъ Раковъ</i> ; 28-го августа 1767 г. сдалъ купцу <i>Егору Демидову</i> ; 11-го декабря 1768 г. сдалъ купцу <i>Николаю Рыбникову</i> .	12			

№ ОТКУДА ИЗ-БРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовать.	Гдѣ при копированіи оныхъ документовъ находится къ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
430 Бахмута.	Купецъ <i>Василей Селивановъ</i> .	іюля 30			
431 Кадома.	Купецъ <i>Григорей Рожновъ</i> .	августа 7			
432 Инсара.	Бургомистръ <i>Иванъ Бабинъ</i> .	сентября 25			
433 Скопина.	Купецъ <i>Федоръ Овчинниковъ</i>				
434 Шацка	Куп. <i>Доровей Сельниковъ</i> .				См. № 440

ОТЪ ОДНОДВОРЦЕВЪ.

435 Воронежской провинціи.	<i>Ефимъ Феофиловъ</i> .	мая 15	Временно		
436 Крѣпости Св. Димитрія.	<i>Осипъ Темниковъ</i> ; 13 сентября 1767 г. сдалъ однодворцу <i>Ивану Букину</i> .	29	присутствуетъ въ комиссіи о разборѣ наказовъ и проектовъ.		
437 Тамбовской.	<i>Василей Веденевъ</i> .	іюня 6			12-го августа 1770 г., тамбовская канцелярія довела комиссіи, что, по болѣзни Веденева, избранъ города Козлова однодворецъ <i>Иванъ Бельяиновъ</i> ; но какъ выборъ этотъ сдѣланъ былъ безъ дозволенія комиссіи, то и не утвержденъ. (П. С. З. 15.903.)

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИННЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссияхъ присутствуютъ.	Гдѣ при отправленіи оныхъ делъ бывъшій инкогитъ въ оный инкогитъ 24 февраля 1789 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
438	Шацкой.	<i>Михайла Невъжсинъ.</i>	юля 2			1-го сентября 1782 г., севать утѣдомилъ комиссію о его смерти. (П. С. З. 15.903.) См. № 434.
439	Елецкой.	<i>Михайла Давыдовъ.</i>	18			
440	Шацкой отъ пахотныхъ солдатъ.	<i>Доровей Севъшниковъ.</i>	юня 4			

ОТЪ НОВОКРЕЩЕНЪ:

441	Тамбовской провинціи.	<i>Кириль Бурмистровъ.</i>	мая 18			
442	Шацкой.	<i>Дмитрей Никитинъ.</i>	юня 21			

ОТЪ ИНОВѢРЦОВЪ:

443	Тамбовской провинціи.	<i>Татаринъ Уразъ Ишмаковъ.</i>	мая 18			
444	Шацкой.	<i>—Влаисъ Юлушевъ.</i>	21			

ОТЪ КАЗАЦКHX ВОЙСКЪ:

445	Состоящихъ при Хоперской крѣпости козаковъ.	<i>Казакъ Андрей Алексеевичъ.</i>	3			Въ петербургскомъ изданіи: Алексиниковъ.
446	Крѣпости Св. Дмитрія отъ Азовскаго козацкаго полку.	<i>Ротмистръ Степанъ Блалевъ.</i>	юня 8		При арміи.	
447	Донскаго войска.	<i>Никифоръ Сулинъ.</i>	18			
448	_____	<i>Иванъ Яковъ.</i>	—			
449	_____	<i>Дмитрей Мартыновъ.</i>	—			
450	_____	<i>Петръ Дулимовъ.</i>	—			
		Старшины:				
451	_____	<i>Тимовой Небоковъ.</i>	—			
452	_____	<i>Василей Ерофеевъ.</i>	—			
		Старики:				

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ	Гдѣ при составленіи оныхъ комиссій находился въ 24 февраля 1789 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
---	-----------------	------------------------	----------------	--------------------------------------	--	-------------

Бѣлогородской губерніи отъ дворянства:

Уѣздовъ:						
153	Брянскаго.	Подполковникъ <i>Сергій Мясоедовъ</i> .	марта 27			При арміи.
154	Новосильскаго.	Генералъ — майоръ и кавалеръ князь <i>Петръ Голицынъ</i> ; 8-го сентября 1767 г. умеръ, на мѣсто котораго выбранъ отставной полковникъ <i>Левъ Шишковъ</i> ; 17-го марта 1768 г. сдалъ на время поручику <i>Федору Шишкову</i> .	мая 3 ноября 12			При арміи.
145	Болховскаго.	Коллегіи экономіи вицъ-президентъ <i>Петръ Хитрово</i> .	мая 7			При арміи въ Москвѣ.
156	Орловскаго.	Оберъ - прокуроръ и кавалеръ графъ <i>Федоръ Орловъ</i> ; сдалъ на время адмиральтейской коллегіи прокурору <i>Ивану Фурсову</i> .	31	Въ комиссіи о разборѣ родовъ членомъ. Въ духовно-гражданской комиссіи членомъ.		Въ петербург. изданіи: действительный камергеръ.
157	Карачевскаго.	Отставной капитанъ <i>Иванъ Сибелевъ</i> ; 3-го ноября 1768 г. сдалъ на время штата вицъ-адмирала и кавалера Нагаева адъютанту <i>Василью Сабонову</i> .	іюня 4			
158	Курскаго.	Майоръ <i>Петръ Стромиловъ</i> .	6	Въ комиссіи о училищахъ членомъ.		
159	Червскаго.	Ассесоръ <i>Иванъ Ивановъ</i> .	7	Въ комиссіи о среднемъ родѣ кандидат.		
160	Грубчевскаго.	Секундъ-майоръ <i>Алексій Власовъ</i> ; 31-го августа 1767 г. сдалъ ассессору <i>Григорью Бровцину</i> .	11			

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЪ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ.	Гдѣ при исправленіи оныхъ должностей находятся къ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
461	Валуйскаго, Полатовскаго и Топольскаго.	Ассессоръ <i>Иванъ Поповъ</i> .	іюня 13	Въ комиссіи о противорѣчій кандидатомъ.		
462	Путивльскаго.	Майоръ <i>Степанъ Саторевъ</i> ; 10-го октября 1767 г. сдалъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку квартирмейстеру <i>Александру Павлову</i> .	25	Въ комиссіи о размноженіи народа кандидатомъ.		
463	Оболянскаго.	Отставной гвардіи прапорщикъ <i>Михайла Глазовъ</i> ; 16-го сентября 1768 г. сдалъ на время сыну своему поручику <i>Павлу Глазову</i> .	—		При арміи.	
464	Старооскольскаго.	Поручикъ <i>Алексій Мордвиновъ</i> .	іюля 2			
465	Бѣлевскаго.	Секундъ-майоръ <i>Иванъ Скрыплевъ</i> ; 23-го іюля 1768 г. сдалъ на время комиссаріатской роты подпоручику <i>Борису Тыртову</i> .	—	Въ комиссіи о обязательствахъ кандидат.		28-го августа 1770 г. Скрыплевъ согласился на предложеніе комиссіи приняти снова депутатское достоинство по случаю смерти Тыртова (П.С.З.15903) Въ петербургскомъ изданіи: полковникъ.
466	Мценскаго.	Подполковникъ <i>Петръ Протасовъ</i> ; 24-го сентября 1768 г. сдалъ на время поручику <i>Сергію Головинку</i> .	—		При арміи.	
467	Рыльскаго.	Отставной гвардіи сержантъ <i>Лука Ширковъ</i> . Поручикъ <i>Александръ Ширковъ</i> .	5		При арміи.	
468	Кромскаго.	Поручикъ <i>Александръ Поквистневъ</i> .	28	Въ комиссіи о лицахъ членомъ.		
469	Бѣлогородскаго.	Бригадиръ и оной губернии губернаторской товарищъ <i>Александръ Брылкинъ</i> . — Капитанъ <i>Иванъ Выродовъ</i> .	августа 1			

№	ОТКУДА ИЗ- БРАННЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИ- ЛИИ.	Когда яви- лись.	Въ которыхъ коммиссіяхъ присутству- ють.	Гдѣ при изреше- ніи спору долж- ностей выданы г. 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧА- НІЯ.
---	-----------------------	-----------------------------	---------------------	---	--	------------------

Отъ гражданства:

<i>Городовъ:</i>						
70	Мценска.	Купецъ <i>Дмитрей Ки- селевъ.</i>	іюня 25			
71	Путивля.	Купецъ <i>Василей Рож- новъ</i> ; 4-го августа 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Гавриль Камнесу.</i>	іюля 2			
72	Карачева.	Купецъ <i>Яковъ Нику- линъ.</i>	9			
73	Сѣвска.	Купецъ <i>Матвей Зай- цовъ</i> ; 31-го августа 1767 г. сдалъ купцу <i>Михай- ль Зайцову.</i>	18			
74	Обояни.	Купецъ <i>Сидоръ Чи- кинъ.</i>	19			
75	Трубчевска.	Купецъ <i>Аванасей Шленской</i> ; 24-го сентя- бря 1767 г. сдалъ купцу <i>Степану Скопину.</i>	23			
76	Брянска.	Купецъ <i>Алексей За- харовъ.</i>	—			
77	Рыльска.	Купецъ <i>Федотъ Хфа- лимоновъ</i> ; 4-го августа 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Никитъ Власову.</i>	26			Въ петер- бургскомъ изданіи: Фи- лимоновъ.
78	Бѣлагограда.	Губернской секретарь <i>Андрей Ильинской.</i>	—			При своей дол- жно- сти.
79	Бѣлева.	Купецъ <i>Яковъ Лео- новъ</i> ; 14-го декабря 1767 г. сдалъ тогожь города купцу <i>Андрею Кураца- кому</i> ; 23-го іюня 1768 г. сдалъ на время Санкт- петербургскому купцу <i>Серію Каннину.</i>	авгу- ста 2			Въ петер- бургскомъ изданіи: Ку- ропцовъ.
80	Курска.	Купецъ <i>Иванъ Скор- няковъ</i> ; 5-го октября 1767 года сдалъ купцу <i>Григорью Петрову.</i>	7			
81	Орла.	Купецъ <i>Екимъ Маль- цовъ</i> ; 7-го апрѣля 1768 г. сдалъ на время куп- цу <i>Даниль Сушенкову.</i>	9			
82	Болхова.	Купецъ <i>Степанъ Си- дичинъ.</i>	декаб- ря 3			

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явился.	Въ которыхъ комиссияхъ присутствовать.	Гдѣ при исправленіи своихъ должностей заходилъ въ сей заходата въ 24 февраля 1768 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
483	Отъ Чугуевского казацкаго полку.	Полковой писарь <i>Степанъ Демьяновъ</i> ; 15-го сентября 1768 г. сдаль на время секретарю <i>Николаю Дьяконову</i> .	іюня 8			

ОТЪ ОДНОДВОРЦОВЪ:

Провинцій:

484	Орловской.	<i>Семень Кутузовъ.</i>	4			
485	Бѣлогородской.	<i>Андрей Масловъ.</i>	14			
486	Сѣвской.	<i>Петръ Гридинъ.</i>	19			

ОТЪ ПАХОТНЫХЪ СОЛДАТЪ:

487	Орловской.	<i>Лука Тиняковъ</i> ; 9-го октября 1767 г. умеръ, на мѣсто котораго требуется другой. — Тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ и кавалеръ <i>графъ Андрей Шуваловъ.</i>	4	Въ комиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права членомъ и директоромъ дневныхъ записокъ.		
-----	------------	--	---	---	--	--

Архангелогородской губерніи отъ дворянства:

Уѣздовъ:

438	Вологодскаго.	Генералъ - аншефъ и кавалеръ <i>графъ Романъ Воронцовъ</i> . Полковникъ <i>Александръ Полянской.</i>		Въ комиссіи о разборѣ наказовъ и проектовъ членомъ.		См. № 145
489	Чухломскаго.	Майоръ <i>Василей Котенинъ.</i>	мая 25	Въ комиссіи вообще правъ кандидатамъ.		
490	Солигалицкаго	Ротмистръ <i>Сергій Шулеликовъ.</i>	іюня 4		При Гарми	

№ ОТКУДА ИЗБРАННЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	КОГДА ЯВЛЯЛИСЬ.	ВЪ КОТОРЫХЪ КОММИССІЯХЪ ПРИСУТСТВУЮТЬ.	ГДѢ ТУДѢ ПОСЛАНЫ СЛѢДОВАТЬ ДОКАЗАТЕЛЯМЪ ОНОИ АЛЛОТІИ 28 ФЕВРАЛЯ 1788 Г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
491 Паревьевскаго.	Поручикъ <i>Михайла Макаровъ.</i>	іюня 4			Въ петербургскомъ изданіи: ун-туларный со-вѣтникъ.
492 Галицкаго.	Секундъ-майоръ <i>Юрья Лермантовъ.</i>	20	Въ комиссіи о имѣніяхъ кандидатомъ.		
493 Судайскаго.	Секундъ-майоръ <i>Федоръ Мичуринъ</i> ; 12-го сентября 1767 г. сдалъ полковнику <i>Степану Перфильеву</i> , а 19-го ноября 1767 г. оной Перфильевъ сдалъ брату своему подполковнику <i>Якову Перфильеву.</i>	іюля 9		При арміи.	Въ петербургскомъ изд.: оберъ-протогъ - комиссаръ.

ОТЪ ГРАЖДАНСТВА:

Городовъ:

494 Солигалицкой	Купецъ <i>Андрей Трекинъ.</i>	іюня 13			
495 Чухломы.	Куп. <i>Алексій Юдинъ.</i>	—			
496 Яренска.	Купецъ <i>Павель Антипинъ.</i>	14			
497 Тотмы.	Купецъ <i>Петръ Мясниковъ.</i>	20			
498 Галича.	Канцеляристъ <i>Петръ Платоновъ.</i>	21			
499 Устюга Великаго.	Железной заводчикъ <i>Андрей Плотниковъ.</i>	—			
500 Вологды.	Купецъ <i>Андрей Блазновъ</i> ; 5-го марта 1768 г. сдалъ на время купцу <i>Ивану Шелину.</i>	іюля 2			

Посадовъ:

501 Ненокотскаго.	Купецъ <i>Семень Кокосинъ.</i>	—			
502 Холмогорскаго.	Купецъ <i>Гаврила Ряшкинъ.</i>	—			Въ петерб. изданіи: Ряшкинъ.

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИННЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовать.	Гдѣ при назначеніи своихъ должностей находились въ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
<i>Городовъ:</i>						
503	Архангельска	Купецъ <i>Николай Сетшиниковъ.</i>	юля 27	Въ комиссіи о раздѣленіи родовъ членомъ.		
504	Паренъева.	Съ приписью подъячей <i>Иванъ Поповъ.</i>	августа 13			При своей должности въ паренъевск. воеводской канцеляріи.
505	Соли Вычегодской.	Купецъ <i>Петръ Залкинъ.</i>	—			
506	Дальскаго посада.	Купецъ <i>Василей Юрьевъ</i> ; 23 окт. 1767 г. сдалъ купцу <i>Ивану Токареву.</i>	сентября 5			

ОТЪ САМОѢДОВЪ.

507	Мезенскаго уѣзда.	Самоядинъ <i>Зиловскій Ардеевъ.</i>	юня 27			Выбрали опекуна.
508	Пустоозерскаго острога.	— <i>Валембой Водниковъ.</i>	—			
509	Кольскаго острога отъ Лопарей.	Лопарь <i>Захаръ Петровъ.</i>	—			

ОТЪ ЯСАШНЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

510	Архангелогородской провинціи.	<i>Иванъ Чупровъ.</i>	—			
-----	-------------------------------	-----------------------	---	--	--	--

ОТЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЧЕРНОСОШНЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ:

511	Великоустюжской провинціи.	<i>Василей Ключаревъ.</i>	юня 13			
512	Вологодской.	<i>Петръ Тарасовскій.</i>	19			

№	ОТКУДА ИЗ- ВРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИ- ЛИ.	Когда авве- лись.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутству- ють.	Гдѣ при исправле- ніи своихъ делъ по- стояно находилъ въ 24 февраля 1768 г.	ПРИМѢЧА- НІЯ.
---	----------------------	----------------------------	----------------------	--	--	------------------

Оренбургской губерніи отъ дворянства:

Уездовъ:

513	Оренбургска- го.	Секундъ-майоръ <i>Иванъ Толстой</i> ; 4-го августа 1768 г. сдалъ на время лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку фуріеру <i>Матвѣю Толстому</i> .	іюля 2			
514	Уфимскаго.	Секундъ-майоръ <i>Сергій Аничковъ</i> .	9			
515	Онаго жъ уѣз- да смолен- скаго шляхет- ства.	Секундъ-майоръ <i>Егоръ Тихановской</i> .	18			

Отъ гражданства:

Городовъ:

516	Оренбурга.	Купецъ <i>Илья Кочевъ</i> . Купецъ <i>Петръ Ярославцевъ</i> .	2			Въ комис- сіи о сред- немъ родѣ кандида- томъ.
517	Уфы.	Купецъ <i>Алексій Подгачевъ</i> .	4			
518	Челябинска.	Губернской регистра- торъ <i>Андрей Мисаиловъ</i> .	9			
519	Ставрополя.	Купецъ <i>Аванасей Ки- пріановъ</i> .	16			

Отъ казацкихъ войскъ:

520	Отъ состоя- щаго по Янку и Самарѣ О- ренбургскаго войска.	Сотникъ <i>Петръ Хо- прекиновъ (ковъ)</i> .	іюня 11			Въ петерб- изданіи: рот- мистръ.
521	Оренбургска- го жъ перегу- лярнаго, со- стоящаго въ Оренбургѣ	— <i>Тимовей Подуровъ</i> .	—			7-го января 1775 г. се- вать увѣдо- милъ комис- сію, что По- дуровъ, «за

№ ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИННЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовать.	Гдѣ при въправленіи сдѣлалъ дознаніе и каковыя статьи наказанія въ 24 февраля 1768 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
					учивенныя злѣдѣнія», лишень депутатскаго достоинства (Ш. С. З. 15.903); а 10 января того же года, въ день казни Пугачева, Подуровъ былъ повѣшенъ.
522 Исетской провинціи.	Козакъ <i>Евдокъ Блососовъ</i> .	Июня 11			
523 Уфимской провинціи.	Городовыхъ козаковъ писарь <i>Прокофей Бурцовъ</i> .	—	Въ комиссіи о почтахъ и гостиницахъ членомъ.		
524 Города Оренбурга отъ живущихъ въ Самарской, Яицкой и Уйской линіямъ отставныхъ драгунъ.	Вахмистръ <i>Иванъ Акрыновъ</i> ; 26-го ноября 1767 г. сдалъ Тенгинскаго пѣхотнаго полку сержанту <i>Харитону Самсонову</i> .	—			
525 Города Мензелинска отъ отставныхъ пригородныхъ Красноуфимска и Бирска, драгунъ.	Писарь <i>Иванъ Кузнецовъ</i> . Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку капитанъ-поручикъ <i>Николай Леопольдовъ</i> .	Июля 4	Въ комиссіи о училищахъ членомъ.		
	Старшины:				
526 Отъ Яицкаго войска.	<i>Яковъ Колпаковъ</i> .	сентября 21			
527 —————	<i>Иванъ Акутинъ</i> .	—			
	Казакі:				
528 —————	<i>Василей Тяболоцовъ</i> .	—			
529 —————	<i>Иванъ Анкудиновъ</i> .	—			

№	откуда из- браны.	чины, имена и фами- лии.	Когда яви- лись.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутству- ють.	Гдѣ при исправле- ніи своихъ делъ по- ставъ находился г. 24 сентября 1769 г.	примѣча- нія.
---	----------------------	-----------------------------	---------------------	--	---	------------------

ОТЪ ИНОВѢРЦОВЪ.

530 Исетской про- винціи отъ служилыхъ Мещеряковъ.	Мулла <i>Абдулла Мурза Тавышевъ.</i>	июля 2				
531 Отъ Татаръ Ичкинскихъ и Багаратскихъ (Богорядскихъ) юртъ.	Мулла <i>Алмуаметъ Ибрагимовъ.</i>	—				
532 Отъ Ясашныхъ Пептерей и бо- былей.	Писарь <i>Мансуръ Ибра- гимовъ.</i>	—			Вы- бралъ опе- куна.	
533 Оренбургской подгородной Сейтовой сло- боды отъ тор- говыхъ Та- таръ. Уфимской про- винціи:	Татаринъ <i>Мансуръ По- латаевъ.</i>	—				
534 Четырехъ до- рогъ отъ Баш- кирцовъ и Тар- ханцовъ.	Старшина <i>Токтамышъ Ижбулатовъ.</i>	—				
535 Отъ мещеряц- кихъ командъ.	Старшинской сынъ Мещерякъ <i>Абдуллоалимъ Максютовъ.</i>	—				
536 Отъ Ясашныхъ Черемисовъ.	Черемисинъ <i>Еклимъ Бекбатовъ</i> ; 29-го сентя- бря 1768 г. сдалъ ниже- вернаго кадетскаго кор- пуса рисовальному учи- телю подпоручнику <i>Фе- дору Задубскому.</i>	—				
537 Отъ Башкир- цовъ и раз- ныхъ пере- шедшихъ въ оную губер- нію иновѣр- цовъ.	Писарь <i>Муаметъ-Ка- римъ Ибрагимовъ.</i>	—			Вы- бралъ опе- куна.	

№	ОГБУДА ИЗ-ВРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явились.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствуютъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
	<i>Исетской провинции.</i>				
538	Отъ Башкирцевъ, Сартовъ и Калмыкъ.	Старшина <i>Базарулы Юнаевъ.</i>	юля 6		
539	Ставропольской провинции отъ Татари.	Татаринъ <i>Ибрай Таировъ.</i>	16		
Отъ новокрещенъ и ясашныхъ;					
540	Уфимской провинции отъ ясашныхъ.	Крестьянинъ <i>Азафоновъ Стариковъ.</i> Подподковникъ <i>Арсеній Беклешовъ.</i>	юля 2		При арміи. Въ сенатскомъ указѣ, отъ 5 января 1784 г. сказано, что Стариковъ избранъ по смерти Беклешова (П. С. З. 15.903); вѣроятно онъ снова принялъ на время сданную должность.
541	Отъ новокрещенъ изъ Татари.	<i>Иванъ Андреевъ.</i>	4		
542	Ставропольской провинции отъ новокрещенъ изъ Моравы.	<i>Козма Федоровъ.</i>	16		
543	Ставропольскаго Калмыцкаго корпуса отъ крещеныхъ Калмыкъ.	Полковникъ <i>Иванъ Дербетевъ;</i> 22-го октября 1767 г. сдалъ хорунжю <i>Павлу Крашенинникову.</i>	августа 30		
544	Отъ ясашныхъ крестьянъ непомнящихъ родства.	Крестьянинъ <i>Титъ Ивановъ.</i> <i>Гаврила Давыдовъ.</i>	юля 16		
545	Пригорода Сергѣевска отъ одноворцовъ и пахотныхъ солдатъ, содержащихъ лавдмиллицію.	Драгунъ <i>Иванъ Ахтемировъ.</i> Секретарь <i>Севастьянъ Броцынкъ.</i>	—		

№. ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	КОГДА ЯВИЛИСЯ.	ВЪ КОТОРЫХЪ КОММИССІЯХЪ ПРИСУТСТВУЮТЬ.	Гдѣ при отправленіи оныхъ докладывали оныхъ изобрѣтеній 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
546 Исетской провинціи отъ приписныхъ къ заводамъ черносотныхъ крестьянъ.	Крестьянинъ <i>Амика Молаковъ</i> ; 5-го декабря 1767 г. сдалъ военной коллегіи вахтмистру <i>Александру Крахотину</i> .	іюля 3			

Новороссійской губерніи отъ шляхетства:

<i>Полковъ:</i>					
547 Жолтаго гусарскаго.	Секундъ-майоръ <i>Іосифъ Алешовскій</i> . Преміеръ-майоръ <i>Адріанъ Пловецкій</i> .	мая 16			При
548 Днѣпровскаго пикинернаго.	Майоръ <i>Яковъ Козельскій</i> .	31			
549 Елисаветъ-Градскаго пикинернаго.	Подполковникъ <i>Василей Михалъчъ</i> .	іюня 8			арміи
550 Чернаго гусарскаго.	Секундъ-майоръ <i>Григорей Булацель</i> ; * 10-го іюня 1768 г. сдалъ на время Жолтаго гусарскаго полку адъютанту <i>Федору Боровскому</i> .	—			При
551 Екатерининской провинціи отъ Грузинскихъ князей.	Подполковникъ князь <i>Сергій Баратовъ</i> .	іюля 31			При арміи
552 Самарскаго гусарскаго.	Полковникъ <i>Адамъ Яковъ</i> ; 18-го іюня 1768 г. сдалъ на время капитану <i>Дмитрею Хвощинскому</i> .	3			При межованіи землемѣромъ.

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЪ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	КОГДА ЯВИЛИСЯ.	ВЪ КОТОРЫХЪ КОММИССІЯХЪ ПРИСУТСТВУЮТЪ.	ГЛА при вполнени своихъ должностей назначенъ въ этотъ мѣсяцъ 24 февраля 1780 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
553	Бахмутскаго гусарскаго.	Секундъ-майоръ <i>Авраамъ Рашковичъ</i> .	іюля 3	Въ комиссіи о гостиницахъ членомъ.	При арміи	Въ петербургскомъ изданіи: премьеръ-майоръ.
554	Екатериининской провинціи поселеннаго при Украинской линіи (Екатериинскаго и) Донецакаго полку отъ служащихъ оберъ - офицеровъ.	Полковой обозной <i>Андрей Руновской</i> ; 28-го августа 1768 г. сдалъ на время ротмистру <i>Алексию Руновскому</i> .	30			
555	Бахмутскаго уѣзда.	Тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ князь <i>Петръ Трубецкой</i> ; 1-го сентября 1768 г., сдалъ на время коллежскому секретарю <i>Петру Кривскому</i> .		Въ комиссіи о имѣніяхъ членъ. Въ духовно-гражданской комиссіи членомъ.		См. № 76
556	Крѣпости Св. Елисаветы отъ жителей.	Купецъ <i>Михайла Блелзый</i> . Купецъ <i>Онофрій Калетинъ</i> .	9			
557	Бахмутскаго козацкаго полку отъ козаковъ.	Козакъ <i>Илья Фаворовъ</i> .	іюня 22			
558	Бахмутскаго и Самарскаго гусарскихъ отъ нижнихъ чиновъ.	Вахтмистръ <i>Михайла Тошковичъ</i> ; 16-го сентября 1768 г. сдалъ на время капитану <i>Аполлону Соколову</i> .	іюля 2		При арміи.	Въ петерб. изданіи: порпорчикъ.
559	Елисаветъ-Градской провинціи пикнернаго полку отъ козаковъ.	Козаки: <i>Максимъ Моренецъ</i> .	іюня 7			

№	ОТКУДА ИЗБРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Когда явилось.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствовать.	Гдѣ при исправленіи оныхъ доносилъ находится къ 24 февраля 1769 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
560	Оной же провинціи отъ поселяемыхъ вновь правобѣрныхъ и раскольничьихъ слободъ Чернаго, Жолтаго гусарскихъ, и Елисаветъ-градскихъ пиннерныхъ полковъ.	<i>Семенъ Морозъ.</i>	—			
561	Оной же провинціи отъ гусарскихъ полковъ.	<i>Вахмистръ Иванъ Анастасьевъ. — Секретарь Иванъ Баттытъ-Каминской.</i>	18	Въ духовно-гражданской комиссіи членомъ.		
<i>Екатериинской провинціи:</i>						
562	Отъ Днѣпровскихъ и Довецкихъ пиннерныхъ полковъ	<i>Сокольской козакъ Тимошеи Тимченко.</i>	22			
563	Отъ посполитыхъ и поселянъ.	<i>Житель Степанъ Бялченко.</i>	—			
564	Отъ однодворцовъ.	<i>Козьма Булаковъ.</i>	4			

Прим. Въ сенатскомъ указѣ, отъ 5-го января 1784 г., упомянуть депутатъ вышеволокція, не находящійся ни въ одномъ изъ списковъ, *Милюковъ*, по смерти котораго избранъ генералъ-поручикъ *Храповицкой* (П. С. З. 15.903). По присоединеніи къ Россіи бѣлорусскихъ губерній, графъ Захаръ Грягорьевичъ Чернышевъ, генералъ-губернаторъ этихъ двухъ губерній, входилъ къ государынь съ представленіемъ о допущеніи къ участию въ сочиненіи проекта новаго уложенія депутатовъ отъ жителей новоприосоединеннаго края; докладъ этотъ получалъ высочайшее утвержденіе 16-го января 1773 г. (П. С. З. 13.938). *Н. К.*

№	ОТКУДА ИЗ-БРАНЫ.	ЧИНЫ, ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Въ которыхъ комиссіяхъ присутствують.	Гдѣ при казенномъ счетѣ доложено о найденномъ остаткѣ на 24 февраля 1769 г.	ПРИМЕЧАНИЯ.
---	------------------	------------------------	---------------------------------------	---	-------------

Господа опекуны разныхъ яновѣрцовъ:

1	Тайный совѣтникъ, сенаторъ и камергеръ <i>Адамъ Олсуфьевъ.</i>	Въ городской комиссіи членомъ.	При арміи.	Въ петерб. изданіи: дѣ- ствительный камергеръ.
2	Камеръ-юнкеръ и лейбгвардіи коннаго полку поручикъ <i>Григорей Потемкинъ.</i>			
3	Прокуроръ князь <i>Сергій Вяземской.</i>	Въ комиссіи для остереженія противурчія между войскими и гражданскими законами членомъ.		

ПРИСУТСТВУЮЩЕ ВЪ БОЛЬШОМЪ СОБРАНИИ

И
ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕННЫХЪ ОТЪ ОНАГО КОММИССІЯХЪ.

ВЪ БОЛЬШОМЪ СОБРАНИИ.

Депутатской маршалъ, генераль-поручикъ и кавалеръ *Александръ Бибиковъ* * (№№ 31 и 418.

Генераль-прокуроръ и кавалеръ князь *Александръ Вяземской* *** (Оба имѣютъ заставіе и во всѣхъ другихъ коммиссіяхъ.)

Директоръ дневныхъ записокъ, тайной советникъ, действительной камергеръ и кавалеръ *Графъ Андрей Шуваловъ* *** (№ 487). (Имѣетъ входъ по своему дѣлу и въ другія коммисіи.)

№	ОТЪ КОТОРЫХЪ ИМѢЮТЪ ДЕПУТАТЫ.	ЧЛЕНЫ И КАНДИДАТЫ.	№№	ПРИМѢЧАНІЯ.
Въ коммиссіяхъ:				
Въ Дирекціонной:				
1	Святѣйшаго синода.	Былъ <i>Димитрій</i> , митрополитъ новгородскій <i>Гавріилъ</i> , епископъ тверской.	1	<p>Учреждена 20-го августа 1767 г. (Моск. Вѣд. 1767 № 93).</p> <p>Предложенъ маршальномъ и генераль-прокуроромъ, 18-го марта 1768 г. Высочайшее утвержденъ 20-го марта (Моск. Вѣд. 1768 № 38).</p>

* 4-го сентября 1767 г., избранъ въ помощники: *Александръ Мельгуновъ* (№ 7), д. отъ камеръ-коллегии, и князь *Михайлу Щербатовъ* (№ 83), д. отъ арсланскаго дворянства (Моск. Вѣд. 1767 г. № 95). Прим. В. К.

** 20-го августа 1767 г., избралъ въ помощники: графа *Федора Орлова* (№ 456), д. отъ орловскаго дворянства, *Василенда Васильевскаго* (№ 402), д. отъ кадомскаго дворянства, и *Петри Хитрова* (№ 455), д. отъ волоховскаго дворянства (Моск. Вѣд. 1767 г. № 93). Прим. В. К.

*** Однимъ изъ писмоводителей при немъ былъ *Михайла Ларионовичъ Голицышевъ-Кутузовъ*, въ послѣдствіи князь Смоленскій (Записки о жизни *Бибикова*, Спб. 1817. стр. 91). Прим. В. К.

№	ОТЪ КОТОРЫХЪ МѢСТЪ ДЕПУТАТЫ.	ЧЛЕНЫ И КАНДИДАТЫ.	№ № СПИС- КА.	ПРИМѢЧАНІЯ.
2	Волоколамского дво- рянства.	<i>Графъ Захаръ Чер- нышевъ.</i>	30	
3	Новгородского уѣзда, Вотской пятины.	<i>Николай Муравьевъ.</i>	150	
4	Рузского дворянства.	<i>Дмитрей Волковъ.</i>	39	
5	Вяземского дворян- ства.	<i>Графъ Иванъ Орловъ.</i>	309	
		Кандидаты:		
	Вотской пятины отъ дворянства.	<i>Михайла Мордвиновъ.</i>	150	
	Ярославского дворян- ства.	<i>Князь Михайла Щер- батовъ.</i>	38	
	Московского дворян- ства.	<i>Графъ Петръ Панинъ.</i>	47	

Въ экспедиціонной:

Учреждена 27-го
августа 1767. г.
(Моск. Вѣд. 1767 г.
№ 93).

1	Правительствующаго сената.	<i>Князь Михайла Вол- конской.</i>	2 и 29	По предложенію маршала и гене- ралъ-прокурора.
2	Копорского дворян- ства.	<i>Графъ Григорей Ор- ловъ.</i>	144	
3	Пусторжевскаго дво- рянства.	<i>Иванъ Елачинъ.</i>	156	
4	Правительствующаго сената герольдмейстер- ской конторы.	<i>Михайла Приклон- ской.</i>	6	
5	Опекуновства иностран- ныхъ.	<i>Григорей Козицкой.</i>	26	
		Кандидаты:		
	Лубенскаго полку отъ шляхетства.	<i>Григорей Полетика.</i>	359	
	Алексинскаго дворян- ства.	<i>Сергій Глѣбовъ.</i>	74	
	Кадомскаго дворян- ства.	<i>Всеволодъ Всеволож- ской.</i>	402	

№	ОТЪ КОТОРЫХЪ МѢСТЪ ДЕПУТАТЫ.	ЧЛЕНЫ И КАНДИДАТЫ.	№ № СПИС- КА.	ПРИМѢЧАНІЯ.
В разборѣ наказовъ и проектовъ:				Учреждена 14-го августа 1767 г. (Моск. Вѣд. 1767 г. № 93)
1	Шлисселбургскаго дворянства.	<i>Графъ Романъ Во-ронцовъ.</i>	145 и 488	
2	Серпейскаго дворянства.	<i>Графъ Александръ Строгановъ.</i>	70	
3	Клинскаго дворянства. За временнымъ отсутствіемъ онаго присутствуетъ.	<i>Петръ Орловъ. Ефимъ Фефеловъ.</i>	32 435	
4	Города Смоленска отъ жителей. За временнымъ отсутствіемъ онаго присутствуетъ.	<i>Иванъ Пискаревъ. Антонъ Кукинъ.</i>	310 313	
5	Города Коломны отъ жителей. Великолуцкаго дворянства.	<i>Иванъ Мъщаниновъ. Михайла Филисовъ.</i>	82 165	
		Кандидаты:		
	Ершовскаго дворянства.	<i>Федоръ Безимъ.</i>	417	
	Норской слободы отъ жителей.	<i>Иванъ Узрюмовъ.</i>	94	
	Островскаго дворянства.	<i>Петръ Валуевъ.</i>	153	
В разборѣ родовъ государственныхъ жителей:				Учреждена 11-го сентября 1767 г. (Моск. Вѣд. 1767 г. № 95).
1	Города Москвы отъ жителей. Дорогобужскаго дворянства.	<i>Князь Александръ Голицынъ. Илья Радванской.</i>	81 308	
2	Орловскаго дворянства. Ливинскаго дворянства.	<i>Графъ Федоръ Орловъ. Алексій Анненковъ.</i>	456 408	
3	Козельскаго дворянства. Воронежскаго дворянства.	<i>Графъ Яковъ Брюсъ. Степанъ Титовъ.</i>	33 405	
4	Летскаго дистрикта отъ дворянства.	<i>Баронъ Іоаннъ Адольфъ фонъ-Унтернъ-Штернберъ.</i>	324	По предложенію генер.-прокурора.

№	ОТЪ КОТОРЫХЪ МѢСТЪ ДЕПУТАТЫ.	ЧЛЕНЫ И КАНДИДАТЫ.	№ № СПИСКА.	ПРИМѢЧАНІЯ.
5	Города Аргангельскаго отъ жителей. За временнымъ отсутствіемъ онаго присутствуетъ города Епифани отъ жителей. Харковского шляхетства. Алаторскаго дворянства.	<i>Николай Свѣшниковъ.</i> Кандидатъ <i>Александръ Свѣтцкииъ.</i> Кандидаты: <i>Матвей Куликовской.</i> <i>Явль Григорей Бибичевъ.</i>	503 118 388 341	По предложенію маршала. 22-го мая 1768 г. за выбытіемъ одного изъ членовъ, избранъ <i>Андрей фон-Римленкампфъ</i> , № 318, д. отъ дворянства Вирскаго крѣйса (<i>Моск. Вѣд.</i> 1768 г. (№ 77)).

О юстиціи:

1	Московского дворянства.	<i>Графъ Петръ Панинъ.</i>	47	Учреждена 24-го сентября 1767 г. (<i>Моск. Вѣд.</i> 1767 г. № 95).
2	Кадомскаго дворянства.	<i>Всеволодъ Всеволожской.</i>	402	По предложенію маршала.
3	Елецкаго дворянства. Калужской провинціи отъ однодворцовъ.	<i>Василей Бабиковъ.</i> <i>Николай Алфимовъ.</i>	418 136	2-го октября 1767 г. занялъ мѣсто отъ казавшагося отъ должности члена, <i>Александра Вилбовъ</i> (№ 323), д. отъ ступицкаго дворянства (<i>Моск. Вѣд.</i> 1767 г. № 97).
4	Города Риги отъ жителей.	<i>Ратсгеръ Іоанъ Христоворъ Шварцъ.</i>	326	По предложенію генер.-прокурора.
5	Бахмутскаго гусарскаго полку отъ шляхетства.	<i>Абрамъ Ратковичъ.</i>	553	
	Стародубскаго полку отъ шляхетства.	<i>Василей Дукинъ-Борковской.</i>	361 и 363	
	Стародубскаго полку Погарскаго повѣту отъ шляхетства.	Кандидаты: <i>Василей Губчицъ.</i>	362	
	Бѣжецкой пятинны отъ дворянства.	<i>Иванъ Вислецевъ.</i>	163	

№	ОТЪ КОТОРЫХЪ МѢСТЪ ДЕПУТАТЫ.	ЧЛЕНЫ И КАНДИДАТЫ.	№ № СПИС- КА.	ПРИМѢЧАНІЯ.
---	---------------------------------	--------------------	---------------------	-------------

О имѣніяхъ вообще:

1	Гадяцкаго, Полтавскаго и Миргородскаго полковъ отъ шляхетства.	<i>Николай Матонисъ.</i>	363	
2	Вотчинной коллегіи. Города Санктпетербурга отъ жителей.	<i>Михайла Лукинъ. Данило Мерлинъ.</i>	10 147	Учреждена 9-го октября 1767 г. (Моск. Вѣд. 1767 г. № 97).
3	Главнаго магистрата.	<i>Николай Дурасовъ.</i>	19	Выбранъ въ члены 28-го февраля 1767 г. (Моск. Вѣд. 1798 г. № 33).
4	Города Ярославля отъ жителей.	<i>Алексѣй Ярославцевъ.</i>	99	По предложенію маршала.
5	Города Дерпта отъ жителей. Володимирскаго дворянства.	<i>Былъ Фридрихъ Гадебушъ. Князь Петръ Трубецкой.</i>	327 76 и 555	По предложенію генер.-прокурора. Выбранъ въ члены 28 февраля 1768 г (Моск. Вѣд. 1768 г. № 33).
Города Ревеля отъ жителей. Галицкаго дворянства. Камерь-конторы лянскихъ и эстляндскихъ дѣлъ.		Кандидаты: <i>Адріанъ Гендихъ Фрейзе. Юрій Лермантовъ. Артемій Шишковъ.</i>	321 492 27	

О среднемъ родѣ людей:

1	Главной надъ таможенными сборами канцеляріи.	<i>Графъ Эрнствъ фонъ Минихъ.</i>	25	Учреждена 18-го октября 1767 года (Моск. Вѣд. 1767 г. № 97).
2	Дмитровскаго дворянства.	<i>Князь Иванъ Вяземской.</i>	68	
3	Михайловскаго дворянства.	<i>Семень Нарышкинъ.</i>	34	
4	Ярославскаго дворянства.	<i>Князь Михайла Щербатовъ.</i>	38	По предложенію генер.-прокурора.
5	Города Венева отъ жителей.	<i>Михайла Степановъ.</i>	90	По предложенію маршала.

№	ОТЪ КОТОРЫХЪ МѢСТЪ ДЕПУТАТЫ.	ЧЛЕНЫ И КАНДИДАТЫ	№ № СПИС- КА.	ПРИМѢЧАНІЯ.
		Кандидаты:		
	Города Кіева отъ жи- телей.	<i>Иосифъ Гудымъ.</i>	142	
	Города Оренбурга отъ жителей.	<i>Петръ Ярославцовъ.</i>	516	
	Чернскаго дворянства.	<i>Иванъ Ивановъ.</i>	459	
О полиціи:				Учреждена 26-го марта 1768 г. (Моск. Вѣд. 1768 г. № 38).
1	Перемышлскаго и во- ротынскаго дворянства.	<i>Левъ Нарышкинъ.</i>	57	
2	Бергъ-коллегии монет- наго департамента.	<i>Андрей Нартовъ.</i>	14	
3	Главной полицмей- стерской канцеляріи.	<i>Михайла Зыбинъ.</i>	20	По предложенію генер.-прокурора.
4	Города Твери отъ жи- телей.	<i>Михайла Вакинъ.</i>	183	
5	Города Воротынска отъ жителей.	<i>Алексій Ржевской.</i>	83	По предложенію маршала.
		Кандидаты:		
	Города Калуги отъ жителей.	<i>Иванъ Юдинъ.</i>	127	
	Черниговскаго полку отъ шляхетства.	<i>Яковъ Дунинъ-Борков- ской.</i>	365	
	Ахтырскаго дворян- ства.	<i>Василей Боларской.</i>	387	
О городахъ:				Учреждена 10-го апрѣля 1768 г. (Моск. Вѣд. 1768 г. № 45).
1	Отъ Самоѣдовъ гос- подинъ опекунь.	<i>Адамъ Олсуфьевъ.</i>	стр.	
2	Лихвинскаго дворян- ства.	<i>Александръ Гльбовъ.</i>	59	
3	Города Енисейска отъ жителей.	<i>Степанъ Самойловъ.</i>	286	
	За временнымъ отсут- ствиемъ оного, присут.	<i>Феофемтъ Поповъ.</i>	186	
4	Города Нарвы отъ жи- телей.	<i>Лоренсъ Штралъ- борнъ.</i>	320	По предложенію генер.-прокурора.
5	Города Астрахани отъ жителей.	<i>Петръ Самарской.</i>	258	По предложенію маршала.

№	ОТЪ КОТОРЫХЪ МВСТЪ ДЕПУТАТЫ.	ЧЛЕНЫ И КАНДИДАТЫ.	№ № СПИС- КА.	ПРИМѢЧАНІЯ.
		Кандидаты:		
	Нижнеломовскаго дворянства.	<i>Левъ Евсюковъ.</i>	411	
	Города Пѣжина отъ жителей.	<i>Иванъ Костевичъ.</i>	368	
	Города Фридрихсгама отъ жителей.	<i>Антонъ Натъ.</i>	333	
О общемъ правѣ:				Учреждена 22-го сентября 1768 года (С.-Петербур. Вѣд. 1768 г. № 47).
1	Орловской провинціи отъ пахотныхъ солдатъ.	<i>Графъ Андрей Шуваловъ.</i>	487	
2	Старицкаго дворянства.	<i>Алексій Нарышкинъ.</i>	159	
3	Новгородскаго уѣзда Деревской пятины отъ дворянства.	<i>Федотъ Верининъ.</i>	151	По предложенію генер-прокурора.
4	Эстницкаго дистрикта отъ дворянства.	<i>Герардъ Левенвольдъ.</i>	323	По предложенію маршала.
5	Выборгскаго дворянства.	<i>Графъ Иванъ Головкинъ.</i>	330	
		Кандидаты:		
	Города Переславля Залѣскаго отъ жителей.	<i>Ефимъ Разнотомской.</i>	132	
	Города Дмитріевска, что на Камышенкѣ, отъ жителей.	<i>Егоръ Горбуновъ.</i>	260	
	Чухломскаго дворянства.	<i>Василей Котенинъ.</i>	489	
Для остереженія противорѣчій между воинскими и гражданскими законами.				Учреждена 29-го апрѣля 1768 года (Моск. Вѣд. 1768 г. № 61).
1	Отъ военной коллегіи.	<i>Князь Федоръ Щербатовъ.</i>	4	
2	Отъ адмиралтейской коллегіи.	<i>Алексій Назавъ.</i>	5	
3	Коломенскаго дворянства.	<i>Графъ Мартынъ Скавронской</i>	42	
4	Города Кронштата.	<i>Иванъ Рыбниковъ.</i>	148	По предложенію маршала и генералъ-прокурора.

№	ОТЪ КОТОРЫХЪ МѢСТЪ ДЕПУТАТЫ.	ЧЛЕНЫ И КАНДИДАТЫ.	№ № СПИС- КА.	ПРИМѢЧАНІЯ.
5	Опекунь. Валуйскаго дворян- ства. Боровскаго дворян- ства. Шуйскаго дворянства.	<i>Князь Сергій Вязем- ской.</i> Кандидаты: <i>Иванъ Поповъ.</i> <i>Павелъ Голохватовъ.</i> <i>Князь Михайла Обо- ленской.</i>	стр. 461 29 53	При учрежденіи этой комиссіи былъ выбранъ въ число членовъ <i>Петръ Ле- вашевъ</i> (№ 164), д. отъ новоторжскаго дворянства.

О размноженіи народа, земледѣліи, домострои- тельства и проч:

Учреждена 13-го
мая 1768 г. (Моск.
Вѣд. 1768 г. № 68).

1	Сумскаго дворянства.	<i>Сергій Домашневъ.</i>	389
2	Отъ Малороссійской коллегии.	<i>Дмитрей Натальинъ.</i>	18
3	Торопецкаго и холм- скаго дворянства.	<i>Иванъ Голенницевъ- Кутузовъ.</i>	167
4	Ямбургскаго дворян- ства.	<i>Баронъ Федоръ Вульфъ.</i>	146
5	Алексинскаго дворян- ства. Нижегородской про- винціи отъ пахотныхъ солдатъ. Путивльскаго дворян- ства. Новагорода отъ жите- лей.	<i>Сергій Глыбовъ.</i> Кандидаты: <i>Иванъ Жеребцовъ.</i> <i>Александръ Павловъ.</i> <i>Александръ Дobre- санъ.</i>	74 352 462 187

По предложеніи
маршала и гене-
ралъ-прокурора.

При учрежденіи
этой комиссіи,
былъ выбранъ въ
число членовъ *Ми-
хайла Бллезинъ*
(№ 556), д. отъ жи-
телей крѣпости Св.
Елисаветы.

О образѣ сборовъ и образѣ расходовъ:

Учреждена 13-го
мая 1768 г. (Моск.
Вѣд. 1768 г. № 68).

1	Лубенскаго полку отъ шляхетства.	<i>Григорей Полетика.</i>	359
2	Танбовскаго дворян- ства.	<i>Степанъ Лопухинъ.</i>	403
3	Суздальскаго дворян- ства.	<i>Графъ Андрей Тол- стой.</i>	73

№	ОТЪ КОТОРЫХЪ МѢСТЪ ДЕПУТАТЫ.	ЧЛЕНЫ И КАНДИДАТЫ	№ № СПИСКА.	ПРИМѢЧАНІА.
4	Калужскаго дворянства.	<i>Князь Иванъ Тюфякинъ.</i>	36	По предложенію генер.-прокурора.
5	Каширскаго дворянства,	<i>Николай Масловъ.</i>	65	
	Эзельскаго дворянства	Кандидаты: <i>Густавъ фонъ-Веймаринъ.</i>	322	
	Города Переяславля отъ жителей.	<i>Сергій Сазоновичъ.</i>	366	
	Калужской провинціи отъ застѣчныхъ сторожей.	<i>Андрей Луговиковъ.</i>	140	

О рудокопаніи, растеніи и сбереженіи лѣсовъ и о торговлѣ вообще:

Учреждена 21-го мая 1768 г. (Моск. Вѣд. 1768 г. № 77).

1	Опочковскаго дворянства.	<i>Егоръ Фаминичъ.</i>	152	По предложенію генер.-прокурора.
2	Синбирскаго дворянства.	<i>Павелъ Обуховъ.</i>	193	
3	Города Селенгинска отъ жителей.	<i>Иванъ Фридрихсъ.</i>	300	
4	Города Каргополя отъ жителей.	<i>Иванъ Марковъ.</i>	182	
5	Гарскаго крѣйса отъ дворянства.	<i>Рейнгольдъ фонъ-Нельманъ.</i>	310	
		Кандидаты.		По предложенію маршала.
	Бергъ-коллегии.	<i>Яковъ Родъ.</i>	13	
	Казанской провинціи отъ мурзь и Татаръ.	<i>Самтъ Халфинъ.</i>	233	
	Измюскаго дворянства.	<i>Александръ Демидовъ.</i>	391	При учрежденіи этой комиссіи, былъ выбранъ въ число членовъ Григорій Коробинъ (№ 409), д. отъ ковловскаго дворянства.

Въ духовногражданской:

Учреждена 27-го мая 1768 г. (С.-Петербург. Вѣд. 1768 г. № 74).

1	Города Углича отъ жителей.	<i>Иванъ Сухопрудской.</i>	117	По предложенію генер.-прокурора.
2	Орловскаго дворянства.	<i>Иванъ Фурсовъ.</i>	456	

№	ОТЪ КОТОРЫХЪ МѢСТЪ ДЕПУТАТЫ.	ЧЛЕНЫ И КАНДИДАТЫ.	№ № СПИС- КА.	ПРИМѢЧАНІЯ.
3	Судиславскаго дворянства.	<i>Василей Баскаковъ.</i>	26 и 35	По предложенію маршала.
4	Чернаго и Жолтаго гусарскихъ полковъ отъ нижнихъ чиновъ.	<i>Иванъ Бантышъ-Каменской.</i>	561	
5	Бахмутскаго дворянства.	<i>Петръ Кривской.</i>	555	При учрежденіи этой комиссіи, изъ поименованныхъ членами были Фурсовъ и Баскаковъ; остальные три были: князь <i>Алексій Волконской</i> (№ 49), д. отъ тарусскаго, серпуховскаго и оболенскаго дворянства; <i>Александръ Опочининъ</i> (№ 63), д. отъ углицкаго дворянства; и <i>Григорій Потемкинъ</i> (стр. 66), опекуны отъ разныхъ мнѣвцовъ.
	Бѣльскаго дворянства.	Кандидаты.		
	Тарусскаго, серпуховскаго и оболенскаго дворянства.	<i>Герасимъ Осоринъ.</i>	305	
	Города Мосальска отъ жителей.	<i>Иванъ Беклемишевъ.</i>	49	
		<i>Петръ Клементьевъ.</i>	120	

0 училищахъ и призрѣнія требующихъ:

1	Кіевскаго полку отъ шляхетства.	<i>Владимиръ Золотницкой.</i>	360	Учреждена 27-го мая 1768 г. (С.-Петербург. Вѣд. 1768 г. № 74).
2	Города Дерпта отъ жителей.	<i>Яковъ Урзинусъ.</i>	327	
3	Юстицъ-коллегіи ливонскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ.	<i>Тимовой фонъ-Клинтштетъ.</i>	9	При учрежденіи этой комиссіи, кромѣ Золотницкаго и Урзинуса, членами были: <i>Александръ Урзуновъ</i> (№ 133), д. отъ переславскихъ жителей; <i>баронъ Георгій Дашъ</i> (№ 17), д. отъ Медицинской коллегіи, по предложенію маршала; и <i>Алексій Ивашикинъ</i> (№ 54), д. отъ тульскаго дворянства, по предложенію генералъ-прокурора.
4	Курскаго дворянства.	<i>Петръ Стромиловъ.</i>	458	
5	Города Мензелинска отъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и драгунъ.	<i>Николай Леонтьевъ.</i>	525	

№	ОТЪ КОТОРЫХЪ МѢСТЪ ДЕПУТАТЫ.	ЧЛЕНЫ И КАНДИДАТЫ.	№ № СПИСК- КА.	ПРИМѢЧАНІЯ.
		Кандидаты:		
	Города Пернова отъ жителей.	<i>Иоанъ Фридрихъ Ганфъ.</i>	328	
	Города Погары отъ жителей.	<i>Иванъ Хоминской.</i>	370	
	Можайскаго дворянства.	<i>Дмитрей Камынинъ.</i>	75	

О ПОЧТАХЪ И ГОСТИНИЦАХЪ:

Учреждена 3-го
іюня 1768 г. (Моск.
Вѣд. 1768 г. № 80).

1	Канцелярии строенія государствен. дорогъ.	<i>Александръ Волковъ.</i>	24	
2	Города Иркутска отъ жителей.	<i>Алексѣй Сибиряковъ.</i>	296	
3	Уфимской провинціи отъ казаковъ.	<i>Прокофей Бурцовъ.</i>	523	
	За временнымъ отсутствіемъ онаго присутствуетъ.	<i>Князь Григорей Бабичевъ.</i>	341	
4	Ростовскаго дворянства.	<i>Федоръ Языковъ.</i>	48	
	За временнымъ отсутствіемъ онаго присутствуетъ.	<i>Никита Жилинъ.</i>	66	
5	Пересыявля Рязанскаго отъ дворянства.	<i>Александръ Вельминовъ.</i>	45	По предложенію генер.-прокурора.
		Кандидаты:		
	Астраханскаго казацкаго полку.	<i>Василей Горской.</i>	266	
	Рословльскаго дворянства.	<i>Федоръ Швыковской.</i>	307	
	Города Якутска отъ жителей.	<i>Алексѣй Даниловъ.</i>	298	

№	ОТЪ КОТОРЫХЪ МѢСТЪ ДЕПУТАТЫ	ЧЛЕНЫ И КАНДИДАТЫ.	№ № СПИС- КА.	ПРИМѢЧАНІЯ.
0 разныхъ установленіяхъ касающихся до лицъ: Учреждена 5-го іюня 1768 г. (Моск. Вѣд. 1768 г. № 80).				
1	Муромскаго дворян- ства. За временнымъ отсут- ствиемъ онаго присут- ствуетъ.	<i>Иванъ Чадаевъ.</i>	69	
2	Гороховецкаго дворян- ства.	<i>Иванъ Подливановъ.</i>	414	
3	Тверскаго дворянства. За временнымъ отсут- ствиемъ онаго присут- ствуетъ.	<i>Александръ Прота- совъ.</i>	62	
4	Кромскаго дворянства.	<i>Василей Неклюдовъ.</i>	160	
5	Ярвскаго крайса отъ дворянства. За временнымъ отсут- ствиемъ онаго присут- ствуетъ.	<i>Петръ Неклюдовъ.</i>	164	
6	Касимовскаго дворян- ства.	<i>Александръ Пожени- совъ.</i>	468	По предложенію маршала.
7	Ярвскаго крайса отъ дворянства.	<i>Баронъ Филиппъ фонъ Зальца.</i>	316	По предложенію генер.-прокурора.
8	За временнымъ отсут- ствиемъ онаго присут- ствуетъ.	<i>Иванъ Губаревъ.</i>	410	
9	Касимовскаго дворян- ства.	Кандидаты:		
10	Инсарскаго дворян- ства.	<i>Иванъ Подливановъ.</i>	414	
11	Инсарскаго дворян- ства.	<i>Иванъ Губаревъ.</i>	410	
0 обязательствахъ: Учреждена 13-го іюня 1768 г. (Моск. Вѣд. 1768 г. № 80).				
1	Любимскаго дворян- ства.	<i>Никифоръ Толмачевъ.</i>	37	
2	Города Хлынова отъ жителей.	<i>Петръ Карякинъ.</i>	209	
3	Потехонскаго дворян- ства.	<i>Василей Годлицевъ- Кутузовъ.</i>	56	
4	За временнымъ отсут- ствиемъ онаго присут- ствуетъ.	<i>Князь Василей Емша- лицевъ.</i>	407	
5	Крапивинскаго дво- рянства.	<i>Анисимъ Князевъ.</i>	77	По предложенію генер.-прокурора.
6	Викскаго крайса отъ дворянства.	<i>Баронъ фонъ Унтерн- Штернбергъ.</i>	317	По предложенію маршала.

№	ОТЪ КОТОРЫХЪ МѢСТЪ ДЕПУТАТЫ.	ЧЛЕНЫ И КАНДИДАТЫ.	№ № СПИС- КА.	ПРИМѢЧАНІЯ.
		Кандидаты:		
	Бѣлевскаго дворянства.	<i>Борисъ Тыртовъ.</i>	465	
	Кадуевскаго дворянства.	<i>Максима Захаровъ.</i>	46	
	Кинешемскаго дворянства.	<i>Василей Скрыпичинъ.</i>	55	

Въ дополненіе къ статьѣ г. Карсакова: *Воспоминанія о Карсѣ*, помѣщенной въ № 8 *Русскаго Вѣстника* 1861 г., сообщаемъ нашимъ читателямъ тѣ приложенія, на которыя были въ означенной статьѣ ссылки, но которыя случайно не были напечатаны одновременно съ статьѣй.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ стр. 394.

а) Нѣкоторыя свидѣнія изъ записки о положеніи карсской турецкой арміи въ началѣ ноября 1855 года.

Въ Карскихъ укрѣпленіяхъ находятся войска:

1. Арабистанскаго пѣхотнаго корпуса.
2. Анатоійскаго пѣхотнаго корпуса.
3. Стамбульскаго гвардейскаго пѣхотнаго корпуса.
4. Арабистанскаго кавалерійскаго корпуса.
5. Анатоійскаго кавалерійскаго корпуса.
6. Артиллерійскія войска.
7. Саперныя войска.
8. Башн-бузуки.
9. Лазы.
10. Вооруженные жители Карса.

Весь арабистанскій корпусъ расположенъ вмѣстѣ на Шоррахскихъ высотахъ въ Тахмасъ-табин и ея окрестностяхъ, въ томъ числѣ и въ новой табин, устроенной уже послѣ 17/2 сентября. Онъ состоитъ изъ четырехъ полковъ въ неполномъ ихъ составѣ¹. Въ корпусѣ имѣется одинъ стрѣлковый батальионъ вооруженный штуцерами; прочіе батальионы, за малымъ исключеніемъ, вооружены пистонными ружьями. Одинъ изъ главныхъ начальниковъ Арабистанцевъ—Маджаръ Измаиль-паша (Кмет).

Анатоійскій пѣхотный корпусъ дѣлится на полки анатоійскаго пѣхотнаго низама (моазеба) и на полки анатоійскаго редиѳа. Редиѳъ сверхъ того дѣлится на редиѳъ зюльфи-авваль изъ солдатъ служащихъ второй срокъ, и на редиѳъ зюльфи-сане изъ солдатъ прослужившихъ уже два срока и призванныхъ на третью службу. Въ анатоійскомъ корпусѣ тоже есть одинъ стрѣлковый батальионъ, вооруженный штуцерами; изъ прочихъ же батальионовъ собственно низама иные имѣютъ

¹ Турецкій полкъ (олай) въ полномъ составѣ имѣетъ четыре батальиона (табуръ); каждый батальионъ состоитъ изъ 8 взводовъ (белюкъ). Командиръ полка называется миролай; старшій офицеръ, заступающій его мѣсто, каймаканъ.

пистонныя ружья, а другіе (почти на половину)—кремневья. Анатолийскій редиѣъ весь вооруженъ кремневыми ружьями.

Изъ Стамбульскаго гвардейскаго пѣхотнаго корпуса (дерссаадатъ) находится въ Карсѣ одинъ гвардейскій стрѣлковый батальионъ вооруженный штуцерами и одинъ полкъ стамбульскаго редиѣа, зюльфи-сане, съ пистонными ружьями.

По общему правилу, касающемуся всѣхъ стрѣлковыхъ батальионовъ въ Карсѣ, штуцера отъ убылыхъ людей не раздаются въ прочіе полки, а поступаютъ въ депо.

Остатки арабистанскаго и анатолийскаго кавалерійскихъ корпусовъ, не имѣя лошадей, несутъ пѣхотную службу. Солдаты (сувари) вооружены кремневыми пѣхотными ружьями, а частію своими драгунскими карабинами.

Баши-бузуковъ и Лазовъ остается въ Карсѣ не много, особенно Лазовъ. Вооружены они своимъ азіятскимъ оружіемъ, а Лазы частію и пѣхотными ружьями.

Вооруженныхъ жителей уже болѣе не выходитъ на службу; прежде занимали они въ небольшомъ числѣ внутренніе городскіе караулы

Всего было допрошено:

Арабистанскаго пѣхотнаго корпуса.	5 чел.
Арабистанскаго кавалерійскаго	2
Анатолийскаго пѣхотнаго	8
Стамбульскаго стрѣлков. батальиона.	3
Баши-бузуковъ.	1
Артиллеристъ.	1

Всего 20 чел.

Свѣдѣнія собранныя чрезъ перебѣжчиковъ о числительности и положеніи карской арміи, разумѣется, могли быть только весьма приближительны, а многія безъ сомнѣнія не вѣрны, какъ и оказалось потомъ на дѣлѣ при сдачѣ. Свѣдѣнія эти давали какъ бы рамку полнаго состава турецкаго гарнизона въ Карсѣ, и должны были постоянно пополняться новыми допросами, и такимъ образомъ въ теченіи нѣкотораго времени были бы собраны вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о силахъ, диспозиціи и вообще о положеніи турецкаго войска въ Карсѣ. 12-го ноября вслѣдствіе начала переговоровъ о сдачѣ Карса допросы выходцевъ были прекращены.

б) Свѣдѣнія касательно блокады и сдачи Карса, заимствованныя изъ показаній англійскихъ офицеровъ.

Продолженіе блокады отъ 27 мая (8 іюня) 1855 по 19го/28 ноября 1855, всего 173 дня.

8-го іюня продовольствія было для регулярныхъ войскъ на 90 дней.

Сила гарнизона 8-го іюля 1855 г.

Пѣхоты.	16.000
Кавалеріи	3.000
Артиллеріи.	1.100
Иррегулярн. войска.	3.000

Всего 23.100

Число полевыхъ орудій. 60

Гарнизонной артиллеріи. 63

- Всего 123

Потеря до штурма 17-го сентября.

Въ бою 150

Отъ болѣзней. . . 600

Всего 750

750

Потеря въ день штурма 17-го сентября.

Регулярныхъ войскъ. 1096

Иррегулярныхъ . . 300

Всего 1.396

1.396

Потеря отъ холеры. 1.500

— отъ разныхъ болѣзней (послѣ 17-го сентября). 580

Потеря отъ изнуренія и голода. 2.000

Вся кавалерія (за исключеніемъ 1 эскадрона) отпущена изъ крѣпости (изъ числа ея много убито и взято въ плѣнъ). 2.850

Лазовъ отпущено изъ крѣпости. 1.500

Сила гарнизона при выходѣ изъ Карса 16 ноября. . 12.000

Изъ того числа баши-бузуковъ, редиѳа и нестроевыхъ. . . . до 5.000

Военноплѣнныхъ . . . до 7.000

Въ послѣднее время блокады, жителямъ и баши-бузукамъ отпущался паекъ.

Свѣдѣнія эти были сообщены майоромъ-Тиздедемъ. По причинѣ распущеннаго управленія турецкой арміи трудно было имѣть точныя цифры. По отзыву его, вышеприведенныя свѣдѣнія, на сколько возможно, близки къ дѣйствительности.

ПРИЛОЖЕНІЕ (къ стр. 401).

Liste

Des personnes désignées par le général sir William Williams pour retourner, selon l'article 6 des conditions de la reddition de Kars, dans leurs foyers.

1 Ibrahim Bey, colonel d'artillerie.

2 La baron de Schwartzenberg, colonel.

3 Mahmood Effendi, major.

4 Veli Effendi, major.

5 Selim-Agha, major.

6 Koch, officier Prussien.

7 Le major Tashler.

8 Sobit-Effendi, instructeur.

9 Mussa Bey, major.

10 Ibrahim Agha, capitaine.

11 Mustapha, domestique hongrois.

Kars 26 novembre 1855.

ПРИЛОЖЕНИЕ (къ стр. 402).

Conditions de la reddition de la ville et de la forteresse de Kars proposées par le général Williams et acceptées par le général en chef de l'armée russe le général aide-de-camp Mouravieff.

Article 1. Reddition de la forteresse avec tout son matériel intact.

Art. 2. La garnison de Kars, se rendant prisonnière de guerre avec le général en chef de l'armée turque et toutes les autorités militaires, sortira de la place avec les honneurs de la guerre et déposera ses armes, drapeaux etc, dans un endroit convenu d'avance, d'où elle se rendra à la destination qui lui sera indiquée par le général en chef de l'armée russe.

En témoignage de la valeureuse resistance déployée par la garnison de Kars, les officiers de tout grade conservent leurs épées.

Art. 3. Les propriétés privées des membres de l'armée de tout grade seront respectées.

Art. 4. La milice (rediff, baschi-bousouk, Lases) après que leur nombre sera préalablement déterminé et sanctionné, reçoit l'autorisation de rentrer dans leurs foyers.

Art. 5. La même permission sera accordée aux non-combattants de l'armée, tels que écrivains, interprètes, infirmiers etc. après que leur nombre sera préalablement déterminé.

Art. 6. Au général Williams est réservé le droit de désigner à son choix dans une liste soumise d'avant à la sanction du général Mouravieff un certain nombre de personnes auxquelles sera accordée l'autorisation de retourner dans leurs foyers.

Art. 7. Toutes les personnes mentionnées dans les articles 4, 5 et 6 devront s'engager sur l'honneur à ne pas porter les armes contre Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, pendant toute la durée de la guerre actuelle.

Art. 8. Les habitants de la ville se livrent à la générosité du gouvernement russe, qui leur accordera sa protection.

Art. 9. Les monuments et les édifices de la ville appartenant au gouvernement seront respectés et conservés intacts.

Art. 10. Seront stipulés pas plus tard que demain, dans une convention spéciale, tous les détails de la dite reddition.

Suivent les signatures du général Williams et du colonel Kauffman chef de la chancellerie militaire du général en chef du Caucase.

Le 19es novembre 1855 au camp de Tchiptly-Kay.

ПРИЛОЖЕНИЕ (къ стр. 404).

Письмо ген. Вильямса къ ген.-ад. Муравьеву 14-го ноября.

Sir

I write these few lines to your Excellence to say, that I have worked from daylight to this moment, and to add that I have surmounted all difficulties and averted all danger from reaction among the army and

townspeople. I send Your Excellency a certification from the musher as to me delegated powers and I shall be with Your Excellency early to morrow.

Your faithful servant
W. F. Williams.

ПРИЛОЖЕНІЕ (къ стр. 404).

Письмо отъ мушира анатоійскаго корпуса Мамедъ-Васифъ-паша къ его высокопревосходительству главнокомандующему кавказскими войсками отъ 15-го рабіуль-аввеля 1272 года (14 ноября 1855 года).

Высокомѣстный, высокосановный, проницательный и благороднѣйшій генералъ Муравьевъ 1-й.

Находящійся въ здѣшней сторонѣ сановникъ высокой англійской державы превосходительный ферикъ Вильямсъ-паша уполномоченъ и назначенъ съ нашей стороны вести переговоры на счетъ оставленія Карса; во извѣщеніе вашего высокопревосходительства объ этомъ обстоятельстве писано отъ меня сіе письмо 15 рабіуль-аввеля 1272 г.

Приложена печать мушира Мамедъ-Васифъ-паша ¹.

ВЪ СТАТЬѢ ВОСПОМИНАНІЯ О КАРСѢ, ЗАМѢЧЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ ОПЕЧАТКИ.

Въ собственныхъ именахъ:

Стр. 346	ст. 3	снизу Салангуча.	Должно быть	<i>Салангуга.</i>
— 347	— 7	снизу Шарохъ.	— —	<i>Шоразъ.</i>
— 353, 381, 397, 399 и 428	—	вездѣ вмѣсто Чивтлакъ-Чай	— —	<i>Чивтликъ-Чай.</i>
— 368	ст. 3	снизу Содразама.	— —	<i>Содразама.</i>
— —	— 2	— Каймакана.	— —	<i>Каймакана.</i>
— 378	— 2	— Зариматъ.	— —	<i>Зариматъ.</i>

Въ словахъ нзмѣняющихъ смыслъ:

стр. 350	— 14	— въ вучу.	— —	<i>въ кручу.</i>
— 352	— 10	сверху изъ насъ.	— —	<i>изъ низъ.</i>
— 359	— 7	— въ отрядъ.	— —	<i>въ отрядъ.</i>
— 360	— 7	снизу саману карниза.	— —	<i>саману карнима.</i>
— 363	— 4	— пѣхотной.	— —	<i>позодной.</i>
— 373	— 6	сверху больницы.	— —	<i>бойницы.</i>
— 376	— 9	— иначе, не	— —	<i>имаче. Не</i>
— —	— 11	— сутки. Какъ	— —	<i>сутки, какъ</i>
— 405	— 2	снизу (Приложеніе 3, б)	— —	<i>(Приложеніе къ стр. 394, б)</i>
— 419	— 2	— глав—аго, упоко— ванные и т. д.	— —	<i>глав—аго. Знамена и значки были упокованы и т. д.</i>
— 366	— 5	— Фатъ-Али-Шахъ-Нас— редина.	— —	<i>(Фатъ-Али-шахъ) шаха Насредина.</i>

¹ Письмо это было писано по-турецки; оно было напечатано въ Русскомъ Инвалидѣ и въ другихъ журналахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРИДЦАТЬ ШЕСТАГО ТОМА.

НОВАБРЬ.

	Стр.
Последнее посольство английской королевы Елисаветы къ царю Ивану Васильевичу. Сэръ-Еремѣй Баусъ. <i>Ю. В. Толстат</i>	5
Василій Андреевичъ Тропининъ. <i>Н. А. Рамазанова</i>	50
Записки гарибальдійца. (Окончаніе.) <i>М.</i>	84
Судьба или характеръ? (Повѣсть.) <i>Ольга Н.</i>	125
Записки Гизо. Испанскія дѣла: министерство Моле и коалиція. <i>Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, par M. Guizot. Tome IV. 1861. К. К. Арсеньева.</i>	177
Естественная исторія человека. Единство рода человѣческаго. V.—Объ измѣняемости органическихъ существъ. VI.—Происхожденіе разновидностей и образованіе породъ въ существахъ органическихъ. Статья Катража	213
Чешская деревня. Село Гудлицы. <i>А. С. Троянскова.</i>	271
Истина. Восточное сказаніе. <i>Б. Н. Алмазова.</i>	297
На холмѣ (Изъ записокъ Черкеса.) <i>Каламбія.</i>	309
Плачь провинціала. <i>Ив. Весеньева.</i>	366

ДЕКАБРЬ.

Имущественныя и личныя права по указамъ Петра Великаго. <i>В. Н. Лешкова.</i>	393
Дюмурье въ Англіи и его планы во время войнъ 1112 и 1833 годовъ. <i>Н. П. Лыжина.</i>	416
Увертюра. Вступительныя главы будущаго романа. <i>К. П. Пащенко.</i>	469
Очерки Дальняго Запада. <i>Э. Р. Циммермана.</i>	518
Письма о крестьянахъ и земледѣліи во Франціи. XIII. Департаменты Вѣнны и Обѣихъ Севръ (прежняя провинція Пуату). <i>Евгенія Бонмера.</i>	530
Изъ науки семейнаго счастья. (Разказъ.) <i>Волонскаго.</i>	570
Художественная часть флорентинской выставки. <i>Л. М.</i>	628
Естественная исторія чловѣка. Единство рода чловѣческаго. VII и VIII. Теорія полигенистовъ. Статья Катрфажа. (<i>Окончаніе.</i>)	645
Воспоминанія о Коммерческомъ Учлищѣ. <i>С—ва.</i>	

ПРЕЛОЖЕНІА КЪ РУССКОМУ ВѢСТНИКУ.

Матеріалы для исторіи комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. (1767—1774.)

Дополнительныя приложенія къ статьѣ: *Воспоминанія о Карсѣ* (*Русск. Вѣстн. № 8.*)

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

НОЯБРЬ:

	<i>Стр.</i>
<i>Теоретическій и практическій трактатъ о политической экономіи. Соч. Курсель-Сенея, М. М. Вольскаго</i>	1
<i>Руководство къ ботаникѣ. Составлено и издано В. В. Григорьевымъ. С. П. Карельщикова.</i>	20
<i>Польско-русскій вопросъ. П. К. Щебальскаго.</i>	27
<i>Какой бываетъ вредъ отъ монополій?</i>	

ДЕКАБРЬ.

<i>Новыя русскія христоматіи: Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ, составлена О. И. Буслаевымъ. Москва 1861. II. Историческая христоматія новаго періода русской словесности, составлена А. Д. Галаховымъ. Томъ I. Ст. 184. Для чтенія и разказа, христоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка, составлена П. Е. Басистовымъ. Москва. 1862. Н. Н.</i>	65
<i>Отвѣтъ на рецензію г. Соловьева. П. К. Щебальскаго.</i>	63

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ КАТКОВА ■ К°.

въ Армянскомъ переулкѣ,

продаются слѣдующія книги:

ПОЛНЫЯ ТАБЛИЦЫ для опредѣленія количества оброка надъ числа барщинскихъ дней въ каждомъ мѣсѣнѣ, сообразно надѣлу крестьянъ землею, составленныя на основаніи Высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1861 года Положеній о крестьянахъ. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р. сер.

ПРАВИЛА для найма рабочихъ. Высочайше утвержденныя 31-го марта 1861 года. Ц. 25 коп.

РАЗЧЕТНАЯ КНИЖКА для рабочихъ, составл. на основаніи Высочайше утвержденныхъ Правилъ для найма рабочихъ. Ц. 5 коп.

РУКОВОДСТВО КЪ ОБЩЕЙ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ тканей человѣческаго тѣла. Д-ра А. Винтера. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

РУКОВОДСТВО КЪ ЧАСТНОЙ ПАТОЛОГИИ И ТЕРАПИИ, преимущественно съ эмбриологической и анатомо-патологической точки зрѣнія. Д-ра Феллиса Нимейера. Болѣзни мочевыхъ и половыхъ органовъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Выпускъ первый. Переводъ М. Боголюбова. М. 1861. Цѣна 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА Виленской губерніи на 1861 годъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 коп.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, для жандъ негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856. Ц. 70 к., съ пер. 1 руб.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Рулье. М. 1857 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

РАЗБОРЪ КОМЕДИИ ГРАФА СОЛЛОГУБА «ЧИНОВНИКЪ». Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

БИОГРАФЪ-ОРИЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ

Новыя Руссія Христоматіи:

- 1) *Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ* составлена Ф. И. Буслаевымъ. Москва. 1861.
- 2) *Историческая христоматія новаго періода русской словесности*, составлена А. Д. Галаховымъ. Томъ I. Спб. 1861.
- 3) *Для чтенія и разказа, христоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка*, составлена П. Е. Басистовымъ. Москва 1862. Н. Н.

Отвѣтъ на статью г. Соловьева. П. ЩЕБАЛЬСКАГО

Книжки РУССКАГО ВѢСТНИКА выходятъ ежемѣсячно; СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ еженедѣльно, по четвергамъ.

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1862 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и К^о. въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Преспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ.

Цѣна за *РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ* и *СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ* въ Москвѣ и Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ, съ пересылкой и доставкой на домъ СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ; за *РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ* отдѣльно—въ Москвѣ и Петербургѣ ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ, съ пересылкой и доставкой на домъ ДВѢНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Заграничные обращаются въ берлинскійп очтагтъ.

Печатать позволяется.

Января 31-го. Цензоръ А. Петровъ.

Цензоръ Н. Гилларовъ-Платоновъ.

FEB 28 1955

Digitized by Google

